

A black and white portrait of a man with a full beard and mustache, looking directly at the camera. The background is a plain, light-colored wall.

№2

Юлий
Рыбаков
Порогами
века

Историко-
биографические
заметки

Юлий
Рыбаков
Порогами
века
№2

Историко-
биографические
заметки

2024

Bibliografische Information der Deutschen Nationalbibliothek:

Die Deutsche Nationalbibliothek verzeichnet diese Publikation in der Deutschen Nationalbibliografie; detaillierte bibliografische Daten sind im Internet über <http://dnb.dnb.de> abrufbar.

ISIA Media Verlag, Leipzig 2024

Coverdesign: Oleg Jerofiejew

Layout: ORDEN COMPANY LTD, Praha

Alle Rechte vorbehalten

© Юлий Рыбаков, 2024

© ISIA Media Verlag, 2024

Printed in Germany

ISBN 978-3-68959-912-6

Тому, как в «лихие девяностые» реформаторы, преодолевая сопротивление, закладывали устои новой государственности, как шло отчуждение новой власти от общества, как искалеченное многовековой неволей российское общество, столкнувшись с рисками переходного периода, в двухтысячные попятилось назад и вручило свою судьбу тоталитарно-корпоративной власти, посвящена вторая часть моего рассказа.

Ю. Рыбаков

ПО КАНАТУ БЕЗ СТРАХОВКИ*

...

Независимые государства еще в процессе становления. *«Перестройка кончилась, начинается новостройка»*, – пишет Лев Карпинский в «Московских новостях». Работающего СНГ еще нет, есть только намерения как-то наладить сотрудничество, а пока каждому надо решать, теперь уже самостоятельно, свои проблемы.

В России на повестке дня остаются те же главные вопросы: без реформы цен невозможно установить разумное обращение денежных потоков. А без появления собственности не пробудить крупную предпринимательскую активность, не запустить процесс возрождения экономики. Теперь уже не нужно оглядываться на других, плавание будет автономным. Но на борту в команде те, кто получил депутатские мандаты за верность старому режиму, те, кто еще вчера пытался воткнуть нож в спину капитанам, – чего ждать от них?

В окружении Ельцина были люди считавшие, что нужны новые, свободные от партноменклатуры выборы в Учредительного собрание или парламент.

О том, что избрать новую власть и новые пути должно собрание настоящих народных представителей, Ельцину говорил союзный депутат, член Межрегиональной депутатской группы (МДГ), профессор Гавриил Попов. Но Ельцин считал, что после победы над ГКЧП он справится с левым большинством съезда. Тем более, что риск надолго завязнуть в избирательных процессах действительно был.

После провала путча вся страна ждала, что сделает российский президент, будут ли новые выборы, что будет с путчистами, и, главное, скоро ли мы заживем, «как на Западе»? Но идет неделя за неделей, месяц, другой, третий – ни новых выборов, ни суда над преступниками, ни изобилия. Пятый, внеочередной, съезд возобновил свою работу в октябре.

На трибуну съезда Ельцин выйдет после того, как обновленная группа экономистов выстроила новый план реформ. Это уже не Григорий Явлинский. Его программу «500 дней» (за это время он планировал перенастроить всю экономику) завалили союзные чиновники, и он ушел из правительства. Его программа была нацелена на общесоюзные реформы, развал Союза вывел его из игры, а с теми, кто готовил экономическую программу для России, дружбы не получилось. А обида осталась...

* В. Высоцкий.

Борис Ельцин поручил Геннадию Бурбулису подобрать кандидатуры для будущего правительства. С подачи своего советника, Анатолия Головкова, Бурбулис позвал Егора Тимуровича Гайдара. Теперь вместе с ним в интеллектуальном штабе реформ была команда из Питера, состоявшая из тех, чей кружок работал над реформами еще с 80-х годов. На подмосковной даче Совмина, где под руководством Е. Гайдара работала эта группа экономистов, журналист из газеты «Комсомольская правда» спрашивает у него, что ждет Россию и тот Союз независимых государств, который был создан в Беловежье. Гайдар, невзирая на то, что он был еще только советником президента, с иронией говорит:

– Самое прекрасное, самое замечательное, политически выгодное и безобидное сегодня – создавать Комитет по управлению народным хозяйством, писать договоры и соглашения. Никто не скажет, что они вредны, но они не заменяют дела... Договор никого ни к чему не обязывает, а спорных вопросов в специальных соглашениях – 17 пакетов. Противоречий куча, работа идет медленно. Потом в нее втянутся республиканские парламенты. А Россия ждет как у моря погоды, когда и чем закончится. А когда закончится, к тому времени у нас не будет политических ресурсов для болезненных экономических реформ. Кредит доверия народа иссякнет.

– А какие экстренные меры должны быть приняты?

– Цены не удержат, хотя высокая открытая инфляция неизбежна. Второе, налоговая база быстро разваливается, к концу декабря мы останемся без налога с оборота. Нужно реконструировать систему налогов, не ожидая согласования с другими республиками. Без проволочек и сантиментов надо навести порядок в кредитно-денежной политике. Немедленно реформировать систему лицензирования экспорта, ставшую лакомым куском для чиновников и гнездилищем коррупции. И пора кончать с идеологическими дебатами вокруг приватизации. Вот что надо было сделать еще месяц назад. Нам нельзя больше плыть по закону эскадры – по самому тихоходному кораблю. Нам придется принять меры для обеспечения некоторой автономии российской политики.

По словам Евгения Ясина, экономисты понимали, что реальное улучшение ситуации наступит не скоро, что переформатировать необъятную глыбу экономических и правовых отношений за короткий срок было нереально. Еще в начале 91-го года Ясина пригласили на беседу с Ельциным, тот спросил его о программе «500 дней» и других предложениях. Идеи И. Нита и П. Медведева президент считал несостоятельными, а программа Явлинского-Шаталина тогда казалась ему выполнимой. Но Ясин счел своим долгом предупредить Б. Ельцина. В его изложении это было так: «Вы говорите, что у вас есть какой-то путь провести реформы безболезненно. Так вот, вы должны знать, что такого пути нет».

Я почувствовал, что эти слова вызвали у него внутреннее сопротивление. Он был человек очень жесткий в такие минуты. Я понимал, что мало сказать

Ельцину, что все плохо и он ничего не может предложить, ему надо сказать что-то такое, чтобы он мог сам для себя увидеть выход. И тогда я сказал: «Вы, наверное, имеете в виду, что ваш путь, который ведет к цели, наименее болезненный». Он сказал: «Да-да».

Чуть позже на вопрос Ясина: «Что ты видишь дальше?», Гайдар ответил: *«Дорогой Евгений Григорьевич, то, что мы должны сделать, можно сделать либо при кровавой диктатуре, либо при наличии харизматического лидера, который может вести за собой широкие народные массы. Кровавая диктатура во время демократической революции у нас невозможна, слава Богу. Но у нас есть такой харизматический лидер. И он согласен осуществлять эту программу».*

Гайдар настаивает на том, что хотя бы на первое время необходимо оставить фиксированные цены на продукты и товары первой необходимости. Еще он предупреждает Б. Ельцина о том, что сроки стабилизации могут существенно отдалиться, и советует не объявлять заранее о разморозке цен. Но у президента есть другие советчики, и он спешит заручиться поддержкой депутатов сразу на всё, не конкретизируя.

С трибуны V съезда он говорит:

«Уважаемые народные депутаты! Граждане Российской Федерации!»

Я обращаюсь к вам в один из самых критических моментов российской истории. Именно сейчас определяется, какой будет Россия, да и страна в целом, в последующие годы и десятилетия, как будут жить нынешнее и другие поколения россиян.

...Два месяца мы живем практически в новой стране. Провал антиконституционного переворота оказался провалом для всей тоталитарной системы, основанной на диктате КПСС и господстве консервативного центра! Репрессивная система управления опустошила Советский Союз, разрушила его экономику и рассыпалась сама.

...Пришло время действовать решительно, жестко, без колебаний. Стартовая база известна всем. Положение напряженное. Трудно с продовольствием, товарами первой необходимости. На грани разрушения финансовая система. Инфляция достигла критической точки. 55 процентов семей живут ниже черты бедности.

...Обстановка не улучшается. Победа демократии и свободы не покончила с экономическим кризисом, не примирила народы. Жизнь в стране сегодня при параличе власти стала более дезорганизована.

Трудно с продовольствием, товарами первой необходимости. Все сложнее купить товары, на которые установлены жесткие цены. Не помогают нормирование, карточки и талоны. Те же самые талоны, попадая на черный рынок, стоят все дороже и дороже.

Только после распада Центра полностью раскрылась бездна, в которой

оказалась экономика, – промотанный золотой запас, исчерпанные валютные резервы, долги. В последнее время идет буквально рублевая интервенция в Россию, покупают товары, а взамен оставляют “деревянные” рубли. Тем самым увеличивая и без того огромный разрыв между денежной и товарной массой.

После поражения путча был большой соблазн сразу на горячую голову начать широким фронтом экономическую, финансовую и другие реформы. И скажу прямо – давление на нас было и со стороны демократических сил, и со стороны депутатов, и со стороны средств массовой информации. Но начинать серьезнейшие реформы в совершенно новой обстановке без подготовки было бы верхом безответственности... Чтобы не превратить реформы в авантюру, чтобы не провалить их, нужно было взять паузу. Внести значительные коррективы в нашу тактику, в характер и последовательность действий.

Было много встреч со специалистами. Были острые споры, глубокие размышления и сомнения. Теперь все это осталось позади.

Заявляю как Президент Российской Федерации, сегодня выработаны конкретные меры по осуществлению пакета реформ.

Период движения мелкими шагами завершен. Поле реформ разминировано. Нужен крупный реформистский прорыв.

У нас есть уникальная возможность за несколько месяцев стабилизировать экономическое положение и начать процесс оздоровления. Мы отстаивали политическую свободу. Теперь надо дать экономическую.

Должен сказать откровенно, сегодня, в условиях острейшего кризиса, провести реформы безболезненно не удастся. Наиболее трудным будет первый этап. Произойдет некоторое падение уровня жизни, но исчезнет наконец неопределенность, появится ясная перспектива. Реальные результаты получим уже к осени 1992 года. Если не используем реальный шанс переломить неблагоприятный ход событий, обречем себя на нищету, а государство с многовековой историей на крах.

Реформа пойдет по ряду направлений. Первое направление – экономическая стабилизация. В ее основе – жесткая денежно-финансовая и кредитная политика, налоговая реформа, укрепление рубля. Но самая болезненная мера – разовое размораживание цен в текущем году. Без нее разговоры о реформах, о рынке – пустая болтовня.

Второе – приватизация, создание здоровой смешанной экономики с мощным частным сектором.

Особое значение для России имеет придание большей динамики земельной реформе, создание принципиально новой ситуации в аграрном секторе уже к весне 1992 года. Подготовлены конкретные меры, реализация которых начнется уже в самое ближайшее время.

Среди них, как я уже сказал, наиболее тяжелая – это либерализация цен. Ни один чиновник не придумает справедливые цены, которые стали бы реальным измерителем труда.

Опыт мировой цивилизации говорит, что решить эту проблему может только рынок.

Либерализация цен у нас идет, но стихийно. Это порождает много противоречий, несообразностей и лазейку для коррупции и взяток.

Выход из этого противостояния находили в так называемых договорных, кооперативных ценах и так далее. Но это вновь породило массу злоупотреблений, преступлений, от которых страдает сегодня почти каждый гражданин России.

Такой подход дезорганизует производство, вызывает огромные потери важнейших товаров массового спроса.

Свободные цены должны быть инструментом роста производства, что поставит предел росту цен.

Я призываю всех граждан России понять разовый переход к рыночным ценам. Это тяжелая, вынужденная, но необходимая мера. Таким путем прошли многие государства.

Хуже будет всем примерно полгода. Затем наступят снижение цен, наполнение потребительского рынка товарами, а к осени 1992 года, как обещал перед выборами, стабилизация экономики, постепенное улучшение жизни людей...

Наконец, либерализация цен будет сопровождаться мерами по социальной защите населения. Сейчас идет подготовка Указов о реформировании пенсионной системы частного социального страхования.

Наши возможности таковы, что мы будем помогать прежде всего наиболее нуждающимся социальным группам. Поэтому сейчас рассчитывается прожиточный минимум, исходя из реального темпа инфляции с поправкой на региональные условия.

Будут включены механизмы прямого доступа социально незащищенных групп населения к потребительскому рынку. Имею в виду прежде всего переход от денежной к натуральной помощи: бесплатный обед, продовольственный купон, доступ к дешевым товарам.

Новая задача нашей социальной политики – создание адресной системы социальной помощи наиболее уязвимым слоям населения и детям.

Требование профсоюзов “Рыночным ценам – рыночную зарплату!” считая справедливым с добавлением: “Рыночной зарплате – рыночную производительность”.

За месяц до либерализации цен имеется в виду увеличить заработную плату учителям и врачам, поднять уровень минимальной зарплаты, пенсии, стипендии».

1 ноября V съезд народных депутатов РФ проголосовал: **«Одобрить основные принципы экономической реформы, изложенные в обращении президента РСФСР»**. Из тысячи с лишним депутатов (члены КПСС – 920) против лишь 18. Увлеченные энергией харизматического лидера депутаты приняли на себя ответственность за свободу торговли, рост цен и приватизацию. Но такое единение было последним, в дальнейшем левое большинство охотно забудет о том, что это оно санкционировало реформы.

Питер бока повытер

В провинциальной культурной столице относительно тихо. Город в упадке, раздолбанные дороги, обшарпанные дома, очереди у магазинов, бездомные на улицах, дожди, туман и снежная каша под ногами.

Наши заводы простаивают, наши женщины мечутся по городу в поисках еды, растет уличная преступность, растут задержки по выплате зарплат и пенсий.

За полгода число определенно опасующихся потери работы выросло с 9 до 16%.

За год безработица выросла в 6 раз, причем 60% безработных – женщины. Но, по данным Госкомстата, число уволенных с предприятий города не многим больше числа принятых на работу.

По данным Санкт-Петербургского социологического, научно-исследовательского центра (СНИЦ), 47% петербуржцев намерены «проявлять собственную инициативу по улучшению своего благосостояния» и 37% намерены «с пониманием, выдержкой переносить нынешние жизненные тяготы». Их все меньше интересует политика, они заняты выживанием.

Всю свою жизнь советский обыватель вертел головой в поисках дефицита и полезных знакомств, делал запасы, считал копейки перед получкой и кормил семью при пустых магазинах.

Наступили новые времена. Но оказалось, что и при полных прилавках жить совсем непросто. В особенности, если в кошельке пусто. При этом большинство людей все же выкручивается даже в этих условиях.

Если зарплаты нет, то есть старая поговорка: «Тащи с работы каждый гвоздь, ты здесь хозяин, а не гость!» Глядя на то, как начальство распродает цеха, не грех и самому прихватить все, что плохо лежит.

Появились новые словечки: «шустрить», «наварить», «приподняться». Уже не надо на своей дачке прятать от злобного соседа теплицу с помидорами, торгуй – не хочу! Можно просто махнуть рукой на стаж и пойти в отхожий промысел – умелые руки нужны везде. А хочешь, иди к оптовикам, покупай или бери в долг ходовой товар, да ищи покупателя с выгодой для себя.

Весь Питер в лотках и ларьках. Мизерный оборот уличной торговли не смущает людей, сама возможность проявить инициативу спасает от депрессии.

И все же «ностальгию по застою» испытывает лишь треть горожан, и трудно догадаться, что большинство из них – пенсионеры. Город еще остается стойким оплотом демократических перемен.

По данным социолога В. Гельмана, уличные опросы, проведенные в марте,

показали, что «лишь 16% петербуржцев считали, что введение свободных цен препятствует выходу России из кризиса, 23% высказывались за недоверие правительству (–), 30% – выражали ему поддержку (+). Однако при этом 55% не полагали вероятной для себя потерю работы, и явно угрозу безработицы чувствовали лишь 9%. 37% отмечали отсутствие у них каких-либо запасов продуктов, трехмесячные запасы имели лишь 12%; надежду на улучшение собственного материального положения выражали 13% против 57%; улучшения ситуации в целом по стране ожидали 17% против 50%. В то же время 38% заявляли о готовности к поиску дополнительного заработка, а 16% уже подрабатывали на стороне. Интересно, что ответственность за собственное материальное положение брали на себя 27% (в январе – 20%) против 50% тех, кто перекладывал ответственность за свою судьбу на власть.

По данным телефонного опроса СНИЦ, 65% опрошенных выступали против отставки российского правительства, в то же время 50% считали, что руководство России не имеет сейчас возможностей для проведения эффективной политики. Симптоматично, что по вопросу о том, стоит ли на период реформ вручить Ельцину всю власть в России, мнение разошлось примерно пополам («за» – 38%, «против» – 43%).

Из Питера в большую политику десантировалось полсотни людей, а два десятка из них заняли важные посты в парламенте и правительстве. Там решается судьба отечества, им не до нас. Городское правительство и депутаты Петросовета едва справляются с разрухой, нехваткой средств и продовольствия. Работа отягощена постоянной конфронтацией депутатов с Анатолием Собчаком и его командой. Борьба между республиканским парламентом и правительством находит свое отражение и здесь. Она не носит такого же ожесточенного характера только потому, что у городских депутатов нет тех средств и той свободы в их распределении, которая есть у республиканских. К тому же в нашем маленьком парламенте соперники зорко следят друг за другом. А мэр и заслуженный юрист все время выходит за рамки закона. Его можно понять: старые законы не отвечают реальным обстоятельствам, новые не обеспечены подзаконными актами и регламентом, а жизнь города требует срочных решений. Всем этим пользуется его окружение. Мэра одолевали просители, среди них немало жулья, его ближайшее окружение тоже оставляет желать лучшего...

Однажды мне самому понадобилась встреча с мэром, в тот день он находился в Мариинском дворце, и я зашел в его приемную. Там уже было немало людей, и я, найдя свободное кресло, стал ждать, наблюдая за суетой. Вдруг открылась дверь кабинета и на пороге все увидели А. Собчака. Грозно осмотрев всех, он раздраженно и громко сказал: «Это что здесь за толпа? Почему тут столько людей, я никого не принимаю!» Повернувшись к секретарям и помощникам, которые, подобострастно склонившись, ждали указаний, барин приказал: «Освободите приемную!»

Всех просителей как будто вымело, а начальник аппарата подошел ко мне и смущенно сказал: «Юлий Андреевич, вы видите, он сегодня не в духе, может быть, в другой раз?»

Питер – город жутких коммунальных квартир, их у нас больше, чем в любом городе страны. Ветераны войны, блокадники, жертвы политических репрессий ждут хоть плохоньких, но отдельных квартир десятилетиями и уходят в могилу, не дождавшись. Но, как и при коммунистах, для начальства и лиц, приближенных к особе, ограничений нет: достаточно росчерка пера мэра, и добрый знакомый, нужный для дела человек, меняет хорошее жилье на лучшее, а лучшее на роскошное.

Тогда вступается горсовет и отменяет распоряжения мэра.

Это не всегда помогало. Так, судьи, назначение которых было уже вне контроля депутатов, по вопросу о квартирах для начальника юридического отдела, для руководителя аппарата мэрии, для начальницы питерского ТВ Б. Курковой встали на сторону мэрии. Городу не хватает продовольствия. Прибалтика рядом, там цены отпустили раньше нас, и торговля ринулась туда получать прибыль... Письма и телеграммы, которые Собчак шлет в столицу, не помогают. Пришлось вводить продовольственные карточки на молоко, мясо, колбасу, водку и крупы. Это не решало проблемы, и тогда М. Салье предложила мэру идею бартерного обмена имевшихся в городе сырьевых запасов на продовольствие. Ее как будто не услышали, но спустя пару месяцев она случайно узнала, что городу уже выделены квоты на продажу леса, металлов и других товаров для бартера в обмен на продукты.

В интервью журналистам она позже рассказывала: *«Какие квоты? Где квоты? Официально никто ничего не знает. Я написала запрос Собчаку и получила ответ, правда, нескоро. Была создана рабочая группа для расследования этой ситуации... Дело было так: договоры были заключены бог знает с какими фирмами. Фирмы были совершенно явно подставные, однодневки. Лицензии на вывоз сырья выдавались нашим питерским Комитетом по внешнеэкономическим связям, то есть его руководителем Путиным. Подписывал их либо он сам (редко), либо его заместитель Аникин. Они не имели права выдавать эти лицензии. И товары с этими лицензиями уходили за рубеж. А продовольствие не поступало. И не поступило.*

– На какую сумму было продано сырья?

– *Это зависит от цен на сырье. В целом по этим контрактам речь шла о миллионах, о десятках миллионов долларов прибыли. Этим делом занимался не только Путин, но и Собчак».*

Городской Совет затребовал из мэрии документы и объяснения. И тут, после долгих проволочек и отказов в информации, выяснилось, что ранее мэр в слезном письме Гайдару писал, что в городе нечего есть, что в глазах народа падает престиж власти, а ей не позволено обменивать на хлеб имевшуюся нефть. Он по-

просил разрешения на бартер сырья, стали, редких металлов на продовольствие. Гайдар переслал письмо П. Авену, а тот в порядке исключения дал согласие (потом автограф министра подвергался сомнению, но вскоре П. Авен просто делает В. Путина представителем своего министерства в нашем городе).

Те жители города, те коллективы предприятий, о которых пекся мэр, знать не знали об этом бартере. Передачу неликвидов и запасов втихаря осуществляли их «красные директора», а бартером занимались посредники. Если «авторитет» власти и падал, то в первую очередь в глазах тех проходимцев, которые наживались на ошибках и преступлениях исполнительной власти.

Как писал об этом журналист В. Иванидзе: *«Ничто не мешало Путину обратиться к спецэкспортерам (крупным государственным внешнеторговым компаниям с открытой экспортной лицензией, счетом в госбанке и лицензией на крупные валютные операции). У них была вся необходимая информация: о ценах на международном рынке, о надежных партнерах и о многом другом. Для спецэкспортеров не надо было объявлять тендер, а их бухгалтерия вполне поддавалась проверке. Кроме того, у спецэкспортеров была генеральная лицензия, и им не нужно было искать пути для ее получения, так же как получения валютной лицензии Госбанка. Если бы Путин обратился к уполномоченному МВЭС, то все могло бы быть по закону».*

Объективности ради стоит сказать, что, если бы мэрия обратилась к спецэкспортерам, то, скорее всего, полученное за счет питерских ресурсов продовольствие разошлось бы по разным получателям, а Питер получил бы только его малую часть.

Так, городу уже выделялись на экспорт 100 тыс. тонн дизельного топлива для закупки продуктов питания за рубежом. Контролировать это должен был городской комитет экономического развития. Там решили поручить реализацию нефтепродуктов объединению «Киришнефтеоргсинтез», но его уже прибрали к рукам акционеры, среди которых недавний рэкетиер и будущий «ночной губернатор» Кумарин. Они присвоили выделенные ресурсы, город и область не получили ни копейки.

В истории с Комитетом внешних связей результат был схож. Установить, получил ли город в обмен на ценные запасы хоть что-то, по словам М. Салье, не удалось. Лишь в двух случаях договоры предусматривали получение продовольствия городскими торговыми трестами, во всех остальных – получателем числился путинский комитет по внешним связям. Что дальше происходило с продуктами (если они и были) неизвестно. Руководитель комитета полной информации не давал, ссылаясь на коммерческую тайну (!) Известно лишь, что согласно договорам с фирмами-посредниками, их навар доходил до 50% от суммы сделки.

М. Салье: *«Когда наша рабочая группа закончила свою работу, был составлен огромный отчет. Он был вынесен на заседание президиума... Как вы по-*

нимаєте, історія з ліцензіями, з продовольством, з десятками мільйонів долларів, які тоді заробити люди, к цьому причастні (я не знаю, хто були ці люди, які цим займалися), дуже кріпко зв'язала Собчака і Путіна. Це видно по всім документам».

В марі 1992 року 147 міських і 6 республіканських депутатів звернулися к президенту з аргументованим пропозицією звільнити А. Собчака з обіймаємої посади. Наші юристи склали перелік його самих одіозних постановлень і представили свої висновки о тому, які закони вони порушують: о власності, о місному самоуправлінні, Гражданський кодекс, кодекс РСФСР об адміністративних правопорушеннях, закони ССРСР о кооперації, о підприємствах і підприємницькій діяльності і т.д. Ще там було сказано, що мэр *«упорно добивається виведення виконавчої влади із-під контролю представительної»*. Це звернення народний депутат РФ і голова Комісії по продовольству міськсовета Марина Сальє віддала в руки Борису Єльцину.

Результата не последовало. А скоро мэр зробив В. Путіна своїм першим заступником і в час своїх відлучек залишав своєму першому заму чисті бланки з своєю підписом.

Много пізніше на запитання журналістів о тому кримінальному «бартері» А. Собчак, не утруждаючи себе доказами, говорив, що місто не отримало продовольства із-за... М. Сальє! А ще з задоволенням повторяв: люди, які тоді йому перешкодили, «сьогодні – ніхто». Да і останній міський Совет, по його словам, «оказався мало результативним: все час уходило на бесконечные дискуссии по любому поводу. Любимой темой в Ленсовете тех днів було обговорення процедурних питань. І думати не потрібно, і поговорити можна. Давно замечено, що дилетантизм і посередственистість багатослівні: говорити їм хочеться, а сказати нічого – багатство слів замінює відсутність думки».

Все це о Совете, де із 381 депутата вище освіта мали 273 людина (серед них 85 кандидатів наук, 22 доктора, а 72 мали по декілька вузовських дипломів). Я був одним із двох існуючих там «робітників», а загальний інтелектуальний рівень нашого Совету був набагато вище російського і на порядок вище союзного.

Но что же на самом деле было сделано депутатским корпусом последнего городского Совета?

О первой в истории России государственной Комиссии по правам человека, о том, что наш Совет был вторым по значимости в дни сопротивления путчу, я уже писал.

В других регионах большинство советов не выходило за рамки городских проблем и ожидало указаний сверху, а наш горсовет еще в феврале 1991 года, не дожидаясь никаких указаний, первым в стране ввел и утвердил минимальную потребительскую корзину, исходя из которой наш территориальный фонд стал рассчитывать и выплачивать людям компенсацию за удорожание жизни.

Мы повысили стоимость проезда в городском и пригородном транспорте, что позволило ввести пособие для инвалидов и сделать бесплатным проезд для всех пенсионеров.

Утвержден был и внебюджетный валютный фонд, средства которого предполагалось хранить во Внешэкономбанке СССР.

Впервые в стране было принято положение о главе городской администрации, вводившее в систему управления городом принцип разделения властей.

Горсовет утвердил «Порядок распоряжения нежилым фондом», что серьезно ограничило произвол мэрии в распоряжении объектами недвижимости.

Мы утвердили Фонд народного образования, по моему настоянию был сохранен Фонд творческих мастерских и список социально значимых объектов, которые не подлежали приватизации. Более 2,5 тысяч объектов спорта, культуры, здравоохранения, а с ними аптеки, бани, рынки, городской транспорт, водоканал и ЛенТЭК оставались государственной собственностью до тех пор, пока городской Совет не был ликвидирован (с нашим уходом город лишился многих социально необходимых объектов).

Еще, после долгих споров, мы едва ли не первыми в стране прекратили произвольную раздачу госсобственности чиновниками, утвердив положение о переходе на конкурсные методы аренды земли и нежилого фонда.

Далеко не все наши действия приводили к результату. Так, осенью 92-го года стало известно, что главой питерского управления МБР назначен Виктор Черкесов, который, будучи главой следственного отдела Управления КГБ Ленинградской области (УКГБ ЛО) в застойные годы, вел дела по обвинениям диссидентов и правозащитников. Я объяснил коллегам, что на совести у этого гражданина немало покалеченных судеб людей, искренне желавших добра своему Отечеству. Депутаты возмутились и вызвали Черкесова на ковер, где он, защищаясь, твердил о том, что был всего лишь добросовестным исполнителем закона. Все, кто сталкивался с КГБ, знали, что это не так, карающие органы не утруждали себя доказательствами «вреда» или «клеветы», в которой обвиняли свои жертвы, чем нарушали даже свои людоедские законы. После бурного обсуждения большинством голосов (177 – «за», 43 – «против», 11 – «воздержались») было принято обращение к президенту Российской Федерации со следующей констатирующей частью:

«Сессия выражает свою озабоченность назначением на этот ответственный пост Черкесова В. В., участвовавшего в качестве следователя в уголовных делах по статьям 70, 190, а фактически – в политических процессах против инакомыслящих в 80-е годы в Ленинграде.

Сессия просит Вас отменить назначение Черкесова В. В. и указать руководству Министерства безопасности Российской Федерации на целесообразность согласования подобных назначений с Советом народных депутатов».

Но оказалось, что после путча эта кандидатура в числе других уже рассматривалась спецкомиссией и там член Верховного совета РСФСР, председатель Комитета по правам человека, Сергей Ковалев, в прошлом политзек, согласился с тем, что нарушение закона должно быть доказано судом, а если этого нет, то чекисты могут остаться в этих органах. (Следуя этой логике, можно было бы допустить к работе в спецслужбах даже инквизиторов Торквемады, они ведь тоже следовали своим, утвержденным верховной властью, полномочиям. И о них, и о Нюрнбергском процессе позже мы спорили с Сергеем Адамовичем, который считал, что, хоть нацисты и заслужили свои приговоры, с формальной точки зрения обвинения в их адрес были бы безупречны только при нарушении исполнителями своих собственных, нацистских законов. Увы, вопрос о том, где кончается педантизм и где начинается абсурд, не решаем.) А наш протест не возымел действия, охотник за диссидентами не только остался в должности, но, сделав карьеру в Москве, немало способствовал построению «вертикали власти» ...

Была ли копеечка?

Планы освобождения цен обсуждались еще в правительствах Рыжкова и Павлова. Е. Гайдар, приступая к работе, планировал поэтапную, растянутую на год либерализацию. Убедившись в том, что времени для поэтапного освобождения цен уже нет, опираясь на решение депутатов и поддержку президента, он согласился на одномоментный отказ от ценовой регуляции. При этом он настоял на том, что еще на один год сохранятся стабильные государственные цены на хлеб, молоко, сахар, водку, бензин, квартплату, лекарства, транспорт и детское питание, оставив регионам возможность регуляции цен и на другие товары. Увы, вскоре обнаружилось: все, на что остались фиксированные цены, пропало с прилавков, через пару месяцев пришлось отпустить и эти цены. Но подскочившие цены означали, что покупательная стоимость рубля падает. Скопленные денежные знаки обесценились. Тут же раздались крики о том, что народ ограблен.

Но было ли ограбление?

Советская Конституция гласила:

«В исключительной собственности государства находятся: земля, ее недра, воды, леса. Государству принадлежат основные средства производства в промышленности, строительстве и сельском хозяйстве, средства транспорта и связи, банки, имущество организованных государством торговых, коммунальных и иных предприятий, основной городской жилищный фонд, а также другое имущество, необходимое для осуществления задач государства».

И чтобы сущность государственного капитализма не была столь явной, было продекларировано:

«Государственная собственность – общее достояние всего советского народа, основная форма социалистической собственности».

Закону вторила пропаганда: «Здесь все вокруг советское, здесь все вокруг мое!»

Но по той же Конституции, в частной собственности могли находиться лишь предметы личного потребления, подсобного домашнего хозяйства и трудовые сбережения. Жилой, теплый деревенский дом мог быть собственностью только сельского жителя, а городской человек для такой «роскоши» должен был иметь особые заслуги. Рядовой горожанин мог стать его собственником, лишь отказавшись от государственной квартиры, где он был только приживалом. При этом, регистрируясь в селе, он лишался права работать и жить в городе, даже у родственников.

Летний домик в садоводстве или построенная на свои кровные денежки кооперативная квартира не были в полной мере своими: если «владелец» хотел их продать, то приоритетное право покупки было у кооператива.

Сбережения? Так советская власть всегда делала с ними все, что захочет. Советские денежные реформы 1922, 1947, 1961 годов уже не раз превращали «кровные сбережения» в макулатуру...

Когда глава Совета министров СССР Н. Рыжков поднял оптовые цены, а премьер-министр СССР В. Павлов в 3 раза повысил цены на хлеб и обязал всех к невыгодному обмену купюр, это было уже четвертой денежной реформой, которая обесценила рубль.

К 1990 году «денежный навес» (ничем не обеспеченные бумажные рубли) составляет 87% от имеющихся на руках и хранящихся в сберкассах сбережений. Это означает, что если бы однажды все граждане Союза, взяв все свои сбережения, пошли тогда по магазинам, то из каждого рубля они смогли бы истратить только по 13 копеек. На остальные купить было бы нечего!

Для «ограбления» нужно по меньшей мере три субъекта – владелец собственности, сама собственность и разбогатевший грабитель. Владелец вроде есть – это народ, но чем он владеет? Ведь его «сбережения» – это отпечатанные на фабрике «Гознак» фантики.

А где разбогатевший грабитель? Кто стал богаче? Члены нового правительства, торговцы, производители? Но их сбережения постигла та же участь. Государство? Его полупустые закрома остались теми же, а если что и появилось, так только надежда на установление баланса между спросом и предложением.

Если бы вопрос об «ограблении» рассматривался в нелицеприятном суде, ему пришлось бы отказать обвинителю и закрыть дело с формулировкой «за отсутствием события преступления».

– Но потери были?

– Да.

– Так что же мы потеряли?

– Самое дорогое, что было – те иллюзии, с которыми так трудно расставаться. Ведь это они мирили людей с их убогим существованием.

В новых условиях люди выживали как могли. Это было совсем непросто и зачастую унижительно. И, конечно, они хотели понять, что же случилось?

Если за воров гонятся, то он, чтобы сбить с толку встречающих прохожих, сам начинает кричать: держи вора!

Промотавшимся хозяевам Союза было нетрудно убедить несведущих людей в том, что их ограбили не когда-то, а только что. О том, что их деньги давно истрачены, они не знают, а циферки в сберегательной книжке советского крепостного, вот они – есть! Вот о них-то «радетели трудового народа» и заголосили.

Однажды, сидя ночью в зале ожидания на вокзале ст. Бологое, я был свидетелем такой сцены. В дальнем углу на скамейке спал парень. Под утро, когда все

тоже дремали, мимо него, чуть над ним задержавшись, прошел какой-то тип. А человек, сидевший неподалеку, вдруг встрепенулся и, растолкав парня, сказал: посмотри-ка, у тебя все в порядке? Ничего не пропало? Похмельный парень спросонья хлопнул себя по опустевшему карману и, недолго думая, заехал в ухо. Кому? Тому, кто его разбудил...

Нечто подобное произошло и с теми, кто имел смелость открыть народу глаза. В датской сказке были одеты все, кроме голого короля, в советской сказке все получилось наоборот. Андерсен умалчивает о том, что стало с мальчиком, который простодушно объявил о королевской наготы. Но мы знаем, что стало с Гайдаром, которому пришлось предъявить народу его реальную нищету: его-то и объявили виновником всех бед.

Остановить раздербан!

Непоследовательные, непродуманные меры союзного руководства привели к тому, что задолго до прихода Гайдара и Чубайса в стране полным ходом шло хищническое растаскивание всего, что плохо лежит.

Еще в 1987 году союзный закон о предприятии дал коллективу работников и выбранному им руководству право полного хозяйственного ведения, то есть право продавать, передавать, обменивать, сдавать в аренду и просто списывать с баланса все, что ему принадлежит. Далее в развитие этого закона было установлено, что в аренду могут передаваться как природные объекты, так и все виды государственного имущества, оборотных средств, других материальных ценностей и финансовых ресурсов (здания, сооружения, оборудование и транспортные средства).

При этом тот же закон сделал директоров независимыми от министерств. По сути, действуя от имени предприятия, директора получили полномочия собственника. Директора продавали продукцию предприятия принадлежавшим им же кооперативам по заниженной цене, а те по рыночной, оставляя полученную прибыль на своих счетах. При этом, если у головного предприятия возникали убытки, они относились на государство.

Кроме производственных коллективов право сдачи в аренду получили исполнительные комитеты Советов народных депутатов и местное руководство КПСС.

Целью было повышение эффективности производств, а главной «изюминкой» – возможность выкупа объекта, на котором работает арендатор. Для этого нужно было выплатить арендную плату за весь договорный срок. Начальственный люд быстро смекнул и сговорился с теми чиновниками, от которых зависели сроки и стоимость аренды. В сфере услуг работают кооперативы, за три года их число возросло в 17 раз. Но это не те, кто продавал женину шубу и занимал деньги у друзей, чтобы начать что-то с нуля. Таких было мало. Директора хлебопекарен, домовых кухонь, парикмахерских, ремонтных мастерских, магазинов, столовых и кафе уже давно прибирают к рукам вверенные им объекты. Предельно занизив и сократив условия аренды, директора булочных и столовых уже выкупили их от имени своего коллектива. Остается лишь избавиться от маленького коллектива и нанять новых работников. В 1990-м таких частных предприятий было уже 245 тысяч, но это еще немного, впереди большой, не освоенный хапугами задел, и если все останется так, то страна лишится значительной части своей материальной базы, ничего не получив взамен. А главное – люди, которые там работали, не получают ничего!

В доме на Петроградской стороне, где я живу, была булочная. Поскольку в кооперативе работали несколько инвалидов, а за это полагались арендные и налоговые льготы, там были низкие цены. Так продолжалось год или два. Но как только созданный работниками кооператив выкупил помещение, директриса вынудила своих работников дешево продать ей свои паи. Булочная, в которую раньше ходили все бедняки, стала косметическим салоном для богатых. Что стало с инвалидами, можно догадаться...

Еще нет никаких ваучеров, а номенклатурная «прихватизация» уже идет полным ходом и в крупной промышленности. Причем директорам даже не нужно было платить взятки городским чиновникам, ведь они были заместителями, а по сути хозяевами этой собственности. Эти представители среднего советского класса уже давно ощущали себя такими промышленными «баронами». Да, государство могло их поправить и даже наказать переводом на другое кормление, но вверенные им вотчины они ощущали своими. Был момент, когда их полномочия закачалось. В том же 1987 году, идя навстречу идеям самоуправления, союзное правительство узаконило выборы директоров трудовым коллективом. Этот внешне весьма либеральный шаг копировал югославскую модель социализма. Но попытки стихийной смены директоров внесли лишь дополнительный хаос в работу промышленности. Неудобные партийным органам лидеры не утверждались, а популярность избранных зачастую не совпадала с квалификацией и наличием опыта. Ведь одним из главных ресурсов советского управленца было наличие связей. Новичкам, чужакам в той среде было непросто, и в конечном счете выборная затея провалилась.

Когда у административно-хозяйственной номенклатуры появилась возможность укрепить свое положение, она охотно этим воспользовалась. Манипулируя сознанием своих подчиненных, оценив по дешевке приглянувшуюся материальную базу, установив низкую арендную плату, они прямо или через посредников становились арендаторами собственных станков, цехов, а то и фабрик.

К 1990 году на основе «полного хозяйственного ведения» действовало подавляющее большинство промышленных предприятий в СССР. А к осени 1991 года число занятых в таких производствах составило более 7,5 миллиона человек, само же число «арендованных» предприятий превысило 20 тысяч. Судя по отчетности, все они исправно платили налоги и аренду. Правда, в условиях нарастающей инфляции арендная плата стремилась к нулю.

На «Светлане», одном из крупнейших производственных объединений Питера, работал наш старый знакомый, мастер на все руки и талантливый инженер. Директор предложил ему на паях с родственниками этого начальника взять в аренду цех, которым тот руководил, и начать там помимо основной работы еще и выпуск каких-то хитрых дефицитных замков. После оформления аренды он за спиной у Юрия Илларионовича выкупил и тут же продал помещение со всем оборудованием. А получив деньги, сел в самолет и вместе с семьей улетел в Ав-

стралию. Новому хозяину изготовление высокоточных приборов и даже замков было не нужно, он стал штамповать хозяйственные крышки. А специалисты, которые там работали, оказались на улице.

Директорам активно помогали партийные функционеры и председатели исполкомов.

Позже Горбачев дал «князьям» и «баронам» возможность акционировать все остальное вверенное им имущество. Так, глава сельского строительного комплекса РСФСР Виктор Видьманов по прямому указанию генсека преобразовал это государственное ведомство в корпорацию «Росагропромстрой», а потом акционировал ее. На протяжении 10 с лишним лет люди, которые работали у него (а это около 700 тысяч человек), будут, сами того не зная, спонсировать КПРФ. (При этом сам Видьманов будет выступать с такими радикально-большевистскими идеями, что даже Зюганову придется от них дистанцироваться.)

В августе 1990 года союзное правительство Н. Рыжкова приняло закон о малом предпринимательстве. Благие намерения дилетантов от экономики опять сыграли на руку номенклатуре. Закон предоставил директорам материнских предприятий еще одну форму трансформации собственности и перекачки бюджетных денег в наличные.

Чиновная элита не знала, что будет дальше, а потому не церемонилась: цеха, автоколонны, станки и мастерские стали передаваться и продаваться в розницу. Судьба растащенных таким образом производственных комплексов их не волновала.

Подобные истории множились по всей стране, но формально союзный закон не нарушался, а если и нарушался, то контролировать это было некому.

На момент прихода в российское правительство Егора Гайдара «прихватизация» продолжалась уже два года, и народ в ней не участвовал. И никакая конкуренция за обладание собственностью ни владельцам лавочек, ни номенклатуре была не нужна...

Одним из наиболее ярких примеров была история с акционированием крупнейшего научно-производственного объединения «Энергия», о которой позднее писал А. Чубайс:

«Берется имущество такого госпредприятия и вносится во вновь создаваемое акционерное общество. А другую долю в этом акционерном обществе может составлять интеллектуальная собственность некоего товарища Петрова. Или денежный взнос товарища Петрова в размере одной тысячи рублей. Поскольку технология оценки долей никак не прописана юридически, ничто не мешает тому, чтобы имущество НПО „Энергия“ было оценено так же, как интеллектуальный взнос товарища Петрова. При этом имущество НПО оценивается по остаточной стоимости на дату последней переоценки. А последняя переоценка была год назад, и за это время номинальная стоимость производственного объединения в результате инфляции выросла в 25 раз...»

Став главой Госкомимущества, А. Чубайс пытался опротестовать эту сделку, но было поздно. Созданное из «Энергии» АО уже было внесено в другое, а потом:

«Через два-три оборота появляется такая хитрая категория, как “добросовестные приобретатели”, которые, широко открыв глаза, уверяют вас: “Да, может быть, на первой стадии приватизация и была незаконной, но я-то тут при чем? Я пришел потом, объединил искомое вами НПО со своей живопырккой, и это уже совсем другое предприятие”.

Абсолютно непробиваемая схема. Абсолютно неограниченных размеров хищения. Акционерное общество “КОЛО”, так называлось все это безобразие. В это “КОЛО” были внесены цеха, производственные мощности крупнейшего космического комплекса России. А вместе с ними, например, интеллектуальный вклад товарища Кравченко, телевизионного начальника, бывшего руководителя Первого канала. И не его одного. Много там было уважаемых людей в акционерах и в совете директоров».

У нас в Питере депутатами была создана Комиссия по проведению депутатского расследования финансовых операций руководства Балтийского морского пароходства (БМП). Выяснилось, что заключенные им договоры с фирмой «Балтик-Монтана» (которую возглавлял сам начальник БМП В. Харченко) на субаренду Морского вокзала и магазина «Альбатрос» по суммам арендной платы были заведомо занижены. (Попутно Депутатская Комиссия обнаружила забавный факт: среди участников круиза по Балтике на теплоходе БМП «Анна Каренина» нашелся мэр Санкт-Петербурга А. Собчак, который был оформлен там как радист (!!!), а также он и еще какие-то чиновники (или их жены) были вписаны не только в судовую роль, но и в ведомость на получение каких-то копеечных командировочных в валюте.)

Еще когда жульничество с имуществом БМП готовилось, я получил жалобу от председателя недавно созданного там независимого профсоюза, точнее обращение поступило от рабочих, поскольку молодой профсоюзник, поплатившись за свою принципиальность, лежал дома с разбитой головой. Мы ездили в пароходство на общее собрание коллектива, которому, чтобы получить от него согласие на сдачу лакомых объектов в аренду (с правом преимущественного выкупа), заморочили голову обещаниями. Депутат Д. Запольский пытался объяснить рабочим, что им ничего не достанется, но простые работяги свистом согнали его с трибуны. Естественно, наши опасения оправдались.

В октябре Б. Ельцин в своей речи на съезде сказал:

«Мы недопустимо долго обсуждали, необходима ли частная собственность. Тем временем партийно-государственная элита активно занималась личной приватизацией. Их размах, предприимчивость и лицемерие поразительны».

Пока Егор Гайдар предпринимал отчаянные шаги, чтобы остановить надви-

гающийся голод, Комитет по вопросам экономической реформы и собственности и Госкомимущество (его возглавил Анатолий Чубайс) искали способ остановить бесконтрольное и неэффективное растаскивание народной собственности.

Лауреат Нобелевской премии по экономике Фридрих Хайек еще в начале XX века писал:

«Наше поколение напрочь забыло простую истину, что частная собственность является главной гарантией свободы, причем не только для тех, кто владеет этой собственностью, но и для тех, кто ею не владеет. Лишь потому, что контроль над средствами производства распределен между многими не связанными между собой собственниками, никто не имеет над ними безраздельной власти, и мы как индивиды можем принимать решения и действовать самостоятельно».

Все верно, конкуренция – одно из важнейших условий свободы и прогресса, но кому и как передать оставшиеся 200 тысяч промышленных предприятий и еще сотни тысяч других, находившихся на балансе российского правительства объектов? Даром или за деньги? На аукционах? А если по фиксированной цене, то кто ее установит?

В России 16 республик, 5 автономных областей (которые еще М. Горбачев уравнивал в правах с республиками) и 147 миллионов самых разных людей – среди них есть те, кто будет любой ценой рваться к богатству и власти; есть безумцы, мечтающие о реставрации коммунистической диктатуры или об «особом» пути; наконец, есть нищий и разучившийся работать на себя дремучий народ, который хочет изобилия и еще всеобщего равенства.

А полагаться можно только на себя. Надежды на то, что в переходный период Запад окажет России поддержку, аналогичную той, что по «плану Маршалла» получила послевоенная Германия (по сегодняшнему курсу это 13 миллиардов, тогда еще тяжеловесных) долларов, при численности населения в три раза меньше нашего, не оправдывались...

Проблемы разгосударствления предприятий вставали и перед капиталистическими странами. Причины были в той же неэффективности, коррупции и воровстве.

Послевоенная реформа директивной экономики в Германии и Японии шла под жестким контролем стран коалиции. В Чили после провалившегося социалистического эксперимента либеральные реформы провели без оглядки на общественное мнение, в условиях жесткой военной диктатуры.

В Югославии и Польше плановая экономика существовала не столь долго, в обществе сохранился дух предпринимательства и уважения к частной собственности, но и там реформаторы не избежали ошибок. Попытка Польши приватизировать промышленность через продажу предприятий инвесторам результата не дала, покупателей оказалось меньше, чем хотелось.

В 1980-1990-х годах правительство Англии рассталось с четырьмя десятками

крупных госкомпаний. Но там было кому продавать, а устоявшиеся экономические отношения, отработанное на практике законодательство и уважение к закону позволили определить реальную цену (с учетом санации, спроса и прочее). Так, кабинет Маргарет Тэтчер выручил от продажи только трех крупнейших госкомпаний 17 миллиардов фунтов стерлингов. Эти деньги пополнили казну, а несколько миллионов англичан стали акционерами проданных фирм, причем большинство из них стали успешны.

Параллельно с Россией та же задача разгосударствления решалась и в восточной части объединенной Германии, но там была возможность полноценного выкупа предприятий их бывшими или новыми состоятельными владельцами. При этом от них были получены гарантии создания 1,5 миллиона рабочих мест и выделения инвестиций на сумму 210 миллиардов марок.

В постсоветской России приватизацию ограничивало не только отсутствие легальных частных капиталов, но и архаичное, стойкое неприятие неравенства и богатства. Если искать его корни, они – в традициях старого крестьянского «мира», которые позже трансформировались в равенство рабов распределительной системы.

Теперь, когда пойдет дележка, каждый участник (работник, администрация, местная власть) захочет извлечь выгоду для себя. Получить не меньше других, а желательно больше. И будет негодовать, когда обнаружит, что кто-то оказался ловчей. Как снять напряжение, как совместить интересы разных сторон и, главное, как сделать процессы освоения продуктивными? Ведь приватизация не самоцель, это лишь инструмент для решения главной цели – запустить двигатели производства, торговли, финансов.

Теоретически были возможны три варианта общенародной приватизации.

1-й вариант. Всем гражданам бесплатно по «кусочку» от всей общенародной собственности.

Все смеются, все довольны! Правда, недолго, потому что непонятно, что это за кусочек и что с ним делать? Если напечатать и раздать деньги – это инфляция. Если натурой, то что ты будешь делать с доставшимся тебе колесом от паровоза, куском линии электропередачи под Курском и парой сибирских сосен в придачу? Превратить полученную собственность в акции? Но как? Для этого необходимо провести сложную процедуру акционирования всего и вся. Кто этим займется, кто определит цену таких акций? На это понадобятся годы, если не десятилетия. А госсобственность будет и дальше задарма переходить в руки тех, кто к ней ближе, в руки старых советских управленцев и чиновников.

2-й вариант. Все работники и управленцы каждого предприятия становятся его коллективными собственниками.

Небольшой опыт у нас был. Около сотни организованных при Горбачеве «народных» предприятий через советы коллективов уже решали все производственные дела и вопросы распределения прибыли на своих собраниях.

Только как быть с определением доли тех, кто, проработав там всю жизнь, недавно ушел на пенсию? Или, наоборот, пришел только вчера?

Раздать акции? Какие – голосующие или только с правом на дивиденды?

К тому же известно, за рубежом (например, в Югославии), где эту форму уже практикуют, советы коллективов часто меняют своих директоров, если те не тратят всю прибыль на зарплату. В результате предприятие не выдерживает конкуренции с частными владельцами, которые, экономя на зарплате, обновляют свою технологическую базу (сегодня от горбачевских «народных» предприятий остались единицы, остальные разорились).

Опять же, если каждый получит долю только от того предприятия, где он работает, возникнет неравенство, совладельцы золотого прииска будут богатеть, а какие дивиденды станут получать учителя и работники библиотек? А что будут приватизировать чиновники и милиционеры, врачи, ученые?

3-й вариант. Продать все предприятия и всю недвижимость покупателям на аукционе!

В этом случае есть шансы на то, что покупатель не будет зря транжирить, он знает, что делает, и эффективно воспользуется покупкой. При этом казна пополнится остро необходимыми реальными деньгами. Но продажу иностранцам депутаты категорически отвергали, а наличие отечественных (добросовестных и рачительных) покупателей вызывало сомнения. На малые предприятия они еще, может быть, найдутся, а кому продать крупные?

Их приватизация, если мы хотим получить деньги, адекватные реальной стоимости, возможна только при наличии развитого фондового рынка, значительных свободных капиталов, квалифицированных менеджеров и аудиторов. Кто назовет реальную цену земли, на которой стоит завод? Пока не сложится рынок земли, это невозможно, цену придется брать «с потолка», и потом найдутся те, кто скажет: «Вы продешевили». А народ ревниво спросит: «Где наша доля?»

В Чехии решились на чековую, безналичную приватизацию, и там вроде стало получаться.

Тогда Комитет по вопросам экономической реформы и собственности Верховного Совета РСФСР решил двигаться в том же направлении. Были разработаны законопроекты «О приватизации» и «Об именных приватизационных счетах». Каждому совершеннолетнему гражданину России в Сбербанке планировалось открыть специальный счет, на который зачисляется энная сумма, которую получатель смог бы использовать только на покупку акций приватизируемых предприятий. На эти счета люди могли бы положить еще и свои личные средства, и средства юридических лиц. Все граждане получали право инициировать приватизацию любого предприятия.

Закон приняли еще в июле 1991 года. И сразу же выяснилось: Сбербанк не в состоянии оперативно открыть 140 миллионов личных счетов, требовалось двойное увеличение штатов банка и обучение этого персонала работе с имен-

ными безналичными счетами, на все это понадобилось бы более полугода. А главное, Е. Гайдар и А. Чубайс понимали, что, пойдя по этому пути, экономика надолго завязнет в неэффективных отношениях. Они были уверены в том, что промышленность заработает только при полноправном собственнике. Его появление неизбежно в любом случае, но у страны нет времени на затягивание этого процесса.

Член Верховного совета РСФСР, руководитель Аналитического Центра в администрации президента, Петр Филиппов позже вспоминал:

«...Мы проявили себя идеалистами-мечтателями, которые хотели построить “народный капитализм” и буквально заставить любого пьяницу стать акционером какого-нибудь предприятия. Поэтому мы в законе заблокировали на ряд лет передачу гражданами прав по именным счетам друг другу, наложили мораторий на оборот приобретенных акций. Полагали, что прежде чем выявится реальная цена акций и люди поймут, какая ценность у них в руках, надо чтобы сначала рынок как-то стабилизировался. Но не понимали как.

Это была большая ошибка. <...> Обязательно должен быть владелец контрольного пакета, ведь дом без хозяина – сирота, а предприятие – тем более. Такова реальность, а мы исходили из каких-то “социал-демократических” фантазий. По сути, проведя этот закон через Верховный Совет, мы сами заблокировали процесс формирования частной собственности в России».

Вскоре, столкнувшись с противодействием реакционного большинства депутатов, авторы проекта именных чеков поняли, что «окно возможностей может захлопнуться в любой момент и россиянам опять придется жить в условиях затратной плановой дефицитной экономики, без конкуренции и стимулов к развитию, в нищете и бедности».

Изменить же этот закон мог только сам Верховный Совет. Но облегчать возможность быстрой аккумуляции собственности в руках «теневых дельцов, криминала и кооператоров» левое большинство депутатов не собиралось, там превалировала идея сохранения «справедливой» уравниловки. Среди сторонников этой идеи было немало лоббистов, которые обслуживали директорский корпус, под шумок о равенстве лихорадочно дербанивший все, что мог. Они понимали, что в конце концов те именные счета, которые когда-нибудь все равно превратятся в акции, неизбежно начнут аккумулироваться, но не только в их руках. Куда проще было «тянуть резину» с именными счетами, на которые надо было положить неизвестно откуда взятые условные «деньги», на это ушел бы не один год. А потом и приватизировать было бы нечего, все уже обрело бы своих хозяев.

Гайдаровцы пришли в правительство в ноябре. Они считали, что надо дать возможность стать собственниками тем, кто уже доказал свою деловую хватку, а кроме того, привлечь иностранных инвесторов (как это было сделано, например, в Венгрии). Шансов на то, что в таком случае промышленность вскоре заработа-

ет, было бы больше. Однако было понятно, что среди депутатов это вызовет бурю возмущения «вопиющей несправедливостью – общенародную госсобственность получают заграничные буржуи, спекулянты, теневики и прочие жулики!» К тому же дело уже было сделано: не продуманный до конца, не обеспеченный материальной базой закон об именных чеках уже принят и не работает.

Отменять его, чтобы искать другие варианты, депутаты не собирались.

Вспоминает участник разработки приватизационной программы Максим Бойко:

«Масштабы бесконтрольного воровства росли и ширились, и власть, со- знавая, что надо вмешаться, не понимала, как это сделать. Было понят- но, что грабежу попустительствовать нельзя. Но, с другой стороны, было совершенно ясно, что остановить этот разгул административным путем тоже невозможно: силы-то уже не те.

Однако мы прекрасно отдавали себе отчет, в какой системе координат оказалась страна, понимали, что только законная, хорошо организованная приватизация может остановить приватизацию спонтанную и воровскую. Однако для того чтобы директора, вкусившие уже плодов стихийной прива- тизации, приняли этот вариант, нужно было идти на существенные уступ- ки им. <...> Иными словами, директора надо было превратить в акционера.

<...> Это был единственно возможный в той ситуации политический компромисс, на который мы шли совершенно сознательно и преднамерен- но. Ведь с начала 1992 года фактически главным был политический вопрос: позволит ли “директорский корпус” продвигаться гайдаровским реформам? <...> Было ясно, что провести приватизацию, а по большому счету и всю реформу, наперекор их воле невозможно».

Становясь привилегированными акционерами (руководство получало допол- нительные акции), директора получали шанс остаться у руля, и теперь их судьба, как и судьба предприятий, зависела от их способностей.

С подачи реформаторов президент воспользовался своим правом издавать указы, которые получали силу закона, если в течение двух недель депутаты их не отменяли. Когда Верховный Совет ушел на летние каникулы, президент издал Указ о безвозмездной выдаче безымянных ваучеров вместо именных счетов. Это было компромиссом между приватизацией «для всех» и разделом собственности среди работников предприятий. Оппозиционно настроенные члены Верховного Совета на своем ближайшем заседании устроили скандал, они обвиняли прези- дента и правительство в том, что те, нарушив ранее принятый закон и открыв дорогу безымянным ваучерам, хотят передать собственность узкому кругу лиц. Депутат Челноков, зная, что заседание транслируется на всю страну, эффектно кинул в А. Чубайса пачку ваучеров (то, что основу пачки составляла нарезанная бумага, телезрители не узнали). Несмотря на скандал, депутаты, которые лоб- бировали интересы директорского корпуса, все же не решились отменить уже начавшийся процесс.

Из информационного бюллетеня «Ваш приватизационный чек»:

«Приватизационный чек получает каждый гражданин России – от младенца до глубокого старца. На свой приватизационный чек Вы можете купить акции или имущество какого-либо предприятия, инвестиционного фонда, в вашей власти продать приватизационный чек за наличные деньги. <...> Если самостоятельный выбор акции кажется Вам слишком рискованным, обращайтесь к посредникам – специализированным инвестиционным фондам».

Верховный Совет еще продолжал протестовать, но на сторону либералов встали трудовые коллективы. Дело в том, что правительство предложило на выбор три варианта льгот для работников приватизируемых предприятий, и люди увидели реальную выгоду. Наибольшее распространение получил второй вариант, по которому всем членам трудового коллектива предоставлялось право обмена своих ваучеров на обыкновенные акции суммарно до 51% величины уставного капитала. К тому же 10% средств, вырученных от продажи акций сторонним покупателям, зачислялось на личные лицевые счета приватизации его работников. Примерно 30% всей собственности было бесплатно роздано рабочим коллективам в виде акций. Предполагалось, что все это обеспечит сохранение контрольного пакета акций у трудового коллектива с постепенным перераспределением и укрупнением чьей-то доли. Укрупнение пошло быстро...

Заместитель главы Госкомимущества Альфред Кох много позже утверждал:

«Я специально делал анализ и могу сказать, что... акции, которые были бесплатно розданы работникам по льготам трудовым коллективам, фактически и есть реализация той идеи именных приватизационных вкладов, когда люди могли получить бесплатные акции на этот вклад. Так вот, скорость перехода акций, полученных по льготам трудовым коллективам, то есть записанных на конкретных граждан России, в руки предпринимателей, которые собирали большие пакеты акций в своих руках, она почти не отличалась от скорости, с которой ваучер перешел в руки этих самых предпринимателей. То есть в любом случае, от перемены мест слагаемых сумма не меняется. Либо ты сначала получаешь ваучер, потом его продаешь и получаешь кэш, либо сначала получаешь акции, потом их продаешь и получаешь кэш. В любом случае скорость избавления от ваучеров и акций была одинаковая, и в этом смысле именной приватизационный вклад ничем бы не помог и никак бы не заморозил скорость перехода акций из одних рук в другие».

Акционирование началось, но работники предприятий нуждались в информации, которая помогла бы им сделать правильный выбор того или иного способа приватизации. В большинстве регионов страны этим никто не занимался. А в Питере подготовку к приватизации еще в 1990 году с подачи Петра Филиппова начали разрабатывать его помощники А. Шведов и Г. Томчин. Они стали проводить ознакомительные лекции для всех желающих. А после 1991 года,

когда движение «Демократическая Россия» получило здание на Измайловском проспекте, на их семинарах речь пошла уже о конкретных механизмах, там любопытствующих уже сменили бухгалтеры, члены трудовых советов и руководители предприятий. Далее Шведов возглавил методическое управление в Комитете по управлению городским имуществом (КУГИ), а Томчин стал начальником отдела приватизации на Агропромбирже, которая среди других занималась организацией конкурсов по продаже предприятий.

В 1993 году он сменил Альфреда Коха (тот подписал к тому времени немало спорных решений и по совету А. Чубайса отправился в Чили). В самый разгар приватизации Григорий Томчин стал зампреда КУГИ.

Беседа с человеком, непосредственно работавшим на этом фронте, интересна:

«У нас были долгие споры у Чубайса, до ночи, делать директорскую приватизацию или не делать? Я, Кох, Южанов были за то, что делать именно директорскую. Мы говорили, что инсайдер придет все равно к директору, которому ведь мы не просто отдавали – он должен был выиграть конкурс с любой другой командой. Дмитрий Васильев и Петр Мостовой были против директорского варианта, за то, чтобы участвовало как можно больше народу со своими ваучерами, чтобы к руководству и владению пришли новые люди. Мы говорили, что новые люди, придя на наши старые предприятия, будут очень долго разбираться, что им делать с этим. Мы говорили, что у нас нет тех высоких профессионалов, которые пришли, например, из Западной Германии в восточный сектор и быстро со всем разобрались. Иностранцам нечего было делать с нашим ржавым, допотопным железом.

Стороннему покупателю мы продавали быкота в мешке, а вот если умному директору или главному инженеру (тому, что поумнее), то такой хозяин уже знает, что получит и что с этим делать.

Причем почти все работающие предприятия города уже имели при себе два-три кооператива и зарабатывали деньги. А те, кто заработал деньги, уже могли скупать ваучеры, акции, претендовать на контрольный пакет...

В комитете при подготовке аукционов мы проверяли каждого директора, каждого заявителя. Когда он приходил и подавал заявку, целый отдел сидел и этим занимался.

– Что проверялось?

– Имущество. Какое оно, имущество? Принадлежит ли оно предприятию, есть ли реальные планы по развитию, есть ли средства для их реализации? Мы сделали реальную конкуренцию внутри, у нас же было три варианта приватизации, каждое предприятие выбирало свой вариант.

– А что криминал?

– Так настоящий криминал в приватизацию промышленности не поверил и не пришел. Меня тогда приглашали выступать в разные сообщества, даже “воров” и еще кого-то, я тогда был знаком со всеми. Вот Костя Могила (тот

самый, начинавший с фарцы и рэкета, а спустя несколько лет один из ведущих питерских мафиози) на мой вопрос ответил так: “Это государство все равно все отберет. Чего мы будем ломаться?”

Поэтому первая промышленная приватизация, в отличие от залоговых аукционов, не была криминальной, она была больше цеховой. Но в прямом, производственном смысле, потому что теневые “цеховики” типа М. Мирилашвили тоже не поверили в приватизацию промышленности. Собственные магазины и вообще сфера обслуживания оказались им ближе, это мне Миша сам говорил. Сторонних покупателей было очень мало – либо директор, либо главный инженер, какая команда сильнее...

Пример нормальной приватизации – “Полиграфмаш”, очень серьезное предприятие. Там года за три до всех этих дел директор выгнал своего главного инженера, Соловейчик такой, но он не пропал, а организовал свое маленькое производство, делал ларьки, автобусные остановки. А когда на “Полиграфе” началось собрание, он пришел, сказал: “У меня не группа, я один, но я могу привлечь столько-то денег, при этом рабочие места останутся и заказы будут”. Он предложил коллективу идти по так называемому третьему варианту (это мы называли тогда *Management buy-out*, то есть когда на собрании коллектива выходит человек и говорит: “У меня или у моей команды такая-то программа, мы будем делать то-то и то-то, если вы мне доверяете, я получаю 20% ваших акций по номиналу, вкладываюсь в производство, и, когда у нас все получается, мы выпускаем еще акции и я получаю еще 30%, всего у меня будет 50% и у коллектива столько же”.

(На самом деле это не мешает ему потом скупить на рынке или у трудового коллектива еще сколько-то акций и получить контрольный пакет. Это мы специально так сделали, чтобы получить полноценного хозяина.)

А бывшего инженера с “Полиграфа” с того собрания сначала погнали: “Вот еще, пришел какой-то!”

Но после бурных трехдневных дебатов, когда ничего так и не решили, его позвали, еще раз послушали! Но тогда он поставил условие: отдать ему еще 31% акций, но только в управление. Коллектив согласился, и Соловейчик за несколько лет поднял предприятие, а сейчас уже его сын – директор и совладелец! Сегодня у них новые цеха, а в старых теперь торговля, бизнес-центр – предприятие пережило все трудности и успешно работает.

Были и другие случаи.

На Петроградской стороне был заводик, там директор изъяс из своей библиотеки все книжки по приватизации, а мы тогда выпустили тиражом 800 тысяч книжку “Как купить свое предприятие”, а писали ее Шведов, Юра Таль, я и еще двое – брошюра такая: как и куда вложить ваучер, как собрание провести. И вот этот директор первым делом изъяс все наши книжки

и начал по цеховому радио рассказывать работникам сам. Причем рассказывать так, как самому ему это хотелось.

На мой вопрос: ведь они могут взять брошюру где угодно, хоть в ларьке рядом, он отвечал:

– Не возьмут, не станут заморачиваться после работы.

– А если придут демократы, начнут объяснять, что можно и по-другому?

– А демократам не поверят. Они ведь в курилке будут толковать, а я по радио!

(И этот прохиндей тоже стал полным владельцем.)

Конечно, были у нас и ошибки. А самая главная – то, что при любой модели, любом варианте приватизации предприятия не получали в составе имущества землю. Мы сами уже тогда знали, что это плохо, даже указ Ельцина выпустили, что предприятия смогут потом чуть ли не за рубль получить землю, на которой стоят. Но мы ее не дали, не смогли.

– К чему это привело?

– Смотри, при Советах предприятия не выпускают товар, они выпускают продукцию. То есть не то, что востребовано рынком, а то, что имеет только условную цену. И в условиях наступившего рынка эту “продукцию” (а другой нет) трудно продать. Заводу нужны деньги под сырье, под модернизацию, но взять их негде, банку под большой заем нужен надежный залог. А заложить нечего, ржавые цеха и старые станки не годятся. Земля же – единственная надежная, реальная ценность. Если бы у заводчан-акционеров была собственная земля, они могли бы взять деньги под землю. И поднимать свои предприятия. А так – ну, вот был кооператив – что-то они выпускали, заработали – купили фабрику, деньги все потратили. И что теперь? Просить деньги у бандитов, которые завтра всё и отожмут? Или приморозить свою покупку, вернуться в кооператив и заработать там деньги на модернизацию? Это потерянное время, потому предприятия и начали останавливаться.

– А большие деньги у банков уже были?

– Были, шла торговля, люди же жили, шел оборот. Так что деньги в банках были. А потом к нам пришел бы иностранный капитал. Но поскольку мы по всей стране не дали землю под предприятия, был экономический провал.

– Что помешало?

– Не смогли продать в Верховном Совете, он был категорически против.

– Ну да, как же, помню: “Земля-матушка, она для всех, она, родимая, не продается!” Правда, сдавать “родную матушку” в аренду почему-то было можно.

– Да и потом, уже в первой Думе, мы хотя бы вдогонку хотели это сделать. Ты вспомни, мы тогда с Валентином Татарчуком написали проект

закона “О земле под промышленными предприятиями”, нам тогда не хватило шести голосов. В “Яблоке” были против, дескать, вы все не так делаете, надо по процедуре.

Какой процедуре? Все уже приватизировано, у каждого завода есть зафиксированная на планах территория, ее надо было просто отдать! Мы тогда так и написали: тем, у кого 75% акций уже находится в частной собственности, землю надо просто отдать. Но Явлинский, Иваненко не дали... И аграрии тоже, я пошел к ним, у них тогда во фракции кроме Лапина был еще его заместитель Чернышев, латифундист такой, я ему говорю: “Поддержите, ведь это вам выгодно, все обрабатывающие предприятия получают землю!” Так знаешь, что он мне ответил? Я запомнил навсегда: “Да, выгодно. Но если мы разрешим продавать землю, то Аграрная партия окажется без дела, ее больше не будет. А мне еще надо кой-чего доделать”.

Вот такие вещи тоже были.

– Но почему после продажи земли партии не будет? Могла бы и быть – партия аграрных собственников.

– Да, только ему была нужна та “партия”, которая под посевную кампанию выторговывает из бюджета “бабки”, а потом их разворовывает.

Еще была одна ошибка команды. Мы с Кохом пытались ее в Питере обойти, но было очень большое сопротивление ВПК, не директоров, а “генералов” ВПК, тех, кто уже по министерствам сидел. Мы тогда предлагали одним махом разрешить приватизацию всего военно-промышленного комплекса. И запустить ее, потому что без этого нас съедят. Потому что, если ВПК останется государственным, при малейшем выходе частного сектора на хороший уровень генералы нас подавят и съедят. Что отчасти и произошло потом.

Мы с Кохом пытались тогда повернуть это в Питере. Было тогда такое Положение, что объекты федерального уровня приватизировались с разрешения Москвы, надо было посылать туда заявку и ждать разрешения. Но если отказа не было в течение месяца, считалось, что разрешение получено. И мы подали заявку, да не на отдельное предприятие, а на весь комплекс ВПК, который был в городе. Не прошло – заблокировали, Чубайс не рискнул. Он тогда разрешал ради дела иногда немного выходить за рамки, но только не в Питере. Нам он не разрешал нарушать процедуру ни на грамм, ни на запятую. Не знаю, может быть, он и был прав тогда с этим ВПК.

– Но ведь для такого выкупа нужны были очень большие деньги?

– У директоров они были, оборудование-то у ВПК было лучшее и кооперативы посильней, у них тогда “слюнки текли” на это дело.

Еще одна ошибка – “Газпром”. Позже, в гайдаровском правительстве, был министр нефтегазовой промышленности В. Лопухин. Нефтянка уже была раздроблена приватизацией, и это сразу дало результат, владельцы стали

вкладываться в технологии, добыча повысилась. Но раздробить “Газпром”, как нефтянку, Вяхирев, Черномырдин не дал. И Лопухин подготовил специальный указ о приватизации этой отрасли, где было две части. В первой – порядок приватизации, во второй – обязательства “Газпрома”. Эти обязательства должны были войти в устав и сделали бы эту компанию подобной тем большим компаниям на Западе, которые соблюдают закон и нормально сотрудничают с обществом и государством. Но пришел Черномырдин Виктор Степанович, Лопухина послали подальше, первую часть указа по продаже выполнили, а вторую похерили.

– А что происходило с той частью акций, которые оставались за коллективом?

– Народ свои акции продал. И что так будет, мы знали. Это нормально. Тут есть один постулат: владеть собственностью могут только 20% людей, тех, кто ее не просрет... Это говорят все социологи. Управлять же собственностью, то есть быть ее приумножителем, могут только 6%. Но общество не знало, кто эти двадцать, кто эти шесть. Они должны были сами проявиться. Поэтому конечная идея ваучера была: кто сможет, тот вылезет. Остальным лучше быть наемниками.

Если бы мы избежали ошибок, о которых я сказал, если бы Налоговый кодекс был принят вовремя, тогда приватизация дала бы мощный толчок экономике. Ведь всего за четыре года по стране было приватизировано 124 тысячи предприятий (из них 25 тысяч федеральных), то есть около 60% производственных предприятий, которые имели реальное имущество и потенциальную возможность внести свою долю в национальный доход и налоговую базу. Причем ошибок, нарушений законной процедуры, скандалов по этому поводу мы потом насчитали лишь около 500, то есть меньше 1%».

Помимо тех ошибок, которые назвал Григорий Томчин, была и другая тяжкая ошибка. Правительство, разрешив деятельность чековых инвестиционных фондов (ЧИФов), не обязало их выкупать ваучеры только на аукционах и только за деньги. В этом случае цены на них при конкуренции среди покупателей вполне могли дорасти до цены если не двух (как неосторожно брякнул А. Чубайс), то одного автомобиля.

Отношения между продавцами ваучеров и скупщиками приобрели частный, неконтролируемый характер. Правительству начала 1990-х, занятому тяжелой, изнурительной борьбой с инфляцией, саботажем и стагнацией, было не до этого. А когда там спохватились, оказалось, что юридических инструментов борьбы с жуликами нет! Устроители пирамид, тот же Мавроди, например, обезопасили себя тем, что на определенном этапе отказались от «купли-продажи» своих «билетов», заменив притворным «дарением». Каналов, по которым можно было бы предупредить людей об опасности, тоже не было.

Альфред Кох: *«Борис Николаевич Ельцин на протяжении всего срока своего*

правления тщательно отгораживал молодых реформаторов от попыток влияния на телевидение. На телевидение могли влиять кто угодно: олигархи, менты, работники администрации президента. Кто угодно, только не молодые реформаторы. Только не министр финансов, только не министр экономики, только не министр приватизации (собственности, госимущества). <...> СМИ целенаправленно занимались дискредитацией экономического курса, с самого начала, с момента, как Полторанин его возглавил... Мы попытались взбунтоваться, но при попустительстве Ельцина, при его молчаливом согласии они нас размазали».

Об острой необходимости пропаганды и просто ликбеза команде молодых реформаторов говорили многие. Но, как ни странно, препятствием действительно стал президент.

Е. Гайдар: «...Я пришел к Борису Николаевичу с тем, что действительно, наверное, надо создать какую-то службу, которая будет заниматься пропагандой и объяснением того, что мы делаем. Знаете, что мне сказал Борис Николаевич? Он мне сказал: “Егор Тимурович, вы хотите воссоздать отдел пропаганды ЦК КПСС? Вот пока я президент, этого не будет”».

Руководитель пресс-службы ГКИ А. Евстафьев: «Мы не могли прийти на телевидение и сказать: “Дайте нам завтра час эфира, потому что нам надо рассказать про приватизационные чеки”. Или потребовать полосу в газете под “пропаганду приватизации”. Конечно, выручали добрые отношения со многими талантливыми журналистами, которые симпатизировали идее реформ и умели писать и снимать на тему приватизации так, как это требовалось их изданиям и телекомпаниям. И все-таки большую часть материалов в газетах и особенно на телевидении нам приходилось оплачивать на правах рекламы.

Это были огромные деньги. И у нас не было таких средств, чтобы проплатить по рекламным расценкам всю приватизационную кампанию. Признаться, мы очень рассчитывали на поддержку государственного телевидения. Казалось бы, пропаганда государственной идеологии по государственному телевидению – какие могут быть проблемы? Но проблемы были, и еще какие!

“Останкино”, тогда еще полностью государственное, помогать нам не хотело вообще. <...> Самое печальное в этой ситуации: государство было не в состоянии заставить свое собственное телевидение блюсти государственные интересы. Разве что многочисленные звонки Чубайса сдвигали порой дело с мертвой точки. Нам отпускали какие-нибудь полчаса, но потом стена опять становилась непробиваемой».

Но и А. Чубайсу было непросто: «На “пирамиду” очень сложно “наехать” публично, покуда она вконец не разорилась. Ну, знаю я, что у компании сложнейшее финансовое положение. Но у нее вкладчиков полмиллиона. И любое заявление о пошатнувшемся положении такой компании – это

ускоренное и неминуемое разорение этих вкладчиков. Это мощнейшее социальное напряжение.

Стоило мне сделать подобного рода заявление, начинался сплошной кошмар: организаторы “пирамид” требовали компенсации миллиардов эдак на 50; губернаторы обрывали телефоны: “Что вы там такое говорите?! У меня люди выходят на улицы, требуют возврата денег!” А если молчать... “Где же было правительство? – спросят. – Куда смотрело?”».

И снова А. Евстафьев: *«Мошенничеством и жульничеством, к коим относится и упомянутое строительство финансовых пирамид, в любом цивилизованном государстве занимаются полиция, суд, прокуратура. У нас же складывалась какая-то абсурдная ситуация: руководители правоохранительных органов с нафосом ругали экономический курс, но заниматься своим прямым делом как-то не очень торопились. Так, в самый разгар “пирамидального строительства” подавляющее большинство обращений потерпевших в суды и прокуратуру зачастую кончалось ничем: правоохранительные органы просто отказывали в регистрации таких дел. Не хотели заниматься. После чего руководители этих органов говорили много нафосных слов о “воровской приватизации” и персональной ответственности Чубайса.*

Приватизация, то есть разгосударствление экономики, не имела никакого отношения к тому, как люди распоряжаются своими деньгами, ваучерами или акциями. А большинство горожан, интеллигенция и даже правительственные чиновники распорядились ими в полном соответствии с сюжетом «Буратино зарывает свои денежки на Поле Чудес». Результат соответствующий: накопив десятки и сотни тысяч ваучеров, лопнули 744 фонда! Цена этой ошибки – 25 миллионов обманутых жуликами вкладчиков, отдавших свои ваучеры в обмен на обещания и не получивших ничего! И сотни внезапно разбогатевших, чья «красивая» жизнь подняла волну злобы. Большинство из тех, кто после обесценившегося рубля и потери ваучеров остался ни с чем, в следующем 1993 году станет социальной базой растущего недовольства. Развал производственных цепочек, звенья которых оказались разорваны границами и таможами, привел к производственному коллапсу. Многие предприятия простаивали, зарплата подолгу задерживалась, а цены росли, и большинство работников были вынуждены продавать свои акции, чтобы прокормить семьи. Основными скупщиками оказались всё те же директора. Они были хозяевами положения и легко скупали ваучеры и акции по дешевке. Наглый раздербан 1980-х годов сменился торговлей. Свой ваучер продал каждый третий.

На черном рынке его цена не поднялась выше 20 долларов, и покупатели зачастую смахивали на колонизаторов, меняющих бусы на золото туземцев, а продавцы отдавали его даже за бутылку огненной воды...

Те же работники, которые обменяли свои ваучеры на обыкновенные акции предприятий, вскоре тоже остались на мели – производство требовало модерни-

зации и привлечения средств. В результате выпуска дополнительных акций цена первых, как и доля дивидендов, стала падать до ничтожных величин.

Общество разделилось на собственников-работодателей и наемных работников. Что позволило упертым коммунякам и политическим спекулянтам кричать: «Народ ограбили!»

Через пять лет Егор Гайдар скажет: *«Мы всегда хотели добиться того, чтобы этот капитализм был свободным, либеральным, устойчивым, социально справедливым. К сожалению, <...> чем дальше, тем больше становилось ясно, что тяжелое социалистическое наследие толкает в сторону капитализма вороватого, коррумпированного, <...> социально несправедливого, а значит, неустойчивого. <...> ...результатом этих поражений стало то, что стабилизовавшийся сегодня капитализм, в борьбе за который мы отдали столько сил, меньше всего <...> нравится нам самим».*

Но другого результата быть не могло. Болезнь оказалась слишком запущенной, и жертвы были неизбежны. Тем, кто много знал и видел ситуацию изнутри, это было понятно. Возможно, что именно поэтому Явлинский, у которого была возможность рискнуть и самому ввязаться в драку за будущее, предпочел, как и многие, роль стороннего критика.

В экономической науке есть теорема Коуза. Она о том, что участники рынка, если им не мешать, непременно достигнут самого эффективного результата. Применительно к постсоветской ситуации это можно интерпретировать так: неважно, как распределена собственность на первом этапе. Если включены рыночные механизмы и нет внешних помех, то через несколько лет она неизбежно попадет в руки тех, кто станет эффективным управленцем.

Отчасти это подтвердилось: спустя пару десятилетий из крупных собственников «первого призыва», тех, кто начинал свой бизнес «на халяву», останутся лишь единицы. Но уступят они не тем, кто стал успешен благодаря своим способностям. Ведь условием положительной динамики, по Коузу, являются «нулевые транзакционные издержки», то есть отсутствие внешних существенных обременений, или попросту помех. А в постсоветской России на этом пути встали ментальные, политические, номенклатурные рогатки, плотины и фильтры. Чиновники и генералы, чекисты и бандиты, тормозя чужаков и помогая «своим» людям, уже начали процесс создания того олигархического капитализма, который искорежит нашу экономику, социальные структуры и общественное сознание.

Удар под дых...

Его реформаторам нанесли, нет, не те оголтелые красно-коричневые «патриоты», о которых речь уже шла (в начинающейся травле они станут массовой), а те, с кем Борис Ельцин поделился властью. На президентских выборах кандидаты называли тех, кого хотели бы видеть рядом в качестве вице-президентов. Чтобы заручиться поддержкой хотя бы части коммунистов, Ельцину посоветовали позвать на этот пост известного депутата из их среды. Выбор пал на Героя Советского Союза, летчика-штурмовика, генерал-майора Александра Руцкого.

Участник афганской войны, коммунист, он лихо бомбил там города и деревни, дважды был сбит и потом то ли бежал, то ли был освобожден Пакистаном в обмен на американского разведчика. Народным депутатом его избрали жители Курска. Член ЦК Компартии РСФСР, на I Съезде народных депутатов РСФСР он вошел в президиум Верховного Совета и вскоре организовал депутатскую группу «Коммунисты за демократию».

Во время ГКЧП Руцкой не прятался и был с Ельциным в Белом доме, хотя активность проявил лишь после провала путча, когда надо было привезти Горбачева из Фороса. Уровень интеллекта вице-президента оставлял желать лучшего. А ретивость боевого летчика нуждалась в тормозах. Отношения с Ельциным не заладились сразу. При рассмотрении подписанных Беловежских соглашений Руцкой прямо призвал членов Верховного Совета не признавать их. Но соглашения Совет все же одобрил. А президенту, не имевшему возможности избавиться от своего всенародно избранного заместителя, пришлось сузить круг полномочий своего зама до декоративного представительства, а потом поручить кураторство над... сельским хозяйством!

Гайдар: *«Начинается реорганизация колхозов и совхозов, создаются фонды перераспределения земли, мы поддерживаем формирование фермерского сектора. И вот сейчас всю эту сложнейшую, политически конфликтную работу поручить человеку, который ни уха, ни рыла в ней не смыслит и у которого решительность сочетается с дремучим невежеством... Все это слишком большая цена за нейтрализацию его политических амбиций...»*

Действительно, два центра управления – Минсельхоз и Федеральный центр земельной и агропромышленной реформы Руцкого – парализовали всё. Что не помешало генералу издать труд «Аграрная реформа России», который начинается словами: *«Я никогда не занимался сельским хозяйством и не собирался это делать, а вот пришлось».*

В декабре 1991-го Указ о либерализации цен еще только готовился (надо было найти средства для компенсаций производителям на те основные продукты, цена которых оставалась фиксированной, надо было рассчитать и прописать порядок оказания социальной помощи), но Руцкой уже выступил с зубодробительной критикой правительства и даже грозился уйти в отставку, если реформы начнутся. В отставку, конечно, не ушел. Но во время поездки по оборонным заводам Сибири, а потом и в «Независимой газете» большой спец по бомбежкам уже называл правительство «мальчиками в розовых штанишках», которые «не знают, куда идут».

Когда Егора Гайдара спросили, хватит ли ему сил и твердости выдержать атаки невежд и врагов, тот ответил: «Ощущения твердости у меня вполне достаточно. Задевает ли все это меня? Может быть, когда я закончу свои дела на посту вице-премьера и оглянусь на то, что обо мне писали и говорили, мне это будет больно и неприятно. А сейчас груз огромной ответственности, очень жесткие рамки, определяемые текущей работой, не позволяют все это замечать, придавать этому особенное значение. Сейчас я слишком хорошо понимаю масштабы игры, слишком хорошо понимаю, что дело не в личностях, а в интересах, поэтому вся “критика” проходит мимо сознания, по периферии его».

Следующий удар нанес недавний заведующий кафедрой Института народного хозяйства, а теперь председатель Верховного Совета Руслан Хасбулатов. За то, чтобы этот человек получил столь высокий пост, Ельцину пришлось побороться. В отличие от легендарного чеченского абрека Зелимхана, член того же хачароевского тейпа уже успел продемонстрировать депутатам свой грубый и кичливый нрав. Как и Анатолий Собчак, он привык к дистанции между советским преподавателем и студентом и перенес эту манеру на работу с народными депутатами.

Настоять на своем и утвердить его в должности спикера Верховного Совета Борису Николаевичу удалось лишь при пятом (!) голосовании, а получить от своего протеже «под дых» пришлось уже через три месяца.

Не прошло и недели после освобождения цен, как Хасбулатов заявил, что Верховному Совету следует «предложить президенту сменить практически недееспособное правительство России», и добавил, что если этого не произойдет, то у Верховного Совета есть право сделать это самому (что было не так – под конец 1991 года в Конституции РСФСР уже не было нормы отзыва правительства Верховным Советом).

Ельцин вспоминает: *«...его главная идея: угрожая противостоянием, заставить отступать, уступать, отрезать самому себе хвост по кусочкам. И привести к взрыву. Ведь не мог же он всерьез полагать, что я испугаюсь достаточно пассивного, аморфного состава парламента, который в тот момент четко контролировался практически одним движением бровей Хасбулатова. Не мог думать, что я испугаюсь и круто изменю политический, стратегический курс. Короче говоря, это был не поиск компромисса, в который я тогда верил, а игра в компромисс, его имитация».*

По сути дела, и Руцкой и Хасбулатов объявили правительству войну. Двигала ли ими убежденность в неправоте избранного курса? Конечно, и это тоже.

Спустя много лет Хасбулатов написал: *«А. Руцкой признавался журналистам в том, что пошел в замы к Ельцину, чтобы противостоять развалу Союза, что он изначально был противником либеральной перестройки. Он и спустя много лет скажет, что выборность коммунистических боссов и частный сектор в обслуживании были достаточными мерами для того, чтобы сохранить СССР».*

Р. Хасбулатову необходимость более серьезных преобразований была понятна, но здесь сыграл роль личный фактор. Из представителя репрессированного народа-изгоя он выбился в председатели высшего законодательного органа страны (после чего услужливые академики тут же избирали его членом-корреспондентом Академии наук). Головокружительная карьера привела его к «звездной болезни».

Что заставило Руцкого и Хасбулатова торопиться? Ведь говорить о неспособности тех, кто только-только приступил к делу, нелепо. Никто не обещал, что через неделю после отпуска цен все магазины наполнятся товарами; Ельцин озвучил на съезде самый оптимистичный вариант, но и он исчислялся девятью-десятью месяцами. Поэтому, когда доктор экономических наук через шесть дней (!) после указа начинает вопить: «Почему пусты прилавки?!», – понятно, что причина не в глупости, тут иное...

Вознесенному к вершинам власти недалекому генералу, как и советскому «экономисту», хватило сообразительности, чтобы понять: ощутимых улучшений ждать придется долго; значит, люди взвоют, окрысятся и будут искать виноватых, а еще тех, кому вручить свое спасение. Поэтому надо успеть возглавить недовольство, застолбить поляну, пока в предвкушении президентского кресла не подспели другие. Оба претендента рвались к власти.

Между правительством и Верховным Советом началась публичная ругань, а вскоре ряды оппозиции пополнились толпами народа. В начале февраля коммунисты из компании Виктора Тюлькина провели в центре Москвы, на Манежной площади, стотысячный митинг протеста. Люди, которые пришли туда, не рвались к власти, они действительно считали себя обманутыми и ограбленными, они были растеряны и озлоблены, в основном это люмпен-пролетариат среднего и старшего возраста, он станет основной массой тех протестов. Сталинские и хрущевские времена были временем их юности, на то самоощущение наложилась крепко вколотенная в их головы советская пропаганда, и на площадь они вышли с портретами Сталина, Ленина и лозунгами возврата в «СССР».

Воодушевленные массовой поддержкой коммуно-патриоты решили идти дальше и потребовали разрешения на шествие в День Советской Армии 23 февраля. Было заявлено, что ветераны Великой Отечественной, пройдя по Тверской к Кремлю, возложат цветы к Могиле Неизвестного Солдата. Шествие столичные

власти не разрешили, но оно все же состоялось и благодаря участию боевиков из числа анпиловцев, макашовцев и Союза офицеров едва не дошло до Кремля.

Пресс-секретарь президента В. Костиков вспоминал потом:

«Надежды радикальных демократов на то, что поражение реакции открывает безболезненный путь к реформам, не оправдывались. Бывшие путчисты настолько осмелели, что, находясь в тюрьме, давали интервью в прессе. Бывший шеф КГБ и один из вдохновителей заговора против демократии В. Крючков писал в открытом письме Ельцину: “Ответ перед историей за Союз будут держать не те, кто предпринял попытку спасти его, а другие, разрушившие могучее и единое Отечество. Среди ответчиков будете и Вы, господин Президент”. Нужно сказать, я до сих пор не пойму, почему демократическая пресса, радио и телевидение так широко предоставляли страницы и эфир путчистам. Это был какой-то “демократический мазохизм” <...> Политическая атмосфера в Москве в этот период напоминала революционную обстановку в октябре 1917 года перед захватом власти большевиками. В целом по стране волна митингов пошла на убыль, но Москва еще бурлила. За пять месяцев 1992 года в столице прошло более 300 митингов, из них 200 несанкционированных, что явно свидетельствовало об элементах анархии в политической жизни».

На годовщину референдума о сохранении Союза движение «Трудовая Россия» во главе со своим вождем Анпиловым призвало людей к участию во «Все-народном вече»:

«ГРАЖДАНЕ! Год назад состоялся первый в истории нашей страны референдум. Народ сказал решительное “ДА” единому Союзу Советских Социалистических Республик. Однако высшие должностные лица попрали волю народа, преступили Конституцию страны и в угоду западному капиталу объявили СССР несуществующим. Тем самым клика Горбачева – Ельцина спровоцировала развал государства, ограбление народа, гражданскую войну. Долг честных людей – восстановить законную власть, пресечь спланированный геноцид <...> и утвердить волю народа – результаты референдума».

О том, что голосовали за другой союз, о том, как вернуться в то, чего нет, в то, что стремительно разбежалось по своим национальным территориям и не собирается добровольно возвращаться, они, естественно, сказать не могли. Но обманутым в ожиданиях людям было достаточно громких обличений. Под нажимом Верховного Совета акцию на Манежной площади разрешили, и на ней опять было не меньше 100 тысяч участников.

Речи на этом вече были зажигательными.

Говорит бывший офицер Войцеховский:

«Теперь мы, сотрудники вильнюсского ОМОНа, разбросаны по всей России... Все, все зубами скрипят и говорят: придет время. Будет еще литерный поезд. Отцы “демократов” валили лес, а они будут пни корчевать, к черто-

вой матери. И я попрошу назначить меня никаким не начальником, я попрошусь просто начальником литературного состава, и восемьдесят процентов они не доедут туда при попытке к бегству».

Дальше угроз и резолюций вече не пошло. Вместо союзного съезда была его жалкая пародия, вместо нового правительства избрали «думу» во главе с генералом Макашовым, а кандидатами – двух адмиралов, Чернавина и Касатонова. Это было самое массовое выступление сторонников оппозиции. Но к этому времени, по русскому обычаю, все народные «вожди» уже успели перессориться, толкаясь локтями за первенство.

На самом деле, по данным ВЦИОМ, против реформ тогда высказывались только 26%, а за продолжение реформ – 46% опрошенных. Как и следовало ожидать, это были горожане и сельские жители, имеющие среднее и высшее образование.

После уличной артподготовки последовала атака реваншистов на депутатском съезде. Но за день до его открытия в концертном зале гостиницы «Россия» прошло «Собрание граждан Российской Федерации». Инициаторы пригласили туда представителей многочисленных партий (скорее протопартий) и организаций демократического толка. Цель – разъяснение ситуации и объединение усилий.

В принятом обращении «К власти и народу» участники поддержали продолжение курса реформ, защиту прав человека, передачу земли и основных промышленных фондов в деятельные руки. А вот с необходимостью перехода к президентской республике согласились не все.

К открытию VI депутатского Съезда там уже сложился оппозиционный блок «Российское единство» и составлял он большинство. Его члены отказались ратифицировать Беловежские соглашения, отказались убрать из Конституции России ссылки на законодательство СССР (?!), отказались слушать Гайдара и настояли на том, чтобы именно Ельцин доложил съезду о ходе реформ.

Президенту пришлось объяснять депутатам, что анализ ситуации не оставил правительству выбора и ему пришлось «до предела сжать время запуска важнейших рыночных механизмов, демонтажа командной экономики, резко ужесточив бюджетную и денежно-финансовую политику, чтобы не допустить развития гиперинфляции». Продолжая он напомнил, что «накануне 1992 года не было недостатка в пессимистических прогнозах относительно реакции населения на либерализацию цен. Конечно, прошел он тяжело, первый этап, но, тем не менее, в основном население, хоть и скрипя зубами, но его выдержало...» «Главное, что угрожает сегодня России, – сказал Борис Ельцин, – это возврат к недалекому прошлому – псевдореформам времен союзного правительства. Все помнят, что они свелись к бесплодным дискуссиям, к ведомственной борьбе за бюджетные дотации. Мы шли этим путем в течение семи последних лет и в полной мере убедились: такая политика является однозначно деструктивной. Именно она, в конечном счете, разрушила страну».

Ельцин резко выступил против стремления оппозиции принизить роль президента, сделать ее формальной и номинальной. Закончил он словами о том, что надо заниматься делом, что, если удастся сохранить гражданский мир и удержаться от конфронтации, появится возможность стабилизации к концу текущего года. «Россия разбужена, она двинулась <...> к нормальной, полноценной жизни. И как бы ни было трудно, <...> ход истории уже не остановить!»

Увидев, что президент (он же глава правительства) построил речь на общих оценках и не стал вдаваться в детали, оппозиционеры решили отыграться на Гайдаре, дав ему только 15 минут и не ограничив время для своих оценок и предложений.

«К тому времени, – сказал Гайдар депутатам, – когда V Съезд, дав президенту дополнительные полномочия, открыл дорогу к углублению экономических реформ, шесть лет колебаний, нерешительности, компромиссов уже породили настоящий социально-экономический хаос... Все прекрасно понимали, что пришло время расплаты за годы финансовой безответственности, за неплатежеспособность Внешэкономбанка, за разворованные природные ресурсы страны, за разваленные финансы, за неработающий рубль, за пустоту прилавков, за все те социальные демагогические обещания, которые раздавались вволю на протяжении последних лет. Осень 1991 года – это уже крутое падение общественного производства, это быстро останавливающаяся черная металлургия, за которой явно вставала угроза остановки всего машиностроения и строительства. Осень 1991 года – это время глубокого уныния и пессимизма, ожидания голода и холода. Все, кто в этой сложной ситуации решил бы и дальше тратить время на бесконечные и бесплодные дискуссии о безболезненных путях перехода к рынку, стабилизации экономики, ждать создания конкурентно-рыночной среды и формирования эффективной частной собственности, дождался бы паралича производства, гибели российской демократии и самой государственности.

Набравшие собственную деструктивную инерцию процессы в сфере материального производства нельзя было остановить по мановению волшебной палочки. За резко упавшим уже к осени 1991 года сокращением производства стоят и развал связей с Восточной Европой, и ухудшение условий торговли с государствами Содружества, и упавший импорт, и уже износившееся оборудование. Да и за саму финансовую стабилизацию, как известно, практически всем и везде в мире приходится довольно дорого платить падением производства. Предполагать, что вслед за либерализацией цен немедленно начнется индустриальный подъем, могли лишь безграмотные авантюристы.

Да, масштабы повышения цен в январе оказались большими, чем мы предполагали, а падение уровня жизни – более резким. Вместо постепенного разгона темпов инфляции в январе – феврале мы получили их резкий скачок за первые три недели января, после чего наступил период относительной ста-

билизации цен, продолжавшийся с конца января примерно до конца февраля. В это время цены снизились примерно по 40 процентам номенклатуры продовольственных товаров. Лишь со второй половины февраля и в марте вновь начинает проявляться тенденция повышения цен вслед за смягчением денежной политики, увеличением социальных выплат.

Сейчас можно сказать, что, хотя и со скрипом, но рыночные механизмы всё же заработали. И сегодня, принимая под давлением любое вынужденное решение по смягчению денежной политики, мы должны иметь в виду, что это решение прямо и непосредственно через неделю скажется на ситуации на потребительском рынке. Ситуация в торговле, разумеется, не стала благостной, но она радикально переменилась. Практически постоянно растет число городов, в которых есть в продаже мясо, мясопродукты, молочные продукты, важнейшие виды промышленных товаров народного потребления. Это не благостный рынок, это не рынок изобилия, но это уже и не тот развал, который был в ноябре–декабре... Страна тяжело, болезненно преодолевает сопротивление тех социальных групп, которые всю жизнь занимались распределением дефицитных ресурсов и предпочитали бы заниматься этим вечно, она входит в другую систему регулирования».

Гайдар указал на то, что на смену сокращению экспорта продукции из России пришел его двукратный подъем, что *«всега несколько месяцев серьезных рыночно-ориентированных радикальных реформ потребовалось, чтобы переломить сомнения, отбросить накопившиеся предубеждения, принять решения о беспрецедентной по масштабам финансовой помощи реформам в России. Как вы знаете, речь идет о выделении только в этом году 24 миллиардов долларов».*

Эту помощь он охарактеризовал как верный признак того, что Запад увидел перспективу и поверил в успех российского правительства.

Он признал, что правительство переходит *«от вдохновенной мужеством отчаяния кавалерийской атаки к подготовке и реализации широкой программы углубления экономических реформ и реконструкции российской экономики».*

«Нам, – сказал Гайдар, – придется пройти еще нелегкий путь до того, как удастся в полной мере остановить промышленный спад, создать предпосылки экономического роста, но оснований для паники нет. Да, мы пережили очень тяжелые пять месяцев. Да, в этих пяти месяцах была сконцентрирована расплата за целый период нерешительности и безответственности. Но сегодня сформировались уникальные предпосылки для экономического подъема в России. Мы получили то, к чему страны идут годами. Мы получили возможность провести серьезную, глубокую структурную перестройку экономики на базе крупных дополнительных финансовых ресурсов, не сопоставимых сегодня с ресурсами нашего собственного государственного бюджета. Сегодня Россия имеет шанс войти в полосу экономического подъема.

Упустить этот шанс, сорваться, испугаться трудностей было бы, на наш взгляд, преступлением перед Россией».

Лишь малая часть зала аплодировала его выступлению, большинство упрямо не желало, а вернее сказать не было способно даже понять профессиональный язык экономиста. Большинство депутатов не понимали, например, что такое «смягчение денежной политики». Им надо было объяснять, что этот термин означает увеличение расходов бюджета без их обеспечения, но и это требовало расшифровки, а времени у докладчика на «кликбез» не было. Да если бы оно и было, судя по тем характеристикам депутатского корпуса, которые мне приходилось слышать, сосредоточенное внимание большинства депутатов рассеивалось уже на пятой-седьмой минуте любого доклада.

Ход съезда транслировался по телевидению, народных витий это распалило, обличители призвали депутатов объявить правительству недоверие. В зале уже гуляет проект постановления съезда, в котором от президента требуется представление новых кандидатур премьера и его команды, а сам он досрочно лишается тех широких полномочий, которыми его наделил предыдущий съезд.

Но Хасбулатов еще медлит с вынесением постановления на голосование, поток обвинений продолжается.

Члены правительства, видя, что происходит, готовы сами поставить вопрос о своей отставке. Ельцин просит их повременить.

Гайдар выступает еще раз и опровергает подтасовку фактов, которая уже прозвучала, указывая на то, что на самом деле дефицит бюджета не превысил 1,5% ВВП, а внешнеторговое сальдо составило 8%, как и было запланировано.

Он говорит: ***«Вы можете создать другое правительство и сказать, что так и нужно делать. И все будут довольны. А потом вы будете смотреть, как разваливается рубль, как рушатся мелкие региональные рынки, как за развалом финансов идет развал российской экономики, как растут бешено цены. Смотреть и думать: а кто же за все это отвечает? И менять как перчатки правительства, которые и призваны, видимо, за все это отвечать».***

11 апреля смягченное постановление было принято. Оно ласкало слух обывателя, но противоречило само себе. Постановление предписывало правительству установить налоговые льготы в сферах здравоохранения, науки, культуры, образования, поднять зарплаты в этих отраслях до уровня зарплат в производственной сфере, сохранить госцены на топливо (а это дотации для ТЭКа) и профинансировать колхозы.

При этом, раздав убыточным хозяйствам деньги и сократив налоговые поступления в бюджет, правительство должно было «добиться финансовой стабилизации», то есть остановить рост цен и укрепить рубль. А еще депутаты, несмотря на работающий указ о свободе торговли, потребовали действенной борьбы со «спекуляцией».

Протестуя против всего этого абсурда, прямо во время депутатского голо-

сования члены правительства покинули зал заседаний. Журналистам Гайдар сказал:

«Это полная ревизия курса экономической реформы. Это вынужденная смена всего направления экономической политики. Это возврат к политике ублажения отдельных социальных групп, которые будут рвать куски уменьшающегося общественного пирога. Это крест на любых надеждах на серьезное сотрудничество в мире. Это путь к развалу финансовой системы. Это путь к развалу рубля, это крест на тех жертвах, которые все приносили».

На следующий день ответственный секретарь Верховного Совета, депутат С. А. Филатов предложил членам Президиума ВС и вице-премьерам собраться и обсудить возможность компромисса. Переговоры результата не принесли, и Гайдар, передав президенту заявление об отставке правительства, провел пресс-конференцию. Там он зачитал журналистам правительственное заявление, где было сказано, что выполнение требований съезда увеличит бюджетные расходы на 1,2 триллиона рублей, что дефицит бюджета в 1992 году достигнет 1,5 триллиона, то есть 23% ВВП или 80% общего объема доходов, что результат решений съезда один – катастрофическое падение уровня жизни, голод, социальные потрясения и хаос. И пояснил: отставка правительства может быть дезавуирована, если съезд пересмотрит свое постановление и будут созданы условия для продолжения начатой работы.

На вечернем заседании съезда встал вопрос об отставке правительства. Ведущий съезд Руслан Хасбулатов отмел возможность финансового краха, сославшись на то, что он не только юрист, но и экономист, что у него группа консультантов не хуже, чем у правительства. В своей обычной развязной манере он сказал: ***«Мы проводим уже шестой съезд, а уважаемые друзья из правительства столкнулись со съездом впервые и растерялись. Вот и вся проблема. Поэтому, если хотят уйти в отставку, пусть, пожалуйста, ставят этот вопрос перед тем, кто их назначал. Это однозначно. И никто нас не должен шантажировать. Мы ничего и никого не боимся».***

На выкрики из зала: «Позор! Позор!», ухмыляясь, ответил: «Никакого позора нет. Ребята растерялись».

Было ясно, что спикер делает все, чтобы получить возможность набрать свой кабинет и, скорее всего, самому его возглавить. Правительство снова покинуло зал съезда. Противостояние продолжалось. В знак солидарности заявление об отставке подало также правительство Москвы. Движение «Демократическая Россия» провело в столице многотысячный митинг, где речь пошла уже о доверии съезду.

Переговоры продолжались, и в конечном счете оппозиция уступила, предложив правительству возможность работать дальше и полностью принять на себя всю ответственность и все недовольство за развитие тех событий, альтернативы которым не было.

Одним из немногих полезных решений VI Съезда было согласие на возвращение исторических названий Нижнему Новгороду, Самаре, Твери и Санкт-Петербургу. Позже заслуга возвращения Северной столице ее исторического имени будет приписана А. Собчаку. Но мэр не сделал для этого ничего, это заслуга наших депутатов, председателя городского Совета А. Беяева и ловкость Р. Хасбулатова, который, во избежание дискуссий, включил это решение в пакетное голосование под конец заседания.

А Егор Гайдар остался в подвешенном состоянии – и.о. первого вице-премьера, который мог стать премьером только при его утверждении съездом. Предложение С. Шахрая использовать ситуацию и, пока реакционеры не оправились после неудачи, самому утвердить Гайдара главой правительства Ельцин счел преждевременным. А зря, потом такой возможности уже не представилось.

Зреющий бунт...

VI Съезд РФ еще идет, но понимая, что за первой атакой последуют другие, Гайдар пишет Ельцину записку:

«Уважаемый Борис Николаевич!

Хочу поделиться несколькими соображениями о тональности экономической проблематики в Ваших предстоящих выступлениях.

Несмотря на некоторые признаки стабилизации экономики, заметные пока лишь специалистам, <...> отношение общества к результатам реформ в ближайшей перспективе останется в лучшем случае скептическим.

В этой связи оценка результатов нашей работы в этой области должна быть предельно сдержанной и самокритичной. Однако любая самокритика с позиции признания ошибок, связанных с излишним радикализмом и скоростью преобразований, является политически проигрышной. <...>

По моему убеждению, единственно приемлемая сейчас тональность – самокритика в отношении колебаний, непоследовательностей, недостаточной решительности в проведении преобразований. <...>

Направляю подготовленные моими коллегами заготовки, может быть, они пригодятся в работе.

Егор Гайдар

12. 04.1992 г.».

И далее (выдержки):

«...Не мы, не демократы развалили Союз, а те, кто годами и десятилетиями разрушали основы его экономики, естественные, взаимовыгодные связи заменяли искусственными, а теперь встали в удобную позу обвинителей и занимаются реванистской пропагандой и политическим кликушеством на ловко припрятанные в коммерческих структурах деньги, отнятые у собственного народа. <...>

Какой была Россия полтора года назад? “Условное” государство без собственной армии, четко очерченных границ – и государственных, и таможенных, без национальной денежной системы, без элементарной управляемости, без ясной системы внешнеполитических и экономических приоритетов. Полусоюзная, полуреспубликанская правовая и административная система. Совершенно не определенная рублевая зона. Огромный внешний долг, который физически невозможно обслуживать, а перспективы его урегулирования неясны. Абсолютно прозрачные для вывоза национальных богатств границы,

опять же, то ли союзные, то ли российские. Не было российской армии, но зато бремя всего союзного военного бюджета досталось России.

Полностью огосударствленная экономика при крайней слабости государства означала неуправляемость, неэффективность, невозможность решать элементарные хозяйственные вопросы.

Поэтому не выбором правительства, а единственным, определившимся ситуацией выходом были, с одной стороны, укрепление государства, с другой – отказ от тех его функций,

которые оно заведомо не может эффективно осуществлять, запуск рыночного механизма.

<...>

Берясь за эту колоссальной сложности работу, я давал некоторые обещания, брал на себя определенные обязанности.

Сейчас можно подвести некоторые предварительные итоги этой работы, соотнести выдвигавшиеся цели и взятые обязательства с результатами.

С повестки дня снята социально-экономическая катастрофа в России. Не произошло того, о чем с немалым удовольствием вещали пророки разных политических и идеологических оттенков. Голод, холод, закупорка транспорта, остановка систем жизнеобеспечения, полная самоизоляция регионов, натурализация остатков хозяйства – и теперь уже не случится – верю, никогда.

Сегодня у Российской Федерации есть не просто атрибуты государственности. У нас появились свои, российские Вооруженные Силы. Есть определенность относительно перспектив военной реформы и новых принципов строительства вооруженных сил. Верные принципу нерушимости границ, мы твердо взяли за их обустройство. Границы, государственные и таможенные, приобретают реальные очертания, которые перестают быть проницаемыми для махинаций, растаскивания народного достояния. <...>

Приостановлен процесс распада России, подписан федеративный договор. <...>

Урожай, продовольственная проблема, традиционно крайне острая для России. Здесь нашим обязательством было неснижение уровня сельскохозяйственного производства в условиях аграрной реформы, создание необходимых государственных и негосударственных продовольственных запасов. В течение всего этого времени нагнеталась истерия по поводу развала сельского хозяйства: не проведем сев, не проведем уборку, хозяйства не будут продавать продукцию в госрезервы, грянет массовый голод и т.д. <...> Не только политическая оппозиция, но и солидные зарубежные издания пестрели фразами типа: “Хлебные бунты голодных русских этой зимой положат конец новым заигрываниям с демократией”.

В действительности же <...> удалось не только собрать, но и закупить,

заложить в хранилища значительно больше зерна и сахарной свеклы, а с учетом личных хозяйств – картофеля, овощей и фруктов.

Призрак голода больше не ходит по России. <...>

Как показывает жизнь, россияне в основной своей массе оказались готовы к последовательным рыночным преобразованиям, отказу от роли вечного инвалида при всевластном поводе-государстве. В общественных настроениях явно доминирует понимание важности опоры на собственные силы. Словом, идет быстрое освобождение от иллюзий, и начало рыночных преобразований ускорило и закрепило развитие этих процессов.

Однако выполнить ряд обязательств, достигнуть важных целей не удалось. И в этом необходимо честно, признаться. Прежде всего не удалось:

стабилизировать финансы, сбалансировать бюджет, взять под контроль инфляцию; преодолеть спад производства и начать экономический подъем в предполагавшиеся сроки; стабилизировать и начать повышение жизненного уровня россиян.

В ряде случаев намеченных целей не удалось добиться из-за собственных просчетов президента и правительства:

зачастую шли на недопустимые компромиссы, ослабляя денежную и кредитную политику, не решаясь проявить жесткость в отношениях с “ближним зарубежьем”;

не обеспечивали контроля выполнения принятых решений;

в других – сталкивались с мощным противодействием, а то и с прямым средоточием структур представительной власти, которые:

создали фактически свою параллельную структуру исполнительных органов, выведя из ведения президента и правительства важнейшие рычаги управления экономическими процессами (внебюджетные Фонды составили параллельный бюджет);

инсценировали раздувание бюджетных расходов, лоббирование дотаций, льготы и привилегии;

своими непродуманными заявлениями, интригами фактически препятствовали притоку иностранного капитала;

саботировали принятие необходимых законов, в которых крайне нуждается российская экономика и общество, от которых зависит, быть российскому рынку цивилизованным или полукриминальным.

ВС “заморозил” разработку Гражданского кодекса, который должен был быть сдан еще в июле 1992 года, а ограничился распространением на территории РФ действия Основ гражданского законодательства бывшего СССР, где формулировки по договору купли-продажи допускают продажу без оформления какого-либо письменного документа, включая товарный чек.

Поэтому всевозможные коммерческие ларьки на улицах работают с благословения ВС без кассовых аппаратов, и только демократическое руковод-

ство Москвы и Санкт-Петербурга пытается своими местными нормативными актами изменить ситуацию. <...>

Вот уже почти полгода ВС “мусолит” изменения банковского законодательства, продолжая подвергать личные средства миллионов граждан опасности.

Самое главное – ВС саботирует принятие новой Конституции, решение о разработке которой принято еще I Съездом, одобрена она VI Съездом и с тех пор заморожена. <...>

Мы больше не можем ждать “милостей” от Верховного Совета, когда же он займется не чужим, а своим делом. <...>

Что сейчас нужно и, главное, можно сделать в экономике? Коридор возможного узок. Легкой жизни и скороспелых плодов не обещаю – охотников и без того достаточно привлечь избирателей прожектами полной индексации вкладов в Сбербанке, быстрого роста реальных доходов населения и т. д.

Россия будет процветающим государством, россияне будут жить обеспеченно и достойно, но путь к этому будет долгим и трудным.

Сейчас мы можем и должны дать резкое продвижение реформ вниз, на местах, дать первые ее результаты непосредственно гражданам. Это касается прежде всего вопросов собственности – наделения ею, скорейшего юридического оформления, государственных гарантий прав частной собственности, ее защиты от чиновников и мафиозных структур, обеспечения возможностей эффективного ее использования, поддержки мелкого и среднего предпринимательства.

Граждане России не очень искушены в этих вопросах и могут стать легкой добычей разного рода дельцов и авторитетов, которые, например, искусственно сбивают курс приватизационных чеков, скупая их в массовых масштабах. Защитить законные права многомиллионного россиянина-собственника – наш долг.

Мы должны удержать от инфляционного срыва государственные финансы – ведь именно это гарантия реального, а не бумажного благосостояния россиян. Хватит кредитных авантур, хватит за счет россиян поддерживать тех, кто не умеет или не хочет работать, хватит дорогостоящей благотворительности для стран “ближнего зарубежья”. <...> Будет усилена борьба с экономической преступностью, с “пеней рынка” по всем линиям: от усиления наказания за попытку рэкета до введения уголовной ответственности за сокрытие валютной выручки за рубежом.

Все это неизбежно потребует перераспределения финансовых ресурсов в пользу тех государственных органов, которые отвечают за жизнь и имущество граждан, обеспечивают правопорядок. Нужно поднять престиж и материальное обеспечение милиции, работников прокуратуры, судей.

Органы внутренних дел и административные органы на местах будут

пополняться демобилизованными офицерами, которым государство обеспечит хорошую переподготовку для новой деятельности и солидную финансовую поддержку для обустройства на новых местах.

Будет разработан и обнародован комплекс мер по облегчению становления и поддержке малого бизнеса и фермерских хозяйств, прежде всего простоте учреждения, наделению землей, доступу к стартовому капиталу (сюда будет направлена и зарубежная помощь). <...>

Будет принят комплекс мер по правовому закреплению собственности, находящейся в настоящее время в пользовании и владении граждан (приватизация жилья и в ряде случаев соответствующих земельных участков) без какого-либо усложненного юридического порядка и поборов со стороны государства.

Все находящиеся ныне в пользовании участки земли будут оформлены в собственность, все граждане России реализуют свое право на земельный участок, в том числе и через введение приватизационных чеков на землю...»

Стратегические планы Гайдара, которыми он поделился с президентом, значительно шире и подробнее, но круг его сторонников невелик, и воплотиться его планам не дадут.

Отсутствие перемен, топтание на месте, призывы президента «потерпеть» разочаровали многих. Если в конце 1991 года личность президента оценивали позитивно 70% россиян, то к следующей осени картина резко изменилась. По опросу москвичей, проведенному социологом Грушиным, «за время, прошедшее после августа 1991 года, имидж президента РФ претерпел существенные изменения, сменив свой положительный знак в основном на противоположный. Сильное воздействие на образ главы государства оказывает негативное впечатление от его публичных выступлений. На это указывают 60% респондентов. Позитивную реакцию отметили, к сожалению, лишь 24% участников опроса. <...> Преимущественно симпатию к нему испытывает каждый четвертый житель столицы, а антипатию – каждый третий. Но больше всего тех, кому Б. Н. Ельцин вообще безразличен, 29%».

1 октября оргкомитет Фронта национального спасения выступил с «Обращением к гражданам России»:

«Соотечественники! Наша Родина подвергается невиданному разгрому и поруганию. Великий и трудолюбивый народ ограблен. Большинство населения доведено до нищеты и полуголодного существования. Предательство нельзя “скорректировать”, за него надо отвечать по всей строгости закона. Президент Ельцин и его правительство должны немедленно уйти в отставку. Пришло время действовать».

Контактные телефоны Фронта национального спасения были телефонами... Верховного Совета!

В отличие от Р. Хасбулатова, которому помогали старые аппаратчики из ЦК

КПСС, команда Бориса Ельцина была слабой. Она с опозданием реагировала на новые вызовы.

Профашистские газеты и листовки с призывами свергнуть власть «иуды Ельцина» распространялись у каждой станции метро. Но власть бездействовала, и это серьезно тревожило людей. Помощники Ельцина получили такое письмо:

«...Многие считают, что Вы не все, что творится, даже у нас в столице, сообщаете президенту или президент на Вашу информацию не обращает внимания. А между тем очень стыдно и больно смотреть на то, что творится вокруг нас, – то, что у нас в столице настоящий фашизм уже в действии. Если Вы настоящий помощник, то дайте ему почитать газеты. Хотела бы я посмотреть в лицо президенту, что бы он ответил. Посмотрите, на Тверском бульваре, в переходах метро – эти страшные лица молодчиков во всем черном, в сапогах. Настоящий СС – дайте автомат и начнется бойня. Почему не принимаются меры? Вы тот человек, который должен сказать Борису Николаевичу всю правду. А как оскорбляют президента? Стыд и позор! Вы же прекрасно знаете, откуда все эти идеи, и не привлекаете к суду этих подонков. Почему? Впечатление, что Вы сами их боитесь. А ведь если это начнется, Вы будете прятаться за стенами Кремля и за охрану. Такое положение просто заставляет уезжать порядочных и честных людей. Вам лично не мешало бы пройти по улицам, пойти на митинг фашистов, и Вы сами-то что-то увидели бы и сообщили президенту. Странно, чего Вы ждете? Когда начнут убивать, будет поздно. Я русская женщина, и мне больно на все это смотреть. Жалко, что уезжают евреи, особенно ученые, врачи, учителя. Пока государство не примет закон о запрете всех газет типа “День”, “Пульс Тушина”, “Черносотенная” и др., до тех пор у нас будет произвол. Принимайте срочные меры. У стадиона “Динамо”, остановка автобуса 105, напротив стоит большой серый дом и там метровыми буквами всякие гадости краской написаны. Гадости о Б. Н. Ельцине. Народ стоит, ждет автобуса, и эти лозунги написаны на доме. Сто раз стыдно. Надо заставить МВД, МБ, Министерство юстиции заняться этими очень насущными вопросами, а то мы все время опаздываем. Как бы опять не опоздать – и навсегда. Прошу Вас, если Вы смелый человек, покажите мое письмо Борису Николаевичу. Я его уважаю. Пусть знает правду. Будьте здоровы и говорите президенту только правду, если она даже горькая.

М. И. Колоскова, жительница Москвы».

По словам В. Костикова, «на заседаниях Президентского совета той поры постоянно звучали призывы “прихлопнуть” Верховный Совет и крепнущую коммунистическую оппозицию. Нельзя было не заметить, как переживал и мучился Борис Николаевич, слушая такие упреки. Он сам был детищем радикальной демократии, и эти призывы внутренне импонировали ему. На какое-то время он загорался, выслушав очередной призыв “раздавить гадину”».

В отличие от Верховного Совета, где клубилась аппаратная сволочь со Старой площади, в оперативном окружении президента опытных организаторов и деятельных аналитиков было мало. Призывы деятелей культуры из Президентского совета не шли дальше советов, люди эмоционально высказывались, а потом уходили заниматься своим делом.

Снова Костилов: *«...Как мучился Борис Николаевич, когда после таких всплесков он оставался ночью один. Кому верить? На кого опереться? За его спиной не было ни собственной партии, ни движения. Период уличной, “праздничной демократии” с антикоммунистическими лозунгами, с безоглядной поддержкой Ельцина, с иллюзиями быстрой победы и быстрого экономического чуда завершался. Начинались серые будни строительства гражданского мира. Нужно было искать новые точки опоры. Нужны были новые лозунги».*

И все же в годовщину августовского путча президент, обращаясь к народу, вызывает к... присущей нашему народу терпеливости. Ни энтузиазма, ни нового приступа любви к вождю это не вызывает.

Основная часть российского общества, хоть и хотела перемен к лучшему, была совершенно не готова к пониманию идущих процессов. Люди нуждались в ликвидации своей политической и экономической безграмотности, но таким «ликбезом» никто не занимался, лишь после VII Съезда, в последние предновогодние дни, Ельцин подпишет Указ о создании Федерального информационного центра, назначив его директором Михаила Полторанина. ФИЦ должен был наладить широкомасштабное информационное обеспечение реформ. Толку от этого Центра, который тут же стал мишенью для нападков со стороны оппозиции (навесившей на него ярлык «полторанинско-геббельсовской пропаганды»), было немного, и долго он не протянул. (А сам Полторанин из верного соратника, много сделавшего для того, чтобы в России появилось собственное телевидение и другие СМИ, превратится со временем в антисемита, одержимого бредом всемирного масонства.)

Конструктивную, деятельную роль в окружении президента играли депутат, советник президента по национальным вопросам Галина Старовойтова и госсекретарь Геннадий Бурбулис.

Г. Бурбулис

Галина Старовойтова имела непосредственный контакт с обществом, твердые убеждения и пыталась оказать Борису Николаевичу поддержку. Но он играл

роль очень весомого и уверенного человека, и преодолеть его «броню» Старовойтихе (как шутя обронил президент) не удавалось.

Она и те демократы, которые еще были в «ближнем круге», пока были рядом, делали все, что могли. Когда выяснилось, что в Москве готовится «Съезд производителей», где будут участвовать более двух тысяч делегатов из 103 городов России, она вместе с Костиковым забила тревогу. «Известия» провели журналистское расследование и опубликовали результаты. Выяснилось, что «производители» составят на съезде не более трети, а основную массу составят работники Советов из тех регионов, где сильна левая оппозиция.

Эта чиновничья рать (чей приезд и размещение в столице стоили кому-то немалых денег) должна была изобразить трудовую, хозяйственную Россию.

Ельцин был в отпуске и труднодоступен. Он отреагировал, только когда узнал, что «производители» договорились до того, что «надо выходить на подготовку внеочередного съезда, на котором должен обсуждаться лишь один вопрос — об отставке президента, а весь зал запел “Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой”».

Тогда в прессу была запущена «утечка» информации о реакции Б. Ельцина:

«Источник, близкий к президенту, не исключает, что такая позиция может закончиться введением в конечном счете той или иной формы президентского правления. Есть свидетельства тому, что президент уже совещался с рядом ключевых фигур Совета Безопасности. Не исключено, что речь шла о возможных вариантах мягкого “демонтажа” Верховного Совета, ставшего политически опасным для демократических реформ и целостности России».

Через несколько дней распоряжением Ельцина было упразднено Управление охраны объектов высших органов власти (200 хорошо вооруженных людей, как оказалось, были в полном подчинении Хасбулатова), затем вышел Указ о роспуске Фронта национального спасения. Там же говорилось:

«МВД Российской Федерации совместно с прокуратурой в месячный срок провести проверку фактов создания не предусмотренных действующим законодательством военизированных формирований, в том числе охраняемых структур партий, организаций, движений и наличия у них оружия, и принять меры к пресечению подобной деятельности».

Предупредительный выстрел оказался холостым. Молодчики из «Памяти» продолжали тренироваться в подмосковных лагерях и громили демократические редакции. Управление охраны было лишено запасов оружия (часть которого уже раздали сотне депутатов и даже родственнику «Хаса», успевшему с пистолетом в руках ограбить таксиста), оно перешло в подчинение МВД, но руководителем Управления стал Русланов назначенец. Мало того, в феврале Конституционный суд признал роспуск экстремистской организации недействительным, и Фронт провел свою пресс-конференцию снова в Парламентском центре.

Кто главнее?

Борьба везде! В Питере тоже – кто главнее, депутаты или городское правительство? Уровень накала не столичный, тем более что большинство в Совете все же у демократов, но и тут благие намерения переплетены с властолюбием и корыстью. В борьбе за первенство дело не только в амбициях, на кону пути и темпы развития новых экономических отношений, социальные ориентиры в бюджете города и... сладкий пирог – приватизация.

Глядя на то, как богатеют и становятся хозяевами жизни те, кто еще вчера был никем, депутаты задумываются о том, что ждет их дальше, когда истечет срок их мандатов. И начинают строить это будущее. Вот кто-то из депутатов пробивает через Совет создание торгово-финансовой биржи, а когда ее регистрируют, становится там директором. Вот, глядя на процветающего Невзорова, один из депутатов уходит делать деньги на коммерческое телевидение, другой – в Комитет по внешним связям, где может поучаствовать в гостиничном бизнесе, третий – под шумок, по остаточной стоимости скупает недвижимость... Когда эти люди хотели понравиться избирателям, они уверяли их в бескорыстном служении народу, но соблазн ухватить свой кусок велик, а самооправдание найдется.

В отличие от Верховного Совета и съезда, городской Совет ограничен в своих возможностях менять главные «правила игры». Но в законе о местных Советах есть право утвердить свою маленькую городскую Конституцию – Устав города. Правда, он не должен противоречить Основному закону, но это не беда, ведь перекроенная Конституция дает широкие возможности.

В начале нашей работы депутаты стали напрямую управлять исполкомом, они назначали его председателя и заместителей, прямыми указаниями вмешивались в его оперативную деятельность. Когда Анатолий Собчак стал мэром Санкт-Петербурга, он, подобно Ельцину, захотел расширения своих полномочий. Резон в этом был: при катастрофическом положении с продовольствием и финансами возможность принятия оперативных решений без дискуссий и проволочек была востребована жизнью. Но цейтнот – не лучшее условие для принятия верных решений. И все же новоиспеченный мэр считал, что справится со своими задачами. Не тут-то было! За два с лишним года горсовету пришлось отменить более 200 его распоряжений.

Кроме того, скрытно был сделан подкоп под основы ненавистой исполнительной власти: группа депутатов предложила проект устава города. Из него следовало, что *«источником властных полномочий является население*

ние Санкт-Петербурга, а представителем населения является Санкт-Петербургский Совет народных депутатов». По-ленински – вся власть коммуне!

Проект давал депутатам право на всё: наделять самих себя полномочиями и окладами, владеть и распоряжаться городской собственностью, утверждать руководителей городской администрации, отменять любые акты мэра и отрешать его от должности. По сути повторялась история с полномочиями съезда. Городские депутаты тоже хотели безраздельной власти при отсутствии ответственности за свои ошибки.

Принятый Советом устав ушел на утверждение в Москву, но Ельцин знал о том, как депутатские амбиции мешают делу, и проект «лег под сукно».

Но если и в Москве, и в Питере, и в других городах один и тот же спор о том, кто главнее, то, может быть, дело не только в жадных властолюбцах, а в системе, которая не имеет инструментов их сдерживания?

Да, система Советов не предусматривала реального разделения властей. Для ее создателей «парламентаризм» был ругательством, а «рабоче-крестьянское представительство» – ширмой. Красные живодееры первого призыва сами себя истребили. Но обличье «народовластия» осталось в руках тех, кто полвека твердил присмирившему народу о Советах как о народной власти. Эта пропаганда сделала свое дело, даже противники советской империи пошли на выборы под лозунгами «Вся власть народу!», «Вся власть Советам!». И попали в ловушку формы, которая, не имея систем сдержек и противовесов, повела элиты к борьбе за властную вертикаль.

Новый съезд начался с того, что депутатам пришлось идти в Кремль через бесноватую толпу, которая держала в руках плакаты «Ельцин иуда!», «Позор сионистам!», «Позор продажной интеллигенции!», «Сталин, вернись, космополиты одолели!» и с прочими «миролюбивыми» воззваниями.

А на первом заседании некто Федосеев из Ангарска с ходу предложил включить в повестку съезда обращение в Конституционный суд за оценкой действий президента по «развалу Союза» и пояснил, что это «послужит основанием для его отрешения от должности».

Достаточной поддержки предложение не получило, но обличающую, агрессивную тональность обозначило.

Затем последовала еще одна попытка убрать из повестки выступление и.о. премьер-министра – не выслушав Гайдара, громить его было бы легче.

Когда это не удалось, член Верховного совета и сопредседатель «Фронта национального спасения» С. Бабурин убедил собравшихся в том, что, пока не внесены поправки в Конституцию о Совете министров, не принято постановление съезда о ходе экономических реформ, нельзя говорить и о кандидатуре на пост премьер-министра.

Тут резко выступил Б. Ельцин:

«Конфронтация приобретает все более угрожающие, крайние формы. В последнее время на старой большевистской закваске стали возникать самозванные фронты, подпольные правительства. Дело дошло до формирования военизированных отрядов, так называемых гвардий. Смысл происходящего очевиден: еще раз расколоть общество, столкнуть в “последней схватке” исполнительную и законодательную власти, ослабить государство, посеять хаос.

Политические авантюристы рассчитывают на то, что неуправляемая Россия снова может стать их легкой добычей. Если такое случится, их торжество будет недолгим. Но они сделают страну полем боя гражданской войны. Допустить это было бы просто преступлением. С такими политическими силами никакой компромисс, никакое сотрудничество не только невозможны, но и недопустимы. Вспоминаются пророческие слова А. С. Пушкина: “Не приведи Бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный!” Приведу и вторую часть цитаты, которую обычно забывают: “Те, которые замышляют у нас всевозможные перевороты, или молоды и не знают нашего народа, или уж люди жестокосердные, которым чужая головушка – полушка, да и своя шейка – копейка”.

Сегодня особенно очевидно, что страну нужно оградить от разнузданной, нагнетаемой антиреформаторскими силами политической истерии. России жизненно необходима передышка хотя бы на год-полтора. <...>

Начинать стабилизационный период с разрушения любого из высших институтов власти – просто абсурдно. Нужен мораторий на любые действия, дестабилизирующие институты государства в этот период.

Конечно, до стабилизации было еще очень далеко. Но советские люди прошли суровую школу и понимали, что от власти можно ждать чего угодно. Они боялись еще большего хаоса, и призыв к стабильности отвечал их интересам.

В газете «Известия» тогда же появилась статья «Оставьте все как есть» с подзаголовком «Так ответили россияне на вопрос о главе правительства»:

«ВЦИОМ провел опрос среди 1427 жителей российских городов. Среди прочих вопросов задавался и такой: “Кого Вы предпочли бы видеть сейчас во главе правительства России?”

Если учесть, что под словом “правительство” очень многие разумеют “руководство”, то ясно, что ответы воспроизвели ту иерархию “руководителей”, которая представляется людям естественной: № 1 – президент, № 2 – вице-президент, № 3 – премьер.

Словом, Ельцин оказался на том месте, на котором и следовало ожидать. Отданные ему 27% голосов – это по нынешним временам очень немало. (Доказательство: № 1 получил больше голосов, чем № 2 и № 3, вместе взятые). Примечательно, что Ельцина особо поддерживают и молодые горожане (среди них – до 35%), пенсионеры (32%), но более всего – такие осторожные люди как предприниматели (39%)».

(Любопытно, что в архивах ВЦИОМ я нашел только результаты летнего опроса с другими, значительно худшими результатами.)

Как бы там ни было, вывод автора публикации выдает его симпатии – ведь те же 27% поддержки можно трактовать и так: больше 70% опрошенных не хотят видеть ни одного из этих «начальников».

Это отчасти подтверждает соседняя страница тех же «Известий»: *«Если промышленные Вологда и Череповец продолжают доверять президенту, то деревня его уже не поддерживает. <...> ...сегодня наиболее характерны для них такие взгляды: “Большинство голосовали за Ельцина, так теперь жалеют. Спекулянтов развел. Теперь бы ни за кого голосовать не пошли”».*

Значило ли это, что реформаторам пора отступать? Перед кем? Перед архаичным сознанием крестьянина, которому психологически легче от равенства в нищете? Перед обывателем, которому неведомы сложные взаимосвязи происходящего? Перед теми, кто, разжигая вражду, пьются в пропасть гиперинфляции? На только что прошедшем в Москве первом Конгрессе интеллигенции Егор Гайдар предостерегает: «Умиротворение агрессора – это худшая политика».

Тем более что расклад сил на съезде действительно не в пользу реформаторов. У коалиции реформ («Демократическая Россия» и «Радикальные демократы») всего 125 мандатов, это лишь 15% от общего числа депутатов. И даже там нет единодушия и ясности, как, впрочем, нет ее ни у кого из участников драмы. Миллионы людей стали заложниками кризиса, безболезненное разрешение которого под силу разве что Господу Богу... Да, среди сторонников перемен есть несколько знатоков рыночной экономики. Но им надо экстраполировать свое теоретическое знание на ситуацию, которая не имеет аналогов!

В самой ортодоксальной фракции «Коммунисты России» лишь 80 человек. Они опираются на ту дремучую часть общества, которая знает привычный, стабильный уклад казармы и не хочет знать ничего другого.

Вот выступает депутат Кашин, у него, как у матроса Железняка, мандат и уверенность в праве и способности принимать судьбоносные решения: *«В первую очередь необходимо остановить падение производства, ввести систему государственных заказов. Незамедлительно заморозить все цены, установить предельный уровень рентабельности, а также установить государственное регулирование цен на хлеб, картофель, молоко, сахар, табачные, винно-водочные изделия. Провести реформу цен, обеспечить эквивалентный обмен между промышленностью и сельским хозяйством. Ужесточить ответственность за спекуляцию, особенно за перепродажу товаров, купленных в госторговле».*

Как остановить падение производства, если его себестоимость выше той цены, которую способен заплатить покупатель, а качество не выдерживает критики? Как заморозить цены на продовольствие? Раньше, чтобы сохранить низкие розничные цены, из доходов от продажи нефти и газа производителям отече-

ственного хлеба и мяса доплачивали до 100 миллиардов советских рублей, но даже тогда отдача была мизерной. А теперь денег нет. Колхозник и фермер не отдадут плодов своего труда за половину их себестоимости, они их придержат, а если отнять – бросят дармовую работу. Значит, снова принудиловка, снова продотряды? А на железных дорогах заградотряды, которые станут ловить «спекулянтов»? А как быть с зарубежными закупками продовольствия, они составляют 30%, а корма – все 40% необходимого. И ни Канада, ни Аргентина цены сбавлять не станут.

У народных избранников полный разброд в головах, многовековой общиннокрепостной уклад впечатан в подсознание и причудливо сочетается с желанием жить, «как на Западе». На предыдущем съезде большинство дружно голосовало за право частной собственности на землю, теперь же кто-то предлагает взять и вообще отменить частную собственность. Не прошло и года, а за эту идею уже голосуют почти 300 депутатов!

Народным избранникам хочется быстрых и приятных, но безболезненных перемен. Одна из депутатских групп так и называется: «Рабочий союз – Реформы без шока». Как это сделать, они не знают, что не мешает им судить и указывать. Политические партии на съезде еще не представлены, все депутаты – одномандатники, они еще чувствуют свою зависимость от избирателей. Поэтому при трансляции их речей на всю страну самое популярное занятие большинства – гневные обличения, требование повысить пенсии, зарплаты и дотации колхозам. Денег нет? А вы найдите! Не можете или не хотите? Вам что, людей не жалко?

При рассмотрении республиканского бюджета съезд и Верховный Совет уже наделены полномочиями, сопротивляться которым правительство почти не может. Расходная часть за уходящий 1992 год была увеличена на 1 триллион 300 миллиардов «деревянных» рублей. Центробанк обеспечил их бумажное наличие за счет печатного станка. А в нестройном хоре радетелей всеобщего блага еще громче зазвучали уверенные, обличающие голоса из блока «Российское единство». Его члены клянут «грабительские реформы». Депутат Владимир Тихонов: «Наши женщины перестали рожать детей потому, что они не имеют средств для их содержания, они не могут их вырастить людьми, они не видят их будущего. Народ, Россию лишили будущего, обрекли на вымирание и уничтожение. Проводимая правительством политика – это политика геноцида против собственного народа. Ради этой политики и осуществляется невиданное в истории человеческой цивилизации ограбление собственного народа». При этом, по словам председателя подкомитета по приватизации Комитета по вопросам экономической реформы и собственности Верховного Совета РСФСР Петра Филиппова, за кулисами съезда «обличители» интересуются у него: «А вот правильный ли мы выбрали вариант акционирования, как нам лучше провести приватизацию?»

Рык президента, прямо указавшего на опасность гражданской войны, оппо-

зицию не останавливает. Их лозунг – «Вся власть Советам!», их задача – взять в свои руки всю полноту как законодательной, так и исполнительной власти.

Инстинктивное желание власти – сильная штука, но депутатами двигало не только оно. «Вся власть Советам!», романтический лозунг времен «Великой Октябрьской социалистической революции», прочно сидел в сознании советских людей. Он всплыл в их сознании времен перестройки, на него ориентировалось большинство тех, кто мечтал о переменах.

Ведь власть Советов – это власть народа! Что может быть лучше?

Значит, принадлежать она должна нам, тем, кого он избрал. И конечно, вся, как мечталось еще в 1917-м!

Разделение властей? На три ветви? Ну ладно суд, судей тоже избирают, значит, они должны быть отдельно, но чиновники? Нет, их власть исполнительная! Так пусть исполняют наши указания, а мы будем смотреть и оценивать и, если надо, менять. Все просто, мы – народ, а он не ошибается, он – «глас Божий».

Правда, если спросить у депутатов, о каком именно боге идет речь, они сильно удивятся. А ведь пословица сия из времен Древнего Рима, при многобожии которого вопрос вполне уместен. Но вряд ли знают депутаты о том, что из времен Гесиода вернул ее к жизни ученый VIII века, написавший также, что «людям не должно прислушиваться к тем, кто говорит, что глас народа является гласом Божиим, ибо необузданность толпы всегда граничит с безумием».

Но зачем все это знать? Тем более что мы не толпа, мы – народные избранники!

Парламентаризм? Это что-то буржуазное, еще Ленин говорил: «Коммуна должна быть не парламентским учреждением, а работающим, в одно и то же время законодательствующим и исполняющим законы».

Его наследники сделали Советы ширмой для своей диктатуры? От нее мы избавились. А цитировал Ильич, между прочим, Маркса, а тот уж точно не дурак.

Мы не коммуны строим?! Да, у нас свой путь: немножечко рынка, но и социализма тоже. Как в Швеции...

Про «шведский социализм» депутатам поведал еще Хасбулатов, когда клеймил пороки либеральной (американской) экономики, противопоставив «социально ориентированную» скандинавскую. Депутаты имели смутное представление о том, что это такое. Но возможность найти опору для критики обрадовала, ведь оказалось, что под их недовольством есть серьезная база.

На прошлом съезде у оппозиции было 350 штыков (40%), теперь – уже половина съезда.

Заканчивая свою речь, президент предложил съезду:

- *сосредоточиться на разработке и утверждении новой Конституции;*
- *Верховному Совету взять на себя разработку всех иных законодательных актов;*
- *всю исполнительно-распорядительную деятельность, в том числе*

управление федеральной собственностью, возложить на правительство, подотчетное президенту;

– на период стабилизации сохранить порядок утверждения главы правительства Верховным Советом по представлению президента, оставив за ним право утверждать всех остальных членов правительства по представлению премьер-министра.

Президент заявил, что берет на себя ответственность за все важнейшие решения в сфере экономической реформы.

Ответом становится неожиданное выступление председателя Конституционного суда В. Зорькина. Он хоть и виляет, но становится на сторону оппозиции.

Позже Ельцин скажет в своих записках:

«Честно говоря, это был сильный и неожиданный удар – от судебной инстанции я ждал не участия в политике, а только объективного взгляда на вещи, непредвзятости, нейтральности. Однако в жизни получилось иначе. Появившаяся на трибуне фигура Зорькина ознаменовала собой начало совершенно нового этапа в отношениях со съездом, предпринявшим попытку легального отстранения президента от власти».

Председатель узкоспециализированного суда, функция которого ограничена экспертизой соблюдения буквы Основного закона, дал политические оценки по всему кругу социально-экономических проблем. Говоря о приватизации, он задается риторическим вопросом: каков приоритет? И подсказывает ответ: обнищание во что бы то ни стало!

Он упрекает всех сидящих в зале, но ответственностью грозит лишь «должностным лицам», прекрасно зная, что у депутатов особый, неприкосновенный статус. Он грозит той «власти», которая нарушит Конституцию. Но в подновленной Конституции, которую он защищает, депутаты ввели положение о том, что их съезд «правомочен принять к своему рассмотрению и решить любой вопрос, отнесенный к ведению Российской Федерации»!

Любой? Тогда можно и Конституцию, не нарушая, отменить?! Заменяя ее хоть диктатурой, хоть монархией?! Практика всех демократических обществ давно показала: каждая из ветвей власти стремится к расширению своих полномочий. Поэтому необходима система сдержек и противовесов, которая станет ограничивать неумные аппетиты обеих сторон. Это азы демократии. Но сосредоточение абсолютного, ничем не сдерживаемого произвола в одном государственном органе председателя КС почему-то не тревожит. (Интересно, что сказал бы сей арбитр, если съезд успел бы отменить сам Конституционный суд, заменив его «народным, то есть депутатским, правосознанием»?)

Съезд продолжается. Руцкой и Хасбулатов, оперируя произвольно взятыми цифрами, предрекают катастрофу, обличают классический либерализм, «некомпетентность» и «безнравственность» правительства.

Егор Гайдар, которому наконец дают слово, пытается объяснить собравшим-

ся всю сложность текущих проблем. Он не скрывает просчетов правительства в борьбе с инфляцией, но говорит о том, что его команде все же удалось главное: долги СССР в размере 20 миллиардов долларов, которые надо было срочно отдать зарубежным кредиторам, раскассированы, отсрочка позволила использовать 14 миллиардов долларов для закупки продовольствия, медикаментов и запчастей для промышленности. Страна избежала голода, но это произошло только потому, что курс нового правительства дал кредиторам надежду на то, что у российской экономики есть перспектива.

Гайдар аккуратно поправляет оппонентов, называя реальные цифры. На упрек Хасбулатова в том, что правительство не следует примеру Европейского союза, который, «как это знает каждый пастух» (?!), тратит на поддержку сельского хозяйства 32% своего бюджета, отвечает, что пастухам не обязательно, а вот профессорам стоило бы знать, что вся эта доля составляет лишь 1% от собственных бюджетов стран, входящих ЕС.

Но требующие осмысления выкладки и доводы, что «правительство реформ» сумело удержать страну от остановки промышленности, голода и финансового краха, не действуют.

По предложению депутата Аксючица, съезд транслировался на всю страну. Поэтому немудрено, что в прения по докладам записалось более 180 депутатов. Они вволю, не стесняясь в ругани, оттоптались и на отчете и.о. премьера, и на стабилизационных планах президента. Разгулявшееся большинство, осудив работу правительства, лишило президента дополнительных полномочий и провалило утверждение Гайдара на посту премьер-министра.

Что было делать президенту? Продолжать настаивать на своем?

Но съезд уже наделил себя всевластными полномочиями, юридически поставив под свой полный контроль правительство Российской Федерации. Верховный Совет получил право назначать председателя Центрального банка России, давать согласие на назначение министров иностранных дел, обороны, безопасности и внутренних дел. Теперь правительство, как, впрочем, и сам президент, подотчетно и Верховному Совету, и толпе депутатов. Что же вправе решать президент? Издавать указы? Но они не могут идти вразрез с решениями Верховного Совета и съезда. Отменять решения? Но только исполнительной власти. А может ли президент Российской Федерации хотя бы приостановить реализацию какого-либо решения депутатов? Нет!

Зато ему вменили в обязанность представлять Верховному Совету предложения о структуре органов исполнительной власти, однако утверждать их будет съезд. Тот съезд, что получил право на отмену актов и распоряжений президента.

Ельцин:

«В тот вечер, 9 декабря, после очередного заседания я вернулся на дачу не поздно. Увидел глаза жены и детей. Рванул в баню. Заперся. Лег на спину. Закрыв глаза. Мысли, честно говоря, всякие. Нехорошо... Очень плохо».

Вытащил меня из этого жуткого состояния Александр Васильевич Коржаков. Сумел как-то открыть дверь в баню. Уговорил вернуться в дом. Ну, в общем, помог по-человечески.

Затем, как всегда, главный “удар” на себя приняла Наина... Постепенно я отошел.

Кто-то из домашних сказал: надо спросить у людей – или ты, или они. Народ все прекрасно понимает.

И вдруг я зацепился за эти слова. Идею референдума мне подсказывали давно политологи и юристы. Но речь шла о том, чтобы таким образом решать судьбу съезда: распускать – не распускать.

А тут была совершенно новая постановка вопроса: хотят люди дальше жить с президентом или со съездом? Бог надоумил в тот вечер моих самых родных людей. <...>

Точность идеи состояла в том, что в такие напряженные моменты мне совершенно необходима поддержка именно простых людей, людей с улицы, совершенно случайных, никаких не избранных.

Еще на предыдущем съезде, когда съезд отказал народу в праве собственности на землю, демократы-аграрники предлагали Ельцину требовать всенародного референдума. Теперь, не предупредив своих сторонников, он выходит на трибуну с этой целью.

Обращаясь к гражданам России, он говорит о ползучем перевороте, цель которого – заблокировать реформу, расправиться с правительством и президентом, с реформами и демократией, совершить крутой поворот назад:

«Острота сегодняшнего момента определяется тем, что на VII Съезде четко обозначились две непримиримые позиции. Одна – на продолжение реформ, на оздоровление тяжелобольной экономики, на возрождение России. И другая позиция – дешевого популизма и откровенной демагогии, дезорганизации сложных преобразований и в конечном счете восстановления тоталитарной советско-коммунистической системы, проклятой собственным народом и отвергнутой всем мировым сообществом. Это даже не путь назад, это путь в никуда. <...>

В такой ситуации считаю необходимым обратиться непосредственно к гражданам России, ко всем избирателям. <...> Наступил ответственный, решающий момент. И над Съездом, и над Президентом есть один судья – народ. Вижу поэтому выход из глубочайшего кризиса власти только в одном – во всенародном референдуме. Это самый демократичный, самый законный путь его преодоления. Яне призываю распустить Съезд, а прошу граждан России определиться, с кем вы, какой курс граждане России поддерживают. Курс Президента, курс преобразований или курс Съезда, Верховного Совета и его председателя, курс на сворачивание реформ и в конечном счете на углубление кризиса. <...>

Граждане России! В этот критический период считаю своей первой задачей обеспечение стабильности в государстве. <...> Один из залогов стабильности – устойчивая работа правительства. Гайдар остается исполняющим обязанности его председателя. Съезду не удалось деморализовать кабинет министров. Он будет работать, решительно проводить в жизнь реформы, стимулировать укрепление самостоятельности республик и регионов, предприятий и коллективов. И главное, поддерживать на должном уровне функционирование всех систем жизнеобеспечения. <...> Призываю граждан начать сбор подписей, набрать необходимое число голосов для проведения референдума. Призываю депутатов, кому дорого дело реформ, использовать свое право требования референдума.

Я предлагаю Съезду принять решение о назначении всенародного референдума на январь 1993 года со следующей формулировкой: “Кому вы поручаете вывод страны из экономического и политического кризиса, возрождение Российской Федерации: нынешнему составу Съезда и Верховного Совета или Президенту России? ”».

Сходя с трибуны, Ельцин призывает своих сторонников покинуть съезд и вместе с ним перейти в Грановитую палату. Но в депутатских рядах замешательство, демократы не предупреждены о таком повороте, многие не поняли, не расслышали из-за шума и плохой акустики в зале. Вслед за президентом уходят не более 150 человек, и кворум на съезде сохраняется. Оппозиция, вернув на место Хасбулатова, который демонстративно собрался в отставку, вызывает на ковер министров-силовиков и убеждается в том, что разгонять их никто не собирается. Приободрившись, они с ходу сочиняют свое обращение к народу, где утверждалось, что «предпринята попытка нарушить конституционный баланс исполнительной и законодательной властей, сорвать работу высшего органа законодательной власти, содержатся оскорбления в адрес Верховного Совета, его председателя и Съезда народных депутатов». Съезд заявил, что референдум «изначально настраивает общество на конфронтацию, направленную в конечном счете на уничтожение одной из ветвей государственной власти». Вместо референдума депутаты предложили провести одновременные досрочные выборы президента и всего депутатского корпуса. При посредничестве Зорькина начались переговоры Ельцина и Хасбулатова. Выйдя к журналистам, Ельцин сказал, что Хасбулатов настаивает на отстранении Гайдара, а он не готов к выдвижению другой кандидатуры.

На самом деле президент уже сдавал свои позиции. То, что большинство депутатов не пошли за ним, то, что министры-силовики, по сути, отстранились от главы исполнительной власти, а импичмент стал реален, снова повергло Ельцина в депрессию.

В результате было принято постановление «О стабилизации конституционного строя Российской Федерации», где значилось:

- провести всероссийский референдум об основных положениях новой Конституции;
- отложить до проведения референдума введение в силу только что принятой поправки в Конституцию, гласившей о немедленном отстранении президента, если он приостановит деятельность какого-либо избранного органа власти;
- дать возможность президенту внести на рассмотрение съезда несколько кандидатур для мягкого рейтингового голосования, а потом представить депутатам на утверждение одну из трех кандидатур, получивших наибольшее число голосов. (В случае, если и этот кандидат не наберет нужного большинства, президент мог бы назначить исполняющего обязанности премьера на срок до следующего, VIII Съезда, но этой возможностью он не воспользуется.)

И съездовское и ельцинское обращения к народу «утратили силу», мир восстановлен? Нет, оппозиция ломит дальше. Что ж, будем сбрасывать «балласт»: верный оруженосец и советник президента Геннадий Бурбулис удален, теперь очередь за Гайдаром!

В перерыве съезда Ельцин предлагает Егору Тимуровичу самому снять свою кандидатуру. А тот, понимая, что самоотвод будет истолкован противниками как добровольное признание своей неправоты, отказывается. Тогда президент выходит к съезду с новыми кандидатами, среди них зампред правительства по топливно-энергетическому хозяйству, глава «Газпрома» Виктор Черномырдин. Депутаты охотно утверждают «крепкого хозяйственника». Первая реакция членов гайдаровского кабинета – «уходим завтра». Но Гайдар просит их остаться и помогать новому премьеру.

Рублики халявные...

*Хотели, как лучшие,
а получилось, как всегда.
Виктор Черномырдин*

Левая оппозиция радуется победе. Позже в своих воспоминаниях Б. Ельцин, оправдывая свое поражение, напишет:

«...Гайдар не до конца понимал, что такое производство. И в частности, что такое металлургия, нефтегазовый комплекс, оборонка, легкая промышленность. Все его знания об этих отраслях носили главным образом теоретический характер. И в принципе такой дисбаланс был довольно опасен.

Черномырдин знает производство. Но если он “поплывет” в макроэкономической ситуации, если упустит стратегию, это еще опаснее. Это опаснее во сто крат. Причем перед Черномырдиным стоит сложнейшая задача: не просто держать прежние приоритеты, а выполнить то, что не успел и не смог сделать Гайдар, – стабилизационную программу».

Стабилизацию, но чего? Для Гайдара это была финансовая стабилизация. У нового премьера именно она и перестала быть приоритетной. Опытный администратор, конечно, разбирался в советском плановом хозяйстве. И трудности, с которыми оно столкнулось в условиях стихийно развивавшегося рынка, Виктор Степанович понимал. А не понимал он того, что латанием дыр и монополизацией основных доходных производств стране не поможешь.

Главной проблемой развалившейся постсоветской экономики было несбалансированное соотношение цен: на сырье, на произведенный продукт, на труд – и на цену денег, на их покупательную способность.

Вынужденное освобождение цен сначала на продовольствие, а потом и на другие товары обнажило все имевшиеся перекосы в ценообразовании. Поэтому для спасения и промышленности, и сельского хозяйства, для спасения экономики в целом необходимо было двигаться к тому естественному балансу цен, который устанавливается спросом и предложением. Это и было стратегической задачей стабилизационной программы. А новый премьер думает иначе, выступая перед депутатами, В. Черномырдин говорит:

«Прежде всего, конечно, надо остановить спад производства. <...> Наша страна не должна превратиться в страну лавочников», «Убежден, что и социальную сферу без тяжелой промышленности, без развитой промышленности мы не вытащим».

Спору нет, помочь промышленности необходимо, но как? На тот момент главной проблемой производственного сектора экономики были неплатежи. Стихийный рост цен девальвировал рубль и, в свою очередь, подстегнул тот же рост. Производить и продавать по старым ценам никто уже не только не хотел, но и не мог. А оборотных средств, денег, чтобы купить сырье и расплатиться со смежниками по растущим ценам, не хватает. Сбыть свой товар по растущим ценам не просто, но есть государство, есть Государственный комитет по снабжению, ему можно сдать свою продукцию по любой цене, а потом требовать выплаты.

«Мое дело произвести плановую продукцию, а пользуется она спросом или нет, это не мое дело, обеспечить платеж – это дело или правительства, или Центрального банка, или кого-нибудь еще», – так описывал директорскую психологию заместитель председателя Банка России Сергей Игнатьев.

Правительство завалено мольбами и просьбами: возьмите продукт и дайте денег, не то встанут заводы, шахты и железные дороги! А не будет денег, взбунтуется народ, ведь завтра ему есть будет нечего. Зачастую это правда. В моногородах и поселках, где все держится на одном предприятии, у людей нет других доходов, они, боясь потерять место, покорно продолжают работать, месяцами не получая зарплаты. Директора, требуя кредиты и даже получая задолженности из бюджета, не спешат делиться с работниками.

При этом народ сам смеется над собой, сочиняя анекдоты:

«Один директор жалуется другому: “Что ты будешь с ними делать, расценки два раза снизил, все равно работают”. – “А я уже полгода им не плачу, так они все равно приходят!” – “Слушай, а давай завтра на собрании объявим, что опоздавших будем вешать на проходной”. – “Давай”. Созвали рабочих, объявили, а те сидят, молчат. Тут из задних рядов рука поднимается, директор обрадовался: ну, думает, сейчас возмутятся и совсем уйдут, тут-то мы заводик и растащим... А робкий голос спрашивает: “Так нам веревку с собой приносить или выдавать будут?”».

Шутки шутками, но что же делать «крепкому хозяйственнику» старой закалки? Рядом с ним такой же крепкий соратник, глава Центробанка, а в прошлом главный советский банкир В. Геращенко. Он, хоть и признавал необходимость перемен, был убежденным сторонником цен регулируемых, а реформ «поэтапных». Еще во времена недолгого правления Е. Гайдара, считая, что промышленность

А.Чубайс, Е.Гайдар

стала жертвой «наивных ребят», он стал просто печатать и раздавать деньги. Он убежден, печатание денег – лучший способ разрулить кризис взаиморасчетов среди производителей, причем не только российских, но еще и соседей по бывшему Союзу.

Гибельность такого пути была очевидна не только правительству реформаторов.

Еще в августе 1992 года Петр Филиппов выступил по петербургскому телевидению с обращением к гражданам России, к народным депутатам, к президенту:

«Молодая российская демократия в смертельной опасности! <...> То, что год назад не удалось сделать с помощью танков, сегодня может быть сделано с помощью банков. Что заставляет меня говорить эти тревожные слова? 28 июля исполняющий обязанности председателя ЦБР Геращенко разослал телеграмму по местным расчетным центрам банка, в соответствии с которой государство собирается оплатить все долги государственных предприятий. Это означает не только нарушение указа президента о нормализации расчетных отношений в народном хозяйстве, но и нарушение обязательств перед Парижским клубом, объединением кредиторов России, заявившим, что он согласен на отсрочку выплаты российских долгов, если Россия будет выполнять свои обязательства по проведению экономической реформы, по стабилизации финансового обращения в нашей стране».

На практике это означало, что в денежный оборот будет влит триллион (!) ничем не обеспеченных, свежееотпечатанных рублей, при этом помощь будет оказана только госпредприятиям, а, значит, все, кто перешел в другие формы хозяйствования, окажутся перед угрозой разорения. Скачок инфляции неминуем и коснется в первую очередь неимущих. *«Если такое произойдет, – продолжал Филиппов, – если у народных депутатов России, у президента не хватит мужества и политической воли остановить экспериментаторов из ЦБ, то можно с уверенностью предсказать, что сначала падет правительство, потом вынужденно уйдет в отставку президент и будет разогнан парламент. Ибо в этом случае к власти придут те, кто захотят вернуть нашу страну к коммунистической распределительной системе, кто захочет установить жесткие цены, жесткую фиксированную заработную плату, и, будьте уверены, установят это. Может быть – через море крови. Пока не поздно, мы должны не допустить такого развития событий».*

Несмотря на все протесты и переговоры Гайдара с Геращенко, несмотря на его формальное согласие внести коррективы в свою денежную политику и перейти от печатания денег к безналичным взаимозачетам, Центробанк при поддержке Хасбулатова продолжил свою диверсию.

Да, появление на счетах, а потом и на руках дополнительных денег увеличило покупательный спрос, на время оживило торговлю и производство. Однако рынок чутко реагирует на рост денежной массы повышением цен, их рост обес-

ценил всю сложившуюся денежную массу до прежнего, а то и худшего уровня. Снижение реальной платежеспособности вновь затормозило производство. Искусственные попытки Центробанка взбодрить экономику лишь подталкивали ее в трясину гиперинфляции.

Е. Гайдар: *«Результаты порочной политики ЦБ не заставили себя ждать, темпы роста денежной массы резко пошли вверх... <...> С середины августа, когда со стандартным месячным отставанием созданная в июле рублевая масса обрушилась на валютный рынок, курс доллара по сравнению с рублем резко взмывает вверх. В конце этого же месяца обозначаются негативные перемены в динамике продовольственных цен. Фундаментальная причина – перелом денежной политики. Угроза гиперинфляции, развала денежного обращения, утраты всех результатов политики реформ становится очевидной».*

Положение усугублялось еще и тем, что Центробанк отменил ограничения в техническом кредитовании Украины. Денежные расчеты между Россией и ее соседями осуществлялись в безналичных рублях, причем соседи могли самостоятельно «рисовать» необходимое им количество таких рублей. Как говорил тогда украинский премьер Фокин, *«зачем сдерживать бюджетный дефицит, когда в руках у тебя “печатный станок?”*». В результате относительное благополучие соседей сохранялось, а ущерб несли лишь Россия: в оплату за реальные, поставляемые соседям российские товары нам перечислялись рубли фиктивные.

Инфляция шла полным ходом. Если еще в августе 1992 года доллар стоил 142 рубля, то к декабрю уже 415! Трехкратное обрушение рубля не смущало банкира, которого почему-то называли Гераклом. Он прямо провоцировал обвал рубля, заявив еще в ноябре, что тот должен подешеветь в 25 раз. Совершать такие «подвиги» ему было нетрудно – глава Центробанка был зависим разве что от Хасбулатова и послушных председателю Верховного Совета депутатов. Несмотря на то, что глава Центробанка был вынужден признать на VII Съезде, что покрытые им долги предприятий снова выросли (теперь уже до 3 миллиардов рублей), он продолжал пользоваться горячей поддержкой депутатов. Ведь среди них было немало лиц, заинтересованных в том, чтобы потратить своему заводу или отрасли. (Отказаться от эмиссионного финансирования дефицита бюджета правительство сможет только в 1994 году, что и позволит, но лишь в следующем 1995 году сбить инфляцию.)

Неудивительно, что, имея рядом такого единомышленника, Черномырдин с ходу в качестве поправки к бюджету предложил выдать 200 миллиардов рублей льготного кредита топливно-энергетическому комплексу, еще 162 миллиарда ничем не обеспеченных рублей – агропромышленному. Минимальный размер оплаты труда бюджетников тоже повысили. Депутаты добавили к бюджетному дефициту еще 15 миллиардов рублей на удвоение пенсий.

Результат: после шести месяцев активной модернизации в новом году эко-

номика снова топчется на месте, она тонет, погружаясь в массу бумажных, как тогда говорили, «деревянных» рублей.

Читатель вправе спросить: а что же надо было делать? Неужели оставить товаропроизводителя с нереализованной продукцией и без денег? А работников без зарплаты? А потом что, выкинуть печатные станки, которые закупил еще Павлов, и сказать: начинаем с натурального обмена, пусть в диком поле выживет сильнейший? Безусловно, это не выход, и никто этого не предлагал. То, что денежной эмиссией пользуются не только больные, но и здоровые экономики, было известно. Дело было в темпах и разумном ее сдерживании. Чтобы, как говорил министр экономики Андрей Нечаев, «очень точно и очень тонко балансировать между необходимостью чуть-чуть ослаблять кредитную политику ради поддержания производства и в то же время не ослаблять ее настолько, чтобы последовал срыв в гиперинфляцию». Ведь только в этих жестких условиях предприятия научатся рассчитывать на собственные силы и реальный спрос.

Петр Филиппов: *«Посудите сами: бюджет на 1993 год, принятый Верховным Советом в первом чтении, предусматривает, что 40 процентов от суммы расходов федерального бюджета будет покрываться за счет печатного станка. Это страшная сумма. А если мы прочитаем плановые наметки ЦБ, то банк планирует ежемесячное увеличение денежной массы в стране на 18-20 процентов, в то время как правительство настаивает, что мы не можем увеличивать денежную массу больше, чем на 7 процентов. При 7 процентах и то темп роста цен будет составлять 10-15 процентов в месяц. Но 7 процентов – это тот предел, который позволяет нам осуществлять структурную перестройку за счет кредитов, выделяемых ЦБ, и в то же время не попасть в пропасть гиперинфляции».*

Но голос разума не останавливает депутатов. Сразу после предложений Черномырдина об увеличении расходной (дефицитной) части бюджета, не дожидаясь его принятия в конечном виде, рубль снова пошел вниз. Если 5 января 1993 года за доллар давали 517 рублей, то 28-го – уже 572, дальше – больше...

Это отрезвило премьера. Егор Гайдар сказал тогда: «Черномырдин получил самое дорогое образование в мире – за его понимание законов рынка заплатила вся страна».

Уже через пару месяцев премьер, добившись вливаний в ТЭК, начинает сопротивляться продолжающейся эмиссии. Во многом это связано с негативной реакцией Запада. Если в августе 1992 года конгресс США принял закон о поддержке свободы, ориентированный на демократические преобразования в России, то теперь никто не хочет выдавать кредиты системе, которая катится в пропасть. Ведь оказалось, что за прошлый год денежная масса была увеличена не на один, а на 3,5 триллиона рублей! Что же касается Геращенко, тот задумается лишь в июле 1993-го, когда доллар будет стоять больше тысячи, а дефицит госбюджета достигнет 32% от его расходной части.

Тогда правительству Черномырдина придется проводить еще одну конфискационную денежную реформу. Введя новые, теперь уже российские банкноты, Россия отменяет хождение советских денег, которые находятся у соседей. Это 7 миллиардов рублей в странах Балтии, 21 миллиард в Средней Азии, 15 миллиардов в Закавказье, 6 миллиардов в Белоруссии, 37 миллиардов на Украине.

У граждан России было изъято старых банкнот на 24 миллиарда рублей. Это не все имевшиеся на руках деньги, сначала был установлен лимит обмена купюр в 35 тысяч рублей (в то время это примерно 35 долларов). Потом сумму увеличили до 100 тысяч (100 долларов) и сроки обмена продлили до конца года. Но те, у кого на руках было больше (спасибо Рыжкову, Павлову, Геращенко и Черномырдину), своих запасов опять лишились.

А изъятая бумажная масса стала проблемой: если ее не ликвидировать, она опять может быть предъявлена. (До конца года грузовики с советскими деньгами курсировали меж республиками. В конечном счете, попадая в Москву, они становились так называемыми чеченскими авизо, которые столичные банки предъявляли Геращенко и получали новые деньги.)

Те же, кому было поручено ликвидировать десятки, если не сотни тонн устаревших купюр, не знали, что делать, горела эта бумага плохо, с жуткой вонью. В конечном счете старыми деньгами завалили полузатопленные шахты демонтированных баллистических ракет.

Бесы и экзорцисты

*Бесконечны, безобразны,
В мутной месяца игре
Закружились бесы разны,
Будто листья в ноябре...*
А. С. Пушкин

Хасбулатова нарастающие проблемы вполне устраивали – ведь так он мог стать спасителем (и властителем) великой страны... Профессор считал, что справиться с кризисом лучше других (уж точно лучше, чем невежда-президент и вся его сопливая рать), тем более что власть сама идет к нему в руки. Чем он, председатель Верховного Совета, не глава государства? Квартиру, предназначавшуюся генсеку Брежневу, он уже занял (тот, между прочим, постеснялся занимать целый этаж в 500 кв. м), от Яковлева, Полторанина, Бурбулиса и Гайдара избавился, теперь очередь за Ельциным. Правда, есть еще А. Руцкой, он вице-президент, и по Конституции при устранении Ельцина президентом станет он. Но что у него за права? Все полномочия по руководству Верховным Советом у спикера, еще немного и должность президента станет декоративной...

А что же Б. Ельцин? За внешней броней лидера скрывалась властная, но противоречивая, порывистая натура, для которой взятая ноша была тяжела. (В разговоре с экс-президентом США Никсоном он признавался тогда, что не готов баллотироваться на второй срок.)

Судьба вознесла его на предельную высоту. Но там, как и всех властолюбцев, его ждало то одиночество, которого он страшился и которое он зорко оберегал. Он тоже убеждал себя в том, что он и только он готов к решению великих задач. Практически так оно и было, других вождей в нужный момент не нашлось. Судьба огромной страны оказалась в руках не шибко грамотного, но обладающего интуицией уральского мужика. Масштаб завоеванной ответственности зачастую пугал его, но царь горы не собирался уступать кому-то эту вершину. Приступы малодушия, стрессы после критических ситуаций еще снимались стопкой хорошей водки, а лютые обиды на депутатский корпус ворочались в груди. Ведь и на самом деле все его попытки компромисса с оппозицией отвергались ею, ни одно конструктивное предложение не встречало поддержки. Президент раз за разом терпел унижительные поражения.

Однако не все еще потеряно, съезд с его «говорильней» людям уже надоел. А постановление о стабилизации, где принято решение о референдуме, Верхов-

ный Совет уже подтвердил. Значит, если найти нужные формулировки, можно переломить ситуацию, опираясь на мнение народа, который, скорее всего, встанет на сторону президента.

В этом его убеждают проведенные опросы. Так, в Петербурге газета «Смена» публикует результаты телефонного опроса жителей города, который провел Социологический научно-исследовательский центр:

«1. Необходимо ли провести досрочные выборы депутатов?

“Да” – 68%, “нет” – 14%;

Доверяете ли вы нынешнему съезду?

“Да” – 10%, “нет” – 69%;

Доверяете ли вы президенту Б. Н. Ельцину?

“Да” – 66%, “нет” – 19%;

Поддерживаете ли вы курс реформ Б. Н. Ельцина?

“Да” – 55%, “нет” – 23%;

Необходимо ли провести досрочные выборы президента?

“Да” – 29%, “нет” – 50%.

Остальные затруднились с ответом».

Питер – еще не вся Россия, но тенденция очевидна, и Кремль идет дальше: вместо расплывчатой формулировки о референдуме по «проекту новой конституции» (проект еще не готов) президент предлагает Верховному Совету вынести на всенародный референдум четыре конкретных, вполне конституционных вопроса:

- 1. Согласны ли Вы с тем, чтобы Российская Федерация была президентской республикой?**
- 2. Согласны ли Вы с тем, чтобы единственным высшим законодательным органом Российской Федерации был двухпалатный парламент?**
- 3. Согласны ли Вы, что новая Конституция Российской Федерации должна быть принята Конституционным собранием, представляющим многонациональный народ Российской Федерации?**
- 4. Согласны ли Вы с тем, что каждый гражданин Российской Федерации вправе владеть, пользоваться и распоряжаться землей в качестве собственника?**

Референдум уже назначен на 11 апреля. Но если народ одобрит идеи президента, системе полновластия (и коллективной безответственности) Советов и всем планам Хасбулатова – конец. Немногие из депутатов вернут себе место в парламенте, а уж полновластным его хозяином Руслану точно не быть!

Отменить народное голосование может только следующий съезд. Значит, его надо созвать! А повод? Не говорить же о собственных страхах? Так сделаем шаг вперед! Сами заявим о необходимости досрочных выборов и депутатов, и президента! Состоятся они или нет, еще посмотрим, а референдум под шумок отменим. Да и Ельцина наконец окоротим...

Спустя лишь три месяца после предыдущего съезда Верховный Совет собирает депутатов на VIII (внеочередной) съезд.

С трибуны Хасбулатов взывает к ним: *«...бес попутал нас всех. Тут надо же исправить эту ошибку! Поэтому и речи не может идти, на мой взгляд, о том, чтобы сохранить то постановление».*

Понятливые сторонники просто не включают вопрос об окончательном утверждении референдума в повестку съезда. Вместо этого очередь критиканов наперебой клеймит правительство и президента за отсутствие позитивных перемен. Неважно, что у выступающих противоречивые и неглубокие представления о том, как спасти отечество, неважно, что «лебедь, рак и щука» не способны тащить телегу по бездорожью. Даешь досрочные выборы и депутатов, и президента!

В национал-патриотической газете «День» на первой полосе появляется фотография: 1944 год, по Москве ведут пленных немцев. И подпись: «Так скоро поведут демократов».

Еще перед съездом, на встрече со шведским премьер-министром, председатель Верховного Совета говорит: *«Правительство надо освободить от опеки президента, который не справился со своей задачей».* На самом съезде депутат из фракции «Российское единство» говорит журналистам: *«Пути к компромиссу на съезде я не вижу... Путь же к конструктивному решению существующего кризиса – отрешение от должности президента и отдача его под суд за измену родине».*

Вот так, ни много ни мало. Под суд! За что? А за то, что не накормил голодную толпу семью хлебами...

Президент отвергает идею одновременных выборов, ведь на период избирательной гонки, а это несколько месяцев, страна останется без руля и без ветрил. Разделим выборы: сначала – депутатов, потом, через два-три месяца, – президента. Проходит совещание Ельцина, Хасбулатова, Черномырдина и Зорькина с участием представителей республик, краев и областей. Результат: проект постановления съезда о том, чтобы вместо референдума провести досрочные выборы президента и депутатов выносятся на суд депутатов. В начале заседания Ельцин разъясняет, что речь идет о перевыборах сначала депутатов, а затем и президента, что не отменяет свой указ о референдуме по доверию президенту, но если проект постановления будет съездом принят, то указ будет приостановлен.

Съезд решает: *«Подтверждая необходимость стабилизации конституционного строя <...>, постановление «О стабилизации конституционного строя» признать утратившим силу. Проведение референдума признать нецелесообразным».* (Ну, что делать, не готов народ к осознанному выбору! А нам он доверился, вот мы за него все и решим.) И чтобы позолотить пилюлю, красивый жест для избирателей: *«Деньги на проведение референдума перенаправить на строительство жилья для военных».* (Неважно, что, в отличие от безналичных расходов на референдум, на строительство нужны реальные деньги, которых нет.)

Но примирительный документ не устроил непримиримых. Так, депутат Сергей Бабурин решил примкнуть к экзорцистам и заявил: *«Субъектов, которые этот проект внесли, очевидно, попутал бес. Просьба на всех собраниях фракций привлечь священнослужителей, чтобы этот бес был изгнан».*

Итог: референдум не утвердили, а постановление о перевыборах не приняли даже за основу, а те (приостановленные ранее) поправки в Конституцию которые резко ограничивали полномочия Президента вступают в силу.

Теперь всенародно избранный президент – лишь главный чиновник, он подотчетен депутатам. Милостиво разрешив руководству Центробанка и Пенсионного фонда входить в состав правительства, съезд оставляет их подотчетными только Верховному Совету. Но как работать правительству, если важнейшие финансовые институты государства становятся игрушкой в руках безответственных дилетантов? Что остается делать президенту, если любой его указ может быть отменен?

Борис Ельцин говорит: *«Я не присягал Конституции с нынешними поправками».* И уходит со съезда.

«Московские новости»: *«Депутаты дверью не хлопнули, напротив, еще два дня докрикивали в спину покинувшему съезд Ельцину то, что не успели сказать в лицо. Коллективный монолог был выдержан в духе нового российского парламентаризма. То есть представлял собой смесь оскорблений, экзальтации и дешевого пафоса. В результате президент был лишен дополнительных полномочий по формированию Кабинета министров и, что более существенно, оказался перед угрозой импичмента (если нарушит особо оговоренные статьи Конституции)».*

Пресса публикует мнения депутатов.

Илья Константинов: *«Сегодня наша главная задача – организация и самоорганизация оппозиции. Одновременно мы будем работать над изменениями в законе о выборах и намерены настаивать на сохранении съезда в системе власти».*

Михаил Молоствов: *«Порядок, который предлагается Съездом, – это восстановление многоступенчатой Советской власти: Съезд, ВЦИК (или Верховный Совет), Президиум ВС и наконец глава Верховного Совета. В таком случае, конечно, будет порядок, но при одном условии: если восстановить диктатуру».*

Анатолий Собчак: *«Теперь президент у нас даже не называется главой государства. Только высшим должностным лицом. Что и позволяет спикеру претендовать на роль первого лица в государстве».*

Вскоре в московском Парламентском центре состоялось заседание Офицерского собрания Московского региона. Там прозвучали призывы: «Пора прекратить болтовню о том, что армия вне политики... Мы можем поставить на колени кого угодно!»

Разозленный президент выходит на телевидение с обращением к народу:

«Уважаемые сограждане, я обещал вам выступить по итогам Съезда... <...> Сегодня честно и откровенно хочу рассказать вам о том, как я предполагаю действовать, что предпринять с учетом сложившейся в стране обстановки.

В июне 1991 года вы избрали меня Президентом, доверили руководить государством Российской Федерации. Тогда впервые в тысячелетней истории страны был сделан выбор, выбор главы государства и выбор того пути, по которому пойдет Россия. Выбор был предельно острым: либо по-прежнему сползать в коммунистический тупик, либо начать глубокие реформы, чтобы идти дорогой прогресса, по которой движется человечество. <...> Нашими совместными усилиями новые формы жизни утверждаются в России, но происходит это слишком медленно и трудно. Страна больше не может жить в обстановке постоянного кризиса власти. <...> Сегодня предельно ясно, корень всех проблем кроется не в конфликте между исполнительной и законодательной властью, не в конфликте между Съездом и Президентом. Суть глубже, суть в другом, в глубоком противоречии между народом и прежней большевистской, антинародной системой, которая еще не распалась, которая сегодня опять стремится восстановить утраченную власть над Россией.

Восьмой Съезд по сути дела стал генеральной репетицией реванша бывшей партноменклатуры. <...> ...Народу было высокомерно отказано в праве самому определять свою судьбу. Съезд похоронил референдум о собственности граждан на землю, похоронил апрельский референдум по основам новой Конституции, хочу сказать вам, просто трусливо ушел от решения вопроса о досрочных выборах.

<...> Я честно стремился к компромиссу на Съезде и до Съезда. Несмотря на интриги, несмотря на оскорбления, грубость, весь путь был пройден до конца. <...> Возможности поиска согласия с консервативным большинством депутатского корпуса полностью исчерпаны. <...>

Сегодня я подписал Указ об особом порядке управления до преодоления кризиса власти. В соответствии с Указом на 25 апреля 1993 года назначается голосование о доверии президенту и вице-президенту Российской Федерации. <...>

Пошел на этот шаг потому, что меня избирал не Съезд, не Верховный Совет, а народ. Ему и решать, должен ли я дальше выполнять свои обязанности и кому руководить страной – Президенту, Вице-президенту или Съезду народных депутатов. Одновременно с голосованием о доверии Президенту будет проводиться голосование по проекту новой Конституции и проекту закона о выборах федерального парламента. <...> По утвержденной вами Конституции и новому закону о выборах будут проведены выборы, но не Съезда, а

нового парламента России. <...> До новых выборов Съезд и Верховный Совет не распускаются, их работа не приостанавливается. Сохраняются полномочия депутатов Российской Федерации. Но в соответствии с Указом не имеют юридической силы любые решения органов и должностных лиц, которые направлены на отмену и приостановление Указов и распоряжений президента и постановлений правительства. <...>

Особо хочу подчеркнуть, что Указ гарантирует соблюдение прав и свобод человека в полном объеме, никоим образом не ограничивается и судебная защита. Федеративный договор сохранит свою силу и действует как составная часть Конституции. Не может быть и речи о каких-либо ограничениях суверенитета республик в составе Российской Федерации.

Официально подтверждаю, что Россия и впредь намерена соблюдать свои международные обязательства. <...>

Уважаемые граждане России, скажу откровенно, я настроен на решительные действия. Считаю, что в сложившейся обстановке иначе нельзя. Если не остановить политический раздрай, если не принять решительных мер по развязке политического кризиса, если не дать мощного импульса экономической реформе, страна будет ввергнута в анархию».

По закону указ мог вступить в силу лишь после опубликования, но с подачи Хасбулатова журналисты сразу окрестили его как «ОПУС» по первым буквам фразы «указ об особом порядке управления страной». А президиум Верховного Совета и Конституционный суд имени товарища Зорькина, не дожидаясь появления текста указа, тут же заклеили его как нарушение Основного закона.

Через три дня был созван IX (чрезвычайный) Съезд.

Но оказалось, что в наконец-то опубликованном указе нет слов об «особом порядке управления». В конечном счете эти слова из подписанного документа исчезли.

Однако желание избавиться от Ельцина было велико, и депутаты решили голосовать за отрешение президента от должности.

Тут Борис Николаевич, похоже, испугался. Хоть аналитики и говорили ему о том, что у оппозиции не хватит голосов, уверенности не было. Если две трети депутатов все же проголосуют за импичмент, он – никто! И псу под хвост все планы, все реформы, все надежды...

Когда президент отправит в отставку своего зарвавшегося охранника А. Коржакова, тот в своих мемуарах напишет:

«22 марта Ельцин вызвал коменданта Кремля Барсукова:

– Надо быть готовыми к худшему, Михаил Иванович! Продумайте план действий, если вдруг придется арестовывать Съезд.

– Сколько у меня времени? – поинтересовался генерал.

– Два дня максимум.

Президент получил план спустя сутки. Суть его сводилась к выдворению депутатов сначала из зала заседаний, а затем уже из Кремля. <...>

Если бы депутаты отказались выполнить волю президента, им бы тут же отключили свет, воду, тепло, канализацию... Словом, все то, что только можно отключить. На случай сидячих забастовок в темноте и холоде было предусмотрено “выкуривание” народных избранников из помещения. На балконах решили расставить канистры с хлорпикрином – химическим веществом раздражающего действия. Это средство обычно применяют для проверки противогозлов в камере окуривания. Офицеры, занявшие места на балконах, готовы были по команде разлить раздражающее вещество, и, естественно, ни один избранник ни о какой забастовке уже бы не помышлял.

Президенту “процедура окуривания” после возможной процедуры импичмента показалась вдвойне привлекательной: способ гарантировал стопроцентную надежность, ведь противогозлов у парламентариев не было.

Каждый офицер, принимавший участие в операции, знал заранее, с какого места и какого депутата он возьмет под руки и вынесет из зала. На улице их поджидали бы комфортабельные автобусы.

Борис Николаевич утвердил план без колебаний.

28 марта началось голосование по импичменту. Каждые пять минут Барсуков докладывал о результатах подсчета голосов. <...>

Но Указ зачитывать не пришлось. Примерно за час до объявления результатов голосования мы уже знали их. Тогда Михаил Иванович позвонил президенту и сообщил:

– Импичмента не будет.

Ельцин сказал:

– Надо службу заканчивать. Пусть они там еще побесятся, поголосуют, повыступают. Давайте быстро ко мне.

Барсуков отдал президенту заклеенный конверт с Указом (о роспуске). Так никто и не услышал этого текста. Шеф положил конверт в письменный стол, обнял и расцеловал Михаила Ивановича:

– Спасибо за службу.

Все уже собрались в белой столовой на третьем этаже. Там были также Черномырдин, Грачев, Илюшин, Баранников. Посидели минут сорок, выпили за победу, хорошо закусили и мирно разошлись. Так что, если бы даже импичмент состоялся, президент бы власть не отдал.

Я допускаю, что Борис Ельцин мог согласиться с этим жестоким планом. Становиться на колени он не собирался, и конверт с указом о роспуске съезда, скорее всего, был. И все же рассказ Коржакова вызывает сомнения.

С его слов получается, что, узнав о провале импичмента, Борис Ельцин отправился пить. Застолье, скорее всего, было, почему бы и нет? Но ведь известно, что сначала президент вышел к тем москвичам, которые пришли на Красную площадь, чтобы поддержать его, и простояли там на холоде весь день. Ельцин был с ними на площади перед голосованием и вернулся к ним после него. Там он

сказал: *«Кто-то благодарит депутатов, а я благодарю москвичей! Я благодарю вас, которые здесь практически с утра сегодня, большинство из вас, вся площадь, сто с лишним тысяч человек. Я благодарю за поддержку и клянусь вам, сделаю все для того, чтобы не подвести ваше доверие, потому что ради этого я и служу вам».*

И лишь потом вернулся в Кремль.

К тому же забывчивый Коржаков – единственный источник версии о затее с «выкуриванием». Если комендант Кремля действительно к этому готовился, то ему пришлось бы задействовать множество людей. Надо было достать и привезти в Кремль баллоны с хлорпикрином, надо было проинструктировать офицеров, которым пришлось бы вытаскивать полубесчувственных депутатов и загружать тысячу человек в автобусы. Транспорт вместе с водителями тоже надо было иметь наготове...

Даже если инструкции о том, что и как делать, они получили бы в последний момент, сама концентрация нескольких сотен офицеров в Большом Кремлевском дворце должна была навести их на мысль о спецоперации. И что? Никто из этих стоявших за кулисами съезда людей потом не проболтался? За все прошедшие годы?

Исполнение барсуковского плана привело бы к самым тяжким последствиям, в том числе и гибели людей. (Это ведь не газ «Черемуха»: при концентрации всего лишь 0,1 грамма хлорпикрина на кубический метр происходит остановка дыхания). В отличие от Ельцина, генерал-чекист должен был это знать, как и то, что отвечать потом придется лично ему. Чтобы потом оказаться под судом или застрелиться в своем кабинете? Не проще ли подождать, чья возьмет?

Кроме Барсукова и Ельцина об указе и готовящихся мерах знал лишь помощник президента В. Илюшин. Но как раз его-то комендант из Кремля и отослал. Значит, убедиться в наличии сил, готовых разогнать съезд, было некому?

Тогда вполне вероятно, что их последующее молчание объясняется тем, что ни баллонов, ни офицеров в противогазах просто не было. Ведь если хозяин перестанет быть президентом, коменданту отвечать перед ним уже не придется! А если он останется, то и делать ничего не надо.

При необходимых 689 голосах за отрешение президента от должности проголосовало 617 депутатов, против были 268, воздержались или не голосовали 148.

На следующий день в газете «Известия» я прочел статью Отто Лациса, который писал:

«Припомним, как они принимали решение об отстранении от власти всенародно избранного президента. Без обсуждения. Тайным голосованием. И о том, чтобы голосование по импичменту было тайным, тоже голосовали тайно. И о внесении вопроса в повестку дня – тайно. А накануне, открытым голосованием – не внесли! Вопрос, от кого они прячутся, очевидно, не нужен: ясно, от тех, кто их избрал».

Большинством депутатов утрачен не только стыд, но и инстинкт самосохранения. Им вдруг показалось, что они вот-вот достигнут загнившую жертву, остался один прыжок.

И рычание большинства в ответ на всякое возражение до ужаса напоминало то, что слышалось на последних пленумах ЦК КПСС накануне августовского путча. Что с ними стряслось? Почуяли у противника слабость? В этом еще предстоит разобраться аналитикам.

Пока же отметим одно. Съезд не только подтвердил низкий уровень политической морали большинства депутатов, о чем уже немало сказано. Съезд не только подтвердил низкий профессиональный уровень большинства депутатов, о чем говорено не меньше. Съезд подтвердил свою принципиальную неработоспособность в силу общих пороков конструкции, даже независимо от персонального состава... Никто из большинства не захотел подумать о том, что в случае успеха импичмента наша страна, крупнейший ядерный арсенал мира, приблизится к порогу гражданской войны. Шумели, не хотели слушать говоривших об этом депутатов.

Пронесло. В этот день пронесло. Сколько дней еще нам жить бок о бок с непредсказуемым парламентом?

А после голосования, выступая на Васильевском спуске, президент был неточен. Не тогда, когда благодарил участников митинга за поддержку, а тогда, когда говорил о победе народа. Поражение психической атаки реакции – еще не победа народа. Победой станет только народный импичмент съезду в ходе референдума. И то не окончательной. Отнюдь не гарантирован демократический сдвиг в составе парламента в результате будущих выборов. Отнюдь не гарантирована скорая победа над экономическим кризисом, над инфляцией. До победы еще далеко, и путь к ней труден».

После неудачи Хасбулатова с импичментом ВЦИОМ провел репрезентативный опрос москвичей. В столице результаты оказались такими: не одобряют работу прошедшего съезда 75%, на референдуме собираются голосовать за Ельцина и его курс 60%. Среди политиков аутсайдерами оказались Хасбулатов и Зорькин с 4 и 2% народного доверия.

В Ярославской, Костромской и Ивановской областях президенту доверяют 41%. За досрочное прекращение полномочий депутатов всех уровней там высказались около 75% ярославцев, против Ельцина – только 25%.

Но зато к президенту охладели костромичи, их доверие к нему упало с 39% в декабре до 26% к марту. А почти половина жителей Ивановской и Ярославской областей, не доверяя ни съезду, ни Верховному Совету, предпочитают, чтобы новую Конституцию приняло... Учредительное собрание!

В последний день своей работы, 29 марта, IX Съезд принял постановление о сути и порядке проведения референдума. В бюллетень попали три вопроса о доверии президенту и только один о доверии съезду:

1. Доверяете ли Вы Президенту Российской Федерации Б. Н. Ельцину?
2. Одобряете ли Вы социально-экономическую политику, осуществляемую Президентом Российской Федерации и Правительством Российской Федерации с 1992 года?
3. Считаете ли Вы необходимым проведение досрочных выборов Президента Российской Федерации?
4. Считаете ли вы необходимым проведение досрочных выборов народных депутатов Российской Федерации?

По мнению депутатов, все результаты надлежало подсчитывать не от числа проголосовавших, а от всех потенциальных избирателей. Поскольку явка на референдум вряд ли превысит 60-70%, для положительных решений понадобятся чуть ли не все голоса участников. Понятно, что при таком порядке ни по одному вопросу достаточного большинства не будет. Что будет означать провал референдума и... возвращение к расстановке сил, которая обеспечила бы Верховному Совету (читай Хасбулатову) всю полноту произвола.

Тогда члены «Демократической России», депутаты Лев Пономарев, Анатолий Шабад и Глеб Якунин, обратились в Конституционный суд.

За четыре дня до референдума, 21 апреля, Конституционный суд признал, что по первым двум вопросам достаточно большинства от принявших участие в голосовании, что такой порядок подсчета голосов соответствует закону о референдуме, но результат этого голосования будет носить лишь информационный характер. А вот по третьему и четвертому вопросам, поскольку положительное решение обязывает к изменению Конституции, действительно необходимо большинство от всех, даже оставшихся дома, участников.

В Питере, как и по всей стране, началась агитационная кампания.

Помимо газеты «Вечерний Петербург» у нас появился возрожденный коммунистами «Вечерний Ленинград». Там публикуется полоса под общей шапкой «Ельцин жаждет референдума? – Он его получит!». Подборка открывается двумя колонками. Одна озаглавлена «Адольф Гитлер», другая – «Борис Ельцин», «анalogии» убеждают читателя в преступном равенстве этих персонажей. Для особо непонятливых авторы разъясняют суть будущего референдума: *«Устроители этого опроса по американской указке хотят, чтобы вы сказали “да” этой антинародной Конституции и развязали им руки для полной ликвидации советской власти. Они хотят, чтобы вы, ваши дети, внуки и правнуки стали рабами у новых богачей».*

Демократическая пресса убеждает людей в необходимости продолжения реформ и поддержке президента.

Борис Ельцин говорит, что готов к перевыборам и предлагает поддержать все вопросы (четыре «да»).

Коммунисты и жириновцы заклинаят народ сказать: «нет» – президенту,

«нет» – его курсу, «да» – его перевыборам, «нет» – выборам депутатов (НЕТ, НЕТ, ДА, НЕТ).

«Демократическая Россия» видит ситуацию наоборот: «да» – президенту, «да» – его курсу, «нет» – его перевыборам и «да» – выборам депутатов (ДА, ДА, НЕТ, ДА).

Результат: явка по стране составила 64%. Доверие президенту – 58,7%, доверие курсу реформ – 53,0%, за перевыборы президента – 49,5%, за перевыборы депутатов – 67,2%.

Оппозиция в недоумении, Хасбулатов, ссылаясь на низкие результаты в ряде регионов, пытается перетолковать итоги, все ждут следующего шага от получившего поддержку президента.

Губернатор Нижнего Новгорода Борис Немцов в интервью газете «Московские новости» говорит о том, что президент должен использовать данный ему шанс:

«Вопреки опасениям, народ отнесся к референдуму с полной ответственностью, сказав президенту свое “ДА”, дав ему еще один шанс на проведение глубоких преобразований. Думаю, последний. <...> Борис Ельцин говорил, что готов укреплять регионы и проводить децентрализацию? Значит, надо убрать из кабинета всех, кто этому мешает. Говорил, что будет всемерно способствовать приватизации, обещал дать людям собственность? Значит, обязан освободиться от тех, кто тормозит эти процессы, и заменить их теми, кто способен заняться структурными преобразованиями. Речь не идет о правительстве “национального согласия”. Это бред. У нас нет политических структур, победивших на выборах, кроме одной – президента. Вот он и должен теперь “гнуть” свою линию, тем более, что она отвечает интересам большинства». Но тут же добавляет: «В нынешней непростой ситуации может возникнуть соблазн разогнать Советы. Горячие головы уже сегодня требуют повсеместно “разобраться” с ними. Не знаю, кто-то, где-то, может, действительно мешает преобразованиям, но и это еще не причина для “крутых разборок”. Разделения властей надо добиваться Конституционным путем».

Чем хуже, тем лучше?!

Экономическая ситуация балансирует на грани скатывания в гиперинфляцию. Федеральный бюджет трещит по швам, разрыв между госдоходами и расходами продолжает расти. Покупательная способность населения, несмотря на многократное повышение зарплат и пенсий, сократилась в три раза. Половина предприятий страны работает неполную рабочую неделю. Официальная безработица превысила 6,5 миллиона человек. Каждое третье предприятие убыточное, ему необходимы дотации. Вынужденное освобождение цен позволило монополистам (а они производят до 70% валового продукта) диктовать цены, только в 1992 году они выросли в 26 раз, а в 1993 году еще в 9 раз.

Правительство как может сдерживает инфляцию, но радители народного блага считают своей задачей рост денежной массы. Хасбулатов и подчиненный ему Центробанк продолжают печатать «деревянные» рубли, они раздают кредиты военно-промышленному комплексу и аграрникам, повышают зарплаты и социальные выплаты населению. Последнее необходимо, иначе голод может наступить уже при полных прилавках. Правительство пытается минимизировать необходимые расходы, а руководство Верховного Совета продолжает игру на обострение.

Под вопли об антинародной политике и вымирании народа депутаты включают в расходную часть бюджета всё большие суммы.

В июле Верховный Совет рассматривает новый, уточняющий вариант госбюджета на текущий 1993 год. Совет министров предлагает сократить разрыв между доходами и расходами с 18 до 10%, сделав это за счет повышения налогов и сокращения расходов на оборону.

Однако Верховный Совет отменяет повышение налогов на прибыль предприятий (для бюджета это потеря 4 триллионов тогдашних рублей) и увеличивает расходы, которые удвоят дефицит бюджета.

Б. Ельцин говорит, что выполнение требований депутатов будет означать развал российской денежной системы, уничтожение рубля, подрыв всей российской государственности и приведет к разорению России. Он отказывается подписывать такой бюджет и возвращает его Верховному Совету со своими поправками, но там и не думают о компромиссе.

В Верховном Совете 252 депутата. Консерваторы были в большинстве еще в первом его составе, за два прошедших года, после трех ротаций, проведена замена 76 человек. На место удаленных и ушедших в правительство демократов пришли оппозиционеры.

Оставшиеся сторонники продолжения рыночных реформ – депутаты из фракций «Демократическая Россия» и «Радикальные демократы» – в меньшинстве. Их доля примерно та же, что и на съезде, 10%.

Двести с лишним членов Верховного Совета из фракций «Промышленный союз», «Смена», «Коммунисты России», «Рабочий союз» и «Аграрный союз», «Россия», «Отчизна», «Левый центр» и др. в разной степени выразили неприятие президентского курса.

Отвечая президенту, Хасбулатов заявляет, что Верховный Совет не может *«в угоду искусственному сокращению дефицита оставить без средств существования миллионы людей»*.

Звучит красиво, но может ли профессор-экономист не понимать, что провоцирует гиперинфляцию?

Вспоминает член Верховного Совета депутат Л. Гуревич:

«На трибуне ВС министр финансов Борис Федоров. Он пытается что-то объяснить депутатам... Это сложный финансовый вопрос. Это трудно, действительно очень трудно понять без подготовки тем депутатам, которые весь свой пыл в течение этих трех прошедших лет употребили не на то, чтобы изучить законодательное дело, постигнуть премудрости финансов и экономики, о которой так много говорили. <...> И вот Федоров обращается к этим депутатам и говорит, что такой бюджет с таким дефицитом – это гиперинфляция и это новые отчаянные страдания тысяч людей. А в ответ я слышу позади себя: „А нам чем хуже, тем лучше“».

Что движет этими людьми? Вот академик Георгий Арбатов, он не заскорузлый консерватор. Но «сторонник демократических перемен» в обиду на правительство за то, что оно вырабатывало свой курс, не советуясь (надо полагать, с ним). Он оценивает результат как «обнищание миллионов без всяких видимых, поддающихся объяснению причин». Два десятилетия он руководил академическим институтом, изучавшим США, и должен был бы разбираться в экономических вопросах. Но если даже ему неизвестно, что корневая причина «обнищания» была заложена в суть рухнувшей системы, то что же говорить о рядовом депутате?

Депутат Басин (Республика Бурятия):

«Среди приоритетов, обозначенных в программе, опять финансовая политика и кредитно-денежная система. По нашему мнению, приоритет должен быть отдан прежде всего экономике».

О том, что у экономики есть три неразрывные составляющие, что она не может существовать без финансового сектора, о том, что коллапс промышленности может быть преодолен только через стабилизацию кредитно-денежной системы, сторонник натурального обмена просто не догадывается.

Но таких немного, большинство в Верховном Совете составляет советская номенклатура: хозяйственные руководители, директора институтов и вузов, министерские и региональные чиновники. Рядом с ними силовики и чекисты.

Начав перестройку, М. Горбачев разрешил этой номенклатуре извлекать прибыль, создавать совместные предприятия, обналичивать деньги, работать с валютой.

Административно-хозяйственный аппарат, пользуясь своей властью, пользуясь связями и прорехами в законодательстве, уже приватизировал многое из того, чем они распоряжались. Если раньше партийно-государственная номенклатура извлекала выгоду из своей власти над экономикой, то теперь она обменивала ее на собственность. Партийная и городская недвижимость в столицах скуплена за гроши. Крупнейшие, созданные на базе Госснаба биржи возглавляются бывшими комсомольскими активистами, государственные банки уже стали коммерческими, министерства – концернами, все это делалось с благословения Горбачева, на деньги КПСС. К 1993 году, к началу официальной приватизации «для народа», этот процесс еще не закончен, еще не все поделили. Поэтому и надо остановить широкую приватизацию, пусть даже ценой всеобщего обвала...

Вернув проект бюджета, Б. Ельцин предложил поправку: сократить дефицит до 12% ВВП. Но как ни бились за это члены «Демократической России», большинство уперлось на 22%. Министерство финансов публикует в прессе свою оценку:

«...реализация бюджета, принятого Верховным Советом, будет означать резкое увеличение инфляции – до 40-50 процентов в месяц, так что уже с октября финансовое состояние Российской Федерации можно будет оценить как критическое».

И ГРЯНУЛ ГРОМ

К концу дня я вернулся из Горсовета после целого дня заседаний в Большом зале Мариинского дворца, где обсуждался бюджет на следующий год, и мы спорили, пытаясь «выкроить кафтан из жилетки». Минимальные расходы превышали наши доходы на 6%, денег на содержание городских служб, на дотации по транспорту, на субсидии блокадникам и жертвам политических репрессий, на детские дома и закупку продовольствия, на ремонты, школьные завтраки и дороги катастрофически не хватало.

Мы жили тогда в мансарде, маленькой творческой мастерской, которая досталась мне от моего старого товарища, художника Володи Михайлова. Хотя и без горячей воды, но с теплом и светом, да еще с возможностью гулять с ребенком у Невы, на знакомой с детства Петроградской стороне, была подарком судьбы.

Катя рассказала мне, что с утра была на меня сердита, потому что кастрюлька с кусочком мяса, которое знакомая продавщица специально отложила для нашей дочери, оказалась пуста. Расстроенная жена решила, что это я оставил Юльку без еды. У нас не было холодильника, и на ночь она выставила кастрюлю на широкий карниз за окном. Вернувшись из магазина, где она с трудом нашла что-то на обед, Катя увидела, что большая ворона, прилетев, уже сняла и аккуратно положила рядом крышку, но, заглянув в кастрюлю одним глазом и больше ничего там не найдя, каркнув, улетела.

А я рассказал жене о том, что к нам на сессию неожиданно появился Жириновский, он хотел выступить перед депутатами, но слова мы ему не дали. Тогда в перерыве он затеял дискуссию в нашем фойе. Я видел его впервые и с интересом наблюдал, как пара левых депутатов пыталась спорить с этим господином, а он, перепрыгивая с темы на тему и не заботясь о логике, лихо путал и сбивал с толку моих простодушных коллег.

Отсмеявшись, мы с Катей стали решать – кто и когда поедет в Москву. Дело в том, что, уйдя со съезда и выступая на телевидении, Михаил Молоствов и Сергей Юшенков заявили, что оголтелое большинство саботирует принятие новой Конституции и толкает страну в пропасть. Михаил Михайлович объявил о своем уходе из Верховного Совета и снятии с себя депутатских полномочий.

Позвонив нам, Маргарита Мустафьевна рассказала, что они уже собирают вещи для возвращения домой, в деревню Еремково. Им надо было помочь.

Тут я спохватился, что пришло время вечерних новостей и включил наш маленький черно-белый телевизор. На экране мы увидели грузного, хмурого президента. Он говорил о противодействии реформам, о том, что большинство членов

Верховного Совета открыто пошли на прямое поправление воли российского народа, выраженной на референдуме 25 апреля 1993 года, что Верховный Совет блокирует решения Съездов о принятии новой Конституции. По его словам, единственным средством по выходу из кризиса являются выборы нового парламента:

«В целях:

сохранения единства и целостности Российской Федерации;

вывода страны из экономического и политического кризиса;

обеспечения государственной и общественной безопасности Российской Федерации;

восстановления авторитета государственной власти;

основываясь на статьях 1, 2, 5, 121-5 Конституции Российской Федерации, итогах референдума 25 апреля 1993 года, постановляю:

1. Прервать осуществление законодательной, распорядительной и контрольной функций Съездом народных депутатов Российской Федерации и Верховным Советом Российской Федерации. До начала работы нового двухпалатного парламента Российской Федерации – Федерального Собрания Российской Федерации – и принятия им на себя соответствующих полномочий, руководствоваться указами президента и постановлениями правительства Российской Федерации... ввести в действие «Положение о выборах депутатов Государственной Думы», разработанное народными депутатами Российской Федерации и Конституционным совещанием.

Федеральному Собранию рассмотреть вопрос о выборах президента Российской Федерации.

Назначить выборы в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации на 11-12 декабря 1993 года».

Он закончил словами: «Выражаю надежду, что все, кому дороги судьба России, интересы процветания и благополучия ее граждан, поймут необходимость проведения выборов в Государственную Думу Федерального Собрания для мирного и легитимного выхода из затянувшегося политического кризиса.

Прошу граждан России поддержать своего президента в это переломное для судьбы страны время».

Вне закона

Что я почувствовал тогда? Смятение, радость и тревогу. Что ни говори, но то, что решился сделать Б. Ельцин, было государственным переворотом, отказом от соблюдения Конституции, в которой вся власть принадлежала депутатам. Указ вел к установлению авторитарного режима.

— Но ведь тот же указ установил и срок действия такого режима!

— Так, когда он назначил выборы? 12-го декабря? Сегодня у нас сентябрь, 21-е. Значит, выборы через 82 дня. Те выборы, которые ограничат власть узурпатора и установят разделение властных полномочий. Это возвратит нас в правовое русло. И будет возможность с учетом радикальных перемен последних лет выбрать тех, кому люди доверят власть законодательную!

Все это так! Но взять и просто сломать систему, которая еще недавно считалась основой демократии? Разве не мы шли на выборы с лозунгом «Вся власть Советам!»? Да, при коммунистах это была лишь имитация народной власти, но ведь мы наполнили ее реальным содержанием! Не партийные боссы и набранные ими чиновники, а избранные народом депутаты взяли в свои руки реальную власть.

Ну, а что получилось? Тысяча человек на съезде в Москве, больше половины из них случайные, не готовые к решению сложнейших задач, люди. Я вспоминал не отягощенные интеллектом рожи, среди которых лишь изредка попадались достойные лица, дешевый, безответственный популизм и невесть откуда взявшийся апломб дилетантов, наглого хама во главе Верховного Совета, засилье номенклатурных коммунистов.

А мой тесть Михаил Молоствов, который возвращался с заседаний чернее тучи, его скупые слова о том, какая злоба, какое невежество там царило? Уж если он, социал-демократ, человек безупречной честности и недюжинного ума, не выдержал и ушел оттуда, значит, делать с этим нечего. Мой опыт работы в городском Совете был несколько лучше, но и он приводил к выводу о необходимости смены формата власти и новых, более осознанных выборов. (Кстати, в горсовете это понимали многие, и задача досрочных выборов уже стояла в повестке.)

Но как же все будет? Поймут ли люди? Что скажет армия, что сделают разжалованные депутаты, найдутся ли силы и разум, чтобы все обошлось без жертв?

Указ готовился в течение двух недель. Президент провел секретные переговоры со всеми силовиками, с премьером, со своими помощниками, единственные возражения он услышал от руководителя своего аппарата С. Филатова. Министры, прочитав указ, расписались. Грачев сказал: «Давно пора!»

Ельцин предупредил силовиков о том, что, несмотря на ожидаемое сопротивление, они должны преодолеть его без крови. Позже в своей «Исповеди...» он напишет, что рассчитывал на то, что полупустое здание Верховного Совета милиция займет без труда, а протест без своего опорного пункта быстро погаснет.

Но, как говорится, «гладко было на бумаге, да забыли про овраги». Как показали дальнейшие события, силовики не были готовы оперативно реагировать на меняющуюся обстановку. Дилетантизм и непродуманность последствий поражают. Вместо пошаговой разработки действий спецслужб, милиции и армии на каждой развилке противостояния, генералы заверили президента в своей готовности и вернулись в кабинеты. Президенту нельзя было отпускать своих министров, ему надо было записать «Обращение к народу», сидя в их окружении. Да и указ стоило опубликовать с их подписями, с тем, чтобы все понимали: армия, спецслужбы, МВД на стороне президента, а сами генералы знали, отсидеться в кустах не получится.

Ничего этого сделано не было. За день до намеченного срока, на последнем совещании в Кремле, все те, кто недавно обещали поддержку, вдруг заговорили о том, что с указом стоит повременить. Несмотря на их аргументацию (день совпал с началом совещания съехавшихся в столицу региональных руководителей и проч.), Борис Ельцин, понимая, что это его последний шанс вывести страну из тупика, не отступил.

Но к этому времени Хасбулатов уже знал о готовящемся перевороте. А верная ему «Российская газета» опубликовала грозное предупреждение тем, кто рискнет встать на сторону Кремля:

«Противоправные действия могут иметь глобальные последствия для офицеров, которые пойдут на это. Так, в Аргентине и в Греции полковники, участвовавшие в свержении конституционного строя, были подвергнуты суду сразу же после восстановления законности в этих странах, хотя с момента их преступлений прошло немало лет. Наши командиры дивизий в большинстве своем довольно молодые люди, и вряд ли им захочется остаток своей жизни провести в тюрьме после того, как в России восстановится Конституция».

Еще за сутки до оглашения указа, 20 сентября в Белый дом были созданы все имевшиеся в наличии депутаты. Служба охраны и прибывшие туда отставники из «Союза офицеров» стали готовиться к обороне, но основная часть оружия еще хранилась на складе, и у правительства была возможность занять здание без стрельбы. Начальник ГУВД Москвы Панкратов настаивал на немедленном захвате Дома Советов, но глава МВД Ерин медлил...

На следующий день в руках защитников Верховного Совета появились автоматы, войти в здание и очистить его помещения без применения силы было уже невозможно. Оставалось только парализовать там активность: отключить свет, воду, связь, да выставить вокруг здания милицейское оцепление, которое первое время вообще не препятствовало входу и выходу всех желающих.

Еще задолго до кризиса депутатский корпус позаботился о том, чтобы президент не имел законных прав для отмены его полномочий. На этот счет к концу года в Основном законе страны скопилось аж три статьи.

«Статья 121-5. Президент Российской Федерации не имеет права роспуска либо приостановления деятельности Съезда народных депутатов Российской Федерации, Верховного Совета Российской Федерации».

«Статья 121-6. Полномочия Президента Российской Федерации не могут быть использованы для изменения национально-государственного устройства Российской Федерации, роспуска либо приостановления деятельности любых законно избранных органов государственной власти, в противном случае они прекращаются немедленно».

«Статья 121-10. Президент Российской Федерации может быть отрешен от должности в случае нарушения Конституции Российской Федерации, законов Российской Федерации, а также данной им присяги. Такое решение принимается Съездом народных депутатов Российской Федерации на основании заключения Конституционного суда Российской Федерации большинством в две трети голосов от общего числа народных депутатов Российской Федерации по инициативе Съезда народных депутатов Российской Федерации, Верховного Совета Российской Федерации или одной из его палат».

Шестой и десятый пункт последней статьи противоречили друг другу (если полномочия прекращаются немедленно, то достаточно заключения Конституционного суда и голосовать 2/3 уже не надо), но авторы поправок этого не заметили.

За три последних года Основной закон менялся десять раз. Конституционный суд имел возможность указать на недопустимость разбалансировки властных полномочий и предотвратить развитие событий, которые завершились указом № 1400. Он этого не сделал.

Зато как только появился повод, председатель Конституционного суда сразу же созвал пресс-конференцию и, не дожидаясь решения коллег, объявил указ нарушением Конституции. Закон обязывал судей приступить к рассмотрению этого вопроса только после депутатского обращения, причем это должно было стать предметом серьезного изучения, с привлечением сторон и последующим постановлением. Однако в десять вечера того же дня, не дожидаясь обращения в суд, В. Зорькин открыл заседание, и еще через пару часов в КС уже было готово заключение:

«Указ Президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации» ... служит основанием для отрешения Президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина от должности или приведения в действие иных специальных механизмов его ответственности в порядке статьи 121.10 или 121.6 Конституции Российской Федерации».

Четыре члена КС (авторитетные юристы Э. Аметистов, Н. Витрук, А. Конов, Т. Морщакова) не согласились с решением своих коллег и указали на отсут-

ствие ходатайств о рассмотрении, о не вызове на заседание ответчика, незаконность ускоренного принятия «заключения» вместо судебного постановления.

В особом мнении Т. Морщаковой было сказано: «Суд фактически заочно и без соблюдения процедуры, в нарушение всех принципов правосудия, по собственной инициативе, вопреки требованиям части второй статьи 121.10 предпринял вопрос об обвинении и конституционной ответственности главы исполнительной власти – высшего должностного лица государства...»

Исходя из общепризнанных принципов права, любой вид юридической ответственности исключается при наличии крайней необходимости. Конституционный Суд, решая вопрос об ответственности президента, не только не опроверг, но даже не обсуждал основной аргумент, содержащийся в его Указе, – действовал ли президент в ситуации крайней необходимости, когда **«формальное следование противоречивым нормам, созданным законодательной ветвью власти» и дальнейшее промедление в разрешении возникшего кризиса угрожало безопасности государства и народа, демократическим преобразованиям и экономическим реформам и эта угроза не могла быть устранена в сложившихся обстоятельствах другими средствами, а цена нарушения менее значима, чем предотвращенный вред».**

На заседании президиума Верховного Совета Р. Хасбулатов, не дожидаясь решения КС, сказал: *«Борис Ельцин нарушил Конституцию, изменил клятве на верность народу, и он должен быть немедленно отрешен от должности».*

Несмотря на то, что высокочтимая депутатами Конституция позволяла отрешить президента только Съезду народных депутатов, Верховный Совет не стал медлить.

Уже ночью на основании ст. 126-6 было принято постановление о немедленном прекращении президентских полномочий Б. Ельцина. Эта статья была заморожена на V Съезде до принятия новой Конституции. Но как только стало ясно, что она сузит власть депутатов до функции законодателей, работа Конституционной Комиссии была отвергнута, а все договоренности аннулированы.

Чрезвычайный съезд еще не открылся, а новая кровь уже пролилась.

Группа вооруженных людей пошла на захват штаба командования объединенных вооруженных сил СНГ. Ворвавшись туда, они обезоружили солдат-срочников. Но два офицера милиции, проходя мимо КПП, заметили неладное и решили проверить документы у людей, стоявших рядом со штабом. И получили очередь из автомата. На выстрелы подоспела патрульная машина дежурного по городу. По ней тоже открыли огонь.

Прибывшие на место происшествия подразделения ОМОНа оцепили территорию штаба, а также прилегающие к ней жилые дома, и начали прочесывание. Однако стрелявшим удалось скрыться, задержали только тех «ополченцев» из Белого дома, которые пришли туда чуть позже, чтобы присоединиться к нападавшим. При нападении были ранены два милиционера, погиб капитан милиции

Валерий Свириденко. Шальная пуля убила жительницу соседнего дома, пенсионерку Веру Николаевну Малышеву, которая, услышав выстрелы, подошла к окну.

Организатором и участником нападения был председатель «Союза офицеров» С. Н. Терехов.

В дальнейшем следствие установило, что для участия в нем он привлек до 70 человек. Они должны были разбиться на небольшие группы по 5-6 человек и «своим ходом» добраться до штаба ОВС СНГ. Разоружив находившихся рядом с КПП часовых, Терехов приказал трем членам своей группы остаться и прикрывать остальных. Но когда услышал стрельбу, приказал всем рассредоточиться и покидать объект. Сам он, по его словам, перелез на территорию КБ им. Илюшина, затем ушел через Ходынское поле. (Но, как писала газета «Известия», арестовали его возле здания ГРУ.)

Поначалу он придерживался версии о том, что вся затея была отвлекающим моментом, чтобы не дать силовикам сорвать начало съезда, а стрелять начал неизвестный из числа примкнувших. После амнистии признал, что целью был все же захват.

По словам В. И. Анпилова, Терехов подошел к нему вместе с начальником штаба «Союза офицеров» и сказал: *«Получено задание захватить штаб армий СНГ. Прошу сейчас об этом никому не сообщать, а в нужное время объявить по громкоговорящей установке о том, что мы пошли на штурм и просим помощи».*

Так и случилось. По словам участника событий, секретаря Московского комитета РКРП Б. Гунько, *«с балкона Белого дома еще выступала С. Умалатова, но, перекрывая ее голос, зазвучали первые аккорды песни “Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой!”». Чуть позже «из четырех громкоговорителей переносной радиостанции “Трудовой Москвы”, стоявшей на тротуаре под балконом, раздался голос неведомого диктора: “Товарищи! Только что группа офицеров захватила Главный штаб объединенного командования СНГ!”*

Площадь взрывается могучим “Ура!”, и после краткой паузы собравшиеся там слышат: “Это дает возможность передать всем воинским частям приказ о немедленной вооруженной поддержке Съезда народных депутатов и защите нашей Конституции”. После этих слов крики “Ура!” подобно громовым раскатам многократно сотрясают площадь».

Но среди офицеров находятся люди, которые понимают, что это начало гражданской войны.

Генерал-лейтенант М. Титов пытается остановить людей, которые уже готовы бежать на подмогу героям. Возникает сумятица и подозрения в провокации, тогда уже Анпилов подтверждает, что группа Станислава Терехова пошла на штурм штаба армий СНГ. Ему тоже не верят и тащат лидера «Трудовой России» к «министру обороны» генералу Ачалову. Тот заверяет, что Терехов действительно просил объявить о начале штурма и звать народ на подмогу.

Но когда стало известно о неудаче, заместитель Ачалова генерал Макашов заявил, что они ни при чем, все это провокация Кремля! А цель – дискредитировать защитников Конституции и найти повод к предъявлению ультиматума. (Позднее в качестве доказательства боевики будут говорить, что пенсионерка Малышева была убита пулей 7.62, и врать, что у них были только автоматы калибра 5,45 мм.)

Макашов как-то очень быстро забыл, что, помимо этой попытки захвата, они «брали» еще и бункер в районе ближней дачи Сталина. Там стрелять не пришлось – узел связи не работал, и штаба гражданской обороны там давно не было.

Следующим шагом стало открытие X Съезда, который по своему регламенту мог принимать решения только при наличии 2/3 своего списочного состава. На тот момент эта норма составляла 693 депутата. Это не помешало Хасбулатову под стенограмму объявить, что 638 собравшихся в зале депутатов для кворума достаточно. Недосъезд утвердил «решения» об отстранении Ельцина и назначении и.о. президента Руцкого. На следующий день нехватку голосов преодолели, последовав «методе» Кремля: не имея на то прав, лишили депутатских полномочий 78 депутатов из «коалиции реформ» (тех, кто, по мнению собравшихся, был заодно с президентом). В дальнейшем число участников недосъезда продолжало сокращаться, и, чтобы скрыть неправомочность принимаемых решений, подсчет голосов стал вестись «на глазок».

Незаконный указ, незаконное решение Конституционного суда, незаконное отрешение президента, незаконная передача его полномочий вице-президенту А. Руцкому – эскалация беззакония продолжалась.

Первым делом новоиспеченный и.о. пересел из кресла в президиуме в отдельно стоящее кресло президента, вторым – назначил своих «министров» обороны, внутренних дел и КГБ. Этот шаг подрывал шансы на сохранение контактов с президентскими министрами, и депутаты советовали не спешить, но он их не послушал. «Министром обороны» недопрезидента стал известный усмиритель, генерал-каратель В. Ачалов. Не обошлось и без дешевого популизма: с подачи депутата Тулеева собравшиеся велели правительству заморозить цены на продовольствие, а на хлеб – снизить.

Премьер, даже если и хотел, не смог бы выполнить этот наказ. Для этого надо было отменить свободную торговлю. Затем конфисковать все продовольствие (иначе его попрячут), вернуть распределительную систему, восстановить принудительный труд в колхозах или найти огромные деньги для компенсаций хлебозаготовителям. Понятно, что цель Тулеева была иной: не заглядывая далеко, привлечь к себе людские симпатии.

Зато определились с участием своих противников и внесли поправки в уголовный кодекс, по которым все причастные к насильственному изменению конституционного строя подлежали уголовной ответственности вплоть до смертной казни. А тех, кто встанет на защиту Конституции, решено было освободить от уголовной ответственности и всячески поощрить.

Но от заигрывания с народом, обличительных речей и обещания грядущих кар послушникам надо было переходить к содержательным решениям. Что делать с правительством, которое не собирается выполнять их указания? Как относиться к выборам, которые назначил президент? Искать ли способ договориться или упорствовать в своем праве?

Еще на первой пресс-конференции, отвечая на вопрос о возможности компромисса, Хасбулатов возмущился: «Осуществлен государственный переворот, его надо подавить, вот и весь компромисс!»

Среди тех, кто грозил, клеймил и обещал, нашлось лишь три человека, которые, оставив эмоции, заговорили о необходимости мирного выхода из клинча.

Депутат, ученый, гуманист А. Перуанский:

«Руслан Имранович нам обрисовал жуткую картину преступлений нашего бывшего, как он выражался, президента: Ельцин развалил Союз, сделал всех нищими, внешняя политика никуда не годится.

Ну, извините меня, это что такое? А как же Конституция? Вот знаменитая статья 104, где записано: «К исключительному ведению Съезда народных депутатов Российской Федерации относятся... определение внутренней и внешней политики Российской Федерации». А Съезд – это мы, а не Ельцин.

И если уж называть как-то наш режим, так у нас, извините, режим Ельцина-Хасбулатова. И если мы не справились с нашими конституционными обязанностями, так, стало быть, досрочные выборы – это законный итог всей нашей деятельности.

Я призываю к тому, чтобы быть более самокритичными, чтобы понимать, что ответственность за происшедшее лежит и на наших плечах тоже. Повторяю, что самое главное сейчас – сохранить мир, чтобы не пролилась ни одна капля крови».

Ю. Нестеров (фракция «Согласие ради прогресса»):

«Уважаемые народные депутаты! Если следовать стереотипу, которому мы часто следуем на наших съездах, меня на этой трибуне быть не должно. Я принадлежу, по определению многих, к так называемым крутым демократам, которые и привели страну к нынешнему дню. И я сначала хочу обратить внимание на то, что выступаю, здесь некоторая была неточность, от собственного имени. Наша фракция не успела обсудить в полном объеме ситуацию, мне точно известно, что многие мои коллеги по фракции не согласны с моей позицией, но также точно известно, что есть такие члены, которые с моей позицией согласны принципиально.

Начать я хочу все-таки с того, чтобы, не разочаровывая вас, заявить, что я категорически не могу согласиться с той «апокалипсической» оценкой всего пройденного нашей Родиной за последние два года пути, которую сделал в своем докладе Руслан Имранович Хасбулатов. Одна из причин того, что произошло два дня назад, одна из причин – это то, что мы с вами вместе за-

нимали долго и очень агрессивно такую позицию, какая была здесь сегодня высказана: позицию на реставрацию практически социалистических порядков, позицию, высокомерную по отношению к инициативам президента. Но сегодня ситуация жестокая. Сегодня мы находимся в ситуации, когда в стране совершен государственный переворот. И какими бы благими намерениями ни руководствовался человек, который пошел на это, я лично этот переворот поддержать не в состоянии.

Помимо всего того, что было сказано, добавлю, что эти действия трагическим образом противопоставили два понятия, которые мне как человеку, разделяющему демократические убеждения, близки: понятие экономической реформы и понятие законности. Отныне, если это положение не будет исправлено, эти понятия (не знаю, как долго) будут противоречить друг другу. В обществе появилась баррикада. Она была и раньше, сейчас она стала выше.

Эта баррикада нелепым и трагическим, повторяю, образом разделила сторонников продолжения курса на экономические реформы и сторонников демократии, основанной на законе. Эта рана, которая вряд ли будет скоро залечена, если ситуация не изменится.

Но возвращаюсь к нашей деятельности. Эта ситуация не была бы такой, если бы Верховный Совет и Съезд вовремя приняли Конституцию. Кто нам мешал сделать это полгода или год назад? Это было наше право, но мы не сделали этого.

Кто нам мешал сделать адекватные выводы из результатов апрельского референдума? Сегодня говорят о том, что народ нам якобы запретил досрочные выборы. Это просто фальсификация или непонимание сути народного волеизъявления. Да, народ не смог потребовать досрочных парламентских выборов, но он недвусмысленно сказал, что этого хотел бы. Не хватило 5 процентов голосов для того, чтобы это стало нормой прямого действия. Мы обязаны были своими решениями волеизъявление народа реализовать в том виде, в каком это было проголосовано на референдуме. И теперь мы расхлебываем так же, как и другие наши сограждане, плоды этой нерешительности и неспособности мыслить по-государственному.

Поэтому сейчас единственный выход – это исправление прошлых ошибок и как можно быстрее провести выборы как президента, так и нового высшего органа законодательной власти.

Верховного Совета? Нет.

Съезда? Нет.

У нас есть время для того, чтобы принять закон о новых федеральных органах власти, в котором иначе, на цивилизованной, современной основе будут распределены полномочия и закреплены взаимные сдержки и противовесы.

Но принимать такой закон как прежде, игнорируя усилия Конституционного совещания, мы не можем.

Вы помните, как на Верховном Совете это совещание называлось некой побочной, неформальной организацией, которая сочиняет по своему усмотрению бумажки. Нет, это серьезный орган конституционного характера. Я отдаю себе в этом полный отчет. Высокомерно относиться к их деятельности – это было бы грубейшей политической ошибкой. И поэтому мы должны принять сегодня постановление, которое назначает на декабрь (это было бы лучше всего, но никак не позже начала будущего года) одновременные выборы, которое устанавливает дату открытия очередного, не чрезвычайного, одиннадцатого Съезда буквально через несколько недель (никак не позже), который примет, наконец, весь пакет документов, составляющий законодательную основу новых выборов. Только в этом решение задачи. Кстати, последний аргумент. Вспомните, что большинство субъектов Федерации от лица своих представительных органов власти потребовало именно этого. И если мы не подтвердим решение об одновременных выборах, то просто не будем поддержаны остальной Россией. Спасибо».

Даже убежденный противник ельцинского курса, депутат В. Аксютин (группа «Российское единство»), призывает пойти навстречу воле народа:

«Уважаемые депутаты, я обращаю ваше внимание на то, что большая часть регионов, поддержавшая законную власть и Конституцию, Съезд и Верховный Совет, высказалась одновременно за досрочные выборы и законодательной, и исполнительной власти... Давайте с вами не будем делать вид, что мы здесь безгрешные судьи, которые судят завравшегося школяра. Давайте вспомним, что мы с вами единодушно учредили институт президентства, мы с вами единодушно рекомендовали Ельцина в президенты, мы поддерживали многие его действия. Поэтому я предлагаю признать все эти факты, признать волеизъявление уже многих политических сил и авторитетных политических деятелей и начать этот пункт со следующей формулировки: «Назначить досрочные выборы президента и высшего органа законодательной власти Российской Федерации на февраль 1994 года». Затем по тексту продолжить пункт со слов «съезд народных депутатов Российской Федерации считает обязательным условием проведения досрочных выборов нормальную деятельность органов представительной, исполнительной и судебной власти». И далее по тексту».

Р. Хасбулатов: *«Спасибо. Ставится на голосование поправка народного депутата Аксютин, пожалуйста. Так, просьба сосчитать. Но вообще видно, что нет, конечно. Четыре, шесть, семь голосов... Давайте только «за» считаем. Пожалуйста, сосчитайте. Видно, что нет».*

Действительно, из 638 депутатов, за ту поправку, которая могла стать первой ступенькой к мирному исходу, проголосовало лишь 84 депутата.

Позднее Ю. Нестеров вспоминал:

«В перерыве ко мне подошел Иван Петрович Рыбкин, приобнял за плечи

и предложил войти в состав Верховного Совета. Я подвел его к окнам, под которыми колыхалась толпа защитников Белого дома под красными знаменами и транспарантами, на каждом втором из которых были лозунги типа «Ельцин – чемодан, вокзал, Израиль». «Спасибо, Иван Петрович, нет. – ответил я. – Поздно. Смотрите, кто защищает нас – люди, навсегда оставшиеся в прошлом».

Первый ультиматум действительно прозвучал. Министр обороны Павел Грачев потребовал сдать все оружие, распустить Съезд, полностью освободить здание, отстранить от должности «силовых министров» Руцкого и выдать виновных в нападении на штаб СНГ.

Ответа Грачев не получил, «осажденные» были уверены в том, что на их защиту поднимется весь народ. Сразу после выступления Б. Ельцина по телевидению у здания Верховного Совета действительно начали собираться национал-патриоты и коммунисты, члены «Российского общенародного союза», «Фронта национального спасения», общества «Память». Начался митинг, на котором прозвучали требования расправы над «поставившим себя вне закона президентом» и его сторонниками. Фронт национального спасения призвал *«организовывать акции гражданского неповиновения президенту и его окружению, блокировать пропрезидентские структуры, милицеские и воинские формирования, если они будут выполнять незаконные распоряжения своего начальства».*

Но среди давно ждавших драки оказались и другие. Указ президента ошеломил многих. Могло ли быть иначе? Если даже непосредственные участники пу-тались в своих убеждениях, интересах и поступках, то что понимало в происходящем большинство непосвященных в перипетии драмы, занятых своим делом, людей?

Фонд общественного мнения проводил опрос населения прямо по ходу событий. Через пару дней после указа в поддержку Верховного Совета высказались только 9% москвичей, на вопрос о вине за происходящее 28% назвали Ельцина, а 46% – Руцкого и Хасбулатова.

Руководители ФНПР, Федерации независимых профсоюзов России (переименованный советский профсоюз), объявили о солидарности с депутатами и готовности ко всероссийской стачке. А когда выяснилось, что ни их московские, ни питерские подразделения, ни целый ряд отраслевых профсоюзов участвовать в стачке не будут, то взяли свои слова обратно. Движение «Демократическая Россия» совместно с организациями «Живое кольцо» и «Август-91» провело общемосковскую акцию в поддержку действий президента, включавшую митинг и манифестацию, в которой участвовали десятки тысяч людей.

Но кроме столиц была еще и провинция. Там тоже искали ответы.

– Советы – это демократия! Разве не мы избирали депутатов, разве не наши интересы они отстаивают в своих спорах? Ну, ругаются они, ну, не могут по-

делить полномочия – разве это дает право наплевать на наш выбор?! Ельцин пугает катастрофой, а сам он что, не виноват? Еще на первом съезде, все это слышали, он обещал переход к рынку без ущерба населению, без снижения уровня жизни – мы его выбрали. А теперь что? Мы не быдло! Надо протестовать! Но против кого? Депутаты, они что, лучше? Да все они хороши, может и правда, нужны новые выборы... Так думали те, кто пытался формулировать, другие в раздражении и растерянности озирались в поисках той силы, которая наведет порядок.

Противостояние

В региональных органах власти позиции разделились, исполнительная власть Указ о роспуске Верховного совета и назначении выборов в Государственную думу поддержала, а 29 Советов из 88 субъектов федерации категорически его не признали. Они потребовали не только восстановления советской Конституции, но и новых выборов, правда, по старой системе и под своим руководством. Областные и городские Советы стали угрожать политической забастовкой, отменой поставок нефти и газа, перекрытием железных дорог и прекращением платежей в федеральный бюджет. В Кремле к угрозам отнеслись спокойно, напомнив, что Указ президента и направлен на проведение выборов, а обещанные меры могут ударить по самим регионам.

В Петросовете отношение к реформам и конфликту между Верховным Советом и президентом стало предметом острых споров еще весной того года. Тогда при рейтинговом голосовании из 380 депутатов – 143 проголосовали за то, чтобы весной следующего года провести досрочные выборы в Горсовет, 157 депутатов – за перевыборы мэра Санкт-Петербурга, 175 депутатов – за перевыборы народных депутатов в России, 77 – за перевыборы президента России, 160 – за принятие новой Конституции учредительным собранием. Еще 30 марта, видя нарастание конфликта, питерские депутаты рассмотрели четыре проекта своей оценки политического кризиса. В результате сессия предложила тогда всем ветвям власти временно примириться ради того, чтобы созвать Конституционное собрание из представителей федеральных властей и субъектов Федерации, выработать и принять там новую Конституцию, после чего провести новые выборы во все органы власти.

Теперь, после указа, страсти накалились еще больше, и дискуссия была бурной. Слово получил известный актер и теперь уже «бывший народный депутат РФ» (как он сам себя тогда аттестовал) Олег Басилашвили. Он зачитал «Обращение представителей интеллигенции города», подписанное 14 видными деятелями науки, культуры, искусства:

«Уважаемые депутаты!

Два месяца, которые предложил президент для проведения выборов в новый парламент, дают возможность гражданам России принять участие в избирательной кампании и свободно выразить свою волю, которая и должна торжествовать в демократической стране.

Нужно сделать все, чтобы выборы прошли в обстановке гражданского мира. И это вполне возможно – в стране сохраняется спокойствие, спокойствие и порядок сохраняются в Санкт-Петербурге.

В этих условиях огромное значение приобретает позиция Петросовета, к мнению которого прислушиваются не только питерцы, но и граждане России.

Депутаты Петросовета имеют историческую возможность поддержать позицию президента. Это укрепит гражданский мир.

Иное решение возложит на депутатов тяжелую ответственность перед избирателями, а возможно, и перед будущими поколениями.

Народный художник М. Аникушин, член-корреспондент РАН А. Бонч-Бруевич, академик И. Горынин, О. Басилашвили, А. Герман, К. Лавров, Е. Лебедев, В. Стржельчик, Д. Гранин, В. Гергиев, Н. Толстой, М. Чулаки, И. Смоктуновский, академик И. Спасский».

После всех споров и десятка предложений осталось два варианта решения: с поддержкой президента, за которую набралось до 80 голосов, и против него – со 140 голосами. Поскольку ни тех ни других голосов не хватало, взятое за основу решение осудить переворот отложили. На следующий день, когда ряды противников переворота пополнились, депутаты-члены «ДемРоссии» не стали регистрироваться и сорвали таким образом голосование.

Тогда Малый Совет, где радикальные демократы были в меньшинстве, двадцатью из тридцати пяти голосов его членов утвердил свое решение:

«Оценить действия президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина как государственный переворот.

Считать Указы и Распоряжения, подписанные Б. И. Ельциным 21.09.93, не имеющими юридической силы и не подлежащие исполнению на территории Санкт-Петербурга, а Конституцию Российской Федерации и законы Российской Федерации в редакции по состоянию на 20.09.93 – действующими в полном объеме».

На Дворцовой площади прошел митинг протеста, где выступили вице-мэр В. Щербаков, народный артист Сергей Лавров и руководители местных коммунистических организаций. Они призвали к сопротивлению «антизаконным действиям Ельцина». Потом несколько тысяч участников митинга прошли по Невскому проспекту к Дому радио, требуя зачесть в эфире воззвание Верховного Совета, и получили отказ.

Судя по опросам Л. Кессельмана, на второй день событий мнения горожан разделились. Чрезвычайные меры президента сократили число его сторонников, к его поддержке склонялись 36%, а выражали свое несогласие 34%. Но ВС поддерживали лишь 10%. При этом треть опрошенных не смогла определиться со своей позицией.

Решение Малого городского Совета вызвало протесты большого числа депутатов. Появилось заявление:

ВО ИМЯ СПАСЕНИЯ РОССИИ («Вечерний Петербург», 25 сентября 1993 г.) «Обращение депутатов Санкт-Петербургского городского Совета народных депутатов к президенту России Б. Н. Ельцину.

Уважаемый Борис Николаевич!

Вами принято решение, которого так ждал народ, оказавшийся в результате паралича центральной власти заложником преступных групп и местных бюрократов.

Решительных действий требовали от вас те, кто видит незавершенность преобразований в нашей стране и гибельность этого затянувшегося переходного состояния, кто уверен в том, что демократические реформы должны быть доведены до конца и возврат к тоталитарному прошлому – это преступление против народа России.

Мы понимаем, как трудно было принять такое решение вам, убежденному стороннику демократии и правового государства. Безусловно, это жертва, но жертва во имя спасения России.

С вашей стороны – это акт гражданского мужества, который мы, депутаты Петербургского городского Совета, высоко ценим и в целом поддерживаем.

Мы вносим на ваше рассмотрение следующие предложения, которые могут быть использованы в процессе поэтапной конституционной реформы и послужить укреплению позиций демократии:

Одновременно с выборами в Государственную думу провести выборы в верхнюю палату парламента – Совет Федерации. Создаваемый сейчас Совет Федерации из председателей Советов и глав администраций субъектов Федерации действительно приемлем лишь как консультативный орган на переходный период до парламентских выборов.

После принятия Конституции провести выборы в органы государственной власти и управления субъектов Федерации и в органы местного самоуправления.

На этом трудном пути желаем вам твердости и успеха. Мы призываем всех людей, кому дорога судьба России, решительно поддержать президента в этот исторический час».

Его подписали 118 депутатов Петербургского городского Совета, и я был среди них.

В Москве у здания Верховного Совета милиционеры сменили безоружные цепочки солдат из дивизии им. Ф. Дзержинского. Опасаясь притока протестующих, Кремль распорядился о недопущении разжалованных избранников на телевидение. Еще специальным распоряжением президента было объявлено о том, что:

- Члены распущенного ВС получают пособие в размере годовой заработной платы.
- Остальным депутатам назначалось пособие в 12-кратном размере ежемесячных расходов, связанных с их депутатской деятельностью.
- Властям из регионов предписывалось восстановить депутатов на те же

должности, которые они занимали до избрания, либо же на любые другие равноценные должности.

– Члены ВС, не желавшие покидать столицу, получали право оставить за собой служебные квартиры в Москве. (Здесь президент опоздал: Хасбулатов еще год назад провел решение о закреплении квартир за иногородними депутатами, а когда М. Молоствов заметил, что это стыдно, зампреда Р. Абдулатипов ответил ему: если вам стыдно, можете не брать. Из общего числа депутатов-немосквичей отказались от таких подарков только Михаил Михайлович Молоствов, Борис Немцов и еще женщина-депутат с Дальнего Востока, фамилии которой я, к сожалению, не помню. Остальным было не стыдно.)

По указу за депутатами и членами их семей на два года сохранялось право на медобслуживание и санаторно-курортное лечение в тех же учреждениях, в которых они обслуживались до прекращения их полномочий.

Депутатам предпенсионного возраста предоставлялось право досрочно выйти на пенсию и получать ее в размере не ниже 75 процентов(!) зарплаты.

Понятно, что все это было сделано для того, чтобы сократить число недовольных и перетянуть их на свою сторону.

Ельцин отверг идею Зорькина, депутатов и глав части регионов об аннулировании всех актов противоборствующих сторон и одновременных выборах президента и депутатов под контролем и руководством Верховного Совета. Своим указом он назначил президентские выборы через полгода после депутатских, на 12 июня следующего, 1994, года.

Но тут неожиданно по телевидению прошла информация о том, что армия протестует. Невзоровская программа «600 секунд» запустила слух о том, что офицеры военной контрразведки и управления министерства безопасности (переименованное КГБ) по Москве и Московской области на каком-то своем закрытом собрании осудили действия Ельцина и требуют отмены последнего указа. Потом прошел слух, что с такими же требованиями выступили и десятки руководителей областных чекистских управлений. Это не подтвердилось, но и не было опровергнуто.

Кремлю пришлось выжидать, не предпринимая активных действий. Тем более, что обещанные депутатам блага стали действовать. После того, как выяснилось, что они распространятся лишь на тех, кто обратится за ними по месту избрания до 11 октября, а в Москве до 5 октября, из 384 членов ВС 76 дали согласие на переход в исполнительные структуры власти. Еще сотня начала переговоры на эту тему. Зал заседаний стал пустеть, и Ельцин выразил надежду на то, что наступит момент, когда там останутся только Руцкой с Хасбулатовым.

1 октября по инициативе Ельцина начались переговоры. Был подписан протокол о поэтапном снятии блокады Белого дома. На первом этапе в здание возвращалось электричество, отопление, городские телефоны, на втором – планировалось изъятие и складирование «нештатного» оружия, совместные пикеты по периметру Дома Советов.

Утром включили электричество, дали горячую воду. Результат был обратным, засевшие в Доме Советов решили, что до их победы остались считанные часы. Они отказались от соглашения до тех пор, пока не будет снята блокада и не будет доступа на телевидение. Оружие сдавать отказались.

Стояние затягивалось, и остававшихся в Белом доме это не устраивало. Народную любовь к себе любимым, к Советам и демократии там явно переоценили. Им казалось, что если народу стало жить хуже (а ему действительно стало жить значительно хуже), то поднять его на протест, который опрокинет тех, на кого они укажут, будет нетрудно. Не знаю, может быть, они насмотрелись телерепортажей советских времен, когда что ни день, то в наших новостях можно было увидеть толпы людей в Париже, Лиссабоне или Чикаго, которые возмущались своим правительством. Да, там поводом для беспорядков могло стать повышение цены трамвайного билета, а повышение налогов или ограничение свобод какого-нибудь университета грозило правительству отставкой. Но это там, а не в России, где веками прививался страх и трепет перед властью.

Ведь даже в августе 1991 года, когда еще не поблекли надежды на чудо, люди, пришедшие на защиту демократических Советов, составляли лишь малую часть общества. То же обывательское большинство, которое сидело по домам в августе 1991 года, решило ждать – «чья возьмет» – и в этот раз.

Сторонник Белого дома Э. Махайский:

«В метро и на работе реакция большинства людей на произошедшее спокойная и даже безразличная. Временами раздражительная. Слышны замечания: “Все они кровопийцы”, т.е. и правительство, и Верховный Совет. Как рассказала одна из сотрудниц, проживающая в районе Красной Пресни, в 8-00 в троллейбус, в котором она ехала на работу, вошли женщины-активистки с пачкой листовок с текстом заявления ВС в отношении Указа президента и попытались раздать их пассажирам. Многие пассажиры протестующе зашумели на этих активисток и вынудили их ретироваться из троллейбуса».

А вот характер сил, которые строили новые баррикады вокруг Белого дома, изменился.

Если в августе 91-го это была в основном молодежь и образованные люди, которые были готовы жертвовать собой, то теперь, в октябре, активное ядро бунта составили боевики из приднестровского батальона «Днестр», из Абхазии, чеченцы из хасбулатовского тейпа Харачой, находящиеся в розыске бандиты рижского ОМОНа, отставные чекисты, неонацисты-баркашовцы. К ним присоединился безработный люмпен-пролетариат. Участник событий А. Залесский писал:

«Были и сталинисты, в основном люди пожилого возраста, для которых Сталин означает счастливое детство, победу над фашизмом и ежегодные снижения цен... И были просто граждане России, возмущенные поправлением Конституции и разгоном плохих или хороших, но избранных народом депу-

татов. Таких людей, пришедших сюда не по вызову политической партии, а по велению гражданского долга, тоже было немало.

В толпе у Дома Советов встречались даже те, кто приходил защищать Белый дом в августе 91-го года, теперь они кляли себя за то, что не смогли тогда разобратся, кого защищают, за то, что их «обвели вокруг пальца».

Кто-то из них, поглядев на злобную толпу, послушав антисемитские речи и призывы «демократов к стенке!», еще сумеет вырваться из водоворота. Остальных ждет участь преданных и убитых.

В течение нескольких дней разрозненные группы сторонников ВС собирались вокруг Дома Советов, их жестко разгоняла милиция. Они собирались снова, их опять разгоняли...

К противоборствующим воззвал Патриарх РПЦ Алексей II:

«Россия на краю пропасти. Ныне мы перед выбором: или остановить безумие, или похоронить надежду на мирное будущее России. Особенно трагично, что сегодня может распасться Российская держава. Если это произойдёт, будущие поколения проклянут нас. Противостояние на пределе нервов вокруг Белого дома в любой миг может взорваться кровавой бурей. И поэтому я слезно умоляю стороны конфликта: не допустите кровопролития! Не совершайте никаких действий, могущих разрушить донельзя хрупкий мир! Не пытайтесь решить политические проблемы силой!»

При его участии начались повторные переговоры, теперь уже в Донском монастыре, но и они зашли в тупик. Ельцин не собирался отменять свой указ, а Хасбулатов назвал все достигнутые там договоренности «чепухой», он выговаривал Чеботаревскому и Воронину: *«Ваши подписи не имеют никакого значения... Ведь чтобы вести какие-то полноценные, обязывающие обе стороны переговоры и достигать конкретных целей в соглашениях, стороны должны обладать правами. Указ № 1400 лишил абсолютно всех прав Верховный Совет, его руководство, Съезд депутатов как высший орган государственной власти. Мы в одночасье оказались «лицами без гражданства», людьми, сидящими в темноте, с отключенными телефонами (и даже неработающими туалетами). Понимаете ли Вы это?»*

В тот же день вице-премьер В. Шумейко сказал журналистам: *«Никакого возврата к так называемому «нулевому варианту» и компромиссу с бывшим Верховным Советом уже не будет, пока существуют это правительство и этот президент».*

1 октября состоялось заседание Священного Синода, который заявил: *«Властью, данной нам от Бога, мы заявляем, что тот, кто поднимет руку на беззащитного и прольет невинную кровь, будет отлучен от церкви и предан анафеме».* (Поскольку кровь пролили обе стороны, не отлучили никого...)

Булыжник – оружие пролетариата

Правда, теперь к нему добавился «коктейль Молотова», куски арматуры и горящие покрышки. 2 октября анпиловцы из «Трудовой России», активисты ФНС собрались в сквере около МИД, они выступали под лозунгами: «Банду Ельцина под суд, демократов – к стенке!» Манифестанты вооружились камнями, бутылками с горючкой, кусками металлических конструкций, они перекрыли движение по Садовому кольцу, соорудили баррикаду и подожгли автомобильные шины и доски. Их попытался разогнать ОМОН, но это не удалось, и милиция отступила. После переговоров с руководством ГУВД баррикадники, собравшись в колонну, покинули место столкновений и разошлись.

Депутаты Моссовета, встав на сторону Дома Советов, разрешили митинг на Октябрьской площади, его ведущим должен был стать бывший питерский демократ, сопредседатель ФНС и депутат И. Константинов.

На площади собралось несколько тысяч человек, участников митинга могло быть значительно больше. Но лидер КПРФ Г. Зюганов призвал своих сторонников: «Никаких стычек, никаких конфликтов», чтобы не мешать региональной инициативе мирным путем добиться одновременных выборов и президента, и депутатов. (Потом говорили, что это неожиданное решение было компромиссом с Кремлем, который пообещал за это не мешать коммунистам на грядущих выборах в Госдуму.) Тут выяснилось, что мэрия столицы митинг запретила. ОМОН попытался окружить и заблокировать собравшихся. Туда направили солдат внутренних войск из резерва, но оцепление продержалось несколько минут, поскольку Уражцев («Трудовая Россия») и Крючков (помощник Руцкого) стали собирать колонны для марша то в одном, то в другом направлении (это рассеяло силы милиции, которая не понимала, куда будет нанесен основной удар).

И. Константинов, которого левые активисты послали подальше, не смог начать митинг. Затем В. Анпилов призвал всех идти на прорыв блокады Верховного Совета и развернул людей в сторону Дома Советов. Людской поток неожиданно повернул и двинулся к Крымскому мосту. Возглавлял идущих отряд из 500 человек, лица некоторых были закрыты шарфами. По словам А. Калганова, «первыми прошли богатырского сложения здоровенные парни».

Позднее проигравшие пытались свалить ответственность за прорыв и бесчинства на «кремлевских провокаторов», которые и организовали таким образом повод для последующей расправы. Но проведение митинга было лишь предложением для похода на Белый дом, эта задача обсуждалась в кабинете Руцкого и была им одобрена.

Показания участника (из доклада Комиссии ГД РФ):

«Когда я туда подошел, то увидел, как голова огромной колонны медленно движется по Крымскому валу, а на Крымском мосту стоит «черепаха», а чуть сзади нее быстро выстраивается вторая. ... Я уже был метрах в 50-60 от головы колонны, когда услышал грохот щитов, крики. И тут я – человек трусливый и осторожный – ломанулся вместе со всеми вперед. Дальше все было довольно сумбурно. ... Помню, как стреляли милиционеры по людям на мосту, как плыли по реке каски, как оттеснили ментов, как вели с моста разбежавшихся, бледных как смерть ОМОНовцев. Через несколько секунд, может, чуть больше, с полминуты, я с середины моста увидел голову колонны, она была уже за путепроводом, где-то у станции “Парк культуры”. Люди бежали довольно плотно, по дороге снимая спецсредства с задержавшихся ОМОНовцев или милиционеров из второй “черепахи”: щиты, бронежилеты, дубинки. Люди, почти безропотно претерпевшие многодневные избиения, на бегу вооружались. У Зубовского голова колонны столкнулась нос к носу со взводом спецназа. Подъехали три “ПАЗа” и “УАЗ”, из них высыпали около 70 спецов, в серо-пятнистом камуфляже, с дубинками и щитами, в шлемах с забралами. Они построились в “черепаху”, но их мало, они не могут перекрыть даже половину Садового и строятся напротив ямы (там ремонтируют какие-то подземные коммуникации), чтобы хоть как-то прикрыть фланг. Это не помогло: голова колонны превратилась в клещи. С ними даже не стали драться. ОМОНовцы бегут наперегонки со своими автобусами. В них и в автобусы летят камни. ... Бежим. Садовое кольцо от Зубовского почти до самого МИДа разделено бетонными блоками. Посередине кое-где стоят грузовики, фронтальные погрузчики – здесь идут какие-то ремонтно-строительные работы. Люди кидаются почему-то к грузовикам, не обращая внимания на погрузчики. Дверцы взламываются, одни машины заводят ключами, другие – без ключей. Тот самый КАМАЗ с будкой, которым потом были протаранены “черепахи” на Смоленской, захватывали у меня на глазах... Я не стал ждать и побежал вперед. Только через некоторое время КАМАЗ нас обогнал, почти возле самого МИДа. Здесь нас уже пытались остановить всерьез, но ситуация развивалась стремительно. Очень мощный, но тоже сборный заслон милиции, ОМОНа мы застали в момент построения и развертывания. “Черепахи” уже почти построились, за ними стояли два водомета, и подходили еще машины с людьми. Нас стали обстреливать из гладкоствольных ружей резиновыми пулями и газовыми гранатами, заработали водометы, но мы не дали им времени. Колонна подалась назад. В милицию полетели камни, а посреди площади разворачивался КАМАЗ. Быстро развернувшись хвостом вперед, он начал сдавать задом максимально быстро, как мог, на «черепаху». «Черепаха» рассыпалась, строй смешался, и люди все разом рванулись вне-

ред, а КАМАЗ уже таранил водомет. В панике ОМОНовцы бросили оба водомета, а демонстранты обложили обе машины впритык, прутьями выбили стекла, засыпали кабины мелкими камнями. Водомет, сигналя, развернулся и помчался прочь, а колонна захватывала подходившие ментовские машины. Большинство машин было брошено водителями сразу же, как только их окружили люди. Машины бросались вместе со всем, что там находилось, включая, естественно, и ключи от машин».

Во время прорыва были ранены не менее пяти сотрудников милиции и солдат, чьи имена были потом установлены. Далее, по свидетельству очевидцев, «демонстрация превратилась в толпу и стала неуправляемой» ...

Толпа прошла по Садовому кольцу и Новому Арбату до бывшего здания СЭВ, в котором размещались службы столичной мэрии, растянула и утоптала окружавшую Дом Советов колючую проволоку.

О том, что происходило там, как, впрочем, и обо всех событиях той осени, написано немало. Как правило, авторы умалчивают обо всем, что не укладывается в героические образы мирных защитников Конституции и, не заботясь о доказательствах, множат число жертв кровавого режима. Одна из наиболее подробных и тенденциозных книг – «Анафема» – написана со слов некоего помощника генерала Ачалова. За псевдонимом «Иванов» маячит фигура журналиста из красно-коричневой газеты «Завтра» В. Шурыгина, который для пущей убедительности присвоил «автору» звание полковника.

В его «победных» реляциях о событиях на Крымском мосту есть впечатляющий эпизод:

«Существенно потрепанный ОМОН – без щитов, касок и дубинок – пытается спрятаться в автобусах, за машинами, прорваться к своим. На крыше одного грузовика один такой подбитый – вместо лица сплошная кровавая маска».

Зато когда нападавшим пытаются дать отпор, тональность меняется:

«3 октября примерно в 15.30 произведен расстрел из пулемета (из мэрии) и автоматов (от мэрии, где располагалась войсковая оперативная группа МВД) прорвавшихся безоружных москвичей прямо у парадных дверей “Белого дома”, а чуть позже, в 15.45 – обстрел из карабинов, автоматов и пулемета (из гостиницы “Мир”, где располагались штабы ГУВД и в/ч 3111) митинга с противоположной стороны, у 20-го подъезда... Демонстрантов у парадного подъезда и выбежавших к ним из «Белого дома» людей начинают расстреливать эмвэдэшники. По людям практически в упор, в спину, стреляют короткими очередями из автоматов. По приказу руководства эмвэдэшники, вылезшие из-под пандуса мэрии, стреляя напропалую, даже пошли в атаку на “Белый дом”. Пара особо ретивых стреляют очередями по демонстрантам прямо от живота. Из здания мэрии бьют на поражение длинными очередями из пулемета. Люди падают, пытаются вжаться в асфальт, укрыться на

газоне, за парашютом. Практически не видно, как падают убитые и раненые. Длинной очередью в воздух из крупнокалиберного пулемета подал голос БТР. Над головой же свистят пули из автоматов и ручного пулемета. Эмвэдэшники били очередями на поражение по Руцкому и Ачалову, по двум десяткам тысяч безоружных людей, накопившихся после прорыва оцепления к этому моменту на площади и парадной лестнице “Белого дома”. Как нам сообщили по возвращении из “Останкино”, у парадного и 20-го подъездов “Белого дома” эмвэдэшники убили семь человек». Кроме этого, по словам автора, были ранены «десятки людей».

Картина жуткая и лживая. И то, что Иванов-Шурыгин действительно был ранен попавшей в его ногу резиновой пулей, не оправдывает масштабного вранья. Выстрелы были, это сомнений не вызывает, но при автоматных и пулеметных очередях боевыми патронами по тысячной толпе число жертв должно было исчисляться не десятком, а сотнями раненых и убитых. Командовавший в то время войсками МВД А. Куликов описывает эти минуты иначе:

«Толпа таранит заграждения поливочными машинами, забрасывает личный состав камнями. Войсковая цепочка прорвана, а со стороны Белого дома идет огонь из стрелкового оружия».

Можно усомниться в его словах, он тоже лицо равнодушное и даже заинтересованное. Но прошедшее в 1999 году депутатское расследование, при всей очевидной ангажированности (его проводили депутаты-коммунисты), называет имена лишь трех раненных у мэрии демонстрантов. Кроме них Комиссия назвала четырех не причастных к событиям, но жестоко избитых боевиками сотрудников мэрии и шестерых раненых солдат из Софринской бригады (двое из них получили пули в спину, когда часть солдат пошла брататься с осажденными, а по четверым раненым солдатикам из автомата стрелял боевик). Комиссия назвала еще трех раненых сотрудников милиции и двух убитых офицеров МВД, один из которых был в штатском, но, забыв об этом, выбежал навстречу «коллегам» с криком – не стрелять! Он умер от кровопотери после ранения в пах гранатой со слезоточивым газом, которую выпустил другой сотрудник милиции. Несогласованность, неуправляемость правоохранителей приведет и к другим жертвам в их собственном стане.

В те роковые дни фото и киножурналисты, рискуя собой, были в гуще событий, как у Белого дома, так и потом у телекомплекса Останкино. Не слишком героический образ рядовых участников событий дает просмотр видео хроники тех дней. Но не тех выборочных эффектных кадров, которые попадали в новостные программы телевидения. Куда интереснее рабочие записи снимающих происходящее телеоператоров. Одним из них был мой сын Владимир Рыбаков, он работал тогда на российском телевидении в программе «Вести» и за съемки под огнем у Останкино был награжден орденом «За личное мужество».

Вот по направлению к Крымскому мосту на камеру идет плотная, темная масса людей. Вот по Садовому кольцу летит к метро «Смоленская» военный грузовик. Он врывается в милицейские машины и сбивает солдата, рядом лежит еще один раздавленный человек. А вот помятые радиаторы милицейских грузовиков, разбитые стекла автобуса, в кабине которого мальчишка пытается что-то открутить. Вот после прорыва, озираясь и останавливаясь, по проспекту неуверенно идут отдельные редкие люди. Похоже, что без пастухов или заводил эти люди не знают, что делать дальше. Вот пандус здания мэрии, по нему тоже бродят неприкаянные люди, раздаются несколько выстрелов. Все приседают, но продолжают вертеть головами и высовываться. Вроде и страшно, но любопытство сильнее. Вдоль разбитых окон спокойно идет человек с собачкой, она принохивается к луже крови на асфальте, старик не мешает, с интересом оглядывается вокруг. Вот на цоколе у главного входа картинно стоят два боевика с короткоствольными автоматами, их фотографируют, онижимают протянутые им снизу руки (захват мэрии, используя грузовики как тараны, осуществили вооруженные баркашовцы и приднестровские ополченцы). Мимо понуро, с опущенными головами, проходит стайка милиционеров; боевики, сурово глядя, провожают их насмешками. Вот толпа роится в разбитом вестибюле, что делать дальше, люди явно не знают... Сквозь толпу выводят еще несколько пленных. Обезоруженные солдаты спешат перейти улицу, у них затравленные глаза (потом их догонят и будут избивать баркашовцы). Снова цоколь, на нем в окружении вооруженной охраны Макашов, он призывает людей вооружаться, охранять Белый дом и взять штурмом соседнюю гостиницу, где засел милицейский штаб.

Из рассказа депутата И. Андропова:

«У входа в гостиницу застрял и безуспешно пытался уехать армейский бронетранспортер. Этот БТР уткнулся кормой в каменное крыльцо отеля, а спереди к нему подкатили впритык грузовик с цистерной для поливки улиц. Попавший в западню БТР пытался судорожно отпихнуть водовоз, но у того, видимо, крепкие тормоза. Тем временем трое каких-то парней с автоматами взобрались на БТР и лили из бутылки бензин в щели люка броневика. Один из автоматчиков держал наготове коробок спичек. Узрев это, я заорал: “А ну-ка, ребята, не смейте поджигать! Я депутат Верховного Совета. Воспрещаю самосуд”.

Парни нехотя подчинились моему окрику. БТР тоже перестал дергаться и выставил из его носовой части два столбика перископов с овальными зеркальцами. Глядя в них, я громко проговорил: “Вылезайте по-хорошему пока живы. Я, депутат Верховного Совета, гарантирую вам неприкосновенность. Моя фамилия Андронов. Вылезайте!”

Перископы опустились в их гнезда, а экипаж броневика принялся опять долбить грузовик-водовоз. Оседлавшие БТР парни большие никак не реагировали на мои протесты и подождгли пролитый на люк бензин. На бронемашине

вспыхнул огненный гребешок. Я осознал впервые свое депутатское бессилие воспротивиться уличной стихии начала гражданской войны.

Подожженный бензин не проник, к счастью, внутрь броневика, а его водитель сумел-таки слегка сдвинуть тяжелый грузовик и вырваться из капкана. БТР с горящей вершушкой умчался куда-то по Конюшковской улице».

Даешь «Останкино»!

Мэрия еще не была захвачена полностью, на верхних этажах еще прятались служащие, а недопрезидент А. Руцкой уже командовал:

– Прошу внимания! Молодёжь, боеспособные мужчины! Вот здесь, в левой части, строиться! Формировать отряды, и надо сегодня штурмом взять мэрию и «Останкино»!

– Ура!

Ему вторит Руслан Хасбулатов:

– Я призываю наших доблестных воинов привести сюда войска, танки для того, чтобы штурмом взять Кремль с узурпатором – бывшим преступником Ельциным... Ельцин сегодня же должен быть заключен в «Матросскую тишину», вся его продажная клика должна быть заключена в подземелье!

Улица заглушает конец фразы:

– Ура!

Кто-то предлагает Руцкому и Хасбулатову возглавить поход, но, как говорится, «не царское это дело», они отказываются. На кадрах телехроники видно, как прибодрившаяся разношерстная публика заполняет захваченные армейские грузовики, автобусы и милицейские ПАЗики. Тут отставники-офицеры в форме, дети и ряженные казаки с зачехленными винтовками, тут и штатские, но почти все без оружия, с палками, щитами, красными и монархическими знаменами. Люди с песнями и криками «Ельцина – на нары! Советский Союз! Ленин! Родина! Социализм!» уезжают в сторону «Останкино».

Один из защитников Дома Советов, генерал Б. Тарасов, вспоминал:

«Помнится, охватило недоумение, как можно звать на штурм хорошо укрепленных объектов безоружных людей. Но именно в эти минуты волею обстоятельств я сам был вовлечен в эпицентр событий».

Ну хорошо, генерал привык подчиняться приказам, а те, кто их отдавал? Захват министерств, штурм Кремля или телевидения не были импровизацией. Варианты обсуждались в штабах протестующих, в руководстве «Трудовой России». Эффект от захвата министерств был невелик, на Кремль нужны были не десятки, а сотни тысяч штурмующих, но телевизионная «игла» «Останкино», даже если ее просто отключат, уже самым этим покажет слабость власти и силу восставших. И вот ради этого, понимая, что люди с палками и десятком автоматов встретят сопротивление вооруженного спецназа, вожди без тени сомнения отправили их под огонь? Потом Руцкой будет говорить: «Кто же знал, что там нас уже ждали?» Но первые машины еще только отъезжали, а телеканал CNN уже сообщил всем, что начинается дви-

жение к телецентру, что на его защиту направлено подразделение «Витязь». Это же подтвердил и направленный туда лазутчик.

Володя вместе с журналистом Алексеем Кондулуковым садится в служебную машину, чтобы предупредить коллег и найти место для съемки. Они обгоняют колонны демонстрантов и военных. В то же время председатель телерадиокомпании «Останкино» В. Брагин звонит Е. Гайдару и говорит, что, по его сведениям, от Белого дома в «Останкино» отправились грузовики с «боевиками». Вице-премьер связался с министром внутренних дел, но В. Ф. Ерин успокоил его, заверив, что «команда уже дана, силы направлены, все будет в порядке».

Сын начинает съемки в вестибюле АСК-1, где солдаты и офицеры с автоматами, снайперскими винтовками и пулеметами занимают позиции, прячась за колоннами, уступами и баррикадами. Им раздают подствольные гранаты, за этим с выражением полного недоумения наблюдает стоящая среди солдат старушка-гардеробщница.

Объектив камеры поворачивается на улицу, там из первых подъехавших машин высыпают манифестанты. Они не могут понять, какой из двух корпусов телекомплекса им нужен. Потом начинают расхаживать и собираться перед входом, их число растёт, среди них появляются люди с оружием в полувоенной форме, подъезжает трофейный милицкий ПАЗик, из него выходят А. Макашов и его охрана. По его команде перед входом выстраиваются две шеренги «сторонников Конституции» с оружием, 25-30 человек, в основном с десантными автоматами и двумя гранатомётами.

Макашов пытается войти в здание, но вторая стеклянная дверь закрыта и забаррикадирована, за ней вооруженные десантники. Отставной генерал-полковник машет распоряжением недопрезидента Руцкого, требует прохода и эфира для депутатов. Ждет Брагина, тот тянет время, потом говорит, что неполномочен и скрывается за спинами солдат.

Тогда Макашов подходит к стоявшим за углом БТрам отряда «Витязь». По словам одного из сопровождавших генерала, офицер, с которым тот говорит, сообщает, что сюда выдвигается 400 вооруженных «бейтаровцев» с задачей устроить провокационную перестрелку. (Бейтар – еврейская молодежная организация, создана в Палестине в 20-х годах прошлого века как структура самообороны в Израиле и защиты евреев во всем мире. В публикациях сторонников Белого дома она упоминается неоднократно как некая таинственная сила, которая участвовала в подавлении их сопротивления. Никаких подтверждений этого никем не представлено.)

Макашов возвращается к толпе, ни словом не обмолвившись о якобы имевшем место «предупреждении». В это время на площадке перед зданием начинается митинг – все требуют открытый микрофон. И. Константинов подогревает настроение протестующих словами о том, что «Останкино» – ключ к победе!» К собравшимся присоединяются все новые люди.

Но тут оказывается, что центр управления телевидением находится не здесь, а через дорогу, напротив, в АСК-3. Об этом сообщают некие подошедшие оттуда люди, которые говорят, что все аппаратные там, что охрана в АСК-3 минимальна, а сотрудники готовы помочь сторонникам Верховного Совета.

Три тысячи людей устремляются туда через ул. Королева. Аппаратные действительно там, но на самом деле – там основная часть обороняющих телецентр, которые, не жалея стекол, даже пристрелялись к наружным целям (это позволит потом выдвигать версию о том, что митингующих специально выманивали туда, где можно будет потом обвинить их в реальной попытке захвата эфира и оправдать таким образом стрельбу в нападавших). Подъему духа собравшихся способствует ложное сообщение из Белого дома о том, что на защиту Конституции в Москву идет Тульская воздушно-десантная дивизия.

А Володя, увидев, что события будут развиваться не у АСК-1, берет свою камеру и поднимается на 6 этаж. Там он находит подходящее окно, из которого площадка перед зданием напротив видна как на ладони. Ему не удастся снимать все подряд, надо экономить батареи и кассеты, а позже по окну, в котором виден объектив телекамеры, еще будут и стрелять...

Позднее глава МВД А. Куликов говорил: «Первым делом нападавшие стали сбиваться в толпу, блокировать дороги и останавливать троллейбусы, высаживая из них людей. Казалось, власть дрогнула: гуляющая молодежь, опьяненная первыми победами в районе Белого дома, ревела от восторга и лупила отнятыми дубинками по отнятым щитам». При этом «власть действительно дрогнула» и Куликов – первым. Еще до событий в «Останкино», сразу после взятия мэрии, он докладывает министру о том, что его деморализованные подразделения, не имея оружия и боеприпасов, не могут сопротивляться, что он намерен вооружить их и вернуть в город уже в боеспособном состоянии.

Министр возражает, Куликов врет ему, что уход для реформировки – решение военного совета. В результате к тому моменту, когда «Витязь» ведет огонь из телекомплекса, других войск МВД в столице уже нет, они ушли, а милиция попряталась по домам!

А. Макашов вошел в вестибюль и через мегафон объявил, что пришли представители законной власти для выхода в «прямой эфир» и предложил военным освободить проход и покинуть здание, пригрозив уголовной ответственностью за применение оружия. Не получив ответа, боевики, по примеру взятия мэрии, двумя грузовыми машина-

У входа в ТВЦ Останкино

ми пробили стеклянные двери центрального входа и окно рядом. Но командир «Витязя» подполковник С. Лысюк стрелять по нападавшим запретил. Тогда Макашов подошел к разбитым дверям и стал угрожать спецназу гранатометом. За спиной у генерала, на площадке перед зданием, были сотни безоружных людей. Что не помешало этому идиоту (или провокатору?) во всеуслышание, через мегафон, скомандовать: «Гранатометчику подготовиться!» Тут произошла заминка: боевик из группы «Север» Н. Абраменков, присев на колено, направил гранатомет внутрь здания, но он не знал, как взвести это оружие. Тогда его перехватил другой боевик, милиционер из Питера М. Смирнов, и демонстративно приготовил гранатомёт РПГ-7В-1 с к боею.

Увидев направленный на них, готовый выстрелить, гранатомет, офицеры спецназа не отдали приказа на немедленное открытие огня, но приказали своим снайперам держать гранатометчика на прицеле и стрелять только в ответ. Солдаты поднялись на этаж выше и укрывались за бетонным парапетом балкона.

Смирнов продолжал целиться в разбитые окна, а Макашов и его охрана через проломленные двери вошли в вестибюль. Увидев на себе «зайчики» от лазерных прицелов, они ретировались, а генерал отправился советоваться с Руцким по рации и... куда-то пропал! Его видели потом в Дубовой роще, а когда у телецентра появится пешая колонна демонстрантов, он будет уже в Доме Советов.

По версии «защитников Конституции», через несколько минут после того, как Макашов покинул площадку, выстрелом в ногу был ранен один из его охранников, потом раздался два взрыва подствольных гранат на площадке перед техцентром. Потом еще один – очень яркий – взрыв, скорее всего, специальная светшумовая граната (изделие «Пламя»), которой командиры подразделений могут давать общий сигнал для своих подчиненных. Но горелый след от нее остался не на площадке перед зданием, а на полу вестибюля.

Военные утверждают, что начали стрелять только после того, как от неустановленного взрыва погиб рядовой «Витязя» Н. Ситников. Загадка его смерти так и не раскрыта, он должен был занимать позицию в положении лежа за бетонным парапетом балкона, а огнестрельные сквозные раны он получил в спину и предплечье. Попадание с улицы могло быть только в том случае, если он встал из-за парапета и обернулся к товарищам.

По заключению экспертов и прокуратуры, тандемная граната кумулятивного действия ПГ-7 ВР, которая была заряжена в РПГ боевиков, не могла быть причиной нанесенных ему ранений. Она предназначалась для преодоления танковой брони и разнесла бы еще и бетонную стену за жертвой. Но и на случайный выстрел из подствольника его соседом по позиции, по мнению экспертов, тоже не похоже.

На видеокадрах, снятых моим сыном, зафиксирован неоднократный пролет трассирующих пуль с седьмого этажа АСК-1 по окнам и вестибюлю АСК-3. Возможно, это и стало причиной гибели девятнадцатилетнего солдата. Тогда огонь

по боевикам, зевакам и журналистам был открыт изо всех стволов. И тут, похоже, случилось то, что криминалисты называют эксцессом исполнителя. Судя по видеокадрам сына, под бронежилетами и касками не только офицеры, но и недавние призывники, мальчишки. В минуту смертельной опасности им впервые пришлось стрелять по людям. Получив команду «огонь!», нажав на курок, они вошли в раж и продолжали стрелять не только в тех, кто мог представлять опасность, но даже по тем, кто пытался оказать помощь раненым. Только что их таранили грузовики, рядом с ними рвались гранаты, они боятся и не верят тем, кто на улице. Страх и агрессия таковы, что в темноте они открывают огонь даже по неожиданно появившимся фигурам внутри здания. Так погиб работавший в студии видеоинженер, который вышел из аппаратной в темный коридор и получил пулю в голову.

В первые же минуты обстрела были убиты и получили ранения по меньшей мере 19 человек. По показаниям корреспондента Агентства печати «Новости» А. Бойцова, он видел, как несколько граждан вынесли из-под огня раненого корреспондента московского бюро газеты «Нью-Йорк Таймс» Пола Отто, который сказал им, что там же остался раненый американский юрист Дункан Терри Майкл. Один из этих людей трижды обращался к военнослужащим, находившимся в здании АСК-3 и обстреливавшим данный район, уговаривая пропустить его и дать возможность вынести раненого иностранца. Из здания отвечали нецензурной бранью. Тогда этот мужчина, махнув рукой, поднялся и направился к Дункану, но тут же был смертельно ранен в спину автоматной очередью из здания АСК-3. От перекрестного огня из обоих зданий телецентра были ранены и убиты 8 российских и зарубежных журналистов.

Если огонь, который велся из зданий, еще можно объяснить страхом и психозом впервые попавших под пули молодых солдат и каких-то отморзков, то расчеты, сидевшие за броней БТРов, похоже, просто забавлялись, когда вели хаотическую стрельбу по горящим троллейбусам и кустам, где прятались люди. А когда им показалось, что стрелять не в кого, одна из бронемашин расстреляла декоративно-скульптурную композицию на стене АСК-3.

Несмотря на бой, число людей у «Останкино» не уменьшалось, туда подошла пешая колонна демонстрантов.

Вот свидетельство депутата В. Тарасова:

«Свернув на улицу Королева, уже в наступающей темноте мы услышали интенсивную стрельбу. Стало ясно, что происходит. Наша колонна начала таять. Сам я решил идти до конца. Оказавшись в зоне интенсивного обстрела, пришлось пережить едва ли не самые тяжелые в нравственном отношении мгновения. Ко мне, человеку в генеральской форме, подбегали люди, требовали для защиты оружие. Отвечал, что пришел вместе с ними безоружный как народный депутат. Заверял: буду добиваться встречи с командованием и руководством телерадиокомпании, чтобы по край-

ней мере прекратить зверский расстрел ни в чем не повинных безоружных российских граждан.

Вместе с несколькими товарищами проникаем в вестибюль центрального административного здания. Тут же мы были остановлены истошными криками: «Стоять! Стреляем без предупреждения!» (но ведь это и есть предупреждение?! – Ю.Р.). На нас были направлены автоматы спецназовцев доблестного “Витязя”. Я предъявил свое депутатское удостоверение и принялся убеждать старшего группы доложить о нашей просьбе командованию. После долгих отказов и оскорблений в мой адрес он, наконец, согласился и ушел. Прождав значительное время, мы поняли, что он не вернется. С нами просто не захотели встречаться. Надо было довести кровавую бойню до конца. На улицу мы вышли, когда появились здесь бронетранспортеры и начали сходу вести огонь из крупнокалиберных пулеметов. Огонь вылетал из окон и с крыши административного и технического зданий. Бронетранспортеры ходили кругами и также длинными очередями били по кустам, по деревьям, за которыми пытались укрыться манифестанты». (Странно: рассказчик и те, кто был с ним, шли по «зоне интенсивного обстрела», заходили в здание, откуда по всему движущемуся велся огонь, возвращались между стрелявшими в разные стороны бронетранспортерами и при этом все остались живы и невредимы. – Ю.Р.)

Появление новых толп, попытка поджога БТРов (когда кто-то, бросив бутылку с бензином, решил поджечь одну из боевых машин, но попал под ее колеса), брошенные в здание техцентра бытылки с бензином от которых загораются эфирные студии – все это вызвало новый огонь военных. Ближе к ночи число убитых на площадке перед зданием возросло до 46 человек, были ранены более 100. Среди военнослужащих пятеро раненых и один убитый.

Мой тесть Михаил Молоствов едва не оказался в самом пекле этих событий – после его выступления на ТВ, где он заявил об уходе из депутатов, они с женой уехали из Москвы, а вернулись закончить дела 3 октября к вечеру. Служебная квартира была на проспект Королева, рядом с телецентром. Когда их поезд прибыл на вокзал, они собирались тут же пересесть на электричку и доехать до платформы «Останкино», от которой мимо телецентра можно было дойти до дома пешком. Тогда они увидели бы горящее здание, раненых и убитых. Естественно, не прошли бы мимо, попытались бы остановить стрельбу, спасти раненых и, скорей всего, сами стали жертвами.

Этого не случилось лишь потому, что их родственник А. Синицын понял опасность, примчался на вокзал и увез их круглым путем.

Застигнутые врасплох...

Если у «Останкино» были сконцентрированы все имевшиеся в столице охранные силы, то вся остальная Москва оказалась без защиты. На улицах ни одного милиционера, отряды белодомовских добровольцев направлены для блокирования Министерства иностранных дел и Управления городской телефонной сети, две группы едут для захвата здания ИТАР-ТАСС и к Таможенному комитету. В аэропорты из Белого дома поступили проскрипционные списки демократов, которым уже закрыт выезд за рубеж. Кто-то штурмует отделения милиции и пытается добраться до оружейных комнат, а к Белому дому стекаются толпы маргиналов, их организуют боевики Баркашова, они громят и разгоняют жидкие милицейские кордоны.

По доставленной передвижной радиостанции Руцкой командует: **«Внимание! Приказываю стягивать к «Останкино» войска! Стрелять на поражение!»**

На той же волне кто-то кроет его матом. Он отвечает тем же.

Толпа народа и боевиков, пришедших от Белого дома, митингует у Министерства обороны, требуя впустить туда назначенного Руцким «министра».

На дорогах, ведущих в Москву, завязываются перестрелки с группами, которые с оружием в руках едут поддержать «защитников Конституции».

Достаточно сотни хорошо вооруженных и решительных вояк, чтобы в городе наступил хаос и власть оказалась в руках национал-большевиков.

Защитники Советов

Вспоминает пресс-секретарь президента В. Костиков:

«В Кремле, похоже, все еще не улавливали предельной остроты момента. Сразу после скомканной поездки на Арбат (президента пришлось эвакуировать оттуда из-за приближавшейся толпы) Борис Николаевич уехал за город, на дачу. Помощники, с учетом того, что был субботний день, уехали часа в три-четыре. Предполагалось, что следующий воскресный день будет нерабочим.»

Вспоминая эти дни сегодня, не могу не думать об удивительном сочетании решимости и крайнего легкомыслия, если не сказать – некомпетентности... Поразительное дело: 3 октября Руцкой отдает приказ о начале штурма здания мэрии, а помощники президента узнают об этом из телевизионных репортажей, находясь кто дома в Москве, кто на дачах».

Около 19 часов из резиденции в Барвихе в Кремль на вертолете прибыл Б. Ельцин. Министр обороны заверил его, что приказ о вступлении армии в город отдан. В дальнейшем Грачев продолжал убеждать президента в том, что войска уже в Москве, они движутся по магистралям столицы, что осажденный телецентр вот-вот будет освобожден.

Не дождавшись результата, Ельцин дал команду связаться с ГАИ по Москве, а его начальник генерал Федоров отрапортовал: никаких войск в Москве нет, они стоят перед Московской кольцевой дорогой. Генералы просто выжидали, чья возьмет.

Подставив под пули безоружных людей, инициаторы похода на «Останкино» своего добились: у Брагина не выдержали нервы, он отключил телеканалы и выдал в эфир заставку о том, что «вещание по первому и четвертому каналам нарушено ворвавшейся в здание вооруженной толпой». Многие подумали, уж если первый канал не смогли удержать, значит президенту и всем его демократам конец!

Но, к счастью, была еще резервная студия второго российского канала на 5-й улице Ямского Поля. Это туда мой сын передает снятый им материал (при передаче кто-то из технических работников делает копию исходника, которую тут же продадут зарубежным телеканалам, эти кадры будет показывать, в том числе, телеканал CNN). Из студии на Ямском Поле идет регулярное вещание программы «Вести». Туда приезжают известные всей стране люди – актеры и музыканты, ученые и политики. Поддерживая президента, они комментируют события и требуют решительных мер по пресечению мятежа.

Из записок президента:

«К полтретьего ночи я имел следующую картину. Милиция, от которой требовали не связываться в столкновения, и которая после первого же нападения ушла, оставив город на растерзание вооруженным бандитам. И армия, численность которой составляет два с половиной миллиона человек, но в которой не нашлось и тысячи бойцов, хотя бы одного полка, чтобы оказаться сейчас в Москве и выступить на защиту города».

Они не пройдут!

Президент объявляет чрезвычайное положение и отдает распоряжение Черномырдину готовить штурм здания Верховного Совета. Надежды на то, что это будет выполнено — нет. Силовики-министры выжидают. Все, что есть рядом — кремлевский полк, но и он подчинен Лубянке...

Вице-премьер Егор Гайдар:

«20 часов. ...Звоню Сергею Шойгу, председателю Комитета по чрезвычайным ситуациям. ... Прошу доложить, какое оружие в подведомственной ему системе гражданской обороны имеется в районе Москвы и, на случай крайней необходимости, срочно подготовить к выдаче 1 000 автоматов с боезапасом.

Звоню президенту, говорю, что считаю целесообразным обратиться за поддержкой к народу. Он тоже согласен. ... Иду в кабинет премьера. В коридорах самого начальственного, обычно чинного пятого этажа суетятся растерянные работники аппарата. Один подскакивает ко мне, буквально кричит: «Вы же понимаете, что все кончено! В течение часа нас всех пережмут!» Виктор Степанович спокоен, держится хорошо. ...Информирую премьера, что отправлюсь на российское телевидение, буду просить москвичей о поддержке, потом поеду к Моссовету».

Приехав в студию на Ямское Поле, он говорит тем, кто сидит у домашних телеэкранов:

«Бывают дни, когда от их исхода зависит судьба страны на десятилетия. И вот, если сегодня мы пропустим к власти тех, кто к ней рвется, если сегодня из осторожности, трусости, нежелания ввязываться, дадим им в руки рычаги управления, то они способны на десятилетия покрыть нашу страну кровавым коричневым занавесом. Сегодня судьба нашей страны, нашей свободы в наших руках. Дорогие москвичи, я прошу вас помочь сегодня, я прошу вас прийти на защиту свободы, я прошу вас собраться у Моссовета, чтобы дать отпор тем силам, за которыми кровь, страх, тюрьмы и расстрел... Правительство России пытается сейчас восстановить порядок в Москве, ввести необходимые имеющиеся воинские ресурсы. Сейчас идет бой у «Останкина». Наши противники действуют умело, решительно, слаженно. Очень много зависит от того, сумеем ли мы противопоставить им не дряблость, а решительность. Сейчас заседает коллегия Министерства обороны. МВД предпринимает усилия, направленные на то, чтобы стабилизировать положение. Но очень многое зависит сегодня и просто от поддержки общества и граждан».

На Тверской начинает собираться народ. Из выступления Егора Гайдара:

«Ваша поддержка здесь – это источник мужества для тех вооруженных сил, для тех отрядов милиции, которые стоят на стороне президента и выполняют его приказы. Именно потому, что вы здесь, они видят, что их бросают не против народа, что народ с ними!»

В 21.30 с балкона мэрии Константин Боровой потребовал раздать оружие собравшимся на площади.

Среди пришедших полутора тысяч активисты из «Живого кольца», члены «Союза военных за демократию» – те, кто защищал ее в 91-м году и не пожалел об этом, те, кто не хотел возврата в советское ярмо. Уже построено 25 больших баррикад по всему центру Москвы – вокруг мэрии, Центрального телеграфа, на самой Тверской. Если на баррикадах у Дома Советов флаги цвета крови, то здесь – российские триколоры. Рядом с ними тоже жгут костры, но песни поют другие. Президент «Автолайна» привел на Тверскую списанные из армии и выставленные на продажу боевые разведывательно-дозорные машины. Офицерские десятки, которые сформировались у памятника Долгорукому, охраняют здание газеты «Известия» и радиостанцию «Эхо Москвы». С. Шойгу выполнил просьбу Е. Гайдара, нашел и подготовил к выдаче 1 000 автоматов с боеприпасами.

Л. Шейнис писал потом:

«Многотысячный митинг у Моссовета, продолжавшийся всю ночь, помог политически выиграть решающую партию. Колеблющимся генералам и полковникам было наглядно продемонстрировано, что в стране есть другое, «небелодомовское», активное меньшинство – демократы».

Может быть и так, но в четыре часа ночи проходит экстренное заседание в Министерстве обороны и, судя по рассказу Коржакова, мобилизация демократических сил генералов не воодушевила. Они продолжают бездействовать:

«Грачев без галстука, в одной рубашке. Через распахнутый ворот видна тельняшка. Другие участники заседания тоже выглядели растерянными, понурыми. Бодрее остальных держался Черномырдин. Президент вошел, все встали. Ниже генерал-полковника военных по званию не было, но спроси любого из них, кто конкретно и чем занимается, ответить вряд ли смогли бы.

Борису Николаевичу доложили обстановку. Никто ничего из этого доклада не понял. Ельцин спросил:

– Что будем делать дальше?

Наступила мертвая тишина. Все потупили глаза. Президент повторил вопрос:

– Как мы дальше будем с ними разбираться, как их будем выкуривать?

Опять тишина. Тогда я не выдержал:

– Разрешите, Борис Николаевич, высказать предложение.

Он вопросительно поднял брови, но позволил говорить. Я продолжил:

– Борис Николаевич, у нас есть конкретный план. Здесь находится мой за-

меститель, капитан первого ранга Захаров. Он может подробно доложить, как взять Белый дом. Выслушайте, пожалуйста, его.

Президент спросил:

– Готовы слушать?

Все закивали головами.

В кабинет вошел Захаров: в скромном сером костюме, в темной рубашке, седой, жилистый русский мужик. Он немного оробел, увидев такое собрание генералов во главе с президентом, – все уставились на него. Но после первых фраз робость прошла, и он четко, по-военному изложил план взятия Белого дома...

Когда Захаров сказал, что для успешной операции всего-то нужно десять танков и немного военных, генералы оживились: наконец появилось конкретное дело. Шеф поднял начальника Генштаба:

– Есть у вас десять танков?

– Борис Николаевич, танки-то у нас есть, танкистов нет.

– А где танкисты?

– Танкисты на картошке.

– Вы что, на всю российскую армию не можете десять танкистов найти?! – опешил президент. – Пусть офицеры садятся в машины.

– Я сейчас все выясню, – перепугался генерал. Шеф пригрозил:

– Десять минут вам даю для того, чтобы вы доложили об исполнении, иначе...

Захаров же стал излагать подробности: сначала по радио, по всем громкоговорителям необходимо предупредить осажденных, что будет открыт огонь по Белому дому. Только после предупреждения начнется осада и стрельба по верхним этажам. Это своеобразная психологическая обработка, она подействует на осажденных. На генералов, я видел, план Захарова уже подействовал – они слушали безропотно, раскрыв рот. Никто о столь решительных, радикальных действиях и не помышлял. У меня сложилось впечатление, что каждый из них думал лишь об одном – как оправдать собственное бездействие.

Борис Николаевич спросил штаб:

– Согласны? Будут у кого-нибудь замечания?

Привычная тишина.

Решение о штурме приняли, и президент приказал:

– Все, в семь утра придут танки, тогда и начинайте.

– Борис Николаевич, я соглашусь участвовать в операции по захвату Белого дома только в том случае, если у меня будет ваше письменное распоряжение.

Опять возникла напряженная тишина. У шефа появился недобрый огонек в глазах. Он молча встал и направился к двери. Около порога остановился

и подчеркнуто холодно посмотрел на «лучшего министра обороны всех времен». Затем тихо произнес:

– Я вам пришлю нарочным письменный приказ.

Вернувшись в Кремль, тотчас приказал Илюшину подготовить документ. Подписал его и фельдсвязью отослал Грачеву. Мы все тогда подумали, что этим поступком Грачев приговорил себя к отставке и шеф ему позорного колебания никогда не простит. Но простил и потом еще многое прощал».

Москвичам, которые по зову Егора Гайдара пришли на Тверскую, стрелять не пришлось. Взять штурмом районные отделы милиции и получить там оружие боевикам из группы «Днестр» не удалось, получить радиоэфир тоже. В Дом Советов стали привозить раненных у телецентра. Туда на подмогу рванулись другие, вернулись не многие... Около полуночи на балконе здания появился С. Бабурин, он объявил, что правительство намерено штурмовать Белый дом, что все желающие могут разойтись. Людей действительно становилось все меньше, но кто-то еще строил укрепленные огневые точки из сложенных штабелями сейфов. К утру в «Останкино» все стихло, боевики из группы «Север», потеряв одного убитого и шестерых раненых, вернулись и затаились в Белом доме.

И залпы танковых орудий...

Утром в город вошли войска. Они плотно блокировали мятежный квартал, окружая его с разных сторон. Но движение разных частей и подразделений не было согласовано. Еще не приступив к выполнению поставленных задач, военные стали нести потери.

Генерал А. Куликов напишет потом:

«В 7.30 сводная рота другой части внутренних войск, разворачиваясь на Краснопресненской набережной, подверглась обстрелу из гранатометов и крупнокалиберных пулеметов, в результате чего два наших бронетранспортера были подбиты, двое наших военнослужащих были убиты, а шестеро – ранены».

Причина – в бездарном руководстве операцией, точнее в его отсутствии.

Министры В. Ерин, Н. Голушко и П. Грачев вспомнили о том, что для выполнения указа нужен оперативный штаб, но он был создан лишь за пару часов до начала операции, только после того, как потребовал Б. Ельцин. Координация была поручена генералу Шкирко, но тот куда-то пропал!

В результате воинские подразделения не имели отличительных знаков, которые помогали бы издали различать своих и чужих (мобильной связи еще не было). На броне с оружием в руках были размещены группы «афганцев» (из «Союза ветеранов Афганистана», имевших боевой опыт и работавших в частных охранных структурах), их почему-то одели в черные кожаные куртки и светлые штаны. Путавшиеся в переулках, не понимающие, где враг, командиры колонн Таманской и Дзержинской дивизий, видя идущие навстречу бронемашин с вооруженными гражданскими лицами, несколько раз открывали огонь по своим.

Так, по опубликованным данным следователя Генпрокуратуры Прошкина, когда заместитель командира дивизии им. Дзержинского получил приказ «перекрывать участок от сквера Павлика Морозова до стадиона «Красная Пресня», в том числе и его территорию», он не был поставлен в известность о дислокации здесь подразделений Министерства обороны.

«Около 7 часов утра группа из трех бэтээров и одной БМП внутренних войск выдвинулась к стадиону «Красная Пресня». Двигавшаяся первой БМП № 201 корпусом сбила ворота стадиона и въехала внутрь. Следом на стадион заехали бэтээры». В это время бронемашины 119-го парашютно-десантного полка с Конюшковской улицы вышли на Рочдельскую улицу и открыли огонь по баррикадам на Горбатом мосту. Под этим огнем оказался и находившийся рядом стадион «Красная Пресня». Тогда войска МВД открыли ответный

огонь со стадиона. Военнослужащие 119-го парашютно-десантного полка доложили своему командованию, что на стадионе находятся чужие бэтээры и БМП. Приняв их за боевые машины сторонников Верховного Совета, полк вступил в бой».

Из рассказа рядового Домашнева:

«Нашу машину прошила очередь из крупнокалиберного пулемета. Подполковник Савченко приказал нам покинуть БТР. Как потом оказалось, в это время он уже был ранен. ...

Мы выпрыгнули из машины и начали искать места, удобные для того, чтобы укрыться и продолжать бой. Я забежал за угол дома и увидел – в пятидесяти метрах ничто не говорило о ведущемся рядом бое. В сторонке стояли ОМОНовцы и спокойно перекидывались редкими фразами. Мы все в крови, тащим на себе раненых, а они любопытно спрашивают: “Откуда это вы, ребята?”

Подполковник Савченко начал вылезать из горящего БТРа и в этот момент его поразила еще одна очередь. Плотность огня... была настолько высокой, что при попытке вытащить охваченный пламенем бронетранспортер едва не была подбита и вторая машина».

В это же время командир Таманской дивизии генерал-майор Евневич В. Г. наблюдал с противоположного берега Москвы-реки, как по набережной в направлении расположения его войск движутся и ведут огонь четыре неизвестных бэтээра. Помня, что части дивизии уже были обстреляны неизвестными бронетранспортерами, а на сторону Верховного Совета по слухам перешли какие-то подразделения внутренних войск, комдив предположил, что это движется помощь сторонникам оппозиции. Исходя из такого предположения, Евневич приказал выдвинуть навстречу движущейся группе несколько бэтээров дивизии и встретить их огнем. Генеральная прокуратура установила, что «все погибшие 119-го ПДП были убиты от огня подразделений, верных президенту». Потери только МВД составили шестеро погибших бойцов и около ста человек раненых.

О том, сколько оружия было тогда в Доме Советов, ясности нет до сих пор. Депутаты и их защитники с первых дней противостояния пугали мощью своего арсенала. Это позволило начальнику столичного ГУВД объявить, что у них на вооружении 1 600 автоматов, более двух тысяч пистолетов, 18 пулеметов, 10 снайперских винтовок и 12 гранатометов.

По результатам инвентаризации, проведенной в Доме Советов еще до указа, там должно было находиться 272 автомата АКС-74У калибра 5,45 мм, 38 автоматов АКМС калибра 7,62 мм, 1 400 пистолетов Макарова и 100 автоматических пистолетов Стечкина. После взятия Дома Советов следствие обнаружит там 163 автомата, две снайперские винтовки, один гранатомет, 420 пистолетов, 12 мин-ловушек, одно взрывное устройство, 5 ручных пулеметов. Откуда пришло «лишнее» оружие, куда пропало «штатное», выясняла генеральная проку-

ратура. Было разыскано и изъято еще 926 единиц огнестрельного оружия, часть которого уже попала в руки бандитов.

Солдаты ВДВ и МВД, постреляв друг в друга, пошли на штурм Верховного Совета, пулеметные очереди изрешетили баррикады и палатки его защитников. Оставшиеся в живых, отстреливаясь, отступили в здание, весь первый этаж заполнили раненые. Недопрезидент в истерике, к нему подходит Венедиктов из «Эха Москвы»:

«Хотите дать интервью? – А как ты его вынесешь? – Спутниковый телефон, прямой эфир! – Ах, так?» – подумал генерал. И выдал: *«Я умолю боевых товарищей, немедленно на помощь к зданию Верховного Совета! Если меня слышат боевые летчики, поднимайте боевые машины – эта банда засела в Кремле, в министерстве внутренних дел и оттуда ведет управление. Я умоляю вас, спасайте погибающих людей, спасайте погибающую демократию! Они вчера в «Останкино» расстреляли более 300 человек, останкинская площадь вся залита кровью. Это была мирная демонстрация, кто меня слышит по телевидению и по радио: они лгут, мы не преступники, мы защищаем тех, кто нашел убежище в этом зале, в этом здании. Мы не преступники».*

Это была агония, от призывов бомбить Кремль Руцкой тут же перешел к попыткам начать переговоры с правительством. Черномырдин ответил, что возможна только капитуляция. Руцкой поручил В. Терехову выйти к войскам с белым флагом, но те, кто оборонял первый этаж, решили, что это провокатор и не дали ему это сделать. А взять на себя личную ответственность и приказом о капитуляции дать обороняющимся шанс на достойную сдачу «президент» не смог...

В 9.45 к стоявшим напротив Дома Советов танкам привезли снаряды, где-то в полдень раздались первые залпы. Удивительно, на набережной Москвы-реки, на крышах домов собрались толпы людей, они «балдели» от зрелища расстрела Дома Советов. В Питере я увидел это на телеэкране и мне стало плохо, при всем неприятии рвавшихся к власти авантюристов, при всем понимании необходимости перевернуть эту страницу истории то, что происходило, было чудовищно.

Танки стреляли по Белому дому, который еще два года назад был нашей надеждой, нашим символом свободы! Мне вспомнились кадры расстрела чилийского дворца Ла Монеда танками Пиночета. Там президент и его товарищи – коммунисты бились до последнего, а сам он предпочел сдаче самоубийство. Наши избранные погибать за свое правое дело не собирались. За день до штурма ушли зампреда Верховного Совета Р. Абдулатипов и другой его заместитель В. Исправников, председатель Совета Республики В. Соколов и глава администрации и.о. «президента» В. Краснов.

К 4 октября в здании, кроме Хасбулатова и Руцкого, оставалась чуть более сотни депутатов.

Защитники баррикад отступали, штурмующие занимали этаж за этажом, верхние этажи уже горели, подожженные взрывами снарядов.

Депутат И. Андронов:

«К двум часам пополудни мы еще удерживали на третьем этаже зал палаты (Совета) национальностей, примыкающие к нему холл и лестницу парадного подъезда, а над ними – апартаменты Хасбулатова на пятом этаже, где засели спикер и Руцкой с их охранниками.

Возле Палаты национальностей на мраморной лестнице, ведущей вниз к парадному входу, лежали за белокаменными перилами наши поредевшие бойцы. Они отгоняли пулями солдат, наседавших на нас с речной набережной. Этим последним оплотом сопротивления командовал генерал Макашов... Прочие наши генералы в конце штурма растерянно ступивались и отстранились от военного руководства. Генерал Баранников облачился в штатское кожаное пальто, генерал Дунаев – в спортивную курточку, генерал Ачалов внезапно сказался больным».

Последний этап захвата должны были выполнить офицеры спецотряда МБ «Альфа».

Командир спецподразделения Г. Зайцев:

«Ельцин просто сказал: вот такая ситуация, нужно освободить “Белый дом” от засевшей там банды. Приказ был таким, что надо было действовать не уговорами, а вооруженным путем.

Но там же сидели не террористы, а наши граждане... Мы приняли решение направить туда парламентариев.

– Поэтому и крови не было?

– Как не было? Погиб наш альфовец, младший лейтенант Геннадий Сергеев. Они подъехали на бэтээре к “Белому дому”. На асфальте лежал раненый

солдат-десантник. И они решили вывезти его. Спешились с бэтэра, и в это время снайпер в спину Сергеева и поразил. Но это не из “Белого дома” был выстрел, однозначно заявляю. Эта подлость, она была с одной целью – озлобить “Альфу”, чтобы она рванулась туда и начала все кромсать. Но я понимал, что если вообще отказаться от операции, то подразделению будет конец. Оно будет разогнано. (Альфовцы на свой страх и риск, демонстративно положив оружие, вошли в здание и, поднявшись к депутатам, предложили сдачу.)

– Хасбулатов с Руцким долго сомневались – сдаваться, не сдаваться?

– Нет, недолго. Нами время было поставлено – 20 минут. И два условия: либо мы выстраиваем коридор в сторону Москвы-реки, вызываем автобусы и всех развозим до ближайшего метро. Или через 20 минут штурм. Они сказали, что согласны на первый вариант. Один из депутатов прямо сказал: чего тут дебатировать?»

Всего в здании было до двух тысяч человек.

Хасбулатова, Руцкого, Ачалова, Баранникова и еще несколько человек отвезли в левфортовский специзолятор ФСБ.

Депутатов, персонал и сдавшихся защитников «Альфы» сначала попыталась вывести за оцепление, но их отозвали, и всем вышедшим из горящего здания прежде, чем они добрались до своих квартир, пришлось пройти неоднократный досмотр, сопровождавшийся унижениями со стороны милицейского ОМОНа.

Когда стало ясно, что дело проиграно, чернорубашечников Баркашова в Доме Советов уже не было. Потеряв двух бойцов, отсидевшись в укромных углах, большинство по приказу своего вождя тихо ушло подземными коммуникациями, план которых был известен КГБ. А Баркашов остался. По словам Э. Володина, когда он выходил через 20-й подъезд, у выхода всех встречал А. Коржаков. Он отбирал удостоверения личности и бросал их в стоявшую тут же большую дорожную сумку. Когда перед ним появился А. Баркашов, старый чекист воскликнул: «О, и Петрович тут!» Однако задерживать не стал.

Но вышли не все, с ранеными остался один из врачей, все звали его Владимиром Георгиевичем, его фамилия и дальнейшая судьба неизвестна. И, судя по тому, что стрельба в здании продолжалась до вечера, там еще оставались те, кто не хотел сдаваться и те, кого забыли. Эти позванные на защиту советской власти и брошенные ее вождями люди погибали последними...

По завершении московской драмы большинство тех Советов, которые еще несколько дней тому назад негодовали и грозили президенту, поджали хвост и стали отменять свои заявления.

Не обошло похмелье и питерских депутатов. После телеграммы из Кремля с предложением в трехдневный срок определиться, 8 октября на сессии Петросовета решение Малого Совета, осуждавшего указ № 1400, было отменено тайным голосованием.

Но это не помогло: через три месяца, под Новый год, мы удостоились персонального подарка – Указа о прекращении полномочий Санкт-Петербургского городского совета за то, что он нарушил Указ о реформе и «продолжал осуществлять исполнительно-распорядительные функции». Роспуск нашего Совета обошелся без стрельбы, но был проведен достаточно грубо. По приказу мэра наши кабинеты в одночасье были опечатаны, а свои вещи мы забирали под приглядом чиновников. Это было неприятно, тем более, что остались незавершенные дела по жалобам в нашу Комиссию.

Тем же Указом урезались полномочия будущих питерских депутатов и назначались новые выборы. Текст был составлен в аппарате нашей мэрии и лег на стол президента, который, подмахнув его, осуществил давнюю мечту А. Собчака – избавиться от въедливых контролеров и получить право вето на все решения депутатов.

Третья сила

В общественном сознании прочно укрепилось представление о том, что в той войне было два соперника. Верховный совет, Руцкой, Хасбулатов и коммунисты с одной стороны, Ельцин, Гайдар и демократы – с другой. Так ли это? Конгломерат противоборствующих сил был гораздо сложнее. Так, на стороне Советов особую, но до сих пор умалчиваемую, роль имели штурмовики «Русского национального единства». Достоверных сведений о том, кто запустил отряд Баркашова в осажденный Дом Советов нет. По сведениям МВД, он состоял из 360 человек. Депутатская Комиссия насчитала в здании 100 человек. Но, как показал А. Марков, перед штурмом он узнал, что кроме самого отряда РНЕ есть еще три десятка его членов, которые скрытно внедрены в другие подразделения оборонявшихся.

По свидетельству самого Баркашова, его люди охраняли Руцкого, Хасбулатова и «министров».

А. Залесский пишет: *«Они выгодно отличались от всей массы защитников Дома Советов своей... формой, дисциплиной строя и приветствием «Слава России!», с выбрасыванием вперед вытянутой ладони правой руки».*

На руках своих защитных курток они носили красный знак, напоминающий свастику. То, что «русские фашисты» оказались в рядах защитников Дома Советов, удивило многих. Ранее симпатий к Советам они не проявляли. Вели они себя нагло, обижали женщин, били «инородцев», «троцкистов» и панков, которые тоже пришли и жгли костры у здания. Выставили за оцепление и пригрозили избить («если еврей вернется») советника Хасбулатова Р. Кургияна. По свидетельству Ю. Нехорошева, ему передавали слова баркашовцев о том, что после победы они перестреляют всех находящихся в Белом доме «красных офицеров».

«Министр обороны» В. Ачалов хвастал Макашову, что «ребята» подчинены ему. Хасбулатов, в свою очередь, утверждал, что это люди Руцкого. А там считали, что это Руслан Имранович связался с Баркашовым «при посредничестве экс-генерала КГБ Филиппа Бобкова».

Через пять лет после событий лидер РНЕ дал А. Проханову сенсационное интервью. Он рассказал о том, что Руцкой пригласил его в свою команду «на роль экзекутора»:

«В осажденном Доме Советов существовало несколько группировок, которые имели совершенно разные, даже взаимоисключающие стремления. Их объединял только Ельцин. Допустим, Ельцин слетел и они остались хозяевами положения. Что было бы дальше? За Руцким стояла достаточно сильная вооруженная команда, но он хотел и мою, еще более сильную команду, ис-

пользовать для того, чтобы потом расправиться с теми, кто воспротивится его полновластному президентству. А это были как минимум две трети Верховного Совета и его защитников. И я должен был бы их расстрелять или интернировать».

При этом, на самом деле, по словам Баркашова, *«планировалось, что 4 октября у нас будет полная победа, а на 6-е я уже имел устный приказ арестовать Руцкого»* (чья победа, чей приказ, не Бобкова ли? – Ю. Р.).

Интересно, что эти откровения так и остались на страницах газеты «Завтра», почему-то никто не посмел заговорить об этом в широкой печати. А ведь они дают основания считать, что за спиной у дерущихся были те, кто ждал, когда соперники обессилят, чтобы перехватить власть. Кто стоял за Баркашовым? По слухам, о которых говорили И. Андронов и А. Хинштейн, в КГБ этот человек имел агентурную кличку «Васильев»...

Проигравшие политики утверждают, что защищали не себя, а закон, и проявленное ими насилие было результатом провокаций, на которые их специально выманивали. Им не приходит в голову, что провокации, если они были, могли исходить не из Кремля, что 130 гражданских лиц и 28 военных, сами того не зная, погибли не за демократию и даже не за власть Советов, а расчищали дорогу чекистам, которые вели в этой драме свою собственную игру.

Чьи снайперы стреляли в солдат, боевиков и прохожих?

При зачистке московских чердаков и высоток на колокольне одной из церквей спецназ нашел снайперскую лежку, где убийца оставил на стене надпись: «Я убил 5 человек и очень рад!» Чей это был урод, чьи приказы выполняли убийцы, мы вряд ли когда-нибудь узнаем. Хотя, может быть, стоило бы вспомнить, что на верхних этажах мэрии, где располагался тогда «Мостбанк», его безопасностью заведовал все тот же генерал КГБ Бобков. А один из чиновников, убегая оттуда, столкнулся на лестнице верхнего этажа с женщиной, которая держала в руках винтовку с оптическим прицелом.

Позже, в Лондоне, я встречался с бывшим офицером ФСБ Александром Литвиненко. По его словам, уже тогда при спецслужбах были созданы такие частные охранные предприятия, как «Стелс» и фирма «Ланако». Они имели тесные связи с криминалом, выполняли грязную заказную работу в «интересах государства», и вряд ли события осени 93-го года обошли их стороной. Но в 1993-94-х годах я еще отвергал мысль о том, что нашлись у нас те, кто дал команду убивать своих, чужих и случайных людей ради того, чтобы сстроить их между собой. При всем житейском опыте мне казалось, что в нашей стране, в ее элите, не должно быть, не может быть людей, способных на это! Но события последующих лет показали, они есть: и те, кто способен отдавать самые чудовищные приказы, и те, кто хладнокровно берется их выполнять.

ПОТЕРПЕВШИЕ ПОБЕДУ

*Цезарь идёт,
открывая дорогу Нерону...
* Городницкий*

Страна очнулась в новом измерении, но из-под перевернутой страницы еще сочилась кровь. И жгли вопросы, на многие из которых ответа нет до сих пор.

В том, что установленную железом и кровью систему ждал силовой разгром, есть закономерность. Ведь семена того, что рвануло в 93-м, были посеяны в 1917 году.

Когда большевики подняли мятеж, они в средствах не стеснялись. Пушки Петропавловской крепости били по вполне законной власти. Их снаряды рвались рядом с кабинетами Временного правительства так же, как спустя 73 года стали рваться снаряды в Доме Советов. Большевики штурмовали Зимний дворец так же, как солдаты Ерина и Грачева штурмовали Белый дом, солдаты запасных полков вместе с наемниками тоже расстреливали из трехдюймовок восставших, а из пулеметов – демонстрацию тех, кто защищал Учредительное собрание. В Петрограде только за первые дни их путча погибло больше сотни юнкеров, офицеров и гражданских лиц. В той же Москве, где сопротивлялись упорнее, а пушки большевистского Совета били по Кремлю, жертв было на порядок больше... Все вернулось на круги своя, смертоносные осколки октября 17-го прилетели в октябрь 93-го – построенную на насилии систему похоронило то же насилие.

Но оно же оставило в общественном сознании 90-х глубокую травму.

Разброс реакций был велик – от ужаса от пролитой крови и жалости к побежденным, до призывов «добить гадину». Во время штурма Дома Советов пиетерские журналисты увидели депутата и священника о. Глеба Якунина. Встав повыше, глядя на то, как стреляют танки, он махал рукой и кричал: «Еще!»

А 5 октября в газете «Известия» появилось письмо 42-х известных российских литераторов:

«Нет ни желания, ни необходимости подробно комментировать то, что случилось в Москве 3 октября, произошло то, что не могло не произойти из-за наших с вами беспечности и глупости, – фашисты взяли за оружие, пытаясь захватить власть.

Слава Богу, армия и правоохранительные органы оказались с народом, не раскололись, не позволили перерасти кровавой аванюре в гибельную гражданскую войну, ну а если бы вдруг?... Нам некого было бы винить, кроме самих

себя. Мы «жалостливо» умоляли после августовского путча не «мстить», не «наказывать», не «запрещать», не «закрывать», не «заниматься поисками ведьм». Нам очень хотелось быть добрыми, великодушными, терпимыми. Добрыми... К кому? К убийцам? Терпимыми... К чему? К фашизму? И «ведьмы», а, вернее, красно-коричневые оборотни, наглея от безнаказанности, оклеивали на глазах милиции стены своими ядовитыми листками, грязно оскорбляя народ, государство, его законных руководителей, сладострастно объясняя, как именно они будут всех нас вешать. Что тут говорить? Хватит говорить. Пора научиться действовать. Эти тупые негодяи уважают только силу. Так не пора ли ее продемонстрировать нашей юной, но уже, как мы вновь убедились, достаточно окрепшей демократии?

Мы не призываем ни к мести, ни к жестокости, хотя скорбь о новых невинных жертвах и гнев к хладнокровным их палачам переполняет наши (как, наверное, и ваши) сердца. Но хватит! Мы не можем позволить, чтобы судьба народа, судьба демократии и дальше зависела от воли кучки идеологических пройдох и политических авантюристов.

Мы должны на этот раз жестко потребовать от правительства и президента то, что они должны были (вместе с нами) сделать давно, но не сделали:

Все виды коммунистических и националистических партий, фронтов и объединений должны быть распущены и запрещены указом президента.

Все незаконные военизированные, а тем более вооруженные объединения и группы должны быть выявлены и разогнаны (с привлечением к уголовной ответственности, когда к этому обязывает закон).

Законодательство, предусматривающее жесткие санкции за пропаганду фашизма, шовинизма, расовой ненависти, призывы к насилию и жестокости, должно, наконец, заработать. Прокуроры, следователи и судьи, покровительствующие такого рода общественно опасным преступлениям, должны немедленно отстраняться от работы.

Органы печати, изо дня в день возбуждавшие ненависть, призывающие к насилию и являющиеся, на наш взгляд, одним из главных организаторов и виновников происшедшей трагедии (и потенциальными виновниками множества будущих), такие как «День», «Правда», «Советская Россия», «Литературная Россия» (а также телепрограмма «600 секунд») и ряд других должны быть впредь до судебного разбирательства закрыты.

Деятельность органов советской власти, отказавшихся подчиняться законной власти России, должна быть приостановлена.

Мы все сообща должны не допустить, чтобы суд над организаторами и участниками кровавой драмы в Москве стал похожим на тот позорный фарс, который именуют «судом над ГКЧП».

Признать нелегитимными не только съезд народных депутатов, Верхов-

ный Совет, но и все образованные ими органы (в том числе и Конституционный суд).

История еще раз предоставила нам шанс сделать широкий шаг к демократии и цивилизованности. Не упустим же такой шанс еще раз, как это было уже не однажды!»

Под обращением стояли имена: А. Адамович, А. Ананьев, А. Афиногенов, Б. Ахмадулина, В. Астафьев, Г. Бакланов, З. Балоян, Т. Бек, А. Борщаговский, В. Быков, Б. Васильев, А. Гельман, Д. Гранин, Ю. Давыдов, А. Дементьев, М. Дудин, А. Иванов, Э. Иодковский, Р. Казакова, С. Каледин, Ю. Карякин, Я. Костюковский, Т. Кузовлева, А. Кушнер, Ю. Левитанский, Д. Лихачев, Ю. Нагибин, А. Нуйкин, Б. Окуджава, В. Оскоцкий, Г. Поженян, А. Приставкин, Л. Разгон, А. Рекемчук, Р. Рождественский, В. Савельев, В. Селюнин, Ю. Черниченко, А. Чернов, М. Чудакова, М. Чулаки (подписи под этим документом подтвердят потом не все...).

Но этих радикальных позиций не разделял народ. В глазах растерянного обывателя «народовластие» уже привело к нищете и неравенству. Теперь оно обернулось открытым попранием государственных законов. Грубое насилие стало инструментом той власти, которая еще вчера считалась своей. И если эта – своя – власть стала стрелять по своему народу, стало уже неважно, кто прав.

Разные люди видели случившееся по-разному:

– «Избранники наши три года дурью маялись и ничего хорошего для нас не сделали...»

– «На фиг они нужны, эти депутаты, – хозяин нужен, строгий, но справедливый!»

– «Вроде все были за реформы – а сколько людей положили, и за что?»

Больнее всего было тем рядовым сторонникам перемен, которые два года назад стояли у тех же стен и кричали: «Ельцин! Ельцин!»

– Как? Их любимец, пусть и поблекшая, но все же надежда, оказался диктатором? Облом был настолько чудовищным, что сводил людей с ума, в одночасье превращал недалеких людей в агрессивных ненавистников, которых трясло от слова демократия! Шок доводил людей до самоубийств: так покончил с собой член нашей Комиссии, депутат Санкт-Петербургского городского Совета Владимир Адушев. Этот светлый и простодушный человек не вынес зрелища горящего Белого дома, в его представлении Россию снова накрыла диктатура. А с ней его семья столкнулась еще в годы сталинских репрессий: отец погиб в лагерях, а его мать не стала дожидаться своего ареста и повесилась. В своей предсмертной записке Владимир Иванович написал: «Жить, ломая душу, невозможно. Когда я пишу эту записку, умирают многие честные русские люди. Я умираю вместе с ними».

Если бы президент не применил силу, уже через год, при неизбежном схлопывании реформ, потере кредитов и окончательном развале государства, боль-

шинство стало проклинать его за проявленную слабость. Но, поскольку этого не случилось, люди не понимали, от чего их спасли. А факт растущей бедности, уже нарушенного закона и человеческих жертв был налицо.

И общий настрой рядовых жителей страны, наверное, прозвучал бы просто: «Мы этим мудакам доверились, а они между собой драку за власть устроили... Пошли они все в ...!»

О такой реакции народа реформаторы пока не знают, она обнаружит себя чуть позже. Сгоряча Ельцин распустил не ставшее штурмовать Белый дом спецподразделение «Вымпел» и передал его кадры в МВД. Но большинство офицеров отказалось от такого перевода и ушло в отставку. Эти обученные тайным убийствам и диверсиям кадры не остались без работы, кого-то из них подберет «солнцевская» ОПГ (организованная преступная группировка), другие, пока их не позовут обратно, станут служить в различных «охранных» предприятиях.

Из тех мер, которые действительно были нужны для защиты гражданского общества, президент принял лишь одну, это был Указ о реформе спецслужб:

«Система органов ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-КГБ-МБ оказалась нереформируемой. Предпринимаемые в последние годы попытки реорганизации носили в основном внешний, косметический характер. К настоящему времени стратегическая концепция обеспечения государственной безопасности Российской Федерации у Министерства безопасности Российской Федерации отсутствует. Контрразведывательная работа ослаблена. Система политического сыска законсервирована и легко может быть воссоздана.

На фоне происходящих в России демократических, конституционных преобразований существующая система обеспечения безопасности Российской Федерации изжила себя, неэффективна, обременительна для государственного бюджета, является сдерживающим фактором проведения политических и экономических реформ.

С целью создания надежной системы государственной безопасности Российской Федерации п о с т а н о в л я ю:

Упразднить Министерство безопасности Российской Федерации.

Создать Федеральную службу контрразведки Российской Федерации».

Этот Указ и последовавшие за ним правовые новации едва не стали серьезным ударом по всемогущим спецслужбам. Их права и функции были поставлены под контроль и ограничены. Так, следственные действия были изъяты из их полномочий и переданы прокуратуре, а места содержания арестованных спецслужбами перешли в ведение МВД. Если бы это положение сохранилось, ФСК (ФСБ) была бы лишена скрытых рычагов влияния, и мы действительно двинулись бы к правовому государству. Но состав этих ведомств остался прежним – поменялись лишь околыши на фуражках (из васильковых на иссиня-черные), а в ближайшем окружении президента остались те же чекисты. Не пройдет и года, как они начнут отвоевывать утраченные возможности. Вскоре, но уже под эгидой ФСБ,

будет восстановлен и «Вымпел». 600 бойцов «невидимого фронта» в связке с криминалом станут выполнять особые поручения чекистов...

Выпустив пар, Ельцин, как и в августе 91-го года, останавливается на полпути, утешая себя тем, что враги арестованы, что важнее всего обновленное законодательство и те выборы, которые развяжут руки президенту и правительству для продолжения реформ. У Ельцина была возможность, не дожидаясь выборов в Думу, своим указом назначить Е. Гайдара главой правительства, но сместить поддержавшего его во время кризиса В. Черномырдина он не решился.

Е. Гайдар, «Дни поражений и побед»: *«4 октября 1993 года ситуация радикально изменилась. После опаснейших событий в Москве кризис двоевластия был однозначно разрешен, президент впервые получил в свои руки огромную реальную власть в России. Вопрос теперь был в том, насколько он сумеет ею распорядиться. Именно 5 октября 1993 года открывалась реальная возможность радикально ускорить преобразования в России по всем направлениям, причем не свертывая демократических свобод и гарантий. Предшествующие события хорошо показали, кто чего стоит из руководителей органов государственной власти и в центре, и на местах. Можно было немедленно и не опасаясь противодействия организованной оппозиции начать реформу вооруженных сил, сократить численность армии, сделать ее более компактной, но лучше управляемой, лучше вооруженной. Надо было взять в руки реальные рычаги контроля за бывшим Комитетом государственной безопасности, до этого, при всех своих переименованиях, явно неработавшим на российскую демократию. А также радикально поменять кадры на местах, выдвинуть людей, доказавших свою приверженность реформам и демократии, всерьез взяться за проведение аграрной реформы, реформы системы социальной поддержки, упорядочить налоговый режим, решительно запретить пропаганду фашизма и коммунизма, действия организаций, разжигающих социальную и национальную рознь.*

Продолжив и интенсифицировав продвижение по этому направлению, было возможно уже в 1994 году добиться радикального снижения темпов инфляции, стабилизировать курс национальной валюты, снизить процентную ставку, заплатить за это неизбежную дополнительную политическую цену, но войти в 1995 год со стабильными финансами и серьезными предпосылками экономического роста на рыночных основаниях, что позволило бы уже тогда запустить механизм повышения благосостояния. А значит и прийти к следующим парламентским и президентским выборам с видными, ощутимыми для людей результатами заработавшего рынка».

Его надежды не сбылись, все, на что оказался способен Ельцин, после выборов предложить Е. Гайдару пост, нет, не премьера, а его первого зама. В период осени-зимы 1994 года Е. Гайдар жестко сдерживал инфляцию, и она снизилась до 9%, но вскоре убедился в том, что возглавляемое Черномырдиным правительство не считается с его позицией и намерено делать ошибку за ошибкой.

Е. Гайдар – Б. Ельцину:

«К сожалению, в последнее время все чаще принимаются решения, в подготовке которых я не участвовал и с которыми выражал категорическое несогласие. Приведу лишь два новых примера.

Подписано межбанковское соглашение об объединении денежных систем России и Беларуси. Такое объединение возможно, если его тщательно подготовить, отработать все механизмы контроля, защищающие российские национальные интересы. То же, что предусмотрено в подписанных документах, – лишь воспроизводство хаоса в денежной области за счет реальных доходов российских граждан. В частности, реализация этого решения приведет к тому, что минимальные зарплата и пенсия в Беларуси будут существенно превышать минимальные зарплату и пенсию в России. Мы не настолько богаты, чтобы приносить благосостояние россиян в жертву политической конъюнктуре. Я возражал против этого решения, но мои протесты не были услышаны.

Трудно понять и решение о строительстве нового здания парламента (ориентировочная стоимость – 500 миллионов долларов). Эта сумма значительно превышает средства, которые были с трудом выделены в 1993 году для бюджетного фонда конверсии. Это впятеро больше расходов федерального бюджета по статье культуры и искусства или примерно пятая часть всего финансирования социальной сферы в прошлом году. Такое разрушительное по своим последствиям решение было также подготовлено без моего ведома и принято, несмотря на мои самые решительные возражения. В подобной ситуации лично мне трудно оправдывать политику жесткой экономии в расходах на науку, культуру, образование, экологию. Есть тяжелые, но неизбежные издержки жизненно необходимых преобразований, однако с ними нельзя смешивать плату за поспешные и непродуманные решения.

Уважаемый Борис Николаевич! Не могу быть одновременно и в правительстве, и в оппозиции к нему. Я не могу отвечать за реформы, не имея возможности предотвращать

действия, подобные тем, о которых здесь было сказано, не обладая необходимыми рычагами для последовательного проведения экономической политики, в правильности которой убежден.

Поэтому, к моему глубокому сожалению, я вынужден отказаться от предложенного мне поста первого заместителя председателя правительства РФ. Вместе с тем заверяю Вас, что буду твердо поддерживать Вас и Вашу политику реформ.

С уважением, Егор Гайдар»

Ельцин отставку Гайдара принял, результатом политики Черномырдина станет резкий рост инфляции, отложенные и нереализованные реформы...

Новая страница

Принципиальное согласие в том, что нужна демократическая Конституция, было получено еще от нардепов, которые учредили для этого свою Комиссию. Их работа продолжалась два года, результатами стали те поправки о всевластии депутатов, которые и привели к противостоянию в октябре 93-го года. Все они перекочевали в проект новой Конституции, которая делала президента декоративной фигурой. К тому же текст носил декларативный характер, его формулировки оставляли возможность для их произвольного толкования. Так, например, проект гарантировал списанное из советской Конституции «право на труд», но там оно «гарантировалось и обеспечивалось социалистической системой хозяйства». На практике это «право» являлось обязанностью, за уклонение от которой следовало уголовное наказание. Восстановление этих норм возвращало нас в советскую принудительную систему отношений, а их отсутствие сделало бы такое «право» пустым звуком.

Низкий юридический уровень текстов был естественен: в Комиссию записались 102 депутата и каждый мнил себя стратегом, но квалифицированных юристов можно было пересчитать на пальцах одной руки. Работа Комиссии шла ни шатко, ни валко и вряд ли была бы закончена до отрешения Ельцина от власти.

Последнего это не устраивало, и еще в мае 93-го года он издал Указ о создании Конституционного совещания, в работе которого могли принять участие депутаты, члены федерального правительства, представители субъектов федерации, общественных движений, товаропроизводителей и предпринимателей, квалифицированные юристы. Их задача – подготовить свой проект, основой которого станет принцип разумного разделения властей.

Возникли вопросы, кто и как совместит разные проекты? Кто – Съезд, Верховный Совет или само Совещание – утвердит окончательный вариант проекта?

Верховный Совет постановил, что:

- его проект Конституции выносятся на всенародное обсуждение, а предложения граждан РФ учитываются Комиссией;
- затем проект согласовывается с президентом и субъектами РФ;
- после чего окончательный текст публикуется и принимается депутатами на Съезде.

В свою очередь, Борис Ельцин на открытии Конституционного совещания отметил, что в подготовленном депутатами проекте сохранена старая конструкция власти. И теперь ясно, что «советский тип власти не поддается реформирова-

нию», что «в противоборстве находятся не разные ветви власти, а, по существу, две самостоятельные политические системы».

Тогда Верховный Совет заявил, что согласование проектов будет возможно только в случае:

если за основу будет взят депутатский проект;

если Ельцин откажется от тезиса «Советы и демократия несовместимы», если решения Конституционного совещания останутся лишь рекомендациями, а о процедуре принятия новой Конституции позаботятся сами депутаты.

Президент взял паузу, за время которой работа Совещания продолжалась и проект, так и не получивший одобрения депутатов, был закончен.

После разгона и ликвидации Советов Совещание было преобразовано в Государственную палату Конституционного совещания. Палата, а затем и администрация президента подкорректировали проект новыми поправками.

Так, число депутатов будущей Думы увеличилось, а выборы могли пройти не только по мажоритарной, но и по пропорциональной системе.

Куда важнее было другое – баланс сил и властных полномочий оказался разрушен в пользу президента.

Через месяц проект и закон о выборах были опубликованы. Теперь дело было за избирателями, им надо было оценить новую Конституцию и выбрать депутатов в нижнюю палату Федерального собрания – Государственную Думу.

К участию в этих выборах готовились чекисты, коммунисты и реформаторы. Игроком от Лубянки был ее давний ставленник Владимир Жириновский и его «либерально-демократическая» обманка. Коммунисты Геннадия Зюганова, понимая, что президентство ему не светит, рассчитывали взять реванш в Думе, и чтобы попасть туда, еще в октябре заключили с Кремлем соглашение о неучастии в протестах. У демократов работа шла на базе движения «Демократическая Россия». Когда стало понятно, что новые выборы не за горами, в команде Е. Гайдара задумались о том, кто и как пойдет на эти выборы. К этому времени в стране кроме красно-коричневых организаций существовало более двух десятков других партий и движений. Они представляли весь демократический спектр, и соперничество за голоса избирателей распыляло силы сторонников демократического пути. Необходимость объединения стала очевидна.

Общественное движение «Демократическая Россия» в своей низовой массе была союзом аморфным и внутренне противоречивым. Однако оно имело свои отделения во всех регионах. Еще до осеннего кризиса на пресс-конференции Егор Гайдар, сопредседатель движения Лев Пономарев и академик А. Яковлев объявили о создании пропрезидентского предвыборного блока, с легкой руки В. Боксера он получил название «Выбор России». Учредительный съезд прошел через 10 дней после ликвидации системы Советов. Среди организаторов было немало больших чиновников, массу делегатов составили члены движения «Демократическая Россия» и демократы всех мастей, при этом организаторы съезда

рассчитывали на поглощение всех входящих в блок организаций. Но это вызвало протест лидеров ДР Л. Пономарева и Г. Якунина. Чтобы «Выбор России» не развалился на стадии формирования, его учредили и как движение с нефиксированным членством, и как предвыборный блок организаций и отдельных лиц. В него вошли движение «Выбор России», движение «Демократическая Россия», Союз предпринимателей и Крестьянская партия России. За месяц до выборов по инициативе мэра Москвы Ю. Лужкова прошла рабочая встреча представителей «Выбора России», «ЯБЛока», ПРЕСа, РДДР. Но там оказалось, что к объединению в общий блок готов только Егор Гайдар. Ради того, чтобы не делить, не распылять голоса сторонников, он предлагал С. Шахраю снять его список и встать во главе «Выбора России», но тот отказался...

О том, что происходит в Москве, я, конечно, знал, но думал не о выборах. Честно говоря, я устал от нерадостной работы в Совете, дружеских, теплых отношений у меня там не завязалось, а сизифов труд правозащитника омрачался неистребимостью системных пороков. Я не думал, что моя работа «на земле» дает мне шансы на что-то более сложное, но тут меня срочно позвали на совещание в совет «ДемРоссии». Оказалось, что моя кандидатура уже названа в предварительных списках «Выбора России». Положение о выборах в Государственную Думу предусматривало ее численность в количестве 500 депутатов, половина из которых выдвигалась по спискам партий и блоков, которым надо было получить не менее 5% голосов, а вторая, мажоритарная, часть – по округам, там все решалось простым большинством голосов, при явке не менее четверти избирателей. В общефедеральный список «Выбора России» вписали восемь министров, и, в том числе, Е. Гайдара, там же оказался и Михаил Молоствов.

Региональная часть списка составлялась на местах и потом проходила утверждение в столице. Его составление было непростым. Центр хотел включения туда своих кандидатов, деловые люди – своих, а на местах были свои лидеры, активисты и ветераны, которые уступать не хотели.

То, что М. Молостров попал в федеральную часть списка кандидатов от «Выбора России», было естественно. Е. Гайдар еще в Верховном Совете заметил и оценил его эрудицию, ум и нравственную позицию настоящего интеллигента. К тому же старые политзеки, такие Сергей Ковалев и Михаил Молостров, были знаковыми фигурами, не даром Борис Ельцин, когда он впервые полетел в США, взял с собой именно их.

Моя же кандидатура появилась в списке потому, что своей правозащитной работой я заработал в городе некоторую известность.

Но предварительные списки отличаются от окончательных. Помню какое-то вечернее заседание на Измайловском проспекте, большой столик демократов-общественников, спорящих с расположившимися напротив демократами-хозяйственниками. У каждой стороны свой список, а места ограничены. Округов в городе восемь, значит, и кандидатов наших столько же, но идти по «мажоритарке» –

это риск, неизвестно, кто будет соперником, как и на какие средства вести свою избирательную кампанию. Городская доля в федеральном списке ограничена, при этом, если у того, кто во главе местного списка еще есть шансы, то у каждого последующего их все меньше.

После долгих споров применили принцип «гребенки»: список кандидатов от бизнеса и чиновничества проредили списком гражданских активистов. Одним из первых был известный политзек, член общества «Мемориал» Борис Пустынцев, я же оказался третьим или четвертым. В округа попал один из организаторов «Вахты мира», член «Демсоюза» и «Свободных демократов» Игорь Сошников.

Списки пошли на согласование в Москву, и тут первый заместитель премьера Анатолий Чубайс, который стал одним из финансовых гарантов и координаторов «Выбора России», потребовал перемещения на проходное место директора Департамента приватизации Григория Томчина. Когда стало известно о том, что по указке из центра старый лагерный товарищ М. Молостова, Борис Пустынцев, переведен в провальный конец списка, Михаил Михайлович заявил о своем отказе участвовать в такой кампании. В это время Катя была у родителей в Москве, вечером к ним домой позвонил Сергей Ковалев, он пытался уговорить Михалыча остаться, тот не соглашался и, положив трубку, расстроенный, пошел отдохнуть, наказав дочери к телефону его больше не звать...

Ближе к ночи все же раздался еще один звонок, и Катя, сняв трубку, сказала, что отец отдыхает и она не станет его беспокоить. Но звонивший представился – Егор Гайдар – и попросил все же сказать Михаилу Михайловичу, что это он просит его к телефону. Разговор затянулся надолго, Егор Тимурович просил Михалыча не уходить, убеждал его в том, что Г. Томчин очень толковый, деятельный человек (что было правдой), что его участие обеспечит часть финансирования компании в Питере, что отказ не вернет Пустынцева, но существенно ослабит состав будущей фракции, где будет много не отягощенных моралью прагматиков, которым нужен противовес. Скрепя сердце, Михалыч согласился (Б. Пустынцев стал потом его помощником по работе в Петербурге).

А со мной было иначе. Центральное руководство ДВР было уверено, что контрольный пакет мандатов достанется «Выбору России». Поэтому мое третье или даже четвертое место в региональной части партийного списка считалось проходным. Тут ко мне подошел мой боевой товарищ Игорь Сошников, он оказался в мажоритарной части и должен был добиваться успеха в 208-м округе. Хотя он и был жителем этой спальной части города, уверенности в победе у него не было. Он предложил мне поменяться местами – ему в список, мне как более известному – в его округ. Я подумал и согласился рискнуть, мне хотелось не только помочь Игорю, но и оставить себе ту степень независимости, которую может дать прямое избрание.

Когда все списки уже были утверждены, Григорий Томчин, услышав от И. Сошникова о нашей рокировке, объяснил Игорю, что его шансы могут

оказаться невелики. А менять что-либо было поздно, списки уже ушли в Центризбирком.

Но и передо мной была непростая задача. Если на выборах в городской Совет мой округ был так мал, что это позволило мне обойти чуть ли не половину своих избирателей, то теперь, когда их стало почти полмиллиона, так уже не выйдет! Здесь могут помочь только те, кто станет собирать подписи за мою регистрацию. Тогда по Положению о выборах, чтобы стать кандидатом в округе, надо было заручиться согласием 1% избирателей, значит надо собрать почти пять тысяч подписей. Помогали друзья, помогали члены «ДемРоссии» и даже моя сестра, которая там жила. Насобирали с лихвой, тогда избирательные комиссии еще не получали «указивок» о выбраковке ненужных кандидатов. После незначительного отсева подписей я получил удостоверение кандидата.

Рефреном моей избирательной кампании были слова о том, что депутатская работа в Ленсовете показала: нет сегодня у нас ни одного уголка, ни одной стороны жизни, где не нарушались бы права человека!

Я рассказывал о работе нашей Комиссии и говорил о том, что в Государственной Думе намерен и дальше защищать человека от бездушной машины чиновничества, а еще работать над законами, которые должны повернуться к человеку, что государство не жертвенный алтарь, что оно должно стать просто удобным инструментом для жизни каждого из нас...

Наверное, одних этих слов было бы недостаточно, но двухлетняя работа в Совете, реальная помощь, которую мы оказали сотням и сотням людей, была их подтверждением. Из восьми наших округов в пяти победили кандидаты от «Выбора России», среди них, с большим отрывом от десятка соперников, был и я.

Отчуждение

Конституцию народ одобрил, но, по сравнению с апрельским референдумом, число поддержавших президента сократилось на 7,5 млн человек. От провала нас отделяло совсем немного: явка на выборы с трудом перевалила за необходимую половину. Знаменательно, что пропрезидентская система власти получила поддержку благодаря имперцу В. Жириновскому. Он получил телеэфир за пару дней до голосования, что не только подняло шансы его «партии». Этот ловкий демагог примерял на себя роль преемника стареющего президента и два дня агитировал телезрителей за вертикаль власти. Если бы не это, то голосов за новую Конституцию и за Думу могло и не хватить.

На выборах социологи из ВЦИОМа предрекали верную победу «Выбору России». Результаты оказались иными. В день голосования столичный «бомонд» собрался вечером в Кремлевском дворце, чтобы встретить новый политический год. На табло стали появляться результаты голосования по избирательным блокам и партиям. Лидировал не «Выбор России», его результат всего 15%, и не «ЯБЛоко» с 8%, и даже не коммунисты. Лидировала «либерально-демократическая» партия маргинала В. Жириновского: его «списочный» результат в 23% оказался выше всех. Убедив себя в том, что получает сокрушительную победу, он обнаглел. Гуляя по залу в окружении своих молодчиков и прихлебателей, он остановился у стола где сидели публицист А. Нуйкин, замглавы администрации президента С. Красавченко, режиссер С. Кулиш, актрисы Н. Фатеева, Л. Федосеева-Шукшина и академик А. Н. Яковлев. Показав на них, Жириновский закричал: «Смотрите, вот эти, которые недавно кричали «раздавить гадину» – это они про наш русский народ, – все они в списках на ликвидацию, в третьем списке!» На реплику Натальи Фатеевой сквозь шум, который стоял в зале, он ответил: «Для вас это не праздник, это ваши поминки!»

Эйфория успеха слегка помутила его ум, на самом деле никакой значимой победы у ЛДПР не было. В конечном счете выяснится, что те 59 мандатов, которые получит список его «партии», будут личной «заслугой» этого лицедея. Даже в округах, где от его имени выступала разношерстная, мутная публика, получить мандат сможет только он сам и еще пара кандидатов, все остальные «жириновцы»-одномандатники провалятся... Но не было победы и у «Выбора России». Правда, вместе с демократами из «ЯБЛока» процент их списочных голосов был равен ЛДПР, а когда будут подсчитаны еще и мажоритарные округа, перевес будет за нами. Однако растерянность собравшихся в Кремле демократов была такова, что они стали лепетать о том, что, дескать, не важен результат, не

важны проценты – важно то, что сделан свободный выбор. Лишь Юрий Карякин, литературовед и публицист, выйдя на сцену, сказал: «Я не верю цифрам, количествам, я верю только качествам. Я формально поздравляю Зюганова и Жириновского с количеством. Но я думаю только об одном, разве Солженицын, Сахаров, Аверинцев, Виктор Астафьев проголосовали бы за этих? Россия, одумайся, ты одурела!»

Карякин, хлопнув дверью, ушел, а вопрос остался: что же произошло? Почему лидером в этой идейной гонке оказался тот, кого в образованной среде считали дешевым популистом, подражателем Муссолини и не принимали всерьез?

Неужели действительно народ оказался настолько ленив и глуп?

Но откуда было людям, давно и прочно привыкшим к бесправию, взять ту политическую мудрость, которой ждали от него интеллигенты и новаторы? И что сделали они для того, чтобы эта политическая зоркость проявилась?

«Выбор России», как, впрочем, и все демократы, ограничился добросовестной программой своих будущих действий, его лозунг «свобода, собственность, законность!» был верен, но для рядового жителя он звучал слишком абстрактно. К тому же КПРФ условно оппонировали лишь «аграрники» и «Гражданский союз» (по сути, их собственные филиалы), а с нашим блоком соперничали девять избирательных объединений, чьи программы не сильно отличались от нашей, но каждое из них критиковало «ельцинскую» партию. Мы не позволили себе ни слова критики в адрес президента (при этом сам Б. Ельцин дистанцировался и от «Выбора России», и от всех остальных, решив, что он должен остаться «над схваткой»).

В отличие от добросовестных и слишком серьезных демократов, Жириновский просто, без затей обвинял во всех бедах сразу всех. Коммунисты и демократы, либералы и монархисты, гнусный «запад» и подлый «восток» – все были виноваты в том, как плохо живет бедному русскому народу. Аргументы не нужны, обыватель охотно верит в то, что вокруг враги и жулики.

При этом самозванный спаситель отечества уверял:

– Русский народ заслуживает лучшего!

– Либерально-демократическая партия воздаст по заслугам всем вора и негодяям!

– С нами Россия будет сильна как никогда, и нас еще будут бояться.

– Мы освободим от армии всех студентов и будем бесплатно кормить всех учащихся, хоть в школе, хоть в университете.

– Пенсионеры и военные получают денежные надбавки, все женщины – по мужу, а дети – по счастливому детству...

– Мы не позволим американцам и всяким англосаксам разваливать нашу страну, мы будем ее расширять и еще смоем пыль с наших сапог в Индийском океане.

– А еще – мы снизим цены!

С подобными речами, подчас энергично и парадоксально, сбивая с толку и заражая своей параноидальной уверенностью, он выступал на центральных каналах не только в отведенное кандидату время, но и покупал телеэфир за большие деньги.

Подобно джокеру в карточной игре, он мог быть ниспровергателем привычных истин сегодня, а завтра – ханжой. Он мог обрушиться с площадной бранью на либералов или проклинать коммунистов, а потом поменять масть и оказаться защитником пролетариата. Не заботясь о логике и зачастую противореча сам себе, Жириновский оказался тем типом политика-обольстителя, который был знаком немцам, но не россиянам.

И все же дело было не в нем и не только в тактических просчетах избирательной кампании реформаторов.

Если на выборы не пришла почти половина (46%) избирателей, а ведь на кону был Основной закон, по которому дальше будет жить вся страна, то причина тут глубже. Тем более, когда из той половины, которая дошла до урн, 23 миллиона человек (41%) проголосовали против этой Конституции, а 10% – против всех списков и кандидатов. Тут дело не только в неспособности демократов к единению, тут дело во внутреннем, не артикулированном, но протесте.

Еще девять месяцев назад, когда положение было ничуть не лучше, явка на референдум была на 10% выше. Президент имел поддержку без малого в 60%, а против старой депутатской системы выступало 67% активных граждан. Что изменилось?

Думаю, что изменилось отношение к власти: не так уж много людей хотели возвращения в «социализм», пустые прилавки еще не забылись. Но и новая власть, та, что грубо, через колено сломила старую Конституцию, стала для них чужой.

Конечный результат: голоса, отданные «пострадавшим» коммунистам, голоса, отданные «назло всем» Жириновскому, и недоверие к реформаторам из «Выбора России».

Еще в начале октябрьских событий 93-го года самую глубокую, стратегическую оценку их последствий дал помощник Б. Ельцина Юрий Батурин: «Несмотря на то, что решение президента справедливо в высшем, правовом смысле этого слова, оно все же основывается на том, что через закон переступить можно. Это неизбежная и очень большая плата за то положительное, что мы приобретаем в результате такого решения, но платить будем, скорее всего, не мы, а платить будут дети, внуки, я не знаю, через сколько лет».

Нет, не пятая – другая...

Выборы состоялись, и теперь мне предстояла работа в российском парламенте. Сборы были недолгими, вскоре наше семейство уже ехало в Москву, где нас ждали Молоостовы.

Как всегда, дорога способствовала размышлениям:

– Хорошо, изжившая себя советская псевдодемократическая система ликвидирована. Что дальше? Что нужного сделали обновленные Советы, чего они не смогли, и что должна сделать новая, парламентская система?

Несмотря на политические баталии, которые отнимали у нардепов основную часть рабочего времени, ряд краеугольных камней новой государственности они все же заложили:

Россия получила государственный суверенитет;

учрежден Конституционный суд;

узаконены частная собственность и предпринимательство;

реабилитированы репрессированные народы и жертвы политических репрессий;

законодательно закреплена свобода вероисповедания и невмешательство государства в дела религиозных объединений;

деполитизирован уголовный кодекс, узаконено политическое многообразие;

определен судебный порядок защиты прав человека, помощи беженцам и вынужденным переселенцам;

с подачи Ленсовета приватизирован жилищный фонд, в городах люди стали собственниками своего жилья, а сельские жители – собственниками своих приусадебных участков земли;

начался процесс разгосударствления всего, что было в распоряжении партийно-чиновничьей номенклатуры;

приняты законы о биржах, о банкротстве, арбитражный кодекс;

принят закон о крестьянском фермерском хозяйстве;

– принят закон о референдуме, по которому решение всех наиболее важных общегосударственных и региональных вопросов могло принимать все общество.

Но оказалось, что формального, декларативного признания демократических основ и утверждения рамочных, деловых норм недостаточно.

Чтобы рыночные отношения в их стремлении к наживе принесли пользу обществу, необходимо создание многоуровневой системы регламентов, сдержек и противовесов.

Разработка этой сложнейшей системы потребует скрупулезной и профес-

сиональной, коллективной работы. Для создания непротиворечивого правового поля нужны тысячи узаконенных правовых норм. Ни Верховный Совет, ни тем более митинговый съезд оказались к этому не готовы. А ведь любая лакуна в законодательстве становится лазейкой для жулья, той прорехой, через которую власть теряет не только средства для нужд общества, но и его доверие...

В дорогу я взял с собой сборник стенограмм IV Государственной Думы Российской империи. Она была созвана 1912 году и оказалась последней, поскольку в 1917 году ее распустило Временное правительство. От кого-то я узнал, что теперь в столице возникла идея, назвать новую Думу не первой, а пятой, подчеркнув таким образом ее преемственность. И мне захотелось узнать, как началась работа той, имперской Думы. Чтение было интересным, листая пожелтевшие страницы, я живо представлял себе, как в Таврическом дворце, ожидая начала сессии, прохаживаются и раскланиваются депутаты. Сюртуки, рясы и мундиры, изредка пиджаки разночинцев, преисполненные собственной значимости лица, непривычная нашему уху размеренная речь...

Вот на трибуну восходит статс-секретарь Голубев:

«Объявляю Высочайшее повеление, данное мне Его Императорским Величествомъ.

Государь Императоръ повелел мне от Монаршаго Имени передать членам Государственной Думы четвертого созыва Всемилостивейшее приветствие, упование на всеблагую помощь Божию предстоящимъ трудамъ вашимъ и Высочайшее пожелание спокойной и плодотворной работы четвертой Государственной Думы на радость Его Императорскому Величеству и на пользу дорогой России».

В зале раздаются клики: «Ура!»

Лидер черносотенцев Н. Марков второй кричит: «Да здравствует Самодержец Всероссийский!» Все встают, исполняется гимн «Боже, царя храни!»

Затем все (даже большевики и эсэры) подписывают торжественное обещание «предъ Всемогущимъ Богомъ исполнять возложенныя на насъ обязанности по крайнему нашему разумению и силам, храня верность Его Императорскому Величеству Государю Императору и Самодержцу Всероссийскому и памятуя лишь о благе и пользе России...», после чего подают записки с именами тех, кого они хотели бы выбрать в председатели. Статс-секретарь обращается к тем, кто получил наибольшее количество голосов:

— Князь Владимиръ Михайловичъ Волконский, угодно ли вамъ баллотироваться?

— Покорнейше благодарю, отказываюсь.

— Петръ Николаевичъ Балашевъ?

— Отказываюсь.

— Михаилъ Владимировичъ Родзянко? (Голоса: просимъ!);

— Согласенъ.

– Не угодно ли приступить к баллотировке Михаила Владимировича Родзянко?

Гг. члены Государственной Думы благоволят опускать шары в баллотировочный ящик. При ящике благоволят находиться г. Секретарь Государственной Думы и гг. товарищи Секретаря Государственной Думы».

Родзянко получает 150 черных и 251 белый шар, он избран, в знак протеста часть депутатов молча покидает заседание, чтобы вернуться туда на следующий день.

М. Родзянко, выступая, говорит:

«Государственная Дума четвертого созыва приступает к своим занятиям с неизменным чувством незыблемой и непоколебимой преданности своему Венценосному Вождю (голоса: браво; продолжительные рукоплескания), за державной волей которого всегда шел и будет идти русский народ (голоса: браво; продолжительные рукоплескания). Благоговейно памятуя, что мудрым и великодушным повелением своего Государя он призван к участию в государственных законодательных трудах, во славу Престола и Отечества, в осуществление величайшего и необходимейшего для России благо nepосpедственного единения Русского Царя со своим верным народом! (голоса: браво; продолжительные рукоплескания)» ...

«Ах ты, Боже мой, какое благочиние, – думал я, читая, – какая же слепота у сидящих на вулкане, который сметет все это «единение» уже через пять лет!»

Наше первое заседание назначили на январь 1994 года. За 20 с лишним лет его ход почти стерся из моей памяти, пришлось заглянуть в стенограмму. А прочтя, вспомнить то удивление, которое вызвала атмосфера беспомощной неразберихи того дня.

Мы собрались в том самом здании бывшего СЭВа, которое еще три месяца назад штурмовали баркашовцы.

В фойе и коридорах разношерстные толпы депутатов и журналистов. Вместе с Михаилом Михайловичем мы с трудом нашли своих. Там шли разговоры о том, кто и в каких комитетах намерен работать. Здороваясь с теми, кого я знал еще по Питеру, я встал в очередь за получением первых сессионных документов, портфеля, блокнотов, карточки для голосования и денежного вспомоществования на первое время пребывания в Москве. Передо мной оказался недавний посол России в США, а теперь один из лидеров объединения «ЯБЛоко» В. Лукин. Впереди нас кто-то уже расписывался в ведомости и считал полученные деньги, а телевизионщики все это снимали. Увидев это, маститый советский сановник громко заворчал. Я примиряюще сказал ему: «Что поделаешь, придется привыкать к публичной жизни». На что тот буркнул: «Какая жизнь, такой и дом...»

Получив все, что положено, я пошел дальше. Ко мне кинулся мой коллега по Горсовету, а теперь, как и я, одномандатник, А. К. Егоров. Он стал толковать о том, что нам, землякам-питерцам, надо объединяться, невзирая на блоки и пар-

тии! Я слушал его простодушные речи, не зная, как остудить его пыл. Но тут мы стали свидетелями красноречивой сценки. Раздвигая стоящих, шла группа молодых и наглых парней. «Жириновцы», – сказал кто-то. Они остановились около демократов и громко спросили одного из них:

– У тебя какой размер воротничка?

– А вам зачем? – удивился тот.

– А мы петельки вам готовим! Вот и примеряемся... Ха-ха!

И пошли себе дальше. Замечательная идея Кирьяныча о мире и дружбе увяла на корню.

Первое заседание, согласно принятой Конституции, началось с выступления старейшего депутата (это европейская традиция, правда, там старейшину определял не возраст, а продолжительность его работы в парламенте). У нас же эту честь получил 68-летний партийный агитатор, закаленный коммунист и при этом член ЛДПР Георгий Лукава. Выйдя на трибуну и приветствовав собравшихся, он сказал: «Мы обладаем уникальным мирозерцанием. В рамках уважительного отношения ко всему тому, что связано с Европой, Азией, различными регионами и, конечно, с учетом всего того рационального, что там есть, мы имеем свою внутреннюю логику развития, относительную самостоятельность, свои собственные традиции, и одним из важнейших моментов этого мирозерцания является общественно-политический размах, определенный разворот мышления и практического действия, который дает возможность в переломные, трудные моменты нашей истории очень сильно развернуть наш потенциал»... Он продолжал в том же духе еще долго, но поток неконтролируемого сознания все же иссяк.

Что ж, ритуал исполнен, и теперь можно приступить к работе: заслушать отчет Центризбиркома, избрать секретариат, мандатную и счетную комиссии, проверить работу электронной системы и заняться делом, доверив ведение заседания кому-то из опытных депутатов. Но, к моему удивлению, впервые ставший депутатом «старейшина» не собирался покидать кресло председательствующего.

Старик Лукава оказался не так-то прост, вместо того, чтобы предложить собранию избрать председателя и уступить ему место, он, выполняя инструкции своего партийного вождя, решил с ходу протащить нужное Жириновскому решение. Дело было в одномандатниках, тех, кто избирался в личном качестве по округам. Значительная часть из нас сразу вошла во фракции тех или иных прошедших в думу партий и, таким образом, существенно усилила их позиции. Так, у «Выбора России» кроме тех, кто получил свои мандаты по партийному списку, оказалось еще 25 депутатов, избранных в мажоритарных округах, поэтому к началу работы Думы в нашей фракции состоял 71 депутат. А в ЛДПР, где численность фракции составляла 60 депутатов, был лишь один депутат, прошедший по округу, – сам Жириновский. Поэтому он и стал убеждать всех в том, что персонально избранные депутаты не имеют морального права вступать или создавать политические фракции, а если они хотят объединяться, то пусть делают это по

профессиональному, территориальному, «хоть по половому» признаку. Следуя его логике, он и сам не должен был бы возглавлять свою фракцию, но это его не волновало. Главное, не допустить расширения круга самостоятельных объединений, которые снизили бы значимость уже имеющихся. Для этого он предложил установить нижнюю планку для признания групп, получающих статус объединения, числом не менее 50 депутатов и тут же за это проголосовать.

Вопрос о численности депутатских групп можно и должно было отложить. Ведь для того, чтобы принимать законные решения, нужно было сначала утвердить порядок и правила парламентской процедуры:

определить, есть ли в зале более половины избранных депутатов, и убедиться таким образом в наличии кворума;

установить число голосов, которые необходимы для того, чтобы процедурный или содержательный вопрос считался решенным;

не менее, чем этим числом голосов определить порядок применения тайного или открытого способа голосования;

определиться с контролем и порядком подсчета голосов.

Все эти нормы и правила должны были определяться специальным документом, регламентом, без соблюдения которого мог наступить хаос. И начинать дело надо было именно с него.

Ведущий делать это не стал, а, сославшись на сбой в работе электронной системы голосования, предложил сразу проголосовать за предложение Жириновского руками. Когда ему со всех сторон стали объяснять, что так не делается, что принятые таким образом решения не будут иметь силы, он бестолково, но упрямо стал протаскивать нужное ЛДПР голосование. Вязкие споры продолжались уже третий час, я не выдержал и, в отличие от тех, кто выступал от микрофонов, стоящих в зале, встал и пошел на центральную трибуну.

Из стенограммы:

«Рыбаков Ю. А., Северо-Восточный избирательный округ, г. Санкт-Петербург: «Уважаемые депутаты, то, что здесь происходит сейчас, становится неприличным. У меня такое впечатление, что Либерально-демократическая партия в лице председательствующего уже продемонстрировала свой интеллектуальный потенциал. Я думаю, что после перерыва мы должны предоставить дальнейшее ведение нашего собрания представителям других фракций, может быть, старейшинам других фракций. (Аплодисменты).»

Кроме аплодисментов был еще и рык из угла, где сидели жириновцы. Но ничего не изменилось, Лукава продолжал гнуть свою линию и, добившись результата в 48% за величину объединения не менее 50 депутатов, стал набирать голоса тех, кто якобы не имел карточек для голосования. Проверить результаты было некому, как и убедиться в том, что никто не голосует повторно... В зале творилось что-то невообразимое, демократы жалобно зывали к разуму, но он, похоже, был потерян.

После перерыва Жириновский взял слово и обратился к ведущему с требованием отключить все микрофоны, меня на трибуну больше не выпускать и не отказываться от ведения заседания пока мы не решим вопроса «о базовой цифре для формирования коалиционных и депутатских групп». От лица старейшин долго пытался попасть на трибуну депутат-«выборосс» Василий Селюнин. Лукава включил ему микрофон только после часового стояния Селюнина у трибуны, когда уже половина зала кричала: «Дайте ему слово!»

Василий Илларионович предложил дополнить ведущего другими старейшинами и вести заседание вместе или по очереди, или просто передать его ведение кому-то из старейшин. Но Лукава «включил дурака», споры и ругань продолжались. Пришлось снова, несмотря на крики и угрозы, идти к микрофону.

«Рыбаков Ю. А., Северо-Восточный округ, г. Санкт-Петербург: “Уважаемые старейшины! Что же все-таки происходит? Только что ваш представитель выступил и сказал, что уважаемому ведущему нашего заседания совет старейшин не поручал работу по ведению наших заседаний, что совет старейшин поручил ему только открыть это заседание, но он не выполнил этого поручения и продолжает дальше вести наше заседание. Большинство присутствующих возражает против этого, но тем не менее Вы позволяете и дальше ‘не мытьем, так катаньем’ сохранять нашего уважаемого депутата на посту председательствующего”».

Во время обеденного перерыва дело дошло до драки. На первом этаже была столовая для сотрудников СЭВа и отдельный зал для руководства, туда и отправлялись обедать депутаты. Марк Горячев, предприниматель и одномандатник из Питера, сел там за стол и долго ждал официанта. Тут в зал ввалилась гурьба жириновцев со своим вождем. На крик Владимира Вольфовича тут же обнаружился официант, который услужливо побежал к их столу. Но Горячев окликнул его и потребовал принять сначала его заказ. Жириновский вскочил и, подбежав к Марку, заорал: «Ты кто такой, молчать!»

И тут же получил по физиономии. На Горячева кинулась вся жириновская рать, я сидел неподалеку и, естественно, встал на его сторону. Пришлось отбиваться стульями, пока драку не разняли другие депутаты. (Через пару лет депутат Горячев выйдет из дома, но его скрутят, засунут в машину и увезут неизвестные молодчики. Больше его никто никогда не увидит...)

А наше первое заседание продолжалось. В конечном счете Г. Лукаву мы все-таки сменили. После утверждения и соблюдения всех процедур право создания депутатских объединений, а это дополнительные сотрудники аппарата, лишние кабинеты, право участия в Совете Думы, получили группы от 35 депутатов. Чтобы решить третьестепенный вопрос нашей I-ой (конечно, не V-ой) Государственной Думе понадобилось без малого девять часов ругани, споров и переголосовок. Устав от целого дня дразг, все охотно взяли паузу, отложив на день следующее заседание. Члены «Выбора России» все же остались на короткое

совещание, где я смог наконец увидеть Егора Гайдара за работой. Спокойно и уверенно, без нажима он взял на себя управление формирующимся коллективом, половина которого еще вчера не знала друг друга. В ближайшие дни Дума будет определяться с руководством и составом профильных комитетов, их распределением между фракциями и блоками. За них будет борьба, и нам тоже надо определиться со своими приоритетами.

С ходу это не удалось, все понимали, что при том определившемся раскладе сил все будет зависеть от межфракционных коалиций, а их появление – дело ближайших дней. Мы лишь обменялись информацией о том, кто и в каком комитете будет работать. Тут выбор был свободным и утверждения не требовал. Михаил Михайлович, по совету Гайдара, пошел в Комитет по организации работы Думы и в Комиссию по этике. Я же, поскольку отдельный Комитет по правам человека оказался не предусмотрен, решил работать в Комитете по законодательству и судебной реформе.

Уже под конец нашего собрания я взял слово и предложил членам нашей фракции отчислять 10-20% от своей зарплаты какой-нибудь больнице или детскому дому. М. Молостров, работая в Верховном Совете, так и делал, передавая часть своего заработка обществу «Мемориал» для оказания помощи семьям репрессированных. Естественно, он меня поддержал, но среди моих коллег это предложение энтузиазма не встретило, сидевшие за столом как-то замялись. А Егор Тимурович, видя, что поддержки не будет, предложил вернуться к этому позже. Когда все стали расходиться, к Молострову подошел, опираясь на палки, депутат Заславский и сказал: «Михаил Михалыч, ну, о чем речь? Что там делить? Да вы знаете, что этой зарплаты хватит лишь на одну ночь с элитной проституткой?!»

Уже на лестнице я догнал тестя и увидел на его лице несколько ошарашенное выражение. Закурив, он пересказал мне услышанное, и мы, покрутив головами, отправились домой, в служебную квартиру Молостровых, где решили поселиться и мы. Получать отдельную в другом районе города мы не стали, вместе нам было лучше... (В дележке я последовал примеру тестя и потом тоже помогал людям, но делал это в персональном порядке. И такой подход оказался вернее. Спустя много лет наши родственники продавали свою квартиру. От покупателей они услышали, что накопить деньги на эту покупку те смогли в том числе благодаря помощи щедрого депутата Молострова. Думаю, узнав о том, что у Михаила Михайловича своей квартиры тогда не было, что по окончании депутатства его ждал старый дом в деревне, они бы удивились и вряд ли поверили.)

Следующим камнем преткновения стал вопрос о том, чьи представители возглавят те или иные комитеты и Комиссии Думы.

Уже на следующий день начались межфракционные и частные переговоры, интриги и временные союзы, цель которых, заполучить руководство в комитетах, а с ними и рычаги влияния и престижа.

Когда одномандатники определились со своей принадлежностью к тем или иным фракциям, первым по величине оказался «Выбор России», вторым – центристский блок «Новая региональная политика», третьим – ЛДПР, далее коммунисты, аграрники, социал-демократы из «ЯБЛока» и еще не определившиеся. В отличие от состава нардеповских съездов, Дума располагает большим интеллектуальным потенциалом. 95% депутатов имеют высшее образование. 76 из них юристы, еще 94 специалисты в области экономики, но при этом решающего большинства – 226 голосов – не получило ни одно объединение!

По принципиальным вопросам «Выбор России», «ЯБЛоко» и примыкавшие к демократическому крылу депутаты в сумме набирали не более 135 голосов.

Красно-коричневые – КПРФ, аграрии, ЛДПР и две малые депутатские группы – 176 голосов. Остальные 139 – мутная взвесь взглядов и предубеждений, левизны или беспринципности, ведомственных интересов. Кривоватое, но все же зеркало общества.

Да и в «Выборе России» тоже все непросто. Дальнейшее покажет: далеко не каждый член нашей фракции окажется либералом. «Государственное» мышление, личные амбиции, карьерные цели поведут к выходу из фракции даже тех, кто прямо был обязан нашему избирательному блоку тем, что стал депутатом. Мы начинали свою работу, имея 78 мандатов, а через два года во фракции, которая не стала безоговорочно поддерживать Кремль, останется 47 человек. Но это еще впереди. А пока в результате сговора «левых» «Выбору России» удалось получить руководство лишь в комитетах по информационной политике, обороне, здравоохранению, оргработе Думы и еще пост уполномоченного по правам человека, который занял Сергей Адамович Ковалев. Причем его статус и полномочия не были определены законом, которого еще не было. Одновременно по Указу Б. Ельцина он возглавил и Комиссию по правам человека при президенте.

Комитеты по законодательству и сельскому хозяйству возглавили аграрники, коммунисты получили комитеты по безопасности и делам общественно политических объединений, «ЯБЛоко» возглавило комитеты по бюджету и по международным делам, а ЛДПР получила богатейшие возможности для лоббизма в сферах экологии, природных ресурсов, промышленности, строительства, энергетики и труда... По остальным направлениям работы руководителями стали представители малых фракций и депутатских групп. Председателем Думы стал умеренный коммунист-аграрник Иван Петрович Рыбкин, который по должности вошел в некий Совет Безопасности при президенте, орган, который не был предусмотрен Конституцией, но стал важным и закрытым от общества инструментом влияния на Б. Ельцина.

Теперь надо было утвердить общие планы законодательной работы на 1994 год. У «Выбора России» уже были конкретные наработки того, что и как должна сделать Дума этого созыва. Первоочередными мы считали 35 законов, среди которых: о счетной палате, референдуме, правительстве, судебной системе, банках,

политических партиях, порядке проведения митингов и демонстраций, государственной службе, порядке разрешения трудовых споров, адвокатуре, контроле наркотиков, альтернативной гражданской службе. А еще гражданский, административный, уголовный, уголовно-исполнительный и процессуальный кодексы и многое другое. Каждый закон требовал напряженной и согласованной работы смежных комитетов.

Начался процесс межфракционных согласований, результатом которых стал список из 144 законодательных актов, которые нужно было разработать и утвердить в первую очередь.

Из принципиально важных событий тех месяцев стоит, наверное, напомнить о том, что Дума приняла в феврале 1994 года пакет постановлений о широкой амнистии для подсудимых и осужденных. Сама идея амнистии была не нова, государство пользовалось таким способом разгрузки лагерей и тюрем уже давно, приурочивая это к большим праздникам. Но в данном случае все началось с Указа президента, который предложил депутатам объявить амнистию осужденным за нетяжкие преступления в связи с принятием новой Конституции. Еще освобождались от ответственности лица, приговоренные к штрафам, принудительным работам или условному наказанию. Обычная, типовая амнистия. Но вот заковыка — правом амнистии располагала только Госдума. Кто и зачем подбил президента на выпуск незаконного указа, оставалось загадкой, пока лучший друг чекистов В. Жириновский не предложил расширить круг амнистированных.

Идеологическое обоснование было сформулировано в проекте «Меморандума о согласии», где Дума, признавая необходимость соблюдения законов и сотрудничества, предлагала начать с политической и экономической амнистии. Появился пакет предложений, состоявший из:

- типовой амнистии за мелкие уголовные преступления, предложенной президентом;

- экономической амнистии для хозяйственников, которых осудили еще в советские времена;

- амнистии для всех участников политических столкновений;

- постановления о закрытии расследования всех обстоятельств октябрьских событий (!!!)

Но если в проекте президента были указаны те статьи уголовного кодекса, по которым осужденные и подсудимые не могли освобождаться от ответственности, то в проекте политической амнистии ограничений не было, она распространялась на всех, кто был замешан в событиях августа 91-го, мая и октября 93-го годов. При этом Жириновский настаивал на том, чтобы все три проекта, вместе с Меморандумом, голосовались сразу, пакетом. Естественно, в торг, а точнее шантаж, включились и думские коммунисты. Первая попытка принять амнистию была шумной, в процессе дебатов получил слово и я.

«Рыбаков Ю. А.: “Уважаемое собрание, мы имеем дело с беспардонным и бесчеловечным шантажом со стороны тех, кто, ничтоже сумняшеся, откровенно говорил нам: мы не позволим освободить ни женщин, ни детей, ни инвалидов, ни хозяйственников, если вы не позволите нам освободить наших боевиков. Уважаемые коммунисты, здесь не воровская сходка, где ‘паханы’ договариваются между собой о круговой поруке. Здесь Государственная Дума, и подобные приемы здесь недопустимы”.

Председательствующий: “Уважаемый депутат, прошу выбирать выражения”.

Рыбаков Ю. А.: “Мало того, здесь (тем не менее у меня еще есть время) была нарушена презумпция невиновности. Депутат Кулик задал вопрос о том, подлежат ли амнистии те солдаты и офицеры, которые по приказу вышестоящего начальства стреляли по Белому дому. Ну, а если бы кто-нибудь задал вопрос тому же выступавшему: подлежит ли амнистии бывший министр сельского хозяйства господин Кулик, который отвечает, наверное, за аферу с чеками ‘Урожай-90’, – то, я думаю, гражданин Кулик, депутат Кулик, был бы совершенно справедливо возмущен тем, что ставится вопрос о человеке, чья вина не установлена и кому она даже не предъявлена. Далее...”

Председательствующий: “Юлий Андреевич, прошу придерживаться этических правил депутатов”. (Шум в зале.)

Рыбаков Ю. А.: “Далее, по существу. Я прошу внести следующие поправки. Пункт II постановления принять в следующей редакции: ‘Данное постановление вступает в силу с момента опубликования проекта амнистии по указу Президента и подлежит исполнению в течение шести месяцев’. Таким образом мы исключим возможность применения амнистии к тем, кто, смекнув о возможности совершения преступления, безнаказанного преступления, в период между опубликованием Указа и принятием его нами, совершает сегодня эти преступления. Я прошу также включить в пункт ‘а’, в перечень лиц, подлежащих амнистии, осужденных из числа жителей блокадного Ленинграда. Мы приравняли их к участникам войны, и поэтому было бы справедливо применить амнистию в таком случае и к ним. Я прошу внести в перечень статей о преступлениях, не подпадающих под амнистию, статью 70 ‘Призывы к насильственному изменению конституционного строя’, статью 701 ‘Призывы к совершению преступлений против государства’, статью 71 ‘Пропаганда войны’. И я прошу, когда этот вопрос будет голосоваться, поставить его на поименное голосование, чтобы это было опубликовано в нашем бюллетене, и чтобы страна знала, кто будет голосовать за то, чтобы освободить от ответственности лиц, призывающих к гражданской войне. И я прошу поддержать предложение фракции ‘ЯБЛоко’ о социальной защите освобожденных”».

На мое выступление возбудились и коммунисты, и аграрники, от меня хоте-

ли извинений. (Тогда правительство Силаева выманило у крестьян их личные продовольственные запасы под чеки, которые обещало обменять на дефицитные товары. Чеки стали предметом спекуляций, продукты съели горожане, а товаров на всех не хватило, они нашли свое место в домах начальства...)

С первого раза принять амнистию ни в президентском, ни в политическом варианте не удалось. В следующий раз при обсуждении слово получили представители всех фракций.

От «Выбора России» выступил член комитета по законодательству, юрист Виктор Похмелкин, он сказал:

«Мы выступаем категорически против так называемого пакетного голосования по предложенным документам, потому что они очень различаются по своему характеру. Если Меморандум о согласии, проект амнистии, внесенный президентом, и вопросы амнистии осужденных хозяйственников отвечают всем необходимым юридическим канонам и могут рассматриваться Государственной Думой, то этого нельзя сказать о той части представленных документов, которые касаются так называемой политической амнистии. Давайте разберемся, что из себя представляет акт амнистии как таковой? Амнистия – это акт нормативный, который касается категорий осужденных и видов преступлений. Иначе говоря, когда мы формулируем положение об амнистии, мы должны указать статьи Уголовного кодекса, на которые распространяется амнистия... Если же речь идет об индивидуальных лицах, о конкретных уголовных делах, то в этой ситуации применяется иной акт такого же рода – это помилование. Но помилование по Конституции – это прерогатива президента.

Давайте посмотрим тот вариант и ту редакцию, которую предлагают авторы проекта. В частности, предлагается амнистировать лиц, участвовавших в событиях 21 сентября – 4 октября 1993 года и противодействующих реализации известного Указа президента. Хочется спросить у авторов этого документа: означает ли это, что под амнистию подпадают все те, кто в указанный период совершал убийства, беспорядки, поджоги, погромы, насилия в отношении лиц или нет? В предложенной редакции это будет означать именно это, если не будут указаны конкретные статьи, если не будет оговорено, в отношении кого данная амнистия применяется. Готова ли Дума к тому, чтобы амнистировать всех “чохом” без разбора, без отделения политической деятельности, извините, от политической уголовщины, от уголовщины, которая вообще далека от каких бы то ни было политических мотивов?

В водоворот событий, которые мы рассматриваем, попали разные люди, которые совершали преступления, а возможно, и не совершали преступления. Степень вины каждого из них индивидуальна. Допустимо ли в таком случае признавать их всех виновными, поскольку амнистия (и это сомнения

не вызывает) – это не реабилитация. Это констатация того, что люди совершили преступные деяния, но Дума считает необходимым простить им эти деяния. Мы еще раз предлагаем и настаиваем на раздельном голосовании по всем представленным документам. В знак подлинного гражданского согласия призываем депутатов проявить политическую мудрость и юридическую корректность при решении этого вопроса и не голосовать за принятие политической амнистии в предложенном виде».

От блока «ЯБЛоко» слово взял Е. Амбарцумов. Признав необходимость установления согласия, он тоже заметил: *«Есть предложения, с которыми наша фракция не согласна. При ознакомлении с пунктом 1 постановления создается впечатление, что будут прекращены и не будут возбуждены уголовные дела против тех, кто в те дни совершил чисто уголовные преступления, такие как убийство, нанесение телесных повреждений, насилие и тому подобное. За такие преступления (тем более в отношении гражданского населения) не должно быть амнистии скопом. Это неприемлемо и по нравственным, и по политическим соображениям. Это создало бы опасный прецедент. Вот почему фракция “ЯБЛоко” в принципе против пакета документов, создающего впечатление некой политической игры, своего рода сделки. Фракция также против ликвидации Комиссии по расследованию причин и условий сентябрьско-октябрьских событий».*

Коммунисты и аграрники, выразив сомнения в возможности согласия и примирения, вяло возражали против прекращения депутатского расследования, но вместе с другими фракциями пакет амнистий поддержали.

Так, под шумок о примирении и согласии, пакет амнистий освободил не только стариков, женщин и ветеранов, совершивших мелкие преступления, но и расхитителей государственного имущества. Из мест лишения свободы освободили 1 951 осужденного, из находившихся под судом за те же деяния 3 036 человека, из находившихся под следствием 11 592 человека. Среди этих 16 тысяч были разные люди с разной степенью вины, а, возможно, и с отсутствием ее. Но амнистия не разбирала, она лишь отменяла ответственность...

Еще, не разбирая, что и как, из-под следствия были освобождены 36 участников путча 1991 года и мятежа 1993 года. За такое «примирение» проголосовал 251 депутат (58%), против – 37 (среди них члены «Выбора России», в том числе и я), остальные воздержались или не голосовали вовсе. По решению большинства депутатское и прокурорское расследование тех событий прекратили.

Кому это было нужно?

Реакция Кремля была противоречивой. Член Совета Безопасности С. Шахрай убеждал Б. Ельцина в необходимости амнистии, аргументируя это тем, что вышедший на свободу Руцкой своими претензиями на лидерство внесет разлад в ряды оппозиции, а Хасбулатов ослабит позиции Дудаева в Чечне. К тому же прекращение расследования выгодно и для власти. Президент внял этим аргу-

ментам, но все же обрушил свой гнев на исполнившего решение Думы Генерального прокурора Алексея Казанника (того, кто когда-то снял свою кандидатуру, чтобы Б. Ельцин получил пост председателя ВС). Казаннику пришлось уйти в отставку.

Рассмотрение в суде всех обстоятельств событий осени 93-го года действительно могло стать опасным и для «победителей». Как поведет себя судебная власть, было неясно. Примером тому было уголовное дело организатора бойни в Вильнюсе, а потом члена ГКЧП генерала Варенникова. Он был единственным человеком, который отказался от применения к себе амнистии по делу ГКЧП. Бывший замминистра обороны СССР счел, что амнистия – это милость к виновному, а себя он таковым не считал. Генерал был активным участником государственного переворота 1991 года, и ему предъявили «измену Родине». В Уголовном кодексе того времени под такой изменой подразумевался в т.ч. «заговор с целью захвата власти». Путчисты именно это и сделали, они тайно сговорились и попытались, обманув общество мнимой недееспособностью главы государства, заставить его отказаться от полномочий и присвоить себе его полномочия. Показания М. Горбачева о том, что, прилетев в Форос, генерал Варенников требовал от него уйти в отставку, судьи в погонах отклонили, предпочтя им слова подельников генерала, которые естественно все отрицали. А суд встал на защиту генерала, поверив в то, что он был лишь исполнителем, но при этом указав, что «мотивами и целью содеянного им были не корыстные побуждения или иная личная заинтересованность, а сохранение и укрепление своего государства!» Что ж, действительно «своего», ведь члены ГКЧП были в числе его хозяев и знали, что реформы лишат их этого положения. Прокуратура опротестовала это решение, но Президиум Верховного суда где сидело немало сталинистов, его подтвердил...

Но это было чуть позже, тогда же тот самый Руцкой, который призывал авиацию бомбить Кремль, тот самый Хасбулатов, который сделал все для неприимой конфронтации, тот самый Макашов, который привел людей под пули в «Останкино» (а потом удрал), и еще многие из тех, у кого на руках была кровь, вышли на свободу.

Ну, а те снайперы, что стреляли по журналистам, сторонникам Ельцина и коммунистам, остались в тени. Материалы следствия сдали в архив, а позже по указанию ФСК засекретили.

Вскоре после этого началась интрига по возвращению спецслужбам старых полномочий.

На одном из июньских пленарных заседаний в ходе рассмотрения законопроектов ярый коммунист и председатель думского Комитета по безопасности Виктор Илюхин после того, как он успешно провел закон «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов», предложил сходу проголосовать за еще один закон – об изменениях в уго-

ловно-процессуальном кодексе. Текст был роздан депутатам прямо в зале, он состоял из нескольких строчек, одни пункты из статей Кодекса перемещались в другие, какие-то заменялись, но за чехардой цифр я увидел скрытый смысл.

Суть была в том, что следствие по тяжким статьям будут вести не только прокуратура и МВД, но еще и КГБ (ФСБ)! В том случае, если эта контора первой обнаружит нарушение закона, то она возбуждает дело, она же его и ведет. Так через альтернативность подследственности «тихой сапой» делался первый шаг к возвращению полномочий госбезопасности в старом объеме. Причем делалось это с грубейшим нарушением порядка рассмотрения, без заключения Правового управления, без рассмотрения на профильных комитетах... Я указал на скрытые цели и нарушения регламента. Меня поддержал коллега по фракции Александр Осовцов.

Из стенограммы:

«Уважаемые коллеги! Я вынужден категорическим образом возразить против самого предложения уважаемого депутата Илюхина. На мой взгляд, данный законопроект не может приниматься в подобном режиме: хватай мешки – вокзал отходит. Он имеет, по-видимому, существенные юридические и, я не могу не разделить опасений депутата Рыбакова, может иметь существенные и политические последствия». Увы, два юриста из нашей же фракции, А. Александров и В. Похмелкин, поддержали Илюхина, против проголосовали лишь 11 депутатов. К концу заседания я спохватился, ведь получалось, что поправка Илюхина принята окончательно сразу в трех чтениях. Пришлось брать слово «по порядку ведения» и требовать объяснения, принят ли закон окончательно и почему не было озвучен статус голосования. Председатель И. Рыбкин был вынужден согласиться с тем, что необходимо уточнение. На следующий день заседание продолжилось и снова говорил о том, что:

«...генералы КГБ по-прежнему хотят вернуться к власти, по-прежнему хотят господства. И сегодня они «выкручивают руки» президенту и его команде, требуя вернуть им следственные функции, следственный аппарат, палачей и тюрьмы, обещая, что они будут бороться с гражданской войной, будут защищать демократию.

Я демократ и убежден, что демократии необходима защита, но не этими руками, потому что история спецслужб всех стран и всех народов говорит о том, что спецслужбы всегда были и остаются самостоятельной политической силой и стремятся к этому. Если мы хотим этого, мы согласимся с тем законом, за который мы вчера случайно проголосовали. Но это будет политическим трамплином для вхождения на арену общественной жизни спецслужб.

Я предлагаю, не включая вопрос в повестку дня, проголосовать сейчас за то, что в протокольном порядке мы принимаем решение о том, что это голосование было голосованием в первом чтении. Это надо сделать для того,

чтобы мы могли разобраться еще раз с этим законом, внести в него необходимые поправки и только потом принимать его».

На этот раз за мое предложение проголосовали уже 85 человек, но остальные 360 или не стали голосовать, или были против. В конечном счете та первая попытка спецслужб была отложена, вместо нее позже были приняты другие поправки, но цель у них была та же. Грозный указ президента о роспуске «ВЧК-ОГПУ- НКВД-НКГБ-МГБ-КГБ» тихо сдулся. Тюрьмы и следственный аппарат вернулись в арсенал ФСБ, что позволит этой организации самостоятельно выбирать свои жертвы, бесконтрольно добиваться признаний, участвовать в коммерческих войнах и решать свои политические задачи...

Дума продолжила свою работу. Я не буду утомлять читателя перипетиями борьбы за каждую строчку и букву тех проектов, которые поступали в Комитет по законодательству и судебной реформе. Началась огромная работа, депутатам надо было выстроить новое правовое пространство, где свобода, частная собственность и права человека должны были стать органичной системой гражданских отношений. Только за первый год Дума перевыполнила свои планы и рассмотрела 220 законопроектов, среди них – новые Гражданский, Уголовный и Бюджетный кодексы. Их применение сразу стало выявлять наши ошибки и недочеты. Тогда возникла потребность в уточнениях, поправках и дополняющих актах. Эта, отягощенная внутренними интригами, работа заслоняла те реальные межнациональные сепаратистские конфликты, разрешение которых могло пойти по опасному пути.

Но, даже если бы у нас нашлось время оглянуться и вовремя поднять тревогу, мы были лишены возможности помешать чиновникам и силовикам.

Как говорит старая пословица, мы попали «из огня да в полымя». От левацкого произвола депутатской толпы нас качнуло в произвол президента и его окружения. Законодательная власть работала теперь в узком коридоре тех возможностей, которые оставила ей новая Конституция. Тот взвешенный компромиссный вариант, который готовило Конституционное совещание, после октябрьских событий претерпел существенные изменения. Как писал потом активный участник совещания Л. Шейнис, «главным стало бетонирование позиций президента за счет парламента».

Президент уже не «высшее должностное лицо», а «глава государства и гарант Конституции», основные направления внутренней и внешней политики и военная доктрина – его личная прерогатива.

Если ранее в качестве уступки нардепам в первом проекте Совещания президент предлагал, а утверждала председателя правительства Государственная Дума, то теперь, с согласия Думы, его утверждает сам президент. Разница в том, что после трехкратного отклонения представленных кандидатур президент сам назначает председателя правительства, распускает ГД и назначает новые выборы.

По проекту Совещания Дума могла выразить недоверие правительству, а президент мог объявить об его отставке либо не делать этого. А при повторном недоверии должен отправить правительство в отставку или распустить Госдуму.

Теперь эту норму дополнили правом правительства самому ставить перед депутатами вопрос о доверии к себе. А если Госдума в доверии правительству откажет, то президент в течение семи дней принимает решение об отставке правительства или о роспуске ГД. Понятно, что при таком раскладе депутаты трижды подумают, прежде чем станут ссориться с правительством...

Из оснований для отрешения президента от должности исключено положение об умышленном нарушении Конституции, подрывающем государственный строй или умаляющем права и свободы человека. Теперь речь идет только о государственной измене или совершении иного тяжкого преступления, подтвержденного заключением Верховного суда и заключением Конституционного суда.

А еще:

Конституционный суд потерял право самостоятельно проводить экспертизу издаваемых законов и указов.

Политические партии и общественные организации не получили права обращения в КС.

В судебной системе сохранились военные суды и уравнивать граждан перед правосудием не удалось.

У президента есть право наложения вето на законодательные акты и постановления, а у депутатов его нет. Как нет и права проведения парламентских исследований.

В последний момент, перед опубликованием проекта для всенародного обсуждения, администрация президента отменила суверенность входивших в федерацию республик. При этом основы такого государственного устройства почти недоступны для изменения.

У депутатов осталась лишь одна важная функция – работа над законами и утверждение бюджета. Все остальные «полномочия» депутатов исполнительная власть могла игнорировать. В чем-то Дума даже стала похожей на ту царскую Пятую думу, которая тоже была ограничена монаршей волей.

Хотя справедливости ради надо отметить, новая Конституция сделала недоступной для изменения не только свою первую (основополагающую), но и вторую главу, которая закрепила незыблемость прав и свобод человека. Это облегчило выбор и мне, и моему тестю. Убедив себя в том, что крепкая рука президента убежит страну от повторения двоевластия, мы проголосовали за «меньшее зло». Результаты выборов показали: опасность повторения пройденного была. Но из одной крайности общество перешло в другую, страна получила ограниченный в правах парламент и всю широту полномочий «исполнительной» власти. Дальнейшие события показали: новая опасность оказалась ничуть не меньше предыдущей.

КАВКАЗСКИЙ УЗЕЛ

Марша вехийла!

«Живи свободным!» Так испокон века напутствовали друг друга старики-чеченцы. Обостренное свободолюбие прочно вошло в сознание этого народа. И это неудивительно, писал историк И. Л. Бунич: *«По масштабам гонений, по методам геноцида (от массовых истреблений и депортаций до презрительной дискриминации и шельмования всего народа как нации преступников, охваченных комплексом суицида) судьбу чеченцев можно сравнить разве что с судьбой евреев. Но если евреям в их тысячелетней борьбе за выживание удалось все-таки поставить дело так, что весь мир болезненно и резко реагирует на любое проявление антисемитизма, откуда бы оно ни исходило, то чеченцам этого пока не удалось.*

Мир ничего не знал о них, и, что хуже всего, совершенно ими не интересовался. Кафры, зулусы, австралийские аборигены и даже, извините, канадские тюлени, когда им грозило истребление или ущемлялись их гражданские (!) права, вызывали в западном мире больше эмоций, чем трагедия чеченского народа, продолжавшаяся 200 лет».

Неожиданным прорывом в этой цепи стали новации объявленной «перестройки». Гласность вытащила на свет проблемы репрессированных народов, восстановление исторической справедливости стало казаться возможным, распад концлагеря общенародного режима пробудил невероятные надежды как у романтиков, так и у прагматиков... Когда Верховный Совет РФ после ожесточенных споров принял закон о реабилитации репрессированных народов, когда элиты национальных меньшинств Союза со всей очевидностью стали готовиться к перехвату власти в своих республиках, среди чеченцев тоже нашлись люди, которые поняли: сейчас или никогда! Либо власть, свобода и успех достанутся на их долю, либо вскоре все вернется.

Как и другие народы советской империи, чеченцы помнили о том, как большевики провозгласили «свободу наций на самоопределение вплоть до отделения» и чем это закончилось для тех, кто поверил коммунистам.

Неудивительно, что при первых признаках реальных перемен наиболее амбициозные и просто активные, а тем более достигшие высот в советском обществе люди этого и других ущемлявшихся и опекавшихся империей народов, деятельно включились в процессы, способствовавшие обретению независимости и власти.

Таким был Джохар Мусаевич Дудаев, первый и единственный генерал из че-

ченцев, командир дивизии дальней бомбардировочной авиации, ветеран афганской войны, член КПСС с 1968 г. и будущий президент республики Ичкерия. Он был тринадцатым ребенком в семье, которая жила в селе Ялхорой, а родился в том самом 1944 году, когда его народ, за исключением сожженных чекистами жителей села Хайбах, был выслан в Казахстан. Там умер его отец, там он провел детство вплоть до хрущевского разрешения вернуться в 1957 году, а затем в 13 лет одним из первых, оставив мать, рванул на родину, чтобы строить их дом. Сначала беспризорник, потом, когда вернулась родня, просто грозненская шпана с обостренным чувством достоинства и клеймом «врага» в душе. Он рассказывал жене, как в 60-е годы такой же мальчишка как он, за какие-то художества, спасаясь от милиции, забрался на крышу пятиэтажки, бегал там и кричал: «Я враг народа! Я враг народа!»

Саманный дом в Грозном, на ул. У. Шекспира, Джохар построил. А потом и школу закончил. Дальше – Тамбовское высшее военное авиационное училище имени М. Расковой (куда его взяли только потому, что указал в анкете, что он – осетин), а в 1977 году – Военно-воздушная академия имени Гагарина. Карьера – головокружительная. Ведь даже до полковника в Советской армии дослужится чеченцу было невероятно трудно, за большее надо было платить исключительной верностью режиму...

Поэтому в до перестроечные годы Дудаев и орал на своих полковых замполитов: «Вы призваны служить партии как цепные псы, которых спустил ЦК и платит за это деньги!», а еще раньше сам служил империи в ее кровавых авантюрах. Боевые ордена тогда просто так не давали, и среди миллиона погибших под ковровыми бомбежками афганцев есть и его жертвы.

И все же, как рассказывал его заместитель Ю. Сосламбеков, стоило депутатам принять в июне 90-го года Декларацию о суверенитете Российской Федерации, а Прибалтике заговорить о независимости, кавалер Красной Звезды отказался выполнять московские приказы о блокировании телевидения и парламента Эстонии. А еще раньше, 9 мая, будучи членом горкома КПСС, рискнул на городском празднике Победы поднять над Тарту черно-сине-белый национальный флаг Эстонии.

То, что при этом Дудаев был членом КПСС (и вплоть до своей гибели не расставался с партийным билетом), вполне объяснимо: как и любой успешный советский человек, он жил двойной, тройной жизнью. Это позволяло легко преодолевать запреты ради достижения сверхзадачи. Ей оказалась мечта о Воле для своего народа – что стало неожиданностью и для мятежного генерала. Гены свободолюбивых предков говорили ему: прибалтам в обретении ими свободы мешать нельзя!

И все же, почему успешный генерал по первому зову земляков бросает службу и уезжает в богом забытую провинцию с неведомым будущим?

Не думаю, что рядовые соплеменники могли вот так запросто сорвать Дудаева с места. Тем более, что вскоре должен был состояться его перевод в Москву

в Академию. Аркадий Вольский утверждал, например, что это Бурбулис привез Дудаева в Чечню, чтобы тот возглавил республику, но затем его там дескать «бросили». На мой взгляд, Ельцин в тот момент еще не определился с позицией по Союзу. По времени и ситуации более вероятна версия о том, что к Дудаеву приезжали люди из команды М. Горбачева. Советская империя уже взрывалась, там и тут туго били струи «освободительных» движений. Поэтому решено было сыграть на опережение. В Кремле прошел ряд встреч как с региональными представителями интерфронтов (которые стоило бы называть имперфронтами), так и с теми, кто мог стать сторонником «перестройки». Одних союзный президент заверял в нерушимости единства, другим обещал высокий статус.

«Верный ленинец» Дудаев должен был обеспечить вхождение Чечено-Ингушетии в Союз независимых государств, СНГ. Горбачев не мог надеяться на старых партийных функционеров, их надо было подпереть новыми, энергичными и еще не искушенными активистами. Таким и стал боевой генерал. Эту версию подтверждает и бывший руководитель администрации президента России С. Филатов: *«Именно центром были порождены и сам Дудаев, и его режим... При всем этом Дудаев отшвырнул от себя всех, кто привел его к власти, и, когда начал отходить от России, объявлял суверенитет, эти люди схватились за головы».*

С ноября 1990 года он активно ввинчивается в общественную жизнь республики и возглавляет Исполком Общенационального конгресса чеченского народа (ОКЧН). Рассчитывая на Горбачева в изменении статуса своей автономии, принимая за чистую монету предложение сделать шаг к свободе, он охотно стимулирует ОКЧН на Декларацию о независимости.

Встречаясь с журналистами, он говорит им: «Я не политик, а боевой генерал. Но сегодня, чтобы вывести Чечню из кризиса, нужен «политический бык». И я готов взять этот груз на себя. Потом уйду, уводя за собой весь свой «черный шлейф».

Думаю, что тогда, еще не зная, в какой тугой узел политических интриг, чужих и собственных страстей вплетается его судьба, мятежный генерал искренне верил в то, что, обеспечив рывок к независимости, он сможет уйти.

Насчет нового Союза еще посмотрим, думает он, в любом случае это шаг вперед. А пока надо послужить советскому президенту и, если ему не нужен Ельцин, проигнорировать референдум о введении в советскую Конституцию поста российского президента.

Но это не помогло, президент РСФСР избран в первом же туре. Дудаеву понятно, что теперь судьба его республики зависит уже не от Горбачева. Значит, надо начать торг с Ельциным. А торг для него – это сразу завышенная цена, которую потом можно и опускать.

И вот уже в июле 1991 года второй съезд ОКЧН заявляет, что Чеченская Республика Нохчи-Чьо не входит в РСФСР.

А через месяц карточный домик, который с таким трудом строился Горбачевым, рушится на глазах. Вместо торжественного подписания в Ново-Огареве акта о создании обновленного Союза страна увидела дебилов-путчистов, их провал и паралич армии, Шамиля Басаева и других чеченцев среди граждан России, защищавших Белый дом, растерянного президента СССР на трапе прилетевшего самолета.

Теперь ни о каком обновленном Союзе не могло быть и речи. Союзная власть бессильна, она не в состоянии одолеть не только своих ближних дураков, но даже кучку народа на баррикадах у Белого дома, – куда же им справиться с окраинами. Значит, воля! Значит, вперед, на штурм власти и собственности у себя дома!

Общенациональный конгресс чеченского народа подымает митинговую стихию в Грозном, на площадях звучат призывы к свободе, ОКЧН заявляет о поддержке российского парламента и предписывает «в сложившейся обстановке руководствоваться указом президента РСФСР».

А поскольку в первые дни путча Чечено-Ингушский республиканский комитет КПСС, Верховный Совет и правительство ЧИР поддержали восстановление коммунистической диктатуры, ОКЧН атакует «изменников»: председателя Верховного Совета ЧИР Д. Завгаева и весь Верховный Совет, требует отставки своего правительства, а заодно и юридически закрепленного выхода из состава СССР и... РСФСР.

На волне народной поддержки Д. Дудаев становится лидером, приходит к фактической власти и формирует свои вооруженные отряды. «Национальные гвардейцы» Дудаева захватывают здание Верховного Совета. Сопrotивлявшиеся депутаты избиты, председатель горсовета выброшен из окна.

В Грозный прилетают госсекретарь РСФСР Г. Бурбулис и министр печати М. Полторанин, председатель Верховного Совета РСФСР Р. Хасбулатов. Под их давлением республиканский парламент снова собирается и проводит свою последнюю сессию, где принимает решение о самороспуске. Власть передается Временному совету, прилетевший туда вице-президент Руцкой собирает его первое и последнее заседание, оно кончается провалом. Разгневанный «вице» возвращается в Москву и на заседании Верховного Совета РФ, развесив карты мятежной республики, предлагает российским депутатам обсудить планы вторжения. Другой генерал и депутат Д. Волкогонov призывает не спешить и хотя бы не разрабатывать военные операции публично.

Президиум Верховного Совета РСФСР принимает постановление, в котором признает единственным законным органом государственной власти на территории ЧИР Временный высший совет, образованный в Грозном под диктовку Р. Хасбулатова, и требует роспуска самостоятельных военных формирований.

Чеченский Конгресс в ответ постановляет: **«Действия А. Руцкого признать провокационной акцией международного масштаба, заранее подготовленной в темных замыслах российского правительства против чеченского народа. <...> Грубое провокационное вмешательство во внутренние дела Чеченской**

Республики считать объявлением вооруженного противостояния» и объявляет отзыв из вооруженных сил СССР военнослужащих чеченской национальности, мобилизацию всех лиц мужского пола от 15 до 55 лет, приведение в боевую готовность национальной гвардии.

В ответ появляется указ Б. Ельцина «О введении чрезвычайного положения». Встречным шагом уже избранный президентом Чечни Д. Дудаев, о котором сослуживцы рассказывали, что даже обычные распоряжения по полку он подписывал так, что чернила брызгали во все стороны, а бумага рвалась, подписывает «Указ № 2», в котором призывает *«всех мусульман, проживающих в Москве (в случае посягательства на независимость Чечни), превратить Москву в зону бедствия»*. У Дудаева еще нет реальных сил, нет и накала страстей среди московских мусульман. Указ – блеф, как если бы тот мальчишка из дудаевского детства схватил на крыше обрезок трубы и, размахивая, заорал, что всех взорвет.

Но и Указ Ельцина тоже стал блефом – попытка навести порядок и единоначалие в республике силой закончилась провалом. Когда первая пара самолетов со спецназом приземлилась в Ханкале, гвардейцы Дудаева заблокировали двери одного из самолетов, прижав к его борту самосвал. Спецназ из другого самолета успел рассыпаться и занять круговую оборону, но летчики других шедших на посадку самолетов увидели на посадочной полосе идущие в лоб грузовики... Пришлось уходить вверх!

Те незваные гости, что успели оказаться на земле, пролежав несколько часов в чистом поле под прицелом, сдались. Но Джохар проявил великодушие – у десантников даже не стали забирать оружие. Их накормили, посадили в автобусы и под крики вооруженной толпы выпроводили из республики. Один из тех транспортников, что не успели сесть, приземлился в Беслане. Оттуда спецназ и отряд офицеров ГРУ через Махачкалу тайком проник в Грозный, но там его заблокировали в здании местного УВД, а затем, подогнав цистерны с бензином, предложили сдаться. В 11 часов утра 9 ноября спецназ внутренних войск МВД СССР в количестве 45 человек покинул здание. Однако спецгруппа из Москвы оставалась на месте, так как приказ на их счёт пока не поступил. Затем он пришел, но ещё через несколько минут его внезапно изменили. Была ли это чья-то растерянность или расчет на то, что гибель спецгруппы даст повод к агрессии? Ответ пришел быстро. Генерал В. Комиссаров вывел группу из здания. Всех её членов посадили в автобусы и под охраной боевиков вывезли на военный аэродром Ханкала. Однако там 24 спецназовцев ГРУ ждала радиограмма из Москвы: «Немедленно вернуться в Грозный и начать разоружение боевиков!»

Гибельность такого приказа навела потом участников этого «десанта» на мысль о том, что их, похоже, использовали в качестве «наживки». Если бы они без подготовки и бронетехники пошли на штурм президентского дворца, то наверняка бы погибли. А «отомстить» за их смерть должна была дивизия имени Дзержинского, находившаяся в то время в Беслане.

Провокации могли повториться, и Шамиль Басаев, вернувшийся с московских баррикад, захватил в Минводах самолет с пассажирами. Угнав его в Анкару, он провел там пресс-конференцию и призвал весь мир обратить внимание на готовящуюся агрессию.

Но тогда Россия, впервые оказавшись на грани междоусобной войны, от нее все же удержалась. Неожиданно для Ельцина с критикой указа выступили представители разных депутатских фракций, Указ о ЧП был отменен.

Начался вывод российских войск из республики.

Чечня стала непризнанной, но фактически независимой республикой.

Процветания и порядка от этого не прибавилось, скорее наоборот. Крах советской экономики вызывал обнищание и в Чечне, а развал органов правопорядка привел к криминальному разгулу. Дремавшие в подсознании национальные особенности народа, веками жившего не только трудом, но и набегами на соседей, проснулись. Поезда, шедшие через Чечню, грабились налетчиками до тех пор, пока сообщение на этом направлении не прекратилось. Это ударило и по законопослушному трудящемуся населению республики, которое осталось без источников дохода от челночного и строительного промысла, от торговли фруктами. Многие мужчины-чеченцы работали на стройках, но теперь даже выезд в Россию оказался дорогим и непростым делом. В сознании простого крестьянина и полуграмотного «пролетариата» вина за ухудшающуюся жизнь легла на русских.

Жертвами бандитов в первую очередь становились «чужаки». Под угрозой насилия их вынуждали продавать свои квартиры за бесценок, а то и просто изгоняли на улицу. Безднаказанность привела к росту числа криминальных убийств и бегству из республики не только русских, но и людей других, не кавказских, национальностей. Новая власть оказалась заложником стихийных порывов толпы, криминала и возрождавшихся родоплеменных обычаев. Из XIX века вернулись традиционный угон и заложничество, только теперь угонялся уже не скот и похищались не члены семей, а автобусы с заложниками. И выкуп платили не соседи по Кавказу, а российский бюджет. Дважды в Минводах абреки брали в заложники автобусы с туристами и получали в обмен на их жизнь вертолет и миллионы долларов в придачу. Правда, во второй раз гвардейцам Дудаева удалось схватить бандитов уже в Чечне, деньги, туристы и вертолет были возвращены России, а помощник президента по национальной безопасности Ю. Батулин, прилетев в Грозный, благодарил чеченское руководство за помощь... Но это в прессе не освещалось.

Когда случился третий такой захват, командующий ВВ МВД А. Куликов распорядился взять вертолет штурмом: пять заложников и один террорист были убиты, все остальные, включая спецназ, получили ожоги и ранения. Вот тут прессе дали отмашку, и на Д. Дудаева посыпались обвинения в покровительстве криминалу.

Ущемление прав россиян происходило тогда во многих республиках бывшего СССР. Но если в Прибалтике это выражалось в нежелании предоставлять чужакам гражданство, то в южных и азиатских республиках творились прямые бесчинства. В Думу и Кремль шли письма с мольбами и криками о защите. Повторялась трагедия всех пытавшихся господствовать империй: потомки давних «оккупантов» и пришлые, ни в чем неповинные люди становились жертвами тех подонков, которые, оправдывая себя «возмездием», насиловали, грабили и убивали. Это происходило на всех восточных и южных окраинах, но пресса если и писала, то больше о том, что происходит на Северном Кавказе.

Выступая в Питере, я говорил тогда, что российскому правительству нужно срочно принимать программу помощи ремигрантам под лозунгом «Дети России, домой!»

Сергей Адамович Ковалев, который возглавлял тогда Комитет по правам человека в Верховном Совете, дважды направлял президенту подробные доклады о нарушениях прав человека в бывших советских республиках. Понимая, что эти вопросы не решаются силой, он предлагал Б. Ельцину принять меры по предоставлению жилья и средств на обустройство россиян, которые возвращаются на свою историческую родину.

Но правительству, которое было озабочено тем, как решать проблемы неплатежей и забастовок, не до этого. А Верховный Совет тоже озабочен не судьбой соплеменников, а тем, как свалить президента! Законы об оказании помощи беженцам и вынужденным переселенцам депутаты приняли только в феврале 93-го года. Но они не были обеспечены ни финансами, ни подзаконными актами о применении и носили декларативный характер.

В 1994 году статьи в прессе о чеченском беспределе на Кавказе и в Москве пополнились разоблачениями «чеченских» авизо.

Система перевода денег досталась Центральному Банку РФ в наследство от советских времен. Обеспечить надежный контроль за прохождением финансовых операций в условиях, когда кроме самого Центробанка появились еще десятки, а потом и сотни других банков, он долгое время не мог.

Еще при первых шагах новой, рыночной экономики среди вышедших на свет советских «теневиков» нашлись аферисты, которые воспользовались неразберихой и стали подделывать те авизо, по которым ЦБ должен был переводить свои или хранящиеся у него деньги на указанные ему счета. Операции по переводу денег исчислялись сотнями, если не тысячами в день, удостовериться в подлинности поручений ЦБ зачастую не успевал. А когда через недели, а то и месяцы обман вскрывался, получатели (цепочки фирм-однодневок) уже были ликвидированы...

Поначалу размеры жульничества были невелики. Но когда появились неконтролируемые «черные дыры» на Северном Кавказе и в Центральной Азии, где можно было спрятать хоть колонну грузовиков с деньгами или отсидеться до

новых афер, масштабы хищений из кубышки Центробанка и частных банков выросли до сотен миллионов долларов. Эти аферы обнаружили еще в 92-м году в Свердловске, Калинин и других российских городах. Там по липовым запросам от Жилсоцбанка и Агропромбанка некие предприниматели получили из ЦБ сотни миллионов рублей. Следствие выяснило, что комбинацию организовали несколько чеченцев, они предложили некоторым российским предпринимателям долю в 20% от украденного, остальные деньги ушли вместе с комбинаторами.

Дальше – больше, фальшивые авизо посыпались в Центробанк как из мешка. А он почему-то исправно их принимал. Помню, как весной 92-го года прочел в газете о том, что в Москве какой-то милиционер обратил внимание на стоявший рядом с ГУВД грузовик. Водитель испугался проверки документов и сбежал, а когда фургон открыли, он оказался доверху забит мешками, в которых лежали деньги в банковской упаковке.

Газеты стали писать об астрономических убытках бюджета, но виновниками назывались только чеченцы. Этому способствовало и якобы имевшее место бахвальство Д. Дудаева, который на вопрос журналистов, на что живет республика, отвечал: *«Мы отправляли к вам разные бумажки, а взамен мне привозили самолеты с мешками денег»* (эта «цитата» не раз была использована в прессе, но ее первоисточника я не нашел).

Возможно ли проведение таких операций без сговора с руководством банка? Газета «Коммерсант» писала тогда: «За апрель-май московский Головной расчетно-кассовый центр (РКЦ) по поддельным документам зачислил на корсчета российских банков в адрес их клиентов около 30 млрд руб. По оценкам специалистов, бланки авизовок, использованных для перечисления фиктивных сумм, первоначально принадлежали либо бывшим спецбанкам Чечни, либо местным отделениям РКЦ. По-видимому, их появление в России произошло при непосредственном участии работников этих структур».

Руководство Центробанка предпринимало меры к защите своих операций, но они почему-то не срабатывали. Шесть тысяч дешифраторов поставила ЦБ фирма «Анкор» еще в феврале 93-го года, обеспечив криптозащитой 1 800 РКЦ.

По словам заместителя председателя ЦБ Р. Ситдикова, к проверкам подключили ФАПСИ и даже орбитальный спутник, но аферы с авизо продолжались еще два года. По разным оценкам, общая сумма хищений перевалила за триллион рублей, что вызывает естественный вопрос, откуда при всеобщей нехватке средств у ЦБ появлялись деньги, которые потом похищались? Ответ прост. Глава Центробанка В. Геращенко, которого народные депутаты вывели из-под контроля правительства, позже будет вспоминать: «В августе (1992 г. – Ю. Р.) мы вновь удвоили наличную денежную массу и довели эмиссию до 450 млрд в месяц». Так и вижу я сидящего за большим столом банкира (недавнего члена ЦК КПСС), который небрежно роняет: «Что, опять воруют? Не беда – еще напечатаем!»

Инфляция рубля за полгода составила более 300%. Причем тем частным бан-

кам, которые пострадали от халатности и преступных ошибок ЦБ, украденные у них деньги не возместили.

В аналитической справке МВД от 1995 года по поводу фальшивых авизо приводились данные, что «к уголовной ответственности привлечено 417 человек, из них 99 русских, 151 чеченец, 26 ингушей». Желание «аналитиков» акцентировать национальный характер совершенных преступлений очевидно, но картина неполная, ведь национальность еще 141 жулика почему-то не указана...

Из тех ставших достоянием гласности афер не самой крупной, но самой известной стали фальшивые авизо российско-казахстанского тандема: главы банка «Столичный» Александра Смоленского и председателя правления Джамбульского банка Льва Нахмановича. Сумма похищенных денежных средств по тем временам составила 32 млн долларов. При этом А. Смоленский ответственности избежал.

В аферах с десятком фальшивых авизо фигурировал и владелец алюминиевой империи, глава компании «Транс Ворлд групп» Лев Черной (после убийства главного свидетеля обвинения он тоже вышел сухим из воды). По словам первого российского миллионера Артема Тарасова, в этом участвовал и глава чеченского банка «Исток» А. Дидигов, прокуратура выходила на след Владимира Гусинского и Бадри Патаркацишвили.

При этом в конце 1991 года центральные газеты были буквально заполнены статьями и заметками о чеченской мафии в Москве. Газеты «Красная звезда», «Московские новости», «Известия», «Российская газета», журнал «Столица» соревнуются в нагнетании напряженности.

«Московский комсомолец» под громким заголовком «Решения воровского съезда – в жизнь?» писал: *«Декабрьская перестрелка в центре Москвы между бандами, закончившаяся ранением чеченца, похоже, подтверждает сведения о решениях состоявшегося недавно в Киеве съезда авторитетов воровского мира. Время и место проведения съезда позволили предположить, что там должна была идти речь о том, как использовать ликвидацию союзного МВД, чем грозит возникновение границы и таможен. Но, по имеющимся у нас сведениям, на съезде обсуждалось, как полностью устранить влияние могущественной чеченской преступной группировки, оседлавшей славянские столицы и в первую очередь Москву... Не случайно основной упор на съезде делался на разработку методов выбивания чеченских рэкетиоров из сотен коммерческих банков и совместных предприятий, власть над которыми была ими захвачена в последние годы. Ведь львиная часть этих миллиардных доходов попадает в Чечню».*

На самом деле в 1992-1994 годах следственный комитет МВД РФ расследовал 11 уголовных дел, по которым проходило 2 393 фальшивых авизо на сумму свыше 113 млрд руб. В обналичивании похищенных сумм обвинялись 892 российских банка и 1 547 предприятий в 68 регионах России.

Но в глазах общества виноватыми оказалась не тысяча продажных русских чиновников и не десяток маститых и разномастных воругов, а их пособники абреки, а заодно с ними весь чеченский народ.

Когда уже шла война, газета «Коммерсант» в статье под заголовком «Чеченского черта малюют страшнее всех» писала о ее предпосылках:

«Пресса охотно публиковала материалы о преступлениях, совершаемых «лицами кавказской национальности», которые у читателей почему-то ассоциировались с чеченцами, хотя в столице действовали ингушская, осетинская, грузинская и дагестанская преступные группировки... У обывателя складывалось впечатление, что, кроме чеченцев, бандитов в Москве больше нет».

Они были, и не только заезжие. На самом деле чеченский криминал, пытавшийся играть в столице заметную роль, в той криминальной войне нес потери, «свои» – солнцевские и тамбовские – ОПГ были сильнее и опаснее...

Но нагнетание страхов и агрессии продолжалось. В «Неделе» появилась статья В. Ерёмкина «Игра с терпением», где автор писал:

«Мы уже привыкаем к сообщениям о конфликтах во многих российских городах, в эпицентре которых приезжие с юга. Если бы мы так же вели себя «у них», они, во-первых, не позволили бы и, во-вторых, заставили бы говорить об этом весь мир.

Мы – позволяем. А значит, виноваты не их дельцы, насильники, бандиты и убийцы. Надеюсь, никто не сможет смешивать их с достойными людьми тех же наций. Виноваты те из нас, в ком мертвецом спит чувство национального достоинства. Кого они купили со всеми потрохами. А также те, кто готов терпеть всё что угодно и от кого угодно».

Какой вывод должен был сделать читатель?

«Пора показать всем этим «дельцам, насильникам и бандитам», где их место! А финансируемый военно-промышленным комплексом (РАУ «Корпорация») журнал «Обозреватель» прямо написал, что «Северо-Кавказскому округу вскоре понадобятся дополнительные танковые полки».

Похоже, кто-то готовил общественное мнение и толкал Россию к масштабным силовым действиям. С какой целью?

Страна погружалась в экономический кризис. Понятно, что иного быть не могло, для подъема понадобятся годы. Обывателю это невдомек, и авторитет президента тает. Про свое обещание – после выборов Госдумы пойти на досрочные выборы – Ельцин уже не вспоминал.

Быть может, в его окружении нашлись те, кто, анализируя неожиданный успех Жириновского, решили, что популярность ему обеспечила воинственная риторика? Человек советский издавна утешал свою малость величиим державы, которую все боятся. Вот и сейчас, услышав обещания испепелить Японию, наказать США, помыть сапоги в Индийском океане, избиратель приободрился и, хоть и с усмешкой, но зауважал: «Может, и клоун, но крутой»...

Так если этот безответственный словесный понос импонирует толпе, почему не польстить ей, проведя маленькую победоносную войну? И таким образом укрепить авторитет власти?

Но тогда почему именно Чечня? Кто еще намеревался отмежеваться тогда? Первым этот процесс запустил президент СССР. Он пообещал всем российским автономиям статус республик в новом, обновленном Союзе. Путч эти планы похоронил, но после него Ельцину досталось 16 автономий с неопределенным статусом и большими амбициями. О государственном суверенитете заговорили в Карелии, Коми, Удмуртии и на Чукотке. Татарстан задумался об альтернативных путях продажи своей нефти, Якутия о том, что сама будет торговать своими алмазами, пресса писала о заговоре региональных элит с целью создания Уральской республики. Все это было, скорее, шантажом центра ради получения бюджетных денег.

Пожалуй, только у Татарстана с его национальной и религиозной однородностью, да еще с запасами нефти, были шансы на особый статус. Поездки туда кремлевских эмиссаров убедили в том, что там лучше договориться. Если же кто-то решил, что ради острастки кого-то надо принудить к единству силой, то почему не вышедшую из повиновения, но слабую Киргизию? Занимая 7-е место в мире по запасам золота, 10-е по добыче сурьмы и 2-е (!) по мировой добыче ртути, она была лакомым кусочком для московской метрополии. При этом Киргизия уже стала каналом для транспортировки афганских наркотиков, плацдармом для роста исламского радикализма, уже прошла кровавая Ошская резня, русским поселенцам там было очень худо – причин и поводов для вторжения хватало, но там, где сопротивление было бы недолгим, принуждать к подчинению и порядку не стали. Объектом агрессии стал тот клочок земли (1/989 часть от общей территории РФ), где рассчитывать на легкую победу могли только провокаторы и безграмотные дуболомы. Их во власти хватало, но ведь были и те, кто не мог не знать истории, не мог закрыть глаза на всю опасность авантюры.

И дело было не только в наличии у сепаратистов оружия, а в менталитете этого народа.

Побывавший на Кавказе А. Пушкин писал: *«Почти нет никакого способа их (горцев – Ю. Р.) усмирить, пока их не обезоружат, как обезоружили крымских татар... Кинжал и шашка суть члены их тела, и младенец начинает владеть ими прежде, нежели лепетать. У них убийство – простое телодвижение. Недавно поймали мирного черкеса, выстрелившего в солдата. Он оправдывался тем, что ружье его слишком долго было заряжено. Что делать с таким народом?»*

По какому праву и надо ли что-либо «делать» с этим и любыми другими народами, о том, что они имеют право жить так, как хотят, поэт, как и все его современники, просто не задумывался.

Наиболее упорное сопротивление оказали тогда адыги, чеченцы, даги и черкесы. Русские генералы, отрезав горные аулы от сообщения с прибрежными и

равнинными районами, морили их голодом, чтобы обезопасить себя, они вырубили леса, подобно конкистадорам они принуждали эти народы к покорности огнем и мечом.

О том, как это происходило, читаем у Л. Толстого:

«Вернувшись в свой аул, Садо нашел свою саклю разрушенной: крыша была провалена, и дверь и столбы галерейки сожжены, и внутренность осажена. Сын же его, тот красивый, с блестящими глазами мальчик, который восторженно смотрел на Хаджи-Мурата, был привезен мертвым к мечети на покрытой буркой лошади. Он был проткнут штыком в спину. Благообразная женщина, служившая, во время его посещения, Хаджи-Мурату, теперь, в разорванной на груди рубахе, открывавшей ее старые, обвисшие груди, с распущенными волосами, стояла над сыном и царапала себе в кровь лицо и не переставая выла. Садо с киркой и лопатой ушел с родными копать могилу сыну. Старик дед сидел у стены разваленной сакли и, строгая палочку, тупо смотрел перед собой. Он только что вернулся с своего пчельника. Бывшие там два стожка сена были сожжены; были поломаны и обожжены посаженные стариком и выхоженные абрикосовые и вишневые деревья и, главное, сожжены все ульи с пчелами. Вой женщин слышался во всех домах и на площади, куда была привезены еще два тела. Малые дети ревели вместе с матерями. Ревела и голодная скотина, которой нечего было дать. Взрослые дети не играли, а испуганными глазами смотрели на старших.

Фонтан был загажен, очевидно нарочно, так что воды нельзя было брать из него. Так же была загажена и мечеть, и мулла с муталимами очищал ее.

Старики хозяева собрались на площади и, сидя на корточках, обсуждали свое положение. О ненависти к русским никто и не говорил. Чувство, которое испытывали все чеченцы от мала до велика, было сильнее ненависти. Это была не ненависть, а непризнание этих русских собак людьми и такое отвращение, гадливость и недоумение перед нелепой жестокостью этих существ, что желание истребления их, как желание истребления крыс, ядовитых пауков и волков, было таким же естественным чувством, как чувство самосохранения».

Неудивительно, что для окончательного покорения Северного Кавказа российской империи понадобилось 47 (!!!) лет упорной и кровавой войны. По данным генерал-майора Потто, российская армия потеряла за то время «убитыми: 804 офицера и 24 143 нижних чина; ранеными: 3 154 офицера и 61 971 нижний чин; пленными: 92 офицера и 5 915 нижних чина». Но в этих данных не указано, что подавляющее число ранений тоже приводило к смерти, не указана и смертность от малярии, которая косила солдат. Современные историки говорят о 70 тысячах общих потерь со стороны России и 40 тысячах потерь у горцев... Тем, кто в XX веке думал о новом покорении Кавказа, стоило об этом задуматься, но их это, похоже, не смущало. Почему?

Или это был вопрос большой политики, больших денег, той высокой прибыли, о которой еще Маркс говорил, что ради нее капитал способен на любое преступление?

Ведь и в XIX веке Кавказ был завоеван не ради него самого, а для обеспечения безопасных торговых путей в Персию. А еще для господства на Босфоре и собственных поставках колониальных товаров в Европу.

Так, может быть, новое усмирение тоже носило экономический и геополитический характер?

Действительно, политические обозреватели бойко расписывают все межнациональные и территориальные конфликты на Кавказе, которые, по их версии, были лишь борьбой за выбор путей транспортировки нефти.

Во времена Советского Союза уральское, сибирское, башкирское и татарское черное золото шло по нефтепроводу под названием «Дружба» мимо Кавказа, от Альметьевска через Самару, Брянск до Мозыря и далее в Белоруссию и Украину. А легкая нефть с месторождений Каспия и Чечено-Ингушетии шла по территории Северного Кавказа в порты Черного моря на экспорт. Для Российской Федерации, которая в 1993 году добывала 350 млн тонн нефти в год, 10 млн бакинских и 3 млн чеченских тонн, пусть даже очень хорошей нефти, погоды не делали. Но, помимо светлой чеченской нефти, были еще продукты ее переработки: это авиационные масла и тот мазут, на котором работали все тепловые станции юга России.

К тому же в 80-е годы геологоразведка показала, что по периметру Каспийского шельфа есть новые запасы. Месторождения Азери-Чираг-Гюнешли обещали более 5 млрд баррелей нефти. Это 0,5% от мировых ее запасов, но для Азербайджана это была королевская удача, ведь старые месторождения были уже исчерпаны. Для разработки АЧГ нужны были огромные деньги, а их у Азербайджана не было. Но этими ресурсами заинтересовались крупные международные кампании, в том числе «Бритиш Петролеум», а со стороны России – «Лукойл». Хотя до самой добычи было еще далеко, естественно встал вопрос о путях доставки на российский и международный рынок. И дивидендах тех государств, по землям которых пройдут нефтепроводы.

Кратчайший и наиболее выгодный путь через Чечню по уже имевшемуся там нефтепроводу и далее через Северную Осетию и Абхазию в порт Сухуми (Абхазия еще принадлежит Грузии, ее «освоение» – задача на будущее), а пока – в порты Краснодарского края.

Другой вариант – через Тбилиси в порт Супса, но Грузия может предложить для прокладки лишь свои земли, точнее горы, прокладка там магистралей обойдется дорого, самой Грузии вкладываться в строительство нечем, а отчислять ей долю прибыли за транспортировку придется.

Не менее, чем России, интересна эта нефть и для Турции. Вместе с «Бритиш Петролеум» они могут вложиться в другую трассу – через Грузию в турецкий

порт Джейхан. Но запасы нефтяных ресурсов на новых месторождениях еще до конца не определены, их может не хватить для того, чтобы окупить большие расходы и дать серьезную прибыль.

А у «Лукойла» своя проблема: чеченская трасса ненадежна, да и грозненские заводы, где она могла бы попутно перерабатываться, надо модернизировать, а как это делать в республике, где творится беспредел и не действуют российские законы? Можно пойти в обход, по Дагестану на Тихорецк и в тот же Новороссийск, но это дорого, и наведение порядка в Чечне (убедив президента в том, что это необходимо) может оказаться дешевле. К тому же, если не будет у Чечни независимости, «Лукойлу» не надо будет делиться доходами еще и с ней...

В полной ли мере судьба мятежной Чечни зависела от частных и геополитических интересов, сказать трудно, но, конечно, этот фактор был одним из решающих. Тут дело было не только в интересах «Лукойла» и «Бритиш Петролеума». Осенью 1994 года премьер В. Черномырдин подписал с американским вице-президентом А. Гором соглашение о полной открытости информации по всем действующим в РФ нефтепроводам, что обязывало федеральное правительство к сохранению контроля за ними. Но он невозможен там, где не работают федеральные законы.

Исчерпывается ли этим круг лиц и мотивация тех, кто вольно и невольно подталкивал власть к силовому решению? Кому же еще могла понадобиться война?

Застоявшимся генералам, которые возмечтали о победах и званиях? «В войне вспыхнул жар сугубый, так и смотрят все, кому бы дать прикладом в зубы!» – шутил когда-то А. К. Толстой.

Или дело было не только в новых звездах на погоны?

К этому времени министр обороны РФ Павел Грачёв уже подписал секретную директиву о передаче чеченской гвардии половины хранившегося там оружия и боеприпасов.

По официальным данным, в Чечне остались 42 танка, 34 БМП, 14 БТР, 139 артиллерийских орудий, 9 ЗРК ПВО, 25 передвижных зенитных установок «Шилка», 24 737 автоматов Калашникова, 1 682 пулемета, 105 зенитных управляемых ракет С-75, пять неисправных истребителей «МиГ», два десятка учебных самолетов, 27 вагонов боеприпасов.

Сколько их там было на самом деле, неизвестно. При выводе войск из Восточной Европы «налево», на Балканы и далее, на тот же Кавказ, могло уйти немало боевой техники. За попытку расследовать эти дела подчиненными министра обороны был взорван журналист Дмитрий Холодов. Но могли найтись и другие, а война могла бы все списать.

Если верить Руслану Гелаеву, танковый полк в селе Шали, техника которого почти полностью осталась в республике, был использован в Абхазии, а в основном продан Азербайджану и Дагестану. Позже, во время войны и моих челноч-

ных хождений через фронт, я не видел у сепаратистов ни одной пушки, а танк всего один, в Бамуте. Да и тот не на ходу. Понятно, что чеченцы не должны были показывать свои силы переговорщикам, но даже в разговорах с рядовыми жителями, которые не прочь были прихвастнуть, я не слышал о чеченских танкистах или пушкарях. Зато видел самодельные минометы и подракетные шасси, сделанные из труб и сварных профилей. По словам главкома сухопутных войск Э. Воробьева, при бесконтрольном воздушном пространстве Чечни немалая часть оружия и боеприпасов из республики и Западной группы войск могла уйти даже в страны Латинской Америки.

Война могла списать и пресловутые «чеченские» авизо. Немало московских банкиров и чиновников мечтали о том, чтобы банковские проводки в чеченских банках сгорели бы синим пламенем.

Или стоит вспомнить о том, что во властных структурах остались те, кто озабочен не укреплением демократической власти, а ее подрывом?

Чем можно объяснить ту слаженность усилий, которые загоняли страну в западню гражданской войны? Кто-то был координатором и загонщиком, иначе столь разные векторы не сложились бы в один... Но кому это могло понадобиться? Зюгановцы и прочие красные маргиналы еще не оставили надежд на реванш, им опять – чем хуже, тем лучше. Но они не располагают теми ресурсами, которые уже задействованы. Национал-патриотические движения, рычаги в администрации президента (ведь подсовывал же кто-то Ельцину газетные вырезки с якобы сказанными лидером Чечни обидными словами), свои люди в армии, правительстве, парламенте, в том же «Лукойле», массированный наток на общественное мнение через телевидение и прессу – такие возможности были у отставных и действительных генералов спецслужб, сохранивших компромат на всех своих информаторов. Цель – перехват власти в стране, которая, устав от бесплодной войны, захочет мира и безопасности в обмен на отказ от своей свободы.

Есть ли у этой версии доказательства? Прямых – нет, и вряд ли кто-нибудь признается: «Это мы специально делали все, чтобы ввергнуть страну в затяжную и заведомо проигрышную войну».

Но совокупности косвенных признаков, на мой взгляд, более чем достаточно.

Вторжение могло состояться еще в ноябре 1992 года во время осетино-ингушского конфликта. Он возник из-за спорных территорий, границы которых были перекроены еще во времена сталинского произвола. Попытка ингушей силой вернуть себе земли привела к вооруженному отпору. Армейские части не вмешались вовремя в конфликт, а прилетевший туда Е. Гайдар, наслушавшись рассказов о бесчинствах ингушей и увидев, что осетины готовы взять штурмом военные склады, разрешил выдать им стрелковое оружие, а кто-то из оставленных там членов правительства передал и бронетехнику. Последствием этой тяжелой ошибки стали резня, захват заложников и расстрелы ингушей.

(Их держали в той школе в Беслане, которая через 12 лет станет местом гибели уже осетинских заложников). Армейское командование не подчинялось и.о. премьера и вместо разъединения воюющих войска вышли на еще не демаркированные границы с Чечней. А там уже были готовы идти на помощь ингушам. Это могло (или должно было?) стать поводом для боевых действий уже на территории Чечни. Егору Гайдару и Галине Старовойтовой все же удалось тогда это остановить.

Формальные попытки российских и чеченских властей найти общий язык предпринимались неоднократно, работали согласительные комиссии, готовились проекты соглашений, проходили подготовительные встречи. Но они всякий раз глохли. Сразу после октябрьских событий 1993 года президент Ичкерии Д. Дудаев писал главе российского правительства В. Черномырдину:

«Глубокоуважаемый Виктор Степанович!

Народ и правительство Чеченской Республики убеждены в необходимости скорейшего урегулирования отношений с Россией. С октября 1991 года мы неоднократно ставили этот вопрос перед российским руководством. С большой ответственностью участвовали в имевшем место переговорном процессе. Однако не по воле Чеченской Республики желаемого успеха эти переговоры не дали. Мы считаем, что в настоящее время сложились, наконец, все необходимые условия и предпосылки для возобновления и успешного ведения переговоров с правительством России по всему комплексу вопросов, затрагивающих наши отношения на основе принципов всестороннего сотрудничества, дружбы и взаимопомощи. При этом в стратегическом плане мы не видим места Чеченской Республики вне единого экономического, политического и правового пространства, охватываемого ныне Содружеством независимых государств. Наши проекты соответствующих документов, которые могли бы стать отправной точкой для ведения переговоров, а также предполагаемый состав правительственной делегации мы через представителя Чеченской Республики в Москве передали руководству России. Будучи сторонником ясной и честной политики, стремясь восстановить и закрепить добрые отношения с Россией, от имени Правительства Чеченской Республики предложил бы правительству России приступить в ближайшее время к переговорам, отвечающим высшим интересам наших стран и народов.

С искренним уважением к Вам и правительству России,

Д. Дудаев».

Ельцин и Дудаев могли бы встретиться трижды. Они не встретились в Эстонии, когда Дудаев спас Ельцина от посланного туда Крючковым спецназа, они не встретились весной 1991 г., когда кандидат в президенты Б. Ельцин прилетал в Грозный, они не встретились в Сочи, когда уже начавшиеся правительственные переговоры были остановлены под предлогом встречи двух президентов в Дагомысе. По словам А. Вольского, в 1995 г. Дудаев вспоминал:

«Аркадий Иванович, поверите, я так готовился. Сшил новую форму, посадил группу женщин вышивать волка на пилотке. Проходит одна неделя – вызова нет, вторая – опять тишина. И вдруг – вводят войска. Господи, встретиться мы тогда с Борисом Николаевичем в Сочи, ничего бы этого не было. Гарантию даю. И я бы нашел пути для отступления, и Ельцин свои слова: «Берите столько суверенитета, сколько проглотите» – сдержал бы. У меня было одно предложение: дайте Чечне татарстанский вариант, ничего больше не нужно».

Да, каждая из этих несбывшихся встреч с большой вероятностью привела бы к миру. Мало того, отдав должное амбициозному генералу, хотя бы просто разговором на равных, Ельцин мог получить верного союзника, а Чечню как форпост интересов России на Кавказе.

Среди тех, кто препятствовал встрече двух президентов без всяких предварительных условий, называют замминистра безопасности С. Степашина, министра по делам национальностей Н. Егорова, члена Совета Безопасности С. Шахрая, секретаря Совета Безопасности Лобова.

Галина Старовойтова рассказывала своему помощнику Руслану Линькову, что, зайдя в кабинет руководителя президентской администрации Филатова, застала там министра по делам национальностей Егорова, который рассказывал о том, что Дудаев невменяем, что он никогда не пойдет ни на какие переговоры. Она попросила дать ей линию правительственной связи и тут же дозвонилась до Дудаева. На предложение организовать его с Борисом Николаевичем встречу Дудаев тут же ответил согласием. Тогда она позвонила еще и в Питер Анатолию Собчаку. Объяснив, в чем дело, спросила: может ли он организовать такую встречу у себя. Тот сказал, что для этого в городе есть подходящий объект – резиденция на Каменном острове и пообещал свои личные гарантии. Глава ельцинской администрации был растерян, а Егоров хлопнул дверью и ушел. Казалось, вот еще несколько простых шагов и начнутся прямые переговоры, но на следующий день прошел слух о том, что Генеральная прокуратура уже объявила Дудаева в розыск и о заключении его под стражу до суда! На самом деле в розыск его объявят только в январе 95-го года, слух был ложный, но его любезно донесли до Дудаева, и тот в гневе вырвал провода правительственной связи и клял Старовойтову, которая, как он решил, хотела заманить его для ареста...

От родственника чеченского президента Мавлена Саламова я услышал, что кто-то из ближайшего окружения президента за встречу с Ельциным запросил два миллиона долларов. Далее версии расходятся. По одной – они были переданы, но встреча так и не состоялась, по другой – возмущенный Дудаев платить посредникам отказался.

В то время ближний приятельский круг Б. Ельцина составляли чекисты: комендант Кремля Барсуков и начальник службы безопасности президента Коржаков, многие пытались решать и решали свои проблемы через них.

Если все так и было, то что это, циничное кидалово или провокация, которая должна была похоронить возможность диалога?

Так или иначе, но политический авантюризм, мстительные надежды на то, что нарождающаяся демократия обломает свои молочные зубы о непокорных, интересы большого бизнеса, личные обиды и амбиции загоняли страну в кровавую авантюру.

Надежда на мирное разрешение кризиса еще была. 14 апреля 1994 г. Б. Н. Ельцин дал правительству поручение провести консультации с Грозным и на их основе подготовить договор. Но его подписание сорвал выросший на границе с Чечней терский казак, член Совета Безопасности и министр по делам национальностей С. Шахрай. С детских лет он слышал о том, что чеченцы уважают только силу и считал, что переговоры с ними могут идти только под давлением. Он убедил президента в том, что сначала необходимо отменить постановление ВС РСФСР о непризнании выборов в Чечне – как же можно договариваться с теми, кого мы еще недавно называли самозванцами? Сначала надо это дезавуировать, а потом уже договоры подписывать.

Отменить постановление уже распущенного Верховного Совета можно было и указом президента. Но, зная отношение левого большинства к не поддержавшему путч 91-го года сепаратисту Дудаеву, Шахрай настоял на передаче этого вопроса в Госдуму. 25 марта 1994 г. Дума приняла постановление, в котором прямые контакты с Д. Дудаевым исключались, а предварительным условием переговоров стало проведение в Чечне новых выборов, в том числе и в российский парламент. Это означало: аннулируйте выборы своего президента, изберите депутатов в российскую Думу, признав таким образом, что вы часть федерации, а потом мы поговорим о вашем особом статусе.

Спустя 10 лет вдова первого чеченского президента Алла Дудаева будет вспоминать:

«В начале мая в Чеченскую Республику приехал освобожденный из тюрьмы и пьяный в стельку Руслан Хасбулатов. В таком состоянии его встретили посланные от правительства Мавлен Саламов, А. Акбулатов и его родственники. Хасбулатов, выступая на митинге, рекомендовал чеченскому народу вернуться в лоно империи. От России прозвучал очередной ультиматум: взять за основу договор, подписанный Татарстаном, только тогда возможна встреча двух президентов – Д. Дудаева и Б. Ельцина».

Но ситуация уже изменилась – татарстанский отложенный статус не устраивает окружение Дудаева. В Чечне близятся новые президентские выборы, идет грызня за власть. Тот парламент, который был избран вместе с президентом, Дудаев уже разогнал (опередив в этом Ельцина), черный шлейф его уже не беспокоит, об уходе он уже не думает. Он привык к подчинению и с досадой отмахивается от советчиков. Начинаются конфликты с ближайшим окруже-

нием. Его бросает начальник его охраны Руслан Лабазанов, боевики которого совершают вооруженный налет на Дом радио и призывают горожан выйти на протестный митинг. Там звучат требования отставки чеченского президента и смены правительства. В ответ гвардейцы Дудаева стреляют по вооруженной толпе и штурмом берут базу Р. Лабазанова, его отряд рассеян. Оппозиционеры перемещаются в равнинные села Знаменское, Толстой-Юрт и Урус-Мартан, там их планы по свержению Дудаева находят поддержку из Москвы. А генерал-президент, как и любой диктатор, уверен, что только он может спасти свой народ...

Нулевая, гибридная

На пути к военному решению задачи было препятствие: российский закон не позволял использовать войска внутри страны без предварительных согласований. В кризисном регионе президент мог объявить чрезвычайное положение, но оно должно быть одобрено Госдумой и Советом Федерации. А шансов на поддержку депутатов было немного. Сидевшие в Совете Федерации главы других субъектов тоже вряд ли поддержат ЧП, ведь создание такого прецедента опасно и для них.

Вопрос о том, как обойтись без одобрения парламента, обсуждался в Совете Безопасности.

После чего 8 июня 1994 года начальник управления ФСБ по Москве и Московской области генерал-майор Е. В. Савостьянов под грифом «секретно» направил С. М. Шахраю письмо с предложениями по работе контрразведки в Чечне.

Речь шла о том, чтобы решить проблему умиротворения мятежного региона «малой кровью», чужими руками.

На скрытую (гибридную) войну с использованием оппозиции разрешения не требовалось. Разработка этих планов была тоже засекречена, круг причастных лиц сократили. Даже аналитический центр при президенте РФ перестал получать информацию по чеченской теме. К ноябрю будет отстранен и автор «переговоров на фоне силового давления» С. Шахрай. За дело взялся министр по делам национальностей Н. Егоров, его заместители А. Котенков и К. Цаголов. От ФСК к операции по свержению Дудаева было подключено управление по борьбе с терроризмом под руководством полковника А. Хромченкова, а координировал все действия бывший геолог и демократ, а теперь чекист Е. В. Савостьянов. Он побывал в Чечне, встречался там с оппозицией, а 26 июля с Ельциным. Президенту было доложено, что появилась сила, которая «уже контролирует значительную часть территории Чечни» и способна «стабилизировать ситуацию».

Членам Совета Безопасности казалось, что шансы на провал сепаратистского режима крепнут. 3 июня оппозиция провела свой Съезд чеченского народа, который утвердил состав Временного Совета республики и придал ему «всю полноту власти в Чечне». Под председательством Ю. Сосламбекова возобновилась деятельность Верховного Совета ЧР, который признал возможность заключения договора с федеральными властями. Глава совета У. Автурханов даже заявил о низложении Д. Дудаева и обратился к президенту России с просьбой считать Временный Совет единственным законным органом власти в Чечне. Недовольство чеченцев падающим уровнем жизни, коррупцией и безнаказанным крими-

налом действительно ширилось. Стоило немного подождать, и Дудаев проиграл бы выборы на второй президентский срок.

Но те, кто очень хотел ввязаться в драку с самым непокорным народом, продолжали заговор. Для операции по свержению ослушника выделили свыше 150 миллиардов рублей.

В свою очередь, Д. Дудаев объявил мобилизацию и ввел военное положение. 30 сентября «неопознанные» вертолеты, якобы принадлежащие оппозиции, обстреляли аэропорт Северный (уничтожено пять гражданских и два военных самолета) и учебный авиационный центр в станице Калиновская. До 24 ноября было совершено еще четыре налета, каждый из которых оставлял за собой не только разбитое железо, но и ключья растерзанных человеческих тел.

Официальные лица в Москве свою причастность к атакам отрицали, но тогда чьи же это были самолеты?

А 25 августа спецслужбами ЧРИ на территории Чечни был пойман полковник ФСК С. Крылов, и тот перед телекамерой дал показания о своей нелегальной подрывной работе и вербовке агентуры для оппозиции.

В Москву идет второе письмо чеченского лидера:

«Уважаемый Борис Николаевич!

Чечено-российские противоречия достигли сегодня критической точки и могут завтра обернуться для наших народов национальной катастрофой. Из-за неурегулированности чечено-российских отношений пожар новой Кавказской войны может вспыхнуть в любую минуту, достаточно одного неосторожного шага или слова... Прологом к этой войне может послужить широкомасштабная кровавая бойня, которую развязали в Чечне бандформирования, именуемые почему-то официальной Москвой оппозицией. Ни для кого не секрет, что эти бандформирования субсидируются из российской казны, снабжаются российским оружием и обучаются искусству ведения военных действий российскими военспецами. Вместе с тем внешние силы ведут в республике подрывную деятельность, направленную на свержение существующего строя.

Авторы этого кровавого сценария, видимо, преподносят Вам дело так, что внутреннюю «смуту» в Чечне можно будет локализовать, выставив по всему периметру чечено-российской границы крупные воинские соединения и обложив республику всеми видами блокады. Уверяю Вас, что из этого ничего хорошего не выйдет. От этого страдает только гражданское население и, более всего, русскоязычное. Дальнейшая эскалация военной напряженности в этом и без того взрывоопасном регионе чревата самыми непредсказуемыми последствиями не только для Чеченской Республики Ичкерия, но и для самой Российской Федерации. Ссылки наших московских оппонентов и вопли лидеров вооруженной оппозиции «о режиме Дудаева», «диктатуре» и «узурпаторстве власти в Чечении», «нарушении прав человека» напоми-

нают мне скорее истошные выкрики из толпы, которая в октябре 93-го собиралась у стен Белого дома, «Останкино» и мэрии города Москвы. Только вместо фамилии «Дудаев» там скандировалась другая фамилия – «Ельцин». Причем идейным вдохновителем и организатором этих сборищ и в первом, и во втором случае является один и тот же человек, с тем же окружением. При активной поддержке российских военных и сотрудников спецслужб они организуют здесь штабы, блокируют дороги, совершают диверсии, теракты и вызывают... к Вам же об оказании дополнительной военной и финансовой помощи, включая авиацию и тяжелые танки. Парадокс состоит в том, что они эту помощь получают!

До президентских выборов в республике остается меньше года. В этом вопросе я намерен строго придерживаться обозначенного срока и порядка проведения выборов. Таким образом, чеченский народ получает возможность свободного и демократического волеизъявления, призванного положить конец «режиму Дудаева», если таковой имеется. Так стоит ли поднимать в небо авиацию, вводить в сражение тяжелые танки, наносить по незащищенному гражданскому населению и объектам народного хозяйства ракетно-бомбовые удары и устраивать очередное народоубийство? В течение всех этих трех лет чеченская сторона неоднократно предпринимала попытки начать с российской стороной переговорный процесс. Но каждый раз, когда возможность урегулирования чечено-российских отношений становилась реальной, в последнюю минуту, по чьей-то злой воле, переговоры срывались. Такое положение дел на руку лишь тем деструктивным силам в Чечении и в самой России, для которых политические амбиции и корыстные силы выше интересов и без того обездоленных народов как Ичкерии, так и Российской Федерации.

Заканчивая письмо, позвольте мне пожелать Вам и всем народам Российской Федерации успехов и процветания.

Президент Чеченской Республики Ичкерия

Джохар Дудаев, октябрь 1994 г.»

Читал ли Б. Ельцин это письмо – неизвестно. Но уже 19 октября появилось его обращение, а по сути ультиматум, где чеченскому руководству предлагалось в течение трех суток сложить оружие, распустить свои вооруженные силы, провести местные выборы и референдум о своем государственном устройстве. Далее звучало предупреждение о том, что «в случае невыполнения этих требований будут приняты все предусмотренные Законами РСФСР меры в интересах нормализации обстановки, обеспечения безопасности населения и защиты конституционного строя».

И в парламенте, да и во всей стране нараставшую угрозу долго не замечали. Сообщения о всяческих безобразиях, в том числе и на окраинах, звучали каж-

дый день, криминальная Чечня была на слуху. Обыватель, который лишился последнего утешения – своей принадлежности к «великой стране» – был бы рад хоть кого-нибудь проучить, но свои проблемы сыпались на его бедную голову каждый день...

Обвальное падение рубля, первый и, увы, не последний «черный вторник» выпал на 11 октября 1994 года. За один день доллар, который утром стоил 3 тысячи, к вечеру продавался уже за 3 900 рублей. А покупательная способность рубля, соответственно, сократилась. Боясь дальнейшего падения курса, люди и бизнес кинулись скупать валюту. Спрос на нее в этот день превысил обычное предложение. Если ранее дневной обменный оборот всех банков составлял до 24 миллионов, то в тот невеселый день для того, чтобы получить 335 миллионов долларов, люди сбросили более триллиона бумажных или, как тогда говорили, «деревянных» рублей.

Обвал стал неожиданностью, хотя теперь, задним числом, кажется, что его неизбежность была очевидна. Вместо того, чтобы создать ясные и прозрачные правила для коммерции, поставить бизнес в жесткие налоговые рамки, закрыть лазейки для скрытого вывоза доходов за рубеж, депутаты потратили три года на войны с Гайдаром и Ельциным. После устранения съездом команды экономистов Егора Гайдара получивший полную свободу Центробанк закрывал дыры в государственном бюджете, печатая ничем не обеспеченные денежные знаки, а его шеф Геращенко считал, что спасает страну, искусственно завышая курс рубля. Естественно, дикий рынок использовал отсутствие проработанного законодательства для уклонения от налогов, прямого воровства и жульничества. Пока шли бои за власть шел и общий экономический спад, доходы федерального бюджета не покрывали даже расходного минимума. Взаимные неплатежи, ежедневно вскрывавшиеся аферы, разорение частных банков, хронические невыплаты зарплат – экономику лихорадило. Премьер В. Черномырдин хоть и пригласил потом Гайдара на пост своего первого зама, в своих решениях опирался на те же приемы Геращенко. В начале января 1994 года премьер принял решение об увеличении бюджетных расходов, которые можно было покрыть только, включив печатный станок. Инфляция была неизбежна.

А через восемь месяцев политика «крепких хозяйственников» дала неизбежный сбой. Оказалось, что достаточно легкой, быть может, искусственно сыгранной тревоги на биржах и началась обвальная паника. За несколько часов лишились значительной части своих средств, а то и просто разорились все мелкие, кредитные, валютно-обменные организации.

Из доклада государственной Комиссии по расследованию причин дестабилизации:

«Отдельные коммерческие банки проводили валютные операции, направленные на искусственный рост курса доллара, скупали валюту не для внешнеэкономических операций, а для перепродажи с целью спекулятивно-

го обогащения. В максимальном выигрыше от спровоцированного обвального падения курса рубля оказались: Мост-банк (В. Гусинский), Нефтехим-банк (Г. Жук), Альфа-банк (П. Авен)».

Основным виновником «черного вторника» Комиссия признала руководство Центробанка во главе с председателем Виктором Геращенко. Он наконец ушел в отставку, но последствия его подрывной деятельности сказывались еще долго. Кризис не обошел и рядовых граждан: подскочили цены, а те, кто имел неосторожность зарабатывать и копить средства в рублях, потеряли до трети своих сбережений. Им было не до того, чтобы анализировать то, что происходит где-то на Кавказе.

А туда, в оппозиционный Надтеречный район, уже доставлены 40 новых танков Т-72. Тогда же по приказу генерал-лейтенанта А. П. Семенова и генерал-полковника военной контрразведки А. Молякова их подчиненные вместе с перешедшими в оппозицию к Дудаеву сотрудниками ФСК Чечни вербуют танкистов в частях Московского округа. Подписавшим контракт об обслуживании техники и участии в боевых действиях сразу же выплачивался 1 миллион рублей (тогда около 300\$). За уничтожение огневой точки, БТР, танка – три миллиона, самоходной артиллерийской установки или объекта обещают пять миллионов рублей. При легком ранении – 25 миллионов рублей, 50 миллионов за среднее, 75 миллионов за тяжелое. В случае гибели родственники должны были получить 150 миллионов рублей (около 50 тысяч долларов). Контракт составлялся в одном экземпляре, скреплялся печатью с двуглавым орлом и исчезал в кейсах вербовщиков.

Газета «Известия» писала позже:

«Входе агитационной встречи контрразведчик делился наблюдениями своего ведомства за обстановкой в Грозном. В распоряжении Дудаева, по его словам, имелся один неработающий танк и две исправные гаубицы. Однако пользоваться этими богатствами все равно некому, поскольку Дудаев давно за границей, а истомленное тираном население с нетерпением ждет восстановления конституционного порядка. Акт справедливости представляет собой бодрую прогулку».

О конечных задачах для вербуемых не знали даже их командиры. Так, генерал-майор Б. Поляков узнал, что его подчиненных из Кантемировской дивизии втихаря подбили покорять Чечню только по факту их отбытия из части. Он послал в Чкаловск вдогонку своего начштаба полковника А. Орлова. В аэропорту тот столкнулся с замминистра по делам национальностей А. Котенковым, который курировал отправку. Со скандалом полковник все же вернул младших офицеров в Наро-Фоминский гарнизон, но через пару дней начальник Генштаба генерал Колесников жестко приказал Б. Полякову отправить в Моздок всех подписавших контракты...

Утром 25 ноября три колонны танков двинулись на Грозный, их сопровождали вооруженные оппозиционеры.

Газета «Известия»:

«Все должно было произойти как в кино, – говорит майор Валерий Иванов, сидевший тогда за рычагами управления боевой машины. – Мы под прикрытием пехоты входим в город. Над нами – вертолеты поддержки, над вертолетами – спутники, контролирующие обстановку. Занимаем позиции у их Белого дома, телецентра, здания государственной безопасности, МВД и Дома печати. Население ликует. Короче, парад планет». Парад, однако, с самого начала начал принимать несколько странные формы. Доблестная чеченская пехота на автобусах, “УАЗах” и частных машинах почему-то сразу поехала не впереди, а за танковой колонной. Сама же колонна входила в город весьма своеобразно. Майор Иванов останавливал свой танк на красный свет светофора, поворотниками указывал водителям грозненских машин предполагаемое направление своего движения. Время от времени приходилось высовываться и спрашивать население, как проехать к президентскому дворцу... В течение нескольких часов танки стояли на улицах города, и экипажи не знали, что им делать дальше. Попытки связаться по рации с “Орионом” (позывной руководителя операции) ни к чему не приводили. “Орион” на связь не выходил. Тогда солдаты вылезли из танков, стали покупать в ларьках сигареты, общаться с местными жителями, и ситуация уже стала напоминать трагикомический фарс».

Боевики-оппозиционеры, въехав в город, растворились: одни решили навестить родственников, другие – свести счеты с врагами, а кто-то и пожить. Стрельба завершила дело – бронетехника осталась без прикрытия.

Газета «Известия»:

«Жуков, Крюков и Иванов доехали до телецентра, оставили там два танка, убедились, что все вроде в порядке, и двинулись к Белому дому, как они его называют. – И тут началось, – говорят офицеры. – Едем мы, значит, поворотниками мигаем. Вдруг впереди два Т-72. Ну, думаем, это наши. У Дудаева-то откуда танки? Тут они пушечки-то разворачивают на нас и как дадут! Хорошо, что они, видно, стрелять-то не умели».

Увернувшиеся от первых выстрелов, танки вскоре уже горели, а оставшиеся в живых раненые и обгоревшие танкисты металась по городу в поисках спасения.

«Известия»: *«Танкисты связались по рации с командованием операции, просили вертолетов, боезапаса, огня и чего-то еще такого, что просят батальоны и отдельные военнослужащие в таких ситуациях. Но безрезультатно. Танки их сожгли кумулятивными снарядами. И единственными, кто согласился помочь, оказались не спутники слежения, а чеченские милиционеры, охранявшие телецентр. Они обещали до темноты спрятать их, а потом на машинах вывезти из города. Уже потом пленным офицерам говорили, что доблестная милиция, скорее всего, хотела подзаработать, попросив у родственников офицеров денег за их жизни».*

Их жизнь, однако, в ближайшее время стала переходить из одних рук в другие со стремительной быстротой. Сначала приехала какая-то машина, и девятых офицеров привезли к президентскому дворцу, где, поставив на колени, решили поскорее расстрелять».

От смерти их спасло появление охранников Д. Дудаева, которые забрали и отвели пленных в подвал бывшего республиканского комитета КПСС, который хоть и стал «президентским дворцом», но в обиходе продолжал зваться рескомом.

При этом сначала в столицу пошли победные реляции, потом заминка и путаница, а затем – тишина...

Из 35 танков, вошедших в город, вернулись оттуда четыре. Число погибших оставалось неизвестным. Среди пленных, по злой иронии судьбы, оказался один из тех танкистов, который в октябре 93-го года стрелял по Белому дому. Пресса тогда еще была свободной и озвучила заявление правительства Чечни о разгроме и пленении российских солдат и офицеров.

(Очевидцы тех событий, в том числе и нынешний президент Чечни Р. Кадыров, считают, что танкистами решили пожертвовать, чтобы оправдать последующее вторжение российских войск. Вряд ли это так. Ни свежее испеченный чекист Севастьянов, ни паркетные генералы не воспользовались разгромом, чтобы воззвать к отмщению, а попытались от него окреститься.)

Когда в Грозном корреспондентам телевизионных агентств показали полтора десятка пленных, а те признались, что они – нанятые ФСБ российские военнослужащие, высшее армейское руководство от них попросту отказалось! На первые вопросы журналистов министр обороны сказал: *«Ну, знаете, я как-то не очень интересуюсь этим вопросом, так как вооружённые силы, в принципе, не участвуют там... Хотя я смотрю телевидение, и, вроде, пленные там захвачены и ещё кто-то. Я, единственное, знаю, что с каждой стороны – и на стороне Дудаева, и на стороне оппозиции – воюют большое количество наёмников. ... Если бы воевала российская армия, то, по крайней мере, одним парашютно-десантным полком можно было бы в течение двух часов решить все вопросы».*

Тогда Д. Дудаев заявил, что если российская сторона откажется признать факт участия своих военнослужащих в конфликте, то, в соответствии с Конвенцией по борьбе с вербовкой и Женевскими конвенциями, наемники будут судимы и расстреляны. Но ни ФСБ, ни МО реагировать не спешили.

Много позже «Паша-мерседес» (так за пристрастие к этой марке авто прозвали министра обороны его сослуживцы) будет путаться во вранье:

«Я только догадывался, что ведется подготовка какой-то силовой акции. (На самом деле, по указанию президента он создал в Генштабе оперативную группу по разработке планов вторжения еще в октябре – Ю. Р.). От нас, военных, потребовали немного техники и добровольцев для оказания помощи пограничникам и ФСБ. Я категорически запретил Колесникову привлекать к операции солдат срочной службы. Но они и не понадобились. Многие офицеры,

прапорщики Таманской, Кантемировской дивизий согласились участвовать в операции: ведь им платили деньги. Операция готовилась тайно. О её начале я, например, узнал тогда, когда был в командировке во Владивостоке. Было это в ноябре 94-го. Мне позвонил Колесников и доложил: смешанный танковый батальон колонной вошел в Грозный. Ничего себе! Сразу спрашиваю: есть ли потери? Никаких потерь, отвечает, никакой стрельбы, чеченцы приветствуют военных. Беслан Гантамиров, мэр Грозного, с нами, Доку Завгаев тут же. Все отлично. Я перекрестился».

Командующий внутренними войсками Куликов тоже оказался не в курсе событий и рассказывал о том, что услышал о военной операции только в день ее проведения...

Активная часть общества негодовала, первым вопрос о судьбе пленных, о чудовищной и незаконной аванюре поднял лидер «ЯБЛока» Григорий Явлинский. Пятого декабря он, не дожидаясь пленарного заседания, выступил в Думе перед журналистами с гневной речью о предавших солдат генералах и объявил, что он вместе с группой депутатов из «ЯБЛока» и «Выбора России» летит в Грозный, чтобы добиться начала переговоров и вызволения пленных. Из кабинета председателя комитета по обороне Сергея Юшенкова он дозвонился до Дудаева и предложил ему встречу с группой депутатов, которая готова приехать в Грозный, с тем, чтобы запустить переговорный процесс.

Депутат А. Мельников:

«При этом Явлинский твердо сказал, что если мы приедем, то хотели бы, чтобы были освобождены все российские военнопленные, оставшиеся в Грозном. Дудаев дал на это согласие.

Это уже потом газеты и телевидение выдвинули освобождение пленных как основную цель поездки. На самом деле главным было: 1) попытаться своим приездом вразумить безответственных политиков в Москве и попытаться остановить намеченную ими на 6 декабря военную авантюру; 2) проверить готовность Дудаева к серьезным переговорам с Москвой».

В организацию поездки деятельно включился президент Ингушетии Руслан Аушев, он уже выступил с протестом против силовых решений и в дальнейшем делал все, что мог, чтобы помочь в переговорах, поисках и обмене пленными. В Москву он выслал свой самолет и только это дало возможность депутатам Г. Явлинскому, В. Борщёву, А. Мельникову, А. Голову, С. Юшенкову, Элле Панфиловой, Владимиру Лысенко и группе журналистов попасть в Грозный.

От прокурора Чечни Имаева депутаты узнали, что в плену находятся 14 российских солдат и офицеров. Но руководство Чечни тоже не спешило расставаться с пленными. Они стали их козырем, и переговоры с Дудаевым шли весь день, в конце которого оказалось, что параллельно к ним подключился и министр обороны Павел Грачев. Так удалось завязать их диалог, министр даже слетает в Ингушетию и встретится там с Дудаевым.

Но тут последний стал уговаривать Явлинского уезжать из Грозного, а пленные вдруг заявили, что хотят остаться в Чечне до тех пор, пока их не передадут российским вооружённым силам. Скорее всего, офицеры узнали, что Грачев от них открестился, а кто-то объяснил, что теперь они дезертиры и наемники, что в России их ждет суд... Лишь добившись разговора без свидетелей, Явлинский и Юшенков смогли убедить их в том, что они получают защиту. Тогда Дудаев разрешил забрать лишь семерых пленных и еще пять тел погибших. Гробы с ними в Москву привез депутат Валерий Борщёв. Но там их долго никто не хотел принимать. Валерию пришлось несколько часов мерзнуть на морозе у морга военного госпиталя им. Вишневского, и лишь угроза С. Юшенкова вызвать туда телевидение вынудила военное начальство принять трупы своих солдат. Тех, кто еще оставался тогда в плену, Дудаев передал главному врачу вооружённых сил России И. Чижу.

А вернувшийся в столицу С. Юшенков и другие депутаты провели пресс-конференцию, где рассказали правду о том, что уже произошло и происходит в Грозном. Журналисты, которые летали в Чечню вместе с ними, побывав в городе, в больницах и моргах, еще раньше передали свои репортажи в газеты и на телевидение. Страна увидела развороченные взрывами бронемашины, валяющиеся отдельно башни танков, останки сгоревших танкистов, больницы, в которых лежат попавшие под бомбежку старики, женщины и дети...

По словам Явлинского, он стал получать угрозы, вскоре пострадал при падении его сын, а директор школы, где учились его сыновья, попросил забрать детей, «пока нас всех не взорвали». Явлинский рассказывал потом, что пошел к президенту, а тот сказал ему, прячь детей.

На ближайшем заседании Думы поднимается лай и вой по поводу дискредитации спецслужб.

Из стенограммы:

«Невзоров А. Г.: «Когда Государственная Дума на своем высочайшем уровне вдруг берет и публично перед миром «раздевает» работу государственных специальных органов, это что вообще такое? Примерно это сделал Юшенков. За ним уже пошли другие, но все-таки он в этом деле пионер, и отвечать, вероятно, надо ему... Я прошу Государственную Думу вынести на обсуждение вопрос вообще о возможности нахождения человека, который публично торгует государственными секретами, секретами ФСК, разведки, контрразведки и армии, в которые он посвящен по долгу службы, получает в обмен на это популярность на посту председателя Комитета по обороне». (Шум в зале, аплодисменты.)

Атаки на демократов только начинаются. Помимо сексотов ФСБ, на вернувшихся депутатов обрушилась злоба тех коллег, кто увидел в их поездке способ получить популярность. Меряя их поступок по себе, они просто не могли себе представить иного и позавидовали тем, кто так ловко «повысил свой рейтинг».

А силовые министры, несмотря на скандал, остаются на своих местах. Севастьянов работал на своем посту до конца года и был уволен не за провал его авантюры, а за то, что, защищая банкира Гусинского, не поладил с охранником президента Коржаковым. Единственным честным генералом, который не считал возможным уходить от ответственности за плен и гибель его солдат, оказался Борис Поляков, командир той Кантемировской танковой дивизии, в которой и были завербованы танкисты. Хотя согласия на вербовку он не давал, а его попытки не допустить ее были пресечены Генштабом, он подал в отставку.

Остановить Голема

О нарастающем кризисе заговорили и в Совете Федерации. Член Совета, представлявший там Читинскую область, Виктор Курочкин предложил своим коллегам отправить в Чечню Комиссию верхней палаты, чтобы разобраться во всем на месте. Его не поддержали, а спикер палаты В. Шумейко, услышав о том, что Виктор собирается лететь на Северный Кавказ, отказал ему в официальной поддержке. Спикер был членом Совета Безопасности и уже знал, что будет война, поэтому пытался отговорить Курочкина от поездки, но Виктор все же улетел. Позднее он писал: «В Грозном многое показалось неожиданным. На улицах масса вооруженного народа, на нас никто не обращает внимания. Кто мы по национальности, никого не интересует. Даже потом, когда мы побывали в разрушенном Бамуте и разговаривали с людьми, пережившими ужасы непрерывных многодневных бомбардировок и штурмов, у них не чувствовалось ненависти к России и к русским. Даже к Ельцину. Да, говорили они, его подставили эти нехорошие Грачев, Степашин, Ерин и Шахрай». (По словам Г. Старовойтовой, к силовому решению склоняли президента и Эмиль Пайн, и заместитель главы президентской администрации В. Волков.)

Курочкин встретился с Дудаевым. На вопрос, готов ли он к переговорам, тот сказал: «Да хоть с чертом – главное, чтоб нам не допустить этой войны, этого кровопролития!» Убедившись в том, что есть шансы на мирное решение, Виктор попытается достучаться и до Черномырдина, и до Шумейко. Последний на все призывы Курочкина будет отвечать: «Ма-ши-на за-пу-ще-на!» По словам министра обороны, президент на заседании Совбеза уже «расставил все точки»: «Доклад о текущем моменте делал министр по национальным вопросам Егоров Николай Дмитриевич. Он говорил, что в Чечне все нормально: «В результате работы с населением мы достигли прогресса – 70 процентов чеченцев ждут, когда войдут российские войска. Остальные 30 в основном нейтральны. Соппротивление окажут только отщепенцы...» Мне кажется, что он хотел как-то замазать, что ли, горький осадок от первого поражения. Отвлечь внимание, списать гибель батальона на дикую случайность. А может, и увести кого-то от ответственности за провал ноябрьской операции».

Вот слова журналиста А. Поборцева, который десять лет спустя работал над документальным фильмом «По ту сторону войны»:

«Николай Егоров был основным докладчиком на том Совете Безопасности... Он сказал: «Вот, Борис Николаевич, настало время, в конце концов, сейчас самая благоприятная обстановка. Вот по данным наших товарищей

(он показал на сидевшее рядом бывшее руководство Чеченской республики). По словам местных людей, оттуда говорят, что сейчас самый благоприятный момент. Где-то 70 процентов нас поддержат, если мы туда введем войска, только 30 будут против. Из них 10 процентов окажут сопротивление. И даже есть такая традиция у чеченского народа, что они своим освободителям, своим друзьям и гостям, когда они входят в город и в селение, посыплют дорогу мукой. Вот, типа, нам сейчас ее насыплют».

Грачев был удивлен такой постановкой вопроса. У него был второй доклад, и он говорит: **«Борис Николаевич, обстановка крайне неблагоприятная. Вы знаете, в каком состоянии у нас сейчас находится Российская армия».** В общем, Ельцину он сказал, что там оставлено оружия как минимум на 4-5 развернутых мотострелковых дивизии. Короче говоря, «нам никто дорогу посыпать, так сказать, мукой не будет, наоборот, все будет прискорбно».

Воцарилась пауза. И в самый решительный момент взял слово председатель правительства Виктор Степанович Черномырдин и сказал, что если министр обороны обладает такой информацией, то это либо неправильная информация, либо нам такой министр обороны не нужен. Борис Николаевич разрядил обстановку, объявил на десять минут перерыв. Все вышли. Остался, как говорится, костяк руководства. Четверых человек мы точно знаем, кто там был в этот момент. Возможно, кто-то был еще за эти десять минут. Но Грачева и всех остальных министров и приглашенных попросили...

Потом, когда прошли эти десять минут, все вернулись, и Ельцин уже взял слово. Он сказал: «Павел Сергеевич, никто вас, конечно, увольнять не будет, вы остаетесь министром обороны. Но я вас прошу через две недели вот здесь, на Совете Безопасности приготовить карту, подготовить решение и доложить, как вы намерены справляться с этой чеченской проблемой». Была еще и международная предпосылка. Андрей Козырев тоже сыграл здесь не совсем мирную роль, скажем так, поскольку он доложил Ельцину о позиции Америки. Он сказал, что «в случае, если мы будем решать эту проблемы быстро, в течение двух-трех недель, то Америка, Клинтон на это закроет глаза». Видимо, отсюда и второй момент этой спешки. На следующий день, 30 ноября, Борис Ельцин подписал секретный Указ № 2137с «О мероприятиях по восстановлению конституционной законности и правопорядка на территории Чеченской Республики». Указ вводил там чрезвычайное положение, которое должно было пройти согласование в Федеральном Собрании.

«Выбор России» отреагировал сразу, уже тогда мы предупреждали, что опасность грозит всей стране.

«Заявление

партии «Демократический Выбор России»

Подписанный 9 декабря 1994 г. Указ Президента РФ «О мерах по прекращению деятельности незаконных вооруженных формирований на тер-

ритории Чеченской республики и в зоне осетино-ингушского конфликта» открыл путь к военному решению чеченской проблемы. По поступающим сведениям, Вооруженные Силы России активно готовятся к проведению масштабной военной операции. В связи с этим Политсовет партии «Демократический Выбор России» заявляет:

Результатом военной акции будут многочисленные жертвы среди наших солдат и офицеров, и во много раз большее число жертв среди жителей Чечни. В том числе и русских, о безопасности которых якобы заботится руководство России. Результатом будет партизанская война, бесконечный поток гробов и похоронок с Кавказа в Россию и новые воинские эшелоны из России на Кавказ. Результатом будет новый Афганистан.

Мы убеждены, что все происходившее в последние недели в Чечне является не только следствием профессиональной некомпетентности и отсутствия элементарной порядочности. Мы уверены, что это сознательная провокация.

Партия войны – бесчестные генералы, паразитирующие на своих подчиненных и не думающие о безопасности страны, бездарные хозяйственники, неспособные выжить в условиях рынка и готовые обречь людей на голод и нищету, до предела обнаглевшие чиновники, больше всего боящиеся прекращения хаоса и укрепления закона – все они мечтают покончить с российской демократией, вновь загнать народ за колючую проволоку. Для этого им нужна война, для этого им нужны взрывы и террористические акты на улицах наших городов.

Сегодня решается судьба нашей страны. Будут ли продолжены демократические реформы или страна вновь попадет под власть жестокой и бездарной диктатуры?

Мы решительно осуждаем действия федеральных властей в Чечне.

Мы призываем все демократические организации, женские организации, творческие и профессиональные союзы, всех здравомыслящих людей присоединиться к нашему протесту.

Мы требуем срочного созыва Государственной Думы и Совета Федерации для обсуждения сложившейся ситуации.

Мы требуем от Президента и Верховного Главнокомандующего немедленно принять меры по предотвращению войны».

Через несколько дней первый указ будет отменен, но лишь затем, чтобы хитрецы из аппарата президента изобрели другой, более изощренный в беззаконии указ. 9 декабря, не объявляя чрезвычайного положения, президент дает правительству право «использовать все имеющиеся у государства средства для обеспечения государственной безопасности, законности, прав и свобод граждан, охраны общественного порядка, борьбы с преступностью, разоружения всех незаконных вооруженных формирований».

В тот же день Б. Ельцин выступил по телевидению и сказал, что войска в Чечню будут вводиться для того, чтобы не сорвались переговоры.

Они уже были, еще 6 декабря П. Грачев рассказал журналистам о том, как они проходили в здании правительства Ингушетии:

«Мы с ним (Д. Дудаевым) уединились в соседней комнате, один на один. Я ему прямо сказал: “Джохар, это твой последний шанс, и давай пойдем как военный военного. Давай решим таким образом, чтобы по опыту Афганистана не было крови в Чечне. Джохар, неужели ты думаешь, что будешь воевать против нас? В любом случае я тебя разобью”.

Он спросил: “Неужели вы действительно пойдете?” “Да. Действительно принято решение, готовься к самой настоящей войне, но пока не поздно, нужно признать незаконность всех решений и отказаться от ведения силовых действий”. И тогда он мне заявил, что не может отказаться.

Я задал вопрос: “Почему ты не сможешь отказаться?” И вот здесь у этого человека вырвалось: “Я не принадлежу сам себе. Если я приму такое решение, меня не будет, но будут другие. Меня они просто не выпустят. Будут другие, и они все равно будут выполнять то решение, которое нами уже утверждено”. Тогда я ему сказал: “Тогда – война”. Он сказал: “Да, война!”»

Позже министр будет говорить, что Дудаев, оставшись с ним наедине, признался ему даже в том, что, если он согласится на переговоры, их обоих тут же убьют... Правда ли это? Не думаю, что мятежный генерал, если бы все так и было, признался бы в своей зависимости человеку, которого он не уважал. Да, рядом, в соседней комнате находились вице-президент Ичкерии, радикал Яндарбиев, Шамиль Басаев и другие. Что ж, если бы Дудаев пошел на капитуляцию (ведь Грачев предлагал ему именно это), то предателя по возвращении домой могли бы и убрать. Только вот сдаваться Джохар Дудаев вовсе не собирался. А Грачев был в полной безопасности (его охраняли вековые обычаи), и сочинял он потом эти басни, чтобы объяснить неудачу своей заведомо провальной миссии.

Президент разрешил использовать «все имеющиеся средства»? У государства их много: есть солдаты, есть Конституция, за рамки которой уже ушел президент, есть кассетные, шариковые и вакуумные бомбы, есть ядерное и химическое оружие, наконец, есть умные головы, которым можно поручить поиски выхода, какие же средства будут использованы?

Ответ не заставил себя ждать: еще одним авиаударом были разбиты и сожжены на аэродромах остатки чеченских воздушных сил. А Дудаев, который якобы признался Грачеву в том, что он заложник своего окружения, отправляет своему старому сослуживцу, командующему BBC Дейнекину ироничную телеграмму: *«Поздравляю Вас с завоеванием превосходства в небе Чеченской республики Ичкерия, встретимся на земле!»*

В Думе уже готов проект постановления, в котором депутаты, осуждая некомпетентность чиновников и силовиков, настоятельно рекомендуют Б. Ельцину

«сделать заявление об отказе от применения военной силы на территории Чеченской Республики и вступить в переговоры с представителями власти, осуществляющими там фактический контроль», но член Совета Безопасности и председатель Думы Иван Рыбкин отказывается выносить его на голосование под предлогом недостаточной проработки и переносит его на следующую неделю...

Окружение президента рассчитывает на быстрый успех и хитрит с теми, кто может помешать. В Думу приходит обращение Б. Ельцина, где он просит совета, как нужно поступать:

– Нужно ли российской делегации вести переговоры о статусе Чеченской Республики в составе Российской Федерации?

– Готово ли Федеральное Собрание к внесению изменений в Конституцию с учетом всех возможных политических последствий?

– С какими именно политическими силами Чеченской Республики необходимо вести переговоры по этим проблемам?

– Следует ли рассматривать в качестве необходимой предпосылки для переговоров проведение в Чеченской Республике свободных выборов?

Депутаты спорят о том, как отвечать президенту, а за этой дымовой завесой колонны танков, артиллерийских установок, бронемашин и грузовиков уже идут по предгорьям Кавказа.

Член Совета Федерации Виктор Курочкин еще в Чечне, он пытается остановить вторжение:

«Через день я вновь поехал навстречу войскам. На этот раз с чеченскими старейшинами... За рулем Леча Идигов. За Шаами-Юртом наткнулись на изрежеченный осколками автомобиль, стекла выбиты, шины спущены. Под крутым откосом догорала еще одна легковушка, рядом – два обуглившихся трупа. Нам пояснили: самолеты шли на небольшой высоте, их заметили поздно, с первой атаки ракеты попали в машину. Как выяснилось позже, один из погибших был двоюродным братом Лечи Идигова – Ваха Даудов из села Катыр-Юрт...»

Под Ачхой-Мартаном стояла толпа мирных людей с плакатами: «Танки не пропустим! Остановитесь!» Метрах в ста на дороге бронетехника».

Виктору удалось тогда встретиться с командиром дивизии Бабичевым. Выслушав его, генерал сказал:

«Я не хуже тебя знаю, что ввод войск – нарушение Конституции, но я-то маленький человек! Мне приказали – не ты же мне приказываешь, ты президенту указывай. Я что, должен у Совета Федерации спрашивать? Езжай в Грозный, звони в Москву, пусть мне дадут приказ, и я остановлю войска. Я не хочу наматывать на гусеницы танков этих людей. Я тебе обещаю, что до девяти утра двигаться не буду, ни шагу не сделаю. Но. К девяти утра ты должен быть с информацией. А войска я отведу с полным удовольствием. У меня вон погибших уже сколько. На хрена мне это надо». В Грозный я

прилетел как на крыльях, тут же набрал телефон Шумейко: “Бабичев согласился отвести войска. До девяти утра он наступать не будет, но надо, чтобы ему дали приказ отойти!” Шумейко взорвался: “Ты что, рехнулся?” И в который раз повторил: “Наивный ты человек! Войска уже не остановишь! Что значит какой-то Бабичев? Тож же мне, политик нашелся!” Когда мы ехали от Бабичева, опять видели разбитые машины на дороге, в одном месте распознали сгоревшую “скорую помощь” – самолеты продолжали “охоту”... “Ах ты негодяй, – думал я про Шумейко. – Сидишь там в тепле и не знаешь, кому бы лизнуть”. “Войска не остановишь.” Привезти бы тебя сюда, ткнуть носом в эту кровь и грязь».

13 декабря, на следующем заседании нижней палаты, имперцы идут в атаку. Им не дает покоя то, что кто-то посмел разоблачить бездарные и преступные действия силовиков и спецслужб.

Депутат Лысенко Н. Н.:

«Я считаю, что сейчас мы не должны обсуждать вопросы, с которыми к нам обратился президент. Президент как гарант Конституции имеет все полномочия для выполнения своих функций. Мы сегодня должны принять другое решение. Мы должны принять решение о действиях депутатов Юшенкова, Явлинского, Шаблада, направленных на подрыв безопасности государства и территориальной целостности России. Я думаю, что всем сидящим в этом зале уже надоело видеть тело Гайдара, гримасы Юшенкова и пейсы Явлинского».

Протесты и требования демократов лишить известного фашиста слова за постоянные оскорбления и открытый антисемитизм, результата не имели.

Постановление «О ситуации в Чеченской Республике, субъекте Российской Федерации...» уже откорректировано, его суть изменилась, при деликатных рекомендациях «противоборствующим сторонам в Чеченской Республике прекратить кровопролитие и решать все имеющиеся проблемы исключительно мирным путем» главным (это подчеркнуто и в заголовке) становится то, что «территория Чеченской Республики является неотъемлемой частью территории Российской Федерации», где должны пройти выборы в Думу и Совет Федерации РФ.

А завершается оно так: «Миротворческие акции отдельных депутатов, фракций и депутатских групп Государственной Думы, осуществляемые ими на территории Чеченской Республики без соответствующего поручения Государственной Думы, считать их личной инициативой».

В это время армейские корпуса движутся с трех направлений, чтобы взять Грозный в кольцо. Но сопротивление жителей соседних республик столь велико, что войсковые колонны вынуждены идти в обход Дагестана, где на их пути стеной встают акинцы из чеченского тукхума. В Ингушетии Бабичев сдержал слово и простоял даже несколько дней. Но, не дождавшись приказа об отходе, двинулся вперед и он...

Вечером в Свято-Даниловом монастыре прошла встреча патриарха Московского и всея Руси Алексия II с лидером мусульман Чечни муфтием Мухаммадом-Хусейном Асламбековым, на которой стороны выступили с совместным заявлением:

«Кровопролитие в Чечне должно быть немедленно прекращено. Люди, живущие на этой земле, должны восстановить мир и согласие друг с другом и со всеми народами Российской Федерации. Необходимо восстановить законный порядок, и при этом должны использовать мирные, основанные на взаимном согласии пути. Мы самым решительным образом отвергаем саму мысль о возможности перерастания конфликта вокруг Чечни в христианско-мусульманское противостояние. Истинные последователи двух религий желают только мира».

В Грозный с военного аэродрома уже улетела новая группа депутатов. Это уполномоченный по правам человека Сергей Ковалев, с ним член «Мемориала» и его помощник Олег Орлов, мой тесть Михаил Молоствов, Валерий Борщёв, Леонид Петровский. Их цель – обеспечить объективность поступающей отсюда информации, своим присутствием уберечь город от бомбежек... Улететь-то улетели, но через час летчик объявил им: все аэродромы на Кавказе обледенели, посадка запрещена, возвращаемся назад. Вернувшись, услышали другую версию: якобы летчик радировал на аэродром, что одному из депутатов сделалось плохо.

Российскому руководству вредные депутаты были там совершенно не нужны. Пришлось им лететь гражданским самолетом в Минводы. Оттуда автомобилем в Назрань, а затем, рискуя попасть под обстрел, ехать в Грозный.

Егор Гайдар обращается к президенту с письмом:

«Москва, Кремль

Президенту Российской Федерации Б. Н. Ельцину

Уважаемый Борис Николаевич! Считая принятое сегодня решение Совета Безопасности трагической ошибкой, призываю Вас как Президента и Верховного Главнокомандующего не допустить эскалации военных действий в Чечне. Штурм и бомбардировки Грозного приведут к огромным жертвам, к затягиванию конфликта, к обострению внутривнутриполитической ситуации в самой России. Это будет удар по целостности России, по нашим демократическим завоеваниям, по всему, что было сделано Вами за последние годы. Убежден, что тот курс, который проводится от Вашего имени в последние дни, выгоден как раз тем силам, которые стремятся к смене власти в стране. Прошу Вас также учесть, что в Грозном сейчас находится группа депутатов Государственной Думы во главе с Уполномоченным по правам человека РФ С. А. Ковалевым. Они не собираются покидать город.

С уважением, Егор Гайдар

19.00, 17 декабря 1994».

В тот же день в Центральной клинической больнице в Кунцево, где находился Ельцин, прошло еще одно заседание Совета Безопасности. В его решении указано, что это последний день сдачи оружия и амнистии для военных чеченских формирований. Гражданскому населению во избежание жертв предложено покинуть места их расположения.

«Больше заседаний Совета Безопасности по этому вопросу не будет и никаких обращений делать не собираюсь», – заключил Ельцин.

Но вечером Ельцин получил телеграмму:

«В ответ на Ваше обращение и предложение премьер-министра Российской Федерации Черномырдина о готовности встречи приглашаю в город Грозный для проведения переговоров на правительственном уровне премьер-министра Российской Федерации Черномырдина.

Президент Чеченской Республики».

Через полтора часа пришла вторая дудаевская телеграмма:

«Настоящим заявляю, что мною отдан приказ 16 декабря с 15 часов прекратить военные действия против Вооруженных Сил Российской Федерации и передвижение вооруженных формирований с целью избежать эскалации братоубийственного конфликта и невинных жертв, в том числе мирного населения. Обращаюсь к Вам с предложением ответного аналогичного шага. Согласен с Вашим предложением начать без каких-либо предварительных условий переговоры на соответствующем уровне и лично возглавить правительственную делегацию Чеченской Республики Ичкерия».

Казалось бы, вот он, поворот, который может все решить!

Но секретарь Совета Безопасности О. Лобов заявил, что «предметом переговоров с Дудаевым может быть только добровольная сдача оружия всеми незаконными вооруженными формированиями на территории Чеченской Республики. Если этого не произойдет, то другие вопросы обсуждаться не будут». С. Степашин уточнил, речь может идти только о капитуляции. Дудаеву предлагают явиться в Моздок. Он, опасаясь ареста, отказывается и заявляет о готовности к встрече с делегацией РФ в Грозном. Министр иностранных дел и депутат Козырев делает заявление:

«Режим Дудаева не воспользовался (!) неоднократно предоставлявшимися ему возможностями мирного выхода из кризиса... С 00 часов 18 декабря 1994 года подразделения войск МВД и Министерства обороны РФ вынуждены будут принять решительные меры с использованием всех имеющихся в наличии средств с целью восстановления на территории Чеченской Республики конституционной законности и правопорядка. Бандформирования будут разоружены, а при сопротивлении уничтожены.

Гражданское население Чечни оповещено о необходимости срочно завершить выход из города Грозного и других населенных пунктов, в которых находятся бандформирования».

О том, кто и как оповестил их, как и куда должны бежать 360 тысяч грозненцев, десятки тысяч жителей других сел и городов Чечни, в каждом из которых формируется ополчение, не сказано ничего...

Антивоенную позицию наконец занял и Совет Федерации. После выступления В. Курочкина, которого поддержал даже свергнутый чеченцами Д. Завгаев, «сенаторы» предложили Б. Ельцину «принять меры по немедленному прекращению боевых действий всеми сторонами и продолжить переговорный процесс».

А в ближнем кругу кто-то упорно дожимает президента, и на следующий день в 10 утра он звонит Грачеву и говорит: «Независимо ни от чего действую в соответствии с решениями Совета Безопасности по полной схеме».

По словам помощника президента Батурина, прошло заседание правительства, в конце которого О. Лобов спросил у П. Грачева: **«Сколько вам надо на завершение боевой операции?» Ответ министра был краток: “Полгода”. Последовала немая сцена. Всем были памятливы другие слова Грачева. Еще совсем недавно он говорил, что все можно решить двумя десантными полками за два часа».**

Депутатам все это пока неизвестно. Я еще остаюсь в Москве, от имени «Выбора России» мы начинаем сбор подписей под обращением к президенту с требованием вернуть солдат домой.

Общая беда объединила тогда самых разных депутатов, немедленную остановку войны поддерживает движение «Женщины России», фракции «ЯБЛОКО», КПРФ и «Выбор России». Мы знаем, что ни правительство, ни президент не обязаны следовать нашим увещаниям, поэтому готовится единственный доступный нам эффективный рычаг – проект федерального закона о запрете военных действий на территории России в любых обстоятельствах, кроме внешней агрессии.

Но председатель Государственной Думы Иван Рыбкин делает все, чтобы замотать готовящийся проект закона.

В это время армия уже вступила на территорию Чечни, там ее встретили завалы и мины на дорогах, заградительный огонь «Града» и атаки ополченцев. Только за первый день убито семеро, в том числе два офицера; ранено тринадцать, в том числе шестеро офицеров; попали в плен 17 военнослужащих; потеряны один танк, один БТР, 22 автомобиля. Ответным огнем артиллерии уничтожена установка «Град», кроме потерь у отступающих ополченцев появились многочисленные жертвы среди жителей придорожных сел.

21 декабря журналисты и группа Сергея Ковалева впервые фиксируют гибель детей. В поселке Артемовская снаряд федеральных войск попал в дом семьи Мусаевых, где находилось десять детей – семеро из семьи Мусаевых и трое из семьи Селимхановых, бежавшей сюда из расположенной на линии фронта станции Первомайская. Пятеро детей сразу погибли при взрыве, пятеро раненых доставлены в Грозный в детскую клиническую больницу № 2. Уже в больнице умерли еще две девочки: Мусаева Хадижа пяти лет и Мусаева Хейда шести лет. Село находилось вне зоны боестолкновения...

Бомбят все крупные населенные пункты. Анатолий Шабад приехал в Шали через два часа после окончания бомбардировки:

«Я видел три места бомбардировок. Одно – автомобильный рынок, где было большое скопление народа, в основном мужчин. Это рынок в пригороде. Он находился отдельно от города, на подъездах к нему, так что было хорошо видно скопление людей. Другое место – рынок в самом городе Шали, обычный базар, какие есть везде. Бомба была сброшена в центр этого рынка, там была свежая воронка. Человек 50 было убито сразу. И третье место – районная больница. По свидетельству главного врача, там было убито 25 человек из числа проходивших лечение и из числа персонала... Эта бомбежка была направлена просто на уничтожение людей. При этом использовались шариковые бомбы. Они взрываются в воздухе, и шрапнель летит вниз. Я говорю об этом потому, что видел, как люди, находившиеся в канавах, в углублениях, все равно поражались этим огнем. Автомобили, которые стояли на рынке автозапчастей, были плотно изрешечены этими фрагментами [шариковой шрапнелью], просто превращены в сито. Самолеты сделали несколько заходов, несколько раз бомбили. Убитых людей я видел даже на расстоянии метров ста от эпицентра. Все кругом было залито кровью».

При этом пресс-служба правительства продолжает врать о том, что бомбежки и артобстрелы – дело рук самих чеченцев, которые жгут и взрывают себя сами, чтобы свалить все на военных.

Уже прошло закрытое заседание Думы, где схлестнулись сторонники и противники войны, но никаких решений не принято. Вечером на телевидении выступал Сергей Юшенков, он рассказывал о том, что происходит в Думе, о жертвах с обеих сторон, про которые мы знаем от депутатов, находящихся в Чечне.

Утром я включаю новости и слышу: опять бомбили Грозный, ракетный удар нанесен по перекрестку на площади Минутка, там обычно шла торговля, а в этот день еще и скопление легковых машин – те, у кого есть родственники в деревне, спешили уехать. Первый удар разметал машины и торговые палатки, все горит, народ кинулся вытаскивать раненых, и тогда по Минутке нанесли еще и бомбовый удар... Около сотни жертв, среди них американская журналистка Синтия Эльбаум, вместе с мужем она пошла на рынок за хлебом, осколком бомбы ей срезало голову.

В дороге я думаю о том, что все наши посылы к разуму и совести президента бесполезны. Закон о запрете войны, скорее всего, не пройдет. А повышать давление надо, мои коллеги из фракции не решаются поднять вопрос об импичменте, но я могу сделать это сам. Понятно, что и он не пройдет, но может быть сама постановка такого вопроса заставит Ельцина задуматься.

Каждое наше заседание начинается с затяжного утверждения повестки, как обычно, первым берет слово Жириновский:

«Вчера Российское телевидение опять злоупотребило своим положени-

ем и представило позицию одного из депутатов, а именно Юшенкова. Это прямая дискредитация Вооруженных Сил России. Если это позволяет себя делать председатель Комитета по обороне, это никуда не годится.

Следует обратиться к президенту с просьбой сменить руководство Российского телевидения, которое в последние годы занимает полностью анти-российскую позицию.

Третье. Предлагаю направить в Европарламент наше неудовлетворение их резолюцией по чеченскому вопросу. Это прямое вмешательство в дела России...

И последнее. Ковалев – это не Уполномоченный по правам человека, это представитель другого, иностранного государства. Этот человек занимается саботажем. Кто ему дал право там находиться?»

Только что вернувшийся из Грозного с двумя пленными солдатами член ЛДПР и отставной политработник Е. Логинов тоже клеймит демократов за поездки в Чечню.

Но есть и другие позиции.

Т. Гудима, КПРФ: *«Уважаемые депутаты! Сегодня в 6 часов 30 минут я разговаривала с нашим депутатом Петровским Леонидом Николаевичем, который находится в Грозном. По его информации, все, что мы слышим по радио, видим по телевидению, что читаем в наших газетах, принципиально не соответствует реальной обстановке в Грозном. Сегодня всю ночь велась непрерывная бомбежка Грозного. Количество жертв большое. Самое тревожное то, что люди вынуждены прятаться (в том числе и с грудными младенцами) в совершенно не приспособленных для жилья подвалах. Я хотела бы, чтобы мы с вами, во-первых, имели точную информацию, а, во-вторых, у меня есть в связи с этим три предложения. Предложение первое. Надо немедленно прекратить бомбардировки. Я не военный человек и не знаю, как можно с неба уничтожать бандформирования. Когда бомбят город, то уничтожают его население. Сегодня есть подготовленный документ, объявляющий мораторий на все военные действия и предлагающий срочно начать переговорный политический процесс».*

Далее поднимаются другие темы: о недостаточном финансировании оборонки, о Белоруссии, о минимальной заработной плате, о защите жулика Мавроди...

Я возвращаю депутатов к самому важному:

«Уважаемое собрание, прошу вашего внимания. Я – Рыбаков Юлий Андреевич, депутат от 208-го округа Санкт-Петербурга, член фракции «Выбор России», радикальный демократ и правозащитник.

Жизнь давно привела меня к убеждению о необходимости демократического преобразования России и в первую очередь освобождения человека от насилия государства.

За стойкое стремление к реализации этого принципа я уважал и поддер-

живал президента Российской Федерации Бориса Николаевича Ельцина. Но сегодня моя совесть правозащитника и гражданина диктует мне необходимость поставить перед Государственной Думой вопрос об отрешении президента от должности.

События последних недель позволяют говорить о том, что в действиях президента есть признаки тяжких преступлений против мира и человечества.

Для меня очевидно, что президент грубо нарушил статью 10 Закона «Об обороне», статью 260 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Как главнокомандующий Вооруженными Силами Российской Федерации и президент Борис Николаевич Ельцин несет всю полноту ответственности за уничтожение мирных людей и гражданскую войну, развязанную на юге России его ближайшими сторонниками.

Поэтому я предлагаю проголосовать следующее предложение.

Первое. Внести в повестку дня вопрос о доверии президенту.

Второе. Сформировать Депутатскую Комиссию в составе председателей комитетов по законодательству, по обороне, по безопасности, по делам Федерации, и поручить этой Комиссии в течение дня подготовить заключение и при наличии оснований представить на сегодняшнее пленарное заседание проект решения Государственной Думы по обвинению президента.

Третье. Рассмотреть сегодня на пленарном заседании проект данного решения, если под ним будет поставлено не менее одной трети подписей от состава Государственной Думы.

Четвертое. Если решение получит одобрение двух третей депутатского корпуса, направить его в Совет Федерации, а также для получения заключения Верховного суда и Конституционного суда Российской Федерации.

Иван Петрович, чтобы Вы не перепутали мои предложения, я передаю их Вам в письменном виде».

Фракция «Выбора России» спешит отмежеваться и заявляет, что это предложение – только моя личная позиция, я это подтверждаю. А председатель Думы не включает мое предложение в повестку заседания, сославшись на то, что я должен сначала собрать под ним не меньше 150 подписей депутатов, а потом передать его для рассмотрения в комитеты. Спорить бесполезно, да и не нужно. Я надеюсь, что Ельцину доложат, в Думе уже поднимается вопрос о доверии президенту.

Заседание продолжается, голосование о недоверии Сергею Юшенкову и Сергею Ковалеву не набирает голосов. Впереди вопрос о запрещении военных действий, но сначала член фракции КПРФ А. Апарина предлагает принять обращение к родственникам и близким погибших и пострадавших, выразить им свое соболезнование, свою скорбь о погибших. Но возражения находятся и тут. Депутат В. Бородин убеждает собравшихся в том, что такое заявление смутит наших солдат, ведь им надо выполнять приказ (т.е. убивать и умирать, не сомневаясь в нашей с ними солидарности). Ему возражают, идет спор.

Ю. Рыбаков, фракция «Выбор России»:

«Конституция гарантирует гражданам России право на жизнь. Эта норма Конституции попорана президентом и его командой. Статья 10 Закона «Об обороне» гласит, что российская армия не имеет права на боевые действия на территории России без специального закона, которого нет, которого мы не принимали. Таким образом, этот закон тоже нарушен.

Только что я разговаривал с депутатами, которые находятся в Грозном. Они помогают вытаскивать раненых из-под обломков. Только что они были свидетелями того, как после четвертого налета на город, когда уже центр города практически оказался разрушенным, из бомбоубежища вышли дети, и пятый налет нашей российской доблестной авиации разметал этих детей в клочки.

Уважаемые депутаты, мы люди или звери? О чем мы говорим? Немедленно прекратить боевые действия, немедленно!»

Депутат Е. Лахова: *«Уважаемый Иван Петрович, уважаемые коллеги! Фракция «Женщины России» предлагает решить сегодня два вопроса. Во-первых, Иван Петрович, нужно поставить на голосование проект федерального закона, который разработан депутатами трех фракций: коммунистов, «Выбор России» и политического движения «Женщины России». Поскольку данный закон говорит об антиконституционных действиях, которые сегодня осуществляет президент, Иван Петрович, к Вам как к председателю Государственной Думы просьба: направить в Совет Федерации обращение с предложением прекратить заниматься политическими играми и утвердить в конце концов состав Конституционного суда, потому что именно Конституционный суд может дать оценку сегодняшним действиям. И мне хотелось бы, чтобы именно сегодня это обращение от нашей Государственной Думы было направлено в Совет Федерации».*

Из зала: *«Голосуйте, Иван Петрович!»*

Рыбаков Ю. А., фракция «Выбор России»: *«Иван Петрович, Вы затягиваете решение».* (Шум в зале, выкрики.)

Иван Петрович повторяет свой трюк, он ставит на голосование вопрос: *«Включать ли рассмотрение этого проекта в повестку?»*

Но ведь еще в 11 часов 18 минут он произнес:

«Депутат Апарина говорила о необходимости включить в повестку дня вопрос об обращении к президенту Российской Федерации с предложением о моратории на военные действия в Чеченской Республике. Прошу вас проголосовать о включении в повестку дня. Пожалуйста, голосуйте».

Проголосовало за 254 человек (56,8%).

Рыбкин И. П.: *«Включается. Значит, комитетам по безопасности, по законодательству, по геополитике, по обороне, по делам Федерации надо готовить этот вопрос и постановление. Я думаю, что вместо «часа заявлений» мы вполне можем рассмотреть этот вопрос».*

Прошло несколько часов, и он получил указание не допустить принятия закона. Под шум и неразбериху в зале он повторно ставит тот же вопрос о его включении в повестку заседания.

Партия войны мобилизована – теперь результат другой, при минимально необходимых для принятия 226 голосов «за» только 185, «против» – 53, не голосовали 205 депутатов.

«Не принято!» – говорит довольный председатель, но в зале шум и скандал, тогда он вместо голосования по существу возвращает вопрос на повторное голосование, теперь его поддерживает 201 депутат, но и этого мало.

Из стенограммы:

И. Рыбкин: «Не принимается. Отклоняется. (Шум в зале, выкрики.) Алевтина Викторовна, прошу вас. Минуточку. Виктор Иванович Илюхин имеет слово. Прошу вас. (Сильный шум в зале.) Виктор Иванович... (Шум в зале, выкрики.) Тихо, тихо, коллеги. Что это за «долой»? Все. Успокойтесь, прошу вас».

Председатель знает, кто ему поможет. Среди всех поднявших руки для выступления он дает его ярому врагу и Горбачева, и Ельцина, председателю комитета по безопасности В. Илюхину. А тот легко выпускает перегретый пар: «Уважаемые коллеги, я прошу немного успокоиться и выслушать меня. Я хочу вам предложить, как мне кажется, приемлемое для всех решение, точнее, заявление. Я, с вашего разрешения, зачитаю этот проект.

“Заявление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации в связи с вооруженным конфликтом в Чеченской Республике”: ‘Вооруженные столкновения в Чеченской Республике привели к массовым человеческим жертвам и разрушениям. В связи с этим и во исполнение постановления Государственной Думы от 13 декабря 1994 года ‘О ситуации в Чеченской Республике, субъекте Российской Федерации, и мерах по ее политическому урегулированию’ Государственная Дума обращается к Президенту Российской Федерации, Правительству Российской Федерации и противоборствующим сторонам в Чеченской Республике с требованием незамедлительного введения моратория на все боевые действия и приступить к мирным переговорам».

Не с первого раза, но это обращение все же принимают. Уставшие за напряженный день (помимо Чечни 16 запланированных постановлений и законопроектов) депутаты посматривают на часы, половина разъезжается в свои регионы. На радостях кто-то даже хлопает в ладоши. Если что, если спросят, можно сказать, мы не хотели, мы были против!

Но толку что?! Принятый нами текст никого ни к чему не обязывает. Обращение к родственникам погибших забыто, закон о недопустимости военных действий внутри страны не принят – единственный шанс остановить войну проигран!

Да, войну затеяли не депутаты, но дорогу смерти открыли те из них, кто не захотел даже рассматривать этот закон. Все они есть в поименном голосовании, но по прошествии многих лет большинство имен уже никому ничего не скажет.

Хотя тех, кто еще на слуху, стоит и назвать. Кроме Ивана Рыбкина, который сделал все, чтобы депутаты не смогли протестовать, кроме таких псов войны, как Жириновский и Невзоров, это и режиссер С. Говорухин, это депутат и министр иностранных дел Козырев, (сразу вышедший из «Выбора России»), это Ирина Хакамада, Анатолий Чубайс, Григорий Явлинский и еще 240 депутатов.

Уклонившись от голосования или голосуя против запрета на гражданскую войну, они уже взяли на себя долю вины за смерть шестнадцати тысяч своих солдат и гибель ста тысяч мирных жителей Чечни.

Последнее в 1994 году заседание Думы окончено. Надо ехать на улицу Академика Королева, где меня ждут дочь, жена и теща. К дому, где мы жили, по утрам подъезжал автобус, он забирал народных избранников и вез их на работу. После того, как член КПРФ Леонид Петровский позвонил из Грозного и сказал жене: «Слышишь, как грохочет, это в нас стреляют!», а потом связь прервалась, она в отчаянии пришла в уже заполненный автобус и возопила: «Мой муж, ваш товарищ пропал, нет известий... Сделайте же что-нибудь!» Товарищи ежились и говорили какие-то слова.

Тогда Мустафьевна вспомнила, что во фракции коммунистов есть депутат Зоркальцев, о котором Михалыч отзывался как о человеке приличном. Позвонив ему, она узнала, что тот в больнице. Но его жена, врач, поняла задачу, и семью Петровского стали опекать.

Наша пятилетняя дочь, насмотревшись злобной пропаганды и военных новостей, отреагировала по-своему, нарисовав и прислонив к экрану телевизора лист бумаги с надписью: «Мы люди и вы тоже!» Но того, что знал даже ребенок, политики знать не хотели. Ослепленные гордыней и тщеславием, не сомневаясь в своем праве толкать людей на смерть, они уже распорядились их судьбой, поделив на своих и чужих.

В СМИ промелькнуло сообщение о том, что в дом, где жила группа Ковалева, попал снаряд. Услышав это, Мустафьевна молча оседает на пол, Катя отпаивает ее корвалолом. Потом мы слышим, что Сергея Адамовича в тот момент в доме не было. А остальные?

Нам звонили друзья, далекие и близкие. Пытались ободрить. Заходил сосед по лестнице, потерявший руку во время осетино-ингушских столкновений, Ибрагим Костоев. Звонили писатель Юрий Давыдов и его жена Слава Торощина. Александр Борин, журналист, с которым Михаил Михайлович подружился в Комиссии по помилованию, разговаривал с Мустафьевной каждый день. Из Дании звонили Вайли, из Парижа Вадим Козовой, рядом были Шихановичи, Бела Коваль, Володя Долгий.

Звонил Дмитрий Волкогонов, генерал, историк, депутат. Он сказал: «Я навел

справки. Не волнуйтесь. За ними наблюдают. Они живы». (Вопрос – кто и зачем наблюдает, остался открытым.)

У меня на душе скребут кошки: то, что я здесь, а Михалыч там, неправильно. Зайдя в соседний думский кабинет, я слышу, что с подачи Виктора Курочкина сопредседатель «Демократической России» депутат Лев Пономарев собирает группу для поездки в Грозный. Ну, вот и гора с плеч. Теперь ясно, что делать. Лечу с ними!

В столице идут антивоенные митинги. У ВДНХ протестовали коммунисты, на Театральной площади – члены «Демократического союза» и гайдаровцы из «Выбора России». Еще вчера я заступался за пикетчиков из «Мемориала», которые вышли на Старую площадь прямо к администрации президента с плакатами: «Нет войне! Остановите вторжение! Переговоры!»

В Москве шел тогда снег, людей и самодельные плакаты, которые они держали, трепал холодный ветер, а мимо бежал народ. Ему не до войны. Да, наши солдаты едут на Кавказ усмирять бандитов. Наверное, это правильно. Жаль, что это совпало с Новым годом! Но не отменять же праздник? Надо еще успеть купить подарки детям...

Милиция появилась быстро, увидев мое депутатское удостоверение, отступила. Но вскоре они снова подошли ко мне с каким-то молодым человеком в костюмчике; тот передал, что меня хотели бы видеть в администрации. В этом здании я был в восьмидесятые годы, когда в нем располагался аппарат ЦК КПСС. Тогда во дворе, со стороны Ильинки, для простых смертных работала приемная ЦК, куда я однажды принес письмо от Совета ТЭИИ.

В этот раз передо мной открылись парадные двери, строгие охранники проверили документы, и улыбчивый человек повел меня наверх. Там, в большом дубовом кабинете, меня встретили чиновники, я попытался объяснить им тревогу людей, которые видят страшную опасность в том, что происходит. Вежливо выслушав, осторожно покивав, приглядевшись ко мне оценивающими взглядами, они сказали: «Мы понимаем. Все очень серьезно. Но и вы поймите, пикет здесь, в этом месте – это невозможно».

Поскольку намеченное нами время пикета уже истекало, я не стал препираться, а сказал, что через 15 минут люди разойдутся сами. И на всякий случай спросил:

– Так что? Штурм-то будет?

– Да, нет! Что вы! Какой штурм? Никакого штурма. Ну, постоят войска под городом, потом договорятся. А что бомбят, не верьте. Это их пропаганда. Наши самолеты туда не летают.

На том мы тогда и расстались. Теперь надо было убедиться в этом самому.

Дома, узнав, что я еду, охнули, но вздохнули с облегчением – стало легче и мне.

Между двух огней

Лев Пономарев добился официального статуса для своей группы. Кроме Виктора Курочкина и Пономарева в нее вошли их помощники Олег Мустафин, Бекхан Харбиев, Александр Максимов, депутаты Госдумы Виктор Шейнис от фракции «ЯБЛоко», Анатолий Шабад, Александр Осовцов и Глеб Якунин от «Выбора России». Я же в командировочный список не попал и отправился на войну в порядке личной инициативы...

Вместе с депутатами решили ехать журналисты Ирина Дементьева (газета «Известия»), Галина Ковальская (газета «Новое время»), Марина Перевозкина (газета «Русская мысль»). У нас еще теплится наивная надежда на то, что все можно остановить.

Ведь и в армии поход на Кавказ не вызывает энтузиазма, от него отказались четыре генерала, в том числе наш депутат, генерал-полковник Эдуард Воробьев. Ему, первому замначальника Генерального штаба, предложили руководство всей операцией, но он подал рапорт о том, что для приведения армии в боеспособное состояние понадобится до полугода, и ушел в отставку. Позже он рассказывал членам нашей фракции, что экипажи той бронетехники, которая должна была ехать на Кавказ, собирались из разных частей. Старослужащие и первогодки проходили слаживание и обучение на зарядание своих пушек непосредственно перед загрузкой в эшелоны. А командующий группировкой «Север» Константин Пуликовский, по словам подполковника Зряднего, говорил, что «в таком состоянии, в котором находится неупорядоченная, необученная бригада, при том, что задачи не соответствуют Конституции, он костыли ляжет, но жандармские функции пусть выполняет не армия, а те, кому это положено». Он просил у министра обороны минимум месяц на подготовку штурма, однако приказу командовавшего объединённой группировкой генерала А. Квашнина подчинился и первым начал боевые действия.

Пока войска преодолевали сопротивление местного населения в Ингушетии и Дагестане, часть северной группировки была доставлена в Моздок по железной дороге. Высадку из воинских эшелонов 131 мотострелковая (Майкопская) бригада, 81 и 276 полки начали еще 8 декабря. В их составе два моторизованных батальона, в каждом из которых по 20 БТР, а еще артиллерия и 20 танков, но в бригаде нехватка стрелкового состава. Комбригу Ивану Савину поставлена задача принять участие в блокаде чеченской столицы с севера, чтобы потом пропустить в город десантно-штурмовые отряды.

В то время, когда мы еще собирались в Чечню, майкопцы уже стояли на подступах к городу.

30 декабря мы приземлились в Минеральных Водах и отправились в Назрань, столицу республики Ингушетия, которая недавно разделилась с Чечней и, в отличие от последней, осталась в составе федерации. На правительственных машинах нас довезли до маленькой гостиницы, накормили и устроили на ночлег. К ночи я вышел за ворота, редкие фонари освещали обледеневшую грунтовую дорогу, пруд, хрущевские пятиэтажки. В воздухе пахло гарью. Где-то далеко глухо перекачивался гром... Наутро нас пригласили к президенту Ингушетии Руслану Аушеву. Я увидел человека, чем-то напоминавшего Никиту Михалкова, но без присущего тому барства. Военная форма генерал-лейтенанта контрастировала со штатским костюмом его заместителя Бориса Агапова. Выслушав нас, они рассказали о том, что Ингушетия второй раз становится приютом для беженцев – первый раз из Северной Осетии, теперь из Чечни. Аушев показал нам на карте движение войсковых колонн в сторону Грозного, предупредил об авиации, которая охотится за идущими машинами и зачастую расстреливает их на дорогах. Сказал, что не сомневается в том, что будет штурм и будет затяжная, кровавая война, в которой не будет победителей.

Агапов подтвердил информацию о жертвах среди тех ингушей, которые пытались остановить армейские колонны. Еще 17 декабря на территории Ингушетии у станции Нестеровская бронетранспортеры расстреляли колонну легковых машин с беженцами из Грозного. Три автомашины были затем раздавлены танком. А министр здравоохранения республики, заслуженный семидесятилетний врач, который на своем «жигуленке» встал на пути БТР, был им отброшен и умер от разрыва сердца.

Нам дали автобус с пробитым пулями лобовым стеклом, извинившись, объяснили, что это последний, который сейчас на ходу. Несколько предыдущих повезли в Грозный медикаменты, муку и тех, кто хотел забрать оттуда своих родственников, но обратно не вернулись.

Вместе с нами в сторону Грозного поехали женщины, чтобы забрать – одна парализованную соседку-армянку, другая – сестру и еще несколько московских чеченцев, которые тоже хотели спасти родственников.

Долгая дорога, опустевшие поля, холмы, вдалеке мягкие отроги гор, полное безлюдье. Мы едем не по федеральной трассе, это слишком опасно, а какими-то проселками. После Серноводска у перекрестка дорог вдруг видим среди бурой земли и непролазной грязи армейские палатки, успеваем заметить вырытый в землю БТР, вдалеке грузовики и, кажется, танк.

Едем дальше, я спрашиваю, как называются эти места, и слышу: «А это река Валерик, но это сейчас – просто ручей, а вот весной». Валерик! Тот самый лермонтовский Валерик? Я оглядываюсь. В опускающихся сумерках успеваю увидеть голые холмы. А ведь здесь были леса? Да, что бы вытеснить чеченцев, их тогда жгли ермоловские солдаты...

Один из попутчиков, Раппа Ахьядов, говорит, что ночью в город ехать опас-

но. Кто угодно может, не разобравшись, открыть по автобусу огонь. Он предлагает остановиться в поселке Новые Алды в его доме. Нас встречают мать Раппы и его дядя Абдул Керим, они в трауре – утром попали под обстрел и погибли два племянника. Но закон гостеприимства обязывает, женщина идет готовить еду на всех. А Лев, войдя в роль начальника, начинает распоряжаться, кому куда завтра ехать и что выяснять.

Я же считаю, что в первую очередь нам надо найти группу Ковалева, узнать, что с ними, услышать их оценку происходящего. Я говорю об этом, но в ответ слышу: «Я руководитель группы и вы должны делать то, что я считаю нужным!»

Человек я спокойный, даже тихий, но не привык, чтобы мной командовали и тоже повышаю голос:

- Ну уж нет! Ты командовать мной не будешь!
- Ты вошел в мою группу, я за нее отвечаю!
- Нет, я сам за себя отвечаю. Сначала Ковалев!

Пономарев стучит по столу, я вскакиваю, а Раппа, подумав, что сейчас мы, как настоящие джигиты, схватимся за ножи, встает между нами. Пономарев хочет сохранить самостоятельность своей «миссии», не сливая ее с «ковалевской», он еще что-то доказывает, но тут вступает Анатолий Шабад: «Конечно, надо сначала найти Ковалева!»

Светает, Абдул Керим идет к соседям и просит довести нас до центра на легковых машинах. Едем в реском (бывший республиканский комитет КПСС), двенадцатизэтажное здание брежневского стиля. Теперь это президентский дворец, но все по-прежнему называют его рескомом.

Перед зданием сквер с фонтаном и фонарями, решеткой Вечного огня, из которой еще рвется язык рыжего пламени, и новогодней елкой. Я оглядываюсь и вспоминаю телерепортаж: да, это здесь Дудаев принимал военный парад, это здесь старики танцевали зикр. Мы поднимаемся в вестибюль, там пусто. Появляется пара мрачных людей с калашами, Лев нервно объясняет, мы депутаты из Москвы и приехали увидеть, что здесь происходит... Доверие возникает только после того, как звучит имя Сергея Адамовича.

Когда мы входим в здание рескома, «майкопская» бригада уже на марше. Министр обороны, сидя в Моздоке, решил использовать «эффект неожиданности». Объявив, что штурм откладывается, он демонстративно сел в самолет вместе с главой МВД Ериным и главой ФСК Степашиным и сделал вид, что улетает домой. По его словам, во время выруливания, когда самолет скрылся за ангарами, вся компания слезла. Решив, что так он усыпил бдительность чеченцев, Грачев собрал в штабе командующих группировок. Подполковник Валерий Ярko вспоминал: «Была поставлена задача – к празднику, к Новому году захватить и решить проблему с Чеченской республикой. То есть захватить президентский дворец». Грачёв пообещал, кто из генералов первый водрузит флаг над президентским дворцом, тот получит звание Героя России. Генералы заспешили к сво-

им солдатам, а министры остались провожать старый и встречать новый, победный год. А заодно и отпраздновать день рождения Грачева.

Когда подойдут все группировки, в окружении города примут участие 18 292 военнослужащих, в распоряжении у которых 222 танка, 547 БМП, 254 бронетранспортера, 249 орудий и минометов.

Но пока никакой блокады нет. Восточная группа войск разделилась, часть ее обходит город с севера, другая, пробившись сквозь завалы на дорогах, которые устроили чеченцы-акинцы в Дагестане, столкнулась с бетонными баррикадами на подходе к городу. На западную обрушился огонь чеченского «Града» в районе села Самашки, и она пошла по дорогам Сунженского хребта. Под городом есть лишь отдельные части федеральных войск из разных группировок, но командование спешит опередить друг друга и гонит их в бой. Полковник Савин получает приказ Пуликовского вступить в город, закрепиться у вокзала и двигаться к центру. Его бронетехника, путаясь на развилках предместий, идет вперед.

Мы же, ничего этого не зная, долго ждем в рескоме встречи с кем-нибудь из чеченского руководства, расспрашиваем журналистов, которые приехали туда раньше нас.

Появляется помощник Дудаева Мовлен (Лечо) Саламов. От него мы узнаем, что группа Ковалева жива, что сейчас уже поздно, а завтра мы их увидим. Нам предлагают жилье в центре города, и депутаты из группы Пономарева возвращаются в Алды за своими вещами. Я же настаиваю на том, чтобы меня отправили к Ковалеву. Мовлен, который оказывается еще и родственником президента, ведет меня к себе домой на улицу Красных Фронтовиков, в квартал, построенный еще в 50-е годы (сталинский ампир, как шутил Михалыч) для инженерно-технических работников и профессуры. По дороге он рассказывает, что первый же налет авиации разбомбил министерство финансов и республиканский банк. Что ж, московским банкирам можно не беспокоиться: все данные по проводкам «чеченских авизо» похоронены под завалами...

После того, как в квартиру, где ночевали депутаты, попали два снаряда, они переехали в соседний дом к Саламову. Там я наконец вижу Михаила Михайловича, Орлова с Борщевым и Ковалева. В городе уже нет света и тепла, электростанции разбиты, улицы, по которым мы шли, завалены рухнувшими столбами, проводами и деревьями. Темные окна и у Мовлена. При свете свечей я обнимаю тестя, меня поят чаем, рассказывают, что в момент обстрела они были в больнице, это их и спасло. Петровский, после того, как второй раз побывал под бомбежкой, решил, что «надо подымать народ» и уехал. Мне рады.

Саламов рассказывает, что в этой же квартире останавливался и Жириновский, пил, тренировался в стрельбе из пистолета, очень хотел дружить с Дудаевым. Лечо спросил изрядно выпившего гостя: «А отделиться нашей республике, когда станешь президентом, позволишь?» – «Когда я стану президентом, – ответил Жириновский, – всем будет хорошо!»

Мы стелем матрасы на пол и собираемся лечь, укрываясь всем, что найдется. Но не успеваем. Пол уходит из-под ног, грохот, в темноте я слышу крик хозяина дома: «Все наружу! Бегом вниз!»

На ощупь пробираемся к выходу, на лестнице из вышибленных дверей соседней квартиры жар пламени и едкий дым. Мы скатываемся по лестнице в подвал, где уже не первый день прячется большинство жителей дома. Там горит коптилка, в ее свете Михалыч обнаруживает в своих руках ботинки, но его собственные на нем. Оказалось, что когда нам крикнули «бежать!», он собирался разуваться в передней, в темноте и суматохе схватил то, что оказалось под рукой. Несмотря на только что пережитый стресс, мы смеемся. Потом кое-как устраиваемся в тесноте подвала, как ни странно, я засыпаю.

Наутро мы поднимаемся наверх, забрать свои вещи. Я заглядываю в дверной проем соседней квартиры, там среди рухнувших перегородок догорает мебель, устояла только капитальная стена, остальное вдребезги. К счастью, людей там не было. Это уже третье попадание в те дома, где ночуют депутаты.

При свете дня я вижу два широких пролома от снарядов в дворовой стене первого дома, где сначала остановилась группа Ковалева. А когда мы выходим на улицу, Олег Орлов показывает мне еще два пробоя поменьше в той его наружной стене, за которой они должны были ночевать. При этом в соседних домах повреждений нет. Пока мы идем в реском, я размышляю о том, что попадания точно в «депутатскую» квартиру сделаны не из пушки и тем более не из миномета. Первые слишком далеко, артиллерия еще стоит на склонах Сунженских гор и Терского хребта, оттуда долетать могут лишь снаряды большого калибра, они разворотили бы полдома. Минометы стоят ближе, но не могут бить так точно и кучно. Скорее, эти пробойны от гранатометов, причем с кумулятивными зарядами, пробившими дом насквозь. Судя по тому, что входные и выходные пробойны почти на одном уровне, выстрелы были сделаны с крыши или из окна дома напротив. Кто и зачем? Сами чеченцы? Чтобы кровь депутатов была на совести армии? Вряд ли... От живых противников вторжения, да еще в таком ранге, пользы для них больше.

Тогда кто? Какие-нибудь непримиримые психи? Или засланная в город спецгруппа, которая среди других задач пыталась решить и эту? Чтобы потом свалить на чеченцев? Возможно. Ведь Ковалев с его разоблачениями уже вызвал ярость министра обороны.

Добравшись до рескома, мы слышим стрельбу где-то на окраине.

Нам предлагают спуститься в подвал, объясняют, что в любой момент можно ждать бомбежки, а там безопаснее. Спускаемся по крутой служебной лестнице. Слышен шум генератора. В отличие от старого бомбоубежища на улице Красных Фронтовиков здесь скорее технический этаж с тепловыми коммуникациями и вентиляционными коробами. Мы видим, что его коридоры занимают десятки, нет, сотни вооруженных людей. Кто-то спит в обнимку с автоматом, привалив-

шись к стене коридора, в руках у стоящих трубы ручных гранатометов, рядом брезентовые сумки, из которых торчат конусы гранат. В полумраке слышно щелканье, там снаряжают диск ручного пулемета.

Мы проходим дальше, в помещение с низким потолком, столом и стульями по периметру. «Это наш пресс-центр, здесь безопасно, ждите».

Скоро выясняется, рядом штаб, в нем вице-президент Ичкерии Зелимхан Яндарбиев и первый заместитель начальника штаба обороны республики, отставной полковник Аслан Масхадов.

Через полчаса приходят Курочкин и Пономарев, Шейнис, Шабад, Осовцов и Якунин. С ними журналисты.

Михалыч рассказывает, что уже неделю они заняты организацией транспорта для эвакуации жителей города, что обращались с этим к Дудаеву, и тот дважды давал автобусы, в которых успели уехать несколько сотен семей. Но кто-то, кажется, Яндарбиев, препятствует выезду, наверное, рассчитывая, что тогда город будут меньше бомбить. (В Грозном к началу войны проживало около 400 тысяч человек, половина – украинцы, евреи, армяне, татары и более всех – русские.)

Еще 22 декабря пресс-служба правительства РФ сообщила, будто чеченцы, чтобы свалить вину на российскую армию, вырыли вокруг нефтяных резервуаров канавы и сами подожгли вылитую туда нефть.

Пономарев и Шейнис уже успели съездить туда, они рассказывают: «Какие там канавы! Там все горит, море огня! Бомба попала в общежитие. Когда люди узнали, что мы депутаты, нас чуть не побили русские рабочие. Показывали на развалины, под которыми остались люди и кричали нам: «Сволочи, что ж вы делаете? Почему не остановите?»

Журналисты услышали и увидели, что в больницах лежат раненые, а в моргах убитые горожане... Люди бегут в села. Но тем, у кого нет родных в сельских районах, идти некуда.

«Мы не можем бездействовать, будем создавать новую депутатскую антивоенную группу. Отсюда, из Грозного, мы начинаем избирательную кампанию!» – слышим мы от Льва Пономарева. Отвечать не хочется. Возвращаемся к идее: депутатам надо разделиться, чтобы успеть за день увидеть разрушения, побывать в морге, выслушать раненых в больницах.

Но планам этим не сбыться, в зал вбегает кто-то из сотрудников Дудаева, а из коридора мы слышим:

– Штурм! Танки прошли Первомайскую!

– Как? Там же...

– Уже вышли на Маяковскую!

Поднявшись с мест, двигаемся к дверям увидеть, что происходит. Нас останавливают: «Куда, там стреляют!»

Слышится шум, кто-то кричит: «Аллах Акбар!» Чей-то смех, топот ног, команды на чеченском. Чуть позже нас разделяют на две группы и разводят по

разным помещениям. Ковалев и Орлов остаются, мы вместе с журналистами переезжаем в другой бокс.

Когда по всему городу загрохотало, журналисты стали стекаться в наш подвал. Появились врачи в белых халатах, ополченцы освободили один их больших боксов. «Для раненых», – бросил мне кто-то в ответ на мой вопрос. Мы стали помогать: сняли двери, притащили доски и щиты, соорудили столы и нары.

Когда где-то открывались двери, в подвале был слышен глухой гром, вскоре заколебалась земля под ногами, а со стен и потолка стала сыпаться побелка.

В это время спешно собранные танковые колонны уже пытались пробиться в центр города. В 11 утра 131-я «майкопская» бригада прошла окраины, 81-й мотострелковый полк, захватив аэропорт «Северный», вышел на улицу Хмельницкого и попал на Первомайскую улицу.

К 12.30 передовые подразделения 81-го мотострелкового полка были уже около железнодорожного вокзала, и генерал-майор Пуликовский подтвердил распоряжение занять президентский дворец. В 13.00 главные силы полка прошли вокзал и по улице Орджоникидзе устремились к комплексу правительственных зданий. А дальше. Дальше был огонь со всех сторон!

Одновременно с боями в центре Грозного сражение развернулось и в тылу прорвавшихся в город подразделений, на северных и северо-западных окраинах. Под перекрестным огнем экипажи бронетранспортеров и танков плутали по улицам города.

Позже командующий внутренними войсками генерал-полковник А. С. Куликов будет говорить: ***«В штабе СКВО не оказалось достаточного количества карт Грозного. У командиров, начиная от командира батальона и ниже, подробные карты были большой редкостью, а те, что имелись в наличии, были составлены в 1972 году».***

От удара гранатометов запылали танки, по словам боевиков, даже крупнокалиберный пулемет вспарывал броню БТР. В районе вокзала первый батальон «майкопской» бригады попал в окружение. Отдельные бронемашины, заплутав, выскочили к рескому и тут же были расстреляны гранатометчиками.

Я не мог усидеть в подвале и все же выбрался наверх к вестибюлю. На минуту я успел поднять голову над бруствером из мешков с песком, которыми были заложены окна. Во мраке ночи кровавым пламенем полыхало то, что осталось от БМП, его перевернутая башня темнела в стороне, трещали выстрелы, из развощенного корпуса летели горящие осколки рвущихся снарядов, языки пламени змеились по окнам соседних домов. Кто-то схватил меня за руку, я обернулся – Михаил Михайлович, дернув, потащил меня вниз...

А там уже вносили раненых, через несколько минут раздался шум, привели первых пленных. Ими оказались двое мальчишек в застиранных гимнастерках, ошалев, они озирались, плохо понимая, что с ними случилось. Какой-то бородастый, обвешанный оружием боевик (потом оказалось, что это начальник ох-

раны Дудаева Абу Арсанукаев), глядя на них, громко и недобро смеялся. Мы обступили пленных, а журналисты с фотоаппаратами и диктофонами кинулись их расспрашивать. Оказалось, что новобранцев из какой-то глубинки определили обслуживать машину связи, ее подбили, она загорелась, они выскочили, что с командирами, не знают. Марина Перевозкина спрашивала: «Сказали вам, зачем идете в город? Готовили?»

Те не могли ответить, потом сказали, что в «учебке» им два раза дали пострелять из автомата. Этих солдат увели, а по коридорам уже шли другие, раненые. В импровизированном госпитале на столах и на полу лежали рядом окровавленные боевики и российские солдаты. Врачи и санитарки перевязывали и тех, и других.

А нам выпала страшная доля: когда мы с Олегом Орловым сидели в «ковалевском» боксе, Арсунукаев принес ворох удостоверений только что погибших солдат и офицеров.

«Вот, смотрите, – сказал он нам. – За что гибнут ваши люди? Да, мы стреляем! Но это ваши генералы привели их сюда. Они пришли с оружием, а мы их сюда не звали! И то, что нам приходится стрелять, ваша вина!»

В ужасе смотрели мы на документы тех, чьи тела лежали сейчас где-то на улицах горящего города. Олег Орлов взял одно из полуобгоревших удостоверений, на нас смотрело лицо молодого парня.

– Лейтенант.

– Что будет с документами? – спросил я.

– Останутся у нас, когда победим, отошлем вашему президенту!

Мы переглянулись: какая победа? И чья бы она ни была, кто поручится, что матери и жены погибших узнают о судьбе своих близких, а не услышат от чиновников: он пропал; мы не знаем, может, он дезертир, пенсия вам не положена. (Так оно потом зачастую и было).

Как в страшном сне я сел за стол и стал диктовать Олегу имена и номера удостоверений убитых. Дрожали руки, мутило, а стопки документов, окровавленных писем и записных книжек продолжали приносить.

На следующий день кто-то из наших заметил, что седины в моей голове изрядно прибавилось...

В госпитальной части подвала уже некуда было положить раненых, у врачей кончались бинты и лекарства. Я увидел в коридоре русского старика. Выставив вперед трясущиеся руки, он шел, поддерживаемый каким-то боевиком. Сквозь тихий вой и бормотание он рассказал, что жил рядом, в пятиэтажке на проспекте Победы, дом 30, квартира 39, что у него там осталась больная жена. Вместе с ней майор запаса Абозин воевал в Отечественную, он танкист, она военврач. Когда рядом взорвался БТР, их дом загорелся, запылала квартира, он пытался вытащить парализованную жену, не смог. Она задохнулась, а он, связав бельевые веревки, спустился через балконы с четвертого этажа прямо на голову пробежав-

ших мимо боевиков. Они довели его до рескома. Медсестра смазала и перевязала его ободранные руки, он сидел в коридоре, по его лицу текли слезы. Потом, в минуту затишья, он ушел. (В мемуарах жены Дудаева, Аллы, есть эпизод о том, что в ту ночь, проезжая с мужем мимо рескома, она увидела бредущего по дороге старика с забинтованными руками. Он сказал, что у него погибла жена. Его взяли в машину и вывезли из города.)

Из отрывочных слов людей, которые приходили и уходили, было понятно, что федеральные войска несут потери. Кто-то говорил о двадцати, сорока, даже ста сожженных танках. Мы думали, что это преувеличение и ждали новой атаки. И нас, и ополченцев вместе с журналистами кормила большая толстая тетка, которая тут же и готовила нехитрую еду. Кто-то, смеясь, спросил ее: «Что, Роза, не боишься? А если солдаты сюда доберутся?» Отложив поварешку, она спокойно сунула руки в карманы своего халата и вытащила оттуда две зеленые яйцевидные гранаты. «Я-то знаю, что делать». Услышав это, журналисты отсели подальше.

А что делать нам?

Стрельба в центре города стихла лишь к 11 ночи. Я бродил по подвалу, приглядываясь к людям. А заодно поглядывал, нет ли места, где мы могли бы укрыться, если бой начнется уже тут. Это было безнадежно и глупо, но отвлекало.

Где-то далеко, на другой планете, люди готовились встречать Новый 1995 год. Правда, без российского президента, который, по официальной версии, «проходил операцию на носовой перегородке», что не помешало россиянам увидеть запись его новогоднего выступления. В его праздничной речи не было ни слова о войне.

В последние часы 94-го года под совсем не праздничный грохот пушек, я думаю о том, что делают сейчас моя мать, жена, взрослые дети, пятилетняя Юлька.

Я не знаю, что жена увезла дочь, которая уже стала заикаться и плакать по ночам, к своей сестре. А там дочь подралась со своим двоюродным братом. Она входит к нему со словами:

– Ельцин – козел!

Семилетний Павлик, еще недавно слышавший, что Ельцин хороший, заступается:

– Нет, он не козел! Он, наверное, не знает, он в больнице.

– Нет, козел!

Детей пришлось разнимать...

Я разглядываю людей, которые готовы убивать и умирать. Почему, что их толкает? Это фанатики, для которых газават, который объявил главный муфтий Чечни Ахмат Кадыров, дорога в рай? Но те, кого я вижу в рескоме, на них не похожи. Я вспоминаю, что, судя по газетам, дудаевцы выпустили из тюрем уголовников, что они-то и составляют ударные отряды. Мой тюремный и лагерный опыт позволяет мне замечать в толпе бывших зеков, но таких лиц и повадок я тут

не вижу. Если среди тех, кого я обхожу, проходя по коридорам, и есть уголовники, то их немного. Да и не верю я в смелость хулиганья и бандитов, открытый бой с вооруженным противником не для них.

Сидевший у стены ополченец попросил у меня сигарету, я сел рядом, спросил:

– Местный?

– Нет, с Казахстана.

– А тут как?

– Как, как. Узнал, что война. Приехал защищать. Моих отсюда однажды уже выселяли.

– А дома чем занимался?

– В клубе работаю, художником.

– Слушай, – он поворачивается ко мне. – Объясни, вот зачем вы сюда пришли, со своими танками?

Я развожу руками:

– Это не нас надо спрашивать, мы-то против!

– Эх, зря вы, – оглянувшись вокруг и понизив голос, добавляет. – Я тут послушал местных, они говорят, что, если бы не ваши, они бы сами скоро Дудаева убрали.

Слова о том, что народ сам навел бы у себя порядок, что время Дудаева уже уходило, я не раз слышал потом от местных жителей. Как и слова о том, что теперь, после нападения, они будут драться вместе с ним до конца.

Навалилась усталость, я забылся тяжелым сном. Среди ночи проснулся от шума, в госпитальном отсеке кто-то кричал, слышалась возня. Заглянув туда, в полутьме увидел врача, который держал вырывающегося из его рук человека. Оказалось, на соседних топчанах лежали раненный в ноги российский танкист и простреленный боевик. Тот, очнувшись, увидел рядом армейский шеврон и, вытащив нож, пополз к соседу. Его успели перехватить, потом Виктор Курочкин организовал перевод русских раненых в отдельное помещение (капитан В. Мычко остался жив, позже правозащитники вывезли его домой через Ингушетию).

Потом я узнал от Виктора (он не раз еще ездил в Чечню), что ни врача Резвана Ибрагимова, ни медсестру Айзан Акбулатову, ни фельдшеров Яху Салгиреева и Алауди Ахматова, ни кардиолога Ислама Баширова война не пощадила.

Возвращаясь из госпитального отсека, я слышу смех и украинскую мову, в тупике коридора на трубах сидит пятеро боевиков. Их предводитель, завидев меня и мой депутатский значок, переходит на русский. Нарочито весело и громко он рассказывает, как лихо они только что «вдарили по москалям». Много позже я прочту в газетах, что отряд УНА-УНСО возглавлял тогда некий Сашко Билый, потом он стал одним из лидеров крайних националистов из «Правого сектора», участником Евромайдана и свержения президента Украины Януковича, не поладил с новыми властями и был убит. А тогда в его глазах я увидел

ненависть и почему-то вспомнил пробоины в «нашем» доме на улице Красных Фронтовиков.

Подразделения сидевших в подвале ополченцев сменяли друг друга всю ночь. Одни уходили по команде, другие, приходя, ели, отлеживались, пели, даже танцевали на крошечном пятачке (с гранатами в руках!) и ждали команды на выход. Оборона велась вахтовым методом. Как там говорил Дудаев? Наскок – отход...

Идут томительные часы, мы не знаем, что творится наверху, мы не понимаем своего места в этой дикой ситуации.

Пока не начали стрелять, мы были посредниками, а теперь, когда русские и чеченские парни убивают друг друга, на чьей мы стороне? Можно ли в этом бреду – остаться над схваткой?

Кто здесь враг? Чью честь отстаивать прекраснодушным Дон Кихотам? Солдат и офицеров федеральных войск, которые, подчиняясь присяге, считая, что служат России, идут лишать свободы непокорный народ?

Тех, кто уверен в том, что спасает его от неволи и, взяв в руки оружие, убивает «захватчиков»?

Или речь не о знаменах, под одно из которых почему-то надо обязательно встать, а о спасении жизни тех и других?

Что скажут о нас в России? Даже вызволение из плена первых жертв гибридной войны, танкистов, стало поводом для обвинений Ковалева в измене. А теперь, когда мы оказались по эту сторону фронта, можно представить себе, как имперцы и нацисты спустят на «врагов народа» всех своих собак.

Как быть?

Убеждать своих товарищей в том, что все наши возможности исчерпаны? Что здравый смысл говорит: чтобы не подставляться, надо отойти в сторону? Или ради спасения хоть одного солдата стоит забыть об осторожности? Тем более, что кроме участников смертельной схватки есть еще простые мирные люди, те, кто уже стали или станут жертвами оружия массового поражения, кто вступится за них?

Я вспомнил пацифиста из книги Р. Роллана или А. Барбюса, который пытается остановить бойню первой мировой. На фанерном самолетике тех лет он, летя над окопами, разбрасывает листовки с призывом к миру. Он – изгой в мире взаимной ненависти, и он гибнет. Бессмысленно? Но что делать тому, для кого убеждения и совесть дороже «здорового смысла»? Эти мысли бродили и путались в моей голове, а внутренний голос не позволял даже заговорить об уходе.

Думаю, что и чеченцы не понимали, что с нами делать. Объявить нас заложниками и угрожать Москве расстрелом депутатов российского парламента? Не удивлюсь, если у радикала Яндарбиева такие мысли в голове бродили, но, если так, то ни Дудаев, ни Масхадов на это не пошли. Они пытались использовать наше присутствие для прекращения бойни, но это было и нашей задачей.

А позже выяснилось, что нас не только берегли, но и стерегли. Чеченской

разведке кто-то шепнул, что среди вновь приехавших есть тот, кому поручено ни много ни мало убить Сергея Адамовича! А потом свалить на них. Поэтому пока группа Пономарева не уехала, в отсеке, где находился Ковалев, за тонкой просвечивающей занавеской сидел гвардеец и входящие были под его прицелом...

Валерий Борщёв говорит мне: «Мы должны оставаться в городе, обреченном НАШИМ правительством на уничтожение. Это НАШИ люди, это наш долг, мы должны быть рядом и сделать все что сможем».

Естественно, я соглашаюсь.

Наутро уполномоченного по правам человека позвали к Яндарбиеву. Вернувшись, Ковалев рассказал, что, по словам вице-президента, федеральные войска разгромлены, сожжено более 60 танков и БТР. (Когда северная часть Грозного перешла в руки федеральных войск, эвакуационный отряд подполковника В. Тимошенко вывез оттуда несколько сотен единиц подбитой и сгоревшей техники.)

Мы еще не могли знать – верно ли то, что нам говорят, но тот список документов погибших солдат и офицеров, который составлял Олег Орлов все рос, а, по словам чеченцев, большая часть нападавших окружена.

Ковалева и Курочкина позвали к Масхадову, через час они вернулись и рассказали, что их попросили выйти на связь с армейскими командирами по рации, чтобы начать переговоры. Они спросили: если контакт получится, что вы хотите им передать?

Яндарбиев сказал, что они предлагают мирный выход окруженных войск, но без тяжелого вооружения. Всем автономным группам боевиков дана команда уничтожать бронетехнику. Если она начнет двигаться, неважно куда, ее будут жечь. И остановить это в одночасье они не в силах. А для ухода федералов они дадут грузовики и своих провожатых. Пусть забирают свои автоматы и едут домой. Впереди колонны пойдет машина с чеченским флагом, так они обеспечат прекращение огня.

Ничего хорошего из той их попытки не вышло, да и не могло выйти. По разговору стало ясно, что командиры совсем не понимают, что происходит. Когда депутаты назвали себя, неизвестный спросил их: «Когда вы перестанете нас обстреливать?»

Ковалев в своей обычной размеренной и методичной манере стал объяснять, что на связи депутаты, что это не они, а в них стреляют. А приехали они в Чечню, чтобы понять, что здесь происходит, что мы убедились: в городе полно мирных жителей, которые гибнут от бомбежек, что всем надо остановиться и перестать убивать друг друга. В ответ прозвучал упрек: «Как же вы допустили эту херню?» Слова о том, что депутаты были против, услышаны не были. Ковалев просил позвать к рации кого-нибудь из старших командиров, но связь оборвалась. В эфире шли помехи, через них прорывалась чья-то матерная ругань в адрес чеченцев и правозащитников. Потом их уговорили на еще одну попытку, и в интернете можно найти запись разговора, в котором, судя по подписи, якобы участвует

комбриг Савин. Но это не он. В этой записи со стороны федералов, скорее всего, участвовал какой-то особист, у которого уже были пропагандистские заготовки о прибалтийских снайпершах и наемниках.

Подполковник Иван Савин, которого большие генералы не глядя бросили в бой, к тому времени уже погиб. Вместе со своими солдатами он ждал помощи, а когда она застряла, тоже попав в окружение, отправил раненых на последнем из оставшихся БТРов и прикрывал их отход. Тела командира и батальонного врача нашли среди завалов только две недели спустя...

Только по официальным сводкам, подразделения ВДВ потеряли 31 декабря 27 человек убитыми, а 1 января – еще 16 человек были убиты и один пропал без вести. Потери частей 8-го армейского корпуса за 31 декабря и 1 января составили 12 человек. 131-я отдельная мотострелковая бригада за этот же период потеряла 85 человек убитыми, 72 человека пропали без вести. 81-й мотострелковый полк потерял 63 человека убитыми, 75 пропали без вести. Более 30 человек потерял 31 декабря 276-й мотострелковый полк. Еще около 60 человек было потеряно в этом полку 1 января. Кроме того, в этих же частях за двое суток боев более 150 человек попали в категорию пропавших без вести, и лишь небольшая часть из них оказалась в плену, остальные же погибли.

Ополчение потеряло 2 танка и до 200 человек, убитых жителей города никто не считал.

О разгроме наступающих стало известно и журналистам, к этому времени в подвал пробрались и телевизионщики, все они хотели услышать еще и депутатов.

Мы еще думали, что и как говорить прессе, а число жертв продолжало расти.

На восточной окраине Грозного генерал Стаськов получил приказ на отход в исходный район. Примерно в 9.15 на отступающие части обрушился бомбоштурмовой удар. Два российских Су-25 ошиблись при определении цели. Было убито и ранено около 50 человек, в том числе погибли начальник разведки группы «Восток» полковник В. Селиванов, начальник штаба 133-го отдельного танкового батальона капитан С. Курносенко, командир взвода 133-го отдельного танкового батальона лейтенант Д. Горюнов.

Иностранные и российские корреспонденты сказали нам, что в московских новостях прошла информация о том, что войска уже наводят порядок в Грозном, захватили президентский дворец и тушат подожженные боевиками нефтяные хранилища.

Появилась идея прорвать информационную блокаду через дагестанское телевидение.

Когда поставили телекамеру, кто-то из только что прибывших депутатов поспешил занять место перед ней, и я наблюдал, как рассерженному Михалычу пришлось одернуть его, указав, что в свидетели всего, что здесь происходило, тот еще не годится. Слово взяли те, кто был в Чечне последние две недели. Они

засвидетельствовали, что огонь по скоплениям людей на площадях и базарах федеральная авиация стала вести еще в начале декабря.

М. Молоствов описал ситуацию с попытками эвакуации жителей города, подчеркнул, что в Грозном остается от 100 до 200 тысяч мирных граждан. Олег Орлов назвал число военных, погибших в новогоднюю ночь, по собранным чеченцами документам.

Сергей Адамович зачитал наше обращение к премьер-министру:

«Уважаемый Виктор Степанович!

Многочисленные мои обращения к руководству страны были безрезультатны и безответны. Я даже не уверен, что они доходили до Вас. Поэтому я обращаюсь к Вам с открытым письмом. У меня есть серьезные подозрения, что вы не располагаете достоверными сведениями о положении в Грозном и в Чечне. Военные постоянно лгут Вам. Точно так же лгут официальные средства массовой информации. Штурм города 31 декабря 1994 г. не удался. Армейские части не контролируют ни города, ни учреждения. На улицах лежат неубранные, без преувеличения, сотни трупов российских солдат. Их пожирают бродячие собаки. В отчаянных попытках овладеть городом армейские части применили оружие массового поражения, обстреляв город установкой «Град». Гибнут мирные жители и бойцы воюющих сторон, разрушаются и догорают жилые дома. Многие районы города превращены в руины.

Как Вам вероятно известно, по просьбе А. В. Козырева я проводил неофициальные консультации с руководством Чечни. Чеченская сторона выразила готовность вести переговоры, сначала – вопрос о прекращении огня, согласованном передвижении войск, создание совместной Наблюдательной Комиссии. Более сложные проблемы, включая вопросы о разоружении, о статусе республики и прочее – предмет последующих переговоров.

Чеченская сторона выразила готовность приступить к ним незамедлительно.

Как это ни печально, проведенная работа вновь оказалась невостребованной. Между тем, даже и сейчас не поздно возобновить переговорный процесс.

Я получил заверения, что чеченская сторона и сейчас готова к этому. Естественное условие – отвод вторгшихся войск на исходные до штурма позиции.

Я умоляю Вас прекратить бессмысленное кровопролитие, снять с России позор войны с народом.

Я глубоко убежден, что кровь в Грозном льется не ради разрешения чеченского конфликта. Кровью истекает русская демократия.

Уполномоченный по правам человека С. А. Ковалев

Делегация Уполномоченного по правам человека:

Депутаты ГД РФ В. В. Борищев, М. М. Молоствов, Ю. А. Рыбаков

Член Правления общ. «Мемориал» О. П. Орлов

Обращение поддерживают депутаты Государственной Думы РФ

А. А. Осовцев, А. Е. Шабад, депутат Совета Федерации В. В. Курочкин»

Кассету с записью тут же отправили в Дагестан, там ее пустили в эфир. После пресс-конференции группа Пономарева заторопилась домой. «Надо ехать в Москву!» – горячо говорил Лев, ему вторил Глеб Якунин. «Надо выступать, надо учреждать антивоенное движение, нет – партию!»

Но на улицах стреляли, и отъезд отложили до темноты.

Тут ко мне подошел Виктор Курочкин. Оказалось, что к нему, не простому думскому депутату, а члену Совета Федерации (не «конгрессмену», а «сенатору»), как мы шутя делили депутатов федерального собрания), подошел гонец от Дудаева, который прислал письмо, адресованное Б. Ельцину!

«Москва. Кремль.

Б. Н. Ельцину

Русско-чеченская война, развязанная по прихоти преступных политиков Москвы, унесла уже несколько тысяч жизней только российских солдат. Мирных граждан ЧРИ погибло еще больше. Чудовищное преступление российской военицины, организовавшего (авт.написание) предновогодний штурм Грозного унесло еще тысячи жизней солдат росс. армии. Уничтожено до 200 единиц боевой техники. Остатки находятся в плотном окружении, и ведется операция по их ликвидации. Возлагая на руководство РФ всю полноту ответственности за массовое уничтожение граждан ЧРИ и РФ, я тем не менее, исходя из чувства гуманизма и ответственности перед богом за жизнь каждого человека, как гражданина ЧРИ, так и любого другого, по воле судьбы оказавшегося на чеченской земле, предлагаю Вам незамедлительно прекратить все действия российских войск в ЧРИ, отвести войска на исходные позиции и начать мирные переговоры для решения всех вопросов взаимоотношений ЧРИ и РФ. Со своей стороны мы сохраним жизни тем российским военнослужащим, которые оказались в окружении, и позволим им беспрепятственно покинуть ЧРИ.

Предложение продиктовано желанием не умножать слезы и страдания матерей, жен и детей тех, кто по вине политиков отдают свои жизни.

Президент ЧРИ Д. Дудаев».

Обсудив текст, мы оба признали, что он носит слишком дерзкий характер. Если допустить, что письмо чудом дойдет до Ельцина, то его тон может возмутить гаранта Конституции.

Мне показалось, что писать Ельцину напрямую будет ошибкой, ведь при отказе обращаться будет уже не к кому... На наш вопрос, можем ли мы посоветовать какие-то изменения в письме, гонец засомневался.

Тогда мы передали Дудаеву, что предложим другой, смягченный вариант и

Мои Кремль.
Б.Н. Ельцину

Русско-Чеченская война, развязанная по прихоти преступных политиков Москвы, унесла уже несколько тысяч людей, только российских солдат. Многие гранаты ЕРГ и пошло еще больше. Кудовишное преступление российских воинов, организовавшего предположительно штурм Грозного унесло еще тысячи людей солдат рос. армии. Уничтожено до 200 единиц боевой техники. Остатки находятся в плотном окружении и ведется операция по их захвату.

хотели бы переадресовать его главе правительства, чтобы оставить возможность в дальнейшем обращаться еще и к Ельцину.

Получив согласие и обсудив это еще раз с Ковалевым, я принялся за текст:

«Премьер-министру Правительства РФ

Черномырдину

Неоднократно я обращался к высшему руководству России с предложением по мирному урегулированию конфликта, возникшего между Россией и Чеченской республикой Ичкерия. Все мои предложения были отвергнуты.

Несмотря на заверения Президента РФ и министра обороны РФ в том, что российская армия не будет применять силовых средств, которые могут привести к массовой гибели мирных жителей, а также в том, что г. Грозный не будет штурмоваться российскими войсками, это не помешало военным подразделениям РА начать штурм города 31 декабря 1994 г.

В результате к сотням погибших и тысячам лишившихся крова в результате агрессии прибавились новые жертвы.

Штурм города окончился провалом, уничтожено более 150 единиц бронетехники, погибли новые сотни российских солдат, мирные люди гибнут в огне пожаров и под обстрелами и бомбежками РА. Остатки штурмовых групп окружены народным ополчением, их судьба в руках чеченского народа, который не хочет пролития ненужной крови.

Исходя из чувства гуманизма и ответственности перед богом за жизнь каждого человека, я еще раз предлагаю Вам и в Вашем лице Российскому правительству проведение переговоров о взаимном прекращении огня и обмене пленными. В качестве первого шага доброй воли я готов, при наличии ответа

о возможности переговоров, открыть дорогу для беспрепятственного выхода окруженных частей из г. Грозного.

Президент ЧРИ Джохар Дудаев»

Теперь я вижу, что разница в этих вариантах была уже не важна. Для тех, кому это было адресовано, сильнее всех доводов было другое: самолюбие верховной власти не могло смириться с поражением.

В подвале нашлась девочка-машинистка, под мою диктовку она отпечатаала текст, его куда-то унесли, а через час вернули с размашистой подписью.

Когда стемнело, пономаревская группа собралась покинуть реском. Но оказалось, что пропал А. Шабад. Никому не сказав, вечером он ушел в город. Дело в том, что в подвале рескома среди журналистов была Галина Ковальская, все вещи которой остались в городе, на съемной квартире у завода «Красный молот». Она, видимо, сокрушалась об этом, и Анатолий, несмотря на смертельный риск, ушел за ее вещами, причем где-то пришлось пробираться чуть ли не ползком... Он добрался, взял необходимое и вернулся, но уже глубокой ночью. В той квартире остались еще вещи и других журналистов, в том числе и Марины Перевозкиной. Позже мы слышали разговоры о «белых колготках», снайпершах из Прибалтики, которые якобы воевали за доллары на чеченской стороне и зачем-то ходили в белых колготках. А вот с чего возник этот слух, мы, кажется, догадались. Марина рассказала потом о своем пропавшем рюкзаке, где у нее был бронежилет, 300 долларов и... колготки!

Вернувшегося после рыцарских подвигов Шабада мы дружно обругали и за то, что не предупредил, и за задержку уходящей группы. Но тут оказалось, что в Москву он вовсе не спешит. Той же ночью Анатолий вместе с журналисткой ушел в сторону гор, чтобы увидеть, что происходит там.

Остальные двинулись на выход только под утро. Лев получил для распространения наше общее заявление, у Виктора было письмо Дудаева.

Кому-то из уходящих Михаил Михайлович передал письмо нашим близким. Там, в том числе, было написано, что, если нас убьют, не винить в этом чеченцев.

В двойном железном кольце, которое по плану должно было окружить город, оказались широкие прорехи, и группе Пономарева, а позже и А. Шабаду, удалось добраться до Москвы. Там они убедились в том, что лживая пропагандистская машина продолжает работать. Так, газета «Красная звезда» сообщала в это время следующее:

«В течение 4-5 января российские войска осуществляли перегруппировку сил и обустройство своих укрепленных пунктов. Со стороны окруженных в районе железнодорожного вокзала дудаевских боевиков была предпринята ожесточенная, но безуспешная попытка прорыва. Российские войска отбили три атаки, уничтожив около 100 боевиков».

Выступая на пресс-конференции в Думе, депутаты объяснили, что все наоборот. Весть о гибели сотен солдат и разрушении города пресса разнесла по стране.

Рыхлое, разобщенное общество вздрогнуло, но продолжало отдавать на закляние своих детей ...

Как мы и предполагали, Бориса Ельцина после новогодних возлияний было не достать. Из кабинета Егора Гайдара по правительственной связи Виктор Курочкин пытался дозвониться до приемной премьера, но у Черномырдина никто даже не брал трубку. Письмо Дудаева пришлось отправлять туда по факсу. Но никакой реакции не последовало, информация о письме президента Чечни даже не прозвучала в прессе...

А притихшая на пару дней бойня была готова заработать снова.

Пока основные федеральные войска отползали назад и приходили в себя, дудаевская гвардия и ополченцы продолжали удерживать окруженные ими армейские части.

И Дудаев, а более того Масхадов, должны были понимать, что это ненадолго. Силы неравны и, если война продолжится, российская армия, превосходя числом и боевой мощью, все равно выбьет их из города. Надо было делать еще один публичный шаг к переговорам.

Ковалева опять позвали в штаб обороны, вернувшись, он рассказал, что город полон трупов, дома в центре продолжают гореть, у тех жителей, кто еще жив и сидит по подвалам, кончается вода, нет ни еды, ни медикаментов. Все это он услышал от Масхадова. Тот сказал, что он как командующий хотел бы передать руководству федеральных войск свое предложение:

Установить временное прекращение огня.

В этот период собрать погибших и раненых с обеих сторон.

Дать возможность местным жителям покинуть город,

После этого приступить к переговорам.

Если последний пункт не устраивает, вернуться к боевым действиям.

Теперь Масхадов просит нас в качестве парламентариев выехать в сторону расположения армейских частей и встретиться с кем-то из российских командиров. Вместе с нами готовы ехать чеченский офицер, врач, пленный майор из 131-й бригады, православные священники из местного храма.

Разумеется, мы согласились.

Выйдя из рескома и щурясь от яркого света, мы увидели автобус скорой помощи, врачей и двух священников, человека в ватнике с чужого плеча. Кто-то прилаживал к шесту белое полотнище с красным крестом. Мы поздоровались и сказали друг другу какие-то ободряющие слова. Валерий подошел к священникам и попросил благословения, мы сели в автобус, врач скорой помощи выставил в окно белый флаг, и мы двинулись в неизвестность.

Дорога оказалась короткой, через 20 минут медленной езды мимо обрушенных и горящих зданий, по улице, усеянной битым стеклом, мы оказались перед белыми парадными воротами, на арке которых было написано: «Парк культуры и отдыха им. Ленина».

Раздалось несколько хлопков, наша машина просела. Из-за облупленных колонн показались два автоматчика. Их оружие было направлено на нас.

– Не стреляйте, не стреляйте! Мы парламентареры!

– Выходите, – услышали мы. А когда вышли, получили команду: – Стоять! – и остановились с поднятыми руками.

– К стенке! – истошно закричал кто-то, но тут раздалась выстрелы, пули пропели над нашими головами, и все кинулись за угол под прикрытие стен. (Хотя какая стена может укрыть, мы не понимали...) Под аркой мы оказались нос к носу с тем, кто кричал. Солдатик не знал, что делать.

– Спокойно, спокойно! – сказал ему кто-то из нас. – Свои! Мы депутаты, вот документы!

Повернувшись, мы увидели еще пару солдат, за ними в парке виднелись десятки машин, ящики, танки.

Стрельба с улицы прекратилась, мы стали втолковывать, кто мы и зачем приехали. Один из солдат, пригибаясь, отбежал куда-то. Было слышно, как он повторяет наши слова по полемому телефону.

Появился офицер, капитан. Мы предъявили свои документы, объяснили, что выполняем просьбу чеченцев, что они предлагают прекратить огонь, собрать убитых и раненых, открыть коридор для эвакуации жителей города, что эти предложения нам надо передать российскому командованию.

Капитан предложил укрыться за броней подбитого БТР, который стоял рядом, перед входом. Заодно он увел нас и с места, где можно было видеть, что происходит в парке. (Там были части 693-го мотострелкового полка из Западной группировки, вторые сутки они были в обороне, потом к ним прибьется часть 76-го парашютно-десантного полка.) Мы перешли под борт БТР и закурили. Я стоял и услышал его совет присесть под колесо. Глупо было, но я остался стоять вместе с ним.

Чеченец активности не проявлял, просто присутствовал. А капитан, узнав кто он, не хотел даже смотреть в его сторону. С пленным офицером он перекинулся парой слов, предложил остаться, тот помотал головой: «Не могу, там еще другие. Нас много, держат в подвале, кормят, одного застрелили, но он «выступал» сильно. Хвастал, что сто снарядов по ним выпустил. Обещали нас отпустить потом. Если война кончится». (Это и был подполковник Владимир Зрядний, позже боевики уведут его с собой в горы, он попытается бежать и будет убит.)

Старый священник и его молодой дьякон тихо молились, врач стал рассказывать о том, что они бессильны перед огромным количеством раненых среди мирного населения.

– А разве они не ушли? Нам сказали, что город пуст, – спросил капитан.

– Да нет же! – горячо возражали мы. – На улицах и в домах, везде трупы женщин, детей, стариков. Надо остановиться. Так нельзя!

– Да, я понимаю, – услышали мы, – но у нас приказ! Я не решаю.

Он ушел, оставив нас под прицелом своих солдат. Мы попытались разговаривать их, взяв сигареты они чуть расслабились и рассказали:

– Недавно какой-то пацан-сопляк подобрался через кусты и шарахнул из гранатомета по машинам. Не попал. И стоит как дурак.

– И что?

– Прикончили суку... Охранение как дало с трех стволов! Только клочья полетели...

Пока депутаты ждали ответа, бедный водитель машины на виду у всех менял простреленное колесо.

Вскоре капитан вернулся, хмуро и отрывисто сказал: «Я все передал. Сейчас встречи не будет. Возвращайтесь. Завтра дадим ответ».

Мы поехали назад. Закон предписывал немедленный прием члена парламента государственными служащими, в том числе и военными. Но строптивость наши генералы проявляли даже в мирное время, что уж говорить об условиях необъявленной войны.

Они закусили удила и собирались побеждать любой ценой.

Ближайшей жертвой их отказа от прекращения огня станет капитан, с которым мы курили. Через пару часов сводный батальон попытается пробиться к окруженным у железнодорожного вокзала «майкопцам», и он погибнет, спасая раненого солдата.

Но мы еще едем назад, а когда «скорая помощь» останавливается у бокового входа в реском, я, еще сидя в ней, слышу резкий удар! Все кидаются из машины, впереди по ступеням бежит Валерий Борщёв. Еще один хлопок, как будто кто-то рванул полотнище у меня над ухом. Я вижу, как на Борщёве встают дыбом полы его меховой дубленки. Ударная волна от взрыва откидывает нас с Михалычем, вокруг сыплются осколки бетона от стены, в которую ударил снаряд.

Удивительно, хотя осколки в машину попали, никто из нас не пострадал. Так нам сначала показалось. Потом, когда мы вбежали в здание, когда отдышались и стали соображать, я понял, что со мной что-то не то. Я плохо стоял на ногах и переспрашивал тех, кто стал слишком тихо говорить. Оказалось, что не только у меня, а и у Борщёва, и Молостова лопнули барабанные перепонки у кого левого, у кого-то правого уха.

В то же самое время по рескому ударили и с его обратной стороны. Сомневаться не приходилось: двойной синхронный удар именно в то время, когда мы подъехали, предназначался нам.

Ночь я провалялся с тошнотой и головокружением, а утром заставил себя встать. Было тихо, я вышел во внутренний двор, вздохнул поглубже и закашлялся, воздух был полон гари и трупной вони. Оглядевшись, я увидел зияющие проемы дома напротив, а на газоне остов сгоревшего БТР и бесформенную черную грудку, в которой угадывались останки человеческого тела.

Нас опять позвали в штаб. На этот раз говорил Яндарбиев.

– В трех кварталах отсюда в глухой обороне сидят брошенные солдаты.

По словам Яндарбиева, он не хочет лишних жертв, он готов дать им коридор и позволить уйти с личным оружием, но это должно стать известно в России. Он дает слово: если мы согласимся передать им это, так и будет.

Что было делать? Поверить этому надутому петуху? Или сказать, нет, сами давайте гарантии, сами за них отвечайте!

А если ребята действительно погибнут, хотя могли бы остаться жить?

Под обещание прекратить огонь на время переговоров, мы снова едем. Олег Орлов не одобряет наших последних действий и остается в рескоме. Теперь мы на зеленом УАЗике, с нами тот же офицер-чеченец и священник, но только молодой – отец Анатолий после вчерашних передрыг слег...

Въезжаем в квартал хрущевских пятиэтажек. Где-то рядом короткими очередями бьет пулемет.

– Осторожно, не высовывайтесь, улица простреливается.

– Куда идти?

– За мной.

Чеченец поворачивает за угол дома, останавливается.

– Они вон там, в том доме.

Мы топчемся на месте. Я думал, что мы увидим кольцо из боевиков. Но если бы не пулемет, который постреливает за углом, могло бы показаться, что квартал пуст. У нас с собой мегафон, Валерий берет его и, сделав еще шаг, кричит в него:

– Внимание, не стреляйте!

Тра-та-та! На наши головы сыплются срезанные пулями ветки.

– Не стреляйте! Это парламентареры. Не стреляйте! Мы депутаты российской Государственной Думы. Надо поговорить!

Тишина. Только глухие удары пульса и звон в ушах. Михаил Михайлович показывает рукой куда-то вниз. Я наклоняюсь, из подвального окна на нас смотрят женщины.

Глухо я слышу их голоса:

– Ой, люди! Люди, помогите. Мы здесь третий день, нам не выйти, стреляют. У нас дети. Не бросайте!

Михалыч рядом со мной, на корточках. Он говорит:

– Ждите, сидите там, пока не вылезайте. Пойдем обратно, заберем вас с собой.

В тишине слышится плач.

Борщев опять кричит:

– Это парламентареры!

В ответ:

– Можете подойти.

Идем гуськом – Борщев, Ковалев, Молоствов, я и батюшка. Проводник остается.

Разбитая дверь парадной. Входим. Полумрак. Нас окружают люди с оружи-

ем, без бушлатов, высокие парни в десантной форме. Ведут в квартиру на первом этаже. На полу гильзы, у окон перевернутые шкафы, молодой офицер напряженно всматривается в наши лица и документы, спрашивает: «Что хотите?»

Сергей Адамович:

– Нам нужен ваш старший... Дело в том, что нас попросили передать предложения от чеченского руководства. Они готовы вас всех выпустить. Кто здесь командует, вы?

Не отвечая, лейтенант выходит. У меня кружится голова, я плохо слышу, глазами спрашиваю Борщёва: куда? Он показывает рукой вверх.

Мы озираемся, трое десантников не сводят с нас глаз. Еще двое сидят под окнами, выглядывая, осматривают свой участок двора. Офицер возвращается, говорит:

– Вас проведут.

– Куда? – спрашивает Адамыч.

– Куда вы хотели.

Выходим. В парадной за косяком двери вжался в нишу чернобровый ладный солдат. В темноте видно лишь его лицо и белые пальцы на рукояти ручного пулемета.

Я говорю ему на ходу: «Скоро уйдете, вас выпускают».

Но он, похоже, не слышит. И у него, и у тех солдат, с которыми мы говорили вчера у входа парк, отстраненные, застывшие лица. Они в другом мире, там, где умирают и убивают по-настоящему.

Нас ведут в соседнюю парадную, на третий этаж, где тоже выломанная входная дверь, раскиданная мебель. Посреди комнаты на табуретке сидит человек средних лет, острые сухие черты закопченного лица, прищур. На плечах ватник, ноги в валенках, но по тому, ётчетко, подтянувшись, ему докладывают: «Привели», – ясно, что это и есть старший. «С чем пожаловали?» – слышим мы его иронический голос.

Сергей Адамович представляется, у командира лезут глаза на лоб. Но он предлагает сесть, мы кое-как рассаживаемся, а Михаил Михалыч чуть не попадает ногой в прожженную в полу дыру.

– Как вас величать? – спрашивает он офицера, втащив ногу и устроившись на перевернутом ящике.

– Александр Васильевич.

– О, как Суворова?

– Да, и Колчака, – усмехается офицер.

– А почему вы с ними? – в свою очередь спрашивает он у Ковалева и кивает головой за окно.

– Видите ли, дело в том, что мы не с ними, мы приехали в Грозный, потому что хотели не допустить крови. Ничьей. А сейчас мы тут потому, что хотим вам помочь. Ведь вы окружены. Они сказали, что могут вас перебить, но не хотят.

– Это почему же?

— Они хотят переговоров. Они готовы выпустить вас из города, даже с личным оружием. Если вы дадите слово, что не вернетесь. Они хотят мира.

— Кто «они»?

— Вице-президент Яндарбиев, командующий Масхадов. Они прекратили огонь и пропустили нас сюда, чтобы мы это передали. Они дают слово.

Александр Васильевич вскидывается:

— Я кадровый офицер, я давал присягу воевать за отечество!

— Но разве это война? Никто ее не объявлял. Даже чрезвычайного положения нет. А если все-таки это война, то с кем? С агрессором, захватчиком? Они же на своей земле. Ну не хочет этот народ жить с нами. Да и пусть!

— Мы воюем с бандитами. Тут беспредел.

— А гибнут ни в чем не повинные люди. Да от наших снарядов жителей погибло раз в три больше, чем от их беспредела!

— Не знаю. Нет. Я не имею права.

— Подумайте. Это дело политиков, пусть договариваются. Ребят своих пожалейте! Раз есть возможность уйти, надо...

Пока идет этот напряженный разговор, я думаю о том, что мы должны быть здесь, и, если им дадут уйти, уходить вместе с ними, а не дадут, так разделить с ними их судьбу. Но тут вспоминаю, что в рескоме остался Олег Орлов, если мы не вернемся, что будет с ним? Тогда надо разделить, кому-то вернуться, а мне остаться с этими ребятами.

На лестнице крик, распахивается дверь, влетает солдат.

— Васю убили, Семенова! На крыше, сейчас. Я пошел сменить, а он... голова прострелена!

Его глаза останавливаются на нас, на поникшем молодом священнике.

— Вы! Вы! — губы его трясутся, — Гады! Попы фуевы!

Но командир останавливает его:

— Боец! Занять пост. Выполнять!

Потом оборачивается к нам, его лицо почернело:

— Уходите. Немедленно.

— Там в подвале женщины и дети. Позвольте их увезти? — говорит Михаил Михайлович.

— Ради бога.

Мы выходим. Впереди детская площадка, которую надо пересечь. Я иду последним и слышу за спиной треск распахиваемой рамы, всхлипывающий мат и клацанье затвора. Продолжая идти, мы понимаем, что сейчас по нашим спинам пройдет автоматная очередь. Но слышится командирский крик: «Отставить!»

На негнущихся ногах мы заворачиваем за угол. И встречаем проводника-чеченца. Он конечно, трус, но хорошо, что его не было с нами. Он уже вывел из подвала и посадил в уазик двух женщин и детей, теперь он спрашивает нас:

— Ну как?

– Плохо. Пока мы говорили, ваш снайпер застрелил солдата. Вы же обещали, что огня не будет!

Проводник не отвечает, округлившимися глазами он смотрит куда-то наверх и вдруг истошно что-то кричит.

Подняв головы, мы видим в проеме открытого лестничного окна соседнего дома двух боевиков. Гранатомет «муха», который держит один из них, уже нацелен на нас. Услышав стоящего рядом с нами чеченца, они неохотно отступают в глубину проема и пропадают в тени. Мы едем в реском.

(Позже я выяснил, что мы были в 9-й роте сводного батальона 137-го (Рязанского) полка. В окружение с большими потерями она попала, пойдя на выручку «майкопской» бригаде. За те несколько дней в батальоне были ранены 180 человек, убит каждый 10-й солдат. В 9-й роте погибли все офицеры за исключением ее командира А. Борисевича, который был ранен при прорыве из окружения, а позже награжден звездой Героя России за взятие Грозного.)

Ковалев идет к Яндарбиеву, разговор у них идет на повышенных тонах, Сергей Адамович упрекает его. Он говорит о том, что при неспособности остановить стрельбу даже во время переговоров, все обещания свободного выхода окруженных ничего не стоят...

Когда он возвращается, мы предлагаем использовать затишье и уйти. В городе мы свободнее, там будем решать, что делать дальше.

Ближе к ночи в сопровождении масхадовского вестового мы выходим на площадь перед «президентским дворцом». Оглядываясь, на фоне мутного неба я вижу силуэт здания с черными дырами оконных проемов и обрушенным углом последнего этажа. Елки посреди площади уже нет. Фонарные столбы еще стоят, остовы сгоревших бронемашин едва видны в темноте. Мы поворачиваем, но тут над нашими головами что-то тонко свистит. Сергей Адамович останавливается и спрашивает: «Как вы думаете, это снайпер?» Проводник хватается за рукав и тащит вперед: «Потом, потом!»

Мы ускоряем шаг, быстро не получается, на пути из темноты вырастают кроны упавших деревьев, поваленные столбы и сгоревшие машины. Наконец поворачиваем на знакомую улицу, дворовый угловой подъезд, здесь мы уже ночевали, когда в дом попал третий снаряд.

Проводник стучит прикладом в дверь бомбоубежища, на глухо звучащий оттуда вопрос отвечает по-чеченски. Нам открывают, мы вступаем в сырой и смрадный мир уже знакомого подземелья, где-то горит свеча, в темноте слышится стон. В одном из отсеков нам находят широкую пристенную скамью. Борщев проворно занимает один ее угол, другой уже занят. Михалычу достается место посередине. Я укладываюсь в проходе на снятой двери, которую водружают на пару ящиков. Ковалева устраивают по соседству.

Люди, которые живут там уже не первый день, снова ложатся, мы тоже, гаснет фонарь, и я легко засыпаю, в этом подвале мне легче.

Наутро мы знакомимся с соседями по нарам, осваиваем новый быт. Но тут появляется гонец от Дудаева. Он просит нас ехать в Москву и пробиться к Ельцину.

Из воспоминаний Михаила Молоствова:

«Поедем?» – обвел нас глазами Ковалев.

Конечно, очень хотелось уехать, но трезво взвесив все за и против, решили: пусть едет Сергей Адамович, у Ельцина не будет предложения по причине «занятости» не принять уполномоченного по правам человека в РФ.

Без Орлова Ковалев как без рук, значит, пусть с ним едет Орлов.

Борищев, Рыбаков и я остаемся, пока нас не сменят. Таким образом, правозащитная и антивоенная миссия продолжает свою работу.

Сейчас я еще раз подчеркиваю коллективность принятого нами решения, чтобы положить конец разговорам, будто Садамыч (так мы шутили звали Ковалева. – Ю. Р.) «бросил» нас и пр.

Конечно, никто из нас не предвидел, в каком положении окажемся мы несколько дней спустя, как никто не мог поручиться, что машина с уполномоченным по правам не взлетит на воздух, даже не выехав из города, или, того хуже, не превратится в обгорелую металлическую коробку, в которой продолжают сидеть как куклы, заживо испеченные шофер и пассажиры.

Видели мы такие коробки на улицах Грозного.

Ранним утром простились. И, кажется, последний автомобиль прощуршал шинами от нас в сторону рескома...»

Пока мы привыкаем к жизни в подвале на улице Красных Фронтовиков, бездарное армейское командование приходит в себя после новогодней катастрофы.

Позже тогдашний командир 42-го АК генерал-лейтенант Г. Трошев будет вспоминать:

«Не секрет, что многие командиры с большими звездами, начальники федерального уровня полагали, что достаточно выйти к Грозному, пальнуть пару раз в воздух, и на этом все закончится. Именно метод устрашения лежал в основе спешно утвержденного плана операции. Как позже выяснилось, его одобрили наверху без единого замечания. Потому что никто толком в план и не вникал. В результате приходилось вносить существенные коррективы и, что называется, перестраиваться по ходу дела».

6 января десантники 45-го парашютно-десантного полка вместе со спецназом 7-го управления ФСБ овладели двенадцатиэтажным зданием Института нефти и газа. Л. Рохлин вспоминал: *«Захват этого здания в корне менял ситуацию в центре города. Мы получили возможность контроля практически над всем районом, прилегающим к президентскому дворцу и Совмину».* На крыше Института нефти и газа расположилась группа начальника ПВО 8-го АК полковника С. Павловского. В группе находились артиллерийские и авиационные на-

водчики, а также имелись две установки ПТУР, два автоматических гранатомета АГС-17 и два 12,7-мм пулемета. Теперь практически любое заметное передвижение в районе президентского дворца подавлялось.

К девятому января снайперы и артиллерия уже держали под огнем мосты через Сунжу.

И тогда правительство России объявило:

«В целях предотвращения дальнейшего кровопролития и обеспечения условий для перевода урегулирования в Чеченской республике в мирное русло... с 8 часов 10 января до 8 часов 12 января 1995 г. прекратить огонь, оставить позиции, боевую технику, сложить оружие, возвратить лиц, захваченных во время вооруженных столкновений».

По сути это был ультиматум. А сдаваться чеченцы не собирались. Пауза в активных боевых действиях была использована федеральным командованием для перегруппировки и наращивания сил.

200 танков, почти тысячи БМП и БТР, 249 орудий и минометов, 18 тысяч солдат оказалось мало.

Восточную группировку переименовали в «Юго-Восток», подчинили генерал-лейтенанту В. И. Попову и срочно подтянули еще четыре полка.

Кроме того, группировку федеральных войск усилили частями морской пехоты Северного, Балтийского и Тихоокеанского флотов.

Так, Северный флот сформировал сводный батальон из четырех рот на базе Киркинесской бригады морской пехоты; Балтийский флот формировал сводный батальон на базе 336-й десантно-штурмовой бригады: Тихоокеанский флот доукомплектовал и направил в распоряжение командующего 165-й полк морской пехоты.

После окончания срока действия «перемирия» федеральные войска уже многократно превосходили силы самообороны дудаевцев как по численности, так и в тяжелом вооружении.

Танки стали бить по зданиям прямой наводкой, с закрытых огневых позиций по кварталам «работала» артиллерия, а в ясную погоду авиация.

Мы, сидя в подвале, всех этих подробностей, конечно, не знали, но происходящее чувствовали на себе.

Я снова передаю слово Михаилу Молоствову. Он вспоминает:

«Это рассказ о тех днях, которыми завершилось наше пребывание в Грозном. Рассказ – не жанр, а запись того, что я рассказываю родным, знакомым и незнакомым, если согласны слушать».

Действующие лица названы подлинными именами. Каждый вправе дополнить меня, оспорить мои свидетельства и соображения.

Борщёв Валерий Васильевич, Рыбаков Юлий Андреевич и я – депутаты Государственной Думы. Но что Дума? Что Дума? Ничего не может.

*Ушел-де поезд... в Аушвиц.
Сегодня – не когда-то, где-то –
Руками смертников-салаг
Над Грозным, как Варшавским Гетто,
Победно поднят грязный флаг.*

*Иного не дано. Не испачкав в саже и пепле, не водрузишь трехцветное
полотнище на обугленном скелете рескома.*

Бездумно генералы множат число убитых и убийц.

*11 января 1995 года. Ночью шел снег, утром проклюнулось солнце, и с крыши
капают чернила. На разбитом балконе забытый хозяевами кусок баранины.
Святочные синички (на меня ноль внимания) пируют и весело звенят.*

*Отсюда, с четвертого этажа, виден весь двор. Пересекая его, два ополчен-
ца с гранатометами через плечо вздымают сжатые кулаки: “Аллах Акбар!”*

*Улица Красных Фронтовиков. Дома добротной, еще “культовой” кладки,
за забором то, что осталось от госпиталя, и трибуна стадиона “Динамо”.
На месте детской площадки воронки и кучи мусора.*

*Утро начинается с похода за водой. Бидон и два ведра. Перебегаешь через
простреливаемую улицу, спускаешься в подвал, гораздо более глубокий, чем
наш, и ждешь своей очереди, чтобы подставить ведра под струйку пока еще
прозрачной влаги. Час-полтора на всю операцию (опаснее всего было возвра-
щение, с тяжелым бидоном и ведрами не побегаешь. – Ю. Р.).*

*Потом, как и сегодня, восхождение (чтобы побриться) на четвертый
этаж и поход к разбитым гаражам: с оглядкой на небо и по большой нужде.*

*Ко всему привыкает человек. Пользуясь минутами затишья, во двор выле-
зают жильцы. Женщины что-то варят на костерках. Бабушка прогуливает
внучку. Грудного младенца вынесла подышать русскоязычная мама.*

*Юл, мой зять, держит у уха карманный приемник. Он сменил Петровско-
го в “бандформировании имени Ковалева”. Рядом с ним три любознательных
старика: старик- коммунист, старик-научный работник и старик-еврей.
Говорит радиостанция “Свобода”.*

*Султан, тоже немолодой хозяин нашей последней “квартиры”, молча
сует мне откуда-то добытую сигарету. Курим, прислушиваясь к не столь
отдаленной канонаде.*

Бьют по рескому. Туда не пройти. И обратно, иначе бы Лечо вернулся.

*...Со стороны стадиона чей-то автоматчик в кого-то постреливает.
То ли острastку дает, то ли корректирует минометные залпы.*

– Это не минометы, а гаубицы.

– Нет, это “Град”.

Военная машина наехала на нас и вот уже неделю буксует, постепенно

превращая здания в развалины, среду обитания – в “конституционное пространство”. “Единая и неделимая”. “Патриотизм”.

Прервав досужие размышления, заглушая уже привычные звуки, с неба на тебя, именно на тебя, обрушивается нарастающий клетот.

«Грачи» прилетели!

«Грачами» называют здесь пилотов Грачева с их “точечными ударами”. Наискосок уносится стая голубей. Люди ныряют в подвал, захлопывая за собой обитую железом дверь.

– Ельцин же обещал не бомбить!

– Это все из-за депутатов! Из-за них.

Толчок, как будто подземный. И по всему подвалу, задувая свечи, проходит волна.

Тихо-тихо. Только слышно, как скребется в двери дворовый пес с умной мордой ньюфаундленда. Ему не хватило места. А так хочется вниз, к двуногим, в общий комок вздрагивающей протоплазмы.

– Никак пронесло? А за депутатов ты извини, пожалуйста, не права. Без них, может, нас давно бы завалили.

– Завалят еще, не дай Господи.

– Аллах Акбар!

Выглядываем на свет Божий. Пес тычется носом в ладонь. Голуби как ни в чем не бывало воркуют на куче мусора. На стадионе постреливает автоматчик.

– Пойду, налажу паяльную лампу, – говорит Исламбек, – а то кишка кишке кукиш кажет. Правильно я говорю? Полный и уса́тый, он (в отличие от Адамыча) действительно похож на Саддама Хусейна, знает это и с удовольствием пародирует диктатора. Женой, сестрой и свояченицей командовать немудрено. Чеченские женичины, не в пример нашим, чтут разводчиков популяции. А вот детишки – с ними сложнее. Исламбекович чуть меньше моего внука, его вполне вразумляет легкий подзатыльник. А Исламбековну, ровесницу Юловой Юльки, никакими репрессиями не унять.

“Моя СВОЛОЧЬ”, – рычит “Саддам Хусейн”, вкладывая в непонятное дочке русское слово столько нежности, что только вмешательство матери избавляет его от атак с тыла и флангов.

Во дворе иссеченный осколками автобус Исламбека.

– Хотел вывезти их, да сам видишь.

Юл опять ловит “Свободу”. Старик-коммунист спорит со стариком-научным работником: кто виноватее – Сталин, Ельцин или Гайдар. Дудаева ругают оба...

Черные мысли кружатся в голове. Меряю шагами расстояние между подвалом и аркой. Там, при выходе на улицу, росло фруктовое дерево. Снарядом его выкорчевало. Заломанные ветви и обнаженная розовая древесина. Помню,

как когда-то пела мама: “Ворон к ворону летит, в чистом поле под ракитой богатырь лежит убитый”.

Град обреченный – не чистое поле. И обгоревшие трупы танкистов, сам видел, клюют не вороны, а обычные голуби, сизые, белые и самой невероятной раскраски.

Смешно упрекать пернатых, не они сеют смерть. Но я о пижонстве, свойственном двуногим. Оно, это пижонство, как его ни называй: честь мундира, верность присяге или компетентность, имеет последствием разрушения, убийства, разбой.

Ко мне подходит старик-еврей. Он часто делится со мной своими сторонними и очень верными наблюдениями. В Израиле, должно быть, со временем исчезнет эта исключительная способность стороннего видения, как идиш, как юмор Шолом Алейхема, как грустная улыбка человека, способного сострадать и ЧУЖОМУ горю. “А Вы, Михал Михалыч, не еврей? – Нет”, – отвечаю я, хотя мне неприятно и нелегко в данном случае говорить правду. И вспоминаю, как давным-давно, сто лет назад, я с моей младшей дочерью приезжал сюда, в Грозный, к другу юности, Давиду Мазуру. Встречавший нас Давид бежал по перрону.

“Брата встречаете? Вы с ним как две капли”, – улыбалась с подножки проводница.

Теперь Мазуры на исторической родине. А я вот здесь. БЕЛАЯ ВОРОНА, ВООБРАЗИВШАЯ СЕБЯ ГОЛУБЕМ МИРА.

– Михал Михалыч! Кажется, опять «грачи»!

– Вон он, смотрите!

Сокол, орел двуглавый, су... двадцать пять! Во тьме подвала мысли не становятся светлее.

Об опасности фашизма мы говорили и писали много. Нам было ясно: фашизм – это война. Полвека прошло после уничтожения гетто в Варшаве и депортации чечено-ингушского населения подручными Бери. Сегодня не свастика и не серп-и-молот, а чернобыльский пернатый мутант, принятый за эмблему возрождения России, осеняет бойню, механизированный погром, войну против маленького народа. Баркашовы и жириновские, невзоровы и лимоновы оказались не авангардом черных сил, а обозной командой, тыловым обеспечением кровавой авантюры, развязанной Егоровым, Степашиным, Грачевым и Ериным при прямом попустительстве гаранта (гм!) Конституции... Не первый раз телега оказывается впереди лошади. Эта война, как бы она идеологически не камуфлировалась, означает наступление фашизма.

– Что Вы сказали, Михаил Михалыч?

– Может быть, пойдём наверх, вечерним воздухом подышим?

– С удовольствием.

Зарево пожаров, осветительные ракеты, трассирующие пули.

- Как вы думаете, Адамыч найдет нас?
- Найдет... Юлий Андреевич, вы бы не высовывались на свет.
- Мы с вами тут, как пионер в рассказе Пантелеева, что поделаешь?
- Ничего не напишешь.

По “Свободе” читают отрывок из “Хаджи-Мурата”. Слушаем как замороженные. “Непротивление злу”. Никто, пожалуй, не воспел так СТИХИЙНОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ машине насилия, как Лев Николаевич, и при том на старости лет.

– Господа депутаты! Кончайте гулять и двери за собой не забудьте запирать. Как бы кто из наших-ваших гранату не бросил в подвал!

Ввинчиваемся ужасами в наш спальный отсек. «Тепло и сыро». Мелкокаблирная лампочка от аккумулятора освещает не настолько, чтобы можно было читать, но в картишки перебраться – пожалуйста.

– Говорят, будто наш министр обороны тоже играет в дурака и всегда проигрывает.

– Как и Вы, Михалыч.

– ЦК большевиков, Крупская пишет, в 1905 году в Финляндии коротало время за картами.

– А Валерий Васильевич очень похож на дедушку Ленина.

Шустрые Исламбековичи карабкаются на Юла и на меня, лопочут по-чеченски, и никакого языкового барьера, кроме родительских подзатыльников. Наконец их укладывают спать. Исламбековна, слава Богу, поправилась. Детей подземелья, стариков и раненых пользуют самозванные доктора из журналистов, попавших, как и мы, между молотом (завод “Красный молот”) и наковальней (реском, он же президентский дворец). Молодцы, добыли кое-какие медикаменты в разбитом госпитале и под огнем ходят из подвала в подвал, кого перевязжут, кому дадут таблетку, кого просто утешат. Во главе их Лена Петрова, “Дважды два”, со стеариновой свечкой, девица-кавалерист. Как-то ее схватили фээскашники, но отпустили ввиду отсутствия белых колготок. Нашего соподвальника, раненного осколком в пах, она буквально выходила. Минуй ее шальная пуля и злой глаз. Укладываюсь. О семье лучше не думать».

В отличие от доверчивого Михалыча, не подымавшая глаз санитарка почему-то вызывала у меня тревогу. К тому же я понимал, что прицельный артиллерийский огонь по нашему дому кто-то должен был корректировать. Вокруг нас стояли еще не поврежденные дома. И только наш получил четыре (!) попадания, вряд ли это случайность... С другой стороны, приходиться в наш подвал перевязывать раненых, а потом наводить на него удары? Совсем уж дико, хотя чего не бывает на свете...

Семье нашей действительно плохо. От нас нет известий. 6 января пришел Анатолий Шабад, честно сказал Мустафьевне: «Оттуда им уже не выйти».

Меня пытался отыскать Валерий Соколов, учредитель фонда «Ночлежка». Это

ему мы отдали подвал, а потом еще и две квартиры в нашем арт-скворте на Пушкинской, где он ухитрился организовать сначала гуманитарную помощь для бездомных, а потом даже добиться для них избирательных прав. Это с ним 21 августа 91-го года, после провала путча, мы печатавали обком КПСС, что находился тогда в Смольном. Прочитав в газетах о нашей пропаже, он полетел в Ингушетию. Там он увидел Ковалева, который в Доме правительства Ингушетии давал пресс-конференцию перед тем, как лететь в Москву. Там познакомился с Виктором Попковым, монахом-старообрядцем, который пытался организовать помощь беженцам. Сергей Адамович не рискнул рассказывать незнакомым людям, где именно мы находимся. Попков и Соколов отправились в Грозный. Вероятно, их машину заметили наводчики с крыши Нефтяного института. На пороге рескома их, как и до этого нас, накрыл минометный обстрел. Валера получил ранение под лопатку. У врачей в рескоме уже не осталось ни медикаментов, ни шприцев. Полив рану новокаином, они зашили ее, чтобы остановить кровотечение и посоветовали срочно ехать назад. Маленький осколок достали уже в Питере...

В это время в Думу после новогодних каникул возвращаются депутаты. Обращение Госдумы к президенту о необходимости остановить войну и вернуться к переговорам проигнорировано. Но борьба еще продолжается. Наша фракция при поддержке «ЯБЛока» и движения «Женщины России» добилась проведения внеочередного пленарного заседания, чтобы предложить поправки в Конституцию, рассмотреть закон, запрещающий армии ведение боевых действий против своего населения, опубликовать списки погибших и пропавших без вести.

Судя по тому, как повел это заседание председатель Думы Иван Рыбкин, его задача была в том, чтобы не допустить принятия этих решений. Регламент обяывает его открыть заседание и поставить на голосование эту повестку, что он и делает. Но все, что исходит от демократов, от «гайдаровцев» и «яблочников», вызывает протест большинства «красных» и «коричневых», предложенная повестка не набирает нужного количества голосов. К счастью, с аналогичным предложением выступает и фракция «Новая региональная политика», их инициатива по тем же пунктам проходит. Жириновский пытается это опротестовать, начинаются дебаты. Основным рефреном сторонников «укрепления государственности» становятся обвинения в адрес демократов: они виноваты в том, что в России плохая Конституция, в том, что развалился СССР, в том, что снабдили чеченцев оружием и теперь мешают армии, чтобы в угоду Западу развалить и Россию.

На фракционном заседании Егор Гайдар уже ответил нам на обвинения в том, что это якобы он оставил в Чечне то оружие, которое стало стрелять. Тогда в газете «Московский комсомолец» некий борзописец А. Минкин написал, что Гайдар передал это оружие чеченцам весной 1992 года. Егор Тимурович рассказал нам:

«Дудаев установил контроль над территорией и заблокировал возможность вывоза всего вооружения в ноябре 1991 года... Там не было боевых частей, там оставались лишь офицеры с семьями и склады боеприпасов

и оружия. По словам Е. Шапошникова, вывезти вооружение тогда без проведения крупномасштабной боевой операции было невозможно.

Как вы хорошо знаете, у нас всегда в России было два правительства: правительство финансов и хозяйства – это гражданское ведомство и правительство царя-батюшки, генерального секретаря, президента, куда входят КГБ, МВД и министерство обороны соответственно. Никогда в жизни никакие премьеры никакое оружие и войска никуда не переводили, оружием и войсками не распоряжались. Тем не менее я попытался разобраться в этой ситуации. Действительно, 26 мая Грачев подписал телеграмму о том, чтобы передать половину вооружения Дудаеву. На самом деле это было соглашение, по которому Дудаев разрешил половину вооружения вывезти. Часть из этих вооружений действительно в конце мая – начале июня была вывезена, но в начале июня стало ясно, что больше ничего вывозиться не будет. И на этом вся история была исчерпана. С того времени, когда я возглавил правительство, никаких частей российских войск и российского оружия в Чечню не поступало. Вот и вся как бы незамысловатая история. И ответчиком является П. С. Грачев, который 26 мая 1992 года подписал это соглашение. Но тем не менее надо понимать, что эта тема очень активно и систематически поднимается нашими политическими противниками и находящимися у них на службе провокаторами-журналистами...»

Пленарное заседание продолжается. Лев Пономарев, Анатолий Шабад, Леонид Покровский и другие побывавшие в Грозном депутаты пытаются достучаться до разума и совести оппонентов. Но в зале накаленная обстановка. Депутат Элла Панфилова, выступая, говорит:

«Я остро чувствую волны агрессии, злости, неприязни друг к другу в этом зале. Здесь как будто искры стреляют с одной стороны в другую. Если мы, народные избранники, не можем найти общий язык, чтобы остановить эту угрозу, то представьте себе, что может происходить и уже происходит там, где гибнут мирные люди и солдаты. Естественно, гибель ребенка вынуждает отца хвататься за ружье, а гибель солдата или офицера тоже вынуждает соратников с еще большей решительностью хвататься за оружие.

Давайте сейчас, отбросив на второй план всю нелюбовь, все свои претензии друг к другу (у нас их много), признаем. Каждый из нас, если он честен, признает, что несет свою долю вины и долю ответственности в большей или меньшей степени. Мы завтра с вами разберемся в политических нюансах, кто в чем прав, кто в чем виноват, завтра. Сегодня мы должны остановить этот кровавый беспредел».

После выступлений Льва Пономарева, Виктора Шейниса и Глеба Якунина, которые сказали все, что могли сказать люди, побывавшие в грозненском аду, слово берет независимый депутат Айварс Лездиньш, который ездил туда отдельно от нас:

«Я бы хотел вам сказать, кто воюет. Я социолог по профессии. Я приехал в Грозный и, дождавшись темноты, потому что город простреливался уже в то время будь здоров, поехал на передовую, чтобы там пообщаться с людьми. Как чью (передовую)? Ополченскую. Потому что она свободна. Я могу на вопрос из зала сразу ответить очень предметно. Например, для меня, как депутата Государственной Думы, та территория, которая контролируется федеральными войсками, недоступна. Ко мне стволы поворачивали. Кстати, она недоступна для всех иностранных журналистов. А вот тот маленький пятачок, где ополченцы, доступен всем. Пришел я на передовую и думаю, что людям, которым жить осталось час, или, может быть, два, или, может, сутки (потому что тот район, где они держались, взят сегодня федеральными войсками), не имеет смысла врать. Чеченцев было больше половины. Но кто там воевал? О сельском учителе я уже говорил по радио. Я повторю очень коротко. Я спросил: "Почему Вы, 60-летний человек, который даже не знает, что такое автомат Калашникова (тогда не было такого, когда он учился), воюете?" А он говорит: "При мне в деревне моему ученику 14 лет мозги вышибли из пистолета. Как я мог учителем дальше быть в этой деревне?" Вы понимаете? Далее. По поводу долларов. Я не знаю... Я встретил подполковника, он белорус. Имя не буду называть, потому что он сейчас находится близ фронтовой линии с другой, с российской стороны теперь. Его могут найти те, про кого я могу сказать, что я бы не хотел, чтобы они его нашли. У него жила семья в Грозном. Убили жену и дочку. Он приехал вывезить их из Грозного после 23-го, во время бомбежек, которых, Грачев говорит, не было. Он прошел четыре года Афгана и согласился там командовать любым подразделением. Но у местных людей хватило ума, чтобы этого не допустить. И он при мне за некоторое время до того, как я выехал из Грозного, уехал искать тех летчиков, которые не так, как другие (есть летчики, по свидетельствам, которые сбрасывают бомбы и снаряды в пустое поле, понимаете?), которые сбросили бомбы на Грозный. И он сказал: ребята, я их найду. И вы знаете, мне почему-то кажется, что он найдет их. И еще мне кажется, что это уже пахнет гражданской войной в России. Далее. По поводу солдатских матерей. Это неправда, что МЧС не проходит. Я ехал рядом с колонной МЧС, которая прошла. Другое дело, что Егоров не пускает в Ингушетию МЧС с грузом, другое дело, что оперируют без анестезии.

Когда солдатские матери, которые с нами приехали, вышли из автобуса на 15 минут залп "Града" дали. А там были две такие. Одна бледная, думает, что сына убили, ее кладут наземь, а она не ложится, продолжает идти. Поскольку мое время истекает, я не буду дальше описывать. Опишу только то, что видел своими глазами. Дождавшись темноты, я решил проверить подлинность слов министра обороны Грачева о потерях. Возможность одна: сесть в машину без огней, без фар и на полной скорости пролететь в те районы Грозного, где идут

боевые действия. Мы туда пролетели. Вы знаете, я хочу сказать про холодные глаза. Я эти холодные глаза видел трое суток назад. Это глаза погибших наших русских ребятишек. Это были не те, кто в новогодних боях погиб. Это были те, кто погиб за последние двое-трое суток. Я их насчитал только по трем позициям в Грозном 160! По трем! Это больше, чем министр обороны указывает за все время военной кампании. Я не буду больше комментировать, скажу только по поводу деревень. Возвращался я оттуда в темноте, потому что с восьми часов комендантский час и стреляют, и значок там не помеха. Возвратился я в деревню, а там вернулся отец в семью, положил автомат, дети его обнимают: «Папа, ты три дня дома не был». Папа на войне был, ну, как на работе. Понимаете? На работе. Другой брат ушел «на работу» после этого. Вы знаете, если даже перебить всех чеченцев, всех русских, всех украинцев, которые там есть, ведь обезоружить их невозможно, понимаете? Просто невозможно. Они спрячут это оружие. И карательные акции приводят только к прямо противоположному эффекту.

Председательствующий: Завершайте, Айварс Янович. Прошу Вас.

Лездиньш А. Я.: Я самые последние три-четыре предложения тогда скажу. Вы знаете, две вещи я сделал. Прежде всего, выводы для себя. Во-первых, эту войну военными методами завершить нельзя. Можно только углубить. Это однозначно. Во-вторых, на вопрос: кто наши? (я себе этот вопрос очень последовательно задавал), такой ответ: вы знаете, все наши. Эти бедные ребятишки с холодными глазами – наши, и эти ополченцы, и этот учитель, который воюет, – наши, и этот подполковник-афганец, который уехал искать убийц своей дочки и жены, – он тоже наш, и, к сожалению, все, кто отдает приказы, это тоже наши. Из этого надо исходить. Сегодня эта война, на мой взгляд и по моему глубочайшему убеждению, – это воронка, которая засасывает всю нашу российскую целостность и государственность. И если нам эту воронку любым способом (но не военным!) не заткнуть, то мы все туда, в эту воронку, попадем. Понимаете? Я очень люблю вас и очень люблю тех людей, которые сегодня как-то пытаются прекратить эту бойню. Спасибо». (Аплодисменты.)

В ответ Айварсу берет слово Невзоров:

«Зачем мы так много времени тратим на ритуальные фразы о каких-то правах человека и о каком-то гуманизме... Мы все прекрасно помним, с каким дикарским наслаждением одна половина зала смотрела, как в Москве снарядами точно так же расстреливали и разрывали живое мясо живых людей. Я думаю, что другой половине зала тоже легко удастся скрыть слезы на глазах, если подобная неприятность случится с первой половиной зала. Поэтому давайте прекратим эти фразы о гуманизме и о правах человека.

... Да, я вам скажу: да – трупы, да – кровь, да – беженцы, да! Но предъявлять претензии к войне – это всё равно, что предъявлять претензии к Марсу за то, что у него нет атмосферы. Она такая, эта реальность, она есть.

Для армии 300 человек – это не так много. К тому же, я думаю, за это время на дорогах России в ДТП погибло ровно столько же вообще ни за что. Почему никто не говорит о том, что, ведь это же известно, информация была еще две с половиной недели назад: врачи Минвод, обследовавшие наших военнопленных, которых нам удалось отбить, военнослужащих из внутренних войск, обнаружили, что все 12 военнопленных кастрированы. (Эта информация была ложной, на наши запросы в МО был получен ответ о том, что таких данных нет – Ю. Р.)

Пусть Государственная Дума занимается законами о воде, о земле. Пусть прекратится вой по поводу Чечни. Нашей армии надо дать спокойно сделать свое дело. Чем дольше будет длиться операция, тем меньше будет жертв.

Поэтому я призываю и прошу Государственную Думу не принимать никаких решений, предложенных “гуманистами” и “человеколюбцами” из бункеров Грозного, откуда направляются снаряды в наших солдат, и прошу каждого депутата действительно осознать меру своей ответственности. Ну, самое лучшее, что можно было бы сделать для того, чтобы дать армии действовать спокойно, это организовать полную информационную блокаду».

(Да, проводить тотальное уничтожение города, квартал за кварталом, когда пехоте остается только забросать полужасыпанные подвалы гранатами, действительно удобнее без свидетелей. Еще 3 января генерал-лейтенант Квашнин провел совещание и отдал приказ на переход к классическим действиям при штурме города.

По словам командующего северо-восточной группировкой генерала Рохлина, к 4 января 152-мм пушки корпусной артиллерии стреляли до полного износа и сделали по 540 выстрелов. К концу января только один гаубичный дивизион Уральского военного округа под командованием подполковника А. Климца выпустил по Грозному более 1,5 тысяч 152-мм снарядов.)

А первое новогоднее заседание Госдумы закончилось только решением о создании комиссии по выяснению почему все так плохо, и кто в этом виноват... Рыбкин умело затянул дебаты до конца заседания. Коммунист К. Цику требовал немедленного восстановления Советского Союза, В. Марычев хотел засудить Эллу Панфилову за то, что она назвала Совет Безопасности «коллективным ма-ньяком», а Ковалева за «разжигание национальной розни». В. Булавин предлагал Думе самораспуститься, а Н. Столяров – объявить в России день траура. В конечном счете, ничего не решив, депутаты выпустили пар и разошлись...

Через два дня, на следующем заседании, наша фракция вновь предложила проголосовать за запрет ведения армией боевых действий на своей территории (за исключением военного положения), а также за публикацию списков раненых и погибших в вооруженных конфликтах. Но ни то, ни другое предложение необходимой поддержки так и не получило. Зато утвердили план законодательной работы на весь следующий год. Среди них проект поправок в Конституцию, который должен расширить возможности парламента (реализован не будет).

Остатки группы Сергея Ковалева еще сидят вместе с жителями города в подвале. Грохот рушащихся зданий, пулеметные очереди, голод и холод подступают все ближе. В стену дома попал еще один снаряд, покрупней. Обратной связи нет и возможностей делать что-либо полезное тоже. Теперь и мы, как тот мальчишка из «Честного слова», остаемся на посту, потому что дали слово. Отправляя Ковалева в столицу, мы договорились, что будем ждать его возвращения. Надо ли здесь оставаться, есть ли в этом смысл; мы должны решать вместе, с учетом той ситуации в стране, о которой мы ничего не знаем.

12 января ночью в дверь нашего подвала постучали. Нас будят: «Михаил Михалыч, к вам гонец от Ковалева!» В колеблющемся свете коптилки двое. Один – чеченец. Брезентовая куртка, десантный автомат, подсумок, каска. Лицо узкое, горбинка, запавшие глаза, улыбка. Другой – уже знакомый нам корреспондент газеты «Известия» Аркадий Желудков, его осеннее пальто распирает бронежилет.

«Знакомьтесь, – говорит он, – это Усман. Наш проводник. А это письмо от Ковалева».

В записке Сергей Адамович просит нас выходить из города в предместья, где сам он застрял.

«Я сталкер, – говорит Усман, – я тут в городе все ходы-выходы знаю. Да вы меня видели, я на той неделе помогал вам воду нести. И Осовцова знаю, по телевизору видел. А тут смотрю, ходит он там у нашего дома расстроенный. Оказывается, они с Ковалевым вас ищут. Хотели на инкассаторской бронированной машине сюда ехать. Им ее Аушев дал. Я говорю, не проедете, подобьют. А я проведу!»

«Сюда мы прошли, он дорогу знает», – говорит Желудков.

Решаем, раз зовут, надо ехать, если оставаться, то Ковалев будет пробиваться сюда, а смысла в этом нет. Рискнем!

Собираем пожитки, прощаемся с Исламбеком. Женщины, которые еще вчера ворчали, что их дом разбили из-за нас, что солдаты поставят их к стенке заодно с нами, теперь всхлипывают. Старики – и еврей, и коммунист – обнимают, в темноте кто-то говорит: «Храни вас Бог!»

Усман командует: «Идти строго за мной, без команды не останавливаться, что говорю, сразу делать. Не говорить по-русски, не шуметь, не курить».

Мы выходим, в городе тишина. Но это ошибка – ночь тут же прерывается далекой автоматной очередью, потом другой, поближе, и снова тихо. Передо мной широкая спина Борщёва, за мной Михалыч, замыкает цепочку Желудков. Идем долго, почти на ощупь, хоть и зимняя, но все же южная ночь темна, под ногами оглушительно хрустит битое стекло, приходится переступать через поваленные деревья, обходить сгоревшие автомашины... Кажется, что мы единственные живые в этом мертвом городе. Если бы не пронизывающий ветер, зловоние и спорадическая стрельба, можно было бы подумать, что мы на съемках фильма про оборону Сталинграда. Усман сворачивает в пролом какой-то стены, мы пе-

релезаем в развороченный дом, а оттуда слышен чей-то гортанный голос. Наш сталкер отвечает по-чеченски, мы молча проходим мимо притаившегося секрета, выходим на середину другой улицы, и тут над нами шелестит и вспыхивает осветительная ракета. Все – кто ничком, кто присев – замирают. Я вижу, как перемещается и растет моя тень. Если тот, кто запустил ракету, различит человеческие фигуры, мы тут и останемся. Проходят томительные секунды, а кажется, что минуты. Наконец ракета сгорает, мрак обступает нас снова. Идем дальше, я оглядываюсь вокруг, оказывается, мы проходим мимо разбомбленной гостиницы «Кавказ»; напротив, через площадь, темнеет силуэт рескома. Сзади слышится гулкий металлический стук, мы оглядываемся – тесть опять куда-то угодил. Теперь это приоткрытый чугунный люк, мы с Борщёвым помогаем Михалычу освободить ушибленную ногу и выходим к речке Сунжа. Усман останавливается и говорит: «Там мост, он простреливается. Сейчас быстро за мной, бегом и не останавливаться. Не споткнитесь о провода или трупы. Не шумите. Вперед!»

Быстрым шагом мы двинулись через мост. Бегом не получалось, Михалыч хромал, проволока, останки людей и куски железа в темноте почти не различались, любой звук мог привлечь внимание.

Обошлось. Но только мы перевалили на другую сторону, как за нашей спиной хлестанула пулеметная очередь. Я оглянулся – трассирующие пули били по перилам моста. Отойдя подальше, мы отдышались, а Усман засмеялся и сказал: «Ну вот вы и в Хопре! (крутился тогда такой рекламный телеролик об очередном инвестиционном фонде). Все, теперь можно идти спокойно. Только подождите меня», – и он скрылся в какой-то избушке под мостом. Вернувшись, объяснил: когда он шел к нам тем же путем, его остановили свои же чеченцы из отряда, державшего оборону моста. Он показался им подозрительным. Шпиономания уже поселилась в головах у ополченцев, а Усман к тому же плохо говорил на родном языке. Его привели и оставили в рескоме. Там разобрались и отпустили к нам. А теперь сталкеру захотелось сказать своим бдительным землякам пару «ласковых» слов.

Мы двинулись дальше. Пройдя туннелем под площадью Минутка, мы углубились в предместья города и спустя час оказались перед сельским домом, на крыльце которого тлели светлячки чьих-то сигарет. Подойдя поближе, узнаем широкие плечи Саши Осовцева, слышим характерный скрипучий голос Адамыча. Дальше – шум, крики и объятия, нас ведут в дом. А там – тепло и свет! Слава тебе, Господи, выбрались! Придя в себя (хотя так, чтобы совсем – уже не удасться), рассказываем о своем стоянии или, точнее, сидении на посту. Оказалось, что наша вахта не осталась незамеченной, пресса о ней писала. Ковалев рассказал, что, возвратившись в Москву, он добился встречи с президентом.

Но «поднять веки Вию» (так напутствовал его Михаил Михайлович) не удалось... Выслушав рассказ Сергея Адамовича о том кошмаре, который длится в Грозном, о трупах солдат, которых едят собаки, о заживо сгоревших детях,

Ельцин упрямо бычился в своем кресле. На призыв остановиться пока не поздно, он мрачно уронил: «Еще не время. Идите».

Больше они уже не встречались, а на Ковалева обрушилась вся ненависть псов и стервятников войны. В Думе готовится его отставка с поста уполномоченного по правам человека.

На следующий день, расспросив Усмана, мы узнали, что этот молодой и полуграмотный, но сообразительный парень вырос в детском доме, куда он и его сестра попали еще детьми из-за того, что после смерти матери их воспитывал отец. Ему было уже 76 лет, и кто-то решил, что в этом возрасте он не может правильно воспитать детей. Их отняли. А в детском доме не разрешали говорить по-чеченски.

Сам он, как и все, получил автомат, но не испытывал желания воевать, а искал возможность уехать. Только без специальности и образования никому был не нужен, а в чернорабочие ему не хотелось, поэтому и болтался в Чечне. Оказалось, что у него есть сестра Сайда, она живет в их старом доме, но болеет, а лечиться нигде.

Мы с Михалычем предложили Усману лететь с нами в Москву.

Все вместе заехали за Сайдой. Брат без разговоров забрал ее, и мы двинули в Сlepцовский аэропорт. Там нас попросили взять с собой еще чьих-то сирот, в Москве их готовы были принять родственники. Дети полетели с нами.

В Домодедовском аэропорту, когда мы выходим из самолета, видим журналистов, телевизионщиков. Они снимают наше возвращение, спрашивают, но я вижу только свою жену, которая бежит к самолету и, плача, утыкается лицом в мою куртку. В обнимку мы идем к машинам и после короткого интервью едем в Думу. Там нас встречает Егор Гайдар, мы проходим в его кабинет, он спрашивает нас, не голодны ли мы. Я честно признаюсь, и пока Михалыч рассказывает, ем что-то горячее, принесенное из буфета. Потом мы оказываемся в кабинете у Юшенкова, короткий разговор и – пора домой! Сергей вызывает для нас машину, а когда мы садимся в нее, водитель дико смотрит на нас и с трудом признает депутатов в пропахших потом и дымом оборванных мужиках.

Я возвращаюсь в обычный режим работы, точнее, пытаюсь это делать. Вторник и четверг – заседания в комитете по законодательству, где идет обсуждение всех готовящихся к рассмотрению законопроектов, их правка и шлифовка. По средам и пятницам – пленарные общие заседания в большом зале. Там еще продолжают попытки остановить войну, выразить недоверие министру обороны, но лживые реляции Н. Егорова о том, что Грозный уже взят, путают и ослабляют волю противников войны. Зато укрепляются в своей правоте и злобе те, кто заражен великодержавным шовинизмом. Вновь и вновь звучат их требования расправы с теми, кто им препятствовал. И главная мишень – Сергей Ковалев. 19 января пресса сообщает о том, что прорвавшиеся к центру Грозного десантники водрузили российский флаг над опустевшим рескомом.

О том, что происходило там в последние дни, можно было прочесть в «Новой газете» в репортаже Щекочихина:

«Рядом с президентским дворцом, волоча хвосты, скачут контуженные голуби. Снарядов, разбивающих дворец, они уже не слышат. Сверху на них и санитарный автобус под белым флагом летят стекла и пылающие ошметки с горящих этажей.

Мимо нас четверо ополченцев вытаскивают из подъезда раненого, заносят в автобус – и тут же мина накрывает площадку, на которой он стоит.

Машина прыгает, из нее вылетают все окна, мотор глохнет. Стонущего раненого заносят обратно. Один из санитаров садится на корточки прямо у автобуса и курит. Вокруг лопаются мины. Он не уходит. Ему все равно.

В подвале человек 200-300. Ненадолго отказал дизель, горят свечи, пламя их трясется от прямых попаданий во дворец. Много женщин...

В санчасти старый усатый хирург Резван перевязывает раненого российского пленного – пехотинца Валеру. Резван 26 лет отслужил на подлодках судовым врачом. “У парня два осколочных ранения бедер и сломано колено. Сегодня начался сепсис. Надо вывозить”.

Доктору помогает Оголихин Ваня, пленный фельдшер, взятый в числе 48 военнослужащих внутренних войск в Хасавюрте. Ваня ухитряется быть с белоснежным подворотничком, в чистой хэбэшке. Ване передает тампоны красивая молодая женщина. “Это моя мама, Нина Александровна”. Ваня берет маму за руку, и вдвоем они рассказывают свою историю. “В плен я попал, когда нашу группу окружили мирные жители и подполковник Серегин (он тоже здесь, в подвале) приказ стрелять в них не отдал. Мы благодарны ему. Привезли сюда, поместили в подвале рядом. Журналистка Лена Петрова взяла у меня мамин адрес и ей позвонила.” Мама: “Мне позвонила девочка Лена Петрова и сказала, что Ваня тут. Я медсестра, взяла отпуск и денег заняла на билет в одну сторону. Добралась до Грозного, объясняла по дороге, что здесь мой сын. Меня все подвозили. Дворец обстреливали. Я к нему подошла. В меня не попали. Сказала, что Ваня тут. И меня к нему отвели. Я вошла в подвал, а он...” Ваня: “Я ее увидел и испугался, что она приехала”.

Ваня и Нина Александровна сидели перед нами в санчасти, а потолок начинал трескаться, и висящие над головами магистральные трубы отопления тряслись. На раненых летела пыль и штукатурка. Ваня и мама должны были уехать: чеченская сторона решила Ваню отпустить, но начался штурм 31 декабря (Павел Сергеевич Грачев отмечал свой день рождения), и вопрос отпал сам собой.

Аслан Масхадов, начштаба обороны Грозного, к которому мы зашли выяснить вопрос, что делать с тяжелоранеными, сказал: «Я четыре раза просил российскую сторону забрать без всяких условий тяжелораненых, обменяться пленными и вывезти трупы. Один из генералов даже назначил мне

встречу 5 января в 18.30 на нейтральной полосе. Потом позвонил, извинился, сказал, что начальство не решило».

На следующем заседании депутаты-патриоты предлагают снять вопрос о несоответствии министра обороны. Они предлагают наградить званием Героя России командира 276-го мотострелкового полка, который, добив последних защитников рескома, установил там российский флаг.

Черт подери! Наш триколор, о возвращении которого мы мечтали, сейчас он реет над разрушенным городом, над трупами его защитников и посланных на убой солдат...

Как потом выяснилось, мотострелки генерала Рохлина взяли опустевший Реском первыми, но оказалось, что флаг, который они должны были водрузить, куда-то запропастился... И первым флагом над поверженным «дворцом» стал андреевский флаг, которые принесли туда морпехи, заодно повесившие там еще и свою фирменную тельняшку.

Грачев остался на своем посту, а на следующий день, 20 января, воодушевленные мнимой «победой», «красно-коричневые» опять поднимают вопрос об отставке Ковалева с поста уполномоченного. Начинается обсуждение, и Сергей Адамович выходит на трибуну, чтобы ответить на вопросы. Переубеждать беснующихся и оправдываться перед ними бесполезно. Но под крики и оскорбления жириновцев он все же говорит:

«На все инвективы, прозвучавшие сегодня, и прежде будет дан ответ. Сейчас, однако, дело не в этом. Сейчас дело в том, что на территории Российской Федерации идет полномасштабная война. Гибнут люди. Гибнут вооруженные люди с обеих сторон, и, что еще более ужасно и несправедливо, гибнут мирные жители. Сейчас в Грозном минус десять градусов, примерно столько же, чуть теплее, в подвалах. Все мирные жители, которые не сумели покинуть город, находятся там, в подвалах. Начали умирать дети. Они гибнут от голода и от холода. Сейчас, сегодня главное – остановить эту войну. Необходимо немедленно принять постановления о прекращении огня, о создании гуманитарных коридоров, об эвакуации гражданского населения. Необходимо обеспечить снабжение этого населения хотя бы вещами первой необходимости, например, медикаментами, едой, обеспечить их снабжение водой, потому что воды в городе тоже нет. Город – это уже не город, это кучи кирпича с торчащими посередине обгоревшими остовами зданий, под этими остовами – подвалы, и в этих подвалах – люди. Вот потому я вношу предложение в Государственную Думу...

Первое. Государственная Дума осуждает военные действия в Чечне как способ решения политического немеждународного конфликта военными средствами.

Второе. Государственная Дума в особенности осуждает применение в ходе военного конфликта оружия массового поражения и неизбирательно-

го действия, использование которого привело к многочисленным жертвам среди мирного населения и массовому разрушению жилищ.

Третье. Государственная Дума обращается к правительству Российской Федерации и действующему руководству Чечни с требованием немедленно договориться о перемирии для организации гуманитарных коридоров и других способов спасения мирного населения, в первую очередь детей, больных, престарелых, а также для вывоза раненых, обмена пленными и погребения погибших.

Полномасштабная война в Чечне – это не война с бандитскими формированиями, это война с народом, с вооруженным народом, организовавшимся в ходе этой войны. Да, это так. Народ может иметь ложные политические идеалы. Народ может верить не тем ошибающимся или даже преступным политическим лидерам. Народ может избирать их и поддерживать. Мы с вами на основании отнюдь не чеченской, а своей собственной истории очень хорошо знаем, как глубоко может ошибаться народ. Но воевать с народом нельзя... Я не нашел там ни наемников, ни бандитов. Во всяком случае, там не больше бандитов, чем в других местах, в других городах, у других народов. Потому и нет другого выхода из этого затянувшегося кризиса, который будет продолжаться и дальше, кроме переговоров. По крайней мере на первом этапе, на военном этапе, эти переговоры можно вести только с одной политической силой, а именно с той политической силой, которая контролирует значительную часть чеченских вооруженных формирований. Бессмысленно пытаться искать, нелепо и даже противоестественно искать других партнеров для переговоров, разговаривать с Автурхановым, Хаджиевым или кем бы то ни было еще о том, как будет устанавливаться и как будет контролироваться перемирие, как будет прекращаться огонь, для начала из тяжелого оружия, а потом и стрелкового, и так далее. Это все равно, что вести эти переговоры со мною или, например, с депутатом Бурлаковым. Я согла-

Ю. Щекотихин

сен установить перемирие. Скажите мне, пожалуйста, кому я отдам приказ о прекращении огня? Точно та же проблема стоит и в случае разговоров с Хаджиевым или Автурхановым. Существует лишь одна политическая сила – это действующая администрация Дудаева, с которой этот этап переговоров, я подчеркиваю, этот военный этап переговоров можно вести. А другое относится к иным, более сложным, длительным и трудным политическим переговорам. Там возможны многосторонние переговоры. Итак, основные выводы, вытекающие из собранного нами материала, из многочислен-

ных встреч и бесед, состоят в следующем: война эта варварская. И второе: необходимо прекращение огня и политическое урегулирование. Я закончил».

Что же в ответ? А в ответ поднимается волна животной злобы, какие там замерзающие дети – не до них! Все зло в Ковалеве! К сожалению, стенограммы не передают всей атмосферы наших заседаний, к тому же тексты депутатских выступлений свободно «причесывались» потом авторами, которые зачастую смягчали свои опрометчивые или просто безумные речи...

Из стенограммы.

Ярошенко А. И., «Аграрная партия»: «Я считаю, что Сергей Адамович не имеет вообще никакого морального права занимать этот пост после всех сегодняшних высказываний».

Марычев В. А., ЛДПР: «Сергей Адамович Ковалев прежде всего должен запомнить только одно: вы сегодня боретесь против русской армии, вы сегодня боретесь против русского народа!»

Илюхин В. И., КПРФ: «Ковалев выполняет свои служебные обязанности по выбору, в отношении определенного круга людей. Сергей Адамович, поймите, вы сидите в бункере и говорите, что там не бандиты. Но вы не сказали ни слова, когда бандитами называли меня и других депутатов, которые сидели в Доме Советов. Человеку, который исполняет свои служебные обязанности по выбору, исходя из своих идеологических убеждений (а я бы мог приводить фактов сколько угодно), наверно, сложно выполнять столь ответственную работу».

Кузнецов Ю. П., ЛДПР: «Мне непонятно, при чем президенте уполномоченный? Вчера по телевидению передали информацию, что засечка на прикладе автомата русского солдата о каждом убитом дудаевце называется “Привет Адамычу!” Это, извините меня, хроника военных лет 50-летней давности, снаряды русской артиллерии подписывали: “Привет Гитлеру!”. Поэтому вопрос сегодня надо решать».

Не утерпел и я.

Рыбаков Ю. А., «Выбор России»:

«Уважаемое собрание! Я прожил без малого полвека на этом свете, имею детей, внуков и многое повидал, но не перестаю удивляться одному обществу феномену. Как только появляется в человеческом обществе какой-нибудь высокопорядочный человек (а это не так часто, к сожалению, случается), так появляются и господа смердяковы. Из всех подворотен и щелей вылезают рабы, бывшие рабы, которые сегодня готовы любого порядочного человека искусать и замордовать до смерти. И сегодня я вижу, что все продолжается... Этот человек, когда вы прятались по углам и не подымали головы против тоталитарного режима, в котором вы жили, имел смелость выступить против него. А где были вы? Этот человек после октябрьских событий, несмотря на то, что работал в аппарате президента, имел муже-

ство в своем отчете о соблюдении прав человека в России прямо написать о том, что да, была нарушена Конституция, да, нарушались права человека. И имел из-за этого достаточно серьезные неприятности. А его отчет чуть не был засекречен. Этот человек, в отличие от вас, господа, достаточно хорошо знает обстановку на Северном Кавказе и дважды обращался по этому поводу к президенту с докладными записками и конкретными предложениями о том, как спасти людей в тех режимах Северного Кавказа, где нарушаются человеческие права. И президент благодарил его за эти предложения и обещал (конечно!) реализовать их, но ни разу этого не сделал. А где были вы в этот момент? Этот человек более месяца находился в местах, где поголовно уничтожается население, и считал это своим человеческим, нравственным долгом. Но где были вы, господа? Этот человек и сейчас предлагает вам в первую очередь думать о том, как спасти мирных жителей, а вы думаете только о том, как бы его уничтожить. Стыдно, господа смердяковы!»

Мишустина Л. П., фракция «Выбор России»: «К сожалению, то, что происходит сегодня на этом заседании, – это попытка спросить за все про все с одного человека, который мужественно проявил себя в последние дни и в последние месяцы. Здесь коллега Марычев обмолвился: «Суду все ясно». Но мне кажется, что это не обмолвка. На мой взгляд, мы сегодня переступили черту, вот этим своим заседанием. Мы переступили черту, потому что мы позволили ему быть. Мы позволили говорить то, что сегодня звучало. Мы позволили обращаться к своему коллеге со всей нашей ненавистью, гневом и недовольством, забывая о том, что мы ведь можем говорить друг с другом на нормальном человеческом языке. Давайте опомнимся и прекратим «персональное дело» Ковалева Сергея Адамовича. Давайте думать над другим – как на самом деле общими усилиями прекратить то, что сегодня происходит в Чечне!»

Призыв останется втуне. В нарушение пакетного межфракционного соглашения, принятого еще в начале работы Думы, С. Ковалев будет освобожден от должности (при этом ястребы будут голосовать «за» не только карточками, но, ссылаясь на их отсутствие, и руками. В результате сумма всех голосов «за» и «против» окажется больше общего числа присутствовавших в зале депутатов!!! Зато проголосованный депутатами вызов министра обороны для дачи объяснений по ходу военных действий и применения неизбирательного оружия против населения не был реализован, Грачев в Думе не был ни разу...

Позже, в знак протеста «против окончательного отхода Б. Ельцина от политики демократических реформ», Сергей Адамович вместе с Егором Гайдаром уйдет из президентского совета.

Перефразируя известное выражение, можно сказать: когда говорят пушки, право молчит. Наверное, поэтому три последующих года пост уполномоченного по правам человека будет пустовать.

Внутреннее кровоотечение

Через пару дней промозглый грозненский подвал напоминает о себе: у Михалыча температура, врачи находят воспаление легких и увозят его в больницу. А у меня начинаются головокружения. Контузия не прошла даром, в самый неподходящий момент вдруг кружится голова, и надо успеть схватиться за что-нибудь, чтобы не упасть. Врачи констатировали: поврежден вестибулярный аппарат. Это будет продолжаться еще год, пройдет лишь к концу второго. Становится понятно и то, почему я стал плохо слышать. В госпитале им. Бурденко военный отоларинголог, посмотрев, воскликнул: «Э, да у вас же лопнула барабанная перепонка. Совсем, напрочь, но это поправимо! Давайте к нам ложитесь, возьмем кусочек кожи, и я его пришью, мы таких уже много оперировали». Я сказал, что подумаю и ретировался, уж больно ретивым был эскулап (в том, что работает только одно ухо, можно даже найти удобство: когда надо заснуть в шуме, закрываешь здоровое ухо и – тишина).

Еще недавно мы были в другом мире, где на разбитой стене кто-то размашисто и крупно написал: «Добро пожаловать в ад!»! Каждую минуту на Кавказе под бомбами и снарядами гибнут соотечественники, а в столице как ни в чем ни бывало куда-то спешат москвичи, светится реклама. Ни выстрелов, ни предсмертных хрипов гибнущих людей здесь никто не слышит. Мне худо не только потому, что из-за контузии временами на секунду-другую все вокруг начинает бешено вертеться. Больше мучает другое: все наши усилия ни к чему не привели. Да, удалось вывезти из города несколько автобусов с беженцами; да, в страшную новогоднюю ночь наше присутствие в подвале рескома стало защитой для первых пленных, но война продолжается!

Это жители столицы, прочитав в газетах о новых бомбежках, могут ужаснуться и, сказав себе: а что я могу? – вытеснить этот ужас из своего сознания. Тем более, что своих забот, проблем и соблазнов достаточно. Даже в «Новой газете» рядом с правдивыми репортажами с войны Д. Муратова, Ю. Щекочихина, Ю. Соколова во всю газетную страницу красуется реклама акционерного общества «МММ». Реклама обещает 131% прибыли (?!), утверждая: «Мы были, есть и будем!» И читатель охотно переключается на мысль о сказочном обогащении (очень скоро жертвами аферы С. Мавроди станут миллионы наивных и жадных людей; не думаю, что владельцы СМИ не догадываются об этом. Но им кажется, что деньги за такую рекламу «не пахнут»).

Для тех же, кто побывал в грозненском аду, репортажи оттуда – не «информация», а знание: мы знаем, что и как там происходит. Мы видели это собственны-

ми глазами, и когда при мигающем свете и грохоте над головой, в подвале рескома мы, обращаясь к президенту и обществу, писали «кровью истекает российская демократия», это не было фигурой речи. В стране, у которой только-только появились ростки гражданского общества, шло реальное внутреннее кровотечение. Земля снова впитывала в себя кровь детей, кровь ополченцев, кровь стариков и женщин, кровь мальчишек-первогодков, которых набрали со всей провинциальной России (из крупных городов во избежание протестов стараются туда не посылать). В деревнях и поселках, в провинциальных городах уже воют их матери, а в Думе соблюдается регламент, обсуждаются тонкости закона о пчеловодстве, плетутся депутатские интриги... Я бешусь, я выступаю везде, где могу, на заседаниях нашей фракции я убеждаю коллег в необходимости противопоставить себя президенту, добиваться его импичмента или демонстративного сложения депутатских полномочий всей нашей фракцией. Мои коллеги по «Выбору России» уже шарахаются от меня. Когда Михалыч еще лежал в больнице, навестить его приехали наши депутаты Ю. Нисневич и В. Похмелкин. После дежурных слов о здоровье они попросили его «утихомирить зятя».

Тесть этого делать, конечно, не стал. А при первом же улучшении сбежал из «кремлевской» больницы. Этому способствовало еще и то, что, как оказалось, в соседней палате проходил лечебные процедуры один из главных зачинщиков войны, министр Николай Егоров.

В огне брода нет

Когда Михаил Михайлович вернулся из больницы, в Чечне уже работала миротворческая миссия общества «Мемориал», а только что созданная организация «Солдатские матери» вместе с журналистами и казачьим атаманом Косовым пыталась наладить освобождение тех попавших в плен российских солдат, которых чеченцы были готовы отдавать их матерям. Я решил, что со своим депутатским мандатом должен быть там.

Позже я слышал недоуменные вопросы и даже упреки в том, что совсем не думал тогда о своей жене, о детях, о матери.

«Ведь тебя могли убить, то, что ты шастал по войне и остался жив – чудо! А если бы ты еще раз попал под бомбежку, если бы тебя пристрелили какие-нибудь психи или ты подорвался бы на минном поле? Ну, постояли бы депутаты минутку (и то неизвестно, встали бы...), ну, появилось бы пара строчек в газете, а потом жизнь пошла бы своим чередом без тебя. И жена твоя, и дети остались бы сиротами. Как ты мог променять их благополучие на мальчишеские риски? За кого? За тех, кто и добрым словом тебя вряд ли помянет?»

Не всегда это говорилось вслух, но недоумение проскальзывало в словах и взглядах моих знакомых. Я не отвечал. Говорить о том, что семья моя предпочла бы горевать, но не стыдиться, было неловко. Есть люди, которым я, их депутат, обязан помочь, если бы вместо этого я отсиделся дома, жизнь стала бы мне не в радость. Это чувствовали и понимали мои близкие, они не останавливали меня. И я им за это благодарен.

К этому времени чеченские отряды, неся потери, уже отступили в пригороды. Бои шли там. 27 января я прилетел в Ингушетию, «мемориальцы» были заняты тем, что опрашивали беженцев из Грозного. С их слов они составляли списки погибших. По их данным, в Грозном погибли тогда более 20 тысяч мирных жителей, из них почти 3 тысячи детей.

В Назрани на меня вышли какие то-то мутные офицеры, сидевшие в неприметном военном вагончике. Спросил у них: сколько наших солдат в плену, сколько пленных у нас? Прямого ответа не получил. Рассказал, что я из группы Ковалева, что встречался в Грозном с Масхадовым и другими, что готов быть посредником в обмене. Армейские контрразведчики – особи́сты или фэсбешники, поди разбери, кто они на самом деле, обрадовались и на следующий день предложили список из 23 человек, сказав, что это задержанные боевики, что их можно попробовать обменять на наших.

Каким образом? Для этого нужен прямой контакт с чеченскими командира-

ми. Забросить меня в Чечню куда-нибудь поближе к местам боев они могли легко и быстро вертолетом. Только вот незадача: для меня это могло кончиться пулей у первой же стенки или в чистом поле. В рядах сопротивления ширилась шпиономания, всех неизвестных начали подозревать и, наверное, не без оснований.

Но и я не очень доверял нашим спецслужбам.

«Депутат из группы Ковалева? Пусть попробует, вытащит кого-то – запишем в свой актив, а не вернется – да и хрен с ним». Это лучшее, что я мог предполагать с их стороны, а могло быть и так: «грохнем гада там, а потом свалим на «индейцев».

Поэтому, получив список, мы ушли в Чечню незаметно. Мы – это я и Лев Алейник, корреспондент газеты «Русская мысль». Я предложил ему ехать, предупредил о риске. Мне повезло, он согласился.

Нам помог советник Руслана Аушева и заместитель атамана «Всевеликого Войска Донского» Петр Косов. Еще в сентябре 94-го года при поддержке Джохара Дудаева казаки заключили с чеченцами договор о мире. В надежде на его соблюдение Петр Севастьянович взял на себя тяжкую ношу: быть посредником между родными солдат, оказавшихся в чеченском плену, и полевыми командирами.

В его кабинете все больше русских матерей, которые, прослышав, что можно спасти плененного сына, едут в Назрань со всей страны. От него мы получили микроавтобус, водителя, даже бронежилет, правда, один на двоих (поэтому он и провалился на заднем сиденье машины). И сопровождение – ингушского милиционера. Это лучший вариант: если нарываемся на федералов, то я, русский депутат, – защита ингушу, а в контактах с боевиками он – гарант того, что в Ингушетии мне доверяют.

Мы двинулись в сторону Грозного. У Серноводска стоял последний армейский блокпост, дальше Чечня – одно большое поле боя.

Первый раз местные ополченцы тормознули нас у Самашек, тогда еще не разбитых. Рядом шоссе, прямая дорога на Грозный, но там охотятся вертолеты: увидят машину, расстреляют не глядя. Поэтому оттуда проселком на Ачхой-Мартан. Где-то здесь пропали в те же месяцы питерские журналисты Максим Шабалин и Феликс Титов. Мы спрашиваем о них у всех, кого встречаем. Безрезультатно (достоверные обстоятельства их гибели неизвестны до сих пор).

Оттуда проселочными дорогами через Урус-Мартан в Гойты. Темнеет, на горизонте зарево Грозного, можно нарваться на чей-нибудь ствол, в такой ситуации надо хотя бы переждать ночь, а лучше самим объявиться, не дожидаясь допроса в ДГБ. Это такой чеченский «департамент госбезопасности», заведение, как мы слышали, малопривлекательное. Въехав в какой-то поселок уже в темноте, спрашиваем у стоящих при дороге парней: где комендант? Появляется человек с автоматом, под охраной нас ведет в дом, мы снимаем обувь, входим, здороваемся с пожилым хозяином. Мое удостоверение приводит в замешательство.

Депутат из той России, которая их бомбит? Объясняю, я – парламентар, у меня списки пленных на обмен, нужен кто-нибудь из старших командиров. Нас поят чаем, молодые вскакивают, если я, старший и гость, встаю. Комендант говорит с кем-то по карманной рации, потом рассказывает о жертвах бомбежек, о том, что в окрестностях видели, как из вертолетов выбрасывали каких-то людей...

По его словам, это пойманные федералами боевики, их разбившиеся тела находили и хоронили крестьяне...

Уже ночью за нами приезжают цепкоглазые ребята с автоматами, везут в Черноречье, о чем догадываемся по приближающимся пожарам и стрельбе. Попадаем в расположение какого-то отряда на территории, которая показалась нам воинской частью (потом оказалось, что это племенной совхоз). Темно, большой зал, может быть, кухня, костер, казаны и котлы, вмурованные в пол, обвешанные оружием бородатые мужики. Маленькая дверь – входим, на узкой койке, застеленной солдатским сукном человек со знакомым лицом. Алейник шепчет: Басаев! У Льва завидная способность говорить просто и доверительно, даже, сказал бы, доверчиво, причем в любой обстановке:

«Здравствуйте, Шамиль! Я вас знаю, а мы вот с депутатом».

Тот смотрит спокойно, оценивающе. Взгляд самодостаточный, но без демонстрации превосходства. Рост небольшой, движения и слова скупые, как будто немного стесняется, но, скорее, просто сдержан.

Изучает наши удостоверения, читает список для обмена. Алейник, испросив разрешения, вынимает диктофон, задает вопросы. Басаев отвечает медленно, с паузами, как бы проговаривая сначала мысленно, а потом уже вслух. Он говорит, что если и дальше будут уничтожать мирное население, то война придет в Россию.

Мы отвечаем, что россияне не хотят войны, что преступники – генералы и большие начальники, а не простые люди.

В ответ мы слышим: «А чем виноваты наши люди? Что вы бы делали на нашем месте, если бы к вам пришли чужие солдаты? Если бы они бомбили ваши деревни, расстреливали и пытали?» Потом, опустив глаза, как будто и не было сверкнувшего взгляда, добавляет: «Ичкерия все равно уйдет... Сейчас уже не в Дудаеве дело. Только вот, – он запнулся. – Но ничего, весна скоро, по «зеленке» легче будет. А оружие добудем или у ваших же купим. У нас ведь много было вашего: Соколов, генерал, еще до войны, уезжая оставил нам во Владикавказе восемь установок «Град», благодарил. Ты, говорит, меня, Шамиль, миллионером сделал».

Ночевали мы в подвале недостроенного дома Имаева, того самого прокурора, с которым Михаил Молоствов и другие депутаты выезжали в чисто поле на встречу с федералами, а те стреляли в них ПТУРСами.

Огромный кирпичный дом, кажется, в селе Гехи, еще не был обжит. А нас из соображений безопасности отвели подвал, где было несколько лежаков.

Утром, проснувшись, я вышел наверх, походил по пустым комнатам. Обойдя заледеневший двор, вспомнил разговор с Басаевым. То, что война надолго, что она не ограничится Кавказом, уже было понятно. Но неужели наши генералы продавали им оружие, неужели сами вооружали тех, с кем будут воевать? Я еще не знал тогда, сколько оружия было оставлено в Чечне, и тем более не знал, что дело было не только в невозможности его увезти, но и в наживе.

Что же касается генерала Соколова и восьми установок «Град», то, насколько я знаю, у чеченцев была лишь одна, да и та после первого же залпа по наступавшим войскам была уничтожена ответным огнем. И я не исключаю того, что Басаев слил нам эту компрометирующую «дезу» за то, что Соколов сопротивлялся захвату оружия. Известно, что еще до начала войны он бил тревогу и даже искал поддержки у Генерального прокурора РФ.

Но что мог сделать в этой ситуации Генеральный прокурор? Ничего. У Грачева был лишь один начальник – президент, а у того были другие заботы. То, что прокуратура не может защитить армию в мятежной республике, генералу должно быть известно. Как и то, что именно продажа оружия находится в сфере прокурорского контроля. Только за первый год войны прокуратура возбудила 72 уголовных дела по фактам продажи боевикам оружия, военной техники и обмундирования. И речь, как я уже писал ранее, шла не о десятке украденных автоматов. О том, какие масштабы принимала эта торговля, можно судить по находке в селе Гойское. Отступая, боевики бросили там новейшие бронетранспортеры, еще не поступившие на вооружение российской армии! При проверке выяснилось, что они ушли с завода на «испытания в боевых условиях».

У Имаева нас никто не сторожил, но выходить на улицу я не стал. Спустился вниз, на стеллаже увидел коробки с патронами, несколько взрывателей для гранат, еще какие-то детали. Оказалось, что в подвале кроме нас на соседнем топчане спал какой-то человек. Проснувшись, он молча встал и ушел. Скрипнули ворота, за нами приехали, но прежде кто-то из домашних вскипятит нам чай. На рассвете мы въехали в предместья Грозного: безлюдные сельские улочки, Черноречье. Впереди Заводской район, там изредка бухают пушки. Здание школы, кипарисы или, быть может, туи, около которых остается наша машина. Опять спускаемся в подвал. В тамбуре боевики – крупные, сильные. Хорошее обмундирование, бронежилеты, автоматы, ручные пулеметы (их любовно называют «красавчиками»), подсумки для рожков и подствольных гранат – гвардия. Заводят в комнату, там под зеленым знаменем сидит вице-президент Яндарбиев в папахе. Встречает надменно, говорить не хочет. Грозится победой, причем не только над Россией. В сопровождении офицера отсылает нас к Масхадову. Тот в соседнем отсеке, у стола, на котором большая карта. Прикрывая ее плащ-палаткой, спокойно говорит: «Слушаю вас!»

Показываю «подорожную»: «...уполномочен вести переговоры... обмен пленными... организация гуманитарной помощи населению, прекращение войны. Подпись – С. Ковалев».

Объясняю, передаю от нашего командования список пленных. Изучает, удивляется: «Почему тут русская фамилия? А этот, 25-го года рождения, тоже, по-вашему, боевик?»

Я могу лишь сказать, что списки составлял не я.

Масхадов морщится. Рассказывает, что недавно уже был обмен трех легкораненых десантников на убитого боевика, родные которого хотели сами его похоронить. Обменяли, а потом обнаружили, что чеченец весь изрезан ножом. Его пытали.

Аналогичные истории мы уже читали в газетах, только наоборот, о том, как резали российских ребят чеченцы. Поддерживать беседу становится трудней, но все-таки я прошу показать пленных. Настаиваю. Нас ведут в соседнее здание, там наши солдаты, человек 10-12. В разношерстной одежде: кто-то еще в форме, у кого-то рваная одежда с чужого плеча, вместо сапог тапочки или кроссовки, все небритые и немые. Охрана не оставляет нас наедине, прислушивается к разговору. Поэтому на мои вопросы ответы простые: «Нет, не бьют. Кормят тем, что сами едят. Войну надо кончать».

Отдаем сигареты, переписываем имена, уговариваем охрану разрешить сфотографировать, обещаем найти способ обмена. Разговор прерывают близкие разрывы снарядов.

Вернувшись, видим у входа как бритвой срезанный ствол дерева, свою иссеченную осколками машину. Две мины рядом – почти прямое попадание. Слава Богу, милиционер и шофер живы. Водитель по третьему разу рассказывает всем: «А мы покурить отошли, только я за угол завернул, как жажнуло!»

Наш список остался у Масхадова для проверки, а мы, закрепив кусок полиэтилена вместо разбитого лобового стекла, отправились обратно в Ингушетию.

Руслану Аушеву как-то удавалось уберечь свой народ от войны, но маленькая республика уже задыхалась от наплыва беженцев. В каждом доме ютились не только хозяева, а еще одна или две семьи. Семейные, а то и тейповые связи в еще недавно единой республике обязывали дать приют каждому, пусть даже самому отдаленному родственнику. Из городских кварталов Чечни война медленно перемещалась на равнины, запылали поселки и фермы. Вскоре ингушскому правительству придется отдавать беженцам помещения складов, спортивных залов, а потом строить палаточные города...

Огнем и мечом, а точнее, пушками и танками, федеральные войска доламывают сопротивление городских партизан. Наученные горьким опытом команды уже не бросают своих подчиненных в контактный бой, сначала бомбы, потом гаубицы, которые бьют в упор, превращая дом за домом в решето, потом кирпичное крошево утюжат танки, и только за ними идут солдаты.

А по ночам, как когда-то в Брестской крепости, из развалин подымаются тени и звучат выстрелы.

На конец февраля будет подбито 450 БТР и БМП федеральных войск, а без-

возвратные потери в технике составят 225 боевых бронированных машин, в том числе 62 танка. Человеческие потери, по данным Комиссии генерала Волконогова, уже составили 1 146 человек убитыми, 374 человека пропали без вести, около 5 тысяч ранены или больны.

Число убитых боевиков неизвестно. Руины кажутся пусты, но это не значит, что город полностью обезлюдел. Несмотря ни на что, там еще остаются десятки тысяч жителей, которым некуда бежать.

Пока ждали в гостинице, удалось вместе с Петром Косовым помочь группе солдатских матерей. Дудаев все ждал, что Россия проснется и остановит взаимное истребление. Для этого было нужно, чтобы русские узнали, что творится на Кавказе. Кто мог рассказать об этом, как не вернувшиеся солдаты? И он приказал полевым командирам отдавать их в руки родителей. Но дудаевцы несут большие потери, тюрьмы, фильтрационные лагеря и ямы-зинданы на территории воинских частей наполняются захваченными чеченцами. Поэтому выдача сменяется обменом пленным на пленным, позже начнется взаимная торговля, но пока, под обещание не возвращаться в Чечню с оружием, еще удастся кого-то вызволить.

Из воспоминаний фото-корреспондента Натальи Медведевой:

«С утра Петр Косов матерился. Сидел в своем кабинете в Доме Правительства, за столом, заваленным ворохом бумаг, и матерился.

– Кого?! Кого мне везти к Масхадову?! Ммм... – стучал он кулаком по столу. – Они всех подряд ловят на блокпостах и не понимают,

где оппозиция, а где за Дудаева. Из всего автобуса всего один человек. Только один человек, которого я могу обменять. И тот... И тот побитый, завтра умрет... Кого?! Кого мне везти Масхадову?! Ммм... Ммм...

Утром российские военнослужащие пригнали в Назрань автобус с чеченцами, которых предстояло обменять на взятых в плен срочников. Наташа заглянула в автобус, стоящий у Дома Правительства. В нем оставался один только пленный, остальных Косов отпустил, среди них не было боевиков. А этот одиноко сидел у окна в старом плюшевом полушубке. Остриженная голова была велика для тела, худобу которого не скрывал толстый плюш. Он молчал, не проронил ни слова, когда Наташа начала его фотографировать. Просто смотрел на нее. Такой взгляд она видела у собаки во дворе общаги,

когда сосед замахнулся на ту камнем. У Наташи в руках был только фотоаппарат, но, видимо, после нескольких дней плена он по привычке вжимал голову в плечи и смотрел на всех неммым укором: “Посмотрите, что они со мной сделали”.

Сухонькая женщина в вязаной беретке вошла в автобус. Солдатская мать. Она подошла к боевику и протянула к нему узкие руки, а он к ней свои. Она взяла его за запястья, подняла рукава шубы. Наташа сделала кадр: по свежему шраму на каждом запястье. Он растянул шубу. Наташа сделала еще кадр: штаны перехвачены веревкой, чтобы не спадали. Он задрал свитер. Фиолетовые разводы на груди и пояснице – кадр. Женщина прикоснулась к разводам своими тонкими пальцами, обернутыми пергаментной кожей, и Наташа подумала, что они должны быть холодны – слишком мало жизни в этом сухом стареющем теле. Пленный поднял на мать врагов глаза: “Посмотрите, что они со мной сделали”. Она встретила его взгляд сквозь толстые стекла в роговой оправе: “Что они с тобой сделали”. На следующий день он умер, отказали отбитые почки.

В Шали лежал снег. Этот город двухэтажных частных домов и бетонных коробок был больше похож на поселок. Автобус подъехал к комендатуре. Из трехэтажного здания вышел мужчина в растянутой кожаной куртке, под которой виднелся камуфляж и разгрузочный жилет. Следом за ним они вошли в комендатуру: матери, пленный, Косов и пресса, Наташа с французом.

Человек в кожаной куртке опирается кулаками о стол, косится на столпившихся матерей. “Это теперь вы плачете, – говорят со снимка его глаза. – А кто вас сюда звал? Хотите, чтобы вас пожалели? А кто пожалеет нас? Сходите в госпиталь, он тут, недалеко. Все, что вы там увидите, дело рук ваших сыновей”. Матери прижимают к груди растопыренные ладони: “Да нас же никто не спрашивал! Да мы же против войны! Да мы же не знали, куда везут наших сыновей. Так им же приказали. Приказ у них”. Косов разводит руками: “Простые люди тут ни при чем. У вас тоже есть матери, не забывают об этом.” “Матери у нас есть, и каждый день они прячутся от обстрелов”. Появляется еще один человек в камуфляжной одежде. В руках у него список. На лице приказ, данный самому себе, не реагировать на чужие эмоции. Зачитать список и освободить только тех, кто в него был внесен. Никаких поблажек – ни одному. Матери склоняются друг к другу беретками, прижимают к себе авоськи. Прижимают их к себе так, будто в этих авоськах среди пирожков, яблок и банок варенья, которыми они собираются накормить своих сыновей, лежит их материнское сердце. А в ушах звенит, руки холодеют, ноги подгибаются. “Господи, Господи! Пусть все будет хорошо. Пусть только назовут фамилию моего сына”.

За одного ополченца (того, что умер потом на следующий день) отдали четверых солдат-срочников. Но вывели-то во двор семерых! Сказали, выбирайте...

И Косов рискнул, запустил в автобус всех, а потом отчаянная Наташа так заболтала проверяющих, что те отпустили машину без пересчета... (потом ей это припомнят ДГБшники, но заступится Басаев).

Большинство пленных, которых удавалось вернуть, были мальчишками-первогодками. В глазах ужас, непонимание, покорность. Вывести их, а потом еще и отправить в Россию, минуя особистов, которые готовы перехватить и снова гнать их на убой, было непросто.

Мой депутатский мандат помогал договариваться с железной дорогой, с летчиками о бесплатном или льготном проезде матерей и сыновей. Надежды чеченцев на то, что освобожденные станут антивоенной силой, не оправдались. В провинциальной России, а большинство призывников было оттуда, их голоса глохли. Тех, кому повезло выжить и вернуться домой, еще ждали проблемы: все они были без документов, а военные комиссариаты вели себя по-разному. Если из воинской части приходила информация о «самовольном оставлении службы», а именно так и оформляли большинство пропавших, прокуратура могла обвинить в дезертирстве. Но даже если им все-таки приходилось снова надевать военную форму, в Чечню их уже не возвращали.

О женщинах, прошедших ту войну, стоит сказать особо. Это не только матери, которые упрямо шли сквозь огонь, грязь и лишения, отыскивая своих сыновей.

Кроме матерей солдат были еще журналистки и медики, их храбрость и жертвенность поражали. А иногда оставляли в недоумении. Та же Наташа Медведева рассказывала, что встретила в Моздоке якутскую шаманку, та прилетела в Чечню, чтобы «сдерживать бомбы»! Что привело ее из ледяной Якутии в гибельный край, где смерть мало кого щадила?

А та журналистка, о которой вспоминал М. Молоствов, та, что прилетела туда как журналист, но осталась в Грозном, чтобы перевязывать раненых? Когда я стал работать над этой книгой, то, вспомнив о Лене Петровой, стал искать о ней информацию. Узнал, что она из Харькова, дочь военного, работала на телеканал «2x2».

Когда Грозный был взят и спасать там было уже некого, она побывала в столице, выступала в телепрограмме Познера «Человек в маске» и рассказала об ужасах войны и военщины. Сюжет показан не был, героиня показалось Познеру неискренней. Потом она вернулась в Чечню, а там как шпионка была арестована чеченской контрразведкой и, по версии В. Измайлова, была расстреляна начальником департамента государственной безопасности по Ачхой-Мартановскому району Ризваном Эльбиевым. Когда о ее пропаже стало известно, интервью с ней все же вышло в эфир ТВ, и ее мать узнала свою дочь даже под маской. Но, рыская по интернету, я обнаружил еще одно видео с ней, уже без маски, где она встречается с тем капитаном Мычко, которого она перевязывала в подвале рескома. И увидел не совсем ту «Лену Петрову», которая приходила к нам в подвал на улице Красных Фронтовиков. Там у меня был фотоаппарат, и у меня остался

снимок, где она стоит рядом с Лечо Саламовым. Найдя эту плохонькую темную фотографию, я сравнил ее с тем, что видел на экране и теперь не уверен в том, что это один и тот же человек.

Но даже если в наш подвал приходила другая, все равно настоящая Лена Петрова, та, что не боялась бомбежек и спасала людей, была!

Как и чеченка Мадина Эльмурзаева, медсестра 1-й грозненской больницы. После новогоднего штурма, когда город горел, под перекрестным огнем она пошла прямо к наступающим войскам и убедила солдат дать медперсоналу вывести из больницы тех, кто там лежал. Переведя их в более безопасное место, отправив своих детей в село, она осталась и так же, как Лена Петрова, стала ходить по подвалам и помогать раненым.

Последняя запись в ее дневнике: *«Сегодня найдена машина ЗИЛ-131. Эта машина была выделена нашим МЧС для работы с населением. Водителем работал парень, уроженец Грозного, армянин. Ему 23 года, Дадаян Карен. Машину подорвали. Вместе с Кареном в машине был Асламбек. Оба сгорели. Сегодня просто без какой-то причины расстреляли 16 парней из Старой Сунжи. С ума можно сойти, не знаю судьбу родителей, детей, братьев. О, Аллах, спаси нас!»*

Своих коллег она пережила только на один день. Родственники тяжелораненого человека пришли к ней за помощью, и она отправилась вместе с ними в поселок им. Войкова. Там они обнаружили, что тот, за кем они пришли, мертв. Его надо было хоронить, но, когда тело стали перекладывать, оказалось, что оно заминировано... Двое местных мальчишек, которые подошли помочь, погибли вместе с Мадиной.

4 февраля мы с Львом Алейником снова в предместьях Грозного. Масхадов принял не сразу. Был мрачен. Сказал: «Мы разослали список по всей Чечне, проверили каждое имя: здесь половина уголовники, которые давно сидят в ваших тюрьмах, они мне не нужны. – А другие? – Другие – не солдаты, это мирные люди. Вот, – он ткнул рукой в список, – этому старику-ингушу знаете сколько лет? 72 года, он что, боевик? Вы хватаете мирных людей и хотите обмена на солдат? Этого не будет. Уезжайте! Мы вчера сами договорились по обмену, сейчас ваш полковник, который напротив меня, должен на связь выйти, время обговорить. Меняем солдат на солдат».

От Масхадова мы вышли подавленные. Как я и опасался, особисты нас поставили.

Сели в подвальном коридорчике, машины нашей нет, в этот раз водитель не рискнул и остался в Ачхой-Мартане. Добирались на попутках, как возвращаться обратно, неясно. Наверху послышалась стрельба, забегали гвардейцы. От Масхадова выскочил адъютант и, увидев нас, закричал: «Вы что тут? Уезжайте, прорыв!» Оказалось, что вместо обмена, которого ждал Масхадов, началась атака, причем с неожиданной стороны (это 324-й мотострелковый полк, обойдя

лесистую часть Черноречья, ворвался в поселок Гикаловский, а вертолет, который должен был привезти пленных на обмен, приземляясь, расстрелял тех, кто вышел ему навстречу и высадил десант). Бой приближался. Нас вывели на улицу, с кем-то мы добежали до расположения отряда Басаева. Тот, стоя в воротах, провожал взглядом отъезжающий грузовик, увидев нас, он крикнул: «Быстро в кузов, эта последняя!»

Запрыгнули на ходу. Но в открытой «шаланде» некуда было ступить, на дне кузова лежали убитые и раненые чеченцы, с краю русская женщина с окровавленным бинтом на разбитом колене. Лев и я примостились спиной к кабине, в которой сидела маленькая дочь той, что лежала в кузове. Рядом на скамье оказался еще один человек, маленький, подвижный, с забинтованным горлом. Назвался журналистом из Приднестровья, сказал, что едва не погиб от снайперской пули, которая краем чиркнула его по горлу.

(Не знаю почему, но армейские снайперы часто целились людям в горло, потом я увидел такую же повязку у врача в Буденновской больнице.) Мы укрылись от ледяного ветра куском брезента. КАМАЗ, громыхая, насадно гудит и кашляет, одолевая подъем. За нами вспыхивают, но не белым, а почему-то алым и черным, разрывы снарядов. При очередном повороте я вижу панораму горящего, растерзанного города, наверное, так в 42-м году выглядел Сталинград...

Блеснула гладь водохранилища. Над ней в дымном небе появилась жирная движущаяся точка. Вертолет! А мы как на ладони!

Боевик, который сидел в хвосте кузова, оглянувшись на лежащих в кузове, поднял ручной пулемет, передернул затвор. Но нам повезло, вертолет ушел в сторону.

Что стало с пленными, которых Масхадов готовил на обмен, не знаю. Лишь об одном, из Майкопской бригады, слышал я потом, что его расстреляли за попытку побега.

Водитель спешит, мы уже не петляем по проселкам, а гоним по трассе Баку-Ростов. Но застреваем на дороге у моста. Скопление машин, проваленные бетонные блоки, рядом догорает легковушка. Мост через речку (опять Валерик) только что взорвал пролетававший, быть может, тот самый вертолет. Завис, сбросил бомбу, полоснул по людям из скорострельной пушки и ушел. Несколько машин пытаются преодолеть речушку вброд. Но густая липкая земля разъезжается под колесами. В ней тонут не только машины, но и трупы только что убитых людей. Куски расплоскованных осколками человеческих тел погружаются в глинистую жижу, оставляя на поверхности еще не запекшуюся кровь. Я озираюсь вокруг в ожидании нового налета, а бесстрашный Алейник, толкая меня в бок, показывает, с какой стороны удобнее открыть борт, если начнется обстрел и надо будет снимать и оттаскивать раненых.

Но пришел трактор, и мы все же добрались до больницы в Ачхой-Мартане. Там помогли разгрузить машину и вошли внутрь. Холодные палаты и коридоры

полны забинтованных, обожженных, раненых и больных. Я спросил у главного врача, чем можно помочь, чего не хватает?

– Всего!! – услышали мы. – Врачей, бинтов, капельниц, антибиотиков, кормить больных тоже нечем.

Пообещав искать необходимое, я спросил: «А солдаты у вас тут раненые есть?»

Врач запнулся, потом, повертев головой, сказал:

– Есть тут один.

– Где, покажите!

– Его там стерегут.

– Тем более!

В пустой палате на койке лежит парень. Из-под смятого байкового одеяла видны бинты на ногах. Исподняя рубаша, руки вдоль тела, голова повернута к стене. А за ним, в головах и у окна, трое вооруженных боевиков. Главный врач неуверенно говорит:

– Вот, тут журналист с депутатом, они раненых привезли из-под Грозного... Хотят посмотреть.

– Что? А чего тут смотреть?! – вскидываются сторожа, бородатые, страшные, в голосах рык и в то же время колебание. – Депутат? Какой депутат?

Ситуация рисковая, никакой «охранной грамоты» у нас нет, письмо какого-то Ковалева для них может ничего не значить. Один неверный шаг, и эти простые ребята увидят в нас свою добычу. Достаю удостоверение, не глядя,ставляю в их сторону руку, говорю, что мы едем от Масхадова, меняем пленных. Одновременно, не спрашивая, беру металлический стул и сажусь рядом с раненым.

Парень смотрит на меня с тревогой. Еще раз громко, чтобы слышали все, представляюсь, показываю ему свое удостоверение, говорю, что я здесь, потому что ищу и меняю пленных. Спрашиваю, кто он, как зовут? Откуда?

У парня тяжелый, недоверчивый взгляд. Я наклонился к нему поближе, но и чеченцы сгрудились и просто нависли над изголовьем.

– Да дайте поговорить-то! – теперь уже я вскидываюсь на них. Ворча, они отодвигаются.

Если бы не подвели особисты в Назрани, мне было бы кого предложить в обмен на этого солдата. Но никого!

– Слушай, – говорю я, – если ты скажешь, где твои родители, я сообщу им. Есть возможность, чеченцы отдают пленных родителям. Если они за вами приезжают. Я сообщу, если смогут, они приедут, мать там или отец. Они тебя вытащат. Есть шанс. Мы поможем!

Парень колеблется, я еще раз повторяю. С трудом, как бы преодолевая себя, он произносит имя и фамилию.

– Где родители живут?

Он называет какое-то сибирское село. Я записываю и говорю ему: «Жди. Держись».

Мы уходим. Охрана остается.

В селе мы ищем свою машину. Но ее нет, наверное, водитель нас не дождался. Темнеет. Идем на сельскую площадь, спрашиваем у прохожих, как найти старосту. Просимся к нему на ночлег.

Утром возвращаемся в Назрань на попутке. В гостинице «мемориальцы» рассказывают нам, что вскоре после нашего отъезда в Черноречье прямо перед гостиницей приземлился вертолет. Военные искали именно меня. Это странно и неприятно. После всего, что я уже видел, ничего хорошего я от вояк не жду. Алейник предлагает сходить к особистам и узнать, что было надо прилетавшим, но разговаривать с теми, кто нас только что подставил, я не хочу.

Вернувшись в Москву, я даю интервью журналистам, рассказываю о том, что видел, о том, что в чеченском плену много наших солдат, и сразу же из своего думского кабинета начинаю дозваниваться до родителей сибиряка.

Звоню в областную, затем в районную администрацию, узнаю телефон сельсовета. Разница в часовых поясах вынуждает отложить следующий звонок до утра.

На следующий день дозваниваюсь, объясняю, что мне нужно поговорить с родителями такого-то солдата. Мы договариваемся, что их найдут и позвонят к телефону. В условленное время звоню снова, на той стороне слышу испуганный женский голос. Начинаю рассказывать. Там слышится плач, пытаюсь успокоить, повторяю, что их сын жив, а это главное... В трубке глухой мужской голос — отец. Начинаю с начала, объясняю, что родителям еще могут его отдать, что есть шанс. Даю свой номер телефона, говорю, что если поедут, то пусть звонят, я поеду с ними.

Разговор закончен.

Я возвращаюсь в зал заседаний, там идет обсуждение возможной отставки главы Центробанка В. Геращенко, в нашей фракции это поддерживают только 13 из 71 депутата, но я голосую за отставку. Руководителем главного российского банка становится Т. Парамонова, есть шанс, что свистопляска с допечаткой денег и фальшивыми авизо закончится.

Проходит несколько дней, я работаю над документами. Телефонный звонок, в трубке я слышу уже знакомый глухой голос. Отец солдата говорит мне, что он уже в Москве, в аэропорту Домодедово. Есть рейс, но нет билетов.

Так, что же делать? Во-первых, плохо, что это отец, а не мать, у нее шансов было бы больше. Как отнесутся там к мужчине, неизвестно. Но тут уже ничего не исправишь. Если бы они хоть позвонили раньше, я заказал бы билеты и на себя, и на него. Сейчас уже поздно, да и мне не успеть к отлету, а откладывать нельзя.

Судьба парня на волоске, с каждым днем там все больше ожесточения. Чеченцам не нужны пленные, от которых нет проку, таскать раненого за собой они не будут. Застрелить проще, поэтому счет может идти на часы. Откладывать нельзя. Я выясняю телефон начальника аэропорта, но его нет на месте, дозваниваюсь

до старшего диспетчера, объясняю, что отец летит спасать сына. Прошу помочь. Тот говорит:

– Хорошо. Найдем место. А как его-то самого найти?

– Объявите фамилию по громкой связи!

– Хорошо, сделаем.

Где-то через полчаса звонок, я слышу в телефонной трубке:

– Депутат Рыбаков?

– Да.

– С вами говорит адъютант заместителя командующего Северного флота. У него в Чечне пропал без вести сын. Мы знаем, что вы нашли в Чечне солдата.

В голосе металл, плохо скрываемая неприязнь. Я уже не удивляюсь, большие командиры нас не любят. В глазах военных правозащитники чуть ли не предатели. Отвечаю:

– Мне очень жаль, но мне нечем вас обнадежить, тот солдат из Сибири, из деревни.

– Это точно?

– Да он назвал свою фамилию. Адрес. Сейчас его отец летит туда.

На другом конце гудки, трубка брошена.

Среди жертв той войны окажутся и сыновья большого начальства, но только не тех, кто принимал решение о войне. Дети членов Совбеза, дети министров и кремлевских чиновников воевать не пойдут, они будут учиться в престижных западных университетах, богатеть или прожигать жизнь на фешенебельных курортах...

А гибнуть вместе с рядовыми будут те дети старших офицеров, которых отцы не смогут удержать дома. За первую чеченскую своих сыновей потеряют 55 полковников и девять российских генералов.

Спустя месяц, не дождавшись известий от улетевшего в Чечню сибиряка, я стал искать ту кассету, на которой были записан его адрес. Но она оказалась размагничена, как и все кассеты, которые моя помощница оставила на кинескопе телевизора.

Урус-Мартан уже был в руках федералов, и я пытался навести справки, но хирурга из районной больницы Руслана Висаригова там уже не было. Оказалось, что его обвинили в пособничестве бандитам, пришлось добиваться его освобождения, но и потом он ничего не смог сказать Льву Алейнику о судьбе того солдата. Их было слишком много.

Переговоры, срывы, провокации...

Избранный от Читинской области член Совета Федерации, Виктор Курочкин (с ним мы, сидя в подвале рескома, под бомбежкой писали письмо Дудаева, в котором он предлагал руководству РФ остановить войну в самом ее начале) продолжал попытки усадить воюющие стороны за стол переговоров. К февралю остатки батальона Басаева покинули Черноречье, разбитая до неузнаваемости столица Чечни перешла под контроль федеральных войск. Видя всю мощь и жестокость той военной машины, которая, не жалея своих солдат, перемалывала чеченский народ, его старейшины поняли, речь идет о его спасении. Верховный муфтий М. Алсабеков и председатель Совета старейшин Чечни С. Адизов приехали в Москву. Незадолго до этого глава ФСБ С. Степашин заявил, что он категорически против политических переговоров с представителями режима Дудаева. Но с чеченцами все же встретился глава правительства В. Черномырдин. После двухчасовой беседы, где речь шла о жертвах и мире, премьер, прощаясь, обнялся с ними и сказал: «Я сделаю все, чтобы остановить войну. Я даю поручение своему представителю Семенову Николаю Ивановичу, чтобы он вел с вами переговоры».

Увы, в реальные планы Кремля мир не входил. Просто война вызывала все большее осуждение в мире, к тому же президенту 16 февраля предстояло выступить перед Федеральным Собранием с очередным годовым посланием. Там надо было дать оценку пройденному и обозначить новые цели. На фоне ожесточенных боев, без надежды на их прекращение, делать это было неудобно.

Ненадежность первых мирных инициатив была очевидна, именно поэтому Виктор Курочкин решил не упускать шанса и в конце февраля вылетел в Ингушетию. Члены Совета Федерации в то время избирались народом и в полной мере представляли в парламенте целые регионы, в общем политическом раскладе их вес был тогда значим. Вместе с муфтием и старейшинами он отправился в Ачхой-Мартан, а оттуда в Шали на встречу с Дудаевым и Масхадовым. Разговор оказался трудным, в отличие от выдержанного и уставшего Масхадова, Джохар Дудаев сначала пришел в возбуждение и понес пургу о том, что они всех победят, говорил: «Россия – варвары, вандалы, Ельцин – подлец. Вас надо уничтожать! А таких как вы, – он показал на Виктора, – надо расстреливать!»

Успокоился он только после того, как за Курочкина вступился муфтий. Началось совещание, которое вначале шло на чеченском языке, при том оно не было закрытым, его приходили послушать родственники хозяина дома, соседи. Под конец дали слово и Виктору. Он сказал, что вопрос о независимости Чечни надо заморозить и объявить перемирие на месяц, потом на два, потом еще. Развести

тяжелые вооружения, организовать выборы в республиканский парламент, а потом уже вернуться к разговору о статусе республики. Дудаев не возражал, он объявил, что, если завтра такой план поддержит Совет полевых командиров он его подпишет. Так и случилось. Вернувшись в Назрань, В. Курочкин стал ждать там Семенова и услышал, что в Моздок, где находился главный штаб всех федеральных сил, приехал секретарь Совета Безопасности О. Лобов. На проекте «Протокола-соглашения о прекращении боевых действий на территории Чеченской республики» кроме подписей Дудаева и Масхадова появились и подписи Семенова, главы ингушской администрации Агапова, муфтия и старейшин.

Вечером, уже за столом, Виктор спросил у посланца Черномырдина:

– Перемирие реально?

– Никому ни слова, ни одна душа не должна знать об этом соглашении. Сейчас растрезвонят, Ельцину доложат не так, он отменит все это дело. А я поеду в Москву, я прокрадусь там, я человек опытный (старый партийный работник), уговорю кого надо, и все будет нормально. С пятого марта объявляется перемирие, будут прекращены военные действия.

В «Протоколе-соглашении...» была оговорена дата встречи представителей обеих сторон – 3-4 марта в аэропорту Ингушетии. Но, когда Масхадов поехал в назначенный срок для продолжения переговоров, его остановили на блокпосту у Самашек, а вертолеты демонстративно обстреляли дорогу в Ингушетию. Лукавил Семенов или не смог «прокрасться», но мирный вариант оказался сорван. 5 марта, в день смерти Сталина, по распоряжению Куликова российская артиллерия открыла огонь по чеченским селам и позициям, а Черномырдин убежденно повторил чьи-то навязанные ему слова: «Там не с кем договариваться».

Не с кем? Но ведь под документом о согласии на прекращение войны и переговоры стоят подписи первых лиц республики?

И снова вопрос. Кому было нужно продолжение войны? Полевым командирам, жителям Чечни? Нет. Солдатским матерям? Нет. Старшим офицерам? Но, как слышал я и свидетельствует В. Курочкин, они лишь выполняют свой долг согласно присяге, что как только поступит приказ, они вместе со своими солдатами пойдут домой. Тогда кому? Узвленному самолюбию и карьерным целям больших генералов? Но не армейские вояки плотной стеной окружали президента и премьера, а лубянские генералы в штатском.

Самашки

Наше бессилие перед лицом неумолимого, необратимого погружения страны в кровавую кашу войны становилось очевидно. Пришло понимание того, что драка не закончится до истощения сил одной из сторон. Но международные конвенции обязывают воюющие стороны избегать средств неизбирательного массового поражения, не лишать гражданское население элементарных средств к существованию, соблюдать международные правила содержания пленных. Чтобы сдерживать обе стороны от эскалации насилия, наша группа вместе с журналистами стала мониторить и обнародовать те военные преступления, которые становились известны.

Это было непросто. Законы не работали по обе стороны «фронта», и мы зависели от тех, к кому попадали. Проявлять при этом самостоятельность, дотошность и объективность было трудно, а порой и опасно. Вам могли дать проводника или машину, дать кров. Но также запросто послать подальше или посадить в яму, расстрелять или указать путь через минное поле... И ожидать любого поворота можно было как от бесенного полевого командира, так и от пьяного офицера или трезвого особиста.

Рассказывает член нашей фракции депутат Борис Титенко:

«В перерыве пленарного заседания ко мне подошел Молоствов и, обратившись по имени-отчеству, сказал: “Завтра в Самашки должен лететь Шабад, журналисты объявили, что там была акция геноцида, нам надо разобратся... Но я тревожусь, мы уже были с ним в Грозном, Анатолий Ефимович такой безрассудный человек”.

Тут я чувствую, Михаил Михайлович мнетя и понимаю, его прирожденная интеллигентность, деликатность не позволяют ему прямо предложить мне ехать в рискованную командировку... Еще я подумал, что, наверное, он с Гайдаром это обсуждал, как Толю уберечь. И я сказал ему: “Так может быть, мне туда поехать?”

Это было встречено с энтузиазмом. А просто я считал, что это мой долг, я вообще от Северо-Кавказского округа избирался. Я и в Чечне многих знал, это мой регион, кому как не мне ехать?»

Молоствов посетовал Егору Тимуровичу на безрассудность Анатолия, рассказав ему о том, как храбро и неосторожно тот вел себя в Грозном в дни его первого штурма, а тот предложил найти того, кто отправится вместе с ним. Мою кандидатуру Михалыч отверг по тем же основаниям, сам же он недавно вышел из больницы.

А Борис уже бывал в Чечне. Когда при вступлении восточной группировки федеральных войск в места проживания в приграничном Дагестане чеченцев-акинцев там были захвачены в плен стройбатовцы, он по прямому указанию Егора Тимуровича, даже не успев переодеться, отправился туда для их вызволения. С ним полетели члены «Выбора России» депутаты Виктор Зеленкин и Валентин Михайлов. Акинцы не участвовали в захвате, но радуевцы провели его на их территории, и авторитетный акинец, профессор Магомадов, обещал помочь в освобождении солдат. Для их вывоза из Дагестана депутаты даже выкупили 36 билетов на самолет до Москвы. По официальной информации, столица Чечни уже была в тройном кольце, и депутаты думали, что им придется пробираться к Дудаеву под покровом ночи и сторониться дорог. Но в Хасавюрте, куда депутатов привезли под вечер, им пришлось ждать, лишь на следующий день их посетил еще мало известный родственник Дудаева, недавний комсомольский работник, а теперь правоверный мусульманин, командующий хасавюртовским укрепрайоном Салман Радуев. Будущий террорист был грозен, как вспоминал потом Борис, клацал зубами, говорил: «Что? Бед наделали, а теперь за своими приехали?»

Судя по всему, задержка была вызвана его желанием продемонстрировать депутатам силу сопротивления, которую встретят федералы, для чего выставил все свои подразделения на их пути. Титенко, Михайлова и Зеленкина открыто провезли по шоссе до Грозного, а на каждом перекрестке и повороте уже стояли группы вооруженных боевиков. Ехавший впереди Радуев сигнализировал и принимал парад... На площади перед Президентским дворцом старики танцевали зикр, расхаживали рослые, вооруженные до зубов гвардейцы. Мысль о том, что необстрелянные российские призывники столкнутся с этими взрослыми, обвешанными гранатами бойцами, страшила. Депутатов так и не выпустили из джипов, лишь Зеленкину удалось поговорить с кем-то из правительства. Тот гарантировал пленным жизнь и равные с ополченцами условия, но отпускать отказался, сославшись на то, что без Дудаева это не решить, а тот уехал на позиции.

Отпустив не один десяток пленных и убедившись в том, что бомбежки продолжаются и армия продолжает наступать, что предложения о переговорах никто не слышит, чеченцы решили оставлять пленных у себя как средство обмена.

С тех дней прошло четыре месяца, и та же депутатская группа вместе с Анатолием Шабаром летит теперь уже не в мирный Дагестан, а на фронт. Хотя фронта в его классическом варианте нет, идет партизанская война, отряды чеченцев скрываясь то здесь, то там, нападают, уходят и появляются вновь. Село Самашки уже принесло немало хлопот, когда оказалось на пути вторжения. Столкнувшись с засевшими там боевиками и потеряв несколько человек, командир Псковской ВДД И. Бабичев обошел село по Сунженскому горному хребту. В дальнейшем жители села создали отряд самообороны, на требования впустить войска МВД «для разоружения незаконных вооруженных формирований», глава районной администрации Зелимханов и представитель Дудаева в этом районе Мержуев

ответили отказом, ссылаясь на «факты мародерства, издевательства военнослужащих над жителями станицы Ассиновская, куда их пустили по предварительной договоренности со старейшинами». Но жители села не хотели впускать туда и боевиков, а те, несмотря на просьбы старейшин, заходили в село с оружием и партизанили в окрестностях.

Еще в январе, когда войска только шли на окружение Грозного, корреспондент «Московского комсомольца» С. Тетерин писал:

«Российский бронетранспортер отстал от своих, заблудился у чеченского села Самашки и тут-то получил сзади из гранатомета. БТР вспыхнул, но сумел отойти. Экипаж сильно обгорел, а один из солдат находится в очень тяжелом состоянии. На посту МВД под Самашками стоят бойцы Новочеркасского ОМОНа. Омоновец майор Валера (фамилию не назвал) говорил корреспонденту “Московского комсомольца”, что жители Самашек очень тревожатся, ведь российские войска могут отомстить за БТР. Местные старейшины пришли к офицерам и поклялись, что они давно уже запретили всем здешним мужчинам воевать близ родного села и что по БТРу стреляли пришлые боевики. Офицеры старикам поверили. Корреспонденту “МК” майор Валера сказал: “Мы обижены на московскую прессу. Она жалеет только солдат, а офицеров называет убийцами. А мы стараемся найти взаимопонимание с местными жителями, мы вот не стали вызывать войска, чтобы в отместку за БТР стереть Самашки с лица земли”».

Однако 31 января в 11.45 начался обстрел села из танковых орудий и с вертолетов. Российские военнослужащие окружили село. Несколько домов были разрушены, загорелся газопровод, прервалась подача электроэнергии, нарушилось водоснабжение. Обстрел прекратился в 17 часов.

А 2 февраля мина взорвалась во дворе дома по ул. Чапаева, 27, во время похорон. Свидетелем этого стал корреспондент газеты «МК» А. Колпаков:

«Неожиданно метров за сто от нас раздается глухой удар, и через минуту воздух разрывает человеческий крик. Бежим на этот крик. Квадратный двор. На земле измазанные кровью трое убитых; один раненый сидит у стены, закинув голову, на лбу, распухшем до невероятия, кровь. Рядом женщины, дети – все плачут, растирая слезы по лицам. Оказывается, мина попала прямо в похороны: утром в этом дворе такая же мина убила женщину и девочку 14 лет...»

Ракеты с вертолетов, мины и снаряды от ближайших блокпостов прилетали в непокорное село еще не раз. Но, захватив развалины чеченской столицы и вытеснив оттуда чеченское ополчение, федеральное командование, тесня их в горы, начинает планомерную зачистку оккупированной равнины. И поручает войскам МВД вытравить «осиное гнездо» в Самашках.

Пропагандисты из министерства готовят общественное мнение. Вечером 7 апреля информационные программы центральных каналов телевидения сооб-

щили со ссылкой на информационное агентство «Интерфакс», что находящиеся в селе Самашки боевики расстреляли старейшин села, призывавших боевиков покинуть село и пропустить в Самашки российские войска. «Интерфакс» ссылался на «хорошо информированные российские военные источники» в Моздоке. 11 апреля С. Волгин, сотрудник Управления информации и печати МО, заявил по радио, что боевики «демонстративно расстреляли старейшин». На следующий день уже сам генерал-лейтенант «Антонов» подтвердил корреспонденту, что «мирные жители села Самашки, которые хотели войти в контакт с офицерами федеральных войск, были расстреляны батальоном чеченцев, воевавших ранее в Абхазии». Позже распространялись слухи о том, что боевики не выпускали тех жителей села, которые хотели его покинуть. Все это было наглой пропагандистской ложью.

Окруженное войсками село получило ультиматум: сдать 264 автомата, 2 пулемета и одну БМП, а также беспрепятственно пропустить части внутренних войск в село. Предъявлял его генерал-лейтенант МВД А. А. Романов, действовавший в то время под псевдонимом А. А. Антонов. Кадровый отряд и, возможно, госпиталь вооруженных сил ЧРИ за месяц до этого вышел из села. Те автоматы, выдачи которых требовал Романов, были переданы селу Автурхановым вместе с БМП осенью 1994 года, с тех пор оно уже давно перешло в руки передвижных партизанских отрядов и старейшины села при всем желании не могли бы его сдать, никакой БМП в селе не было. Военным выдали несколько автоматов и охотничьих ружей, но этого оказалось мало...

Когда после переговоров группа старейшин вместе с муллой (восемь человек) возвращалась назад в село, две автомашины, в которых они ехали, были обстреляны со стороны федеральных войск. К счастью, легкое ранение получил только старейшина Салихов. А замглавы администрации села М. Борщигов вернулся на российский пост около 13 часов и задал вопрос находившемуся там генералу (свою фамилию тот не назвал): «За что же вы обстреляли стариков?» И получил ответ: «Что же вы хотите, это война!»

По данным «мемориальцев», непосредственно операцией по занятию села, а в просторечии «зачисткой», мог руководить генерал-майор МВД Н. В. Скрыпник. Он командовал сборным отрядом контрактников – военнослужащих внутренних войск МВД с приданными сотрудниками московского и подмосковного ОМОНа, а также оренбургского СОБРа.

После того, как «зачистка» прошла, наступила очередь пропагандистов из чеченского «министерства информации», удуговцы тоже оказались хорошими учениками Геббельса. По разоренной республике распространилась листовка о том, что федералы повесили на околице этого села 30 детей, не дали хоронить убитых, расстреляли 41 старика, отрезали голову ребенку... Эту листовку принесли в Думу журналисты, и она попала ко Льву Пономареву. Прочитав ее, мы поняли, что надо спешить: если это пропагандистская утка, цель которой мобилизация и

ожесточение чеченцев, то жертвами мести могут стать пленные солдаты и тогда ложь надо разоблачить. Если страшная правда, преступников в погонах должно остановить. Пономарев отдал листовку в думскую Комиссию по проблемам Чечни, но ее председатель, известный кинорежиссер и депутат Сергей Говорухин, реагировать не спешил.

Попасть в Самашки оказалось непросто. На дороге, ведущей в это село, стояли два БТР, между которыми оставался лишь узкий проход, а земля вокруг была заминирована. Блокпост пропускал туда только женщин, которые ездили торговать и везли домой продукты. Младшие командиры уклонялись от контактов с депутатами, а до старших удалось достучаться только спустя пару дней ожидания. Было обещано беспрепятственное посещение, но в него уже никто не верил, и неугомонный Шабад решил проникнуть туда, переодевшись в женское платье и смешавшись с местными. Б. Титенко просил его повременить, и они договорились, что, если дорога будет открыта, они едут все вместе. Если же опять будут провоочки – Шабад действует сам. Но вместо свободного пропуска Титенко и Орлова посадили в БТР и доставили к генералам, один из которых назвался Антоновым, другой Алексеевым (псевдонимы на той войне были у всех старших офицеров). Знакомство было трудным, по словам Титенко, Олег Орлов сильно разозлил командиров, когда обратился к ним со словами: «Господа генералы!» Он стал пенять им на нарушение прав человека, те оборвали его, сказав, что у них нет господ, а есть товарищи, но Олегу вовсе не хотелось называть их товарищами.

Услышав о правах человека, «Антонов» закричал: «А кто защитит права того капитана, которого, изрубленного, вчера мне в тазу принесли!?» Орлов поинтересовался фамилией капитана, генералы назвать его с ходу не могли и озверели. Борису пришлось осадить Орлова и с большим трудом наладить разговор. Оказалось, что их позвали для участия во встрече с населением тех сел, которым еще предстояла проверка, чтобы депутаты сами увидели: командиры не хотят крови и предлагают заключить мир.

На двух вертолетах генералы, охрана и депутат с помощником отправились в село Катыр-Юрт. Там Романов в окружении плотного кольца ощерившейся оружием охраны прошел в здание школы, где в спортивном зале его ждал сход местных жителей. За стол сели командующий группировкой, депутат Госдумы, глава района, у них за спиной встала охрана в масках с автоматами наизготовку... Выступая перед людьми, Романов говорил о том, что они не должны пускать в село боевиков, что те, кто имеет оружие, должны его сдать, и если село будет мирным, если будет соблюдаться режим, то его никто не тронет. Но если по-другому, то армия будет вынуждена применять адекватные меры. Какие именно, не уточнял, но скептически слушавшие его деревенские жители уже насмотрелись на адекватно раздавленные танками автомобили, сожженные дома и трупы соплеменников.

Дали слово и Б. Титенко, много лет спустя он вспоминал: «Я не мог разговаривать, если у меня за спиной с автоматами стоят. Я что, с врагами разговариваю? Я вышел, сделал несколько шагов в толпу, чтобы быть среди людей, к которым я обращаюсь. Я сказал, что у генерала одни убеждения, у меня другие. Что мне все равно кто здесь – военные, боевики, мирные жители, – для меня вы все граждане нашей страны, наши избиратели и я хочу мира. Я против этой войны, но, раз уж такая беда получилась, не стоит ее продолжать, ведь как только прекратятся боевые действия, будут выборы, и они смогут выбрать тех, кто им нужен. Лучше дождаться мира и на выборах решить судьбу республики. Ответом была тишина. Потом прозвучал чей-то голос: «Спасибо!»

Была еще одна встреча, в другом селе. А на обратном пути состоялся неожиданный разговор. Борис полу утвердительно сказал Романову: «Я понимаю, конечно, вы человек военный. Но вы и нас поймите – для нас...» Генерал его перебил и спросил: «Почему вы считаете, что у нас разные убеждения, откуда вам знать? Я, между прочим, за «Выбор России» голосовал!»

Вернувшись, он распорядился пропустить депутатов в зачищенное село, но ограничил время посещения – до сумерек. Анатолий Шабад был уже там (при посадке в автобус он чуть не погорел – сработал рефлекс галантного кавалера. Он стал уступать место женщинам Востока, а те, зная, что перед ними переодетый мужчина, отказывались. Хорошо, солдатики, которые шмонали сумки входящих селянок, этого не заметили).

Скинув несвойственные ему наряды и смыв косметику, он уже обследовал часть села, а встретив подъехавших товарищей, пошел дальше с Борисом Титенко:

«Впечатление такое, как будто боевые действия только что закончились. Коровы валяются убитые, крыши домов прострелены во многих местах, не только овец, даже кур постреляли... Везде шприцы валяются, а жители утверждали, что зачистку делали не солдатики, а взрослые, обколотые и обкуренные мужики, многие без военной формы. Подошли к школе, крыша еще горит, хотя прошло уже два дня. Бабы чеченские говорят: в подвале трупы. Толя (Шабад) сразу туда, ему кричат, заминировано, а он все равно полез. Я пытался остановить, бесполезно. Спустившись на полпролёта, я остался у входа, жду, если, не дай бог, рванет, полезу вытаскивать, но тишина. А он, оказывается, насквозь там прошел и с другой стороны вышел. Трупов там уже не было. По мусульманским обычаям человека надо хоронить в тот же день, в крайнем случае на следующий. Но там сложный ритуал, и в критических обстоятельствах, когда надо дождаться родственников, присыпают землей, чтобы потом похоронить по обряду. Нам показали длинный ряд таких временных могил и еще тела женщин, стариков, мужчин – тех, кто недавно умер от ран.

Прошли по домам, Орлов записывал, я расспрашивал. В общем, у меня сложилось впечатление, что вояки там разгулялись... Возвращались мы в тяж-

ком настроения. Война – котел адов, куда попали и боевики, и солдаты, и генерал Романов – в общем, все».

Вернувшаяся в Москву группа рассказала журналистам о том, что увидела. Мировая пресса, журналисты, которые работали в Чечне, продолжали писать о жестокой расправе с мирными жителями, в ответ зашевелились думские «патриоты», но к месту событий председатель Думской Комиссии Станислав Говорухин отправился лишь через десять дней после случившегося.

Вернувшись от Куликова, он получил слово на пленарном заседании Думы для доклада, который вызвал у меня сомнения в здоровье докладчика. Он начал со слов: «Я поехал в Самашки не только потому, что я председатель, представитель Комиссии по расследованию чеченского кризиса, но и просто как российский гражданин, который сошел с ума, когда прочел вот эти шесть страниц документа, который нам раздал Лев Пономарев». Далее, не уточнив, удалось ли ему вернуться в разум, докладчик обвинил Пономарева, Шабада и всех правозащитников ни много ни мало в государственной измене!!!

При этом он все же признал, что разрушено и уничтожено 50 домов, что огонь по селу начали не после истечения ультиматума, а раньше, что под него попали те, кто не успел выйти из села. Он бурно возмущался «кровавой арифметикой» правозащитников, которые насчитали более двухсот убитых, но сам от цифр не отказался, а просто предложил сократить их на порядок. При этом не забыл сокрушенно заметить, что и один погибший ребенок – тоже трагедия... От потерь мирного населения он перешел к армейским потерям. Здесь арифметика все же пригодилась, и он повторил названные ему генералами цифры – 16 убитых, 32 раненых. Естественно, убитых он не видел, раненых не посещал и принял «генеральскую арифметику» на веру. Он не заметил ни одного разрушения от снарядов и бомб, только следы от гранат и огнеметов в домах, «которые приходилось брать штурмом»...

На вопрос, видел ли он на кладбище 200 свежих могил, посетовал на то, что заглянуть туда не догадался, но и тут высказал уверенность в том, что в могилах лежат боевики. То, что село оказало ожесточенное сопротивление, он решил доказать своим впечатлением от того, как неподалеку (?) на его глазах штурмовали село Бамут. Там, дескать, «только для того, чтобы проделать узкий коридор длиной в 200 метров, пришлось потерять четырех человек убитыми и одиннадцать ранеными». Какое отношение имеет мирное, не имеющее оборонительных сооружений, село к отдаленному горному укрепрайону села Бамут, осталось неясно.

Речь докладчика была путана и противоречива, он замолкал, вскрикивал, шелестел бумажками и зачитывал справки из ФСБ. Там сообщалось, что, «по мнению авторитетной американской правозащитной организации «Фридом хаус»... информация правозащитников может быть использована президентом США Клинтоном на предстоящих переговорах в качестве одного из рычагов давления на российское руководство», предрекал продолжение войны и повторение зачи-

сток, сетовал на то, что бомбы падают и на Ингушетию, требовал возбуждения уголовного дела по факту гибели людей в Самашках. Но снова возвращался к ненавистным правозащитникам: «Я считаю, что должно быть возбуждено уголовное дело против господ Пономарева, Шабата. (Выкрики из зала, аплодисменты). Это, ребята, дело серьезное, так что напрасно вы сейчас, не превращайте в шутку. И Ковалева за распространение клеветнических, провокационных сведений, порочащих Российскую Федерацию, подрывающих государственность российскую, вообще оскорбляющих каждого российского человека. За распространение этих сведений. Я думаю, что такая статья найдется».

О каких же сведениях шла речь? Это была та самая чеченская, сфабрикованная в удуговском министерстве пропаганды, листовка, где расписывались зверства российской военщины: повешенные дети, расстрелянные старики. Ее привезли их Чечни журналисты, кто-то из помощников Льва Пономарева взял ее под расписку и, по указанию своего депутата, отнес в говорухинскую Комиссию для ознакомления вместе с объективным докладом общества «Мемориал» о том, что происходит в зоне военных действий на Кавказе.

А дальше была провокация. Жириновцы, входившие в состав Комиссии, убедили своего председателя в том, что Пономарев, Шабат и др. занимаются ее распространением. Тут-то разум и покинул режиссера, даже когда Пономарев объяснил Говорухину, что листовка поступила только в Депутатскую Комиссию, уже одного этого оказалось достаточно для обвинения в измене. Оказалось, что, по мнению председателя, члены его комиссии даже рассматривать вероятность того, что в нашей армии могут быть негодяи, не должны. Это уже предательство!

Что же происходило с этим, казалось бы, неглупым и талантливым человеком, который вдруг проявил себя великодержавным шовинистом? В годы перестройки его фильм «Так жить нельзя» со всей очевидностью и болью убеждал в необходимости перемен. Его фильмы о Солженицыне и о «России, которую мы потеряли» ставили перед обществом вопросы о возрождении Отечества, хотя тут уже зазвучала имперская нотка. Но дальше – обрушение советской системы, неизбежность стадии дикого капитализма на первом этапе возрождения оказались не по силам его уму. Оказалось, что настоящим завладело «ворье и негодяи». (Что, правда, не помешало ему оставаться бессменным депутатом и даже председателем думского комитета по культуре, распоряжаться деньгами федерального бюджета в этой сфере и снять на деньги власти «воров и негодяев» тридцать не самых удачных фильмов...)

Но, может быть, его разум затмило известие о том, что его сын, тоже режиссер и военный корреспондент, получил ранение? (В феврале 1995 года в Грозном, где Сергей снимал документальный фильм «Прокляты и забыты», его тяжело ранило в ногу. По ошибке во время операции в полевых условиях ему влили кровь не его группы. Он чудом выжил, а ногу пришлось ампутировать.)

Или у советского режиссера было хорошее чутье к провластной конъюнктуре

политического рынка? Как бы там ни было, в результате провокации с листовкой все смешалось. Вопрос о том, была ли в этом несчастном селе бойня или, по словам генералов, это был «бой в Сталинграде», снова замутился. И тогда «бандформирование им. С. Ковалева» (как мы сами над собой шутили) решило ехать туда в большом составе, чтобы все поставить на свои места. Нам удалось в течение нескольких дней выслушать и подробно записать показания тех жителей села, которые остались живы, особенно запомнились рассказы местных старух. Мы стояли с ними на окраине села, у домашнего коровника.

– Вот, – показала она рукой, – дверь видите? Дверь была прошита пулями.

– Здесь моя невестка была. Я сено ворошила, она корову доила, подойник звякнул. А мимо БТР шел, может услышали, а может так. Как очередь дали! Нет моей невестки и мужа моего нет.

Мы идем по улице, из калитки выходят женщины.

– Вы не проходите, вы посмотрите!

Заглядываем во двор: бетонная дорожка к дому в копоти и расползающихся черных пятнах.

– Его здесь сожгли!

– Кого сожгли?

– Дедушку нашего!

– Как?!

– Он старик был, он в Отечественную воевал, у него наград было! Он, когда ваши пошли, мы в подвале прятались. Он медаль надел, много медаль, на улицу вышел, на скамейку сел. Сказал: я солдат, меня не тронут. А потом – мы потом вышли, а его нет! Здесь вот только зола и кости, совсем немного, чуть-чуть...

Мы переглядываемся, да разве можно вот так, без остатка, человека сжечь? Подошедший мужчина:

– Это огнемёт ручной, «Шмел» называется, от него ничего не остается, железо горит (он ошибался, скорее это был струйный ранцевый огнемёт).

– Идемте, – говорит, – что еще покажу.

Заходим во двор кирпичного дома. На земле россыпь разнокалиберных гильз, дверь в подвал валяется рядом, она посечена изнутри осколками.

– Они сюда гранаты бросали! – говорит мужчина.

– Ну, ваши-то тоже стреляли? – спрашивает кто-то.

– Да наших-то на всю деревню четыре инвалида было. Они из самообороны, они молодежь прикрывали, когда те в лес все побежали. А их там все равно минами накрыло.

Махнув рукой, сгорбившись, он уходит.

Идем дальше. Из черной, распаханной огородной земли торчит тыльная часть по меньшей мере 100-мм неразорвавшегося снаряда. Или бомбы? У нее, кажется, нет оперения, но подходить близко и рассматривать почему-то не хочется. Нам приносят и показывают хвостовик от реактивного снаряда, его корпус, взорвав-

шись, расцвел страшным рваным цветком. (Сейчас он в экспозиции Музея политической истории России.)

Подавленные, убитые горем люди рассказывают, как шли «эти в черном», как стреляли и возвращались, чтобы опять стрелять.

Подошли несколько женщин, одна из них спросила: «Что же ваш Говорухин, ведь мы ему все рассказали, ведь он слушал со слезами, как же он может говорить, что ничего не было?!»

На выходе из села, на Грейдерной улице, которая была частью дороги от Ачхой-Мартана на Серноводск, мимо нас промчались БТР и военный грузовик, в котором доверху были навалены шкафы, узлы и телевизоры. Броня БТР накрыта коврами, а сидевшие на них расхристанные парни горланили и размахивали красным бархатным, похоже пионерским, знаменем с кистями.

Нет, побывав в Самашках мы не услышали подтверждений того, что солдаты вешали детей и отрезали им головы, но и то, что мы узнали, было чудовищно. Вернувшись в Москву, мы сверили свои записи и впечатления, убрали все, что вызывало сомнения, и сформулировали итоги. Из доклада наблюдательной миссии правозащитных организаций:

«После подавления неорганизованного сопротивления небольшого отряда сельской самообороны село было занято военнослужащими ВВ МВД РФ и сотрудниками особых отрядов милиции МВД РФ.

В ходе последовавшей затем “зачистки” села дома, дворы и подвалы, где находились мирные жители и заведомо не было боевиков, забрасывались гранатами; федеральные войска расстреливали безоружных жителей, в том числе женщин и стариков; поджигали дома, в которых находились люди.

В целом действия в Самашках носили характер не столько войсковой операции, сколько карательной акции.

Из многих рассказов очевидцев приведем лишь два.

Садулла Юсупов, проживающий в доме № 75 по Выгонной ул., пожилой человек, глава семьи, рассказал, что он свою семью отправил в начале апреля из села, а сам не успел выехать на автобусе из Самашек 7 апреля до начала обстрела.

Вот выдержки из его рассказа: “Соседняя улица погорела, а наша улица еще не горела ночью [с 7 на 8 апреля]. Шум, гам, туда-сюда, а оказывается, они дошли до школы в нашем селе, там укрепились, бой прекратился. Освещающие ракеты были как днем. Редкие солдаты бежали по дорогам. <...> ‘Слава Богу, может быть, это закончится’, – мы думали. Утром еще нет войны. Солнце немножко поднялось. В десять часов утра тут побежали солдаты <...> Они кричали нечеловеческим голосом матом, матюгали, кричали: ‘Выходите, суки!’ и к каждому дому подходили, стреляли <...> Они с западной стороны к нам бежали. А потом до меня очередь дойдет, думаю. Забежал в подвальчик маленький, тут прижalsя. У меня подвал был очень

маленький. <...> Как он подходит, по ногам я слышу. А я прижался к правой стенке, где я сидел, маленький нарчик я поставил специально, чтобы отдыхать, сидеть, когда опасное положение. Тут он очередь дал, вот шуба, которая была подстелена подо мной, он полностью сеткой сделал. А потом собрался уйти, его товарищ подоспел. Когда тот отошел, он ему говорит: 'Может, еще кто живой там остался'. Он вернулся, гранату бросил, а за ней колечко кругленькое забросил. Это оказывается у него какой-то замок. 'Ну, все, – я думаю, – теперь мне капут. Спокойно надо умереть'. Я даже не боялся тогда. Грохнула граната. Нары, которые были с двойными досками, пополам поломались, меня оглушило. Под нарами взорвалась. На плечо что-то ударило, на ноги что-то ударило. Я на колени упал. Оглох совсем. <...> А потом они отошли. Думаю, ушли. Нogu проверил, туда-сюда шевельнул: нога цела, не поломалась, чего-то попал, черт с ним. Из руки чуть кровь идет”.

Далее С. Юсупов рассказал о том, как на улице он увидел тела шестерых убитых людей (в том числе двух стариков и одной женщины).

Юзбек Шовхалов, старейшина села Самашки, проживающий по адресу: ул. Кооперативная, д. 3: “Прихожу домой [7 апреля], мне говорят, идут танки, БТРы, все, что у них есть. Сзади машины идут солдаты. Я говорю: “Ребята, семьи, залезайте в подвал”. А я стою на улице. Идет. “Дай боевиков”. Я говорю: “Боевиков нет здесь”. “Ты, пошли со мной”. Мы проходим по комнатам в моем доме. Второй раз приходят другие. Мне не говорят, иди. Идет он. Очередь какая-то автоматная. Они выходят, я захожу – прострелено два телевизора... Первые были молодые, второй раз в черном одеты были, я не знаю, кто они такие, по возрасту лет 25-30. Агрессивно настроены. Целую ночь мы не спали, целую ночь стрельба, стрельба.

Второй день [8 апреля] утром, часов в девять, я выхожу на улицу, идет прямо колонна, прямо по нашей Кооперативной улице. Бронетранспортеры. <...> Стреляют из крупнокалиберных пулеметов. В тот дом, где живут. <...> Или дом сжигают, или дом погибает. <...> Сено, солома, заносят и сжигают. Сами уходят. <...>

Выхожу. “Где боевики?” Я говорю: “Боевиков нет, и вообще в селе нет боевиков”. “Выходите все из подвала!” Там человек восемь в подвале собралось. Кто поднимется, они их прямо по голове, по морде, где там нельзя ударить, ударяют, они падают. “Раздевайтесь!” Они раздеваются. Наполовину. Рубашку, штаны. “Обувь снимайте”. Проверяют там, носили они автомат или нет. Смотрят потертости. Никто из них автомат не носил. Все ребята молодые, всех я их знаю, ни один из них автомат не имеет. “Ложитесь”. Уводят и кладут на перекресток на асфальт. Меня загоняют назад в подвал, жену, дочь, еще двух племянниц, в общем, человек шесть нас сидит. <...> Раз я вижу, что идет дым, невозможно даже сидеть. Тогда я поднимаюсь оттуда, выбиваю крышку, выбегаю вот с этими ожогами, бегу, думаю, хоть фляга

там стояла с водой. Нет, они вынесли ее, пьют воду. Все сидят с той стороны улицы, сидят, смеются, щелкают семечки, щелкают орехи, у кого-то дома нашли, кушают компоты, а я там с семьей сгораю. Ну, думаю, скот, наверно, не убили. Прихожу, четыре коровы убили автоматами и гранатами, постреляли овец”.

Представителями НМПО была точно установлена гибель 103 жителей села, в том числе 13 девушек и женщин и 20 мужчин старше 61 года. Не меньше половины из этих людей были преднамеренно убиты федеральными военнослужащими, а не погибли от неизбежного огня.

Так, 8 апреля, когда в селе уже никаких вооруженных столкновений не происходило, выстрелами с проезжающих БТРов или танков были убиты 18-летняя Хава Гунашева, 61-летний Абдул-Рашид Хусейнов и 16-летний Резван Хусейнов. 62-летний Дога Цатишаев был ранен в голову в тот момент, когда он после разговора с военнослужащими, сидящими на танке, уходил от него; он был добит в доме в тот же день позже автоматной очередью в упор.

В этот же день шесть человек были убиты или смертельно ранены снайперами, когда находились у себя во дворе или на улице рядом с домом: Гелани Пекаев, проживавший у него русский по имени Евгений, Салимат Гадаева, братья Рамзан и Руслан Гаплаевы, Бауди Магомадов.

Самая распространенная причина гибели мужчин 7 и 8 апреля – расстрелы на месте задержания, как правило, сразу после входа военнослужащих в дом или во двор, иногда после избиений. Так погибли: Ваха Азиев, Юнус Алиев, Адлоб-Вахаб Ахметов, Мухид Байалиев, Иса Боршигов и Хизир Хажбекаров, Али Бунхоев, Сажид Дадаев, 61-летний Салавди Закиев, Султан Индербаев, Мусаит Исаев, Захар Кабилов, Шарафутдин Кишмахов, Висит Кубиев, Ваха Шамсаев, Хумид Лумаханов, Вахид Магомадов, Саид-Хасан Мазуев, Супьян Минаев, Саид-Ахмет Нажаев, 69-летний Саид-Хасан Сурхашев, Ширвани Тахаев, 60-летний Абдул-Азим Урузов, Солсбек Хамзаев, Мовлади Хушпаров, Хасан Цагуев, Хоза Цатишаев, русские жители Алексей, Геннадий и Николай».

Мы не стали скрывать этих данных и они взорвали прессу, Думу и мир. Не надолго. И, конечно, мы получили опровержение все от того же Говорухина, он еще не раз выступал с заявлениями о том, что все это враки и ложь. Как-то меня позвали на НТВ, сказав, что будут говорить там о проблемах Чечни. Я поехал туда и сел в партере среди зрителей, а Говорухин вальяжно расположился на подиуме. Когда речь зашла о Самашках, он опять повторил: «Я утверждаю, что при взятии этого села не использовалась ни авиация, ни артиллерия. Только стрелковое оружие».

Я попросил слова и сказал: «Станислав Сергеевич, я тоже был в Самашках и оттуда я привез вот это!»

Тут я достал из пакета хвостовик той ракеты, которую мы там нашли.

«По-вашему, там не было обстрелов, а таких штук я видел там не одну. Как вы это не заметили? И еще, женщины из Самашек просили узнать у вас, когда вы были честны – когда, слушая их, плакали вместе с ними или теперь...»

Он растерялся лишь на минуту. И ему тут же пришли на выручку: какой-то человек громогласно заявил, что я ничего не понимаю в военной технике и то, что я принес, просто часть сигнальной ракеты. Это было не так, но позволило маститому деятелю кино уйти от ответов.

Война продолжалась, убийства, издевательства, грабежи, взаимное остервение множились. Самашки стали первой, но далеко не последней жертвой зачисток. По мере продвижения федеральных войск судьба этого села становилась судьбой почти каждого населенного пункта республики.

Изучая очередной законопроект, поступивший в наш комитет, я с тоской думал о том, что где-нибудь в Испании или даже в холодной Швеции одно политическое или религиозное убийство выводит на улицы десятки тысяч протестующих. (Европа еще не привыкла тогда к терактам.) У нас же, несмотря на то, что демократическая пресса еще трубила о насилии и жертвах, народ молчал. Даже те, кто продолжал слушать наши сводки с фронта, устали от дрянного кошмара. Когда движение солдатских матерей организовало пеший марш мира в Чечню, равнодушные обыватели дивились на колонну женщин, православных монахов и буддистов, на детей и стариков, которые шли по дорогам на юг с призывами остановить войну. А рядом крепили национал-патриотические, имперские настроения, и уже слышались отдельные голоса: «Нет, ну жалко, конечно, этих дикарей, но что-то уж очень долго с ними возятся».

За апрель федеральные войска продвинулись на юг, и Б. Ельцина убедили в том, что дело идет к концу. Приближалось юбилейное пятидесятое празднование Дня Победы, а европейские страны не одобряли варварских методов войны на Кавказе, и ее продолжение могло сократить число высоких гостей на очередном параде. В администрации президента задумались о том, в какой атмосфере будет проходить праздник, и тогда появился указ Ельцина о моратории и обращение о взаимном прекращении боевых действий с 28 апреля по 12 мая.

Храбрый и неугомонный Виктор Курочкин продолжал свои попытки замирения. Переругавшись с главой Совета Федерации Шумейко, публично назвав бандитами членов Совета Безопасности, он вместе с Виктором Шейнисом и атаманом Косовым опять в дороге. Его цель – сделать мораторий бессрочным. В Новых Атагах он встречается с Масхадовым. Тот говорит, что «бессрочный» это хорошо, только Москве он уже не верит: «Сейчас у вас праздник. Вы решили на время праздника остановиться, а после праздника начнете вновь молотить».

Вслед за депутатами для переговоров приехал командующий 58-й армией генерал Трошев. Но, как писал потом Виктор, *«оказалось, что они не так много могут решить. Договорились передать друг другу тела погибших, обменяться ранеными. «Мы не политики, мы не можем принимать политические реше-*

ния... Мы еще можем сказать своим войскам, не стреляйте, или стреляйте поменьше, – сказал нам Масхадов. – Но политическое решение за политиками. Езжайте в Москву и там ставьте вопрос о том, чтобы к 9 мая было принято политическое решение. Как развести войска – это мы вам исполним в лучшем виде. А мораторий – это уловка!» Трошев промолчал».

Проехав под артиллерийским огнем до Ведено (мораторий соблюдался не везде), Шейнис и Курочкин, еще раз переговорили с Масхадовым и присоединившимся к нему Удуговым. Те пообещали, что подготовят обращение к народам России, где расскажут о целях своего сопротивления, о том, что сохраняют жизнь пленным, о желании остановить войну. Депутаты хотели широко распространить его текст. Но как только отгремели праздничные салюты, федеральные силы с боями, тяжелыми жертвами и последовавшими «зачистками» захватили райцентры Ведено, Шатой и Ножай-Юрт. Чеченские отряды продолжали отбиваться, но их координация была нарушена, а приток сменяющих друг друга бойцов сократился, как и наличие боеприпасов. Несмотря на заявления Масхадова и Дудаева о готовности к переговорам, 13 мая П. С. Грачев заявил, что цель операции – «ликвидация оставшихся бандформирований». К концу первого полугодия федеральные войска оккупировали всю равнинную территорию Чечни. При этом отдельные гарнизоны и блокпосты федеральных войск контролировали только ту местность, которую простреливали, да и то лишь в дневное время суток. По республике свободно перемещались летучие отряды сопротивления. Еще 22 марта, вернувшийся из Чечни депутат Лев Пономарев передал нам слова Д. Дудаева: «К маю я уже не смогу контролировать ситуацию, и я рад этому. Ополченцы сами посмотрят на то, что творит Россия, и я не удержу их от перенесения боевых действий на территорию противника».

Буденновск

Официальные реляции трубили о скорой и окончательной победе. Но те, кто видел ситуацию изнутри, понимали, о победе не может быть и речи, война будет затяжной и унесет еще не одну тысячу человеческих жизней.

12 апреля Государственная Дума после длительных споров и правок все же приняла закон «О мерах по урегулированию чеченского кризиса». Закон запрещал использование вооруженных сил в нарушение закона «Об обороне», запрещал создание чрезвычайных органов власти без введения чрезвычайного положения. Дума поручила правительству немедленно начать прямые переговоры с администрацией Д. Дудаева о прекращении боевых действий без предварительных условий. Закон был одобрен Советом Федерации и поступил на подпись к президенту. А там опять нашлись советчики, которые пели ему о том, что победа уже в руках, что останавливаться нельзя... 19 мая Б. Ельцин отклонил принятый парламентом закон. Чтобы преодолеть вето президента, чтобы закон все же вступил в силу, были необходимы две трети голосов как в нижней, так и в верхней палате Федерального собрания. Их не было, и закон, который мог бы остановить разрастающуюся опухоль, завис. Я считал, что Дума, несмотря ни на что, должна продолжать давление на президента и правительство. Вместе с Михаилом Михайловичем мы подготовили еще одно обращение парламента к президенту, я согласовал его с С. Ковалевым, нас поддержали Анатолий Шабад, Сергей Юшенков и Александр Осовцев. Выступая перед «выбороссами», я сказал о том, что обида на Ельцина, отвергнувшего наш антивоенный закон, еще свежа, что нас поддержит «ЯБЛоко», что и коммунисты, хотя бы в пику Кремлю, тоже могут поддержать... Пришлось выслушать вялую критику коллег, слова о том, что все это бесполезно, что Дума не согласится, но Егор Гайдар поставил наш текст на голосование. Так проект обращения стал уже фракционным и был отправлен в секретариат Думы для включения в повестку дня. Но проходит одно, другое, третье заседание, а рассмотрение оттягивают. Пришлось схитрить: 9 июня во время заслушивания предложений депутатов по повестке заседания я записался на короткое выступление. Обычно в этом режиме депутаты только обозначают тему документа, который хотят предложить на обсуждение, а его текст раздается либо секретариатом заранее, либо прямо в зале с разрешения председателя. Развернутая мотивировка и обсуждение, а потом голосование проходят позже. Это если проходят, ведь депутаты могут и не включить ваше предложение, а если включают, то еще неизвестно, дойдет ли до него очередь в течение дня.

С учетом всего этого я сформулировал заявку, текст обращения и коммен-

тарий так, чтобы за отведенные две минуты успеть огласить наш текст и таким образом зафиксировать его в стенограмме:

«Председательствующий (Рыбкин И. П.): Фракция “Выбор России”, Рыбаков. Прошу Вас, Юлий Андреевич.

Рыбаков Ю. А.: “Фракция ‘Выбор России’ предлагает Государственной Думе включить в повестку дня рассмотрение следующего обращения к Борису Николаевичу Ельцину:

Господин Президент! Шесть месяцев назад с вашего одобрения началось вторжение в Чечню”.

(Шум в зале) (это рычат ЛДПР и «Единство». – Ю.Р.)

Председательствующий: Внимание, коллеги.

Рыбаков Ю. А.: Потери российской армии за это время составили более пяти тысяч солдат и офицеров. Потери мирного населения исчисляются десятками тысяч, среди безвинных жертв тысячи детей, женщин, стариков, людей разных национальностей. Общие человеческие потери за эти полгода войны в два раза превышают наши потери за 10 лет войны в Афганистане.

Как Президент и Верховный Главнокомандующий вы несете всю полноту ответственности за продолжение этой бойни. Остановите войну!»

После чего я добавил: «А еще наша фракция предлагает в этот печальный полугодовой юбилей всем депутатам встать, склонить голову и почтить минутой молчания память безвинных жертв этой войны. И пока будет длиться наше молчание, пусть каждый заглянет в свою душу, обратится к своей совести и спросит себя о мере своей вины в этой трагедии».

Это выступление, которое я, честно говоря, забыл, нашлось в интернете, на сайте Госдумы. Прочтя его, я вспомнил атмосферу того дня: как обычно куролесил депутат В. Марычев, а коммунисты требовали отставки главы МИД Козырева; Говорухин заступался за классическую музыку; Жириновский в этот раз ругался на День независимости, еще ждали приезда «на ковер» А. Чубайса, но более всего депутатов волновал тогда вопрос о поправках в закон о депутатских выборах,

Иван Рыбкин, хоть и отработал к этому времени больше года председателем Федерального собрания, так и не постиг нашего регламента, следуя которому он должен был разделить голосование: сначала за мое предложение дополнить повестку дня, а после его одобрения голосовать отдельно за текст обращения. Я думал, что так он и поступит, а это означало, что при первом или втором голосовании мое предложение будет провалено. Но в этом случае, поскольку текст обращения я уже огласил, можно было надеяться на журналистов, которые наблюдали за процессом и могли опубликовать пусть даже непринятый текст или хотя бы его смысл.

Но Рыбкин поставил мое предложение на голосование вместе с текстом. Если бы это было голосованием по проекту закона, потребовалось бы большинство от общего числа всех депутатов, т.е. не менее 226 голосов, но здесь речь шла о пись-

ме депутатов президенту, и тогда регламент позволял обойтись большинством от числа голосующих. «Единство», ЛДПР и «аграрники» не стали принимать участия в голосовании. Поддержавших оказалось больше, чем тех, кто проголосовал против. Обращение было принято и опубликовано в «Российской газете» в № 116 от 17.06.1995 г. и в официальных сборниках Федерального собрания.

И только теперь, восстанавливая эти события в своей памяти и сверяя их с документами, я с изумлением обнаружил, что до сих пор на официальном сайте Госдумы в стенограмме указано: «решение не принято». Председательствующий действительно произнес тогда эти слова, а вот то, что после заседания ему объяснили, что он ошибся, в стенограмму не вошло... Как и то, что Рыбкину пришлось дать распоряжение об отмене своего заключения по голосованию и включить обращение в список проголосованных документов. Правда, одну пакость кому-то сделать все же удалось: в тексте слово «бойня» было заменено на слово «война».

Но об этом я узнал позже. А тогда, довольный тем, что удалось «пробить» такое радикальное заявление, наивно надеясь на то, что Ельцин прочтет и задумается, я уехал на выходные домой навестить свою мать.

14 июня я еще был в Питере, улаживал в Смольном какие-то городские дела. Вдруг пришли первые тревожные вести: нападение на маленький южный город где-то в Ставрополье!

И сразу – ознобом – вот и началось! То, о чем мы столько раз предупреждали на митингах и в Государственной Думе, на Старой площади и в телевизионном эфире. Война, которую навязали России силовики и чекисты, пришла к нам домой. Я не поверил первой телевизионной версии о кучке бандитов, с другой стороны, очень не хотелось, чтобы это оказался регулярный чеченский отряд. Ведь если они пришли в Ставрополье, то это смертники-камикадзе.

На следующий день прочел в газете «Сегодня»:

«Вчера днем большая группа не установленных пока лиц в течение нескольких часов терроризировала жителей и властные структуры райцентра Буденновск (Ставропольский край). Как стало известно корреспонденту «Сегодня» из заслуживающих доверия источников, 14 июня около 12.30 по московскому времени в городок со стороны Нефтекумского района ворвались два крытых КАМАЗа в сопровождении милицейского УАЗика. По различным оценкам там находилось от 50 до 100 человек в камуфляже, вооруженных автоматами и гранатометами.

По официальной информации МВД, «пока есть лишь некоторые основания полагать, что в Буденновске действуют дудаевские вооруженные формирования». Эту версию, по неофициальным сведениям из ГРУ ГШ, подтверждают и данные радиообмена между бандитами. По данным же ФСБ, «пока нет достаточных оснований считать нападавших сторонниками Дудаева» ...Остатки боевиков были вытеснены из города. Прикрываясь взятыми заложниками, они пытались прорваться в сторону границ Чечни. На цен-

тральной площади в «Икарусы» и автомашины бандиты усадили около сотни заложников из числа учащихся. Еще несколько автобусов с заложниками в сопровождении бензовоза направились в сторону села Покойное».

Телевидение сообщило, что аэропорт в Минводах закрыт.

А вот «Российская газета» уже от 15 июня:

«По последним данным, террористы, рассредоточившись по группам, под прикрытием заложников отступают из города в сторону Нефтекумска и далее, через Буруны, в Чечню. Бандитов преследуют по пятам».

Новое сообщение пресс-службы МВД: *«Это не Басаев, тот в горах, его отряд окружен. А бандиты перехвачены по дороге в Чечню, идет ликвидация. Но в Ставрополье чрезвычайное положение, закрыт аэропорт в Минводах».*

На самом деле все было не так, но МВД путалось и врало, а как писала 17 июня газета «Известия», «по приказу руководства УВД Ставропольского края журналистам сейчас отказано в получении какой-либо официальной информации о происходящем в Буденновске».

Поэтому неудивительно, что даже местные газеты писали о том, что террористы *«вышли по проселочным дорогам из бурунов(?) Дагестана к трассе Каспийск– Георгиевск».* («Ставропольская правда», 16.06.1995 г.)

Но достаточно посмотреть на карту, и становится ясно, что тогда Буденновск остался бы в стороне, а удар пришелся бы сразу по Минводам.

За прошедшие годы профессиональные лжецы и недобросовестные журналисты нагромодили вокруг тех событий горы домыслов и лжи. В действительности события разворачивались так.

Ночью 13 июня «Урал» и два КАМАЗа, крытых тентами, выехали из Ведено и, обогнув Гудермес, вышли на станицу Червленую. Северо-западные районы Чечни и Дагестана считались очищенными от боевиков, федеральному командованию и в голову не приходило, насколько проникаемы эти пустынные места для дерзкого налета. На всем протяжении намеченного «хода конем» колонна могла встретить только редкие посты ГАИ. До рассвета машины прошли Терекли-Мехтеб, потом Ленинаул, Кочубей, немного по трассе 283, свернули на параллельную проселочную (здесь на колонну обратил внимание пастух) до Нефтекумска, а дальше снова пришлось выбираться на трассу. Впереди шли «милиейские» «Жигули», их вел Руслан Сулейменов, рядом – заместитель Басаева Арсланбек Исмаилов (большой). А «командующему юго-восточным фронтом», которого могли узнать в лицо, пришлось сидеть в кабине второго грузовика. Связь держали по рациям. Если кто и провожал их взглядом, то не знал, что под наглухо задраенными тентами, за уложенными в один ряд гробами (куда сложили боеприпасы), плотно сбившись, сидят 120 боевиков «разведывательно-диверсионного батальона» Шамиля Басаева.

О чем думали эти люди, прислушиваясь к тому, что происходило снаружи, в любой момент ожидая, что скрывающий их брезент вот-вот будет вспорот пулями врагов? Наверное, кто-то из них мечтал о мести, кто-то молился, кому-то

было нестерпимо страшно. Те из них, кто потом окажется в руках российского правосудия, будут говорить о том, что «не знали куда едут, что сами не стреляли», а единственная оставшаяся в живых женщина-участница рейда, воспитательница детского сада Раиса Дундаева, не расскажет о своих шести братьях и пяти сестрах, погибших под бомбежкой. Оправдываясь, она будет лепетать о том, что была лишь поварихой, хотя именно она срывала российский и вешала зеленый флаг на здании мэрии, прикрывала огнем своих товарищей, когда они оттаскивали раненых, а потом в подвале больницы действительно готовила еду и... делала себе прическу, чтобы «умереть красивой».

Так что двигало этими людьми, что вело их на риск и кровавую жатву?

За месяц (!!!) до появления Басаева в этих местах, местные жители нашли листовки, подписанные аббревиатурой НОРДОС («Независимый особый разведывательно-диверсионный отряд смертников»), где говорилось:

«Мы – воины Аллаха. И прежде, чем начать боевые действия, мы решили обратиться к народу России и довести до него наши цели и задачи... Это проведение терактов на территории России, подрывная деятельность, уничтожение стратегических объектов, живой силы и военной техники; а также есть план по ведению бактериологической войны: отравление водоемов, пастбищ.

Если погибнет Чечня, то мы готовы погубить и Россию. Сегодня в Чечне убивают наших матерей, отцов, братьев и сестер ваши отцы и сыновья. И если они не остановятся, то и они узнают чувство, когда гибнут их близкие, ни в чем не повинные люди. Одумайтесь! Остановите эту войну и надвигающийся массовый террор».

Мотивы диверсионно-террористического рейда Басаева сформулированы достаточно ясно: остановитесь или вам придется ужаснуться, кровь за кровь, свобода любой ценой! Новый Шамиль, решивший приставить пистолет к виску России, считал, что благая цель оправдывает жертвы.

Не он первый. Вожди племен и народов, государственные деятели всех времен всегда оправдывали свои жертвы «благими целями». Разве не ими руководствовался президент США Трумэн, считая, что, демонстративно стерев с лица земли два японских города со всеми их жителями, он вынудит Японию капитулировать, что избавит от смерти 200 тысяч американских солдат, которые могли бы погибнуть при наземных операциях вторжения?

Французские «маки», минировавшие кинотеатры, где среди своих горожан сидел десяток немецких солдат; белорусские партизаны, пускавшие под откос поезда, в которых ехали не только оккупанты; еврейские повстанцы в Иерусалиме времен британского протектората, взрывавшие гостиницы с английскими чиновниками и местным персоналом; палестинские шахиды, в клочья рвущие себя рядом с еврейскими школьниками – каждый из них, убивая, считает что «спасает» нечто большее... Статистика говорит, что если в XIX веке на сот-

ню жертв войны приходилось десять гражданских лиц, то в мировых войнах XX века соотношение зеркально поменялось – жертвы среди гражданского населения стали составлять до 90% от их общего числа.

Если мы спросим немецких, советских, американских летчиков, которые бомбили когда-то жителей Смоленска, Дрездена или Ковентри, Хиросимы, афганского Герата или Бейрута, как они могли делать это, зная, что большинство их жертв составят мирные жители, мы услышим те же оправдания, которыми руководствуются все террористы: святая месть, невозможность справиться со злом по-другому, конечное «Благо».

И разве не благой целью сохранения федерации оправдывала верховная власть огнеметы, кассетные и вакуумные бомбы, залпы гаубиц и установок «Град» по колоннам беженцев, деревням и жилым кварталам Грозного?

Однако «то, что дозволено Юпитеру, не дозволено быку». Если государства-убийцы, его слуги и его палачи защищены международным правом, и совершенные ими массовые убийства, как правило, остаются безнаказанными, то те же, но не освященные «государством» злодеяния караются сполна.

Хотя по мне, негодяй, стреляющий в мирных жителей, мало отличается от того, кто отдает или выполняет приказ о ковровых бомбежках.

Да, войны были всегда, коварство и жестокость преследуют нас во все времена, и постсоветская Россия не исключение. И все же, как могла бы развернуться та же ситуация с гибнущей Чечней, с отчаянным, басаевским набегом в обществах, где сохранились традиции, вера и честь?

Да простят меня издатели Б. Акунина** и сам автор, но он уже смоделировал такой вариант, и я позволю себе большую цитату из его текста:

«Хаджи Муратов спустился с гор, чтобы немножко повоевать. Его мюридам стало скучно отсиживаться в мрачных ущельях, а еще нужно было отомстить неверным за великого Имама, коварно убитого прилетевшей из неба ракетой.

Ехали на грузовиках по гладкому шоссе. Время от времени попадались заставы, но, слава Аллаху, русские падки на бакшиши, а серебра у Муратова было много. Он уже начал думать, что сможет доехать по широкой равнине до самого главного города гяуров, который, если верить телевизору, сиял разноцветными огнями и совсем не знал, что такое война. Но на рассвете, у въезда в большой поселок, названия которого наиб не запомнил, удача от него отвернулась. На горе поселка начальник кордона оказался очень честным, а может быть, очень глупым. Он не взял денег и стал стрелять.

Нукеры убили упрямого офицера и его людей, но после этого ехать дальше стало нельзя. Воины рассыпались по сонным улицам, для остротки постреливая по окнам домов, а со всех сторон уже стекались солдаты и казаки.

** Властями РФ, за выступления против вторжения России в Украину, Б.Акунин (Т.Ш. Чхартисвيلي) включен в перечень «экстремистов и террористов», список «иностранных агентов» и объявлен в розыск

Пускай здесь, решил Хаджи, это место не хуже всякого другого. И пожалел только, что не запомнил, как называется селение, где ему суждено встретиться с Аллахом.

Посреди поселка был большой белый дом с толстыми стенами, окруженный высокой оградой. В таком можно долго обороняться.

Люди Муратова вбежали в вестибюль, расположились у окон, высунули наружу стволы автоматов и начали стрелять. Однако гяуры на огонь вдруг отвечать перестали, хотя на улицах становилось все больше бронетранспортеров, а в небе гудели боевые вертолеты.

Потом к наибу подошел Курбан и сказал:

– Плохо, Хаджи. Они не стреляют, потому что это больница.

Получив известие о том, что чеченские абреки захватили больницу, где находятся сотни мирных обывателей, премьер-министр Виктор Степанович Лорис-Меликов обернулся к образам и перекрестился. Настал час, которого он со страхом ждал с того самого дня, когда решил ступить на поприще общественного служения. Он знал, что рано или поздно судьба поставит его перед выбором, который на самом деле выбором не является. Виктор Степанович всегда говорил, что человек, посвятивший свою жизнь народу, перестает принадлежать себе. Теперь настало время, когда эти слова придется подтвердить делом.

– Подготовить мой самолет, – сказал он помощнику. – Я вылетаю.

Помощник напомнил:

– Вас просила позвонить Ариадна Аркадьевна.

– Да-да, после, – кивнул Лорис-Меликов и пообещал себе, что о жене пока думать не будет – сейчас требовалась непреклонная твердость.

Мюриды почтительно наблюдали, как Хаджи, опустившись на колени подле стенгазеты “Наша забота – здоровье трудящихся”, молится Всевышнему.

– Вразуми, научи, – шептал Муратов, прижавшись лбом к холодному линолеуму. Как поступить? Нельзя, чтобы пострадали невинные.

Больницу обложили со всех сторон. Мюриды попытались было выпустить через служебный вход хотя бы рожениц, но стоило двери чуть открыться, как с площади, не разбирая, ударили из крупнокалиберного пулемета – одну женщину убили и двух ранили.

Как вывести отсюда больных и врачей, чтобы не путались под ногами и не мешали воевать? Ведь Пророк сказал: “Да не будут твоими врагами малые и слабые”.

Аллах не давал ответа. Видно, Сам не знал, как тут быть.

Аэропорт “Минводы” остался позади. Министерский кортеж на сумасшедшей скорости несся мимо пыльных станиц.

Лорис-Меликов еще раз спросил себя, уже безо всякой надежды: быть может, существует какой-нибудь иной выход?

Нет, иного выхода не было.

Разумеется, идти на поводу у разбойников нельзя. Довольно один раз уступить – и начнется целая вакханалия похищений и захватов заложников. Каждая жизнь, выкупленная сегодня, завтра и послезавтра отольется сотнями и тысячами смертей. Нет-нет, тысячу раз правы израильтяне: никаких уступок, никаких сделок, никакого торга. Заплатить кровавую цену один раз, чтобы не пришлось платить вновь и вновь. Он, Лорис-Меликов, властью, данной ему Богом и государем, берет ответственность на себя.

Пользуясь тем, что адъютант заклевал носом, премьер-министр украдкой выудил из-под рубашки золотой медальон и поцеловал спрятанную в нем женскую фотографию.

Прости, мое сокровище, и не осуждай.

– Полковник, – Виктор Степанович осторожно тронул адъютанта за плечо. – Алоизий Христофорович, проснитесь. Соедините-ка меня, голубчик, с Муратовым.

Телефон в кабинете главврача, не подававший признаков жизни уже много часов, оглушительно затрезвонил. Курбан доложил, что с наибом хочет говорить самый главный гяурский начальник Лорис-Меликов, лютый враг чеченского народа.

Хаджи взял трубку с тяжелым чувством. Знал, что сейчас услышит. Министр скажет: сдавайся, Муратов, и тогда я позволю невинным выйти наружу. Иначе твое имя будет навеки опозорено, а твоя честь вывалена в грязи.

– Я, – коротко сказал Хаджи в микрофон и закрыл глаза, еще не решив, как будет отвечать. Как жаль, что Аллах в бесконечной мудрости Своей запретил самоубийство.

– Хаджи Муратов, вы меня слышите? – услышал он голос, много раз слышанный по телевизору.

– Да.

– Хаджи Муратов, это вы? – спросил Виктор Степанович, не уверенный, что односложно отвечавший человек достаточно знает русский. – Я не стану вести с вами переговоры до тех пор, пока все больные и медперсонал не будут освобождены. Вы меня поняли?

Молчание.

– Вместо всех этих людей предлагаю в заложники себя, – сказал Лорис-Меликов, отчетливо выговаривая каждое слово.

Тут он вспомнил, что не так давно один из политиков в предвыборной агитации уже предлагал обменять себя на всех кавказских пленников чохом, и поспешил добавить:

– Это не демагогия, Муратов. Я приду к вам, а вы откроете двери и всех отпустите. В обмен на девятьсот гражданских лиц вы получите

премьер-министра России. Выгодная сделка, соглашайтесь. И тогда я выслушаю все ваши требования.

В запечатанном конверте лежал приказ, составленный еще в самолете: через десять минут после того, как из больницы выйдет последний заложник, нанести по зданию бомбовый удар и вперед, на штурм. Под обломками погибнут все злодеи, а вместе с ними и Виктор Степанович Лорис-Меликов, но после этого ни один террорист больше не посмеет брать российских поданных в заложники. Никогда.

Хаджи подумал: вот оно – чудо, явленное Аллахом. Честь будет спасена, и сдаваться не придется. Еще повоюем. Подумал и так: если бы все министры Белого Царя были, как этот, то, может, и независимости не нужно. Вслух же сказал:

– Воины Ислама за женщин и больных не прячутся. Придержки своих шакалов, чтоб не стреляли. А сам не приходи. Зачем ты мне?

Последним из ворот вышел главврач – это было в 18.07. Он немного постоял, обернувшись к больничному корпусу, словно хотел с ним попрощаться, и бегом пересек пустую площадь.

В 18.30 начался обстрел, потом бомбардировка. Бой же шел еще много часов – сражались сначала на первом этаже, потом на втором, на третьем, на четвертом и наконец на крыше.

Была уже глубокая ночь, когда в актовыв зал гимназии, где расположился Временный штаб, вошел уездный воинский начальник и с поклоном поставил на стол перед Лорис-Меликовым отрезанную голову Хаджи Муратова.

– Наше высокопревосходительство, живых ни одного не взяли, – развел руками генерал.

Голова абрека была сверху бритая, а снизу заросшая густой черной бородой. Открытые глаза оказались голубыми. Они свирепо смотрели куда-то сквозь премьер-министра, но в целом мертвое лицо выглядело спокойным и даже, пожалуй, безмятежным.

East is East, West is West, печально подумал Виктор Степанович, которого второе рождение настроило на поэтический лад. Очевидно, придется отпустить этих диких детей гор на волю. Пусть живут себе, как хотят. Насильно мил не будешь».

Черт побери, в который раз я перечитываю акунинские «Сказки для дураков», и у меня снова наворачиваются слезы, наверное, дает себя знать контузия или просто старость, а, верней всего, знание того, как чудовищно было то, что произошло тогда на самом деле!

В этой драме не нашлось ни Лорис-Меликовых, ни Хаджи Муратовых!

А была страна, где абреки прячутся за женщин в больницах, солдаты стреляют в заложников, а президенты бросают свой народ в беде.

Хотя, когда-то случалось и по-другому. Был, например, в XVI веке россий-

ской истории тверской князь Михаил, который, защищая независимость тверичан, разбил московско-татарскую рать, за что был истребован ханом на суд в Орду. Отвечая на просьбы бояр и сыновей не ехать, князь сказал: «Хан зовет не вас и никого другого, а моей головы хочет; не поеду, так вотчина моя вся будет опустошена и множество христиан избито; после когда-нибудь надобно же умирать, так лучше теперь положу душу мою за многие души». После долгих лет плена он был казнен в хазарском городе Мажары, где через много-много лет, в память о князе-мученике был построен монастырь, по имени которого и город получил название – Святой Крест. В 1920 году большевики монахов расстреляли, монастырь ликвидировали вместе с именем города, назвав его Прикумском, а в 1935 году переименовали в... Буденновск!

Но можно ли ожидать другого в стране, где захватившие ее авантюристы перечеркнули свою тысячелетнюю культуру, где разрушение веками складывавшихся нравственных традиций было возведено в доблесть, где улицы сохраняют имена палачей и террористов? А вера и нравственная целостность горских обычаев, могла ли она сохранить свое веками выверенное равновесие и мудрость – после запретов на свой язык, гонений на веру и обычаи, после депортаций и промывок мозгов?

Советская пропаганда вещала, например, что американская коммунистка Анжела Дэвис, которая дает оружие в руки чернокожим террористам – героиня. А, если ты борешься за свободу, убить несколько человек, захватить заложников, получить 5 миллионов долларов и улететь на Кубу – это здорово, ведь именно так подавали советскому человеку Даниэля Ортегу и «сандинистов» из Никарагуа. И не ведали те, кто это внушал, что, читая восторженный газетный разворот о «герое», который освободил своих товарищей, угрожая расстрелом захваченных заложников, рассматривая его фотографию на трапе самолета с победно поднятым автоматом в руке, эту роль примерит на себя мальчик Шамиль.

Но вернемся к фактам.

Пройдя два милицейских поста, колонна обогнула Буденновск, но наткнулась на третий пост. Оказывается, в 11.40 дежурный ГАИ в селе Покойное позвонил начальству в город и сообщил, что прошла, отказавшись от досмотра, колонна с «грузом 200». Начальник городской милиции Николай Ляшенко велел следующему, Прасковейскому, посту остановить и досмотреть. Поэтому слова Арсламбека о том, что груз не подлежит досмотру, что они везут в аэропорт гробы с убитыми под Шатоем и Ведено солдатами для отправки в Ростов, не устроил постовых. Потом Басаев в захваченной больнице будет говорить журналистам, что им просто не хватило ста долларов на третью взятку.

Это тоже возможно, в то время «отцы-командиры» вывозили из Чечни много награбленного добра, транспортных самолетов в Ханкале не хватало, и тогда грузовики с коврами, телевизорами, мебелью и даже легковыми машинами на борту шли через соседние республики. При этом мародеры действительно платили постам на дорогах.

Не знаю, так ли было в тот раз, но колонне предложили проехать в город для проверки груза. Боевики планировали ехать дальше, но куда? Есть разные версии. Секретарь главы администрации Буденновска В. Чернышева утверждает, например, что сама видела, как уже после захвата больницы боевики доставали оружие из подвала здания. Тогда получается, что кто-то заранее его там спрятал, и маленький заштатный городок был спланированным объектом нападения. Но почему именно он?

«Российская газета» писала тогда:

«Из источников в ГРУ ГШ стало известно, что опасности подвергался один из важных стратегических объектов – военный аэродром (вертолетный полк) ...Преступники, по некоторым данным, пытались взорвать и ПО “Ставропольполимер”. Это могло бы вызвать химическое заражение всей округи».

Правда, есть и другая версия. Она прозвучала от самого Басаева.

По его словам, они намеревались доехать до Минвод, захватить там самолет и лететь в Москву, чтобы в последнем бою «показать москвичам, что такое война», и таким образом попытаться ее остановить.

Вероятность такого плана подтверждает публикация газеты «Сегодня» от 1 июля 1995 года:

«Незадолго до трагедии в Буденновске некая фирма арендовала самолет частной авиакомпании для выполнения рейса Минводы-Москва с посадкой в столичном аэропорту «Быково». Там самолет ожидали заранее заказанные еще одной частной фирмой автобусы. Нет сведений, что самолет и автобусы были заказаны именно для группы Басаева, однако после акции в Буденновске зафрахтованный рейс так и не вылетел из Минвод».

И все же я думаю, что «полет в Москву» – скорее бравада и психологический прессинг, просто Басаев понимал, что эта версия, появившись в печати, произведет нужное ему впечатление, усилив шок от теракта.

К тому же листовки «НОРДОС» появились не в Москве, а на территории Ставропольского и Краснодарского краев. Они и были настоящим объектом атаки, а точнее, это был аэропорт в Минводах с большим количеством пассажиров и возможностью вылета в Турцию под прикрытием заложников. Тем более, что такой опыт у Басаева уже был.

Всего отечественные архивы хранят сведения о 116 попытках угона советских самолетов, это с 1958 года. Самый «урожайный» на захваты или угоны самолетов 1991 год (32 случая) тогда уже прошел, но среди них был и тот, что успешно провел именно Басаев.

9 ноября 1991 года, вернувшись из Москвы, он на свой страх и риск захватил в аэропорту Минвод пассажирский самолет и потребовал вылета в Турцию. Прилетев туда, он заявил прессе, что сделал это в знак протеста против введения

Россией чрезвычайного положения в Чечне, и обратился к мировому сообществу с призывом защитить независимость своего народа. Тогда это сработало – зарубежная печать заговорила о Чечне...

Ну, а запасным вариантом акции мог быть захват любого российского города или поселка по пути следования. Окончательно объект атаки и гибель ста с лишним людей в Буденновске определила. случайность. В момент спора с милицией над КПП пролетал военный вертолет. Открывать огонь по милиции в этот момент боевики не рискнули.

«Что ж, – сказал постовым С. Чепуркину и Г. Герасименко Арсламбек, – грех гробы открывать, но если хочешь посмотреть на покойников – пожалуйста, едем в УВД!»

Грузовики со своей «милицейской» легковушкой впереди и машиной ГАИ на хвосте повернули в Буденновск.

Севший в первую машину милиционер показывал дорогу, на улице Кочубея при подъезде к управлению колонна остановилась, автоматная очередь полоснула по задней машине ГАИ, рванувшийся из головной машины милиционер получил пулю в спину.

Боевики дали автоматную очередь по окнам милицейского управления, одна группа двинулась по улицам города, стреляя по людям, по машинам, по окнам. Цель – парализовать страхом и набрать в заложники как можно больше людей. Другая группа на грузовике и захваченных легковушках поехала с той же целью в сторону рынка, третья рванула в городскую администрацию, четвертая осталась штурмовать УВД. Все это оказалось непросто.

Глава города заранее, почуяв неладное, предупредил начальника милиции, тот велел открыть оружейную комнату, так у дежурных под рукой оказалась пара автоматов. Один из сотрудников, И. Мечетный, попытался закрыть входную дверь на засов, и получил несколько смертельных ранений. П. Кордоильский и раненый Г. Цапин, отстреливаясь, заперлись в оружейной комнате. Со слов начальника милиции Н. Ляшенко, в его кабинете в этот момент находился местный казачий атаман А. Маевский, тот швырнул в окно гранату, которая нашла в столе у начальника. Услышав это и зная, чего на самом деле стоят казачьи басни, я было усомнился, но это действительно было. Позже я прочел показания одного из боевиков, который оправдывался в суде тем, что не мог стрелять потому, что у здания буденновской милиции, выйдя из машины, сразу получил ранение в глаз, от разорвавшейся рядом гранаты. Правда, потом начальство куда-то делось, и боевики вошли в здание, захватили там несколько женщин, но до оружия не добрались. А в городе разгоралась перестрелка. Люди в ужасе метались по улицам, прятались как могли, перевязывали раненых, первой гражданской жертвой стал ребенок, случайно оказавшийся перед военным грузовиком, по нему боевики сразу открыли огонь. Из-под огня смертельно раненую Лену Курилову вынес армянский мальчик Вадим Будогян. Следующим смерть настиг-

ла водителя грузовика, а затем Михаила Иванько, который нес на руках дочь, дальше кровь и смерть пошли гулять по всему городу.

Часть сотрудников милиции отсутствовала, кто-то ремонтировал базу отдыха, кого-то отправили помочь соседнему совхозу, другие отдыхали дома после дежурств, но почти все, кто был в городе, и даже те, кто успел вернуться в него пока шел бой, с оружием в руках героически противостояли нападавшим. Заведующий больничным гаражом Юрий Васильев сидел в служебной машине под окнами больницы. Перенастроив рацию, он связался с прибывшей из Кисловодска машиной «скорой» и стал передавать информацию о количестве и расположении боевиков, но те нашли его и убили.

При захвате города погибли шестеро летчиков из вертолетного полка, которые с пистолетами поехали в город узнать, что там за стрельба, их машины изрешетила пулеметная очередь. Сражаясь за свой город, погибли 16 работников милиции, двое расстреляны уже в больнице...

Как это ни странно, число гражданских жертв, погибших от рук террористов, поддается только приблизительному подсчету. А. Баранов в добросовестном и честном очерке «Набег» (газета «Правда») привел данные от начальника бюро судмедэкспертизы Буденновска. По его словам, было зарегистрировано 83 трупа, в основном мужчин, среди которых преобладали военные. В «Российских вестях» корреспондент А. Рябушев с места событий сообщает, что **«к полудню 15 июня насчитали 40 убитых и 69 раненых мирных жителей»**. Корреспондент «Ставропольских губернских ведомостей» В. Смирнов тогда же пишет о том, что в морге он видел 30 тел. На официальном сайте г. Буденновска в хронике тех событий я нашел: **«16 июня. В полдень состоялись похороны 36-ти человек, погибших от рук террористов»**.

Сегодня официальная (судебная) версия такова: погибло 129, ранено 415 человек. Но люди хоронили 36 убитых горожан в то время, когда террористы уже сидели в плотном кольце, так откуда потом взялись еще 93 трупа? В больнице по приказу Басаева были расстреляны пятеро человек, спецназ «Альфа» потерял во время штурма еще троих, «Вега» – двоих. Очередь «своего» пулемета оборвет жизнь журналистки Натальи Алякиной, на другом посту солдаты по ошибке застрелят местного парня, позже умрет какая-то часть раненых. Все равно не сходится. Получается, что значительная часть погибших на совести тех, кто прикажет штурмовать больницу.

Разделившись на несколько групп, боевики согнали на площадь Ленина до полутора тысяч захваченных ими людей. Затем в качестве прикрытия от возможного огня с вертолетов подогнали к толпе один или два бензовоза.

Тут на их глаза попала машина скорой помощи, врачи которой, игнорируя опасность, подъехали, перевязали раненого и стали грузить его в машину.

Рассказывает Костюченко Петр Петрович, заместитель главного врача ЦРБ,

опираясь на слова Ланы Бирюковой, подробно описавшей со слов жителей города все происходившее:

«О нападении басаевцев на город я узнал в начале первого часа. Из приемного отделения позвонила медсестра и сообщила о поступлении больных с огнестрельными ранениями. Потом около больницы началась стрельба. Я спустился на первый этаж и хотел выйти на улицу посмотреть, что происходит, но путь мне преградил военный в камуфляжном костюме, в военной фуражке, лицо бородатое, через плечо автомат. Он сказал на чисто русском языке, что больница захвачена специальным чеченским отрядом под командованием Басаева, что все, кто находится в больнице, – заложники.»

В трех корпусах больницы к этому времени, помимо тех раненых, кого уже привезли «скорые», работал персонал – 256 человек и лежало 400 больных. Шел третий час дня...

В это время глава правительства В. Черномырдин еще находился на отдыхе в Сочи, там корреспондент «Вестей» спросил у него: возможно ли распространение чеченской войны на другие регионы России? С раздражением премьер-министр ответил: «Это исключено. Все эти прогнозы... Такое впечатление, что кто-то так и хочет, чтобы это произошло. Нет, не будет этого распространения. Никто этого не позволит. И никаких распространений не будет! Я вам говорю!»

В этот же день он вылетел в Москву – 16 июня президент РФ должен был принять участие в заседании «большой семерки», неформальной встречи глав государств и правительств наиболее развитых стран, которые начали проходить еще с семидесятых годов по предложению президента Франции Жискара д'Эстена.

17 июня «Российская газета» опубликовала обращение «Господин Президент – остановите войну!», которое Дума приняла с моей подачи, а «Российские вести» сообщили:

«Вчера перед отлетом в Канаду, где началось совещание лидеров “семерки”, Борис Ельцин, говоря о событиях в Буденновске, заявил, что “сомневался, ехать ли в этот момент в Галифакс”. Но потом решил: ехать надо. Как в Москве, так и в Галифаксе он постоянно находится в курсе событий в Ставрополье. “Я управляю ситуацией, – сказал президент, – и также хочу сказать партнерам по “большой семерке”, с кем именно борются федеральные войска”. По мнению Бориса Ельцина, трагедия в Буденновске дает однозначный ответ на этот вопрос.»

Далее под заголовком: «Обезвредить террористов!», был опубликован следующий текст:

«В Буденновске дудаевскими боевиками совершена беспрецедентная по жестокости и цинизму разбойная акция, – говорится в заявлении Бориса Ельцина, полученном “РВ” из пресс-службы президента РФ. – Потерявшие человеческий облик бандиты напали на мирный город, убивали беззащитных граждан, захватили в заложники больных, женщин и детей.»

Трагедия в Буденновске ставит точку в дискуссиях о характере бывшего дудаевского режима. Теперь уже всем видно, что лозунг национально-освободительной борьбы был лишь прикрытием для преступников, дорвавшихся до оружия. Как Президент Российской Федерации заверяю, что сейчас все силы федеральной власти направлены на обезвреживание террористов, скорейшее освобождение заложников и недопущение подобных акций в будущем.

Еще предстоит разобраться в том, как стал возможен подобный варварский акт, почему те, кто отвечает за сохранение законности и правопорядка, выпустили ситуацию из-под контроля.

Вместе со всеми россиянами скорблю о павших от рук бандитов. Призываю граждан России сохранять спокойствие и выдержку, поддержать действия федеральных властей по пресечению действий вооруженных террористов, по восстановлению конституционного порядка».

Ельцин улетел на саммит. Он давно мечтал войти в этот привилегированный клуб, наконец, его пригласили, и он расценил это как шаг к восстановлению престижа и доверия к России. Об этом много писали. Безусловно, Басаев, зная о приглашении, проводил свой рейд еще и потому, что в этой критической ситуации Ельцину будет трудно избежать разговора о Чечне.

И действительно, президент США Билл Клинтон заявил:

«Терроризм – если уж применять это слово – начался с нападения российских вооруженных сил на Чечню, он был присущ всему способу ведения этой войны; то, что произошло в Буденновске, лишь логическое развитие событий».

Это не помешало российскому президенту навязать свою версию о мировом исламском терроризме и народе-разбойнике. Впрочем, у сильных мира сего были свои проблемы и судьба какого-то народа где-то на Кавказе не слишком их занимала...

К тому же, на радостях от того, что удалось договориться о реструктуризации, отсрочке российских долгов на 21 год, Ельцин «загулял», однако успел через своего начальника охраны Коржакова (как шутили тогда «правый стакан президента») дать указания министру МВД Ерину о штурме больницы.

Но все это стало известно мне позже.

А 16 июня, зная лишь первые сводки, я пошел в редакцию питерской газеты «Невское время» узнать новости. На улице яркое солнце, люди идут, кто-то смеется... Жизнь идет своим чередом. Мне было не до смеха. В редакции встретил Вику Работнову, журналистку, с которой уже был в Армении во время войны в Карабахе. Когда услышал о больнице и заложниках, вырвалось – Господи!!!. Я еще не знал, сколько их там, но зато знал, что такие федеральные генералы. На заложниках можно было поставить крест.

Редакционный телевизор сообщил, что аэропорт в Минводах уже открыт, и тут я обнаружил, что рука моя набирает телефонный номер кассы «Аэрофлота». Честно говоря, лететь туда было страшно, с редакционной стены на меня смо-

трели фотографии Максима Шабалина и Феликса Титова, к тому времени уже три месяца как пропавших в Чечне (до сих пор мы ничего не знаем об их судьбе), шел седьмой месяц войны, и я уже трижды был в Чечне. Как легко потерять там жизнь, я уже видел.

Когда-то, сидя в лагере, я вычитал в мемуарах известной народоволки Веры Фигнер такие слова: «Истина, однажды принятая мной, приобретала для меня характер обязательный». То, что без нас, без группы Сергея Ковалева, будет совсем плохо, было понятно. Значит надо ехать.

Заказав билет, позвонил в Москву, Юлька была уже в деревне, но Катя принимала выпускные экзамены в школе. Оказалось, Сергей Ковалев и тесть мой Михаил Михайлович, да и все остальные из нашей группы готовятся в путь. Поспорил с Михалычем, стоит ли рисковать обоим, но он и слушать не захотел, рассердился. Позвонил в Читу Виктору Курочкину, депутату, члену Совета Федерации, с которым мы уже были в Чечне.

– Знаешь?

– Знаю, всех там погубят.

– Да, еще одна бойня. Летим?

– Уже вылетаю.

Заехать к матери и собраться не успел. Только позвонил, наврал, что еду в Москву. Еще попросил Игоря Сошникова дозвониться до Кати, а он тоже не решился сказать, куда я отправился, стал что-то сочинять. Но Катя уже знала. А мне пришлось лететь в чем был, в рубашке, без куртки и почти без денег, тех что нашлись по карманам – кот наплакал.

В самолете всегда стараюсь оказаться у окна, прилипаю к стеклу, безуспешно пытаюсь разглядеть и узнать места по рекам и озерам. Ну вот, российские леса сменились прямоугольниками выцветших ставропольских полей и слепящим солнцем. Земля заваливается на вираже, мелькнули отроги синеющих гор. Посадка. Напряженно переглядываются пассажиры, половина которых, как теперь говорят, лица «кавказской национальности». Горячий бетон взлетного поля. Всех сурово направляют на проверку и обыск. Оглядываюсь, нахожу административное здание, топаю прямо туда. По дороге объясняюсь с сотрудниками в штатском и милицией. Посмотрев удостоверение, пропускают. Депутатская комната на замке. Сажусь в тени, жду прилета рейса из Москвы. Появляются люди, кучкуются, поглядывают. Приезжает местное телевидение, подходят; комментарий о том, что если это боевая операция чеченцев, то ее следовало ожидать, отпугивает. От них узнаю, что в Буденновске действительно Басаев.

Это серьезно. О том, как я встречался с ним четыре месяца назад в Черно-речье, пригороде Грозного, я уже рассказывал.

От воспоминаний меня отвлек гул идущего на посадку самолета. Я на летном поле в Минводах. Обрывочным эхом донесся голос диктора: «...из Москвы!»

Разминая затекшие ноги, двинулся к трапу. Набежали какие-то люди, телекамера, вдруг слышу крик. Проталкиваюсь, вижу мордатого опереточного казака в черкеске и с кобурой, который орет тяжело спускающемуся Ковалеву, что из-за таких, как он гибнут, русские люди.

Вместе с Ковалевым верный помощник и летописец Олег Орлов, депутат из «ЯБЛока», христианин Валерий Борщев и мой тесть, старый политзек. Оторваться от назойливых телевизионщиков и провоцирующего скандал казачка помог встретивший нас однопартиец, член «Демократического Выбора России». У него оказалась служебная машина и мы, не задерживаясь, двинули в сторону Буденновска. Напряжение нарастало, по сути мы впервые «шли на грозу» со стороны генералов. При штурме Грозного мы оказались рядом с теми, кто защищался, на кого падали бомбы, потом мы не раз оказывались между воюющими, занимая при этом независимое положение. Можно было, конечно, погибнуть и от тех, и от других, но мы все же сами выбирали путь... Теперь нас ожидало другое, понятно, что большое силовое начальство, ненавидя С. Ковалева, а заодно и всю его миротворческую группу, будет нас отторгать.

В дороге встретили несколько застав-пикетов: опасаясь боевиков, взбуждаемые жители вооружились берданками, но не знали, от кого защищаться, кого пропускать.

В Буденновск въехали вечером и не обнаружили скопления бронетехники и войск. Мы-то ожидали, что город заполнен военными! Но, как потом выяснилось, в плотном кольце войск МВД была только больница.

Наша группа попыталась войти в здание милиции, где разместился штаб, директор ФСК Степашин, глава МВД Ерин и другие. Но охрана нас непустила. Стояли на ступеньках, ждали. Наконец, вышел Сергей Попов, председатель комитета по делам национальностей из краевой администрации, сказал: «Привезен брат Басаева, Ширвани, ведутся ответственные переговоры. Вроде бы дело идет на лад, и очень неудобно, не время прерывать их. Однако уже завтра вас обязательно подключат к их продолжению. А сейчас уже поздно, время отдыхать в стоящем неподалеку здании городского совета».

Брат Басаева действительно был привезен, но все было чуть по-другому. Позже командовавший тогда войсками МВД А. С. Куликов рассказывал журналистам, что после падения Ведено 8 июня состоялось совещание полевых командиров, где Басаев высказал намерение провести рейд за пределы Чечни для совершения теракта. Незадолго до этих событий Масхадов стал усиленно искать контакта. Сначала вышел на военных через миссию ОБСЕ с просьбой о переговорах. Где-то 12 июня Егорову передали записку, в которой Масхадов предлагал встретиться. Состоялась встреча 15 июня в селе Зандаг, но командующий объединенным чеченским фронтом, оказывается, вовсе не собирался сдаваться, речь шла только о полномочных переговорах, причем на равных.

Разочарованный генерал уже было собрался уезжать, но:

«В охране Масхадова находились Ширвани Басаев и еще двоюродный брат Басаева... Тут мне пришла в голову мысль воспользоваться случаем. Предложил: «Давайте, я забираю Ширвани и лечу с ним прямо в Буденновск, чтобы он попытался образумить брата. – А где гарантии? – Даю слово генерала, что верну его назад». Но по их законам младший брат не может рекомендовать старшему, а старшего, хотя и двоюродного, он может послушать. Поэтому я попросил направить с Ширвани и двоюродного брата. Прибыли в Буденновск. Басаев вышел из себя, когда увидел Ширвани. Хотел его даже застрелить. Но тот сказал, что прибыл по распоряжению Масхадова и Масхадов предлагает сдаться. Тем не менее Басаев его выгнал. С двоюродным братом повторилось то же самое. После этого я отвез братьев назад. Скажу откровенно: если бы знал, что в конечном итоге будет такой исход, не отпустил бы их, несмотря на личное поручительство. (а как же офицерское слово чести? Ю.Р.)

– Захват Буденновска не был согласован с дудаевским командованием?

– Я спросил тогда Масхадова: “Как вы могли принять подобное решение?”

Он ответил:

“Я, наоборот, его отговаривал, говорил, что этого нельзя делать. Но он меня не послушал”. Думаю, что Басаев действительно действовал по собственной инициативе».

Как бы там ни было, к моменту нашего приезда в штаб переговоры через родственников Басаева провалились и никакого их продолжения на следующий день быть не могло. Нам ввали, изолируя от штаба, в котором генералы пили вместе с Жириновским и его подручными-депутатами, глава ЛДПР стучал по столу и требовал сбросить на бандитов бомбу... Все было готово к штурму.

А нас проводили в администрацию, где среди битых стекол, под разбитыми входными дверьми мы увидели лужи засохшей крови, при захвате здания здесь погибли милиционеры, был убит боевик. Кто-то выдал нам матрасы, открыл комнату, где нам предстояло провести ночь на полу. Теплая, душная ночь была тревожной, рядом в своем кабинете курил мэр Буденновска, его чиновники принимали тревожные звонки из разных концов города, где людям мерещились новые боевики. Кто-то плакал, у него в больнице жена. Мы не знали тогда, что происходило до нашего приезда. И большим начальникам очень не хотелось, чтобы мы это узнали.

После того, как колонна плененных горожан была загнана в больницу, наступила тишина. Город замер в шоке от случившегося, но пока шла стрельба, несколько человек все же дозвонились до областного начальства. Тревожные, путанные вести понеслись по телефонам и телеграфу в Моздок, в Москву, Совет Безопасности, МВД. Аэропорт в Минводах закрыли, оставив только спецрейсы, прилетел глава ФСБ (КГБ) Степашин, глава МВД Ерин, его заместитель Егоров, первые сутки прошли в растерянности, параллельно шли два процесса – переговоров и подготовки штурма.

Вдруг в одном из штабных кабинетов звякнул телефон.

– Кто?

– Разведовательно-диверсионный батальон республики Ичкерия! С вами будет говорить Шамиль Басаев! Кто на связи?

Узнав от дежурного о звонке, генералы растерялись, кому брать на себя ответственность. Ведь они уже сообщали прессе, что ведутся переговоры, на самом деле ожидая штурма. Но тут, услышав о связи с больницей, прибежал Жириновский. Он прилетел вместе с начальством и расположился прямо в штабе. Растерявшиеся генералы с удовольствием передали ему трубку.

– Шамиль, Шамиль! Это я, Вольфович, помнишь мы в Грозном... – но тот не захотел говорить и передал трубку своему помощнику.

– Это Арсланбек, что ты хочешь?

– Дайте мне пару заложников, ну хоть одного. Потом будем договариваться. Я могу...

Когда Басаеву передали, что надо Жириновскому, тот зло рассмеялся.

– Скажи, если придет, отдам хоть десять, а его в придачу, вперед ногами...

Как рассказывали потом чеченцы, услышав ответ, глава ЛДПР бросил трубку. Тогда, наверное, и появилась у него навязчивая идея о бомбовом ударе.

Потом Басаев отверг предложенные ему деньги и самолет. К этому времени в Буденновск уже прибыл спецназ. Туда уже слетелись и десятки отечественных и зарубежных журналистов. Чтобы они не мешали, их решили изолировать. Вот что рассказывает об этом В. Смирнов, журналист из Ставрополя, которого, как и большинство других, начальство поместило в зале городского Дома культуры:

«Министр Ерин и его присные перед военной операцией в больнице провели блестящую операцию по блокированию надоедливо-пронирыливых журналистов. Когда мы (услышав выстрелы) ринулись к выходу, охранявшие нас два милиционера встали грудью на оборону выхода из дома: «Начальник приказал никого не выпускать». Тогда один из самых беспокойных и инициативных “щелкоперов” Александр Рябушев (собкор “Российских вестей”) притащил пожарный иланг. Мы прикрутили его к соответствующей «розетке» и спустились из окна второго этажа».

О штурме больницы в то время было написано немало, я перелопатил десятки различных публикаций. Большинство из них на разные лады повторяют генеральскую ложь о том, что штурм был успешным, его провал выдается за первый этап. Утверждается, например, что спецназ захватил первый этаж больницы, что лишь вмешательство депутатов спасло террористов... Такие версии можно найти в правительственной печати, в военных изданиях, на «патриотических» сайтах.

По совокупности всего, что я видел сам и узнал позже, с небольшими уточнениями доверять можно лишь показаниям командира отряда «Альфа» А. Гусева. Газета «Сегодня», 17.06.2000 г.:

– *Как для вас начался Буденновск?*

– Мы прибыли в Буденновск под утро 15 июня. Перед вылетом мне сказали, что я перехожу в оперативное подчинение замминистра внутренних дел Егорову (тогда «Альфа» была в составе Главного управления охраны). Тем не менее все свои действия я согласовывал с начальником ГУО Барсуковым, который в это время находился с президентом в Галифаксе. «Альфа» встала в оцепление больницы.

...Обстановка накалялась. Я понимал находившихся там руководителей. Народ был возмущен: время идет, а ничего не предпринимается. Потом поступил приказ президента на проведение операции. Я потребовал нас поместить, освободить от несения службы вокруг больницы, чтобы мы могли подготвиться. В принципе я и командир отряда «Вега» (бывшего «Вымпела»), входившего в состав МВД, были против проведения штурма.

– Почему?

– Двести террористов удерживали более двух тысяч человек. К тому же у нас была информация, что они заминировали больницу. Расчеты показывали, что последствия могли быть самые непредсказуемые.

– Были какие-то другие варианты?

– Не обязательно было штурмовать. Можно было просто их оттуда не выпускать, держать осаду. Работали наши снайперы, они уничтожили приличное количество террористов. Врачи, которых они отпустили (с условием, что они вернутся), говорили, что прооперировали довольно много террористов с ранениями в голову (уезжая, басаевцы забрали с собой двух убитых, 4-5 раненых).

– Кто настаивал на штурме?

– Не знаю, что докладывали Ельцину руководители операции. Я получил приказ от президента через Барсукова.

– Как начался штурм?

– В четыре-пять утра 17 июня. В первом эшелоне находилась «Альфа» и небольшая группа «веговцев». За нашими боевыми порядками шли отряды ОМОНа и СОБРа. Конечно, мы надеялись на внезапность, но, на мой взгляд, у террористов было достаточно пособников, которые вели наблюдение снаружи и передавали информацию по радиотелефону. Возможно, поспособствовали террористам и врачи «скорой помощи»: открытым текстом по своим средствам связи они стали предупреждать свои экипажи о готовящемся штурме. Это могло быть перехвачено (кроме приказа по «скорой помощи» чеченцами был перехвачен разговор какого-то местного милицейского чина, сообщившего о времени штурма своему сослуживцу. – Ю. Р.).

У меня была мысль внезапно и быстро продвинуться вплотную к больнице на бронетехнике. В этом случае можно было бы сразу проникнуть и на второй-третий этажи. Но, к сожалению, МВД отказало предоставить нам свои бронетранспортеры и боевые машины пехоты.

– *Чем это мотивировалось?*

– *Всем жалко своих людей. Думаю, боялись за экипажи. Меня заверили, правда, что как только появятся раненые, сразу же будет подходить техника для их эвакуации. Однако это обещание выполнялось очень плохо. Мои сотрудники матом кричали: «Когда будет техника?! Люди кровью истекают...»*

Террористы открыли бешеный огонь. (Один БТР все же пошел на выручку спецназа, но басаевцы подбили его первой же подствольной гранатой. – Ю. Р.)

Кроме того, из-за неразберихи и безалаберности с одного из милицейских блокпостов была самовольно начата беспорядочная стрельба в сторону больницы. Одна моя группа попала под перекрестный огонь: спереди бьют террористы, сзади – милиция. У нескольких моих сотрудников бронежилеты были вспороты на спине. Потом, когда все кончилось, я прошел по дорожкам больницы: каждый сантиметр асфальта был разбит пулями. Юрий Михайлович Лужков возмущался потом, когда приезжал в Буденновск: зачем, мол, разворотили все подьезды. Это я приказал. Первым делом поставил задачу – разбить из гранатометов подьезды, чтобы дать заложникам пути для выхода: по нашим сведениям, подьезды были заминированы. И это дало результат: с началом штурма из больницы убежало около ста заложников. (Не заложников. См. ниже. – Ю. Р.)

– *Как долго продолжался штурм?*

– *Около часа. Разное тогда говорили. И то, что мы, мол, уже первый этаж заняли. Первого этажа мы не занимали. Да, одна группа вошла в одно помещение на первом этаже. Но они вышли, когда я отдал распоряжение прекратить попытки проникнуть в здание и отойти.*

– *Это было ваше собственное решение?*

– *Да, это мое решение, которое не было отменено вышестоящими руководителями.*

– *Чем вы руководствовались?*

– *Мы несли большие потери, надо было побережь людей. Ну а потом, я вам честно скажу, желания входить в здание не было. Я просто не видел смысла. Если бы вошли в больницу, то либо легли бы все, либо Россия бы нас проклала. Ну как войти в комнату, где находятся и террористы, и заложники? Кинуть гранату или дать очередь. А идти так, дураком, – верная смерть. Мы могли взять больницу – вопросов нет. Но даже боюсь сказать, сколько погибло бы при этом заложников.*

Это было чуть позже. А мы, ничего не зная о надвигающейся беде, ходили, расспрашивали людей, ломали голову, как спасти людей?

Ночью к нам присоединились добравшиеся до Буденновска Александр Осовцев и член Совета Федерации Виктор Курочкин. Мы вышли покурить на лестницу и оказались свидетелями «явления» Говорухина. По лестнице важно, с пога-

шей трубкой в руке, шествовал Станислав Сергеевич, солдатики несли за ним матрасы. Мы посторонились...

К утру нас сморил сон, но в 4 часа все проснулись от близкой стрельбы. Уже не отдельные выстрелы, которые мы слышали из разных концов города, нет, – огонь был плотным, слышались взрывы, заработал ДШК, потом пушечные, танковые выстрелы. Мы поняли: начался штурм больницы!

В мире есть немало спецсредств для борьбы с насилием и террором. Через год с небольшим в столице Перу власти целый месяц будут вести переговоры с террористами, заложников и бандитов будут кормить, поить и лечить – и все это время под здание посольства будет вестись подкоп. За это время внимание и дисциплина «революционеров» ослабнет, при неожиданном штурме из-под земли погибнет лишь один заложник, а все террористы будут уничтожены.

Но у нашего верховного главнокомандующего и его генералов нет ни терпения, ни ума. Лобовой штурм! Мы еще не знали о том, что будет рассказывать командир «Альфы». Но не надо было быть специалистом, чтобы сообразить, что ликвидировать террористов в гуще заложников можно было только забрасывая гранатами коридор за коридором, палату за палатой, нещадно поливая огнем все впереди и вокруг себя. Делать это выборочно, как-то вычлняя террористов и притом щадя заложников, невозможно. И не только нашим спецназовцам, такой безумной задачи было не решить и самым лучшим спецам любой страны.

Потом распространялись мифы о том, что якобы из трех корпусов больницы два были успешно взяты. Даже будто был захвачен и первый этаж основного корпуса!

На самом деле террористы обороняли лишь один из трех корпусов. В других, инфекционном и травматологии, были только больные, поэтому

«Альфа» и заняла их без сопротивления! И та сотня людей, которая «освободилась» из плена во время штурма, была не заложниками, а частью больных именно оттуда. Это и выдавалось потом за успешное начало операции, якобы напрасно прекращенной...

По лестнице, через какие-то хозяйственные помещения, мы поднялись на крышу мэрии. И увидели совсем близко крышу и окна горящего дома, а бешеная стрельба стала громче.

Больница. После обстрела...

Стало ясно, что обещанное нам участие в переговорах, обман. На самом деле вояки готовили штурм. Но что делать нам? Неужели мы так и останемся сторонними наблюдателями? Тут я заметил, как внизу, в ту сторону, где идет стрельба, перебегают от здания к зданию несколько человек, у одного на плече телекамера «Бетакам».

Крикнув М. Молоствову, что пойду к больнице, я сбежал вниз и догнал журналистов. Я не знал тогда, что с этого шага начнется тот поворот, который спасет заложников. Мы стали пробираться к центру событий. Наткнулись на первое кольцо оцепления, обошли солдат и сиганули через забор, а затем огородами дошли до второго, уже огневого, кольца. И вдруг оказались почти вплотную к больнице, оставалось метров семьдесят, простреливаемых.

К этому моменту оставшиеся в живых спецназовцы, теряя товарищей, отползали назад и тогда все, что стояли в отдалении, – БТР, БМП, пулеметы, снайперы, вертолеты – открыли огонь по главному корпусу.

Из окон и проемов недостроенного дома мы видели перед собой центральный больничный корпус, который горел, а по нему били и били! В окнах больничного корпуса, стояли женщины, они махали простынями и кричали – не стреляйте! Но пулеметные очереди косили по стенам, строчки пыли от изрытого пулями силикатного кирпича ложились от одного простенка между окнами к другому. Люди в окнах пропадали (одной из жертв стала беременная санитарка, когда она стояла в окне, пуля пробила ей грудную клетку, но она чудом выжила). Человеческий вой стихал, но в окнах появлялись другие фигуры и крик возобновлялся, здание горело. Происходящее было столь чудовищно, что у кого-то из журналистов случилась «медвежья болезнь». Тут я услышал взрыв и крик, рядом взорвался снаряд, меня спасло то, что я стоял за стеной какого-то недостроя. На земле лежал раненый офицер, рядом пыталась встать молодая женщина с фотоаппаратом, по ее лицу текла кровь.

Оказалось, что тот снаряд, который оборвал жизнь молодого офицера и чуть не погубил фотокора Наташу Медведеву, прилетел с другой стороны оцепления. Неопытный наводчик стоявшей там БМБ промахнулся, и снаряд, пролетев мимо цели, упал среди своих.

Стрельба стала стихать. Позже я услышал, что солдаты МВД расстреляли тогда весь свой боезапас. Хорошо, что Басаев этого не знал.

Как только чуть поутихло, из больницы выскочили двое в белых халатах. На палке они вздымали простыню, на ней – похоже марганцовкой – нарисован красный крест.

Они бежали вслепую от корпуса в мою сторону, лежавшие вокруг солдаты, укрываясь кто как мог, не спешили высовываться.

Врачи остановились у подбитого БТР. Я не утерпел, вылетел к ним навстречу и чуть ли не за руку потащил за собой.

Перебежав в непростреливаемую зону за детским садом, мы остановились. Я назвал себя. Подбежали журналисты, но не подошел ни один офицер. Оказалось, что Басаев выпустил врачей Петра Костюченко и Веру Чепурину для того, чтобы передать российскому командованию: погибли еще десятки заложников, если не остановить стрельбу, погибнут все!

Оба парламентаря возбуждены, их колотит дрожь. Костюченко уже не первый раз ходит туда и обратно, горло хирурга Чепуриной в окровавленном бинте: за полчаса

до этого, делая операцию больной женщине, она получила скользящее ранение, пуля российского снайпера скользнула по шее, еще 2 миллиметра и ее трахея была бы разорвана...

Вместе с врачами я попытался найти кого-нибудь из тех, кто отвечал за происходящее. Солдаты показали на здание детсада рядом с больницей, сказали: там начальство. Но на пути парламентарей и депутата Государственной Думы встала охрана! А когда удалось ее убедить, в здании мы нашли опустевшие залы, да пару улыбчивых людей в штатском. Они сказали: все руководство буквально только что переместилось в основной штаб, в здание городского отдела милиции.

Нас подхватила машина «Скорой помощи», но командиров мы не могли найти и в штабе. Я был зол и прорвался сквозь охрану, мы поднялись на второй этаж, стали искать по кабинетам, дергать всех встречающих: где Ерин, Степашин, где остальные все?! В это трудно поверить, но они прятались от парламентарей! Только что были, а теперь – нет. У некоторых дверей насмерть стояли накачанные парни в штатском в оттопыренных пиджаках. Добиться от них ответа на то, кто за дверью, невозможно. Единственный, кого мы с удивлением нашли, был Жириновский. Он сидел на третьем этаже в отдельном кабинете, вольготно развалившись на диване, в окружении своих партийных холуев. Однако же и он, видно, был ошарашен неожиданной встречей. Увидев знакомое лицо, врачи обрушились с криками: «Что вы здесь сидите!? Вы что, не понимаете, там же людей убивают?!» На что Жириновский, сообразив, что ему ничто не грозит, предложил: «Да присядьте сюда, отдышитесь, хотите чаю или чего покрепче?»

Врачи отматюгали Жириновского и побежали вместе со мной искать хоть кого-то из тех, кто способен был остановить уничтожение больницы.

В коридоре я увидел идущего мне на встречу человека, налетев на него я

Врачи-парламентары

спросил: «Ерин где?» Растерявшись, он рыскнул глазами в сторону соседней двери... Мне было достаточно, я предъявил депутатское удостоверение охраннику и с нажимом потребовал, чтобы он доложил, что депутат Государственной Думы и парламентары из больницы требуют приема. Помявшись, охранник скрылся за дверью, потом вышел и пропустил меня, загородив путь врачам.

С ним спорить не имело смысла, я вошел. В маленьком кабинетике за столом сидел человек с землистым лицом булгаковского Шарикова, он смерил меня взглядом и, видимо, остался недоволен тем, что подпустил меня к себе. Наверное, он ожидал увидеть солидного дядю из московской элиты, а когда я сказал, что нахожусь в составе группы Ковалева, его челюсть окаменела.

– Слушаю вас, – сказал он.

Я объяснил, что привел в штаб парламентаров из больницы, что врачей надо выслушать.

– Зачем?

– Но ведь там уже погибло много людей. Послушайте, что предлагает Басаев!

– Все идет по плану, мы оказываем давление и дождем.

– А люди?

– Я не верю в большие жертвы, заложники останутся живы.

– Но парламентаров то вы примете?

– Нет. Что происходит, я и так знаю.

– Вы понимаете, что будете нести ответственность?

– Идите и не мешайте.

Выскочив в коридор, я в бешенстве побежал вниз, врачи за мной. По дороге рассказал о «содержательном» разговоре, в голове стучало: что делать? Ведь они не остановятся!

Мы вышли из здания и остановились на ступеньках внизу, на площадке перед входом стояла толпа журналистов. И здесь я уже просто закричал: «Люди! Вот двое врачей, которых только что выпустил Басаев, они искали начальство! Но Ерин отказался принять парламентаров!»

Тут на меня кинулся охранник Жириновского. Он взбегал ко мне по ступеням, глаза бешеные, занесенная наотмашь рука толщиной, наверное, с мою ногу! Я подумал: ну вот тут мне и конец. Встретился с ним взглядом, но на предпоследней ступеньке он все же затормозил, а кто-то постарше оттащил его в сторону.

Народ зашумел, а журналисты схватились за телефоны. (Позже я прочту в «Российской газете» заметку некой Т. Шутовой под названием «Грели руки у пожара», она сходу назвала нас «бункерной депутатской группой», а я, оказываясь, звал жителей идти к больнице и стать там живым щитом для террористов. Такой лжи мы еще услышим немало.)

Я видел, что врачи на грани срыва, они никому не были нужны. Единственное, что я мог сделать, увести их к нам, в здание городской администрации. Мои товарищи были там и находились в неведении, в штаб их не пускали, глава го-

родской администрации, у которого в больнице была жена, тоже ничего не знал. От врачей депутаты слышали, что заложников в больнице больше тысячи, что при обстреле больницы уже погибли десятки заложников, много раненых!

Меня тоже трясло, описав все, что видел, я сказал, что, судя по нежеланию генералов говорить с парламентарями, безумный штурм может возобновиться в любую минуту. (Так оно и было, по словам начштаба подразделения «А» Савельева, второй заход на больницу планировалось осуществить уже общими силами, бросив в дело все имевшиеся под рукой войска МВД. С этой целью подогнали 50 единиц бронетехники! Позднее я слышал, что где-то на окраине экскаватор уже рыл братские могилы для заложников...)

Приехавшего ночью С. Говорухина мы нигде не видели, да и не искали. Сергей Адамович потребовал, чтобы ему дали дозвониться до Москвы.

Глава администрации, которого военные тоже обманули со штурмом, предоставил свой телефон. Стали звонить в Москву, пытаюсь найти Черномырдина. Не удалось. Дозвонились до Гайдара. Ковалев передал все то, что мы узнали на тот час. Взяв трубку, я, волнуясь, дополнил рассказанное подробностями.

Е. Гайдар «Дни поражений и побед»:

«Очень хорошо представил себе дальнейшее развитие событий. Никакая «хирургическая операция», разумеется, не получится, заложников освободить не удастся, будет кровавое месиво. После этого – массовые, стихийные, частично инспирируемые античеченские выступления по всему Северному Кавказу, в других районах России, случаи самосуда, ответные террористические акты и как неизбежная реакция на них ужесточение полицейского режима, введение чрезвычайного положения. И прощай, демократия...»

Ковалеву передали через одного из отпущенных заложников предложение Басаева договориться о временном прекращении огня и в обмен на него отпустить часть беременных женщин и женщин с новорожденными из родильного отделения. Сергей Адамович просит меня связаться с кем-нибудь из руководителей, способных принять такое решение, попытаться убедить в его необходимости. Ельцина нет в Москве, он вылетел в Канаду на совещание «семерки». Прямо из дома по городскому звоню Виктору Черномыр-

дину. Практически в ту же минуту соединяют. По опыту знаю, что именно в таких кризисных ситуациях у премьера иногда вдруг неожиданно смолкает телефон, никому не хочется брать на себя ответственность. Передаю Виктору Степановичу содержание разговора с Ковалевым, убеждаю в необходимости прекратить огонь. Надо спасти хотя бы столько людей, сколько можно спасти. Он соглашается, говорит, что отдаст соответствующее распоряжение».

Нас зовут в штаб, оказывается из него можно позвонить в саму больницу. Звоним, Сергей Адамович называет себя и говорит, что хочет говорить с Басаевым. Тот берет трубку и Ковалев объясняет ему, что мы приехали с целью наладить переговоры, что на это есть предварительное согласие премьер-министра, но требование о немедленном выводе войск из Чечни технически невыполнимо, для этого нужно как минимум время. Если Басаев снимает это требование, то можно говорить о прекращении боевых действий и освобождении заложников.

Басаев соглашается, и Ковалев перезванивает Гайдару, чтобы тот сообщил Черномырдину об успешном начале... Позже позвонил уже и сам Черномырдин, он переспрашивает: «Так что там происходит?» Ковалев объясняет. Черномырдин говорит: «Хорошо, я вам поручаю это дело. Надо спасать людей. Обговорите условия, сообщите». Ковалев отвечает: «Да мы, собственно, именно для того сюда и ехали! И мы бы это сделали еще вчера! Но нужен прямой контакт, надо чтобы нас в больницу пустили!»

Когда Басаев узнал, что вести переговоры по поручению Черномырдина будет С. Ковалев, то ответил согласием: «Хорошо, приезжайте, будем говорить. Кого считаете нужным, берите с собой, захватите еще этого, как его, Кашпировского, его тут женщины очень ждут».

Оказалось, что психотехнолог и депутат-жириновец Кашпировский приехал в Буденновск еще до нас и, пока шла неразбериха и растерянные генералы не спешили брать на себя ответственность, он заявил растерянным командирам, что готов говорить с Басаевым и вывести из больницы часть заложников. Обращенные вояки дали ему телефон. По словам опытного манипулятора, он решил сыграть «на слабо». Через помощника Басаева он передал ему вопрос: боится ли тот с ним встречаться. И, конечно, получил ответ Шамиля о том, что тот ничего не боится и готов к встрече. С ним отправилась еще какая-то пара начальников, которые попытались надавить на Басаева, в частности, местный казачий авторитет Ю. Чуреков сказал ему о том, что казаки взяли в заложники 200 местных чеченцев. И если он не сдастся, будут расстреливать. Такое решение действительно было оформлено на «Большом Казачьем Круге» Пятигорского и Терско-Малкинского Казачьего войска с подачи московского начальства. «В противном случае силами казачества Терского казачьего войска (ТКВ) будут задерживаться все чеченцы, проживающие на территории ТКВ, в количестве, в три раза превышаю-

щем число заложников в Буденновске. Эти заложники-чеченцы будут уничтожены в случае невыполнения ультиматума ТКВ».

На это Басаев сказал: «Настоящие чеченцы защищают родину, а эти, которые здесь живут, они предали свой народ. Можете расстреливать!»

«Переговорщики» ушли, а Кашпировский остался, заявив, что будет живым щитом для заложников. Басаев потребовал, чтобы к нему в больницу пропустили журналистов, сказал, что хочет сделать заявление. Ему отказали. Тогда он выпустил группу врачей во главе с кардиологом И. Правдиным и пригрозил, что, если не будет пресс-конференции, расстреляет пять заложников. Через час, посоветовавшись, начальники соврали ему, что журналисты отказываются идти.

Корреспондент «Независимой газеты» А. Рябушев писал потом:

«Помню, как в Буденновске ближайший помощник тогдашнего директора ФСБ Сергея Степашина Андрей Черненко, ныне замминистра внутренних дел, не поверил, что Басаев готов расстрелять заложников, если не придут журналисты. Восемь часов журналистов держали на жаре, пока в горотдел милиции не примчалась врач Вера Чепурина, отпущенная для передачи требований Басаева, и не крикнула в лицо журналистам, что из-за них чеченцы расстреляют людей».

Рассказывает Н. Гритчин (газета «Известия»):

«После того, как пресса не пожаловала в больничные покои к назначенному сроку – 14 часам – он еще дважды делал отсрочку, а в 18 часов приказал расстрелять пятерых молодых парней из числа заложников.

Об этом рассказали журналистам медики, заместитель главного врача больницы П. Костюченко и зав. хирургическим отделением А. Скворцов, приехавшие к штабу около семи вечера. Они сообщили: если в 20 часов прессу не доставят в больницу, погибнет еще десять узников. Таков ультиматум боевиков. Дальше медлить было преступно. Тем не менее автобус с журналистами тронулся от штаба только в восемь часов».

Снова Гритчин: *«Врачи в белых халатах или впереди колонны и махали руками над головой. Здание больницы с тумбочками на месте выбитых окон казалось вымершим. Но когда мы попали во двор, створки уцелевших окон стали открываться. Боевики в камуфляжах направили на нас автоматы. Прозвучал приказ остановиться. Началась медленная процедура проверки документов и обыска. Из некоторых окошек выглядывали медсестры и санитарки. Не успели боевики досмотреть и третью часть нашей делегации, как со стороны города застучали автоматные очереди. (В отличие от “Известий”, газета “Российские вести” соврала о том, что стрелять начали боевики, а Басаев грозит расстрелом всех заложников.) Над головами засвистели пули. Забаррикадированное здание оцетинилось ответным огнем. Боевики разрешили напиранию толпе втиснуться в узкий проход и заперли дверь на запор.*

В остальном порядок приема не изменился. Каждого тщательно досматривали, требуя не бросать никаких вещей, настаивая на обязательном возвращении владельцу даже использованных проездных билетов. Далее наш путь лежал на второй этаж, коридоры которого были плотно забиты главным образом сидящими заложниками. Этаж наполнился стонами, плачем, причитаниями. Мы двигались сквозь жестокий строй страха, боли, безмерного страдания. В молящие и испуганные глаза, устремленные на тебя со всех сторон, невозможно было смотреть без содрогания. Женщины уговаривали нас забрать их с собой, жаловались на отсутствие еды, вспоминали брошенных дома детей, просили рассказать правду об увиденном. Самая главная правда заключалась в том, что счет заложников идет не на сотни, о чем вещают представители штаба, а на тысячи.

Раненные после штурма больницы заложники.

Замглаврача П. Костюченко сказал нам, что в главном корпусе больницы сейчас более двух тысяч человек... В их числе 300 медработников и 400 больных. В родильном отделении есть беременные и матери с грудными детьми. Общее же количество заложников, по данным дудаевцев, составляет около пяти тысяч человек.

Наша экскурсия неожиданно прерывается вспыхнувшей ожесточенной перестрелкой. Зве-

нят разбитые стекла, плач в коридоре усиливается. Мы лежим на полу впремежку с заложниками и боевиками. Последние матерятся на российских военных, которые обещали не стрелять. Как только наступает затишье, нас спешно переправляют в подвал. В нем на середине выставлены несколько стульев. Начинается пресс-конференция. Ее открывает и ведет известный многим из нас по Чечне боевик номер один Шамиль Басаев.

Свою группу он называет разведывательно-диверсионным батальоном, задачей которого было добраться до Москвы и взять Кремль. “Мы хотели посмотреть, – говорит Шамиль, – как российские власти будут бомбить свою столицу”. Воевать в Чечне боевикам надоело. Надоело смотреть, как убивают мирных людей в селах. “Мы стреляем по военным, они – по нашим деревням”. Идет война на уничтожение чеченского народа. Сам Шамиль, по его словам, в результате бомбардировки села вакуумными бомбами, в один день потерял всю свою многочисленную родню, включая грудных детей.

Селяне попросили боевиков покинуть населенные пункты. Так родилась идея поездки в Россию, главная цель которой, прекратить войну или умереть, унеся вместе с собой как можно больше жизней россиян. Собеседник отверг предположение о том, что его батальон послан по заданию Д. Дудаева или А. Масхадова. «Эту акцию мы спланировали самостоятельно», – сказал он. Басаев не имел возможности даже известить своего президента об отъезде, поскольку после падения Ведено связь с руководством республики у его отряда отсутствовала.

...Вооруженное сопротивление, которое они встретили на улицах, было для боевиков неожиданным. Когда Шамилю сообщили, что ранено 20 бойцов и местные медики, вместе с пострадавшими жителями, отвозят их в больницу, он принял решение гнать заложников туда. Не захотел бросать своих ребят, хотя предварительная договоренность у них на сей раз была беспрецедентная: из-за раненых не задерживаться. Свои потери в день захвата Буденновска Басаев исчисляет таким образом: 8 человек погибли и 12 (а не 20, как первоначально ему докладывали) ранены. Судя по дальнейшему его рассказу, потери в батальоне были и позже от пуль российских снайперов. В ответ Шамиль приказывал расстрелять заложников. Командир поддерживал высказанную на пресс-конференции одним из своих подчиненных идею о том, что здесь, в больнице, они устроили фильтрационный лагерь по примеру российского в Чечне. Кандидаты на расстрел отфильтровываются в первую очередь из числа военнослужащих и работников милиции. Басаев обещает не расстреливать простых людей. Но в случае штурма здания российскими подразделениями намерен это сделать. Касаясь возникшей при нашем подходе к зданию пальбы, Басаев предположил, что российские военные лупили именно по журналистам. Нас, по его словам, спасла детальная проверка внизу, которая выполнялась по его указанию. Если бы мы без промедления проследовали в приготовленную для встречи комнату на втором этаже, среди нас, считает Шамиль, были бы потери. Огонь был направлен в это помещение, там ранена санитарка. Напоследок комбат повторяет свои требования: прекращение войны в Чечне, отвод российских войск, мирные переговоры на высшем уровне.

Нас снова ведут по плачущим коридорам. Пересчитывают. Все сходится. Шамиль отправляется звонить в штаб, чтобы в нас не стреляли. Среди боевиков видим хлопчика лет пятнадцати с автоматом в руках. Несмотря на ранение, он держится бодро. Мимо нас проходят молодые чеченки с оружием в руках. У одной из них, довольно юной, лицо спрятано под маской. Вообще лица свои боевики предпочитают не демонстрировать перед телекамерами, многие даже запрещают снимать себя. Один из дудаевцев просит нас проверить содержимое своих карманов и сумок и назвать пропажу. Таковая обнаруживается: коллега, когда лежали на полу во время обстрела,

потерял пейджер. Боевик подозрительно расспрашивает о предназначении вещицы. Когда некоторые иностранцы демонстрируют такие же, успокаивается. Разрешение на выход получено. Мы медленно движемся по темной притаившейся улице до команды: «Стой! Двигаться по одному! Дистанция десять метров. Приготовить документы для проверки». Это уже свои».

А вот рассказ замглавы Ставропольского края А. Коробейникова (газета «Кавказский край», 1995 г.):

«Я попробую начать с первых переговоров с Басеевым. Когда он высказал свои требования, стало сразу понятно, что это совершенно не те люди, с которыми мы встречались во время терактов в Минеральных Водах. Те требовали денег, а когда видели, что обстановка меняется не в их пользу, начинали искать лазейки и идти на компромиссы. А Басеев сразу заявил: никаких уговоров, никаких компромиссов, никакой игры. В случае невыполнения договоров будут расстреливаться заложники. А в больнице две тысячи человек, больные, роженицы, семьдесят детей. Подобного захвата в мировой практике не было.

Можно представить, насколько слаженными, четкими должны были быть действия принимающих решения, если ценой им становились человеческие жизни. Как все получилось, покажу на маленьком эпизоде. На второй день Басеев потребовал журналистов: хотел дать информацию, какую цель преследует акция, сколько заложников, ответить на вопросы. Поставил ультиматум: если к двум-трем часам прессы не будет, он расстреляет пять заложников. Мы интенсивно поработали, собрали группу представителей СМИ, к обеду они были к встрече готовы. Вдруг министр внутренних дел Виктор Парфенович Ерин заявил, что журналистов направлять нецелесообразно.

– А чем он мотивировал? Боялся за жизни, не хотел разглашения чего-то... Эти люди не объясняют. Нецелесообразно – и все. Мы с ним поругались, я настаивал на том, чтобы собрать штаб и проголосовать. Два часа голосовали, уже пять вечера, намеченный срок давно прошел. Меня поддержали Виктор Медведицков, Олег Романов. В общем, в пять я вышел на Басеева, извинился за задержку, сказал, что сейчас отправляем, идет посадка. Когда автобус тронулся, снова позвонил: всё, поехали. Через два часа звонит Басеев: «Ты мерзавец, подонок, негодяй, журналистов нет». Я бегу выяснять, оказалось, что по команде Ерина автобус загнали в тупик, дорогу перекрыли. А время идет. Звонит Басеев: «Пять человек расстреляли». Уже восемь часов, снова собираем штаб, снова разговоры. К счастью, они только симитировали расстрел: вывели пятерых ребят к стенке, дали выстрелы, но поверх голов.

И таких случаев было очень много».

Историю об ультиматуме пытались скрыть. Но она стала известна, как и то, что число заложников действительно тысячи, в этом убедились побывавшие в больнице журналисты. Там они увидели и Кашпировского, который сначала пытался гипнотизировать Шамиля, но оказалось, что джигиты ему не по зубам... Теперь он с удовольствием позировал перед журналистами рядом с Басаевым. В течение дня, который он провел в больнице, то ли сознательно, то ли по глупости он успокаивал Басаева, повторяя ему то, что наказали ему глава ФСБ Степашин и генерал Егоров. Он убеждал Басаева в том, что через Степашина уже связался с Черномырдиным и премьер якобы завтра прилетит в Буденновск на переговоры. На самом же деле новоиспеченный директор ФСБ докладывал не о провале штурма, а в свою очередь тоже успокаивал Черномырдина, убеждая в том, что все идет по плану... (Из разговора Е. Гайдара с премьером стало понятно, что провал штурма и большие жертвы – для него новость.) В действительности силовики готовились к новому штурму и уже подогнали к больнице до полусотни разной бронетехники. К вечеру Кашпировский связался со Степашиным и узнал, что готовится штурм. Тогда он тихо свалил из больницы вместе с частью освобожденных боевиками женщин и отправился на заработки в Старый Оскол, где его выступлений и заряженной им «целебной энергией» поваренной соли ждали поклонницы.

Черномырдин распорядился об оказании нам всяческой поддержки в переговорах, и это спутало планы силовиков. Мы были готовы ехать в больницу хоть ночью, но штабные воспротивились, сказав о том, что двигаться туда в темноте опасно. Когда утром Ковалеву наконец дали машину, он распорядился: «Поедут со мной Орлов от «Мемориала», Курочкин от Совета Федерации и Рыбаков». Валерий Борщов, депутат от «ЯБЛока», стал возмущаться, почему не он? Валерий – замечательный человек, чтобы спасти людей он всегда готов идти под пули. Но поехал все-таки я, поскольку встречался с Басаевым раньше, а это давало больше шансов на контакт. Вместе с нами на переговоры поехал руководитель комитета по делам национальностей Ставропольского края Сергей Попов. В машину сел Валерий Яков с радиостанции «Свобода», змейкой проскользнула Юлия Калинина из газеты «Московский комсомолец». У В. Якова или А. Бабицкого, когда они ходили на пресс-конференцию в больницу, был с собой электрогенератор, ведь электричество в больнице было отключено. Он остался там и очень пригодился, когда телевидение показало переговоры Черномырдина с Басаевым и последний поверил в то, что договоренность о мире не блеф.

Конечно, ехать к террористам было страшно. Пойдут ли они на переговоры или мы окажемся козырной картой в шантаже российских властей, мы не знали. Но и оставаться бессильными свидетелями продолжения бойни было нестерпимо.

Наш микроавтобус миновал последнее оцепление. Снаружи, у первого кольца, остались казачки и те жители, которых налет не коснулся, они бузят, требуют штурма и расправы над депутатами.

У второго, ближнего кольца – те, у кого в больнице родные, эти молча смотрят нам вслед. Каждое окно в больнице, наш автобус и все вокруг под прицелом, где-то сжимают зубы товарищи погибших из «Альфы», они готовы стрелять и стрелять. Притаившись, в тени разбитых больничных переходов, следят за местностью и за нашим автобусом смертники Шамиля Басаева.

Мимо сгоревшего БМП въезжаем на территорию осажденной больницы по битому стеклу и осколкам. Напряженная, хрустящая тишина. Понимаешь, что если сейчас хлопнет чей-нибудь выстрел, ответом станет огонь с обеих сторон, и нам уже не уйти... Умом понимаешь, но все равно не верится...

Машина становится вплотную к входной двери, мы выходим. Встречающие чеченцы проверяют наши документы, проходим на лестницу. На первой площадке лужа крови и мозгов. Пуля прошила чью-то каску, голову и еще раз каску навылет. Потом выяснилось: ночью там стоял подросток-чеченец, он, уже будучи раненым, получил пулю из СВД... Ему было семнадцать, единственный, как сказал Басаев, попавший к нему по дудаевскому призыву. Остальные – добровольцы постарше.

Поднимаемся вверх и вот уже собственными глазами видим больницу. Вперемешку старые и малые, женщины, дети, больные, врачи, санитарки. Раненые – кто только что, при обстреле, кто раньше – при захвате.

Проводят в ординаторскую – штаб террористов. Окна здесь частично прикрыты другой частью того же здания, поэтому здесь чуть безопаснее.

Вот и Басаев. На лбу зеленая повязка, на ней арабская вязь. «Воин аллаха». Бледный, как потом выяснилось, легко ранен. На груди патронташи с подствольными гранатами. На ногах больничные тапочки, что придает ему вид человека, который никуда не собирается. С ним еще несколько боевиков, остальные на постах.

Басаев предлагает Ковалеву стул, а нам говорит: «Вы пройдите по этажам и посмотрите, что натворили ваши федералы!» Натворили, конечно, не только федералы, но спорить не время. Надо прикинуть реальное число пленных.

Мы с Курочкиным обходим больницу. Людей невероятно много. Есть мины, гранаты на растяжках, на этажах канистры с бензином, баллоны с кислородом. На полу лужи полусохшей крови, стены в следах от осколков и пуль. Ходить трудно не только потому, что все смотрят на тебя с немым вопросом, а дети плачут, но и потому, что в тесноте просто ногу поставить некуда.

На меня срывается кто-то из медперсонала: «Что, тоже посмотрите и уйдете, как ваш Кашпировский? А нам здесь погибать?» Объясняю, что не уйдем. Не верит.

В полусгоревшей операционной на столе накрытый простыней труп: женщине делали операцию, начался штурм и пожар, ранили врача, спасти больную уже не смогли.

Нам рассказывают о беременной женщине, которой взрывом снаряда оторвало руку, другая, капитан милиции Лена Симонова, во время штурма спряталась в медицинском шкафу. Но осколки влетевшей в окно гранаты РПГ нашли ее и не родившегося ребенка и там.

В сопровождении боевика я спустился в большой подвал, где на полу и вдоль стен сидели заложники-мужчины. Они напряженно всматриваются: с чем пришли, еще кого-то уведут на расстрел? И что за человек в белой рубашке ведет себя свободно? Я называю себя, вижу свободную табуретку, ставлю ее на середину, сажусь. И слышу:

– Э, не надо там! Тут все простреливается.

Хочется пересесть, но уже неловко, махнув рукой, остаюсь, продолжаю:

– Я депутат Государственной Думы, из группы уполномоченного по правам, мы здесь по поручению премьер-министра Черномырдина. Мы начинаем переговоры. Стрельбы не будет. Мы договоримся о вашем освобождении. Ждите.

Виктор Курочкин ходил по другим этажам и сделал много фотоснимков, вместе мы вернулись в ординаторскую. Там Ковалев уже поставил перед Басаевым условие: прежде чем мы начнем переговоры, он должен сделать первый шаг – отпустить группу заложников, лучше всего оставшихся в больнице женщин и детей. Абрек усмехнулся и сказал:

– Я уже отпускал женщин, а вы все равно штурмовали. Отпущу последних, и вы снова будете стрелять?

– Нет, этого не будет! – говорит Ковалев.

– Гарантии?

– Гарантией будем мы, мы останемся здесь и будем заложниками вместо них.

Так был решен вопрос с освобождением женщин и новорожденных из родильного отделения, детей до 12 лет. Но Басаев не торопился выпускать их, ожидая каких-то гарантий от премьера. Ковалев звонит Е. Гайдару, просит передать, что дальнейшее зависит от Черномырдина. Гайдар звонит премьеру, но его не соединяют, тогда он дает информацию на телевидение, что у него ценная информация из Буденновска, но он не может передать ее главе правительства. Тут же раздается звонок, Черномырдин слушает и подтверждает Басаеву наши полномочия для ведения переговоров.

К нам присоединяются зашедшие в больницу мэр Буденновска и представитель чеченской диаспоры в Москве, председатель Конституционного суда Чеченской Республики Ихван Гелиханов. В процессе уточнения сформулировали, что все боевые действия в Чечне прекращаются, происходит развод войск, немедленно начинаются переговоры, а все вопросы по урегулированию конфликта решаются только мирным путем.

Проект соглашения Ковалев, а потом и Басаев по телефону зачитали Черномырдину. Он дает добро. Но тут пошла какая-то правка: из текста пропадает фраза о том, что «все остальные вопросы, в том числе и развод войск, решить исключительно мирным путем на основе переговорного процесса». Черномырдин пытается уклониться, Басаев настаивает.

Из аудиозаписи, которую вела Ю. Калинина: *«Прекратить военные действия – это одно. А мирным процессом решить остальные вопросы и развод войск – это совсем другое... По-моему, вот эти депутаты от правительства РФ по вашему поручению, Рыбаков, Ковалев, Курочкин, они по вашему поручению от правительства со мной подписывали? Ну так мы согласовали текст? А с какой стати его менять, причем убирать целые абзацы? Ну вот текст, который я вам прочел еще утром. А без этого предложения я не согласен, вы что! Боевые действия можно прекратить и через два дня опять начать».*

Басаев оговаривает условие о том, что на каждого боевика возьмет с собой по заложнику и обещает, что из Чечни отпустит их домой. Заявляет, что в противном случае остается в больнице.

Но потом он спохватывается и выдвигает новое требование: чтобы сам факт этого соглашения был озвучен по телевидению. Видимо, опасается, что потом глава правительства может сказать, будто ничего не обещал, а войскам отдадут приказ стрелять. Мы убеждаем его в том, что будет лучше, если он уже сейчас отпустит женщин и детей. Ведь мы все равно останемся. Он соглашается, вскоре вся страна увидела на экранах телевизоров освещенную утренним солнцем толпу женщин в ночных рубашках, бегущих из больницы с младенцами на руках...

Ковалев сообщает премьер-министру о том, что часть заложников отпущена, но Басаев хочет убедиться, что соглашение не тайна, а для этого Черномырдин

должен выступить по телевизору и подтвердить, что получил его текст и лично является гарантом соглашения. 18 июня все мировые каналы показали телефонный разговор, в котором Черномырдин говорит: «Здравствуйте, Шамиль Басаев! Я официально вас заверяю сейчас, заявляю перед всеми, что сейчас прекращаются все боевые действия и бомбардировки в Чечне, организовываем переговорный процесс. Да, я согласен. Да, мы прекращаем войну в Чечне, а вы освобождаете заложников. Мы даем транспортные средства, вы уезжаете».

Премьер-министру такой публичный разговор тоже, я думаю, был нужен, он понимал, что закулисно подписанное соглашение будет использовано против него кремлевскими интриганами, его будет легко обвинять в чем угодно, а после телеэфира, после проявленной им заботы о заложниках это будет труднее.

Благодаря привезенному в больницу электрогенератору был включен телевизор и Басаев смог сам убедиться, что гарантии Черномырдина прозвучали на весь мир.

Потом официоз объяснял договоренность результатом предпринятого штурма и даже бывшие с нами журналисты ни словом не обмолвились о том, что без нас не было бы реальных переговоров, что не только рожениц, но и 111 последних остававшихся в больнице женщин освободили еще до отъезда террористов потому, что вместо них добровольными заложниками стали депутаты-гайдаровцы.

Кроме представителей правительства, которыми стали мы, соглашение подписали представители краевой администрации. Ибо условиями договоренности было еще и то, что администрация предоставит автобусы, а затем будет способствовать продвижению колонны по своей территории. По своей, следовательно, за пределами края оно уже не действует? Но тогда на это не обратили внимания.

Когда мы еще уезжали из буденновского штаба, Степашин попросил Ковалева, чтобы тот получил согласие Басаева забрать тело погибшего солдата из штурмовой группы, лежавшего в десяти шагах от больницы. Альфовцы, которых генералы только что бездумно посылали на убой, бунтовали, и начальству нужно было сделать для них хоть что-то... Басаев сказал, забирайте, сотрудник краевой администрации Сергей Попов и кто-то еще унесли его, рискуя подорваться на минах. Но в больнице

С.А.Ковалев, Ш.Басаев, Ю.А.Рыбаков. Подписание Соглашения о прекращении войны и освобождении заложников.

Согласованный текст на 10-14 мин. 18.06.95г.
от освобожденных заложников
г. Буденновск

Обязательства:

— со стороны Правительства Р.Ф. в лице председателя
Правительства В.С. Черномырдина:

1. Немедленно прекратить военные действия
и бомбардировки на территории Терми.

Все остальные вопросы, в том числе и
навод войск, решить исключительно
мирным путем на основе неготорного
процесса.

Лицо уполномоченное вести переговоры
с чеченской стороны, Усман Исаев.

Со стороны Шамши Басаева:

1. Освобождение заложников за исклю-
чением группы обеспечения гарантии
безопасности.

Время исполнения:

1. Завершение Председателя Правительства РФ
Черномырдина

2. Освобождение заложников в количестве
около 20 человек м. Басаевым сразу после
высвобождения Черномырдина В.С.
Остальные за исключением группы
обеспечения гарантии безопасности
отпускаются в течение времени обеспе-
чения безопасности выезда группы
м. Басаева

18.06.95г.

10ч.03м

Шамши Басаев

От Правительства РФ по поручению В.С. Черномырдина

глава делегации Р.К. Р.Ковалев

документ № 12 от 18.06.95г. со стороны мек-й делегации Хангобали Исаев

Федерация спорта Федерации Р.К. / Курбанов В.Р.

пом. Ковалева Орлов / Орлов О.П. / "Мемориал"

были еще и тяжелораненные заложники. Чеченцы не хотели выходить на улицу под огонь, тогда мы с Поповым и Курочкиным вынесли и загрузили их в три или четыре подъезжавшие по очереди машины скорой помощи.

Тут позвонили из штаба по телефону и очень настойчиво попросили Ковалева выйти из больницы. Мотивировали так: «Необходимо, чтобы вы немедленно присоединились к работе штаба по выезду басаевского отряда в сторону Чечни». Сергей Адамович передал просьбу Басаеву и пообещал, что вернется. Басаев согласился.

Ковалев и его помощник Орлов уехали, а мы с Виктором Курочкиным остались. В конце дня в ординаторской включили телевизор, и мы слышали, что недавно в селе Ведено бомба попала в дом Басаевых, погибло 11 человек, в том числе дети. Он сидел рядом неподвижно, молча...

Вечером опять началась стрельба по больнице. Правда, не шквальная, как поутру, но то очередь по больничному корпусу, то снайперский выстрел, пули вгрызаются в стены.

Мы сидим в ординаторской, Басаеву докладывают: БТРы, БМП, маневрируя, подвигаются к больнице. Заметно передвижение солдат. У боевиков готовность № 1. Темнеет. Снова стрельба, вот гранатомет шарахнул, в палатах и коридорах паника.

Похоже, что федеральные войска готовятся к новому штурму или провоцируют на огонь из больницы. От чеченцев я уже слышал, что во время штурма заложники, обезумев, в отчаянии просили у них оружие, чтобы отстреливаться от своих «спасителей». Врачи, подтвердив мне это позже, рассказывали, что чеченцы отвечали заложникам: вот убьют нас, потом будете стрелять.

Басаев скомандовал: «Не поддаваться на провокации!» Где-то уже к полуночи чувствуем, дело-то совсем плохо. Курочкин снимает трубку, в штабе отзываются, он говорит: «Я член Совета Федерации, требую немедленно соединить Басаева с Москвой, с Черномырдиным!» Там почему-то пугаются и дают Москву, через какое-то время в трубке вдруг звучит голос Черномырдина. В моей памяти осталось, что Басаев не стал разговаривать с премьером, но в интернете нашелся текст записи, которую сделала тогда Ю. Калинина, оказалось, что их разговор все же был:

«19 июня, два часа ночи:

Ш. Басаев: «Виктор Степанович! В данное время БМП выстрелила, двоих ранили, одного солдата моего и одну женщину, гражданскую. Пять минут вот. И сейчас я у трубки сижу – автоматная очередь была. Здесь депутаты, журналисты, они могут подтвердить... Как это “дураков мало”? Если это не выполняется, где гарантии, что остальное будет выполняться?

Отведите их, если у вас такие нервные войска. Мы же не собираемся никуда бежать. Мои? Мои не стреляют. Это несерьезно с вашей стороны так говорить. Тут депутаты есть, ваши же. Если будет продолжаться обстрел

и у нас будут еще раненые, я вам ответственно заявляю, что я от всех предложений, от всего откажусь. Виктор Степанович, вы не можете этого делать, потому что с нашей стороны нет выстрелов и прочих провокаций. Я хотел бы просто узнать, кто у вас полномочный представитель, который за весь этот бардак отвечает. Хоть один человек есть? Он, Ерин, да, главный? Он за порядком следить не может.

Вот сейчас опять они технику продвигают. Но если так будет, мы ни к чему не придем.

Ерин-то не придет сюда. Пусть вон техника не двигается, не стреляют – это и есть спокойствие.

Виктор Степанович, как может быть железная гарантия, если нельзя здесь элементарно остановить эту стрельбу? Не верю уже. Ну, посмотрим. Если сегодня ночью будет продолжаться обстрел. Если у меня раненый или убитый кто будет, я за это отвечать должен? Тем более если уже договорились, что всё, кончено.

Дозвониться не смогу. Потому что связи здесь и так нет нормальной.

Разве это связь?

Я свои обязательства выполнял и буду выполнять при одном условии. Если у меня сегодня убитые или раненые будут, я оставляю за собой право решать. Потому что мне без разницы. Я смертник.

Я не про штурм говорю. Штурм меня не беспокоит. Говорю, вот эти беспорядки. Не лучше будет, если вы конкретный приказ отдадите своему министру Ерину, чтоб он конкретно за это отвечал, за каждый выстрел.

Ну, отдайте приказ, и пусть он сам проходит по всем позициям и каждого солдата по башке бьет и говорит, чтоб не стрелял. Вот это будет порядок».

Из угла ординаторской он передает телефонную трубку нам. Мы с Виктором пригибаясь, сидим на полу под окнами, подниматься опасно. Дальше уже по памяти.

В. Курочкин: «Виктор Степанович, мы же подписали соглашение, договорились, а они опять стреляют!»

Но Черномырдин, наверное, спросонья не понимал, что мы звоним из больницы. Курочкин объяснял, потом я: «Да, Виктор Степанович, стреляют! Кто? Нет, не чеченцы! МВД стреляет!»

Черномырдин в сердцах: «Да быть того не может! Ну, мать их! Идиоты!» Лежа под окном, очень вежливо объясняю ему: «Здесь есть те, кому выгодно кончить все кровью». Отвечает: «Да, понимаю, есть там...»

Связь прервалась, а когда я отставил телефонную трубку от уха, услышал злой окрик Басаева: «Я что велел сказать! Ты что, оглох?» А я действительно оглох, но еще полгода назад в Грозном. С тех пор слышу только одним ухом, которое и было занято телефонной трубкой. Поэтому, пока говорил с Черномырдиным, не слышал, ни как пули прошили комнату над нашими головами

и отрикошетили в коридоре, ни Басаева, который хотел, чтобы Черномырдину об этом сказали.

По словам Е. Гайдара, штурм действительно готовился, он узнал об этом от С. Ковалева, которого не выпускали из штаба, но ему все же удалось дозвониться до Москвы. Гайдар еще раз связался с Черномырдиным, но тот не мог поверить в то, что после того, как он в публичных переговорах с Басаевым пообещал мир, кто-то будет его срывать. Убедило его только наше свидетельство из больницы. Вскоре стрельба прекратилась, бронетехника отползла. Я все же ушел в соседнюю палату, хоть там, по словам Курочкина, лежал, завернутый в ковер труп одного из боевиков. Но в тесной ординаторской пришлось бы сидеть на полу, не подымая головы, а у меня устала моя больная спина и надо было лечь. В палате я нашел койку, но мне не спалось.

Я понимал, что если мы и переживем эту ночь, то следующий день, скорее всего, будет последним для тех, кто окажется рядом с Басаевым. Как верить обещаниям властей, я знал слишком хорошо. Скорее всего, где-то на дороге нас встретит засада. Сверху ударят вертолеты, спецназ добьет. Заложникам, которые поедут с Басаевым, остаться в живых почти невозможно. Но было это «почти» и оставляло эфемерную, глупую, маленькую, но все же надежду...

Лежа в темноте, думал тогда о разном. О том, что все равно когда-нибудь помирать, что на миру и смерть красна, что прожил и пережил много хорошего, что близких очень жалко, что семью государство обязано будет обеспечить. Но все это не очень утешало, а потому мысль перескакивала с этих тем на более отвлеченные.

Бродили мысли о том, что Российская империя оставила нам в наследство «несварение желудка». Что веками она жила за счет расширения, хапая все больше и больше, но так и не научилась пользоваться добытым. Огнем, мечом и лукавством мы завоевали Кавказ, Азию, Сибирь и Дальний Восток, увеличив свою изначальную территорию раз этак в двести. Вспомнилось, как в самолете, летевшем на Дальний Восток, я смотрел на нетронутые цивилизацией просторы, где уместились бы три Европы. Но если, захватив эти земли и уничтожив местное население, мы не сумели освоить их даже за столетия, гордиться тут нечем. Там, где местное население сгнуло, проблемы носят теперь наш личный и природный характер. Но что делать с выжившими народами, чей менталитет к тому же не поддается ассимиляции? Чья память таит древнюю ненависть к поработителю? Чьи обычаи, чья вера инородны нам также, как наши им?

Да, мы не исключение, весь так называемый цивилизованный мир прошел через колониальную, имперскую фазу. Но мы последние, и наше с ней «расставание» пострашней и потрудней других. Сделанного не воротишь, в Московское или Тверское княжества нам уже не вернуться.

Но и так жить тоже не можем. А еще мы в ответе за своих, за русских, которые выросли на имперских окраинах. Если бы у нас были силы, была возмож-

ность не только позвать: «Дети России – домой!», а еще и помочь им вернуться!

Время и место были не самыми подходящими для философствования. Мне трудно восстановить точный ход своих тогдашних мыслей. Могу лишь как-то обозначить их общую канву. Я думал о том, что люди, привыкшие оперировать «геополитическими» понятиями, не хотят понять, что имперское наследие может стать обузой. Для генералов в форме и в штатском нет сомнений в том, что чем больше территория, тем лучше государство! А чтобы мы прониклись высоким имперским стилем, они толкуют нам об Отечестве и славе предков. Но если поскрести этих людей, под коростой демагогии можно обнаружить, что человеку в их рассуждениях нет места, что «держава», за которую нам должно быть обидно, просто их вотчина. За целостность, за которую, понятное дело, можно пролить не свою, но нашу и, конечно, чужую, кровь.

В темноте, почти не озаряемой осветительными ракетами, пришли и сели в углу двое боевиков. Заговорили по-своему, потом кто-то тихо запел. Я неосторожно шевельнулся, они замерли. Стараясь придать голосу спокойствие, спросил:

– О чем поете, ребята?

– Ты кто?

– Депутат, с Ковалевым...

Несколько слов между собой, кажется, спорят. Потом кто-то говорит:

– Это очень старая песня.

– Про что?

– Ну, про парня нашего. Его окружили. Он поет о том, что умрет, забудут его все, кроме братьев. Они отомстят, а был он хозяином смерти – так поется.

После длинной паузы он же грустным и высоким прерывающимся голосом пробует петь снова. Но замолкает, а потом, очевидно, ругнувшись по-чеченски, уходит. За ним почти неслышно исчезает второй.

Услышанный образ хозяина смерти показался знакомым. Я, кажется, вспомнил эту песню. Удивительно, ведь если это она, то записана еще Львом Толстым. Потом в «Хаджи Мурате» я найду эти слова: *«Высохнет земля на могиле моей, и забудешь ты меня, моя родная мать... Но не забудешь меня ты, мой старший брат, пока не отомстишь моей смерти. Горяча ты, пуля, и несешь ты смерть, но не ты ли была моей верной рабой? Земля черная, ты покроешь меня, но не я ли тебя конем топтал? Холодна ты смерть, но я был твоим господином. Мое тело возьмет земля, мою душу примет небо».*

Прошло более ста лет, прокатились по Кавказу войны и революции, уже не все горцы язык-то свой хорошо знают (в детском доме, где рос Усман, детям разрешали говорить только по-русски), но песня жива. Сама собой жива, не по учебникам, значит, сохранилось что-то от мироощущения предков? «Смертию смерть поправ», – говорит христианство, подразумевая овладение смертью через самоотречение. Но здесь принципиально иное: «Холодна ты смерть, но я был

твоим господином!» Взять смерть, как змею, в свои руки, сделать ее своим грозным оружием, зная, что однажды она обязательно извернется и убьет тебя. Во истину, другой мир!

Я все же проспал несколько часов. Наутро общее напряжение спало. Начались переговоры о порядке выезда басаевцев из города. При этом, как это ни дико, но кто-то еще упражнялся в стрельбе по больнице. А для заложников и раненых нужна была вода. Но была она только в опустевшем родильном отделении, тонко текла там из краника. С банкой туда ходили, а один оконный проем нужно было проскакивать. Где-то сидел снайпер и постреливал. Куда, в кого? По белым халатам, по окнам, в кого ни попадя.

Возвращаясь с водой, случайно услышал разговор очень молодого рыжего чеченца с двумя девочками-медсестрами: «Ну, я дверь-то вышиб, а там мужик бредется, весь в мыле. Хотел я его забрать, а потом посмотрел, плюнул. Побежал другого искать».

Уже за спиной раздался смех. Не успел поставить банку с водой на стол в ординаторской, снаружи щелкнул выстрел, а из коридора, где я только что шел, раздался женский вскрик.

«Опять снайпер, говорю же вам, не ходить туда!» – ругнулся Асламбек- «маленький».

Потом стали появляться представители администрации. Чтобы решить дело с заложниками, которые должны ехать с отрядом, Басаев заявил своим командирам: «Я никого не буду принуждать!» И попросил нас с Курочкиным пойти, объяснить людям: «Мы никого заставлять не будем, и если заложники с нами не поедут, значит, мы останемся здесь. Если кто-нибудь хочет спастись, знайте, у нас есть такой шанс, и мы отпустим всех, как только сами будем в безопасности. Только эти люди должны поехать с нами добровольно».

Оставив заложников у себя, Басаев перечеркнул бы договоренности о прекращении войны, поэтому возвращение могло быть реальным. Но до Чечни надо еще доехать. Поэтому от участия в наборе смертников мы отказались. Я еще раз получил заряд басаевского гнева, когда сообщил дозвонившимся по телефону журналистам, что список добровольцев составляют помощники Басаева. Услышав это, он отнял у меня телефон, велел мне его больше не давать и заявил, что этим будут заниматься врачи. Они действительно разошлись по корпусу, объяснять замысел общего спасения.

Понадобилось 120 заложников – по одному на каждого боевика. В разговоре с Черномырдиным Басаев зачем-то сказал ему, что желающих ехать в его колонне много, но это было не так. Врачи рассказывали потом, что поначалу записались около восьмидесяти мужчин, и на том количество желающих иссякло. Тогда встала какая-то девочка лет шестнадцати и сказала: «Ну ладно, дяденьки, раз такое дело, тогда я тоже поеду». Поднялось еще несколько девчонок. Тут взрослые

дяденьки воспряли духом, и среди них нашлось еще необходимое число добровольцев. (Уже в дороге я заметил на руках и ногах женщин написанные шариковой ручкой имена и фамилии, спросил и услышал: «Это когда штурм был, мы тогда все писали; ну, чтобы, если убьют, родные смогли опознать...»)

А пока, в процессе челночных переговоров по телефону и с приезжающими в больницу чиновниками, речь шла о заложниках, о боевиках, о погибших террористах, для которых колонну непременно должен сопровождать рефрижератор, в котором повезут их трупы. Но почему же отсутствуют депутаты, что остались на той стороне – Ковалев, Молоствов, Борщев и Осовцов?

Мы почувствовали, что Ковалева и других депутатов, судя по всему, отсекают от формируемой колонны. Так оно и было, когда Ковалев по настоянию штаба вернулся туда, оказалось, что он там вовсе не нужен. Отпускать его обратно к заложникам там не собирались. Но я напомнил об оставшихся депутатах и журналистах Басаеву. Тут кто-то из местной администрации принес пачку расписок, посмотрев на нее, мы показали их Басаеву, и он потребовал связи с Черномырдиным.

Из аудиозаписи разговора:

«Вчера мы договаривались, что с нами поедут добровольцы. Так вы послушайте, что предлагает Ерин. Напечатали бумажки, вы послушайте: «Я – ну, там, фамилия, имя – добровольно присоединяюсь к бандитской группе Шамиля Басаева и выезжаю с ней в Чеченскую Республику, осознавая все возможные последствия своего решения». Ну это же вообще кретинизм. «Добровольно присоединяюсь к бандитской группе» – то есть люди как бы бандитами становятся!»

Это было предложено заполнить и подписать всем заложникам, которые согласились ехать вместе с отрядом террористов. По словам прокурора Буденновска С. Гамаюнова, автором этой идеи действительно был все тот же Ерин, а исполнителем полковник В. Ворожцов. Понятно, так они хотели снять с себя ответственность за уничтожение боевиков вместе с заложниками. Обществу скажи бы потом: да ведь они сами расписались в том, что стали членами банды...

Нас это, естественно, возмутило, мы сказали, что никто не должен этого подписывать! Когда эта провокация не прошла, в штабе придумали другой текст: **«Я, _____, добровольно выезжаю с группой Шамиля Басаева без каких-то ни было предварительных условий. Дата, подпись».**

Российские журналисты, проклиная эмвэдешников, подписывают бумагу, иностранцы, оправдываясь тем, что на такие случаи их страховка не распространялась, не рискнули. Лишь агентство «Рейтер» да газетчики из «МК», наняв частную машину, последовали за нами, чтобы издали смотреть и заснять, если нас будут убивать.

Басаев настоял на возвращении Ковалева и допуске в больницу остальных членов нашей группы, заявив: «Никуда не уеду, если не будут допущены журналисты, желающие с нами ехать, и депутаты». Конечно, ни Жириновский с Кашпировским, которых и след простыл, ни «патриот» Говорухин к заложникам не присоединились. После требования Басаева к нам пропустили С. А. Ковалева, М. М. Молостова, А. А. Осовцова, В. В. Борщева и О. П. Орлова. Мы обнялись и были вместе до Зандага. Присоединился к заложникам и депутат ГД от Ставропольского края В. И. Бородин.

Выяснилось, что Ковалев рвался обратно в больницу, но его не пускали, на него снова натравливали казаков, и что глава администрации Ставрополя Е. Кузнецов требовал его изгнания. Увидев в штабе С. А. Ковалева, он взревел:

«Этот – что пришел!? Зачем он здесь?» И, обращаясь к Степашину, спросил: «Ну что, Ковалев что-нибудь сделал полезное?» И Сергей Степашин, который, похоже, с перепоею бледный сидел в углу, ответил: «Нет, ничего!»

Жертва снайпера

До сих пор не понимаю, как у него язык повернулся? Кузнецов вызвал казаков и приказал «выдворить Ковалева за пределы Ставропольского края». На что Адамыч тоже взвился: «Чтобы меня эти, – ряженные?»

Естественно, наши тоже встали и дело чуть не дошло до рукопашной... Тут кто-то шепнул губернатору, что Ковалев уполномочен Черномырдиным, что им уже подписано соглашение. Враз протрезвевший Егоров извинился, а Степашин спрятался подальше.

Но когда Сергей Адамович попытался вернуться к заложникам, казаки напали на его машину, они там шлелись толпами и кричали: «Мы щас этого депутата пашками порубаем! Не, лучше всех их разом порешить!»

С ними хорошо управлялся Саша Осовцов. Вот очередная удачная кампания врывается в кабинет, навстречу встает огромный бородатый еврей и спокойно, с чувством абсолютной и снисходительной уверенности говорит: «Я, профессор философии Александр Авраамович Осовцов, слушаю вас!» И, о чудо, – переполняемые темной злобой станичники опускали руки.

Были также и явные провокаторы в уличной толпе, которые рассказывали, будто они случайно вырвались из больницы. Что чеченцы-террористы творят там ужасные вещи: насилюют женщин, режут младенцев, пачками расстреливают заложников. Не гнушался вранья и министр внутренних дел, доказывая необходимость штурма, он говорил Виктору Курочкину: «Только что привезли 50 трупов с контрольными выстрелами в голову, они расстреливают заложников, я не могу сидеть и ждать!» На самом деле, заняв больницу, басаевцы действительно расстреляли трех лечившихся там офицеров из соседнего вертолетного полка. Это было их мстостью после того, как среди вертолетчиков нашлись те, кто стал устраивать «сафари» и расстреливать всё, что двигалось по дорогам Ичкерии, у чеченцев к этому роду войск был особый счет. Тогда же ими были убиты и те, кто сами пришли в больницу в поисках родных, но басаевцы приняли их за лазутчиков. Несколько военных избежали смерти благодаря медикам, которые спрятали их документы и выдали белые халаты. Никаких других расстрелов, никаких «50 трупов с контрольными выстрелами в голову» не было, а имитация расстрела в ответ на отказ Ерина пропустить в больницу журналистов на совести самого генерала. Рассказни о насилии тоже были ложью; как рассказали потом заложники, Басаев сразу предупредил своих джигитов о том, что за приставания к женщинам пристрелит любого.

Позже выяснилось, что один из тех «потерпевших», кто сеял страх и ненависть в толпе, был на самом деле был особистом. После нашего отъезда в том же здании УВД, где заседал штаб, он допрашивал людей, вышедших из больницы. Все шло и развивалось по канонам современной войны: с использованием лже-свидетелей, провокаторов, с контрпропагандой и дезинформацией.

А горожан была истерика. Мой тесть Михаил Молоствов рассказывал потом, что сначала он чуть не получил палкой по голове от какой-то обезумевшей женщины, чья дочь была в это время в больнице, но потом, когда он шел, чтобы присоединиться к заложникам, та же тетка его благословляла...

(Недавно я с изумлением прочел на странице сайта Кашпировского, <https://www.kashpirovskiy.com/pages/190/4>, его рассказ о том, что это благодаря ему сразу после штурма 17 июня Черномырдин заявил, что «предложенные Басаевым условия принимаются, и что все заложники будут освобождены» (на самом деле премьер подтвердил это только после подписания нами соглашения 18 июня). Там же он пишет: узнав о том, что в больницу пошел С. Ковалев, он, уезжая из Буденновска, звонил Басаеву и спрашивал: «А ты не можешь его там случайно застрелить?»)

Наконец мы погрузились в автобусы. Не все шоферы «с воли» рискнули сесть за баранку, поэтому за рулем автобусов тоже были заложники. И под стон и плач жителей города, под зубовный скрежет солдат спецназа, вынужденных расступиться и пропустить колонну автобусов, мы выехали из города в неизвестность. (Уезжая, я разминулся со своим сыном, он с телекамерой был в той толпе, кото-

рая нас провожала. Его съемки нашего отъезда прошли по центральным каналам телевидения.) Когда Катя и жившие у нас Усман и Сайда увидели на экране телевизора, как Михаил Михалович в пилотке из газеты заходит в автобус, Сайда, упав на пол, заголосила, но суровый Усман ее оборвал.

Мы с тестем сели в автобусе вместе, нам сделали исключение как родственникам. Двинулись по согласованному маршруту: через Северную Осетию, затем Моздок и Чечня. Всего в колонне из 7 автобусов, согласно записям О. Орлова, ехало 127 боевиков и 139 заложников, среди них 7 депутатов и 12 отечественных журналистов. Еще рефрижератор, там 16 трупов боевиков, которых Басаев вез, чтобы похоронить на родине. За колонной на безопасном расстоянии следовала легковушка, в ней кто-то из агентства «Рейтер» и Ю. Калинина. Из ее репортажей последует, что инициатива и организация переговоров, как и составленное и подписанное нами соглашение о мире, произойдут как бы «сами собой», без депутатов-правозащитников. Позже она получит нагрудный знак ВВ МВД «За отличие в службе».

Корреспондент газеты «Сегодня» Г. Санин писал потом:

«Один террорист – рядом с водителем, а остальные на сиденьях, усадив у окон заложников и журналистов. В проходах сложена масса оружия: автоматов, пулеметов и гранатометов, вплоть до ручных ракет и мин. Все террористы предельно насторожены и возбуждены.

Некоторые из них «под кайфом». Своих раненых террористы посадили в один из автобусов. Там стоит тяжелый смрад от загнивающих ран, несвежей одежды и лекарств. В самих автобусах страшное тепло, а впереди еще 200 километров пути.

15.15. Колонна в сопровождении милицейского кортежа двинулась от здания больницы. Некоторые заложники пытаются выглянуть в щелку между зашторенными плотными шторами в надежде увидеть родных или знакомых. Кто-то просто сидит, закрыв глаза. Автобусы едут на Моздок.

19.00. Быстро темнеет. В автобусах жарко, лишь изредка из верхних люков обласкает лица сквозняком. Периодически слышен рокот вертолетов или слабое жужжание самолета – федеральные власти жестко контролируют колонну. Дорога безлюдна – видимо, трассу полностью перекрыли для прохода колонны. В полном одиночестве, с зашторенными окнами она мчит на фоне заката, словно призрак из стивен-кинговских сюжетов.

Около 21.00. Кто-то проронил: “Скоро Моздок”. В тридцати километрах от города снова зарокотали вертолеты. Внезапно автобусные дизеля сбавили тон – притормаживаем. Что случилось? Говорят, что впереди кордон из бронетехники. Боевики напрягаются. Нам тоже становится не слишком уютно. Стоянка кажется бесконечно долгой. Милицейский майор, сопровождающий колонну, вскоре заявляет боевикам, что от замминистра МВД Александра Ку-

ликова поступил приказ не пропускать колонну на территорию Северной Осетии. Почему? Ведь маршрут был заранее согласован. Вскоре выясняется, что якобы руководство Северной Осетии воспротивилось прохождению колонны по территории республики, опасаясь, что обострится и без того напряженная обстановка.

Вскоре узнаем, что генерал Куликов предложил Басаеву следовать в Чечню через территорию Дагестана (а это лишние 300 км пути) и отпустить заложников и журналистов у населенного пункта Зандак, а самому дальше следовать в район Ведено.

22.15. Ситуация в автобусах накалена до предела. Вокруг крошечная тьма. Впереди бронированный заслон. Над головой трещат вертолеты. Все ожидают немедленного штурма. Террористы готовы к бою. Что будет дальше, не знает никто – ни боевики, ни заложники.

22.17. Депутат Госдумы Рыбаков, воспользовавшись спутниковым телефоном корреспондентов радио “Свобода”, связывается с Москвой, с приемной Виктора Черномырдина. Того нет на месте, на трубке помощник. Рыбаков требует передать премьеру, что положение серьезное, если не трагическое. Для спасения заложников он просит прекратить демонстрацию военной силы и дать возможность колонне беспрепятственно двигаться. Чиновник обещал довести информацию до сведения шефа».

Г. Санин, видимо, сидел в одном из последних автобусов и, хоть все происходило не ночью, а днем, видел не все. Действительно, проехав Зеленокумск, мы свернули к Осетии и уже подъезжали к ее границе. Но на безлюдном участке после станицы Курской нас обогнали два вертолета. Я сидел у окна первого правого сидения в третьем автобусе и хорошо видел происходящее впереди. Дорога шла в гору и вдруг впереди за холмом что-то вспыхнуло, вздыбилась земля, пошел дым. Подъехав ближе, мы увидели, что шоссе раскурочено взрывом ракеты, а впереди, сбоку от шоссе уже приземлился вертолет, его винты продолжают работать. Боевики действительно схватились за оружие, колонна продолжала медленно двигаться. Когда мы поравнялись, из вертолета прыгнул офицер, в руке, над головой, он держал большой конверт. С ним он добежал до головного автобуса, потом вернулся назад, нырнул обратно в машину. Сразу после него, нервно озираясь, из высокой травы встал спецназовец с ручным пулеметом, пятясь, он тоже скрылся в вертолете. Это вызвало смех чеченцев. Машина взлетела и ушла в сторону...

Кто-то из боевиков «нашего» автобуса вышел и побежал вперед, узнать, что случилось. Прошло минут десять, вышли еще несколько чеченцев, началось их хождение между автобусами. Боевики и заложники продолжали напряженно ждать на своих местах. Но мы с Михаилом Михайловичем, не утерпев, выбрались наружу: к депутатам басаевцы относились лояльно. Наверное, понимали, что нашего побега можно не опасаться.

Дойдя до головы колонны, увидели сидящего на ступеньках первой автобусной двери Басаева. Он, держа в руках разорванный конверт, говорил Ковалеву: «Мне что этот Куликов – старший по званию? Я у него не служу! Приказ он мне прислал».

Оказалось, что порученец вручил ему такое послание:

«ПРИКАЗ. Шамилю Басаеву приказываю изменить маршрут и следовать в Хасавьюрт, там согласовать дальнейшее движение.

Генерал армии, командующий Объединенной группировкой федеральных войск в Чеченской Республике, А. Куликов».

В дороге.

Посоветовавшись, террористы развернули колонну. Над нами продолжали висеть вертолеты: они все время менялись в воздухе, барражировали, всю дорогу ревели над головой их двигатели. Мы поехали назад, но заехали на какую-то непонятную тупиковую дорогу. Куда дальше? Снова сгустилось ощущение нарастающей опасности. Автобусы встали, вертолеты зависли. А вокруг ни одного населенного пункта, место идеальное, чтобы уничтожить тут всех без свидетелей. Нам умирать все же не хотелось.

У журналистов был спутниковый телефон, его вытащили, наладили. Я сел на раскаленные солнцем бетонные плиты дороги и стал набирать телефонный номер приемной Черномырдина. самого премьера застать не удалось, трубку взял кто-то из помощников. И я стал нервно орать, что всех нас – полторы сотни заложников – загнали в какой-то тупик. Что над нами висят вертолеты, и, похоже, сейчас всех тут прикончат! На что помощник премьера невозмутимо сказал: «Хорошо, передадим Виктору Степановичу».

Мне показалось тогда, что места эти были совершенно пустынные. Но Алик Осовцов потом рассказывал, что из кустов вылезли местные жители, пастухи, и, глядя на меня, сидящего на дороге с телефонной трубкой в руке, крутили пальцем у виска, спрашивая у других: «Он что, спятил, телефон-то без провода?!»

Вскоре нашлась какая-то карта, разобрались, на какой дороге находимся, поехали дальше. Пошли знакомые места, получалось, что мы едем чуть ли не снова в Буденновск. Нервный смех прекратился, когда мы свернули от Зеленокумска на Никольское, потом заправлялись и чинились в Ачикулаке. Далее, судя по репли-

кам боевиков, мы пошли точно по маршруту их въезда в Ставрополье. Вертолеты продолжали висеть. А когда стемнело, стали кидать осветительные ракеты, чтобы не потерять нас из виду. Эти ракеты в двух местах подожгли какие-то посевы и кустарники.

По договоренности с администрацией каждый автобус колонны был обеспечен минеральной водой в запечатанных бутылках (чеченцы опасались отравы), сигаретами и даже каким-то небольшим запасом еды. Но поскольку жара была совершенно невероятной, а внутри раскаленных автобусов безумно хотелось пить, то вода очень быстро закончилась. А кроме того, чеченцы везли с собой домой своих раненых, которые постоянно требовали воды.

И вот – чудо! На дороге ночью нам встретилась поливальная автоцистерна. Чеченцы, естественно, тут же остановили ее, открыли вентиль, откуда хлестанула вода. И все, кто мог выйти из автобусов, напились сами, а у кого была посуда, набрали воды в бутылки и канистры... И у меня, и у других мелькала мысль о том, что спецслужбы могли предварительно высыпать в эту цистерну мешок чего-нибудь такого, что вповалку уложило бы всех спать, а потом взять террористов голыми руками. Этого не случилось.

Ехали мы ночь и к утру были в Кизляре.

И снова Г. Санин, газета «Сегодня»:

«07.20. Наконец мы в Дагестане. Говорят, что следующая остановка – Хасавюрт. Теперь террористы чувствуют себя увереннее: все-таки Дагестан для них – это «почти дома». Тем не менее, чем ближе кажется развязка, тем сильнее нервничает Басаев. Он-то понимает, что, как только будут отпущены заложники, на него начнется охота. Жестокая и беспощадная.

08.30. Колонна вошла в Хасавюрт.

Осанна!

Колонна останавливается на одной из площадей. Тут ее уже давно ждут. У места остановки собралось несколько тысяч человек. Среди них в основном местные жители и беженцы из Чечни. Толпа явно сочувствует террористам.

Обстановка крайне нервная. Полиция обеспокоенно оттесняет толпу от автобусов. Стоянка огорожена веревочным барьером.

Боевики начали выносить из автобусов своих раненых товарищей, поскольку в автобусах находиться уже невозможно даже здоровым. Железо накалилось на солнце, и салоны напоминают внутренность микроволновки. Температура под 60 градусов. На улице тоже не легче: сейчас на солнце до сорока. Раненых боевиков укрывают от солнца приоткрытыми люками багажных отсеков.

В толпе раздаются ликующие крики. Наконец-то Басаев слышит вместо проклятий и угроз осанну. Теперь-то он точно знает, что стал не только национальным героем Чечни, но и, наверное, всего Кавказа, где в последнее время все сильнее разгорается пламя антироссийских страстей. Пример тому –

внешне благополучный и лояльный Дагестан. Достаточно искры, чтобы факел вспыхнул. А тем временем толпа скандирует: “Шамиль! Шамиль!”, “Войне конец!”, “Слава героям!”, “Давно пора было!” – вот настроения ликующей толпы. То тут, то там боевики братаются с митингующими. Вид раненых боевиков лишь раззадоривает толпу».

Пройдет не так уж много времени, и рейд Басаева уже не через, а в Дагестан оставит на этой земле немало могил. А тогда чеченцев действительно встретили так, как принимают национальных героев. И причем не просто удачливых джигитов, вернувшихся с табуном из набега, здесь добычей был мир! Мир, а это значит, не будут больше гибнуть родственники и единоверцы. Мир – это значит, что вернутся к себе тысячи беженцев, запрудивших все их дворы. Мир – значит, можно будет торговать, будет дешевый бензин и можно будет не боясь ездить в Россию... Площадь была полна народом, пели песни, кормили-поили, заодно, кстати, и заложников. Там мы пробыли чуть ли не целый день, на самом солнцепеке. На мне не было написано, что я депутат, но, когда я стоял в тени автобуса, ко мне подошли с ведром воды, а я, думая, что предлагают освежить лицо, сложил ладони лодочкой, налитую воду плеснул себе в лицо и вдруг услышал возмущенный крик, брызги попали на стоящих рядом женщин. Похоже, что это было чуть ли не оскорблением, но нашелся пожилой мужчина, который громко что-то сказал, наверное, о дикаре, на которого не стоит обижаться. Все засмеялись, мне предложили лаваш.

Был там еще один эпизод, уже посерьезнее. Я отошел чуть в сторону и вдруг передо мной появился басаевский боевик с автоматом в руках, уже не молодой, сельского, я бы даже сказал крестьянского, вида. Бог знает, что у него было в душе, но неожиданно и хмуро он спросил: «Вот мы, по-твоему, кто? Террористы?» – «Да», – с трудом произнес я. И поспешил добавить: «Такие же, как федералы».

Покачав головой, он отошел, о чем-то думая.

Все ожидали конца переговоров командования с Басаевым. Ведь дальше, через 15-20 километров, проходила граница с Чечней и стоял последний российский блокпост, который предстояло проехать.

По рации командование потребовало от Басаева, чтобы тот уже в Дагестане освободил всех заложников. Но он отказался, понимая, что тогда его отряд точно будет расстрелян на оставшемся отрезке дороги. Они долго препирались. Был у Басаева какой-то еще вариант, по обходной дороге. Но в одной из машин лежал раненый боевик, кажется, его родственник, которому нужна была срочная помощь. И он махнул рукой: «А, ладно, едем вперед, а там будь что будет!»

И мы тронулись дальше. Но если до этого места колонна ехала по шоссейным дорогам, то здесь началась уже горная, извилистая и грунтовая. За нами шел БТР российских войск, а редкие вертолеты вскоре отстали. Мы поднимались все выше, из окон сквозь листву, в зияющей глубине, открывались долины и каме-

нистые русла рек. От непосильной нагрузки старые автобусы стали ломаться. Их чинили, меняли, пригоняли взамен другие. Колонна, наконец, проехала мимо последнего российского блокпоста, один из боевиков, высунувшись из окна, крикнул солдатам: «Мир! Жить будем!» Но именно тут наш автобус сломался. Нас не стали ждать, колонна ушла. Мы остались в 15 метрах от окопа с солдатами, они мрачно разглядывали сидящих в автобусе. Видно было, как на их скулах заиграли желваки, как хотелось бы им расстрелять отставший автобус в упор. Может быть, нас спасло то, что кто-то задумался о судьбе тех, кто остался у басаевцев, а может быть, просто не было приказа. Мы с Михалычем вылезли, закурили, тут подошли дагестанские милиционеры, из автобуса вышли чеченцы. На наших глазах боевики, услышав, что у дагестанцев мало патронов калибра 7,62, отсыпали им несколько десятков. Наконец, как-то удалось исправить поломку, водитель завел двигатель, и мы дотянули до Зандага.

Там все уже вышли из автобусов. Мы нашли Ковалева и других, они рассказали, что на участке, который колонна проехала без нас, они видели, как на встречу автобусам выехал открытый газик с зеленым знаменем, оттуда выскочил Масхадов, они обнялись с Басаевым и поехали вместе вперед.

В самом Зандаге Басаев (по другой версии, Асланбек-большой) построил их отряд, снял шапку и сказал: «Мы поступили с вами как собаки. Так получилось. Но у нас не было другого пути, надо было спасти свой народ!» – потом развернулся и, вместе с отрядом, скрылся в лесу.

А мы, не веря своему счастью, на тех же автобусах поехали назад.

То, что колонну нашу не расстреляли, было очень похоже на чудо. Вернувшись в Москву, на одном из думских заседаний, увидев в правительственной ложе Виктора Черномырдина, я подошел и, сказав о том, что был и в больнице, и в автобусах, поблагодарил его за проявленную человечность, чем поверг его в смущение. Такая реакция стала понятна лишь много спустя. По словам ехавшего вместе с нами журналиста С. Тополя, однажды он встретился с Павлом Родичевым, командиром того вертолетного полка, который стоял рядом с Буденновском. Вот его рассказ:

«В то время в Буденновске находился командующий 4-й воздушной армией Владимир Михайлов. Он приехал ко мне 19 июня, отозвал в сторону и сказал, что Москва приняла решение об уничтожении колонны огнем моих вертолетов.

Буквально через час после этого разговора мне позвонили. Звонивший представился генералом Ивановым. Это был псевдоним... И вот этот «Иванов» приказывает мне поднять вертолеты и уничтожить колонну в 20-30 километрах от города. Это должно было выглядеть так. Вертолетчики, якобы озлобленные бездействием и беспомощностью власти, чтобы отомстить за погибших товарищей, самовольно подняли машины в воздух и расстреляли автобусы. Я прошу подтвердить его полномочия. Письменно. Он сразу же бросил трубку. Я бы, конечно, и письменный приказ в этой ситуации не стал бы выполнять – там же были наши люди.

Через 20 минут Иванов перезвонил. Чтобы от него отвязаться, пришлось поднять два вертолета. Правда, я своих ребят проинструктировал, чтобы ни в коем случае не стреляли.

А тут со мной связывается полковник Борисюк. Он в Ханкале командовал полком Су-25. И спрашивает, что ему делать, если такой приказ получит. Я посоветовал выпить пару бутылок водки и залечь спать. Как я потом узнал, он так и сделал».

По другой версии, которую позже один журналист услышал от сопровождавших нас вертолетчиков, те готовы были открыть огонь, но были уверены в том, что в автобусах едут только боевики. С летчиками не получилось, тогда, уже на территории Осетии, была организована засада. Мы не доехали до нее несколько километров. И тут за наше спасение надо сказать спасибо президенту этой республики Ахсарбеку Галазову. Узнав о том, что расправа с чеченцами и заложниками пройдет на его территории, он не захотел усугублять вражду с соседними народами. Но как не вызвать гнев Кремля? Найденный выход был по-восточному ловок. Та непонятная остановка в нашем пути и новый окружной маршрут были вызваны тем, что из Осетии навстречу нам в автобусах и грузовиках двинулись люди с плакатами «Не пустим бандитов на нашу землю!» И остановилась их колонна на границе Осетии, оставив за собой российский спецназ и бронетехнику. На наше счастье, быстро организовать другую засаду наши генералы уже не смогли.

По дороге назад, когда начало спадать напряжение, людей в автобусах стало колотить, начались истерики. Один из врачей, который с нами ехал, здоровый парень, вел себя прекрасно и в больнице, и по дороге в Чечню, теперь плакал, отвернувшись. Потом вдруг некоторые, направлявшиеся вроде бы домой, испугались, что там их накажут за то, что они поехали с Басаевым. Они просили, чтобы мы ехали с ними до Буденновска, чтобы мы их там защитили.

В Буденновск вернулся только Виктор Курочкин, он присутствовал там на митинге, где местное начальство говорило много громких слов и, как водится, ругало демократов, разваливших Союз. Своих оставленных в администрации вещей он не нашел, а блокнот с записями и часть фотопленок у него выкрали фсбэшники в аэропорту. Мы же с Михалычем, переночевав в гостеприимном акинском доме, привыкая к мысли, что остались жить, полетели в Москву.

А там левая оппозиция решила воспользоваться случившимся, чтобы поквитаться если не с президентом, до него очередь еще дойдет, то хотя бы с правительством. Трагедия Буденновска стала для этого удобным поводом, а основной целью было заявить о неприемлемости экономического курса. Для начала они собрали более ста подписей за рассмотрение вопроса о недоверии правительству и вынесли эту тему на пленарное заседание.

Возглавил наступление С. Глазьев, который когда-то входил в неформальную группу экономистов Е. Гайдара и А. Чубайса, но ни этот опыт, ни прослушанный курс лекций в чилийском Институте свободы и развития, не сделали его либе-

ралом. Его речь была пространной, пеняя правительству на все его реальные и мнимые грехи, возмущаясь тем, что война пришла в Россию, он говорил:

«Подводя баланс, мы можем сказать: на одном полюсе – немногочисленные мультимиллионеры, за два года отхватившие изрядный кусок бывшей государственной собственности в сырьевых отраслях, и иностранные спекулянты, нажившие огромные состояния на хороших связях, которые они имеют в наших органах власти; с другой стороны – 45 миллионов нищих и 15 миллионов недоедающих людей, огромный рост преступности и полное разложение государственного аппарата. В перспективе этот баланс станет еще более удручающим. Последняя трагедия в Буденновске является типичным примером непрофессионализма и безответственности наших властей. Сегодня вся страна стала заложником авантюризма и некомпетентности. Какие бы ошибки ни делало наше правительство, отвечать за это приходится народу... Возникает вопрос: почему мы все это терпим? Мы терпим издевательства над страной, над здравым смыслом, над интересами подавляющей части общества. Разве не лежит на нас ответственность за все то, что происходит в нашей стране? Мы видим, что ведется политика, самоубийственная для экономики и общества, но очень выгодная для тех, кто ее проводит... Но мы видим и выход из кризиса, мы знаем, что нужно делать для преодоления экономической депрессии и для реальной экономической стабилизации. У нас есть программа, которая содержит полный набор мероприятий, необходимых для того, чтобы начать экономическое оживление и подъем».

Немалая доля этой критики была справедлива, что прибавляло уверенности тем, кто мечтал о «правительстве доверия», которое могло быть составлено из представителей ведущих фракций Думы. Именно так формируются правительства во многих развитых демократических государствах, но вот беда – при всем хвастовстве Глазьева «левые» ничего, кроме накачки убыточных производств и развалившихся колхозов пустыми деньгами, предложить не могли, и окончательный развал финансовой системы стал бы неизбежен. Зато все, кто захотел отметить, всласть изругали Черномырдина (а он сидел и слушал). От Жириновского досталось и Гайдару, который, оказывается, «оставил на один миллиард долларов вооружения в Чечне», досталось и коммунистам за 1917 год и мифическим двухстам генералам, которые, по его словам, «окончили гарвардский «питомник» по подготовке разрушителей национальных государств». Виноваты были все, кроме ЛДПР, министров-силовиков и ФСБ. На защиту последних он встал потому, что среди инициаторов и участников заседания были те, кто требовал отставки не правительства, а тех, кто бездарно и преступно воевал с Чечней, тех, кто допустил случившееся в Буденновске.

Выступил и сбежавший из больницы «врач-психиатр» Кашпировский. Он рассказал о том, как доблестно он защищал заложников и уверял в том, что пере-

говоры с террористами начались по его инициативе, а Ковалев был ни при чем, и закончил предложением «снять совершенного ненужного» президента.

Фракция «Выбор России» была против вотума экономическому курсу Черномырдина, но Егор Гайдар заявил, что в дальнейшем наша поддержка правительства и президента будет зависеть от того, будут ли сняты с должностей те министры, которые развязали войну и допустили буденновскую трагедию.

Недоверие правительству получило большинство, а вот обращение к президенту об увольнении силовых министров его не набрало...

За первым недоверием Черномырдину могло быть проголосовано и второе, после чего президент обязан был отправить его в отставку или распустить Думу. Но коммунисты могли не торопиться со вторым вотумом недоверия – не за горами начало новых думских выборов, а в этот период Думу распускать нельзя. Правительство решило не дожидаться этого и само поставило перед парламентом вопрос о доверии. Коммунисты были в шоке, угроза оказаться на улице стала реальна, а выражать доверие тем, кому они только что в нем отказали, неловко. Гайдар предложил им компромиссный выход: сразу проголосовать повторное недоверие, но не набрать достаточного количества голосов. Те радостно согласились. Грачев и Ерин сами написали заявления об отставке, но и это президент отклонил, а Степашина перевели в аппарат правительства.

«Весенняя» сессия на этом закончилась, наступило время отпусков, и я, навестив свою мать, вслед за Михалычем отправился в Еремково.

Мы наивно полагали, что раз война окончена, все возвращается в мирную колею. Однако страна уже не жила прежней жизнью. Это проявилось даже в глухой тверской глубинке, где вскоре произошла забавная, но знаменательная история. В соседней деревне Венецианово есть церковь. И она чуть не стала местом заточения моей жены, а заодно и ее подруги Кати, дочери Юрия Шихановича, одного из последних редакторов подпольной «Хроники текущих событий». Кто-то сказал нам, что церковь построил Венецианов, что в алтаре есть икона его работы (на самом деле церковь была построена много позже, а вот икона, которую я увидел раньше, действительно может быть авторской). Вскоре после нашего возвращения с Кавказа девчонки решили съездить туда на велосипедах, благо полпути туда было под горку...

Добравшись, они оставили велосипеды у магазинчика, а сами пошли к церкви, которая оказалась закрыта. Обойдя ее кругом, они увидели спешащего к ним лохматого типа в какой-то хламиде и тренировочных штанах с пузырями на коленях. Подойдя к ним, тот представился: «Батюшка я, служу во храме. А вы посмотреть приехали? Может вам церковь открыть, зайдете?» Но мутный был дядечка, и осторожная Катя сказала: «Так ведь с непокрытой головой женщинам нельзя. Как-нибудь в другой раз».

Вернувшись к магазину, они увидели пяток местных баб, которые судачили о чем-то, но примолкли, с опаской глядя на пришлых. А когда, в магазине они

захотели купить воды, продавщица заорала: «Не буду вам воду продавать, ходят тут всякие, а потом заложников хватают!»

Подруги растерялись: «Как, что? Какие заложники?»

Тут появился священник, криво улыбаясь, сказал: «Что, думаете, мы тут ничего не знаем? Нет, уж разберемся сейчас, кто вы такие?!»

Ошарашенные, подруги вышли на улицу, толпа за ними.

«Э, нет, никуда вы не уедете! Я вам нипеля на велосипедах снял. Сейчас ОМОН-то приедет, разберемся. В ФСБ уже позвонил». И для пущей строгости он выудил из кармана то ли рясы, то ли халата рацию.

Действительно, шины велосипедов были спущены. Моя жена наконец разозлилась и закричала обступившим их старухам:

– Мать моя ваших оглоедов грамоте учила, а я, значит, – террористка!!! Отец мой сюда к вам пешком ходил, чтобы сыновья ваши умные были, а вы что?

– Ой, – сказали тетки, – да ты не Мустафьевны ли дочь?

– Я-то дочь. А вот вы-то кто, совсем из ума выжили?

– Ну, точно, – сказали старухи, – это ж Катя! Катенька, да ты, родная, прости, грех попутал.

– Так что нам теперь, ОМОНа дожидаться? Ну, спасибо. Зять мой из Удомли к вам ездит, детей ваших лечит, а вы нас, значит, арестовали?

– Это кто ж, Игорь Анатольевич что ли?

– Он самый!

Присмирившая продавщица вытащила из под прилавка телефон:

– Может, позвонить хотите?

Катка схватила трубку и набрала номер удомельской больницы.

– Игорь, Игорь, нас тут арестовали... Что где? В Венецианово. Кто? Батюшка арестовал! Ну, батюшка, который в церкви.

Местные, сходу перестроившись, подсказывают:

– Да какой он батюшка! Скажи: поп, поп!

А кто-то уже нашептывал Шихе:

– Он тут одних уже арестовывал, зазвал в церкву, да и запер. КГБ вызывал.

Игорь продиктовал Кате телефон удомельской милиции и сказал, что сначала позвонит туда сам, благо он как врач всех там знает. После него стала звонить и Катя. Ее рассказ вызвал на том конце провода бурное веселье. Менты сказали: поп этот нам не подчиняется, у него начальство в ФСБ, но пообещали туда сообщить. Вскоре у попика загудела рация и он куда-то исчез, а потом вернулся с велосипедным насосом.

Обратно, хоть и в гору, девчонки прикатили быстро. Услышав красочный рассказ, мы с вернувшимся с работы Игорем собрались ехать и разбираться с попом. Но нас отговорили, указав на то, что потерпевшие уже отдали его на божий суд. Когда поп, встав на колени, стал накачивать велосипедные шины, то, вздыхая, говорил: «Вот смотрите, как батюшка кается!» На что Катя-Шиха (даром что

атеистка) ответила: «Грешить не надо, вот и каяться не придется». И добавила: «А вас пусть Бог простит».

Через неделю к Михалычу, прознав, что он депутат, пришли старухи из Венецианово жаловаться на попа. Он был переведен в нашу глушь из Украины, сменив ушедшего на покой доброго и умного о. Владимира. Но здесь он пьет, матушку свою побивает и нечасто служит в церкви. Намедни в престольный праздник даже храм не открыл, а когда пришли к нему, вышел, покачиваясь, на крыльцо и сказал: «Чего хотите? Богу помолиться? И много он вам помог?»

(Не таким был старый настоятель храма Спаса Преображения о. Николай. Всю свою пасторскую жизнь он терпеливо служил Богу и своей одичавшей пастве. В ту школу, где преподавали Молоствовы, ходили его дети. Несмотря на заступничество Михалыча и Риты местная ребятня глумилась над ними, а учителя добивались их отказа от веры. Однажды священник, отправляясь на своем старом «Москвиче» в Удомлю, подобрал Маргариту Мустафьвну на мокрой осенней дороге. После сорванного шалопаями урока, после очередного педсовета, где ей пытались внушать основы социалистической педагогики, усталая, она возвращалась домой. Сев машину и разговорившись, она призналась в том, что все чаще ее посещает отчаяние. А в ответ услышала: «Что вы знаете об отчаянии? Какие дети ни есть, они все же есть. А отчаяние, это когда год за годом служишь в пустом храме».)

Но на седьмом году перемен вера у селян стала просыпаться, и бабы уже не потешались над священником, а просили Молостова убрать негодного попа. Михалыч, естественно, сказал им, что это дело мирян и епархии, а вмешиваться в жизнь церкви светским властям нельзя.

Анекдотическая история с пленением двух велосипедисток закончилась благополучно, но если бы рядом оказались местные и, как обычно, пьяные мужики или дуревший от безделья местный ОМОН, все могло обернуться по-другому.

Буденновская драма повергла российское общество в шок. Отцы и матери тысяч искалеченных и погибших солдат не могли чувствовать ничего, кроме слепого и безысходного горя. Ответственность властей за их гибель и развязанную войну ушла для них в тень. А факт безнаказанности тех, кто убил их детей, был налицо. Для тех же, кто еще не стал ее жертвами, шоком стало то, что война не где-то там, а здесь, рядом! Оказалось, что государство не способно оградить мирных жителей от агрессии. В беспомощных людях зашевелился страх...

Канадский естествоиспытатель Фарли Моуэт однажды забрался в волчье логово, будучи уверен, что там никого нет. Он писал потом: «Неожиданно я увидел прижавшуюся к дальней стене волчицу с волчонком. С быстротой, на какую только был способен, я пополз обратно, вверх по наклонному ходу, все время ожидая, что волки меня схватят. Но мне удалось благополучно добраться до выхода и выкарабкаться наружу. Я сел на камень, трясущимися руками достал сигарету и закурил, как бы доказывая самому себе, что раз я курю, значит, не трушу. И тут меня охватила слепая ярость. Ей-богу, будь у меня винтовка, я мог

бы поддаться животному инстинкту и убить обоих волков! Сигарета догорела. С севера, где мрачнело свинцовое небо, подул ветер. Меня снова затрясло, на сей раз от холода, а не от злости. Гнев прошел, и я попытался в нем разобраться. Да, моя ярость была вызвана обидой, родившейся из страха: обидой на зверей, которые возбудили во мне неприкрытый ужас и тем самым нестерпимо оскорбили мое человеческое достоинство».

Нечто похожее стало происходить и с психикой нашего обывателя. Тем более, когда оказалось, оборонявшийся не боится смерти, он не только защищается, но и сам может напасть. И на кого?! На того, кто всегда считал себя хозяином положения? Как и у Фоуэта, первая реакция – страх, вторая – уязвленное самолюбие, затем – злость.

Первые итоги

Рутинная, каждодневная работа парламента – не самая увлекательная тема. Но первые Думы РФ еще были местом пусть даже диких, но все же дискуссий. Хотя они и прерывались скандалами и даже драками, от депутатов еще зависело многое. Внешне наша работа могла показаться синекурой: сиди себе, кнопки нажимай да получай за это плату, которая и не снилась рядовому жителю. Кто-то, послушно выполняя указания, так и делал, или просто оставлял ключ голосования соседу, а сам, пользуясь неординарным статусом, решал свои или чьи-то дела...

Проблем, которые стояли перед парламентом, было не счесть. Мы вернулись в те условия жизни, от которых людей отучали на протяжении 73-х прошедших лет. Тех коммерческих навыков, которые в других странах были выработаны веками, у постсоветского общества уже не было. Зато каленым железом в сознание людей было впечатано неприятие частной собственности и предпринимательства. А пробуждающиеся деятельные инстинкты не были защищены законом. Старое законодательство не работало или вступало в такие неразрешимые коллизии, которые лишь усугубляли правовой произвол.

Если бы по мановению волшебной палочки можно было остановить бег жизни и, не торопясь, спокойно расставить все по местам, уравновесить все новации, согласовать все коллизии, внушить спящим новые правила общежития, а потом, когда все отлажено, разбудить общество! Вместо этого свод новых правил общественного жития пришлось разрабатывать на ходу, понимая, что каждое положение, каждый пункт любого из законопроектов может не только ослабить или еще туже затянуть узлы противоречий, но и оказаться миной замедленного действия.

На последнем заседании Думы первого созыва в конце 95-го года наш председатель Иван Рыбкин, подводя итоги, скажет, что за два года мы приняли 282 действующих закона. Из них 21 – по вопросам государственного строительства, 43 – по регулированию в сфере экономических реформ, 25 социальных законов, 15 – по законности и борьбе с преступностью. Мы приняли законы о Конституционном Суде, об арбитражных судах и о всенародном референдуме (в его первой редакции он еще не был урезан и ограничен, как это произошло позже). Впервые за все годы советской и постсоветской власти перед началом бюджетного года нам удалось сверстать реальный бюджет страны на 1994-й, а затем на 1995-й и 1996-й годы. Были приняты первая и вторая части гражданского кодекса, разработаны уголовный, арбитражный, процессуальный, водный и земельный кодексы. Осталось еще немало белых пятен и противоречий.

Стала понятна архитектура будущего свода законов, и принятый блок кодексов составил каркас заново строящегося государства.

Кто-нибудь, прочитав это, усмехнется и скажет: «Ну, даже если они напечатали кучу законов, что в этом толку? У нас на Руси закон – что дышло: куда повернешь – туда и вышло. Не работают ваши законы! А если работают, то не на пользу тем, кто их соблюдает. Надо же, лесной кодекс они приняли, а леса-то все равно вырубались! И экология нарушается, и уголовным кодексом судьи манипулируют...

Что ж, все так. И не так. Не только в нашем, в любом обществе идет и будет идти борьба тех, кто устанавливает правила, и тех, кто их нарушает. Законы плохо исполняются? Но, как правило, нарушает их не законодатель. Законы не совершенны, они не эффективны? Да, они постоянно требуют уточнений и поправок, но причина не в глупости тех, кто их пишет, а в хитрости, жадности или наглости тех, кто находит способы закон обойти.

«Таких надо карать!» – скажет каждый второй. «Да так жестоко, чтобы другим неповадно было!» – добавит третий. Но тот, кто способен анализировать, знает, что ни кнут, ни пуля не ликвидируют преступность, а тотальные запреты парализуют саму жизнь.

Депутатский корпус оставляет желать лучшего? Там слишком много демагогов, болтунов и невежд? Но разве не вы их выбрали? А если не вы, а кто-то за вас, то почему вы это позволили?

Да, среди нас нашлось тогда немало тех, кто не знал и не хотел знать всей сложности предстоящих проблем. Тех, для кого уверенность в наличии «здорового смысла» или «единственно верных» убеждений казались достаточными, чтобы судить обо всем.

Могла ли первая постсоветская Дума сделать больше? Вряд ли. Вся ее работа была пронизана противостоянием. Консерваторы, красно-коричневые, те, кто мечтал о коммунистическом реванше или своем господстве, – все они непрерывно атаковали каждую попытку либералов двигаться к свободе и конкуренции. Базовые установки различались в каждой обсуждавшейся теме. Мы исходили из принципа «все, что не запрещено – разрешено», менталитет наших оппонентов исходил из противоположного. Мы старались смягчить уголовный кодекс, они – ужесточить, мы искали пути минимизации государства и его управленческого произвола, они хотели тотального контроля.

Коммунисты добивались свободы рук для спецслужб, мы стремились ввести их в четкие рамки. Для нас мерой отсчета был человек, для них высшая ценность – государство, за вывеской которого они видели себя.

Мы хотели уравнивать все формы собственности на землю и закрепить частный земельный оборот – колхозные бароны хотели оставить землю за собой. В результате удалось принять только первую, рамочную часть земельного кодекса, все остальное осталось надолго заморожено коммунистами и аграриями. (Потом эта пауза позволит красным миллионерам скупать лучшие земли.)

При этом 114 законов (40% от общего числа) были представлены нашей фракцией. Егор Гайдар считал: главное сейчас – это стабилизация финансовой системы и работающая экономика. Им нужны тщательно прописанные, выверенные законы.

Отсюда наши приоритеты: законы «Об акционерных обществах», «Об инвестиционных ценных бумагах и фондовых биржах», «О доверительной собственности (трастах)», но также «О прожиточном минимуме в Российской Федерации», «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации», «О социальном обслуживании граждан пожилого возраста» и «О ветеранах», изменения и дополнения в действующий уголовный кодекс и закон «О правовых мерах по усилению борьбы с преступлениями, совершаемыми и подготовляемыми организованными группами». Была, на мой взгляд, и существенная неудача, а точнее, наша ошибка. Это выбор сугубо фискального варианта налогового кодекса. Наш депутат Виктор Похмелкин предлагал включить в кодекс положения о том, что часть полученных доходов, которая идет на благотворительные, социальные цели исключается из налоговой базы, так бизнес мог бы серьезно стимулировать общественные инициативы. Но после споров наши вожди убедили фракцию в том, что при жестком дефиците собираемых налогов это преждевременно...

Конечно, мы не были единственными, кто в той или иной мере защищал демократические принципы и подходы. Лидер партии «ЯБЛоко» Григорий Явлинский после первых думских выборов заверял Егора Гайдара в том, что мы стратегические союзники, что в нужный момент мы сможем удивить своих политических оппонентов, договорившись о совместной деятельности. Однако все два года его небольшая фракция упорно противостояла правительству, голосовала за вотум недоверия, критиковала все, что было непопулярно в народе и завоевывала политические очки. Тем же занималась и вся левая оппозиция.

Единственное, на чем мы действительно сходились тогда, был общий протест против войны. Но перекося силы в сторону исполнительной власти лишил депутатский корпус возможности остановить тех, кто ее развязал.

Публичное обещание премьер-министра Черномырдина решать все вопросы только мирным путем, подписанные нами по его поручению документы, давали все основания для мирного договора и прекращения войны. Надо было лишь сдержать данное слово.

Но смертельные обиды генералов, которые считали, что у них «украли победу», цели тех, для кого война была средством возвращения к власти над обществом, – все шло наперекор зарождавшемуся миру.

Черномырдин пытался выполнить обещанное. Еще сидя в буденновской больнице, Басаев передал премьер-министру, что считает самым полезным в переговорах Аркадия Вольского. Старый лис действительно был лучшей фигурой в таком деле. Умный и храбрый, он имел опыт подобной работы в горячих точках. Два года Вольский возглавлял комитет по особому управлению в Нагорном

Карабахе, когда там шла война. Пытаясь лавировать между Азербайджаном и Арменией, он проникся мыслью о праве народов на выход из навязанных им метрополий. Психологически это облегчало его задачу в Чечне. Выполняя указание Ельцина, Вольский сначала предложил мятежному генералу большие деньги, самолет и безопасный вылет в Иорданию, но тот с возмущением отказался. Дудаев утверждал, что возглавил свою республику по указанию из Москвы, что он искал встречи с Ельциным, что война абсурдна, поскольку он изначально был готов к переговорам по оформлению статуса, равного тому, что получил тогда Татарстан.

Переговоры шли 54 дня. Это было непросто, начались провокации. Сначала на базе федеральных войск под охраняемым вагончиком, где жил Вольский, кто-то оставил гранату с растяжкой, она чудом не взорвалась. Вольский писал о последующих событиях: «Когда проект соглашения 1995 года был практически готов, в комнату ОБСЕ вбежал дежурный: «Срочно заканчивайте! Сюда движется масса людей. В районе вырезали целую семью, и мулла везет обезглавленных детей». Не буду описывать кошмар этого дня, слезы, крики и то, как мулла, когда я вышел на площадь Минутка, бросил мне на руки трупик ребенка с отрезанной головой. Ясно было: произошла провокация с целью сорвать подписание. Я дал обещание найти виновных. У дома, где жила погибшая семья Чапановых, оперативно засекли отпечатки гусениц БТР, на котором подъехали убийцы. Решили провести замеры отпечатков всех БТР в округе, но военные отказали (!) в этом. Я звонил в Москву: «Дело непременно надо распутать. Нельзя, чтобы кто-то безнаказанно подливал масла в огонь». Увы, до сих пор не знаю, кто совершил преступление, отчего подъехавшие на нашем бронетранспортере говорили не по-русски и не по-чеченски».

(Сам слышать «чужую речь» он не мог и говорит о ней с чьих-то слов. Кто и зачем вбросил эту загадку и в без того темную ситуацию, неизвестно.)

Дудаев артачился, Масхадов шел на компромисс, в конечном счете они закончили договором о разводе и поэтапном вводе войск, разоружении боевиков, за исключением отрядов самообороны, и отложенном статусе республики. Подписали его командующий войсками ЧРИ Масхадов и командующий группировкой российских войск генерал Романов. Но Дудаев его не признал, а Масхадов попытался следовать договору против воли своего президента...

Тогда произошло покушение на генерала Романова, который стал сторонником завершения войны. Надежды на разумный мир были взорваны вместе с его машиной. Это произошло в Грозном, в длинном туннеле под развязкой на площади Минутка. Обстоятельства наводят на мысль о высоком профессионализме и технической оснащенности подрывников. Знать, когда, в какую секунду машина командующего будет пролетать мимо закладки, мог только тот, кто сам находился в туннеле. Или это был радиоуправляемый заряд, совмещенный с датчиком движения, но откуда у чеченцев такое снаряжение и опыт его использования? Да

и тогда он мог бы сработать не только на машину командующего. Значит, опять нужен тот, кто даст сигнал в нужную секунду. Но о смертнике ничего не известно, вблизи были только машины сопровождения. И еще вопрос: зачем чеченцам убивать того, кто уже готов к прекращению войны?

Следствием покушения стало забвение ранее принятых обязательств. А соглашение об отложенном статусе Чечни и выводе войск, по словам Вольского, просто исчезло из канцелярии российского президента.

На Кавказе опять заговорили пушки. Опять ракетно-бомбовые удары обрушились на города и села. Опять пошла торговля оружием, снова транспортные самолеты и рефрижераторы повезли в Россию «груз 200». Шесть месяцев первой чеченской войны уже унесли жизни тысяч российских солдат и офицеров, нескольких сотен боевиков и тысячи жизней мирных людей. Если бы тогда президент и правительство остановили вошедших в раж генералов, если бы они уняли свои спецслужбы, то вернулись бы домой тысячи российских солдат и офицеров, которые еще будут гибнуть полтора года, остались бы живы десятки тысяч ни в чем не повинных мирных жителей Чечни. Если бы российские власти сдержали слово о прекращении войны, не было бы жертв терактов в Первомайском, «Норд-Осте» и Беслане...

В начале XX века на железнодорожных станциях и в депо существовали так называемые «поворотные круги», въехав на которые, можно было развернуть вагон или паровоз на любой из имевшихся путей. Трагедия Буденновска была тем поворотным кругом, который мог развернуть «бронепоезд войны» и отправить его в небытие. Но, скрежеща окровавленным железом, он прошел полный круг, вернулся в ту же колею и двинулся дальше.

ДУМА-95

*Нас осталось мало,
мы да наша боль...*

Б. Окуджава

Избирательная кампания началась задолго до ее официального объявления. И нам предстояла жесткая борьба. Действовавший закон ставил избирателя перед необходимостью выбора не только своего «персонального» мажоритарного депутата, но и какого-то политического объединения, партии или блока. На половину состава новой Думы претендовали представители 43 политических партий и блоков. Разобраться в их различиях было трудно, и если человек шел на выборы, то, выбирая тот или иной партийный список, путался в слухах и мифах о тех, кого он почти не знал.

Так, социологический опрос петербургского СНИЦ, проведенный в октябре, показал, что 11 процентов от общего числа предпочитают «ЯБЛоко», 8 процентов – НДР, лишь 6 – за «Наш дом – Россия!», столько же за коммунистов и ДВР, 5 – за блок профсоюзов и промышленников, 3 – за «Конгресс русских общин», 3 – за «Женщин России». Остальные не собирались голосовать или не отвечали. Но итоги выборов окажутся совсем иными и покажут всю неустойчивость избирателя в его предпочтениях.

Администрация президента попыталась было предложить депутатам первого созыва сократить «партийную» долю в составе новой Думы, но встретила понятный отпор: по партийному списку говорун Жириновский мог протащить за собой всю ту свою мутную кодлу, которая не получила бы доверие народа в округах. То же самое и с «аграрниками», многие из которых не смогли бы связать перед телекамерой и пару слов. Не хотели персонально «светиться» и те, чьи капиталы могли вызвать вопросы у избирателей и соперников. А столичная политическая элита опасалась того, что по одномандатной системе пройдут только ставленники региональных властей. Так на юге России, в так называемом «красном поясе», будет обеспечено избрание коммунистов. Повторения «работы» со Съездом красных директоров в Кремле не хотели, и вопрос о сокращении «партийной» доли в новом думском составе был снят. Договариваться с политическими объединениями, которые могут быть поддержаны еще на стадии их создания, гораздо проще. Вслух же говорилось о том, что стимуляция партийной системы необходима для ее развития.

И коммунисты, и социал-демократы, уловив изменения в настроениях обще-

ства, перестали протестовать против войны на Кавказе и сосредоточили свою критику на «бедственном положении трудящихся». А оно действительно оставляло желать лучшего.

Е. Гайдар писал потом:

«Заложенная еще весной и летом 1993 года бомба экономической политики правительства, политики щедрых обещаний и фактического недофинансирования, к осени уже взорвалась. Невыполненные государственные обязательства в оплате военных заказов, расчетов за сданное зерно, гарантированные и не введенные субсидии, задержки в оплате труда врачей, учителей, выдаче денежного содержания личному составу армии и флота уже стали острой политической проблемой...»

В экономике каждой страны существует так называемая лаговая зависимость – временной промежуток, разделяющий момент или период, в который государство резко увеличивает находящуюся в обращении денежную массу, и начало соответствующего повышения темпов инфляции».

Эта догнавшая страну инфляция была одной из причин вынужденного отказа правительства от обещаний, которые под давлением Верховного Совета давались еще два года назад. Сторонников реформ среди избирателей это не прибавило.

Е. Гайдар:

«Центральный банк делает одну ошибку за другой. К сентябрю вложения в доллары становятся намного эффективней, чем в рублевые активы. Рост спроса на конвертируемую валюту приобретает взрывной характер. Центральный банк, валютные резервы которого истощены, умывает руки, уходит с рынка. Затем наступает резкое падение курса рубля, нарастание новой волны инфляции. Все результаты стабилизационных усилий осени 1993 года перечеркнуты».

Видя, что Черномырдин не способен на радикальные шаги по экономии средств, Гайдар ушел тогда из правительства. В октябре 94-го года случился очередной валютный обвал...

Начало чеченской войны подстегнуло экономический кризис, денег опять не хватает, и в начале 95-го года правительство уже занимает деньги под 350-400 процентов годовых, сокращает расходы по всем статьям и платит за войну сокращением фонда заработной платы в образовании, медицине, науке и культуре. Валютные резервы растут, но вся бюджетная сфера в состоянии хронического кризиса. Этим успешно пользуется левая оппозиция, чем больше ругани в адрес «дерьмократов», тем больше озлобленных обывателей в их лагере.

Рейтинг нашей партии падал вместе с рейтингом президента. Несмотря на то, что «Демвыбор», критикуя ошибки, упорно поддерживал Ельцина во всех позитивных начинаниях, в Кремле решают, что им нужен блок безусловной поддержки. Черномырдин объявляет о создании движения «Наш дом – Россия». Охранники и помощники президента уверяют его в том, что победа будет за этим

блоком. Это кажется логичным: союз чиновников и нуворишей имеет рычаги административного влияния, а те, кто захочет ими воспользоваться, денег на выборы не пожалеют... На самом деле это не так, в конце года социологические опросы ВЦИОМ говорят: на первом месте коммунисты. Но когда Ельцину докладывают, он не верит – службы ФАПСИ, которые находятся в подчинении Коржакова и Барсукова, дают победные сводки, и Ельцин предпочитает верить им.

А в нашем стане разброд и шатания. Консолидация сил – единственное, что может сохранить демократов в новом парламенте. Наши ближайшие соратники – партия «ЯБЛоко».

Егор Гайдар:

«Саморазвитие событий с неизбежностью подталкивает демократов к тому, чтобы объединиться и совместно выступить на следующих парламентских и президентских выборах...»

В этой связи мои коллеги по «Выбору России» предложили такое решение. Мы заключаем с «ЯБЛоком» коалиционное соглашение о сотрудничестве по мажоритарным округам, договариваемся об общих подходах к стратегии и тактике пропагандистской кампании. А также о том, что тот демократический блок из входящих в коалицию, который получает больше голосов, будет иметь право назвать своего кандидата в президенты, мы его вместе поддержим. 9 мая 1995 года, после того, как мы возложили цветы к Могиле Неизвестного Солдата, Явлинский подошел ко мне, предложил еще раз переговорить».

Они отправились в гайдаровский институт и там лидер «ЯБЛока» стал настаивать на том, чтобы уже сейчас заявить о его поддержке на президентских выборах.

Е. Гайдар:

«Я понимал, что без моего согласия на это его условие коалиции не будет, а значит, и надежды победить на парламентских и президентских выборах практически тоже не будет. Либо мы идем на выборы разрозненными и рискуем потерпеть тяжелое поражение, либо добиваемся единства, но ценой поддержки кандидатуры Григория Явлинского в президенты. Взвешиваю все доводы. Да, Явлинский – честолюбец, но ведь интеллигентный человек, умный, не любит ни коммунистов, ни национал-социалистов, противник войны, сторонник частной собственности. Мы договариваемся встретиться на телевидении, в очередных «Итогах», с тем, чтобы подготовить избирателей к возможности нашего сотрудничества. Снова обдумываю альтернативы. Наиболее серьезная угроза – коммунисты, в первую очередь Зюганов. Кто может ему противостоять? Ельцин? Черномырдин? На май 1995 года они слишком завязли с чеченской войной. Пока, судя по рейтингам популярности, демократические избиратели, по всей видимости, просто не проголосуют ни за того, ни за другого. И значит, будет Зюганов. Отсюда единственный наш

шанс – создать демократический блок, добиться объединения «ЯБЛока» и «Демвыбора». Поддержка Григория – необходимая цена. Придется ее заплатить. Еду на телевидение. Чуть позже приезжает Явлинский. Отвожу его в сторону и говорю, что готов принять его предложение. Он буквально преображается, в глазах триумф. Теперь при поддержке «ДВР» он не один из целой череды претендентов-демократов, а общепризнанный демократический кандидат в президенты. Меняется вся картина политического мира, открываются новые возможности. Явлинский предлагает тут же в эфире это и обозначить. Я соглашаюсь. Передачу смотрит практически вся политическая элита страны. Из нее очевидно: мы с Явлинским принципиально договорились о единстве демократов! Впрямую никакие слова не произнесены, но всем мало-мальски осведомленным все и так абсолютно очевидно».

Это не совсем так. На вопрос ведущего о том, как демократы намерены добиваться победы, Явлинский предлагает согласовать цели и не откладывая называть общего кандидата в президенты. Гайдар подтверждает, что «ДВР» готов немедленно провести согласительные консультации, что многие разногласия в прошлом, что единство уже есть по целому ряду позиций. Он говорит: «Убежден, мы должны быть вместе на следующих выборах, тогда у нас есть шанс, мы сможем не отдать нашу страну ни экстремистам, ни тем, кто слишком уютно в ней расположился, чтобы путать там свои интересы с интересами государства».

Ведущий задает ему прямой вопрос: готовы ли вы поддержать в президентской гонке Явлинского, который в случае успеха, наверное, предложит Гайдару пост премьер-министра? Григорий Алексеевич при этом закатывает глаза и довольно улыбается. И тут Егор Тимурович, тоже улыбаясь, говорит: «Ну, давайте не будем вот так прямо здесь вести все переговоры. Я думаю, мы должны провести серьезные консультации».

А на дожимающий вопрос журналиста: «И все же, это возможно?», отвечает: «Я не отмечаю никаких конструктивных идей».

Мы смотрели этот прямой эфир дома и мне показалось тогда, что Г. Явлинский ждал большего. Но осторожность Егора была оправдана.

Е. Гайдар:

«После передачи едем ко мне в институт и продолжаем разговор, конкретизируем, что делать дальше. Обсуждаем альтернативу: что лучше – общий блок или два блока, но с согласованными принципиальными позициями и согласованными кандидатами по мажоритарным округам; договариваемся решить этот вопрос в рабочем порядке. Оговариваем принципиальные политические проблемы, не затронутые раньше, вырабатываем план дальнейшей деятельности... Утром восторженные звонки и телеграммы из Москвы, Питера, регионов – ну наконец-то, договорились о единстве, не подвели. Резкий перелом в настроении демократического электората очевиден».

А на следующий день Григорий Явлинский заявляет об отсутствии дого-

воренностей. Гайдар в недоумении, он встречается с Явлинским в кабинете у Юшенкова: *«Явлинский в глаза не глядит. Я говорю о том, что надо срочно исправить положение, сделать совместное заявление, подтверждающее наше единство и договоренности. Он в ответ произносит что-то маловразумительное. О внутренних трудностях в «ЯБЛоке», о том, что решение не было достаточно тщательно подготовлено и возникли какие-то проблемы. Все дальнейшее просто не понимаю. Кажется, еще что-то о коммунистах, которые, по его мнению, в борьбе с нынешней властью могут стать союзниками. Чувство после расставания с ним преотвратнейшее».*

Гайдар еще надеялся на то, что это недоразумение или временный маневр. А вечером Явлинский выступил в той же телепередаче «Итоги» и объявил, что принципиальные расхождения «по вопросу о способах проведения экономических реформ» не позволяют «ЯБЛоку» входить в какие-либо коалиции. Единственным условием объединения он называет публичное покаяние гайдаровцев и признание его правоты.

Он говорит: «Мы не можем объединяться с теми, чей политический и экономический курс как раз и привел к появлению партий крупных собственников от власти». Явлинский бил по своему единственному стратегическому союзнику.

Что подвигло Явлинского на этот шаг? Старые счеты и личные амбиции? Выводы социологов, которые сказали, что вместо суммы объединенных голосов он потеряет часть своих сторонников? Или мысль о том, что выгодно отмежеваться от тех, чья песенка уже спета, а еще лучше – включиться в хор хулителей?

Шансы на успех у «Демвыбора» действительно были невелики – антивоенная позиция развела нас и с правительством, и с президентом, оголтелая кампания клеветы и обвинений в «пособничестве чеченцам» сокращала число наших сторонников.

Левые упорно внушали: в развале великой страны, в бардаке, в появлении богатеев на фоне общей нищеты виноваты Гайдар и Чубайс.

С самого начала в нашей фракции не было надежного единства, спешное формирование списка кандидатов на выборы привело к тому, что среди убежденных и порядочных либералов оказались и те, кто пришел в парламент за личным успехом, те, кто считал, что устроился в «партию власти». Когда оказалось, что это не так, уже через месяц начались «утечки»: побежали А. Макаров, А. Селиванов и Б. Федоров...

Вспоминает Алла Амелина:

«В одном из первых организационных заседаний фракции «Выбор России» участвовала Ирина Хакамада. Предполагалось, что она станет членом фракции, поскольку была официально включена в «список поддержки» блока ВР. Однако этого не произошло. Причина была банальна. Я стала невольным свидетелем ее разговора с одним из депутатов: «Посмотри на состав этой фракции, – сказала тогда Хакамада. – Здесь я обречена на вторые-третьи роли». Большие она во фракции не появилась...»

Когда наша фракция заняла жесткую антивоенную позицию, мы стали терять своих членов, и первым демонстративно ушел министр иностранных дел А. Козырев (удержаться на своем посту ему все же не удалось).

Продолжает А. Амелина:

«Именно тогда В. Рыжков публично высказал свое «кредо», многих повергшее в шок: «Вовремя предать – это не предать, а предвидеть». И перешел в группу «Россия». Антивоенная позиция «Выбора России», связанное с этим противостояние с властями, вызвали к жизни «политические технологии», прямо нацеленные на раскол фракции и партии. Знаю об этом не понаслышке. Не без участия администрации президента в Госдуме появилось еще две фракции, «Стабильность» и «Россия», в которые в основном и перетекли сторонники войны. Повторю, я совершенно не исключаю, что были среди них и такие, кто искренне считал свою позицию истинно государственной. Но знаю, что были и другие, испугавшиеся конфликта с властью, обеспокоенные своей дальнейшей политической судьбой, использовавшие момент для сомнительной карьеры».

Кроме уже названных, по разным причинам и предложениям, а то и без них, ушли: В. Ковалев, И. Устинов, Г. Бурбулис, С. Сулакшин, Э. Памфилова, В. Леднев, В. Бауэр, А. Александров, А. Головков, А. Генералов, В. Данилов-Данильян, А. Аулов, В. Давыдкин, В. Южаков, М. Полторанин, Б. Денисенко, П. Бунич, А. Нуйкин, Р. Исмагилов, В. Миронов...

Кто-то из них мотивировал свой уход несогласием по вопросу о том, каким должен быть бюджет, другие зывали к лояльности ради решения более важных задач. Оказавшись на верхних этажах власти или просто поглядев из окна самолета на мир в другом масштабе, можно задуматься о масштабе наших страстей и социальных бурь. Для кого-то это хороший урок своей гордыне, наглядный пример собственной малости, тем же, кто уверен в обратном, легко «вознестись» до рассуждений из мира геополитики, где оперируют эпохами, нациями и государственными интересами, где нет чувства сопричастности живущим внизу маленьким людишкам, которыми можно пожертвовать ради «общего блага». Хорошо, если по мере снижения на грешную землю эти мысли сменяются другими. А если нет? Так произошло, например, с нашим депутатом А. Нуйкиным. В разгар боев, когда чеченская земля дымилась от крови, в своем интервью журналистам он говорил: «Я тут возвращался из поездки в Индию, и пролетали мы над Кавказом, так вот, глядя сверху на этот клочок земли, понимаешь, сколь мал и незначителен этот локальный конфликт на фоне больших, настоящих проблем!» При встрече я уже не смог подать ему руку. Но если даже известного демократическими взглядами человека «грех попутал» стать государственнымником, то что же говорить о тех, кто изначально видит себя вождями народов? Для того, чтобы мыслить «по-государственному» им не обязательно взглянуть на землю с 6 тысяч метров, уверенность в своей исключительности, в своем праве решать людские судьбы может вознести и выше.

Мотивы ухода были разными. Так, Лев Пономарев и Глеб Якунин вышли из фракции потому, что считали ее позицию по войне недостаточно радикальной. А кто-то перешел в правительственные структуры, в Центризбирком, в губернаторы. Еще мы потеряли двух стойких демократов – скончались Дмитрий Волкогонов и Василий Селюнин. К завершению работы Госдумы первого созыва численность «Выбора России» сократилась с 78 до 47 человек. Мы знали, что заступаясь за людей на Кавказе и поддерживая правительство в его конструктивных делах, мы проигрываем тем, кто строит свою популярность на «патриотической» демагогии и повальной критике. И все же 60% нашей наскоро собравшейся команды не изменило своим принципам.

Михаил Михайлович мог бы занять проходное место в нашей части партийного списка кандидатов, но, устав от вынужденного общения с чуждыми ему людьми, баллотироваться отказался. А я был менее требователен и еще чувствовал в себе силы, в то же время мне, как и прежде, хотелось иметь ту степень свободы, которую давал прямой мандат от избирателей. Но его еще надо было получить. Количество кандидатов от разных блоков и партий, претендовавших на индивидуальные, мажоритарные мандаты, росло. Процесс согласований и распределений был не прост, наш предвыборный штаб искал и находил компромиссы с блоком Черномырдина и даже с питерским отделением «ЯБЛока». Мне достался округ, в который входили два центральных района с относительно «коренным» населением и часть рабочего района с большой долей питерцев в первом поколении. Без малого 500 тысяч избирателей. Ранее депутатом от этого округа был член нашей фракции, председатель Христианско-демократического союза Виталий Савицкий, но он решил перейти в другой округ, и мы поменялись местами. Правда, в 206-м округе собирались баллотироваться еще 15 кандидатов, но я получил поддержку «ЯБЛока», Христианских демократов, движения «Солдатские матери», общества «Мемориал» и Свободных профсоюзов. Так я стал единым кандидатом от демократических сил по 206-му округу. Когда начался сбор подписей за выдвижение, я узнал, что там же собирается баллотироваться и бывший следователь по особо важным делам при Генеральном прокуроре СССР Николай Иванов. Тот самый Иванов, который в паре с Тельманом Гдляном во время перестройки занимался расследованием масштабной коррупции в Узбекистане и ее связях с центром, он стоял на трибунах рядом с Ельциным, выступал по телевидению в роли «гонимого» партноменклатурой. Получив на этом популярность, стал депутатом Союзного съезда. Там он сидел тихо, и слава его померкла, но до какой степени, я не знал и пока списки кандидатов еще не были зарегистрированы, попробовал договориться о том, чтобы он выбрал себе какой-либо другой округ. Мы встретились в сквере на Васильевском острове, и я сказал: и у вас, и у меня примерно равная степень известности по всему городу, и если людям из демократического лагеря не придется выбирать между конкурирующими демократами, то каждый из

нас сможет получить всю их поддержку. А если мы будем соперничать в одном округе, то поделим их голоса и тогда нас может опередить кто-то третий. По улыбочке моего собеседника было видно, что эти аргументы он принимает за проявление моей слабости... И тут былая популярность сыграла с ним злую шутку. Мимо нас шел какой-то немолодой работяга. Вглядевшись, он узнал «героя перестройки» и кинулся горячо пожать ему руку, да еще и сказать какие-то слова поддержки и уважения. После чего довольный Николай Вениаминович развел руками и сказал: «Ну, вы же сами видите, зачем мне куда-то переходить?»

Я пожал плечами и мы расстались. Средства на расходы по избирательной кампании, которые мне выделил наш партийный фонд, были невелики (поддержка ДВР бизнесом сократилась), а своих капиталов у меня никогда не было. Но я делал все, что мог. Это были выступления на телевидении и радио вместе с другими кандидатами, листовки и буклеты, где я рассказывал о своей работе, о том, чем буду заниматься в случае избрания.

Я говорил о том, что помимо собственно законотворческой работы (а это все те законопроекты, которые проходили апробацию в нашем комитете и более 20 законов, в разработке которых я принимал непосредственное участие), это была еще и работа с письмами и обращениями. За два года моя приемная в Питере получила более 3000 жалоб, еще больше я получил в Москве, письма шли со всей страны. Это и старуха с Дальнего Востока, дочь репрессированных крестьян, которая безуспешно добивается возврата отцовского дома, это и письма из мест заключения о несправедливых приговорах, это проблемы в образовании и медицине. Это все то, с чем мы уже сталкивались в работе городской Комиссии по правам человека, но теперь уже в масштабах страны. По каждому письму необходимо разбирательство как по изложенным фактам, так и по изучению правовых обстоятельств, на это уходят не дни, а месяцы. К счастью, у меня была хорошая команда помощников, они не упускают ни одной темы. Жалобы обрастают повторными разбирательствами, справками и отписками... С трудом преодолевая сопротивление бюрократической машины, в той или иной мере помочь удавалось лишь каждому второму. На встречах с избирателями я рассказывал о своих попытках остановить войну на Кавказе, о пленных, о гибнущих солдатах, о заложниках. Я говорил о том, что есть опасность фашизации, что впереди большая работа, потому что, как и прежде, нет в нашей жизни ни одного уголка, где не нарушались бы права человека.

Мои соперники активно работали на свой рейтинг и не забывали обо мне. В самом конце кампании, за три дня до выборов, в городских газетах и теленовостях появился вброс: «Петербургские контрразведчики уличили Юлиа Рыбакова, являющегося депутатом Государственной Думы и кандидатом в депутаты на предстоящих 17 декабря выборах нового состава Думы, в распространении приукрашивающей его биографию информации. Он баллотируется по 206-му

избирательному округу Санкт-Петербурга от блока «Демократический выбор России – Объединенные демократы».

В официальном сообщении пресс-службы Управления ФСБ по городу Санкт-Петербургу и Ленинградской области опровергаются утверждения Юлиия Рыбакова о том, что *«в 1976 году он был осужден на 6 лет по сфабрикованному КГБ делу за распространение книг Солженицына, листовок и лозунгов»*. По данным УФСБ, *Юлий Рыбаков действительно был осужден Василеостровским народным судом к шести годам лишения свободы, но за воровство и хулиганство... Петербургские контрразведчики утверждают, что Юлию Рыбакову не инкриминировались какие-либо действия, связанные с распространением листовок или произведений Солженицына»*.

Это был удар. Впереди осталось всего два рабочих дня, затем «день тишины», а за ним день голосования. Как за пару оставшихся дней объяснить сотням тысяч избирателей, что было на самом деле 30 лет назад?!

Вечером, возвращаясь домой после экстренного совещания в нашем избирательном штабе, думая о том, что меня «выбили из седла», я машинально сунул руку в наш почтовый ящик. И вытащил оттуда большой запечатанный конверт. Когда я разорвал его, оттуда выпали несколько листов и пленок.

Это были подлинные материалы из нашего следственного дела, и они говорили правду! Я держал в руках документы из дела № 64, где черным по белому было написано: «Рыбаков Юлий Андреевич в течение 1976 года в Ленинграде активно распространял среди своего окружения клеветнические измышления и литературу, порочащую советский государственный и общественный строй, т.е. совершил преступление, предусмотренное частью первой ст. 70 УК РСФСР». Далее следовало решение следователя КГБ о моем аресте, а сверху на постановлении была резолюция: «Заключение Рыбакова Юлиия Андреевича под стражу санкционирую», и.о. прокурора г. Ленинграда ст. советник юстиции Немченко В. А.» Вторым документом было постановление об избрании меры пресечения в виде ареста по тем же «антисоветским» основаниям...

Как? Откуда? Кто положил их в наш почтовый ящик? Мы ломали голову и не могли найти ответ. Неужели и там, среди гэбистов, нашелся порядочный человек? Там же, в конверте, нашлись и наши с Олегом фотографии, которые были сделаны уже в изоляторе КГБ на Шпалерной и даже негативы фотоснимков тех надписей на Петропавловке и в других местах, отснятые чекистами после их обнаружения.

У меня отлегло от сердца. Слава Богу, есть доказательства, что за сфабрикованным уголовным обвинением были скрыты те реальные обстоятельства, которых нечего стыдиться. Но как донести эту правду до людей? Мои противники все рассчитали: газеты на конец недели уже сверстаны, свой бесплатный лимит на телевидении я уже исчерпал, платить за спецвыпуски мне нечем. Ходить по квартирам, показывать эти бумаги, но сколько людей мы успеем обойти за оставшееся время?

Наутро, скопировав документы, я помчался в штаб, а там меня уже ждал Борис Пустынцев и женщина, которая участвовала в судебных заседаниях на нашем процессе. В советские времена в судебных заседаниях, помимо судьи, участвовали еще и «народные заседатели». Они, как правило, молча отсиживали все заседания, а судья хоть и делал иногда вид, что советуется с ними, решение принимал сам. Услышав из теленовостей «разоблачающее» заявление чекистов, Галина Шелемова пришла в «Мемориал», чтобы опровергнуть эту информацию. Оказалось, что еще тогда, в 1976 году, она поняла, что в суде разыгран спектакль и теперь захотела об этом рассказать. Ее переправили к Пустынцеву, а тот познакомил нас и поехал с ней к Дмитрию Рождественскому, который возглавлял тогда «11 канал» питерского ТВ.

Там записали ее рассказ:

«Я была участником процесса над Юлием Рыбаковым в качестве народного заседателя Василеостровского суда, где в 1977 году проходил этот процесс. В то время, в глухие времена застоя, у нас не было политических процессов. Поэтому было сделано все так, чтобы этот процесс был представлен в виде уголовного. Суд был как бы открытый, но зал оказался заполнен людьми из районного КГБ, человек тридцать от них приходили и занимали места. Вокруг нашего суда Василеостровского ходили диссиденты (как я теперь понимаю), но никого внутрь не пускали, все было оцеплено. Это был позорнейший процесс, потому что все было по нотам разыграно. И вот теперь снова начинается история 30-летней давности. Потому что больше сказать нечего, нечего сказать плохого о Юлии Андреевиче. Значит, что? Значит, нужно вытащить эту старую историю и показать людям, вот какого «уголовника» вы выбираете. Я хочу, чтобы торжествовала истина, поэтому и свидетельствую, как все было на самом деле».

В четверг вечером ее интервью вышло в эфир. Но это был не самый популярный телеканал и его аудитория не могла сравниться с главным питерским телевидением. Мы же переслали по факсу копии полученных документов в Москву, в исполком ДВР с надеждой, что там найдут способ дезавуировать запущенную против меня подлянку...

На следующий день, последний, когда была позволена агитация, мне позвонил из Москвы сын, который продолжал работать тогда на телеканале РТР в программе «Вести». Он сказал, что мне стоит посмотреть вечерние восьмичасовые новости. Их вела популярная телеведущая, красавица Светлана Сорокина. Позже Володя рассказал мне, что она отозвала его перед выпуском новостей в сторону и сообщила, что не сразу решилась на комментарий о том, что происходит в Петербурге. Но ей удалось увидеть ксерокопии документов о моем аресте, и теперь она может со спокойной душой выйти в эфир с комментарием.

В те годы мы не располагали техникой, которая позволяла бы нажать кнопку

телефона и записать ту или иную телепередачу, а по прошествии стольких лет я уже не помню того, что я услышал, дословно. Но смысл того, что прозвучало среди других новостей был в том, что кандидат в депутаты от Санкт-Петербурга Юлий Рыбаков подвергся публичному шельмованию со стороны спецслужб, которые обвинили его в присвоении статуса бывшего политзаключенного. Но, сказала Сорокина, редакция располагает данными, которые подтверждают участие этого кандидата в правозащитной, диссидентской деятельности, за которую он и был репрессирован.

Мои избиратели это слышали, атака была отбита. Гэбисты никак не ожидали, что их попытка утопить меня в дерьме обернется против них, до конца избирательной кампании оставались считанные часы и предпринимать что-либо у них уже не было времени.

Утром в понедельник стало известно, что я получил 27% голосов, что было наилучшим мажоритарным результатом из всех 7 городских округов. За следователя Иванова проголосовало 20%, (с таким результатом он получил бы мандат в любом ином округе), а третьим оказался результат – против всех, за этого «кандидата» проголосовало 10% избирателей, остальные 13 кандидатов распределились по нисходящей.

Хороший результат – 12% – был и у питерской части нашего партийного списка. Питер, несмотря на все беды и чистки, все же оставался вольным европейским городом, доля сторонников либерального курса у нас оказалась даже чуть больше, чем в Москве, но радость была недолгой, наш общий результат до планки все же не дотянул. К этому еще добавилась беда – за неделю до выборов погиб наш товарищ Виталий Савицкий. Водитель, который вечером вез его в округ, грубо нарушил правила и подставил служебную машину как раз тем бортом, где сидел Виталий, под встречный «Мерседес». Скорая медпомощь не спешила и приехала, когда страдавший от тяжких травм депутат уже скончался. Следствие не нашло признаков умышленной подставы, но у помощников депутата остались вопросы. Серьезно пострадала помощница депутата, ее отвезли в дежурную больницу, куда свозят обычно подобранных на улице бомжей. Водитель отделался травмами средней тяжести, но его отвезли в Военно-медицинскую академию, а там он почему-то вскоре умер. Вскоре к жене моего помощника Игоря Сошникова, которая вышла подышать свежим воздухом около их дома, подседа женщина. Она тяжело вздыхала и Лена спросила ее: «Что случилось?» Та сказала, что живет по соседству, что ее муж попал в аварию, что он врезался в машину с депутатом и теперь болеет... Это совпадение показалось Лене подозрительным, тем более, что уже было известно: имевший четыре судимости водитель «Мерседеса» работал в известной криминогенными связями охранной фирме. Жена Игоря Сошникова не стала продолжать разговор, на который напрашивалась женщина. Больше Лена ее не встречала.

Кому могла быть нужна смерть Виталия? Соперникам по выборной гонке? Он баллотировался в моем предыдущем округе, кроме него в списке было еще 17 претендентов, из влиятельных и богатых – председатель совета директоров промышленно-строительного банка СПб Валерий Филиппов и глава Балтийского морского пароходства В. Харченко (был еще председатель совета директоров БМП Иван Лушинский, который тоже собирался выдвигаться в Госдуму, но его убили еще в октябре). Харченко и Филиппов скорее всего считали себя главными соперниками. Но и после смерти Савицкого Филиппов оказался на третьем месте. Харченко, который уже проигрывал выборы дважды, получил тогда второй результат, а всех неожиданно опередил «яблочник» Никифоров.

В Думе первого созыва Савицкий руководил подкомитетом по делам общественных и религиозных организаций. 14 декабря в Санкт-Петербурге должна была открыться Всероссийская конференция по тоталитарным сектам. По утверждению помощников Виталия, он хотел обнародовать на конференции какие-то важные документы. Речь пошла бы о том, что к преступлениям секты «Аум Синрикё» (распылившей смертельный газ в токийском метро) причастен председатель экспертного совета правительства РФ Олег Лобов.

Журналист Пол Хлебников писал: «На следствии сектанты объявили, что получили от Лобова технологические документы на производство зарина в обмен на 100 000 долларов. Более того, Лобов разрешил членам секты «Аум Синрикё» провести военную подготовку на засекреченной военной базе в центре России. На допросах в прокуратуре Лобов все отрицал».

В послевыборной думской кутерьме о гибели Виталия быстро забыли. Я знал, что его жена с ребенком-инвалидом ютится в какой-то питерской клетушке. Поэтому пришлось напоминать об этом зампреда Думы Артуру Чилингарову до тех пор, пока я не услышал, что им назначена пенсия по потере кормильца и предоставлена квартира.

Когда подвели итоги голосования, оказалось, что 49% активных избирателей проголосовали за те партии и блоки, которые не преодолели 5% барьер. Результат его введения: почти половина избирателей осталась без своих представителей в Думе. Так, партийному списку «Выбора России» для преодоления пятипроцентного барьера не хватило 1,2%, а все отданные за нас 2,5 миллиона голосов увеличили число мандатов, полученных другими партиями.

Вместе со своими одномандатниками «ЯБЛоко» получило 45, ЛДПР – 49, проправительственная партия «Наш дом – Россия» (НДР) – 55, а коммунисты – 139 мандатов! В Кремле это вызвало шок. Провал «партии власти» был расценен Ельциным как серьезная опасность и заставил его задуматься о своем избрании на второй срок.

Из «Выбора России» в индивидуальном порядке по округам были избраны только 8 депутатов: Эдуард Воробьев, Владимир Головлев, Семен Зубакин, Сергей Ковалев, Виктор Похмелкин, Александр Починков, я и Сергей Юшенков.

Вскоре к нам присоединилась Галина Старовойтова. Еще в Питере я предложил ей кабинет рядом с моей приемной на Большой Морской, 35, где пустовала часть помещений, зарезервированных мэрией под такие нужды. А в зале наших пленарных заседаний Галина Васильевна получила место в нашей группе. В то время она еще прихрамывала после неудачного падения и, чтобы ей было проще, я уступил ей свое место у прохода. Сидя рядом, мы обсуждали текущую работу и советовались по спорным вопросам.

С первых дней работы во второй Думе коммунисты и жириновцы обрушили на Галину Васильевну всю свою ненависть к демократам. Причем их враждебность была несоразмерна тому политическому весу, который был у оказавшихся в меньшинстве демократов. Предложения и замечания, с которыми она выступала на пленарных заседаниях, носили деловой, рабочий, конструктивный характер. Несмотря на это, всё, что исходило от нее, гробилось на корню.

Даже если она была лишь участником какого-либо проекта, ее фамилии в списке авторов было достаточно, чтобы законопроект провалили. Так было, например, с поправкой в закон о восстановлении прав жертв политических репрессий. В действовавшей редакции денежная компенсация за утраченное имущество полагалась только тем, кто проживал на территории РФ. Несколько депутатов, в том числе я и даже член президиума ЦК КПРФ Зоркальцев, вышли с предложением распространить эту компенсацию на тех жертв репрессий, которые после распада Союза оказались жителями других государств. Проект вызвал яростное сопротивление коммунистов не только потому что они не желали слышать о своих жертвах, но еще и потому, что среди авторов была Старовойтова...

Похоже на то, что при отсутствии в парламенте уже назначенных патриотами «врагов народа» (Гайдара и Чубайса), кто-то должен был стать олицетворением «антинародного и грабительского» режима. Почувствовав сфокусированную на себе злобу, Галина Васильевна не отступала, а всегда делала шаг вперед. Ошибки коммунистов и жириновцев, их гулянки в стенах Думы, использование должностных полномочий в лоббировании, наличие криминальных авторитетов в составе фракций ЛДПР, скандальная история с защитой «диссертации» Жириновского – все было предметом ее жесткого комментария в прессе. Ей отвечали хамством и, несмотря на то, что в октябре 93-го года ее не было ни в Москве, ни в России, ее будут винить даже за стрельбу по Белому дому.

Благодаря сговору коммунистов, единомыслителей и жириновцев, им достались самые важные думские комитеты. За поддержку бывшего члена ЦК КПСС Г. Селезнева, который возглавил Думу, «ЯБЛоко» получило руководство комитетом по бюджету.

Наша группа продолжила свою работу в думских комитетах. Ющенко стал заместителем председателя комитета по обороне, Старовойтова включилась в работу комитета по делам общественных и религиозных организаций.

Там она работала над проектом закона «О правовом статусе национально-культурных объединений, национальных, культурных, языковых и этнорелигиозных меньшинств Российской Федерации». Реакцией на ее гуманитарную инициативу была слепая, злобная и невежественная критика.

В законопроекте речь шла о представительных группах тех малочисленных народов (или народностей), которые живут в рассеянии по стране и «сохраняют свой язык, традиции, культурные особенности, особенности психологии через поддержание вне государственных национально-культурных объединений и благодаря чувству социально-психологической общности». Старовойтова говорила о том, что «величие больших народов определяется не столько их способностью демонстрировать силу, а их готовностью защищать права меньшинств», о том, что эти группы имеют «право на использование своих языков во всех сферах официальной и общественной жизни, на исповедание любой религии, вероучения или идеологии; на представительство в органах местного самоуправления; на национально-культурную автономию; на создание национально-культурных объединений, обладающих статусом общественных организаций; на следование своим традициям и обычаям, касающимся брака, семьи, отношений между поколениями и воспитания детей (в том случае, если это не противоречит действующему законодательству); на сохранение и развитие своих традиций, обрядов и обычаев; на официальное признание вклада своей национальной группы, включая все формы народного и профессионального творчества, в общую культуру страны; на ее поддержку государством». Говоря об этой поддержке, она подчеркивала, что речь не о дополнительном финансировании, а только о том, что 12% из тех средств, которые уже выделяются на национальную политику, должны быть защищены для целевого расходования на этнокультурные нужды национальных меньшинств. Кандидат наук, профессиональный этнолог и социолог, она, в отличие от тех, кто ее слушал, знала, о чем говорит. Но то, что она услышала в ответ, нельзя было назвать критикой.

Коммунист Биндюков заявил, что самым обездоленным национальным меньшинством является русский народ. Его сопартиец и антисемит А. Макашов задал вопрос о том, сколько у нас в правительстве евреев. Аграрник Бурдуков, продолжая ту же тему, сказал, что «национальные меньшинства составляют основу банковского лобби, банковского капитала, и, я думаю, что они должны сами помочь себе в этом вопросе, в плане финансов». В законопроекте речь шла только о поддержке этнических культур малых народов, но представитель президента генерал А. Котенков взъярился на слово «народы» и заявил, что в России существует только один многонациональный народ, а малые народности, если мы станем называть их народами, тут же развяжут войну...

Несколько выступлений в защиту проекта общего настроения не изменили. Будь автором закона кто-нибудь из «левых», его бы приняли и стали дорабатывать. Но

автором была Г. Старовойтова, и за принятие проекта в первом чтении проголосовали только члены «ЯБЛока» и независимые демократы – 48 человек, остальные 400 были против или не голосовали.

Я же остался в комитете по законодательству. Работать там стало непросто: комитет возглавил последний председатель Верховного Совета СССР и кандидат в члены политбюро ЦК КПСС, вдохновитель августовского путча 91-го года Анатолий Лукьянов.

За внешней мягкостью этого волчары скрывался опыт интриги, это он был автором того вопроса о сохранении СССР, который был вынесен на референдум и где народу было предложено проголосовать за все хорошее против всего плохого, и это он был серым кардиналом путча 91-го года. Из 15 членов комитета на демократических позициях держались шестеро, в том числе и заместитель председателя Елена Мизулина из «ЯБЛока». Тогда она была крепким демократом и стойко защищала наши позиции во всех законотворческих вопросах. Помню, как в комитете, где мы отмечали ее день рождения, я назвал ее «лучом света в темном царстве», и потемневший Лукьянов зыркнул на меня волчьим взглядом. (Потом какая-то проблема сломит Мизулину, и она круто повернет в сторону защиты «традиционных ценностей православного мира» в ущерб всему остальному.)

Забегая вперед, скажу: в конце работы второй Думы я узнаю, что многие «иногородние» депутаты первого и второго созывов обзавелись-таки квартирами, которые были предоставлены им только на время работы. Я удивился тогда: с моим участием раздача служебного жилья вроде была прекращена? Еще в январе 1997 года мой бывший коллега по Ленсовету, депутат от фракции «ЯБЛока» Б. Моисеев внес предложение дополнить закон о статусе депутата Госдумы положением о том, что всем нам могут выдаваться безвозвратные субсидии на приобретение жилья в столице. Тогда мы вместе с Виктором Курочкиным и другими подали свой альтернативный вариант, в котором исключалась такая возможность.

Моисеев, после того, как в «ЯБЛоке» его не поддержали, выступить в обоснование своего предложения постеснялся, за него это сделал спикер Г. Селезнев. А от нас тогда выступил В. Курочкин, он привел цифры: 69 депутатов оформили уже себе квартиры в собственность, еще 14 человек уже получили компенсацию. В сумме это обошлось бюджету в 25 миллиардов. А сумма месячного трансферта для ветеранов, инвалидов и детей в Читинской области, от которой Виктор избирался, составила 21 миллиард. Курочкин призвал депутатов опомниться и не компрометировать себя. Но все было напрасно, за отмену выплат нашлось лишь 22 голоса, а за халявные московские квартиры – 316! Но наш протест услышали в Совете Федерации, там принятый нижней палатой закон не утвердили, он был снят с рассмотрения, и я думал, что эту позорную историю мы закрыли. Но не тут-то было!

Запросив Управление делами Думы я обнаружил, что помимо получения задарма, которым успели воспользоваться самые ушлые, потом нашелся и другой способ – отказ от своего жилья в глубинке в обмен на квартиру в Москве или выкуп по заниженной балансовой стоимости. А когда я получил списки новых столичных жителей, оказалось, что возвращаться к своим избирателям не захотели 149 депутатов: 15 «аграрников», 18 «яблочников», 20 «жириновцев», 28 депутатов из фракции «Наш дом – Россия», а коммунистов оказалось больше всех, остаться в столице предпочли 56 радетелей за бедный народ. Нашлись там члены и других фракций, некоторые, разводясь с женами, ухитрились получить даже по две квартиры (но в списке не оказалось ни одного депутата, члена партии «Выбор России»).

Пленники, палачи, генералы

Начиналась работа в новой Думе, и тут пришли новые вести из Чечни. В мой кабинет прибежали помощники Ковалева, оказывается члены «Мемориала» Александр Гурьянов и Андрей Блинушев принесли в кабинет Ковалева записку, которую привезли из Чечни. На дороге где-то у Ассиновской их вместе с журналистами чуть не забрали в плен невесть откуда взявшиеся боевики. Поначалу они грозились перестрелять всех за то, что журналисты не пишут правды. Но потом их предводитель сказал: ладно, езжайте в Москву, у вас там есть этот правозащитник Ковалев, я ему сейчас письмо напишу, передайте!

В записке было написано:

«Уполномоченному Ковалеву, Москва.

Я, Руслан Хайхароев, командующий укрепрайона Бамут, каждый день вижу, как в долине ваши самолеты бомбят мирные села, бомбят Серноводск. У меня в плену 90 пленных солдат. Если бомбежки будут продолжаться, я буду расстреливать по пять человек в день после каждого налета. Скажите вашим генералам, перестанут бомбить, можем начать обмен. Нет – буду расстреливать».

Еще он сказал, что требует передать это в СМИ и ждет Ковалева в Бамуте. Пресса не спешила публиковать эту информацию, а реакции со стороны правительства или военных не было. На второй год войны внимание общества уже не было приковано к тому, что происходит на Кавказе. Если раньше, в ходе фронтальных противостояний федеральных войск и объединенных общим командованием чеченских отрядов, журналисты еще понимали логику войны, то после возобновления боевых действий оказалось, что противостоящие силы воюют на одной территории, вместо двух появились десятки «фронтов», война превратилась в борьбу с партизанщиной на занятой, но плохо контролируемой территории. Пресса уже не пишет о каждой бомбежке, о каждом боестолкновении, их слишком много, и они не приводят к радикальным переменам. А власти и официальная печать уже научились полуправде, где обтекаемые формулировки пытаются успокоить и отвлечь читателя... Но в обывательской среде отвращение и усталость от бесконечных ужасов и военных потерь дошли до того, что уже можно услышать: «Да грохнуть пора этих чеченов! Одной атомной бомбы на всех хватит».

Время для тех, кто был в бамутском плену, шло на часы. Еще в мае 95-го года полевой командир Р. Гелаев, как и теперь Хайхароев, объявил, что будет расстреливать по пять пленных, если не прекратятся бомбежки горных сел. В по-

следующие дни были расстреляны восемь человек, а их тела были сброшены в рудоспуск у подножия горы, где находились федералы. Когда пришла записка, Сергей Адамович лежал в больнице после коронарного шунтирования. Он написал Хайхароеву письмо, где попытался объяснить абреку, что пленные – тоже жертвы войны. Что не они ее развязали, что их гибель только усугубит ситуацию, а он и все честные политики в России делают и будут делать все, что смогут, для прекращения войны... Я получил от него это письмо вместе с просьбой отвезти его в Бамут. Вместе со мной решил ехать член «Мемориала» Александр Черкасов, человек надежный и бесстрашный. Мы еще не знали, что едем в гибельное место, что Ачхой-Мартановский район и Бамут – наиболее вероятные места гибели Лены Петровой, грозненского священника о. Владимира, журналиста Фреда Кьюни, что за неделю до нас именно там навсегда пропали наши питерские журналисты Максим Шабалин и Феликс Титов, а затем и отправившийся на их поиски фотограф Сергей Иванов.

Когда-то это горное село было местом дислокации стратегической ракетной базы, от нее остались не только пусковые шахты, но и подземные бункеры и переходы, место действительно было укреплено и оборонялось уже третий год. За ним лесистый хребет Цорейлам и заснеженные вершины Кавказа, перед ним склоны Амитинского хребта нисходят к равнинной части Чечни. Но как нам попасть туда? Ведь по сводкам военных, Бамут в кольце штурмующих войск. Хотя если даже Хайхароева можно встретить на уже занятых войсками территориях, то значит, где-то есть лазейки.

Мы летим по уже привычному маршруту в Назрань в надежде на то, что еще раз помогут ингушский президент Руслан Аушев, его заместитель Борис Агапов, уполномоченный по правам Азамат Нальгиев.

Помогли. Дали машину, договорились что в Галашках нам дадут другую. А к вечеру в гостиницу прибежал журналист из НТВ Алексей Поборцев и упрямил нас взять его и оператора с собой. У них была аппаратура: большая тяжелая телекамера «Бетакам», штатив, какие-то сумки. Как мы все поместимся в маленькой «Ниве», которую нам дали? Но журналист умолял, а я подумал, что репортаж о судьбе молодых парней, солдатиков, офицеров, жизнь которых висит на волоске, будет полезно увидеть тем, кто уже стал привыкать к тому, что где-то идет война. До Галашек поднялись быстро, а там нас уже ждала вторая машина – мощный внедорожник. Дальше по крутым подъемам и спускам, по едва видной колее, а то и без нее, ехали уже на двух машинах. Останавливались, выгружали журналистов, одна машина вытягивала или страховала другую, где-то толкали забуксовавшую технику, по очереди несли аппаратуру. Слева заросшие склоны, вокруг заледеневший буковый лес, седые космы мхов, снежные прогалины, сквозь которые уже зеленеет чавыча, под ногами разъезжающиеся русла полузамерзших ручьев. Проводники объясняют, что есть дорога и получше, но там можно нарваться на федералов или наехать на чью-то мину. На каком-то ровном

участке нам говорят: нет, здесь пойдем по верху. Почему? Там мертвые – показывают вниз, на редкий перелесок – кости там чьи-то лежат.

К концу дня не по дороге, а прямо из леса въезжаем в деревню. «Бамут? – Не, Аршты. Бамут дальше, туда прямо нельзя, надо здесь сначала объявиться».

Заходим в дом, похоже, местная администрация. Пусто, никого. Проводник куда-то уходит, возвращается с мужчиной, в полувоенной форме. Строгий, напряженный, удивленный, представляется старостой. Показываем документы, объясняем: так и так, Хайхароев, пленные, письмо Ковалева... Староста с подозрением присматривается к журналистам и уходит. Ждем. Проводники нервничают и уезжают.

Староста зовет к себе в дом, его жена кормит нас, там выясняется, что мы попали прямо к начальнику ичкерийского «департамента по исполнению наказаний и содержанию пленных» Усману Фирзаули. Он говорит, что Хайхароев не имел права делать таких заявлений, что он уже связался с настоящим комендантом Бамута, и тот, возможно, придет в Аршты, чтобы поговорить. Жена Усмана уходит, нас укладывают спать, меня на диван, Саша и журналисты вместе с хозяином на полу, на кошмах.

Потом мы узнали, что вслед за нами отправился и наш боевой товарищ, депутат Валерий Борщев. Но он полетел в Чечню через Ханкалу, а там его встретили наши вояки, и узнав, что он хочет пробраться в Бамут, сказали: «Туда не попасть, мы их так обложили, что мышь не проскочит. А вашего Рыбакова мы уже назад отправили».

Наутро, проснувшись, встаю, осматриваюсь, вижу в углу за диваном – карабин, на полу – разгрузка с гранатами. Выхожу во двор, сыро и холодно, краем глаза вижу, что Усман наблюдает за мной в окно. Возвращаюсь. Хозяин поит всех чаем, говорит с кем-то по радию. Вскоре мы слышим шум подъехавших машин, входят трое в чистой, явно только что отглаженной офицерской форме, один представляется: комендант укрепрайона Бамут Хамзат Батаев. Его спутники рассматривают наши документы, мы еще раз рассказываем об ультиматуме Хайхароева, они демонстративно возмущаются. Говорят, что это не его дело, что Дудаев запретил расстрелы. (На самом деле полевые командиры уже свободны в своих оперативных решениях, когда им был нужен труд пленников, они их берегли, когда те становились обузой, могли ликвидировать. А департамент госбезопасности Ачхой-Мартановского района был в руках у Доку Махаева и Ризвана Эльбиева, которые расстреляли уже не одного строптивого пленного или мнимого «лазутчика».

«Хорошо, – говорю я, – но мы все же должны увидаться с Хайхароевым, у нас для него письмо от Сергея Ковалева. То письмо, которое он ждет. И мы должны убедиться в том, что он откажется от угрозы, что пленные будут живы». Командиры опасаются пускать нас в Бамут, взяв письмо, обещают передать. Саша и я настаиваем, они спорят, по радию зовут Хархароева приехать в Аршты, тот

отказывается. Все же едем, путь недолгий, на какой-то поляне водители прибавляют газ, нам показывают: «Там, за деревьями, вчера видели ваши танки, могут пальнуть».

Проскакиваем и въезжаем в то, что было селом. Сейчас это развалины, ни одного целого дома, все перепаханно взрывами, останавливаемся. Нам показывают огромную воронку, метров десять в диаметре, объясняют: «Вот такими бомбами нас глушат. Но нам нипочем. Бамут не сдастся! – А там что?»

Над перепаханной землей качаются на ветру высокие шесты с белыми (а может быть, зелеными) лоскутами. «Это могилы тех, кто здесь погиб».

Мы прошли дальше, до перекрестка, там в окружении боевиков стоял маленький бородатый крепыш в папахе, тот самый Руслан Хайхароев. Завидев телекамеру, он приосанился, видно было, что он доволен тем, что оказался в центре внимания. Глубоко посаженные глаза, физиономия плотоядная, наглая...

– Ас-саламу алейкум!

– Алейкум ас-салам! – отвечаю я. – Ты прочел письмо Ковалева?

– Да, прочел!

Видя, что нас снимают, он встает на какую-то кочку, чтобы оказаться выше меня, но это удастся только его папахе.

– Пленных покажете?

Батаев отдает распоряжение. Пока мы ждем, я пытаюсь втолковать абреку что-то о гуманитарном праве, о том, что отношение к чеченцам в мире прямо зависит от их отношения к пленным. Он, любуясь собой, растягивая короткие фразы, отвечает: «А я что должен делать? Когда вижу, ваши бомбят Серноводск, нет там наших боевиков, а они бомбят. Самашки опять бомбили! Я что, смотреть должен? Нет, я под слово Ковалева подожду пять дней, а если снова, расстреливать все равно буду».

Я иду к Усману и Батаеву – так кто у вас решает? Те на чеченском ругаются с Хайхароевым, говорят нам: «Нет, мы не дадим».

Вижу, что на самом деле, кто тут главнее, еще вопрос. (Позже Хайхароев будет убит в каких-то внутренних разборках.)

Пока мы разговариваем, журналист берет оператора, они отходят далеко в сторону, и Поборцев что-то говорит на камеру. Маленькая камера есть и у меня, но включив и держа ее в руке, я тут же про нее забыл. Потом отдал Черкасову, и часть моего разговора с приведенными пленниками, помимо случайных кадров, все же записалась. Привели только пятерых. Я под запись спросил, кто и откуда: Сергей Колотько, Владимир Смирнов, Иван Пономарев, Артур Арзуман, Василий Сергеев.

Спрашиваю, как попали в плен? Как и в предыдущих рассказах, кто-то в бою остался без патронов и подмоги, а кого-то послали в лес за дровами или в деревню за хлебом или водкой. Как правило, такие бедолаги в армейских сводках числятся как самовольно оставившие часть, командиры, которые отправляют

молодняк на поиски выпивки или жратвы, признаваться в этом не спешат. Я обещаю пленникам сообщить родным о том, что они живы, говорю, что теперь они в списках нашей Комиссии и мы будем искать способ возвращения (позже всех пятерых, как и многих других, нашей Комиссии действительно удалось освободить).

Полевые командиры рассказывают о том, что их укрепрайон уже выдержал 9 лобовых штурмов, что во время последнего штурма 23-24 февраля попали в плен 30, а погибли более 200 солдат. По мусульманскому обряду покойный должен предаваться земле в день его смерти, если это невозможно, то в ближайший. С возмущением и презрением боевики говорили о том, что тела убитых солдат несколько дней лежали на склоне горы, но даже когда они пообещали федералам, что не будут стрелять, за ними никто не пришел. Чеченцам, по их словам, пришлось самим собирать и хоронить убитых солдат в общей могиле.

Обратно мы возвращались уже через Нестеровскую, вез нас на своей машине Усман. Переезжая через речку Чемульга, застряли, у Фирзаули на бампере внедорожника была лебедка, цепляем ее за дерево, выбираемся, а через десять метров резкий удар, машина клюет носом. Выходим, оказалось, что трос на ходу соскочил, размотался и его крюк застрял между камней. Лебедка оторвана, Черкасов чешет в затылке и говорит: «Да, придется вместе с бампером менять...» – «Ага, неплохо бы и прокладку между рулем и сиденьем заменить!» – с досадой шутит Усман.

Мы летели домой с тяжелым сердцем. (Чуть позже в Серноводск, из-за бомбежек которого Хайхороев и выставил свой ультиматум, приезжали депутаты В. Борщев, Шандыбин и другие. Они убедились в том, что бомбежки ближних сел продолжаются.)

Вернувшись в Москву, вечером включаю телевизор и в новостях вижу журналиста Поборцева. Стоя на фоне уже знакомого старого танка, он с гордостью говорит: «Только нам, журналистам НТВ, удалось проникнуть в осажденный Бамут». Далее кадры разрушений, издали боевики, какие-то общие слова. И это все?! Вот бес! И зачем мы его тащили на себе?

На пресс-конференции в «Мемориале» мы с А. Черкасовым рассказали о пленных, чья жизнь висела на волоске, назвали их имена, а я прокомментировал саморекламу начинающего журналиста. (Много позже, когда это стало разрешено, Поборцев сделал хороший документальный фильм «По ту сторону войны».)

Эта поездка изрядно меня удручила, я понимал, что наша попытка спасти пленников еще ничего не дала, все будет зависеть от настроения тех, кто хозяйничает в Бамуте. Полгода назад я перемещался по республике и встречал там людей, которые, несмотря ни на что, сохраняли обычаи гостеприимства, искали понимания. Война превратила эту землю в кричащую от боли гнойную рану, где уже копошились черви. Волонтеры из «Мемориала», работая в Ингушетии, опро-

сили полторы тысячи беженцев и, определив сколько убитых знает одна семья, удалив повторы имен, с помощью социолога Э. Гельмана экстраполировали эти данные с учетом численности жителей города. Получилось, что только в первый месяц войны в Грозном погибло от 25 до 29 тысяч людей, причем каждый десятый – ребенок. У каждого из них остались близкие, а среди них те, кто придерживался тех законов адата, которые требовали мести за убитых. Если бы мы с А. Черкасовым задержались в Бамуте еще на какое-то время, то могли бы и не вернуться. Через день после того, как мы улетели в Москву, появилось сообщение об убийстве избранного своим народом президента Джохара Дудаева. Военные почему-то сначала отпирались, потом признали, что за ним давно велась охота, и с помощью спутников, во время телефонного разговора с депутатом Думы К. Боровым, удалось запеленговать его местонахождение. Туда ударили ракеты с дежуривших в небе штурмовиков. Летчиков наградили, но если кто-то думал, что теперь сопротивление пойдет на убыль, то ошибался. Да, в ходе войны позиция Джохара Дудаева становилась все жестче, но сменивший его исламский ортодокс Яндарбиев был не гибче, война вошла в самую острую фазу.

За прошедший год погибших стало еще больше, пролитая кровь, шпиономания и всеобщее озверение умножали жертвы. Время, когда солдатские матери вымаливали своих пленных сыновей, прошло. В Чечне началась работорговля, причем с обеих сторон. В горных селах в ямах сидели наши солдатики, в таких же зинданах на Ханкале и в других местах сидели чеченцы, которые стали товаром в обмене или ждали выкупа родственниками. Военные озлоблены гибелью своих товарищей, а им еще рассказывают сказки о распятых и кастрированных (на наш официальный запрос военные медики не подтвердили нам ни одного такого случая), солдаты измучены голодом и холодом, «зачищая» села, они и в первую очередь контрактники, грабят и убивают. Среди жителей воюющей республики ходили тогда слухи о том, что пойманных боевиков после пыток увозят вертолетом в глухие места и живьем сбрасывают вниз...

Война вступила в самую жестокую стадию. Женевские соглашения (по заявлению председателя парламента Ичкерии Р. Идигова, самопровозглашенная республика взяла на себя обязательства по их соблюдению) не соблюдались обеими сторонами. Боевики размещали свои силы и военную технику в жилых кварталах, ведя оттуда огонь. Их мины на дорогах уничтожали не только противника, но и мирных жителей. Условия содержания пленных солдат и чеченцев были хуже некуда, люди гибли от избиений и голода как у федералов, так и у боевиков. Авиация сбрасывала на здания и постройки вакуумные, а на рынки и перекрестки запрещенные соглашениями игольчатые и шариковые бомбы, которые поражали все живое.

Среди боевиков появились фанатики и патологические убийцы. Так, под руководством одного из них по кличке «Тракторист» под видеозапись отрезали головы и расстреливали пленных. Но такие были и среди солдат, в том числе

бывших. Колониальная война разбудила в людях все самое черное и вывернула наизнанку многих.

Рассказывает руководитель оперативной группы по розыску пленных полковник Бенчарский: «Степень ожесточения на войне зашкаливала. Вот еще один пример. Военнослужащие внутренних войск Константин Лимонов и Руслан Клочков перешли на сторону чеченцев и приняли ислам. Им приказали охранять «лагерь смерти» у села Рошни-Чу. Они устраивали заложникам разные пытки. В подвале, где жили пленные, стояла раскаленная печка-буржуйка, эти двое бросали на нее людей. Прижимали пленных к земле, клали на спину порох и поджигали. Били до смерти. Это могло продолжаться неделями. За шесть месяцев в лагере из 130 человек 15 были расстреляны, 80 умерли от голода и пыток. Лимонов и Клочков вели себя с пленными хуже, чем чеченцы. Те отрезали головы и расстреливали, но так не издевались».

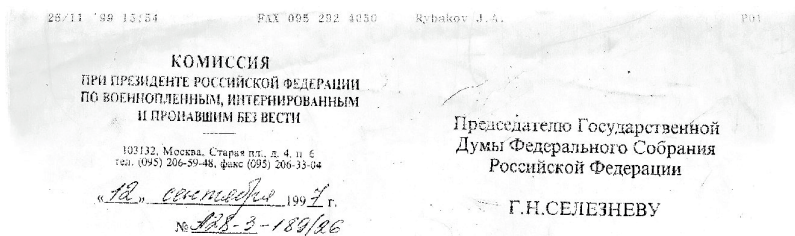
Через два месяца федеральные войска все же взяли штурмом Бамут. В этот раз их потери убитыми составили 48 человек. Взятию села способствовала группа спецназа, которая вошла в село тем же путем, каким попадали туда и мы. Хайхароев с остатками своего отряда ушел в горы. Незадолго до этого А. Невзоров в телеэфире с удовольствием рассказал о том, как 26 марта некий спецназ, переодевшись под чеченцев, пробрался в селение, где жил отец С. Радуева, и убил старика. По словам «пса войны» (он сам так себя называл), это было сделано для того, чтобы ликвидировать и сына, который по горским обычаям был обязан приехать на похороны отца. Его дождались и расстреляли на подъезде к селу. Но пуля прошла через глаз Радуева, убила другого боевика, а сам он выжил. А еще через неделю «журналист» показал в той же телепрограмме «Дни» репортаж о доблестных спецназовцах, которые демонстрировали отрезанные у чеченцев уши. Комментарий автора сюжета гласил: «Трудно найти разведчика, у которого бы не было в нарукавном кармане вяленого чеченского уха, которое предъявляют в особых случаях как удостоверение». Судебная палата по информационным спорам квалифицировала это и другие его высказывания как смакование бесчеловечной жестокости, способствующие разжиганию национальной нетерпимости и розни. Программа, которая транслировалась до этого на всю страну, была закрыта, но дело было сделано – сколько пленных солдат погибло после этой провокации, сколько новых бойцов получило чеченское сопротивление, мы не знаем. Но позже я слышал от Басаева о том, что на совещании у Яндарбиева со смехом обсуждался вопрос, а не наградить ли Невзорова медалью за эту помощь в пополнении их отрядов...

Еще в начале работы второй Думы я подготовил проект решения о создании полномочной Депутатской Комиссии по освобождению попавших в плен солдат и офицеров. Мне удалось найти поддержку не только среди демократов. И даже втиснуть этот вопрос в повестку ближайшего пленарного заседания.

Большинством мое предложение приняли. Но перед окончательным голосо-

ванием появились дополнения в состав Комиссии и даже пункт о том, что депутаты могут не только входить в нее, но и исключаться. Возглавил подкомиссию депутат, генерал-майор авиации (политработник) Безбородов, я же стал его заместителем, но мне было все равно, главное, чтобы она работала. Я отправил запрос в министерства обороны и внутренних дел о числе попавших в плен и пропавших без вести военнослужащих. Но прошел месяц, а ответа мы так и не получили... Я оформил запрос уже от имени Государственной Думы, но результат тот же: министры то ли не знали, то ли боялись называть реальные цифры. В дальнейшем Депутатская Комиссия вошла в состав Комиссии по военнопленным, интернированным и пропавшим без вести при президенте РФ. Ее работу возглавлял член ДВР, историк, депутат и генерал-майор Д. Волкогонов, а после его смерти генерал Золоторев. За время своей работы с помощью общества «Мемориал» и других общественных организаций эта Комиссия установила судьбы

3 530 пропавших на Кавказе граждан РФ. В ее состав вошли не только депутаты, но и кадровые офицеры, среди них Вячеслав Измайлов, Виталий Бенчарский и Вячеслав Пилипенко, которые начинали эту работу еще под эгидой МО и на которых легла ведущая часть практической работы в Чечне. Наша Комиссия работала не один год, через амнистии для осужденных чеченцев, не совершивших тяжких преступлений, через обмены и выкупы (помогал деньгами Б. Березовский и другие), подчас стоя под дулом чеченского пулемета, ее члены вызволили из плена 2 093 человека. Среди освобожденных нами будут и те солдаты, которых мы нашли в осажденном Бамуте, то, что их имена стали известны, спасло им жизнь.

Уважаемый Геннадий Николаевич!

Позвольте, Геннадий Николаевич, от имени членов Комиссии, сотрудников Временной рабочей группы и от себя лично сердечно поблагодарить депутатов - членов Комиссии за активное участие в работе, большую помощь в решении многих острых вопросов. А депутатов Ю.Рыбакова, Э.Панфилову, В.Борщева и Н.Безбородова - за проявленное личное мужество в период пребывания на территории Чеченской Республики.

С уважением,

Председатель Комиссии

В. Золоторев

Вскоре я опять отправился в Чечню. Боль от увиденного не проходила. Я не мог забыть ворох обгорелых и простреленных офицерских и солдатских книжек, которые в новогоднюю ночь 1995 года высыпали перед нами оборонявшиеся чеченцы. Я не мог забыть голодных детей в подвалах Грозного, перед моими глазами стояли рвы и канавы, забитые гниющими трупами мирных жителей этого города, я слышал плач солдатских и чеченских матерей, которые искали своих сыновей... Официальная пресса говорила о том, что людям оказывается помощь, что новое правительство возглавил чеченец Д. Завгаев и почти во всей Чечне установлен мир. 31 марта Б. Ельцин, который уже вступил в избирательную кампанию и которому понадобился «мир на Кавказе», утвердил программу об урегулировании кризиса в Чечне. Там было предписано прекратить боевые действия и приступить к переговорам, провести выборы в местный парламент и решить вопрос с разграничением республиканских полномочий.

Но генералы не слушали Верховного главнокомандующего и делали что хотели. В. Тихомиров заявил, что борьба с бандформированиями будет продолжаться, а министр юстиции В. Ковалев публично назвал Дудаева «субъектом уголовного процесса» и предложил ему «добровольно предстать перед российским судом, где он получит уникальную трибуну, чтобы доказывать свою правоту». Войска продолжали наступать и несли тяжелые потери.

В середине апреля большая колонна бронетехники 245-го мотострелкового полка двинулась в горы во время объявленного Ельциным перемирия. В колонне были бензовозы, грузовики с боекомплектom для артиллерии и пополнение воинских частей, которые уже закрепились в районе Шатоя. На горной дороге у села Ярыш-Марды колонна попала в засаду, техника была сожжена, 26 офицеров и 69 солдат погибли, 52 получили ранения.

При этом на 20 апреля в Грозном было запланировано собрание представителей двадцати двух районов Чечни, старейшин, бизнесменов и политиков, которые поддерживают правительство, там речь пойдет о мире, общественном согласии и восстановлении республики. Я решил, что надо увидеть это собственными глазами. Усман, который вместе со своей сестрой Сайдой жил у нас с тех пор, как помог нам выбраться из горящего Грозного, полетел со мной.

Опять Назрань, помощники Аушева дают нам микроавтобус, и мы едем в Грозный. Но впереди не один блокпост, как там отнесутся к депутату из «бандформирования С. Ковалева», неизвестно, с боевиками встречаться тоже опасно. Мы решаем въехать в город с севера, там спокойнее и сразу после Самашек сворачиваем с трассы. Слева Сунженский хребет, впереди проселочная дорога. Но чуть проехав по ней, я чувствую нарастающую тревогу и останавливаю машину. Что-то мне не нравится, уж больно заброшенные, давно неезженные колеи. Шофер тоже смотрит на нее с опаской. Мы пятимся и находим другую дорогу, которая ведет в горы. Подымаясь, натываемся на укрепленный блокпост, огневая точка из бетонных блоков и мешков с песком, за которыми торчат спаренные пушечные

стволы, оттуда выходит солдат, я показываю ему депутатское удостоверение, говорю, что еду на чеченский съезд. Удивившись, зачем мне это надо, он спросил:

– Чего вы на ту дорогу-то поперлись?

– Да, вот заблудились.

– А мы уж хотели по вам из «Шилки» вдарить. Но вы все равно бы там не проехали, там же все заминировано.

До Грозного мы все же добрались через Долинскую и, не встретив никакого контроля, въехали в город со стороны Садового. Руины Грозного выглядели так, как руины Сталинграда: отдельные, редкие уцелевшие здания, груды кирпича, зияющие сквозными пробоинами останки жилых блочных домов, пустые улицы густо усыпаны осколками и щебнем, пахнет гарью и тошнотворной гнилью разлагающихся под завалами человеческих тел. От развалин рескома осталась лишь груда битого бетона. Пока он еще стоял, остатки жителей города митинговали там, и Завгаев попросил взорвать этот символ чеченского сопротивления. Мы проехали в пригород, где стоял сельский дом Усмана и Сайды, поговорили с соседями. Я услышал о бесчинствах солдат, о местах массовых захоронений и зинданах в распоряжении федералов, где сидят и ждут выкупа родственниками пленные чеченцы. С Усманом люди были откровеннее, ему они говорили о жестокости исламских фанатиков, о голоде, болезнях и отчаянии тех, кто оказался между двух огней, об ультиматуме, который заявил новый командующий федеральными войсками, о том, что до конца войны еще далеко... Вернувшись, мы поставили машину у здания новой городской администрации. Оно оказалось напротив того дома, в подвале которого мы прятались в январе. Пробоины в здании так и зияли черными, обгорелыми дырами.

Вместе с Усманом мы поднялись на второй этаж здания и нашли большой, полный людей зал. Старики в папахах, женщины с накинутыми на голову платками, мужчины в темных костюмах, по углам охрана в камуфляже, гул голосов. На сцене стол и трибуна, а перед ней – вот сюрприз – мой сын Володя устанавливает штатив с видеокамерой.

Оказалось, что программа «Вести» откомандировала их группу для репортажа о происходящем. Я нашел себе место в первом ряду и стал ждать начала собрания, у меня не было желания выступать, я хотел лишь присмотреться к ситуации. После дежурных слов ведущего микрофон получил мордатый генерал, который с самого начала восседал за столом президиума и набычившись рассматривал зал. Это был генерал Шаманов. Первые боевые награды он получил, когда его полк ВДВ проломил оборону защитников Карабаха и обеспечил наступление армии Азербайджана. Теперь в Чечне его уже прозвали мясником, а пресса – «вторым генералом Ермоловым». По словам генерала Трошева, которого Шаманов считал своим учителем, это было недалеко от истины: его нетерпеливый, храбрый и грубый ученик действительно предпочитал «ломить стеною» и не жалел ни собственных солдат, ни местных жителей. На время отпуска ге-

нерала Тихомирова он заступил на пост командующего войсками на Северном Кавказе и решил показать свой норов. Вместо поиска взаимопонимания с теми, кто пришел на это собрание, он начал с того, что стал шельмовать действующую российскую власть. Война оказалась делом рук демократов, при советской власти все было отлично, а укрывательство боевиков он карал и будет карать беспощадно, причем отвечать за укрывательство будут все. Я уже знал о его предыдущих заявлениях и думал, как реагировать, а теперь, услышав еще и ругань в адрес демократии, промолчать не смог. После того, как он закончил, я попросил слова, а устроители не решились отказать депутату.

Речь моя была спонтанной, вряд ли я смог бы ее воспроизвести, но сохранилась видеозапись, которую вел мой сын:

«Здравствуйте, уважаемые представители маленького, но честного и храброго, трудолюбивого чеченского народа! Я хотел по-другому начать свое выступление, но поскольку передо мной выступал российский генерал, я должен сначала сказать об этом. Честно говоря, меня удивило его выступление.

Во всем мире генералы не делают политических заявлений, генералы — это представители исполнительных органов государственной власти, которой они служат и выполняют ее приказы, а не занимаются политикой. К сожалению, в России это не так. Верховный главнокомандующий 20 дней тому назад заявил, что военные действия прекращены, но все эти 20 дней они продолжаются. А генерал армии, которая служит демократическому государству, заявляет, что демократия виновата в том, что в Чечне началась война. После этого в любом цивилизованном обществе генерал уходит в отставку, но у нас этого, к сожалению, не происходит. (Робкие аплодисменты.)

Далее, за тот год, который длится ваша трагедия, наша трагедия, Чечня стала для меня родным домом: я был здесь в январе, когда начался штурм Грозного, и пробыл здесь две недели, и делал все, что мог, чтобы остановить эту бойню и ушел, только когда моя надежда растаяла. Я вместе с Ковалевым выводил отсюда из Черноречья раненых мирных жителей, спасая их из под российских бомб и снарядов. Сегодня я один из руководителей парламентской Комиссии по освобождению пленных и заложников. Неоднократно я приезжал сюда, чтобы проводить такие обмены и освобождать наших солдат и офицеров, которые попали в плен к Дудаеву, и чеченцев, которые попали в наши фильтрационные лагеря.

Но что бы я ни делал, я — представитель того государства, которое обрушило на вас бомбы и снаряды, пули и огонь, которое погубило десятки тысяч ни в чем не повинных мирных жителей. И поэтому я, депутат Государственной Думы, прошу у вас прощения за то, что я не смог остановить эту войну. Может, когда-нибудь, я уверен в этом, и Россия будет просить за это прощения. (Аплодисменты.) Я надеюсь, что это прощение, это примирение произойдет. Если не мы, то хотя бы наши дети, наши внуки примирятся...

Господин генерал, нет, не господин и не товарищ, а гражданин генерал, который выступал здесь до меня, вчера сделал заявление о том, что поскольку провалилось та военная, я подчеркиваю, военная операция, за которую он отвечает, когда 28 БТРов везли в горы уж наверное не гуманитарную помощь, не продукты, и 23 из них сожгли, так вот за то, что эта проведенная во время перемирия военная операция провалилась и там погибли наши солдаты и офицеры, он за это снова будет так же жесток, как был прежде, он снова будет открывать огонь по любому селу, если там окажется или, может быть, покажется дудаевский боевик.

Господин генерал, гражданин генерал, еще раз поправлюсь, понимаете ли вы, что вы говорите? Может быть, стоит представить себя на месте тех мирных жителей, на которых сыплются бомбы и снаряды федеральных войск? Может быть, чтобы испытать это, стоит взять свою семью, привести ее в Чечню в какое-нибудь мирное село и (не надо бояться, чеченцы – народ, который гостей щадит), поместить свою семью в такой мирной деревне, поставить вокруг посты, и, как только там покажется человек с автоматом или в зеленой повязке, вызвать авиацию и бомбить это село, а заодно свою семью? В Грозном сегодня много скрывающихся боевиков, может, сюда вызвать авиацию и устроить ковровую бомбежку? Но только тогда не прячьтесь в бункер, а выйдите на перекресток этого разгромленного города и ждите вместе с матерями и детьми, попадет в вас что-нибудь или не попадет... Может быть, тогда вы поймете, на что вы обрекаете этот страдавший народ?

Но, возвращаясь к вашему собранию, как бы там ни было, что бы ни случилось, нужно жить! И нужно двигаться вперед, а для этого надо не смотреть назад. Для того, чтобы двигаться вперед, нужно, чтобы дорога мира была освобождена, а чтобы она была открыта, нужно освободить ее от тех псов войны, которые не хотят ее прекращать. Они есть с обеих сторон, и ваше общественное мнение должно сыграть свою роль.

Мир вашему дому, уважаемые граждане Чеченской Республики. Я верю в то, что Чечня станет свободной Республикой Ичкерия, которая сама (шум в зале), не под пистолетом, сама, добровольно войдет в Союз Независимых Государств Российской Федерации. (Шум, крики. Голос ведущего от другого микрофона: «Давайте успокоимся и будем завершать работу нашего собрания»).

Один из охранников Шаманова стоял рядом в кулисах, он протягивает руку, чтобы выпроводить меня с трибуны, я отстраняю его и спускаюсь сам... Проходя мимо сына, говорю ему, что увидимся позже, вместе с Усманом выхожу в фойе, там шумно. Эти люди пришли, чтобы найти свое место при правительстве Завгаева. Кто-то из них, прикрываясь спинами впереди сидящих, недавно аплодировал мне, но теперь у всех на виду никто не подходит, вокруг мертвая

зона. Видя, что делать тут нечего, мы выходим на улицу. Напротив тот самый дом, в подвале которого мы сидели в январе. Идем туда и находим тех стариков, которые делили с нами свой хлеб и тепло. Все, слава Богу, живы, они рассказывают что Исламбек, тот, что вывозил соседей на своем автобусе из города пока его автобус не подбили, чуть не погиб. Вскоре после того, как Усман вывел нас из города, этот квартал заняли федералы, они вывели из подвалов всех, кто там сидел, и за типичную чеченскую внешность поставили его к стенке. Но за него горячо вступились русские старики и местные женщины, это его спасло. Сфотографировавшись на память, мы снова поехали к Усману, но заметили, что за нами следует какая-то машина. Стало понятно, что мое дерзкое выступление не может пройти даром. От преследования удалось отвязаться, и теперь уже по главной трассе мы поспешили в Ингушетию.

Вернувшись в Москву, я встретился с Володей, и он рассказал мне, что обратно в аэропорт их команду из «Вестей» везли охранники Завгаева. Они, не зная, что с ними рядом сидит мой сын, на чем свет стоит честили «депутата» и жалели, что он не попался им в руки...

Большой куш

Если для меня в работе Думы приоритетными были правозащитные темы, то для многих коллег по фракции важнее была экономика: федеральный бюджет и налоги. И в этом была своя правда. Для того, чтобы построить нормальное правовое пространство, нужны были средства обеспечения. Пока Дума корпела над законодательством, спорила и дралась, правительство опять ломало голову над вопросом: где взять деньги, как и на что их потратить? После окончания войны в Кувейте, когда американцы и их союзники разгромили вторгшихся туда иракцев, мировые цены на нефть снова упали, это уже не 41, а 15 долларов за баррель, причем российская нефть не самая лучшая, она подешевле... Доходы от продажи нефти падают. Немалой дыры в бюджете стоит война в Чечне, расходы на нее не были запланированы годом раньше и теперь их надо изымать из других статей расхода. Малая и средняя приватизация только-только начинает приносить свои плоды, куски промышленных гигантов растащены «арендаторами», а доходы тех, что еще находятся в госсобственности, разворовываются посредническими сбытовыми конторами. Всяк от мала до велика норовит увести заработанное в офшорные зоны, надуть государство и уклониться от налогов. Сельское хозяйство нуждается в дотациях, армия, медицина, образование, наука и культура на голодном пайке, бюджетники считают копейки, рядовым пенсионерам едва хватает средств на оплату коммунальных расходов и кусок хлеба.

Все это – продолжение того развала, который страна получила в наследство от обанкротившейся «плановой» экономики, но рядового жителя все эти причинно-следственные связи не интересуют, третье поколение советских крепостных считает, что государство должно обеспечить его благополучие. Как? Это дело начальства.

Не дремлет и парламентская оппозиция, это не только хор критиков и хулителей, это еще и шантаж со стороны «левых» в Думе. Утверждение ежегодного, федерального бюджета – прерогатива депутатов. Если парламент не утверждает бюджет, правительство имеет право на расходы не более тех, что были в первом квартале предыдущего года. Но в результате инфляции тех денег уже не хватит. Зная это, левые депутаты спокойно накачивают бюджетное послание правительства ничем не обеспеченными дополнительными расходами. И это не только желание свалить реформаторов, это и естественное желание облегчить жизнь своих избирателей. Правительство вынуждено торговаться и уступать. Так, если в 1995 году дефицит средств, которые министерство финансов должно откуда-то взять, составлял 10% расходной части бюджета, то в следующем году это уже 14% расходов, а обеспечить их нечем.

Нужно искать и создавать новые источники реальных доходов. Но и тут оппозиция вставляет палки в колеса. Ваучерная приватизация закончена, теперь очередь за денежной приватизацией, средства от нее могли бы существенно пополнить бюджет. Парламент утвердил программу, по ней Госкомимущество должно к концу года выручить от продажи госсобственности 8 триллионов (неденоминированных) рублей. Но что и кому продавать? Наиболее востребованные на рынке акции – нефтяная промышленность, в созданных там акционерных обществах у государства есть контрольные пакеты акций. Но их думское большинство продавать запрещает. Дескать, это «наше все», это стратегический запас и вообще – «не трожь народное!» Но миллиард долларов достань, а не достанешь, мы скажем, у этих бездарей ничего не вышло и безответственных негодяев надо гнать! При этом иностранцам, которые могли бы покупать за серьезные деньги, участие в аукционах запрещено.

Альфред Кох, ставший к этому моменту и.о. начальника Госкомитета имуществ (ГКИ), писал позже:

«Для России проблема иностранных инвестиций до сих пор остается чрезвычайно болезненной. В понимании огромного числа наших соотечественников иностранные инвестиции – это что-то вроде иностранной интервенции. К сожалению, так до сих пор думают не только рядовые работники заводов и фабрик, буквально задыхающихся без инвестиций, но и директора этих предприятий; и чиновники всех рангов; и народные избранники, заседающие в законодательных собраниях всех уровней. В результате этот чисто психологический фактор становится еще одним серьезным тормозом денежной приватизации... А между тем в понятии «иностраный инвестор» нет ничего зазорного, предвзятого, опасного. Напротив, весь мир пребывает в состоянии непрерывной погони за иностранными инвестициями. Африканцы и азиаты, европейцы и, даже страшно сказать, американцы – все они расценивают как настоящую победу приход крупного иностранного инвестора на свой рынок».

Но приватизировать крупные предприятия необходимо не только и не столько потому, что нужны деньги; там продолжается все тот же директорский раздербан, а поскольку теперь у комбинатов и кампаний несколько групп собственников, то все идет по известной поговорке: «у семи нянек дитя без глазу». Огромные деньги гуляют туда-сюда, значительная часть оседает на зарубежных счетах и в карманах рэкетиров. Ни счетной палате, ни налоговым службам за всеми не уследить – доходы низкие, налоги в федеральный бюджет еще меньше... Единственный хозяин – единственный путь к повышению доходности и контролю, сокращению воровства и безалаберности.

Но где он, этот хозяин? У тех российских банков, которые не прочь были бы приобрести нефтяное месторождение или большой комбинат, средств не так уж много. К тому же потенциальные инвесторы в тревоге, скоро выборы, рейтинг

коммунистов растет. Опасность полной реставрации старых порядков велика, национализация уже приватизированной собственности, о которой твердят левые, возможна. Желających рисковать своими средствами немного. Поэтому к августу 1995 года КГИ удалось пополнить бюджет лишь на 500 миллиардов рублей.

И тут правительство вернулось к идее, которую уже предлагал банкир Потанин: частные банки могут предложить кредит в 9 триллионов рублей (почти 2 миллиарда долларов) под залог акций сырьевых предприятий. Это не нарушит запрет на продажу крупных активов и сохранит возможность их выкупа, если у правительства найдутся для этого деньги.

А. Кох: «Выступление Потанина на заседании правительства в марте 1995 года было хорошо подготовленным экспромтом. Накануне мы очень долго обсуждали с нашими олигархами схему залогов. Идея была проста: если невозможно продать акции, нужно получить некое предфинансирование в счет возможной в будущем продажи. Схема вырисовывалась следующая: государство передает банкам на конкурсных началах во временное управление контрольные пакеты акций нефтяных компаний. Банки в обмен на акции предоставляют российскому правительству кредит, используемый для финансирования бюджетных нужд.

По истечении определенного срока либо правительство возвращает кредит банкам, либо акции становятся собственностью этих банков.

Акции под кредит правительству были заложены исключительно в российские банки, чтобы снять широко распространенные опасения по поводу экспансии иностранцев. И потом, за столь мизерные суммы было бы все-таки несправедливо передавать контрольные пакеты иностранным банкам. Таким образом мы и укрепили отечественный капитал, и получили деньги, необходимые бюджету. Бюджетное задание в конечном счете было все-таки выполнено».

После завершения сделок газета «Коммерсант» без комментария опубликовала результаты – кто, что, и за какие деньги получил... И вскоре заместитель председателя Счетной палаты Ю. Болдырев заявил, что значительная часть поступивших в бюджет денег были деньгами из того же госбюджета! Министерство финансов действительно разместило тогда 603 миллиона долларов в различных банках, из них 337 миллионов в тех, что стали покупателями и организаторами аукционов. Выступая в Думе, Ю. Болдырев говорил о том, что эти банки просто вернули полученные деньги в казну и получили лучшие куски собственности даром! Он написал в прокуратуру, указав на то, что есть все признаки «притворной сделки», которая, по его мнению, нанесла государству неслыханные убытки. И предложил Генеральному прокурору обратиться в Арбитражный суд, чтобы аннулировать результаты аукционов. Контролер не учел или не захотел принять во внимание, что ранее размещенные в банках суммы после аукционов не были аннулированы. Возможно, они и были использованы банками в качестве оборот-

ных средств при покупке госпакетов акций, но обязательства по возвращению Минфину не только всех 337 миллионов, но и процентов по этим суммам, сохранялись.

Причем вырученные от продажи госпакетов акций средства намного превысили те средства, которые якобы использовались для прикрытия притворной сделки. Так, по словам того же Ю. Болдырева, в банке «Менатеп» (покупателе акций ЮКОСа) правительство разместило под процент 50 миллионов долларов, а банк выкупил пакет госакций за 160,1 миллиона. При этом остался должен казне те 50 миллионов и взял на себя обязательства вложить в модернизацию ЮКОСа 200 миллионов долларов.

Потом критики будут утверждать, что вырученный на аукционах без малого миллиард долларов – это копейки, что стоимость самых значимых объектов была умышленно занижена в 20 раз.

Но какова была «настоящая» стоимость заложенного, можно было только гадать. Цена товара определяется наличием и платежеспособностью покупателей, иностранцы действительно купили бы эти предприятия за многократно большую сумму, но они не были допущены к торгам, а свои покупатели заплатить были не в состоянии. Те 110 миллионов долларов, которых «Менатепу» не хватало для покупки, М. Ходорковский собирал, распродав все, что у него было, и еще взяв займы у Тульского оружейного завода.

Генеральный прокурор, получив обращение Счетной палаты, опротестовывать сделку не стал, ограничившись письмом в Госдуму, где указал на ряд нарушений порядка проведения аукционов. Действительно, реальной конкуренции между участниками не было, она ограничилась заранее оговоренным списком участников, а три других банка были отстранены от участия по искусственно созданным предложениям. Но это была внутривидовая борьба, принципиально она ничего не меняла. Другое дело, что правительство не заложило в бюджет следующего года средств на выкуп своих акций. Следовательно, оно не планировало это делать, а «залог» был маневром, который позволил правительству обойти запрет Думы на продажу бюджетобразующих предприятий. Так оно и было, выкупать свои пакеты акций правительство не собиралось, вырученные от продажи средства тут же ушли на социальные нужды, а бюджет следующего года и так был дефицитным. Поскольку законодательство не было нарушено, Скуратов ограничился предложением больше таких уловок не применять...

У нас во фракции, насколько я помню, это не обсуждалось. Гайдар, конечно, знал закулисную сторону «залогов», но в правительстве его уже давно нет, и хоть он, как позже выяснится, не поддерживал этот финт, но и распространяться о нем не стал. Помню, что я тогда, не зная всех деталей, расценил сделку как удачный выход из бюджетного кризиса и порадовался тому, что важнейшие отрасли обрели рачительных хозяев. А левая оппозиция, разобравшись в том, что ее надули,

устроила грандиозный, не утихающий скандал и объявила случившееся «вопиющим актом грабежа, новым этапом ограбления России».

Так чем же было это странное решение о дешевой продаже перспективных объектов собственности?

Что двигало теми, кто раздавал ресурсы? Об истинных мотивах, которые двигали тогда авторами этой «сделки века», они заговорят лишь много лет спустя.

Отвечая на обвинения в том, что месторождения, холдинги и комбинаты были проданы за смешные деньги, Е. Гайдар скажет:

«Нельзя согласиться и с тем, что ради победы над коммунистами, предприятия – «жемчужины» в короне российской империи – были розданы за бесценок. В действительности эти «жемчужины» находились в полном развале. А если учитывать политические риски, то их рыночная стоимость была крайне низкой. Именно приватизация позволила в последующие годы превратить разваленные предприятия в прибыльные бизнесы».

А. Чубайс скажет прямо:

«У нас не было выбора. Если бы мы не провели залоговую приватизацию, то коммунисты выиграли бы выборы в 1996 году, и это были бы последние свободные выборы в России».

Что ж, все так. На носу выборы новой Думы, а потом и президента, они потребуют серьезных затрат. Чтобы избиратели не отдали все свои голоса «красным», нужны крупные, заметные перемены к лучшему. Но об этом можно только мечтать, ресурсов еще нет. Тогда стоит позаботиться о том, чтобы в любом случае у демократии были надежные защитники. Это уже не август 1991 года, там были надежды, там была поляризация. Если коммунисты получают большинство на выборах, это будет голосом измотанного передрыгами, уставшего народа. И что тогда? Снова по России прокатится красное кровавое колесо?!

Значит, нужны средства, чтобы втолковать людям: еще раз наступать на грабли не стоит! Нужны те мощные силы, которые не согласятся, не допустят реставрации. Молодежи, идейных сторонников, части интеллигенции не хватит, мелкий и средний бизнес аполитичен, в случае чего, подхватит то, что успел урвать и дернет за рубез.

Нужны привязанные к природным ресурсам крупные собственники, те, кому есть что терять. Те, кто сможет профинансировать избирательную кампанию спешно созданной проправительственной партии «Наш дом – Россия!», те, у кого будет административный ресурс влияния на работающих у них избирателей. А чтобы они не отсиделись в кустах, сделка идет в два этапа: сначала залог, а потом еще один формальный «аукцион», после которого они станут полноценными собственниками. Но назначен он на дату после выборов президента, и если победителем станет лидер КПРФ Г. Зюганов то, понятное дело, аукцион не состоится, а «кредиторы» будут собирать чемоданы...

Результат на думских выборах будет скромным, а моральный ущерб большим. Через восемь лет А. Чубайс скажет:

«В то время я не вполне понимал, какую цену нам придется заплатить. Я недооценил то глубокое чувство несправедливости, которое зародилось в людях. Мы завершили приватизацию в 1997-1998 году. Спустя пять лет люди все еще отрицают все рациональные аргументы о том, что олигархи не просто украли эти предприятия, но сделали их более эффективными, начали в них инвестировать, выплачивать зарплату вовремя, что налоги, которые поступают от них в бюджет, помогают платить пенсии. Но большинство людей не хотят этого слышать, потому что чувство несправедливости приватизации укрепились на подсознательном уровне».

Гусинский, Ходорковский, Потанин и еще несколько человек стали олигархами. Они будут хитрить с налогами, интриговать, объединяться и подставлять друг друга. Но эффективность их кампаний станет расти вместе с налоговыми отчислениями в казну. Став полноценными хозяевами, они привлекут иностранные и отечественные капиталы, получат зарубежные кредиты, найдут лучших менеджеров, построят новые нефтепроводы, внедрят новые технологические линии по переработке сырья и станут ведущими донорами Российской Федерации. Как и мечтал Березовский, они станут влиять на политику, но их «золотой век» будет недолог, он завершится вместе с железным XX веком. А сомнительный характер тех сделок и неприязнь к нуворишам со стороны большинства сделают их уязвимыми для тех, кто захочет передела.

Не дай Бог!

Срок полномочий действующего президента подходил к концу. После ликвидации системы Советов, после начала войны в Чечне число сторонников Ельцина резко сократилось. Чтобы убедить общество в том, что действующий президент, несмотря на все трудности и ошибки, должен продолжить свой курс, ему были нужны значительные финансовые ресурсы, но размеры избирательных фондов были ограничены законом. Личные средства кандидата в президенты, которые он мог вложить в свою избирательную кампанию, составляли 8 миллионов рублей (что по тогдашнему курсу равнялось 1 600 долларов), а сумма всех средств, которые могли быть внесены в его кампанию (от выдвинувшей партии, от частных лиц и отечественного бизнеса) не могла превышать сумму эквивалентную 400 тыс. долларов. Для успешной кампании непопулярного кандидата и этих средств было бы мало, но у президента не было и таких...

А воспользоваться бюджетом напрямую он не мог, любое изъятие оттуда сразу стало бы известно и дало конкурентам возможность потребовать его снятия с пробега. Влияние чиновничества в регионах, «административный ресурс», которым его потом будут попрекать конкуренты, был далеко не всегда в его пользу. По меньшей мере треть губернаторов колебалась и выжидала, еще столько же симпатизировали кому угодно, но не Ельцину. Юг России, с еще вчера зажиточными, но потерявшими бюджетные дотации колхозами и всевластием красных губернаторов, на стороне зюгановцев...

Рассчитывать можно было только на готовых работать «в поле» рядовых демократов да на часть прессы. Казалось бы, 30 с лишним миллионов тех, кто получил акции своих предприятий и кампаний, тех, кто стал хозяином мастерской, свечного заводика, молочной фермы и просто собственником того жилья, где он еще недавно был приживалом, должны понять: завтра у них могут отнять все. Но со злобой и завистью смотрели на них потерявшие свое место в новой жизни. Что окажется сильнее, их обида или чутье на опасность?

Не видели, не понимали угрозу реванша не только обыватели. Известный писатель, «отсидент» и политэмигрант Андрей Синявский спорил тогда с журналом О. Морозом:

«Во Франции, – говорил он, – не будет трагедией, если Ширака не переизберут на второй срок. Точно так же не будет трагедии в Америке, если не выберут Клинтона. А почему в России обязательно трагедия?.. Если не Ельцин, то трагедия?!» Его еще можно как-то понять, за 23 года эмиграции он уже забыл реалии российской действительности. Но и сегодня, когда я

пишу эти строки, можно услышать: «Не стоило преувеличивать, ну, взяли бы коммунисты власть, все равно им пришлось бы идти на уступки, куда бы они делись? Да они и сами понимали, что надо оставить многоукладность и обещали это, а не смогли, так и не удержались бы».

Обыватели Петрограда в 1917 году тоже утешали себя тем, что «большевики ненадолго», чем это обернулось, известно. Обещания Зюганова сохранить многоукладность противоречили его же обещаниям национализировать крупную промышленность и сырьевой сектор. Это сразу привело бы к параличу разрегулированной промышленности и ударило бы по рабочим местам, вызвало потерю западных кредитов. Что тогда? Остается лишь печаль необеспеченных ничем денег, за этим следует неизбежный рост и ответная заморозка цен, дальше – дефицит и реквизиция запасов продовольствия у торговли и мелких производителей... Отвыкшие от пустых полок граждане стали бы бунтовать, их недовольство надо было бы перенаправить на «врагов народа» и «паразитов». Неспособность центра обеспечить средствами убыточные регионы вызвала бы сепаратизм, попытки его подавления привели бы к власти военную хунту. Новая старая власть стала бы бряцать ядерным арсеналом и вымогать у Запада кредиты, а там нашлись бы свои ястребы с идеями радикального избавления от чумного барака.

Но, уставшие от передеряг, забывчивые люди не просчитывали этих последствий. Социологические исследования показали: по данным фонда «Общественное мнение» в начале года «30% населения выражали полное согласие с высказыванием «при коммунистах все было лучше, я хотел(-а) бы, чтобы все стало по-старому», и ещё 33% частично соглашались с этим».

Глухота президента к призывам общества остановить войну, позорный провал и гибель заложников в Первомайском вынудили Сергея Ковалева, Отто Лациса и Егора Гайдара выйти из президентского совета. По данным ноябрьских опросов ВЦИОМа, за Ельцина были готовы голосовать лишь 3-4 процента избирателей, за Черномырдина – 10, за Гайдара – 7, за Немова – 6, Явлинского – 15, а за Зюганова – 11%. Егор Гайдар публично обратился к Ельцину с просьбой не баллотироваться и открыть дорогу единому демократическому кандидату.

Естественно, эта ситуация стала главной темой на пленуме Совета ДВР. Дебаты были бурными. С. Юшенков предлагал выдвигать Горбачева и встретил смех, часть людей говорила о выдвижении в президенты Гайдара, Сергей Ковалев предложил поддержать Явлинского, что вызвало отпор А. Чубайса. Многие предлагали сразу проголосовать за поддержку Ельцина.

Я же считал, что в этой критической ситуации страховкой от победы коммунистов мог бы стать Виктор Черномырдин. При всей его кондовости он показал себя Человеком в истории со спасением заложников в Буденновске, а в экономических вопросах он дрейфовал к либеральным реформам. Во всяком случае, это было лучше прихода зюгановцев. В прессе обсуждался вариант его параллельного с Ельциным выдвижения с тем, чтобы по ходу компании у каж-

дого из них была возможность снять свою кандидатуру в пользу другого. Участие премьера могло стать еще и страховкой в случае, если Ельцин сошел бы с дистанции по состоянию здоровья. Мы обсуждали это с Г. Старовойтовой и вместе с членами движения «ДемРоссия» уже собрали в Доме журналистов и учредили питерскую инициативную группу по его выдвижению. Это вызвало тревогу, если не панику в правительстве, и в администрации А. Собчака, который расценил это как интригу Коржакова, который хочет развести его с Ельциным. Помощники Галины Васильевны Руслан Линьков и Анна Полянская были уполномочены нами зарегистрировать эту инициативу в Центризбиркоме. Когда они явились туда, чиновники стали выяснять, знает ли об этом сам премьер, но это было необязательно, тогда они указали на то, что в нашей заявке не указан его домашний адрес. Ни в каких справочниках его не было, но помог земляк, лидер фракции НДР С. Беляев, он подсказал: Осенняя улица, дом 4, а квартиру ребята вычислили сами...

Пленум продолжался, выслушав всех участников, слово взял Егор Гайдар. Отвергнув реплику В. Похмелкина о том, что он не хочет баллотироваться из-за отсутствия «воли к власти», глава политсовета сказал, что руководствуется трезвым анализом ситуации. Что в данном раскладе реальными кандидатами от демократов могут стать только В. Черномырдин или Б. Немцов.

«Это фигуры, способные объединить широкий демократический блок, тех, кто для себя решил, что он никогда не будет голосовать за Ельцина, с теми, кто решил, что они не будут голосовать за Явлинского, с теми, кто решил, что они не будут голосовать за Гайдара... К сожалению, есть два человека, способных заблокировать выдвижение каждого из двух кандидатов.

Первый из них Борис Николаевич Ельцин, второй из них Григорий Алексеевич Явлинский. Я думаю, что нижегородская делегация со мной согласится, нет ни у кого никаких сомнений в том, что Немцов, конечно, согласился бы баллотироваться, если бы Григорий Явлинский поддержал его кандидатуру. И он имел бы очень серьезные шансы пройти во второй тур. К сожалению, Григорий Алексеевич Явлинский однозначного ответа на этот вопрос на наших консультациях не дал. А действующему губернатору ввязываться в такую авантюру без малейших шансов на успех? Кому это надо?

Второе. Виктор Черномырдин. Он очень много понимает, он лучше многих из нас понимает, насколько непроходимой является кандидатура Ельцина. Потому что к нему приходят все губернаторы, и все говорят: «Вы хоть объясните Борису Николаевичу, что его никогда не выберут!» А он резонно им говорит: «А что же вы боитесь сами это ему объяснить?»

Я обращался с письмом к Ельцину. У нас с ним остались какие-то отношения. Я говорил публично о том, почему я прошу его не баллотироваться. Сергей Александрович Филатов говорил мне, что Ельцин колебался. Я не знаю, правда это или нет. Но в любом случае Ельцин принял это решение и

таким образом заблокировал вместе с Григорием Алексеевичем оба варианта, дающие надежду на победу».

Тем, кто предлагал поддержать действующего президента, он напомнил о провале в с. Первомайском, из которого легко ушли окруженные там боевики, о том, с каким стыдом и гневом мы смотрели на то, как президент заплетающимся языком рассказывал байки о двойном кольце войск, о снайперах, которые якобы держали на мушке каждого террориста. И спросил: если мы уже сейчас поддержим Ельцина, а что-то подобное будет повторяться, как мы будем смотреть в глаза своим избирателям?

И далее: **«Ситуация сейчас меняется очень быстро, и если завтра Борис Немцов решит вступить в эту борьбу, то это, конечно, радикально изменило бы нашу позицию и дало бы нам серьезные шансы бороться. Ведь сейчас то, что мы обсуждаем, это проблемы чести. Мы почти не обсуждаем проблему выигрыша, потому что для себя мы видим, что проблемы выигрыша нет. Если поле задано, так как оно задано, то мы обсуждаем в значительной степени вопрос: сделать все, что мы можем, для того, чтобы не пустить коммунистов. Мы обсуждаем проблему чести. Того, что мы должны делать, чтобы быть ответственными перед теми людьми, которые нам доверяют».**

При этом он сказал: **«Я абсолютно не исключаю морально для себя, что возникнет такая ситуация, при которой, жестко следуя принципу наименьшего зла, я пойду голосовать за Ельцина! И больше того, буду призывать всех, кто мне доверяет, голосовать за Ельцина, прекрасно понимая, какой это режим на самом деле будет. Но я еще лучше понимаю, какой режим будет, если выберут Зюганова».**

Е. Гайдар еще надеялся на то, что выход из безвыходной ситуации найдется, он предложил не закрывать возможности коалиционных переговоров и подчеркнул: **«Мы выбираем не из хорошего и прекрасного, а выбираем из варианта, когда с одной стороны Зюганов, а с другой – Коржаков с Барсуковым».** И указал на то, что даже определившись, обнародовать свои позиции рано, это имеет смысл лишь после того, когда станет ясен окончательный расклад сил...

В ушедшем году у Ельцина был период сомнений: пошатнувшееся здоровье, тяжкий груз буксующих перемен, затянувшаяся война тяготили его. Сергей Филатов писал: **«В августе 1995 года у нас с президентом состоялся серьёзный разговор. Он тогда сказал мне, что не хочет идти на второй срок, что устал и очень соскучился по семье...»** Но, несмотря на плохой рейтинг, о котором президент знал, ближний круг президента убеждал его в том, что одолеть Зюганова может лишь он. Только жена и дочери хотели, чтобы он ушел на покой, вся семья устала от закрытой жизни под колпаком охраны, они видели, как деформируется характер главы семейства, они боялись за его здоровье (он пережил уже не первый инфаркт) и пытались отговорить.

Юмашев, его зять, так говорил об этом:

«Наина Иосифовна просто умоляла его, чтобы он не шел. Дочери говорили: «Папа, мы понимаем, что тебе придется, но для нас это ужасно, для детей наших ужасно, для внуков это катастрофа».

Он же вспоминал потом, что Ельцин искал себе замену. Молодой, энергичный нижегородский губернатор Борис Немцов стал любимцем Б. Ельцина, который даже называл его своим будущим преемником, но Немцов резко выступил против войны в Чечне. В своем регионе он собрал один миллион подписей против войны, и сам привез их Ельцину. Это развело их, но, когда Гайдар предложил Немцову баллотироваться, тот не решился соперничать с человеком, который относился к нему почти как к сыну.

Не получила развития и наша со Старовойтовой инициатива по выдвижению В. Черномырдина. Узнав о том, что 30 января в Питере создана группа по его выдвижению, он испугался и уже на следующий день заявил журналистам: «Я об этом не слышал, и я этого не приемлю. Мы работаем с президентом, все будет идти как надо. Я в эти игрушки не играю». А потом долго оправдывался перед Коржаковым, заверяя его, что он тут ни при чем.

В отличие от премьера, Анатолий Собчак о будущем президентстве думал. Но для такой перспективы ему нужно было сначала сохранить за собой должность главы второго по значимости города. Срок его полномочий кончался вместе с полномочиями президента. Еще до Нового года он встретился с президентом, а вернувшись, сказал: «Ельцин пойдёт на второй срок, несмотря ни на что». По словам А. Собчака, в их разговоре он совершил ошибку: на «проверочный» вопрос Ельцина – стоит ли ему снова избираться? – мэр, вместо того чтобы заверить его в неперенной победе, сказал, что надо искать другого кандидата. Раздосадованный Ельцин, которому уже напели о том, что А. Собчак крайне непопулярен в Питере, что выборы в одной связке могут ему повредить, заявил, что их надо разнести по срокам и подписал соответствующий указ. Питерские выборы начались на месяц раньше президентских, отбиваться от своры врагов Собчаку пришлось в одиночку... Его травлю организовали не только коммунисты и чекисты, они не забыли, как он клеймил партию, в которой успел побывать, как твердо он встал на сторону демократов в дни путча. Но этот самоуверенный и заносчивый человек сделал все, чтобы наплодить недоброжелателей везде, где побывал. Подобно токующему глухарю, он слышал только себя. Так, приехав в какую-то военную академию, чтобы заручиться поддержкой военных, он, выслушав их проблемы и пообещав помощь, закончил встречу словами о том, что гордостью России должна стать не армия, а ее культура. А его план превращения Петербурга в туристический кластер и вывода из города всех заводов обозлил владельцев городской промышленности. Охота на мэра началась заблаговременно: по надуманному поводу и указанию Генпрокуратуры было возбуждено уголовное дело о взятке, специально отряженный для этого из Москвы опытный и честный следователь не нашел улики, тогда его сменили. А городская пресса,

не дожидаясь результатов следствия, уже полоскала мэра на всех углах. Руководителем его избирательного штаба должен был стать опытный социолог, но ему плеснули в лицо серной кислотой, и он выпал из борьбы. Другие члены его штаба работали на два фронта. Счастливым соперником стал его собственный заместитель В. Яковлев, на котором лежала вся работа по городскому коммунальному хозяйству. Элегантный шеф не стеснялся называть его «сантехником», но за хозяйственником была не только жена со связями в криминальном мире, но и крупные предприниматели. Много лет спустя бизнесмен Ю. Рыдник, ухмыляясь, рассказал дочери экс-мэра: чтобы свалить Собчака и поставить нужного ему человека, он истратил 12 млн долларов. Проигрыш А. Собчака остался бы его личной проблемой, но должность потеряет не только он, но и его первый зам Владимир Путин. Это будет иметь последствия, о которых еще никто не подозревает.

А пока в Москве и других крупных городах, не дожидаясь президентского согласия, уже работают группы по сбору подписей для его регистрации кандидатом. 4 января, получив сводку из Центризбиркома и посоветовавшись с семьей, Ельцин сказал Филатову: «Выборы в Госдуму мы [провалили]. Там теперь засилье коммунистов. Я не хотел идти на президентские выборы, но теперь иначе никак!» Однако сделал паузу и о своем согласии баллотироваться объявил только 15 февраля. Этому предшествовал проходивший в Давосе Всемирный экономический форум, где собрались многие ведущие политики и бизнесмены. Российская официальная делегация была представлена вторыми правительственными лицами, поскольку первые, такие как А. Чубайс, прибыли туда, уже находясь в отставке.

На Давосский форум прилетели и новые российские магнаты: Б. Березовский, который к этому времени успешно рулил «ЛогоВАЗом», Первым телеканалом и Аэрофлотом, банкиры В. Гусинский, в управлении у которого был канал НТВ, А. Смоленский, В. Потанин, М. Фридман, В. Виноградов, М. Ходорковский и другие. Был там и Явлинский, был и Зюганов, который уверял журналистов и политиков в том, что, когда коммунисты придут к власти, никакой «революции» не будет, хотя то, что «будет», рисовалось им весьма обтекаемо... Позже Б. Березовский рассказывал «Коммерсанту»:

«Я тогда поймал себя на мысли, что очень хорошо помнил все те слова, которые он произносил. Всю эту околесицу, лишённую смысла, логики. Мне казалось, что все это безвозвратно осталось в прошлом, что всеми жизнями за коммунистический эксперимент уже заплачено. Но самым шокирующим был энтузиазм, с которым ему внимали крупные западные бизнесмены и политики. Они уже сделали свою ставку. Исторический опыт им ничего не подсказывал».

Но ничего он не подсказывал не всем: когда Березовский и финансист Джордж Сорос на одном из банкетов оказались за одним столиком, последний спросил

Березовского, понимает ли тот, что, придя к власти, коммунисты в считанные дни растопчут либеральную экономику, демократию, свободу слова и его самого? А услышав неуверенные слова о том, что у Ельцина все же есть сторонники и что есть еще надежды на здравый смысл народа, Сорос в конце встречи сказал ему: «Вы совершаете ошибку, что не уезжаете из России. У меня есть примеры, как отрывали головы людям, которых я знал и которые цеплялись за свои деньги и оставались в странах, где совершались перевороты. Не заблуждайтесь, мы все прекрасно понимаем, что у вашего президента нет шансов».

Понимал это и Березовский, а еще он не оставил мыслей о том, что вместе с парой-тройкой других крупных успешных бизнесменов он мог бы взять страну в оперативное управление. Он был уверен в том, что Россия под их руководством может войти в число ведущих игроков на мировой арене. Вопрос был в отсутствии ресурсов для того, чтобы не только оставить Ельцина гарантом сохранения статус-кво, но и получить взамен все рычаги влияния на экономику и политику страны.

В этих мечтах Березовский был не одинок. Ближний круг президента составляли два чекиста – его личный охранник Коржаков и бывший комендант Кремля, а теперь директор ФСБ М. Барсуков. За ними стоял вице-премьер О. Сосковец. Этот товарищ давно и успешно выстраивал свою карьеру: начав с вальцовщика, он прошел путь инженера, директора, народного депутата, министра, заместителя главы правительства и к 96-му году курировал 14 министерств, 20 правительственных комиссий и уже оттеснял премьера.

Это его команда за пару недель до Давоса убедила Б. Ельцина в том, что его авторитет поднимется, если он отправит в отставку «ненавистного всем» А. Чубайса. Президент легко пошел на это, а Чубайс, узнав об этом и понимая прагматичную логику этого шага, сам подал в отставку. Подписывая указ, президент заявил: «Во всем виноват Чубайс!» Эту фразу тут же донесли до прессы, на следующий день в газете «Московский комсомолец» появилась карикатура, где Ельцин говорит: «А если бы Чубайса расстреляли, «Наш дом – Россия» вообще бы победил!» Но рейтинг президента продолжал опускаться. Теперь очередь была за отставкой Черномырдина.

Позже Ельцин будет говорить: *«Мне никто ничего не говорил в открытую, но я и так видел, как упорно Коржаков подталкивает меня к тому, чтобы я отправил в отставку Черномырдина. Дальнейший ход событий просматривался тоже достаточно четко: на волне борьбы с чеченским сепаратизмом, на волне “коммунистической угрозы” к власти приходит полувоенная команда постсоветских генералов: начальник службы безопасности Александр Коржаков, директор ФСБ Михаил Барсуков, которых прикрывает своим могучим телом первый вице-премьер Олег Сосковец»*. Дело дошло до того, что в прессе уже появлялись статьи, где писали о «кремлевской камарилье», о «коллективном распутине» и прямо задавался вопрос: кто управляет Россией? Но с чутьем на кадры у этого президента всегда было плохо...

Известный телеведущий НТВ Е. Киселев вспоминал потом, как он увидел Коржакова на заседании Совета Безопасности: тот сидел рядом с президентом, вместе с министрами обороны и внутренних дел, вместе с директором ФСБ. **«Сомнений не оставалось – начальник службы охраны президента участвует в обсуждении государственных вопросов наравне с силовиками...»**

Амбиций у чекистов было не меньше, чем у Березовского. Они тоже хотели стать хозяевами и благодетелями страны. Правда, была разница в уровне интеллекта. В службе безопасности президента одним из заместителей Коржакова был, например, генерал-полковник Г. Рогозин. По его словам, еще в советские времена, работая в НИИ «Прогноз» при КГБ, он занимался чтением мыслей Р. Рейгана, а с 92-го года он составляет гороскопы для президента и высчитывает удачные дни для тех или иных начинаний. Этот кремлевский звездочет указал, например, на то, что конкурентом Ельцина может стать человек из Петербурга, в результате началась кампания против А. Собчака. Под руководством Г. Рогозина работал центр парапсихологии, который охранял Ельцина от злых чар, а его сотрудники, в частности некий Ратников, вводя Рогозина в транс, «проникал в сознание президента» и «чистил его карму». Правда, Ельцину они об этом не докладывали.

В последний день форума А. Чубайс провел пресс-конференцию, где сопоставил прозвучавшие там высказывания Зюганова с тем, что написано им в программе КПРФ и говорится в России на его митингах. Так, выступая в Швейцарии, он говорил о многоукладной экономике, а в программе, принятой КПРФ в январе 1995 года, было сказано, что КПРФ намерена добиваться национализации или конфискации имущества, присвоенного «вопреки закону, интересам страны и правам трудящихся». Чубайс обратил внимание журналистов и политиков на то, что в экспортном варианте Зюганов ищет контактов с Международным валютным фондом, а в Москве говорит народу о том, что его эмиссары ведут себя в России как гауляйтеры, что «доллары ударили по российской экономике сильнее, чем фашистские танки и самолеты». Чубайс заявил собравшимся журналистам и бизнесменам, что деловые круги Запада, поверив Зюганову, будут нести ответственность за большую кровь, которая неизбежно начнется, если он, став президентом, попытается национализировать собственность.

Послушав его, Березовский решил действовать: **«Я вернулся в свой номер в гостинице Sun Star Park Hotel, снял трубку и позвонил Володе Гусинскому. Надо признаться, он немедленно откликнулся на мое предложение встретиться и поговорить. И вполне разделял те эмоции, которые испытывал и я. Это был тот самый момент, когда жесткая конкуренция, разделявшая нас, отошла на второй план перед той опасностью, которая безусловно нас спланивала. Нам не пришлось тратить время, чтобы научиться говорить на общем языке. Взаимопонимание было полным: угроза возвращения коммунистов требует единства противодействия. Гусинский был не единственным,**

с кем я переговорил в Давосе. Столь же остро чувствовали ситуацию Володя Виноградов, Миша Ходорковский, Явлинский, Лужков. Чубайс, жестко прокомментировавший на своей знаменитой пресс-конференции восторги по поводу т.н. обновленного коммунизма, выразил то, о чем все мы думали».

(По словам партнера Гусинского С. Зверева, инициатива Березовского развивалась не столь стремительно. Сначала он поймал Зверева в фойе отеля со словами: «Сереженька, Сереженька, мы все находимся в таком положении, что если мы все сейчас вместе, то будет очень плохо». В результате тот позвал Гусинского, они сели сначала втроем, а уже потом присоединились другие...)

Когда Березовский заговорил о том, что они должны скинуться большими деньгами и помочь Ельцину остаться на его посту, у многих были сомнения. Но бесноватый фюрер Жириновский не рассматривался, Явлинский с его левым заигрыванием и недоговороспособностью был ненадежен, Черномырдин уже отказался, а союзник националистов из Конгресса русских общин генерал-десантник А. Лебедь внушал страх. Подумав и согласившись, глава «Газпрома» Рем Вяхирев задался вопросом: кто же будет распоряжаться средствами и руководить избирательной кампанией? И сразу заявил, что Березовский на это не годится. Зато кандидатура А. Чубайса была встречена дружным одобрением. Б. Патаркацишвили, глядя на своего партнера Б. Березовского, заметил при этом, стоило ли полгода воевать с ним, чтобы теперь звать на помощь? Но согласие А. Чубайса они получили не сразу, как говорит тот же Зверев, его пришлось уговаривать.

Почему? Ведь, понимая, что на карту поставлена судьба страны, А. Чубайс уже провел анализ вариантов, в которых речь шла о выдвижении иного, имевшего шансы демократического лидера. И тоже не нашел таковых. А действующий президент при всем негативе был противником возврата в коммунистическое стойло и был известен. И ради спасения страны от еще больших бед А. Чубайс, зная о беспомощной работе предвыборного штаба, уже пытался помочь Ельцину, собрав для него команду опытных аналитиков, журналистов и пиарщиков.

Но этого было мало, для эффективной работы нужны были средства. Через 20 лет М. Ходорковский неожиданно заявит, что когда он и другие обратились к Чубайсу с просьбой убедить Ельцина в том, что ему надо сменить избирательный штаб и воспользоваться их помощью, тот якобы сказал: «Это вам надо? Мне это не надо. У меня все хорошо...Вам надо? Платите. – О'кей. Сколько? – Три миллиона!»

Мои позиции не всегда совпадали с установками и позициями А. Чубайса. Это и отношение к войне в Чечне, и вопрос доверия к бывшим гэбистам, которые, на мой взгляд, бывшими не бывают. Но для меня нелепость утверждения, что он, подобно кремлевским охранникам, брал взятки за разговор с президентом очевидна. И уж кто-кто, а он не мог сказать: «Мне это не надо. У меня все хорошо». Он действительно ничего не терял, он не был владельцем «Норникеля» или «Лукойла», отнимать у него коммунистам было нечего, кроме дела, которому

он себя посвятил, и... жизни. Ведь если бы они победили, то и его, и Е. Гайдара, скорее всего, не довели бы даже до суда, а расстреляли бы где-нибудь по дороге.

А. Чубайс не был бы Чубайсом, если бы не знал, что вчерашние ловкачи и комбинаторы хоть и почувствовали себя хозяевами жизни, щедростью не отличались. Провал Ельцина близок, его спасение потребует огромных денег. Где и как их брать, еще вопрос. А пока надо заставить магнатов раскошелиться хотя бы на зарплату новым членам избирательного штаба, а, точнее, той аналитической группы, которая должна взять на себя основную роль в исправлении уже допущенных ошибок. Но сначала надо было пробить брешь в информационной блокаде президента. Вскоре, благодаря его дочери Татьяне, в Кремле состоялась их встреча с президентом. В том же интервью, где Ходорковский рассказал о «взятке» А. Чубайсу, он выдал еще одну странную информацию. Якобы в приемной президента, где они ожидали разговора с Б.Ельциным, их встретил Коржаков и сказал Березовскому, Гусинскому, Виноградову, Смоленскому и Потанину: «Отсюда вы поедете в Лефортово!». Это не вызывает доверия, даже если он видел в них опасных конкурентов – заявлять такое перед их разговором с президентом было бы опрометчиво. Не ожидал же он, что они испугаются и уйдут? Тогда зачем было грозить? Тем более грозить тем, что на тот момент было еще нереализуемо? К тому же другие участники похода к президенту этой реплики Коржакова почему-то не запомнили.

Встреча была непростой. Ельцин тоже считал, что новым богачам «деваться некуда», и думал, что они пришли просто, чтобы предложить свою помощь. Так оно и было, но деловые люди неприятно поразили его, когда без обиняков сказали, что у оппозиции есть колоссальные шансы, что популярность президента низка, и это заставляет кого-то договариваться с коммунистами, а других упаковывать чемоданы. Что если сейчас кардинально не переломить ситуацию, через месяц будет поздно. Они сказали, что будут его поддерживать не потому, что он им нравится лично, хотя такие симпатии есть, но потому, что если очень постараться, то его все же можно избрать.

Он не соглашался с оценкой ситуации, говорил, что у них неверные данные, ему возражали. Никаких «соглашений» заключено не было. Стороны разошлись с некоторой досадой и недоговоренностью. Ельцину было трудно вот так сразу признать неприятную правду, но и ему деваться было некуда, он все же поблагодарил Чубайса «за позицию» и за организованную им встречу, а на следующий день внял советам, распорядился о его включении в избирательный штаб и официально объявил о своем выдвижении.

Созданная А. Чубайсом и Т. Дьяченко аналитическая группа начала активную работу. И вскоре натолкнулись на враждебность вице-премьера Сосковца, который уже примеривал на себя роль то ли регента при стареющем монархе, то ли будущего монарха. Деятельность его штаба велась по старинке и ограничивалась организацией встреч, рассылкой материалов, указаниями региональным

чиновникам популяризовать шаги президента по преодолению экономических проблем... К этому времени в списке тех, кто возжелал президентских полномочий было уже 75 человек! Но необходимое число подписей за свое выдвижение собрали только 18, а ЦИК, после проверки и судебных споров, зарегистрировал 11 кандидатов.

Кроме Зюганова, Лебеда, Явлинского и Ельцина у остальных зарегистрированных кандидатов значимых шансов не было, и, как показал ход кампании, многие выдвигались только для того, чтобы на каком-то этапе заявить, что снимаются в пользу другого. Хотя были и упертые, например, некий Брынцалов, который через суд добился своей регистрации в качестве кандидата. (Став потом депутатом Думы 3-го созыва, он придет к нам на заседание фракции и запросто предложит: выберите меня главой фракции, гарантирую, что каждый будет обеспечен. Сдерживая смех, я нарушу повисшую паузу: «Может, не стоит так уж сразу быка за рога?» На что в ответ услышу: «А ты кто такой? Я миллиардер, а у тебя сколько денег?» Но это будет потом, а на президентских выборах разбогатевший на производстве и торговле «лекарственными» и, следовательно, безакцизными спиртовыми настойками, нувориш получит 0,16% голосов.)

Началась избирательная гонка, попытки большого Ельцина пообщаться с народом давали обратный результат, опросы показывали: если до поездки президента в какой-нибудь город там его поддерживали 6% людей, то после встречи с ним – только 3%. Филатов считал, что это связано с тем, что в отличие от начала 90-х, когда Ельцин свободно общался с людьми на улицах, теперь от народа его отделяла плотная охрана. Но дело было не только в этом. Снова бастуют шахтеры, но теперь уже не за «перестройку», а за тот кусок хлеба, который отбирают торговые посредники. То, что в ушедшем году наконец был остановлен спад производства, резко снизилась инфляция, а валютные накопления составили почти 12 миллиардов долларов, не принесло людям видимых, ощутимых результатов. Эти первые, очень важные задачи решались путем экономии бюджетных средств, они давали шанс на последующий выход из кризиса. Но рядовой человек видел не это, а то, что его доходы и пенсии не растут, что его жизнь не становится легче.

В ельцинском окружении продолжала муссироваться идея об отмене и переносе президентских выборов до лучших времен «из-за войны в Чечне». Если же Дума выступит против такой инициативы, предлагалось ее распустить. Новый парламент уже едва не разогнали: это было еще в начале года, когда с подачи коммунистов и националистов было принято постановление о «денонсации Беловежских соглашений» (по сути о восстановлении Советского Союза). Этот провокационный шаг делал нелегитимной саму Государственную Думу и серьезно напряг соседей по СНГ. Он дал повод для расширения НАТО на Восток и довел тогда Ельцина до того, что он отдал распоряжение готовить роспуск Думы и запрет КПРФ. В своих воспоминаниях он писал потом:

«Чего греха таить: я всегда был склонен к простым решениям. Всегда мне казалось, что разрубить гордиев узел легче, чем распутывать его годами... Ситуацию я для себя сформулировал так: ценой тяжелой потери качества – выхода за конституционное поле – я решаю одну

из своих главных задач, поставленных мной еще в начале президентства. После этого шага с компартией в России будет покончено навсегда».

Горячими сторонниками радикальных решений были приближенные к «телу» – Коржаков и недавно назначенный главой ФСБ Барсуков.

Отмена выборов и еще один разгон парламента окончательно развели бы Ельцина с народом, но чекистов это не пугало, скорее, наоборот, ведь тогда без них ему было бы не обойтись...

Под предлогом поисков заложенной мины они перекрыли доступ в Думу, когда депутатов там не было, и ждали президентского Указа. Этому плану помешал тогда глава МВД А. С. Куликов. Он был вызван к президенту, тот объявил ему о своих намерениях и приказал привести милицию и внутренние войска в готовность для пресечения беспорядков. Куликов не отказался, но попросил время, чтобы обдумать это. А потом, заручившись поддержкой своих замов, генерального прокурора и главы Конституционного суда, на вечернем совещании выступил против.

Куликов так объяснил этот шаг:

«Я для себя твердо решил не участвовать в этой аванюре... Я еще раз попросил разрешения доложить, подчеркнув, что выражаю не только свое мнение, но и мнение своих заместителей. Ельцин меня прервал и раздраженно спросил: “Они у вас что, все коммунисты?” Парирую: “Нет, не коммунисты. Но если в 1993 году у вас были все основания для подобных действий, то сейчас их нет. Это похоже на авантюру. Последствия не просчитаны. Разгон Госдумы – антиконституционный акт. А сегодняшняя Конституция – это ваша, Борис Николаевич, Конституция”. Он опять меня прервал: “Это уже мое дело, не ваше”. Я не сдаюсь: “Разрешите продолжить?” Молчит. Говорю, что коммунистов привлечь к уголовной ответственности не за что.

Ельцин не выдержал и вскипел: “Что вы мне не даете слова сказать?! Это у себя там совещания проводите, как хотите, а здесь вы находитесь у меня в кабинете!”

Президент подавил гнев, но он был очень разочарован одновременно. Я продолжил гнуть свое: “Уход коммунистов в подполье будет для них подарком, создаст им образ гонимых властью. Сейчас у них пять различных направлений, однако они станут консолидироваться. Это будет мощная сила. Туда пойдет молодежь. Почему на совещании нет министра обороны? Кто просчитал реакцию вооруженных сил? У меня нет уверенности, что они вас поддержат. (Грачев куда-то пропал, а его телефоны не отвечали. – Ю. Р.) Расчет делается на инертность людей, на то, что никто не выйдет поддер-

жать коммунистов? Но на это же рассчитывал и председатель КГБ СССР Владимир Крючков в августе 1991-го. И проиграл. Он тоже говорил, что народ не выйдет.

Нельзя забывать, что мы ведем войну на Кавказе. Рисуем получить еще один фронт внутри страны. Между армией и МВД возможны конфликты. Здесь должны присутствовать генеральный прокурор и председатель Конституционного суда. Они разделяют мою точку зрения”.

Ельцин, в который раз перебил меня: “Вы за себя говорите! Я знаю их точку зрения”.

Говорю: “Ответственность за то, что произойдет, в конечном итоге ляжет на вас и на министра внутренних дел. Я лично против. Вы должны войти в историю объединителем нации, а предлагаемое решение ведет к гражданской войне”.

Возникла пауза... Затем Ельцин, как мне показалось, через силу произнес: “Мне нужны два года. Проблему решим, наверно, поэтапно. Я вношу в Совет Федерации предложение о переносе срока выборов на два года. Указ может быть подписан в среду. Помещение Госдумы пока не занимать! Буду говорить со Строевым и Лужковым. Идите. Ждите команды”.

В восемь часов утра позвонил Юрий Крапивин и проинформировал меня о том, что Ельцин принял решение допустить депутатов к работе. Я понял, что самое худшее позади».

От роспуска Думы и запрета КПРФ Ельцин отказался не только благодаря твердости Куликова (судя по моему с ним общению, он не был столь красноречив), в авантюристичности этого плана его убедили В. Черномырдин и А. Чубайс. П. Авену рассказывает журналист Юмашев:

«У Татьяны (дочери президента) состоялся сложный разговор с Борисом Николаевичем: “Папа, тебе обязательно нужно его принять”. А он говорит: “Не буду его принимать, потому что знаю, что он скажет. Нечего мне добавит, и так тут сложная история”. Тем не менее Татьяна смогла убедить Бориса Николаевича. Пришел Чубайс, и у них состоялся очень тяжелый разговор. И Борис Николаевич отменяет полностью все решения».

(Эта закулисная история прошла тогда мимо нас и я, как и многие депутаты, узнал о ней много позже.)

В апреле президент наконец понял, что если избирательная компания будет вестись по советским лекалам, она закончится провалом. Он сменил руководство избирательным штабом. Возглавил его В. Черномырдин, но у того забот было по горло, и он лишь выслушивал и утверждал те решения, которые приносил на совещания А. Чубайс. Началась реализация мер, которые уже были разработаны Аналитическим центром в Доме приемов «ЛогоВАЗа» и «Президент-отеле», где на 11-м этаже поселилась группа приглашенных из США политтехнологов во главе с Ричардом Дрезднером.

Курировал работу штаба первый помощник президента В. Илюшин, но по началу он не понимал, что избирательная кампания его шефа – это его самая главная и единственная задача. Так, получив один из первых разработанных аналитиками сценариев, он, просмотрев, сказал: «Нет, этого президент делать не будет, он придет, пробудет там 15 минут и уйдет». А в ответ услышал: «Нет, Виктор Васильевич! Вы ошибаетесь, у нас здесь нет президента. Здесь есть кандидат, у которого рейтинг 4%! Мы с вами, как вам – «с шашечками или доехать?» Если «с шашечками», то это не к нам, это вот есть там официальные лица, это туда. А если «доехать», то он будет сидеть, будет идти и обнимет эту женщину, и она даст ему цветы, и он скажет эти слова, и досидит до конца». Дальше стало проще. Выход за пределы чиновничьего протокола помог и самому кандидату – он раскрепостился.

Активную роль в поисках нетривиальных решений играл Борис Березовский. На вопрос Б. Авена о его роли отвечает А. Чубайс:

«У нас дела очень плохи, рейтинг Бориса Николаевича чуть-чуть начинает повышаться. Я уже начал руководить штабом. Звонит Боря: “Анатолий Борисович, нужно срочно договориться с Тулеевым”. – “С Тулеевым? О чем с Тулеевым?” (Губернатор Кемеровской области был одним из участников президентской гонки и симпатизировал Зюганову) – “Нужно решить с Тулеевым вопрос: ясно, что мы во второй тур выходим, соответственно он во второй не войдет. Расклад голосов на втором туре между Ельциным и Зюгановым будет принципиально зависеть от того, какую позицию займут вылетевшие участники первого тура”. – “Так, ну, вообще логично. И что дальше?” – “И поэтому очень важно, чтобы Тулеев был с нами, нужно срочно прорваться”. Я говорю: “Хорошо, это имеет смысл”. Разговор происходит в час или в два часа ночи. На следующее утро приезжаю на работу. Звонок Бориса Абрамовича: “Ну, в принципе мы договорились, все нормально”. – “С кем договорились?” – “С Тулеевым”. – “А ты откуда?” – “А я из Кемерово, мы сейчас в Кузбассе, я прилетел, мы переговорили с ним, нашли базовое решение, сейчас я приеду, вам расскажу конфигурацию, на которую он согласен”. Честно говоря, тогда мы еще по-настоящему не думали про второй тур. Способность увидеть проблему за шаг до того, как она возникла, предложить решение, да еще и самому реализовать, в этом смысле Борис Абрамович был просто потрясающий».

Сговор с А. Тулеевым все же не состоялся. Он снял свою кандидатуру в пользу Зюганова, и Кемеровская область оказалась в пятерке регионов с наименьшей поддержкой президента (правда, во втором туре он, как и многие, «исправится», и тогда голосов за Ельцина окажется вдвое больше). Не получилось и с Г. Явлинским. Он был приглашен Ельциным, который попытался отговорить его от выдвижения, пообещав ему пост первого вице-премьера. Но тот был согласен лишь на премьерство и разговора не получилось.

Успешным, прорывным шагом была идея Б. Березовского о сговоре с гене-

ралом А. Лебедем, который может оттянуть у коммунистов тех, кто недоволен происходящим, но не хочет возврата к прошлому.

Его роль в умирении Баку, его противоречивая позиция во время августовского путча не были широко известны. Популярность он получил во время приднестровского конфликта, когда левобережная часть Молдавии захотеладелиться со всем ее промышленным потенциалом и создала свою маленькую, тяготеющую к России «Приднестровскую Советскую Социалистическую Республику». Это привело к боям между сепаратистами и молдавской армией. Еще с советских времен в Молдавии располагалась 14-я, теперь российская, армия. Когда начались стычки, а потом и бои, эта армия заняла «вооруженный нейтралитет», но в ходе боев под огонь попадали российские военные и даже их семьи. 23 июня 1992 года туда был командирован А. Лебедь, судя по тому, что произошло далее, ему было дано добро на защиту пророссийского анклава. Начальник штаба ракетных войск и артиллерии 14-й армии В. Чернобриный рассказывал потом:

«На меня тогда работала и космическая разведка, и воздушная разведка, и своя разведка, неделю мы определяли склады боеприпасов, склады ГСМ, штабы... В ночь со 2 на 3 июля за 45 минут отработали всем, чем было».

Артиллерия накрыла своим огнем те соединения молдавских военных, которые были сосредоточены для наступления на сепаратистов, под огнем погибло более двух тысяч молдаван. А. Лебедь предупредил, что при дальнейшей эскалации он снова применит артиллерию, это заставило обе стороны искать мирные пути решения конфликта. После этого бравый генерал стал популярен в среде тех имперцев и националистов, которые мечтали о сильной руке и наведении порядка. К моменту президентских выборов в России А. Лебедь уже напрочь разругался как с руководством непризнанной Приднестровской республики, так и с Павлом Грачевым. Уже год, как он ушел в отставку, стал депутатом второй Думы от движения «Честь и Родина! Правда и порядок!», а в декабре с подачи Коржакова (!) «Конгресс русских общин», который скрытно спонсировался секретарем Совбеза О. Лобовым, выдвинул его кандидатом в президенты. Воодушевленный генерал поехал в регионы, где в одном из выступлений презрительно отозвался о Скокове, заявив, что истинный лидер КРО он, Лебедь. Скокову это доложили, и кандидат тут же остался без денег и помещений. Генерал Юрий Попов, руководивший тогда избирательным штабом Лебеда, вспоминает:

«После того, как он разошелся со Скоковым, мы вынуждены были начинать с нуля. Мы – это команда Александра Ивановича, восемь человек, его сослуживцы по Приднестровью и московские офицеры. Ни копейки денег, никаких связей в Москве, без крыши над головой...»

Вот тут его и подхватил Б. Березовский. Генерал сделал вид, что о поддержке развязавшего войну президента он не хочет и слушать. Но Березовский признался ему в том, что России нужна сильная рука, сокрушался о слабости действующей

щего президента и предрекал его скорый уход... В обмен на поддержку Ельцина во втором туре ему предложили не только финансовые ресурсы для кампании, но и то, что позволяло думать о дальнейшем восхождении к вершинам власти. Генерал развесил уши и поставил лишь одно условие: министр обороны П. Грачев должен быть смещен. Негласный договор закрепила встреча с А. Чубайсом. А избирательную кампанию генерала поручили А. Головкову, одному из ближайших помощников Чубайса. Избирательная кампания требовала больших денег, но, как и следовало ожидать, магнаты и олигархи не спешили расставаться с ними, самые богатые россияне сетовали на то, что свободных денег нет, что все они в обороте. Пришлось искать способ дать им заработать. С этой целью правительство выпустило пакет высокодоходных облигаций, но тем, кто пообещал поддержку, они были проданы за полцены, а купившие их банки выставили облигации на рынок и получили доход, который и пошел на избирательную кампанию.

По словам телеведущего Николая Сванидзе, пресса охотно включилась в кампанию на стороне Ельцина: *«Весь журналистский цех не за страх, а за совесть болел за Ельцина. Заставлять не надо было. Все помогали Ельцину от души, то есть все, кого я знал. Это было общее такое, совершенно повальное настроение – помочь Ельцину».*

Это не совсем так, были и те, кто ненавидел как Ельцина, так и Зюганова и с наслаждением поливал грязью их обоих. Так, по словам журналиста Зыгара, журналист Минкин написал огромную статью, где первая часть называлась «Чума», а вторая «Холера». В первой речь шла о Зюганове, *«серой номенклатурной мышке без единой собственной мысли»*, и автор вопрошал: *«Какой же безответственностью, каким беспамятством, какой безответственностью к собственным детям надо обладать, чтобы желать России второй раз (через щель избирательной урны) провалиться в выгребную яму истории?»* Ну, а во второй части (про холеру) уже Ельцина сравнивал с назанимавшим у соседей трешек *«безответственным пропойцей»*, который *«оживляется лишь по торжественным дням при виде молодых в кокошниках»*. Редакторы газет соглашались печатать первую часть хоть сейчас, а вторую потом... Статья так и не вышла, а этот мизантроп и обличитель чужих пороков тут же согласился на просьбу дочери президента и сочинил письмо к ветеранам, в котором президент обещал им все хорошее.

Раскрутку Ельцина через концерты в его поддержку взял на себя генеральный директор компании «ОРТ-реклама» С. Лисовский. На этом человеке лежала тень подозрения в том, что он был заказчиком убийства восходившей звезды российского телевидения В. Листьева, и участие в избирательной кампании президента было ему защитой.

Анализ электората показал: Ельцина могли бы поддержать жители мегаполисов, интеллигенция и молодежь. На них и была сделана ставка. В пропрезидент-

ском турне по России принимали участие большинство поп-звезд того времени. За две недели до первого тура десятиmillionным тиражом вышла бесплатная газета под названием «Не дай Бог!», где против возвращения коммунистов выступали герои популярных латиноамериканских телесериалов, актер Георгий Жженов, музыканты Юрий Шевчук и Андрей Макаревич, режиссер Никита Михалков, актеры Жерар Депардьё, Армен Джигарханян, Алексей Баталов, Михаил Боярский, Ролан Быков, Марина Влади, Донатас Банионис, Олег Табаков, певицы Людмила Зыкина и Эдита Пьеха, Михаил Жванецкий и даже Брижит Бардо. «За Ельциным нет партий. За ним Россия. Я – за Россию, а значит – за Ельцина», – заявляет режиссер Никита Михалков (после ухода Ельцина Михалков объявит его виновником всех бед). «Я помню талоны на колбасу и мыло и не хочу этого для своих детей и внуков», – говорит актриса Наталья Селезнева.

Листовки и стикеры той кампании: «Хочешь пресмыкаться заново, поддержи Зюганова», частушки: «Бросила хорошего, выбрала поганого // Не отдайте сдуру, бабы, голос за Зюганова!», «Отдал голос сгоряча против Николаича // Лес рублю теперича за Геннадь Андреича!»

Лидера КПРФ за его спекуляции на проблемах и трудностях сравнивали с Гитлером 30-х годов, а его сторонники представляли злобными маргиналами. Газета «Не дай Бог!» цитировала их письма, где авторы, как правило анонимные, грозились расправиться с демократами после возврата коммунистов и расписывали те «египетские казни», которые ждут авторов газеты. Не уверен, что все эти письма были подлинными. Но то, что в среде старых и новых опричников, лагерных вертухаев, оставшихся без работы парторгов, стукачей, юдофобов и националистов о расправе мечтали многие, я убеждался не раз. На митингах и пикетах их злоба зашкаливала.

Одна из опубликованных в этой газете статей заканчивалась так:

«Спасибо Геннадию Андреевичу Зюганову... А еще – спасибо читателям, оценившим мой незаметный журналистский подвиг. Причем именно тем, к которым наша газета не обращалась. Верным зюгановцам, назвавшим мое скромное творчество “жидовьей вонью”. Обещавшим, что сталинский ГУЛАГ покажется мне пионерским лагерем. Объяснившим, к чему следует прибавить мои жидовские уши, на что натягивать мою дерьмократскую кожу и чем отрезать мои, извините, яйца. Большое спасибо.

За что спасибо? За правдивую и объективную информацию о них. Теперь я точно знаю, что в моей стране каждый нормальный человек должен время от времени заниматься политикой. Причем в самом элементарном и действенном ее проявлении – пойти и проголосовать. Чтобы оставить их, хорьков, в меньшинстве. (Андрей Васильев, член Союза журналистов)».

Зюганов много ездил по стране и выступал перед рабочими, старыми коммунистами и пенсионерами. На него работали газеты «Правда» (орган ЦК КПРФ) и национал-патриотическая «Завтра», а еще сотня местных газет, которые поощ-

рялись главами городов и областей. Он легко обещал гарантировать всем «право на труд, отдых, жилище, бесплатное образование и медицинское обслуживание, достойную старость», но молчал о том, что этот труд снова станет принудительным. Он обещал компенсировать «сбережения, потерянные в результате «реформ», но не рассказывал о том, как он это сделает. Он обещал «обеспечить преимущество отечественным товаропроизводителям всех форм собственности», но «там, где это необходимо, принять меры прямого государственного регулирования». Обращаясь к военным, он говорил, что «правлящий режим превратил армию и флот в разменную монету для политических игр», что коммунисты восстановят «былую мощь нашего государства», вместе с женщинами сетовал на то, что «политика входит в наш дом, лишает еды и лекарств, опустошает кошельки, убивает наших сыновей». О тех, кто погиб в развязанной его партией афганской авантюре, о тех миллионах, которые благодаря ошибкам коммунистов не вернулись с Отечественной, о жертвах ГУЛАГа и голодомора он, естественно, не вспоминал...

Но и президент стал активен. По словам Егора Гайдара, когда он встретился с президентом во время избирательной кампании, то увидел не усталого, если не сказать дряхлого, человека – нет, Ельцин снова был энергичен и собран. В его штабе понимали, что второй тур неизбежен, но президент утверждал обратное. Член избирательного штаба С. Зверев рассказывал позже:

«Перед первым туром Борис Николаевич выкладывался на 150%. В мае месяце он стал говорить: “Я собираюсь победить в первом туре”. Президент – это президент, и надо ему как-то сказать, нужно было как-то до него донести, что все-таки будет второй тур. А это не так-то просто, Ельцин 96-го года – это такой большой медведь. Лапой махнет – и головы нет. Энергетика такая. Мы приготовились ему это рассказать и вот заканчивается встреча, Анатолий Борисович ему готовится сказать, прыгнуть в эту воду... Зависла пауза, и тут Борис Николаевич говорит: “Что, хотите мне рассказать о втором туре? Я понимаю. Но не надо. Дайте мне доработать до конца так, как если бы я выигрывал в первом туре. Такой у меня настрой, не сбивайте! Я понимаю, что вы работаете, я вам доверяю. Но я выложусь для первого тура, а потом мы все обсудим”».

Благодаря массовой атаке на неопределившихся, доля сторонников сохранения демократического курса стала расти. По словам руководителя социологов аналитической группы Александра Ослона, «опережение Ельцина по электоральному рейтингу возникло после Дня Победы». Президент, по его словам, «произвел на страну сильное впечатление» своим необычным поведением: в течение одного дня успел выступить и в Москве, и в Волгограде. Если 4 мая и за Бориса Ельцина, и за Геннадия Зюганова готовы были голосовать 25% опрошенных, то к 18 мая поддержка президента выросла до 34%, а рейтинг коммуниста упал до 22%. «Обновленный Б. Ельцин, активно разъезжающий по стране

и демонстрирующий энергичность, работоспособность и адекватность, привел людей к мысли, что голосовать надо за него», – писал Александр Ослон. Завершился ельцинский марафон концертным туром по городам России под лозунгом «Голосуй или проиграешь». Этот слоган был удачно использован в предвыборной кампании кандидата в президенты США Б. Клинтона, и теперь с подачи привлеченных американских советников его предложил организовавший этот тур Лисовский. В поддержку кандидата пели популярные тогда Филипп Киркоров, Ирина Аллегрова, Игорь Николаев, группы «Машина времени», «Браво» и «Любэ». Правда, были и конфузы. Так, в Томске, приехавший туда вместе со Стасом Наминым и изрядно уставший в полете, Гарик Сукачев на вопрос журналистов о поддержке Ельцина очень удивился и сказал, что будет голосовать за Горбачева... Но этот досадный случай замяли, а Сукачева отправили отдыхать. Фурор произвел концерт в Ростове-на-Дону, вышедший к молодежи Б. Ельцин сказал: *«Вы даже не представляете, какие вы счастливые. Вам сравнивать не с чем. Вы не знаете, что такое культпоход, билеты в нагрузку. Не знаете, что такое, когда у входа в зал вас осматривают комсомольские активисты. Чтобы на девушках, не дай бог, не было косметики, чтобы ребята были коротко подстрижены. И вообще, чтобы внешний вид соответствовал “идейному уровню мероприятия”. Я не хочу, чтобы это повторилось! Вы не помните, не знаете и, надеюсь, никогда не узнаете, что такое борьба с космополитизмом! Борьба со “стилягами”! Вам никто и никогда не будет диктовать, что носить! Под какую музыку танцевать! Как стричься! Время, когда “одни мы пели песенки, одни читали книжки”, прошло! Вы теперь свободны в своем выборе! Но, если 16 июня вы ошибетесь, второй возможности у вас не будет. Как тут у вас говорят? Голосуй или проиграешь!»* А затем на глазах у всех президент танцевал вместе с певцом Евгением Осиним. И это, конечно, показали все телеканалы.

Березовский понимал, что в отличие от поражений, у победы найдется много «родителей», и первыми из них станут люди из ближнего круга, охранники-царедворцы, от которых надо избавляться.

Рассказывает Юмашев:

«Где-то конец мая – начало июня. Он (Березовский) звонит и говорит: «Надо срочно встретиться, очень важная история. Нужно встретиться с Борисом Федоровым, и обязательно, чтобы Таня это услышала, потому что она должна быть в курсе, что там происходит». Я был уверен, что Борис Федоров – это министр финансов, который что-то там про финансовую ситуацию расскажет. Приезжаем, но там не Боря Федоров – министр, а Боря Федоров, который связан с теннисом, – близкий друг Тарпищева, который возглавлял Национальный фонд спорта. Дальше в течение полутора-двух часов идет монолог Федорова, который рассказывает, как Коржаков наезжает на бизнес, как он требует деньги. Полтора-два часа разговор про Коржакова...»

Эта мутная встреча вряд ли состоялась бы, знай Юмашев и его жена о том, с кем и о чем они будут говорить. Президенту они передавать услышанное не стали, считая это несвоевременным. Но, по словам Юмашева, уже через два дня в «Московском комсомольце» вышла статья с распечаткой произнесенных Федоровым разоблачений. Березовский заявил, что он ни при чем, что это козни ФСБ или слив самого Федорова. Вспоминая эти времена, Юмашев утверждает, что запись и публикация разговора была делом рук Березовского, который просто пожертвовал Федоровым в большой игре. (Вскоре после публикации компромата на Коржакова Б. Федоров получил пулю, выжил, но вскоре скончался от «сердечного приступа».) По версии Юмашева, Березовский, желая избавить команду А. Чубайса от помех, решил тогда идти на обострение и вынудить команду Сосковца на встречные действия. Вскоре ему это удалось.

А с Кавказа по-прежнему шли сводки о боях и потерях, затянувшаяся война занозой сидела в сознании общества. Это надо было смягчать, и пресса заговорила о том, что не за горами время, когда в Чечне уже не понадобятся войска. Президент предложил, а Дума 17 мая приняла постановление об амнистии боевикам, которые сдадут оружие и вернуться к мирной жизни.

На следующий день состоялся 5-й съезд нашей партии, и главным вопросом была позиция ДВР на президентских выборах. О невозможности голосовать за Ельцина говорил А. Мурашев, категорично против поддержки президента выступил С. Ковалев, который назвал его «лжецом и убийцей», голосовать против всех призвал А. Осовцов.

Е. Гайдар, выступая, сказал:

«Мы голосуем не за ту или другую государственную власть. Мы действительно голосуем за шанс нормального, цивилизованного развития России и шанс этот на сегодняшний день, так сложилось, действительно связан с победой Ельцина».

Горячо и требовательно выступал за поддержку президента и А. Чубайс.

К этому времени уже прошла конференция московской организации ДВР, там в поддержку Ельцина проголосовало 500 человек, против – 25... В других регионах из семидесяти пяти наших региональных организаций в шестидесяти двух уже работали комитеты поддержки президента. По сути, съезд мог лишь оформить уже принятое большинством решение. На съезде не проголосовали за Ельцина лишь четверо, среди них был и я. Умом я понимал правоту Гайдара и логику Чубайса, но в тот момент я не смог поднять руку в поддержку человека, который уже год с лишним разрушал основы нарождавшегося гражданского общества и лил кровь.

Но тут – о чудо! – глава миссии ОБСЕ в Чечне Т. Гульдман объявил о том, что достигнута договоренность о проведении мирных переговоров между и.о. президента Ичкерии З. Яндарбиевым и президентом Б. Ельциным. Этому предшествовал ряд военных рейдов в горную часть Чечни, судя по сводкам, боевики были загнаны в горы и положение их было тяжелым.

27 мая руководители мятежной Ичкерии З. Яндарбиев, А. Масхадов, М. Удугов и А. Закаев прилетели в Москву. Их охрана была вооружена, но с оружием в Москву их не пустили, пришлось его сдать и довериться федеральной службе охраны. Делегацию отвезли в Кремль, встреча состоялась в непрестижном банкетном зале и началась с попытки указать чеченцам на их низкий статус и зависимое положение. (Думаю, что этому способствовал генерал В. Тихомиров, который заявил, что «крупных очагов сопротивления дудаевских боевых формирований больше нет, и это еще один шаг к переговорам без всяких условий».)

Вошедший в зал Б. Ельцин, не здороваясь, не пожимая рук гостям, сел в торце длинного стола и жестом предложил З. Яндарбиеву и его спутникам садиться за стол слева от него. Напротив Яндарбиева уже сиделся Доку Завгаев, которого чеченцы не признавали, Гульдимап и другие... Переглянувшись, гости остались стоять, а Яндарбиев возмущенно сказал, что это неуважение, что переговоры ведут так, чтобы договаривающиеся смотрели друг другу в глаза. Ельцин грубо, с нажимом повторил: «Садитесь!»

Яндарбиев, воздев руки, отвечал, что «в таком тоне он не будет» и продолжал стоять. «Садитесь, нормальный тон», – не поднимая опущенной головы говорил Ельцин. В манере начальника, который распекает провинившегося, он упрямо повторял стоящему перед ним Яндарбиеву: «Садитесь! Навоевались! Навоевались!»

Ситуация зашла в скандальный тупик, чеченцы были готовы уйти. Ельцину все же пришлось уступить занятое им место представителю ОБСЕ Гульдимапу. Сам он пересел в середину стола, тогда и чеченцы сели напротив него. Встреча была закрытой, и ее стенограмма недоступна, в сети есть только очень плохая запись ее начала. Согласно предварительной договоренности из обсуждения был исключен вопрос о статусе Чечни, и речь шла только о прекращении огня, разводе войск и освобождении пленных. Обговорив какие-то общие параметры, Ельцин оставил за себя В. Черномырдина и ушел, а российский премьер-министр и Яндарбиев подписали соглашение о прекращении боевых действий с 1 июня и обмене пленными в двухнедельный срок.

После этого команду Яндарбиева отвезли на отдых на загородную дачу (спецобъект АВС) и, поставив там блокировку мобильной и спутниковой связи, окружили заботой и надежной охраной. А утром, включив телевизор, они услышали: президент России уже в Чечне!

Чуть позже в программе «Намедни» журналист НТВ Парфенов описал случившееся так:

«С византийским коварством, оставив своих гостей в Москве в положении фактических заложников, Ельцин перед выборами демонстрирует, что самая острая проблема внутренней политики решена... Для подтверждения контроля над всей территорией России достаточно и блиц-визита».

В 11 утра он уже прилетел в Северную Осетию, самолет приземлился в Моз-

доке. Оттуда восемь одинаковых транспортных вертолетов в сопровождении боевого охранения вылетели в Чечню, в поселок Правобережный, там президент встретился с местными жителями, затем перелет в аэропорт «Северный», где его встретил министр обороны. Ельцин подошел к встречавшим его солдатам из спецподразделения МВД, поинтересовался их наградами и, услышав о том, что их пока нет, пожурил Куликова, а потом с микрофоном в руке сказал солдатам: «В общем, все. Имейте в виду – война закончена! Мятеежников вы разгромили! Уничтожили банды... А те, кто еще бегают, мелкие, кто не сложит оружие, кто и дальше будет сеять смерть – они должны быть уничтожены. Вчера в Москве Яндарбиев при мне подписал – о прекращении всяческих военных действий. Но это потребует от вас дисциплины, определенной сдержанности».

И тут же, на броне БТР, подписал Указ о сокращении срочной службы с двух до полутора лет для тех, кому приходится служить в горячих точках. Солдатики, которые это услышали, были счастливы, они еще не знали, что вернуться домой успеет не каждый.

Там же, перед строем награжденных, президент заявил:

«Нельзя против профессиональных наемников выставять плохо обученных ребят. Не стоит тратить государственные средства, чтобы обучать азам военного дела миллионы вчерашних школьников. Не стоит тратить государственные средства на содержание нескольких сотен дивизий, которые числятся только на бумаге, неукomплектованы... Всем давно ясно, что лучше иметь несколько десятков дивизий, которые полностью укомплектованы профессионалами, которые имеют жизненный и военный опыт».

Выступая перед чеченцами и военными, он сказал: ***«Не удалось избежать серьезных ошибок и просчетов, иногда. И я не снимаю вины и с себя, во всяком случае, не стану перекладывать с себя ответственность на плечи российских военных».*** О будущем Чечни: ***«Республике будет предоставлена самая широкая самостоятельность. Во власти Москвы останутся, конечно, армия и внешняя политика».***

Верил ли он в то, что говорил? Думаю, что да. Он, как и все правители, жил в той системе координат, в тех декорациях, которыми его обставляли. Если генералы рассказывали ему о том, что «мятежники разбиты», то оставалось лишь верить, тем более, что таких вестей он и ждал. Да, пресса, несмотря на то, что ее владельцы помогали выстраивать образ успешного президента, еще была достаточно свободна, чтобы рассказывать и неприглядную правду. Но для того, чтобы знать ее, надо было иметь рядом не только царедворцев, надо было самому сидеть у телевизора, сравнивать программы и листать разные газеты. У президентов на это времени нет, они читают лишь информационные подборки, содержание которых зависит от того, кто их составляет.

Репортажи о здоровом, уверенном в себе президенте, да не где-нибудь, а в воюющей Чечне (!!!), увидела вся Россия, его слова об окончании войны вызва-

ли вздох облегчения у солдатских матерей, у всех, кто ждал призыва в армию, у тех, кто понимал всю бессмысленность и жестокость того, что творилось на Кавказе. Рейтинг президента сразу прибавил несколько пунктов. Увидев рост популярности Ельцина, на его сторону потянулись и губернаторы, если в феврале на его стороне было около двадцати, то за пару недель – уже 49 из 89 глав регионов.

В тот же день Ельцин вернулся в Москву, а делегация Яндарбиева улетела домой. Через два дня, после споров в руководстве сепаратистов, А. Масхадов по рации передал приказ вооруженным формированиям ЧРИ прекратить активные боевые действия.

Я сомневался в том, что война закончена. Есть поговорка: «кому война, а кому мать родна!» За два года в Чечне возмужало поколение тех, кто умел лишь стрелять, для наших генералов и контрактников война тоже стала образом жизни... Поверить в то, что вот так, по команде сверху, все навсегда остановится, было трудно. Но – мир, как же хотелось в него поверить!

И я сказал себе, сделанного не воротишь, а Ельцин признал свою вину и сделал шаг к миру, теперь я могу преодолеть себя и голосовать за него.

В день голосования я решил, что могу навестить свое семейство и отправился в Еремково, но там меня ждали споры: ни моя жена, ни теща за Ельцина голосовать не собирались. Я попытался было переубедить Катю, но это оказалось бесполезно. Она не забыла, как вместе с матерью замирала при каждом телефонном звонке в то время, когда мы с Михалычем сидели под бомбежкой в Грозном. Но получить в президенты Зюганова она тоже не хотела и уже провела в деревне агитационную кампанию за Лебеда, который шансов не имел, но дробил голоса красных. 16 июня мы отправились в сельсовет и проголосовали – мы с тестем, скрепя сердце, за Ельцина, Катя с тещей – против всех. А потом еще доругивались по дороге домой.

Когда по всей стране подсчитали результаты голосования, стало ясно, что будет второй тур. В целом по стране Б. Ельцин получил 35%, Г. Зюганов – 32%, А. Лебедь – 14%, остальные и того меньше. Причем, по данным социолога Д. Орешкина, в 100 больших городах у Ельцина – 43%, а у Зюганова – 23%. В городах-миллионниках у Зюганова – 18%, а у Ельцина – 52%.

В интервью, которое сразу же дал газете «Коммерсант» Б. Березовский, он бросил хлесткую фразу: «Коммунисты думали, что они столкнутся с гнилой интеллигенцией, а натолкнулись они на звериный оскал капитализма». Слыхи о том, что голоса Ельцину приписали, что на самом деле победу в первом туре одержал Зюганов поползли быстро. Появился даже анекдот: «Ельцину докладывают, есть две новости плохая и хорошая. Что плохого? Зюганов набрал 51%, а что ж тогда хорошего? Вы, Борис Николаевич, набрали 52». Приписки, конечно, были, но у кого их было больше? Например, математик, социолог С. Шпилькин считает, что приписки надо искать там, где есть необычно высо-

кая явка и явное преобладание одного, как правило, провластного кандидата. Так будет, например, на выборах после 2000 года, но в тот раз подобные аномалии чаще встречались на тех избирательных участках, где «лидировал» Зюганов. Правда, были и другие аномалии: так, в Чечне, где вряд ли нашлась бы хоть одна не пострадавшая от войны семья, и «явка», и процент «проголосовавших» за Ельцина оказались одними из самых высоких. Понятно, что сидевшая за российскими штыками администрация Завгаева просто нарисовала эти цифры. Так же, как богатевшее при коммунистах руководство соседнего Дагестана, где при повальной «явке» за Зюганова «проголосовало» 63 процента. Но даже если бы в этих маленьких республиках поддержка Ельцина была нулевой, то в масштабах всей страны это было бы несущественно. Чтобы Ельцин обогнал Зюганова только путем приписок, нужно было вбросить 2 миллиона 600 тысяч голосов! Тогда столь масштабно этому еще не научились. Главы городов и областей не были всесильны, это покажут ближайшие выборы в регионах, где многие из них не смогут организовать приписки даже в свою собственную поддержку и потеряют свои посты.

Что действительно верно, так это то, что у коммунистов не было тех денег, того информационного ресурса, который мог бы сравниться с президентским. Ельцин постоянно упоминался и мелькал на телеэкранах, Зюганову пришлось довольствоваться строго отмерянной долей федерального эфира и печати, двумя своими газетами «Правда» и «Завтра», да еще сотней местных газет. Много позже М. Ходорковский в своей статье «Кризис либерализма в России» скажет:

«Избирательная страда 1995-1996 гг. показала, что российский народ отверг либеральных правителей. Мне ли, одному из крупных спонсоров президентской кампании 1996 г., не помнить, какие поистине чудовищные усилия потребовались, чтобы заставить российский народ “выбрать сердцем”?»

Думаю, что Ходорковский не совсем прав. Российского (возможно, и любого другого) избирателя заставлять «выбирать сердцем» не нужно, он это делал и делает всегда. Либерализм и марксизм далеки от него так же, как синтоизм или гегельянство. Он мог бы сказать о себе словами поэта Саши Черного:

*Молю тебя, Создатель
(Совсем я не шучу),
Я русский обыватель –
Я просто жить хочу!*

И голосуя он руководствовался не глубоким знанием и зрелым размышлением, а именно «сердцем», т.е. своим мироощущением. Все соперничающие команды боролись за «сердце» избирателей. Державники спекулировали на потере

былого величия империи и ущемленном чувстве сопричастности к ней. Коммунисты эксплуатировали чувство «несправедливости» нового мира. Демократы заслонили его угрозой возврата к самым черным страницам прошлого. И если она оказалась сильнее всех остальных мотиваций, наверное, у народа были для этого основания.

Перевес действующего президента был невелик, но и он послужил сигналом для многих: если за три месяца команда Ельцина смогла десятикратно поднять его рейтинг, это значит, что за ними сила. И те губернаторы, которые еще колебались или помогали коммунистам, стали переходить на сторону фаворита. Жириновский, Федоров, Явлинский и Лебедь, сойдя с дистанции, выступили в поддержку Б. Ельцина. А руководство «Конгресса русских общин» изобразило возмущение по поводу «измены» А. Лебеда, которого оно само же от себя и погнало. В газете «Завтра» появились гневные слова: «15 процентов избирателей поддержали Лебеда-оппозиционера, а не прислужника предательского, антинародного и антирусского правящего режима! Нам очень горько осознавать, что в течение двух лет генерал Лебедь, попросту говоря, водил за нос и нас, и миллионы русских. Откуда нам было знать, что все громокипящие речи генерала – это лишь средства для достижения личных целей?!» Удивление было наигранным, по словам соратников Лебеда, еще во время кампании член КРО и его идейный наставник С. Глазьев убеждал генерала в том, что после победы Ельцина он должен претендовать не меньше, чем на пост премьера...

А Б. Березовский возбужден и ведет себя как и прежде. Потом А. Чубайс, вспоминая об этом человеке, будет рассказывать Авену: *«Все крайне тяжело, все висит на волоске, спецслужбы за спиной работают против нас, Зюганов очень силен. Спали мы по три-четыре часа, просто уже ум за разум заходил. Однажды ночью, в час или два, он вдруг говорит, и я помню выражение его лица: “Анатолий Борисович, а как все-таки классно!” Я как-то даже не понял, что классно: что-то сыпется, рушится, в шесть утра нужно придумать какую-то срочную схему, чтобы защититься от удара коммунистов. И тут он: “Какой все-таки кайф!”»*

Сосковец и Барсуков увидели, что власть из их рук уплывает, но выжидали, поскольку в штабе еще оставался Коржаков. Но не дремал и Березовский: пришла пора расставаться с теми, кто, оставшись в президентском окружении, станет помехой. Как это сделать? Вот тут-то в «Новой газете» и появилась распечатка с фонограммы рассказа Б. Федорова о коррупции в «Национальном фонде спорта», который по просьбе Коржакова был освобожден от акциза за торговлю спиртным и табаком. Б. Федоров был заместителем главы фонда Шамиля Тарпищева, который, по словам зама, погряз в коррупции. Когда началась избирательная компания, то ельцинский штаб предложил НФС внести свой пай, и Федоров это сделал. А Коржаков и его зам Стрелецкий, узнав об этом, потребовали от него компенсации этой суммы.

Понимая, что, если это дойдет до президента, они могут быть изгнаны, старые гэбисты сами пошли в атаку. Коржаков, который уже давно превратил службу охраны президента в оперативно-розыскную службу с большими полномочиями и деньгами, отлично знал о том, что в избирательной кампании тратятся наличные и неучтенные деньги, по словам дочери президента Татьяны: *«Коржаков по поручению папы отвечал за контроль над всеми финансами предвыборной кампании. Поэтому он в течение всей предвыборной кампании внимательно наблюдал, как Лисовский, а также многие другие, десятки раз получали деньги в коробках из-под ксерокса, в коробках из-под писчей бумаги, в других коробках, в кейсах, в том, в чём было удобно деньги донести и заплатить...»*

Но теперь Коржакову и всей команде Сосковца надо было самим изобличить «ворье», которое наживается на президенте. 18 июня члены президентского избирательного штаба, помощники А. Чубайса А. Евстафьев и С. Лисовский, были задержаны при выносе из Дома правительства картонной коробки. Когда сотрудники Коржакова открыли ее, то нашли там 538 тысяч долларов США. Как позже выяснилось, те же сотрудники СБП уже побывали в кабинете замминистра финансов Г. Кузнецова, тайно вскрыли его сейф и нашли там документы о каких-то платежках в адрес иностранных фирм, а также миллион долларов. Поменяв питание на давно установленной там прослушке, они стали ждать, и когда стало понятно, что часть этих денег забирают, задержали тех, кто их выносил. Это почти сразу стало известно и вызвало понятное возмущение и тревогу в ельцинском штабе. Задержанные объяснений давать не спешили, чьи деньги хранились в сейфе, кому их несли, было неизвестно, но зато было понятно, что на утро президенту все преподнесут как «хищение» из его фонда...

Руководство штаба – Трапезников, Малащенко, Березовский, Гусинской, Чубайс и Татьяна Дьяченко – собрались у Березовского в его клубе. Ситуация аховая. Охрана сообщила, что на крышах залегли снайперы, а вокруг здания сотрудники спецслужб. У Гусинского уже стоит готовый к вылету личный суперджет, но никто не знает, смогут ли они выйти из здания или будут тут же арестованы. Американский журналист Дэвид Ремник, который тоже был там, писал потом: *«Мы ждали, что нас арестуют и даже думали, может, они просто убьют нас?»*

Понятно, что «волкодав» (так отозвался о Ельцине Яндарбиев после встречи в Кремле) может разогнать всех, тогда чекисты точно начнут аресты. В свалку может включиться и армия, у Ельцина на столе лежит обещанный Лебедю указ об отставке Грачева. Министру обороны это уже известно и, как донесла разведка, в его кабинете идет разговор о неповиновении. Но информация уже передана на канал НТВ, и в вечерней передаче Киселев, не называя имен, говорит о том, что возможен ГКЧП-2. Дочь президента звонит Коржакову, тот предлагает дожждаться утра. Чубайс звонит Барсукову – его нет, разговаривает с его замом

Трофимовым, тот уклоняется. Звонит Коржакову – Коржаков не соединяется. Т. Дьяченко едет домой к отцу, он спит. Она его будит, рассказывает. Недовольно выслушав, говорит: «Завтра разберусь». Утром он едет в Кремль и слышит доклад Коржакова. Татьяна и ее муж Юмашев уже попытались убедить Ельцина в том, что надо выслушать и другую сторону, рассерженный глава семейства отмахнулся. Но Чубайсу удалось все же дозвониться до президента по прямой связи, которую забыли отключить. Ельцин заявил, что «кража» предотвращена, но согласился на личную встречу.

В Кремль поехали Чубайс и И. Малашенко. У президента шло заседание Совета Безопасности, где был представлен его новый секретарь А. Лебедь. Ожидая окончания встречи, А. Чубайс рассказал В. Черномырдину о том, что произошло прямое предательство и что будет дальше, если рядом с президентом останутся Сосковец, Барсуков и Коржаков. Черномырдин возбудился и пошел к Ельцину первым, он назвал вещи своими именами и объяснил президенту, который, видимо, не задумывался о том, что коробки и кейсы с деньгами постоянно циркулируют вокруг его штаба, что такова необходимость, и Коржаков сам еще недавно в этом участвовал. После него в кабинет вошел Чубайс, разговор был тяжелым, Ельцину надо было выбирать, с кем он?

Он этот выбор сделал. Вся троица интриганов была отправлена в отставку. И если в отношении Сосковца и Барсукова это было непросто, то выставить за дверь Коржакова, того, кто был с ним рядом с 1985 года, того, кто стал крестным отцом его внука, было трудно. Ельцин переживал это еще несколько месяцев, а его бывший охранник издал потом книгу о своем шефе, где тому изрядно досталось.

Разговоры в кабинете министра обороны не кончились ничем. Глава Совбеза А. Лебедь, узнав о них, позвонил в Генштаб и командующему ВДВ, предупредив о том, что приказы Грачева недействительны. А журналистам в свойственной ему манере заявил: «Единственное, чего мы за пять лет добились, чтобы эти выборы прошли, и то, видите, второй тур пытаются сорвать... Не допущу. Любой мятеж будет подавлен и подавлен предельно жестоко. Тот, кто хочет ввергнуть страну в пучину кровавого хаоса, не заслуживает ни малейшей жалости».

До второго тура выборов оставалось девять дней, когда Б. Ельцина подкосил новый сердечный приступ. Хорошо, что рядом оказался врач. Поездки, да еще и выступления с танцами, а под конец еще и скандал с предателями, все это не прошло даром. Диагноз – пятый инфаркт. Зюганов продолжал поездки и выступления, а его соперник пропал из поля зрения. Его штаб сделал все, чтобы убедить общество в том, что все в порядке, в Барвихе даже имитировали кремлевский кабинет для съемки его встречи с А. Лебедем. Но когда Ельцин не выступил на специально организованном Съезде сельхозпроизводителей, появились упорные слухи о его болезни. Зюгановцы ухватились за это и даже попытались пробить на телевидение, чтобы там в предпоследний день заявить о его смерти.

А 3 июня, в день голосования, Ельцин с трудом, но все же дошел до избирательной урны в соседнем санатории. Монтаж сокращенной записи позволил показать телезрителям живого и самостоятельного президента. Результат голосования – 53% за Ельцина против 40% у Зюганова. Глава избирательного штаба президента А. Чубайс сказал тогда журналистам: «Мы забили последний гвоздь в гроб коммунизма». Наверное, так оно и было, но красный реванш был не единственной опасностью, а силы устоявшего на своем посту, тяжело больного президента были на исходе.

Принуждение к миру!

По результатам переговоров в Москве, еще 20 июня, Масхадов издал приказ о прекращении боевых действий. 25 июня президент РФ подписал Указ о поэтапном выводе войск, но на выход собрался лишь 245-й мотострелковый полк, да и тот в конечном счете лишь переместился на другие позиции. Обещание снять блокпосты так и не было выполнено, а в несостоявшемся обмене пленными стороны обвиняли друг друга. Задачей остававшихся в республике войск было не только усмирение мятежного региона, своими голосами солдаты должны были обеспечить избрание президента РФ и нужных депутатов Народного собрания Чечни. Это вкупе с приписками и дало там Ельцину высокий процент.

После его победы переговоры с чеченцами были остановлены, федеральная делегация улетела в Москву, а войсковые рейды в южную часть республики приобрели активный характер. Собственно, несмотря на все заверения президента, стрельба там и не прекращалась. На аэродроме в Ханкале, когда Ельцин заявил о том, что война закончена, микрофон взял в руки глава МВД Куликов, который уточнил: «Для внутренних войск война еще продолжится потому, что...» Ельцин его перебил: «Нет, это мы уже не будем называть войной, это будет выполнение ваших служебных обязанностей, наведение внутреннего порядка в борьбе с преступностью как везде».

«Неназываемая» война выражалась в зачистках сел, где оцепившие их войска вылавливали подозрительных, требовали у старост выдачи оружия, а в случае сопротивления открывали артиллерийский огонь или бомбили. Так было в селах Гехи и Махкеты, где ранее базировался и.о. президента Яндарбиев, там обстрел привел к массовым жертвам населения. А. Лебедь уже занял пост секретаря Совета Безопасности и встречался с командующим кавказской группировкой генералом Тихомировым, результат их договоренности не был озвучен. Но, судя по тому, что федеральное руководство вышло из переговорного процесса, принуждать мятежников к миру решили через окончательный разгром. Вину за новые боестолкновения А. Лебедь возложил на Яндарбиева, а когда у не понимавшей, почему идет эскалация, прессы появилась версия о том, что развоевавшийся генерал Тихомиров вышел из подчинения президента, секретарь Совбеза заявил: «Тихомиров вполне управляемый генерал».

Ответом на новое наступление стал первый теракт в российской столице – 12 июля взорвалась бомба в московском троллейбусе, ранения получили 28 человек. Прибывший на место взрыва мэр столицы Лужков дал указание милиционскому начальству начать «ответные действия» (!) против чеченской диаспо-

ры в Москве. С 20 июля началась операция в горах юго-западного Шатоя, села Шатойского, Введенского, Ножай-Юртовского, Итум-Калинского и Ачхой-Мартанского районов подвергались непрерывным бомбардировкам. 28 июля в ответ на сообщение представителя ОБСЕ Т. Гульдимана о том, что чеченская сторона готова к прямым контактам и обсуждению возможности прекращения боевых действий, К.Пуликовский отверг саму идею переговоров. Генералы были уверены, что их солдаты добивают ослабевшего врага! На самом деле все было не совсем, а точнее, совсем не так. «Разрозненные и деморализованные бандформирования» собирались принуждать к миру «победителей».

В 5 часов утра 6 августа в свою столицу с боем вошли отряды чеченского сопротивления.

Солнце еще только всходило, а те солдаты, которых еще две недели назад президент поздравлял с победой, те, кто уже считал дни до «дембеля» или отвода в Россию, проснулись от оглушительного и беспощадного огня, который обрушился на них со всех сторон. Те, что стояли в караулах, были убиты сразу. Остальные, отстреливаясь, занимали круговую оборону и пытались соединиться со штабами, где царила неразбериха и растерянность.

Федеральным войскам при всей их броневой и огневой мощи для захвата города понадобилось три месяца, чеченское ополчение вернуло его себе за несколько часов. И не собиралось уходить. В ночь на 8-е августа в город вошло дополнительно около пятисот боевиков, а к вечеру 9 августа – ещё около двухсот. Численность сепаратистов, по их самооценке, составила около трёх с половиной тысяч. Общее руководство операцией «Джихад» осуществлял начальник штаба сепаратистов Аслан Масхадов.

При этом командование, сидя в Ханкале, боялось признаться в катастрофе, глава МВД Куликов, оставаясь в Москве, не решался звать на помощь армейские части. А генералы из Минобороны не торопились бросать своих подчинённых на помощь «смежникам» из МВД. Только к вечеру следующего дня из аэропорта Северный на выручку осажденным пошли бойцы 205-й бригады. Но к этому времени сепаратисты уже захватили стоявшие на путях вагоны с оружием и в т.ч. вагон, груженный противотанковыми гранатомётами... То здание правительства, в котором я пытался остановить генерала Шаманова, горело, здания МВД и ФСБ штурмовали партизаны.

Несколько БТРов под командованием начальника штаба подполковника Виктора Будко, потеряв до половины сожженной техники, сумели прорваться к осаждённому лишь на шестой день боёв, так будут эвакуированы журналисты и часть раненых. Чеченские отряды контролировали уже не только большую часть Грозного. Узнав об успехе, восставшие чеченцы отбили у федералов города Аргун и Гудермес, атаковали Урус-Мартан и Ведено.

Министр обороны П. Грачев, как и было обещано ставшему секретарем Совбеза А. Лебедю, уже отправлен в отставку, теперь на этом высоком посту реко-

мендованный им И. Родионов. Планы генерала идут дальше, но мешает глава МВД Куликов.

Побывав в Моздоке, А. Лебедь передал президенту секретную докладную, которая раскрывала всю правду о произошедшем:

«К лету 1996 г. отряды оппозиции, продолжая опираться на большую часть населения республики, сохранили свой потенциал... Вооруженные силы оппозиции не только не утратили, но и совершенствовали систему управления отрядами, активно пополнялись живой силой, оружием и боеприпасами. Действия федеральных войск зачастую сопровождалось многочисленными неоправданными жертвами среди мирных жителей, разрушением их жилищ, что приводило к расширению социальной базы оппозиции.

Не снижалась напряженность в г. Грозном... В ночное время город, по существу, переходил под контроль преступных элементов и проникших в жилые кварталы боевиков, поскольку несение патрульно-постовой службы и выезды на места происшествий органами внутренних дел в этот период не осуществлялись.

С наступлением темноты руководство республики и представители федеральных органов власти в целях личной безопасности эвакуировались за город в места дислокации войск. Личный состав органов внутренних дел и военнослужащие внутренних войск МВД занимали оборону в правительственных и других закрепленных за ними зданиях, где в течение ночи подвергались обстрелу из автоматического оружия и гранатометов со стороны боевиков.

Ежесуточные потери войск, отсутствие гарантий безопасности граждан на фоне политических заявлений о нормализации обстановки оказывали деморализующее воздействие на личный состав частей и подразделений, а также на часть населения, поддерживающую легитимное правительство Чеченской Республики.

По состоянию на 6 августа 1996 г. охрана и оборона г. Грозного осуществлялась:

– группировкой внутренних войск МВД Российской Федерации в составе 26 частей численностью 8 175 чел., на вооружении которых находилось 207 бронееквивалентов (БТР, БМП, БРДМ), более 500 автомобилей, 24 зенитные установки, 25 танковых гранатометов, 95 автоматических гранатометов, 25 минометов;

– сотрудниками органов внутренних дел МВД Чеченской Республики численностью 2 440 чел., вооруженных автоматическим стрелковым оружием.

Кроме того, в г. Грозном был размещен Координационный центр МВД России с личным составом численностью около 1 тыс. чел.

Таким образом, на 6 августа 1996 г. в г. Грозном было сосредоточено около 12 тыс. военнослужащих органов внутренних дел.

...В результате мероприятий, осуществленных органами ФСБ, военной

разведки и оперативной работы органов внутренних дел, в 20-х числах июля 1996 г. была получена достоверная информация о готовящемся сепаратистами в начале августа 1996 г. нападении на г. Грозный. Имелись достаточные данные о массированном проникновении в г. Грозный многочисленных групп боевиков, ввозе и складировании ими оружия и боеприпасов, активной разведке боевиками подходов к наиболее важным объектам города. Намерения о предстоящем нападении не скрывались и самими боевиками, среди жителей города оппозицией распространялись листовки, в которых доводилось до сведения о предстоящих боевых действиях. Поступающая информация ежедневно передавалась руководству республики и военному командованию.

Полученные разведывательные данные руководством министерства внутренних дел России, его координационного центра, правительства Чеченской республики, министерства внутренних дел Чеченской Республики, командованием временными объединенными силами остались нереализованными.

Полномочный представитель президента Российской Федерации в Чеченской Республике О. И. Лобов должным образом на радикальное изменение обстановки не влиял, поскольку настаивал в этот период времени на освобождении его от занимаемой должности и в республику не выезжал.

При оценке поступающей информации не сделаны выводы из мартовского с. г. нападения боевиков на город, которое осуществлялось ими в целях разведки боем и отработки тактики для последующего (августовского) захвата г. Грозного. Представление Главного военного прокурора от 30 мая 1996 г. министру внутренних дел Российской Федерации А. С. Куликову о необходимости принятия срочных мер по усилению и совершенствованию обороны города осталось без должного реагирования.

В условиях готовящегося нападения министр внутренних дел Российской Федерации Куликов А. С. возложенные на него обязанности по обеспечению безопасности граждан и общественного порядка не выполнил. Перед началом событий и непосредственно в ходе боевых действий для осуществления руководства силами правопорядка в Чеченскую Республику не прибыл. При анализе поступающей информации допустил явную недооценку опасности возникающей критической ситуации.

Начальник координационного центра МВД России – первый заместитель министра внутренних дел Российской Федерации Голубец П. В., являющийся старшим оперативным начальником для всех сил системы МВД России, находящихся на территории Чеченской Республики, не обеспечил привлечение необходимых сил и средств к проведению упреждающих специальных операций по разоружению незаконных вооруженных формирований, проникших в город. По оперативным данным, до 70 процентов личного состава органов внутренних дел республики действовали в интересах оппозиции, сотрудничали с ней или разделяли идеи сепаратистов. О степени надежности чечен-

ской милиции свидетельствует тот факт, что по просьбе министра внутренних дел республики А. С. Таранова его личную охрану обеспечивали не подчиненные, а сотрудники московского ОМОНа.

П. В. Голубец проигнорировал поступающие данные о готовящемся нападении и на утро 6 августа 1996 г. спланировал операцию по проверке паспортного режима в селе Алхан-Юрт. По этой причине распоряжением министра внутренних дел Чеченской Республики А. С. Таранова 5 августа работники органов внутренних дел были сняты с блокпостов в городе. К участию в операции привлекалось свыше 1,5 тысяч сотрудников внутренних дел и военнослужащих внутренних войск МВД и министерства обороны. Принятое П. В. Голубцом решение отвлекло значительные силы от основных задач обороны города.

Командованием временных объединенных сил (Пуликовский К. Б.) не были сделаны выводы из опыта предыдущих боев в г. Грозном и других населенных пунктах республики. Штурмовые группы и отряды в частях временных объединенных сил как средство ведения активных боевых действий в городе заранее созданы не были. В результате этого штурмовые группы и отряды формировались в спешном порядке уже в ходе боевых действий, их командиры не были знакомы с местностью и действовали без рекогносцировки маршрутов движения. Практическое взаимодействие между подразделениями внутренних войск, выполнявшими задачи по охране и обороне объектов в г. Грозном, и штурмовыми отрядами не было организовано. Связь между ними осуществлялась лишь через вышестоящие органы управления войсками.

Боевые действия по захвату г. Грозного начаты оппозицией в 5 часов 50 минут 6 августа. Численность отрядов боевиков, заблаговременно проникших в город и подготовивших огневые позиции, оценивается примерно в 4 тысячи человек.

Несмотря на значительное превосходство федеральных войск в живой силе и технике, они с начала боев утратили инициативу, были блокированы боевиками в местах дислокации, зданиях комендатур и на блокпостах, где вынуждены были держать оборону без ведения активных операций по защите города.

Значительная часть сотрудников органов внутренних дел МВД Чеченской Республики (280 чел.) во главе с министром А. С. Тарановым и начальником штаба координационного центра МВД России генерал-майором С. В. Шауро, несмотря на передвижение групп боевиков в пределах прямой видимости и доклады о начавшихся обстрелах и нападениях, в 6 часов 30 минут 6 августа приступила к выдвигению за пределы города для проведения операции по проверке паспортного режима. Ни генерал-полковник Голубец, ни полковник Таранов не отреагировали на складывающуюся ситуацию, решение о выдвигении на операцию не отменили, в результате чего была ос-

лаблена оборона правительственных зданий и объектов жизнеобеспечения города. Колонна на марше была атакована боевиками, понесла потери, а личный состав вынужденно занял оборону в зданиях управления ГАИ и ЛОВДТ, где длительное время оставался и министр внутренних дел Чеченской Республики А. С. Таранов...

В отличие от отрядов оппозиции, тщательно спланировавших операцию по захвату города, командование временными объединенными силами фактически только парировало наиболее сильные удары боевиков.

Из-за отсутствия достоверных данных о замысле боевиков, командование временными объединенными силами ошибочно полагало, что действия оппозиции носят кратковременный характер, в связи с чем активное привлечение сил и средств группировки войск Министерства обороны стало осуществляться с опозданием, лишь через двое суток после нападения.

В результате нападения отрядов оппозиции на г. Грозный и активных боевых действий в период с 6 по 22 августа 1996 г. по предварительным и далеко не полным данным погибло солдат и офицеров – 494, ранено – 1 407, пропало без вести – 182 военнослужащих и сотрудников милиции. Выведено из строя: танков – 18, БМП – 61, БТР – 8, автомашин – 23, вертолетов – 3».

(В августе, когда боевые столкновения в Грозном прекратились, с места боев в 124-ю судебно-медицинскую лабораторию были доставлены трупы 545 человек, в сентябре – 179 человек, в октябре – еще 100 неопознанных трупов, обнаруженных в ходе поисковых и эксгумационных работ.)

Далее, в докладной следовал вывод о «ненадлежащем выполнении своих обязанностей» главой МВД А. Куликовым, его заместителем П. Голубцом, командующим временными объединенными силами К. Пуликовским и их подчиненными...

Прямолинейный генерал решил идти на пролом, он не только передал этот документ Ельцину, но и собрал пресс-конференцию, на которой открытым текстом обвинил Куликова в бездарном руководстве и желании продолжать войну.

Его расчеты на быструю реакцию президента не оправдались. Президент разбираться с Куликовым не спешил, он объявил в стране День траура, а Лебеда назначил не только своим помощником по национальной безопасности, но и полномочным представителем президента в Чеченской республике.

14 августа Б. Ельцин подписал Указ о расформировании всех госкомиссий по Чечне и передал их полномочия Совету Безопасности.

15 августа Лебедь чуть ли не тайком вылетел в Дагестан, а затем, сильно рискуя, отправился в Чечню на переговоры с Масхадовым и Яндарбиевым. У секретаря Совбеза уже был опыт умирения и переговоров с позиции силы, но здесь ситуация была другой, в Грозном по-прежнему находились окруженные войска. В осажденных блокпостах и опорных пунктах кончались патроны, не было воды, умирали раненые. Те подразделения, которые с потерями прорывались к ним на выручку, сами попадали в осаду. Положение было отчаянным, войну надо было остановить.

Из воспоминаний пресс-секретаря А. Лебеда А. Бархатова:

«В кресла сели Лебедь и Масхадов. Соответственно по сторонам на диване – Сергей Харламов, я, по другую руку – Удугов, Ширвани Басаев, муфтий Чечни и, если не изменяет память, будущий министр внутренних дел Казбек Махашев. Однако в последнем я не уверен. Трудно судить по диктофонной записи о той поистине исторической встрече. Многие, как мы с Харламовым, молчали, дабы не мешать настроиться главным собеседникам на нужную волну. Приведу несколько фрагментов.

Лебедь: “Можно сколько угодно говорить о мире, но пока они будут там драться, все эти решения, благие намерения бессмысленны. Мы можем здесь решать все, что угодно, а люди там будут убивать друг друга. Надо отвести войска из Грозного и данной мне властью прекратить в Чечне применение оружия.

Дальше. Российским войскам создаем условия для вывода. Обеспечиваем свободу политических партий, объединений.

Дальше. 17-18 числа проводим общечеченский съезд. По решению съезда, если договоримся – я просто пока набрасываю план – выборы в учредительное собрание. Власть? Власть однозначно конституционная. Далее возможно по согласованию на переходный период заменить местное МВД на МВД субъекта Российской Федерации... Далее возможно рассмотрение вопроса о Чечне как ассоциированном члене РФ. Право на свою армию, на службу по контракту. Возможно свое представительство в ООН. Вопрос важный.

Патология уже определенная сложилась. И есть масса людей, которые умеют сегодня только воевать. Не будем спорить.

Но, по крайней мере, создать им всем рабочие места и обеспечить их работой – это уже будет возможно. Общее правовое пространство, общее экономическое пространство. Но это уже из области возможных экономических переговоров, договоров. Мы рассматриваем все это, если мы решим первую проблему – прекращение огня. Я считаю, что мы должны решить, потому что альтернатива этому зреет в недрах Генерального штаба, инициируемая великими миротворцами – ввод сюда одной-двух десантных дивизий.

Как говорится, и кошки живой не останется. Будет опять героическая борьба, опять много покойников. Зачем это надо? Я это говорю не для того, чтобы напугать. Я просто говорю о целесообразности.

Я посмотрел сегодня на солдат – это усталые, равнодушные пацаны, у них такие же усталые, щетинистые офицеры. Они не могут победждать, это бессмысленно.

Совершено преступление. Совершена колоссальная политическая глупость. Мне действительно нужна концентрация воли, чтобы ее остановить. Глубоко убежден, мы все равно придем к переговорам. Только вопрос в том, что можно воевать и сто лет, а можно закончить и сейчас. Начать надо делать первые реальные шаги.

Мне очень важно поутру явиться в Кремль, чтобы не дать президенту улететь на Валдай и чтобы получить рычаги управления с особыми полномочиями. Возможность воздействовать на власть федеральную, региональную, на военное командование, у которого сложилось обманчивое впечатление, что тут где-то поблизости витает победа и вот-вот мы ее догоним.

Для того, чтобы переубедить, у меня нет ни времени, ни желания. Здесь придется командовать. Придется кое-кого отстранить от должностей, побеждая конкретными реальными коллективными действиями. Для этого мне нужны полномочия.

Если то, что я вам сказал, в дальнейшей перспективе устраивает, то давайте обсудим”.

Масхадов: “Как в России, так и в Чечне отношение к этой войне – политики воюют и т.д. Думаю, что всем эта война надоела”.

Лебедь: “Точно”.

Масхадов: “Российская держава – территориальная целостность, великая державность. Чечня – суверенитет, независимость и т.д. По-моему, людям наплевать на все это, на эту державность, на их территориальную целостность”.

Лебедь: “Согласен”.

Масхадов: “Поэтому сегодня будем реальными политиками, которые не вдаются в эти подробности, что там будет, какой субъект, какое там правительство и т.д. Сегодня цель – закончить эту войну. Мы еще в прошлом говорили с Романовым, с другими генералами – давайте определим совместные реальные действия.”

Лебедь: “Давайте подумаем. Государственная машина бросает людей в драку, и они туда лезут, как бараны”.

Удугов: “Вы говорите, вывести подразделения из города. Хорошо, вывели.”

Лебедь: “Это вариант”.

Удугов: “Хорошо, я рассуждаю. Там люди Басаева. Что дальше?”

Лебедь: “По вашей логике получается, что кто-то должен одержать решительную победу”.

Удугов: “Нет, неправильно, никакой решительной победы нам не нужно. Паша задача выжить. У нас каждые пятьдесят лет отстрел, переселение или убийство. Каждые 50 лет. Сейчас наша задача выжить. Сегодня мы поняли, что, как только чеченец сложит оружие – я знаю это на сто процентов – начнется все сначала”.

Лебедь: “Понятно. Я вас внимательно слушал... Развели воюющие стороны. Воля чеченского народа, выраженная на съезде, консультативный совет, учредительное собрание, отвод войск, ликвидация фильтрационных пунктов. И вот по этой логике я хочу, чтобы у вас была власть, своя власть”.

Удугов: *“Аслан правильно говорит, что Романов предлагал вариант – давайте создадим какой-то совместный орган.”*

Лебедь: *“Опять. Для этого съезд нужен, чтобы создать совместный орган”.*

Удугов: *“Съезд – это второй этап, Александр Иванович”.*

Лебедь: *“Ну а как создать орган?”*

Удугов: *“Мы говорим об органе совместном с нами. Вы сегодня имеете полномочия президента России в Чечне. Так я понимаю? Значит, вы являетесь официальным представителем Российского президента в Чеченской республике.”*

Лебедь: *“Давайте, чтобы мы не заблуждались. Не спрашивая меня, полностью увязнув в этой идиотской войне, господа Черномырдин и Чубайс подсунули президенту указ, он его подмахнул не глядя”.*

Удугов: *“Значит, вас подставили?!”*

Лебедь: *“Естественно. Черномырдин, выступая в Думе, заявляет, что Лебедь – он генерал, он просто обязан решить этот вопрос. А подтекст такой – он генерал, вот пусть и воюет. А я навоевался выше крыши. Я намерен подложить президенту еще один указ, который бы мне дал реальную власть над ситуацией, который позволил бы мне отворачивать головы олухам, которые бездумно рвутся в бой”.*

Удугов: *“Ну, мы так и предполагали. Честно говоря, мы даже удивились, что вы согласились на это”.*

Лебедь: *“А меня никто не спрашивал”.* (Здесь он явно лукавил: он шел на выборы с лозунгом «Я остановил одну войну, остановлю и другую!», возможность решить эту проблему – это его шанс на повышение статуса и полномочия, которые он получил, то, что ему надо.)

Масхадов: *“Однозначно, им нужен здесь такой человек, военный, который шашкой махнет, еще дивизии введет, еще на пять лет продолжит эту войну. И все. Запачкается, замажется и станет преступником перед своим народом, своей родиной”.*

Лебедь: *“Это не для меня”.*

Масхадов: *“Поэтому я не зря сказал, что сегодня реальным героем дня, реальным человеком, реальным политиком будет тот, который махнет шашкой и остановит эту войну. Как он это остановит – это его дело. Давайте решим именно эту проблему”.*

Лебедь: *“Я еще раз повторю, что для этого нужны полномочия. У президента они есть, а в отношении меня пошла просто подставка”.*

Удугов: *“Каким образом нужно себя вести, чтобы вы смогли?”*

Лебедь: *“Прежде всего, чтобы люди не дрались, нужно их развести хотя бы, как минимум, на километр. По крайней мере автомат не достанет. Если развели на 20 километров, тогда аз пушки не достанешь. Но как минимум*

обеспечить километр. Для начала надо остановить эту драку... Давайте поговорим о сроках с тем, чтобы я мог уже действовать дальше”.

Удугов: “Мы можем четко и ясно гарантировать одно, если мы с вами договоримся завтра, допустим, в 12 часов дня прекратить все боевые действия, – достаточно об этом передать по рации. Это я вам гарантирую.”

Лебедь: “Я сейчас прилечу, возьму трубку, обзвоню Куликова и всех прочих ‘голубей’ и ту же самую команду им дам. Но есть одно ‘но’. Я со своей стороны полной гарантии дать не могу, пока нет всех полномочий”.

Полной гарантии не могли дать и его собеседники, полевые командиры далеко не всегда слушали своих вождей, а боевики своих командиров. Лебедь и Масхадов подписали план разведения сторон, отвод войск и совместный контроль над отдельными районами чеченской столицы, но когда альфовцы, например, стали эвакуироваться из города им пришлось чинить разбитые БТРы и уезжать на них под огнем боевиков... В здании грозненского ФСБ вместе с ними оборонялись и перешедшие на сторону федералов чеченские милиционеры. Им места в БТРах не хватило, да и некуда им было бежать, они остались и были расстреляны боевиками. Не соблюдала запретов и федеральная сторона. Еще недавно наши вояки с презрением говорили о басаевцах, которые прикрывались от огня заложниками из числа пациентов буденновской больницы. Теперь контрактники-омоновцы, отступая, взяли в заложники 500 с лишним человек из числа больных и персонала 9-й городской больницы, они прикрывались ими до тех пор, пока не договорились с полевым командиром Хизиром Хачукаевым о своем выходе. Прикрываясь живым щитом из медиков и больных, они дошли до здания автошколы, где оборонялась части 101-й бригады ВВ. А когда врачи вернулись в больницу, то по ней ударили минометы. Ранение получили два врача, погибла медсестра Тоита Кутуханова...

7 августа генерал К. Пуликовский под давлением Лебеда, чуть не плача и матерясь, подписал приказ о прекращении боевых действий по всей территории республики. Но Куликову надо было оправдаться, он хотел реванша, а Тихомиров и Пуликовский уже стянули к городу войска и считали, что Грозный окружен. Кто-то убедил Ельцина в том, что ловушка захлопнулась, и 19 августа Лебедь получил поручение от президента: «восстановить систему поддержания правопорядка в Грозном по состоянию на 5 августа», т.е. до штурма города (!) Воспрявший духом Пуликовский заявил, что, если в течение 48 часов боевики не сложат оружия, по городу будут нанесены удары из всех имеющихся в наличии систем вооружений. (Узнав об этом, пресса задалась вопросом – не намерен ли армейский генерал применить тактическое ядерное оружие? Оно ведь тоже было «в наличии».)

Чеченцы были готовы дать дорогу осажденным, но хотели и сами выйти из города с оружием в руках. На что Пуликовский (который за полгода до этого потерял на той войне своего сына) сказал им: «Не для того я вас окружал, чтобы

выпускать. Сдавайтесь или будете уничтожены!» Для солдат Масхадова, Басаева и Хаттаба (он тоже принимал участие в операции «Джихад») сдача означала смерть. Они остались. Тогда снаряды и ракеты обрушились на город уже ночью 20 августа, до истечения назначенного срока. Еще несколько дней, и установки «Град» и тяжелая артиллерия сравняли бы весь город с землей. Но в чеченской столице оставались блокированными несколько тысяч федеральных военнослужащих и милиционеров. Теперь они гибли не только от огня противника, но и в результате «своих» артиллерийских и ракетных ударов. Гибли и мирные жители, которых оставалось там до 50 тысяч.

Прибыв в Чечню с дополнительными полномочиями, Лебедь отменил приказ и добился прекращения огня (по словам Пуликовского, Лебедь сказал ему, что это лишь «Брестский мир», что, когда он станет президентом, армия вернется и разгромит мятежников).

22 августа в селе Новые Атаги Лебедь подписал с Масхадовым «Соглашение о неотложных мерах по прекращению огня и боевых действий в городе Грозном и на территории Чеченской Республики».

Начался развод войск. 24-го числа боевики начали покидать Грозный, за три последующих дня из города ушли почти три тысячи солдат Масхадова. К 29 августа из Грозного ушли четыре тысячи федеральных военных, столько же из горных районов. Солдаты радостно грузились в вагоны и ехали домой, но ура-патриотами и нацистами это было встречено в штыки, мэр Москвы Лужков назвал соглашение капитуляцией, а бездарные генералы в очередной раз говорили о том, что у них украли победу. Вокруг Лебеда уже сгущались тучи, его война в Куликовым продолжалась, причем не в его пользу...

Мы заявили тогда о проведении в Москве митинга в поддержку выхода из кровавого тупика. Но доблестный генерал всерьез озаботился своим приоритетом и, как вспоминал потом его пресс-секретарь, сказал ему: *«Александр Александрович, нужно резко нахамить демократам. Примазываются к чужим заслугам. Сможете?»* Возвращаюсь с вариантом решения «задачи»:

«ЗАЯВЛЕНИЕ

**Секретаря Совета безопасности
Российской Федерации А. И. Лебеда
29 августа 1996 г.**

С подачи некоторых деятелей благозвучных по названию движений “Демократическая Россия”, “Демократический Союз” и “Демократический выбор России” 31 августа сего года на Пушкинской площади в Москве скликается митинг. До сей поры не замеченные в кругу моих друзей господа Юшенков, Старовойтова, Гайдар, Шейнис, Шабад желают явить собой поддержку и опору моей работы по установлению мира в Чечне. Искренне заявляю, что не имел чести когда-либо нуждаться в их помощи и впредь надеюсь обойтись

без таковой. Следую заветам великого поэта, у ног которого собираются означенные выше господа: “Хвалу и клевету приемли равнодушно...”»

Прочитав, Александр Иванович с сомнением переспросил: “И это, по-вашему, хамская форма? – Да, – говорю, – по-моему, достаточно хамская. Несolidно преступать дальше за черту приличий. – Ладно”, – генерал расписался.

Секретарь Совбеза и раньше позволял себе пренебрежительные, а порой и просто оскорбительные замечания в адрес демократов. Мы тоже не питали теплых чувств к полуграмотному и спесивому вояке, любимым занятием которого было умножение своих врагов, но ценили достигнутый им мирный результат. И опасались, что он непрочен. А Лебедь витал в облаках, отвечая на вопрос журнала «Шпигель» о том, видит ли он себя президентом в 2000 году, генерал, ухмыльнувшись, ответил: «Возможно, еще раньше».

Не имея на то законных полномочий, он напористо утверждал себя в силовых структурах и, по сути, уже подчинил их себе. Единственным препятствием оставался министр МВД, только этот орешек окажется ему не по зубам. Коррупцированная система МВД уже сложилась, она ворочала огромными деньгами, и чужаки ей были не нужны. Лебедь обещал начать борьбу с коррупцией, но для этого были нужны системные перемены, о которых он не имел представления, а результатом простых чисток и посадок была бы смена одних воров на других...

Сразу после окончания выборов А. Лебедь стал выступать за введение поста вице-президента, и было понятно, что на этом посту он видит себя. Но даже введенная в Конституцию поправка вступила бы в силу только на следующих президентских выборах. Об чем не преминул сказать В. Черномырдин, который по Конституции уже имел право на исполнение обязанностей президента в случае его досрочного ухода.

Тогда А. Лебедь заговорил об учреждении при Совбезе отдела по экономике. Подразумеваемая основателя «Газпрома» В. Черномырдина, он резко выступит против политики «газовых генералов», на что премьер посоветовал ему не лезть не в свои дела. Дела эти были действительно «не по нему», судя по его высказываниям, в голове у генерала была большая путаница, за «правильными» словами о демократии не было стройной системы. Будучи кандидатом в президенты, он наобещал: навести порядок, найти для России третий путь, совместить социализм с капитализмом, госуправление с частной инициативой, не позволять скупать землю, пресечь политику обесценивания текущих доходов и сбережений граждан, не озабочиваясь судебными процедурами, пересаживать всех взяточников и воров. О постиндустриальном обществе представления он имел смутные. Так, еще во время избирательной кампании, чтобы хоть немного поднатаскать его, к нему прикрепили Виталия Найшуля, который написал ему справку по основам развитой экономики. По словам Радзиховского, прочитав, десантник сказал: «Интересно, но вообще, конечно, дерьмо, чепуха». Найшуль удивился: «Как, чепуха?» Лебедь: «Ну вот вы пишете, что в Америке танковые заводы в частных

руках – это же полный п...ж». Найшуль: «Не только танковые, но и ракетные». Лебедь поворачивается к Глазьеву: «Сергей Юрьевич, неужели это правда?» Глазьев говорит: «Да, в США это так». Лебедь недовольно пожимает плечами: «Ну, тогда не знаю...»

При этом он не будет выбирать выражений и в адрес президента, а в застоях со своей армейской свитой рассуждать о том, что он станет делать, когда «старик гикнется». А все разговоры аккуратно записывались спецслужбами. Министр обороны И. Родионов вспоминал потом: «Под конец своей карьеры в Совете Безопасности Александра Ивановича стало заносить куда-то не туда. Один раз он показал мне список олигархов, готовых, по его словам, финансировать армию вместо государства. Помню, там стояла фамилия небезызвестного Березовского».

Что ж, когда олигарх вербовал генерала, он запросто мог пообещать ему деньги, нет, не на военный переворот, скорее, на создание мощной армии под руководством нового вождя нации... Придя к В. Черномырдину, он требовал передачи ему всех вооруженных сил на Кавказе, а встретив возражения, закурил в кабинете премьера, который, как все знали, не терпел табачного дыма. На замечание Куликова о его хамском поведении, распался, кричал: «Да, я хам! И что?»

Администрации президента, а ее уже возглавил А. Чубайс, которому Б. Ельцин не дал уйти в бизнес, станет ясно, генерал опасен. Его первый куратор и наперсник Коржаков уже в отставке, но и без него он мог бы наломать дров хуже Зюганова. 15 октября секретарь Совбеза побывал в штабе ВДВ, где собрал офицеров и заявил, что намеченная министром реорганизация ВДВ – это преступление и ее нельзя допустить, а в ответ десантники кричали своему вождю: «Слава!!!» Президенту доложили о ретивом претенденте и его высказываниях.

В результате 17 октября появился Указ об его отставке. Окружение президента всерьез опасалось силовой реакции секретаря Совбеза. Свой brutальный образ генерал сформировал еще с приднестровских времен, в своем бумажнике он носил и с удовольствием показывал листовку, которую сочинили тогда его армейские пропагандисты. В ней, чтобы напугать молдаван, была расписана его кровожадность в Тбилиси, Баку и Афганистане. С тех пор образ такого Годзиллы прижился, своим нарочито низким голосом, грубыми шутками и грозными обещаниями он этот образ старательно поддерживал. И перестарался. По словам А. Чубайса, к моменту отставки Лебеда в Кремль будут стянуты силы МВД и даже парочка БТРов. Но эксцессов не будет, лишь его личная охрана не сдаст своего оружия, пока не отвезет генерала домой.

Но это еще впереди. А пока на Кавказе затихает война, та, которой могло не быть. В октябре депутаты вернулись из отпусков, начался новый цикл нашей работы. КПРФ, проиграв президентские выборы, бузить не стала, а заняла удобную позицию, которая позволит ей указывать на все ошибки и просчеты правительства и президента, не предлагая взамен ничего, кроме ностальгии по старым порядкам.

Критиковать исполнительную власть было за что. Директивное управление «всем и вся» осталось в прошлом, в расширяющемся поле возможностей его должны были заменить механизмы рынка. Но переходный период затянулся, потребности общества не удовлетворялись частным бизнесом. Он все еще проходил дикую стадию накопления. «Короткие» деньги, быстрые прибыли в быстро меняющихся условиях были важнее долгосрочных и туманных перспектив, а отсутствие налогового кодекса оставляло широкое поле для произвольных толкований, махинаций и увода прибылей в офшоры. В результате государственная машина, на которую по-прежнему кивали и уповали все, задыхалась от нехватки реальных денег. Задача парламента в этой ситуации – не только контроль и утверждение госбюджета, но и ускоренная разработка законодательства, которое поставит бизнес в жесткие правовые рамки, но сталкивающиеся интересы, лоббирование, политический саботаж и коррупция тормозят эту работу.

Первое пленарное заседание должно было утвердить план законодательной работы на осеннюю и весеннюю сессии, но до него мы дошли не сразу.

Депутатам, многие из которых вернулись из своих округов, надо было выговориться. Поток возмущенных жалоб и требований навести в стране порядок не иссякал...

Жириновцев беспокоила перспектива приватизации военной промышленности и отвергнутый президентом закон о профессионально-техническом образовании, северяне кричали о том, что наступают холода, а на Крайний Север не завезена ни «горючка», ни продовольствие. С разных концов зала от представителей краев и областей звучали возмущенные крики о том, что и пенсионеры, и работники в регионах уже не первый месяц сидят без пенсий и зарплаты. Многих возмутило, что министерство финансов и налоговики разослали по предприятиям письмо, где предписывали всем первоочередную выплату не зарплат, а налогов. Пошумев, мы сделали все, что могли: проголосовали за то, чтобы вызвать на ковер министров и потребовать от них объяснений. Других полномочий у нас не было.

Затем депутаты перешли к тому, что случилось в Грозном. Стыд и возмущение тем, что долгая война закончилась поражением, требовали объяснений. На заседание были приглашены еще находившийся в должности секретаря Совбеза А. Лебедь и министр МВД Куликов. Их докладам предшествовало выступление главы думского комитета по обороне генерала Льва Рохлина. Это его солдаты заплатили своей кровью за то, что водрузили российский флаг над грозненским рескомом. Правда, обещанную за это Грачевым Звезду Героя он не взял, сказав, что в гражданской войне славы не сыскать. Депутатом он стал от проправительственного блока, а в своем выступлении сказал:

«Применив войска в Чечне, федеральная власть не решила ни одной из стоящих перед ней проблем, а, наоборот, усугубила их. Она оставляет в Чечне разрушенные хозяйства, обездоленных людей, тысячи боевиков, за пять

лет отвыкших от труда, не представляющих, чем им заняться в мирное время, и в большинстве своем не намеренных расставаться с оружием, оставлять кровную месть и ненависть к России. По какому пути пойдет Чеченская Республика: останется она в составе Российской Федерации или выберет полную государственную независимость? Этот вопрос еще предстоит решать. Не будем тешить себя иллюзиями, не для того боевики воевали, чтобы остаться в составе России. И об этом ясно и четко заявил так называемый президент Ичкерии Зелимхан Яндарбиев. Как только из Чечни будут выведены федеральные войска, она будет вести себя как полностью независимое государство, а руководство страны будет опять делать вид, что этого не замечает. Суверенитет Чечни – это только часть несчастий, которые могут ожидать Россию. Это может стать началом ее развала...»

Затем слово получил А. Лебедь. Он, как и Л. Рохлин, отметил:

«К моменту начала операции федеральных войск в Чечне никакого внутричеченского конфликта, по существу, не было. Этот конфликт, наверное, возник бы со временем, когда основные массы чеченского населения убедились бы в том, что социальная политика Дудаева не несет им никаких благ и выгод. Но тогда, в 1994 году, его не было».

Он сказал, что общая численность находившихся на Северном Кавказе федеральных войск составляет 39 тысяч человек, из них от Министерства обороны – 12 тысяч, сотрудники МВД – без малого 2 тысячи, внутренние войска МВД – 24 тысячи, но в результате фактической потери управления Грозный был практически сдан без боя. Я ожидал, что он прямо укажет на вину командования, в первую очередь на отвечавшего за МВД министра Куликова, об этом он уже говорил на своих пресс-конференциях, а завершая одну из них, бросил фразу: «Двум пернатым в одной берлоге не жить!»

Но в Думе он сдержался и указал на вторую причину провала: армия и МВД укомплектованы лишь наполовину, имеющееся вооружение давно выработало свой ресурс, есть нехватка во всем необходимом и даже денежное содержание не выплачивается уже третий месяц... При этом, по словам генерала, только за 1995 год (еще во время продолжавшихся боевых действий!) марионеточному правительству Завгаева на восстановление экономики и социальной сферы было отпущено 6 триллионов (недоминированных) рублей, а в первом полугодии 1996 года – еще около полутора триллионов. Все эти деньги, естественно, ушли в никуда. Секретарь Совбеза поделился с депутатами своим открытием: ознакомившись с конституциями других автономных республик, он с удивлением обнаружил, что не только в Чечне, но и в 13 субъектах Федерации местная Конституция оказалась главнее российской. И никого это не волнует, и никто не бомбит ни республику Тыва, которая, оказывается, имеет право отделиться от России, ни Саха (Якутию), которая имеет право создавать свои вооруженные силы.

«Мы заплатили очень дорогую цену за то, чего можно и нужно было до-

стичь путем переговоров... К настоящему моменту сделано главное: остановлены боевые действия, военные и политические вопросы решаются исключительно путем переговоров. Должен сказать, что процесс урегулирования кризиса идет нелегко, сопровождается затяжками, проволочками. К сожалению, не только с чеченской стороны, но и со стороны федеральных властных структур сыплются обвинения в игнорировании интересов России, русского населения Северного Кавказа, в частности казачества, обвинения в покушении на целостность Российской Федерации. Люди забывают о том, что именно мир соответствует интересам страны, ее народа, и именно стабильность, экономическое процветание – лучшая гарантия целостности страны. Считаю: то, как события в Чечне и вокруг нее будут развиваться, во многом будет зависеть от способности и желания превратить Чеченскую Республику из источника угроз и потрясений в зону стабильности и правопорядка. Это можно и нужно сделать. Дня достижения этого мы должны, по-моему глубочайшему убеждению, сегодня иметь дело со всеми, кто может повлиять на ситуацию в Чечне. Все, кто серьезно заинтересован в разрешении чеченского конфликта, понимают: да, указанными соглашениями положено только начало длинному, сложному, порой, может быть, мучительному процессу». Секретарь Совбеза, который еще не знал, что уже готовится и через две недели его ждет отставка, закончил свое выступление пожеланием успеха **«всем ветвям власти, всем нам в разрешении этой многосложной, многотрудной проблемы».**

Но разрешение проблемы все видели по-разному. Слово получил А. С. Куликов. Вместо того, чтобы повиниться за свой провал, он, следуя принципу «лучшая защита – это нападение», с ходу пошел в атаку. Во всем оказался виноват Лебедь, подписанное им по поручению президента Хасавьюртовское соглашение не было согласовано со всеми ветвями власти... Подписавшие его Масхадов и Яндарбиев объявлены в розыск как преступники. Обязательства, которые там прописаны не соблюдаются чеченской стороной, поэтому российская сторона теряет право на уважение со стороны своего народа и народов мира. То, что происходит в Чечне, это длящийся позор, это умело организованное надругательство над Россией. По мнению милицейского генерала, уступки в ближайшее время приведут к созданию единого вайнахского государства с обеспечением выхода к Каспийскому морю. Замирение он сравнил с мюнхенским сговором, а тех, кто остановил войну назвал паникерами, чье «лжеспасательство» сродни измене и предательству капитулянтов Петена и Власова.

Он предостерег от оказания помощи в восстановлении Чечни, поскольку уверен, эти средства пойдут на собирание всех врагов России на территории от Таджикистана до Украины и Прибалтики. Министр пугал и пророчествовал, что, остановив войну, Россия распадется уже к началу 1997 года. Он призвал депутатов дать отпор стратегии умиротворения и не исключил использование силового потенциала.

Его выступление не раз прерывалось аплодисментами левой части зала, а я ждал возможности задать ему вопрос: не считает ли он, что офицер, чье бездарное командование привело к гибели сотен его подчиненных, обязан если не застрелиться, то хотя бы снять свои погоны? Но горячо высказаться захотели все лидеры фракций и до вопросов докладчикам дело не дошло. За бурным обсуждением с балкона наблюдали журналисты, в поддержку мира выступил только лидер «ЯБЛока» Григорий Явлинский. Остальные партийные «вожди» до вечера упражнялись в патриотических и воинственных речах. До утверждения плана законодательной работы дело так и не дошло.

А первая «чеченская» война завершилась в мае 1997 года, когда Борис Ельцин и Аслан Масхадов подпишут «Договор о мире и принципах взаимоотношений между Российской Федерацией и Чеченской Республикой Ичкерия»:

«Высокие договаривающие стороны, желая прекратить многовековое противостояние, стремясь установить прочные равноправные, взаимовыгодные отношения, договорились:

- 1. Навсегда отказаться от применения и угрозы применения силы при решении любых спорных вопросов.**
- 2. Строить свои отношения в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права, при этом стороны взаимодействуют в сферах, определяемых конкретными соглашениями.**
- 3. Договор является основой для заключения дальнейших договоров и соглашений по всему комплексу взаимоотношений.**
- 4. Договор составлен в двух экземплярах, причем оба экземпляра имеют равную юридическую силу.**
- 5. Настоящий договор вступает в действие со дня подписания.**

ПРЕЗИДЕНТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (подпись) Б. Ельцин

ПРЕЗИДЕНТ ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ИЧКЕРИЯ (подпись)

А. Масхадов»

По факту Чеченская Республика была признана как независимый субъект права. Это право было обещано всем, кто входил в состав Российской Федерации еще в августе 1990 года, когда Б. Ельцин, выступая в Татарстане, произнес: «Берите столько суверенитета, сколько сможете проглотить». В российских автономиях приняли эту фразу за чистую монету. И все же тогда чеченцев вполне устраивал договор об особом статусе внутри федерации по примеру Татарстана.

Если бы Дудаеву удалось встретиться с Ельциным, а тот пожаловал ему новое воинское звание и предложил помощь, то получил бы не врага, а боевой отряд по защите интересов России на Кавказе...

Если бы Кремль просто установил новую границу Федерации по левому берегу Терека, сказав чеченцам: хотите самостоятельности? Пожалуйста, но свои проблемы решайте сами (я был сторонником такого варианта), то уже через полгода руководство республики само попросилось бы обратно.

Наконец, если бы соглашение о мире, подписанное нами в Буденновске по поручению Черномырдина, не оказалось обманом, война закончилась бы уже тогда, и тысячи людей остались бы живы.

Но по умыслу тех, кто очень хотел, чтобы нарождавшаяся российская демократия споткнулась и попятилась, была развязана двухлетняя война. По федеральным данным 1996 года ее жертвами стали 4 103 погибших, 1 231 пропавший без вести (это, не считая тех двух тысяч, кого нашла и освободила наша Комиссия), 19 794 раненых солдат и офицеров. Похоже, что эти данные сильно занижены, по данным общества «Солдатские матери», за два года погибло не менее 14 тысяч солдат и офицеров. Со стороны Чечни, по словам А. Масхадова, потери составили 2 870 воевавших чеченцев и еще 40 тысяч погибших мирных жителей.

Но помимо смертей и десятков тысяч физически и психически искалеченных людей, был еще один страшный результат: сознание россиян, которых еще грело бывшее имперское «величие», оказалось травмировано унижительным поражением. Эта травма еще будет использована политиками. Ради того, чтобы загнать страну в стойло авторитаризма, они развяжут еще одну «победную» войну.

Олигархи и дефолт

На верхних этажах власти продолжается борьба. Там еще есть те, кто рвет постромки в надежде на структурную перестройку экономики, а левые, как и прежде, перегружают бюджет нереальными социальными расходами. Правительство занимает деньги, чтобы удержать «валютный коридор» и рассчитаться с бюджетниками, а магнаты считают, что власть обязана заплатить за то, что они помогли Ельцину удержаться.

Владимир Потанин уже стал первым вице-премьером, Б. Березовский заместителем секретаря Совета безопасности. Их задача – реализовать властные полномочия в собственность, в стране есть что приватизировать. Авен вспоминал потом: *«Собственно, вся логика развития событий подталкивала к дальнейшим “раздачам”»*.

Но тут на их пути встали А. Чубайс и новый вице-премьер Борис Немцов. Последний получил известность в Нижнем Новгороде еще в конце 80-х годов, когда возглавил общественные протесты против строительства там АЭС. Затем волна перестройки вознесла его в народные депутаты. Еще на первом съезде депутатов России он вошел в «Коалицию реформ», а там его открытость, деловая хватка и молодость пришлись по душе Борису Ельцину. Немцов был его доверенным лицом по Горьковской области во время первых президентских выборов, затем активным защитником Белого дома в августе 91-го года. После того, как поддержавшее ГКЧП руководство области было снято, стал представителем президента, затем назначенным, а потом еще и избранным губернатором. Убеденный рыночник, он крепко держал бразды правления, поднимал экономику своего края, привлек туда зарубежные инвестиции и обеспечил работой жителей области. Ельцину, которого не оставляла мысль о преемнике, Немцов нравился, и он не скрывал этих симпатий.

Б. Немцов:

«Во время нашей поездки в Америку Ельцин уже серьезно представил меня президенту Клинтону как будущего президента России. И еще раз это повторил, но уже канцлеру ФРГ Колю во время визита в Берлин, когда наши войска покидали Германию.

Пока я был губернатором Нижегородской области, Ельцин всерьез и неоднократно обсуждал со мной будущее страны. Однако эта идиллия существовала не очень долго, всего пару лет. После того, как я стал сильно критиковать президента за войну в Чечне, у него возникли первые сомнения на мой счет. В 1996 году мы собрали в Нижегородской области миллион

подписей против войны и привезли их к Спасской башне на микроавтобусе “Газель”».

Из письма Бориса Немцова Борису Ельцину:

«Многие месяцы подряд в Чечне, не переставая, льется кровь и гибнут люди. Многие месяцы, словно открытая рана, Чечня причиняет боль всей России, теряющей своих сыновей. <...> Кровавопролитие должно быть остановлено самым решительным образом. Мы призываем Вас, господин Президент, приложить все усилия, принять все меры, чтобы пресечь военные действия с обеих сторон, более всего дорожа жизнью сограждан и честью страны».

«Одну из папок я принес Борису Николаевичу прямо в кабинет. Он был в шоке, узнав, что только в одной области собран миллион подписей, но одновременно Ельцину моя активность не понравилась... Ельцин спросил:

– А если бы я тебе поручил в стране подписи собирать, сколько бы ты принес?

– 40 миллионов.

Он был в шоке:

– У меня к тебе один вопрос: это подписи за меня или против?».

Немцов предложил президенту:

«Представьте себе Ивановскую площадь в Кремле, на которой сложены горы писем, и Вы, встав рядом, заявляете, что не можете игнорировать мнение народа и в течение двух недель приложите все силы к тому, чтобы остановить войну. Тогда люди с удивлением обнаружат, что их тоненький, неслышимый голос, оказывается, донесся до Кремля и возымел действие. Тем самым Вы склоните на свою сторону миллионы избирателей». Активность нижегородского губернатора встревожила кремлевскую челядь, его даже отключили от правительственной связи, а спешить с выходом на Ивановскую площадь Ельцин не стал. Но после полугода молчания, когда оказалось, что его рейтинг ниже плинтуса, он сам позвонил молодому губернатору и отправился с ним в Чечню, чтобы там объявить миллионам избирателей о «завершении войны»...

Немцов стал широко известен, и если бы в начале 97-го года страна опять выбирала президента, то, как утверждали социологи, во втором туре он победил бы любого из конкурентов... Но до выборов было далеко, Ельцин считал, что ему нужно продержаться еще пару стабилизационных лет. Когда дочь президента, приехав в Нижний, передала Немцову предложение, войти в правительство первым заместителем премьера, молодой и успешный губернатор согласился не сразу. Но, услышав, что президент болен и ему нужна помощь, не устоял. Позже он понял, что шансы на президентство он мог сохранить, лишь оставшись в родном регионе. Представляя его в качестве своего преемника, Б. Ельцин поспешил и сделал его мишенью для всех, у кого были другие планы. А задор, с которым

Немцов ринулся на борьбу с «бандитским капитализмом», натолкнулся на жестокое сопротивление.

«... Я вырос в Нижнем Новгороде, и мои представления о мире были представлениями провинциала. Я даже не представлял, что такое Москва, искренне не понимал, почему с олигархами не могут разобраться. Кто они вообще такие? Бизнесмены? Пусть занимаются бизнесом. Правительство занимается страной, олигархи – бизнесом. Если платят налоги – государство к ним нормально относится, а если нет – то и обижаться нечего. Так мне казалось. Я был глубоко наивным человеком».

Борьбу с олигархами он начал с «национализации Кремля», так назывался один из пунктов его плана, где речь шла о том, чтобы отобрать пропуска в Кремль у крупных бизнесменов. Еще он хотел пересадить всех чиновников на отечественные автомобили и таким образом помочь автопрому, но главным был пункт о прекращении залоговых схем и проведении приватизации только на открытых аукционах. Здесь он нашел мощную поддержку со стороны А. Чубайса, который после президентских выборов не ушел в бизнес, как ему хотелось, а по зову президента сначала возглавил администрацию президента, потом стал еще одним первым замом главы правительства, а чуть позже и министром финансов. По старой аппаратной логике два первых зама уже раскритикованного президентом В. Черномырдина должны были начать соперничать друг с другом за кресло своего шефа, но и А. Чубайс, и Б. Немцов сообща встали на пути у олигархов. Если раньше «раздача слонов» была необходима для подъема сырьевой промышленности и обеспечения президентских выборов, то теперь пора было утвердиться в открытых конкурсах и жестко им следовать.

Первый успешный бой с «приватизаторами» прошел в борьбе за «Газпром». Сначала еще в 1994 году на приобретение этой акционированной кампании нацелился сменивший В. Черномырдина на посту председателя совета директоров Рэм Вяхирев.

По поручению премьера с ним был заключен договор, по которому в награду (?) за управление госпакетом «Газпрома», он мог через три года приобрести 30% государственных акций «Газпрома» за 12 млн долларов. При этом пакет стоил, по мнению А. Чубайса, 9 млрд долларов. К тому моменту в этом бюджетобразующем предприятии у государства оставалось всего 45% акций, остальные уже были распроданы. Если бы эта «сделка» состоялась, у правительства осталось бы 5% акций, и оно стало игрушкой в руках владельцев концерна-монополиста. Немцов, который был еще и министром топлива и энергетики, потребовал отмены договора и пошел к президенту, а тот поставил резолюцию на договоре: «Это грабёж России. Требую разобраться». Разобрались (сегодня доля государства в «Газпроме» 50%), но покушения на одного из ведущих доноров бюджета продолжались. Если нельзя стать прямым собственником, то можно стать управляющим. Возглавить Совет директоров «Газпрома» захотел

Борис Березовский. Кроме того, Березовский, Потанин и Гусинский начали борьбу за «Связьинвест».

Олигархи и магнаты помнили, что в 1917 году большевики первым делом захватили почту и телеграф. То, что средства связи не только хороший доход, но и хороший инструмент влияния, было понятно. Холдинг «Связьинвест» был создан президентским Указом в 1994 году в процессе приватизации государственных предприятий связи. Он быстро приобрел контрольные пакеты семи межрегиональных компаний – «ВолгаТелеком», «Дальсвязь», «Северо-Западный Телеком», «Сибирьтелеком», «Уралсвязьинформ», «ЦентрТелеком» и «ЮТК». Принимая во внимание, что и Гусинский, и Березовский уже контролировали каналы федерального телевидения, приобретение республиканских систем связи делало их монополистами информационного поля. Б. Немцов и А. Чубайс видели в этом серьезную опасность, к тому же магнаты рассчитывали на договорные, льготные цены... Не тут-то было!

П. Авен:

«Березовский и Гусинский не могли понять, почему честность начинается именно с них. Раньше раздавали, и вот... Борис при мне говорил Анатолию Борисовичу: «Хотите честно? Отдайте нам «Связьинвест», а потом уже начинайте. А то у Потанина «Норильский никель» и СИДАНКО, у Ходорковского ЮКОС, а мы?» Чубайс, однако, был непреклонен». Как и Немцов.

Но «джины» уже выпущены из бутылки, и противостоять им было непросто.

Б. Немцов:

«Началась борьба за «Связьинвест», и мы с Чубайсом и Кохом решили провести открытый, прозрачный аукцион. Так мы с Чубайсом нажили злейших врагов в лице самых влиятельных медиа-магнатов. Поскольку фактов коррупции или злоупотребления служебным положением наши враги обнаружить не могли, то ОРТ и НТВ били по определенным имиджевым точкам. Тактика – прямая и косвенная дискредитация, задача – свалить правительство. Березовский с Гусинским делали все, чтобы создать вокруг нас зону общественного отчуждения, чтобы в итоге мы либо ушли в отставку самостоятельно, либо, не выдержав, нас отстранил от должностей президент».

«Связьинвест» не досталась ни Гусинскому, ни Березовскому, на открытом, прозрачном аукционе 25% +1 акция были выкуплены за 1 875 млрд долларов консорциумом, который возглавлял «ОНЕКСИМ-банк». Это было на 160 миллионов больше, чем предлагали другие...

По словам Немцова, это удалось, несмотря на давление друживших с олигархами членов семьи президента:

«Они ходили к Ельцину и постоянно жаловались: мол, Немцов скандальный, с ним невозможно договориться и прочее. Делалось это в первую очередь с подачи Березовского. А тут еще Гусинский подключился. Проиграл аукцион по «Связьинвесту» и его раздражение достигло наивысшей точки, и демокра-

тическое телевидение НТВ присоединилось к яростной травле, профессионально маскируя истинные причины разоблачительного пафоса своего телеканала. Постепенно тактика олигархов начала приносить плоды. В августе 1997 года, через пару недель после знаменитого аукциона, меня вызвал к себе Ельцин. У президента было плохое настроение, и он раздраженно спросил: “Неужели вы не можете как-то все это делать без шума? Я устал вас защищать”. Я пытался объяснить: “Борис Николаевич, это война, в которой либо они победят, либо мы. В этой войне ваша позиция как президента имеет определяющее значение. Олигархи владеют государством. Один из них, кроме информационного ресурса, гигантского финансового ресурса и так далее, еще хотел захватить ‘Газпром’. Если мы готовы дать этим людям возможность управлять страной, давайте тогда совсем уничтожим федеральное правительство и не будем тратить деньги на имитацию его деятельности. Назначайте на министерские посты олигархов, и пусть они делают то, что считают нужным...” Я говорил убежденно, страстно. Ельцин все это время молчал и угрюмо на меня смотрел. В конце произнес примерно следующее: “Они – никто, я их знать не знаю. Вы – правительство”».

Я уже писал о том, что А. Чубайс хотел уйти из политики сразу после победы Ельцина на выборах, у него была давняя мечта – взяться за модернизацию какой-нибудь закосневшей отрасли и вывести ее на рентабельный и полезный обществу уровень. После успешной коронарной операции президент воспрял духом и сердцем, тревожное межвременье закончилось, и А. Чубайс уже подумывал об уходе из правительства, тем более, что ему удалось найти себе замену: в правительстве и администрации президента уже работали Б. Немцов, С. Кириенко, из Питера на подмогу пришли старые товарищи С. Васильев и А. Кудрин. К этому времени А. Чубайсу и Б. Немцову удалось настоять на отставке Б. Березовского, который использовал свои позиции в Совете Безопасности в личных целях. Война с олигархами перешла в острую фазу. Каждый день ведущие каналы телевидения клевали правительство, любой шаг реформаторов критиковался и высмеивался. Журналисты, пошедшие на службу магнатам, не гнушались ничем, вплоть до интервью с нанятыми проститутками, которые рассказывали о том, как они проводили время с Б. Немцовым. Спустя несколько лет телеведущий С. Доренко (столичный аналог Невзорова), столкнувшись с Немцовым в аэропорту Нью-Йорка, пожал плечами и сказал: «Я же киллер. Тебя заказали. А это был такой простой и эффективный способ: дал 200 долларов, и дамочка наговорила, что надо, абсолютно не рискуя ни здоровьем, ни жизнью. Ты же ей ничего не мог сделать...»

Однако были удары и посерьезнее. А. Чубайс и пятеро коллег из его команды учредили Фонд защиты частной собственности, в его задачи входила юридическая помощь среднему классу и всему, что могло помочь становлению гражданского общества. В попечительский Совет фонда вошли члены «Демвыбора

России» с Е. Гайдаром во главе. Но для работы фонда нужны были средства. Поскольку спонсорам за помощь ничего не обещали, а законодательство никаких льгот благотворителям не предоставляло, краудфандинг шел с трудом. Тогда учредители решили заработать на издании коллективной монографии о том, как шли процессы приватизации в России 90-х годов. Заключили договор с издательством, по которому авторы должны были после выхода издания получить весьма высокий гонорар. При этом было заранее оговорено, что 90% от него каждый перечислит в этот благотворительный фонд. Они получили авансы и отправили их на счета Фонда. Вся эта затея была весьма уязвима: почему издательство решило платить авторам огромные деньги, да и откуда они взялись у издательства – все могло вызвать вопросы. И вызвало бурю! Конечно, о получении крупных гонораров пронюхали конкуренты и противники, такого «подарка» они не ожидали и охотно раздули в прессе «коррупционный» скандал. На фоне миллионов и миллиардов, которые крутились в теневом бизнесе история «писателей» была мелочью. Генеральная прокуратура, как ни старалась усадить ведущих демократов за решетку, оснований для этого не нашла. Но крови им попортили немало. Зубодробительная критика всех вице-премьерских шагов продолжалась. А Чубайс написал президенту письмо, где изложил ситуацию и признал, что развернувшаяся кампания дискредитации членов правительства вредит президенту, и передал ему свое заявление об отставке. Ельцин очень не любил уступать чьему-то давлению и отставку главного куратора российской экономики не принял.

Вспоминая те дни, А. Чубайс говорил:

«Все были против нас – бизнес, силовики, коммунисты, премьер, средства массовой информации как часть олигархического бизнеса, было ясно, что добиться перелома невозможно, масштабы будущего кризиса в то время не были столь очевидны, поэтому я считал себя морально свободным. Но хотел уйти так, чтобы это не выглядело результатом наезда Березовского».

Став не только главой президентской администрации, но и министром финансов, А. Чубайс видел, что наметился рост, была остановлена инфляция, и все же экономике лихорадило. До конца 1994 года условное равновесие сохранялось с помощью самого варварского способа: Центральный банк по указанию премьера просто печатал деньги. Тогда это привело к первому обвалу рубля, ноябрьскому «черному вторнику».

Весной следующего года удалось провести законодательный запрет на произвольную эмиссию. Правительственной «*idée fixe*» стало сохранение твердого рубля, т.н. «валютный коридор». МВФ и его ведущий экономист Стэнли Фишер настоятельно рекомендовали развивающимся странам сохранять курс отечественной валюты как важнейший инструмент от разгона инфляции.

Он был прав, но только в отношении тех, у кого отлажен сбор налогов и есть запас прочности – крупные валютные резервы. Там, где их не было, а это Бразилия, Мексика, Таиланд и Южная Корея, удержание денежного курса приводило

к истощению и обвалу денежной системы. То же было и у нас: ежедневный сброс валюты на рынок привел к тому, что резервы Центробанка снизились до \$24 млрд.

Когда правительство лишилось возможности покрытия бюджетного дефицита через неконтролируемую эмиссию, у Черномырдина остался лишь заемный путь. Он использовался и раньше, продажа высокодоходных краткосрочных облигаций (ГКО) началась за 5 лет до кризиса, в мае 1993 года. Расчет был на то, что, выполняя рекомендации МВФ по «валютному коридору», Россия и дальше будет получать от него долгосрочные кредиты, а за это время отечественная промышленность станет на ноги и сбор налогов позволит рассчитаться со всеми кредиторами. Сначала выплаты рублевых процентов покупателям ГКО успешно покрывались инфляцией, за счет печатного станка. Но сброс на рынок валютных резервов впервые за семь лет остановил инфляцию, и рубль стал потихоньку укрепляться. Появились первые признаки экономического роста, вот только рублевые долги перед займодавцами уже нельзя было оплачивать свеженькими купюрами, и они стали расти.

В первые годы доходность облигаций составляла 40, затем 60% годовых, но расчет на то, что полученный владельцами ГКО доход будет использован в материальном производстве и подымет сбор налогов, не оправдался. Ни отечественные, ни тем более зарубежные займодавцы не видели смысла вкладывать полученную прибыль в российскую промышленность, так же поступали и банки — куда проще и надежнее на полученную прибыль снова покупать выгодные облигации. Чтобы оплачивать обещанные проценты, пришлось привлекать покупателей, повышая доходность новых ГКО до баснословных процентов. Заемная пирамида росла, вместе с ней росли и долги.

А нехватка средств продолжалась седьмой (!) год. Депутаты из левых фракций, лоббисты военно-промышленного и аграрного комплексов под вопли о бедном народе и погибающем отечестве накачивают бюджет необеспеченными расходами. Так, Госдума приняла бюджет следующего, 1998 года, где расходы на 132 млрд рублей (20,5 млрд долларов) превышали доходы. Тех, кто провоцировал падение правительства, вопрос, где взять эти деньги, не волновал...

Козни оппозиции были главной бедой, но и В. Черномырдин вел пассивную и противоречивую политику. Несмотря на президентские указы о военной реформе, сохранялась раздутая призывная армия. Расходы только на ее пропитание были больше, чем средства на перевооружение. Младший офицерский состав ютился в съемном жилье и гарнизонных бараках, а численность российских генералов превысила генералитет СССР. То же самое с чиновничеством. Левая рука правительства могла не знать, что делает правая, в результате на пленарном заседании Думы сталкивались правительственные инициативы о запрете каких-либо льгот в уплате налогов и предложения узаконить новые налоговые льготы! А на вопросы депутатов: «Что же рассматривать?», от правительственных чиновников мы слышали: «Решайте сами».

В феврале 1997 года на заседании политсовета «Демвыбора», обсуждая сложившуюся ситуацию, Егор Гайдар говорил нам:

«Мы должны, по-моему, четко и однозначно сказать следующее.

Первое. Тот курс, который проводит сегодня правительство, не имеет никакого отношения к политике либеральных реформ, не является таковым и не заслуживает поддержки.

Второе. Нынешнее правительство не способно реализовать курс необходимых преобразований.

Третье. Это правительство нуждается в радикальной структурной и персональной перестройке.

Эта перестройка необходима не потому, что на этом настаивает партия “Демократический выбор России”. Я реалист, я не переоцениваю нашего реального политического влияния. Она необходима потому, что этого требует жизнь. Скажу больше: если подобного рода реорганизация не будет проведена, то не только “Демократический выбор России”, а жизнь со всей неизбежностью поставит вопрос об отставке нынешнего правительства в полном составе...»

Президент действительно решил сменить погрязший в долгах, безынициативный кабинет Черномырдина. А заодно убрать Чубайса с Немцовым с первой линии огня, тем более, что рейтинг последнего приближался к нулю... В поисках замены он прислушался к совету Б. Немцова и пригласил на беседу недавно ставшего министром топлива и энергетики С. Кириенко. Этот 35-летний, прошедший аппаратную школу, «комсомольский вожак», а затем и председатель идеологической (!) Комиссии обкома КПСС в г. Горьком, успешно вписался в перестройку, стал бизнесменом, прошел психологический и управленческий тренинг у саентологов, а затем, с подачи Б. Немцова, начал работу в правительстве. Президенту понравился «ровный, жесткий, абсолютно последовательный» стиль мышления этого человека, и свой выбор он остановил на нем. Но этого было мало, утвердить и.о. премьера должна была Дума. А там появление невесты откуда взявшегося, юного – по советским меркам – премьера вызвало зависть и злобу, его сразу окрестили «киндер-сюрпризом». Получив доступ ко всей полноте финансовой информации, С. Кириенко был в шоке. На него свалилась (или на него свалили) всю ответственность за ошибки предыдущего руководства, а пути выхода были, как говорится, «оба хуже».

Когда в апреле 98-го года его кандидатуру представили депутатам, было понятно, что необходимого числа голосов он не получит, но С. Кириенко уверенно вышел на трибуну и начал со слов: «Гораздо больше итогов голосования по моей кандидатуре меня волнует сегодня то, по какому пути пойдет наша страна!»

Опережая уже готовых сорваться с цепи обличителей, он сам назвал все болевые проблемы. Десятикратный спад инвестиций, на обслуживание долгов уходит треть от всех расходов бюджета. На четверть сократился сбор налогов. Если

в прошлом году правительству удалось покрыть задолженность по пенсиям и зарплате бюджетников, то теперь растут новые долги и, если так пойдет дальше, дефицит Пенсионного фонда к концу года составит 20 миллиардов рублей. Каждый четвертый житель федерации имеет доходы ниже прожиточного минимума. Если в 1991 году внешний долг бывшего СССР был 109 миллиардов долларов, то сейчас он вырос до 122 миллиардов долларов.

Помимо ошибок и внешних факторов, главной причиной кризиса докладчик назвал моральный кризис: потерю доверия людей к власти, неуверенность в завтрашнем дне у инвесторов, чиновников и рядовых людей...

Действительно – надежды времен перестройки, когда люди ждали своей народной власти, той, что сама все устроит и обеспечит, давно испарились. Дырявое решето новых правил общежития, политический кризис 93-го года и война в Чечне показали, что власть может переступить через закон, а человеческая жизнь дешевле государственных задач.

При отсутствии доверия жертвовать насущными, сиюминутными интересами ради общества были готовы немногие.

«Позитивная» часть доклада выглядела менее впечатляющей. Отвергнув печатание денег и новые долги, кандидат предложил рост доходов и оптимизацию расходов. Как?

– Научиться получать свое не только с ведущих предприятий, но и со среднего, малого, теневого бизнеса, с таких сфер как лотереи, казино, автозаправочные станции, такси, оптовые рынки, шоу-бизнес, продажа развлекательной продукции. Перейти на вмененный доход для малого бизнеса. Принять Налоговый кодекс, отказаться от системы «зачетов», когда предприятия копят долги, зная, что государство ради сохранения промышленности покроет их большую часть.

– Далее речь шла о приватизации только по рыночным ценам и направлении вырученных средств только на развитие, о сохранении госконтроля за ведущими и стратегическими областями, инвентаризации зарубежной собственности, борьбе с расточительностью и неэффективностью государственных кампаний. Тут он привел пример: в Сбербанке государство имело 51 процент и могло бы рассчитывать на половину годовой прибыли, которая составила 14 триллионов, но дивиденды ведущего акционера составили лишь 400 миллиардов. Остальное было растратчено на роскошные офисы и бонусы руководству. Другой пример – угольная отрасль: себестоимость добычи коксующегося угля в мире – 12-15 долларов за тонну, у нас – 28 долларов. «В этой области, – говорил С. Кириенко, – мы теряем не только 5,7 триллиона бюджетных рублей, которые идут на поддержание отрасли, но и всю разницу себестоимости. Если объем добычи 240 миллионов тонн умножить на 12 долларов разницы, это значит, что мы недополучаем 2,5 миллиарда долларов в год». Он указал на необходимость сокращения расходов на госаппарат, численность которого только за прошедший год выросла на 62%. Предложил ввести строгую адресность социальной защиты,

сказав, что из 130 видов социальных льгот, существующих сегодня в стране, только одна – жилищная субсидия – распределяется при проверке нуждаемости. В результате, на действительно бедные семьи приходится лишь 26% пособий по безработице, лишь 29% суммы льгот на приобретение лекарств, лишь 10% льгот на санаторно-курортное лечение. Остальное получают те, кто на самом деле не испытывает настоящей нужды. Продажа земли и получение налогов с ее использования могли дать радикальные вливания в бюджет, но это вызвало бы ярость аграрного лобби, поэтому об этом он источнике средств он промолчал.

Могли ли предложенные Кириенко меры спасти положение? Сбор подоходного налога был проблемой всех времен и режимов. В Великобритании его пытались ввести еще с 1449 года, тогда это привело к череде бунтов и крови. Англичане сопротивлялись долго, уклонение от налога стало считаться недостойным лишь через 400 лет... В России он был введен только в 1916 году, просуществовал до октябрьского переворота. Затем стал фикцией, поскольку у большинства невольников общенародного исправительно-трудового режима настоящих доходов не было, а была зарплатная, произвольно назначенная, пайка за принудительный труд.

В новой России все, кто пошёл в бизнес (от «челноков», которые везли из Турции дешевые тряпки, до владельцев торговых сетей, заводов и пароходов), говорили себе: «Ну почему я должен отдать невесту кому невесту на что свои денежки? Эта власть ничего не может, порядка нет, бандиты, коррупция, вместо нужных законов какой-то херней занимаются. И не досуг мне разбираться, кто в каком кресле сидит и за что отвечает. Все они, чинуши и депутаты, одним... помазаны. А мне каждый рубль нужен, не для себя, для дела, для развития! Вот встану на ноги, закреплюсь на рынке и буду платить, даже благотворительностью займусь. А пока все, что смогу, запрячу на Канарах».

Если бы у правительства была пара спокойных лет, чтобы восстановить у людей ощущение стабильности, если бы огромный, неповоротливый чиновничий аппарат сделал все то, о чем говорил Кириенко, при наведении порядка в налогах и узаконенном праве купли-продажи земли, то шанс выйти из штопора был бы. Но Налоговый кодекс примут только через год, с правом выкупа и продажи земли леваки согласятся только через четыре года, а доверие общества к своему правительству так и останется химерой.

Бойкая речь кандидата в премьеры, его уверенное владение предметом произвели впечатление даже на оппонентов. Помню, что в думских дебатах кто-то из «левых» с досадой сказал Кириенко: «У вас на все есть ответы!» Но голосов за его утверждение это не прибавило. Закончил он свою речь словами о надежде на сотрудничество.

Но можно ли было рассчитывать на него, когда думское большинство все еще думало о смене власти? Президентского кандидата «прокатили» два раза и главой правительства он стал только с третьей попытки, когда у президента появи-

лась законная возможность в случае нового отказа распустить Думу. Оппозиция предпочла сохранить свои мандаты и прогнулась.

Тогда утвержденный премьер предложил Думе резко сократить государственные расходы. МВФ соглашался выделить России новый долгосрочный кредит только на этих условиях. Кириенко просил депутатов урезать расходную часть бюджета по основным его статьям или наделить правительство правом сократить расходы по своему усмотрению. Левое большинство, к которому присоединились и социал-демократы из «ЯБЛока», не сделали ни того, ни другого, оставив новое правительство в тупике. У Ельцина снова возникло желание изгнать Думу от коммунистов, запретив КПРФ. С. Кириенко отговорил его, но проблема осталась. По словам Е. Гайдара, уже в августе правительству пришлось еженедельно занимать на рынке до 15 млрд рублей, из них 8 млрд рублей шли на погашение долгов, оставшиеся 7 млрд рублей на здравоохранение, образование, социальные пособия, оборонные расходы, содержание государственных служб, а сумма всех выплат сравнивалась с доходами бюджета... Погружение в долговой омут завершил азиатский финансовый кризис, его причины – перенасыщение инвестициями дешевой азиатской промышленности, затем падение спроса на избыток предложения, сокращение производств и потребления нефти. Трехкратное понижение ее цены пробило огромную дыру в нашем скудном бюджете. Кредиторы потребовали возврата долгов по ГКО, но расплатиться можно было только напечатав уйму ничем не обеспеченных денежных знаков. Расчеты экономистов говорили, что для покрытия долгов надо увеличить денежную массу более чем в два раза, тогда инфляция за месяц составила бы 12, к концу года 50, а дальше все 100%. При этом, если пенсии и зарплаты бюджетников останутся прежними, то это вызовет бунт, а вырастая вместе с инфляцией, они разгонят инфляцию еще быстрее.

Поползли слухи о крахе. Б. Ельцин, узнав о том, что назначенный его представителем А. Чубайс все же сумел договориться о получении специального пакета помощи в размере \$24 млрд, заявил о том, что никаких обвалов не будет. Но первый транш был лишь на 4,8 млрд долларов, и это уже не спасало. Узнав, что Дума отказалась сокращать расходную часть бюджета, МВФ решил не давать больше денег тем, кто их просто проест. 17 августа 1998 года правительству не оставалось ничего, как объявить об отказе от выполнения своих финансовых обязательств (дефолте), курс рубля рухнул почти в 3 раза, началась паника, имущие люди побежали забирать рублевые вклады из банков, а затем скупать валюту. Вернуть все вклады банки не могли, доллары, которые не успели раскупить в обменниках, они, конечно, придержали, но те, что поменьше, все равно разорились. Начались массовые увольнения.

Много позже, вспоминая о тех днях, А. Чубайс писал:

«Самый безжалостный удар пришелся именно по той части населения, которая поверила нам, реформаторам, и всерьез, впервые в своей жизни, по-

шла в бизнес. Встречи с малым бизнесом осенью 1998 года были совсем душераздирающими. Молодая, хрупкая, едва-едва построенная российская рыночная экономика, стоившая стране и народу колоссальных усилий и жертв, не выдержала под жесткими ударами сначала азиатского, а потом уже и мирового экономического кризиса. Тогда многим, и временами мне самому, казалось, что рухнуло все...»

Дума, конечно, заявила о недоверии правительству, президент, который оказался в дурацком положении, отправил С. Кириенко в отставку, безуспешно попытался вернуть Черномырдина и в конечном счете передал бразды правления исполнительной властью Е. Примакову. Член ЦК КПСС, востоковед, глава внешней разведки, председатель Верховного Совета СССР, министр иностранных дел РФ – главой правительства он пробудет недолго. Его руководство запомнится лишь тем, что в 1999 году, отправившись в США убеждать в целесообразности кредитов, он развернет свой самолет и вернется в Москву, когда узнает, что страны НАТО, принуждая Югославию к прекращению геноцида в отношении албанских мусульман, нанесут бомбовый удар по стратегическим объектам Югославии. Несогласованная с Б. Ельциным эскапада Е. Примакова обошлась нам тогда задержкой в получении 15 млрд долларов и дальнейшим падением курса рубля. Через 8 месяцев после вступления в должность, когда появятся подозрения в том, что старый разведчик в сговоре с мэром Москвы Лужковым и метит в президенту, а реформы стоят на месте, Ельцин отправит его в отставку... В дальнейшем он будет председательствовать в «Меркурий- клубе», собрании ветеранов «большой политики». А его «разворот над Атлантикой» окажется предтечей международной политики следующего президента.

Правозащитниками не назначают!

Сергей Ковалев произнес эти слова, когда Дума в 1995 году за активную антивоенную демократическую позицию отправила его в отставку с поста Уполномоченного по правам человека в РФ. Затем два года различные фракции безуспешно соперничали за этот, как им казалось, престижный пост, но не могли договориться. Федеральный закон давал возможность выдвижения кандидатов президенту, верхней палате, депутатским объединениям и самим депутатам. Так набралось 6 кандидатур. Согласно закону, уполномоченный избирался большинством голосов от общего числа депутатов. Но Совет Думы, в который входили руководители фракций, придумал фильтр: чтобы ни одна из фракций и даже пара из них не могла обеспечить большинства, а искала согласия с другими, в окончательном списке кандидатов остаются только те, кто сначала получают поддержку 2/3 депутатского состава. Уполномоченный избирается только из них уже простым большинством. Договориться не удавалось, пока администрация президента не озаботила фракцию «Наш дом – Россия» задачей отодвинуть мятежного генерала Л. Рохлина от руководства думским комитетом по обороне. За согласие на это НДР пообещала коммунистам поддержку их кандидата в уполномоченные по правам. Осенью 1997 года Дума еще раз вернулась к этому вопросу.

Когда до него дошла очередь и председатель Комитета по законодательству вышел на трибуну, чтобы напомнить о порядке избрания и огласить список уже выдвинутых кандидатов, сидевшая рядом со мной Галина Старовойтова, повернувшись, сказала мне:

– Юлий Андреевич! Почему мы, независимые, никого не выдвигаем? Давайте Вас?

– А смысл? Бесполезно.

– Нет, почему бесполезно? Пусть знают, надо напомнить, что кроме коммунистов и фашистов здесь есть и нормальные люди.

«А что? – подумал я. – Убеждать никого не буду, а сделать выпад не грех! Результат предрешен, но, может быть, кому-то западет в голову, что уполномоченный не должен зависеть от депутатов и губернаторов, что выбирать его должен народ...»

Из стенограммы.

«СТАРОВОЙТОВА Г. В., депутат Государственной Думы, не состоящий в депутатском объединении: “Я хотела бы проинформировать уважаемых коллег о том, что мы выдвигаем еще одну кандидатуру, имея на это право.

Депутаты – члены движения ‘Демократическая Россия’ и депутаты –

члены партии 'Демократический выбор России' выдвигают на пост уполномоченного по правам человека Рыбакова Юлия Андреевича, человека, имеющего большой опыт правозащитной деятельности, опыт борьбы с тоталитарным режимом, прошедшего шесть лет в тюрьме за эту свою деятельность, участвовавшего в правозащитной деятельности в Чечне (по защите и наших солдат, и заложников), много сделавшего для того, чтобы эта война прекратилась. Впрочем, вы сами будете иметь возможность задать ему вопросы по его биографии»

Были попытки отказать и проволочки, но я все же вышел на трибуну.

Стенограмма: РЫБАКОВ Ю. А.: «Уважаемое собрание!

(шум в зале, ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ [Селезнев Г. Н.]: «Тише!»)

Я происхожу из семьи потомственных русских военных моряков. Мои предки вместе с Петром строили российский флот. Они открывали Антарктиду. Они защищали Севастополь и Порт-Артур. (Шум в зале.)

Они воевали в рядах Белой гвардии против большевиков и гибли в застенках ЧК. Я родился в лагере для политзаключенных, где находились мои родители. Я вырос в Ленинграде. Учился в институте имени Репина, стал художником. Работал реставратором, столяром, плотником, кочегаром. Я прошел достаточно большой жизненный путь.

Двадцать лет назад, видя, что наше общество загнывает под давлением тоталитарной системы, в которой мы жили, я стал участником и организатором подпольной диссидентской группы в Ленинграде, которая занималась изготовлением на похищенной аппаратуре запрещенной тогда литературы: "Архипелага ГУЛАГ", статей и выступлений Сахарова – всего того, что сегодня мы можем свободно найти в продаже.

Наша группа из двадцати человек занималась изготовлением и распространением листовок и лозунгов, надписей на улицах города. В частности, таких лозунгов, как "КПСС – враг народа", "Не забудем кровавый 37-й", "Свобода политзаключенным" и многих других. За это я и мой товарищ были осуждены по сфабрикованному КГБ обвинению на шесть лет лишения свободы, которые я провел в уголовных лагерях за Полярным кругом, на лесоповале, и знаю, каково людям в этих заведениях.

Я член Международного общества прав человека. В начале перестройки я был одним из членов и организаторов партии "Демократический союз", первой легальной оппозиционной демократической партии, которая заявила о своем неприятии коммунистического режима. Затем я стал депутатом Ленинградского городского совета, первого демократического совета в Ленинграде, и председателем Комиссии по правам человека – первой государственной структуры, которая попробовала защищать права человека на государственном уровне. Комитет по правам человека Верховного Совета был организован на две недели позже нашей Комиссии.

Я проработал в качестве председателя этой Комиссии два с лишним года до роспуска Советов. И за это время через нашу Комиссию прошло 8,5 тысяч человек, половине из которых нам удалось помочь. Затем я стал участником и организатором движения «Демократический выбор России». Был избран депутатом предыдущего созыва Государственной Думы по мажоритарному принципу. И вот уже второй срок являюсь членом комитета по законодательству.

Являюсь членом Палаты по правам человека при президенте. Членом Комиссии по розыску и освобождению военнопленных при президенте Российской Федерации, членом федерального политсовета партии «Демократический выбор России».

В мою деятельность входит не только законодательная работа. Я был активным противником войны в Чечне. Вы знаете об этом. Был участником спасения заложников в Буденновске, в Бамуте и многих других местах. С моим участием освобождено из плена более ста с лишним солдат и офицеров российской армии.

Приемная в Москве и приемная в Петербурге работают эффективно. Около 50 процентов, то есть практически каждый второй обращающийся ко мне избиратель, получает существенную юридическую помощь и поддержку.

Я понимаю, что в Думе этого состава такие правозащитники, как ваш покорный слуга, как депутаты Ковалев, Курочкин или Борищев, то есть те, кто делом доказал свои способности, не имеют шансов на избрание на столь серьезную и высокую должность. Слишком политизирована наша Дума, слишком сильны сегодня прокоммунистические силы в этом составе. Тем не менее мы считаем долгом продолжать свою правозащитную деятельность и в этой ситуации, когда не только в этом зале, но и во всей России нет ни одного уголка, где бы не нарушались бы права человека, где бы не требовалась работа правозащитников.

Каким должен быть уполномоченный? Кабинетным ученым? Нет. Еще одним чиновником в президентской свите? Нет. Нужен боец, способный делом доказать, что будет говорить правду в лицо сильным мира сего, а если надо, то идти против течения и ставить права рядового человека выше своей карьеры, свободы или жизни. Он должен быть способен встать над любой схваткой и заставить враждующие силы сесть за стол переговоров так, как это сделал Ковалев в Буденновске, когда мы спасли в результате две с лишним тысячи человек.

Необходимы также и уточнения в законе об уполномоченном. Его первая редакция предусматривала возможность и право уполномоченного по правам человека назначать своих независимых представителей в регионах. Но Совет Федерации заблокировал нам этот вариант закона. Нам пришлось отказаться от этого. И сегодня тот, кто будет избран на эту должность,

не сможет эффективно работать в регионах. Это необходимо менять, и я думаю, что это со временем произойдет.

Я также убежден в том, что эффективная, не компрометирующая это высокое звание работа уполномоченного по правам человека должна основываться не на избрании депутатским корпусом, она должна основываться на избрании на референдуме. Только тогда такой независимый от нас с вами уполномоченный по правам человека, обладающий харизмой и уважением всего общества, сможет действительно выполнять эту столь необходимую нам работу. Спасибо».

Далее были вопросы.

«ГУДИМА Т. М., фракция Коммунистической партии Российской Федерации:

«Я поддерживаю вашу позицию, что уполномоченный должен объективно смотреть на события. С вашей точки зрения, в так нелюбимом вами социализме были ли защищены более надежно права на труд, на охрану здоровья, на образование и ряд других социальных прав?»

РЫБАКОВ Ю. А.: «Да, в той мере, в какой система социализма предполагала реализацию этих прав, они были защищены. Но, однако, в значительно более реализованной степени оказалось право правящей партии на уничтожение своего собственного народа (выкрики из зала)... на 50 миллионов политических заключенных, на лагеря и тюрьмы, на психушки». (Сильный шум в зале, выкрики.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ [Селезнев Г. Н.]: «Так, все! Поспокойней, пожалуйста».

РЫБАКОВ Ю. А.: «Причем партия, которая продолжает выдвигать своих представителей на пост уполномоченного по правам человека, до сих пор не покаялась за свои преступления». (Сильный шум в зале.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ [Селезнев Г. Н.]: «Депутат Сальников».

САЛЬНИКОВ В. И., фракция Коммунистической партии Российской Федерации: «Господин Рыбаков! Я крестьянин во всех поколениях, мой род был не менее полезен России, чем ваш, и выжил он благодаря революции и коммунистам. Как же вы будете защищать мое право на лучшую жизнь, если у вас такая ненависть к инакомыслию?»

РЫБАКОВ Ю. А.: «Вы ошибаетесь, вас не очень хорошо было слышно, но я, конечно, понял ваш вопрос. Вы ошибаетесь. Когда ко мне в приемную приходят люди, я не спрашиваю их о политической принадлежности. Когда мы спасали людей в Чечне или вытаскивали наших солдат из чеченского плена, мы не выясняли их партийной принадлежности».

ИЗ ЗАЛА: «Вы ее создали – войну!»

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ [Селезнев Г. Н.]: «Потише! Депутат Фалалеев».

ФАЛАЛЕЕВ С. Н., депутатская группа «Народовластие»: «Коллега Рыбаков! Вы говорите о 50 миллионах заключенных концлагерей, но я думаю, что мы сейчас не в менее лагерной обстановке. Может быть, это экономический лагерь или еще какой-то, но тем не менее лагерь. Я хотел бы, чтобы вы с этой позиции оценили эффективность работы Комиссии по правам человека при президенте. Как вы ее оцениваете? Ведь это орган, который призван влиять на исполнительную власть прежде всего и создан исполнительной властью. Как реализуется там ваше право?»

РЫБАКОВ Ю. А.: «Ныне действующая Комиссия по правам человека, возглавляемая профессором Карташкиным, существует. Однако о ее деятельности вряд ли кто-нибудь может сказать что-нибудь конкретное. По-моему, эффективность нулевая».

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ [Селезнев Г. Н.]: «Депутат Попов».

ПОПОВ В. М., фракция Коммунистической партии Российской Федерации:

«Уважаемый господин Рыбаков! Как человек, признавшийся перед парламентом, что писал пасквилы типа “КПСС – враг народа” и этим гордящийся, скажите, кто же тогда, по вашему мнению, тот и те, кто расстрелял парламент страны, и, как к этому акту вандализма как кандидат на должность уполномоченного по правам человека вы относитесь?»

РЫБАКОВ Ю. А.: «Октябрьские события – это, безусловно, преступление, это трагедия России. Но виновниками этой трагедии являлись и Верховный Совет, и президент. Оба они, на мой взгляд, являются преступниками. Преступниками, которые пошли незаконным путем».

В составе первой Государственной Думы с трибуны пленарного заседания я предлагал депутатам создать депутатскую Комиссию для расследования октябрьских событий и выявить всех подлинных виновников, невзирая на лица. Однако депутатский корпус не согласился с этим, предложил амнистию. А те, кто освободился из “Матросской тишины”, согласились на эту амнистию, признав таким образом свою вину. У нас была другая позиция, мы считали, что необходимо расследование и наказание виновных».

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ [Селезнев Г. Н.]: «Депутат Габидуллин».

ГАБИДУЛЛИН Р. Г.: «У меня, человека взглядов противоположных вашим, может быть, с учетом вашей биографии, ваша позиция даже вызывает в чем-то уважение. Но вопрос в другом. Вот вы назвали нынешнюю Думу слишком политизированной. Вам не кажется, что ваша личность, вы, ваша психология тоже слишком политизированы для этой должности? Спасибо».

РЫБАКОВ Ю. А.: «Нет, не кажется».

Были и другие, звучащие как обвинение вопросы. Спрашивали, почему я не защищаю Солженицына, которому не дают эфир на телевидении, почему я «со сталью в голосе» разваливал Россию, а когда в Чечне появился шариатский суд,

не протестовал... Я отвечал, что уважаю Александра Исаевича и был бы рад увидеть его на посту уполномоченного и еще о том, что вместе с С. Ковалевым ездил в Чечню, чтобы отговорить ее лидеров от замены гражданского суда на религиозный. Но сидящих в зале мои ответы не интересовали. Тут отведенное на вопросы время истекло. Уходя с трибуны, я услышал от спикера: «Так вы снимаете свою кандидатуру?» «Нет», – сказал я и вернулся на свое место.

По результатам рейтингового голосования я получил 58 голосов «за» (ровно столько, сколько было в зале демократов) и, как ни странно, только 5 голосов против, остальные 300 с лишним, что были в зале, воздержались. Необходимое для избрания число голосов, как и следовало из закулисных договоренностей, набрал член КПРФ О. Миронов. А я вернулся в свой кабинет работать над проектом Закона об альтернативной гражданской службе.

ДЕНЬГИ, ПОЛИТИКА, КРОВЬ

На фоне открытых столкновений и жестокой борьбы за власть и деньги депутатская работа может показаться делом рутинным и безопасным. И правда, если ты не высываешься, это просто работа с текстами, формулировками и документами.

Приходя в свой думский кабинет, депутат обычно находит на столе свежую стопку готовых законопроектов и справок по ним, которые рассылались всем депутатам. Кроме того, члены профильных комитетов получают еще по стопке бумаг для предварительной работы, поскольку не только юридические отделы, министерства и ведомства, но и наши комитеты должны были давать свои предварительные заключения по каждой законодательной инициативе. А их было немало. Среди четырехсот пятидесяти депутатов законотворцами были немногие, значительная часть ограничивалась голосованием по указке своих лидеров. Но и двух десятков «писучих» депутатов было достаточно для того, чтобы завалить нас работой. Нас, это членов комитета по законодательству и судебноправовой реформе. Сфера забот этого комитета была широка, почти все, что рождалось в головах депутатов стекалось к нам для проверки и согласования с уже имевшимся законодательством. Любая новация, хоть и не всегда это было очевидно, затрагивала общее правовое поле. Чтобы разобраться в последствиях и оценить их, члены комитета дважды в неделю работали вместе помногу часов. В спорах и голосованиях истина рождалась далеко не всегда. Каждая новация имела свой вектор развития, и здесь вступали в права политические интересы и убеждения. Что важнее – контроль или свобода? Разрешено все, что разрешено, или все, что не запрещено? Государство для нас или мы для государства? А еще, чья это инициатива, какой фракции, какой партии она прибавит популярности? Потом члены профильных комитетов и партийных фракций шли на общие, пленарные заседания со своими решениями и рекомендациями; теперь судьбу очередного пакета запросов, постановлений и законопроектов решал общий расклад наших голосов. Эта последняя стадия проявляла всю клокочущую страстями закулисную войну, которую вели друг с другом соперничающие политические кланы. За распределением бюджета, за появлением новых прав, ограничений или льгот следовала их реализация. Значит, кому-то достанутся госзаказы, кто-то даст зеленый свет фирме твоих детей или спонсоров, а чьи-то губернаторы будут управлять регионами и обеспечат вашу победу на следующих выборах. Попытки горячих патриотов повернуть историю вспять, криминальное лоббирование и попытки остававшихся в Думе демократов пресечь его были делом опасным.

Задачи большого государственного ворья охраняли безжалостные спецслужбы, за обремененными властью политиками часто стояли вчерашние рэкетеры и криминальные авторитеты, их жертвами только за первые годы нашей работы стали шестеро рядовых депутатов из разных фракций. А когда в соперничество активных политиков вплетались еще и человеческие страсти, то жизнь и смерть шли рядом... Лихие 90-е были годами не только гражданских войн, головокружительных взлетов, тяжелой нужды и таявших надежд. Новости напоминали сводки с фронта, в крупных городах громкие убийства совершались каждый день. В Питере, который журналисты уже переименовали из культурной в криминальную столицу, открыв газету, можно было прочесть, например, о том, как среди бела дня на набережной Васильевского острова граната РПГ разворотила дверь остановившегося на светофоре бронированного «мерседеса», а вторая оторвала ноги сидевшему в машине бизнесмену. Но и в Москве было не лучше: от рук наемных убийц гибли десятки, а по стране – сотни людей. Шестьдесят лет советский режим выращивал «советского» человека, но, как оказалось, травоядным он не стал.

Как в низах общества, так и в верхних его эшелонах жертвами кровавых разборок становились честные и порядочные люди, пытавшихся встать на пути у коррупции, деловые упрямцы, которые не хотели уступать конкурентам, и те, кто сам убирал соперников с помощью пули и тротила. Взрывы и выстрелы станут стихать, только когда ведущую роль в переделах собственности и политических разборках перехватят спецслужбы, они предпочтут другие, тихие способы устранения.

Одним из первых громких покушений 90-х была чья-то попытка в марте 1994 года убрать Б. Березовского. Взрывное устройство сработало, когда он выезжал из своего офиса. Погиб водитель, ранения получил охранник и случайные прохожие, ожоги Березовский. В следственной группе, которая приехала в Дом приемов «ЛогоВАЗа» после взрыва, был подполковник ФСБ А. Литвиненко, с этого и началось его знакомство с магнатом. Среди прочих версий о заказчике ходила версия об охраннике Ельцина Коржакове. Литвиненко считал, что заказ исполняли люди из Курганской ОПГ, но более вероятен след лидера ореховской ОПГ Тимофеева по кличке «Сильвестр». Кто его об этом попросил, установить не успели, он вскоре и сам был успешно взорван. В обывательской среде покушения и убийства «новых русских» вызывали злорадство – да пусть это разбогатевшее ворье само себя перебьет! Так им всем и надо. «Бомба для БАБа» быстро ушла в тень.

За правду

Гибель сотрудника газеты «Московский комсомолец» («МК») Дмитрия Холодова в октябре того же года всколыхнула общество, проводить его в последний путь пришли тысячи людей. Журналист был начинающим военным обозревателем, за первый год работы в газете он уже успел побывать в горячих точках и писал о событиях в Абхазии и Северной Осетии, Ингушетии и Азербайджане, он писал о бедственном положении наших солдат в Таджикистане, о том, что российский флот давно не выходит в море, потому что нет топлива, он критиковал поддержку абхазских сепаратистов российским правительством. Осенью 94-го года он отправился в Чечню. Как писали потом В «МК» писали потом: ***«То, что он видит там, за пределами понимания: россияне вооружают боевиков. Стаями тянутся на Северный Кавказ представители отечественных заводов договариваться с чеченцами о цене...»*** По словам Л. Петровой (о ней я уже писал в главе о штурме Грозного), она встречалась там с Д. Холодовым еще до начала войны и узнала от него, что журналист получил видеокассету от Дудаева, которая компрометировала наследницу КГБ, федеральную службу контрразведки (ФСК, позднее переименованную в ФСБ). В тот день, 17 октября, она позвонила матери: «Срочно вылетаю в Москву, только что звонил Дима, ему обещали передать интересную информацию». Действительно, он звонил в ФСК, передавал туда какую-то информацию и просил помощи, ему назначили встречу, но он перенес ее, сказав, что кто-то обещал ему документы, подтверждающие нелегальную подготовку боевиков и бандитов на военной базе в подмосковном Чучкове. По его словам, он должен был получить их от контрразведчика, который курировал Московский военный округ. Встретившись с кем-то и получив код от ячейки в камере хранения Казанского вокзала, он взял из нее атташе-кейс. А когда он вернулся в редакцию и открыл пластиковый «дипломат», произошел взрыв! Он еще успел прошептать пытающемуся помочь коллеге: «Этого не должно было быть. Переверни меня на спину, я не могу дышать! Обидно...»

Он умер от потери крови и множественных ранений. В первых комментариях о случившемся главный редактор «МК» Гусев среди возможных заказчиков убийства назвал тогда ФСК, но быстро исправился. Далее о чекистах вспоминают только «Аргументы и факты», где напишут, что Холодов был под наблюдением ГРУ в качестве «тренировочного» объекта, а команду на его ликвидацию дал кто-то из руководства ГРУ или ФСК. Имперская националистическая газета «Завтра» сразу начинает уверять: «грубость» диверсии свидетельствует, что устройство делали люди, «далекие от спецструктур ФСК». Главной версией

прессе становится причастность министерства обороны. «Нити теракта ведут к министерству обороны», «Взрыв в «МК» может сдетонировать в Министерстве обороны», – пишут в «Коммерсанта» и газете «Сегодня».

Этот дружный хор может объясняться тем, что все знали, Павел Грачев запретил пускать журналиста на брифинги в министерство, а в телеинтервью В. Познеру со всей солдатской прямоотой назвал его «главным военным противником». Холодов опубликовал в «МК» с десятков статей с критикой министра обороны и порядков, а точнее, их отсутствия в армии. Там речь шла о прокрутке казенных денег через коммерческие банки, о любви министра к «Мерседесам», которые покупались за счет средств на строительство жилья для офицеров. И главное о том, что при выводе войск из Германии командование под шумок и неразбериху нелегально распродало огромное количество боевой техники и боеприпасов, которые ушли на Кавказ, Балканы и в Турцию. Судя по реакции вояк, там было немало правды. Главред «МК» Павел Гусев рассказывал: «По АТС-2 мне был звонок от командующего ВДВ Подколзина, который, используя нецензурные выражения, орал, что пришлет батальон десантников, и они выгонят всех журналистов из газеты».

После взрыва в редакции «МК» министр обороны уже не называл погибшего главным армейским врагом, а, отвечая журналисту «Известий», говорил: «Какие тайны он знал? Да никаких! Вся его критика сводилась к изложению бытовых вещей и слухов»; «да если бы мои спецназовцы так грубо работали, я бы их повыгонял. Это работа полного непрофессионала»; «профессионал убирает без шума. Никто бы и не догадался, от чего вдруг тихо умер человек. А здесь показушно убивали» ...

Случившееся он объяснял кознями врагов, которые хотят поссорить его с президентом и называл Холодова «подсадной уткой, которую просто использовали».

В Москве и Подмосковье был расквартирован тогда 45-й полк ВДВ, а в нем был отдельный отряд спецназначения. До начала первой чеченской войны он выполнял задания министра обороны и своих начальников, участвовал в событиях 93-го года и криминальных разборках, работал «крышей» у бизнесменов. Следователи и оперативники Генеральной прокуратуры уже через неделю получили от своих осведомителей информацию о том, что покушение было организовано в этом полку. Но уже шла мощная информационная защита «армейской элиты» и ее министра. Следствие буксовало, в защиту министра обороны выступил даже Б. Ельцин, он расценивал нападки на Грачева как попытку левой оппозиции отомстить министру за то, что тот был на стороне президента в кризисе 93-го года. Подозреваемые, начальник штаба разведки ВДВ П. Поповских, командир полкового спецназа ВДВ Морозов и другие, были арестованы через четыре (!) года только после того, как командующий ВДВ отправился на пенсию, а П. Грачев ушел в отставку. Трое из арестованных стали давать показания.

П. Поповских:

«В середине декабря 93-го года я доложил Грачеву информацию по итогам выборов в Госдуму военнослужащих, а он неожиданно разразился тирадой против «МК», сказал, что Холодов его достал или достает. Грачев мне дословно сказал: “Обломайте ноги и заткните глотку”.

В конце мая – начале июня меня пригласил к себе в кабинет Зуев (замкомандующего ВДВ по тылу). Сказал, что Грачев недоволен тем, что я не занимаюсь Холодовым, а тот Павла Сергеевича достал и надо разобраться. Я понял, что речь идет о физическом устранении Холодова...

Я сказал Морозову, что Грачев требует, чтобы мы занялись Холодовым».

Показания Поповских: «О том, что в редакции «МК» произошел взрыв и погиб Дмитрий Холодов, я услышал по радио в своем кабинете. Это известие явилось для меня неожиданностью. У крыльца штаба стоял Морозов. Я спросил Морозова, кто взорвал Холодова. Морозов ответил, что он. Пытался мне объяснить, что все сделано чисто. По своему тогдашнему состоянию я не мог его дальше слушать и сказал ему, чтобы он уходил. Работать я не мог в силу переживаний, как и сейчас переживаю тот день. И никому не желаю таких переживаний».

Поповских утверждал, что не давал команды на ликвидацию, журналиста должны были «просто побить», но подчиненные его не так поняли. Однако, подследственные Барковский и Капунцов указали на то, что это Поповских велел положить «дипломат» для Холодова в камеру хранения. Они же «вели» Холодова от вокзала до его возвращения в редакцию и дождались взрыва.

Когда редакция газеты объявила о вознаграждении тому, кто укажет убийц, объявился А. Маркелов, ефрейтор-контрактник особого отряда 45-го полка. Он рассказал, что 17 октября, в день убийства Холодова, он вечером заглянул в кабинет командиров. Там был один нетрезвый Морозов. Перед ним стояли бутылки с водкой. «Вот видишь, жизнь какая... Сегодня я убил человека – раз, и нету», – сказал командир ефрейтору и налил ему рюмку. «Я почувствовал себя в отряде отвратительно, как будто находился среди волков», – объяснил Маркелов свои мотивы обращения в газету. Информация о том, что Маркелов дает такие показания, быстро дошла до его командиров, и те отправили его воевать в Чечню, а там ему объяснили, что это нехорошо. Он отказался от сказанного и вернул газете вознаграждение.

Показания Поповских:

«Спустя неделю Зуев тайком привез меня в комнату отдыха министра обороны в здание Генерального штаба, где я доложил Грачеву, что задачи убивать Холодова не ставил и не знаю, кто это сделал. Я дал ему понять, что буду молчать, чтобы никто об этом не узнал».

Председательствовал в военном суде некий В. Сердюков (позже за ряд «ошибок» в пользу преступников квалификационная коллегия судей прекратит его полномочия). А тогда он засекретил всю обвинительную часть процесса, не до-

пускал в зал журналистов, отметал все доводы обвинения и существенно отредактировал протоколы заседаний. Вызванный в суд П. Грачев заявил:

«Да, я говорил, что десантники, в подразделениях которых крутится Холодов, не могут заткнуть рот и переломать ноги этому писаке. Я подтверждаю свои слова о том, что если кто-то из моих подчиненных воспринял мои слова в отношении Холодова как приказ убить, то это его проблемы, а не проблемы министра обороны».

Как писали потом в «МК», эти слова в протокол не вошли. А те подсудимые, что давали признательные показания, отказались от них и заявили, что на них было оказано давление. Кроме этих показаний следствие располагало только фактом пропажи большого количества взрывчатки, детонаторов и мин со складов их воинской части, но для конкретного обвинения этого было недостаточно. Судья, который по данным «МК», побывал в администрации президента и получил там генеральские погоны, счел недостоверными признательные показания, от которых отказались подсудимые. А защита подсудимых нашла ряд мелких процессуальных нарушений. В результате окружной военный суд оправдал всех подсудимых, которые тут же вышли на свободу. Повторный суд и попытки прокуратуры опротестовать это решение в военной коллегии Верховного суда результата не дали.

В те годы я не раз говорил с депутатами о том, что военные суды, которые работали тогда согласно положению «О военных трибуналах» от 1958 года, противоречат Конституции, что военные дознаватели и судьи, получая зарплату, льготы и выслуги от своего военного начальства, слишком зависимы, что люди в погонах такие же граждане, как и другие. А значит их вина или невиновность должны устанавливаться на общих основаниях гражданскими судами. Но мои коллеги, соглашаясь в принципе, считали, что эту стену нам не прошибить... Положение изменилось только в 1997 году, когда половинчатая инициатива пришла из Верховного суда. За то, чтобы корпоративное кастовое правосудие стало существенно меняться, нам пришлось бороться еще два года.

Несмотря на то, что спецназовцы отказались от своих признательных показаний, они достаточно убедительны в своих эмоциях и подробностях. Из-под палки говорят по-другому. И все же расследование гибели молодого и горячего журналиста оставило много вопросов. По словам Холодова, который отчитывался перед редакцией газеты, он общался, получал и передавал информацию сотрудникам ФСК (которая вскоре была переименована в ФСБ). Но их роль в тех трагических событиях осталась в тени. С первых же дней расследования пресса стала бурно обсуждать устройство мины-ловушки и ее авторство. Умелые специалисты были не только в армии и КГБ, чьи «Каскады» и «Зениты» приобретали опыт еще в Афганистане. О начальнике центра спецназначения в службе охраны президента Коржаков писал в своих мемуарах: **«По профессии Захаров – диверсант. Когда его уволили на пенсию, он пришел ко мне и попросился на работу. Я взял, решив, что и такие люди тоже могут пригодиться».**

Данные о взрывном устройстве действительно могли дать зацепку в поисках. Было ли оно типичным армейским или в конструкции были какие-то особенности? Осмотром его деталей занимался опытный подполковник ФСБ М. Чеканов. Он знал почерки разных школ взрывников, но его первые заключения пропали, а сам он до суда не дожил. Вскоре его, лучшего специалиста по этим делам, вызвали на разминирование самодельной бомбы у какого-то дальнего магазина. Тогда, по данным ГУВД, только за три месяца в столице было обнаружено более 100 заложенных бомб, обычно с ними разбирались рядовые взрывотехники. Эта взорвалась в руках у ведущего специалиста. Все бывает, но, как выяснилось уже в суде, второй эксперт, который осматривал место взрыва вместе с Чекановым, тоже не смог дать показания – «погиб при невыясненных обстоятельствах». Тогда же погиб еще один офицер ФСБ, уже из отдела собственной безопасности, его нашли разбившимся в заброшенной шахте метро. Почему собранная самоучкой бомба взорвалась в руках специалиста, который не дождался приезда машины со спецтехникой, тоже осталось тайной. Сыщика из МУРа, который расследовал закладку мины и гибель Чекалина, застрелил охранник Назара, вора в законе, люди которого «крышевали» тот гастронорм рядом со зданием ФСБ, в нем отоваривались сотрудники этой организации. Вряд ли кто-то мог крышевать там без договоренности с людьми из «конторы». Люди Назара и закладывали ту бомбу, на которой подорвался эксперт, но рассказать они уже ничего не смогли – при их задержании был убит и тот сыщик из МУРа, и охранник Назара, и сам Назар, а то, что в этой операции «захвата» принимали участие не только муровцы, но и чекисты, обнаружилось позже.

Эта подозрительная цепочка смертей в прессе тех дней не освещалась, а вопрос о причастности к убийству Холодова спецслужб активно отвергался. Зачем, дескать, убивать «своего» человека, который тесно с ними сотрудничал? Но вот вопрос, кем был для ФСБ этот, всего лишь год назад пришедший в журналистику юноша? Помощником в честной борьбе за правду и закон? Или каналом слива компромата на тех, чьи кресла надо было освободить? Когда мы думаем и говорим о той или иной властной структуре, то, как правило, представляем ее как нечто целое. Но государственные структуры кажутся такими лишь снаружи. Между башнями власти идет подковерная борьба интересов и амбиций: руководители спецслужб, министры и главы ведомств – все озабочены приумножением своего влияния, своих доходов, своих перспектив... Это свойство всех государственных устройств и в особенности президентских систем, где придворные за близость к «самодержцу» пихаются не только локтями. И здесь стоит вспомнить слова П. Грачева о подставе, о борьбе ведомств за влияние, за близость к президенту. При том, что руки его подчиненных все же были в крови, нельзя исключать и того, что доверчивый журналист был принесен в жертву чьим-то целям, а спровоцировали преступников оставшиеся в тени кукловоды.

Ничего личного

1 марта 1995 на лестнице своего дома был застрелен журналист и телеведущий Владислав Листьев. В 1987 году, когда перестройка еще делала первые шаги, он пришёл на работу в Молодёжную редакцию ЦТ и вместе с Любимовым, Захаровым, Политковским, Боровиком и Мукусевым создал программу «Взгляд». Даже много лет спустя в журнале «Огонек» писали:

«Они стали народными героями, олицетворявшими перемены внутри страны, так же, как символом перестройки за границей был Горбачёв. Поэтому что вместе с ними, смелея от пятницы к пятнице, мы учились говорить не кухонным шепотом, а вслух: в СССР всё-таки есть секс, у капитализма тоже бывает человеческое лицо, рок-н-ролл жив, Чернобыль не авария, а трагедия... За что всем, кто когда-либо делал это, большое человеческое спасибо».

Через восемь лет он уже стал генеральным директором новой телекомпании Первого канала ОРТ. Его продвинул туда Б. Березовский, который убедил президента и его окружение в том, что гостелевидение надо переводить в акционерные общества с контрольным пакетом государства. Он уверял в том, что это будет высокодоходным предприятием, и сам стал не только крупным акционером, но и зампреда правления. А потом скупил акции миноритариев и стал хозяином-распорядителем ведущего федерального телеканала. Но при этом оказалось, что в госбюджете на нужды телевидения денег не хватает, а сама кампания облеплена автономными подразделениями и партнерами, которые гребут почти все рекламные доходы. Так, среди акционеров-учредителей была «Ассоциация независимых телекомпаний», она объединяла в себе фирмы «ВИД», «РЕН-ТВ» и «АТВ». Возглавляла ее влиятельная в телевизионных кругах Ирена Лесневская. Транслировавшаяся до этого реклама была невысокого качества и зачастую вводила зрителей в заблуждение. А главное, более половины доходов от рекламы не доходило ни до государства, ни до других акционеров, а оседало в чьих-то карманах. Позже проверками было установлено, что за последние полтора года утечки от рекламных доходов составили 9 миллионов долларов (тогда это были большие деньги). Но речь шла не только о рекламе, заказанные на стороне программы обходились ОРТ значительно дороже своих. Так, средняя стоимость одного часа вещания при использовании собственных программ обходилась в 5 000, а покупная передача в 68 000 у.е. Понятно, что в этом варианте немалая часть этих средств расходилась по карманам самих заказчиков... Совет директоров ОРТ принял решение ввести мораторий на показ рекламы, выполненной дру-

гими агентствами. Листьев, исполняя это решение, выпустил соответствующий приказ и составил новую сетку вещания. В результате «Ассоциации независимого телевидения» пришлось закрыть треть своих программ, лишились доходов и другие. Через десять дней его убили.

Руководитель «Эха Москвы» А. Венедиктов говорил потом: «Листьев был единственной надеждой Березовского остановить казнокрадство на ОРТ». Но почему Березовский мог рассчитывать на него как на силу, которая переломит ситуацию? Листьев был одаренным профессионалом в своем деле, но никак не акулой бизнеса. С другой стороны, он уже давно вкусил легких денег, они могли внушить иллюзию того, что их можно совместить с творческой свободой. Его соратник по программе «Взгляд», один из самых достойных журналистов того времени, народный депутат и член комитета по правам человека Владимир Муксеев вспоминал:

«Январь 1991 года. Я не могу забыть разборки в родной “молодежке” (молодежной редакции ЦТ), когда обсуждали мое интервью журналу “Огонек”, в котором я поведал, как умирает “Взгляд”. Умирает, потому что там стали делать деньги. К концу четвертого года существования “Взгляда” ребята, в том числе и Влад, начали зарабатывать на программе деньги: заказные сюжеты плюс коммерческие структуры, которые от имени “Взгляда” что-то продавали и покупали... После того собрания в стилистике 1937 года я вывел Листьева в коридор и сказал: “Влад, предлагаю забыть обо всем и поехать со мной в Новосибирск, начать делать новый ‘Взгляд’, с нуля”. Как смог, сказал ему о своих идеях, о том, что хочу создать независимую телекомпанию, потому что «ВИД» тогда уже находился под тотальным контролем властей. На что он, достав из кармана (впервые мною увиденную) нераспечатанную пачку стодолларовых купюр, риторически спросил: “Ты хочешь, чтобы я вот это променял на Сибирь?”»

Вступая в новую должность, пытаясь совместить творчество и бизнес, понимал ли он степень опасности? У человека, от которого зависели крупные денежные потоки, не было даже охраны. Возможно, что непонимание степени риска и давало уверенность его хозяевам в том, что этот человек пойдет до конца. Лишь незадолго до смерти он как-то обмолвился своим сотрудникам: «Вы не представляете, как меня подставили и скольким я перешел дорогу.»»

Устранение В. Листьева не было политически мотивировано, хотя коллеги не исключали и бытовых мотивов. Когда их попросили анонимно назвать заказчика, кто-то назвал Березовского, многие Лисовского, а кто-то написал на листочке: «ревнивый муж». Его последняя жена удивляла следователей своим хладнокровием. И все же денежные мотивы его убийства были очевидны.

Но в общественном сознании Влад Листьев оставался журналистом, чья смерть была покушением на свободу мнений и отсутствие запретных тем...

Думаю, тех, кто попытался сохранить свои доходы, это вполне устраивало. В день похорон журналиста все российские телевизионные каналы прекратили свое вещание на 24 часа, а соперничавшие за власть и влияние силы попытались использовать случившееся, чтобы избавиться от Березовского, который уже давно мешал мэру Москвы Лужкову. Для его задержания в офис «ЛогоВАЗа» явилась милиция. Он позвонил А. Литвиненко, который был «прикреплен» к Березовскому еще с момента покушения, и сказал, что за ним пришли. Со слов А. Литвиненко, в это время он был на совещании у главы московского ФСБ А. Трофимова и докладывал ему о преступных связях и беспределе в московской милиции. Генерал, услышав о том, что Березовского собираются арестовать люди из той команды, о которой только что шла речь, велел не допустить ареста и самим провести допрос Березовского. Домчавшись до «ЛогоВАЗа», Литвиненко, угрожая оружием, отстранил милицейских оперативников и заявил, что допрос Березовского и расследование его причастности к убийству ФСБ берет на себя. Приехавший следователь ФСБ допросил его, но то, что хозяйину ОРТ была невыгодна смерть назначенного им директора, было понятно и без допросов. Литвиненко уберег магната от серьезной опасности. Нравы того времени были таковы, что в милицейской кутузке с магнатом, у которого полно врагов, мог случиться сердечный приступ или «самоубийство».

И Березовский не забыл об оказанной ему услуге. Но на время их пути разошлись.

Судьба генерала

Генерал-лейтенант, командующий Волгоградским военным округом Лев Рохлин участвовал в избирательной кампании проправительственного движения «Наш дом – Россия» и числился третьим «паровозом» в его избирательных списках. Но через два года со скандалом вышел как из движения, так и из думской фракции НДР. А вскоре был отстранён от должности председателя комитета по обороне.

Его отец Яков закончил Киевский университет, был арестован по политическому доносу, воевал, попал в плен и должен был погибнуть там как еврей, но выдал себя за татарина, выжил, после войны снова оказался в ГУЛАГе и оттуда уже не вернулся.

Первый боевой опыт и тяжелые ранения Л. Рохлин приобрел еще на афганской войне. За его рудиментарной внешностью была не только первобытная сила и агрессия, но и оперативный ум, храбрость и забота о своих солдатах. В то же время его властность по отношению к близким и подчиненным доходила до оскорбительной грубости, а представления о том, что происходило за пределами воинских задач, отличались прямолинейностью. После Афганистана его жена и дочь стоически делили с ним все тяготы гарнизонной жизни, но родившийся в Туркмении сын заболел там менингитом, не был вовремя вывезен на лечение (в чем Тамара Рохлина винила потом мужа) и стал недееспособным инвалидом с тяжелыми нарушениями психики...

Во время чеченской войны генерал показал тактическую смекалку, которая существенно сократила потери 8-го гвардейского корпуса при наступлении на Грозный. Один из его полков штурмовал «президентский дворец», но генерал отказался от звания Героя России: «В гражданской войне полководцы не могут снискать славу. Война в Чечне – не слава России, а её беда». При этом он считал, что, подписав соглашение о мире, генерал Лебедь пошел на поводу у сепаратистов, а Россия, если уж стала воевать, должна была победить.

По словам его помощников, генерал согласился на депутатство под обещание премьера В. Черномырдина обеспечить перевооружение и комплектацию того армейского корпуса, которым командовал Рохлин. Но, когда он уже отыграл роль «свадебного генерала» на выборах НДР и сдал корпус новому начальству, обещания главы правительства оказались пустышкой.

А в Думе он стал получать информацию о чудовищном казнокрадстве в министерстве обороны. То, о чем писал в «МК» еще Д. Холодов, подтверждалось. Уже 5 июля 96-го года Рохлин выступил на пленарном заседании Госдумы:

«В то время, когда солдаты сидят на голодном пайке, офицеры и прапорщики более десяти лет стоят в очередях на получение квартир, месяцами не получают денежного довольствия и компенсаций, когда нечем расплатиться за похороны погибших военнослужащих, приближенные министра обороны в буквальном смысле буйствуют. Приведу некоторые примеры. Бывшим начальником Главного управления военного бюджета и финансирования министерства обороны генерал-полковником Воробьевым передаются 23,1 миллиона долларов (полученных за продажу боеприпасов в Болгарию) в “Дойчебанк” города Цоссен в Германии и бесследно исчезают. Несмотря на предупреждение Центрального банка России, по распоряжению Воробьева 4,5 миллиона долларов переводятся на счета Латвийского индустриального банка и пропадают из-за его банкротства. Имели место и факты выдачи министерством обороны валютных кредитов коммерческому банку “Менатеп” в то время, когда не были профинансированы первоочередные расходы на нужды обороны. Воробьев до сих пор не уволен из рядов Вооруженных Сил и продолжает уже более семи месяцев исправно получать денежное довольствие. Родственник Павла Сергеевича Грачева, свояк, генерал-полковник Харченко преступно переводит 5 миллионов долларов в рубли и передает их в Военно-страховую компанию под 7 процентов годовых. По минимальному банковскому проценту (120-180 процентов) министерство обороны на данное время должно получить 13 миллиардов рублей, реально получило 830 миллионов, деньги до сих пор не возвращены. Начальник Главного организационно-мобилизационного управления Генерального штаба генерал-полковник Жеребцов сформировал батальон «рабов», главная задача которых заключалась в зарабатывании денег на строительство дач, в том числе и его четырех. Полный беспредел творится в службах тыла министерства обороны, возглавляемых генерал-полковником Чурановым... Техники и оружия, находившихся в бывших Западной, Центральной, Северной, Южной группах войск, в группе войск в Монголии, в Прибалтийском военном округе, должно было хватить на большую войну со всей Европой.

Сейчас у нас ее не хватает на локальный конфликт в Чечне. Куда же она делась? Матери сходят с ума по погибшим сыновьям, калекам, по тем, кто воюет в Чечне, а другие со страхом ждут, когда подойдет их очередь отправлять туда своих сыновей. Их горе и страхи вполне оправданы. Руководство министерства обороны занято личными проблемами, им не до войны в Чечне. А с подчиненных трудно что-либо потребовать, если ничего не делаешь сам. Вот бы где проявиться талантам генерала армии Кобца – в исполнении служебного долга. Но ему не до этого. А разве могут оказать воздействие на боевые действия в Чечне главнокомандующий сухопутными войсками Семенов и командующий воздушно-десантными войсками Подколзин, пропустившие через Чечню практически всех своих подчиненных, но ни разу не

побывавшие ни в одной расположенной там части... Перечисленные факты являются маленькой вершиной огромного айсберга рвачества и преступности, поразивших многие структуры власти».

Естественно, такие слова вызывали аплодисменты у думской оппозиции, генерал выступал с обличениями не только армейских, а и всех исполнительных структур. И выступал он не только в Думе. Верховная власть сильно обеспокоилась слишком бойким генералом, в прессе появились статьи о том, что генерал и сам нечист на руку. Тогда я обратился с депутатским запросом в Генпрокуратуру о том, что сведения в прессе требуют проверки. Из прокурорского ответа, который получили и я, и генерал следовало, что проверка не нашла подтверждения порочащих генерала сведений. Рохлин не унимался, статус председателя комитета по обороне давал генералу большие возможности, и он начал собирать подписи депутатов за отставку президента. Фракция НДР стала добиваться снятия Рохлина с этого поста. Не с первого раза, в результате сговора с коммунистами, оппозиционера заменили...

Тогда под эгидой генерала было создано «Движение в поддержку армии, оборонной промышленности и военной науки» (ДПА), он получил средства от финансистов, связанных с мэром Москвы Лужковым (тот приглядывался к президентскому креслу), персональный самолет ему выделил кто-то из хозяев военно-промышленного комплекса, и отправился спаситель отечества в турне по городам и гарнизоном, где быстро набрал авторитет и поддержку тех, кто действительно жил в нищете и ждал наведения порядка и спасения от сильной руки.

«Я с Рохлиным был в нескольких командировках, в Казани, других местах, — вспоминал генерал Ачалов, — слышал выступления, видел, как его воспринимают. Выражался он предельно жестко».

23 февраля 98-го ДПА вывело на Лубянскую площадь больше двухсот тысяч человек. Рохлин сказал с трибуны, что Ельцина больше нельзя оставлять у власти, и прокричал: «Если народ и армия будут едины, мы свернем шею предателям!» Разгонять собравшихся мэр Москвы Ю. Лужков не стал.

Его негодование, его желание спасти Отечество было искренним. Он говорил журналистам:

«То, что военные идут в политику, это ненормально. Это болезнь общества, где идет поиск сильных людей. Я считаю себя больше военным, чем политиком. Но то, что я сегодня делаю, я делаю от всего сердца. Видеть, как то, чему ты честно служил, для чего не жалел своей жизни, рушится, тем более рушится предательски, невыносимо больно... Я лично выступаю не за военную диктатуру. Я выступаю за то, чтобы сейчас у власти были люди знаковые, которые бы повели людей в правильную сторону. Я не заиклен ни на какой идеологии. Моя идеология — патриотизм. Что хорошо для Родины, хорошо и для нас».

Но что же хорошо для Родины? Оказывается, ее надо было возвратить в «со-

циалистический» рай государственного капитализма. Из программного заявления ДПА:

«Считая, что ельцинский режим сущностно антинационален, антинароден и антигосударственен, ДПА видит единственный путь преодоления национально-государственной катастрофы в отстранении от власти Ельцина и его преступного окружения с последующей и немедленной сменой политико-экономического и внешнеполитического курса... После отстранения от власти Ельцина ДПА считает необходимым образовать подлинно народное национально-патриотическое правительство трудящихся, которое:

прекратит разграбление и растаскивание национальных богатств России, покончит с коррупцией, нанесет сокрушительный удар по организованной преступности;

проведет пересмотр приватизации, возвратит народу и государству собственность, незаконно переданную в руки частных владельцев и иностранных фирм, привлечет к уголовной ответственности лиц, виновных в расхищении национальных богатств России;

восстановит государственный контроль над базовыми отраслями промышленности и сырьевой базой страны».

И еще, конечно, посулы обеспечить армию, промышленность и сельское хозяйство всем необходимым, укрепить нравственность, запретить секты, повысить пенсии и установить контроль над ценами. И еще не признавать Беловежские соглашения и подумать о возврате утраченных союзных земель.

А что же сразу после свержения, до того, как будет образовано правительство трудящихся?

«С точки зрения политических реалий предполагался некий переходный период. Военнореволюционная диктатура! – предельно откровенен Петр Хомяков. – Но Лев Яковлевич совершенно не хотел этот период затягивать. Планировался немедленный созыв Учредительного собрания. И потом полноценные конкурентные выборы. В том, что он и его команда совершенно честно эти выборы выиграли бы, сомнений не было и нет.

– В переходном правительстве должно было быть пять человек, – утверждает Николай Баталов. – Я военный, и для меня это сверхдемократично. Но кто эти пятеро – не знаю.

– Ну, Рохлин-то среди них должен был быть?

– Нет, нет, сто процентов! Он не хотел быть в верховной власти. Ни диктатором, ни правителем. Никем. Он инструмент, выполняет задачу – низвергает Ельцина и его клику.

А у власти становятся пять человек – Комитет спасения России. Все равны. Председателя нет. В регионах же через структуры ДПА создаются институты «смотрящих за властью». На них замыкаются и исполнительная власть, и законодательная, и армия, и милиция, и все остальное. Вот,

допустим, я должен был быть таким «смотрящим» в Волгоградской области. Сразу же генерал-лейтенанта получил бы: своя власть! Захотел бы, генерал-полковника себе повесил. Так что было за что биться. Но это я так, образно...»

О том, что за люди его окружают, какими методами будет восстанавливаться социалистический рай, на какие средства будет существовать уже обанкротившийся однажды режим, генерал, похоже, не задумывался. Поначалу ему казалось, что для захвата власти будет достаточно массового выхода протестующих да какой-то армейской подмоги как охраны народа от «ельцинских псов».

Но. «Бывали моменты, что мы очень узким кругом собирались у него на даче, нас было буквально пять-шесть человек, – продолжал Ачалов. – Конечно, первоначально не было планов вооруженного захвата власти, вооруженного восстания. Но потом жизненная обстановка к этому подтолкнула...» Когда пройдут годы и сроки уголовной ответственности за попытку свержения власти, сторонники и участники заговора развяжут языки.

М. Полторанин писал в своих воспоминаниях:

«В конце лета генерал с командой намеревались вывести на улицы еще больше людей – приезжие шахтеры должны были занять места на Горбатовом мосту и вокруг Белого дома. Требование: отставка президента и правительства.

И как только омоновцы с дубинками начинали выдвигаться на позиции для атаки, в Москву вводились войсковые части.

Министр обороны с другими ельцинистами отсекались от управления, командующие округов симпатизировали замыслам ДПА. А войска вводились для защиты народа от произвола властей и беспредела ментов. По понятным причинам, я не любопытствовал сокровенными планами генерала: знал только то, чем он считал возможным делиться со мной. У них в армейской группе прошли дискуссии, какими должны быть конкретные действия. Ельцина решено было блокировать на даче – вырубить связь, электроэнергию, забить помехами сотовые телефоны, обесточить ядерный чемоданчик – и принудить уйти добровольно в отставку, передав по Конституции полномочия премьеру.

А уже премьер с согласия спикеров верхней и нижней палат парламента, и выполняя волю народа, поручал ДПА совместно с другими политическими движениями сформировать временно, до новых выборов, Комитет Национального Спасения, а сам уходил в отставку. Армия не с ними, народ не с ними, на абрамовичей где сядешь, там и сползешь, обмазав власть в дерьме окончательно – другого выхода у них не было. В процессе дискуссий вставал вопрос: а вдруг Ельцин попросит военной помощи у Запада, и НАТО отправит ему на выручку десантные части. Президенту спровоцировать бои в столице России – раз плюнуть. Кто-то предложил: на первом же этапе операции

предупредить Бориса Николаевича, что, если натовцы засуетятся со спасительными мерами, по ельцинской даче наши военные летчики отбомбятся по полной программе».

Отставной полковник, а тогда замкомандира 8-го армейского корпуса, Николай Баталов рассказывает о том, как он шел в Кремль через Спасскую башню и нес в Кремлевский полк два чемодана с затворами для карабинов (парадное оружие без них стрелять не могло), а его товарищ тащил чемодан с патронами.

При всем тогдашнем бардаке такую возможность можно объяснить только тем, что спецслужбы им это позволили...

Баталов продолжает:

«Прошли, оставили. Готовились... А оказались мы лохами кончеными! Конспираторы мы были никакие. На этом и погорели».

Действительно, организаторы нового путча были поразительно беспечны, вербовка в ряды шла открыто, планы мобилизации воинских частей, их движение на Москву обсуждались в широком кругу и не скрывались от прессы. 10 августа 97-го года газета «Коммерсант» писала:

«Вчера на заседании оргкомитета “Движения поддержки армии, оборонной промышленности и военной науки” его инициатор Лев Рохлин заявил, что если офицеры “восстанут и пойдут на Москву”, то он будет в их рядах.

Основные союзники в походе на Москву уже определились: на прямой вопрос вошедшего в состав оргкомитета генерал-полковника Григория Яшкина, представителя блока Геннадия Зюганова, Рохлин заявил, что “готов идти под красным флагом”. Его ближайший союзник по создаваемой организации, экс-министр обороны Игорь Родионов сказал “Коммерсанту-Daily”, что наиболее подходящим для военных кандидатом в президенты считает Юрия Лузкова.

Нельзя не считать символичным то, что «ядро» новой организации составили активисты ГКЧП-1 (Владимир Крючков и Валентин Варенников), ГКЧП-2 (Станислав Терехов) и ветераны обоих путчей (Владислав Ачалов).

Несмотря на всю свою нереформируемость они все-таки вполне могли уже и научиться на ошибках всех предыдущих провалившихся путчей. То, что на этот раз такие символические фигуры, как Шебаршин, решились «засветиться» в одной компании с организаторами путчей 1991 и 1993 годов, не оставляет сомнений: если уж они решатся на “ГКЧП-4”, то на этот раз вложат в это дело все оставшиеся людские и финансовые ресурсы». Путч должен был начаться с Волгограда, где на площадь Павших Борцов и площадь Возрождения планировалось вывести силы корпуса. Затем оповестить о начале действий другие армейские части. Главный запасной командный пункт вооруженных сил, по словам Баталова, «был просто куплен, дали деньги кому надо, хорошие бабки, и он говорит: “Все, в это время будет снята охрана. Я уйду, и вот вам связь со всем миром”. А уж со страной, там и говорить нечего, со

всеми армейскими структурами. У нас два самолета транспортных, допустим, на Тихоокеанском флоте стояли, морпехи, два батальона, двое или трое суток на аэродроме прожили.

– Зачем? Чтобы лететь в Москву?

– Да! И то же самое на Черноморском флоте. В Севастополе стояла в готовности бригада морских пехотинцев. Естественно, Рязанское высшее училище ВДВ. Курсантам стажировку отменили. Они где-то на полигонах были, но к определенному моменту их вернули в Рязань. Потому что Рязань – это двести километров от Москвы. Училище было на сто процентов за нас. И договоренность была с руководством Таманской и Кантемировской дивизий, что они как минимум не выступают против нас». А вот рассказ советника Рохлина Петра Хомякова: «Ядро проекта в данном случае – это силовые акции армии. А среда осуществления – массовые протестные акции, информационные акции, политическая поддержка на местах, экономическая поддержка... Планировалось, что накануне выступления армии стачечники якобы стихийно перекрывают трассы, по которым в Москву доставлялись некоторые товары, отсутствие которых вызвало бы социальную напряженность. Например, сигареты. Отсутствие курева накалило бы обстановку в Москве, шел бы рост негативных настроений.

– А откуда вам были известны все эти маршруты?

– Да из московской мэрии! Лужков был непосредственным участником проекта Рохлина. Московские СМИ по команде Лужкова обвинили бы в табачном кризисе Кремль... – Все было расписано. Кто из какого региона за что отвечает после прибытия в Москву. Мосты, вокзалы, телеграфы. Парализовать работу аппарата несложно, – рассуждает Николай Баталов. – Пришли десять человек и выключили подстанцию – вот и все, нет связи. И остальное так же. Пришли, по телевизору объявили: «Ельцин низвергнут, отправлен на пенсию, вот его отречение». А чего? Ему паяльник в ж... – он бы точно подписал отречение. А ГКЧП – придурки, прости за выражение, которые тряслись и не знали, чего хотят. Мы-то четко знали, чего мы хотим и что надо делать. Тысяч пятнадцать – двадцать человек в один день в Москву бы приехали только из Волгограда. Этого было бы достаточно, чтобы парализовать деятельность всех властных институтов. Лично я должен был привезти полторы тысячи. У меня уже было расписано: кто поездами, кто автобусами.

– А откуда на это были деньги?

– Рохлин давал».

Деньги генерал получал от баронов военно-промышленного комплекса, они страдали тогда от сворачивания гособоронзаказа и не хотели расставаться со своим привилегированным положением.

Петр Хомяков:

«Бизнесмены-производственники поддерживали генерала и всячески тайно ему содействовали. Так, большинство забастовок того периода организовывали они сами, разумеется, не афишируя это, и согласовывали с генералом время и место этих забастовок. На майские праздники 1998 года прошла серия выступлений под флагами “Движения в поддержку армии”. Это был еще и зондаж армейской среды – как поддерживают мероприятия действующие офицеры разных частей, как относится к этому командование этих частей. Все было проверено. В итоге марш армейских частей на Москву был бы политически триумфальным. И каждый выдвинувшийся полк у Москвы развернулся бы в дивизию при поддержке колонн буквально сотен тысяч стачечников».

По его словам, путчистов собирался поддержать и президент Белоруссии А. Лукашенко.

Первая попытка заговорщиков была намечена на двадцатые числа июня, и Рохлин приехал в Волгоград. Но попытка сорвалась.

Николай Баталов:

«После баньки мы это все дело обсудили, утром командиры разъехались, а в четыре утра все здесь загудело: нас блокировала бригада внутренних войск. Та самая, из Калача. Я ко Льву Яковлевичу мчусь, говорю: “Так и так, что делать? Нас накрыли”. Но они не знали, где командный пункт, КП уже вышел в поле, машин двадцать, связь и все остальное. Рохлин говорит: “Давай все в исходное возвращать. А я еду в Москву. Ничего не получится – повяжут всех”. Мероприятие пришлось отложить... Я на “восьмерке” – посадил Льва Яковлевича и погнал в Москву, прямо до Госдумы. Он успел на заседание и там говорит: ничего, мол, не знаю».

Вторую попытку назначили на 20-е июля, но осуществиться ей было тоже не дано.

Ранним утром 3 июля 1998 Тамара Рохлина позвонила подругам, а потом дочери и сказала им, что убила своего мужа...

В двухэтажный, построенный его зятем из силикатного кирпича, дом Рохлина, где жила его семья, съехались спецслужбы и прокуратура. Генерал лежал в своей постели с простреленной головой. Рядом на ковре его наградной пистолет, тут же гильза.

Тамара Рохлина находилась в полувменяемом состоянии и говорила следователям и приехавшему туда депутату В. Илюхину о том, что застрелила мужа после ссоры. И твердила: «Я сделала то, что должна была сделать!»

Дочь в разговоре с журналистом «Огонька» говорила, что ее мать еще утром поздравила сына с четырнадцатилетием.

«Подарок был от обоих, от нее и от генерала – очаровательный пушистый котенок. Но интерес к живой игрушке, поначалу вызвавшей восторг,

очень скоро угас. Игорь начал капризничать, а потом в нем забурлила уже настоящая злоба. Как всегда, без всякой причины, просто так. Если бы даже кто-то еще был дома (генерал уехал рано, когда она еще спала), это бы ее не спасло: как правило, объектом нападок становилась она. Однажды сын ударил ее чернильницей в висок. У нее было сотрясение мозга.

В тот день Игорь схватил нож, тонким, ломающимся голосом угрожая "порезать" ее. Тамара Павловна, как могла, успокаивала сына.

Приступ стих к трем часам пополудни. И она смогла заняться наконец приготовлениями к ужину. За столом собрались после одиннадцати. Первый тост Рохлин провозгласил за Тамару Павловну, а она выпила за Игоря. 14-летний Игорь – это и крест ее и любовь».

По словам же самой Т. Рохлиной, вечером прошедшего дня она вместе с дочерью и ее мужем собралась отпраздновать день рождения сына, ждали отца. Он приехал нетрезвый, за праздничным столом ни слова не сказал больному сыну, был раздражен и, нагрубив всем, ушел в спальню.

Дочь и зять уехали, охранник пошел спать в подвал, а она в 4 часа утра достала его наградной пистолет и, открыв дверь спальни, с порога стреляла в мужа. Этой версии Тамара Рохлина будет придерживаться до тех пор, пока не встретится с адвокатом. После этого она заявит, что оговорила себя, а на самом деле ночью в доме оказались люди в масках, которые то ли сами застрелили ее мужа, то ли, угрожая расправой с сыном, заставили ее нажать на курок. Эта версия будет сразу подхвачена оппозицией, которая обвинит в убийстве Кремль.

Что же действительно произошло тогда в доме на окраине подмосковного села Клоково? Кто поставил точку в генеральской аванюре? Наемные убийцы? Члены семьи? Или само Провидение, чьими-то руками отвело от России новую смуту? Как показали на следствии подруги Тамары и, в частности, соседка, вдова адмирала Балтина, в подпитии она была непредсказуема, отношения супругов были плохими, сопровождалась скандалами и угрозами, пистолет был в доступном месте, о котором все знали. Так может быть, действительно стреляла жена? Но, стоя на пороге спальни, с расстояния в 3-4 метра попасть в висок спящему мужу не так то просто, стрелять она умела, но снайпером не была. И почему пистолет и гильза оказались рядом с кроватью?

Тогда, может быть, киллеры, которые угрозами заставили ее взять вину на себя, а потом были убиты? В лесочке неподалеку местные гастарбайтеры нашли три обгоревших трупа, правда, следствие утверждало, что это результат давних местных разборок. Если это были «грушники», то зачем вдова, по ее собственному признанию, не только протерла пистолет, но еще и вымыла его? Чьи отпечатки пальцев и потожировые следы она смывала? Свои? Но зачем, если она не собиралась скрывать свое преступление? Киллеров? А их-то зачем скрывать?

Я помню лицо Тамары Рохлиной во время чтения приговора по ее делу, это было лицо человека, который сознательно и добровольно идет на жертву. Ради

кого? Кто еще был в доме и кого она захотела бы избавить от опасности или ответственности? Быть может сына?

Пытаясь понять мотивы участников этой драмы, я вспомнил историю грузинского абрека Дата Туташкия, еще в XIX веке описанную в повести А. Чабуа. Там от неуловимого борца за справедливость полиция избавляется, обманом вынуждая стрелять в него парнишку, который не подозревает, что это его отец. Смертельно раненный абрек уходит умирать в горы, чтобы никто не узнал о том, что он погиб от руки сына... Так может, эта история преломилась по-новому? И теперь уже мать, спасая сына, взяла на себя вину за вспышку его злобы? Тогда понятно, почему она так тщательно убирала следы с пистолета. Это лишь версия, она прозвучала вскоре после трагических событий в сюжете ТВЦ. Там речь шла и о сыне, который страдал неконтролируемой агрессией, и о дочери, которая якобы проиграла все оставшееся после смерти от отца, и о том, что вдова, убегая поплакаться подругам о своей горькой доле, зачем-то уносила с собой пистолет мужа. Сюжет был опротестован семьей Рохлиных в суде, где родственники генерала заявили иск на два миллиона, журналисты не смогли подтвердить сказанного, и ТВЦ пришлось выплачивать существенно урезанную денежную компенсацию за моральный ущерб. Вдова генерала была осуждена на 8 лет. Но обвинение кроме признательных и аннулированных ею же показаний, никаких других улик не имело. Через год дело было пересмотрено, вместо колонии она получила 4 года условно с полугодовым испытательным сроком, после которого была освобождена от наказания полностью.

Зная, что у чекистов испокон веку были спецгруппы для устранения неудобных, я не могу исключать заказного убийства. Хотя делать это руками жены, а потом оставлять ее в живых? Почему бы ей тогда не «застрелиться»? Нельзя исключать и других версий.

У Рохлина было достаточно врагов. Они были не только в Кремле или министерстве обороны, планы национализации промышленности, ликвидации крупной частной собственности и восстановления советской империи били по многим. Вряд ли мы когда-нибудь узнаем правду. Остается лишь констатировать: вместе с незадачливым диктатором в историю ушла еще одна попытка обрушить страну в хаос гражданской войны...

Свеча на ветру

Поздним вечером 20 ноября 1998 года на лестнице дома, в котором жила Г. Старовойтова, раздались выстрелы. Этот день Галина Васильевна провела сначала в Москве, на пленарном заседании, где она напомнила депутатам о том, что представителям России в Совете Европы нечего сказать на вопросы о том, почему вопреки обещаниям мы не отменили смертную казнь.

Затем работала в своем думском кабинете, а к вечеру решила ехать в Петербург. Помощники взяли ей билет на поезд, потом она несколько раз передумывала и в конечном счете полетела самолетом. Этим же рейсом вместе с ней летели начальник управления Федеральной службы безопасности по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, член коллегии ФСБ России В. Черкесов, сотрудник администрации президента И. Сечин, депутаты ГД А. Александров и С. Никифоров. В «Пулково» Галину Васильевну встречал помощник и журналист Руслан Линьков. Почему-то у всех, кто выходил из самолета, прямо у трапа на летном поле проверяли паспорта, исключением стала только Старовойтова, которую все хорошо знали в лицо. В служебную машину, которая приехала за Г. Старовойтовой, кроме Р. Линькова попросился депутат Никифоров. Пока они ехали, Старовойтова пеняла ему за то, что фракция «ЯБЛОко» поддержала закон «О свободе совести и религиозных объединениях», в преамбуле которого названы только четыре религии: православие, ислам, иудаизм и буддизм, в результате все остальные, в т.ч. протестантизм и католицизм, низведены до конфессий второго сорта. Отвезя Никифорова до его дома, она решила заехать к родителям, у нее в сумке были гостинцы – баночка икры и варенье. Пробыв там недолго, вместе с помощником она поехала домой, на канал Грибоедова, 91. Выйдя из машины, они стали подниматься по лестнице, и тут у них за спиной, с верхней площадки второго этажа старого петербургского дома, раздалась короткая автоматная очередь, Галина Васильевна упала. Руслан Линьков с криком: «Сволочи! Что вы делаете!» – кинулся навстречу стрелявшим, потом обернулся к Старовойтовой, раздалось еще два выстрела, теряя сознание, услышал: «Добей ее!» – и еще выстрел. Очнувшись, он дополз до ближайшей квартиры. Патологоанатом В. Андреев, который там жил, выйдя на лестницу, увидел лежащее тело и рану от пули в затылке (она погибла сразу). На площадке валялся короткоствольный автомат «Аграм». Убедившись в смерти Галины Васильевны, он вызвал милицию и оказал первую помощь Р. Линькову. Рядом, на набережной канала, и сейчас находится база ОМОНа, оттуда послали наряд.

Но первым уже через несколько минут (!) на месте убийства оказался журна-

лист А. Борисоглебский из команды Невзорова. Пока милиция еще не прибыла, его оператор успел снять лежащее на площадке тело убитой и то, как не спеша идут к дому омоновцы... В это время я был в Питере и ехал на Васильевский остров навестить Катиных родителей. Когда я пришел, у них работал телевизор, но не успели мы выпить чаю, как я услышал: «Мы прерываем вещание для экстренного сообщения! Только что у своего дома убита депутат Государственной Думы Галина Старовойтова!»

Я вызвал машину и поехал. Куда? На место преступления? Но там, наверное, все оцеплено, я буду только мешать. Решил ехать в Главное управление милиции на Литейный. Меня проводили в кабинет начальника, но В. Власов смог лишь подтвердить, что в депутата стреляли на лестнице дома, а ее помощник находится в критическом состоянии. Удрученный, я вернулся домой. Раненого Р. Линькова отвезли в Военно-медицинскую академию. Через день в город приехал Борис Немцов. Узнав, что Руслан пришел в себя, мы вместе поехали в клинику. У входа толпились журналисты, которых туда не пускали. Палата, в которой он лежал, охранялась. Мы увидели капельницы, забинтованную голову, голос был слабым, говорил он с трудом. Пожелав выздоровления, мы вышли и отправились к лечащему врачу. Тот сказал, что обе пули вошли сзади, скользнули по черепу, но, не пробив его, застряли и их пришлось доставать. Позднее я узнал, что пистолет марки «Беретта», из которого стреляли в Р. Линькова, на самом деле был его копией, а в стволе не было нарезки, поэтому пули, пролетая к тому же еще и через глушитель, теряли центровку и, встречая препятствие, били плашмя, что и спасло Руслану жизнь.

На следующий день раньше всех в думском кабинете зачем-то оказался помощник Г. Старовойтовой Петр Кучеренко, позже появились охранники, которые сказали, что есть распоряжение опечатать помещение. Потом пришли сотрудники ФСБ и провели там обыск. Только через три недели помощникам Старовойтовой разрешили вывезти из кабинета архив, документы и другие вещи Галины Васильевны. «Но вывозить не пришлось, – рассказывает помощница и друг депутата Людмила Иодковская. – По распоряжению руководства Госдумы из кабинета были вынесены и свалены около двери все бумаги, фотографии, книги, личные вещи Старовойтовой: пудра, губная помада и стоптанные туфельки».

На ближайшем пленарном заседании, когда все депутаты собрались в большом зале, заместитель спикера С. Горячева предложила собравшимся почтить память погибшего депутата минутой молчания. Встали все, кроме молодчиков Жириновского, который велел им сидеть.

А в перерыве, когда депутаты проходили мимо кресла, в котором еще недавно сидела Галина Васильевна, я обратил внимание на мордатого депутата из ЛДПР, который приостановился, проходя мимо, и, поглядев на фотографию погибшей и цветы, которые мы с С. Юшенковым там положили, ухмыльнулся и пошел себе дальше. (Потом, когда выяснится, что депутат М. Глущенко был организатором этого убийства, я узнаю в нем того глумливого жириновца.)

Прощание с Галиной Васильевной проходило в Мраморном зале Музея этнографии народов России. Зал, рассчитанный на 2 000 человек, был переполнен.

Но около гроба Галины Старовойтовой не оказалось ни одного действующего официального лица высшего ранга. Борис Ельцин проходил очередной курс лечения в ЦКБ. Вместо главы правительства Е. Примакова – работавшая тогда в МИДе В. Матвиенко, вместо спикера Госдумы Селезнева – его заместитель А. Чилингаров, петербургский губернатор лечился от радикулита на горном курорте в Альпах, председатель Совета Федерации Егор Строев отбыл на родину в Орел. Но зато пришли десятки тысяч петербуржцев, а вместе с ними Егор Гайдар, Сергей Кириенко, Борис Немцов, Геннадий Бурбулис, Анатолий Чубайс. Выступая на панихиде, последний сказал: «Я не первый раз хороню в этом зале своих друзей (за год до этого на Невском проспекте был расстрелян его близкий друг, вице-губернатор М. Маневич). Нас хотят остановить, запугать. Не выйдет! Ничего не получится. Я знаю, ради чего Галина Старовойтова отдала свою жизнь, и мы доведем ее дело до конца». Газета «Коммерсант» так писала тогда: «Вслед за ним выступил Виктор Черномырдин: «Она отстаивала свободу, а сама осталась незащищенной». Сказал речь и представитель той силы, с которой Галина Старовойтова так активно боролась, – депутат от КПРФ Виктор Зоркальцев. Это стало неожиданностью для членов ДВР. Егор Гайдар, который также должен был выступить на панихиде, говорить вслед за ним отказался. В это время на улице выстроилась многокилометровая очередь. Людская цепочка шла вдоль решетки Русского музея, несколько раз поворачивала на площади Искусств и заканчивалась на Садовой улице. Тысячи людей ждали с раннего утра на холоде, чтобы положить цветы к гробу. «Почему-то убивают самых честных, таких как Галина Васильевна, – переговаривались в толпе и добавляли, глядя вокруг, – оказывается, в городе столько нормальных людей».

Последним на панихиде говорил сын Галины Старовойтовой Платон. «Ее убили из страха те, кто боялись ее живую и безоружную. Как и моя мать, я верю, что им не уйти от гнева. Рано или поздно народ растопчет их». Церковная панихида прошла в Александро-Невской лавре (крещение она приняла за год до смерти), а похоронили ее на Никольском кладбище. Дом на канале Грибоедова и лестница, на которой погибла Галина Васильевна, еще долго были завалены цветами.

Галина Старовойтова родилась в семье крупного военного конструктора. Дед – батрак, который стал председателем сельсовета, первый председатель колхоза в Белоруссии, дом которого жгли «кулаки».

С детства она верховодила над своей младшей сестрой. А однажды, когда отец спросил ее, почему не сделана какая-то работа по дому, одиннадцатилетняя девчонка ответила: «Я не для этого предназначена!» От Василия Степановича ей за это попало, но убежденности в каком-то ином предназначении не отменило. Ее молодость была благополучна, она отлично училась, хотела поступать на фи-

лософский, но по настоянию отца пошла в военно-механический институт. Это была середина 60-х годов, а с ними в жизнь молодежи пришла бардовская песня, художники-нонконформисты, стихи непризнанных поэтов, антисоветская проза. В круге ее общения были Александр Журбин, Сергей Довлатов, Иосиф Бродский. *«Галя была знакома с Бродским еще до суда. После архангельской ссылки он устроился работать сторожем, потом кочегаром в Летний сад, – вспоминает мать, Римма Яковлевна. – Однажды она попросила у меня денег. “Здесь есть один человек, ему очень плохо живется, совсем нечего кушать, хочу купить ему пачку печенья и положить под дверь.” Галя почти каждый день выклянчивала у меня деньги, шла в Летний сад и около сторожки Иосифа Бродского оставляла ему еду...»*

Был и роман с Юрием Динабургом, удивительным человеком, чья жизнь была исковеркана тюрьмой. Еще 1945 году, семнадцатилетним студентом, он загремел в мордовские лагеря на 10 лет за попытку создать молодежный кружок, где обсуждались проблемы гуманизации советского строя... Общение с диссидентом не осталось незамеченным, Галину пригласили в КГБ и долго внушали, что это может серьезно повредить ее отцу. Роман был недолгим, Ю. Динабург был философом, эрудитом и поэтом, но совсем не семейным человеком. Женщина рядом с ним должна была отказаться от себя, стать его поклонницей и нянькой, для Г. Старовойтовой это было невозможно. Но общение с этим талантливым и несчастным человеком, который говорил ей о том, что своим он может чувствовать только того, кто побывал «там», оставило в ней след и окончательно развеяло иллюзии о советском режиме. Тем более, что ее отец, хорошо знавший жизнь «в верхах» номенклатурный специалист из числа приближенных к ЦК КПСС, опасаясь за нее, сказал ей еще задолго до того, как началась перестройка: «Мы живем в самом аморальном государстве в истории человечества».

Галина перешла в университет, который закончила, получив диплом с отличием на факультете социологии, затем работа в Институте этнографии народов СССР. Когда она взялась за нестандартную тему об этнических меньшинствах (татарах, армянах и эстонцах) в современном русском городе, понадобилось разрешение обкома партии, а там ей заявили, что национальности – это пережиток, у советских людей нет этнических различий и закрыли эту тему, посоветовав вступить в «партию». Она долго мучилась, понимая, что отказом подводит своего научного руководителя академика Чистова, что ей могут отказать в диссертации, но от вступления в КПСС все же уклонилась. А в Москве нашлись социологи, которые рассказали о местном запрете кому-то в аппарате ЦК КПСС, отсюда пришло разрешение, ее работа была опубликована и продолжает оставаться востребованной. (Среди меньшинств, о которых она писала, должны были быть и евреи, но академик Чистов отсоветовал ей, сказав, что это уже слишком и тогда тему точно зарубят.) В конце 1970-х – начале 1980-х годов она уже этнопсихолог и руководитель в работе международных экспедиций в Абхазии и Нагорном Карабахе.

К началу перестройки – старший научный сотрудник Института экономики АН СССР, старший научный сотрудник Центра по изучению межнациональных отношений при президиуме Академии наук СССР. Как писал Револют Пименов, в 80-е годы от вполне достойных людей молодежь могла услышать: «Вам надо найти свою экологическую нишу». Действительно, спрятавшись в нее, можно было заняться нужным делом, «терпеливо используя свой талант для того, чтобы окружающий, опостылевший мир стал как бы невидим». У Г. Старовойтовой была такая возможность. Успешно начинавшаяся карьера, благополучная семья, подрастающий сын – можно было продолжать спокойную жизнь ученого. Но как только забрезжила надежда на перемены, она стала участницей клуба «Московская трибуна». Затем оглушительная победа в Армении на выборах депутатов Союзного съезда, где ее соперниками были местные и очень популярные мужчины. Дальше – межрегиональная депутатская группа, Андрей Сахаров. В дни августовского путча она по поручению Б. Ельцина представляет его в Англии, встречается там с М. Тэтчер, содействует телефонному разговору премьер-министра с Ельциным, убеждает в том, что нужна жесткая позиция по отношению к путчу, что Великобритания должна требовать освобождения Горбачева...

В орбите президента РФ она продержалась недолго. Ельцин не любил слишком упорных, не прогибающихся советчиков (а прогибающихся не уважал.). Настойчивость в деле люстрации, защита ингушей в их конфликте с осетинами, да еще заявление на президентском совете о том, что бывших чекистов не бывает, «что президент переоценивает реформированность и лояльность армии и КГБ», вели к расширению числа ее врагов. Те же, в свою очередь, позаботились о том, чтобы она стала тяготить «первое лицо». О своей отставке из числа советников президента она узнала из прессы.

Роспуск Верховного Совета и разгром его сторонников при всем неприятии того, что там творилось, она не одобрила, избираться в первую Государственную Думу не стала и уехала в США преподавать в одном из университетов. Через год с небольшим вернулась, к этому времени из самого массового общественное движение к свободе «Демократическая Россия» раскололось, большая его часть ушла к нам в ДВР, а оставшиеся зарегистрировали федеральную партию «Демократическая Россия» (ФПДР). Её сопредседателями стали Л. Пономарёв, Г. Якунин, Г. Старовойтова, В. Гуслянников и В. Курочкин. Позже своим волевым напором она собрала часть оставшихся в политическую партию с тем же названием. Галина Васильевна активно выступала против войны в Чечне и резко критиковала коммунистов и Ельцина. Когда ельцинский рейтинг пошел вниз и всем казалось, что победа на президентских выборах будет за коммунистами, партия «ДемРос-сия» для подстраховки собрала подписи за ее выдвижение. Старовойтова имела бы шансы выйти во второй тур, но Центризбирком собранные за нее подписи забраковал, а ее помощников долго и безуспешно пытались обвинить в подлоге.

Когда остался выбор между Зюгановым или Ельциным, при всех ошибках последнего, она встала за Ельцина.

За три дня до своей гибели Старовойтова приехала в Таврический дворец, где проходили заседания Ассамблеи государств-участников СНГ. Она шла на заседание одного из межпарламентских комитетов, но при входе служба охраны спросила: «Вы на СНГ или на встречу Г. Селезнева с бизнесменами?» Галина Васильевна заинтересовалась встречей коммуниста с ненавистным ему частным бизнесом и отправилась туда вместе с Русланом Линьковым.

В одном из залов уже собрались владельцы и руководители крупных фабрик и заводов, представители налоговых служб, милиции, военного округа, сотрудники городской администрации. При входе можно было получить буклеты, из которых следовало, что на встрече речь пойдет о спонсорской помощи в проведении международного конгресса «Телекоммуникации в аспекте национальной безопасности». Г. Старовойтова и ее помощник решили остаться и, присев в уголке, послушать какое отношение имеет эта тема к пивному заводу «Степан Разин», фабрике сосисок и другим отнюдь не военным и не телекоммуникационным предприятиям. Вскоре появился и Г. Селезнев. Собравшиеся долго и внимательно слушали, как он любит промышленность и помогает бизнесу.

Но тут произошел сбой, к докладчику подошел один из его помощников и что-то прошептал. Спикер ГД РФ поперхнулся и, обшарив зал взглядом, увидел Галину Старовойтову. После короткой заминки он пробормотал что-то о срочных делах и закрыл встречу.

На следующий день в газете «Северная столица» появилась статья «Новые русские коммунисты: Союз серпа и доллара». Описав прошедшую в Таврическом дворце сходку, журналисты Анна Полянская и Руслан Линьков сообщили читателям: **«В положении о спонсорах данного мероприятия, подписанном лично председателем Госдумы Селезневым, значит, что генеральный спонсор должен будет внести 30 тысяч долларов США», что «официальный спонсор жертвует суммой в 10 тысяч долларов США, а простой спонсор отдает на благое дело в “аспекте национальной безопасности” не менее 3 тысяч долларов североамериканского государства...»** Судя по числу записавшихся, общий сбор мог составить не менее \$500 000.

В том же положении было сказано: **«Под спонсорством понимается передача Санкт-петербургскому департаменту социальных программ Межрегиональной общественной организации “Академия Национальной Безопасности” денежных средств в рублях и иностранной валюте, а также товаров и услуг».** (Общественной организацией с этим громким названием руководили старые товарищи Г. Селезнева по работе в ВЛКСМ и КПСС.) Авторы статьи задавались вопросом: почему и на что именно спикер Государственной Думы РФ просит скинуться бизнесменов?

В статье говорилось:

«Различные конференции организуются АНБ с завидной регулярностью. Один из привлеченных спонсоров жаловался нам: “Недавно у них был семинар с названием ‘Страхование в аспекте национальной безопасности’, теперь – ‘Телекоммуникация в аспекте национальной безопасности’ – и каждый раз плати. Скоро, наверное, будут отмечать какой-нибудь юбилей Общества по отлову бродячих собак, конечно, в аспекте национальной безопасности. Побои всем надоели, но отказывать спикеру не хотят, боятся неприятностей от налоговиков и прочих структур. Вот и платят».

И это еще не все: *«Обсудив первый вопрос о “сходке” АНБ, собравшиеся приступили ко второму – учреждению “Фонда поддержки отечественного товаропроизводителя”. Конечно, помогать нашим предприятиям очень нужно. Но это содействие, скорее всего, должно выражаться в создании нормальной законодательной базы. Однако Геннадий Николаевич говорил не об этом, а о том, как он успешно помог некоторым предприятиям растаможить грузы на общую сумму около 1,5 миллиардов долларов и т.п. Спикер дал понять присутствовавшим, что он является прекрасным лоббистом на правительственном уровне и готов всем вошедшим в данный Фонд оказывать непосредственную помощь».*

«Северная столица» делает вывод, что Г. Селезнев использовал свое высокое служебное положение для сбора денег на поддержку КПРФ... (Эта организация существует и сейчас, на ее сайте можно прочесть: *«Всякая крупная операция, сделка требуют силового сопровождения. Поэтому, помимо отношений с представителями власти, чрезвычайно важны возможности по взаимодействию с силовыми структурами. В этом плане соответствующий отдел Академии национальной безопасности продолжает совершенствовать свою деятельность»*.) Откровенный, граничащий с вымогательством, сбор средств на нужды друзей председателя Государственной Думы РФ был вопиющим нарушением общепринятых норм о госслужбе. И придание этой истории гласности било по репутации спикера и его партии.

Любви к Г. Старовойтовой со стороны коммунистов эта публикация не прибавила. Тем более, что тут же появилась вторая, где речь шла уже о других инициативах спикера...

Готовила она и третью статью о том, что в одном из питерских научно-производственных институтов на Выборгской стороне есть лаборатория, где работающие там члены КПРФ ищут способы скрытого воздействия на телезрителей. Что-то вроде «25-го кадра» в кино, который может на уровне подсознания незаметно внушать людям те или иные предпочтения. Несмотря на то, что серьезными исследованиями это не подтверждалось, а «изобретатель» феномена Джеймс Викери признавался в некорректности своих результатов, о скрытом внушении тогда писали, и многие в него верили. Эта статья в печати уже не появилась.

Не успели мы отойти от шока, как в черносотенной прессе с подачи Жириновского появились утверждения о том, что политика тут не причем, что Старовойтова везла в сумке миллионы на избирательную кампанию в городское собрание Петербурга, что ее просто ограбили. Следственная бригада даже пыталась у ментов, которые прибыли на место убийства первыми, куда они дели эти деньги. А денег на городские выборы у Старовойтовой, к сожалению, не было. Еще весной того года, в преддверии осенних выборов, которые обещали стать серьезной дракой за город, у нее появилась идея объединить силы всех питерских демократов в борьбе за то, чтобы не допустить к власти криминал.

«ЯБЛоко», как всегда, соперничало с «Демвыбором», но кроме них в городе было еще немало достойных людей, и она предложила создать общий согласованный список. Надо было развести всех демократов по избирательным округам, чтобы они не соперничали между собой. «Яблочники» не возражали, но отнеслись к чужой инициативе с прохладцей. Егор Гайдар идею поддержал. Тогда мы вместе с экс-министром финансов, представителем России в Международном банке развития А. Кудриным, народным артистом О. Басилашвили, экс-министром труда, экономистом, замруководителя аппарата правительства С. Васильевым, профессором Университета экономики О. Дмитриевой и самой Галиной Васильевной заявили об учреждении неформального общественного движения «Северная столица». Между партией «Демократическая Россия», которую возглавляла Старовойтова, и «Демвыбором» было заключено соглашение о сотрудничестве на городских выборах в рамках создания предвыборного блока «Согласие. Объединенные демократы».

Газета «Санкт-Петербургские ведомости» писала тогда:

«Петербургские демократы подписали декларацию о создании гражданского антикриминального фронта, но о полном их объединении, как сообщает СПб ТАСС, накануне выборов в городской парламент говорить не приходится. В декларации представители созданного Галиной Старовойтовой движения “Северная столица”, петербургского отделения объединения “ЯБЛоко” и предвыборного блока “Согласие – объединенные демократы”, ядром которого является “Демократический выбор России”, объявляют, что ручаются за непричастность к криминалитету всех кандидатов, выдвинутых этими тремя блоками.

Что же касается взаимного снятия кандидатур, то такое соглашение достигнуто только между блоком “Согласие” и “Северной столицей”. Их кандидаты перекрывают друг друга в четырех из 50 избирательных округов Петербурга. Именно здесь и произойдет снятие кандидатур.

Объединение “ЯБЛоко”, как пояснил председатель политсовета его регионального отделения Михаил Амосов, “не ведет речи о взаимном снятии кандидатур и формировании единого демократического списка”.

Мотором «Северной столицы» была Г. Старовойтова, другие поддерживали

проект только своим именами, а я принимал участие лишь в телезаписях с участием будущих кандидатов. Спонсоров искала Галина Васильевна и, по моим представлениям, первым и едва ли не единственным источником был наш «Демвыбор». Московский исполком по распоряжению Е. Гайдара выделил «Северной столице» средства, которых хватило на несколько сотысячных выпусков бесплатной одноименной газеты. Еще в проект включился директор «Русского видео», совладелец петербургского «11 телеканала» и «приор Мальтийского ордена в С. Петербурге» Д. Рождественский, он дал нашим кандидатам бесплатную возможность участвовать в передачах на актуальные темы, а в дальнейшем намеревался выделять эфир уже во время самой избирательной кампании. (Это не прошло ему даром: жириновцы и коммунисты тоже собирали свои силы, наша инициатива их серьезно беспокоила, а «свой» телеканал у демократов тем более. Тут же с подачи председателя комитета по безопасности ГД В. Илюхина, соратника генерала Рохлина по неудачному путчу, появилось уголовное дело об уклонении Д. Рождественского от налогов, незаконной передаче телеканала Гусинскому и обвинение еще в каких-то грехах. Рождественский был арестован и просидел в камере под следствием два года.)

Когда городские выборы стали приближаться, помощь ДВР иссякла. К тому же оказалось, что в питерском штабе ДВР сочли нашу инициативу подготовкой к замене ДВР на что-то другое и стали сопротивляться, в Москву пошли звонки и депеши о том, что Старовойтова все делает не так, что ее кандидаты ничего не понимают в политике, что они «непроходные», а штаб ДВР в Петербурге сделает все лучше... Городскому исполкому ДВР очень хотелось оправдаться перед Е. Гайдаром и А. Чубайсом за провал думских выборов 95-го года, когда из всех поддержанных городским штабом ДВР кандидатов депутатом стал только я. Помощь пошла уже не «Северной столице», а блоку «Согласие» в лице штаба ДВР. Я был занят своими думскими делами и не вдавался в эти перипетии, а самолюбие Старовойтовой не позволяло ей признаться в том, что, пообещав участникам хорошую поддержку, из-за интриг и дефолта она оказалась на мели.

Несмотря на то, что глава ФСБ Степашин заявил, что после изучения обстоятельств убийства версия об ограблении не нашла подтверждения, маргиналы охотно верили басням об украденных у Старовойтовой миллионах. А друзья и соратники депутата знали, что заказчиков убийства надо искать среди политических врагов и соперников.

Но кто решил и чем руководствовались заказчики?

Разоблачения Селезнева и его кампании, которые прозвучали в нашей газете? Убийство произошло сразу после них. Но «после» не значит «вследствие».

Спикер Госдумы Г. Селезнев, хоть и был бы рад избавиться от Г. Старовойтовой, вряд ли рискнул бы сделать такой заказ. Он и сам мог стать мишенью для бандитов, в октябре был взорван организатор и спонсор АНБ Дмитрий Филлипов, а вице-президент этой «академии» Михаил Ошеров получил две пули в голову

в подъезде своего дома. После их устранения на руководство созданной Селезневой организации был поставлен некто О. Таран, а когда и он был застрелен снайпером, его место занял В. Кулибаба. За его спиной стоял Костя Могила, который уже соперничал с Кумариным за звание «ночного губернатора Санкт-Петербурга». Селезнева хватит только на то, чтобы мстить Г. Старовойтовой после ее смерти, подав иск к убитой о «защите своей чести и достоинства», и проиграть его в суде...

Вспоминалась темная история с установкой прослушки в нашей общей депутатской приемной. Еще в сентябре помощники Г. Старовойтовой Р. Линьков и С. Алексеев как-то вечером слышали шум на парадной лестнице и, открыв входную дверь, наткнулись на людей, которые со стремянки ковырялись в стене над дверью. Бросив лестницу, они побежали вниз, свидетелем этого стал журналист радио «Свобода» Брайен, который шел в офис за информацией. Мужчина удрал, а женщина, которую Алексеев успел схватить, вытащила пистолет, его удалось вырвать (он оказался газовым). В «Коммерсанте» написали о том, что задержанная отказывалась называть себя и потребовала вызвать сотрудников ФСБ, а после их приватного разговора оказалось, что это некая Корзинина, жена бывшего политзека, члена СМОТ, а теперь то ли анархо-синдикалиста, то ли монархиста и мизантропа Л. Волохонского. По словам помощников Старовойтовой, вызвать ФСБ она требовала еще в офисе депутата, когда туда приехала милиция. Р. Линьков позвонил дежурному ФСБ, но тот, выслушав, присылать своих сотрудников не стал, сказав, что вызов должен идти от милиции. Корзинину отвезли в отделение, встречалась ли она там с фээсбэшниками, неизвестно. Из объяснений, которые она дала в милиции, следовало, что пришла она посмотреть на расписание депутатских приемов, что мужчину она не знает и стремянка не ее. Из Москвы примчался ее муж, который попытался выдать себя за того человека, который удрал, но свидетели это не подтвердили. По нашему настоянию уголовным розыском было проведено расследование и установлено, что распределительная коробка с телефонными проводами над нашей дверью была раскурочена, в зачищенных проводах кто-то копался, но отпечатки пальцев были смазаны. Корзинину оштрафовали за незарегистрированный газовый пистолет, и она уехала в Москву.

После гибели Старовойтовой о них вспомнили и задержали как подозреваемых в причастности к случившемуся. Версия задержанных о том, что появление Корзиной имело целью запись кого-то на прием, сменилась другой: теперь они утверждали, что Корзинина (учредитель газетки «Собачья жизнь») приехала в Питер с благотворительным грузом кормов для собак, а пришла к офису Старовойтовой, услышав о том, что в ее приемной мучают животных. Ничего более вразумительного от этой пары следователи не услышали, в день убийства их в нашем городе не было и в конце концов их отпустили. Возможно, что этих мутных людей использовали «втемную», подставив в качестве отвлекающего маневра или ложного следа.

Версий о том, кто и зачем организовал убийство, было много. От армянских друзей Галины Васильевны я даже слышал о том, что это дело турецких спецслужб, которые мстят ей за то, что она была на стороне армян в Карабахе. Меня с жаром убеждали в том, что турки действовали через Жириновского, который якобы давно ими завербован. Он действительно был в Турции и даже успел побывать там в тюрьме. Это случилось вскоре после того, как, закончив Институт международных отношений, он отправился в Турцию агитировать там местный «пролетариат», раздавал там брошюры и значки, за что ненадолго и угодил в тюремную камеру. Что там с ним приключилось неизвестно, но Турцию он с тех пор невзлюбил... Турецкая версия слишком экзотична, хотя, как ни странно, в показаниях Глущенко (по другому делу) тоже всплывали турки, которые его якобы вербовали.

Самый серьезный конфликт был у депутата с губернатором В. Яковлевым. Г. Старовойтова отслеживала расходование городского бюджета, и не раз, приходя на заседания городского правительства, винила губернатора в нецелевом использовании доходов и поступлений. Неудобные вопросы доводили Яковлева до того, что он, хлопнув дверью, уходил с заседаний или переносил их, чтобы не встречаться с настырным депутатом.

Наш город, да и вся оживавшая в деловой активности страна были ареной жесткой борьбы за влияние. Причем те, кто хотел стать «правлящим классом», были уверены, что политика должна обслуживать экономику, которую вчерашние бандиты понимали как рост своих доходов. Если в начале 90-х речь шла о тех или иных торговых точках, то теперь это уже секторы, отрасли и виды деятельности. Бывшие вышибалы, кидалы и рэкетеры из тех, что остались живы в начальные лихие годы, уже имеют свои офисы и пытаются принять солидный вид. Одни контролируют городской порт или Балтийское пароходство, другие торговлю бензином, третьи осваивают информационное поле или скупают недвижимость. Они уже забыли свои рассуждения о том, что «барыга нам по жизни должен», себя таковыми они не считают и делиться ни с кем не желают. К тому же оказывается, денег много не бывает, а зарабатывать их становится все сложнее – конкуренция! Стрельбой решается не все. Значит, нужны рычаги, нужна власть или хотя бы свои люди во власти. И тогда уже они будут «должны по жизни». И помогут с выгодным заказом или нужной трактовкой судебного спора, упрячут за решетку конкурента, примут нужное постановление и откроют новый источник дохода. Такие же процессы идут во властных стратах? Там тоже конкуренция? Значит, будем внедряться и сращиваться, а конкурентов и помехи убирать. Увы, на стадии первичного дикого капитализма, когда законодательные и нравственные препоны еще устанавливаются, такой этап неизбежен.

Питерские власти предпочитали сотрудничать с теми, кто еще несколько лет назад был городской шпаной. От них теперь многое зависело. Надо было договариваться и обмениваться услугами, а потом как-то так получалось, что и доходами.

Когда вице-губернатор Михаил Маневич не стал в этом участвовать, ему начали поступать угрозы. Он не прогнулся. За день до намеченной встречи с Г. Старовойтовой, где он хотел рассказать о давлении со стороны помощников В. Илюхина и Г. Селезнева, о махинациях в Смольном, по дороге на работу, прямо на Невском проспекте, его прошли пять пуль снайпера...

В криминальной и легальной жизни вчерашней питерской «братвы» признанным лидером конца 90-х стал Владимир Кумарин (сменивший фамилию на Барсуков). Теперь он один из хозяев областного нефтеперерабатывающего завода в Киришах и вице-президент, один из директоров Петербургской топливной компании. Это официально, но есть много того, что остается в тени. Позже американский журнал «Newsweek» и итальянская газета «La Repubblica» напишут о связях его группировки с бывшим председателем комитета мэрии Санкт-Петербурга по внешним связям Владимиром Путиным, который консультировал российско-немецкую компанию по недвижимости SPAG. Пресса указывала, что возглавляемая Барсуковым-Кумариным группировка «установила контроль над этой кампанией для отмывания денег колумбийской наркомафии и приобретала недвижимость в Петербурге». Жестокость и всесилие этой банды, ум и щедрость ее пахана охотно расписывала желтая пресса. Невзоров, который дал ему удостоверение помощника депутата, был «счастлив иметь такого друга», а будущий вице-президент «Роснефти» М. Леонтьев, попав на его день рождения, говорил, что горд этим приглашением.

По утрам «ночной губернатор», считая себя этаким «доном Корлеоне», сидел в ресторане элитного отеля, а к нему приходили с просьбами. И он помогал: санкт-петербургской патриархии дал денег, чтобы установить лазерную подсветку на кресты петербургских храмов, музыкантам дарил инструменты, директору школы помогал с ремонтом, мирил спорщиков за отъем чужого добра (оставляя себе долю).

Громкую славу ему даст история, о которой журналисты напишут так: *«Неизвестные похитили у ничем не примечательной семьи Бородулиных дочку Сашу и сына Диму и потребовали выкуп – 10 миллионов евро. У родителей таких денег не было. Агентство журналистских расследований (АЖУР) предложило награду за любую информацию о детях – 100 тысяч долларов. Похитители вышли на директора АЖУРа Андрея Константинова, сумму выкупа удалось снизить до миллиона, хотя для семьи это ничего не меняло, таких денег у них все равно не было. Прокуратура метала громы и молнии, генпрокурор Юрий Чайка трижды взывал к преступникам, обещая всякие кары, но те и ухом не вели. И тут в дело вступил пенсионер Владимир Барсуков. Через телевидение он выразил готовность заплатить миллион, но только при личной встрече с похитителями. «Напоследок хочу сказать похитителям, – очень спокойно добавил он. – Красавцы, если вы добровольно отпустите детей, то по закону снимете с себя ответственность за*

похищение. Если же что-то с детьми произойдет, то вас найдут. Рано или поздно. И я помогу». В отличие от генпрокурора, Барсуков обратился к похитителям всего один раз. Детей вернули через двое суток без всякого выкупа. Барсуков привез Сашу и Диму родителям лично. Для прокуратуры это было оглушительной пощечиной, которую не скрыть, потому что вся история освещалась в прессе в режиме нон-стоп...» Вопросы к этой истории остались, но произносить вслух, что похититель и спаситель мог быть одним лицом, никто так и не решился.

Офис Барсукова-Кумарина на ул. Восстания находился на одной лестничной площадке с офисом жены губернатора В. Яковлева. Злые языки утверждали, что это соседство способствовало их деловым связям. В преддверии выборов интересы семьи губернатора и «тамбовцев» могли совпадать: и тем, и другим были нужны свои ручные депутаты, от которых зависел городской бюджет и распределение его заказов. Впереди была работа над городским уставом, который мешал исполнительной власти. Поправки зависели от нового депутатского корпуса, и за его состав стоило побороться. С начала года в городе уже шли закулисные переговоры конкурентов, там заключались союзы и распределялись роли.

А создание «Северной Столицы» – объединенного блока демократических кандидатов – путало все карты. Поэтому интригами, сплетнями и засланными казачками делалось все, чтобы разрушить этот проект. В результате разобщенные демократы стали конкурировать между собой. Все, что могла сделать наша «Северная столица», это в последних номерах своей газеты опубликовать список тех, кого мы считаем непричастными к криминалитету. Это было сделано и сыграло свою роль в конце года. В отличие от провалившегося блока «Согласие», две трети кандидатов разных партий и блоков, которых мы поддерживали своим словом, прошли первый тур голосования, и 16 из них стали депутатами. Но это было уже без Галины Васильевны...

По возбужденному уголовному делу шло следствие, а поиски ничего не давали. Заказные убийства редко раскрываются по свежим следам, исполнителей стараются убрать, свидетели предпочитают молчать. Следственная группа не смогла найти тех, кто корректировал убийц из Москвы. Кто-то ведь должен был сообщить им о том, как, поездом или самолетом, когда и каким рейсом прибудет жертва, а для этого он должен был находиться в Думе. Телефонный звонок из Москвы подтвердился только через четыре года, когда стали известны имена и телефоны подозреваемых. Принадлежность московского телефона установить уже не удалось. Следователи, не подозревая об этом, вплотную подошли к преступной группе, когда в поисках источника оружия заглянули в офис частного охранного предприятия (ЧОП) «Благодарный князь Александр Невский». Им руководил помощник депутата Госдумы М. Глущенко и прапорщик ГРУ в запасе Юрий Колчин. Первый срок он получил в ноябре 1989 года,

когда был задержан на Некрасовском рынке во время игры в «три карты». За то, что он «отказался подчиниться законным требованиям, выражался грубой нецензурной бранью, а затем укусил брюшную стенку милиционера Шарова», ему дали два с половиной года колонии общего режима. Через год освободили досрочно, а через неделю задержали уже сотрудники уголовного розыска, которые нашли при нем пистолет ТТ и гранату РГД-5. При этом он, «находясь в 4-м отделении милиции, после изъятия у него оружия, при выводе его из помещения для задержанных в туалет, предпринял попытку скрыться и нанес удар ногой в грудь милиционеру, оказал активное физическое сопротивление» и снова укусил уже другого милиционера! Вместе с Колчиным был тогда задержан и Михаил Глущенко, но его отпустили, поскольку Колчин взял вину за оружие на себя. Из колонии он и тут освободился досрочно... В «Благоверном князе» под ним работали его двоюродные братья Олег Федосов и Игорь Краснов. И он сам, и ядро его группировки были родом из городка Дятьково в Брянской области. Оперативники ничего предосудительного в их офисе не обнаружили. В углу зала стоял иконостас с зажженной лампадкой, Колчин выглядел благообразно и спокойно отвечал на вопросы (может быть, им стоило обратить на висевший в прихожей плакатик, где было написано: «Попался – молчи, сказал – откажись, написал – не подписывай!» и приглядеться к ним повнимательней, но мало ли какие плакаты висят в офисах, их «к делу не пришьешь»). Оперативники ушли, не зная, что оставили чоповцев в состоянии паники – они-то вину за собой знали. Тем более, что в их кампании уже начался разброд; не все из тех, кого привлекли к охоте, знали, что дело кончится убийством, что жертвой станет известный депутат Госдумы. Один из братьев Колчина заговорил о том, что лучше пойти с повинной, его отправили на родину, но до Дятьково он почему-то не доехал, пропал. А следствие, как и в ситуации с Холодовым, надолго забуксовало.

И случайно сдвинулось только через четыре года, когда, уже попавший в «Кресты» за что-то другое, бывший чоповец В. Петров вдруг заявил, что готов рассказать, как убили депутата Государственной Думы. Он стал одним из главных свидетелей по делу. Шестеро работников «Благоверного князя» были арестованы, среди них и Колчин, но двоих не досчитались: того, кто уехал домой еще два года назад и пропал, а еще Олега Федосова, который стрелял из автомата «Аграм» (не найден до сих пор и, скорее всего, тоже закопан в каком-нибудь перелеске). И главарь банды, и большинство его подручных вину свою отрицали, но двое – Петров и Воронин – дали такие подробные и совпадающие показания о той подготовке убийства, что у суда сомнений не осталось. Этому не помешали и попытки ввести суд в заблуждение. Так, Колчин утверждал, что в те часы, когда Старовойтова летела в Петербург, его телефон находился у другого, конечно же, умершего, человека и это он принимал звонок из Москвы, находясь в аэропорту «Пулково». А сам Колчин якобы находился

дома и праздновал новоселье. Подтвердить эту ложь пытался его «духовник», а заодно и пресс-секретарь санкт-петербургского митрополита Иоанна К. Душенов. В ходе следствия выяснилось, что он убеждал их в том, что Россия в руках жидомасонов. Это он ежедневно проводил в офисе охрannого предприятия церковные службы, на которых были обязаны присутствовать все сотрудники. (После заутреннего богослужения эти уроды чистили оружие, шли выбивать долги, тренировались в стрельбе, следили за своей жертвой, готовили убийство, а вечером опять клали крестные поклоны.) Показания о том, что у Колчина есть алиби, данные Душеновым в суде, противоречили тому, что он говорил на следствии и не вызвали у суда доверия. Но за лжесвидетельство он не ответил. В дальнейшем, издавая черносотенные газеты, Душенов был отвергнут Патриархом Алексием. Его это не смутило, в одной из своих статей под названием «Исповедь жидоеда» он написал: «Я публично признался и не только за себя, но и за многих моих соратников по Русскому Сопротивлению, что «русские православные патриоты несомненно являются именно националистами, экстремистами и антисемитами в самом высоком и благородном значении этих прекрасных слов». В конечном счете за возбуждение ненависти и вражды он будет осужден на три года колонии, что не помешает ему, освободившись, оставаться в первых рядах мракобесов.

Шестеро из восьми исполнителей и организаторов политического убийства будут осуждены и получат разные сроки лишь в 2005 году. Организатор преступления, Колчин, которому обвинение запросило пожизненный срок, получит 20 лет, а второй стрелявший Акишин 23 года лишения свободы, оба в колонии строгого режима. Остальные – меньше... С момента их ареста в 2002 г. прошло немало времени, Колчин уже на свободе.

Следствие об убийстве государственного деятеля, депутата Госдумы не имеет срока давности и не может быть закрыто, но из-за отсутствия новых данных его несколько раз приостанавливали. А возобновляли только благодаря упорству сестры погибшей, Ольги Васильевны Старовойтовой, и Руслана Линькова. Это было необходимо – ведь заказчик убийства остался неизвестен. Понятно, что Колчин и его банда – лишь инструмент в чьих-то руках. Их непосредственным хозяином и начальником был М. Глушенко. Допросить его не удавалось, сначала из-за депутатской неприкосновенности. Когда его полномочия закончились и в 3-ю Думу он уже не попал, то сразу же уехал за рубеж. К нему было много вопросов, они останутся открытыми до 2011 года, когда закончился срок действия его зарубежного паспорта. Чтобы и дальше жить за границей, паспорт надо было обменять, а для этого приехать в Россию. Кто-то пообещал ему помощь и безопасность, но, когда он вернулся и пришел в паспортный стол Выборгского РУВД, то оказался в наручниках. Не за Старовойтову – его подозревали по меньшей мере трех других убийствах и ряде вымогательств. Но доказательств было мало и вымогатель получит лишь 8 лет заключения.

И тут заговорит Колчин. Генпрокуратура и Следственный комитет уже давно тяготились незакрытым делом, возможно, там ему объяснили: при «чистосердечном признании» он может рассчитывать на снижение срока, если назовет заказчика. Тогда он рассказал о том, как его шеф М. Глущенко еще весной 1998 года приезжал к нему на дачу и, когда они парились в баньке, приказал ему начать охоту на Старовойтову, которая перешла кому-то дорогу. Ослушаться, по словам Колчина, он не мог, это было равносильно самоубийству. Это обвинение Глущенко предъявят почему-то не сразу, а только через два года. Он будет отпираться, но недолго. Через 6 месяцев Глущенко заключит соглашение со следствием, но вместо признания в собственном заказе убийства он назовет Барсукова-Кумарина, который и сделал ему то предложение, от которого ему тоже нельзя было отказаться. Мотивом устранения депутата, по его словам, стало активное вмешательство Г. Старовойтовой в подготовку городских выборов. К тому времени спецслужбы ФСБ уже получают полный контроль над криминалом и бизнесом, они будут отбирать и осваивать все, что имеет ценность, и Кумарин окажется за решеткой. Но он не признал показаний Глущенко, заявив, что у него не было причин для устранения депутата. А Глущенко, который почему-то рассчитывал на облегчение своей участи, получит по новому обвинению 17 лет заключения и станет заговариваться, утверждая, что он не Глущенко, а то ли Гонсалес, то ли Мартинес.

То, что М. Глущенко поручил устранение Г. Старовойтовой Колчину, правдоподобно, если был такой приказ от Кумарина, то выполнить его он был обязан. Но нужно ли было это Кумарину?

Намерение Г. Старовойтовой выдвигаться в 1999 году на пост губернатора Ленинградской области? Она говорила об этом и, если бы это удалось, Барсукову-Кумарину с его нефтеперегонным заводом, да и не только ему, пришлось бы туго. Но при отсутствии финансовых средств шансов на победу у нее не было, да и до выборов областного губернатора был еще целый год... Так может быть, помимо интересов и планов мафии, были еще чьи-то интересы? И за Кумариным тоже кто-то стоял?

Бандиты, устраняя неугодных, не заботятся о том, что бы опорочить их в прессе, придать их смерти какой-то принижающий характер. Как с Листьевым, никаких порочащих публикаций, которых тоже можно было насочинять сколько угодно. Но зачем? Убили и убили, пошли дальше. А Старовойтову активно пытались убить и после смерти, убивая память о ней как о честном и бескорыстном политике-демократе. С чьей подачи «желтая» пресса еще долго будет говорить о том, что ее просто ограбили, забрав у нее какие-то «левые» деньги? Уголовникам дискредитация жертвы не нужна. А вот тем, кто ненавидел ее как политического противника, свалить всю ответственность на бандитов и замарать убитую в глазах обывателей было выгодно. Кто же они? Кто стоял на самом вершине той цепочки решений, которые оборвали жизнь честного,

незаурядного человека? На чьей совести гибель политика, который был нужен России? Жириновского, который приезжал на суд над убийцами и там называл их хорошими парнями, а потом пил водку на могиле своего врага? Коммунистов и чекистов, которые не простили ей попытки запрета на госслужбу для их функционеров? Чиновного ворья, оголтелых нацистов, дремучих, православнущих «патриотов»? Или счета к погибшей, которые были у каждого из них, сплелись в один ядовитый клубок? Надеюсь, страна это когда-то узнает.

ОПЕРАЦИЯ «ПРЕЕМНИК»

Кто на новенького?

Эрозия демократических институтов и становление авторитарного режима начались еще в 1998-99 годах. Почувствовали это не все и далеко не сразу. Слабеющий Б. Ельцин понимал, что верховная власть скоро окажется в других руках, и хотел оставить ее тому, кто продолжит движение по намеченному пути.

Претендентов на власть много. Это коммунисты во главе с Г. Зюгановым, но он скорее делает вид, что готов взвалить на себя ответственность за страну. Это генерал Лебедь, который уже закопался в проблемах и конфликтах своего края, но не оставляет надежд. Это социал-демократ Г. Явлинский, которому не хватает ресурсов для серьезной конкуренции. Это олигархи и, в первую очередь, Б. Березовский, который ищет, на кого «поставить», чтобы потом оказаться рядом. Это мэр Москвы Ю. Лужков, а позднее и Е. Примаков, которые не прочь развернуть Россию, чтобы пойти по китайскому пути.

При этом никому из них и в голову не приходит, что верховная власть достанется мало кому известному чиновнику Владимиру Путину. Не знает этого и он сам.

Разгадки того, как и почему это произошло, еще нет. Варианты и версии: «роковое, случайное стечение обстоятельств», «заговор чекистов», даже «божественное провидение» продолжают обсуждаться. Наиболее популярная версия о том, что окружение президента нашло того, кто обеспечит неприкосновенность «семьи» Б. Ельцина, на самом деле подтверждения не находит. Указ нового президента, как и принятый потом закон о гарантиях, коснется президентской семьи только в части медицинского обслуживания, а от преследования за незаконные действия при исполнении своих обязанностей защищал только его самого. (Правда, ни в Европе, ни в США такой меры защиты экс-президента не было и нет. Но там, если он будет привлечен к ответственности, его ждет беспристрастный суд. У нас же рассчитывать на беспристрастность в то время, когда левая оппозиция еще мечтала о расправе над Ельциным, не приходилось. При Путине эта норма будет изменена, но только по форме. Теоретически экс-президент сможет оказаться под судом за любые незаконные действия, но процедура будет усложнена так, что сделает ее практически невозможной.)

На моих страницах будущий президент уже появлялся, но пришла пора говорить о нем подробнее.

Родился в Питере, жил в какой-то жуткой коммуналке, то с матерью и от-

цом, то у своей учительницы... По его собственному признанию – шпана. Низкорослый, хилый подросток, которого, несмотря на хорошие отметки, не приняли в пионеры из-за хулиганства. Судя по фотографии тех лет, мог подвергаться дискриминации в дворовой среде, но преодолел ее, став драчливым. По свидетельствам приятелей бил первым и стервенел в драках. Из его личного опыта того времени – «крыса, загнанная в угол, может прыгнуть».

Пошел в спорт, сначала бокс, а после того, как ему сломали нос, в секцию самбо в детской спортивной школе у А. Рахлина, а дальше в клубе «Труд», у старшего тренера дзюдо Леонида Усвятцова. Тренер был судим (групповое изнасилование), и, наверное, поэтому его нет в официальной биографии второго российского президента.

По словам В. Путина, он еще школьником, посмотрев фильм о подвигах чекистов в тылу врага («Щит и меч»), решил идти по их стопам. Но оказалось, что энтузиастов с улицы туда не берут. Нужно образование, предпочтительно юридическое. Поэтому юрфак. Его первый «учитель жизни» Усвятцов был сначала против учебы на «мента», но потом сообразил: иметь «своего» юриста полезно. И по спортивной линии помог своему ученику попасть на юрфак университета, где уже с 4-го курса он – «сексот». Дружба с Усвятцовым и клубом «Труд», от которого он стал чемпионом города по дзюдо, продолжалась и после окончания университета, когда В. Путин был принят на службу в КГБ. Но дальше их пути стали расходиться. Молодой чекист учился на курсах подготовки оперативного состава (участвовал в обысках у О. Волкова и Ю. Вознесенской), затем перебирал бумаги в Пятом управлении (борьба с идеологическими диверсиями) и был направлен в Москву в Академию внешней разведки. А Усвятцов продолжал готовить бойцов, скупал краденое, наводил бандитов и приторговывал валютой. За что и попал за решетку, откуда вышел только в 1992 году. «Откинувшись», сколотил ОПГ, которую потом назовут «тамбовской». Как и большинство криминальных авторитетов, Усвятцов не избежал пули, но успел придумать свою надгробную плиту, где на лицевой стороне будет написано: «Могила, на могиле эпитафия: я умер, но бессмертна мафия», а на обратной – какая-то похабщина. На похоронах «учителя» в 1994 году Путина уже не будет, и ему не придется прятаться среди могил, как его приятелю и будущему миллиардеру А. Ротенбергу, когда там начнут стрелять.

След в формировании личности своих учеников тренер оставил. От второго российского президента мы еще услышим «мочить в сортире», «пыль глотать», «доктора пришлю», «отбукать его за углом», «ваше место у параша», «скошухи не будет» и т.д. При этом терминология и психология «братвы» причудливым образом уживется с формальным соблюдением законности.

Из Академии им. Андропова Путин отправится служить в Германию, но не на Запад, а в ГДР, и даже не в Берлин, а в заштатный Дрезден. За пять лет он дослужится до старшего помощника начальника отдела. Что могла выведывать

там легальная советская разведка? Настроения элиты? Давний приятель, музыкант и будущий держатель миллиардных офшоров С. Ролдугин спрашивал тогда В. Путина: «Вот я виолончелист. А ты кто? Что ты можешь?» И услышал: «Я – специалист по общению с людьми».

Есть версии и даже утверждения о том, что он «работал» с леваками-террористами, чуть ли не с самим «Шакалом», группой Баадер-Майнхоф и палестинцами, но это не вызывает доверия. Скорее всего, он занимался вербовкой осведомителей. Сослуживец В. Путина по работе в Дрездене, уехавший за рубеж Владимир Усольцев, рассказывал потом журналистам:

«Путин был неплохим мастером тайных комбинаций. Он был режиссером или, если хотите, даже дирижером искусственно созданных ситуаций, в которых проверялись интересные его люди. Для того, чтобы разобраться в человеке как следует. А о будущем агенте-нелегале была неизбежная необходимость знать, что это за человек. Для этого создавались те самые ситуации. Это такая ситуация, в которой самые существенные обстоятельства созданы оперработником и его помощниками и контролируются ими. Представьте себе, объект едет на каникулы или еще куда-нибудь по делам, садится в поезд, видит, в вагоне сидит хорошенькая девушка, он начинает к ней подсаживаться, заводит разговоры и так далее». (Нетрудно догадаться, что дальше: компрометирующее фото в постели, шантаж...)

Специалист по общению был заботлив по отношению к дочерям, но его жена как-то пожаловалась своей немецкой приятельнице на то, что ее муж «энергетический вампир», что общение с ним оставляет ее без сил.

Его романтические представления о службе давно рассеялись. Он вернулся в родную, но распадающуюся империю после того, как рухнула берлинская стена, а вместе с ней и надежды на карьеру. Вскоре, по словам того же Усольцева, один из завербованных В. Путиным агентов сдал западногерманской разведке два десятка других агентов, в том числе из Дрездена. Может быть поэтому В. Путин оказался в резерве, подрабатывал извозом, искал подходов к депутатам союзного съезда, затем работал в должности помощника проректора «по международным связям» и наблюдал за студентами и преподавателями родного университета. По его словам, кто-то из них предложил ему пойти работать в команду Собчака.

В 2011 г. на вопрос о Путине бывший начальник следственного управления КГБ В. Черкесов сказал журналистам «МК»:

«В Ленинградском управлении КГБ работало несколько тысяч сотрудников, и подразделение, в котором он служил, не соприкасалось с моей сферой деятельности. Познакомились мы в 1990 году, когда его направляли помощником к председателю Ленсовета Анатолию Собчаку».

Подполковник КГБ сообщил ему о своем статусе, будущий мэр задумался лишь на секунду, а потом, ругнувшись, махнул рукой и взял его к себе. Сначала

помощником, затем руководителем только что созданного комитета международных отношений. При этом первые два года он будет оставаться в тени своего шефа. Серенький, незаметный, подчеркнуто услужливый, этакий Молчалин, он будет таскать за мэром его портфель, открывать дверцу машины женам даже своих подчиненных, когда в приемной ждет нужный человек, выходить и приглашать его к самому. А попутно собирать на себя рули управления. При этом, как рассказывали его сотрудники, встретив в коридоре Смольного знакомого человека, мог остановиться, справиться о здоровье жены, припомнить имена внушек, душевно попрощаться, а шагая дальше, бросить: «Этого ко мне не пускать...»

Однажды его жена попала в автомобильную аварию и в тяжелом состоянии была доставлена в дежурную больницу. В это время В. Путин вместе с А. Собчаком принимали Тэда Тернера и вели переговоры об Играх доброй воли. Узнав об аварии, В. Путин заехал в больницу, выслушал врачей, которые сказали ему, что все не так страшно, и вернулся к работе. Потом оказалось, что у Людмилы Путиной перелом основания черепа, ей была нужна специализированная помощь, но ее она получила только после того, как муж закончил переговоры и Тернер улетел...

Его связи с «конторой» не прерывались. Народный артист и депутат Олег Басилашвили рассказывал мне, как он однажды обратился к мэру за содействием – артиста пригласили на фестиваль в Венецию, нужно было срочно отправить туда подтверждение его командировки. Собчак приказал своему помощнику отправить бумагу по факсу. Когда они вышли в приемную мэра, Олег Валерианович увидел, что Путин вложил письмо в свою папку и собирается куда-то идти. Встревоженный промедлением артист услышал: «Я должен сначала согласовать вашу поездку с органами!» – «Как, какими органами? Ваш шеф только что распорядился! Мне что, возвращаться к нему?» Путин отступил, сказав: «Хорошо, хорошо, вот я сейчас при вас отправляю!» И действительно, набрал продиктованный О. Басилашвили итальянский телефонный номер, а когда факс загудел, вставил в него письмо. «Вот, видите, все ушло!»

Уйти-то ушло, да только в дирекции фестиваля получили чистый лист. Запуская его в аппарат, Путин (конечно, «случайно») перевернул письмо обратной стороной...

О скандале с незаконным экспортом сырья из городских запасов я уже писал, убытки города исчислялись десятками миллионов долларов. Депутатская Комиссия обнаружила тогда явные нестыковки и ссылки на несуществующие решения правительства. Узнав об этом, и.о. премьера Е. Гайдар направил председателю таможенного комитета Санкт-Петербурга письмо:

«Настоящим доводим до вашего сведения, что Постановлением Правительства Российской Федерации от 31 декабря 1991 года № 90 «О лицензировании и квотировании экспорта и импорта товаров (работ, услуг) на территории Российской Федерации в 1992 году» утвержден единый порядок,

по которому право выдачи лицензий на ввоз и вывоз дано Комитету внешнеэкономических связей РСФСР (Управление по нетарифному регулированию) и его Уполномоченным в экономических регионах. Выданные лицензии заверяются номерными печатями Уполномоченных в экономических регионах. Правительство Российской Федерации не предоставляло право выдачи лицензий каким-либо другим государственным органам или организациям. Прошу Вас дать указание не пропускать грузы по лицензиям, оформленным государственными органами или организациями на то неуполномоченными. Е. Гайдар».

Но махинации продолжались, посредники оставляли себе до 50% валютной выручки. Ленсовет обратился в городскую прокуратуру – бесполезно, в Счетную палату – оттуда срочно сняли Ю. Болдырева, а мэр А. Собчак добился упразднения должности уполномоченного КВЭС по Северо-Западу и наделил В. Путина его функциями...

Ленсовет вскоре был распущен, и чиновники Смольного получили полную свободу действий. Злые журналисты писали потом не только о кооперативе «Озеро», где у первого зама мэра и его друзей стали появляться дачи, но и о каких-то виллах в Испании. В бытность кандидатом в президенты В. Путин, отвечая на вопросы журналиста о той истории с бартером, утверждал, что никакого криминала не было, хотя признал, что сырье ушло за границу, а из обещанного продовольствия город получил далеко не все. И делал вид, что его комитет тут ни при чем. Сама же М. Салье, когда в России появится новый президент, уедет в глухую деревню. И, по слухам, получит на свой день рождения поздравление: «Желаю крепкого здоровья, а также возможности им пользоваться. В. В. Путин», после чего надолго откажется от общения с журналистами.

Позднее от тех, кто по разным причинам был вынужден эмигрировать, например, в интервью радиостанции «Свобода» близкого к «тамбовским» предпринимателя М. Фрейдзона («Макс-Оружейник»), лично знавшего Путина в 1990-е, можно было услышать о связях последнего с Кумариным, о его страсти к деньгам и отсутствии всяких моральных ограничений. Но можно найти и другие оценки.

Из интервью Д. Дубова П. Авену:

«У нас была история в 1995 или в 1996 году. Возникла какая-то совершенно идиотская проблема в Питере. Там была станция техобслуживания, и не была оформлена земля. Причем все было в порядке, насколько могло быть в порядке в середине 90-х: где-то кто-то что-то подписал, где-то кивнул, но окончательной бумаги нету. Я позвонил Боре (Березовскому). Он говорит: “Ты знаешь, тебе надо поехать туда. Я сейчас договорюсь, пообедаешь с Путиным”. Я говорю: “Это кто?” Он говорит: “Там познакомишься, заместитель Собчака. Ты ему объясни, если все нормально, то он поможет”. Я прилетел в назначенное время... Стол не был еще накрыт, в общем, что-то

такое типичное для того времени. А поскольку 15 минут я должен находиться рядом с совершенно незнакомым человеком, которого я никогда в жизни не видел, я после “здрасьте” начал ему объяснять, что у нас есть небольшая проблема. Он меня внимательно выслушал, спросил, с кем разговаривали, взял телефончик, пошел к окну, вернулся и говорит: “Поезжайте к Маневичу. Я думаю, что сегодня история будет закончена. И, – говорит, – хочу с вами попрощаться”. – “А обед?” Он говорит: “Мы же сначала договаривались, что будем обедать, а потом оказалось, что у вас по бизнесу. Давайте не будем путать одно с другим. Вопрос я ваш решил и поехал”. Я остался с широко открытым ртом, потому что московские нравы среди чиновников я к тому времени очень хорошо понимал. Авен: “Все хотели обедать?” Дубов: “Ну, просто так не бывает в жизни. Я поехал к Маневичу, к вечеру получил полный комплект бумаг, улетел в Москву. Звоню Боре и говорю: “Боря, слушай, что это за странный начальник завелся в Питере?” Он послушал, посмеялся и говорит: ‘Вот такой человек он’”».

У меня же не было поводов пересекаться с ним, пока он работал в Питере, а в Думе я разговаривал с ним два раза. Первый раз, когда он стал и.о. премьера и присутствовал в зале наших пленарных заседаний. Тогда я, зная о том, что в камере Выборгской тюрьмы серьезно болеет директор 11 телеканала Д. Рождественский, подошел к В. Путину и рассказал ему о том, что его хороший знакомый уже год сидит под следствием по сфабрикованному делу.

Путин хмуро выслушал меня и сказал, что разберется. Но суд, который отменил все серьезные обвинения и приор Мальтийского ордена был тут же амнистирован, состоялся лишь через год. А. Д. Рождественский (тюрьма не проходит даром) вскоре скончался от инфаркта. Другой раз, кажется В. Путин уже был и.о. президента, я еще раз подошел к нему в зале наших заседаний и попросил помочь нашим городским властям в разморозке строительства жилого дома для преподавателей и офицеров военно-морского Нахимовского училища. Это дело с мертвой точки было сдвинуто. Но у меня осталось тогда ощущение, что я общался с наглухо закрытым и холодным человеком...

После провала А. Собчака на городских выборах В. Путин и вся команда мэра оказались не у дел. Но тут пригодились наработанные деловые и дружеские свя-

зи. Хотя те, кто звал его в Москву, вряд ли предполагали, к чему приведет его восхождение. А для него это был последний шанс не скатиться в простолудины. Сначала первый заместитель премьера А. Большаков, с которым он до этого работал в мэрии Санкт-Петербурга, сватает его Павлу Бородину. Тот хорошо помнит, как Путин помог с лечением дочери, и берет его заместителем в управление делами президента (там он курирует управление российской заграничной собственностью, в частности, за бесценюк продает Дом дружбы в восточной части Берлина). Затем, с подачи недавнего сослуживца по мэрии Санкт-Петербурга Л. Кудрина, который уходил в министерство финансов, и по рекомендации А. Чубайса, он занимает пост главы контрольного управления.

Юмашев Авену:

«Когда я пришел в Администрацию, естественно, никаких людей у меня не было. Я Толю (А. Чубайса) попросил, чтобы он нашел каких-то людей, и одним из тех людей, которые пришли ко мне на позицию замглавы администрации, был Путин. С самого начала он просто реально очень хорошо работал, из замов выделялся, блестяще формулировал, хотя контрольное управление – достаточно смешное управление, там не очень много дел. Некий президентский аппарат, который за всем следит. Тем не менее даже на этой позиции Путин продемонстрировал, что он очень фундаментально выделяется».

Результаты были. Так, дотошный контролер выявил серьезные финансовые нарушения, которые привели к отставке министра обороны И. Родионова; проверка рыболовства на Дальнем Востоке остановила хищническое истребление рыбных запасов; было выявлено нецелевое использование бюджетных средств в большинстве регионов. А еще был полулегальный выезд за границу А. Собчака, травля которого продолжалась. Ее начинали Илюхин, Коржаков и А. Куликов, а под победные крики коммунистов продолжил генеральный прокурор Ю. Скуратов. Несмотря на то, что президент прямо сказал генпрокурору: «Оставьте его в покое», – уголовное дело, которое не стоило выведенного яйца, продолжалось. Собчака под демонстративным конвоем спецназа доставили на допрос в городскую прокуратуру, там ему стало плохо. Но из больницы, куда его пришлось везти, он исчез и объявился уже в Париже. Организатором побега в «праздничный» день 7 ноября был В. Путин. Он приехал в Питер за несколько дней до этого и мог быть озабочен тем, как поведет себя после ареста тот, с кем он работал (в красивой фразе «своих не сдаем!» иногда бывает пропущено слово «подельников»). А президенту и его семье верность В. Путина бывшему шефу пришлась по душе. И глава президентской администрации, а заодно и муж дочери президента, сделал его своим первым заместителем. При этом В. Путин заявил своему патрону, что в контрольном управлении ему скучно, и если бы не это предложение, то он бы ушел... Не думаю, что он действительно был готов совсем уйти из кремлёв-

ских коридоров, ведь рядом с его вспомогательной работой строились многоходовые политические комбинации, решались большие дела.

А вскоре эта фигура вырастает уже до федерального масштаба, да еще какого!

25 июля 1998 г. Указом президента (с подачи С. Кириенко) Владимир Путин назначен директором ФСБ РФ. Система, которую еще недавно боялась вся страна, сменила не одно название – ВЧК, НКВД, МГБ, КГБ, ФСК – и теперь называется Федеральной службой безопасности РФ. Времена кровавого разгула этой организации прошли, возвышавшийся на Лубянской площади палач России Ф. Дзержинский низвергнут еще в 90-м году, неразбериха в начале 90-х «контору» существенно ослабила. За три последних года сменились четыре руководителя, последний – Николай Ковалев. Этого, прошедшего Афганистан, отличившегося там храбростью и заботой о солдатах, успешно ловившего шпионов, генерал-полковника сменяет отставной подполковник.

Ковалев чем-то провинился? Единственное, что было известно обществу, это провал лично руководимой им операции по освобождению заложника, когда спецназ застрелил не террориста, а своего командира. Правда, была и другая история, о которой общество пока не знало. Подполковник ФСБ А. Литвиненко, работавший замначальником 7 отдела УРПО (управления по разработке и пресечению деятельности преступных формирований), в конфиденциальном порядке сообщил Б. Березовскому о том, что его начальство дало ему и еще нескольким сотрудникам указание убить бывшего сотрудника ФСБ Михаила Трепашкина за то, что тот обратился в прокуратуру с рассказом о вымогательствах своего высокого начальства. Еще они должны были похитить с целью выкупа, а затем убить бизнесмена чеченского происхождения Умара Джабраилова и убить самого Бориса Березовского. Показания Литвиненко записаны на видео на даче Березовского, а Литвиненко обратился с изложением ситуации в Генеральную прокуратуру. Она занялась проверкой, но в прессу это тогда еще не попало.

Н. Ковалев позже стал депутатом Госдумы и получал награды от нового президента. Скорее всего, дело было не в его грехах, а в преимуществах его сменщика. За время работы заместителем главы администрации президента В. Путин имел возможность общаться с Б. Ельциным. Специалист «по общению» умел отвечать тому, чего от него ждали: на партсобраниях, которые он вел в Дрездене, был ярым коммунистом, с фрондирующими сослуживцами либералом, с уставшим от всеобщего разгильдяйства и бесконечных интриг президентом твердым государственным человеком. Журналистка Е. Трегубова, которая общалась с ним позже, писала:

«Меня искренне впечатлило, насколько Путин блестящий коммуникатор. Хотя все его профессиональные приемы общения с собеседником были довольно хрестоматийны и без труда читаемы, тем не менее исполнение было виртуозным. Не знаю, как – мимикой ли, интонацией, взглядами, – но

в процессе разговора он заставил меня подсознательно чувствовать, как будто он – человек одного со мной круга и интересов. Хотя ровно никаких логических причин полагать так не было. Наоборот, все факты свидетельствовали, что он абсолютно противоположный мне человек. Я поняла, что он просто гениальный “отражатель”, что он как зеркало копирует собеседника, чтобы заставить тебя поверить, что он – такой же, свой...»

Назначение происходило в канун дефолта, а на Кавказе опять росла напряженность. Спецслужбы должна была контролировать верная, крепкая рука.

Есть и другая, весьма мрачная, версия, которую опубликовал в своих мемуарах М. Полторанин. В главе «Лев Рохлин, или Открой, стучится Сталин!» он пишет о том, что дружил и поддерживал генерала, что на их последней встрече тот якобы сказал ему:

«По информации его агентов из службы безопасности “семьи”, четверка в составе Бориса Ельцина, дочери-имиджмейкера Татьяны Дьяченко, руководителя администрации Валентина Юмашева и зама руководителя Александра Волошина обсуждали варианты устранения лидера ДПА. Любые решения – автокатастрофа или пуля снайпера в людном месте, – посчитали неприемлемым, опасным для власти. Нужно организовать хитрую бытовую загогулину, чтоб была с “изюминкой”.

Кому поручить? Рассматривали кандидатуру зама руководителя администрации Евгения Савостьянова. В свое время он был начальником управления КГБ по Москве и Московской области. Вертели так и эдак – отклонили. Психологически не готов. Набрался правозащитного мусора, работая с Андреем Дмитриевичем Сахаровым и Гавриилом Поповым, а в КГБ его занесло случайным порывом ветра. Демократ и чистоплюй. А нужен эбист бериевской школы. Татьяна Дьяченко с Юмашевым сказали Ельцину, что есть подходящий человек с хорошей выучкой – Тихий. Таким псевдонимом (Рохлин до разговора со мной не вычислил его) они нарекли другого кремлевского чиновника. “У него холодные глаза и холодный рассудок”. Работайте, сказал им Ельцин, сделает – рассчитаемся. Если надо, пусть подключит грушников».

На презентации своей книги М. Полторанин пошел дальше и заявил: *«Я не мог сказать прямо, что Путин организовал убийство Рохлина. Сразу подадут в суд и потребуют доказательств. А прямых доказательств, как вы понимаете, у меня нет. Однако вся совокупность достоверно установленных событий и фактов вокруг этого убийства показывают, что это отнюдь не моя «догадка» или вольное «предположение». И вряд ли случайно, что фактически сразу же после убийства Рохлина, главу тогдашнего ФСБ Ковалева ночью подняли с постели и в спешном порядке, всего в течение 20 минут, заставили в соответствии с Указом Президента передать свои полномочия вновь назначенному В. Путину...»*

При всем понимании того, на что способны люди с холодными глазами,

в данном случае я не склонен этому верить. Под конец жизни М. Полторанин свихнулся на антисемитизме и всемирном антироссийском заговоре и «подверстывал» события под нужный ему результат (психологи называют это «предвзятостью подтверждения»). А главное, у В. Путина не было своих ресурсов для выполнения такой задачи. Ее могли решить спецы из УРПО, но они не стали бы выполнять поручение чиновника, пусть даже кремлевского. Им был нужен приказ своего начальства. И Путин, если он замешан в этом преступлении, мог только передать «заказ» руководителю этой службы генералу Хохолькову. К тому же Путин получил новый пост отнюдь не «сразу после убийства», а Н. Ковалеву вовсе не пришлось сдавать ему дела ночью, сидя в пижаме. О своем уходе он знал еще за 20 дней, причем источником информации было руководство французской разведки. В благодарность за вызволение из Чечни своих сотрудников руководство DGSE сообщило ему, что некие российские чиновники, находясь в Европе, судачили по телефону о его отставке как о решенном деле...

Когда грянул дефолт и С. Кириенко ушел в отставку, Путин остался наедине с теми динозаврами спецслужб, которые еще не рассматривали его всерьез. Но в ноябре разразился скандал теперь уже с публичным заявлением А. Литвиненко и еще двух сотрудников из УРПО о том, что генерал Хохольков принуждал их к убийствам. Предать это огласке на пресс-конференции Литвиненко и его товарищи решили после того, как новый директор ФСБ, выслушав рассказ А. Литвиненко, не стал на это реагировать, а Генпрокуратура отказалась от расследования по их заявлениям. Но вскоре В. Путин стал еще и членом Совета Безопасности и взялся за реорганизацию вверенной ему службы. УРПО было расформировано, Хохольков, которого за глаза называли вторым Судоплатовым, ушел в отставку и пересел в государственную налоговую службу, но, по словам Литвиненко, параллельно работал и со своими бывшими подчиненными. Путин расформировал также и отдел по экономическим преступлениям, который уже несколько лет служил аппаратом доения деловых людей. Кормушка закрылась, и Хохольков считал, что это дело рук Березовского и Литвиненко. Вскоре после пресс-конференции последний был уволен в связи с возбуждением уголовного дела. Его обвинили в том, что три года назад он якобы избил арестованного. А. Литвиненко 8 месяцев провел в камере изолятора ФСБ, но суд не признал его виновным, его отпустили, и тогда он пошел охранять Березовского, который ненадолго стал руководителем исполкома СНГ. Но злключения отставного подполковника только начинались, измену «конторе» ему не простят...

После дефолта и отставки С. Кириенко, президент решил вернуть старого премьера в правительство и представил его кандидатуру на утверждение в Госдуму. Он выступил по телевидению и сказал: **«Сегодня нужны те, кого принято называть «тяжеловесом». Я считаю, что необходимы опыт и вес Черномырдина. За этим предложением стоит еще одно важное соображение – обеспечить преемственность власти в 2000 году. Главное достоинство Викто-**

ра Степановича – порядочность, честность, основательность. Думаю, эти качества будут решающим аргументом на президентских выборах».

Но с тяжеловесом не получилось. Думское большинство дважды отклонило его кандидатуру. Но согласилось на С. Степашина, который все же не стал реальным кандидатом в преемники. На мой взгляд, в его подборе немалую роль сыграло то, что В. Путин принял активное участие в смещении рьяно копавшего под Б. Ельцина и его ближний круг Генерального прокурора Юрия Скуратова. Уволить высшее должностное лицо, которое отвечало за соблюдение законности и должно было курировать работу всех силовых и специальных служб, было не просто. Нужно было согласие верхней палаты парламента, а там сидели избранные народом региональные бароны, и они могли заартачиться. В другом случае прокурор мог быть отстранен, только если на него заведено уголовное дело. Путин, хоть и не сразу, но с задачей справился.

В «Старой записной книжке» князя П. А. Вяземского есть запись о том, что Карамзин на вопрос: «Что делается в России?», отвечал: «Крадут...» Увы, за двести с лишним лет, изменилось немного. В государственных структурах, там, где речь шла о «народном» достоянии, вновь пошла вакханалия воровства. От постового милиционера до генерала, от депутата до министра растаскивалось и выводилось в личное пользование все, до чего дотягивалась рука.

Источником наживы чиновников стала взятка и «распил» государственного бюджета. «Откат» за выгодный государственный подряд, возбуждение уголовного преследования против конкурента, взятка за инсайдерскую информацию или собственная прямая нажива на ней, участие в коммерческой деятельности через посредников или родственников, прокручивание бюджетных средств в частных банках, сговор с бизнесом и попустительство при уклонении от налогов – урон скудному бюджету страны был огромен.

Журналисты из «Новой газеты» били тревогу:

«Армия и флот: В 1996 году на Тихоокеанском флоте хищения средств федерального бюджета составили 9,6 млрд рублей, в Забайкальском военном округе – 1,1 млрд рублей. За 1996 г. и первое полугодие 1997 г. ущерб, нанесенный Вооруженным Силам, составил около 400 млрд рублей...»

Екатеринбург: Три миллиарда бюджетных средств ушли на приобретение квартир милицейским начальникам Свердловской области.

Красноярский край: Акционерное общество «Центр международной торговли «Енисей» из средств государственной поддержки завоза продуктов в районы Крайнего Севера оказало финансовую поддержку коммерческому банку «Синто-банк» на 8 млрд рублей.

Москва: Городской фонд обязательного медицинского страхования незаконно израсходовал 500 млрд госсредств.

Омск: Из регионального Фонда социального страхования исчезло за год (с 1.07.96 по 1.07.97) 27 млрд рублей. Пособия матерям на рождение ребенка и

уход за ним не выплачивались с 1995 года. Сотрудники фонда приобрели для себя 40 загранпутевок от 20 до 32 млн каждая, руководителям фонда были куплены дорогостоящие квартиры.

Рязань: Пользуясь бесконтрольностью со стороны управления труда и занятости администрации Рязанской области, коммерческие структуры израсходовали 958,9 млн рублей не для создания рабочих мест, а на строительство базы отдыха и жилого дома, приобретение автомобилей, мебели и т. д.

Тамбов: Пенсионный фонд размещал деньги в коммерческом банке «Бастин-он», где были открыты специальные срочные вклады должностным лицам фонда, которым выплачивался доход от 1 200 до 3 200 процентов годовых.

Таможня: 807,9 млрд рублей – таков ущерб федеральному бюджету от операции, проведенной Московским таможенным управлением и Московской автогрузовой таможней, которые разместили таможенные платежи в неплатежеспособном «Кредобанке».

Церковь: Художественно-производственное предприятие «Софрино» Русской Православной Церкви передало права на поставки винной продукции по линии гуманитарной помощи ООО «Белан», которое по гуманитарным льготам не уплатило в бюджет 544,8 млрд рублей».

Но контрольные, охранительные и карательные органы государства бессильны. И в первую очередь потому, что сами были пронизаны коррупцией. Шакалы и гиены из МВД и ФСБ, соперничая за наживу, рвали на части любой самостоятельный, успешный бизнес. Подлоги, фабрикация уголовных дел, устранение строптивых руками бандитов, издевательства и пытки предпринимателей в следственных изоляторах творились повсюду.

Пресекать это должен был бдительный суперорган соблюдения законности – Генеральная прокуратура. Она появилась на Руси по велению Петра I, который, поглядев на то, как это делают в Европе, решил доверить эту задачу новой, почти самостоятельной вертикали власти. Чтобы «уничтожить или ослабить зло, истекающее из беспорядков в делах, неправосудия, взяточничества и беззакония» Петр I учредил при Сенате должность генерал-прокурора, а в своем указе об этой должности написал: *«И понеже сей чин – яко око наше и стряпчий о делах государственных»*.

Генерал-прокурор через обер-прокуроров и фискальные службы должен был следить за всем и вся, быть «вызыскателем наказания» и одновременно «защитником невинности», вести розыск, если была нужда, пытаться и приговаривать. Контроль за прокуратурой мог осуществляться лишь государем, который, представляя сенаторам первого генерал-прокурора, сказал: *«Вот мое око, коим я буду все видеть. Он знает мои намерения и желания; что он заблагорассудит, то вы делайте; а хотя бы вам показалось, что он поступает противно моим и государственным выгодам, вы, однако ж то выполняйте и, уведомив меня о том, ожидайте моего повеления»*.

От бесконтрольного произвола тех, кто получил возможность взять в одни руки розыск, следствие и приговор толку было мало... Разделить эти функции смогла только судебная реформа 1864 года.

Советская прокуратура в своих реальных полномочиях занимала второе место после КГБ и даже после развала Союза сохранила за собой и надзор, и следствие, и обвинение. Только вот, за самой прокуратурой, когда она закрывала глаза на беззакония спецслужб, сама стряпала дела, нарушая закон, и сама себя контролировала, надзирать было некому. Еще в 1995 году, когда принимался новый Закон о прокуратуре, мы пытались убедить депутатов в необходимости разделения органов контроля и органов следствия. Но учреждение самостоятельного Следственного комитета состоится только через 10 лет.

В конце 90-х прокуратуру возглавляет Юрий Скуратов. До этого назначения он работал в аппарате ЦК КПСС, потом в министерстве безопасности РФ (ФСБ), а затем попал в Генпрокуратуру. Если при советской власти компетенция этого ведомства не распространялась на руководство Политбюро, ЦК КПСС и КГБ, то теперь таких ограничений нет. Указ президента, а затем и новый закон дали право Ю. Скуратову проверять всех должностных лиц, все аспекты деятельности ФСБ, МВД, налоговой полиции и прочих силовиков и даже координировать их работу. Прокуратура отчитывается: вместе с ФСБ и МВД возбуждено более 800 уголовных дел по фактам преступлений, связанных с незаконным использованием бюджетных средств. Но о том, что до суда доходит лишь половина возбужденных уголовных дел, а за решетку попадают лишь десятки не самых главных расхитителей, стыдливо умалчивает.

Ю. Скуратов занят другим, он имеет свои представления о том, как надо управлять страной. Когда премьером был Е. Примаков, генпрокурор убеждал последнего в том, что пора начать облаву на всех, кто имеет за рубежом счета, виллы, коттеджи, квартиры, культурные ценности, а затем предложить им добровольную сдачу имущества государству и при отказе применить репрессии. Еще ревизовать все экспортно-импортные контракты за последние семь лет, объявить 90-дневный мораторий на выдачу квот для продажи нефти, а потом вообще вернуть государству монополию на все экспортные операции по нефти, газу, оружию и продовольствию... Представления о том, какие катастрофические последствия это могло иметь для экономики, прокурор не имел (премьер выслушивал эти лихие идеи благосклонно, и сам грозился пересаживать бизнесменов, «которые еще большие преступники, чем уголовники»). Позже экс-прокурор будет восклицать: «Страна голодает, холодает, старух мы хороним в полиэтиленовых пакетах, потому что нет денег на гробы, учительницы стоят в областных городах на базарах с протянутыми руками, собирают милостыню, прокуратура возбуждает уголовные дела по фактам гибели детей от голода, а наши кремлевские небожители уже объелись, тратят миллионы и миллиарды долларов на европейские ремонты и роскошные апартаменты. Пир во время чумы!»

Но, пока он был Генеральным, рядом с ним работал управляющий делами Назир Хапсироков. И его шеф закрывал глаза на то, что в 1998 году 2 миллиарда 321 миллион и еще 207 тысяч рублей, выделенных из бюджета на содержание органов прокуратуры, были с выгодой прокручены Назиром в Московском Национальном Банке, что, распределяя дачи и квартиры среди работников прокуратуры, Хапсироков ставил их в зависимость, влиял на ход расследований и мог говорить о себе: «Я не первое лицо в Генпрокуратуре, но, конечно, и не второе». Заместители Скуратова даже настаивали на том, чтобы назначить не имеющего юридического образования завхоза с многозначительной кличкой «Хап», еще одним заместителем Генерального.

Погрязшее в коррупции ведомство и в Москве, и в регионах нуждалось в очищении собственных рядов, но Скуратову было не до этого. Он считал, что его ждут громкие дела, и хотел участвовать в политике. В 1998 году он получил информацию о том, что управляющий делами президента Павел Бородин, заключив контракты на проведение ремонтно-реставрационных работ в зданиях Дома правительства России, Государственной Думы, Совета Федерации и комплекса зданий Московского Кремля, ведет дела с грубыми нарушениями. Сведения об этом и многом другом пришли к нему из Швейцарии, где Генеральном прокурором была тогда бесстрашная Карла дель Понте.

Суровая дама приняла этот пост поле того, как взорвали ее предшественника. Она боролась с коррупцией не только у себя в стране. Швейцарские банки всегда славились своей надежностью и закрытостью, поэтому все, кому было что скрывать, прятали свои деньги там, но это срабатывало не всегда. Carlita La Pesta (Карлита-чума) – это прозвище Генеральный прокурор получила от сицилианской мафии – была беспощадна там, где видела организованную преступность и коррупцию государственных служащих. Она заморозила счета бывшего премьер-министра Пакистана Беназир Бхутто и добилась ареста 118 миллионов долларов на счетах брата экс-президента Мексики Рауля Салинаса. Хотя ее и упрекали в том, что она не уделяет должного внимания тому, что происходит в своей стране, ее службы следили и за этим.

Много позже, когда Ю. Скуратов уже будет отстранен, он будет путано объяснять: *«Генеральный прокурор Швейцарии Карла дель Понте звонила мне в январе. Госпожа дель Понте рассказала, что по просьбе нашей прокуратуры она провела выемки документов в штаб-квартире «Мабетекса» и что обнаружили очень любопытные документы. В частности, кредитные карточки, выписанные на имя Татьяны Дьяченко, Елены Окуловой и самого российского президента, что двумя карточками из трех пользовались. Это были банковские карточки дочерей президента»*. Но по чьей же наводке возникла «просьба нашей прокуратуры»? Скорее всего, это результат информации от Филиппа Туровера, сына доверенного лица КГБ, переводчика-синхрониста, который не только участвовал в зарубежных переговорах советских лидеров, но имел

связи в зарубежных банках. Туроверовы, старинный казачий род, достойным представителем которого был поэт и боевой офицер армии Врангеля Николай Туроверов (его пронзительные стихи «Уходили мы из Крыма...» мало кого оставят равнодушным). Талантливый и мужественный человек, когда гитлеровская Германия напала на Францию он, уже немолодым, воевал в дивизионной разведгруппе французской армии.

С оставшимися в России потомками этого рода все иначе, из Союза Ф. Туровер эмигрировал еще в 1983 году, когда получить такую возможность без одобрения КГБ было непросто. Благодаря старым связям отца, он стал советником в одном из швейцарских банков и, возможно, был одним из перевозчиков «золота партии» в первые годы перестройки. А позже занялся посредничеством в размещении тех частных капиталов, которые их владельцы хотели скрыть от лишних глаз в Швейцарии. Вот только с хранением вышла неувязка, игра на бирже чужими деньгами – дело ненадежное. Когда доверившиеся ему граждане хотели воспользоваться своими счетами, это им не всегда удавалось. Так, занимавшийся в администрации президента кадровыми вопросами Д. Румянцев распорядиться скопленными на «хлебном» месте денежками не смог, а когда стал их требовать, Туровер предложил ему заткнуться или обратиться в «органы», а там заодно объяснить их происхождение. Это, как и другие делишки, стало достоянием европейской прессы, газета «Коррьере делла сера» вышла с заголовком «Русские фонды отмывались от Женевы до Нью-Йорка», там речь шла и о Туровере. Аферист оказался в трудном положении. После чего слил Скуратову и Карле дель Понте информацию о строительной фирме Mabetex, которую нанял Павел Бородин.

Но зачем он это сделал?

В 2002 году журналист и заместитель главного редактора «Новой газеты» Ю. Щекочихин опубликовал статью «Они возвращаются», где рассказал о встрече с человеком, который был вынужден скрываться за рубежом после того, как прозрел и отказался работать на «патриотов госбезопасности», которых он для краткости называл ПБ ГБ. Этот человек рассказывал журналисту: *«Родился в семье сотрудника одной из спецслужб... С помощью отца я был принят на работу в одну из закрытых структур КГБ. В 1990 году его вызвали на собеседование, там он услышал: ситуация в стране складывается крайне тяжелая и непредсказуемая для истинных патриотов нашей Родины... Все это может привести в ближайшем будущем к госперевороту, в результате которого к власти придут враги своей страны.*

Вполне может сложиться ситуация, что сотрудники КГБ будут репрессированы. Но самые дальновидные, убежденные и стойкие кадры, готовясь к самому худшему, не думают прекращать свою борьбу за лучшее будущее страны, и теперь в первую очередь собственно в России.

КГБ вынужден учитывать все это, поэтому разрабатываются новые

принципы и формы работы. К этому готовы многие уже известные мне люди, в круг которых входят и мой отец, и многие знакомые офицеры из Центра, в котором я работал».

Ему было предложено не поступать в специнститут КГБ, а уходить на «гражданку», устраиваться в перспективную организацию с бизнес-уклоном и сотрудничать с «патриотами». Была обещана связь, помощь и защита. От него требовалась «честность, преданность, бескорыстие, полная отдача», а конкретно – сбор любой информации о своих контактах, связях, которые могут оказаться полезными делу патриотов. Он согласился, и его внедрили в какую-то внешнеторговую организацию.

«За время работы в Центре я познакомился с очень многими людьми. В последнее время из СМИ узнаю о тех, с кем был знаком. Например, я был очень удивлен узнать в лицо Джуму Намангани (ближайшего сподвижника бен Ладена), членов политсовета ОПОД «Евразия» Владислава Раевского и Петра Суслова, уголовного авторитета Антона Малевского (Измайловского) и многих других.

Я начал осуществлять собственные сделки через несколько дружеских мне компаний.

В 1992 году под меня была создана собственная фирма. Я стал много ездить в зарубежные командировки – во Францию, Голландию, Австрию, Швейцарию. Тогда же «кураторы» начали просить меня делиться прибылью на «общее дело» на постоянной основе. Я начал выдавать им 5-10 тысяч долларов ежемесячно.

Скоро мне понадобилось обзавестись собственными каналами по переводу СКВ за границу, обналичивания и краткосрочного инвестирования, для чего я построил много хитрых финансовых схем и начал создавать компании офшорного типа как в России, так и за рубежом. Мои успехи привлекли пристальное внимание «кураторов», они ужесточили свои пожелания финансирования их нужд, а также периодически просили о различных услугах по «переработке» денег. Во время этих бесед я впервые услышал (наряду со многими другими) фамилии многих «питерцев», как их теперь называют, в качестве примеров «патриотов».

Используя мои возможности и международную инфраструктуру, «патриоты» меня неоднократно привлекали к оформлению и осуществлению других сделок, в частности по созданию структуры в алмазном бизнесе.

К началу 1999 года понял, что деятельность моих «кураторов» превратилась из «благородно-патриотической» в кланово-криминальную, с целью доступа к большим финансовым ресурсам, личного обогащения и выполнения собственных политических целей и задач, что совсем не совпадало с моими личными устремлениями. Я постоянно заявлял, что хочу «уйти на покой». «Кураторы» мне отвечали, что это уже невозможно и нужно как мини-

мум дожидаться ближайших президентских выборов». Спрашивает журналист: «Как я понял, сначала ты был убежден, что работаешь для страны, для России?» – «Сначала, да. Потом наконец-то до меня дошло, что такое Россия для тех, кто меня использовал... Летом 95-го года мне было сказано, что позиции «П» ГБ стремительно укрепляются на всех «фронтах» и начинается время большой политики. В связи с этим мне было предложено познакомиться с двумя интересными для «П» ГБ политиками: Л. в одной из стран СНГ, а в России с (следует имя большого российского политика левого толка. Для краткости обозначу его аббревиатурой БРП. – Ю. Щ.). Меня попросили вратить в их окружение, по возможности финансировать их лично и их «теневые» программы, всячески отслеживать их контакты, особенно конфиденциальные. Одновременно и чуть позднее меня представили новым коллегам-«патриотам», среди которых оказались три генерал-лейтенанта спецслужбы (двое в резерве, один действующий). Круг моих встреч с «патриотами» расширился, постановка задач стала масштабной. Тогда же, во время доверительных бесед, я впервые услышал (наряду со многими другими) имена Путина и Черкесова в качестве примеров «патриотов-сподвижников» из Питера. Часто я стал получать просьбы об осуществлении конкретных мероприятий – преимущественно по созданию организаций, знакомству с указанными людьми и выяснению интересующих моих «кураторов» отношений. На БРП я изстратил многие сотни тысяч долларов прямых расходов (от 800 000 до 1 млн долларов), еще на одного – многие десятки тысяч. Все это без учета косвенных расходов типа командировочных, походов в рестораны, содействия их семьям по получению различных материальных благ и т.п. Я стал одним из спонсоров фонда «С.» БРП, в нескольких газетных публикациях назывались мои компании как крупнейшие спонсоры различных социальных программ (даже по сравнению с «Газпромом»).

С начала 1998 года мои «кураторы» сказали, что БРП на ближайших президентских выборах (подчеркивалось, что вполне возможно досрочных) станет одним из активно поддерживаемых «П» ГБ кандидатов на высшую должность страны, поэтому меня просили приложить максимум усилий на его поддержку и раскрутку. Для этого я предложил (а они согласились) создать две новые «зеркальные» организации: одну в России, а вторую в Европе.

Основными задачами для российской (в число ее физических учредителей вошли и два лидера «П» ГБ) ставились сбор финансовых средств спонсоров, привлечение общественного внимания к личности БРП, его общественной и благотворительной деятельности, его партийной самостоятельности, приверженности идеям «устойчивого развития», европейской ориентации и т.п. Те же задачи стояли и перед европейской организацией, но для нероссийской аудитории. По нашему замыслу это должна была быть организация с программами всероссийского и международного масштаба и с участием

всех министерств и ведомств РФ, особенно силовых. Для выполнения этой цели «патриоты» ГБ (напрямую или используя мои и собственные контакты в Думе и правительстве) устраивали мне официальные встречи со многими высокопоставленными деятелями России (в частности, с Путиным и Черкесовым), зарубежных стран и международных организаций.

Я развернул активнейшую деятельность: организовывал разные общественные мероприятия в России и Европе (с участием российских посольств, при содействии местных резидентов-«патриотов» ГБ), привлекал известных личностей, внедрял специальные формы и схемы для получения финансирования деятельности этих организаций и т.п.

«Патриотами» было организовано пиар-сопровождение моей деятельности, чем занимались несколько приставленных ко мне людей. Меня вынуждали платить им многие десятки тысяч долларов за организацию заказных публикаций в российских СМИ и репортажей по телевидению».

Далее Щекочихин написал, что, по словам его собеседника, ему предстояло стать одним из винтиков «патриотической» машины, направленной на то, чтобы раздавить и Ельцина, и опостылевшую всем «семью». Ему поручили шантажировать Туровера долгом в 250 тыс. долларов, чтобы общими усилиями добиться от него слива информации по «Мабетексу», Бородину и Ельцину. И действительно, Туровер *«через короткое время выскочил со своим заявлением, как черт из табакерки...»*. Щекочихин: *«То есть так было организовано первое публичное нападение на Ельцина? – Именно так. “Мочить” президента начали “патриоты”»*.

Что за фонд С., кто скрыт за аббревиатурой БРП, можно только догадываться, через год Юрий Щекочихин (который неосторожно написал в той публикации, что получил от раскаявшегося грешника список из 141 давнего и тайного агента КГБ) погиб. Цепь отравлений тех, кто неугоден властям, в новом веке началась с него...

Так что Ф. Туровер тоже был инструментом в руках лубянских «патриотов»? Или он откупался от швейцарской прокуратуры, которая готова была заняться им самим? Впрочем, одно другому не мешает. Carlita La Pesta получила еще одно громкое дело, а чекисты, еще до прихода В. Путина – компромат на президента, который может им пригодиться, когда встанет вопрос о выборе его сменщика.

Из откровения Ю. Скуратова:

«Туровер имел крайне обширные материалы по России. Одно время он служил в “Дель Готтардо” – банке, который собирался создать сеть западных банков, работающих с долгами России, имел, естественно, хорошие контакты со многими русскими чиновниками, знал их еще с советской поры, кое-кто из этих чиновников работал даже в ЦК КПСС и помог нам более чем кто бы то ни было. Туровер делал тщательные подборки документов на российских чиновников, классифицировал их; раньше он долгие годы работал

с высшими эшелонами власти – с Кремлем, с Белым домом, с московской мэрией, видел родных наших чиновников в самых разных ипостасях, принимая участие во многих крупнейших сделках, и при этом занимался тем, чем не занимался никто: с каждого документа, попавшего ему в руки, снимал копию. Копии подшивал в папку. Никто не знает точно, зачем он это делал, знает, наверное, только он сам, мы же можем только догадываться; каждая бумага в этих папках – это свидетельство чьего-то греха, продажности, воровства, подлога. Папки эти напичканы бумагами очень плотно. Папка № 3, например, носит название “Управление делами”, в ней все, что связано с “Мабетексом”. Папка № 12 – “Постановления и распоряжения правительства. 134 листа”. Есть и другая, № 33, в которой собраны секретные постановления правительства, когда им руководил Черномырдин, всего 164 листа. И все это не только секретные, но и уникальные бумаги. Папка № 3 – “Переписка с Управлением делами президента России”, в ней 24 листа. Папка № 41 – “Финансовые документы, 365 листов”. Есть папки, касающиеся мэрии Москвы, клуба банков, работающих с советскими (российскими) долгами “Готтардо”, фирмы “Антей” и другие».

Такую информацию собирали не только кадровые чекисты. Но масштаб и глубина проникновения, о которых пишет Скуратов, наводит на мысль о спецзахватах с Лубянки. Тем более, что пресловутый генерал Бобков и две сотни его сотрудников из бывшего Пятого (идеологического) управления КГБ работали на медиамагната Гусинского, у которого были свои представления о том, кто должен стать следующим президентом.

А с «банковскими карточками дочерей президента» все не очень понятно, прокурор осторожен в выражениях. Видел ли он эти карты или только слышал о них, неясно, то он называет имена владельцев, то пишет про то, что счета были зашифрованными – один на некую «царевну», а другой – на «золушку». По его мнению, это указывает на советника и дочь президента Татьяну и ее сестру Елену. Не удивлюсь, если Бородин, действительно подарил президентским дочерям какие-то банковские карты, соблазнить женщин возможностью закупить себе нарядов нетрудно (хотя потом выяснится, что кто-то пользовался этими картами за рубежом в то время, когда их формальных владелиц там не было).

Интересно другое. Как, получив эту информацию, ведет себя Ю. Скуратов. Был ли он вовлечен в планы спецслужб или вел свою игру? В тех же мемуарах он сокрушается о том, что скандал с «Мабетексом», где, по данным Туровера, сметы были завышены на 40-60%, а хищения и взятки исчислялись десятками миллионов долларов, вкуче с подозрениями на коррупцию в семье президента, имел серьезные последствия:

«Видные деятели республиканской партии США выступили против Клинтона, Гора и других, кто правит ныне Америкой, и, собрав воедино все примеры неудачного сотрудничества Штатов с Россией, с режимом Ельци-

на, примеры коррупции и воровства, войн и угнетения режимом собственного народа, ринулись в атаку на демократов. Это была очень выгодная карта в предвыборной борьбе, карта, которая даже имела свой лозунг: “Россия, которую мы потеряли”. Все то, на что раньше в Европе и в Америке старательно закрывали глаза, всплыло на поверхность... Начался Рашенгейт».

А разве сам он не принял в нем участия? Конечно, основная вина не на том, кто выносит сор из избы, а на том, кто его там держит. Но если прокурору была важна честь страны, которая так нуждалась в доверии остального мира, то почему же он, получив компромат, не пошел к президенту, а планировал допросы его дочерей, готовил громкий скандал и оформил возбуждение уголовного дела по «Мабетекс», только когда информация об этих намерениях просочилась?

Банковская карта, выписанная на президента, ни разу не была использована! Уверен, приди Ю. Скуратов к не терпевшему воровства Ельцину и положи ему на стол все, что получил, они могли бы вместе вымести ворье из Кремля, а если дочери Ельцина и совершили ошибку, то пресечь и исправить ее. Но прокурор молчал, а когда почувствовал опасность, передал компромат вероятному кандидату на пост нового президента мэру Москвы Ю. Лужкову. И вот тогда получил ответный удар!

Еще за пару месяцев до него Главный военный прокурор Демин рассказал прокурору, что встречался с первым заместителем директора ФСБ В. Зориным, и тот, услышав его имя, произнес недовольно: «Напрасно он высовывается. У нас есть пленка...»

А первого февраля 1999 года Ю. Скуратову позвонил и попросил его подъехать секретарь Совета Безопасности Н. Бордюжа. Прокурору была предъявлена видеозапись, где слишком похожий на него человек кувыркался на широкой постели с двумя проститутками...

Бордюжа предложил уйти в отставку и получил от растерянного прокурора заявление об уходе «по состоянию здоровья». Теперь это должна была утвердить верхняя палата, Совет Федерации, в котором тогда еще заседали избранные населением регионов губернаторы и председатели региональных законодательных собраний. Скуратов спрятался в больнице, по его словам, туда ему звонил В. Путин, который уже возглавил ФСБ. Он как бы сочувствовал, но советовал не упираться, сказал: «В печати уже появилось сообщение насчет пленки. Это стало известным, Юрий Ильич, увы. Говорят, что на меня также есть такая же пленка». Но неожиданно члены верхней палаты отпускать прокурора в его отсутствие не стали. За утверждение отставки проголосовало всего несколько человек. Скуратова это взбодрило, он заговорил о том, что его преследуют за борьбу с коррупцией, тогда он был вызван уже к президенту, который в тот момент лечился в больнице. Он описывает это так: *«У стола же по одну сторону, лицом ко мне, сидел Примаков, по другую, как-то странно съездившись и натянув пиджак на сухой спине так, что были видны острые лопатки, Путин».*

Ельцин прямо сказал ему, что в такой ситуации работать с ним не намерен и не будет. А В. Путин заявил, что экспертиза подтвердила «подлинность кассеты». Поупиравшись, Скуратов еще раз написал заявление об уходе. Этого кому-то показалось мало, и, чтобы не было второго конфуза с «сенаторами», в ночном выпуске программы «Вести» россияне увидели то же, что Скуратов наблюдал в кабинете у Бордюжи. Возможно, это было ошибкой, прокурору уже было нечего терять, и он пошел в Госдуму, где к великой радости коммунистов стал рассказывать о том, что его преследуют за борьбу с коррупцией, что в списках чиновников, которые для спекулятивной наживы скупали государственные казначейские бумаги, обнаружил имя Е. Гайдара и других демократов. При этом, конечно, забыл сказать, что Е. Гайдар уже давно не был госчиновником и мог покупать ценные бумаги как и любой гражданин. (Но и этого, я уверен, Гайдар не делал. Он был настолько щепетилен, что, зная о надвигающемся дефолте 98-го года, не разрешил менять рубли благотворительного «Фонда защиты частной собственности» на валюту, чтобы не давать повода обвинить его в использовании инсайдерской информации.)

Потом Скуратов отправился на следующее заседание СФ, где сенаторы, в отличие от телезрителей, посмотрели «полнометражный» фильм «Трое в постели», а он опять рассказал о своей героической борьбе с преступностью и гонениями со стороны коррупционеров. При этом о порнозаписи сказал лишь, что и она сама, и ее публикация есть нарушение закона, который не позволяет оперативных действий без возбуждения уголовного дела. Это не помешало ему на прямой вопрос президента Чувашии Н. Федорова, было ли то, что изображено на пленке, или нет, ответить: «Николай Васильевич, вы же юрист. О вас я тоже могу много интересного рассказать. Ну и что из этого?» А потом признался, что и сам не гнушался сбором незаконного компромата: «Я знал, что говорил. У меня имелась оперативная информация о том, что чувашский президент часто встречается с одной женщиной».

Члены Совета Федерации снова не приняли его отставку. Мэр Москвы Ю. Лужков сформулировал это так: ***«Вопрос, в общем-то, очень важен для того, чтобы мы и в будущем имели иммунитет все, и сидящие в этом зале, против того, чтобы нас побуждали принимать какие-то решения через элементы шантажа...»*** Что ж, человеку, жена которого уже стала миллиардером, как и многим сидевшим в том зале, было чего опасаться...

Эта грязная история длилась еще долго. Сотрудники В. Путина, которому было поручено избавиться от «зловредного бабника», предъявили заместителям Генпрокурора свидетельства коррупции самого прокурора и потребовали возбуждения уголовного дела. По их данным, Ю. Скуратов пользовался услугами того же «Мабетекса», который за свой счет сшил прокурору аж 14 костюмов и мундиров на сумму 40 тыс. долларов, к тому же прокурор обменял свою квартиру на лучшую, ремонт которой за счет государства обошелся в полмиллиона

долларов... Но тут выяснилось, что в нашем законодательстве не прописан порядок возбуждения уголовного преследования генеральных прокуроров. И его заместители делать это не стали. Тогда нашли какого-то городского прокурора, который, под угрозой слива компромата уже на него самого, подписал постановление. И у президента появилась возможность отстранить Ю. Скуратова от должности в связи с расследованием. А ФСБ закрыла ему доступ в здание Генеральной прокуратуры.

Пострадавший во всем винил В. Путина, он считал, что без его коварного и нечистоплотного участия сохранил бы пост и вывел на чистую воду всех кремлевских жуликов.

Но тогда что ж получается: Путин пошел против «патриотов ГБ», которые руками грешного прокурора пытались устранить Ельцина? Почему бы и нет. Интригу выстраивал не он, а ему надо было укреплять свое положение. И не стоит забывать, по словам Ю. Скуратова, В. Путин сокрушенно признавался ему, что «пленка» с компроматом есть и на него.

Видеозапись, которую показали публике, была ли она подлинной, и кто ее организовал? Место где велась запись – явочная квартира КГБ на Б. Полянке, которую чекисты продали главе Московского национального банка Ашоту Егизаряну. Заходил ли в нее прокурор, установить было просто по журналу его охраны, где фиксировались и маршруты, и время, и он мог бы таким образом оправдаться. Но ему это почему-то не пришло в голову, а потом охрана поменялась, да и журнал пропал. С другой стороны, если бы за дело взялись спецы, запись не была бы плохого качества. А она мутная, черно-белая, явно сделана на оставшейся от советских времен аппаратуре, сигнал передатчика слабый, принять и записать его можно было, лишь находясь по соседству. Действительно, неподалеку была квартира банкира Лебедева, который любил намекать на свое гебистское прошлое. У этих двоих были свои счета с прокурором, и, скорее всего, съемку организовали они, чтобы потом шантажировать несговорчивого гражданина. Но пришедшее в ФСБ новое начальство инициативу перехватило.

Обвинения против Скуратова были составлены не лучше, чем те, которые он собирался предъявлять сам. В последствии, когда В. Путин уже стал президентом, Бородин, хоть и был арестован в США по швейцарскому ордеру и даже доставлен в Швейцарию для допроса, освобожден там под залог, а потом лишь оштрафован. Кто выложил залог в 5 миллионов швейцарских франков, а затем еще и 300 тысяч штрафа, можно понять из того, что сказал Бородин, вернувшись в Москву: «Я благодарен Путину, он настоящий мужик».

Скуратов еще долго судился, в результате практически все коррупционные обвинения оказались несостоятельны. С костюмами, которые, как оказалось, шили не в Швейцарии, а на «Малой Арнаутской», его подставил Бородин. Ремонт новой квартиры был скромным. Но с дороги его убрали. И я думаю, что ликвидацией этой проблемы В. Путин укрепил свои позиции в глазах президента.

В конце июля 99-го года Б. Ельцин говорит президенту Татарстана М. Шаймиеву: *«Через какое-то время я отправлю в отставку правительство Степашина, и премьер-министром России станет Владимир Владимирович Путин. А потом он станет президентом Российской Федерации».*

Такой план уже созрел, но Ельцин уверенно называет Путина именно потому, что вероятность успеха этого кандидата еще под вопросом. Ряд губернаторов склоняется к поддержке Ю. Лужкова и Е. Примакова. М. Шаймиев в их числе, и президент пытается перетащить его на свою сторону. А тот не верит в то, что Ельцин сделал такой странный выбор...

Глава Администрации президента Волошин, зять Ельцина и его советник Юмашев, Кириенко поддерживают кандидатуру Путина. Чубайс против.

Версия Юмашева:

«У нас была встреча с участием Волошина, присутствовали я, Татьяна, Чубайс. На следующий день Борис Николаевич должен вносить кандидатуру. У нас была четырехчасовая горячая, тяжелая беседа, которую даже беседой сложно назвать, при том, что я редко бываю эмоционален... Логика Чубайса: "Путин блестящ, я считаю, что это идеальный президент для страны. Но в этот момент у нас нет никакого ресурса провести его через Думу. Если мы сейчас с вами идем в Думу, у нас будет три раза отказ, после этого роспуск Думы, и мы влезает в фантастические проблемы". Волошин слушает нас обоих. Я говорю: "Толь, абсолютно правильно, что ситуация тяжелая, есть риск. Но Дума считает, что Путин никто, им абсолютно не интересен Путин. Они считают, что, если Путин идет в премьеры, для них это совершенно фантастическая ситуация, и появляется огромный ресурс для выборов". Что и произошло. Дальше Волошин едет к Борису Николаевичу, рассказывает аргументы: да, у нас есть опасность, что Дума не примет Путина и будет роспуск, но "все-таки я считаю, что нужен Путин". И Борис Николаевич соглашается».

Отставка Степашина и назначение Путина премьером запланированы на понедельник. Но А. Чубайс еще в воскресенье в первой половине дня собирает «олигархов», чтобы с их мнением о приоритете Степашина поехать к Борису Николаевичу. По словам Авена, на той встрече с крупным бизнесом он «достаточно четко выступил против кандидатуры Путина. Он изложил разные аргументы». Он даже был готов вернуться и возглавить администрацию при Степашине и попросил Авена поехать к Путину и попробовать его отговорить. Но когда П. Авен приехал к Путину на дачу, тот, еще не поздоровавшись, поспешил сказать, что разговор с Ельциным уже состоялся и он дал свое согласие... На самом деле это было не совсем так, как следует из стенограммы выступления В. Путина в Думе 16 августа 1999 года. На вопрос Ельцина: согласится ли он на пост-премьера, ЕСЛИ ЕМУ ЕГО ПРЕДЛОЖАТ, тот сказал: если предложат, соглашусь. Получается, что в четверг, когда состоялся этот разговор, президент лишь прощупал по-

зицию директора ФСБ. Окончательного решения еще не было. Поэтому оказался возможен спор у Волошина в субботу, и Чубайс собирал «олигархов» в воскресенье. А Путин, который еще не получил официального предложения, но уже знал, о чем хочет говорить Авен, желая избежать разговора, слукавил.

Борис Ельцин так и не услышал иного мнения о своем кандидате. И, скорее всего, в нем уже не нуждался. Назревал скандал почище скуратовского.

Разведка сообщала: в зарубежной прессе готовится серия статей о масштабной коррупции в окружении президента. Это было связано с грядущими выборами в Штатах, и соперник Клинтона республиканец Буш уже критиковал своего президента за слишком благоприятные отношения с вороватой Россией. Действительно, 19 августа 1999 года в «The New York Times» появится статья об отмывке русскими чиновниками почти пяти миллиардов долларов через Bank of New York, затем эта сумма утроится, и журналисты станут писать, что это отмывка кредитных средств, предоставленных России Международным валютным фондом. 27 августа немецкая газета «Bild» сообщит: семья Ельцина через подставных лиц открыла в Швейцарии счета на 50 миллиардов долларов! (Причастность «семьи» окажется домыслом журналиста. Не подтвердится и масштаб якобы отмываемых кем-то миллиардов, но это будет потом.) А давно не взлюбившая Б. Ельцина итальянская «Corriere della Sera» опубликует список подозреваемых в отмывке денег, где первым значится управляющий делами президента России Павел Бородин.

Но дружный хор обличителей даст пищу и для российской оппозиции, это заставляет президента искать человека, который надежно прикроет ему спину. Поэтому еще 9 августа 1999 года президент отправляет Степашина в отставку и назначает В. Путина и.о. главы правительства.

В тот же день Б. Ельцин выступил по телевидению. Уведомив о том, что подписал закон о выборах в третью Думу, он напомнил, что через год должны состояться президентские выборы. И сказал:

«Я решил назвать человека, который, по моему мнению, способен консолидировать общество, опираясь на самые широкие политические силы, обеспечить продолжение реформ в России. Он сможет сплотить вокруг себя тех, кому в новом XXI веке предстоит обновлять великую Россию. Это секретарь Совета Безопасности, директор ФСБ Владимир Владимирович Путин... В соответствии с Конституцией я обратился в Государственную Думу с просьбой утвердить Владимира Владимировича Путина в должности председателя правительства Российской Федерации. Убежден, работая на этом высоком посту, он принесет большую пользу стране, и россияне будут иметь возможность оценить деловые и человеческие качества Путина. Я в нем уверен. Но хочу, чтобы в нем были также уверены все, кто в июле 2000 года придет на избирательные участки и сделает свой выбор. Думаю, у него достаточно времени себя проявить. Я знаю хорошо Владимира Влади-

мировича, давно и внимательно наблюдал за ним, когда он работал первым вице-мэром Санкт-Петербурга.

Последние годы мы работаем с ним бок о бок. На всех должностях он действовал уверенно и твердо, добивался хороших результатов. Владимир Владимирович имеет огромный опыт государственной работы. Руководить правительством – это тяжелая ноша и серьезное испытание. Справится, в этом я уверен, и россияне окажут ему поддержку».

Представление не известного обществу В. Путину в качестве будущего президента было полной неожиданностью. Третий кандидат в преемники было встречен по-разному. Для меня, для Михаила Молостова и еще немногих это было предчувствием надвигающейся беды, я был убежден, что опасен любой выкормыш КГБ. Кого растила эта страшная организация? Какие порядки установит бывший тюремный надзиратель на доставшемся ему острове? Может ли человек, которому внушили, что кругом враги, увидеть мир по-новому? Я с ужасом думал о том, что может натворить этот еще недавно комплексовавший неудачник. А кто-то пожимал плечами и говорил о нашем предубеждении... Но впереди был еще год, и это могло оказаться «медвежьей услугой» объявленному кандидату – на него ополчатся все его соперники. Тем более, что в условиях незакончившегося экономического кризиса и чехарды с премьерами, попытками импичмента и забастовками шахтеров, рейтинг самого президента опять стремился к нулю, и его рекомендации не много стоили.

Опасения А. Чубайса, что Путин может не пройти утверждение в Думе, чуть было не оправдались. Лидеры фракций, получив слово при обсуждении его кандидатуры, объявили о свободном голосовании. Единственным фракционным лидером, который высказал сомнения в том, что главой государства можно назначать гэбиста, был Г. Явлинский. Независимым депутатам слова не дали. Выступая и отвечая на вопросы, В. Путин был осторожен, он обещал не менять состав правительства, защищал свободу слова, указывал на необходимость поддержки пенсионеров и списания долгов оборонным предприятиям, строгого следования закону и очень старался всем понравиться. Не зная прошлого, можно было бы принять его за демократа и умеренного государственника. Тревожным звоночком в его речи стало, пожалуй, только то, как он отнесся к вопросу о том, не считает ли он, что пора заменить выборы губернаторов на их назначение? Поддержав эту идею, он получил аплодисменты жириновцев. Но при всех его стараниях 117 депутатов, в том числе и я, не стали принимать участия в голосовании, а за его утверждение премьером проголосовал только 51% от общего числа депутатов. Перевес всего лишь в 7 голосов, но дело сделано, дорога к верховной власти открыта. Только вот незадача, по опросам социологов, его рейтинг в обществе всего 2%. И с этим надо что-то делать.

Работавшая тогда в «кремлевском пуле» журналистка Е. Трегубова напишет потом о своем разговоре с руководителем управления правительственной ин-

формации А. Волиным. Она спросила опытного пиарщика: *«У тебя на руках вот такой вот безнадежный клиент, с низким рейтингом и вот с такими никакими публичными данными... Давай смоделируем ситуацию: существует ли хоть что-то в мире, чем его пиар-команда могла бы резко поднять его рейтинг и сделать из него президента? Лешка почесал репу и ответил: “Да. Есть. Маленькая победоносная война...”»*

Фанатики и провокаторы...

По словам Степашина, правительство Примакова, а затем и его правительство готовилось к тому, чтобы захватить северный Надтеречный район Чечни, сделав р. Терек естественной преградой и новой границей с мятежной республикой.

Степашин: *«В отношении Чечни могу сказать следующее. План активных действий в этой республике разрабатывался, начиная с марта. И мы планировали выйти к Тереку в августе-сентябре. Так что это произошло бы, даже если бы не было взрывов в Москве».*

Считается, что это решение было принято после того, как 5 марта 1999 года в грозненском аэропорту «Северный» прямо из самолета Ту-134, выполнявшего рейс Грозный – Москва, был похищен генерал-майор милиции Геннадий Шпигун, полномочный представитель министра внутренних дел России в Чечне. Он собирался улетать в Москву, уже вошел в самолет, и тот вырулил на взлетную полосу, но там путь ему преградил грузовик, вышедшие из него люди в масках зашли в самолет и, вытащив генерала, увезли. Вялые попытки обмена или выкупа были неудачны, он погиб в плену. Вот как оценивал эту ситуацию журналист радиостанции «Свобода» В. Воронов:

«Саму историю с назначением на этот пост именно Шпигуна трудно назвать иначе как откровенной провокацией: во время первой войны генерал отвечал за фильтрационные лагеря; большинство прошедших через них чеченцев погибли или стали инвалидами. Поэтому Шпигун значился в подписанном еще генералом Джохаром Дудаевым списке федеральных чиновников, ответственных за чеченскую трагедию. Назначить в Грозный человека с таким послужным списком, все равно, как послать на убой... При этом и чеченское руководство, и антимасхадовская оппозиция в один голос утверждали: за похищением Шпигуна стоят российские спецслужбы, организовавшие его, как заявлял Шамиль Басаев, чтобы «представить Чеченскую Республику как регион, где процветает терроризм».

Вопрос о нанесении ударов по боевикам и установлении полной блокады Чечни обсуждался 14 апреля 1999 года на заседании Совбеза под руководством В. Путина. В этот же день ВВС России начали учения по отработке ударов по наземным целям. В прессе появились сообщения о перестрелках на административной границе с Чечней. Еще нет никакой войны, ни указов, ни объявлений о нападении на РФ, но в мае российские вертолеты уже бьют по чеченским таможенным и пограничным постам. О позиции В. Путина в отношении Чечни вспоминает Иван Рыбкин:

«Мы не один час провели в разговорах о Чечне, когда он был еще первым замом главы администрации, а я ждал своей отставки. Это было лето 98-го года, как раз перед дефолтом. Мы как-то встретились, и он предложил поговорить. Проговорили несколько часов. Мне стало ясно: он не понимает проблему. Он мыслил только силовыми категориями. Я ему сформулировал несколько банальных вещей, мол, проблема в принципе не имеет силового решения. Но я так понял, что он уже в то время склонялся к силовому решению».

В какой-то мере это отвечало настроениям в обществе, где тяжелой занозой сидела обида за провал в Чечне. Даже те, кто еще вчера протестовал против войны, даже те 82%, которые, по данным НИЦ РОМИР, готовы приветствовать отделение Чечни от России, уязвлены поражением. Судя по тому, как менялись их настроения, они были открыты для оправдания реванша. Эта скрытая потребность могла бы заглухнуть, но ее решили использовать. Тем более, что о реванше мечтали стратеги из Генерального штаба и силовики-министры.

В марте на территории Северо-Кавказского округа прошли фронтовые командно-штабные учения, в которых участвовали все силовые ведомства. Летом 1998 года в Майкопе прошел сбор руководящего состава этих объединений, где в том числе обсуждалось сопровождение воинских колонн и их боевое обеспечение. Тогда же прошли командно-штабные учения на территории Ставропольского края, Северной Осетии, Дагестана и Кабардино-Балкарии. А в Ставрополе создан оперативный штаб МВД, на который возложили координационные задачи. Формально речь шла о создании «санитарной» зоны и защите своих рубежей от набегов и провокаций со стороны чеченцев.

Но подготовка говорила о другом. В своих мемуарах генерал Трошев пишет: *«Новая война назревала»*, а на границе с Чечней уже отрабатывались *«вопросы организации и взаимодействия подразделений МВД и Минобороны»*. Причем располагаться в первой линии должны были армейцы, а уже за ними МВД. Такой войсковой порядок предназначен не для защиты от набегов и провокаций, а для наступательных операций: армия проламывает оборону противника, идет вперед, а зачисткой территорий занимается МВД. Командующий округом генерал Казанцев протестовал тогда. *«Так нельзя! – возмутился Казанцев. – У армии мощное вооружение, широкие возможности применения силы... Армейцы, если раздухаются, сметут пол-Чечни с лица земли. Опять война»*. Казанцева вызвали в Москву, обвинили в робости и пригрозили отставкой, он подчинился...

Учтя ошибки прошлого, силовики и спецслужбы озаботились подготовкой общественного мнения. 27 июля 1999 года министр внутренних дел В. Рушайло продемонстрировал журналистам документальный фильм о подготовке боевиков в лагерях Хаттаба и зверских расправах с заложниками. Журналистка Наталья Бабасян писала:

*«Крупным планом – голова и шея, в которую медленно погружается кри-
вой нож, сонная артерия перерезана, но нож движется дальше, и экран
захлестывают потоки булькающей крови. Голова отрезана, ее поднимают,
она мертвыми глазами смотрит в камеру. Когда по окончании фильма вклю-
чается свет, и волосы на голове перестают стоять дыбом, первое, что при-
ходит в голову: “Чеченцы – нелюди, непонятно, что с ними церемонятся”».* Она задается вопросом, почему базы террористов не уничтожены, ведь генерал Казанцев только что уверял: *«Да, нам известно, где находятся и что пред-
ставляют собой базы и лагеря боевиков. Войска округа располагают необ-
ходимым мощным арсеналом сил и средств, в том числе и высокоточным
оружием для поражения объектов в глубине территории противника».* Свой вывод журналистка вынесла в заголовок статьи: *«Чеченский терроризм нужен
России. Рушайло показал журналистам мощный рычаг управления электро-
ратом».*

Пропагандистская кампания началась, но пресса еще свободна от кремлев-
ского диктата, хозяева газет и телеканалов нацелены на разные задачи, и воз-
будить массовую шовинистическую истерию пока не получается. Кроме того,
приходится тормозить, стране очень нужны новые займы, а если начнется война,
их не получить. Но наконец этот вопрос решен: 29 июля Совет директоров Все-
мирного банка предоставил России новый кредит на 1,2 млрд долларов. Столько
же дала Япония, МВФ предоставил Москве 4,5 млрд долларов.

А что же Чечня? Тяжело доставшаяся чеченцам победа обескровила ре-
спублику и травмировала психику тех, кто выжил. В развалинах Грозного,
в нищете растерзанных войной селений среди тех, кто за годы войны стал
ее профессионалами, росло новое поколение. Таблицу умножения они знали
хуже, чем автомат Калашникова. В правительстве Чечни шла борьба между
умеренным Масхадовым и фанатичным Яндарбиевым. Перевес был на сто-
роне радикалов, появились шариатские суды, по приговорам которых нару-
шителей норм ислама били палками, а за убийство публично казнили. Наша
правозащитная группа вместе с Сергеем Ковалевым ездила в Чечню. Мы пы-
тались убедить руководство республики в сохранении гражданского правово-
го общества, но президент Масхадов, который все понимал, был бессилен...
Из российского федерального бюджета выделялись средства на восстано-
вление республиканских инфраструктур, на выплату пенсий, но растаскивание
средств начиналось еще в Москве, а заканчивалось в Грозном. Из остатков
средств могли, например, начать строительство больницы, а потом объявля-
лось, что она кем-то взорвана. Установить, строилась ли она, было непросто.
Работы у людей нет, заводы разбиты, сельхозугодья превратились в минные
поля, торговля пленными, которая велась во время первой войны обеими сто-
ронами, пробудила старые обычаи, захват и выкуп заложников стали спосо-
бом заработка.

В селении Сержень-Юрт еще в 1997 году идеолог ваххабитского движения на Северном Кавказе Багаутдин Кебедов (он же Б. Муххамед) и воевавший в Чечне полевой командир, иорданец Амир Хаттаб, создали военный лагерь, где уже второй год тренируется и обучается чеченская и дагестанская молодежь. Как говорил Б. Кебедов, «молодежи легче воспринять истину. Это категория людей, мозг которых еще не испачкан».

Ранний ваххабизм (в просторечии получивший это название по имени его основателя Мухаммада Ваххаба) не был агрессивен, он осуждал неравенство и богатство, призывал к пуританской жизни. Радикалами ваххабиты стали в XX веке во время войны против советских оккупантов в Афганистане, тогда их целью стало «возвращение к истинной вере» исламского, а позже и всего остального мира. Обучение молодых в Сержень-Юрте шло по учебнику Кебедова, в котором среди норм правоверного поведения и обличений «гнилого Запада» было написано: ***«Если бы я был сильным, я бы сразился на пути Аллаха. О, юноша, если ты любишь Аллаха, сражайся на пути Аллаха. Кто любит Аллаха, тот сражается на его пути»***. Фанатик жил в своем вымышленном мире и убеждал Яндарбиева, Басаева и других в том, что пришла пора освободить Кавказ от «московского имперского ига», что начинать нужно с Дагестана, где у него огромная поддержка, и стоит только зажечь запал, как восстанет вся республика. В Дагестане действительно были его сторонники. Так жители двух больших сел, Карамахи и Чабанмахи, заявили о том, что не признают светскую государственную власть. Они разогнали свою администрацию, закрыли отделение милиции, отказались платить налоги, ввели запрет на употребление любых спиртных напитков, нарушителю полагалось сорок ударов палкой. На въезде в села появились блокпосты с зеленым исламским флагом и надписи на русском и арабском языках: «Вы въезжаете на территорию, где действуют законы Шариата».

Руководство республики запросило войска. Но ставший премьер-министром С. Степашин, видимо, счел, что в преддверии действий на северной границе с Чечней создавать еще один очаг войны в Дагестане не стоит. И поехал туда, чтобы на месте разобраться. «Симпатичные радикалы», как он их потом назвал, не показались ему опасными. Он пообещал невмешательство в их внутреннюю жизнь и «религиозную автономию» в обмен на отказ от участия в каких-либо противоправных действиях и заявил: «Всемерно будем вам помогать, я вам даю честное слово. С мирным населением никто воевать не будет». Отругав республиканские власти за недалекость, он обязал их к переговорам. В результате председатель Госсовета Дагестана Магомедов и представители джааматов Карамахи и Чабанмахи подписали протокол соглашения между властями Дагестана и органами самоуправления селений Карамахи и Чабанмахи. Органы власти Дагестана обязались не допускать незаконного преследования членов сельских общин и признали за джамаатами Карамахи и Чабанмахи конституци-

онное право проповедовать ислам. Еще руководство Дагестана согласилось не использовать в официальном лексиконе термин «ваххабизм», который почему-то обижал его сторонников.

Но вскоре Б. Кебедова стали усиленно зазывать в Дагестан, гонцы говорили ему о том, что его ждут единоверцы, что вместе с ним они готовы поднять восстание и учредить единое исламское государство на Кавказе. Ему писали: «В Цумада никого нет, да и они своих трогать не будут. Мы в два счета будем в райцентре. Это твой родной район, народ ждет тебя. Поддержка обеспечена!» Поверив в это, он с группой из 100 человек отправился на родину, чтобы «освободить свой народ от векового московского рабства». Но прием оказался слишком горячим: село, в котором они остановились, тут же заблокировали. На призыв «учителя» о помощи уже с отрядом из 400 человек отправились Хаттаб и Басаев. При этом в Чечне ни «учитель», ни Басаев, ни Хаттаб, ни Удугов не делали секрета из своих планов. О них знала «каждая торговка на базаре».

Журналист А. Султанов писал потом, что он ездил в Дагестан, когда там уже начались боевые действия. Ехали среди бела дня, не скрываясь:

«Дорога в Дагестан проходила через горный Чеберлойский район Чечни, граничащий с Дагестаном. Тот, кто хоть раз бывал там, знает, что одного выстрела из самолета или вертолета по одному из обрывов было бы достаточно, чтобы всю дорогу засыпало и позволило бы пресечь поступление продовольствия и каких-то боеприпасов... Басаев сидел за рулем. Он включил на полную громкость арабскую музыку и даже не смотрел на небо, хотя вокруг не было ни одного куста. Над нами летали и самолеты, и вертолеты, но ни одного выстрела, ни одного даже намека, чтобы приблизиться к белой машине, которая едет в зеленом поле, не было. Было такое ощущение, что имелась команда не очень препятствовать боевикам, дать им возможность как можно больше наделать шума».

Со 2 августа отряды Басаева и Хаттаба стали занимать одно дагестанское селение за другим, они вошли в Ботлихский район и готовятся к штурму находящейся там армейской базы, но реакции федеральных властей почему-то нет. Руководство Дагестана обращается к Сергею Степашину, но начальник Генерального штаба А. Квашнин заверяет премьера в том, что *«Магомедов сгущает краски. Ситуация сложная, но не смертельная. Мы сейчас бандитов там вычистим»*. И правда, ведь были учения, все уже отработано, справятся...

Г. Трошев писал:

«Махачкалинский аэропорт без устали принимал один за другим военные борты, Ил-76 с войсками и техникой шли на посадку, как челноки. Сил и техники, казалось, было много больше, чем необходимо для разгрома басаевских отрядов. Это больше походило на развертывание масштабной группировки скорее наступательного свойства. От Махачкалы до Ботлиха лишь один

путь – извилистая горная дорога. Быть может, были и какие-то еще, но факт, что переброска войск с техникой возможна была лишь по той, единственной, дороге. Именно Ботлих в те дни был самой горячей точкой, там как раз и шли самые ожесточенные бои, сбивали вертолеты. Только войска, выгружаясь на бетонку аэропорта, шли совсем в другое место. За все дни моей командировки по той трассе лишь однажды прошла колонна боевой техники, половина которой встала, сломались движки. Но войска все прибывали и прибывали в Махачкалу, уходя к Хасавюрту, откуда так удобно было бы выдвигаться уже собственно в Чечню. Кто знает, может, быстротечная и локальная операция в горах Дагестана и в самом деле не слишком вязалась с планами Генштаба, а то и Кремля? Как-то очень уж все удачно вписалось в последующий событийный ряд».

Непрошенные гости были выдворены из Дагестана, но не армией, а в первую очередь местным населением. «Спасители истинной веры» не нашли ожидаемой поддержки. К ним не только не присоединялись, но даже кормить не хотели. Попытка захватить базу российских войск в Ботлихе не удалась, расчет на то, что отряды дагестанских ваххабитов помогут взять базу в кольцо, не оправдались ввиду отсутствия таких отрядов. Когда Басаев обратился к жителям сел Карамахи и Чабанмахи за поддержкой, они сказали, что у них договор с премьер-министром РФ и они держат нейтралитет. Разозленный Басаев передал, что «русским верить нельзя и что они, как бараны, которых откармливают перед тем как зарезать».

Басаев и Хаттаб «не солоно хлебавши» вернулись в Чечню. Жители «ваххабитских» сел сдержали слово и не приняли участие в боях. Конфликт исчерпан. Чтобы избежать новых набегов, достаточно заблокировать две дороги в Чечню.

Но все слишком быстро закончилось. И где же место подвигам, где повод для масштабного вторжения и победы над республикой Ичкерия?

Тут вернулся в приказном порядке отправленный в отпуск командующий СКВО, генерал-полковник В. Казанцев, ему объяснили, что Басаев ушел, но в Кадарском ущелье еще есть два мятежных, не признающих законную власть, ваххабитских сел. И раздосадованный тем, что с боевиками справились без него, генерал дает команду на подавление оставшихся мятежников. Об их договоренности со Степашиным (тот уже в отставке), о том, что они отказались от участия в мятеже он, скорее всего, не знает. По словам Трошева, он требует «в считанные дни покончить с ваххабитским анклавом». Деревни, в которых живет более 5 тысяч человек, окружают, их долбит артиллерия, на них рушатся бомбы, жители пытаются бежать, но дороги перекрыты...

Из Кадарской зоны в Чечню идет призыв о помощи. Через три дня в Буйнакске, рядом с пятиэтажкой, где проживали семьи военнослужащих 136-й мотострелковой бригады, взрывается грузовик. Обезврежен еще один грузовик, в нем,

кроме взрывчатки, документы И. Зайнутдинова, недавнего жителя Карамахи. А из Чечни на спасение единоверцев идут уже не пять сотен, а две тысячи боевиков. Но, не имея ни артиллерии, ни бронетехники, их командиры понимают, что с армией им не совладать. Их цель – отвлечь войска на себя, чтобы дать возможность окруженным уйти в Чечню. Отряды Хаттаба, Басаева и других входят в Новолакский северо-западный район Дагестана.

Казалось бы, по всем дорогам на границе с Чечней уже должны стоять броневые заслоны, но их почему-то нет, лишь слабые армейские блокпосты и милицйские КПП. Одними из первых гибнут солдаты из 22-й отдельной бригады ВВ МВД. Из записей офицера, служившего там в это время: «Почему на высоте было только тринадцать человек, а не рота или батальон? На что надеялись? Я тогда служил комбатом в Северо-Кавказском округе внутренних войск и не помню, чтобы на эти вопросы кто-нибудь ответил».

Проповеди Кибидова о «неверных»: «Он враг мне, потому что он не мусульманин, и я его враг, потому что я мусульманин», не прошли даром. Оборонявшимся в селе Тухчар и попавшим в плен российским солдатам перерезают горло те «кровники», которые потеряли своих в этом бою.

Бои продолжаются в течение недели, жители Дагестана вместе с военными снова вытесняют пришельцев. Чеченцы вместе с вырвавшимися из Кадарского окружения бойцами местного полевого командира Джаруллы опять уходят без больших потерь.

В СМИ появляется информация о том, что вторжение было затеяно Б. Березовским. Так, в сентябре газета «Le Monde» пишет, что некий анонимный французский предприниматель в телефонном разговоре с журналисткой сказал: *«Борис объявляет о новых терактах. Он сошел с ума. Хватит, я не хочу иметь с ним больше ничего общего. Видимо, он думает, что, создав хаос, он сможет посадить у власти своего сильного человека. А заодно урвать новые куски от российского пирога, включая Каспий. Для этого он и организовал вторжение чеченцев в Дагестан. Басаев получил за это 30 миллионов долларов и оружие»*. Что это был за француз, неизвестно. Березовский не оправдывался и не возмущался, а принадлежащая ему «Независимая газета» указывала на то, что инициаторов вторжения в Дагестан надо искать в Кремле.

В августе газета «Версия» публикует статью «Сговор». Там речь идет о том, что Ш. Басаев на частной яхте «Магия» прибыл с Мальты на виллу торговца оружием Адана Хашоги и там вел тайные переговоры с прилетевшим во Францию главой администрации президента Волошиным... Что из этих сливов имело место, а что являлось дымовой завесой, неизвестно.

Достоверно лишь то, что за провокацию спецслужб и ваххабитскую авантюру заплатили своей жизнью 226 армейских солдат и офицеров, 53 сотрудника органов внутренних дел, 25 ополченцев, 64 погибших и 146 раненых жителей дома,

взорванного в Буйнакске. (Число погибших под бомбами жителей Кадарской зоны неизвестно и уже никого не интересует). Если до лета 1999 года, по данным ВЦИОМ, большинство россиян (61%) считали, что проблемы на Кавказе надо решать только переговорами, если во время первой чеченской войны сочувствие к ее мирным жителям высказывало более половины россиян, то теперь оно сходит на нет.

Чеченцы и чекисты?

Взрывы предшествовали началу еще первой чеченской войны. Когда московское ФСБ готовило свержение Дудаева с помощью оппозиции и приданных ей танкистов, 18 ноября 1994 года в Москве прогремел взрыв на железнодорожном мосту через реку Яуза. При установке зарядов погиб подрывник, капитан А. Щеленков, сотрудник нефтяной фирмы «Ланако», под прикрытием которой орудовала ОПГ Максима Лазовского. В тот же день кто-то позвонил в милицию и сообщил, что у офиса этой фирмы стоит грузовик со взрывчаткой. ФСБ нашло в нем мины МОН-50, заряды к гранатометам, гранаты РГД-5 и Ф-1, упаковки той же взрывчатки «пластит», которая была использована при взрыве на Яузе. Но вместо того, чтобы заняться фирмой, ФСБ заявило, что мост пытались взорвать чеченцы. Объяснить, зачем это могло им понадобиться в то время, когда еще не было войны, они не потрудились. С обыском в офис М. Лазовского милиция пришла только после еще одного взрыва. Он прогремел через четыре дня в автобусе, который пришел на свою конечную остановку у ВДНХ. Бомбу заложил служащий фирмы все той же фирмы «Ланако» подполковник Владимир Воробьев, ему было сказано, что нужен только шум, поэтому он привел детонатор в действие, когда в салон автобуса уже опустел. Контузию получил только водитель.

Угрозыск вспомнил о грузовике с боеприпасами и нагрянул в «Ланако», а там с перепугу их встретили огнем. У банды Лазовского уже был немалый кровавый счет, торгуя чеченской нефтью они убивали своих и чужих конкурентов, а еще работали на ФСБ и службу внешней разведки (СВР), расправляясь с «врагами системы». Для финансового обеспечения этой работы был создан специальный фонд «Вымпел». Президентом фонда был известный в России криминальный «авторитет» С. Кублицкий (уголовная кличка «Воркута»), а вице-президентом формально ушедший из СВР Суслов, который в свою очередь поддерживал контакт с генерал-майором Хохольковым, куратором управления по разработке преступных организаций (УРПО). Задачей этого подразделения ФСБ было определение и «нейтрализация» источников опасности для государства. С этой командой и дружил Лазовский, решая их, а попутно и свои задачи... Поэтому стрельба в офисе сошла ему с рук, а двое охранников получили по году заключения и вышли досрочно.

Московская милиция арестовала Лазовского только в феврале 1996 года, обвинив его в рэке и ряде убийств. Вместе с ним был задержан охранявший его сотрудник столичного ФСБ А. Юмашкин, которого тут же освободили приехавшие за ним коллеги. Дело «Ланако» повел легендарный сыщик, руководитель

12-го отдела МУРа В. Цхая, но он слишком глубоко копал и вдруг резко заболел, а вскоре умер. Лазовского удалось осудить на два года лишь за наркотики, неза-регистрированное оружие и «фальшивые» документы (удостоверение ФАПСИ). Причем адвокат утверждал, что подсудимый получил его на Лубянке, что это были «документы прикрытия». Если так, то что же они прикрывали? После освобождения в феврале 1998 года Лазовский как будто отошел от «дел», купил себе особняк в подмосковном поселке Успенское. Его криминальные связи отслеживались МВД, сотрудники которого часто видели его ставящем свечи в местной церкви. Молился ли он за свою грешную душу или за всех убитых его подручными, неизвестно. (В 2000 году прокуратура снова даст согласие на его арест. Но он не состоится: когда Лазовский выйдет из храма, его прощуют 4 автоматных пули.)

В 1994-1995 годах теракты в столице не сыграли большой роли в общественных настроениях, тогда основной пропагандистский упор был сделан на криминальный беспредел в Чечне, рассказы о воровстве из бюджета и дикие нравы злых чеченцев. Те, кто занимался этим тогда, видят, что для оправдания новой войны недостаточно даже кровавых событий в Дагестане. Опросы общественного мнения показали: обида за поражение и подспудное желание реванша есть, народ мог бы поддержать точечные удары по базам боевиков и установление «санитарного» кордона, но не готов к новому вторжению и началу наземных боевых операций. Тогда В. Путин, отвечая на вопросы журналистов, говорит: ***«Россия защищается: на нас напали... мы должны отбросить все синдромы, в том числе и синдром вины»***. А вечером того же дня НТВ демонстрирует старые кадры казни заложников в Чечне.

И тут как по заказу в столице грохочут новые, уже кровавые теракты: 9 сен-

тября 1999 г. за несколько секунд до полуночи страшный взрыв обрушил центральную часть большого жилого дома на улице Гурьянова в Москве. Под обломками стен и перекрытий погибли 94 человека, 164 человека ранены.

Хотя поиски преступников только начина-

ются, городская пресса сразу указывает на чеченцев. Мэр столицы Ю. Лужков объявляет о тотальной перерегистрации гастарбайтеров и грозит выселить из Москвы всех приезжих. Б. Ельцин еще пытается остановить истерию, в своем обращении к народу он указывает: *«У преступников нет национальности и религии!»* Но 13 сентября, в объявленный им день траура, еще один взрыв, теперь на Каширском шоссе столицы. Его можно было предотвратить, жители вызывали милицию для проверки, кто и что грузит в подвал их дома. Но те не спешили, а когда доехали, у подъезда их встретил человек, представившийся работником местной ремонтно-строительной службы, он заверил милицию, что в подвале работают «свои», и стражи порядка, не спускаясь вниз, не проверив документов, отправились дальше. Ближе к ночи участковый милиционер подошел к подвалу, но там висел замок, и он пошел спать. В 6 утра дом взлетел на воздух. Погибли 119 человек.

А что же спецслужбы? Их официальная версия: дома взрывали террористы, они завозили в заранее арендованные подвалы под видом продуктов и оставляли там в мешках с маркировкой «Черкасский сахарный завод» по 200-300 кг смеси гексогена и тротила с часовыми взрывателями. Через владельцев подвалов сыскари пытаются найти тех, кто их арендовал, и в конечном счете выходят на склады в Люблине, на Борисовских прудах и в гаражном боксе в Капотне. Они находят там три (!!!) тонны взрывчатки. Нашли и заминированный дом, но туда еще не был заложен взрыватель. Казалось бы, есть возможность устроить засады на складах и в доме на Краснодарской улице, но о находках почему-то сразу сообщают прессе... Теперь ждать в засаде некого.

Естественно, возникают вопросы: откуда взрывчатка в таких количествах? Из снарядов и бомб столько не выплавишь и за год. Причем это смеси, чистый гексоген неудобен, потому его и смешивают с тротилом, а намешать такое количество в сельском сарае трудновато, к тому же это займет немало времени. Террористы должны соблюдать конспирацию, а значит нужно скрытно получать и доставлять куда-то тонны компонентов, скрытно и осторожно их смешивать (позднее на закрытом суде арестованные дадут показания о том, что они использовали бетономешалку, хотя это могло привести к взрыву чувствительного гексогена), а потом партиями скрытно везти мешки через пол-России в Москву и размещать на разных складах. Не слишком ли много препятствий, и почему не было ни одного прокола? Есть версия и.о. директора НИИ Росконверсвзрывцентра Н. Чекулина о том, что везти издалека было не надо – гесоген и тротил получали на складах рядом с местами будущих взрывов.

Поиском преступников занимается не только ФСБ, но и МВД, которое действует самостоятельно. Возможно, из-за соперничества, а может быть потому, что источник гексогена могут установить, ФСБ заявляет, что «гексоген» был для отвода глаз, чтобы террористы думали, что следствие идет по ложному следу. Теперь официальная версия спецслужб: взрывалась кустарная смесь сели-

тры с алюминиевой пудрой и малым количеством других бризантных веществ. А значит, искать на армейских складах нечего, искать надо на Кавказе, там удобений много (через месяц-другой найдут и сарай, и селитру со взрывателями...). Но в новую версию верится с трудом. Получается, что заодно ФСБ пустило по ложному следу и МВД?

Когда по команде Лужкова все приезжие с Кавказа идут на перерегистрацию, МВД берет у всех смывы рук на следы, но не селитры, а гескогена. И даже находят такого человека, красильщика кожевенного завода, чеченца Тимура Дахгилькова. Он арестован, о пойманном террористе объявляет министр МВД. На допросах задержанного избивают, чекисты грозят тем, что отдадут его семью на растерзание родственникам погибших, но он все отрицает. Отпустили его только после того, как появляется утверждение о том, что дома взрывали селитрой (следы на его руках оказались следами гексана, растворителя, с которым он работал на заводе).

Были и другие подозреваемые, когда сыскари добрались до съемной квартиры, где некий А. Гочияев хранил детонаторы, его самого там уже не было, но была задержана его подруга, это она искала и оформляла аренду тех подвалов, в которые потом завозилась взрывчатка. Ее доставили на допрос, но уже на следующий день отпустили под подписку о не выезде, и она скрылась.

Дума вернулась из отпусков, на первом заседании выступил глава правительства В. Путин. Говоря о «чеченском следе», он тоже скажет:

«Однако это не повод для призывов истребить чеченский народ. Истреблять надо бандитов и мародеров-агрессоров, у которых нет ни дома, ни племени, ни национальности, ни вероисповедания. И здесь я бы хотел предостеречь от поспешных и огульных обвинений, я бы предостерег от всякого рода репрессий и тем более задержаний или арестов по национальному признаку». Он будет говорить о том, что цель террора – деморализовать власть, расшатать устои государства, посеять панику среди населения: *«Сегодня Чечня, оставаясь частью российской территории, являет собой своего рода международную аномалию, якобы законно существующий огромный террористический лагерь. Если при этом официальные власти Чечни не в состоянии контролировать ситуацию и не прибегают к помощи центра, это значит, что сложившееся положение дел их устраивает (мы так и будем оценивать то положение, в котором сейчас находится руководство Чечни), но нас это не может устроить. Потому считал бы архиважным разработку и реализацию нового, адекватного нынешним условиям, целостного плана военно-политического урегулирования в Чечне».* И предложит *«временное введение режима жесткого карантина по всему периметру административной границы с Чечней... Одновременно с этим мы должны полностью ликвидировать бандформирования на территории Дагестана, применяя при этом самые современные военно-технические средства, которые и приме-*

няются сегодня. Нынешнее руководство Чечни обязано выдать нам оставшихся на их территории бандитов. Выдать их федеральным властям. Либо оно будет вынуждено разбираться со своими преступниками в том самом пространстве, которое и стало главной причиной их наглого паразитирования на теле России. Если этого не произойдет, будем жестоко уничтожать бандитов во всех случаях перехода ими административной границы Чечни.

В его сдержанной речи не было ни слова о готовящихся бомбежках, о том, что на границу с Чечней уже стягиваются танковые колонны, только «санитарный кордон» да еще экономические санкции. Хотя слова о том, что теперь «мы» будем воспринимать руководство Чечни как питающее бандитам, давало возможность развивать эту тему...

Через три дня, 16 сентября, взорвался грузовик у жилого дома под Ростовом-на-Дону, в Волгодонске. Ранено 89, погибли 17 человек. И там действительно будет использована селитра, алюминиевая пудра и тротил. Но о взрыве члены совета Госдумы слышали раньше, чем он произошел. На следующий день, 17 числа, мы соберемся на очередное заседание, и тут с неожиданным заявлением выступит В. Жириновский. Обращаясь к председателю, Г. Селезневу, он скажет: **«Вспомните, Геннадий Николаевич, вы нам в понедельник [13 сентября, прошло заседание Совета Думы] сказали, что дом в Волгодонске взорван, за три дня до взрыва. Это же можно как провокацию расценивать: если Государственная Дума знает, что дом уже взорван якобы в понедельник, а его взрывают в четверг?»** Селезнев был смущен, никаких объяснений мы не услышим, а когда лидер ЛДПР устроит скандал и начнет оскорблять депутатов, которые протестовали против отправки на войну необученных солдат-первогодок, Селезнев воспользуется этим, чтобы лишить Жириновского слова на месяц. (Для того, чтобы этому казусу нашлось объяснение, понадобится тоже месяц. Окажется, что теракту 16 сентября в Волгодонске предшествовал другой, но там дело было в «криминальных разборках».)

Криминальные взрывы тех лет действительно не редкость. По данным МВД, их регистрировали в России до десятка в день. Где-то взорвали автомашину, а там кинули гранату в окно или заложили взрывчатку в почтовый ящик человека, который кому-то мешал... Читатели газет уже привыкли к тому, что могут случайно попасть под «раздачу», и утешались мыслью – авось пронесет! Но теперь же, когда рушатся дома, когда, засыпая ты не знаешь, что тебя разбудит, будильник или взрыв, жителей крупных городов накрывает массовый страх. Люди уже не слышат критических голосов, которые ставят под сомнение только «чеченский след». Об этом говорят те, кто не питает иллюзий в отношении власти, те, кто способен анализировать ситуацию в целом.

Главный редактор «Независимой газеты» В. Третьяков пишет о ее истоках:

«Совершенно очевидно, что чеченцев в Дагестан заманили, дали им вляпаться в это дело, чтобы получить законный повод для восстановления

федеральной власти в республике и начала активной фазы борьбы против собравшихся в Чечне террористов. Явно это была операция российских спецслужб (не путать ее со взрывами домов), причем политически санкционированная на самом верху».

Генерал Лебедь, на вопросы французской газеты «Фигаро»:

«Желая отомстить, любой из чеченских командиров стал бы взрывать командиров, нанёс бы удар по силам МВД или ФСБ, или по армейским складам, или по ядерным центрам. Они не ополчились бы против простых, невинных людей... Я полагаю, что есть соглашение с Басаевым, тем более, что Басаев – бывший информатор КГБ». Корреспондент: «Вы хотите сказать, что за взрывами стоит действующая власть? – В этом я почти убежден».

Даже бывший руководитель СВР Евгений Примаков, отвечая на вопросы журналистов, говорил тогда, что причиной сложившейся ситуации является связь людей из правоохранительных органов с преступным миром.

Но их голоса не слышны большинству, а те, кто их слышит, думают: да, связи с криминалом, да, наверное, радикалов заманили в Дагестан, чтобы потом использовать их агрессию как повод к реваншу, но взрывать своих?

Как и другие, я не мог, не хотел допустить, что рвущиеся дома – элемент борьбы за власть. Но, зная, что ни официальным источникам, ни заказной прессе доверять, увы, не приходится, я задавался вопросом: кому же нужны эти страшные и бессмысленные преступления?

Чеченцы? Руководство Чечни осуждает теракты, население истощено не только физически, но и морально. Для них главное выжить, их старейшины говорят: надо восстановить поредевшие семейные кланы, каждая семья должна вырастить не меньше 5 детей. А значит, им не до войны.

При этом в потерявшем до трети своего населения чеченском обществе есть немало тех, кто потерял все, кто остался один. Я помню человека, которого мы подвезли, когда уезжали из Бамута. Там он похоронил 16 близких родственников. Все они погибли под ударами реактивной артиллерии. Он остался один. Этот человек не собирался мстить, пока мы ехали, он читал мне свои стихи.

Но были – не могли не быть – и другие. Это их смятенные души подбирали и пестовали исламские радикалы. Убедить кого-то из них в том, что русские – это нелюди, которые убивают женщин и детей, что договариваться с ними бесполезно – они пообещают мир, как это было в Буденновске, а потом будут воевать, пока силой их не заставят уйти, нетрудно. Как и набрать тех, повезет грузовик со взрывчаткой туда, где погрязли во грехе, где не хотят знать, что такое «истинный свет» и не держали на руках своих убитых детей... Но те радикалы и фанатики, которые будут потом вербовать смертников и объявлять себя инициаторами терактов, этого еще не делают. По свидетельству журналистов, услышав о взрывах в Москве, они теряются и недоумевают.

Но если все же это по их указке взорваны несколько домов, дальше что? Надо

быть идиотом, чтобы рассчитывать на то, что в ответ 140 миллионов человек примут твою веру, а государство, которое собиралось напасть, капитулирует. Во властных кругах Ичкерии должны быть те, кто понимает, ответом будет новая война. И что, некому остановить безумцев, которые подставляют свой народ? Я ломаю голову над загадкой чеченского суицида, но тут появляется еще одна загадка.

22 сентября поздно вечером по улице Новоселов в Рязани шел к себе домой водитель автобуса Алексей Картофельников. И увидел, как три человека в спортивных костюмах, среди них одна женщина, заносят в подвал его дома какие-то мешки, а потом проезжают мимо. Он провожает их взглядом и видит, что в номерном знаке автомашины регион заклеен бумагой, а поверх нее нарисован какой-то незнакомый ему регион. Встревоженный, он идет домой и после долгих попыток дозванивается до дежурного в РУВД. Приехавшая милиция спускается в подвал и находит там три мешка с неизвестным содержимым, на вспоротом верхнем лежит какое-то электроустройство с проводами. Начинается срочная эвакуация жителей, которые, не успевая толком даже одеться, оказываются на холодной улице. Причем в доме остаются лежачие больные, которых некому и некогда эвакуировать. Приезжают взрывотехники, они отключают взрыватель, который установлен на 5.30 утра и выносят мешки из подвала, тут же они проводят экспертизу, газоанализатор показывает, что смесь выделяет пары гексогена. Ни у кого из местного начальства нет сомнений – предотвращен теракт. По тревоге поднимается вся городская милиция и местное ФСБ. Тогда в городах были узлы междугородней связи, только через них рядовой человек мог заказать соединение с другими городами и странами. Дежурившие там телефонистки при желании могли слышать, что говорят абоненты, они уже знали о том, что едва не случилось прошедшей ночью и, то ли по собственной инициативе, то ли по указанию, прислушивались к разговорам. Так, одна из них услышала, как человек звонил в Москву и говорил кому то: «В городе перехват. На дорогах, на выезде проверки». А ему отвечали: «Выбирайтесь по-одному!». Об этом она сообщила местным комитетчикам.

О том, что произошло дальше, они будут молчать. Единственное, чего добились от них журналисты, это слов о том, они свою работу выполнили. Похоже, что задержать кого-то, скорее всего двоих, им все же удалось (третьего в съемной квартире уже не оказалось, автомобиль, на котором они ездили, нашелся под Москвой и оказался угнанным). Когда местные фээсбешники стали пробивать, кому был адресован тот подозрительный звонок, их ждал шок: номер числился за московской АТС ФСБ, а тут еще и задержанные предъявили им удостоверения родной «конторы»! Поскольку в дальнейшем об этих людях никакой информации нет, их, видимо, просто отпустили... Городская милиция ничего об этом не знала и отрапортовала своему министру об удачном пресечении теракта.

На коллегии силовиков в Москве глава МВД М. Рушайло, говоря о борьбе

министерства с террором, заявил: *«Работа ведется. Есть положительные сдвиги. Об этом свидетельствует предотвращение взрыва жилого дома в Рязани»*. Но уже через полчаса во время перерыва в заседании глава ФСБ Н. Патрушев заявил журналистам: *«Это не был взрыв, во-первых, и во-вторых, не предотвращен, а, думаю, не совсем четко сработали. Это было учение, там был сахар»*. Пресс-секретарь М. Рушайло, услышав об этом, побежал к шефу, который, узнав о словах Патрушева, был в бешенстве. При этом вечером 23 сентября на телеэкране зрители видят В. Путина, который говорит что-то совсем странное: *«Я не думаю, что это какой-то прокол. Если эти мешки, в которых оказалась взрывчатка, были замечены – это значит, плюс есть в том, что население реагирует правильно на события»*, после чего поблагодарил рязанцев за бдительность.

Тогда в чем же прокол? И чей прокол? Начальники путаются и противоречат друг другу. Рушайло говорит о теракте, в новостях сообщают о том, что найдены следы гексогена, Путин говорит о том, что в мешках была взрывчатка, а директор ФСБ называет это то «учениями», то «проверкой бдительности» и утверждает, что в мешках был сахар. Затем появится официальная версия о том, что наличие гексогена, который был обнаружен рязанскими взрывотехниками, это ошибка прибора, на котором остались следы от предыдущих анализов. Но остаточных следов на приборе быть не могло, потому что для работы с гексогеном он ранее не использовался. Журналисты выясняют: об «учениях» не был предупрежден никто из городского руководства, о них не знали ни местные чекисты, ни МВД, что являлось грубым нарушением порядка проведения любых, а тем более городских учений. Пресса продолжала копать, но рязанские спецслужбы и городское руководство замолкают и, похоже, что на них оказывается давление. Но вопросы остаются: если бы это были «учения», то почему их надо было проводить на угнанной машине? Кто-то из журналистов писал потом, что посланные в Рязань сотрудники ФСБ купили сахар на местном базаре, а взрыватель был муляжом из часов и купленного в охотничьем магазине одного патрона. (Хотел бы я посмотреть на тот магазин, который торгует одиночными патронами.) Лубянские «террористы», по их словам, старались обратить на себя внимание и пробудить таким образом бдительность граждан. Но если так, то почему, когда они этого добились, не пошли к своим рязанским коллегам, не предъявили документы и не сказали: это мы выполняли проверку согласно приказу своего начальства? Почему вместо этого прятались и получили приказ скрытно покинуть город?

Можно предположить, что Патрушев хотел подставить Рушайло, что сделавшие закладку должны были потом сами или через местных коллег ее и обнаружить. Тогда понятно, что имел в виду директор ФСБ, говоря «не совсем четко сработали». Но если это было так, лучшим выходом было бы подойти к министру МВД и сказать: «Владимир Борисович, у нас тут неувязочка, в Рязани-то проверка

была наша, учения, ты уж не сердчай, что не предупредили». Рушайло не стал бы хвастать сомнительным успехом и проблему можно было тихо увести в тень.

Но нет, молчит Патрушев и заявляет об «учениях», только когда ситуация выходит на свет. Позже отставной сотрудник ФСБ и уже эмигрант А. Литвиненко будет утверждать, что главному чекисту пришлось открыть рот после того, как ему позвонили и сообщили о захвате его «террористов» в Рязани. О странностях и нестыковках пишет вся пресса. На лицо как минимум поправление закона, в «лучшем случае» запутавшиеся в своих интригах спецслужбы использовали в качестве марионеток ни в чем не повинных людей, многие из жителей злополучного дома еще долго будут лечиться от стресса. Но слишком многое говорит о том, что подрыв готовился на самом деле, что он должен был оправдать начало бомбардировок Грозного. Они действительно начались через несколько часов после времени, установленного на взрывателе в подвале рязанского дома. В любой цивилизованной стране парламент начал бы независимое расследование. Но когда мы с Сергеем Юшенковым предлагаем создать Комиссию, провластное большинство депутатов уклоняется. А Б. Ельцин заявляет:

«Путин обратился ко мне с просьбой предоставить ему абсолютные полномочия для руководства военной операцией, для координации действий всех силовых структур. Я не колеблясь поддержал его». (Все не так просто, через три года С. Юшенков, выступая в институте Дж. Кеннана, расскажет о том, что на Ельцина было оказано тогда серьезное давление со стороны губернаторов, которые потребовали передать Путину весь силовой блок.) 23 сентября, на следующий день после прокола в Рязани, вылетая в Астану, В. Путин в аэропорту «Внуково» проводит экстренное совещание с руководством Минобороны, МВД, МЧС. А в Астане говорит то, что по сердцу обозленному и напуганному обывателю: **«Мы будем преследовать их всюду, если, извините, в туалете поймает, то и в сортире их замочим!»** С этого блатняка и начался стремительный рост его популярности. Российская авиация уже бомбит, но не учебные базы террористов, бомбы стирают руины Грозного вместе с остатками его жителей.

Третий лишний

На Кавказе снова начинается война, а за кулисами большого кремлевского театра вокруг смертельно уставшего «царя Бориса» клубилась его дворня: чиновники собирали дань, вояки примерялись к наградам, а гэбня готовила дорогу наследнику. Но борьба продолжалась и на авансцене. То, каким путем пойдет страна, еще зависело от результатов выборов в Думу, а их результат не был предreshен. Коммунисты, социал-демократы – яблочники и жириновцы активизировались уже давно, они не претендовали на ведущие роли, но хотели побороться за влияние. Все партии, имевшие фракции в парламенте, были намерены использовать свои ресурсы и привилегии в предстоящей борьбе. Прогнозируемым фаворитом гонки была номенклатурная фракция «Наш дом – Россия» (НДР). После лояльного к Ельцину В. Черномырдина ее возглавили мэр Москвы Ю. Лужков и отставной премьер Е. Примаков. Последний метил в президенты, а оба они вполне могли столкнуться с коммунистами. НДР с вступившими в нее чиновничеством и рядом губернаторов располагала мощными административными и финансовыми ресурсами и могла существенно влиять на результат. Этому способствовало и то, что после дефолта, освободившись от долгов, экономика России стала восстанавливаться. Это стало заметно еще при отставном премьере и могло восприниматься как его заслуга. При успехе НДР на думских выборах Е. Примаков мог составить конкуренцию уже на президентских... Но тут вмешался Борис Березовский. Целеустремленность и неумная энергия позволили ему, объехав региональных баронов и местную элиту, за пару недель сколотить еще один избирательный блок с названием «Медведь». Его возглавили глава МЧС Шойгу, чемпион по борьбе Карелин, известный московский сыщик Гуров. Финансировал их кампанию Березовский. Времени для раскрутки было мало, и на самом деле блок должен был стать спойлером, который просто оттянет часть голосов от НДР. Но в конце осени В. Путин обозначил свою поддержку «медведям», которые уже переименовались в «Единство», и тут же их рейтинг пошел в рост.

Для «старых демократов» что НДР, что «Единство» – всего лишь разные чиновничьи команды. По своей консервативной природе они не были способны к прорывным инициативам, а примаровцы и вовсе тянули назад.

Чтобы избежать их главенства, надо было остановить укрепление новой номенклатуры.

А для этого в Думе третьего созыва должна сформироваться сильная фракция демократов. То, что с этим может справиться наш «Демвыбор», вызывало со-

мнения: слишком тяжелым грузом лежала на нас «вина» за тяготы переходного периода. Неудача ДВР на предыдущих думских, а затем и питерских выборах, показала необходимость осмыслить причину. Одной из важнейших причин был невострєбованный посыл, с которым мы шли тогда к избирателю. Левая оппозиция не унималась, и наши пропагандисты продолжали критику коммунистического прошлого, мы все еще опасались красного реванша, но избиратель устал и от Ельцина, и от ссылок на вину ушедшего режима. Он хотел благополучия и справедливости здесь и сейчас.

Еще было нечеткое адресование, кто наш избиратель? В Политсовете можно было услышать слова о том, что ДВР должна ориентироваться на интересы крупного капитала, что только он способен понять и поддержать курс на открытое общество и далеко идущие стратегические планы. В этом была доля истины: те, что помельче, были легкой добычей националистов, имперцев и демагогов. Но именно поэтому Е. Гайдар считал необходимым бороться за средний класс, и в наших программных печатных материалах были слова о его поддержке и защите, правда, за ними не было конкретики. Мелкому собственнику, который озабочен выживанием, было не до общих слов, заручиться его поддержкой, не обманывая обещаниями, не спекулируя на комплексах, будет не просто... Но и мелкий, и средний собственник составляли лишь малую часть населения. Большинство — это люди наемного труда, зачастую без работы или без достойной платы за нее. И они по-прежнему ждут чуда, ждут того, кто их осчастливит.

Идеи о том, что демократам необходима консолидация, обновление своих структур и привлечение к политике молодого поколения, уже звучали. Через восемь дней после смерти Г. Старовойтовой в газете «Известия» было опубликовано заявление:

«В ответ на наглое вмешательство бандитов в политическую жизнь, в ответ на попытки повернуть страну вспять к диктату и распределению, отвечая на звучащие по всей стране требования объединения демократических сил, мы, нижеподписавшиеся, начинаем работу по созданию нового общественно-политического объединения правоцентристской ориентации» ...

Заявление подписали председатель ДВР Егор Гайдар, экс-премьер С. Кириенко, Борис Немцов, сопредседатель движения «Демократическая Россия» Лев Пономарёв, Анатолий Чубайс, Александр Яковлев, но там не было подписи Григория Явлинского. На тот момент в стране была зарегистрирована чуть ли не сотня политических партий и движений. Но большинство из них было малочисленно и представляло лишь своих вождей. В парламенте демократы по-прежнему были в меньшинстве. Они были представлены только «ЯБЛоком» и «Выбором России» и находились во враждебном окружении. Угроза номенклатурного красно-коричневого реванша не ушла. В этих условиях был необходим единый избирательный блок, а споры о правоцентристских и левоцентристских путях дальнейшего развития стоило отложить... Но партия «ЯБЛоко» (как и 1995 году)

на союз с другими демократами не пошла. И у лидеров ДР не было другого выхода, как рискнуть на союз с теми, кто недавно пришел в политику.

В ноябре Сергей Кириенко заявил о планах по созданию либерально-консервативного движения «Новая сила», цель которого – сохранение демократического режима и развитие рыночной экономики. Движение намерено объединить не лидеров, а людей, *«тех 30-40 процентов, которые еще не трансформировали свою экономическую самостоятельность в самостоятельность политическую»*. За этими внешними словами были размытые моральные принципы и прагматические, карьерные цели, ради которых он и пришедшие с ним люди скоро откажутся от «политической самостоятельности».

Тогда же Борис Немцов опубликовал декларацию движения «Россия молодая», и там было немало правильных слов, за которыми не было надежных, проверенных бойцов. Сам же Борис, окунувшись в жизнь столичного бомонда, быстро освоился в этой «элитной» среде.

В конце января 1999 года, после очередного заседания нашего политсовета, Егор Гайдар попросил меня остаться и предложил подумать о том, что после гибели Г. Старовойтовой партия «Демократическая Россия» осталась без лидера, о том, что я был дружен с Галиной Васильевной и мог бы продолжить ее дело, не дав ему попасть в руки ненадежных, случайных людей. Тем более, что в Питере есть ее вторая по численности организация, а я известен и уважаем в городе. Все было так, но я не лидер по своей натуре, мне легче действовать в команде на равных с другими или в одиночку. А командовать людьми мне тяжело, и решиться на такой шаг непросто. То, что идет работа по объединению, я знал. Незадолго до гибели Г. Старовойтова подписала самое первое заявление о создании либеральной коалиции. Но повседневная депутатская работа занимала меня больше. Прием людей с их проблемами и обидами, переписка с чиновниками по жалобам (мой помощник Александр Ярмола говорил мне, что объем нашей почты была равен служебной почте всех 49 городских питерских депутатов). Хождение по тюрьмам, хосписам и домам престарелых, горы бумаг на рабочем столе, командировки занимали все мое время. А еще я вместе с другими представлял партию в Думе и как член политсовета участвовал в обсуждениях и голосованиях по стратегическим решениям. Я понимал Гайдара: если на предстоящих думских выборах не только сектанты из «ЯБЛока», но и партия «ДемРоссия» будет отдельным игроком, а ее кандидаты станут соперничать с другими демократами за одних и тех же малочисленных сторонников, то результат будет плачевный. Не имея средств на кампанию, она ее проиграет, а намечающаяся коалиция не досчитается потенциальных сторонников, чьи голоса не только пропадут, но еще и увеличат «вес» голосов наших соперников.

Я стал расспрашивать Егора Тимуровича о планах будущего объединения. Оказалось, что еще 10 декабря 1998 года в «Президент-Отеле» уже состоялось

закрытое собрание. Организатором мероприятия выступил ДВР, вел его Борис Немцов. Кроме него и Гайдара, участвовали Сергей Кириенко, Анатолий Чубайс, Борис Федоров, Яков Уринсон, Евгений Ясин, Петр Мостовой, Андрей Нечаев, Александр Яковлев. Результат – принципиальное согласие на единый избирательный блок под названием «Правое дело». По данным проведенного сразу опроса, такое правоцентристское объединение, еще только объявившись, набирало до 5% своей поддержки (но уже через пару месяцев она почему-то пошла вниз). То, что члены ДВР были поставлены перед фактом, покорило, но утешала очевидная необходимость сделанного шага.

С. Кириенко начал свою кампанию в прессе. Не смущаясь своей невольной причастности к дефолту и недавней отставки, он дал оценку происходящему и назвал те законодательные инициативы, которые он считал первостепенными:

«МВФ совершил серьезную ошибку. Хотя я не считаю правильным валить все на того, кто дает деньги, но ошибка была принципиальная. Нам давали деньги, все время требуя только одного – увеличьте доходы. Но как их можно увеличить? Либо влезанием в экономику государства, созданием монополий, либо увеличением налогов. Все. А выход надо искать с другой стороны: у нас не доходы маленькие, у нас расходы большие. Высокий уровень государственных расходов может позволить себе либо очень богатое общество, либо тоталитарный режим. А у нас доля госрасходов от ВВП соизмерима с той, которую позволяют себе США!»

Говорит он и о своих планах на Думу:

«Анализ настроения традиционного электората говорит о том, что на выборах мы получим опять левую Думу. Но нынешний электорат и общество – это разные вещи. Молодежь – больше 28% общества, а голосуют из этой категории процента два-три. Образованные люди – почти такой же процент голосующих. Вот кого мы должны вытаскивать на выборы.

Я предлагаю такое определение: «самостоятельное сословие». Именно не средний класс, а самостоятельные люди, которые не рассчитывают, что их государство прокормит, а рассчитывают только на себя. Таких уже много... Выборы в Думу считаю сейчас наиболее важным событием, к которому мы готовимся. Потому что, если удастся сформировать нормальную Думу, это позволит начать перемены в самой структуре власти, чтобы выборы не превратились в перемены типа «Иванов вместо Петрова», а позволили действительно изменить нечто важное в стране, в политике и экономике.

Журналист из «Коммерсанта», с которым он разговаривает, очарован его деловитостью, но при этом замечает:

«Как будто мы с этим милым и интеллигентным юношей живем в разных странах. Он говорит о каких-то просчитанных решениях, о привлечении инвесторов, о большой и настоящей экономической политике и политике во-

обще. А вокруг идет жизнь, лучше всего описывающаяся в бандитских терминах – наезд, разборка, откат, опять наезд, этого сдали, этого прикупили».

Тогда же он проводит в Нижнем Новгороде съезд своего «движения». Съезд совпал с проведением в городе ярмарки и был стилизован: швейцарами в гардеробе выступали маски Зюганова, Лебеда, Лужкова и Явлинского, под конец спалили два чучела, на одном из которых было написано «Трусость», а на втором «Вранье» ... Команда Кириенко первой всерьез занялась интернетом и вовлечением в свою орбиту той молодежи, которая его осваивала. Вскоре С. Кириенко выступит за создание широкого некоммунистического блока с участием губернаторов.

Ну а как быть мне с партией «ДемРоссия»? Еще несколько лет назад она была самой большой демократической силой. И «Голос России» Б. Титова, и «Новая сила» – еще только виртуальные проекты, за ними мало людей. По степени организованности «ДемРоссию» опережал лишь «Выбор России». Но времена единства всех, кто был против, прошли. В стране, кроме Москвы и Питера, еще как-то теплится с десятков ее региональных партийных организаций, в них осталось быть может всего по десятку-другому людей. Многие разошлись по другим партиям, но есть и те, кто остался, есть и официально зарегистрированная, имеющее право на участие в выборах, структура. Если руководство осиротевшей организацией достанется какому-то себялюбцу, он может, как это уже делала И. Хакамада, использовать партийный лейбл как трамплин для своего личного избрания, махнув рукой на остальных.

Включение «ДемРоссии» в состав коалиции – это ее дополнительный ресурс и гарантия от помех. Но существование федеральной организации хотя бы просто «на плаву» потребует таких финансов, которых у меня нет... Я сказал Тимурычу, что понимаю необходимость политического союза, что готов убеждать в этом членов ДР. Но прежде, чем я стану говорить там об этом, мне нужно знать, может ли эта партия рассчитывать на полноправное участие в коалиции и финансовую поддержку, которая сохранит ее дееспособность хотя бы до выборов? Потом, после прохождения в Думу общего списка кандидатов, можно будет говорить об условиях слияния.

Мне было обещано равноправие и помощь. С тем я и отправился в Питер, а там состоялась региональная конференция «ДемРоссии», в которой приняли участие представители СПб, Ленинградской, Архангельской, Новгородской, Мурманской, Псковской областей и Республики Карелии. Кроме меня на руководящий пост предлагались кандидатура А. Собчака, но он снялся в мою пользу. Затем, уже в Москве, всероссийская конференция партии «Демократическая Россия» избрала меня председателем партии и поддержала идею широкой коалиции демократов.

13 апреля 1999 в Колонном зале Дома Союзов состоялось собрание актива организаций – коллективных членов коалиции «Правое дело», в котором приняло

участие около 1 400 человек. Открыл собрание Б. Немцов, который представил основные политические партии и объединения, намеренные образовать коалицию: ДВР (Е. Гайдар, А. Чубайс), движение «Вперед, Россия!» (Б. Федоров), движение «Россия молодая» (Б. Немцов), партия «Демократическая Россия» (Юлий Рыбаков), «Крестьянская партия России» (Юрий Черниченко), Российская партия социальной демократии (А. Яковлев), движение «Демократическая Россия» (Л. Пономарёв), Партия экономической свободы (К. Боровой), Республиканская партия Российской Федерации (Валерий Гулимов), Свободная демократическая партия России (Марина Салье), Антикоммунистический фронт (В. Новодворская), Союз «Молодые республиканцы», Конгресс интеллигенции (Сергей Филатов). И отдельно добавил, что после долгих переговоров к нам пришло еще одно «огромное приобретение» – Ирина Хакамада с ее «Общим делом». «Огромное приобретение» закончило Университет дружбы народов, побывало в КПСС, хорошо знало тусовку «золотой» столичной молодежи, начинало политическую карьеру под опекой К. Борового, затем помахало ручкой своему учителю и пошло делать карьеру, успешно меняя новых патронов, которые потом не раз пеняли К. Боровому за такую ученицу.

Б. Немцов предоставил слово одному из ведущих идеологов времен перестройки, Александру Яковлеву. После приветствия собравшимся членам «демократического цеха», после слов о долгожданной встрече тех, кто исповедует единственно правильную идеологию – свободу человека, он сказал:

«Сегодня многие аналитики, социологи и политики достаточно дружны в том, что демократия пошла на убыль, что ее влияние увядает, а рейтинг испаряется. Когда об этом говорят «вечно вчерашние» или пророки счастья завтрашнего дня, меня это мало волнует, ибо трактуется все той же логикой политической борьбы и привычной демагогией бездарно потерявших власть. Но когда мы имеем дело с людьми, которые недавно восторгались свободой, а теперь бросают на поле только что вспаханной демократии зерна сомнений, разочарований и предательства, это уже другой вопрос, в том числе и наши промахи. Конечно, если бороздить по поверхности жизни, можно найти немало наших неудач, уронов, череду оценок и переоценок, идущих иногда от неопытности, а иногда от самоуверенности. Я вижу и свои ошибки, когда еще только появились просветы свободной жизни. Многое можно было сделать точнее и эффективнее. И едва ли кто из демократов будет сегодня всерьез отвечать, что все наши действия отвечали времени и обстановке. Но очень часто забывают, что критика действий демократов стала возможна только в условиях, созданных демократами. Об этом как-то забывают сегодня. Свобода слова, свободные выборы, свободная печать, свобода предпринимательства, радикальные изменения в сфере собственности, прекращение холодной войны. Все это еще можно, конечно, изуродовать, но задуматься невозможно. Мы сделали все, что могли и даже больше, чем могли.

В России запущен целый ряд демократических процедур, которые неизбежно ведут к глубоким психологическим изменениям, идет формирование нового сознания, которое излечивает всех нас от болезней тиранического режима. Все это завоевано демократическими силами и только ими, поэтому, критикуя отдельных деятелей демократии, антиреформаторская оппозиция имеет ввиду не только их самих, а прежде всего конкретные сдвиги в истории России, сдвиги невообразимых масштабов и глубины. Все это так, однако я убежден – наступил новый этап в демократическом движении. У нас есть основания для гордости, но есть немало оснований и для тревог. На мой взгляд, мы не должны поддаваться уговорам о согласии и примирении, пока не исчезнет с политической арены России главная причина политического раскола – большевизм как насильственная форма власти».

Среди тех, кто ему аплодировал, были и те, кто пожимал плечами – к чему эти нападки на коммунистов? Не для того ведь собрались...

А дело было в том, что в президиуме не хватало одного человека, С. Кириенко. Он и его команда сидели в зале и не спешили демонстрировать свою причастность к блоку. Прагматик покруче А. Чубайса, он уже заручился местом в перовой тройке нашего избирательного списка, но еще прикидывал, с кем ему выгоднее.

Затем Б. Немцов и другие говорили о том, что мы позволили присвоить слово «патриотизм» тем, кто губил свое отечество, что коммунисты всегда вместе, фашисты вместе, националисты вместе и лишь демократы из-за мелочных разногласий врозь.

О важности нашего объединения говорил и я:

«Товарищи! Да, есть такое хорошее слово – товарищи! Его залапали кровавыми руками коммунисты, и это слово сегодня не в чести. И тем не менее, сегодня, здесь, мы – товарищи в одном общем, правом деле. (Аплодисменты) Что объединяет нас здесь, что заставляет нас, свободолюбивых, а зачастую и себялюбивых, демократов объединяться в один союз? Те шишки, которые мы набили себе за последние годы, защищая демократию врозь? Да, наступать на одни и те же грабли не хочется! Но кроме здравого расчета по увеличению шансов для каждого в общем заезде, есть и другие весомые мотивы. Мы в ответе за тех, кого мы приручили, сказал когда-то Экзюпери, мы тем более в ответе за народ, который мы повели к свободе. Наши противники говорят: если бы не Гайдар и Чубайс, если бы не Федоров и Немцов, все было бы по-другому. И надо признать, доля истины в этом есть; если бы не те, кто, опираясь на нашу поддержку, спасли Россию в начале 90-х, все было бы по-другому. Тогда угроза голода и гражданской войны отступила, но это было лишь первым шагом на нашем пути из неволи. Нам предстоит большая дорога, и коли мы, демократы, вступили на нее, это значит, что мы взяли на себя всю полноту ответственности за судьбу Отечества на долгие годы. Се-

годня верховная власть, президент и его окружение живут, под собою не чуя страны, а у нее уже кончается терпение. Нельзя допустить, чтобы она снова стала полигоном социальных экспериментов, поэтому мы должны найти инструменты, чтобы справиться с монополизмом и коррупцией, нужно дать зеленый свет среднему и малому предпринимательству...» Я сказал еще немало слов и о необходимости независимого суда, и о том, что права человека попираются повсюду, а закончил, как и другие, призывом к сплочению...

Пожалуй, самым четким было выступление Е. Гайдара:

«Дорогие друзья! Многие пункты нашей объединительной платформы общие для многих партий и движений центристской и демократической ориентации. И когда я думаю, чем отличается “Правое дело” от этих организаций, я думаю, что отличий два. Первое из них. Только “Правое дело” способно завтра при необходимости сформировать сильное дееспособное правительство, которое может эту программу выполнять. (Аплодисменты). Второе. Достаточно несложно написать набор красивых тезисов. Только у “Правого дела” под этими тезисами подложена большая законодательная программа, начинающаяся с программы налоговых реформ, нового налогового кодекса, нового кодекса законов о труде, пакета социальных законов, программа реформы межбюджетных отношений, нового земельного кодекса, законов, которые позволяют делать процедуру расходования государственных средств прозрачными, поправок к Гражданскому Кодексу и закону об акционерных обществах, закрепляющих права собственника».

Далее он вступился за Степашина, который недавно сменил Е. Примакова на посту премьера. Став потенциальным преемником президентского поста, Степашин сразу попал под огонь заказной критики, и президент склонялся к его замене. (Путин уже возглавил ФСБ и регулярно ходил к президенту с докладами.)

Егор Гайдар сказал, что при левокоммунистическом правительстве Примакова мы стояли перед угрозой ползучего «красного реванша», он приветствовал смену правительства, но отметил, что так же, как это было в 1991, 1993, 1996 годах, Борис Николаевич *«умеет выигрывать в сложных кризисных ситуациях, но он восхитительно умеет проигрывать сразу после того, как кризис совершится»*. Е. Гайдар указал на то, что большинство присутствующих поддерживали президента в кризисных ситуациях, что мы *«поддерживали его потому, что это первый в истории России свободно избранный президент, потому что с ним, хорош он или плох, связана попытка прорыва России к свободе и демократии. За это время у Ельцина Бориса Николаевича было время убедиться в том, как легко продаются и продают лакеи, и было время убедиться в том, что ничто не заменит принципиальную поддержку, которая базируется на убеждениях, а не на личной преданности. Так вот, сегодня я убежден, что те, кто собрался здесь, и те, кто стоял за нами, та база людей, которая поддерживали Ельцина как демократически избран-*

ного президента, имеет право и серьезные основания обратиться к своему президенту. (Аплодисменты).

Уважаемый Борис Николаевич! Нельзя делать из правительства фарс. Это недопустимо. Правительство Степашина – это не наше правительство, это не правительство молодых реформаторов, это не наш кабинет. Мы абсолютно не убеждены, что он будет вести правильную, идеальную политику, но вы сами назначили Степашина. Вы внесли его в Думу, его кандидатуру, она получила поддержку. Нельзя завоевать доверие демократии в России, если всем будет понятно, что правительство ничем не управляется, что за его спиной стоят кукловоды и манипулируют правительством, как марионеткой. (Аплодисменты). То, что происходит в последние дни, это дискредитирует российскую демократию в мире, и, что особенно опасно, это дискредитирует российскую демократию в России. Она слишком дорого нам далась, мы слишком дорого за нее заплатили для того, чтобы вот так вот легко разбрасываться доверием к демократическим институтам. Уважаемый Борис Николаевич! Я искренне надеюсь на то, что вы в данном случае прислушаетесь к нашему мнению. (Аплодисменты). А дело наше правое, мы все равно победим!»

Собрание закончилось одобрением общих принципов объединительной платформы «Правого дела», аплодисментами и российским гимном (тогда еще на музыку Глинки). На вопросы журналистов о «платформе» Е. Гайдар сказал, что это еще не программа, а своего рода «лакмусовая бумажка» для определения, кто разделяет наши базовые принципы, а кто нет.

Но это была информация для внешнего пользования, на самом деле в только формировавшемся союзе шли не идеологические споры, а борьба за первые места. Еще до этой конференции в московском Народном доме у Старой площади руководители организаций встретились в офисе Филатова. Решался вопрос, кто войдет в федеральную часть избирательного списка и кто его возглавит. Егор Гайдар хотел вернуться к научной работе в своем институте и сразу отказался, и поначалу в первой тройке должны были оказаться Б. Немцов, С. Кириенко и Б. Федоров. Но в числе собравшихся оказалась И. Хакамада, и это вызвало вопросы, поскольку было известно, что она еще недавно вела переговоры о союзе с НДР, с Лужковым и Примаковым. Марина Салье и К. Боровой высказали свое удивление, а Константин спросил: «Ирина Муцуовна, я не понимаю, вы с кем?» На что услышал: «Ну вы же видите, что я здесь, значит, с вами!» Б. Немцов быстро закрыл тему, а после перерыва оказалось, что «попрыгунья» уже входит в первую тройку списка вместо Б. Федорова! И остальные места в списке будут распределяться по результатам рейтинга лидеров организаций-участников, который будут определять некие эксперты. Это было нарушением прежних договоренностей и вызывало сомнения в объективности оценок. А для имевших прочную репутацию «старых» демократов еще и обидно. Это привело к тому, что

депутат не только Ленсовета, но и Съезда народных депутатов РФ, член Конституционного собрания М. Салье отказалась от своего выдвижения. Переговоры продолжались...

А в мае левые фракции объединились в попытке импичмента президенту. Инициатором еще в 1998 году был Лев Рохлин, к весне 99-го количество необходимых для начала процедуры депутатских голосов достигло 259. К коммунистам, аграрникам и «Народовластию» присоединилась часть центристов из группы «Российские регионы», потом члены ЛДПР, «ЯБЛока» и даже НДР.

Обвинения были грозными:

1. разрушение СССР и ослабление России путем заключения Беловежских соглашений;
2. совершение государственного переворота в сентябре-октябре 1993 года;
3. развязывание и проведение военных действий в Чеченской Республике;
4. ослабление обороноспособности и безопасности РФ...

В списке был даже «геноцид российского народа», обвинение, которое депутат Илюхин обосновывал так: *«Он хотел вытравить из сознания людей... предшествующую концепцию развития общества. Вытравить через уничтожение определенных групп людей – носителей этих убеждений!»*

Доказательства? Этим он себя не утруждал. Зачинщик отрешения, генерал Рохлин, до голосования не дожил. В день голосования я был в Думе, получил все бюллетени (по каждому из обвинений отдельно), затем вышел к журналистам и заявил, что при всем моем несогласии с президентом по ряду вопросов и в первую очередь по войне, я не стану голосовать за его отрешение, потому что те, кто сегодня мог бы прийти к власти, наделают куда больших бед. Свои бюллетени для голосования я отдал потом в фонды Санкт-Петербургского музея политической истории. Импичмент не состоялся, но до необходимых 300 голосов не хватило всего 16.

Тогда, по моей инициативе, федеральная партия «Демократическая Россия» выступила с заявлением:

«Все эти годы коммунисты, не покаявшись ни за одно свое преступление, были во власти, приумножая свою собственность и привилегии. Они попытались разыграть лицемерный политический спектакль суда над президентом за собственные грехи, спектакль, заведомо не имеющий юридической и практической перспективы, но отвлекающий Госдуму от законодательной работы. В этой ситуации партия «Демократическая Россия», не оправдывая Б. Ельцина, его ошибок и преступлений, не стала участвовать в этой порочной авантюре. Эта политическая провокация подтолкнула президента к угрозе роспуска Госдумы и отставке Е. М. Примакова, сделавшего свое правительство заложником коммунистов. Издержки смены правительства не оправдаются, если в состав правительства не войдут Егор Гайдар, Анатолий Чубайс, Борис Федоров, Сергей Кириенко и Борис Немцов. Мы при-

зываем президента и нового главу правительства не идти на поводу у левых сил и номенклатурной бюрократии, а в случае необходимости проявить твердость, используя закон для роспуска Государственной Думы. Если все политические силы, лишившись своих привилегий, начнут предвыборную кампанию в равных условиях, осенние выборы в парламент дадут результат, адекватный интересам общества».

Наш призыв обнулить ситуацию услышан не был, в Кремле были озабочены подковерными разборками. А у Е. Гайдара была задача внедрить и сделать ядром нового избирательного блока «Демократический выбор России». Сопротивление было. Наши аппаратчики в регионах, как и любые бюрократы, опасались перемен в собственной судьбе. Но сомнения были и у других. Какое «правое дело»? Какая такая «правая сила»?

– Мы – правые, потому что мы правы? Правыми обычно называют консерваторов, тех, кто за поддержание иерархических систем. Но мы-то либералы, мы за свободный рынок и динамичные социальные лифты!

– Это на Западе правые – консерваторы, а у нас все перепуталось, у нас «правые» как раз за свободную экономику!

– Да поди разбери, что за этим стоит. Эти бойкие люди, с которыми мы объединяемся, где они были раньше, куда они нас заведут?

20 августа на 8-м съезде ДВР на эти вопросы ответит Е. Гайдар. Отметив, что угроза коммунистического реванша ослабла, он сказал:

«Одновременно происходят резкое усиление, консолидация мощной политической партии номенклатурного капитализма, партии, которая сегодня представлена формирующимся блоком “Отечество – вся Россия”. На самом деле в России, мы говорили об этом в последние годы, решались два ключевых вопроса. Первый из них: удастся ли утвердить в России институты рынка, частной собственности, гражданского общества, основы демократии? Второй: по какому пути пойдет развитие российской рыночной экономики – по пути свободной рыночной экономики равных правил игры или по пути номенклатурного капитализма? В борьбе по первому вопросу мы одержали победу, в борьбе по второму (в настоящее время это абсолютно ясно) понесли поражение. К настоящему времени номенклатурный капитализм вполне консолидировался. Это реальность и сохранение этого статус-кво – задача той партии власти, нынешней власти и будущей власти, которая в настоящее время формируется, которая прямо заявляет о своих задачах, ориентирах на сохранение этого статус-кво...»

Собственно, у этого номенклатурного капитализма две родовые черты. Первая из них – это рыночная экономика при финансовой безответственности, позволяющая воровать и не нести за это ответственности ни перед начальством, ни перед рынком. И вторая – это совмещение собственности и власти. Все остальное – полномасштабная коррупция, бегство капитала,

незаинтересованность в инвестициях, отсутствие гарантий частной собственности, это все на самом деле неизбежные производные от характерных черт номенклатурного капитализма.

Когда сегодня питерские или московские градоначальники рассказывают нам, как, придя к власти, они будут бороться с коррупцией, ничего, кроме улыбки, это, разумеется, вызвать не может. (Аплодисменты). В некотором смысле то, что происходило в последние годы в России, напоминает известный сюжет прекрасной сказки Шварца “Дракон”. Ланселоты молодой российской демократии сумели-таки победить тоталитарного коммунистического Дракона, но в этой борьбе оказались сильно израненными и изнемогли. И вот в это время выходит на сцену симпатичный, невысокий господин бургомистр и говорит, что это, конечно, он победил Дракона. (Смех, аплодисменты). Говорит, что теперь у нас будут новая партия, новый режим господина бургомистра. Нет, конечно, он не будет так отвратителен, как режим тоталитарного Дракона – девушек есть не буду. Но в остальном режиме, конечно, будет довольно отвратительным!

Нет, конечно, если какая-нибудь газета позволит себе нелестные высказывания в адрес господина бургомистра, ее редактора немедленно не отправят в ГУЛАГ, просто пришлют пожарную инспекцию и закроют газету. (Смех, аплодисменты).

Конечно, если какая-нибудь фирма покажется нелояльной властям господина бургомистра, имущество не конфискуют немедленно, просто придут и предложат поделить. Короче говоря, вот этот режим господина бургомистра – это то, за что сегодня выступает мощная политическая сила, претендующая на контроль над следующей Государственной Думой Российской Федерации.

Что и кто на сегодняшний день способны противостоять этому? Что происходит на левом фланге, я говорил. Что такое партия ЛДПР, по-моему, всем достаточно хорошо понятно. Это будет партия, которая будет служить любой власти, в том числе и власти “господина бургомистра”. У нас остается объединение “ЯБлок” (смех в зале, аплодисменты). У нас сложная история отношения к объединению “ЯБЛоко”. Объединение “ЯБЛоко” всегда обвиняло нас в том, что как-то не так делаем. Мы всегда обвиняли “ЯБЛоко” в том, что оно ничего не делало...

На следующих выборах в Государственную Думу, по крайней мере, будет решаться еще один важнейший вопрос: а будет ли вообще какая-нибудь парламентская серьезная оппозиция тому режиму номенклатурного капитализма, который является нынешней властью и может стать властью завтрашней? А я вас уверяю, что роль парламентской оппозиции следующему режиму будет отнюдь не столь приятной и комфортной, как роль оппозиции режиму нынешнему.

Я вижу, честно говоря, только одну политическую силу, которая способна по своей истории, потенциалу, убеждениям играть эту роль. Это блок, который мы пытаемся на сегодняшний день сформировать. Я убежден, что сам факт существования такой правой либеральной принципиальной оппозиции – это важнейший сдерживающий фактор для партии власти; то, что неизбежно будет ее дисциплинировать, то, что дает основу для дальнейшей борьбы за те либеральные реформы, которые мы считаем необходимым провести в России.

Конечно, режим номенклатурного капитализма имеет очень серьезные корни в нашей истории, опирается на масштабные массовые интересы и на сегодняшний день кажется почти несокрушимым, но, как говорил один из наших классиков, “требуйте невозможного”. Тоталитарный режим в Советском Союзе тоже казался несокрушимым, но он рухнул. Да, если будет благоприятная конъюнктура на рынке нефти, если будут крупные рентные доходы, режим номенклатурного капитализма, неспособный создать базу устойчивого развития страны, некоторое время может просуществовать, создавая базу для крупномасштабного разбазаривания национальных природных ресурсов. Но это никогда не может длиться вечно. Значит, раньше или позже, но Россия всё равно будет вынуждена пойти по пути либеральных реформ, необходимых для создания предпосылок устойчивого роста, и тогда эти реформы пойдут именно в том направлении, которое мы всегда предлагали и отстаивали.

Вопрос о создании правой коалиции. По нашему глубокому убеждению, мы должны попытаться объединить все те силы, которые разделяют наши принципиальные программные установки, которые, соответственно, с самого начала готовы выступить против номенклатурного капитализма и за проведение того набора либеральных реформ, которые всегда отстаивал “Демократический выбор России”. Именно с этих позиций мы проводили переговоры, и в этой связи наши программные ориентиры были для нас важнейшими в решении вопроса о том, приемлемы или неприемлемы для нас те или другие союзники. К настоящему времени тот блок, который формируется, предлагает программу, сформулированную в виде “Правого манифеста”. Это программа, которая стопроцентно соответствует принципиальным ориентирам “Демократического выбора России”. Это программа, ориентированная на защиту частной собственности, включая частную собственность на землю; на проведение радикальной налоговой реформы и снижение бремени налогов; на проведение радикальной реформы системы социальной защиты с тем, чтобы сделать ее адресной; на последовательную проевропейскую политику... Конечно, наши партнеры – “Новая сила”, “Голос России” – другие, чем мы. Другие, чем мы, по многим своим нормам поведения, истории, представлениям о политической борьбе. Если говорить в целом о “Новой силе”,

которую я знаю лучше, я думаю, что подавляющее большинство ее представителей не стояло в августе 1991 года у Белого дома и не собиралось в 1993 году у Моссовета. Я думаю, что их не было в тех «расстрельных списках» 1993 года, о которых знают многие из здесь присутствующих, особенно те, кто были в регионах. Они в это время занимались другими делами, они занимались бизнесом, они строили свое дело. Ну что ж, это, на мой взгляд, не является препятствием для взаимодействия, просто мы шли к нашей позиции разными путями. Но если сегодня по принципиальным вопросам того, что надо делать в России, начиная от налоговой реформы и кончая проевропейской политикой, мы являемся единомышленниками, я убежден, что эти прошлые различия не должны заслонять дорогу к объединению и взаимодействию. Мы всегда исходили из позиции честной политики, поэтому если мы пошли и стали инициаторами правого блока, если мы сами начали этот процесс, инициировали его, многократно говорили о необходимости единства всех, кто разделяет эти принципиальные программные цели, значит мы, говоря это, были готовы к тому, чтобы идти на компромиссы если не по программным принципиальным вопросам, то, по меньшей мере, по вопросам состава избирательного списка, тех людей, которых будут предлагать нам наши потенциальные партнеры и т.д.

Да, я прекрасно понимаю, что отнюдь не все присутствующие в этом зале в восторге от этих компромиссов, от того состава федерального списка, который получился. Там есть много людей, ну, скажем так, которые у нас не вызывают стопроцентного энтузиазма, по крайней мере, в региональных частях списка. Тем не менее, еще раз подчеркиваю, я убежден, что это не должно быть поводом для того, чтобы нам не закреплять данный союз. У нас есть сложнейшие задачи формирования оппозиции номенклатурному капитализму, у нас есть четкая принципиальная программа. Я предлагаю нашим коллегам поддержать вхождение партии “Демократический выбор России” в состав блока “Союз правых сил”».

Как следует из этого выступления, Егор Тимурович и сам понимал зыбкость формирующегося союза, но не находил другого выхода и убеждал не столько участников съезда, а скорее самого себя. Не видел другого пути и я: команда Гайдара, в которой я продолжал числить и себя, исчерпала свои ресурсы. ДВР, как и другие партии, нес в себе все недостатки строительства сверху, а региональные исполкомы коснели в бюрократическом ступоре. Свежие силы были нужны, и я, как и Е. Гайдар, убеждал коллег в необходимости объединения.

В октябре я провел всероссийскую конференцию партии «ДемРоссия». В Петербург съехались тогда представители 31 региональной организации (из 56 имеющих). Я выступал там с политическим докладом. Его суть была в том, что в преддверии выборов, партия должна определиться в своей поддержке или участии в коалиции «Союза правых сил». С альтернативой выступили представители

некоторых регионов, одни склонялись к поддержке «ЯБЛока», другие говорили о том, что невесть откуда взявшиеся партнеры, скорее всего, просто используют нас, а потом кинут... Споры были бурными, и мне с трудом удалось убедить своих товарищей в необходимости стратегического союза. Но, чтобы снять напряжение, мы договорились, что региональные организации партии свободны в поддержке участников коалиции или других демократических объединений.

В августе С. Кириенко убедился в том, что в союзе с другими коалициями он не только не получит преимуществ, но окажется на третьих-четвертых ролях, и споры о том, кто главный в «Правом деле», закончились вничью. На учредительном съезде коалиция уже стала избирательным блоком, и «Союз правых» сил на равных возглавили молодые «водители» Б. Немцов, С. Кириенко и И. Хакамада. При этом основной тягловой силой, которой они будут управлять, оставались члены ДВР. На съезде утвердили манифест СПС, это был большой и подробный документ. Там не было пустых обещаний. Добросовестные либералы постарались рассказать о том, что и почему было, что есть и за что они намерены бороться. Авторы возражали против попыток изобрести какой-то особый путь для России, они писали: ***«Хватит делать нашу страну источником уроков для других, примером того, как не надо жить»***. Они заявляли о своей приверженности общечеловеческим ценностям, идеалам свободы и демократии и убеждали в том, что у страны есть потенциал для развития. Они подробно писали о том, какой должна стать Россия будущего. ***«До 1991 года Советский Союз и с ним Россия по выбитой колее неумолимо катились в пропасть, и у коммунистического руководства страны не было ни сил, ни решимости, чтобы переломить тенденцию, приостановить движение по наклонной плоскости. Это сделали либералы. Посредством реформ они перетащили Россию в другую колею, колею рыночной экономики. И хотя новая дорога поначалу также шла под уклон, даже более крутой, но впереди уже не пропасть, а надежда на подъём. Рано или поздно она осуществится...»***

Последний пассаж был не самым удачным: «рано или поздно» не воодушевляло, хотелось поконкретнее, например, «завтра». В отличие от наших идеологов, другие политики не питали иллюзий о том, что людям достаточно все объяснить. Они нащупывали болевые точки, клеймили соперников и обещали. Депутат-гайдаровец А. Минжуренко рассказывал, как в Омск на теледебаты приезжал тогда известный коммунопатриот: «На этой передаче Бабурин превзошел самого себя: телетрансляция-то шла на всю область и надо были идти со всех козырей. Когда он перечислил всё, что получают омичи, если проголосуют за его кандидатуру, мне самому очень захотелось голосовать за него. А что, я бы хотел жить в такой райской стране! А реформаторов он обвинял во всех грехах и пороках совершенно безудержно и, разумеется, голословно. Получалось, что абсолютно все трудности, свалившиеся на голову омичей, образовались исключительно из-за сознательных, преступных и враждебных действий Гайдара и его команды. Он

не говорил об «ошибках» реформаторов, а о том, что во всех их делах был специальный злой умысел». Давний товарищ Минжуренко, интеллигент-историк, «подошел к Бабурину, как только камеры были выключены, и деликатно спросил его: «Сергей, вы действительно верите в то, что сейчас говорили?» Наверное, он хотел продолжить полемику и вежливо объяснить кандидату что-то, показать ему неверность его позиций. Обернувшись к Сорокину, с улыбочкой Бабурин ответил: «Ну что вы, Юрий Алексеевич, за кого вы меня принимаете?!»

В своей агитационной кампании «Единство» шло тем же путем и обещало «разрушить бюрократическую систему и покончить со всевластием чиновников, расширить полномочия Думы, усовершенствовать избирательную систему, отменить депутатскую неприкосновенность и привилегии, сократить количество чиновников, обеспечить жильем всех нуждающихся и организовать адресную защиту малоимущих за счет богатых». (Придя в Думу, они не сделали даже попытки осуществить обещанное.)

Общий список кандидатов на следующие выборы утвердили, в него вошли представители девяти политических организаций и, в том числе, партия «Демократическая Россия», но ее «вес» там был невелик. Кроме меня в нем нашлось место только четырем членам «ДемРоссии»: Руслану Линькову, Андрею Фролову, Юрию Давыдову в мажоритарных округах, Д. Катаеву в московской части федерального списка, а я возглавил его петербургскую часть. Но еще я настоял на том, что, помимо участия в федеральном списке, буду баллотироваться и в индивидуальном порядке, в том избирательном округе, где уже избирался. Так я избежал принятых блоком комплиментов в адрес преемника Ельцина (эту «честь» я оставил приехавшей в Питер И. Хакамаде) и сохранил за собой ту свободу, которая могла мне понадобиться, если во фракции что-то пойдет не так. К тому же, если я выигрывал выборы по округу, то освобождал место для следующего кандидата в питерской части федерального списка, а им был Григорий Томчин, который в результате продолжил работу уже в составе 3-й Думы.

А еще для избрания в округе у меня был и личный мотив. Я узнал, что соперничать со мной собирается А. Невзоров, и мне очень хотелось поставить его на место. Кроме него и меня там было еще 11 кандидатов, среди них ректор Военно-механического института, коммунист Ю. Савельев и полномочный представитель президента в Ассамблее СНГ С. Ципляев. Многие опасались популярности Невзорова, и Г. Томчин советовал мне уйти в другой округ. Но он, как и следователь Иванов, переоценил свою былую славу и считал, что нескольких шлепков грязи в мою сторону будет достаточно. Результат – по количеству отданных за меня голосов я обошел «телекиллера» в два раза... Его это взбесило и он даже пытался отменить результаты, утверждая, что против него велась незаконная агитация. Не получилось. Тогда, узнав, что на одном из областных округов не было необходимой явки и будут повторные выборы, он подался туда. Неискушенные сельские жители его охотно поддержали. На первом заседа-

нии новой Думы я увидел его в фойе, а он неожиданно подбежал, схватил меня за руку, тряс ее и благодарил со словами, что этот урок пошел ему на пользу. От неожиданности я растерялся и, пожав плечами, сказал: «Ну, если на пользу...» А потом пошел мыть руки.

Третья Дума начала свою работу. Расклад сил был таков: коммунисты опять получили больше всех – 113 мандатов, за ними оказался наспех созданный «Медведь» («Единство») – 73, потом ОВР – 66, Жириновский – 17 мандатов, еще сотня с лишним разошлась по «аграрникам» и другим группам. А пошедшие врозь демократы: СПС – 34, «ЯБЛоко» – 22...

Неожиданный взлет «Медведя» был понятен. Явное предпочтение этой команде чиновников оказал тот, в успехе которого на президентских выборах уже никто не сомневался. Но в итоге победа, которая позволила бы возглавить законодательный процесс и сопутствующие ему возможности, не доставалась никому. И, естественно, тут же начались закулисные торги и переговоры. Демократам в них места не нашлось.

В первый же день работы нового парламента выяснилось: КПРФ, «Единство», ЛДПР и аграрники сговорились и уже поделили все посты. Председателем Думы они решили оставить коммуниста Г. Селезнева, а посты его заместителей тоже распределили между собой. Всем остальным, в лучшем случае, светили роли их заместителей, председателей комитетов. Это, естественно, вызвало возмущение, но серо-красно-коричневое большинство этим не смущалось. Но на всякий случай, чтобы никто из членов вступивших в сговор фракций не проголосовал по-своему, отказались от тайного голосования в пользу электронного. Так можно было проверить, кто и как голосовал.

Наше заседание было бурным.

Депутат Е. Примаков (фракция НДР):

«В этих условиях, когда предлагают между прочим вот так проголосовать, быстро, открытым способом, и все остальные не выдвигают свои кандидатуры, сговор идет самый настоящий! Причем в сговоре участвуют не только... Кстати говоря, это не две самые крупные фракции, а это и те, которые их поддерживают, и самые мелкие тоже. И вот этот сговор одной группы пытаются навязать другой группе депутатов. Дума в этих условиях работать не сможет на благо общества, это совершенно ясно. В таких условиях я снимаю свою кандидатуру, я отказываюсь от... (Шум в зале, аплодисменты.) Нет, не аплодируйте! Вы поаплодируйте лучше по другому поводу, когда Дума будет низведена до такого положения, что с ней никто считаться не будет, вот тогда вы поаплодируйте. (Аплодисменты.) Я снимаю свою кандидатуру. Я считаю, то, что происходит у нас сегодня, это профанация настоящая. Настоящая профанация! (Аплодисменты.) Вы посмотрите, что нам предлагают, и это после того, как нам предложили поучаствовать и сказали, что мы очень близки к согласию. Нам предлагают

фракцию, которая сейчас имеет 47 членов и которая только в два раза, даже менее, чем в два раза, меньше, допустим, других самых крупных фракций; нам предлагают один комитет, вот здесь, в постановлении. Мы отказываемся от этого комитета! (Аплодисменты.) Пускай все абсолютно комитеты разбирают те фракции, которые предлагает нам вот эти ошметки. Если вы хотите нормальной работы Думы, то вы должны тогда не на сговор идти какой-то, не подбегать к ложе, откуда представители администрации вас инструктируют, а вести дело к тому, чтобы мы были все вместе и все вместе помогли нашему Отечеству. Я категорически снимаю свою кандидатуру». (Аплодисменты.)

Депутат С. А. Ковалев (фракция СПС):

«По-моему, происходящее на наших глазах безобразие очень отчетливо показывает давний советский лозунг: “КГБ – вооруженный отряд партии”. Простите, я больше не могу участвовать в этом свинстве! (Аплодисменты)».

Депутат Г. Явлинский (фракция «ЯБЛоко»):

«Уважаемые депутаты, я хотел бы сделать заявление от имени фракции “ЯБЛоко”. Фракция “Яблоко” не примет участия в безальтернативном голосовании. Фракция “ЯБЛоко” отказывается от всех номенклатурных должностей в Государственной Думе. Фракция “ЯБЛоко” призывает своих союзников покинуть зал Государственной Думы и не участвовать в действиях агрессивно-послушного большинства».

Депутат С. Кириенко (фракция СПС):

«Уважаемые коллеги! Я прошу все-таки тех, кто радуется, что проходит их решение, подумать, чему они радуются. Три фракции (вы можете называть их не самыми крупными, но это три разные политические силы, за которые, вместе взятые, на выборах проголосовало более 18 миллионов человек) вынуждены сказать вам о том, что происходит сейчас: впервые в истории Государственной Думы выборы спикера проводятся открытым голосованием, и тот пакет, в котором позиции этих партий не учтены практически совсем. Я не понимаю, чему здесь радоваться! Профессионалы не примут участия в работе комитетов Государственной Думы. Мы с вами пришли сюда работать. Три фракции не смогут принять участия в пакетном соглашении (как минимум три заявленные... я надеюсь, что кто-то еще нас поддержит) и выборах спикера Государственной Думы. Как будет работать этот спикер?! Как будет работать парламент?! Мы заявляем от имени “Союза правых сил”, что мы не будем принимать участия в голосовании по выборам спикера, если они проводятся открытым голосованием по одной кандидатуре. И мы отказываемся участвовать в пакетном соглашении, которое здесь предложено, отказываемся от всех должностей в Государственной Думе, не будем принимать участия в этом голосовании и вынуждены будем покинуть зал. (Аплодисменты.)»

Три фракции и одна депутатская группа (в общей сложности около 140 человек) покинули зал заседаний. Это не помешало торжествующим победителям утвердить свое руководство над Думой и 25 ведущими комитетами, а также назначить своего руководителя аппарата Госдумы.

К этому времени главой администрации президента стал А. Волошин. Когда избирательный блок СПС не получил планировавшихся С. Кириенко 30-40% голосов, (молодежь, хоть и симпатизировала нам, но не дошла до избирательных урн), когда мы получили всего 8,5%, «серый кардинал» решил, что теперь «правые» вне игры. Зато крупным игроком неожиданно оказалось «Единство». Опасность сговора ОВР с коммунистами (Зюганов и Примаков не скрывали своих намерений) можно было нейтрализовать, лишь опередив Примакова во временном союзе с левыми. И он дал отмашку на такой сговор. В этой игре СПС оказался третьим лишним. К тому же ненадежным. Хоть наши молодые вожди и вели свою избирательную кампанию под лозунгом «Путина – в президенты, Кириенко – в Государственную Думу!», в блоке еще оставались критически настроенные люди. О спорах, которые велись у нас по вопросу о чекисте Путине, там, конечно, знали... На этом история сговора не закончилась, коммунисты рано радовались. Когда вопрос о новом президенте решится, две, ранее соперничавшие, а теперь пропрезидентские, партии, сольются в одну. Союз чиновников, нуворишей и гэбистов назовет себя «Единая Россия». Получив большинство благодаря переметнувшимся к ним депутатам из «Регионов России» и «Народных депутатов», они сменят руководство аппарата Госдумы и лишат коммунистов большинства руководящих постов. А председатель Государственной Думы Геннадий Селезнев, председатель комитета по делам женщин С. Горячева и председатель комитета по культуре Н. Губенко откажутся от своей родной партии ради сохранения должностей. Б. Немцов станет одним из заместителей Председателя Думы, но это будет лишь декоративной уступкой, и членам фракции «Союза правых сил» останется роль рабочих локомотивов законодательного процесса. Пока дорвавшиеся до власти будут делить и отнимать друг у друга полномочия, профессионалы будут работать. Инициатива, разработка и продвижение большинства нужных стране законодательных новаций будет исходить из нашей небольшой фракции. А вот принятие этих законов будет зависеть от того, сколько депутатов из других фракций будет вписано нами в число соавторов, и... от благосклонности нового президента. Ради нее наши новые вожди пойдут далеко...

Новогодний сюрприз

В предновогоднюю ночь вместо приветственной речи Б. Ельцина мы услышали:

«Дорогие россияне! Осталось совсем немного времени до магической даты в нашей истории. Наступает 2000 год. Новый век, новое тысячелетие. Мы все примеряли эту дату на себя. Прикидывали, сначала в детстве, потом повзрослев, сколько нам будет в 2000-м году, а сколько нашей маме, а сколько нашим детям. Казалось когда-то так далеко этот необыкновенный Новый год. Вот этот день и настал. Дорогие друзья! Дорогие мои! Сегодня я в последний раз обращаюсь к вам с новогодним приветствием. Но это не все. Сегодня я последний раз обращаюсь к вам как президент России. Я принял решение. Долго и мучительно над ним размышлял. Сегодня, в последний день уходящего века, я ухожу в отставку. Я много раз слышал: “Ельцин любыми путями будет держаться за власть, он никому ее не отдаст”. Это вранье. Дело в другом. Я всегда говорил, что не отступлю от Конституции ни на шаг. Что в конституционные сроки должны пройти думские выборы. Так это и произошло. И так же мне хотелось, чтобы вовремя состоялись президентские выборы – в июне 2000 года. Это было очень важно для России. Мы создаем важнейший прецедент цивилизованной добровольной передачи власти, власти от одного президента России другому, вновь избранному. И все же я принял другое решение. Я ухожу. Ухожу раньше положенного срока. Я понял, что мне необходимо это сделать. Россия должна войти в новое тысячелетие с новыми политиками, с новыми лицами, с новыми, умными, сильными, энергичными людьми. А мы, те, кто стоит у власти уже многие годы, мы должны уйти. Посмотрев, с какой надеждой и верой люди проголосовали на выборах в Думу за новое поколение политиков, я понял: главное дело своей жизни я сделал. Россия уже никогда не вернется в прошлое. Россия всегда теперь будет двигаться только вперед. И я не должен мешать этому естественному ходу истории. Полгода еще держаться за власть, когда у страны есть сильный человек, достойный быть президентом, и с которым сегодня практически каждый россиянин связывает свои надежды на будущее?! Почему я должен ему мешать? Зачем ждать еще полгода? Нет, это не по мне! Не по моему характеру! Сегодня, в этот необыкновенно важный для меня день, хочу сказать чуть больше личных своих слов, чем говорю обычно. Я хочу попросить у вас прощения. За то, что многие наши с вами мечты не сбылись. И то, что нам казалось просто, оказалось мучительно тяжело. Я про-

шу прощения за то, что не оправдал некоторых надежд тех людей, которые верили, что мы одним рывком, одним махом сможем перепрыгнуть из серого, застойного, тоталитарного прошлого в светлое, богатое, цивилизованное будущее. Я сам в это верил. Казалось, одним рывком, и все одолеем. Одним рывком не получилось. В чем-то я оказался слишком наивным. Где-то проблемы оказались слишком сложными. Мы продирались вперед через ошибки, через неудачи. Многие люди в это сложное время испытали потрясение. Но я хочу, чтобы вы знали. Я никогда этого не говорил, сегодня мне важно вам это сказать. Боль каждого из вас отзывалась болью во мне, в моем сердце. Бессонные ночи, мучительные переживания: что надо сделать, чтобы людям хотя бы чуточку, хотя бы немного жилось легче и лучше? Не было у меня более важной задачи. Я ухожу. Я сделал все что мог. И не по здоровью, а по совокупности всех проблем. Мне на смену приходит новое поколение, поколение тех, кто может сделать больше и лучше. В соответствии с Конституцией, уходя в отставку, я подписал Указ о возложении обязанностей президента России на председателя правительства Владимира Владимировича Путина. В течение трех месяцев в соответствии с Конституцией он будет главой государства. А через три месяца, также в соответствии с Конституцией России, состоятся выборы президента. Я всегда был уверен в удивительной мудрости россиян. Поэтому не сомневаюсь, какой выбор вы сделаете в конце марта 2000 года. Прощаясь, я хочу сказать каждому из вас: будьте счастливы. Вы заслужили счастье. Вы заслужили счастье и спокойствие. С Новым годом! С новым веком, дорогие мои!»

Вот это был сюрприз! Даже те рядовые люди, которые кляли его за свои беды, прониклись тогда уважением к человеку, который нашел в себе силы попросить прощения за ошибки, отказаться от власти и передать ее другому. Новогоднее застолье по всей стране сопровождалось разговорами о неожиданном шаге, о том, что же теперь будет. А для конкурентов на президентский пост это был нокаут. Все понимали, теперь у Путина есть фора, и догнать его непросто. Выборы не через полгода, а через три месяца! За это время и. о. президента успеет многое. (На самом деле, и.о. президента первое время пребывал в смятении, в марте кто-то из кремлевских рассказал мне, что в большом ельцинском кабинете ему неуютно, и он предпочитает заднюю комнатку для отдыха. Но и там ему было не усидеть, почти сразу после оглашения ухода Ельцина он полетел в Чечню и тут же вернулся. За внешней активностью проступало беспокойство.)

А вожди нашей коалиции были озабочены тем, что фракция СПС оказалась в тени. Исправить положение, вернуться в круги влияния можно было, заручившись поддержкой будущего, а на самом деле уже действующего президента. Шансы были. Не зря ведь после оглашения результатов голосования в 3-ю Думу Путин приезжал к руководству СПС и поздравлял его с успехом. Теперь надо было заявить о том, что СПС поддержит его на выборах. Структура нашей коа-

лиции была двухуровневой: был политсовет, в котором состояли представители всех входящих в нее больших и малых организаций, и еще был координационный совет, куда вошли только те, кто располагал ресурсами. Политсовет решил обсудить вопрос о президенте 25 февраля, но там наши мнения разделились.

В составе блока уже был один из кандидатов в президенты, самарский губернатор и глава движения «Голос России» Константин Титов. Этот массивный и мрачноватый человек произвел на меня хорошее впечатление. Он был противником войны в Чечне (наше антивоенное письмо из «Новой газеты» будет использовано в его избирательной кампании), он делал ставку на регионы и собирался защищать их интересы перед центром, это привлекло к нему десяток-другой губернаторов. Несмотря на то, что Гайдар, Чубайс и Кириенко были не в чести у многих губернаторов, Титов упрямо держался за СПС. Он был «рыночником», либералом, мы избрали его главой политсовета, и он рассчитывал на поддержку в соревновании за президентский пост.

Сергей Юшенков, считая, что результаты предопределены, предлагал бойкот, а Сергей Ковалев, не допуская поддержки выхода из спецслужб, предложил поддержать Явлинского. Я предлагал объединить силы для поддержки Титова. Хакамада и Кириенко настаивали на В. Путине. Кого мы собираемся поддерживать, спрашивал я своих коллег, человека, который за пару недель до того, как стать и.о. президента, придя на торжественное заседание по случаю Дня чекиста, ухмыльнувшись, заявил сидящим в зале генералам: «Я хочу доложить, что группа сотрудников ФСБ, направленная в командировку для работы под прикрытием в правительство, на первом этапе со своими задачами справляется...»? Человека, который для повышения своего рейтинга начал войну? Не может человек из этой системы стать либералом, он органически не способен изменить свою психологию! ... Эту позицию разделяли Марина Салье («Свободные демократы России»), Лев Пономарев (движение «ДемРоссия»), Константин Боровой и еще несколько человек. Мы спорили и не могли прийти к решению. Голосов за поддержку К. Титова не набралось, но не хватило их и для Путина. В результате остановились на том, что коалиция СПС не будет поддерживать никого, а входящие в ее состав организации сами решают, кого поддержать. «Хоть так!» – сказал я себе и отправился домой отметить свой 54-й день рождения. А через пару дней, согласовав это с региональными организациями, ДР подписала:

Соглашение о взаимодействии между партией «Демократическая Россия» и кандидатом на должность президента Российской Федерации Титовым К. А.

С целью развития российской демократии, консолидации демократических и либеральных сил, создания условий для перехода ко второму этапу всесторонних демократических преобразований федеральная партия «Демократическая Россия» и кандидат в президенты РФ, председатель полит-

совета «Союза правых сил» Титов К. А. согласились взаимодействовать по следующим вопросам:

«Партия «Демократическая Россия»:

– оказывает активную поддержку кампании потенциального кандидата в президенты РФ Титова К. А.;

– поддерживает усилия Титова К. А. по объединению демократических, либеральных и правоцентристских сил в постоянный политический союз, в рамках которого каждая организация обладает организационной самостоятельностью и сохраняет контроль над принятием политических решений;

– согласует с Титовым К. А. свои стратегические решения в рамках президентской избирательной кампании и политического союза демократических организаций.

Кандидат на должность президента РФ Титов К. А.:

– в своей политической и предвыборной деятельности содействует в реализации уставных целей партии, а именно: «укреплению основ гражданского общества и независимости российской государственности, борьбе с монополизмом в области политики, экономики, информации и других сфер деятельности, созданию условий для эффективной реализации и защиты прав и свобод граждан Российской Федерации, безусловного выполнения Всеобщей декларации прав человека ООН»;

– делает все возможное для скорейшего мирного политического решения чеченского кризиса, восстановления реальной демократии в России, в возобновлении демократических реформ и интеграции нашей страны в сообщество свободных наций;

– содействует объединению демократических, либеральных и правоцентристских сил в рамках постоянного политического союза, в рамках которого каждая организация обладает организационной самостоятельностью и сохраняет контроль над принятием политических решений;

– согласует с партией «Демократическая Россия» свои стратегические решения в рамках президентской избирательной кампании и политического союза демократических организаций.

Председатель партии «Демократическая Россия» Ю. Рыбаков

Кандидат на должность президента РФ К. Титов

Подписывая этот документ, я понимал, что шансов на победу у нашего кандидата практически нет. Те областные и краевые бароны, которые еще полгода назад обещали ему поддержку, потянулись к основным игрокам – НДР с Примаковым и «Единству» с Путиным. У «Демократической России» еще есть человеческие ресурсы, но нет средств, а те, что были обещаны при моем вступлении в руководство партии, остаются обещаниями... И все же я считал, что мы должны участвовать в кампании со своим кандидатом, что Титов, даже проиграв, удержит в политическом поле наш общий союз.

Но уже через две недели, 14 марта, был собран Координационный совет, с правом совещательного голоса, на него пригласили и депутатов. Вопрос о президентских выборах был поставлен вновь. А. Чубайс, который активно и напористо убеждал в целесообразности поддержки В. Путина, говорил о том, что война с террористами необходима, что Путин искренне защищает интересы России, а наша армия возрождается и крепнет в боях, что у нас нет оснований сомневаться в том, что он продолжит реформы. Е. Гайдар отмалчивался, я слушал И. Хакамаду, которая говорила о том, что надо трезво смотреть на вещи: Путин все равно победит или в первом, или во втором туре. И лучше, чтобы в первом, потому что тогда коммунисты вообще уйдут из поля зрения общества, а это хорошо. А если будет второй тур, то в нем останутся Путин и Зюганов. И тогда нам все равно надо будет голосовать за Путина. Так зачем эти игры? Надо уже сейчас сделать все, что мы можем, чтобы он победил сразу. И надо это озвучить, а за это получить возможность диалога, который мы сможем наладить с президентом. Слушая ее рациональные рассуждения, я почему-то вспомнил анекдот, где старая проститутка говорит: «Если изнасилование неизбежно, то надо расслабиться и получить удовольствие». За поддержку В. Путина проголосовали 4 из 7 членов КС (А. Чубайс, С. Кириенко, Е. Гайдар, В. Некрутенко; К. Титов был против, Б. Немцов воздержался без объяснения причин, И. Хакамада тоже воздержалась, но лишь потому, что не прошло ее предложение о полной, публичной поддержке Путина для его победы в первом туре (так она объясняла это потом журналистам).

В ответ на это политсовет СПС самораспустился, 20 марта мы сделали заявление о том, что вся ответственность за решение, принятое КС, лежит на нем:

«Мы не видим в действиях Владимира Путина ничего, что свидетельствовало бы о его приверженности демократии и либеральным ценностям. Более того, изучив всю совокупность действий и. о. президента и председателя правительства РФ Путина, мы констатируем невозможность для приверженцев демократии и либеральных реформ поддержать его кандидатуру на президентских выборах. М. Салье, «Свободная демократическая партия», Л. Пономарев, движение «За права человека», Ю. Рыбаков, партия «Демократическая Россия».

Все эти дела не отменяли нашей работы в Думе. Фракцию СПС, куда я вошел, сначала возглавил Сергей Кириенко, но уже в мае он шагнул в Администрацию президента, и В. Путин направил его своим полномочным представителем в Приволжский федеральный округ. А я продолжал свою работу в Комитете по законодательству, возглавив там подкомитет по правам человека. Снова рабочие заседания в комитете, снова стопки законопроектов, заключений юристов, справок и писем.

За помощью ко мне обращались не только жители России, письма шли даже

из-за рубежа. После переворота и свержения первого грузинского президента З. Гамсахурдия он и его сторонники пытались вернуть себе власть, началась гражданская война, в ходе которой З. Гамсахурдия, находясь на нелегальном положении, умер при невыясненных обстоятельствах. А часть его сторонников бежала в Россию. Пришедший к власти Э. Шеварднадзе потребовал их экстрадиции. Они были задержаны, их ждала депортация. Тогда мне удалось это остановить. Но позже несколько человек все же были возвращены и оказались в грузинской тюрьме. Там они сделали подкоп и могли уйти по нему, но среди них был министр финансов звиядистского правительства, человек весом далеко за 100 кг, он не смог протиснуться в подкоп. Тогда они как-то разоружили охрану и бежали. Увы, ненадолго. Вскоре все снова оказались в тюрьме и сидели там в ожидании суда, которого все не было и не было. Тогда они объявили голодовку, а я, поскольку дело было явно политическим и на объективность суда рассчитывать не приходилось, счел необходимым отреагировать. На очередном пленарном заседании я взял слово.

17.03.2000

РЫБАКОВ Ю. А., фракция «Союз Правых Сил»:

«Уважаемые коллеги, ко мне как председателю подкомитета по правам человека поступила информация о том, что в тюрьмах Республики Грузия по-прежнему находятся сторонники законного президента Грузии Гамсахурдия и члены парламента, свергнутые Шеварднадзе. Многие из них сидят там уже седьмой год без суда и следствия, подвергаясь тяжелым испытаниям. Четверо из них содержатся сегодня в тюремной больнице Тбилиси и объявили там голодовку, которая продолжается уже 50 дней. Группа политзаключенных решила 6 апреля покончить жизнь самоубийством в знак протеста против бессудного своего положения. Я думаю, что нам стоило бы поручить Комитету по международным делам разобраться в этой ситуации и, может быть, просить президента Грузии Шеварднадзе проявить гуманность к своим политическим противникам, не допустить массового самоубийства политзаключенных и объявить амнистию».

Результатом стало письмо группы наших депутатов в адрес Шеварднадзе, его подкрепили обращения международных организаций, с которыми я работал, и вскоре состоялся суд, который осудил, но тут же амнистировал тех заключенных...

Выручать мне приходилось и сторонников Народного фронта Азербайджана, членов распущенного правительства Эльчибея, которых тоже искали. Там мое участие ограничилось помощью в получении статуса политических беженцев и выезде в Швецию.

Тогда же мне удалось поднять волну общественного внимания к делу освобождения из индийской тюрьмы четверых наших летчиков. Еще в декабре 1995 года их обвинили в сбросе партии оружия над мятежным районом Западной Бен-

галии. Сброс засекли радары, а когда они приземлились в Калькутте для дозаправки и возвращения домой, их арестовали. По словам летчиков, они не знали, какой груз везут, их зафрахтовал в Украине некий иностранец, а когда они пролетали над Бенгалией, сопровождавшие груз люди, угрожая оружием, заставили открыть грузовой люк и сбросить ящики. При аресте в аэропорту хозяин груза скрылся, а индийский суд приговорил летчиков к пожизненному заключению за «попытку свержения законной власти». Тюремные условия были жуткими, осужденные болели, а потом, отчаявшись, объявили голодовку. К тому же летчики, хоть и были русскими, но жили в Латвии и после развала Союза стали там латвийскими гражданами. А попытки латвийских властей повлиять на Индию результата не имели. Тогда при моем участии МИД дал им российское гражданство. Я выступал по этому поводу в Думе, обращался к Патриарху, в конечном счете пресса подняла шум, дело взяли на заметку в администрации президента, и после того, как под угрозой оказался визит Путина в Индию, там приняли решение об амнистии. Евгений Антименко, Александр Клишин, Игорь Москвитин и Игорь Тиммерман вернулись домой.

Но если в подобных делах что-то и удавалось, то в думской, законодательной работе по-прежнему мешала политическая вражда. Из законодательных инициатив того года можно припомнить мою попытку решить проблему детей тех, кто был жертвами политических репрессий.

Из стенограммы.

РЫБАКОВ Ю. А., фракция «Союз Правых Сил»:

Уважаемые коллеги! Девять лет назад Верховный Совет Российской Федерации принял закон о восстановлении прав жертв политических репрессий. Это было непростое, мужественное решение. Оно было вызвано желанием восстановить справедливость и хотя бы в какой-то мере компенсировать лишения и страдания, которые выпали на долю тех, кого подкосил террор 30-40-х годов.

При подготовке закона на запросы Верховного Совета министерство внутренних дел и прокуратура дали тогда подробную справку о том, сколько человек было репрессировано по классовым и политическим мотивам. В сумме получилось, что расстреляно, отправлено на каторгу, раскулачено, выслано или сослано, лишено имущества и всех прав 50 114 267 человек. Грубо говоря, режим тех лет посчитал каждого третьего жителя страны врагом.

Если мы попробуем понять, кто же были эти так называемые враги, обнаружится чудовищная несправедливость. В своем подавляющем большинстве это были сторонники советской власти, те, кто был наиболее предан идеям строительства коммунизма. Но именно поэтому, в силу своей воодушевленности, подчас таланта или хотя бы неординарности, они были главными объектами террора.

Хорошо известно и то, что репрессиям были подвергнуты 60 процентов командирского состава Красной Армии и по меньшей мере половину репрессированных составили крепкие крестьяне, вся вина которых была в том, что своим трудом они кормили Россию.

При анализе численных данных становилось понятно, что количество тех, кто может получить право, кто обратится за правом на социальные льготы, будет велико. Однако было желание очиститься от кровавой скверны, и, несмотря на пустые закрома и оставшиеся от Советского Союза долги, народные депутаты приняли закон. В нем были определены две категории: реабилитированные жертвы, то есть те, кто по решению судебных и внесудебных органов приговаривался к тем или иным мерам политических репрессий, и вторая категория – пострадавшие, то есть родственники этих жертв. Власть не принимала в их адрес отдельных, персональных репрессивных решений, но судьба расстрелянных или отправленных в лагеря родственников прямо ущемляла их в правах и возможностях, лишала их социальной защищенности и переводила их в категорию изгоев.

Первой категории закон дал право на материальные компенсации за годы лагерей, возвращение имущества и жилья, бесплатную установку телефона, бесплатную инвалидную коляску, бесплатный проезд в общественном транспорте и еще в железнодорожном вагоне по просторам нашей Родины один раз в год. Вторая категория получила 50-процентную скидку на оплату коммунальных услуг и приобретение лекарств, да и то лишь по достижении пенсионного возраста.

За получением всех этих льгот обратились вовсе не десятки миллионов людей, а всего лишь 1 процент от репрессированных. В течение девяти лет за получением статуса обратились лишь 300 тысяч реабилитированных и столько же пострадавших. Впрочем, это понятно: из 50 миллионов треть умерли в лагерях, еще столько же унесли войны, болезни и старость, многие по неграмотности просто не знали, как получить свой статус, а некоторые из них просто боялись качать права.

Практика применения закона за прошедшие годы показала ряд его слабых мест. Об этом говорили многочисленные обращения граждан, замечания органов социальной защиты и Генеральной прокуратуры. Так, устарел понятийный аппарат, стали несостоятельными отдельные формы социальной помощи. Оказалось, что основания для отказа в получении статуса для лиц, служивших в гитлеровских армиях, были сформулированы недостаточно жестко.

Наибольшую критику вызывало в законе то, что в категорию жертв не попали дети, родившиеся в лагерях, поселениях или тюрьмах, или попавшие туда вместе с репрессированными родителями, а также то, что дети, оставшиеся на воле, но без попечения одного или обоих родителей, в лучшем

случае считались пострадавшими, что на самом деле почти не меняло их статуса. А ведь сыновья и дочери так называемых врагов народа, среди которых были дети маршалов Тухачевского и Блюхера, певицы Руслановой, внуки академика Вавилова, адмирала Кузнецова, а также дети, сыновья и дочери миллионов безвестных рабочих и крестьян, на самом деле были настоящими жертвами террора.

Спецприемники НКВД, детские дома за колючей проволокой, клеймо, поставленное на них бездушной машиной репрессий, уродовали всю их жизнь. В результате обращений этих граждан в Конституционный суд дети, попавшие с родителями в лагеря, были признаны жертвами. Параллельно с этим решением Конституционный суд своим определением от 18 апреля 2000 года указал Государственной Думе на необходимость придания статуса жертв всем детям, оставшимся без попечения родителей в результате политических репрессий.

Наш закон направлен на исправление и совершенствование закона именно в этом направлении.

Необходимость повышения социального статуса детей – жертв политических репрессий признана также и Верховным судом, рассмотревшим дело о признании за господином Бернакевичем, который после расстрела его отца, партийного деятеля, и заключения матери его как жены врага народа в лагерь, попал в специальный детский дом. Верховный суд утвердил за ним право на статус жертвы, утвердил решение суда в пользу заявителя.

Таким образом, можно сказать, что этот спор уже решен в пользу детей. Это признано также и Генпрокурором Устиновым, еще 13 марта обратившимся к председателю Государственной Думы с просьбой об ускорении нашего законодательного решения.

Генеральный прокурор пишет нам, что пострадавшие имеют пока возможность улучшить свой статус только через суд. Положительный результат их обращения суд обеспечит решениями Конституционного суда и Верховного суда. Прецедент создан. Но на практике это означает, что наши суды, которые и так завалены делами, получают тысячи обращений, которых можно было бы избежать, приняв соответствующую поправку в закон.

Мы предлагаем наиболее упрощенный вариант решения этой задачи. Те пострадавшие, которые обращаются к нам, желая сегодня изменения своего положения, делают это не ради формального статуса, а ради той социальной помощи, которую ждут от государства. Именно эту помощь мы и предлагаем узаконить, не меняя пока статус. Мы предлагаем уравнивать жертв и пострадавших в социальной помощи, которая совпадает со льготами ветеранов, принимая во внимание, что бывшим детям репрессированных сегодня по 60 лет, большую часть которых они, как и все советские люди, отрабо-

тали на государство. Эта мера заботы с учетом перенесенных лишений кажется нам справедливой и заслуженной.

Помимо этого, наш законопроект ужесточает ограничения для получения статуса жертвы. Если действующий закон отказывает в статусе лишь тем, кто запятнал себя службой в карательных подразделениях гитлеровских войск, мы предлагаем ввести запрет на получение статуса еще и теми, кто служил в трудовых и прочих оккупационных армиях.

Нами обновлен также понятийный аппарат закона.

Однако правительство, проигнорировав решение Конституционного суда, не поддерживает наш законопроект, мотивируя это тем, что его реализация якобы требует дополнительных средств. Мы же убеждены в обратном. Общее количество лиц, получивших по действующему закону статус первой и второй категории, на самом деле давно уже не составляет отчетных 600 тысяч, оно сократилось почти наполовину. Из 300 тысяч реабилитированных жертв политических репрессий в живых остался сегодня от силы десятков тысяч людей, а, может быть, и того меньше. Это очевидно, ведь тем, кто в среднестатистическом совершеннолетнем возрасте подвергся репрессиям 30-х годов, сегодня должно быть 80, 90, а то и за 100 лет. Понятно, что на самом деле эти люди, к сожалению, давно уже в могиле. Поэтому те средства, которые выделяет федеральный бюджет на действующий закон, используются по назначению лишь наполовину, остальное регионы тратят произвольно по своему усмотрению. Меры, которые мы предлагаем, позволят решить задачу, поставленную перед нами Конституционным судом и Верховным судом, без рассмотрения каждого отдельного дела в суде, без дополнительных расходов.

Процесс подготовки законопроекта, а он затянулся на годы, лишний раз убедил нас в том, что дети жертв политических репрессий не только были, но и сегодня являются жертвами того, так и не закончившегося террора. Мы столкнулись с открытой политической враждебностью тех, кто и сегодня готов начать охоту не только на бывших политзеков, но на их потомков. Мы увидели откровенное нежелание разбираться в наших предложениях. Правительство явно не читало наших предложений. Иначе не возникла бы мотивировка о мнимом расширении категории лиц, признанных жертвами политических репрессий, ведь мы этого и не предлагаем.

Ну, а Комитет по труду и социальной политике на своем заседании не пожелал даже дослушать нашу аргументацию и проголосовал против проекта, в том числе голосами отсутствовавших тогда депутатов.

Нам приходилось слышать слова и о том, что враги народа, которые якобы развалили Советский Союз, не заслуживают внимания и помощи. И это несмотря на то, что, как уже говорилось, речь идет как раз не о противниках советского строя (они были уничтожены в 20-е годы), а о

наиболее ярких и трудолюбивых сторонниках и детях тех коммунистов и беспартийных 30-х годов, которые заплатили жизнью и страданиями близких за свою веру.

Государственная Дума, в которой, мне хочется думать, большинство составляют порядочные и неравнодушные люди, сделает справедливый и мудрый шаг, пойдя навстречу старикам, чья жизнь помимо всех наших общих, общенародных невзгод была еще в детстве искалечена не чужим, а своим государством.

Естественно, авторы готовы к работе над поправками и предложениями к законопроекту во втором чтении.

Спасибо за внимание.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ [Списка Л. К.]: *Спасибо.*

Уважаемые депутаты, если есть вопросы к докладчику, я прошу вас записаться на вопросы.

Пожалуйста, включите режим записи.

ЧИЛИНГАРОВ А. Н.: *У нас есть содокладчик.*

Содокладчиком от комитета по социальной политике был член КПРФ П. Рогонов. Он с ходу заявил, что комитет рекомендует отклонить мои предложения. Почему? А потому, что «законопроектом предлагается значительно расширить круг лиц, пострадавших от политических репрессий. К числу пострадавших от политических репрессий нормами данного закона будут отнесены дети, супруги, родители лиц, репрессированных по политическим мотивам, что даст возможность первым двум категориям граждан получить статус пострадавших от политических репрессий, хотя они и не имели никакого отношения к жертвам на момент применения к ним мер политических репрессий». И еще: «Правительство Российской Федерации считает также, и мы в комитете с этим согласны, что уравнивание в правах и льготах реабилитированных граждан и лиц, признанных пострадавшими от политических репрессий, как это предусмотрено в данном законопроекте, не только приведет к росту социальной напряженности в среде лиц, являющихся жертвами политических репрессий, но и потребует значительных затрат на его реализацию. Как вам известно (у вас документы есть), правительство не поддерживает данный законопроект, комитет наш тоже предлагает отклонить данный законопроект в первом чтении».

В моем проекте речь шла только о детях, то, что оказание им помощи может привести к «росту социальной напряженности», да еще не где-нибудь, а «в среде лиц, являющихся жертвами политических репрессий», было ничем не обосновано, но тем не менее прозвучало.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ [Слиска Л. К.]:

Заключительное слово. Пожалуйста, с места.

РЫБАКОВ Ю. А.:

Уважаемые коллеги! Обсуждение этого вопроса показало, что Комитет по труду и социальной политике просто не читал нашего законопроекта, ну да бог с ними.

Я буду краток и просто приведу несколько строчек из письма Генерального прокурора, которое вручено председателю Государственной Думы. В нем сказано, что в статье 2.1 закона содержатся дискриминационные положения, на которые указал в своем постановлении Конституционный суд.

Далее: «Отсутствие данного закона приводит, с одной стороны, к нарушению прав граждан, подвергшихся политическим репрессиям, с другой – к необоснованному расширению круга лиц, подлежащих реабилитации».

И в конце: «Прошу при обсуждении проекта федерального закона. обратить внимание на изложенное и ускорить их рассмотрение, учитывая, что эта проблема касается преимущественно малозащищённых слоев населения: пенсионеров и инвалидов преклонного возраста». Подписал Генеральный прокурор Устинов».

Казалось бы, в чем проблема? Непомерные расходы? В январе 2000 года зампред правительства И. Клебанов сказал, что четыре месяца новой войны обошлись в 62 млрд рублей. На фоне этих трат та помощь, о которой я говорил, стоила на порядок меньше. Есть замечания? Так для этого существует второе чтение, исправим... Но нет! За полноценную социальную поддержку тех, кто еще ребенком остался без казенных родителей, проголосовало лишь 70 депутатов (СПС, «ЯБЛоко» и 3 независимых)), против – 119 нелюдей (77 – депутаты из фракции «Единство», 25 – коммунистов, 11 – «аграрников»). Остальные были не лучше: они просто не стали участвовать в голосовании. Уходя домой, я, чертыхаясь, думал: если бы речь шла о льготах для сталинских овчарок, все было бы иначе. Но дело было не только в тех, кто хотел бы забыть о преступлениях сталинизма, дело было еще и во мне. Я, как и Старовойтова, был личным врагом и для красных, и для коричневых, уже шесть лет я дразнил этих гусей и дергал тигров за усы. И чтобы мой проект имел шансы пройти, надо было оформить его от кого-нибудь другого. Через год мы так и сделали. Член нашей фракции депутат Виктор Похмелкин, профессиональный юрист и спокойный, уравновешенный человек, коммунистов не цеплял. Он уточнил название нашего законопроекта, теперь там сразу было указано, что речь в нем не просто о каких-то изменениях, а «о распространении статуса жертв политических репрессий на детей, оставшихся без попечения одного или обоих родителей, или лиц, их заменявших, в связи с применением к ним политических репрессий». Виктор взял в соавторы депутата В. Лысенко из «Регионов России», и с третьего захода мы все-таки пробили эти изменения.

После заседания координационного совета СПС, где И. Хакамада требовала безоговорочной поддержки Путина, журналист спрашивал ее: почему она за «надутого» обстоятельствами кандидата? В ответ он услышал: «Я с Вами не согласна в корне. Я не считаю, что с помощью Первого канала и пусть даже уникального искусства Доренко можно сделать из никому не известного человека за месяц кандидата в президенты с рейтингами, превышающими 50 процентов. Я не считаю, что достаточно начать вооруженные действия в Чечне и тот, кто их начинает, начинает выигрывать президентскую гонку. Я не считаю, и, может быть, действительно, здесь я не совпадаю ни с кем, что достаточно назначить человека премьер-министром, и он становится серьезным кандидатом в президенты. Да, все эти факторы влияют: и Доренко, и антитеррористическая операция, и бывшее, и настоящее премьерство. Но с другой стороны, население так быстро, неся в себе внутренние потребности в безопасности, в сильной личности, откликнулось на Путина, что, на самом деле, если применять Ваше слово «надутый», то он надут народом. А раз он надут народом, значит, он легитимный». Она оказалась права? Да, но лишь с поправкой на то, что «надутым», хоть и в другом смысле, оказался еще и народ.

Кровь и рейтинг

Еще до думских выборов, 30 сентября 1999 года, под девизом «замочить террористов и навести порядок» российские войска снова вошли в Чечню. Уже через два месяца они заняли Ачхой-Мартан, Аргун, Урус-Мартан, Ханкалу и Шали. По договоренности с перешедшим на сторону Кремля муфтием А. Кадыровым, без боя был сдан Гудермес. А к началу ноября был окружен и блокирован Грозный. Но, что там происходит, общество узнавало теперь только из официальных источников. Командование федеральных войск ввело жесткую информационную блокаду, в «освобожденных» районах могли появляться только аккредитованные при МО журналисты, которые рассказывали о героизме солдат и довольном населении... Те же, кто ехал в зону боев и зачисток без аккредитации, подвергались серьезному риску. Чтобы отбить у них охоту, была организована демонстративная расправа. Проникший в осажденный Грозный журналист А. Бабицкий попытался выйти оттуда и был задержан на блокпосте «Старая Сунжа». Армейским особистам он был известен своими публикациями о войне 1995-1998 годов, где честно рассказывал о бесчинствах контрактников, гибели солдат и страданиях населения республики. Отсутствие аккредитации не было преступлением, но его арестовали и скрытно отправили в следственный изолятор «Чернокозово» на севере Чечни.

Исчезновение известного журналиста вызвало тревогу в прессе. 26 января помощник В. Путина Сергей Ястржембский соврал журналистам о том, что Бабицкий «пропал без вести в районе Грозного». Когда все же стало известно об его аресте, начались бурные протесты в журналистской среде. Тогда было объявлено, что Бабицкий освобождён под подписку о невыезде. Это тоже было ложью, и вскоре появилась другая версия: якобы журналист по добровольному согласию передан некоему «полевому командиру Саиду Усаходжаеву» в обмен на освобождение российских солдат и что теперь федеральная власть за судьбу Бабицкого не отвечает. Телевидение показало кадры «обмена», где Бабицкого отдают неким людям в масках. По этому поводу и.о. президента сослался на услышанные при записи «обмена» слова чеченского боевика: «Андрей, мы своих не бросаем!», сказав, что журналист – предатель и друг бандитов. И тут же, противореча себе, злорадно прокомментировал: «Вот теперь Бабицкому станет страшно, он поймет, к кому он попал!» А 7 февраля прокуратура уведомила прессу о том, что вызывает Бабицкого «на допрос», заявив, что он будет арестован в случае неявки (!?).

Заместитель главного редактора «Новой газеты» Юрий Щекочихин вскоре выяснил, что никакого «полевого командира» Саида Усаходжаева не существу-

ет, а боевик с таким именем не мог принять решение об освобождении троих российских военнопленных. Когда после долгих мытарств А. Бабицкий вернулся в Москву, оказалось, что он действительно согласился на такой обмен ради освобождения пленных, но он полагал, что его передадут полковому командиру Турпал-Али Атгериеву, которого знал еще со времени первой войны. Но отдали его в руки группировке «Адамалла» под руководством «халифа» Адама Дениева, который сотрудничал с федералами. Никакого обмена не было, Бабицкий должен был сгинуть. Но за него вступилась вся российская пресса, и заговорила международная общественность. Тогда его не убили, а, продержав с неделю в подвале, сунули в руки чужие документы с переклеенной из его же паспорта фотографией и вывезли в Махачкалу, где журналиста уже поджидала милиция, которая проверила полученные им документы и арестовала... Он объявил голодовку, его доставили в Москву, приговорили к штрафу за «использовании фальшивого паспорта» и амнистировали. Так новая власть показала прессе, где ее место. А солдат, которых якобы освободили в обмен на журналиста, как потом выяснилось, выкупали на деньги Березовского члены нашей «Комиссии по розыску и освобождению».

Вторая чеченская война войной не называлось. Чтобы избежать необходимости введения в регионе хотя бы чрезвычайного положения (что обязывало к соблюдению закона о ЧП) войну именовали КТО – «контртеррористической операцией». Генералы были откровеннее, свою первую операцию по истреблению грозненских защитников они так и назвали: «Охота на волков». Когда в окруженном федералами городе у них кончился боезапас, они решили прорываться. Кто-то из армейских офицеров за деньги указал им ложный проход в минных полях. По официальной версии, при выходе из города на минах подорвалось несколько сот боевиков. Ш. Басаев действительно потерял ногу. Но сами чеченцы «за флажки» все-таки вышли. Они утверждали, что погибло только 43 человека, а ушло в горы и присоединилось к другим отрядам 2 970. Вояки, которые похоже проспали прорыв, распространяться об этом не стали. В тяжелых боях за другие города и селения обе стороны несли большие потери, но применение систем залпового огня, вакуумных бомб, тяжелой артиллерии и даже тактических ракет вынудило сепаратистов отступить в лесные, горные массивы. 20 апреля 2000 года первый замначальника Генштаба России Валерий Манилов заявил, что войсковая часть КТО в Чечне закончена. На самом деле охота перешла в другую фазу. В «освобожденных» районах хозяйничал спецназ и солдаты-контрактники. О том, что они творили, можно было узнать из рассказов жителей Чечни, которым удалось бежать в Ингушетию. Это о них писала тогда журналист Анна Политковская в «Новой газете»:

«На бетонных надолбах непонятного назначения, прикрытых серыми гуманитарными одеялами «от имени ООН», сидят, поджавшись и скрючившись, парень и девушка. Мы пытаемся говорить о будущем. Я – все о перспек-

А. Политковская

тиве, о принципиальном, о глобальном: «Что же дальше? Чем намерены заняться в жизни?»

Они – лишь о конкретном, сиюминутном: «Завтра в горы пойдем за черемшой. Больше есть нечего».

Но я опять – о лучшей доле, о мечтах, о понятно-человеческом: «А цветы в горах уже есть?»

– Там бомбы есть. Неразорвавшиеся. И солдат полно... – следует ответ неспешный и бесстрастный, а за словами, как зная, полощется ненависть.

Они – брат и сестра. Восемнадцати и двадцати лет. Асланбек и Резеда. В первую войну были подростками, во вторую заматерели. И если Резеда еще украдкой улыбается, то

Асланбек мрачен, как грязный бетон вокруг него. Оба пересидели все бомбежки и обстрелы в подвалах. Вплоть до 5 февраля – в тот день был финал их личной драмы: отца, Салмана Бишаева, 1946 года рождения, зверски убили федералы на грозненской улице Кисловодской, во дворе дома № 3, при проведении зачистки в поселке Алды (район Черноречья). Убили и утащили тело. И лишь на 13-й день поисков старшая сестра Асланбека и Резеды, 30-летняя Лариса, нашла дорогие им останки. Она же соскребла мозги переломанного Салмана со стен в кулечек, чтобы похоронить. А потом все вместе они ушли в Ингушетию.

Теперь их жилье – так называемый «Карьер» на окраине города Карабулака. Здесь прозябает завод стройматериалов, от бывшего процветания которого осталось много полуразвалившихся каменных «мешков» хозяйственного предназначения. В одном из боксов этих бетонных джунглей и обосновались Асланбек и Резеда. Рядом еще 30 человек, 23 из которых, дети и молодежь. Большинству – 22, 20, 17, 16, 15 лет. Свою конуру они зовут «дискотекой», но это шутка: ни музыки, ни танцев. Гостей встречают нары, а парни и девушки на них – это 23 пары молодых, но потухших глаз и безжизненно брошенных рук. На «дискотеку» к Асланбеку и Резеде все подбирались по дальним родственным связям и общему «интересу» – пережили недавние зачистки, в которых были расстреляны и замучены их отцы, деды, братья, сестры, тетки...

– О чем вы обычно говорите тут?

– Целыми днями о том, кого убили и как, где чья могила нашлась. Ужас, – отвечает 17-летняя Фатима Долдаева, золотая медалистка грозненской гимназии № 2 выпуска 1999 года.

Фатима говорит сущую правду. От этих разговоров к вечеру сходишь с ума: смерть – главная сегодняшняя тема во всех беженских лагерях Чечни и Ингушетии. Смерть, не жизнь. Люди, потерявшие близких, бродят от одного лагеря к другому, слушают рассказы, ищут сведения о своих. Послушайте и вы:

ЖЕНСКАЯ ГОЛОВА В КРАСНОЙ КОСЫНКЕ

В тот день Султан Шуаипов примчался в ингушский аэропорт «Магас» с самого утра, хотя ему все повторяли, что хлопоты будут напрасны.

Но Султан поверил радио, где объявили, что в Ингушетию ненадолго вернется очередная делегация Совета Европы. И он посчитал так: прямо у трапа ДОЛЖЕН ВСЕ РАССКАЗАТЬ сердобольным иностранцам. И они обязательно услышат и примут меры, и жизнь (а вдруг?) покажется светлее от того, что можно будет надеяться на небезнаказанность зла.

Султан смотрится, как глубокий старец, хотя выясняется, что ему всего 45. Седая голова самопроизвольно подергивается, нервный тик не дает утомиться глазам, тело периодически «играет» в конвульсиях. Султан очень болен – 20 февраля ему, просидевшему в Грозном всю войну и сторожившему свой дом, пришлось собрать на нескольких улицах (своей и соседних – Шефской и с 3-й по 8-ю Линии) 51 труп, похоронить 21 (сколько хватило сил) из них, предварительно зашифровав каждый под определенным номером, а 30 за неимением физических сил сложить в смотровую (автосервисную) яму на 3-й Линии.

Все 51 человек были зверски убиты в ходе операции, именуемой «зачисткой», в микрорайоне Новая Катаяма в ночь с 19-го на 20-е. Большинство погибших – соседи и друзья Султана, станешь тут нервнобольным.

Говорят, то лютовала знаменитая 205-я бригада. Мстила за жертвы прошлой войны. Вот как все случилось: 19 февраля на 5-ю Линию, родную улицу Султана, вошли солдаты и сказали выползшим из подвалов жителям: «Скорее уходите отсюда. Те, кто идет после нас, всех вас вырежут».

– Солдаты двинулись, – рассказывает Султан, – а мы, соседи, посмеялись над ними: умники! Хотят, чтобы мы убежали и было удобно грабить наши дома! За солдатами пришел СОБР – очень приличные ребята, и опять ничего не случилось. Мы расслабились. А кошмар начался ближе к ночи. В сумерках на наши улицы вошли еще какие-то федералы... Одним из первых застрелили соседа Сейт-Селима с Дунайского переулка, ему было около 50, за то, что спросил у солдата род войск. Когда мы хоронили Сейт-Селима во дворе его дома, опять пришли те же федералы. Спросили: «Почему он умер?» Вопрос задавал как раз тот, кто застрелил. Мы ответили: «Осколок». Хоронили Сейт-Селима утром и уже знали: если скажем правду, нас расстреляют. А тот, кто убил Сейт-Селима, рассмеялся на наше вранье – ему, молодому

парню, было приятно, что мы, старики, боимся его. Но вернемся в сумерки. Когда из дома № 36 на 5-ю Линию навстречу федералам вдруг вышел 74-летний Саид Зубаев, солдаты заставили его «плясать» – палили из автоматов под ноги, чтобы он подпрыгивал от пуль. Старик устал – его застрелили. И слава Аллаху! Саид не узнал, что сделали с его семьей.

Султан замолкает, все выше задирая голову. Он не хочет, чтобы слезы-предатели выкатывались на щеки: никто не должен заметить его слабости. Движением головы Султан загоняет слезы обратно, в пазухи под нижние веки, и продолжает.

Около 9 вечера, снеся ворота, во двор Зубаевых вперлась БМП. Оперативно и без лишнего слов солдаты вывели из дома и поставили в ряд у лестнички 64-летнюю Зайнаб, жену старика. Их дочь, 45-летнюю Малику, жену полковника российской милиции. Маленькую дочку Малики Амину, 8 лет. 40-летнюю дочь Саида и Зайнаб Мариет. 44-летнего племянника Саида Саидахмеда Забаева. 35-летнего Руслана, сына Саида и Зайнаб. Его беременную жену Луизу. Их 8-летнюю дочку Элизу. Было несколько пулеметных очередей, и, мертвые, все они остались лежать у отчего дома. Так Зубаевых на свете не осталось никого, кроме Инессы, 14-летней дочери Руслана. Ее, девушку очень красивую, перед расстрелом военные предусмотрительно отвели в сторонку, а потом утащили с собой.

– Мы очень искали Инессу. Но она как будто испарилась, – говорит Султан. – Думаем, ее изнасиловали и зарыли где-то. Иначе бы пришла хоронить своих. В одну ночь с Зубаевыми погиб директор школы № 55 Идрис – его сначала долго били об стенку, всего переломали, а потом сделали контрольный выстрел в голову. В другом доме мы нашли, рядышком лежащих, русскую бабушку 84 лет и ее 35-летнюю дочь Ларису, известного в Грозном адвоката – обе изнасилованные и расстрелянные. Труп 42-летнего профессора-физика Чеченского госуниверситета Адлана Акаева валялся во дворе дома со следами пыток. У обезглавленного тела 47-летнего Демилхана Ахмадова не было еще и рук. Примета карательной акции на Новой Катаяме – многим отрубали головы. Я видел несколько окровавленных чурок для колки дров. Например, на Шефской улице стояла такая чурка, в нее был воткнут топор, на чурке – женская голова в красном платке, а рядом, на земле, тоже безголовое, но тело мужчины. Где останки женщины? Где голова мужчины? И кто они? Еще – нашел обезглавленный труп не известной мне женщины с разрезанным животом, куда была засунута голова. Ее голова? Чужая?

Что делают люди наутро после погромов? 20 февраля оставшиеся в живых мужчины обрывали лоскуты с одежды погибших и привязывали их к ветвям деревьев, под которыми хоронили. Зачем? Чтобы когда-нибудь потом, после войны, люди смогли найти могилы своих близких.

И теперь Новая Катаяма, где много деревьев в лоскутках, вполне оправ-

дывает свое странноватое японизированное имя. Ведь это в Японии вяжут разноцветные ленточки на ветви в знак, что помнишь кого-то, тебе дорогого, и любишь...

– Ну почему же вы не вышли вовремя из Грозного? Не переселились в Ингушетию? Вы? И Зубаевы? И профессор Акаев? И Идрис? И адвокат Лариса?.. Все остальные, кого теперь нет?

Ответ Султана испепеляет: «В подвалах во время обстрелов мы часто говорили об этом. Очень верили, что правду говорят генералы: войска придут, жизнь наладится. Поэтому надеялись на лучшее будущее, сторожили дома, хотели первыми устроиться на работу после освобождения..»

Они верили НАМ! Они надеялись на НАС! За это МЫ их убили! Вот что вышло.

Султан пошел греться в здание аэропорта. Никакая делегация Совета Европы не прилетела, а важные чиновники из Москвы, вышедшие из самолета, там же, у трапа, сели в подогнанные машины и были таковы. Султана никто не выслушал. «Наверное, надо было облить себя бензином, чтобы обратили внимание», – сказал он серьезно и, сгорбившись, побрел прочь. Одиноким старым чеченец, похоронивший 21 труп и не сумевший похоронить еще 30. Голова его все сильнее дергалась и не давала покоя рукам – каждые несколько минут Султан должен был ловить падающую шапку.

РАССТРЕЛЯННЫЙ ПАСПОРТ

– Как я буду теперь возвращаться через посты в Чечню?! По такому паспорту федералы сразу поймут, что меня кто-то недострелил, и обязательно арестуют. А если я расскажу правду, меня тем более расстреляют. – Берженка и грозненка Хееди Махаури говорит еле-еле, с остановками. Но упорно зовет всех, кого видит, посмотреть на свою красную книжицу. Зрелище и вправду экстраординарное: ее паспорт получил сквозное ранение, и через две дырки от пуль можно смотреть на мир. А со второй странички пробитого документа на вас глядит такая интересная молодая грузинка с тонкими чертами лица и затейливым разрезом глаз, что нет никаких сил переключиться с фотокопии на нынешний оригинал перед собой.

Хееди плачет, она все понимает. И уверена, что это конец, она никогда не дойдет до Грозного. Она боится людей в форме.

История Хееди проста и ужасна. Всю войну вместе с пятью своими детьми она прожила в Ингушетии, в станице Нестеровской, под чужим кровом. И вот когда по телевизору сказали, что Грозный освобожден, она решила идти смотреть свой дом № 201 по улице Пугачева. Хотела понять: можно ли переселяться? Отправилась Хееди вместе с подругой, соседкой и по Грозному, и по Нестеровской – Ларисой Джабраиловой, русской и матерью четырех детей. По дороге к ним прибилась еще и знакомая чеченка Нура, пробирающаяся в город с той же целью. До 201-го Хеединого дома добрались лишь

на следующий день, и на его месте оказались одни стены. Пошли смотреть Ларисино довоенное жилище. И тут случилось то, чего больше всего боятся сейчас в Чечне: троица нарвалась на военных в тот момент, когда те мародерствовали. Солдаты грузили на БТР матрацы, кресла, пледы – и женщины, неожиданно вынырнув из проулка, встретились с грабителями глаза в глаза.

Хееди, Ларису и Нуру, естественно, арестовали. Завязали им глаза. Погрузили на БТР. Потом где-то спустили на землю и велели идти вперед, взявшись за руки. Вскоре приказали развязать глаза. Женщины увидели себя среди развалин какого-то дома у стенки – и все поняли. Первой застрелили Ларису, ей было 47, и она умерла сразу, не мучаясь. Перед смертью Лариса лишь очень просила солдат пощадить ее, кричала: «Я–русская, из Подмосковья родом! Мы ничего не видели! Никому не скажем!» Нуру, чеченку, убили второй. Она тоже умоляла: «Ребята! Мне только 43! У меня трое сыновей! Как вы!»

– Я была третьей, – досказывает историю Хееди. – На меня направили автомат, и все кончилось. А очнулась я от сильной боли. И только позже осознала, что случилось. Когда меня расстреляли, я осталась жива. Но была без сознания, а солдаты, видимо, не проверили меня на жизнь. Потом наши тела они подтащили друг к другу, накинули сверху валявшийся рядом матрац и подпалили. Хотели сжечь трупы – и концы в воду. И вот тогда я очнулась от резкой боли. Это огонь лизал мою ногу. Солдат уже не было, я выползла из-под матраца, долго лежала, но потом все-таки решила ползти. Меня без сознания подобрали на улице две чеченки, шедшие доить корову. А очнулась я в подвале. Там тоже были раненные, и какие-то люди нашли для нас автобус и отправили всех в Ингушетию.

С расстрелянной женщиной мы встретились в палате № 1 Сунженской районной больницы (в станице Орджоникидзевской на границе Чечни и Ингушетии). Хееди сейчас очень плоха. Она частично парализована – пули прошили все тело, мучит сквозное ранение спины, задеты нервные окончания, верх тела не действует вовсе, рук она не чувствует, медицинский прогноз пока неопределенный...

– За что? – спрашивает 13-летняя старшая дочка Хееди, которая ухаживает за мамой. – Она у нас очень добрая и мягкая. Она только очень хотела вернуться домой.

Входит медсестра и начинает перевязку Хееди. Весь ее живот в корочках запекшейся крови. Это как раз дырки от «паспортных» пуль. Хееди не помнит, как все случилось, – уже была без сознания после расстрела, но предполагает, что на прощание очередью солдаты прошили ее тело в районе живота. Ведь именно там висела сумочка с паспортом.

АЛДИНСКИЙ КОШМАР

Пора возвращаться в «Карьер», к Асланбеку и Резеде. Мы опять сидим с ними на бетонных надолбах, и юноша рассказывает, как бесчинствовали в Алдах военные. Не только убивали, но и глумились. У его отца вырвали все золотые зубы вместе со здоровыми, а у их соседки – древней бабушки Ракъят – во время зачистки рот вообще разодрали до ушей, никак не могли вытащить челюсть.

Резеда начинает рисовать схему их улицы в Алдах, и как двигались каратели. «Вот наш дом, – говорит Резеда. – А вот Султана Темирова, соседа-пенсионера. Ему, еще живому, контрактники отрезали голову и увезли с собой. А нам объяснили: обычно забирают голову, если подозревают человека в родственных связях с боевиками. Брат же нашего Темирова был спикером последнего предвоенного чеченского парламента. Поэтому и туловище Султана бросили собакам. Позже, когда федералы ушли в другие дома, соседи отобрали у одичавших псов одну левую ногу и пах, их и похоронили.

Свидетели считают, что во время зачистки в Алдах погибли более сотни человек, точнее данных пока нет. Особенно пострадали те, кто оставался на улицах Воронежской и имени Маташи Мазаева. (Для интересующихся: Маташа Мазаев – родившийся и выросший в этом поселке Герой Советского Союза времен Великой Отечественной войны.)

Такая выборка получилась случайно: просто улица имени Героя первая, когдаходишь в Алды.

Резеда продолжает воображаемый поход по домам: «Прошли нас. Бабушку Ракъят. Султана Темирова. Дальше дом Хайдаровых. Там расстреляли отца и сына, Гулу и Ваху. Старику за 80. За ними жил немолодой Авалу Сугаипов, у него останавливались беженцы. Мы не успели запомнить их имена, но это были двое мужчин, женщина и 5-летняя девочка. Всех взрослых сожгли огнеметом, включая мать на глазах у дочери. Перед казнью солдаты дали малютке банку сгущенки и сказали: «Иди погуляй». Наверное, девочка помешалась. На улице Воронежской, 120 жили Мусаевы. Из них расстреляли старого Якуба, его сына Умара и племянников Юсуна, Абдрахмана и Сулеймана. Оставили в живых одного хозяина – старика Хасана. Он считался старейшиной всего Черноречья. Но дедушку оставили не просто так: трупы Мусаевых федералы ногами подвинули друг к другу, заставили старика лечь поперек всех пятерых и не шевелиться. Потом дали очередь по нему, ранили и сказали, что, если встанет, убьют. Постояли, покурили, Хасан не двигался. И ушли довольные. Я больше рассказывать не могу!»

Резеда убегает на улицу. Асланбек уползает по нарам в самый угол, отворачивается, а продолжает их старшая сестра Лариса. Она говорит вещи, которые фантазии психически здорового человека недоступны. О том, что деревья на их улице теперь «украшены» бесформенными кровавыми пятна-

ми, потому что к ним подводили для расстрела. «Но стволы-то не отмыть! Поэтому я, например, никогда не смогу туда вернуться, я неспособна жить рядом с этими деревьями, где убивали людей, которых я знала и любила. Когда мы уходили из Алдов, видели: остававшиеся мужчины плакали, как женщины, а бороды молодых поседели. А уже в Ингушетии увидела по телевизору репортаж о зачистке в Алдах. Показали снайпершу, якобы чеченку, которая работала по федералам из алдинских домов, поэтому вроде и зачистка такая жесткая вышла. Я ахнула: это была наша известная чернореченская алкашка Таня Рыжая. Русская, кстати. Она неспособна выстрелить. Уже года два, как у нее руки так ходуном ходили, что не могла ложку держать, мы ее подкармливали. А что же выходит? Значит, Таня Рыжая – оправдание всего алдинского кошмара?»

С нар прыгнул ребенок лет семи. Он выставил вперед выпиленный из дерева автомат и крикнул: «Ты – русская?» На него шикнули взрослые, но мальчик выпалил: «Фашист ты!»

Идущая на Кавказе война с ног до головы закидывает грязью нацию. Вы уже начали думать о том, как мы от всего этого отмоемся? Сколько времени потребуется? Вспомните, Германия полвека сдирала с себя лохмотья национального позора. И все эти десятилетия наши дети играли в войну с немцами, а взрослые поощряли их к этой игре! И вот теперь мы стали немцами? Так сколько же уйдет на то, чтобы чеченские дети перестали играть в войну, где самый плохой мальчик будет исполнять роль «русского?»

Кем вырастет ребенок с деревянным автоматом? Чего ждать от тех, кто остался в Чечне или вышел из нее с ненавистью и желанием отомстить? Кому мстить? Тем мирным россиянам, которые пьют чай у телевизора? Но первая война унесла жизнь ста с лишним тысяч тех, кто тоже хотел, вернувшись после работы, отдыхать в кругу семьи... Их трупы, вместе с тысячами новых, гниют во рвах и ямах, вокруг армейских баз и дорог.

Благодаря журналистам из «Московского комсомольца» становится известно о расстреле мирных жителей села Циндой. Группа спецназа, ожидавшая проезда одного из полевых командиров, открыла огонь по проезжавшей машине, где ехали беременная женщина, ее племянник, директор сельской школы, завуч, лесник и водитель. 68-летний директор школы был убит, еще двое ранены. Командир группы Э. Ульман сообщил начальству по рации об ошибке и получил приказ добить и сжечь всех. После публикаций в прессе, был суд, который дважды оправдывал убийц, которые «не могли послушаться приказа», тот кто его отдавал остался «неустановленным», а когда состоялся третий суд, подсудимые, которые почему-то гуляли на свободе, на него не явились и пропали...

Позже на всю страну прошумело дело полковника Буданова, который не только издевался над подчинёнными (так он велел солдатам посадить в яму с хлоркой лейтенанта, который ослушался его пьяного приказа и не стал стрелять осколоч-

ными снарядами по соседней, мирно спящей чеченской деревне). Еще, надругавшись, он задушил 18-летнюю чеченскую девушку. Его также несколько раз оправдывали, и только протесты вынудили суд вынести ему наказание, от которого он был досрочно освобожден, но получил в Москве пулю от чеченского мстителя...

Поздней осенью 2000 года международная организация «Human Rights Watch» (HRW) опубликовала доклад «Добро пожаловать в ад» о тысячах задержанных чеченцев, которых пытали, насиловали и убивали в «фильтрационных» лагерях. В марте 2001 года HRW укажет на восемь необозначенных захоронений в Чечне, которые были обнаружены в 2000-2001 годах. «Мемориал» также подтвердил случаи, когда тела убитых бросались по обочинам дорог, на территории госпиталей и других местах. Большинство этих тел имело следы выстрелов с близкого расстояния, характерные для внесудебных расправ, и увечья. Врачебные осмотры некоторых жертв показали, что часть увечий была нанесена ещё живым людям, что указывает на факты применения жестоких пыток по отношению к жертвам. Фрагменты взорванных человеческих тел местные жители и правозащитники находят по всей республике. Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации Олег Миронов будет призывать власти открыть места массовых захоронений для идентификации тел, установления причин смерти и захоронения. Но его даже не пустят в Чечню.

По данным Уполномоченного по правам человека в Чеченской Республике Нурди Нухажиева, за время военных действий на территории Чечни, не в ходе боевых действий, а при зачистках бесследно исчезли 4 400 человек. Осиротевшие дети и вдовы, их братья и родственники выкупают тела замученных и еще живых, для кого-то главное выжить и сохранить род, но есть и те, кто не может забыть о долге кровной мести. Российский обыватель об этом не знает, если его дети не оказались в этой мясорубке, он доволен, террористы разгромлены, кажется, можно вздохнуть спокойно. Но в это время сотни ожесточившихся людей уходят в лес, там они находят тех, кто дает им не только оружие, но и слепую, фанатичную уверенность в своей правоте. И вот кто-то уже стреляет, а кто-то собирает пояс шахида. Причем президент Ичкерии Аслан Масхадов теряет контроль и управление отдельными партизанскими отрядами. Управление своими силовиками потеряет и другой президент. Война сделает свое дело, она больше не нужна. Но армия бесчинствует на захваченных территориях, а вывести ее оттуда нельзя.

Хоть генералы и убеждают его в том, что сломили сопротивление, но уходить не торопятся – республика стала ареной тотального расхищения средств на ее восстановление. А спецслужбы докладывают, стоит армейцам уйти, все может вернуться назад. И что тогда, снова воевать? А как же его обещание покончить с террористами? Частичный вывод войск станет возможным только через год, да и он будет просто сменой разложившихся воинских частей на другие. Главой

промосковской администрации Чечни в 2000 стал когда-то объявлявший джихад, главный муфтий Чечни Ахмат Кадыров, но ставка на переманивание полевых командиров и чеченской элиты ощутимых результатов не давала. Вооружённые нападения, обстрелы блокпостов, теракты и расправы с людьми, пошедшими на сотрудничество с новой властью, продолжались. По словам генерала Трошева, только за февраль-март 2001 года в Чечне огонь по военным открывали 485 раз, а подрывов воинских колонн – 68, на подлете к Грозному был сбит вертолёт с военной Комиссией Генерального Штаба. В том же сентябре атакован и какое-то время удерживался второй по величине город Гудермес, через год – попытки отряда Руслана Гелаева проникнуть в Чечню через Ингушетию, а потом через Дагестан. Чем хуже положение попавшего между молотом и наковальней населения и загнанных в горы боевиков, тем ожесточеннее сопротивление. На втором году новой войны, вдовы погибших чеченцев уже взрывают себя у воинских частей и комендатур, терроризм не остановлен, он набирает силу, и его жертвы еще впереди...

Мы понимали, новая война – это не только бойня, где из-за отморозков и провокаторов гибнут тысячи людей, но и угроза для едва зародившегося гражданского общества. По инициативе членов «Мемориала» в Санкт-Петербурге был создан «Антивоенный комитет». Вошедшие туда молодежные левые группы и либералы стали выходить на Невский проспект с плакатами и листовками против войны. За это еще не сажали в тюрьму, но была другая, «коричневая» опасность. Вместе с нами там стояла и наша с Катей десятилетняя дочь. А, когда нас там не было, от нападений имперцев и скинхедов, которые охотились за пикетчиками, ее охраняли анархист Петр Рауш (вскоре, после того, как, защищая ребят от напавших фашистов, он был вынужден применить нож, ему пришлось эмигрировать), старый политзек Сергей Хахаев и другие. А прохожие, в лучшем случае, равнодушно проходили мимо.

Тогда в очередном номере (или питерской вкладке) «Новой газеты» было опубликовано наше письмо:

«История либеральных реформ в России в который раз вернулась к исходной точке: государство методично совершает массовое нарушение прав человека, а протестует лишь горстка “отщепенцев”. Большинство же испытывает подлинное торжество по поводу явленной таким образом государственной мощи. Значительная часть общественности, причисляемой к либеральной, оправдывает “славные подвиги” российской армии в Чечне “государственной необходимостью” и “высшими интересами”. Остальные “приверженцы общечеловеческих ценностей”, чувствующие, что здесь что-то не так, просто растеряны и не знают, что сказать.

Уверенность проповедников ракетно-бомбовой обработки чеченских городов и сел и беспомощность наших гуманистов имеют очевидную причину: даже те, у кого вызывает внутренний протест массовая гибель людей, разру-

шение жилищ, школ и больниц, страдания беженцев, не могут предложить другого способа достижения поставленной нашим государством задачи – задачи, законность и справедливость которой они не ставят под сомнение. Задача эта совершенно та же, что и в предыдущую войну: восстановление российской власти на территории, фактически отделившейся от России 8 лет назад.

Уже из одного всеобщего молчаливого признания невозможности достичь поставленной цели другими средствами с неизбежностью следует: как бы ни расписывали имиджмейкеры этой рейтинговой войны всеобщее стремление “мирных чеченцев” вернуться под российскую власть, практически все понимают, что нашей армии противостоит не кучка бандитов и террористов, а весьма значительная часть чеченского народа. Общую численность чеченских вооруженных формирований на момент российского вторжения Сергей Степашин, в осведомленности которого нет оснований сомневаться, оценил в 40 тысяч бойцов. Кто они такие и почему взяли в руки оружие? Может, это все похитители людей и работорговцы, защищающие свой малопочтенный бизнес? Но тогда число похищенных в Чечне было бы на два порядка больше того, которое называют наши же спецслужбы. Может, это фанатичные исламские фундаменталисты, готовые весь мир залить кровью ради повсеместного утверждения законов шариата? Но если бы их было столько в Чечне, в России каждый день что-нибудь бы да взрывалось. Нет, подавляющее большинство этих людей просто отстаивают независимость своей родины от родины нашей с вами. А теперь сопоставьте их количество с численностью мужского населения Чечни, способного носить оружие, и вы получите представление о распространенности стремления к отделению от России в чеченском обществе, а главное, о его интенсивности, то есть о степени непримиримости к российской власти, о степени готовности умереть, но ей не подчиниться. Наше государство воюет именно с чеченским народом, проявляющим стойкое нежелание жить в его составе. Отрицать это могут только лжецы и господин Исполняющий Обязанности.

Второй раз за последние пять лет гигантская военная машина России ведет войну против маленького народа, не пожелавшего жить в ее составе. Этот народ был включен в состав России в прошлом веке в результате разбойничьей колониальной войны, после нескольких десятилетий отчаянного сопротивления. Этот народ в культурно-историческом плане не связывает с Россией ничего, кроме воспоминаний о зачистках царского генерала Ермолова, телячьих вагонах советского маршала Берии и бомбах “демократического” президента Ельцина. И какие бы серьезные претензии ни имели бы простые чеченцы к своей новой военно-феодальной знати, эти претензии всегда будут отступать на второй план перед лицом чужаков, пришедших с севера. Как бы обоснованно они ни считали Басаева с его “экспортом исламской ре-

волюции” косвенной причиной своих бед, прямой причиной этих бед для них останутся те, кто разбомбил их дома, убил их родственников, вывозил грузовиками их имущество во время “проверок паспортного режима”, издевался над ними в фильтропунктах. Неужели кто-то всерьез верит, что гуманитарные подачки заставят чеченцев все это забыть? Нет, никогда чеченцы не согласятся добровольно вернуться под власть России после того, что она с ними сделала. Этого не понимают только глупцы и господин Исполняющий Обязанности. Такую войну действительно невозможно вести другими способами. Невозможно без систематического насилия удержать власть над народом, категорически не желающим этого. И армия, брошенная в мясорубку этой войны, окруженная враждебностью местного населения, постоянно ожидающая выстрела в спину, неизбежно проникается озлоблением против всех чеченцев и срывает это озлобление при каждом удобном случае. Она впитывает убеждение, что несогласие какого-либо народа жить под нашей властью, достаточное основание для того, чтобы считать его врагом, подлежащим уничтожению. И по отношению к врагу все дозволено. Армия проникается убеждением в праве сильного владеть захваченным, ибо это единственно возможное основание, способное оправдать все. Потом вернувшиеся из Чечни понесут эту мораль в наши города и села. Не замечают этого только лицемеры и фарисеи. И господин, Исполняющий Обязанности.

На самом деле дело не в том, что кто-то чего-то не замечает, а в том, что наше общество внутренне примирилось и с огромными потерями собственной армии (значительно большими, чем на предыдущей войне), и с тем, что эта армия делает в Чечне. А то, что она там делает, находится за пределами законов Божеских и человеческих. На современном юридическом языке все это имеет четкое определение: военные преступления. И сегодня, когда становится известно все больше фактов о таких преступлениях, не надо делать изумленные глаза и принимать позу оскорбленной невинности. С самого начала было ясно, что все будет именно так. И неужели, когда официальные и не очень официальные лица врали об ударах возмездия или о санитарном кордоне, кто-то питал иллюзии, что на этом все остановится? Дело не в информационных технологиях, кстати, весьма примитивных. Дело не в том, что общество опять обманули. Дело в том, что оно хотело быть обманутым, что оно само лгало себе.

Как удав, который прежде чем проглотить свою жертву, завораживает ее гипнотическим танцем, так и наша власть парализует своих возможных критиков заклинаниями о “нерушимости границ”, о “территориальной целостности”, о “неотъемлемой части”. Эти магические формулы почитаются у нас ныне не подлежащими сомнению и даже просто обсуждению. А ведь дело обстоит так: если мы признаем право государства добивать-

ся сохранения своих границ любой ценой, значит, мы считаем допустимым разрушение городов и сел, гибель десятков тысяч людей, превращение сотен тысяч других в беженцев, потерявших в жизни все: жилье, имущество, работу, привычную среду и живущих в нечеловеческих условиях – значит, мы считаем допустимым бесчинства озверевшей солдатни, грабежи, мародерство, изнасилования, избиения и пытки в фильтрапунктах; но, если мы все это считаем в принципе недопустимым, мы должны признать, что право народов на самоопределение вплоть до отделения и образования независимого государства выше принципа “территориальной целостности”.

Право на самоопределение – не абстракция, изобретенная досужими умами или корыстными демагогами. Признание этого права – итог исторического опыта, не раз доказывавшего, что его непризнание ведет к бесконечным жертвам и великим злодеяниям. 400 лет назад восставшие против испанского владычества Нидерланды обосновали свое право на отделение, провозгласив принцип: не народ для государя, а государь для народа. Право на самоопределение вытекает из признания, что выше прав государства стоят права человека и прежде всего самое неотъемлемое из них – право на жизнь.

Трубадуры имперского величия на все лады разглазольствуют о возрождении российской государственности. В ходе чеченской войны действительно возрождается традиционная российская государственность, всегда ставившая политическую целесообразность выше прав человека, то есть антиправовая государственность. В каждом шаге нашего государства сквозит не просто юридическая неряшливость, но демонстративное пренебрежение к праву и закону как таковым. Начав войну, оно даже не удосужилось денонсировать подписанный президентом России мирный договор, по которому Россия впредь отказывается от применения силы в отношении Чечни. Воистину, наше государство – хозяин своего слова: хочет – дает, хочет – берет назад. Ради того, чтобы не пропустить выгодную для власти политическую конъюнктуру и не откладывать выборы, оно не потрудились соблюсти даже те формальности, которых требуют его собственные законы для применения армии внутри страны или введения ограничений на передвижение. Случай с Андреем Бабицким – лишь еще одно звено в этой логической цепи.

Сегодня многие в нашей стране радуются такому проявлению “государственной воли”. Существующая в России власть сделала все, чтобы идея приоритета прав человека, само понятие правового государства ассоциировались в сознании нашего народа с правовым беспределом и вакханалией расхищения национального богатства. Многим хочется верить, что государство, не стесненное “формальностями”, разделяется с ненавистными олигархами, беззастенчиво грабившими народ все последние годы. Те, кто в самоутверждении через насилие над другими находит психологическую компенсацию за все безобразия последнего времени, не хотят видеть, что

эта идея подброшена самими олигархами и что режим, не стесненный формальностями, будет орудием все тех же олигархов.

Народ наш все же лучше своих правителей: его пришлось довольно долго мучить, чтобы пробудить в нем зло. Но сегодня большая часть российского общества находится в плену великодержавно-шовинистического дурмана. Сегодня оно готово принять и приветствовать приход фашизма – не бу-тафорского, ряженого, устраивающего карнавальные шоу, а настоящего, серьезного, который бомбит и стреляет. В этих условиях долг каждого честного человека – противостоять наползающей на страну фашистской дряни. Сделать все, что в его силах, чтобы помочь выйти из оцепенения тем, в ком сохранились отвращение к насилию и способность к состраданию. Чтобы разбить ложного идола, требующего человеческих жертвоприношений. Чтобы сказать, что король-то голый. Нужно назвать вещи своими именами. Война России в Чечне – несправедливая, грязная, колониальная война. И наши солдаты там – захватчики. Необходимо осознать и признать: это не наша земля и не наш народ. Необходимо применить к себе элементарный принцип человеческого общежития: нельзя брать чужое. Оно все равно не пойдет в прок. Оно будет жечь пальцы. И за это рано или поздно придется расплачиваться. Придется отдавать долг. За ним уже пришли. И попытки избежать его уплаты лишь увеличивают размер долга. Право России на территорию Чечни – это право бандита владеть награбленным. Мы будем всегда в долгу у чеченцев, пока не вернем им то, что было у них разбойничьи отобрано и что принадлежит им по факту существования – право на независимость.

Честные люди должны сказать сегодня: мы считаем, что никакими государственными интересами нельзя оправдать уничтожение тысяч людей, разрушение городов и сел. Оправдывать все это могут лишь мерзавцы и господин Исполняющий Обязанности. Мы не хотим принуждать какой-либо народ жить в составе нашего государства ценою крови и при помощи оружия. Мы не хотим, чтобы нас ненавидели и искали возможность отомстить. Мы не хотим, чтобы наших солдат превращали в карателей и убийц. Мы не хотим владеть какими-либо территориями по праву колониального захвата. Хотеть этого могут только откровенные фашисты и господин Исполняющий Обязанности.

Те, кто развязал и ведет эту войну, – преступники и убийцы. Они покрыли Россию несмываемым позором. Они опорочили звание российского солдата, сделав из него палача. Те же, кто вновь предлагают нам господина Исполняющего Обязанности в качестве “меньшего зла” – пособники преступников. Они забыли о том, что всегда знали на Руси: нельзя молиться за царя-ирода. Не те ли это люди, которые отводили глаза перед ложью и перед подлостью в советские годы?

Преступник должен сидеть на скамье подсудимых, а не в президентском кресле. У нас нет права осуждать Басаева, пока мы не привлекли к суду собственных военных преступников, развязавших как первую, так и вторую чеченскую войну. Кого-то смущают нарушения прав человека в дудаевско-масхадовской Чечне? Но не нам, принесшим в Чечню только смерть и разрушение, учить чеченцев соблюдать права человека. Единственное, что может сделать для Чечни Россия – это уйти из нее, предоставив заботу о соблюдении там прав человека другим. Потому что обеспечить соблюдение прав человека на территории Чечни Россия не может в принципе. По той причине, что их вообще нельзя обеспечить в условиях оккупационного режима и продолжающейся партизанской войны.

Так называемый статус Чечни не может быть предметом никаких переговоров. Этот вопрос не может быть предметом сговора между российским правительством и чеченскими феодалами в условиях оккупации. Этот вопрос может решать только сам чеченский народ, и никто кроме него. Единственным предметом переговоров может быть обеспечение нормальных условий для свободного волеизъявления чеченского народа. Не может быть свободным народ, угнетающий другие народы. Признание права чеченского народа самому решать свою судьбу – священный долг России.

29.02.2000 г.

Скобов А. В., бывший политзаключенный, преподаватель истории.

Молоствов М. М., бывший политзаключенный и депутат Государственной Думы

Рыбаков Ю. А., председатель партии «Демократическая Россия», депутат Госдумы РФ».

Но общество почти ничего не знало о той цене, которую оно уже платило за генеральские «победы». И рейтинг кандидата в президенты, который возглавил эту войну, продолжал расти. Если, по словам руководителя Фонда общественного мнения А. Ослона, в течение августа-сентября 1999 года рейтинг премьер-министра Путина был 2-3%, то к концу года он составлял уже 40 и более процентов. По данным «Левада-Центра» все 80%! Опросы ФОМ о поддержке боевых действий в Чечне, а в общественном сознании они были прочно связаны с Путиным, это подтверждают. В это время бои шли уже в горном Шатойском районе Чечни. Окружившие район войска понесли при штурме большие потери, тогда село стали бомбить глубинными и вакуумными бомбами. А две войсковые группы Хаттаба и Гелаева снова пошли на прорыв, одна – на село Комсомольское, другая – через Улус-Керт. Захват опустевших развалин Шатоя был объявлен окончанием войны. Глава объединенной группировки войск на Северном Кавказе генерал-лейтенант Г. Трошев сообщил, что с боевиками покончено, остались только небольшие банды. 29 февраля командующий водрузил российский триколор над Шатоем и повторил: чеченских банд не су-

ществует. Центральные телеканалы показали, как министр обороны Игорь Сергеев докладывает и.о. президента Владимиру Путину об «успешном завершении третьего этапа контртеррористической операции на Кавказе».

На самом деле солдатам еще предстояли тяжелые бои у села Комсомольское, а солдат из 6 роты 104 полка Псковской дивизии ВДВ ждал последний бой с отрядом полевого командира Гелаева, который, уходя из Шатоя, встретит ее на своем пути. Силы будут неравными: по словам Хаттаба, при выходе из Шатоя у него было 1 200 бойцов, а по дороге к ним присоединялись другие группы. На их пути окажется только два, наскоро собранных, взвода, третий отстал и после обстрела разбежался. У них было только личное стрелковое оружие и лишь один крупнокалиберный пулемет. Из-за отсутствия шанцевого инструмента отрыть хоть какие-то окопчики было нечем. Через три с лишним часа, окруженные и припертые к обрыву, они потеряли половину своего состава. Командир роты С. Молодов еще в начале боя получил пулю снайпера и вскоре скончался, командование оставшимися взял на себя подполковник М. Евтюхин. По открытому каналу радиосвязи подполковник несколько раз обращался к командиру полка с просьбой о подмоге, на что каждый раз получал один и тот же ответ: «Марк, не паникуй, подмога будет...» Но ее не было. Лишь к утру следующего дня к ним прорвалась группа солдат из 15 человек во главе с майором Александром Доставаловым и ротным Олегом Ермаковым, которые без приказа покинули оборонительные рубежи 4-й роты на соседней высоте и, зная, что идут на смерть, пришли на помощь. (В Пскове на полковой стеле памяти героев их имена появятся не сразу, ведь на выручку товарищей они рванули без приказа.)

После их гибели оставался только один офицер – лейтенант Дмитрий Кожемякин, но и он погиб, прикрывая отход последних солдат. Шестая рота умерла, где стояла, в бою погибли 13 офицеров и 71 солдат. Почти половина из них получила тяжелые осколочные ранения от разрыва мин и снарядов, немалая часть которых была прилетела из аула Сельментаузен, где в тылу стояла их полковая артиллерия. Рядовые Ердяков и Попов, младшие сержанты Кобзев, Козлов и Духин, судя по характеру ранений, не сдались в плен и подорвали себя гранатами. По словам собкора «Новой газеты» Ю. Моисеенко, «многие офицеры полка продолжают считать, что «коридор» для прохода банды Хаттаба был куплен, и только десантники не знали о сделке». Из показаний найденных и осужденных впоследствии боевиков из отряда Хаттаба известно, когда они наткнулись на заслон, то были удивлены и отправили парламентариев, которые говорили десанникам о том, что их проход согласован, но получили отпор.

И в первой, и во второй чеченских войнах среди военных ходили разговоры о предательствах, о продажных политиках, которые отбирают падавшую в руки победу, о генералах, которые продают «чехам» не только оружие, но и безопасные выходы из ловушек. Вот и в этот раз ходили слухи о том, что выход из Шатойского котла и дорогу в леса им продали за 500 тыс. долларов. Так ли это, не-

известно. Но блокпосты по пути на Ведено почему-то были сняты. А по данным радиоперехватов, которые вели спецслужбы, Басаев и Хаттаб получали команды и подсказки по маршруту по спутниковой связи, и велись они на русском языке. Полковая связь с Марком Евтюхиным оборвалась 1 марта в 6 часов 10 минут. По официальной версии, последние слова комбата были адресованы артиллеристам: «Вызываю огонь на себя!» Но сослуживцы рассказывают, что в свой последний час он помянул командование: «Вы нас предали, суки!» Командование, в преддверии президентских выборов хотело скрыть случившееся, потом пытались приуменьшить потери. Военная прокуратура проводила расследование всех обстоятельств, один из выживших солдат пытался покончить с собой, командира полка обвинили в халатности, потом амнистировали и вскоре он умер от сердечного приступа.

Дело о гибели 84 десантников было закрыто заместителем Генпрокурора С. Фридинским. Материалы расследования засекречены до сих пор. Хоронили их по месту службы, в Пскове. Никто из больших командиров туда не приехал: хоронить всех погибших времени не хватит... В тот день глава Генштаба Анатолий Квашнин, Геннадий Трошев, Владимир Шаманов отправились в Дагестан, где получили звания почетных граждан и серебряные кубачинские шашки из рук мэра Махачкалы Саида Амирова. На траурную церемонию ждали Владимира Путина, но имиджмейкеры отсоветовали – цинковые гробы не лучший «пиар» для кандидата в президенты. Куда лучше летать по стране и, выступая победителем, говорить о национальном достоинстве, социальной справедливости, едином командном духе и потенциале великой державы. А по пути можно и в госпиталь заглянуть, забота о раненных – это ведь так трогательно. В таких поездках его сопровождал целый отряд журналистов, среди них была Е. Трегубова:

«В волгоградском военном госпитале, который стоял в плане посещения Путина, журналистам раздали белые халаты и выставили на заранее заготовленные точки. Я в этом бутафорском облачении случайно зашла в палату ампутантов, которых недавно привезли из Чечни. Несмотря на ужас увиденного, я поняла, что просто выйти оттуда и закрыть за собой дверь было бы малодушием. Тем более что молоденькие ребята, которые там лежали, уже с какой-то надеждой смотрели на меня: гость. Я интуитивно почувствовала, что им сейчас больше всего надо, чтобы я улыбнулась и не побоялась с ними разговаривать, смотреть на них. И я подошла и стала знакомиться со всеми. И улыбаться. И изо всех сил не замечать оторванных конечностей и изуродованных лиц. И опять улыбаться.

Деятнадцатилетний Алексей из Нижнего Новгорода рассказал мне, что, после того как его призвали в армию, он успел повоевать в Чечне всего три месяца: ему взрывом оторвало кисть руки и чуть было не выбило глаз.

– Я мечтал стать шофером-дальнобойщиком. Как мой отец, – вздохнул

Алексей. – Хотел ездить по стране, смотреть новые города. А теперь вот – видите, придется придумывать что-то другое...

– А девушка у тебя в Нижнем есть?

– Да, я ей уже всю правду написал про то, что со мной произошло. Она пишет: наплевать на все. Хочет быть вместе.

Тут дверь в палату распахнулась, и вошел Путин. Чтобы не мешать делегации, я осторожно присела на край кровати Алексея и благодаря этому услышала чудовищный разговор Верховного главнокомандующего с этим мальчиком, искалеченным на войне, которую он, Путин, развязал. Сначала генералиссимус ходил по палате, жал всем руки и вручал часы и переносной телевизор. А когда дошла очередь до Алексея, которому часы надевать было не на что, а телевизор смотреть почти нечем, Путин спокойно поинтересовался у него:

– Глаз видит?

– Да.

– А то, что ярам такой на лице, это ничего. Сейчас хирурги все так умеют делать, что ничего потом заметно не будет! – бодро сообщил ему Путин. После этого кандидат в президенты постарался побыстрее ретироваться из палаты ампутантов – уж больно невыгодная для телекамер предвыборная картинка там получалась. Когда он стал прощаться, пробираясь к двери, Алексей даже не произнес, а еле слышно выдохнул:

– Даже не верится... Путин... Живой...

Все это время, пока я сидела рядом с Алексеем, мне казалось, что я из всех сил стараюсь не расплакаться. Но в ту секунду я обнаружила, что на самом-то деле у меня уже давно по лицу сплошным потоком текут слезы. Большие всего мне хотелось встать и дать Путину пощечину: за его бесстрастное выражение лица в тот момент, за менторский тон, которым он, не воевавший, позволил себе говорить с этим мальчиком, раненным на войне, которая так понадобилась Путину для победоносных выборов. А еще – за путинскую пропаганду по всем телеканалам, которая успела так загадить людям мозги, что этот парень, едва оставшийся в живых, радуется, что увидел живого Путина».

Президентская избирательная кампания идет к концу. Общих слов кандидатом сказано немало, но что он намерен делать на самом деле новый, неясно. За две недели до выборов на вопрос журналистов из «Коммерсанта»: «Почему-то все считают, что буквально сразу после выборов вы, если победите, резко изменитесь. У вас действительно есть желание все и всех поменять?», он ответил: «Не скажу!» ... Но за день до президентского «сюрприза» в «Независимой газете» появилась большая статья за его подписью «Россия на рубеже тысячелетий». Команда спичрайтеров постаралась угодить всем, статья производила хорошее впечатление. Премьер-министр рассуждал о том, что стране хватит потрясений,

что необходимо сотрудничество, а не новые социальные эксперименты. Он назвал свои приоритеты – патриотизм, державность, государственничество, но при этом заявлял: *«Там, где есть государственная идеология как нечто официально благословляемое и поддерживаемое государством, там, строго говоря, практически не остается места для интеллектуальной и духовной свободы, идейного плюрализма, свободы печати. А значит, и для политической свободы. Я против восстановления в России государственной, официальной идеологии в любой форме. В демократической России не должно быть принудительного гражданского согласия. Любое общественное согласие здесь может быть только добровольным».*

Что тут скажешь, либерал, да и только! Правда при этом автор указывал на то, что России стоит искать «свой путь преобразований вместо схем из западных учебников». В реальности из того, что было в той программе, останется, пожалуй, только это.

А результат победителя – без малого 53%. Масштабных нарушений, с которыми мы позже столкнемся на выборах, еще нет. Правда, если верить официальным сводкам, каждый второй житель Чечни, уворачиваясь от бомб и снарядов, все же добрался до избирательного участка и отдал за него свой голос, а самый большой процент он получил в тех южных республиках, где результат всегда отвечает интересам Центра. Но даже если бы этого не было, Путин победил бы и во втором туре. Ведь накачка действительно шла с обеих сторон, избиратель накачивал образ спасителя своими ожиданиями, а претендент – избирателя своими обещаниями. Вступление в должность новоизбранного президента я наблюдал, сидя дома, по телевизору, оно было обставлено с небывалой помпезностью. Раньше Б. Ельцин просто выходил на сцену из-за кулис, собравшиеся стоя приветствовали его аплодисментами. Затем он произносил клятву на Конституции и удалялся. Избранные шли выпивать и закусывать в его компании. Теперь Б. Ельцин скромно присоединился к ожидающим, ему жиденько поаплодировали. Члены правительства, депутаты, губернаторы, главы республик, краев и областей, главы спецслужб и конфессий, где-то около полутора тысяч людей, стояли по обе стороны бесконечной красной ковровой дорожки. Она тянулась через анфиладу залов отреставрированного Бородиным Большого Кремлевского дворца. Курсанты кремлевского караула открыли огромные золоченые двери, другие, в опереточных мундирах и киверах, чеканя гусиный шаг, вынесли Конституцию, затем президентский штандарт и его регалии; диктор проникновенно-торжественным голосом объявил о явлении Президента Российской Федерации Владимира Владимировича Путина, который действительно появился на дорожке. Под барабанный бой и торжественный марш маленький, слегка скособоченный человек шел по ковру с непринужденно-довольным видом. Он благосклонно кивал кому-то из тех, кто стоял в первом ряду приближенных, и, судя по выражению его лица, сомневался, не сон ли все это...

Но царскими были не только парадный выход и дежурная инаугурационная речь В. Путина, царским был еще и тот подарок, полученный от своего предшественника: пройден самый трудный период, страна выбралась из-под обломков советской империи и пошла на подъем. Ну а мир, который с участием и тревогой следил за судьбой нашей страны, хотел понять, кто же он, этот новый российский президент? Этот вопрос прозвучал еще в январе 2000-го на Давосском форуме, когда В. Путин еще был кандидатом в президенты. Тогда журналистка из американской газеты задала российской делегации вопрос о том, откуда берутся ранее никому не известные российские политики, закончив его словами: «Who is Mr. Putin?» На сцене, где сидел пяток ведущих представителей страны, произошло замешательство. Никто не знал, как и что отвечать, пауза так затянулась, что вызвала дружный смех журналистов. Тогда А. Чубайс, тяжело вздохнув проворкотал, что Путин хорошо известен, что он – реформатор и все будет хорошо. Но вопрос оставался, и через пару месяцев после избрания президент выступил с Посланием. Слушая его в Кремле, я был удивлен, это была речь демократа, чуть ли не либерала. В. Путин откровенно и жестко говорил о *«диктате теневой экономики, о разгуле коррупции, массовом оттоке капитала и прогрессирующем экономическом отставании»*. При этом: *«Корни многих наших неудач – в неразвитости гражданского общества и в неумении власти говорить с ним и сотрудничать. Власть все время бросает в крайности – то она не замечает, то чрезмерно опекает общество»*.

Дальше больше: *«Наша стратегическая линия такова: меньше администрирования, больше предпринимательской свободы – свободы производить, торговать, инвестировать. Суть государственного регулирования в экономике – не в увлечении административными рычагами, не в экспансии государства в отдельные отрасли, не в поддержке избранных предприятий и участников рынка, а в защите частных инициатив и всех форм собственности. Деловой климат в нашей стране улучшается слишком медленно. Предпринимательские риски и налоги высоки. Механизмы регистрации предприятий сложны, проверки бесконечны. Такое положение нетерпимо и подлежит изменению...»*

Хорошо, президент намерен «обеспечить защиту прав собственности, обеспечить равенства условий конкуренции, освободить предпринимателей от административного гнета, снизить налоговое бремя», а что же с обществом?

«Социальная политика – это не только помощь нуждающимся, но и профессиональное, культурное, личностное развитие. Именно поэтому мы будем отдавать приоритет развитию сферы здравоохранения, образования, культуры. Социальную политику будем проводить на принципах общедоступности и приемлемого качества базовых социальных благ. А помощь предоставлять прежде всего тем, чьи доходы существенно ниже прожиточ-

ного минимума. Дети министров могут обойтись без детского пособия, а жены банкиров без пособия по безработице».

Замечательно! А как с нашими правами? Тут формулировки неоднозначны, их можно толковать по-разному. С одной стороны, обеспечение свободы личности, свободы предпринимательства, свободы развития институтов гражданского общества – важнейшая задача, с другой стороны, защитить их может только сильное государство!

Но от кого оно собирается их защищать? Ведь покушается на них везде и всегда именно государство, которому без наших вольностей проще... И что, оно должно стать сильным, чтобы защищать нас от самого себя?

Президент говорит, что без свободных СМИ российской демократии не выжить и гражданского общества не создать. Но, по его словам, журналистская свобода ***«превратилась в лакомый кусок для политиков и крупнейших финансовых групп, стала удобным инструментом межклановой борьбы».*** А экономическая неэффективность СМИ сделала их ***«зависимыми от коммерческих и политических интересов хозяев и спонсоров этих средств массовой информации. Что позволяет использовать СМИ для сведения счётов с конкурентами, а иногда даже превращать их в средство массовой дезинформации, средство борьбы с государством...»***

Что ж, принадлежащие тем или иным политическим группам СМИ действительно не щадят конкурентов, в том числе и во власти, но это позволяет обществу видеть свои проблемы с разных позиций. А еще вынуждает государство и ее конкурентов остерегаться ошибок. Владельцы СМИ ради достижения поставленных задач могут выходить за рамки закона и морали? Бывает и так, можно ли это прекратить? В развитом обществе с устоявшимися нормами морали и независимым судом эта проблема решается. Репутация СМИ стоит там дорого, а независимый суд может больно ударить по зарвавшимся. Но президент, заявляя о том, что государство «обязано гарантировать журналистам реальную, а не показную свободу», похоже, говорит не об этом. Корень проблемы в «экономической неэффективности», т.е. в том, что журналисты зависят от тех, кто им платит? Да, независимой прессы не бывает, у нее всегда есть доноры. Но для общества важно лишь то, что в результате ни у кого из тех, кто платит не должно быть монополии на информацию. Если диктат частных владельцев сменится монополией и диктатом государства, то с деньгами у послушной прессы забот действительно не будет.

Эти мысли мелькали в моей голове, когда я выходил из Кремля, при этом мое интуитивное неприятие этого человека было поколеблено. Может быть, я предвзят? Или все же прав? Вот он сказал: ***«Слабой власти выгодно иметь слабые партии. Ей спокойнее и комфортнее жить по правилам политического торга. Но сильная власть заинтересована в сильных соперниках».***

Это почему же она «заинтересована»? Давно известно, куда проще властвовать разделяя! Договариваться проще с мелкими и слабыми. Сильные соперники не отменяют торга с ними, наоборот, усложняют! При этом свой пассаж он закончил словами: *«Только в условиях политической конкуренции возможен серьезный диалог о развитии нашего государства. России необходимы партии, которые пользуются массовой поддержкой и устойчивым авторитетом. И не нужны очередные чиновничьи партии, прислоняющиеся к власти, тем более подменяющие ее...»*

Это верно, хотя, что значит, подменяющие? Вообще-то, партии, попадая в парламент, становятся частью власти со всеми своими правами... Он намерен их урезать? Или объявляет войну чиновничьим кланам?

Где в прозвучавших установках реальные намерения, а где декорации, которые их скрывают? Общее впечатление от первого Послания президента было двояким, сказано много правильных слов, но среди них есть и тревожные звоночки.

ДУМА III

Наша работа продолжалась, мое председательство в партии «Демократическая Россия» уже позади, после своего избрания я объехал несколько регионов, поговорил с руководителями местных организаций, встречался с поредевшими активистами, тех кто еще готов был работать осталось мало, люди разочарованы, а кто-то потянулся в другие партии, но и там дел было мало. Шансы на мобилизацию гражданской активности еще оставались, не было только средств на газету, на секретаря, на аренду зала для встреч, даже на бумагу и оплату телефона... Проходил месяц за месяцем, ситуация не менялась, теперь уже и москвичи смотрели на меня косо. Я понял, что помощь в сохранении «ДемРоссии» как партии в планы лидеров СПС не входила. Судя по всему, они рассуждали так: «ДемРоссия», если ей помочь, приободрится и на следующих выборах может стать конкурентом, а это нежелательно. С. Кириенко, А. Чубайс, Б. Немцов и другие строили планы ликвидации старых партийных организаций и вхождении их участников уже не в коалицию или избирательный блок, а в одну большую и сильную партию. И всех, кроме Гайдара, занимало, кто и какую роль будет играть в ее руководстве. На мои вопросы и напоминания о поддержке я слышал только новые обещания. Е. Гайдар, похоже, был этим изрядно смущен, но своих средств у него не было. Идея консолидации демократов не вызывала возражений, но вести первую состоявшуюся демократическую партию к самоликвидации, не зная, что ждет нас впереди, я не хотел. Чтобы сохранить ее, надо было найти спонсоров. Может быть, мне и стоило пойти на контакт с кем-нибудь из крупных бизнесменов, но сильно поредевшая и нищая партия не могла диктовать условий, а стать чьим-то послушным инструментом, я не хотел. Принять решение об отставке было непросто, но во время одного из заседаний Политсовета нашей фракции я передал Е. Гайдару записку о том, что ухожу с поста председателя ДР. Он показал ее А. Чубайсу, тогда они вместе со мной вышли в кулуары, и там я подтвердил свои намерения. Судя по сомнениям на лицах собеседников, я мог услышать возражения, но тут уже в десятый раз зазвонил мой телефон, и я, наконец, ответил. И услышал убитый голос своей жены, она сказала, что скоропостижно скончался муж ее сестры, отец двоих детей и хороший врач районной Удомельской больницы. Игорь был подставлен своим начальством, которое свалило на него чужую медицинскую ошибку. Его сердце не выдержало подлости, а его смерть была ударом по всей нашей большой семье, и я понимал, что нужен там. Посмотрев на меня, А. Чубайс спросил, что случилось? Я коротко ответил и уехал на вокзал. Если бы наш разговор и этот звонок не совпали, история ДР и СПС пошла бы иначе? Вряд ли.

После моей отставки прошел новый съезд «ДемРоссии» и председателем партии был избран С. Станкевич, в прошлом член Верховного совета РСФСР и МДГ. Советник Б. Ельцина, он вернулся тогда из эмиграции, куда его загнала травля. Коммунисты не могли простить ему того, что он в 1991 году руководил снятием памятника Ф. Дзержинскому на Лубянке. Но демократ и бизнесмен не стал реанимировать партию, под его руководством она пробудет в анабиозе еще полгода. А когда блок СПС начнет преобразовываться, ДР распустят с грубыми нарушениями порядка голосования. Но меня там уже не будет. Еще во второй Думе при Комитете по законодательству мы с Валерием Борщевым организовали Подкомитет по правам человека. Продолжалась моя работа в Комиссии по освобождению пленных и в Совете по правам человека. Рабочие заседания, стопки законопроектов, заключений юристов, справок и писем. За помощью ко мне обращались не только жители России, письма шли даже из-за рубежа.

После того, как в Грузии произошел организованный Э. Шеварднадзе переворот, там началась гражданская война, в ходе которой свергнутый президент З. Гамсахурдиа, находясь на нелегальном положении, умер при невыясненных обстоятельствах. А часть его сторонников бежала в Россию. Новая власть требовала их экстрадиции. Они были задержаны, их ждала депортация, тогда мне удалось это остановить. Но позже в обмен на согласие Шеварднадзе приехать на саммит СНГ, был арестован и депортирован в Грузию бывший министр финансов Гурам Абсандзе. С этим человеком я познакомился еще в 1998 году. Этот добродушный и гостеприимный великан, уходя вместе с З. Гамсахурдиа из штурмуемого Дома правительства, получил три пули, но выжил. Гурам весил за 100 кг, и моя попытка пить с ним наравне была ошибкой... Он произвел на меня хорошее впечатление, и я был огорчен известием о его выдаче, тем более, что она противоречила нашему законодательству. Я поддерживал связь с его друзьями, но все, что мог, так это писать ему в тбилисскую тюрьму, обозначая таким образом, что его судьбой озабочены в Госдуме. В марте я узнал, что и Гурам и другие попали в тюремную больницу, и тогда я обратился за поддержкой к другим депутатам. Результатом стало коллективное письмо в адрес Шеварднадзе, его подкрепили обращения международных организаций, с которыми я работал. Но до амнистии было еще далеко, не было даже суда. И тогда двенадцать заключенных исчезли из тюремной больницы. Оказалось, что уже давно велся 25-метровый подкоп, но через него ушли не все: туннель был узким, и Гурам в него не помещался. Его не оставили. Те, кто вышел на волю, вернулись уже через двери! Как это получилось, неизвестно, но сбежали все. Правда ненадолго, их нашли в горных лесах Западной Грузии. Г. Абсандзе сначала был осужден к 17 годам заключения, но адвокатам удалось доказать его непричастность к покушению на Шеварднадзе, и срок сократили до 6 лет, часть которых он уже отбыл в неволе. В результате наших и зарубежных обращений он был помилован.

Выручать мне приходилось и сторонников «Народного фронта» Азербайд-

жана, членов распущенного правительства Эльчибея, которых тоже искали. Там мое участие ограничилось в получении ими статуса политических беженцев и помощи в выезде в Швецию.

Тогда же мне удалось поднять волну общественного внимания к делу освобождения из индийской тюрьмы четверых наших летчиков. Еще в декабре 1995 года их обвинили в сбросе партии оружия над мятежным районом Западной Бенгалии. Сброс засекли радары, а когда они приземлились в Калькутте для дозаправки и возвращения домой, их арестовали. По словам летчиков, они не знали, какой груз везут, их зафрахтовал в Украине некий иностранец, а когда они пролетали над Бенгалией, сопровождавшие груз люди под угрозой оружия заставили открыть грузовой люк и сбросить ящики. При аресте в аэропорту хозяин груза скрылся, а индийский суд приговорил летчиков к пожизненному заключению за «попытку свержения законной власти». Тюремные условия были жуткими, осужденные болели, а потом, отчаявшись, объявили голодовку. К тому же летчики хоть и были русскими, но жили в Латвии, и после развала Союза стали там латвийскими гражданами. А попытки латвийских властей повлиять на Индию результата не имели. Тогда при моем участии МИД дал им российское гражданство. Я выступал по этому поводу в Думе (комментируя мое выступление, В. Жириновский бросил тогда странную реплику: «он уже последний, Старовойтова ушла, и он, возможно, скоро уйдет»).

С просьбой вступить за летчиков я обращался к Патриарху, в конечном счете пресса подняла шум, дело взяли на заметку в Администрации президента и после того, как под угрозой оказался визит Путина в Индию, там приняли решение об амнистии. Евгений Антименко, Александр Клишин, Игорь Москвигин и Игорь Тиммерман вернулись домой.

Но если в подобных делах что-то и удавалось, то в думской, законодательной работе по-прежнему мешала политическая вражда. Из законодательных инициатив того года можно припомнить мою попытку решить проблему детей жертв политических репрессий.

Закон о восстановлении прав жертв политических репрессий был принят еще Верховным Советом РФ. В первом томе я уже писал, что при его подготовке на запрос Комитета по правам человека Министерство внутренних дел и прокуратура дали тогда подробную справку о том, сколько человек было репрессировано по классовым и политическим мотивам. В сумме получилось, что расстреляно, отправлено за колючую проволоку, раскулачено, выслано или сослано, а значит, лишено имущества и политических прав 50 миллионов и еще 114 тысяч человек. Грубо говоря, режим тех лет посчитал врагом каждого третьего жителя страны.

В принятом законе были две категории: реабилитированные жертвы, то есть те, кто по решению судебных и внесудебных органов приговаривался к тем или иным мерам политических репрессий, и вторая категория – пострадавшие, то есть родственники этих жертв. Власть не принимала в их адрес отдельных, пер-

сональных репрессивных решений, но судьба расстрелянных или отправленных в лагерь родственников прямо ущемляла их в правах и возможностях, лишала их социальной защищенности и переводила в категорию изгоев.

Первой категории закон дал право на материальные компенсации за годы лагерей, возвращение имущества и жилья, бесплатную установку телефона, бесплатную инвалидную коляску, бесплатный проезд в общественном транспорте и еще в железнодорожном вагоне по просторам нашей Родины один раз в год. Вторая категория получила 50-процентную скидку на оплату коммунальных услуг и приобретение лекарств, да и то лишь по достижении пенсионного возраста.

В течение девяти лет за получением статуса обратились лишь 300 тысяч реабилитированных и столько же пострадавших. Впрочем, это понятно: из 50 миллионов треть умерли в лагерях, еще столько же унесли войны, болезни и старость, многие по неграмотности просто не знали, как получить свой статус, другие боялись «качать права»...

Практика применения закона указала на ряд его слабых мест. Наибольшую критику вызывало в законе то, что в категорию жертв не попали дети, родившиеся в лагерях, поселениях или тюрьмах, или попавшие туда вместе с репрессированными родителями, а также то, что дети, оставшиеся на воле, но без попечения одного или обоих родителей, в лучшем случае считались пострадавшими, что на самом деле почти не меняло их статуса. Спецприемники НКВД, детские дома за колючей проволокой, клеймо, поставленное на них бездушной машиной репрессий, уродовали всю их жизнь. В результате обращений в Конституционный суд дети, попавшие в лагеря заодно с родителями, были признаны жертвами. Конституционный суд указал Государственной Думе на необходимость придания статуса жертв всем детям, оставшимся без попечения родителей в результате политических репрессий.

Необходимость повышения социального статуса детей-жертв политических репрессий была признана и Верховным судом, даже Генеральный прокурор обратился к Председателю Государственной Думы с письмом о необходимости скорейшего законодательного решения, он писал: ***«Прошу при обсуждении проекта федерального закона... ускорить его рассмотрение, учитывая, что эта проблема касается преимущественно малозащищённых слоев населения: пенсионеров и инвалидов преклонного возраста»***. Я предложил депутатам самый простой вариант решения: уравнивать в получении социальной помощи жертв и пострадавших, Однако Правительство, проигнорировав Конституционный суд, не поддержало наш законопроект, мотивируя это тем, что его реализация якобы требует дополнительных средств. За это зацепились депутаты-коммунисты и жириновцы, Комитет по социальной политике, которым они управляли, дал отрицательный отзыв. Выступая перед законодателями на пленарном заседании, я пытался убедить «коллег» в том, что расходы будут небольшими, ведь дети тех, кто подвергся репрессиям 30-х годов доживают последние годы.

Выступая, я говорил: *«Процесс подготовки законопроекта лишний раз убедил нас в том, что дети жертв политических репрессий не только были, но и сегодня являются жертвами того, так и не закончившегося, террора. Мы столкнулись с открытой политической враждебностью тех, кто и сегодня готов начать охоту не только на бывших политзеков, но на их потомков. Мы увидели откровенное нежелание разбираться в наших предложениях. Правительство явно не читало наших предложений. Иначе, не возникла бы мотивировка о мнимом расширении категории лиц, признанных жертвами политических репрессий, ведь мы этого и не предлагаем.*

Ну, а Комитет по труду и социальной политике на своем заседании не пожелал даже дослушать нашу аргументацию и проголосовал против проекта, в том числе, голосами отсутствовавших тогда депутатов.

Нам приходилось слышать слова и о том, что враги народа, которые якобы развалили Советский Союз, не заслуживают внимания и помощи. И это несмотря на то, что, как уже говорилось, речь идет как раз не о противниках советского строя (они были уничтожены в 20-е годы), а о наиболее ярких и трудолюбивых сторонниках и детях тех коммунистов и беспартийных 30-х годов, которые заплатили жизнью и страданиями близких за свою веру. Государственная Дума, в которой, мне хочется думать, большинство составляют порядочные и неравнодушные люди, сделает справедливый и мудрый шаг, пойдя навстречу старикам, чья жизнь помимо всех наших общих, общенародных невзгод была еще в детстве искалечена не чужим, а своим государством.

Естественно, авторы готовы к работе над поправками и предложениями к законопроекту во втором чтении».

Содокладчиком от Комитета по социальной политике был член КПРФ П. Рогонов. Он с ходу заявил, что комитет рекомендует отклонить мои предложения. Почему? А потому что *«законопроектом предлагается значительно расширить круг лиц, пострадавших от политических репрессий. К числу пострадавших от политических репрессий нормами данного закона будут отнесены дети, супруги, родители лиц, репрессированных по политическим мотивам, что даст возможность первым двум категориям граждан получить статус пострадавших от политических репрессий, хотя они и не имели никакого отношения к жертвам на момент применения к ним мер политических репрессий».* И еще: *«Правительство Российской Федерации считает также, и мы в комитете с этим согласны, что уравнивание в правах и льготах реабилитированных граждан и лиц, признанных пострадавшими от политических репрессий, как это предусмотрено в данном законопроекте, не только приведет к росту социальной напряженности в среде лиц, являющихся жертвами политических репрессий, но и потребует значительных затрат на его реализацию. Как вам известно (у вас документы есть), Правительство*

не поддерживает данный законопроект, комитет наш тоже предлагает отклонить данный законопроект в первом чтении».

В моем проекте речь шла только о детях, то, что оказание им помощи может привести к «росту социальной напряженности» да еще ни где-нибудь, а «в среде лиц, являющихся жертвами политических репрессий», было ничем не обосновано, но, тем не менее, прозвучало.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ [Списка Л. К.]:

Заключительное слово. Пожалуйста, с места.

РЫБАКОВ Ю. А.: *Уважаемые коллеги! Обсуждение этого вопроса показало, что Комитет по труду и социальной политике просто не читал нашего законопроекта, ну да бог с ними.*

Я буду краток и просто приведу несколько строчек из письма Генерального прокурора, которое вручено Председателю Государственной Думы. В нем сказано, что в статье 2.1 закона содержатся дискриминационные положения, на которые указал в своем постановлении Конституционным суд.

Далее: «Отсутствие данного закона приводит, с одной стороны, к нарушению прав граждан, подвергшихся политическим репрессиям, с другой, к необоснованному расширению круга лиц, подлежащих реабилитации».

Казалось бы, в чем проблема? Та помощь, о которой я говорил, стоила меньше, чем один день войны в Чечне. Так исправьте несправедливость! Исправьте огрехи закона, на которые указывает даже прокуратура! Есть замечания? Так для этого существует второе чтение, исправим... Но нет! За полноценную социальную поддержку тех, кто еще ребенком остался без казенных родителей, проголосовало лишь 70 депутатов (СПС, «ЯБЛоко» и 3 независимых)), против 119 (77 депутатов из фракции «Единство», 25 коммунистов, 11 «аграрников») жириновцы и все остальные даже не стали участвовать в голосовании. Если бы речь шла о льготах для сталинских овчарок, о советских партийных чиновниках или о депутатах, все было бы иначе. Я был ненавидим «левыми» еще и потому, что не избегал возможности говорить правду об их кумирах. Когда депутат от КПРФ Харитонов добился рассмотрения на пленарном заседании вопроса об восстановлении памятника Ф. Дзержинскому на Лубянской площади в Москве, я сказал:

«Дзержинский был одним из самых кровавых и безумных палачей России. Это его подручные топили связанных людей в Финском заливе. Это его соратники сжигали в топках Черноморского флота боевых морских офицеров и живьем закапывали священников. Созданная Дзержинским ЧК инициировала создание в России первых концентрационных лагерей, массовый террор и расстрелы заложников. Вместе со своими соратниками он ответственен за развязанную гражданскую войну, жертвами которой стали 20 миллионов погибших россиян. Дети-сироты погибших, ставшие беспризорниками, попали затем в созданные Дзержинским концентрационные детские лагеря – кузницы рабов коммунизма.

По свидетельству современников, даже когда Ульянов-Ленин под влиянием Горького посылал Дзержинскому записки, в которых просил не расстреливать того или другого человека, этот человек торопил палачей, а потом ссылаясь на то, что записка опоздала. Под грузом совершенных преступлений Дзержинский привык к морфию и кокаину, стал неуправляем и опасен для своих соратников. Его смерть еще вызывает вопросы.

Несмотря на все злодеяния этого человека, памятник ему сохранен и доступен. Предложение о возвращении памятника верному последователю Малюты Скуратова на Лубянскую площадь мы расцениваем как масштабную политическую провокацию. Представьте себе свою и международную реакцию, если бы стало известно, что в германском Бундестаге рассматривается вопрос о восстановлении памятника рейхсфюреру СС Гиммлеру или шефу гестапо.

Но, с другой стороны, по-человечески нам жаль уходящих в политическое небытие мастодонтов коммунизма. Народ давно отвернулся от них и не боится их кровавых истуканов. Поэтому “Союз Правых Сил” готов оказать содействие автору предложения господину Харитонову в установке этого монумента во дворе его дома. У гражданина Дзержинского будет возможность приглядывать за своим поклонником, а тот, в свою очередь, каждое утро сможет здороваться с любимым палачом...»

Понятно, что после таких реплик, о чем бы я ни говорил, чтобы я ни предлагал, для получения положительного результата выходить на трибуну надо было не мне. В этом мы убедились позже, когда с предложениями о защите прав детей репрессированных выступил депутат из нашей фракции Виктор Похмелкин. Спокойный и осторожный в своих речах, он чуть изменил мой законопроект, теперь даже из его названия было ясно, что речь идет о льготах только для детей и взял в соавторы депутатов из других фракций, тогда поправка в закон была принята. (Но и 20 лет спустя этот закон не работает в полную силу. Те, кто когда-то оказался в лагерях для детей «врагов народа», все чаще уходят из этой жизни, так и не дождавшись возвращения или хотя бы компенсации утраченного родительского жилья.)

Как я уже писал, не прошло и года работы второй Думы, как фракция «Отчество – вся Россия» и новорожденный «Медведь» слились в одну крупную фракцию «Наш дом – Россия». Это было естественно, состав их был однороден, ставленники чиновников и чекистов исповедовали одни карьерные и государственнические пели... Так, когда там возникла идея о том, что можно заработать на ввозе чужих ядерных отходов, НДР дружно поддержало эту чудовищную сделку. Россия уже располагала тогда тысячами тонн опасных ядерных «хвостов», но атомщики заверяли что на вырученные деньги они смогут построить заводы по их безопасной переработке. Но до вступления их в строй было далеко, а ввозимое из Европы ОЯТ (отработавшее ядерное топливо) надо было где-то хранить. Было заявлено, что в Сибири есть огромные скальные массивы, где можно его прятать.

Это вызывало сомнения, у американцев была та же проблема, они потратили несколько лет и не один миллиард долларов на поиски у себя таких абсолютно безопасных мест. Не нашли. Ряд российских академиков писали тогда: «В случае массового ввоза ОЯТ неизбежны последствия, которые будут угрожать жизни жителей России на протяжении сотен лет». СПС, «ЯБЛоко» и даже коммунисты протестовали, выступил и я.

Стенограмма.

Ю. А. Рыбаков: *Уважаемые коллеги, я предлагаю провести поименное голосование. Мотивировка: дети, внуки и потомки камарильи имени товарища Адамова (министр атомной промышленности) уедут на миллионы, заработанные на этом преступлении, жить на Канары, а дети наших избирателей, наши дети останутся... Так вот, они должны знать, кого проклинать им за отравленную Россию. Предлагаю поименное голосование.*

Но и это не помогло. Президентская фракция «Наш дом – Россия» вместе с жириновцами проголосовала за превращение собственного дома в ядерную помойку. Я был в этот момент в зале голосований и видел, как по полупустым рядам кресел бегали дежурные депутаты НДР и нажимали на кнопки за отсутствующих. В т.ч. проголосовали за депутата и кинорежиссера С. Говорухина. С тех пор, когда этот «патриот» стал поддерживать и оправдывать войну в Чечне, я был с ним в контрах. Но на следующий день, когда он шел к своему месту мимо меня, я все же остановил его и сказал: «Станислав Сергеевич, вчера, когда вас не было в зале, вашей карточкой проголосовали за ввоз в Россию ядерных отходов. У вас еще есть возможность откреститься, вы можете написать или сказать у микрофона, что вы не голосовали!» Говорухин поморщился, а потом махнул рукой и пошел на свое место...

Под конец 2000 года прозвучал завершающий символический аккорд: новый президент выступил с инициативой по изменению государственной символики.

До этого гимном России была утвержденная еще съездом депутатов РСФСР «Патриотическая песня» Глинки, но у это песни не было слов, да и музыка была вялой. Триколор и герб с двуглавым орлом Ельцин утвердил своим Указом, окончательно закрепить эти решения должны были Дума и Совет федерации. Но коммунисты не хотели признавать новую символику и вот уже который год саботировали голосования. Это было не самой важной проблемой, но В. Путин вынес ее на рассмотрение только что созданного и не предусмотренного Конституцией «Госсвета». Его члены поддержали шизофреническое предложение о том, что при сохранении двуглавого орла и триколора необходимо все же вернуть музыку советского гимна, придумав к нему новый текст...

За два года до этого в Петропавловском соборе Санкт-Петербурга проходило захоронение останков расстрелянной большевиками в 1918 году семьи Николая II. Академик Д. Лихачев убедил тогда Б. Ельцина в необходимости участия в этом знаковом акте. Президент сказал тогда в храме:

«...Долгие годы мы замалчивали это чудовищное преступление. Но надо сказать правду: расправа в Екатеринбурге стала одной из самых постыдных страниц в нашей истории. Предавая земле останки невинно убиенных, мы хотим искупить грехи своих предков. Виновны те, кто совершил это злодеяние, и те, кто его десятилетиями оправдывал. Виновны все мы. Нельзя лгать себе, объясняя бессмысленную жестокость политическими целями. Мы обязаны завершить век, который стал для России веком крови и беззакония, покаянием и примирением».

Но ни покаяния, ни примирения в звуках возвращавшегося сталинского гимна не было, а было торжествующее, имперское самоутверждение. Путин мотивировал это необходимостью вернуть старшему поколению уверенность в том, что их жизнь не прошла напрасно. Растерянность действительно была. В конце 80-х — начале 90-х людям рассказали, что они построили, содержали и защищали собственную тюрьму, что их страну губили лживые и жестокие преступники. Были те, кто страшную правду отверг не глядя, для других психологический удар был тяжким. Травма не могла пройти сама собой. Ее надо было осмыслить, а затем похоронить смердящий труп и пойти дальше. Но Ельцин не рискнул довести дело до конца. Преступники остались безнаказанны и получили равные права со всеми, на всех городских площадях сохранились памятники карателям, надзирателям и растлителям общества. Сотни тысяч улиц по всей стране продолжали носить их имена, один из главных палачей России лежал в мавзолее, другой — под Кремлевской стеной.

Любой профессиональный психолог скажет: необходимое условие преодоления психологических травм — исключение контакта с ее источником. Коллективное, травматическое прошлое преодолевается так же. Если образы насильников продолжают маячить перед глазами, смутенное сознание подавляется и, чтобы обрести почву под ногами, ищет им если не оправдания, то хотя бы объяснения. В травмированном общественном сознании началось вытеснение негатива. Весь опыт бесправия и прозябания загонялся в дальние уголки памяти и трансформировался в оправдывающие «обстоятельства». «Да, были жертвы, но ВРЕМЯ было такое... Ведь от сохи страну подняли, немцев победили!» — отворачиваясь от цены «достигнутого», говорили себе потерянные люди.

Но, возвращая сталинский гимн, команда нового президента не просто утешала среднее и старшее поколение. Звуки старого гимна сопровождали жизнь трех поколений, под них люди засыпали после принудительной работы и просыпались, чтобы идти на нее снова. И теперь те же звуки должны были стать для них сигналом, который пробудит привычную, рефлекторную мобилизацию. А там, глядишь и новое поколение станет гордиться советским прошлым и служить новой империи.

В газетах появились сообщения о том, что проведены опросы, что большинство одобряет симбиоз старых и новых символов. Как и в советские времена, тут

же нашлась группа деятелей культуры, которая поддержала власть. В опубликованном письме они утверждали, что «президент восстанавливает преемственность всей российской истории. Этот исторический компромисс может стать основой для укрепления гражданского согласия, так необходимого нам сегодня». Его подписали: Александр Калягин, Игорь Моисеев, Татьяна Доронина, Геннадий Хазанов, Вячеслав Тихонов, Юрий Соломин, Зураб Церетели, Карен Шахназаров. И даже актер Георгий Жженов, который в 1939 году был арестован НКВД и провел на Колыме без малого 7 лет.

«Исторический компромисс» поддержала и Московская Патриархия той православной церкви, которая была гонима все годы советской власти. Это было неудивительно. Как подтвердили обнаруженные о. Г. Якуниным архивы, ее руководство давно было завербовано КГБ. Теперь, боясь разоблачений и надеясь на приумножение своих доходов, они снова стали инструментом влияния спецслужб.

Но помимо тех, кого можно было купить или одурачить, были еще и другие люди, те для кого звуки советского гимна были нестерпимы. В газете «Известия» появилось гневное письмо других деятелей литературы и искусства:

«Затея вернуть в государственный обиход музыку бывшего советского гимна вызывает у нас отвращение и протест! Глава государства должен ясно осознавать, что миллионы сограждан, включая голосовавших за него, никогда не станут уважать гимн, попирающий их убеждения и оскорбляющий память жертв советских политических репрессий!»

Письмо подписали Олег Басилашвили, Владимир Васильев и Екатерина Максимова, Александр Володин, Галина Волчек, Валентин Гафт, Кирилл Лавров, Майя Плисецкая, Евгений Миронов, Ольга Остроумова, Глеб Панфилов, Андрей Петров, Борис Стругацкий, Валерий Тодоровский, Михаил Чулаки, Юрий Шевчук и группа «ДДТ», Родион Щедрин, и другие.

«Восстановление гимна СССР в качестве официального символа Российской Федерации для страны, потерявшей на большевистском опыте над народами десятки миллионов граждан, кощунство...» – писали члены Московского Союза писателей.

С протестом выступил и А. Солженицын. Из интервью академика РАН А. Н. Яковлева:

«Так не уважать свое прошлое, так не иметь христианского чувства покаяния, это значит, еще раз подтвердить, что мы в очень затяжном духовном кризисе, начиная с 1917 года. Никак не можем прийти в себя и никак не можем сделать шаг к человечеству... Я, пока жив, музыку эту она, может быть, и хорошая, даже скорей хорошая, да разве в этом дело, ни петь не буду, ни вставать под нее не буду. Это не мой гимн...»

Возражал и Борис Ельцин, корреспонденту «Комсомольской правды» он сказал: *«Я категорически против возвращения гимна СССР в качестве государственного. Хрущев выкинул из гимна строчки об «отце народов», а мелодию оставил. При Брежневе опять что-то заменили в стихах, а теперь, значит, будет новая текстовка? Нет, такими вещами не шутят».*

С протестом выступили партия «ЯБЛОко», общество «Мемориал», Союз журналистов. Б. Немцов заявил, что Путин совершает крупномасштабную ошибку, результатом которой будет раскол общества.

Тогда В. Путин переложил ответственность за этот раскол... на интеллигенцию. И призвал ее «не драматизировать события». При этом с ложной скромностью допустил, что «может ошибаться», но зато «вместе с народом». В ответ на это А. Чубайс сказал: «Да, Владимир Владимирович, это как раз тот случай, когда вы с народом ошибаетесь! Ссылки на мнение народа в данном случае неубедительны. Президент – не главный социолог, его задача – не повторять, что говорят люди, а активно влиять на позицию общества. Истина не устанавливается большинством. Большинство, как мы хорошо знаем по нашей истории, поддерживало и ложь, и несправедливость, и большую кровь».

Флаг, герб и музыку гимна пакетным голосованием утвердило думское большинство. На текст гимна был объявлен конкурс, а газета «Известия» опубликовала сатирический вариант, который придумал писатель Войнович:

*«Распался навеки союз нерушимый,
Стоит на распутье великая Русь.
Но долго ли будет она неделимой,
Я этого вам предсказать не берусь.
К свободному рынку от жизни хреновой,
Спустившись с вершин коммунизма, народ
Под флагом трехцветным
С орлом двухголовым
И гимном советским шагает вразброд.*

*Когда-то под царскою властью мы жили,
Но вот наступила заря Октября.
Мы били буржуев и церкви крушили,
А также поставили к стенке царя.
Потом его кости в болоте достали,
Отправили в Питер на вечный покой.
Простите, товарищи Ленин и Сталин,
За то, что дошли мы до жизни такой.*

Припев:

*Славься, Отечество
наше привольное,
Славься, послушный
российский народ,
Что постоянно
меняет символику
И не имеет важнее забот.»*

Чтобы прекратить споры и шутки, В. Путин, не дожидаясь думского голосования, утвердил новый текст незаменимого Сергея Михалкова. Первый вариант гимна этот стихоплет сочинил еще в 1943 году, второй, для Хрущева, в 1956 г. В третьем варианте Сталин уже не вдохновлял на подвиги, и партия Ленина уже не вела к торжеству коммунизма, зато была «священная держава» и хранящий именно ее Бог. Не было только поэтического таланта. Вслед президентскому Указу проголосовала и Дума. Сталинский гимн (еще без слов) должен был открыть наше первое пленарное заседание в новом году. Когда после праздников мы пришли в Думу, члены нашей фракции не хотели стоять при его исполнении, но и демонстрировать это не решались. Поэтому многие пережидали начало сессии в кулуарах. Я прятаться не стал и в результате оказался единственным депутатом, который не встал при его исполнении.

Либеральный проект

Проблемы во фракции росли. Еще осенью 1999 года, когда началась вторая чеченская война, лидер партии «ЯБЛоко» выступил с ее осуждением, сказав, что вместо военных действий надо идти на переговоры с А. Масхадовым. Но вторжение в Дагестан, теракты в Москве и других городах вызвали шок в обществе, сомнительные обстоятельства их проведения еще не стали до конца осознаны, и Анатолий Чубайс, отвечая на вопросы журналистов, назвал Г. Явлинского «предателем», а новую войну «началом возрождения армии». С. Ковалёв, В. Похмелкин, С. Юшенков, В. Головлев и я считали, что новая война навязана стране, что она не решит проблему, а обстоятельства терактов требуют независимого расследования и начали эту работу, но встретили отторжение коллег. После «Норд-Оста» под нашим давлением СПС предложил депутатам создать парламентскую Комиссию по разбору действий, но только гражданских служб. Это предложение, как и предложения «ЯБЛока» о полном расследовании всех обстоятельств случившегося, не набрало голосов. Тогда наше руководство заявило, что создаст независимую, общественную Комиссию, но когда Б. Немцов встретился с президентом и спросил, почему не наказаны виновные в халатности, он услышал:

– А что это изменит? Кто-то воскреснет? Нет. Ну так и не надо будоражить.

Про Комиссию тут же забыли. Сдача принципиальных позиций продолжалась. С поста представителя СПС в Совете Европы по указке из Кремля отозван С. Ковалев, он остался там без права голоса. Когда Дума с подачи Правительства решала вопросы отмены ряда социальных льгот для малоимущих, наше фракционное большинство это поддержало. Согласование, а по сути назначение местных прокуроров губернаторами и даже удаление глав субъектов из Совета федерации, тоже не встретило возражений. Атмосфера во фракции становилась тяжелой. СПС стал оформляться как политическая партия, и там заговорили о том, что голосовать надо солидарно, так, как решит большинство... Раньше депутаты из «Выбора России» старались найти общую позицию, но всегда оставалось право на собственную, и вступать в партию «демократического централизма» я не стал. Желание наших новых вождей дружить с администрацией президента связывало нам руки, но тех, кто пришел с Кириенко и Хакамадой, это не смущало. Возглавивший фракцию Б. Немцов лавировал между ними, а я терпел целый год и в конце концов подал ему заявление о выходе из нее, став независимым депутатом. Так же поступили В. Головлев, С. Ковалёв, В. Похмелкин и Сергей Юшенков. Последний был захвачен идеей об организации широкого либераль-

ного движения из числа молодежи и демократов первой волны. Но возникла та же проблема, с которой я столкнулся в «ДемРоссии» – нужны были средства. Вскоре Сергей рассказал мне о том, что обсуждал с Борисом Березовским идею создания партии «Либеральная Россия», и тот приглашает нас в Лондон вместе с группой активистов либерального движения, чтобы познакомиться поближе и обсудить там следующие шаги. Мне было интересно, с Березовским я раньше не пересекался, думским депутатом он побыл недолго, и тогда у меня не было повода для знакомства. Теперь такая возможность появилась, да и возможность создания новой партии была интересна. Для меня поездка за рубеж была не первой, странное чувство свободы в чужом мире уже не удивляло. В Англии по приглашению Парламента я уже был (нас с В. Борщевым интересовали английские пенитенциарные порядки), но половина людей в нашей группе была из провинции, и многим все оказалось в новинку, тем более, что прием был на хорошем уровне. Встреча с опальным олигархом состоялась в конференц-зале какого-то хорошего отеля. Березовский оказался легок в общении. Но за его внешней простотой была постоянная озабоченность, чувствовалось, эта голова занята решением сразу нескольких ближних и дальних задач. Перезнакомившись с гостями, он напористо изложил свое видение того, какой должна стать создаваемая партия. И это оказалось неожиданностью, во всяком случае для меня. Помимо слов о борьбе с наступающим авторитаризмом, мы слышали, что борьба за свободную, демократическую Россию станет успешной лишь при союзе либеральных и национал-патриотических, государственных сил! Он не отрицал, что российский патриотизм осложнен национализмом и этническим сепаратизмом, но утверждал, что эти течения маргинальны, и главной угрозой являются не они, а реставрация авторитарной власти. Мы слышали, что на самом деле патриотизм и либерализм мирно уживаются в умах и сердцах большинства россиян. А обособленность радикально-патриотических и радикально-либеральных группировок вызывает недовольство умеренных, в результате оба крыла оппозиции теряют электорат... И нам нужно обратить патриотов-государственников в патриотов-либералов.

Березовский говорил напористо, а для постсоветского человека патриотизм продолжал оставаться «священной коровой», и я видел, что большинство собравшихся, не задумываясь о том, что за этим стоит, уже готово согласиться с нарисованной им картиной. Но где он нашел НЕмаргинальных патриотов, которых надо обратить в либералов? Если речь о тех, кто защищен от национализма культурой, то это патриоты уже второй десяток лет пытаются вывести страну на дорогу свободы. А если это те имперские патриоты-государственники, которые выстраивают вертикаль авторитарной власти, то как раз с ними-то мы и собираемся бороться! Как и с теми, кто толкует про «засилье жидов» и рисует на стенах домов свастики, кто на улицах наших городов охотится на инородцев и ненавидит тех, кто «развалил СССР»? Этих действительно немало, их объединение

может стать фактором в большой политике, но сотрудничать, а значит помогать им, немислимо.

Объединить разумных патриотов с либералами я пытался еще в «ДемСоюзе». Практика показала, что, ступив на эту скользкую дорожку, люди на моих глазах скатывались в пещерный национализм, еще тогда я понял смертельную опасность такой заразы. Повторять опыт я не собирался и, когда был объявлен перерыв, я тут же, в кулуарах, сказал Валерии Новодворской, которая тоже была в нашей группе, что союз либералов с патриотами-государственниками, а на самом деле имперскими националистами противоестественен.

Наш разговор не стал секретом. Услышав о нем, Борис Березовский сразу подошел ко мне и предложил переговорить. Мы уединились, и я попытался убедить его в том, что от скрещивания ежа с ужом может получиться только колючая проволока, что даже если такой союз и будет создан и получит власть, то сразу распадется. Потому что бывшие партнеры, получив власть, церемониться не будут, а его, Бориса Березовского, первым повесят на ближайшем фонаре (тут я ошибся, загадочная петля найдет его в собственной ванной). Я убеждал его в том, что он просто не знает страны, что наши «патриоты-государственники» — это не славянофилы позапрошлого века, что за идейными «патриотами» стоят махровые черносотенцы, красно-коричневые скинхеды и «фашики», что других как массового явления нет и не будет! Он услышал меня, но то ли не поверил, то ли счел, что справится с издержками ради конечного результата. Убедившись в моем отказе от участия в партийном проекте, он спросил: «Но в Движении вы останетесь?» Бросать своих коллег мне не хотелось, я решил посмотреть, что будет дальше, и подтвердил свое членство, но только в Движении... После этого был еще разговор и с Юшенковым. Я предупредил его, что перспективы вижу мутные, что идеи Березовского авантюрны и опасны, а Сергей может стать их первой жертвой...

Закончив встречу с нашей группой и отправив ее в «Ковент-Гарден» слушать «Призрак оперы», Березовский пригласил С. Юшенкова и меня на ужин. Там я познакомился с бежавшим из России подполковником ФСБ Александром Литвиненко. После того, как он «вынес сор из избы», рассказав журналистам о том, как его начальство отдавало ему и другим подчиненным приказы о похищениях и убийствах, его вынудили уйти со службы. А потом арестовали по ложному обвинению, судом он был оправдан и снова арестован на выходе из суда, новое обвинение опять не подтвердилось, а когда на него еще и напали, он решил бежать. С помощью А. Гольдфарба ему удалось попасть в Англию, где он получил политическое убежище и теперь работал в команде Б. Березовского. До какого-то времени он был верным служакой, как оперативник участвовал в первой чеченской войне, потом в составе УРПО ФСБ боролся с организованной преступностью. Но, по его словам, «постепенно пришло понимание, что я служу не России и ее народу, а банде преступников, фактически оккупировавших мою страну,

отребью, держащему людей в страхе и нищете, грабящему народ, набивая свои карманы миллиардами ворованных денег».

Я ожидал увидеть грозу бандитов, матерого контрразведчика, не даром он в свои без малого 40 лет получил звание «Ветеран МУРа». Но передо мной стоял простецкий и очень молодой человек. Не успели мы перекинуться парой слов, как он с жаром стал рассказывать мне о злодеяниях и кознях своих бывших начальников. Посыпались неизвестные имена, события и факты громоздились друг на друга. Я понял, что это надолго, но меня спасло приглашение к столу. А в конце ужина выяснилось, что Б. Березовский созвал пресс-конференцию, где собирается представить журналистам данные о преступлениях путинского режима, которые послужили поводом для начала второй чеченской кампании. Он предложил нам принять в этом участие.

Встреча с прессой проходила в Королевском институте вооруженных сил, рядом с резиденцией британского премьера. Тема «Россия Путина. Государственный терроризм?» привлекла внимание: десятки телекамер, полсотни ведущих журналистов. Вместе с нами туда прибыли корреспондент радио «Свобода» Андрей Бабицкий, экс-президент телекомпании НТВ Игорь Малащенко, писатель и историк Юрий Фельштинский, А. Литвиненко, и.о. директора НИИ «Росконверсвзрывцентр» Никита Чекулин, Татьяна Морозова, чья мать погибла в сентябре 99-го во взорванном доме на ул. Гурьянова, и французские документалисты из компании Transparences Productions. Присутствовал и второй секретарь посольства РФ в Лондоне Шамиль Юнусов.

Борис Березовский, был представлен как сопредседатель движения «Либеральная Россия». Он заявил, что проведенное расследование убедило его в том, что взрывы жилых домов в сентябре 1999 года, а также несостоявшийся взрыв дома в Рязани – дело рук ФСБ. Затем мы увидели фрагменты документального фильма «Покушение на Россию».

Как писали потом журналисты из газеты «Коммерсант»: *«Впервые документалисты собрали вместе все факты, фактики и детали, относящиеся к “рязанскому делу”, выстроили их хронологически и дали встук противоречивые “показания” по этому делу высших чиновников страны, включая тогдашнего премьер-министра Владимира Путина. Один эпизод фильма действительно производит сильное впечатление. Рязанская телефонистка пересказывает содержание показавшегося ей подозрительным разговора о перемещении двух мужчин и женщины сразу после несостоявшегося взрыва. Из контекста становится понятно, что номер, который высветился на панели телефонистки, начинался с 224, с этих цифр начинаются лубянско-кремлевские телефоны.*

Основная идея фильма проста: если в Рязани была действительно предпринята неудавшаяся попытка взрыва жилого дома с участием ФСБ, то это дает основания предположить, что российские спецслужбы причаст-

ны к остальным взрывам домов, в том числе в Москве. А если дома взрывала ФСБ, то приход к власти Путина предстает совсем в другом свете».

В отличие от нас, большинству собравшихся эта информация была в новинку, но все же на обещанную сенсацию не тянула. Да, совокупность обстоятельств говорила о многом, но фильм лишь ставил перед зрителем вопросы, предлагая ему делать свои выводы. И они были убийственны. И все же неопровержимых данных, которые подтверждали бы версию причастности ФСБ к терактам, журналисты не услышали. Документально подтвержденным фактом стало лишь выступление директора НИИ Никиты Чекулина. В том же «Коммерсанте» писали:

«Он сообщил, что в 2000 году был завербован ФСБ и имеет “документальные доказательства тайной схемы хищения взрывчатых веществ”, в том числе тротила и гексогена, с военных складов, в которой участвовали высшие чиновники российского правительства и ФСБ. Более того, именно директор ФСБ Николай Патрушев лично запретил проведение расследования по этому делу. Свои показания господин Чекулин записал на бумаге, официально заверенной вчера утром лондонским нотариусом...»

Экс-директор рассказал прессе о том, что, получив должность и.о. директора института «Росконверсвзрывцентр» (это странное заведение почему-то числилось за Министерством образования?!), он обнаружил, что его предшественник закупал значительные количества гексогена. Источником взрывчатки были, в частности, воинские части № 68586 и № 92919. А затем тонны этого материала с фальшивой маркировкой (под видом пороха и тротила) по доверенности института направлялись различным подставным учреждениям в регионах. Он доложил об этом своему министру, а тот долго и безуспешно пытался пробудить интерес к судьбе гексогена, обращаясь в ФСБ и Генеральную прокуратуру. Результатом было возбуждение уголовного дела, но не на предшественника Чекулина, а на него самого, что и заставило его уехать из России... (с приютившим его Б. Березовским Чекулин не ужился, вернулся в Россию и отрекся от своих слов). После его выступления я, взяв микрофон, задал ему вопрос: «Где же сейчас этот гексоген, и не ждут ли нас новые взрывы?» Он развел руками, а Сергей Юшенков рассказал о том, как трусливая Дума отказалась от создания Комиссии по расследованию обстоятельств случившегося в Рязани, и выразил надежду на то, что такое расследование начнет Европарламент...

Вместе с Сергеем Юшенковым мы решили, что фильм, трейлер которого мы увидели на пресс-конференции, нужен в России. То, что его не покажут на прирученном властями телевидении, было понятно. Интернет еще не был всеобщим достоянием, поэтому мы заказали по 80 копий фильма на видеокассетах и решили отвести их домой, чтобы устроить показ в Думе и раздать гражданским активистам. Две коробки взял с собой и полетел в Москву С. Юшенков, а я со своими отправился в Питер. Но не тут-то было. И в Москве, и в Петербурге депутатов, багаж которых по федеральному закону не подлежит досмотру, остановили и до-

смотрели. Юшенкову все же удалось отбиться: он дозвонился до Генеральной прокуратуры, и его были вынуждены отпустить вместе с кассетами. Мне, несмотря на все мои протесты, это не удалось. Таможенник в присутствии двух лиц в сером предложил мне открыть коробки. Я, предъявив удостоверение депутата, отказался, сославшись на закон. Тогда их вскрыли без меня. Пересчитав содержимое коробок, мне выдали квитанцию, из которой следовало, что я не задекларировал груз, который отправляется на склад для дальнейшего разбирательства. Еще в этой квитанции я обнаружил примечание, согласно которому оказалось, что таможня самостоятельно может изъять и конфисковать то, что сочтет наносящим вред государственным интересам. Оставив коробки с кассетами в руках у «таможенников», я вышел в общий зал аэропорта и оказался в окружении журналистов, которым и рассказал о случившемся. Информация об изъятии фильма попала на страницы газет и прибавила к нему интерес. Я мог судебным порядком добиться возврата кассет, но возиться с этим не стал, поскольку догадывался, что получу их уже размагниченными. К тому же в моем портфеле лежали еще две кассеты, размножить которые не стоило большого труда. Я сделан новый тираж, который через несколько дней разошелся по городу, а в Доме журналистов мы вместе с руководителем научно-исследовательского центра «Мемориал», политзеком, историком Вениамином Иофе устроили публичный показ. Зал был полон, когда фильм закончился и включили свет, со сцены я увидел, что сидевшая в последнем ряду группа парней произвольно пригнула головы. Это мне не понравилось, но я отвлекся на завершающее слово, в котором подчеркнул, что фильм ничего не утверждает, а лишь ставит вопросы, и мы надеемся на то, что власти дадут на них ответ. А уходя из зала, спросил кого-то из знакомых: ну, как? И услышал: «Да собственно, ничего нового. То, что гэбня способна на все, мы и так знали...»

На Невском проспекте мы разошлись, я сел в поджидавшую меня машину, Вениамин отправился пешком в находившийся рядом «Мемориал», но не дошел. На главном городском проспекте среди бела дня он получил страшный удар по голове от пробежавшего человека. Прохожие подняли его, он пришел в себя и добрался до офиса, как нам показалось без последствий...

А через несколько дней мне позвонил старый друг и попросил срочно приехать. У него дома я увидел человека, на лице которого ясно читались годы лагерей и тюрем, он показался мне смутно знаком. Мы ушли в дальнюю комнату, там, мрачно посмотрев на меня, он сказал:

– Ты нормальный мужик, но, смотри, тебя заказали!

– Кто?

– Этого не скажу, сам понимаешь... Только сразу два заказа: у казаков этих ряженных, которые с ОМОНОм, и у наших. Нет, не наших, не у блатных, у этих, которые, ну, беспредельщики.

Я ждал продолжения, ждал, что сейчас услышу, ему нужны деньги или

кому-то «отмазка». Но человек ни о чем не просил, а сказал: «Ты меня не видел!» и ушел. А мой друг заверил меня, что этот «кадр» зря не скажет, и спросил, откуда он меня знает. И я вспомнил: два года назад я, кажется, говорил с похожим человеком в санчасти следственного изолятора «Кресты», когда был там с проверкой. Старому урке была нужна срочная операция. Тогда мне удалось отправить его в тюремную больницу им. Газа.

Информация была из неприятных, к тому же два моих помощника уже говорили мне о том, что их провоцировало на драки какое-то хулиганье. Да, если охота пошла даже на помощников, то я запросто получу пулю. Сразу стало как-то неуютно. Несколько дней я ходил по родному городу в бронежилете, но потом мне это надоело. И решил защищаться гласностью, доведя до заказчиков мысль о том, что списать мое устранение на криминальные разборки или грабеж не получится. Вернувшись в Москву, на ближайшем пленарном заседании в присутствии журналистов я заявил:

«Уважаемые коллеги, я информирую вас, депутатов, и правоохранительные органы о том, что, несмотря на мой беспартийный статус, который я не собираюсь менять на что-либо другое, несмотря на чисто правозащитный характер моей деятельности, в криминальной столице, в Санкт-Петербурге, неизвестными мне лицами сделано два заказа на мое физическое устранение. Один из них размещен в патриотической, казачьей, спецназовской среде, другой в профессионально-уголовной. Эти действия являются мстью за мои протесты против геноцида в Чечне, за привоз в Санкт-Петербург известного документального фильма, его показ и составление обращения на имя президента. Кроме этого, нападениям за одну неделю подверглись три моих сотрудника. Зверскому избиению железными прутьями подвергся также один из организаторов просмотра фильма в Перми, член политсовета "Либеральной России" Александр Коштырев. Несмотря на всё это давление, я по-прежнему считаю, что необходимо провести новое независимое и компетентное расследование терактов 1999 года. Я прошу распространить в зале текст подготовленного мною обращения к президенту. Я понимаю, что Дума в целом не поддержит это обращение, и поэтому не предлагаю включать его в повестку дня. Но я надеюсь, что в этом зале найдутся люди, которые поставят под ним свои подписи».

В обращении к президенту речь шла о нестыковках официальных версий, о том, что они вызывают недоверие к власти. Немногие подписавшие его депутаты предлагали создание независимой Комиссии, которая может рассеять сомнения общества, и просили о содействии. Мы понимали, что этого не будет, но считали, что таким публичным обращением мы напомним обществу о загадках этих терактов и вынудим власть продемонстрировать свою позицию в этом деле. Ответом стало глухое молчание...

Движение «Либеральная Россия» провело свой съезд и стало политической

партией, я сохранил дружеские и рабочие отношения с ее учредителями Сергеем Юшенковым, Виктором Похмелкиным и Владимиром Головлевым, а они продолжили бодаться со своим спонсором по вопросу о союзе с «патриотами». В конце года Б. Березовский даже разразится большой статьей в «Независимой газете». Она начиналась словами: *«В последние месяцы партию “Либеральная Россия” будоражит вопрос, совместим ли либерализм с патриотизмом? В существенной степени это вопрос и для всего общества. На нашей политической сцене либеральное и патриотическое оперение обозначают принадлежность к двум враждующим лагерям...»* Далее он повторял, что противостояние либералов и патриотов-державников не соответствует чаяниям народа и способствует укреплению разрушительного для России путинского режима, что патриотам надо заявить о приверженности принципам демократии и равноправия граждан, а либералам признать *«безусловную важность патриотических умонастроений»*. Тогда сочетание этих двух направлений может дать объединенной оппозиции необходимую силу. И заканчивал словами: *«Так что, господа либералы и товарищи патриоты, нам придется сделать шаг навстречу друг другу, если мы хотим решить политическую задачу: предложить народу формулу власти, которая будет в равной мере за Россию и за Свободу»*. Те же, с кем он предлагал объединяться, оправдываясь перед «соратниками» за связь с «жидом, который обокрал Россию», были откровенны. Когда выяснилось, что Березовский собирается финансировать Народно-патриотический союз России (НПСР), один из его лидеров, главный редактор яркой национал-патриотической газеты «Завтра», А. Проханов заявил: «Мы лишь экспроприируем эти деньги через сложную политическую комбинацию».

Я с печалью смотрел на все это со стороны, продолжая работу в Комитете по законодательству. Долгая работа нашего Комитета над модернизацией судопроизводства дала результат. Из нового уголовно-процессуального кодекса была исключена «объективная истина». Мы убедили сторонников советского права в том, что объективная истина не достижима, что возможно лишь признание наиболее аргументированной позиции, которую суд и признает истиной юридической. Сделав упор на состязательности уголовного судопроизводства, мы разграничили процессуальные функции, расширили права обвиняемых, отменили монополию прокуратуры на сбор доказательств и наделили защиту таким же правом. Бездушная машина правосудия могла теперь стать живым процессом, дело был только за независимым судом. Но с независимостью (и не только судебной) уже были проблемы.

ВНИЗ ПО ВЕРТИКАЛИ

В. Путин уже освоился в своем большом кремлевском кабинете, теперь он расчищает «поляну» от других игроков. Президент хорошо запомнил, как год назад, несмотря на все усилия по тихому смещению Генерального прокурора, избранные народом главы регионов – члены Совета Федерации, дважды прокатали предложение Б. Ельцина об отставке Скуратова. Такая фронда недопустима, и команда нового Президента проталкивает через Думу изменение Конституции, чтобы лишить их возможности собираться вместе. Но он еще опасается влияния «сенаторов» на электорат и через прессу обращается к народу за поддержкой и указывает на опасность – если нет порядка и дисциплины, то государство слабо. Или его попросту нет. А из этого: *«капля за каплей вызывает сепаратизм, который подчас становится плацдармом для еще более опасного зла – международного терроризма! ... Ценой разболтанности государства становится личная безопасность, неприкосновенность собственности, жилища, в конечном итоге наше собственное благополучие и будущее наших детей. Именно для этого нам нужна сильная и ответственная власть. И потому я рассчитываю на понимание тех шагов, которые сейчас предпринимаются».*

Понимание есть. Услышав про угрозу терроризма, граждане готовы поддерживать все что угодно, а избранные ими главы регионов смолкают. В августе 2000 г. новый закон принят. Теперь «сенаторам» не нужно оставлять свои вотчины, ездить в столицу и голосовать, не получится и потолковать между собой... Вместо них туда поедут их региональные представители, их народ не выбирал и договориться с ними администрации президента проще. Чтобы подсластить пилюлю, выборность и неприкосновенность губернаторов еще сохраняются. Но они-то понимают, куда дует ветер. Они разочарованы, ведь когда посланец президента ездил по регионам и агитировал их за президентскую партию, им обещали другое. Действительно, в усмирении региональной вольницы это лишь первый шаг. Б. Березовский безуспешно пытается отговорить Путина, но теперь очередь за ним самим. Роль олигарха в восхождении В. Путина была им преувеличена (причем, как это часто бывает, он сам в нее поверил), но она все же была, и немалая...

Если бы Б. Березовский не сумел в 1999 году за считанные недели сколотить новый проправительственный блок, В. Путину нечего было бы возглавить на думских выборах, «Единство» не стало бы лидером в новой Думе, и он не получил бы аппаратной поддержки губернаторов в регионах. А тогда не было бы и его победы в первом туре. Но, математик и комбинатор, Березовский плохо разбирался в людях. Он почему-то думал, что оказанная помощь обеспечит

ему признательность президента. А тот уже давно тяготился слишком бойким евреем. Кто-то из чиновников на Старой площади рассказывал мне, что при слове «Березовский», Путин менялся в лице. И это стало заметно после того, как однажды в Кремле им надо было о чем-то посекретничать, и они уединились в специальной «глухой» комнате, а выход из нее заклинило, и пришлось им остаться в замкнутом помещении до тех пор, пока кто-то их не хватился. Было ли это проявлением клаустрофобии будущего президента или разговор был тяжелым, но неприязнь стала физиологической. По словам тех, кто общался с Б. Березовским, он был слишком напорист. Очень часто разговор с ним начинался с его слов «Ты не понимаешь!», а затем следовала попытка стремительного убеждения собеседника в своей правоте. Противостоять было непросто. О том, что он давно раздражает «Володеньку», Березовский не подозревал и после выборов собрался на отдых в Швейцарию и даже сетовал жене, что теперь все так хорошо, что даже неинтересно.

Хорошо знавший олигарха журналист Фельштинский в одной из своих статей смоделировал весьма характерный вариант того, как Березовский мог поздравить нового президента с победой: «Володя, я тебя поздравляю. Великое дело сделали. То, что ты стал президентом, великое дело. Ни о чем не беспокойся. Мы тебе будем говорить, что делать. Отсидишь четыре года, уйдешь, будешь жить, хлопот не знать. Понимаешь, у нас просто не было времени нормального кандидата в президенты найти, поэтому остановились на тебе. Но это только на четыре года. За четыре года мы замену тебе подберем. Ну всё, извини, мне бежать нужно. Я опаздываю. Я тебя поздравляю». Это, конечно, шарж на олигарха, но даже по моему краткому опыту общения с этим человеком, стилистически он похож. И если хоть в малой степени такая нотка прозвучала, время его доступа в Кремль было сочтено. Жена Березовского это чувствовала и перед отъездом сказала ему, что в Россию им уже не вернуться.

Теперь дело за СМИ и в первую очередь за телевидением. В стране три ведущих телеканала. ОРТ еще владеет Б. Березовский (он активно раскручивал там своего будущего гонителя), у Гусинского не только НТВ, а еще ТНТ, «НТВ-Плюс», радиостанция «Эхо Москвы» и многое другое. Оставлять этот мощный рычаг идейного и коммерческого влияния в руках самостоятельных владельцев медиабизнеса президент не собирался. Тем более, что НТВ и другие уже попортили ему немало крови. В первую очередь это касалось медиахолдинга В. Гусинского. В 1999 году НТВ лишь один раз прогнулся под власть, когда по «просьбе» министра внутренних дел Владимира Рушайло выпустил программу, которая должна была подогреть общественное мнение к началу второй чеченской войны. В дальнейшем эта война стала темой жесткой критики журналистов, а проведенное в телестудии публичное разбирательство обстоятельств несостоявшегося взрыва в Рязани увидела вся страна. Увидела и в ужасе отвернулась от очевидно: спецслужбы были причастны к ситуации, которая едва не закончилась гибе-

лью сотен людей. Бытовала еще и версия о том, что В. Гусинский имел разговор с кандидатом в президенты и позволил себе заявить, что без его поддержки тот может проиграть выборы.

Во время президентской избирательной кампании НТВ поддерживало кандидатуру Г. Явлинского, а в конце января В. Путин стал персонажем сатирической программы «Куклы», где предстал «крошкой Цахесом» из сказки Гофмана, персонажем, который очаровывает окружающих с помощью колдовства, а на самом деле пошел и бездарен... Реакция и.о. президента, говорят, была злобной, но телепублика пропустила провидческое предупреждение сценариста и сатирика В. Шендеровича, расценив его лишь как забавный и грубый ход соперников. Почему хозяева канала и авторы передачи думали, что это сойдет им с рук, сказать трудно. Программа «Куклы» стала выходить еще при Б. Ельцине, его там тоже не щадили, и окружение первого президента негодовало. Акционеры даже требовали от Гусинского закрыть программу, но гендиректор НТВ убедил их в том, что именно критическая позиция служит «активной броней» для канала, который в случае любого «наезда» имеет возможность обвинять власть в политических репрессиях. Рассчитывать на это можно было при Б. Ельцине, для него свобода прессы была важнее собственных обид. Когда против авторов этой программы возбудили уголовное дело за оскорбление должностных лиц, он велел его закрыть. Но то был Ельцин, а теперь они имели дело с другим человеком.

Атака началась с того, что уже в апреле было возбуждено уголовное дело по обвинению в том, что в структурах Гусинского есть охранно-сыскное подразделение, которое нарушает неприкосновенность частной жизни, занимается незаконным получением и разглашением сведений, составляющих коммерческую или банковскую тайну. Через три дня после инаугурации В. Путина Генпрокуратура и ФСБ провели обыски в центральных офисах холдинга «Медиа-Мост». Подобные службы были не только у Гусинского, и было件件но, что этот «наезд» имеет заказной характер. В защиту независимого канала был создан Общественный Совет НТВ, возглавил его Михаил Горбачёв, но толку от этого было мало. В июне Генеральная прокуратура задержала В. Гусинского как подозреваемого в мошенничестве. Вскоре его отпустили, и он в тот же день выступил в программе «Глас народа», где рассказал, что ему предлагали компромисс с властью, заключавшийся, в частности, в закрытии «Кукол» и замене руководства каналом на лояльного президенту человека. А улетев в Испанию, заявил, что он был выпущен в обмен на подписание соглашения о том, что продаст «Медиа-Мост» «Газпрому» по установленной последней цене. Это объяснялось тем, что Гусинский якобы должен «Газпрому» 486 миллионов долларов, которые были взяты в кредит после дефолта. Дальше начались аресты имущества, раскол уникального журналистского коллектива, смена владельцев – все это происходило на глазах у общества. Консультант президента Г. Павловский назвал происходящее «крушением СМИ демократической республики и закатом эры олигархов».

О своей причастности к такому повороту он скромно умолчал. Наступление на свободу слова не встретило должного отпора, вожди СПС еще долго будут молчать, на призыв «ЯБЛока» провести митинг в защиту НТВ откликнулись лишь 4-5 тысяч москвичей, остальные зрители популярного телеканала вяло возмущались, сидя дома. В какой-то мере это было связано с тем, что журналистика стала явной отмычкой, а то и заточкой в руках тех или иных политических и коммерческих групп, которые гробят соперников, манипулируя общественным мнением. Телезритель это видел, иногда радовался тому, как хлестко отделали какого-то политического противника, но понимал, что за этим стоят не его интересы.

Поверить в официальную версию о том, что причина рейдерского захвата НТВ долги «Газпрому», обывателю было не трудно. Через несколько месяцев после смены владельца НТВ глава Администрации президента А. Волошин под угрозой ареста вынудил Б. Березовского продать Р. Абрамовичу все 49% акции Первого телеканала... (судьбу ОРТ и НТВ разделят еще два телеканала – ТВ-6 и ТВ и еще несколько крупных печатных изданий).

Теперь очередь за остальными «олигархами».

Их надо было поставить на место и приручить. Сакральной жертвой на алтаре властной вертикали стал самый богатый российский бизнесмен Михаил Ходорковский. Выкупив убыточную нефтяную кампанию «ЮКОС» на залоговом аукционе, он сделал ее не только самым крупным донором госбюджета, но и лакомым куском для президентской дворни и тех бизнесменов, которых он обошел в процессе покупки... А еще был дерзок: на встрече с президентом в 2003 году он посмел обвинить в коррупции государственную компанию «Роснефть», приведя в пример покупку ею небольшой частной нефтяной компании «Северная нефть» за непомерную цену в 600 млн долл. В ответ он услышал от Путина столь раздраженные обвинения в неуплате им налогов, что наводило на мысль о личной заинтересованности президента в той покупке... Да еще «Ходор», уходя после встречи по кремлевским коридорам, по слухам обмолвился кому-то из близких коллег замечанием о том, что такого президента надо менять... Финансовая отчетность «ЮКОСа» была самой прозрачной в стране и, пока не возникло напряжения, претензий у налоговых служб не было, но Ходорковский действительно думал о том, как и кто поведет страну дальше. Он считал, что большому бизнесу участвовать в политике надо, не выслушивая сентенции и указания от всевластного президента, а через соперничающие в парламенте фракции. Поэтому видел цель в переходе к парламентской республике и стал финансировать как левых, так и правых перед началом следующей избирательной кампании. Автор книги о нем В. Панюшкин писал потом: «Усилия акционеров «ЮКОСа» в начале 2003 г. можно сложить в некоторую общую картину... Они атакуют коррупцию, они выводят крупнейшую нефтяную компанию из-под контроля государства, они финансируют оппозицию, они воспитывают новое поколение свободных граждан, они развивают гуманитарную науку. У них, кажется, есть какой-то бизнес-план

для России. Еще немного и Россия выйдет из-под личного контроля президента Путина, станет совсем западной страной...»

Но тех, кого он поддерживал (в том числе и меня) на выборах 2004 года, «прокатили», его арестовали и осудили на 10 лет заключения по обвинению в «мошеничестве, хищениях и неуплате налогов».

Демонстративная расправа сделала оставшихся на свободе бизнесменов послушными (грехи были за каждым), о поддержке оппозиции, о сильном парламенте никто уже не заикался...

Собирание властных инструментов идет своим ходом. Теперь учреждается институт представителей президента. Это «смотрящие» за восемью округами, на которые поделена вся территория федерации. Их задача – следить за сбором налогового «общака», собирать компромат, докладывать в центр и при необходимости выступать прямым проводником между главой региона и президентом. Следующий шаг – засекречивание не только оборонного заказа, но и всего военного бюджета. Причина не только в том, что новая война на Кавказе съедала огромные средства. Если, по данным думского бюджетного комитета, общие расходы на операцию в Чечне в 1999 г. составляли 3 млрд рублей, то уже через 5 месяцев, в январе 2000 года, замглавы правительства по ВПК И. Клебанов докладывает о том, что расходы составили уже не 15, а 62 млрд рублей.

Характер отношений власти, бизнеса и общества продолжал меняться на глазах. Суды, проверки, рейдерские захваты, обыски и подставы вели к тому, что самостоятельных и амбициозных бизнесменов сменяли сотрудники спецслужб и назначенные чекистами профессиональные бюрократы. Сменившая хозяев и усмиренная пресса уже не рисковала писать о новом переделе собственности. Заработавшая экономика стала приносить плоды не только владельцам крупных состояний. Уставший от передрыг переходного периода обыватель тоже «приподнялся» и на радостях от того, что может позволить себе кредит и даже отдых в Турции, охотно избавился от своей ответственности за происходящее, вручив ее брутальному вождю. И снова, как в советские времена, стал расходным материалом властных интересов.

«НОРД-ОСТ»

Еще весной 2002 года в очередном Послании Федеральному Собранию В. Путин заявил о завершении войны в Чечне:

«Военную стадию конфликта можно считать завершенной. Она завершена благодаря мужеству и героизму армейских и специальных подразделений России. Еще год назад мы считали тех, кто нам противостоит. Сколько там бандитов и террористов: две тысячи, три, пять, десять. Сегодня для нас не важно, сколько их. Нужно знать, где они».

Но ведь это уже третье заявление об окончательной победе. Да, перешедший на сторону Москвы муфтий А. Кадыров формирует новое чеченское правительство, но оно властно только на территории, которую контролирует армия, а это территория ее баз и постов. Да, отряды сепаратистов загнаны в леса и горы, но президенту стоило бы вспомнить свой детский опыт: даже крысы, если их загоняют в угол, кидаются на врага. А у тех, с кем его режим имеет дело, есть не только бесстрашие и ярость, но и другие древние инстинкты: природное неприятие неволи, обычаи кровной мести, а теперь еще и религиозный фанатизм. Изнасилованные солдатами чеченки, вдовы погибших боевиков, фанатики-шахиды за рулем начиненных взрывчаткой грузовиков подрывают себя у блокпостов и комендатур. Террор снова приходит в Россию. Через десять дней после выступления президента произошел взрыв на Центральном рынке Владикавказа.

Погибли 7 человек, ранены 43. Через две недели в Каспийске во время парада Победы от взрыва погибло 45 человек, более 100 получили ранения. Только за три месяца сбито 4 армейских вертолета, бронетехника подрывается на минах, солдаты гибнут каждый день.

Попытки умеренной части чеченского сопротивления найти компромиссный выход начались уже в первый год новой войны. В ноябре 2001 года командир личного резерва президента Ичкерии Масхадова Ахмед Закаев даже прилетал в Москву. В международной зоне аэропорта «Шереметьево-2» он встречался с представителем российского президента генералом В. Казанцевым. Но последний упорно стоял на полной капитуляции сил сопротивления. Вернувшийся в Чечню А. Закаев вскоре появился в Дании как полномочный представитель президента А. Масхадова за рубежом. Российский МИД и Генеральная прокуратура потребовали его экстрадиции, и Закаев был задержан. В это время по приглашению друзей датских правозащитников я был на конференции в Копенгагене и посетил задержанного. Мы говорили с ним о путях прекращения войны, и он произвел впечатление вполне разумного человека. До войны он был актером

в Грозненском театре, играл там Гамлета, и я на прощанье подарил ему оригинальный перевод этой пьесы, который сделал мой друг и поэт А. Чернов. Вскоре датчане, убедившись в том, что наша Генпрокуратура не способна предъявить Закаеву сколько-нибудь убедительные обвинения, отпустила его.

В августе 2002 по инициативе З. Бжезинского А. Закаев провёл в Лихтенштейне неформальную встречу с российскими политиками: Р. Хасбулатовым, И. Рыбкиным, А. Аслахановым, в ней участвовал и журналист Щекочихин. Был составлен т.н. «Лихтенштейнский план» мирного урегулирования. Речь шла о предоставлении Чечне автономии в составе РФ под гарантии ООН и ОБСЕ. Но это было их личной инициативой, которая не устраивала ни кремлевских имперцев, ни чеченских радикалов. Переход к переговорам был сорван: поздним вечером 23 октября я вернулся из Думы в свой гостиничный номер и включил телевизор. Шли новости, и я услышал: «Мы прерываем вещание для экстренного сообщения. По данным ГУВД Москвы группа неизвестных вооруженных людей захватила в заложники зрителей мюзикла «Норд-Ост» в театральном концертном зале на Дубровке...»

Естественно, я кинулся туда. Холодный, промозглый вечер, между милиционными и армейскими машинами волнующая толпа, она прибывает – это родственники заложников, журналисты, зеваки. Депутатское удостоверение позволяет преодолеть редкое оцепление, я встречаю своего сына, он с телекамерой и журналистом, который спрашивает меня, что происходит? Но я и сам только что услышал по радио «Эхо Москвы» о том, что захватчики – чеченцы. Я говорю на камеру о том, что нужны переговоры, что главное, спасти людей. Иду дальше и встречаю Виктора Курочкина, того члена Совета федерации, вместе с которым мы пошли в заложники к Шамилю Басаеву, когда надо было спасать людей в захваченной больнице. Он показывает: рядом с коробкой бывшего Дома культуры, на стеклянном фасаде которого растянута огромная баннер «Норд-Ост», находится госпиталь для ветеранов войны, там что-то вроде импровизированного штаба. Идем туда, действительно один из больших кабинетов полон народа, здесь члены правительства, военные и еще какой-то неизвестный, но важный народ. Но суета и атмосфера нерабочие, все хаотично толкуют о случившемся, в углу на столике коньяк, бутерброды, вода... Постепенно выясняется, террористы сказали заложникам, что их судьба зависит от прекращения войны в Чечне.

Пока шел спектакль из кабины звукооператоров велась его рабочая видеозапись. Так оказался записан момент захвата, когда из-за кулис на сцену неожиданно вышло несколько человек в форме с автоматами. Дав очередь в потолок и разогнав артистов, они объявили, что здание захвачено и велели всем оставаться на местах. Они развесили плакаты с цитатами из Корана и стали минировать зал. По данным следствия, оружие и боеприпасы завозились в Москву под прикрытием поставок арбузов, а взрывчатка пряталась в специально оборудованных отсеках бензобаков и других тайниках. По дороге в столицу грузовые

фуры с воюющего Кавказа спокойно преодолевали все посты, а участники рейда прибывали на поездах и рейсовых автобусах из Ингушетии и Дагестана. Подельники встречали и размещали их на частных квартирах и в том числе в одном из общежитий рядом с базой московского ОМОНа. По официальной версии ФСБ решение о захвате заложников в каком-то из культурных или торговых центров Москвы принималось в штабе Масхадова. Так ли это, неизвестно, тем более, что к тому времени соподчиненность всех отрядов сопротивления единому штабу была утрачена. Командиром диверсионно-террористической группы из 40 человек оказался считавшийся убитым Мовсар Бараев. Половину группы составляли женщины-чеченки, многие из этих смертниц были вдовами и сестрами убитых боевиков. За день до захвата Аслан Масхадов дал интервью французскому агентству «Франс-Пресс», он сказал:

«Западные лидеры вынуждены заигрывать с Россией для разрешения своих глобальных проблем... Теперь, когда война продолжается, мне нечего терять от того, что я связываюсь с такими людьми, как Басаев, Удугов или Яндарбиев, главными радикальными лидерами».

Эта цитата, как и то, что он заявил о некой готовящейся «исключительной операции», изложение его слов так, как их поняли французы, и так, как это потом было переведено обратно на русский язык. В результате одни журналисты считали, что речь шла о новой войсковой операции, а другие истолковали это как участие в планировании московских событий.

Как потом оказалось, радикалы планировали захват заложников как последний акт этой драмы, ему должны были предшествовать три взрыва начиненных взрывчаткой автомобилей и несколько самоподрывов женщин-шахидок. Один из терактов должен был произойти возле «Макдоналдса», но почему-то взрывное устройство сработало раньше, погиб проходивший мимо подросток. Еще два заминированных автомобиля вообще не взорвались, «взрывчатка» оказалась учебным муляжом. Две женщины-смертницы должны были взорвать себя в метро или в другом людном месте, но не стали этого делать и уехали в Ингушетию. Для захвата заложников после посещения других мест был выбран Театрально-концертный центр (ТКЦ) на Дубровке. Решив не тянуть до запланированной ранее даты 7 октября, террористы погрузились в свои микроавтобусы и без труда, обезоружив охрану ДК, захватили здание со всеми, кто там находился (более 800 человек). Отряд имел 18 автоматов Калашникова, 20 пистолетов Макарова и Стечкина, несколько десятков гранат и до 100 кг пластика, из которого были изготовлены 25 взрывных устройств, оборудованных под пояса смертников, а также начиненные взрывчаткой ресиверные баллоны от КАМАЗа. По версии следствия, все взрывные, начиненные поражающими элементами, устройства были снабжены электровзрывателями, которые можно было привести в действие нажатием кнопки или с находящегося у командиров общего пульта.

Пока в оперативном «штабе» контртеррористической операции (КТО) шла неразбериха, появившиеся там ребята в черных костюмах стали вежливо выдвигать всех в коридор, а вокруг ТКЦ выстраивалось второе оцепление. Виктор Курочкин рассказал мне, что люди видели, как в захваченное здание прошла какая-то молодая женщина. Как потом оказалось, это была 28-летняя Ольга Романова. Она работала простой продавщицей и в тот день, опоздав на метро, осталась переночевать у своей заведующей. По словам ее матери:

«Там они и узнали, что захвачен Театральный центр на Дубровке. Ольга тут же решила ехать домой. Приехала она около двух ночи, взволнованная, возбужденная. Мы поговорили, решили укладываться спать. Я думала, что она пошла в ванную, а она уже у дверей... “Я пойду к ‘Норд-Осту’” – “Зачем?” – “Я пойду, поговорю, чтобы отпустили заложников” – “Никуда не пойдешь, защитница, нашлась! Это ведь не с дубровскими ребятами, одного, другого похлопала по плечу и успокоила” – “Я здесь выросла, я найду, как пройти. Они должны понять, у них тоже дети. Пусть отпустят хотя бы детей!”»

О. Романова

Один из актеров, оказавшийся среди заложников, рассказывал потом: *«Она появилась через час, как всех усадили. Заходит, открывает дверь. В куртке, беретке: “Вот, всех напугали! Чего вы тут устроили! Давайте договоримся, хватит в игрушки играть, отпустите хотя бы детей”. “Кто ты такая?” – спросили. – “Ну-ка, сядь, а то пристрелю”. – “Ну и стреляй!” А потом закричала заложникам: “Не бойтесь их, вставайте и уходите!”»*

Парализованные страхом люди зашевелились, На самом деле сидевшие в узких рядах люди бежать не могли, но ситуация все же выходила из под контроля. Ольгу ударили прикладом по голове, заломили ей руки и, вытащив в фойе, расстреляли в упор. Услышавшие автоматную очередь заложники оцепенели... Но снаружи об этой жертве и ее героизме еще никто не знает. Да и потом о ее самопожертвовании постараются забыть.

А в Кремле у президента шло совещание членов Совета безопасности. О том, как оно шло, мы не знаем до сих пор. Можно предположить, что в первые часы была растерянность из-за отсутствия информации. Боевики дали возможность заложникам обзвонить их семьи, а журналистам, которые оказались среди них, сообщить о захвате и требовании террористов вывести войска из Чечни, после чего отобрали почти все мобильные телефоны и затаились. Сколько там террористов, что происходит внутри, никто еще толком не знал. По словам Г. Явлинского, он был в отъезде и получил звонок из Кремля. Ему сообщили, что боевики

назвали его имя как возможного переговорщика. Такой выбор понятен. Лидер партии «ЯБЛоко» был противником войны и уже предлагал остановить ее. Но в Кремле, отправляя его на смертельный риск, никто не дал ему никаких полномочий. Г. Явлинский увидел боевиков и смертниц с поясами шахидов, он услышал, что их единственная цель и условие освобождения заложников – вывод войск и прекращение войны. По словам Явлинского, Бараев и другие не имели конкретного плана, как останавливать войну, путались в условиях и раздражались на того, кто им на это указывал.

Из показаний Явлинского, на следствии:

«В ходе переговоров мы остановились на трех пунктах требований: прекращение со следующего дня применения в Чечне тяжелого оружия, а именно артиллерии и авиации; прекращение зачисток; разговор по телефону между Путиным и Масхадовым».

Явлинский предложил им сделать первый шаг, сначала освободить детей. Был спор за очередность, все же несколько детей освободили. Вернувшись в Кремль, Явлинский изложил требования и то, что началом переговоров и освобождения всех детей может стать телефонный разговор двух президентов. Но как он рассказывал позже:

«В Кремле уже был какой-то совсем другой план. Я не знал какой, но было ясно, что какой-то совсем другой. Мне задавали вопросы, ну совсем не конструктивные! Загонявшие в тупик. Они спрашивали:

– А вы гарантируете, что вот если произойдет такой разговор, они нико-го не тронут?

– Ну что я могу гарантировать? Как я могу что-то гарантировать!?

– А! – Вот видите...

Стало понятно, там тянули время и готовили операцию».

Ведение переговоров, в том числе и ложных, обычная практика в ситуации с террористами, у которых есть заложники. Все зависит от приоритетов и ограничений. Судя по тому, что происходило дальше, за публичным заявлением президента о том, что главное, спасти заложников, был ограниченный им же коридор возможностей, уступки были исключены. Думаю, что в Совбезе ему говорили то, что он хотел услышать: «Какой там Масхадов? Это же бандиты. Если мы опять замиримся, за что же гибли наши солдаты? Это же позор, нас не поймут! Мы просто лицо потеряем! Хватит с нас Буденновска, на колени нас больше не поставят! Да если бы их тогда прихлопнули, сейчас бы этого не было...»

Так думали, да и сейчас думают многие. Версия о том, что возвращение басаевцев из Буденновска в Чечню открыло дорогу к новым терактам, бытует до сих пор. Я уже писал о том, что на самом деле дорогу к ним открыло нарушение договора о прекращении той войны. И дело не в террористах, пугать новых шахидов смертью предыдущих бесполезно. Теракты подобного рода – результат

тупиковой ситуации, когда обе стороны конфликта, войдя в клинч, не могут из него выйти. И виновных надо искать среди тех, кто их туда завел. Бродя по коридорам «штаба» вместе с Виктором Курочкиным, мы пытались достучаться до руководителей операции, а я безуспешно искал ответ на вопрос, почему чеченцы, зная, что федералы не выполняют своих обещаний, снова пытаются принудить их к обещаниям. Ведь даже если Путин пойдет на переговоры, даже если войска станут уходить из мятежной республики, кто помешает им вернуться? Почему они до сих пор верят в данное врагом слово?

Вслед за Явлинским к террористам сходили и другие, там побывал Е. Примаков, депутат от Чечни Абдулатипов, экс-президент Ингушетии Р. Аушев. Когда стало известно, что там хотят видеть И. Кобзона, пошел и он (а вместе с ним попытался пройти и я, но был остановлен и прождал его в фойе ДК, пока он не спустился с двумя детьми, которых он выторговал у захватчиков). Активную роль в телефонных переговорах взяли на себя мэр Москвы Лужков и Б. Немцов. По его словам, было десять телефонных разговоров с Бараевым и его «замполитом» Абубакаром. В результате они договорились, что вывод войск пока не рассматривается, а если в Чечне прекращаются хотя бы зачистки, то за каждый день мира в Чечне из «Норд-Оста» выходят дети, женщины, затем старики... Первыми должны были выйти ученики какой-то московской школы, целый класс. Но это сорвалось, боевики узнали, что в Чечне схвачен двоюродный брат Бараева. Не дождавшись обещанного выхода детей-заложников, Немцов звонит Абубакару: «Мы же договаривались?» А тот зло отвечает, что теперь решает не он, что говорить надо с Басаевым или Масхадовым.

Кобзон, Хакамада и Немцов снова собираются идти в ТЦ на переговоры. Но имитация переговоров, которую они принимают за чистую монету, зашла слишком далеко. Тут, по версии Б. Немцова, раздался телефонный звонок от Путина, который сказал ему, что за все отвечает лично президент, а поэтому он и мэр Москвы должны прекратить общение с террористами. Немцов, не объясняя в чем дело, остался, и Кобзон счел это малодушием.

Дезинформацией журналистов занимался помощник президента С. Ястржембский. Сначала он говорил им, что террористы требуют денег, потом, что они расстреливают заложников, а потом выманил всех журналистов с территории вокруг штаба, сказав, что даст информацию, выйдя за пределы оцепления, но сам туда не пришел.

Бараев и Абубакар, заявив, что воюют только с Россией, хотели отпустить из ТЦ всех заложников-иностранцев, но кто-то решил, что пока они среди заложников Запад будет поддерживать Кремль. Из штаба террористам ответили, что сначала пусть выпустят женщин и детей. Так иностранцы оказались дважды заложниками. Приехавшим к ТЦ иностранным дипломатам Ястржембский не дал контактов ни с ними, ни с Бараевым. 70 иностранцев, которые могли бы выйти, остались в зале, выжили не все.

В здание ТЦ несколько раз входила журналистка «Новой газеты» Анна Политковская. Она была хорошо известна и в России, и в Чечне своими честными антивоенными репортажами и поэтому надеялась на то, что ей удастся достучаться до сердец террористов.

Анна писала потом, как шла туда и у нее подкашивались ноги, как долго ждала под наведенными стволами, как начала разговор с «главным»:

– *Кто вы? Как вас называть?* – спрашиваю, не слишком надеясь на ответ.

– *Бакар. Абубакар.*

Маску он уже поднял на лоб. Лицо открытое, скуластое, тоже очень милитаризовано- типичное. На коленях автомат. Лишь в самом конце разговора он положит его за спину и даже извинится: «Я так привык к нему, что уже не чувствую. И сплю с ним, и ем с ним, всегда с ним». Да и без этих объяснений уже все вижу: он из поколения тех чеченцев, которые воюют всю свою жизнь.

– *Сколько вам лет?*

– *29.*

– *Воевал в обе войны?*

– *Да.*

– *В Грузии отсиживался?*

– *Нет. Я из Чечни не уходил.*

Есть такое поколение современных чеченцев: Бакар из тех, кто десять последних лет не знал ничего, кроме автомата и леса, а до этого только и окончил что школу, и так, постепенно, жизнь в лесу для них стала единственной, какая вообще возможна. Судьба без вариантов.

– *Поговорим о делах?*

– *Ладно.*

– *Сначала о детях старшего возраста. Надо отпускать, они дети. – Об этом первым делом попросил с «ними» разговаривать Сергей Ястржембский, помощник президента России.*

– *Дети? Тут детей нет. Вы забираете наших на зачистках с 12 лет, мы будем держать ваших.*

– *Чтобы отомстить?*

– *Чтобы вы почувствовали, как это.*

Я буду возвращаться к детям еще много раз с просьбами хотя бы сделать для них послабления. Например, разрешить принести еду. Но ответы будут категоричные:

– *Нашим не дают есть на зачистках, пусть ваши тоже терпят.*

В моем списке пункты просьб: пища для заложников, предметы личной гигиены для женщин, вода, одеяла. Забегая вперед: удастся договориться только о воде и соках. В том смысле, что я буду их носить, кричать снизу, что принесла, и тогда меня будут пускать.

– Я смогу прийти несколько раз? Я не смогу принести много за один раз... Людей очень много. Может, разрешите, чтобы со мной был кто-то из мужчин?

– Хорошо.

– Возможно, тоже наш журналист?

– Да. И еще кто-нибудь из Красного Креста.

– Спасибо.

Начинаю спрашивать: чего они хотят? Но политически Бакар сильно «плавает». Он «просто воин» и больше ничего. Он объясняет, зачем ему все это и почему, длинно и нечетко, и из этого можно выделить четыре пункта. Первый: Путин должен «сказать слово» – объявить об окончании войны.

Второй: в течение суток продемонстрировать, что слова не пустые, например, из одного района вывести войска.

– Из какого района? Из вашего? Веденского?

– Ты что грушница? Допрашиваешь, как грушница. Все, уходи!

Уходить, понимаю, нельзя, хотя очень-очень хочется. Поэтому я слышу, как я почти оправдываюсь, дура, конечно:

– Поймите, надо же знать, чего вы хотите. Причем точно знать. Иначе... – Я то и дело спотыкаюсь о самое себя.

Мой мозг трудится над непосильной проблемой, как максимально облегчить участь заложников, раз уж они согласились говорить со мной, но и достоинство не потерять, и пробуксовывает, увы.

Чаще я не знаю, что говорить дальше, и лепечу какие-то глупости, только бы Бакар не сказал: «Все!» И я бы ушла ни с чем, не выторговав ничего.

Так подходим к третьему пункту «их» плана. Тут как раз Бакару на мобильный звонит Борис Немцов. Этот аппарат боевики изъяли у одного из заложников, музыканта «Норд-Оста», и теперь ведут по нему все свои разговоры. На этот же мобильный после Немцова Бакару позвонят «из дома», из Веденского района Чечни.

Бакар, разговаривая с Немцовым, начинает сильно нервничать. Позже он станет мне говорить, что Немцов, мол, его водит за нос, вот сказал накануне, что война в Чечне может прекратиться, а зачистки сегодня, 25 октября, возобновились. И тогда я спрашиваю:

– А кому вы поверите? Слову кого с подтверждениями о выводе войск вы доверяете?

Оказывается, лорду Джадду (руководитель группы наблюдателей ПАСЕ).

И переходим к «их» четвертому пункту. Он прост: если будут выполнены первые два, заложников они отпустят.

– А сами?

– Останемся воевать. Примем бой и умрем в бою.

– А вы, собственно, кто такие есть? – сказала и испугалась: «Господи, я что-то осмелела!»

– Разведывательно-диверсионный батальон.

– Весь тут?

– Нет. Только часть. У нас был отбор для этой операции. Взяли лучших. Так что умрем мы, все равно будет кому продолжить наше дело.

– Подчиняетесь Масхадову?

Визжу замешательство и снова крайнее недовольство. Сбивчивые объяснения можно свести к формуле: «Да, Масхадов – наш президент, но мы воюем сами по себе».

Собственно, это подтверждение самых плохих опасений: отряд из тех, кто сами по себе в Чечне. У них своя автономная война, и она предельно радикальна. И плевать по большому счету они хотят на Масхадова за то, что он не радикален. Я продолжаю:

– Но вы ведь знаете, мирные переговоры ведут Ильяс Ахмадов в Америке, Ахмед Закаев в Европе, они представители Масхадова. Быть может, вы с ними свяжетесь сейчас? Или давайте я наберу их. Дело у вас одно.

– Зачем это? Они нас не устраивают. Они ведут эти переговоры медленно, потому что над ними не капает, а мы в лесах умираем. Они нам надоели.

Больше пунктов в «их» плане нет. Бакар добавляет от себя много сильных фраз: «Полтора года люди просились, чтобы стать камикадзе и сюда прийти», «Мы пришли умирать» ... Собственно, я и не сомневаюсь, что тут обреченные и готовые умереть, унося с собой столько жизней, сколько сами и захотят.

– Можно поговорить с заложниками?

– Нельзя. Нет. – Но через пять минут «брату», сидящему у меня почти за спиной: – Приведи, ладно.

...Чуть-чуть говорим о морали и нравственности, если так можно выразиться.

– Не поверите, но морально мы чувствуем себя тут лучше, чем за все три года войны. Мы наконец делаем дело. Мы в своей тарелке тут. Нам лучше, чем когда-либо. Нам будет хорошо умереть. То, что мы приняли участие в истории, большая честь. Не верите? Визжу, что не верите.

А я очень даже верю. Уже год, как эти разговоры идут в военно-чеченской среде. На фоне бездействия виртуального Масхадова многие боевые отряды просидели всю зиму в лесу и дошли до ручки: и выйти нельзя, и воевать не получается, надо что-то предпринимать, а приказа от главнокомандующего нет. По мере роста этих настроений отряды или распадались, или радикализировались, параллельно фактически начиная самостоятельную войну, где Масхадов никакой не авторитет. «Брат» приводит девушку в стадии крайнего нервного истощения.

– Я Анна Андрианова, корреспондент «Московской правды». Вы там пойте: мы уже приготовились умирать. Мы поняли, страна нас бросила. Мы новый «Курск». Если хотите спасти нас, выходите на улицы. Если пол-Москвы Путина попросит, мы выживем. Нам тут ясно: если мы сегодня здесь умрем, завтра в Чечне начнется новая мясорубка, и это потом опять придет сюда, к новым жертвам.

Аня говорит, не останавливаясь. Бакар нервничает, но Аня этого не чувствует. Опять очень страшно, что Бакар начнет демонстрировать силу. Наконец Аню уводят. И мы договариваемся, что я сейчас займусь тем, что буду носить в здание воду. Бакар неожиданно добавляет от себя: «И соки можете принести».

– Для вас?

– Нет, мы умирать готовимся, мы ничего не пьем, не едим. Для них.

– А может, еды? Хотя бы детям.

– Нет. Наши голодают, вот пусть и ваши будут голодать.

Выхожу на улицу. Доктор Рошаль, оказывается, уже ушел (за медикаментами Ю.Р.). Начинает лить дождь. Собираем деньги по карманам и кошелькам, у кого что есть, у тех, кто стоит поблизости. Журналисты сбрасываются первыми, еще пожарные. Кто-то бежит в ближайший магазин за соками».

Слова Андриановой о том, что спасти заложников могут вышедшие на улицы москвичи, были услышаны, родственники заложников вышли на Красную площадь перед Кремлем. Прежде чем их разогнали, 250 человек успели подписать обращение:

«Уважаемый президент! Мы взываем к Вашему разуму и милосердию! Мы знаем, что здание заминировано и любое использование силовых методов приведет к взрыву театра. Мы уверены, что нет таких уступок в переговорах, на которые нельзя пойти, если речь идет о жизни 700 человек!»

К этому времени террористам уже надоели пустые разговоры с не имеющими полномочий переговорщиками. Тогда им позвонил генерал Казанцев, он сказал Бараеву, что уполномочен на переговоры и завтра прилетит из Грозного в Москву. Узнав это, чеченцы расслабились, выйдя на сцену, Бараев объявил: «Завтра расстанемся, Вы пойдете в одну сторону, а мы в другую. Слава Богу, я сберег вас, ничего с вами не случилось. Поэтому мы можем спокойно разойтись». («Ничего с вами не случилось»? Кроме расстрелянной О. Романовой, в здание пытались проникнуть двое мужчин: подполковник юстиции К. Васильев предложил себя в обмен на детей, а крановщик Г. Влах пришел искать сына. Их тоже приняли за лазутчиков и убили, а когда один из зрителей, запаниковав, пытался выбежать из зала, автоматная очередь сразила его и еще одного заложника, но для одичавшего в жестокой многолетней войне, повидавшего сотни искалеченных и убитых соотечественников Бараева, это было «немного»...)

Обещанные Казанцевым переговоры были неправдой, шли последние часы перед штурмом.

Журналисты об этом не знали, телеведущий Савик Шустер в своем вечернем эфире на НТВ собрал несколько десятков известных людей, практически все говорили о том, что главное – спасение людей, ради которого надо идти на переговоры. Уже под самый конец прямого эфира, подумав о том, что в «Норд-Осте» может работать телевизор, я взял микрофон. Глядя в объектив камеры, я обратился к террористам и сказал: ***«Я обращаюсь к тем, кто держит людей в заложниках. Вы сделали то, что хотели. Глаз мира обращен сейчас на вас. Остановитесь! Не совершайте последней ошибки, не губите ни себя, ни тех, кто в ваших руках!»***

Но судьбу всех, кто находился в здании бывшего Дома культуры, уже решили другие. Штурм. Перед ним в ТЦ через систему вентиляции был закачан сильнодействующий усыпляющий газ. Бараев, почувствовав его запах, не дал команды на взрыв, а выбежал из зала с криком: «Где электрик! Выключить вентиляцию!»

Усыпление было новым шагом в подобной ситуации, и оно оказалось эффективно. Но рассчитать необходимое и достаточное количество газа было невозможно, ведь он должен был наполнить всю кубатуру огромного зала и все помещения, где были террористы. Поэтому где-то его едва хватило, а где-то был чудовищный переизбыток. Террористы и заложники стали быстро терять сознание. Одна из заложниц рассказывала потом, что в зале появилась дымка, ее потянуло в сон и она услышала бормотание сидевшей рядом шахидки: «Ничего, сейчас мы заснем».

Сопротивление, которое встретил вошедший в ТЦ спецназ, было коротким, одна брошенная в них граната легко ранила офицера, других потерь не было. Боевики-мужчины лежали без сознания или вяло пытались сопротивляться, одна из женщин успела сделать два выстрела из пистолета, все были убиты в течение нескольких минут. Все шахидки, сидевшие в зале, уснули. По словам тех заложниц, которые засыпая что-то еще видели, спецназовцы прыгали по спинкам театральных кресел и матерясь – вот еще одна сука! – стреляли. Бараев пытался отключить вентиляцию, но не успел. Он получил пулю в пах, когда уже лежал без сознания. После штурма в ТЦ пустили тележурналистов, и кто-то из них ради эффектного кадра вложил в мертвую руку Бараева бутылку коньяка...

Затем началась эвакуация потерявших сознание заложников. Не сработало ни одно взрывное устройство, все заложники были живы – полная победа! Увы, она обернулась гибелью для 130 заложников. В них никто не стрелял, они умирали из-за преступной халатности: никто из чиновников не подумал, что тех, кто будет выносить и грузить тела в машины, надо проинструктировать. Офицеры и солдаты тащили их на себе и укладывали, как правило, лицом вверх, а то и сваливали их друг на друга. В результате люди задохнулись от западения языка или от тяжести лежащих сверху тел. Кроме того, никто из чиновников не рискнул бы-

стро очистить забитую частными машинами площадь перед ТЦ хотя бы с помощью бульдозера. В результате машины скорой помощи и автобусы, теряя время, выстраивались цепочкой и попадали туда с трудом, только доставка в больницы впавших в кому людей растянулась на четыре с половиной часа. Для тех, кто еще не задохнулся, была дорога каждая минута, им был нужен кислород, антидоты, но врачи не знали состава газа и не понимали, что им делать.

Отравленные люди продолжали умирать в больничных палатах, их родственники бегали в по больницам и моргам, не получая информации, а реальные потери стыдливо замалчивались...

Могло ли быть иначе? Беспомощная, безынициативная чиновничья рать – неизбежный продукт бюрократической вертикали. Получивший это наследство президент, будь он хоть семи пядей во лбу, был не властен изменить ее природу в одночасье. За преступную халатность должны были бы ответить те гражданские ведомства и министерства, которые провалили порученное им дело. Но почему был засекречен состав усыпляющего газа, знание о котором могло помочь врачам? Лишь через полгода власти нехотя сообщили, что это «спецрецептура на основе производных фентанила» ... Секретность – компетенция спецслужб, которые находились под его непосредственным контролем. Это бесчеловечное решение исходило из зоны его ответственности. И оно прямо говорит о том, что спасение людей не было первостепенной задачей. Ведь гарантий того, что заснувшие люди проснутся, не было, никто и никогда такого опыта на людях еще не ставил! В справочнике М. Машковского «Лекарственные средства» издания 2002 года о фентаниле написано: «Применяют фентанил только в условиях стационара. Как правило, после введения нейролептика и фентанилцитрата больному вводят мышечный релаксант, интубируют трахею и проводят вспомогательную или искусственную вентиляцию легких кислородом. При отсутствии условий для искусственной вентиляции легких использование фентанилцитрата для проведения нейролептанальгезии недопустимо». Об этом пишут и другие медицинские справочники. Но ни о какой интубации (вскрытии трахеи, куда вставляется трубка от аппарата ИВЛ) не было и речи. Да и не могло быть в условиях, где еще несколько минут назад шла стрельба, в любой момент могли начаться взрывы, а срочная хирургическая помощь и принудительная вентиляция легких была нужна одновременно 830 людям. Те, кто принимал решение об использовании «производных фентанила», должны были это понимать. И не только рискнули жизнью сотен людей, но, засекретив газ ради «государственных интересов», оставили их без средств к спасению.

Позже В. Путин говорил, что эти дни были самыми тяжелыми днями его президентства. Да, большим начальникам иногда приходится жертвовать малым ради большого. Генерал, который посылает полк в ложную атаку ради успеха армии, что наступает на другом участке фронта, оправдывает себя тем, что сотни убитых спасли жизнь тысяч... Думаю, что В. Путин видел себя таким, спасаю-

щим некие абстрактные «тысячи», генералом. Сразу после захвата ТЦ спецназом Б. Немцов, выступая по телевидению, сказал:

«Важно то, что президент не поддался и не стал вступать с ними в контакт, я считаю, что это был момент сохранения России как государства...»

Тот Немцов, который еще недавно спорил с Б. Ельциным, привеза ему миллион подписей против войны, с новым президентом уже не спорит. Он питает иллюзии о сотрудничестве и даже льстит ему. А через несколько лет прозреет и расскажет, как спросил у главы президентской администрации А. Волошина, почему В. Путин запретил ему вести переговоры, которые могли спасти всех?

«Ответ меня убил. Ответ был такой: “Потому что он боялся, что у вас вырастет рейтинг”. Это Волошин мне открытым текстом сказал. Я спросил: «А вот то, что людей убьют, он не боялся?» Он говорит: “Нет. Рейтинг вырос. Он следил за рейтингом, а вы стремительно в гору шли.”»

Так что же спасал президент? Что стояло на кону? Его рейтинг, его личный престиж, интересы страны? Но в чем они? Президент Франции Шарль де Голль, после долгой войны с сепаратистами Алжира, несмотря на недовольство военных, отпустил эту колонию, но Франция при этом не развалилась. Да, она не состояла из разных народов, чьи элиты могли последовать примеру Чечни. Но Великобритания тоже имела немало колоний. И все же, когда ей пришлось признать их независимость, она осталась одной из самых влиятельных и уважаемых стран. Грозил ли России распад из-за ушедшего из-под нее клочка земли? При наличии так и не освоенных за 300 лет гигантских территорий? Но мысль о том, что сила и влиятельность страны не тождественны размерам ее земель, что экстенсивная политика царской, а затем и советской империи стала тормозом для внутреннего развития, была чужда сознанию того, кто взял на себя миссию ее возрождения.

Трагедию «Норд-Оста» постарались забыть. Но неясностей было много, люди задавались вопросами: где были хваленые спецслужбы, почему террористы беспрепятственно попали в столицу с оружием и взрывчаткой. И почему ни одна из смертниц не взорвалась, а кнопка на взрыв фугасов не была задействована? Или не сработала? Почему были убиты все террористы, 31 мужчина и 18 женщин, неужели ни одного из них нельзя было взять живым? А еще: во время эвакуации заложников телевизионщики, кажется, ТВ-6 записали загадочную сцену на площадке входа в ТЦ. «Новая газета», изучив видеозапись, писала:

«Человек в черной куртке с белой повязкой тащит мужчину. Руки лежащего скованны наручниками. Его лицо обращено вниз, но иногда между его лицом и тротуаром образуется небольшой просвет (пытается поднять голову? Ю.Р.). Влекущего и влекомого догоняет женщина в черной куртке с белой повязкой. Мужчину кладут лицом вниз в углу за входом, его переворачивают. Женщина в черной куртке поднимает пистолет и стреляет (на пленке слышен отдаленный звук выстрела). Мужчина в черном оттаскивает тело, на-

клоняется над ним и задирает лежащему одежду. Женщина что-то делает с пистолетом и отходит в сторону. Позже она будет выводить заложников». Журналисты задавались вопросом: «Если это был пленный и живой (он был в наручниках), надо ли было в него стрелять? Если надо, то зачем? Свидетель все-таки... Если свидетель, то чего? Если он был мертв, зачем было выносить его из здания, когда не все заложники были эвакуированы из зала (видно на пленке), а потом в него стрелять?»

Родственники погибших будут пытаться найти виновных, а те, кто лишился кормильцев, получить хотя бы компенсации за их потерю. Закон о борьбе с терроризмом гласит, что жертвы терактов имеют право подавать иски о компенсации ущерба к субъекту федерации, на территории которого произошел теракт. Однако моральный ущерб компенсируется только при наличии персональной вины. А как писали об этом в газете «Коммерсант», оказалось, что «доказать вину причинителя ущерба невозможно, поскольку не установлен сам причинитель. Теоретически таковым можно считать террористов, спецслужбы, спасателей и правительство Москвы. Но террористы мертвы, спецслужбы, согласно конституции, ответственности за свои действия при проведении контртеррористической операции не несут, а доказать вину спасателей невозможно». Редакция «Новой газеты» добьется того, что следствие по «Норд-Осту» изучит загадочную запись расстрела на пороге ТЦ, но факта убийства следователи не признают, а звук выстрела сочтут звоном битого стекла. При этом обнаружится, что к следователю, который этим занимался, попала уже сокращенная кем-то запись.

«Разбор полетов», отставку виновных в недопущении теракта и преступной халатности В. Путин заменил их награждением званиями «Героя России»: возглавлявшего штаб КТО заместителя директора ФСБ генерала В. Проничева, начальника центра специального назначения генерала А. Тихонова, засекреченного химика, отвечавшего за применение газа, двух бойцов из «Альфы» и «Вымпела». Из тех, кто ходил к террористам, ордена Мужества получили только И. Кобзон и профессор Л. Рошаль. Мэр Юрий Лужков, его заместители и 35 депутатов Мосгордумы (четверо из которых во время теракта были тогда в загранкомандировках) получили памятные нагрудные знаки «Участник спецоперации “Норд-Ост”». Число жертв спецоперации будет расти, к тем, кто погиб в первые часы после газовой атаки, прибавятся те, кто умер в больницах и потом в результате осложнений. По данным родственников, их число достигнет 170 человек, среди которых десять детей. Если бы власть пошла на переговоры, все они остались бы живы, но для президента престиж власти оказался важнее их жизни.

С.Л.О.Н.

Осенью 2002 года во время депутатских каникул мне довелось участвовать в экспедиции на островной Соловецкий архипелаг, известный находившимися там в 20-30-е годы XX века первым концентрационным лагерем и тюрьмой для тех, кого потом станут называть «врагами народа». В сводках советского Наркомата внутренних дел он обозначался как С.Л.О.Н., Соловецкий лагерь особого назначения, и С.Т.О.Н., Соловецкая тюрьма особого назначения. Когда общество, после бесплодных надежд времен хрущевской оттепели, на перестроечной волне вернулось к делу сохранения памяти о жертвах коммунизма, вспомнили о Соловках. Потомки тех, кто подвергался репрессиям и вышедшие на свободу политзаключенные учредили общественную организацию – «Мемориал», которая, при поддержке депутатов Съезда установила в Москве на Лубянской площади, напротив здания КГБ, привезенный с Соловков камень. Он лег на плиту, где после осторожных споров, было написано, что это «память о жертвах тоталитарного строя» ...

В Питере речь пошла не только о памятнике, но и о музее, который сохранил бы для потомков историю советского террора. Среди мест памяти были названы: найденный несколькими месяцами ранее расстрельный полигон в Левашово, тюрьма «Кресты» и площадь Революции. Городской исполком объявил конкурс на памятник, но только «жертвам сталинских репрессий». Вскоре депутаты первого демократического Ленсовета, признав, что осуждение политических преследований необходимо распространить на весь советский период, отменили это решение, чтобы назначить новый конкурс. Но у депутатов было много проблем, и тогда «мемориальцы» взяли инициативу в свои руки. Лучшим местом для установки будущего памятника была признана возвратившая свое историческое название Троицкая площадь. Рядом с ней находится «Дом политкаторжан», который был построен в начале 1930-х годов (почти все его жители, видные участники левого революционного движения, были арестованы и расстреляны уже в 1937-1938 годах). Напротив, на Марсовом поле находится некрополь жертв февральской революции и погибших во время гражданской войны большевиков. Через Неву виден так называемый «Большой дом» (здание, где с 30-х годов работала репрессивная машина НКВД, ГПУ, КГБ, а теперь ФСБ). С западной стороны Троицкая площадь граничит с Петропавловской крепостью, где находилась царская политическая тюрьма, а у Головкина бастиона позднее были найдены массовые захоронения жертв красного террора...

В жюри нового конкурса вошли художник Андрей Мыльников, чей отец был

расстрелян в 1918 году, и академик, искусствовед Дмитрий Лихачёв, который сам пережил заключение в Соловецком лагере. Жюри отметило сложный проект художника Дмитрия Богомолова, где бронзовая фигура человека была распята в крестообразном пространстве между четырьмя камнями, на которых планировалась летопись политических репрессий в Петрограде-Ленинграде, но к окончательному решению жюри не пришло. Второй конкурс не состоялся. Тогда, чтобы дело не заглохло, был объявлен сбор средств хотя бы на знак памяти.

4 сентября 1990 года завершалась работа Международной конференции по правам человека, после нее все собравшиеся отправились на Троицкую площадь, где состоялось его торжественное открытие. Это была квадратная гранитная плита с бронзовым венком из колючей проволоки и надписью: «На этом месте будет сооружён памятник жертвам политических репрессий в Петрограде-Ленинграде». Автором памятного знака был тот же Дмитрий Богомолов. На открытии мне присутствовать не пришлось, я стоял тогда на Невском проспекте между баррикадой, которую соорудили те, кто не смог найти курева в городских магазинах и ОМОНОм, который собирался их разгонять...

В дальнейшем в Левашово, где с 1937 по 1954 г. только по политическим мотивам было расстреляно 40 485 человек, при поддержке мэра А. Собчака был установлен памятник «Молох тоталитаризма». А закладная плита на старейшей площади Петербурга, с которой уже успели украсть бронзовый венок, продолжала пустовать.

На фоне экономических и политических кризисов 90-х годов задача установки там памятника оставалась актуальной только для тех, кто понимал, что прошлое еще стоит за нашей спиной, у него есть силы и оно еще может вернуться. Председатель санкт-петербургского «Мемориала», политзек Вениамин Иофе искал возможность завершить начатое. По его мнению, памятник не должен был носить конфессионального характера (жертвами террора были люди разных верований) и не повторять образ зла. Он вместе с Ю. Дмитриевым после долгих поисков под Медвежьегорском нашел место расстрела чекистами и захоронения в урочище Сандармох 5 130 человек из числа заключенных-строителей Беломорского канала и 1 111 узников учрежденной в 1936 году соловецкой тюрьмы. Закладной камень «мемориальцы» положили и там. Но довести дело до конца Вениамин Викторович не успел, тот удар, который он получил в толпе на Невском проспекте, после того, как мы показали фильм «Покушение на Россию», не прошел ему даром. Когда он скоропостижно скончался, эстафету приняла его жена и друг, руководитель научно-исследовательского центра «Мемориал» Ирина Флиге. Она предложила мне участие в экспедиции на Соловецкие острова, чтобы выбрать и привезти оттуда камень для памятника. Средства на это были собраны среди потомков репрессированных и от питерского отделения СПС.

5 августа, в День памяти жертв Большого террора, мы с Катей, ее подругой Алей и Юлькой поехали в Кемь. А Ира, вернувшись в Питер из Сандармоха,

где проходил День памяти жертв Большого террора, вместе с дочерью и сыном отправилась вслед за нами. С ней вместе приехал и художник Евгений Ухналев. В 1948 году, несовершеннолетним, он попал в лагерь, за то, что, учась в художественной школе при Академии художеств, стал членом «профашистской организации, планировавшей подкуп из Ленинграда под московский Мавзолей, чтобы взорвать т. Сталина»!

Из Кеми на острова ходил небольшой теплоход, но оказалось, что он ушел несколько дней назад и когда вернется, никто не знал. Пришлось заночевать в гостинице, а утром я отправился бродить по берегу и увидел, что в соседней бухточке причалила поморская трехмачтовая ладья – деревянное парусное судно, на которых в давние времена ходили по морям северяне. Оказалось, что его построили местные энтузиасты и теперь они ходят на нем по Белому и даже Баренцеву морю, доставляя туристов на Соловки, а местных жителей в отдаленные береговые поселки. У корабля было имя покровителя моряков Святого Николая. Он был вместителен, метров 20 в длину и 4 метра в ширину, а его крутобокие борта не боялись сжатия льдов. В осовремененном варианте, кроме парусов, на нем оказался и двигатель. Я договорился о цене с капитаном, а чтобы это оказалось не так накладно, позвал всех, кто ждал теплохода. Скинувшись на оплату, мы отчалили. Солнце сверкало на холодной воде, с криком проносились редкие чайки, встречный ветер не позволял использовать прямое парусное вооружение, поэтому в трюме глухо рокотал дизелек, а я думал о том, что по этим местам под парусами возможно ходили на кочах и карбасах мои предки, рыбаки с Онеги... Несмотря на солнце, пронизывающий ветер быстро выстужал тех, кто устроился на палубе, но в трюме топилась железная печь, и вскоре дети уже грелись там. Шли мы медленно, островерхий силуэт монастыря появился на горизонте только часа через четыре. На островке при подходе к острову нас встретил небольшой деревянный Поклонный крест. Соловецкий архипелаг – группа островов: Большой, Анзер, Мусолма, Заячий и другие.

Монастырь коммунисты ликвидировали в 1920 г. Последний настоятель Соловецкой обители Архимандрит Вениамин и его келейник иеромонах Никифор ушли из монастыря в лесную избушку, но там их сожгли заживо. А в стенах монастыря был организован концентрационный лагерь сначала для военнопленных гражданской войны, а потом, по декрету ОГПУ, для «политических и уголовных заключённых». Численность заключенных росла, если в 1923 году это было 2,5 тыс. человек, то в апреле 1930 г. уже 57 тысяч. О том, сколько всего людей прошло через этот лагерь и сколько там осталось, история пока умалчивает.

Больше половины заключенных составляли бытовики, тяжкие уголовники, преступники-чекисты (они сразу становились надзирателями), остальные «каэры» – контрреволюционные элементы: дворяне, священнослужители всех конфессий, ученые, интеллигенция, старые чиновники – все те, кто своим существованием мешал тем, кто намеревался «железной рукой загнать человечество к счастью».

Было утверждено Положение, где утверждалось: «работы заключенных имеют воспитательно-трудовое значение, ставя своей целью приохотить и приучить к труду отбывающих наказание, дав им возможность по выходе из лагерей жить честной трудовой жизнью и быть полезными гражданами СССР». На практике все выглядело по-другому. Неуклюжие попытки «перевоспитания» сочетались с непосильным трудом, голодом, издевательствами и, когда из Москвы приходили распоряжения о «разгрузке» или начальству казалось, что необходима «острастка», массовыми расстрелами.

Из воспоминаний Д. Лихачева:

«28 октября 1929 г. по лагерю объявили: все должны быть по своим ротам с какого-то (не помню) часа вечера. На работе никто не должен оставаться. Мы поняли. В молчании мы сидели в своей камере в третьей роте. Раскрыли форточку. Вдруг завyla собака Блек на спортстанции, которая была как раз против окна третьей роты. Это выводили первую партию на расстрел через Пожарные ворота. Блек выl, провожая каждую партию. Говорят, в конвое были случаи истерик. Расстреливали два франтоватых (франтоватых по-лагерному) с материка и наш начальник культурно-воспитательной части Дм. Вл. Успенский. Про Успенского говорили, что его загнали работать на Соловки, чтобы скрыть от глаз людей: он якобы убил своего отца (по одним сведениям дьякона, по другим – священника). Срока он не получил никакого. Он отговорился тем, что “убил классового врага”. Ему и предложили “помочь” при расстрелах. Ведь расстрелять надо было 300 или 400 человек. С одной из партий получилась “заминка” в Святых (Пожарных) воротах. Высокoй и сильный одноногий профессор баллистики Покровский (как говорят, читавший лекции в Оксфорде) стал бить деревянной ногой конвоиров. Его повалили и пристрелили прямо в Пожарных воротах. Остальные шли безмолвно как замороженные. Расстреливали против женбарака. Там слышали, понимали, начались истерики. Могилы были вырыты за день до расстрела. Расстреливали пьяные палачи. Одна пуля – один человек. Многих закопали живыми, слабо присыпав землей. Утром земля над ямой еще шевелилась...»

И вот на эту пропитанную кровью землю, где невероятным образом сошлись святость и кромешный ад, надо было ступить. Не знаю, как другие, но вскоре после того, как мы сошли на берег, я ощутил знакомое чувство. И дело было не только в знании того, где мы и что здесь творилось. То же висящее в холодном воздухе шелестящее зло, ту же сгустившуюся боль я ощущал когда-то в коридорах и камерах спецтюрьмы КГБ (а до того царской тюрьмы) на Шпалерной, а потом в пересыльных тюрьмах, где со мной и задолго до меня ждали ухода в лагерь или в расстрельные ямы миллионы людей...

Но человеческая психика спасает, замещая стрессы насущными заботами, и, страхнув наваждение, члены экспедиции занялись поиском ночлега. Поиски были непростыми, в монастыре принимали только паломников, частные дома

были заняты туристами. Нам с Ухналевым достался последний номер в единственной тогда гостинице, молодежь устроилась в общежитии. А с утра начались походы по окрестностям. Найти нужно было не просто большой камень. Я видел нашу задачу в том, чтобы его характер, его форма могли стать символом трагедии расстрелянного, раздавленного, расколотого народа. Соловецкие острова состоят в основном из камня, гранит во всех его формах, валунах и скалах лишь прикрыт мохом и землей, которую веками привозили и несли туда паломники и монахи. Мы облазили все ближние окрестности, валунов было много, но все это было не то. Побывали и на Заячьем острове, где сохранились загадочные, выложенные из камней, спиралевидные лабиринты неизвестных времен. А затем отправились в одно из самых страшных мест – на Секирную гору, самую высокую точку Соловецкого архипелага, где до прихода большевиков находился Свято-Вознесенский скит, а потом из здания церкви был сделан штрафной изолятор. Провинившихся заключенных там заставляли сутками сидеть, балансируя на жердях и балках. Охранники обещали смертникам, что им сохранят жизнь, если они удержатся на «насесте», но это не удавалось. Падавших били, привязывали к бревну и спускали с горы по лестнице в 375 ступеней. И без того скудный паек был урезан, в насквозь продуваемом здании замерзала вода, на ночь заключенные сбивались вместе, ложась друг на друга, чтобы не замерзнуть, но каждое утро на каменном полу оставались трупы. Лагерное начальство приезжало туда, чтобы потренироваться в стрельбе по живым мишеням, и окрестности скита изрыты заросшими ямами, где вповалку лежат человеческие кости...

Церковный служака (монашество возродилось на острове только в 1990 году), ссылаясь на начальство, не хотел открывать храм, но все же пустил нас, попросив не фотографировать. Сейчас убранство храма уже восстановлено, но тогда внутри было пусто. Поднимаясь на второй этаж по старой деревянной лестнице, я заметил на тыльной стороне ступеней карандашные надписи и на ходу сделал несколько фотоснимков. Потом оказалось, что это чьи то автографы: «Видякин 1906.Мая 19», «Арбрамсон 18.IV.10», «Трезоров 1933». «Джон Вокинселок». Позже я буду искать эти имена в Мартирологе на сайте www.solovki.ru, но найду только последнего без каких-либо данных о том, кто он и что с ним стало.

От Секирной горы было недалеко до Савватьевского скита, точнее от того, что от него оставалось. Мы отправились туда. В незапамятные времена именно там нашли первое место для монашеского подвига Савватий и Герман. В их «Житии» читаем:

«Изыдosta на сухо и ту поставиша шатер; и створиша молитву, вдрузиста крест на месте том, идеже достигоша пристанища. Иначаста шествовати по острову смотряюще семо и овамо, где бы хижища вдрузити себе к упокоению. Видевше же место некое стройно и начаста здати келиа себе близ езера, малым отстояща от моря яко поприще едино...»

К 20-м годам скит состоял уже из кирпичного и деревянного корпусов, где

помимо монахов жили и те трудники, которые пасли скот, пахали, разводили и ловили рыбу для монастыря. Разогнав обитель, коммунисты нашли ей другое применение. После гражданской войны в стране еще оставались те, кто вместе с ними начинал крушить старый мир, но по-другому представлял себе конечные цели. Если большевики, отменяя всю частную собственность, называли господствующим классом пролетариат (что не мешало им расстреливать непокорных рабочих), то партия социалистов-революционеров (ПСР), или попросту эсеров, планировала, сохранив частную собственность, обобществить только землю и хотела создания «социального государства», где равноправными силами должны были стать трудовое крестьянство, пролетариат и интеллигенция. В 1917 году на выборах в Учредительное собрание эсеры оказались самой популярной демократической партией, получив 279 мест из 707. Это и подвигло изрядно отстававших, но не стеснявшихся насилия большевиков к октябрьскому перевороту. Октябрьский путч был осужден эсерами, вскоре призвавшими народ к борьбе и замене «комиссародержавия действительным народовластием». Но уже через два года, после расколов, восстаний и компромиссов, большая часть этой партии отказалась от вооружённой борьбы, часть ведущих партийных лидеров эмигрировала или вышла из партии, а в 1923 году ПСР самораспустилась. Но памятливых коммунистов это не остановило. Все – «эсеры» и те, кто хотя бы симпатизировал им, равно как и те, кто состоял когда-либо в других партиях, – уже сидели в тюрьмах и ссылках. А в том Савватьевском скиту, куда мы шли, был организован специзолятор для 160 видных деятелей ПСР и других самостоятельных партий – социал-демократов (меньшевиков) и анархистов.

Расстрелять их было бы проще, так ленинцы поступали во время гражданской войны. Но теперь после победы над растерзанной ими страной, они чувствовали себя увереннее и могли не торопиться. Кремлевским вивисекторам было важно, как они выглядят в глазах «мирового пролетариата» и мечтавшего о всемирной революции Коминтерна. Что бы не охладить романтического пыла авантюристов, которые на деньги из Москвы уже создали коммунистические партии по всему миру, надо было прилично выглядеть. Поэтому условия содержания в изоляторе соответствовали общепринятым понятиям о содержании политзаключенных. Единственными ограничениями были запрет на выход из зоны, контроль переписки и ежедневная поверка численности. В «красном» кирпичном корпусе жили 53 «меньшевика», в деревянном – 32 анархиста и 75 эсеров. Территория была огорожена колючей проволокой, но внутри нее можно было свободно перемещаться в любое время суток. Это позволяло политзекам общаться, чем они и занимались, споря о политических программах и своих тактических ошибках...

Но привыкшие к террору чекисты не могли и не хотели останавливаться, их свербило, почему их недавние соперники живы и даже не на каторге?! Член коллегии ОГПУ, известная своей жестокостью А. Андреева распорядилась о пре-

кращении особого режима содержания политзаключенных. Подождав до декабря, когда острова оказались изолированы в связи с прекращением навигации, старост, которых для обеспечения порядка выбрали сами политзаключенные, предупредили о том, что теперь свободное хождение по огороженной зоне в вечернее время запрещено. Среди пленников (мужчин и женщин) было немало тех, кто прошел через имперские тюрьмы, еще тогда они научились солидарности и самоуправлению. Голодовки и самоубийства заставили еще царский режим признать их право на особый статус и отказываться от этого него они не собирались. Тем более, что бежать с острова было невозможно и запрет не имел практического смысла. (Был один случай, когда несколько бывших флотских офицеров захватили аэросани и ушли по льду, но, судя по тому, что сани не были потом обнаружены, они погибли в полыньях и торосах.) Было понятно, что запрет на вечернюю прогулку – первый шаг к отмене их политического статуса, за которым последует общий каторжный режим. Протесты ни к чему не привели, во время одной из голодовок эсеров начальник Управления Северных лагерей А. П. Ногтев сказал им: «Вам давно пора понять, что мы – победители, а вы – побеждённые. Мы совсем не собираемся устраивать так, чтобы вам было хорошо, и нам нет дела до вашего недовольства. По-моему, вам гораздо проще сразу повеситься». Пленники, считая, что запрет вступает в силу в 6 часов вечера следующего дня, вышли на вечернюю прогулку. Предполагая это, Ногтев заранее составил карательную команду надзирателей из проштрафившихся чекистов. Вместе с присланными туда солдатами из конвойной команды они окружили территорию изолятора и скомандовали – разойтись по корпусам. Но пленники не подчинились. Солдаты сделали несколько выстрелов в воздух, это не подействовало. Тогда, по словам свидетеля, эсера В. Рубинштейна:

«Послышался свисток, и тотчас же раздался оглушительный залп и отдельные, беспорядочные, но частые выстрелы. Слабо вскрикнув, тяжело опустился на землю у главной аллеи Г. А. Белима-Пастернаков (эсер). Недалеко от него лицом в снег упал Горелик (эсер). Оба были смертельно ранены. Горелик громко стонал. Тут же был ранен в плечо анархист Лебедев. В другом месте, на боковой аллее, с пробитой и развороченной правой ногой упал Г. Э. Шик (эсер). Убедившись, что стреляют боевыми патронами, В. Д. Беляев (эсдек) зычно крикнул:

– Ложись!

Большинство гуляющих припало к земле. Часть продолжала стоять или двигаться. Но стрельба продолжалась и по лежащим. Раздались многочисленные голоса:

– Есть раненые!

Вскочив на ноги, бросились поднимать стонущих в предсмертной агонии товарищей. Понесли. Медленно, путаясь и мешая друг другу, продвигались вперед-вверх по аллее, по направлению к красному социалистическому кор-

пусу. Капли просочившейся крови отмечали по снегу этот медленный путь. А кругом шел непрерывный обстрел безоружных людей.

Когда выстрелы становились особенно частыми и настойчивыми, приходилось останавливаться и опускать раненых на землю. Все это происходило на глазах усмирителей, которые не могли не видеть результатов своей работы. Когда в промежутке между первой и второй серией выстрелов один из товарищей, М. А. Павлоцкий (эсер), бросился на главную аллею с громким криком: «Три человека ранены!», со стороны цепи, стоящей вдоль изгороди, раздалось:

– Сами подберем.

Кто-то, негодуя и волнуясь, бросил от часовни в сторону цепи:

– Палачи!

И сейчас же послышался ответ взводного:

– Спасибо за аттестацию.

И непосредственно вслед за этой иронической репликой – громкая и спокойная команда:

– Зарядить винтовки на полные обоймы.

А затем короткая, но зловещая пауза, в продолжение которой хождение по аллеям возобновилось.

Второй и третий залпы.

Коллектив представлял в этот момент единый организм, спаянный общностью ненависти и опасности, и уже пролитой крови. Сплоченными группами, игнорируя все возрастающую опасность, продолжали гулять заключенные, противопоставляя винтовкам и револьверам свою решимость и сознание своей правоты. Было что-то трагическое в этом безнадежном и заранее предрешенном поединке вооруженной подлости с сознательностью односторонних жертв отстоять то, что коллектив считал своим правом и честью.

Еще не успел рассеяться дым от первых выстрелов, не успели еще отнести раненых, как раздалась новая команда все того же твердокаменного и тупого в своей солдатской исполнительности взводного:

– Цепь, вперед на десять шагов.

А навстречу поднимавшейся по аллее цепи, спускалась уже поредевшая к тому времени толпа заключенных с Г. М. Кочаровским (эсером) впереди.

– Не подходи, – раздалось из рядов красноармейцев и чинов надзора.

Кое-кто остановился. Некоторые повернули назад. Обернувшись, Г. М. Кочаровский громко закричал:

– Не уходите, товарищи!

И своим телом заслонил от солдат С. Юдичеву (эсерку).

– Что же вы не стреляете? – громко крикнул Д. И. Попов.

Как бы в ответ на это последовала новая команда:

– Прямо по мишеням, взвод, начинай!

Свисток и беглый, частый огонь.

Пронзенный четырьмя пулями, падает смертельно раненный Г. М. Кочаровский. Перебиты сонные артерии. Рядом с ним погибает его жена, Лидя Котова (эсерка); падает тяжело раненный в руку В. И. Попов (эсер). С. Юдичевой чудом удается ускользнуть от неминуемой смерти: ее пальто было пробито пулями в двух местах.

В другом месте, возле часовни, опускается на землю смертельно раненная Наташа Бауэр (эсерка), успев сказать только два слова: «Я ранена...»

(Полностью этот текст был опубликован в эмигрантской печати благодаря члену организации «Помощь политзаключенным» М. Винаверу, который, запаяв рукопись в горлышке медного чайника, вывез его за границу.)

Спустившись с Секирки по лесной дороге, мы перешли ручей и вышли на место расстрела. Вот зияющий пустыми окнами кирпичный корпус. Это в его дверях, услышав выстрелы, встал и не пустил под пули своих товарищей староста, член ЦК РСДРП Богданов. Вот рухнувшие, заросшие иван-чаем балки деревянного корпуса эсеров и анархистов. Небольшая полянка, на ней выцветший до серебра небольшой деревянный крест.

Я фотографировал развалины и, рыская в поисках хорошего ракурса, заметил в зарослях камень. Продравшись сквозь кусты, я увидел большой гранитный валун, у которого какой-то страшной силой отколот немалый кусок, а над сколом, как надбровная дуга, нависала устоявшая часть. Целиком оглядеть весь камень было трудно, я еще не знал, что потом откроется в его форме, но сразу возникло чувство – вот то, что нам нужно!

У членов команды были сомнения, кто-то видел валун побольше, но я настоял. Теперь перед нами была новая задача – вывезти камень с острова, а по нашим прикидкам, весил он не меньше 10 тонн. Первым помог Виктор Павлов, директор местного рыбацкого заводика, где собирали и перерабатывали алярию, водоросли Белого моря, из которых потом получался агар-агар. Ира уже была знакома с директором по предыдущим поездкам на Соловки, он дал нам трактор с прицепом и кран. Мы договорились с местными жителями, они срубили и собрали нам что-то вроде опалубки, гнездо из бревен, в которое нужно было уложить камень, чтобы он не катался при перевозке. Установив его в кузове прицепа, мы отправились на место, там водитель и крановщик завели под камень стропы и, подняв, стали его переносить. Но, когда он завис над прицепом, стропы лопнули! Валун с жутким грохотом рухнул в него, борт прогнулся, колеса разъехались, а сам камень скатился на землю. К счастью, те, кто были рядом, успели отскочить, и никто под него не попал. Когда все пришли в себя, тракторист, матерясь, поволок разбитую железную телегу обратно, кран уехал, а мы поплелись в поселок... (Потом из тех денег, которые были собраны, мы, насколько смогли, компенсировали заводу ремонт прицепа.)

Что было делать? Я уже думал, как сделать волокушу и тянуть ее трактором до причала, но доволочь туда десятитонный камень по каменистой и петляющей по взгоркам дороге было не просто. Да и там опять понадобится кран с надежными стропами, а таких на заводе не было. Команда наша пришла в уныние. К тому же сырость и холод дали о себе знать. Несмотря на то, что я усердно лечил, кого было можно, коньяком, уже шмыгала носом беременная Таня Моргачева, а следом заболел и Е. Ухналев. У Юльки поднялась температура, ее вместе с Катей, Алей, Таней и Евгением пришлось эвакуировать. «Нерха» ушла с ними в Кемь, а на следующее утро я пошел по поселку в поисках сам не знаю чего. И зашел в Никольский собор, заутреня уже закончилась, служки гасили свечи, а в центре зала стоял священник, позднее я узнал, что это был монастырский эконо́м о. Зосима (Чеботарь), брат настоятеля монастыря о. Германа. Несколько женщин ждали очереди, чтобы выслушать его наставления. Дождавшись их ухода, я подошел и попросил у него благословления на установку в Петербурге камня – памятника жертвам террора. Он задумался, тогда я напомнил о всех мучениках веры, которые погибли на острове, и получил благословление. Я вышел из монастыря с пробудившимся чувством уверенности, оглядевшись, заметил вдалеке корпуса строящейся гостиницы. Пошел туда и увидел стоящий самосвал КАМАЗ.

– Так, это уже интересно! Ему-то здешние горки нипочем.

Стал искать строительное начальство. Оказалось, что гостиницу строит фирма из Питера, разговорились, наверное, сработал и мой депутатский статус, да и сама идея памятника инженеру или начальнику стройки (его имя я, к сожалению, запамätовал) оказалась по душе. Он сказал: «Я бы рад помочь, но КАМАЗ то сломан! Я дам команду, может, его все-таки починят. Приходите завтра, может быть нам повезет».

На завтра, подходя к машине, я услышал характерный, но не слишком уверенный рокот двигателя, водитель крутил головой:

– Не знаю, – сказал, – пока работает.

Ребята сбегали к рыбакам, от них к Савватевскому скиту снова двинулся кран, у строителей мы заняли надежные стропы. Когда стали поднимать камень, подошел монашек-трудник, неуверенно спросил, что мы делаем? Я сказал, что с благословления о. Зосимы.

На этот раз все удалось. Натужно, с трудом, КАМАЗ, преодолев все подъемы и ухабы, доехал до берега в бухте Благополучия. И только там его мотор снова заглух. Краном камень подняли и уложили в гнездо из бревен на большом железном, не имевшем бортов, понтоне. Теперь его надо было закрепить тросами, но погода портилась на глазах. Белое море стало черным, волнение росло, стало ясно, что траулер, если и дотянет сам понтон до Кеми, то одиннадцатитонного камня, как его ни закрепляй, мы скорее всего лишимся. Утопить его по дороге не хотелось. Подождали, но на следующий день погода не улучшилась; тогда рыбаки сказали: «Грузите прямо к нам на борт, нам пять баллов не страшны». Снова

кран, выгрузка, отогнали в сторону понтон, суденышко подошло, и камень лег на его палубу. Борта до половины скрывали валун, который хорошенько принаивтавали талрепами, но при качке с высоко лежащим грузом судно могло перевернуться, поэтому решили, что к его борту закрепят еще и понтон. Он будет сильно тормозить движение, но удержит корабль от заваливания... Наша поредевшая команда села на теплоход, а траулер, который рыбаки называли «Алярия», чуть отставая, пошел в Кемь следом за нами.

В разное время года приливы и отливы Белого моря достигают двух метров, и когда их суденышко подошло к берегу, это стало для нас проблемой. Высокий причал был ветх, его серые, деревянные сваи покосились, а отлив опустил «Алярию» ниже в настила, в котором зияли дыры. Крановщик, которого мы наняли, чтобы вытащить валун, не решался подъехать на край прогнившего причала, а стрела его крана была короткой.

Я пошел к директору той гостиницы, в которой мы уже останавливались. Объяснил, в чем дело, спросил, нет ли в городе крана с длинной стрелой. Оказалось, есть, но хозяин той машины запил и пропал. А «Алярия» не могла ждать, рыбакам надо было возвращаться. Приглядевшись к молодому парню, я спросил его, есть ли в городе братва, с которой можно побазарить? Тот удивился, потом развеселился, спросил:

– А что, депутаты с братвой знают?

– Все путем, – усмехнулся и я.

– Ну, ништяк. Значит, после восьми у вокзала кафе найдешь, там одно, не ошибешься. Я кому надо цинкану, но дальше я не при делах. Сам смотри.

Говорить своим я ничего не стал, просто вечером тихо свалил из гостиницы. Нашел кафешку, бывшая столовая, накурено, темновато. За самопальной стойкой бабища пиво кому-то цедит, из музыкального комбайна слышен сиповатый голос убитого пару месяцев назад Михаила Круга: «Владимирский централ, ветер северный, этапом из Твери, зла немерено...»

Все, как полагается для такого шалмана. Взяв селедку, хлеб и полстакана сомнительной водки, присел у стены так, чтобы видеть зал. Отхлебнул, закурил, огляделся. За соседним столом пьяный разговор, матерщина. Подальше в углу компашка: накачанные спины, кроссовки «адидас», бритые затылки, среди них мужик постарше. Оттуда на меня поглядывают. Наконец, подходит пацан, с усмешкой:

– Это ты что ли от Сереги?

– Ну.

– И чего тебе, фраерок?

Фраерок? Странно, это из жаргона 40-х, что они тут, «Место встречи изменить нельзя» насмотрелись? Ну, пусть так.

– Волну-то не гони. Что мне надо, это я с хозяином твоим, со смотрящим, перетру.

– Ты чего, борзый что ли!

– Да, иди давай! Я не борзый, я деловой. Передай, базар есть про 50 миллионов.

Вскочил, побежал в угол, потом вернулся, позвал к столу. Сидящий в углу, неказистый на вид, но внимательный мужичок показал на стул, спросил:

– И что у нас забыли московские депутаты?

– Я питерский, а Москва так, командировка...

– Командировки разные бывают.

– Верно, моя вторая здесь неподалеку была.

– Так ты еще и не первоход?

– Ну если рождение в зоне за ходку считать, то да.

– Гонишь?

– А на хрена? Я за слова отвечаю! Марлаг, 46 год.

– А тут, где чалился?

– Да за Полярным кругом.

– Это где ж? (насмешливо) Неужто Мурмаши? (там строгач) Или общак?

– Нет. Княжая.

– А, (небрежно) «усилок» ... Ну и сколько оттянул?

– Шестерик.

– За что, не спрашиваю. Захочешь, сам скажешь.

– С советской властью не поладил.

– Ну, коли так, ладно, уважаю. Так что там про миллионы?

– Это не про деньги (улыбнулся уже я). Пятьдесят миллионов, это те, кого советская власть по тюрьмам да лагерям гноила. Хочу в Питере памятник им ставить. Привезли камень с Соловков, где их шмоляли, а поднять не можем. Пирс гнилой – на край не подъехать. Нужен кран с большой стрелой, говорят, есть такой, да крановщик запропал...

– И это все что ли?

– Да.

– Ни х... себе, какие нынче депутаты пошли! Ладно, зекам памятник ставить – дело святое. Поможем.

Прощаясь, я машинально протянул ему руку, но услышал:

– Ты, – он запнулся, – может и ничего, но все же власть, а мне с вами ручкаться не положено. Бывай!

Наутро у пирса уже стоял большой кран, а в нем сидел весь мокрый, с красными глазами крановщик. Оказалось, что он в очередной раз запил и ушел в лес на свою заимку. Пацаны на паре джипов добрались до него, вытащили из хибары, отполоскали, чтоб протрезвел, в ближайшей бочаге и доставили к нам вместе с краном. Едва стоя на ногах, он забрался в его кабину.

Мы боялись, что похмельный крановщик не справится и камень рухнет в воду, но он, ловко одним махом закинул его в уже лежащее в кузове машины бревенчатое «гнездо» и... выпал из кабины на руки пацанов. КАМАЗ отправился в Питер, с ним поехал волонтер Саша. А мы двинулись туда же поездом. Добрались быстрее, и теперь предстояла операция по установке памятника. Проблема была в том, что никаких согласований и разрешений на это от городского начальства у нас не было. А Троицкая площадь (ей вернули это название в 1991 году) соседствовала тогда со зданием Полномочного представительства Президента. Чекисты с приходом В. Путина уже почувствовали себя уверенно, в чиновничьих кругах сталинистов и реваншистов было достаточно – они нашли бы массу причин для отказа или затягивания вопроса.

Поэтому я решил действовать по-партизански. Мы заказали в какой-то конторе кран, когда наш КАМАЗ въезжал в город, он уже стоял на подходах к площади. И там, и там, рядом с водителями сидели наши люди, у них были рации. По команде обе машины, где по дорожкам, а где и по газонам одновременно въехали в сквер и остановились у закладного камня. Мы с Ирой Флиге, Евгением Ухналевым и другими уже стояли там, быстро были накинута стропы и камень завис над плитой, на весу мы развернули его сколотой частью ко входу, и он опустился на место. Не понадобилось никаких корректировок и подвижек, седа, поросшая мхом громада встала, как было задумано. КАМАЗ быстро уехал в одну сторону, кран в другую. Все заняло несколько минут. «А теперь попробуйте снять!» – подумал я. Мы отошли взглянуть на результат и ахнули!

Силуэт освещенной осенним солнцем лицевой части камня напоминал склонившего голову слона! Соловецкий лагерь особого назначения – С.Л.О.Н. – как грозное предупреждение потомкам, стоял на старейшей площади города!

Позже, на гранях закладной плиты появились высеченные в камне надписи. На лицевой: «УЗНИКАМ ГУЛАГА», на боковых: «ЖЕРТВАМ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ТЕРРОРА» и «БОРЦАМ ЗА СВОБОДУ», на обратной строка А. Ахматовой: «Хотелось бы всех поименно назвать».

Когда пресса написала о том, что произошло, городские власти промолчали. Вскоре согласование проекта памятника, эскиз которого нарисовал Е. Ухналев, мы получили у главного художника города И. Уралова, а затем и у губернатора. Что не помешало красно-коричневым в 2002, 2003, 2007, 2012 и 2015 годах осквернять память погибших, оставляя на камне надписи «Мало стреляли!», и устраивать провокации в Дни памяти, являясь туда с портретами Гитлера...

Но Камень и по сей день остается традиционным местом проведения граж-

данских акций демократов. В первую субботу июня у Соловецкого камня отмечается день памяти погибших в тюрьмах Петрограда-Ленинграда. 5 августа возле него проходят акции, приуроченные к дате начала Большого террора. 20 декабря, в день создания ВЧК-ОГПУ-НКВД-КГБ, здесь поминают всех жертв коммунистического террора. Отсюда гражданские активисты, представители зарубежных консульств и родственники погибших едут в Левашово, чтобы возложить цветы к месту казненных. С каждым годом стариков у Камня все меньше, но появилась и молодежь. Она проводит акции памяти убитых правозащитников и политиков, акции солидарности с новыми политзаключенными и гонимыми гражданскими активистами.

ДЕЛАЙ ЧТО ДОЛЖНО

Заканчивался мой третий думский депутатский срок. Двенадцать лет я отдал проблемам общества, и мне хотелось вернуться к своей жизни. Когда тяжело заболел Катин отец, она уехала в Питер и была с Михаилом Михайловичем до конца. Служебную квартиру мы сдали, и я одиноко жил в гостиничном номере, а свободные дни, точнее ночи, проводил в поездах между двумя столицами. При всей пробуксовке реформ, при всех нерешенных общественных проблемах сделано было немало: Конституция гарантирует наши права и свободы, базовые экономические законы приняты, парламентская система, хоть и с перекосом, освоена, фундамент для построения демократического государства есть, и дальше дело за тем, как общество распорядится своими возможностями. А я устал, и мне хотелось, вспомнив слова Булата Окуджавы, сказать себе: «С войной покончили мы счеты – бери шинель, пошли домой!» Но нарастала тревога. Я видел: начинается зачистка тех свобод, которые мы едва получили. А сил, которые противостояли этому, уже не было. Партии «Выбор России» и «Демократическая Россия» распущены, «ЯБЛОко» немногочисленно, а «Либеральная Россия» лишилась своего лидера, светлого человека Сергея Юшенкова.

С. Юшенков

Б. Березовский, несмотря на мои предупреждения и несогласие С. Юшенкова, продолжил контакты с нацпатриотами. Когда он в интервью главному редактору газеты «Завтра» А. А. Проханову призвал либералов к объединению с национал-патриотической оппозицией, Сергей и другие члены Политсовета выступили с протестом и даже исключили Березовского из партии «за измену либеральным ценностям». Но среди членов организации тут же нашлись те, кто был

готов служить олигарху в любых проектах. Они восстановили членство единственного партийного спонсора, избрав новый Политсовет и его главу, которым стал мелкий предприниматель и спортсмен из Сыктывкара Михаил Коданёв. Юшенков и его коллеги обвинили их в подлоге, процесс официальной регистрации партии застопорился. К началу 2003 года появилась информация о том, что Березовский уже не мечтает о союзе с национал-патриотами и намерен восстановить сотрудничество с Юшенковым. Этому способствовало то, что Сергею

удалось довести дело до регистрации партии. Когда он получил эти документы в Минюсте, то вместе с В. Похмелкиным и Б. Золотухиным провел брифинг для журналистов, сказав им о том, что новая партия предлагает широкую коалицию с другими демократами. Затем он отправился домой, а там, выйдя из машины, у своего подъезда получил три пули в спину...

Позже следствие и суд признали заказчиком убийства члена М. Коданёва, который хотел сохранить себя на посту председателя. Свою вину он на суде отрицал, а признал, лишь отбыв половину из двадцатилетнего срока заключения, когда заявил, что исполнял заказ Березовского. Генпрокуратура сообщит это прессе, а журналисты зададутся вопросом: почему он нарушил молчание только сейчас? Объяснение было не слишком убедительным: если он «не получил от олигарха обещанных денег», то почему ждал 9 лет? Но эта версия совпадет с последней попыткой спецслужб добиться экстрадиции Б. Березовского. Выдачи опального олигарха и активного сторонника переговоров А. Закаева наша Генпрокуратура начала добиваться еще 2003 году. Березовского обвиняли в хищениях, Закаева – в убийствах во время войны. По приглашению активистки антивоенного движения, известной британской актрисы Ванессы Редгрейв, я летал в Лондон, где, выступая на судебном процессе в лондонском суде, сказал, что Закаева в России ждет не беспристрастный суд, а пытки и смерть в тюрьме. Убедительных доказательств его вины прокуратура не представила, а якобы убитый Закаевым священник о. Сергей предстал перед судьей Тимоти Уоркман живым и здоровым. Английский суд обратил внимание на то, что уже после того, как Закаев, по версии прокуратуры, совершал преступления, он встречался с президентом Борисом Ельциным и полномочным представителем Владимира Путина Виктором Казанцевым, что еще в ноябре 1996 года Генпрокуратура РФ признала Закаева непричастным к уголовным преступлениям. О политическом характере преследований говорили в суде и Р. Хасбулатов и экс-спикер ГД И. Рыбкин. Суд отказал в экстрадиции А. Закаева, предоставив ему политическое убежище. То же произошло и с Березовским, но в этом случае в Лондон я не летал, ограничившись письмом, в котором указал на то, что преследование человека, который обвиняет Кремль в государственном терроре, носит политический характер, а применение пыток в России признает даже наш Уполномоченный по правам человека О. Миронов. Неожиданное заявление М. Коданёва могло стать тем новым обстоятельством, которое помогло бы возобновить попытки вытащить Березовского из «туманного Альбиона». Недаром после этого Коданёву удалось выйти на свободу чуть раньше срока. Все же я думаю, что «перевод стрелок» на Березовского скорее отвечал интересам тех, кто хотел похоронить версию о том, что убийство Сергея как-то связано с его расследованием о причастности спецслужб к трагедии «Норд-Оста».

После гибели Сергея и развала его партии рассчитывать на сохранение либерального вектора в политике тех лет не приходилось. Охота на все, что носило критичный, самостоятельный характер, уже началась.

Я понимал, что движение к свободе остановлено. Мало того, страну скорее всего ждал откат. Что было делать в такой ситуации? Уйти в сторону, сказать себе: я сделал все, что мог, теперь без меня? Но в любом случае шел последний год моих депутатских полномочий, я был обязан его доработать. Среди задач, над которыми я работал в Комитете по законодательству, были поправки к Уголовному кодексу в отношении тех госслужащих, ментов и сотрудников спецслужб, которые применяли пытки против задержанных. Первый раз мой законопроект дошел до рассмотрения в 2002 году, я предложил ввести в УК отдельную статью о повышенной их ответственности за пытки.

Возражений со стороны депутатов не было, зато были у представителя Правительства А. Логинова, который заявил, что правовых пробелов в действующем Уголовном кодексе нет, что все случаи пыток перекрываются другими статьями Уголовного кодекса. Он сказал, что Правительство предлагает отклонить мои предложения, поскольку «попытка внести подобные изменения в уголовное законодательство приведет к тому, что нарушится стройность Уголовного кодекса, что это нарушит работу правоохранительных органов, судебных органов и приведет к тому, что права человека будут в результате нарушаться».

Отвечая на это, я сказал:

«Что делать, уважаемые коллеги? Ну не любит Правительство нашего народа! Увы, это так. Ну не любит, понимаете? Любит вот стройность неких бюрократических умозаключений, а народа, к сожалению, не любит. Вот есть нормы, лакун нет, а пытки есть. Никто не может сказать, что их нет, они есть. И тем не менее не нужно ничего делать. Всё хорошо, пускай дальше продолжают неумехи-следователи истязать наше общество и сажать наш народ, а мы будем «стройно» продолжать свою чиновничью работу. Я хотел бы еще напомнить о том, что проект, который мы сейчас рассматриваем, поддерживает Комитет по международным делам, и о том, что в мае парламентской делегации Государственной Думы надо будет ехать в Швейцарию и встречаться там с международным комитетом по предотвращению пыток, где нас в пятый раз (уже в пятый раз!), пятый год спрашивают: ну так вы что-нибудь сделали в этом направлении? Я очень надеюсь на то, что нам будет что сказать в этот раз. Я очень надеюсь на то, что мы, если собак, к сожалению, не пожалели, пожалеет хотя бы собственных избирателей».

(О собаках я вспомнил тогда, потому что перед этим рассматривался законопроект об ответственности за жестокое обращение с животными и тоже был отвергнут.) Началось голосование, но заседание шло к концу; в зале, как отметил тогда возмущенный председательствующий, было только 37 из 450 депутатов. Оставшиеся пытались поддержать мое предложение и стали бегать по залу, нажимая на кнопки за отсутствующих (пожалуй, это было единственным случаем, когда я был этому рад). Голосов все же не хватило: при необходимых 226 набралось только 137...

Но в следующем 2003 году я снова добился внесения этого чуть подкорректированного законопроекта в повестку наших заседаний. Защищая его, я сказал:

«Уважаемые коллеги, вашему вниманию предлагается законопроект, направленный на борьбу против того вала беспредела и насилия, с которым сталкиваются сегодня наши избиратели, когда они имеют дело с должностными лицами нашего государства. Законопроект направлен на то, чтобы дополнить Уголовный кодекс Российской Федерации отдельной статьей, которая предусматривает ответственность за применение пыток со стороны должностных лиц.

Текст звучит следующим образом: “Пытки, то есть причинение должностным лицом либо с его ведома или молчаливого согласия иным лицом физических или нравственных страданий с целью принуждения к даче показаний или иным действиям, противоречащим воле человека, а также с целью наказания либо в иных целях – карается...” (далее шли санкции, в зависимости от меры наступивших последствий, от трех до двадцати лет лишения свободы).

«Острота этой проблемы хорошо известна и нашим избирателям, и тем депутатам, которые читают письма своих избирателей. Я не буду долго рассказывать об этом, я просто приведу вам несколько конкретных примеров из тех жалоб, которые поступили к федеральному Уполномоченному по правам человека Олегу Миронову, в мой подкомитет по правам человека и в прессу.

Так, например, сообщение из Саратова. Тридцатидевятилетнего Валерия доставили в Октябрьское РУВД города Саратова по подозрению в совершении квартирной кражи. Через четыре часа, задержанного положили на операционный стол. Диагноз – разрыв кишечника. Спустя месяц он умер. Как выяснилось наутро после пыток, никакой кражи вообще не было, а был ложный вызов.

Информация из Мурманска. Пишет человек: “Избиение продолжалось с небольшими перерывами с 12 до 18. Как только не изощрались дознаватели: били резиновыми палками по спине, груди, ногам, по пальцам ног. На мои требования вызвать адвоката и в присутствии его проводить допрос дознаватель показал мне плакат, висевший на стене кабинета в рамочке. На плакате было написано: ‘Задержанный, ты можешь кричать, плеватьсь выбитыми зубами, требовать адвоката, показывать кому угодно свои синяки и ушибы, но тебя в таком виде уже задержали работники милиции’”.

Из Пскова: “Нас с приятелем били и истязали более двух недель. Били о стенку головой, били руками и ногами и тем, что попадало под руку, били так, что мы теряли сознание и ничего не могли осмыслить. Нас пытали током, душили, вывозили в лагерь на расстрел. Жене было предложено взамен на подписку о невыезде и, чтобы спасти ребенка, дать показания со слов следователя”.

Новосибирск: “При одном из посещений отдела милиции я услышала такой разговор между мужем и опером: ‘Бери на себя всё, дурак, иначе убьем, и так уже еле дышишь. Отсидишь двенадцать лет, зато будешь жив’. Когда я увидела своего мужа, то не узнала его: он был избит до неузнаваемости, был без обуви, одет в рубаху, так как одежда и обувь были взяты на экспертизу. Они проволокли его мимо, меня оттолкнув в сторону, чтобы я не узнала изуродованного мужа”. Это из письма жены человека, который был осужден, а потом освобожден.

Далее, Санкт-Петербург: узница, женщина, которая была осуждена за преступление, обстоятельства которого весьма сомнительны: “Я хотела повеситься, но они всё время держали меня в ‘обезьяннике”.

Москва: “Меня оперативники избивали до полусмерти, заставляя подписать то, что им надо. Они надевали мне на голову противогаз, перекрывали воздух, защемляли пальцы промеж дверей, и я много раз теряла сознание. Они своего добились”.

Женщина-заключенная: “Мне стали надевать противогаз, лишали доступа воздуха, доводя этим меня до бессознательного состояния. Всё это сопровождалось ударами по голове и ушам. Надевали наручники и выламывали сзади руки. Они сажали меня на стул и сгибали вперед, чтобы моя голова проходила между ножек стула. При этом били по спине и почкам. Говорили, что изнасилуют, отпедерастят дубинкой. Они приставляли к голове пистолет, угрожали, что подстрелят и выкинут в окно, бахвалясь тем, что за это им ничего не будет”.

Далее: “Избивали меня зверски, затем подвешивали на улице за трубу вниз головой и били резиновыми палками по почкам”.

И последнее: “Ни один человек на свете не выдержит такого физического и психологического давления, какое нанесли мне. Я был до такой степени забит и запуган работниками милиции, что взял бы на себя любое преступление, лишь бы прекратили бить и издеваться”.

Уважаемые коллеги, опасность, которую представляют собой должностные лица, позволяющие себе подобные действия, представляет угрозу не только для тех, кто является непосредственным объектом тех пыток, которым они подвергаются, эта опасность существует еще и для всех остальных граждан нашей страны, потому что на самом деле настоящий преступник в таком случае остается на свободе. Да, сотрудник милиции, следователь, дознаватель, охранник в местах лишения свободы решают свою проблему, ставят галочку, что преступление раскрыто, но настоящий преступник остается на свободе. Мало того, это опасность и для государства в целом, потому что действия подобных недостойных представителей государства компрометируют всю нашу систему, компрометируют те задачи, которые ставит перед собой Россия.

Я убежден в том, что мы должны встать на защиту своих граждан, я надеюсь, что мы это сделаем. Наш президент только за один прошлый год дважды, выступая, уделил внимание этой проблеме, говорил о том, что с тем беспределом, с тем пыточным беспределом, который творится сегодня в следственных изоляторах, да и не только там, а везде, где существуют должностные лица силовых ведомств, необходимо бороться.

Спасибо за внимание».

Как ни странно, представитель Правительства, тот самый А. Логинов, который в прошлый раз был против, на этот раз, хотя никаких принципиальных изменений в законопроекте не появилось, высказался за.

Результаты голосования превзошли мои ожидания. Поправку в Уголовный кодекс поддержало 277 депутатов (61,6%), и что совсем было удивительно – не было ни одного воздержавшегося и ни одного голоса против! Правда 38% вообще не голосовало, но это было результатом того, что в зале, многие кресла, как обычно, пустовали...

Победа!? Да. Но закон надо было принять еще во втором и в третьем чтении. Только для того, чтобы мой проект попал в график первого чтения ушло два года. Успею ли я, хватит ли оставшегося до конца моих полномочий времени? В жесткой конкуренции профильных комитетов и фракций за очередность рассмотрения их проектов независимым депутатам было труднее всех. Наступило лето, впереди были выборы в 4-ю Думу, и депутатов обуяла жажда популярности. Все планы и графики законодательной работы поплыли. Уже не треть, а половина времени пленарных заседаний стала уходить на громкие речи в защиту бедного народа, скандальные и разоблачительные тирады и лоббистские проекты. В Жириновский ругал коммунистов за то, что они построили тюрьму, а демократов за то, что они ее разрушили, и выступал по любому поводу, коммунисты и аграрники не отставали. В результате до рассмотрения запланированных законопроектов мы добирались лишь к концу заседаний. Времени не хватало, их приходилось отодвигать на следующие заседания, а там происходило то же самое.

В Комитете по законодательству мы учли замечания Правительства о несогласованности с другими нормами Кодекса. Теперь нижняя планка наказания за пытку, повлекшую смерть, начиналась с 8 лет лишения свободы. Но дальше дело не шло. А тогда, в кутерье предвыборных кампаний, до Уголовного кодекса никому не было дела. Мой закон забуксовал. Я еще надеялся, что его примет Дума следующего созыва (там о нем «забудут» и спустя несколько лет снимут с рассмотрения). Но сам я подумывал тогда об уходе из политики. Семья уже не первый год была в Питере, после тяжелой болезни скончался Михаил Михайлович, Катя тяжело переживала уход отца, и мне надо было быть рядом с ней и подраставшей дочерью. Я же одиноко жил в гостиничном номере, а свободные дни, точнее ночи, проводил в поездах между двумя столицами. Выкладывать-

ся с полной отдачей, противостоять обстоятельствам, тому раскладу сил, где я слишком часто был в меньшинстве, было непросто. Я устал. К тому же средств, которые были нужны для избирательной кампании, у меня не было. Это первые, «ленсоветовские», выборы еще можно было выигрывать с нарисованными от руки плакатами и отпечатанными на шелкографе листовками. Но с каждым годом планка расходов повышалась, теперь в депутатские кресла рвались коммерсанты с большими деньгами. При отсутствии хотя бы сравнимых средств конкурировать было бесполезно. Меня звали в партию «ЯБЛоко», только денег на полноценную избирательную кампанию не было и там.

Но тут меня пригласил на встречу А. Осовцов, мой коллега по первой Думе и членству в ДВР, вместе с которым мы были в Грозном во время его первого штурма, а потом и добровольными заложниками в тех автобусах, которые увозили террористов Ш. Басаева в чеченские горы. Александр еще в 2001 году вышел из СПС. Теперь он был членом «ЯБЛока», работал в «Группе Мост» и в ЗАО «Медиа-Мост» у Гусинского и был вице-президентом Российского еврейского конгресса. А еще, оказалось, что по поручению М. Ходорковского он собирает команду кандидатов на думские выборы следующего созыва. Александр заверил меня в том, что самый богатый российский бизнесмен – человек демократических убеждений, что его не устраивает развитие событий и он хочет перемен, усиления роли парламента в жизни страны и в конечном счете превращения президентской республики в парламентскую... Он предложил мне войти в будущую команду и получить финансовую поддержку в избирательной кампании. Я задумался, цель благая, но ведь это значит, еще четыре года не принадлежать самому себе? К тому же, иногда казалось, что траты душевных и физических сил несоизмеримы результату, на ум приходила пословица «один в поле не воин».

И вот неожиданное предложение! Может быть, действительно удастся собрать крепкую команду и повернуть ход событий?! Или хоть в чем-то облегчить жизнь тех, кому придется жить в авторитарной стране? Я посоветовался с женой и получил не радостное, но согласие. Дальше была избирательная кампания и соперничество с 15 кандидатами. Фамилии 9 из них не говорили мне ничего, но серьезными конкурентами могли стать уже побывавший в депутатах строитель Асуанской плотины, Нурекской ГЭС и питерской дамбы Юрий Севенард, от блока «Родина» ректор Военно-механического университета Юрий Савельев, предприниматель Алексей Титов, которого в пику мне выдвинул Союз правых сил, а от «Единой России» – генеральный директор российско-шведского лесопромышленного концерна А. Бенин. Борьба началась с попытки снять меня с пробега. Этим занялся сын известного «куратора» «Клуба 81» Андреева. Поводом стал мой традиционный отчет перед избирателями, который я напечатал и роздал еще до начала избирательной кампании. Председатель избирательной Комиссии, директор какого-то ПТУ и замшелый коммунист, его заместители, члены «Единой России», члены Комиссии, которые представляли в ней свои по-

литические партии— все они были заинтересованы в своих кандидатах и дружно проголосовали за то, чтобы отказать мне в регистрации. Единственный голос за меня подал представитель «ЯБЛока». Удар был неожиданным, когда я заканчивал свою работу в предыдущих созывах, такие отчеты я делал и раньше, но претензий это не вызывало. Сдаваться я не стал, а обжаловал отказ в Центральной избирательной Комиссии. Пока ждал туда вызова, неожиданно получил телефонный звонок от Бориса Березовского, тот выражал сочувствие и спрашивал, чем может помочь? Я поблагодарил и хоть и не был до конца уверен, заверил его в том, что справлюсь сам... В то время Центризбирком еще не был послушен и встал на сторону закона, он отменил окружное решение и зарегистрировал мою кандидатуру. Теперь нужно было получить удостоверение в окружной Комиссии и открыть уже полноценный счет для сбора пожертвований на ведение кампании. Не тут-то было: кандидат Андреев не унимался и попытался обжаловать решение Центризбиркома в Верховном суде. Но как ни удивительно вспоминать это сегодня, и там нарушений закона с моей стороны не нашли.

Право на участие в избирательной кампании я, в отличие от других, получил лишь через пару недель. А дальше началась катавасия, которой я еще не видел. Конкуренты обрушили на меня поток грязи и лжи. Я снова оказался уголовником, но еще и «кипучим бездельником» и даже миллионером. Всякий раз, когда мне приносили очередные подобные вести, я возмущался и думал об ответных шагах, но быстро остывал. В соревновании, которое оказалось «борьбой без правил», у меня не было того азарта, который позволил бы опускаться в такую же грязь. Моих соперников она не смущала. Основным конкурентом оказался директор лесопромышленного холдинга А. Бенин. Этот «единоросс» хвастал якобы подаренными ему В. Путиным именными часами и, судя по размаху его агитационной кампании, средств на нее он потратил раза в три больше, чем это позволял закон. Наша команда раскладывала по почтовым ящикам и раздавала у станций метро мой отчет и газету «Северная столица». Там, наряду с вопросами истории, культуры и городскими проблемами, можно было прочесть слова в мою поддержку от Союза ветеранов Афганистана, профсоюза докеров, писателей Даниила Гранина, Андрея Битова, Владимира Войновича, Отто Лациса и Бориса Стругацкого, народных артистов Ирины Богачевой и Олега Басилашвили, членкора АН Александра Лаврова, режиссера Алексея Германа, музыкантов Андрея Петрова, Владислава Бутусова, Александра Дольского и Бориса Гребенщикова, академика Натальи Бехтеревой... А нанятые другими кандидатами люди шли следом и проволочными крючками выуживали и выбрасывали из почтовых ящиков все, что там было. Команда Бенина платила за гигантские билборды с его фамилией и обещаниями всех осчастливить. Тем не менее, по данным опросов, которые проводила социолог Т. Протасенко, я лидировал почти всю кампанию, но ближе к концу она предупредила, что Бенин начинает меня догонять. Как писали потом журналисты на сайте *zaks.ru*: «Незадолго до выборов на территории округа начал свою работу никому доселе

не известный социологический центр. Именно с его помощью Андрей Александрович решил приумножить свой электорат по сходной цене в 100 рублей за голос. Пришедшим по наводке местных советов ветеранов старушкам предлагали поучаствовать в своеобразном тренинге, в ходе которого избирателям “раскрывали глаза” на действующего депутата от округа Юлия Рыбакова и решившего состязаться с ним Бенина. Ну, а на выходе вручались искомые 100 рублей...»

За неделю до голосования активисты принесли в наш штаб свежееотпечатанную газетку без выходных данных, где красочно описывалась моя дружба с чеченскими террористами, а к статье прилагались фотографии, где я в лесу обнимаюсь с вооруженными бандитами. Халтурный фотомонтаж был очевиден, но среди тех, кому это предназначалось, доверчивых людей было немало. В день голосования мы сидели в моей приемной и ждали вестей от наших наблюдателей. За пару часов до окончания выборов они позвонили нам из избиркома Кировского района, там было какое-то нарушение, и я поехал туда. Ничего серьезного мы там не обнаружили, а когда возвращались, в центре города нас тормознул автоинспектор. А. Ярмола показал ему удостоверение моего помощника. Приглядевшись к нему, гаишник сказал: «Чей помощник, Рыбакова? Так он же проиграл». Подсчет голосов еще и не начинался, но результат был уже известен... К утру появились цифры, генеральный директор лесопромышленного концерна «Лемо» действительно обошел меня на 0,6 процента! От поражений, тем более таких обидных, я отвык и разозлился тогда на самого себя. «Что тебе стоило принять правила игры!» – с досадой говорил мне внутренний голос. Тебя били со всех сторон, а ты? Ведь было, чем отвечать! Тут в приемную зашел знакомый А. Ярмолы, офицер из военной части или училища, которая располагалась тогда в нашем округе. Он рассказал, что 600 солдат привели на избирательный участок, велел им голосовать за Бенина, а их старшины просматривали бюллетени, прежде чем опускать их в урну. На следующий день я почти успокоился, мое семейство облегченно вздохнуло, а чуть позже я узнал, что шансов не было не только у меня, но и у всех демократов. Команда о тотальной зачистке поступила из Кремля. Когда стали известны результаты выборов по всей стране, стало ясно, что с разделением властей покончено. Исполнительная и законодательная власти слились в одну властную вертикаль. Ни СПС, ни «ЯБЛОко» пятипроцентного барьера не преодолели, а из 200 демократов, которые шли по округам, удалось прорваться лишь трем. Пропрезидентская «Единая Россия» получила 304 мандата, их было достаточно, чтобы принимать и менять любые, в том числе и конституционные законы, не считаясь со мнением остальных депутатов. Избранный председателем новой Думы Б. Грызлов на первом же заседании сказал: *«Государственная Дума – это не та площадка, где надо проводить политические баталии, отстаивать какие-то политические лозунги и идеологии, это та площадка, где должны заниматься конструктивной, эффективной законодательной деятельностью»*. А спустя какое-то время, уже прямо, без экивоков: *«...еще раз говорю, парламент – не место для дискуссий»*.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ

Я освободил свой депутатский кабинет и гостиничный номер, поблагодарил своих помощников и отправился в Питер. А там вернулся «на круги своя» – в нашу коммуну на Пушкинской.

Дело в том, что параллельно с депутатскими делами и заботами, все эти годы я стоял на страже нашего детища, Санкт-Петербургского Арт-центра на Пушкинской улице. История Товарищества «Свободная Культура» началась еще летом 1988 года, когда мы – свободные художники и музыканты – захватили пустующий дом в центре города. Как гласит легенда, Сергей Ковальский, Евгений Орлов и я сидели на скамейке в сквере на Пушкинской улице. Рядом с нами на постаменте возвышался бронзовый поэт, появившийся в Петербурге еще в 1884 году. В отличие от Аникушина, чей романтический Пушкин изящно поднимает руку на Площади Искусств, опекушинский Александр Сергеевич стихов не декламирует, а руки сложил на груди. (У памятника непростая история: в двадцатые годы нашлись те, кто, памятуя давний призыв Маяковского, решили отправить поэта на металлолом. А спасли его дети из ближних домов. Узнав, что в сквере, где они играли, собираются сносить Пушкина, дети окружили его кольцом, потом подросли взрослые. В Смольном, узнав о скандале, оставили памятник в покое.)

У его подножия, спустя 60 лет, мы и пили вино (по другой версии, это был спирт «Роял»). А попутно сетовали друг другу на то, что нет у Товарищества крыши над головой. Как гласит легенда, Александру Сергеевичу надоело слушать наши вздохи, он повернулся на своем постаменте, обругал за уныние и, показав на соседний, расселенный для капитального ремонта дом, сказал: идите и берите! Что мы и сделали (позднее оказалось, что поначалу в нем располагалось художественное училище иконописи, потом редакция журнала «Сирин», где бывали А. Блок, В. Брюсов, З. Гиппиус и А. Ахматова, а сам дом построил мой прадед (!), архитектор Христиан Тацки). Обследовав пустующий дом и обнаружив там старых знакомых, художников Глеба Богомолова и Юрия Гурова, которых позвал туда художник Лев Зимин, мы бросили клич по городу. За неделю 16 тыс. кв. метров этого дома были заселены питерской богемой, в лихие девяностые он стал Ковчегом свободной культуры. Но сначала была война с городскими властями за то, чтобы сохранить автономную коммуну творческих людей. Она продолжалась с 1988 по 1995 годы. Это было семь лет осады, когда художники и музыканты, актеры и поэты строили баррикады, отбивались от ментов и бандитов, выживали там без света и тепла. Усилия Сергея Ковальского и Евгения Орлова,

наша солидарность и моя внешняя защита через Е. Гайдара, министров культуры Е. Сидорова и Ю. Соломина дали уникальный результат: Арт-центр «Товарищества Свободная культура» выжил и получил законный статус общественной некоммерческой организации. Сегодня в единственной на всю Россию самоуправляемой и самофинансирующейся коммуне есть Музей неконформистского искусства, Музей русского рока, Музей звука, Музей самиздата, театры «Ерундопель» и «Вампука», шесть галерей и, что отличает нас от других культурных центров, 43 творческие мастерские и шесть музыкальных студий, где работают художники и музыканты – гости и члены Товарищества.

Когда я вернулся туда, Центр готовился отметить очередной день рождения.

В последнюю субботу июня открылся первый этап фестиваля. Уже были расписаны стены на лестницах, а в 16 часов состоялся подъем знамени Арт-центра (автор Евгений Орлов) и открытие мемориальной доски Борису Понизовскому, художнику, режиссеру и педагогу, который до последних дней жизни руководил театром «ДаНет» на Пушкинской. В залах и галереях открылись выставки художников Петербурга, Москвы, Смоленска и Турку. Во дворе прошел перформанс художника из Финляндии Антти Лантэнэна, а музыкальная группа Роланда Шаламберидзе исполнила авангардную музыкальную композицию. Вечером состоялись концерты в «ГЭЗ-21» и «Fish Fabrique». Праздник закончился прогулкой гостей и членов Товарищества на теплоходе к верховьям Невы...

Но перед нами стояла тогда еще одна задача. День рождения был юбилейным – Артцентру исполнилось 15 лет. Заводилой и генератором идей был, как всегда, Сергей Ковальский, он нацелился на Центральный выставочный зал «Манеж», где мы однажды уже провели выставку совместно с Союзом художников. Теперь надо было показать себя в полном объеме и придумать, чем наш фестиваль будет круто отличаться от обычных выставок. Вместе с режиссером Николаем Беляком, художником Марком Борнштейном и директором Интерьерного театра Фуадом Самигулиным мы ломали головы, изобретая тот ключ, который высветит принципиально новую ситуацию в нашем искусстве. С. Ковальский вспоминал об этом так:

«...Весной, летом и осенью мы сидели долгими ночами и представляли, как это должно быть. Приходили и уходили с идеями и предложениями знакомые и незнакомые люди. Так как открытие намечалось в канун революционного праздника, постоянно надвигалась “Тень Броневика”. Художник Витя Иванов предлагал закатить настоящий броневик из кино в аванзал Манежа. Пытаясь восстановить связь времен, Николай Беляк, как на спиритическом сеансе, вызывал старика Державина, и тот громоздно читал оды. И Коля вторил ему: “Я – царь, я – раб, я – червь, я – Бог!” Затем звучали фанфары в исполнении Вячеслава Гайворонского. Андрей Чернов телеграфировал тексты Иосифа Бродского. Фуад грозился построить в Манеже модель Колизея в половину натуральной величины. Строем

проходили гладиаторы XX века, выбивая дробь на полковых барабанах. По кругу мчалась золотая колесница, которой управляла Меланья, глубоким контральто исполняя стихи Даниэля.

Появился Игорь Баскин и пообещал подогнать к Манежу колонну бульдозеров, которые будут реветь у входа голосом Никиты Хрущева, понося авангардное искусство. Коля Медведев требовал изобретения слогана. Рыбаков предлагал построить ледяную горку, по которой зрители скачивались бы от входа в гардероб к ногам милиционеров. Потом пришел поэт Аркадий Драгомощенко и небрежно кинул фразу: “Мы возвращаемся, из падения в полет!”

Слово было сказано! Фестиваль обретал свой девиз, но пока все было в масштабах нашего Ковчега. Окончательно все сложилось, когда в буфете Манежа, нас нашел Исаак Кушнир – инициатор издания знаменитой серии альбомов “Авангард на Неве”. Он сказал, что вместе с друзьями-предпринимателями он готов организовать и профинансировать приезд эмигрантов из числа участников выставки в ДК им. Газа. Причем наше открытие совпадало с 30-летием открытия той выставки. Вот теперь фестиваль становился знаковым событием – те, кто, задыхаясь в спертom воздухе совка, в 70-е годы были вынуждены покинуть страну, приезжали в новую, свободную атмосферу. А сам фестиваль становился символом перемен. Нам удалось найти, собрать и оформить визы для девятнадцати эмигрировавших российских художников из США, Германии, Франции, Финляндии, Израиля, Украины, Великобритании и Дании. Но среди них не было легендарного А. Арефьева. По свидетельству очевидцев, оказавшись за кордоном, он уже не взял в руки ни карандаша, ни кисти и сгорел от вина в Париже. Когда они уезжали, то теряли советское гражданство. Теперь многие хотели получить российское и при поддержке губернатора В. Матвиенко нам удалось вернуть его тем, кто этого хотел. Нижний этаж Центрального выставочного зала мы предоставили 117 художникам, членам нашего Товарищества, на верхнем этаже (спасибо коллекционерам) разместились работы 85 “стариков”, участников выставок 70-х годов в ДК им. Газа и “Невском”. Из работ шестидесяти художников была воссоздана атмосфера полулегальных “квартирных выставок” советских времен, с “ковровой” развеской в специально построенной в центре зала “квартире”. Среди выставленных работ были и мои: три давних на втором этаже и одна на первом. Там среди других работ разместился мой триптих «III Рим», где за распахнутым занавесом на имперском, двуглавом гербе был распят Христос...»

На открытие фестиваля пришло огромное число людей. При входе их встречал джаз в исполнении Nord-West Dixieland Band Олега Саморукова. Когда парадная часть Манежа наполнилась людьми, им на встречу выехал и замер

«Троянский конь» имени Петрова-Водкина. Над толпой зрителей медленно поднялся воздушный шар, представлявший круглое знамя «Пушкинской-10», зазвучал голос Александра Галича: «Когда я вернусь...» Из деревянного коня под попоной в крупный белый горох по красному полю навстречу гражданам Санкт-Петербурга начали появляться художники. Сначала эмигрировавшие из СССР четверть века назад, затем остальные участники Фестиваля. Мальчик на коне – живая цитата из наследия русского искусства XX века – «причастил» художников и зрителей вином. Николай Беляк, режиссер Интерьерного театра, торжественно провозгласил тост словами Осипа Мандельштама: «Я пью за военные астры». Воздушные девушки из театра «Игуан-dance» исполнили ритуальные танцы и последний раз провели коня вокруг собравшейся публики, зазывая ее на праздник XXI века.

Затем началась авангардная импровизация Сергея Курехина на тему «Дорогой длиною», а Сергей Ковальский произнес речь и поздравил собравшихся с открытием. В нижнем зале зазвучала музыка в исполнении Роланда Шаламберидзе. У столика, где Николай Медведев и Владимир Рекшан принимали присягу у тех, кто хотел получить паспорт гражданина Санкт-Петербурга, уже стояла очередь. Кто-то разглядывал огромную карту города, на которой мы указали все

квартирные выставки и мастерские неофициальных художников, все места встреч и неофициальные концерты, которые были сорваны по вине советских властей.

Журналисты, телевизионщики бегали по залам, охотились за приехавшими ветеранами нонконформизма, а те были в растерянности, а то и шоке.

Как писала журналистка У. Апатина: *«Седые люди обнимали и целовали друг друга с той проникновенной неистовой искренностью, которая свойственна лишь разгоряченной юности, и кричали взволнованно и напряженно, вбегая в зал или выбегая, как Анатолий Путилин: «Я как на Марсе. Я ничего не понимаю. Я двадцать шесть лет не был здесь!» На вопрос журналистки Н. Костицыной: «Простили ли вы страну, которая вас выслала и не осталось ли обиды?» Игорь Росс вспомнил стихи Ю. Кублановского: «Россия ты моя: и дождь сродни потопу, и ветер, в октябре сжигающий листья; в завишвлённый*

барак, в распутную Европу мы унесли мечту о том, какая ты...”

Е. Абезгауз: “Когда я уезжал, я так ее ненавидел. На самом деле – власть. А потом Россия исчезла из внимания западных людей, пока не пришел Горбачев. В 1992 году у меня была выставка в Манеже, и я ехал с ненавистью и желанием отомстить. А когда приехал, то увидел, что мстить некому: сукины дети, которые мешали нам, куда-то исчезли или попрятались. И появились люди, понимающие, кто мы, и с ними стало можно говорить”.

А. Окунь: “Когда я уезжал в 1979 году, естественно, отношения со страной были напряженными. Тогда отъезд был такой метафорой смерти: нас провожали, как на тот свет... Мне казалось, что мой родной город, подобно какой-нибудь индийской жене, должен после моей смерти взойти на костер или утопиться в наводнении, а он этого не сделал. Дурацкая обида. А когда я сюда приехал, то понял, что обиды нет по одной простой причине: мой Питер умер. Он покончил с собой вместе с моим отъездом. Это изумительный город, но совсем другой.”

Команда нашего Ковчега.

*Верхний ряд: Н. Сычев, Ю. Рыбаков, А. Пацей,
Д. Широков, Ф. Аветисов, М. Кокорин*

*Внизу: Е. Ординарцева, Н. Медведев, А. Большакова,
Е. Орлов, Н. Павлова, С. Ковальский,
И. Орлов, Ю. Рыбакова*

Наш фестиваль развернулся не только в Манеже. На Пушкинской, в Галерее Экспериментального звука прошел сольный концерт барда А. Дольского, в залах нашего музея шли выставки, во Дворце молодежи А. Баширов, А. Бурцев и М. Васильев открыли Фестиваль независимого, малоформатного, некоммерческого кино «ЧИСТЫЕ ГРЕЗЫ-УП». В питерском дворце спорта «Юбилейный», а затем в московских «Лужниках» прошли концерты групп «ДДТ» (Юрий Шевчук), «Аквариум» (Борис Гребенщиков***), «Юпитер» (Вячеслав Бутусов). Музыканты посвятили свои выступления коммуне на Пушкинской...

Праздник удался, на разных площадках он длился до конца года, и я ожил, я снова почувствовал себя в родной стихии. А дальше творческая работа художников и музыкантов в своих студиях, перформансы, лекции, концерты, фестива-

*** Российскими властями, за высказывания против войны с Украиной Б. Гребенщиков включен в списки «иностранных агентов».

ли и юбилеи. 25-летний мы отметили большой выставкой в Русском музее и конференцией в Эрмитаже, а число проведенных у нас выставок давно перевалило за пятизначную цифру. Мы собрали коллекцию из 3,5 тысяч работ художников-нонконформистов, работавших в Питере с 50-х годов ушедшего века, и теперь намерены показать и подарить эту коллекцию своему любимому городу. Ковчег на Пушкинской продолжает свою жизнь, предоставляя свои мастерские художникам нового поколения. Для меня он остается одним из главных дел моей жизни.

HE POST SCRIPTUM

С уходом из Государственной думы нашлось время для того, чтобы оглянуться назад. Что ж, радостей и горестей мне досталось сполна, ошибок, как и дел, за которые не стыдно, тоже. В далекие 70-е, незадолго до ареста, на вечеринке, я шутя заполнил психологический тест, где надо было ответить: что будешь делать оказавшись в лесу, потом у стены и затем на берегу реки. Тогда я сказал, что, пройдя через сосновый лес, заберусь на стену, по ее гребню дойду до реки, там сделаю плот и двинусь к морю... Теперь лес был пройден, стена не остановила, большие пороги вроде позади, можно спокойно опустить весла, и пока еще есть время, вспомнить о пройденном нами пути? Что я и сделал, однако семейная, правозащитная и творческая жизнь растянула мою работу на годы. За это время возникли новые обстоятельства – «лихие девяностые» заслонил ряд пугающих перемен.

Более половины средств федерального бюджета по-прежнему составляют доходы от продажи сырья, но при этом львиная доля средств идет не на улучшение качества жизни людей, а на вооружения. Нашу экономику разъела коррупция. Произвол силовиков покрывается подчиненной президенту судебной системой. Монополия на изменение законодательства в руках правящей партии, а попытки протеста при фальсификации выборов и урезании гражданских свобод объявлены частью международного заговора против России. Власть строит планы возвращения утраченных земель. Имперская Россия подобно терминатору из голливудского фильма восстанавливается из своих обломков и снова грозит миру бедами и войнами.

Так я хотел закончить свой затянувшийся рассказ. Но в начале 2022 года мои опасения подтвердились – наша страна стала заложником военной авантюры. Убедившись с пассивности общества, уверовав в свою силу и неспособность Запада к сопротивлению, корпорация ставших олигархами чекистов решила на противостояние со свободным миром. Кремль выдвинул заведомо невыполнимые, ультимативные требования о признании Евросоюзом и США вассальной зависимости ряда примыкающих к РФ народов. И получил ожидаемый отказ. Тогда на города и села Украины обрушились ракетно-бомбовые удары, а танковые колонны двинулись на столицу этой республики – Киев. Украинский народ встал на защиту своей независимости и «блицкриг» не удался. Но отступив, российские войска заняли часть восточных районов этой страны. Идет третий год военных действий. Человеческие потери составляют десятки тысяч загубленных жизней, среди них не только солдаты, но и попавшие под обстрелы и бомбежки

женщины, старики и дети с каждой из сторон. Агрессия вызвала осуждение ведущих стран мира, Украина получила их поддержку, а Россия стала изгоем. Но немалая часть живущих в РФ людей поддержала вторжение или не нашла в себе сил, чтобы его остановить... Деморализованное и запуганное общество покорно пасется на просторах Отечества, ожидая судьбы, которую определит властная вертикаль. То, как и почему наш народ, обрета свободу не смог ее сохранить, то, как за 20 лет нового века мы оказались в оковах «управляемой демократии» – тема для широкого обсуждения и, я надеюсь, еще одной моей работы.

БИБЛИОГРАФИЯ

Исследования и документы

Е.Т. Гайдар. «Государство и эволюция», М.: Евразия, 1995.

«Долгое время. Россия в мире: очерки экономической истории», М.: Дело, 2005.

«Гибель империи. Уроки для современной России», М.: «Российская политическая энциклопедия», 2006. «Власть и собственность: Смуты и институты. Государство и эволюция», СПб.: Норма, 2009.

Е.Т. Гайдар, А.Б. Чубайс. «Развилки новейшей истории России», СПб.: Норма, 2011.

Г.Х. Попов. «Реформы Бориса Ельцина» (создание российского номенклатурно-олигархического постиндустриализма). М.: ИД Международного университета в Москве, 2012.

В.Я. Гельман. «Трансформация в России: политический режим и демократическая оппозиция», М.: МОНФ, 1999. «Реформа местной власти в городах России», СПб.: Норма, 1991-2006.

П. Филиппов. «Девяностые. От первого лица», Президентский центр Б.Н. Ельцина, архивный шифр Ф. 30.

Пётр Авен, Альфред Кох. «Революция Гайдара: История реформ 1990-х из первых рук», М.: Альпина Паблишер, 2013.

Максим Бойко, Дмитрий Васильев, Аркадий Евстафьев, Александр Казаков, Альфред Кох, Пётр Мостовой, Анатолий Чубайс. «Приватизация по-российски», М.: Вагриус, 1999.

В.Л. Шейнис. «Взлет и падение парламента: переломные годы в российской политике (1985-1993)», М.: Изд-во Р. Элинина, 2005.

«Власть и закон: Политика и конституции в России в XX-XXI веках», М.: Мысль, 2014.

О.П. Мороз. «Красные больше не вернутся», М.: Олимп, 2007.

Мемуары

А.И. Лебедь. «За державу обидно», «Честь и Родина», Красноярск, 2004.

А.В. Козлов, В.Н. Чернобровый. «Непокоренное Приднестровье. Уроки военного конфликта», М.: Вече, 2015.

М.Н. Полторанин. «Власть в тротиловом эквиваленте: Из тайников игорного Кремля», М.: Алгоритм, 2010.

Г. Старовойтова. «Десять лет без права передышки: статьи», СПб., 1999.

М.М. Молоствов. «Прямые, которые не пересекаются», редакция газеты «Демократический выбор», 2000.

А.С. Куликов, В.А. Рунов. «Кавказский лабиринт», М.: ОАО ГАЗ.

А.С. Куликов, С.А. Лембик. «Чеченский узел. Хроника вооруженного конфликта 1994-1996 гг.», М.: Дом педагогики, 2000.

- Б.Н. Ельцин.* «Исповедь на заданную тему», М.: ПИК, 1990.
Б.Н. Ельцин. «Записки президента» (1994), «Президентский марафон» (2000).
Т. Гайдар. «Дни поражений и побед», М.: Альпина Паблишер, 2014.
А.Ф. Дудаева. «Миллион первый», У-Фактория, 2003.
П. Авен. «Время Березовского», Corpus, 2017.

Периодические издания

- Газета «День», 01.10.1992.
Газета «Московский комсомолец», статья «Русская рулетка – 96», 03.06.2001.
Газета «Известия», интервью Ю. Батурина, 25.09.1993.
Газета «Известия», интервью А.И. Вольского, 16.06. 2006.

Художественная литература

- А.С. Пушкин.* «Путешествие в Арзрум», 1829.
Л.Н. Толстой. «Хаджи Мурат», 1912.
С.И. Бирюкова. «Будденовский крест», <http://samlib.ru/> 2007.
Б. Акунин (Г.Ш. Чхартишвили). «Сказки для идиотов. Восток и Запад», ПИФ, 2000.
(За выступления против вторжения России в Украину автор включен властями РФ в перечень «экстремистов и террористов», в список «иностранных агентов» и объявлен в розыск).

Архивы и документы

- Стенографический отчет заседания Государственной Думы VI созыва, СПб.: Государственная типография, 1914.
Стенограммы заседаний Ленинградского (Санкт-Петербургского) Городского совета XXI созыва, Архивный шифр: ЦГА СПб ф.Р-7384.
Стенограммы заседаний Съезда народных депутатов СССР, Верховный совет СССР.
Стенограммы заседаний Съезда народных депутатов РСФСР, Президентский центр Б.Н. Ельцина.
Стенограммы заседаний Государственной Думы РФ 1, 2, 3 созывов, <http://duma.gov.ru/>
Архив *Егора Гайдара*, сайт gaidar-arc.ru.
Личный фонд *Ю.А. Рыбакова* (Центральный государственный архив историко-политических документов, СПб., фонд № Р-9398).
Материалы *Ю.А. Рыбакова* в фондах Санкт-Петербурга, Музея политической истории России, Москва, осень 1993 – «Хроника противостояния», М., 1994, «Политика на сломе эпох», сайт www.80-90.pf.

Содержание

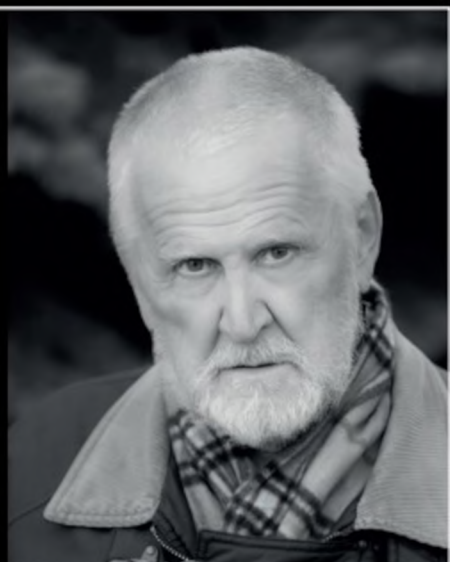
ПОРОГАМИ ВЕКА. Часть II

ПО КАНАТУ БЕЗ СТРАХОВКИ	7
Питер бока повытер.....	13
Была ли копеечка?.....	20
Остановить раздербан!.....	23
Удар под дых... ..	41
Зреющий бунт... ..	51
Кто главнее?.....	59
Рублики халявные... ..	70
Бесы и экзорцисты.....	76
Чем хуже, тем лучше?!.....	87
 И ГРЯНУЛ ГРОМ	91
Вне закона.....	93
Противостояние.....	104
Булыжник – оружие пролетариата.....	111
Даешь «Останкино»!.....	117
Застигнутые врасплох... ..	123
Они не пройдут!.....	125
И залпы танковых орудий... ..	129
Третья сила.....	135
 ПОТЕРПЕВШИЕ ПОБЕДУ	137
Новая страница.....	143
Отчуждение.....	148
Нет, не пятая – другая... ..	151
 КАВКАЗСКИЙ УЗЕЛ	
Марша вехийла!.....	167
Нулевая, гибридная.....	186
Остановить Голема.....	196
Между двух огней.....	212
Внутреннее кровотоечение.....	255
В огне брода нет.....	257

Переговоры, срывы, провокации...	270
Самашки	272
Буденновск	286
Первые итоги	343
ДУМА-95	349
Пленники, палачи, генералы	365
Большой куш	378
Не дай Бог!	384
Принуждение к миру!	412
Олигархи и дефолт	430
Правозащитниками не назначают!	442
ДЕНЬГИ, ПОЛИТИКА, КРОВЬ	449
За правду	451
Ничего личного	456
Судьба генерала	459
Свеча на ветру	469
ОПЕРАЦИЯ «ПРЕЕМНИК»	
Кто на новенького?	487
Фанатики и провокаторы...	513
Чеченцы и чекисты?	521
Третий лишний	530
Новогодний сюрприз	549
Кровь и рейтинг	562
ДУМА III	585
Либеральный проект	597
ВНИЗ ПО ВЕРТИКАЛИ	605
«НОРД-ОСТ»	610
С.Л.О.Н.	624
ДЕЛАЙ ЧТО ДОЛЖНО	638
ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ	647
НЕ POST SCRIPTUM	653
Библиография	655

Юлий Рыбаков
ПОРОГАМИ ВЕКА
том 2
Историко-биографические заметки

ISIA Media Verlag
Напечатано в Германии
2024

Автор книги — художник, общественный деятель, потомственный петербуржец. Родился в лагере для политзаключенных. За участие в подпольном демократическом движении провел шесть лет в заключении. Депутат Государственной думы РФ с 1993 по 2003 год. За правозащитную деятельность имеет ряд общественных наград. Его рассказ — яркое повествование о тяжелой судьбе нашей страны в XX веке.

На руинах изжившей себя советской империи, в «лихие» 90-е и первые годы нового века мне, моим друзьям и соратникам выпало быть очевидцами, иногда героями, жертвами, творцами или персонажами событий, круто менявших траекторию движения России. Мы стали частью движения своего народа к свободе. Тому, как реформаторы, преодолевая сопротивление, закладывали устои новой государственности, как шло отчуждение общества от новой власти, как, столкнувшись с рисками переходного периода, искалеченная многовековой неволей страна сделала шаг назад и вручила свою судьбу новой тоталитарно-корпоративной власти — обо всем этом повествуется во второй части моего рассказа.

Ю. А. Рыбаков

Юлий Порогами
Рыбаков Века